П.Я.ЧААДАЕВ

Полное собрание сочинений и избранные письма

Том 2

Издательство «Наука»

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Институт философии

Издательство «Наука»
Москва 1991

ПАМЯТНИКИ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Серия основана в 1978 г.

П. Я. ЧААДАЕВ

Полное собрание сочинений и избранные письма

Том 2

**Письма П. Я. Чаадаева
и комментарии к ним.
Письма разных лиц к П. Я. Чаадаеву.
Архивные документы.
Именной указатель к 1 и 2 томам.**

Издательство «Наука»
Москва 1991

Новые переводы с французского

Д. И. ШАХОВСКОГО, Л. З. КАМЕНСКОЙ, В. В. САПОВА

Составление и комментарии

С. Г. БЛИНОВА, Л. З. КАМЕНСКОЙ, З. А. КАМЕНСКОГО, М. П. ЛЕПЕХИНА, В. В. САПОВА, М. И. ЧЕМЕРИССКОЙ

Ответственный редактор
доктор философских наук
З. А. КАМЕНСКИЙ

Рецензенты:
доктора философских наук
П. П. ГАЙДЕНКО, З. В. СМИРНОВА, П. С. ШКУРИНОВ

Ч $\frac{0301030000\text{-}299}{042(02)\text{-}90}$ 787-90 1 полугодие

ISBN 5–02–008075–6

ISBN 5–02–008077–2

ПИСЬМА
И КОММЕНТАРИИ

ПИСЬМА

1807—1816

1. И. Д. Щербатову (лето 1807)

Любезный братец!

Не завидуйте нашим счастьем, я вам правду скажу, что я умираю здесь [1] от скуки и от нетерпения вас видеть, тем более, что говорят, что мы еще долго отсюда не уедем; слышно, что у нас будет спектакль: это будет довольно весело, я думаю; мы все продолжаем ездить купаться и с нами махинальный человек: [2] мы имели сражение с егорьевскими собаками и остались победителями — одна осталась на месте и одна ранена *. Впрочем, мы так же проводим время, как и сперва, с той разницей, что все послеобеда проходит в верчении на качелях. Пожалуйте, братец, побраните Федора Ивановича Чумакова ⟨1 сл. нрзб.⟩ и прч. и прч. и прч. за то, что все хочет к нам писать и за его немилосердный урок. Простите. Остаюсь ваш покорный слуга, друг и брат и т. д. Петр Чаадаев.

Уже коляска дядюшкина готова, он едет; итак, мне некогда к вам больше писать.

2. И. Д. Щербатову (1811)

Любезный братец, Иван Дмитриевич.

Я очень рад, что имею случай писать к вам письмо неравнодушное и, следовательно, которое не может вам наскучить, как такое письмо, которое писано с тем только, чтобы что-нибудь написать. Наконец, мы собрались в путь и кажется поедем недели через полторы. Я рад, наконец, получить основательное и определенное бытие после почти целого года, проведенного в неизвестности судьбы своей,— я вас уверяю, что это почти как будто бы я вижу конец весьма скучного путешествия. Но всего более в сем обстоятельстве мне приятно, что я вас в скором времени увижу,— впрочем, этого мне не нужно было

---

* В сем сражении показал махинальный человек чудеса храбрости (*примеч. П. Я. Чаадаева*).

сказывать, потому что я знаю, что вы уверены в моей дружбе так, как я уверен в вашей приязни, на которую полагаясь, мы теперь оба вас просим одолжить нас, наняв для нашего приезда покои — комнат в семь, побольше и почище,— и прошу вас, если можно, так чтобы нанять с дровами на два месяца,— в веселой части города. С следующей почтой вы получите деньги рублей 200. Таким образом, любезный братец, мы надеемся, что вы не откажете нам в нашей просьбе и что в скором времени получим благоприятный ответ, в котором мы вас просим означить адрес нашего будущего жилища — и все, что до сего обстоятельства касается. Впрочем, я прошу вас быть уверенным, что сей новый шаг вашей дружбы для меня всегда будет самым приятнейшим ее доказательством.

Вас искренно любящий друг и брат Петр Чаадаев.

P. S. Не забудьте, прошу вас, велеть истопить нанятые покои до нашего приезда — кстати, постарайтесь нанять, если можно, с мебелями — нам бы было сие весьма приятно.— Москва, 1811. Декабря 7.

3—8. Из писем Д. А. Облеухову (1812—1816)

Март 1812 г. [1]

...сколько мне было приятно получить от вас препоручение, столько же мне теперь прискорбно, что я не мог его исполнить. Удивительное дело! В Петербурге, где столько людей думают, что понимают Канта, не мог я найти его главнейших сочинений. Однако ж не отчаивайтесь, любезный друг, я препоручил его искать по моем отъезде и надеюсь, что в непродолжительном времени получите ваши книги. Для меня будет весьма приятно, что я к тому чем-нибудь способствовал... [2].

Альзас, 2 февраля 1814 г.

...Вам я не стану желать ничего, потому что, когда бы я не полагался на близость Провидения, все бы я не мог поверить, что с вашими совершенствами, любезный друг, можно быть неблагополучным.

С.-Петербург, 1 марта 1815 г.

...позабыл вам сказать о Тите Ливии, что у меня его нет, не знаю, куда девался — и что я в отчаянии от того, что я не мог вам им услужить. В последнем своем пись-

ме писал я к вам о своих книгах; как глупо позабыть, что вы погорелые люди; простите мне за это, любезный друг.

С.-Петербург, 31 марта 1815 г.

...Лаконически ‹...› * ваше меня огорчает и по дружбе моей к вам, потому что я желал бы вас видеть в славе, и по любви моей к отечеству, которого вы лишаете прекрасного слуги. Что же касается до судьбы вашей, которая, говорите вы, постоянно вам сопротивляется, то, по моему мнению, судьба наша в нас самих и неудачи наши от того, что мы не довольно хотим того, чего мы желаем... и с вашими ли способностями и познаниями не служить отечеству!.. Теперь мне лишь остается надеяться, что увижу вас когда-нибудь в Петербурге, то есть, когда вы преодолеете тот слабый ваш характер, которому я не очень верю и которого еще менее люблю.

(В 1815 г. Чаадаев зовет Дм. Ал. (Облеухова) путешествовать вместе по Европе, он надеется, что несмотря на «обыкновенные затруднения» поездка состоится.)

14 мая 1816 г.

...Признайтесь, что лень посещает иногда и вас, трудолюбивых. Не могу однако же не сказать вам, что скорее ее прощу себе, шатающемуся по белу свету, нежели как вам, мирному жителю Тверской.

1820

9. М. Я. Чаадаеву

С. Петербург. 14 Генваря 1820.

Благодарю тебя, мой друг, за твое писание; я совсем не ожидал от тебя письма и уверен был, что ты не будешь вовсе ко мне писать. Я страх как рад, что ты выходишь в отставку; Нейдхардт, с которым я пишу, позволит тебе дожидаться ее в Москве. Скажи мне ради Бога, чем ты болен? Я уверен, что ты это себе вообразил и принимаешь скуку за болезнь. Из твоего письма видно, что ты порядочного расположения духа, да и Щербатов

* Пропуск в рукописи Д. И. Шаховского.

мне сказал, что слышал от Облеухова, что ты весел [и, как тот некто], здоров, тучен и делами не замучен [1]. Коммерция Щербатова идет своим порядком и он располагает на будущее лето пустить корабль в море. Храповицкий сей час выйдет в отставку; хвала тебе, если твое красноречие его к тому побудило; это славнее ‹1 сл. нрзб.› он заставлял только *горы* прохаживаться, а глупый человек хуже всякой горы. Ты теперь в Москве, следовательно более не сидишь на карячках. Я не понимаю, чем ты будешь жить [в этой великой столице], хотя и не на карячках. Деньги я получил и всех удовольствовал.

10. М. Я. Чаадаеву

С. Петербург. 9 февраля 1820 г.

Правда ли, что ты совсем выздоровел? Стану дожидаться подтверждения от тетушки. Я полагаю, что ты уже в Москве; Нейтгарт обещал по приезде своем сейчас тебя отпустить. Я не знаю, какой ты просил отпуск, формальный ли? Тогда надобно дожидаться высочайшего приказа, это, конечно, дело продлит *; корпусной же командир может тебе приватно позволить жить в Москве, тем более что ты подал в отставку. Нынче едет граф Толстой, и я нынче же скажу К... **, чтобы он там понукал проворнее тебя отпустить.

Я очень рад, что ты хочешь заняться нашими делами [1], но не понимаю, зачем ты мне не пишешь, какими ты деньгами хочешь жить до трети [2].

Ты хочешь, чтобы я обстоятельно тебе сказал, зачем мне нужны деньги. Я слишком учтив, чтобы с тобой спорить, и потому соглашаюсь, что ты туп, но есть мера на все, и на тупость. Неужели ты не знал, что 15 000 мне мало? Неужели ты не видал, что я издерживал всегда более? Неужели ты не знал, что это происходит от того, что я живу в трактире? [3] Неужели ты не знал, что живу я в трактире для того, что не в состоянии нарядиться на квартире? Итак, вот для чего мне нужны деньги. Если меня сделают шутом [4], то мне нужно будет кроме тех 2000, которые я должен князю, по крайней мере 8, чтобы монтироваться и поставить себя в состояние жить на

---

* В оригинале «продлится» (*В. С.*).

** Фамилия написана неразборчиво (*В. С.*).

квартире и потому не издерживать более как свой доход, платить же я буду из шутовского жалованья. Если же меня не сделают, то деньги эти мне не нужны. Тогда я выйду в отставку и непременно уеду жить в Париж, сперва разделившись с тобою и все окончивши. Если бы меня выпустили в отставку теперь, то я бы сейчас это сделал; поехал бы к тебе, а на весну уехал бы морем. Разумеешь ли ты теперь, зачем мне нужны деньги? Прочти еще раз, может быть поймешь. Что же касается до тех, которые я тебя прошу теперь занять, то это сделает Степан [5], надеюсь, без тебя. Пойми одно это, что прежде нежели как я поселюсь совсем в Петербурге — и на квартире — мне доходов мало; это должно решить в продолжении двух третей. Эти 10 000 я не прошу тебя ко мне посылать, а только приготовить, и прислать мне их только тогда, когда меня сделают шутом, чтобы с того времени жить так, чтобы не проживать более доходов; а случиться это может и к пасхе.

Ты меня заставил столько вздору написать, что мне теперь нет ни места, ни времени написать что я тебе хотел; итак до другого времени. Между тем прошу тебя, мой друг, писать ко мне. Из Москвы пиши мне, как ты там будешь жить и что твое здоровье?

Расписки я велю отобрать ото всех и тебе пришлю. Что касается до моей ненависти к правде, это ложь; ругайся сколько хочешь и как хочешь.

Обнимаю тебя сто раз и уверяю тебя, что точно нет времени больше писать, потому что я пишу во вторник, день, в который отходит почта в 11 часов, а теперь 9.

Твой Петр Чаадаев.

11. М. Я. Чаадаеву

Петербург, 25 Марта 1820.

Спешу сообщить тебе, что ты уволен в отставку [1], может быть, ты это уже знаешь. Итак, ты свободен, весьма завидую твоей судьбе и воистину желаю только одного: возможно поскорее оказаться в том же положении. Если бы я подал прошение об увольнении в настоящую минуту, то это значило бы просить о милости; быть может, мне и оказали бы ее — но как решиться на просьбу, когда не имеешь на то права? Возможно, однако, что

я кончу этим. О моем деле решительно ничего не слыхать.

Рассказать тебе что-нибудь о здешних новостях? Знай, что здесь была дуэль, привлекшая всеобщее внимание; это было чем-то вроде судебного поединка, по крайней мере по отношению к числу присутствовавших зрителей; я был в публике. Один из бойцов погиб, это был родной брат моего товарища Лачинова, Ланской. Он был убит наповал [2]. Не нахожу слов передать то впечатление, которое на меня произвела эта смерть: это был молодой человек, красавец, единственный сын. Я не предполагал в себе такой чувствительности — но ты знаешь, что бывают смешные стороны даже во всем том, что случается наиболее печального на свете. Чтобы не отступить от этого правила, мой товарищ Лачинов, брат покойного, вздумал убить себя и излил свое отчаяние в красивом письме к Васильчикову, написанном отменно красивым почерком, где он толкует о своем желании покинуть эту долину слез, погрузиться в вечность, и т. д., и т. д. Вся эта невыносимая галиматья и весь этот пафос убедили-таки моего дурака, и он прибежал — вырвать роковой нож из его рук; в результате чего получилась весьма забавная сцена из мелодрамы. А на деле, этот повергнутый в отчаяние брат узнал о дуэли, когда все уже было кончено, что может тебе дать понятие о степени его нежности к несчастному брату.

Я замечаю, впрочем, что с этой болтовней я забываю поговорить с тобой о делах, потому обращусь теперь к другому несчастному, к твоему Ischavenss [3]. Ему причитается не десять тысяч рублей, а только 600, которые он и немедленно получит, как только он побеспокоится придти за ними или поручит кому-нибудь получить их за него, послав этому последнему на сей предмет доверенность. Время, когда эти деньги будут выдаваться, будет объявлено в газетах во всеобщее сведение; говорят, что это будет через месяц или два.

Еще большая новость — и эта последняя гремит по всему миру: революция в Испании закончилась, король принужден был подписать конституционный акт 1812 года. Целый народ восставший, революция, завершенная в 3 месяца, и при этом ни одной капли пролитой крови, никакого разрушения, полное отсутствие насилий, одним словом ничего, что могло бы запятнать столь

прекрасное дело, что ты об этом скажешь?[4] Происшедшее послужит отменным доводом в пользу революций. Но во всем этом есть нечто, ближе нас касающееся,— сказать ли? доверить ли сие этому нескромному листку? Нет, я предпочитаю промолчать; ведь уже теперь толкуют, что я демагог! дураки! они не знают, что тот, кто презирает мир, не думает о его исправлении.

Еще новость, на этот раз последняя. В одном из городских садов нашли рысь, погибшую от холода. Это по твоей специальности. Как это животное могло пробежать по улицам незамеченным? Как оно могло перелезть через стену? Как оно не напало ни на кого, прежде чем умереть с голоду? Вот тебе пища на три дня.

Прощай, мой добрый друг, мой милый, дорогой брат. Извиняюсь за свою болтливость, но не обещаю исправиться; я может быть и сейчас продолжал бы, если бы листок не отказывался принимать мою болтовню. Итак, прощай. Сообщи, мне, пожалуйста, то, что получится из твоих разговоров с нежеланным 〈?〉 другом. Тебе, может быть, было бы любопытно узнать, как себя чувствует Семеновский vas 〈?〉 после злой шутки, которую с ним сыграли (Шварц), но об этом другой раз[5].

12. М. Я. Чаадаеву

С. Петербург. 1820. 7 июня.

Что ты говоришь! Давно ли я к тебе писал! Сам-то ты когда ко мне писал? А когда и напишешь, все пустошь. Лучше бы ты мне сказал вместо своих вопросов, что ты сам поделываешь, какие такие у тебя дела? Я полагаю, что ты по нашему задолжал в трактире, и что дела твои состояли в том, что ты дожидался, по нашему же, денег, как мессии; мессия, вероятно, уже теперь пришел, и ты уже, конечно, в чистом поле. Что касается до зноя и до духоты, то они тебя всегда сопровождают и потому не могут быть тебе больно несносными. Ты все хлопочешь об моих деньгах; спасибо тебе, мой милый друг, но признаюсь тебе, что если бы ты был столько же рассудителен, сколько ты добр, то мне бы это было повыгоднее. Ты с своими счетами весьма походишь на одну персону, которой я не хочу назвать, и не хочешь рассудить, что когда человек не *снаряжен по своему месту*, сопряжен-

ному с разными обязанностями, а снаряжен по месту вольного казака или вояжера, то он этих обязанностей выполнять не может без чрезвычайных доходов, т. е. займов; что бюджетов с начала года я делать не могу, потому что я всякий год веду войну и притом без арсеналов и без всяких запасов; а войны, как известно, в бюджетах не полагаются; что следовательно остается мне одна кредитная система. Эта система, конечно, губительна и погубит меня, равно как и Англию, потому и должен я, равно как и Англия, выйти из того положения, которое эту систему делает необходимою. Я на этот подвиг давно решился, не худо бы и Англии последовать моему примеру.

Ты не поверишь, что в то время, когда я тебе пишу эти строки, мне доходит до зарезу. Оброки пришли месяцем позже обыкновенного, мне должно было купить дрожки, и теперь мне должно отправляться в Красное Село, а между тем непомерные скачки взад и вперед. Я уверен, что никто на моем месте не сохранил бы в этом случае своей бодрости и еще менее ту веселость, с которой я тебе это пишу. Твоя нежность и заботливость меня столько трогают, что я не имею духа тебе про это говорить; скажу тебе только, что твоя тупость и недостаток твой смысла соображений для меня непонятен! Впрочем я прошу тебя об этом не думать, разумеется, что я от всего от этого не погибну, а вероятно как-нибудь вывернусь. Веселись, мой милый, в деревне у тетушки; валяйся на мураве и приезжай ради бога сюда, в объятиях друг друга мы позабудем и мое горе и твою тупость.

13. А. И. Тургеневу

Мне случилось, почтеннейший Александр Иванович, просить Васильчикова об Глинке [1]. Он обещался мне писать князю Дмитрию Владимировичу Голицыну и кажется доволен этим предложением. Спросите, прошу Вас, Глинку, согласен ли он на это; если он согласен, то В. сей час отпишет. Между тем, должен я вам сказать, что видевши вчера Закревского, я ему про это говорил, и он думает, что Голицыну откажут; но сколько я знаю этого роду дела, он, кажется, ошибается. Не худо бы было, если бы вы мне могли дать какой-нибудь отзыв сюда в Красное Село.

Примите, почтеннейший Александр Иванович, уверение в моем сердечном почтении и поклонитесь братцу вашему. Много бы еще вестей всякого рода мог бы и вам и ему насказать, но бумага протекает, лучше оставить это до первого свидания. Между тем в нашей блистательной сфере пустомелей наберется еще кой-каких гадостей.

Ваш П. Чаадаев.

Увеселительный лагерь
в Красном Селе.
Четверг.

1821

14. А. М. Щербатовой

С.-Петербург, 2-го января 1821 года.

На этот раз, дорогая тетушка, пишу вам, чтобы сообщить положительным образом, что я подал в отставку. Рассчитываю через месяц иметь возможность написать вам, что получил ее. Моя просьба об отставке произвела сильное впечатление на некоторых лиц. Сначала не хотели верить, что я серьезно домогаюсь этого, затем пришлось поверить, но до сих пор не могут понять, как я мог решиться на это в тот момент, когда я должен был получить то, чего, казалось я желал, чего так желает весь свет, и что получить молодому человеку в моем чине считается в высшей степени лестным. И сейчас еще есть люди, которые думают, что во время моего путешествия в Троппау я обеспечил себе эту милость, и что я подал в отставку лишь для того, чтобы набить себе цену. Через несколько недель они убедятся в своем заблуждении. Дело в том, что я действительно должен был получить флигель-адъютанта по возвращении Императора, по крайней мере по словам Васильчикова. Я нашел более забавным презреть эту милость, чем получить ее. Меня забавляло выказывать мое презрение людям, которые всех презирают. Как видите, все это очень просто. В сущности я должен вам признаться, что я в восторге от того, что уклонился от их благодеяний, ибо надо вам сказать, что нет на свете ничего более глупо высокомерного, чем этот Васильчиков, и то, что я сделал, является настоящей шут-

кой, которую я с ним сыграл. Вы знаете, что во мне слишком много истинного честолюбия, чтобы тянуться за милостью и тем нелепым уважением, которое она доставляет. Если я и желал когда-либо чего-либо подобного, то лишь как желают красивой мебели или элегантного экипажа, одним словом игрушки; ну что ж, одна игрушка стоит другой. Я предпочитаю позабавиться лицезрением досады высокомерной глупости.

Самое большее через два месяца я увижусь с вами. Брат и я осиуемся на некоторое время в Москве, я до тех пор, пока не представится возможность удалиться в Швейцарию, где я думаю обосноваться навсегда, а брат до переезда на житье в свое имение. Вы вероятно последуете за ним туда? Чего вам лучше? Будете жить спокойно и в полной независимости. Я буду навещать вас каждые три года, каждые два года, может быть ежегодно, но моей страной будет Швейцария ‹...› Мне невозможно оставаться в России по многим основаниям ‹...›

15. М. Я. Чаадаеву

Алексеевское, 19 июня 1821

Как только нас отделяют друг от друга несколько верст, твоя чувствительность снова берет верх; должен тебе признаться, я бы предпочитал, чтобы она оставалась всегда неизменной, но, как бы то ни было, и это лучше, чем ничего, и я шлю тебе тысячу благодарностей за доходящую до мелочей заботливость о всем, что до меня касается. Я прибыл сюда в полном здравии и благополучии и чувствую себя отлично. Само собою разумеется, тетушка была очень рада меня видеть и еще более была удивлена, не увидев тебя; если приходится приводить доводы в твое оправдание, ее нежное чувство сделает это лучше всяких моих рассуждений. Впрочем, она не хуже меня знает твою лень, а если она еще не знает, что ты любишь объяснять свою неподвижность самыми философическими основаниями, то мне все равно не удастся втолковать ей это предпочтение. Если бы я сказал, что ты приписываешь это своей глупости, она приняла бы это за насмешку. Что касается твоего долга, тетушка переписала вексель, заплатив проценты (это составило

210* рублей), она тебе об этом сообщила, вероятно ты не распечатал ее письма, как и прочих, и потому об этом не знаешь.

Хотя на некотором расстоянии ты и очень нежен, тем не менее ты продолжаешь свои выпады:

1) Я не только не усмотрел, будто здесь не найдется места твоей мечтательной персоне, а напротив, нашел, что здесь можно бы поместить целый полк таких мечтателей, как ты. ведь весь дом переделан.

2) Никакого паспорта и ничего на него похожего я не увозил, его затерял мой камердинер, это, конечно, ухудшает положение, но вместе с тем снимает с меня обвинение в небрежности, которое ты так легкомысленно на меня возводишь.

3) И т. д., и т. д., и т. д.

С удовольствием извещаю тебя еще и о том, что ты ошибся и в большей части того, что ты мне в сердцах совал прямо в нос. Прежде всего тетушка как нельзя более охотно согласилась взимать с меня известное возмещение расходов, а именно по 3 рубля в день; камердинер мой на содержании у Максима; и она совсем легко согласилась взимать и с тебя ту же плату; ты видишь, все значит устраивается как нельзя лучше, и я предвижу одну только возможность затруднений: тебе не легко будет найти предлог для упражнения твоей желчи, впрочем отчаиваться не следует: при доброй воле можно всего добиться.

Итак, вот: я здесь обосновываюсь, не скажу, чтобы за мной здесь особенно ухаживали; но я чувствую себя хорошо, я езжу** от времени до времени в Москву, там я достаю необходимое для моего животного существования; через месяц или два приедешь ты и доставишь мне необходимое для моего существования нравственного, а именно, твои возражения заставляют меня размышлять, старания твои меня унизить возвышают меня и т. д., и т. д. Ты видишь, согласно этого распорядка вещей, ты уже больше не совсем бесполезное существо, и все, вплоть до извращения твоего рассудка, использовано.

---

* Написано неразборчиво, может быть: 810 (*примеч. переводчика*).

** Очевидно: буду ездить (*примеч. переводчика*).

Я забыл тебе сказать, мой друг, что я не смог снова зарядить пистолеты и по уважительной причине: не было пороха; но я все же воспользовался ими: ложась спать в Клину, я их расположил по обеим сторонам, но только никакой убийца не явился, а явился только дуралей из семьи Васильчиковых и всю ночь не давал мне уснуть.

Дела, задерживающие тебя в Петербурге, не таковские, чтобы с ними быстро справиться: было бы нелюбезно с твоей стороны оставить несчастный мир без системы, а еще нелюбезнее состряпать какую-нибудь на скорую руку; — я поэтому не надеюсь свидеться с тобой в скором времени. Более того: если ты упорствуешь в своем замысле создать новый мир, то я рискую никогда в жизни с тобой не увидеться; я знаю твою медлительность, и тебе потребуется на это не семь дней, а семь лет [1]. Поэтому приглашать тебя вернуться было бы бесполезно, если бы я упомянул о том удовольствии, которое ты бы нам этим доставил, ты бы назвал это эгоизмом, при всех этих обстоятельствах всего лучше оставить тебя в покое и терпеливо ждать твоего приезда, я так и решил поступить. Итак, прощай, друг мой, да хранит тебя бог. Да и кто больше тебя заслужил его защиты, раз ты берешь на себя его дело!

Кажется, я ответил на все твои вопросы. Как мне понравилось имение тетушки? Очень, и особенно по сравнению с тем, как мне его описали. Поеду ли я в Москву? Ничего пока не знаю, но очень возможно, что я отправлюсь туда немножко проветрить свою праздность, когда прибудут мои вещи. Что мы делаем? Тетушка тебе пишет ‹далее неск. слов нрзб.›, мой канцлер доскажет тебе остальное.

16. И. Д. Щербатову

Тётушка посылает к тебе за табаком, а я прошу тебя, если тебе дали какие для меня книги, ко мне их прислать. Да нет ли в твоем собрании немецких авторов Гётевых стихотворений и его же романов? [1]

Твой покорный П. Чаадаев.

В пятницу поутру.

17. И. Д. Щербатову (18—19 сентября 1821)

Не знаешь ли ты, где твоя сестра Наталья Дмитриевна?[1] Мне нужно ей послать денег: я получил от нее письмо от 16-го августа, в котором она пишет, что собирается в путь, а куда не знаю. Не знаешь ли, по крайней мере, где князь Федор?[2] Мне сказывала здесь Маша, что он будто выходит в отставку; в таком случае моим деньгам также негде его искать. Я и Петербургского их адреса хорошенько не знаю; его хоть пришли. Не думаешь ли их лучше послать в Витебск? не возьмешься ли ты их переслать? Если твой Игнатий[3] приехал, то он не на все сто будет в состоянии отвечать. Еще не знаешь ли, когда Князь Дмитрий Михайлович будет в Москве? За книги, за новости и т. д. крайне благодарен. Брат мой собирается к тебе, а когда поедет не знаю.— Жаль, что про Якушкина не узнали мы ранее, мы бы могли съездить в Москву с ним повидаться, а я бы мог ссудить его деньгами, месяца на два. Я очень хотел его видеть, несмотря на то, что он, по твоим словам, желал более видеть брата, нежели как меня.

Твой препокорный П. Чаадаев.

В понедельник.

Я писал к тебе об стихотворениях и романах немца Гёте; если есть у тебя, то потрудись прислать. О случившемся у тебя гибельном приключении[4] рассказывал что-то твой посланный, да разобрать хорошенько не могли.

1823

18. М. Я. Чаадаеву

2 июля 1823. С.-Петербург.

Друг прелюбезный, я не писал тебе, мне хотелось приехавши в Любек в одно время написать о отбытии моем и о счастливом прибытии в чужую — в обетованную землю; твое письмо напомнило мне мое обещание известить тебя об имени корабля и капитана; корабль зовут Hoffnung, а капитана Lunau — судно любекское. Еду я завтра в Кронштадт, на другой день вероятно пущусь в путь. На 20 000 взял я кредитив у Штиглица во все го-

рода света; прежде нежели увижу весь свет, проживу с полтора месяца в соседстве Гамбурга, в Куксгавене, где буду купаться в море: мне это настоятельно предписано здешним доктором Миллером — великий человек! — он мне объявил, что во мне все нервическое, и даже слабость желудочная.— Я посылаю тебе книгу о геморрое [1], не думаю чтобы ты ее уже получил; многому научишься, прочти ее со вниманием, увидишь, в чем состоит гемороидальной режим. Я воображаю себе, с каким восхищением ты увидишь, что непременно должно ходить на двор на горшок, это по немецки называется aus freyer Hand. Я не имею времени тебе дать заметить, что меня всего более в этой книге фраппировало * в отношении к твоему здоровью; одно только помню, водки отнюдь не пить и особенно Ерофеича, и никаких желудочных капель, все это связывает и насильственно крепит желудок. Кстати, нельзя мне не сказать тебе, любезный, что как ты ни хвастаешь своею прозорливостью насчет твоего здоровья, а я признаюсь, не встречал в тебе ни одной здравой мысли об этом предмете; прочти, сделай милость, со вниманием эту книгу — [обдумай и изучи это с большим прилежанием, чем старые газеты, если только можешь].

Прости мой друг; тороплюсь, собираюсь — угорелый. По приезде в Гамбург отпишу тебе сей час. Писать ко мне покамест и долго таким манером. В Гамбург Его В. П. Я. Чаад. вручить тамошнему банкиру Г. Силлем-Бенеке (Sillem-Benecke). Адрес можешь сделать по-русски, на границе переведут. Прости еще раз, мой друг; со мною едет в Кронштадт Матвей Муравьев [2], я страх как ему благодарен. При сем записка о тетушкином деле. Прости до Гамбурга. Если имеешь что написать, то отпиши не ожидая моего письма.

Иван едет со мною, он меня упросил [3].

19. М. Я. Чаадаеву

Кронштадт. 5 июля 1823.

Мой друг, я сижу у моря и жду погоды. Пишу к тебе для того, чтобы тебе сказать, что еду я не в Гамбург, а в Англию. Приехавши сюда, подрядил я было Любское

* От франц. frapper – поражать, удивлять.

судно; но увидавши славный английский корабль, который идет прямо в Лондон, не мог утерпеть и решил ехать на нем; благодаря моему кредитиву, ехать мне можно куда вздумается, деньги у меня есть везде. Корабль мой лихой ходок, трехмачтовый, имя его Kitty, а капитана — Call. На Любском судне мне бы было страх как дурно, тесно, нечисто и голодно, палуба вся загромождена бочками и всякой дрянью; а здесь, напротив того, все хорошо и удобно [1]. Третий день живем мы здесь с Матвеем Муравьевым и Раевским [2], которые приехали меня провожать, ждем ветра; завтра по признакам обещают нам моряки ветра. Прости, прелюбезный друг; Муравьев надеется тебя увидать зимою в Москве, он тебе расскажет мой отъезд и повеселит тебя разными разностями. В хлопотах не имею времени писать тетушке, напиши ей вместо меня, что я еду в Англию. Вот вам мой адрес — я сейчас спрашивал, как делать адресы в чужие края — a Monsieur, Monsieur Baring etc. a Londres, pour remettre a M. M. de Tchaadaief — по-французски, сообщи и тетушке порядочно, да не позабывайте: 1-ое, писать на тонкой бумажке, и не в двух пакетах, а в одном; 2-ое, отнюдь не делать русских пакетов, а печатать письма ваши так, как мое запечатано, или похоже на это. Осень, вероятно, всю пробуду в Англии, а на зиму буду в Париже. Я прошу тебя, мой милый, писать ко мне в Англию, не ожидая моего письма, и порассказать про твое существование в Нижнем. Если будешь писать к Якушкину или увидишь его, нежно поклонись ему от меня. Прости.

Позабыл было, ты, верно, спросишь, что же ванны морские? — да разве в Англии нет моря?

20. М. Я. Чаадаеву

19/31 июля. Корабль Китти,
в виду Копенгагена.

Капитан обещает выпустить нас на несколько часов на берег в Гельзингоре [1], пользуюсь этим случаем. Товарищ мой (за исключением трехсот бочек сала, нас только двое пассажиров), сидит со мною и также пишет в матушку Россию. Это тот самый англичанин, который жил против К. Д. М.[2] и известен под Девичьим под именем

пакостнаго. Он меня надоумил писать, без того бы не стал, да и что писать с корабля?

Плывем мы страх как плохо, попутного ветра было только два дня, на третий набежал на нас шквал и поломал мачты; мы принуждены были зайти в залив Монтвик верст за 70 от Ревеля, и там чиниться — до самаго Ревеля не могли добраться. Необыкновенный случай! Я стоял с пакостным на палубе, солнце сияло прекрасно, мы бежали по 6-ти узлов; вдруг на небе, не знаю откуда, взялась тучка; не успел он мне показать ее и промолвить: беда! как один борт уже был под водою, паруса разлетелись, а мачты с треском повалились в море. Нас било не более двух часов; после наступила опять ясная погода,— корабль как будто ударило плетью.

Вот тебе, мой милый, морской рассказ; не прогневайся, чем Бог послал!— Хочешь ли знать, что делаю на корабле? Во-первых, любуюсь на море, не налюбуюсь. Так велико, так великолепно, что нельзя выразить, что чувствуешь; особенно в бурную ночь не нарадуешься! Под тобою черная пучина шумит и плещет, а на тихом небе плывет луна и светит как будто над лугами и мирными долинами! Во-вторых, читаю. Мне попалась в Петербурге необыкновенная книга, роман *Anastaze*;[3] это записки грека, в конце прошлого столетия. Он шатается по всему Леванту; вообрази себе восточнаго Жильблаза; разумеется, что вместо ошибок — преступления, вместо шалостей — злодейства, вместо страстишек — страсти пламенные; но зато и вместо добродушия простого — доблести великие; вся эта картина освещена ярким восточным солнцем; верность в описаниях чрезвычайная, подробности любопытнейшия, одним словом — славнейшее произведение; книга в руках не держится. Постарайся себе достать ее; впрочем, товарищ мой, который через два месяца будет назад в Москву, может быть, ее привезет.

Я было позабыл спросить тебя, получил ли книгу о геморрое и письмо из Кронштадта? Так как письма мои имеют непохвальную привычку затериваться, то не худо, думаю, некоторые вещи повторить, а именно: корабль мой зовется Kitty (Китти), капитан Cole (Коль), он же — великая скотина: морит меня голодом; впрочем, диета, как ты сам ведаешь, не худое дело.

Меня провожал из Кронштадта Мат. Муравьев; он сошел с корабля почти у самой брандвахты, то есть на

самой границе; он мне говорил, что провожает меня за всех моих старых друзей. Спасибо ему милому за его дружбу, я ему крайне благодарен. Нельзя не сказать, всегда старый друг лучше новых двух; из моих петербургских приятелей никто не пришел со мною и проститься; они любят не меня, а иной любит мою голову, другой — мой вид, третий душу, меня же, беднаго, из них никто не любит.— Прости меня, мой друг, за всю болтовню; кажется, ты не жалуешь одного моего словестнаго болтанья, а письменное тебе, помнится, не противно.

Тетушке я из Кронштадта не писал, а просил тебя известить ее, что еду не в Любек, а прямо в Англию, и, вместе, послать ей мой адрес в Лондоне, Baring brothers.

Вот мои планы. В Лондоне пробуду сначала не более трех дней, чтобы успеть в Брайтоне покупаться в море с месяц; остальную часть осени стану ходить по Англии, а на зиму — в Париж. Как не пожалеть, мой милый, что мы только что умеем друг друга любить, а общих забав и утех иметь не можем!

Чтобы меня застать в Англии, тебе должно писать сей час по получении сего письма. Пиши, прошу тебя; не скупись временем и трудом; помни, что не более как раз в три месяца можем иметь друг об друге известия. В письмах своих подробностей о себе как можно больше: что за жизнь у тебя? что ешь, что пьешь, как гуляешь? Как ладишь с православными и с самим собою? Особенно же пиши об своем здоровьи. В книге, которую тебе послал, увидишь, что весь режим состоит в одном: ничего горячительнаго не употреблять и не делать, след, и сильного движения; водка же и aqua-tophana[4], при нашем сложении — совершенно все равно. Что ни говори, ты сложен лучше моего, с половиною моей умеренности был бы здоров как бык; у себя в деревне можешь делать что хочешь и жить как угодно, дай Бог, чтобы тебе хотелось дело и жилось бы порядочно! Хотелось бы мне, чтоб иногда ты вспоминал, что независимость не есть блаженство, а одно только средство к оному.

Прости, друг; кланяйся брату Якушкину, когда станешь писать к нему; жаль, что вы не вместе, письма мои могли бы вам быть обоим.

Поклон Ивану; моего Ивана рвет частенько.

Заключая письмо, вспомнил твое пифагорейское уважение к числам: из Кронштадта выехал 6 числа июля, стар. штиля, за проезд с человеком заплатил 775 рубл.; на корабле нас 20 человек; в Лондоне (можем положить) буду 1-го августа ст. шт.

Я несколько раз думал, почему ты никогда не говорил мне про морское свое путешествие[5], невозможно, чтобы великия впечатления от природы на море не поразили тебя, после догадался: ты плыл с полком, это был поход, вы везли с собою все рассеяние товарищества — бури же не было — вы больше проводили времени за стаканом или лучше сказать за бутылкой, нежели как в созерцаниях и размышлениях — а это другое дело.

[Еще раз прощай — vale et me ama *.

Я распечатал письмо, чтобы тебе сказать, что я запечатываю его в Эльзинере; я вышел на берег с моим товарищем в десять часов вечера; местность чудная, берега моря очаровательны, к несчастью слишком темно, чтобы гулять; надо вернуться на корабль завтра на рассвете — прощаюсь с тобой только потому, что надо идти спать].

21. М. Я. Чаадаеву

Сентября 12/1 1823. Сомтинг

Я перед тобою виноват, мой милый друг, премного: слишком три недели как я в Англии, а к тебе еще не писал. Может быть, ты прочел в газетах, какие бушевали бури в Балтике прошлого месяца и беспокоился о моей участи, тетушка — тоже; [признаюсь, что я недостоин смотреть на свет Божий, даже на туманный свет Англии]. Дай Бог, чтобы письмо мое дошло к вам прежде газетных известий! Поверишь ли, мой друг, в минуты бури самые ужасные, мысль о вашем горе, если погибну, всего более меня ужасала! — В извинение скажу тебе, что с тех пор как в Англии, я все во сне; нас занесло южными ветрами черт знает куда, и вместо Лондона я вышел на берег близ Ярмута[1], в графстве Норфолкском, миль за 150 от столицы. Мы носились по морю 17 дней, около норвежских и английских берегов; великое наше счастие, что ветры застали нас по выходе из Каттегата

---

* Будь здоров и люби меня (*лат.*).

и что мы, прежде того, потеряли наши toples * (как по-русски не знаю: верхушки мачт); со старыми, гнилыми мачтами мы бы наверно погибли. Впрочем, я почитаю великою милостию Бога, что он мне дал прожить слишком полмесяца с беспрестанною гибелью перед глазами! — [Ты позволишь мне не рассказывать тебе подробнее о нашем плавании; оставим это для домашнего очага]. Я пробыл в Лондоне четыре только дня; был в Вестминстере и влезал на Павловской собор, как водится. Самою разительною вещью в Лондоне мне показалась [его необъятность], а самою прекрасною — парки; надобно тебе знать, что все они рядом: St. James-Park, Green-Park, Hyde-Park и Kensington's-Gardens, что составляет несколько сот десятин зеленого пространства; это страх как хорошо. [Впрочем, Лондон, как мне кажется, представляет то, что есть наименее любопытного в Англии, это — столица, как и многие другие: грязь, лавки, несколько красивых улиц, вот и все. Что касается страны, то это дело другое; остроумный Симон далеко не исчерпал вопроса; и уверяю тебя, что здесь можно еще весьма многое сказать, чего не было сказано им. Что более всего поражает на первый взгляд — это, во-первых, что нет провинции, а исключительно только Лондон и его предместья; затем, что видишь такую массу народа, движущегося по стране, половина Англии в экипажах.

То обстоятельство, что я вышел на берег на значительном расстоянии от столицы, дало мне преимущество обозреть около двухсот миль английской земли. Я торопился в Брайтон; поэтому я пустился в путь тотчас, как только покончил дело с паспортом и взял немного денег. Приехав, я узнал, что морския купанья в самом разгаре. Пребывание в Брайтоне показалось мне прелестным в начале; мое очарование было таково, что, прогуливаясь вдоль моря на другой день после приезда, я не мог удержаться, чтобы не воскликнуть несколько раз, что же я сделал такого, чтоб заслужить столько наслаждения; а наслаждение было столь сильно, что я за него упрекал себя, когда вспоминал о тебе, о тетушке и о Лизе [2], о ваших горестях и заботах. Чтобы сделать тебе понятным это глупое восхищение, пришлось бы замучить тебя

---

* Об этой оказии, кажется, я тебе писал из Гельзингора (*примеч. П. Я. Чаадаева*).

описаньями и картинами, этому конца бы не было: пришлось бы сказать тебе, что это самый прелестный город на свете, место встречи светского общества, и т. д., и т. д.; вместо всего этого ты получишь эту маленькую гравюрку. В одном из этих домов я жил; нечто вроде подвижных будок, которые ты видишь на берегу моря, — в них едут к морю. Я купаюсь почти каждый день, и, между нами будь сказано, не замечаю от этого какой-либо особой пользы себе, но наслаждение это большое. Надо тебе знать, что среди впечатлений, ощущений и размышлений, теснящихся в моем уме и в моей душе, ничто не может отвлечь меня от моей любви к морю.

В ту минуту, когда я пишу тебе, я проживаю в деревенском доме, в коттедже, за несколько миль от Брайтона, на расстоянии двух ружейных выстрелов от морского берега. Я плачу три гинеи в неделю (что составляет на русские деньги 70 руб. серебром) за помещение и пансион для меня и моего лакея. Сознайся, что это немного, — в особенности, если принять в соображение, что мой дом весь обвит плющем и виноградной лозою, что он стоит среди гор, и что у меня в садике — кипарисы, лавры и розовый куст, поднимающийся до самой крыши, и цветы которого раскачиваются в моем окне].

Теперь ты спросишь доволен ли я? Божусь, не знаю, дай опомниться. Признаюсь тебе, впрочем, что завираться по-прежнему в письмах как-то боюсь; меня пугает твой грозный вид; на всякое слово от души мне слышится: [напыщенность, тщеславие, притворство, слабость!]. Прости меня, мой милый друг, за эту выходку, и ради Бога, не принимай за выговор. Покойнику Руссо говорили то же люди не хуже тебя; он в ответ озарял светом гения своего и их и весь род человеческий,— этого я делать, признаться, не умею,— а любить умею. Если, читая эту галиматью, мой друг, ты улыбнешься, то я виноват, если же наморщишься, то я прав.

Когда-то я от тебя получу письмо? Банкиру своему велел я посылать ко мне письма в Брайтон, но еще не получал. Не затрудняет ли тебя адрес? очень просто: à Monsieur Monsieur Baring a Londres, pour remettre a M. le capitaine Tschaadaieff.

Второе письмо напиши таким же манером в Париж,— Ротшильду (Rothschild), о третьем говорить еще нечего. Если почувствую от морского купанья помощь, то

пробуду здесь или в Брайтоне месяца полтора, а там поеду на зиму в Париж. Если же нет, то уеду прежде. Я живу здесь вблизи от острова *Вейт* *, известного по живописным своим видам; погода прелестная, но дни коротки, потому не знаю, решусь ли съездить туда погулять. Если тетушка будет спрашивать о моем адресе, то попроси ее доставлять к тебе свои письма для отсылки, неделя или две разницы ничего не значит, главное дело чтобы доходили,— Якушкину скажи или отпиши, чтобы он не сердился на меня за то, что не пишу,— не поверишь как скучно писать то же к двум или трем. Когда поселюсь на несколько времени в Париже, то отпишу ко всем.

Прости, мой милый друг. Про здоровье свое мне нечего тебе сказать; никакого изменения нет; иногда хорошо, иногда очень дурно; бурное наше плавание было истощило меня, но теперь я несколько поправился. Болезнь моя совершенно одна с твоею, только что нет таких сильных пальпитаций ** как у тебя, потому что я не отравливаю себя водкою, как ты. Когда будешь писать ко мне об своем здоровье, пиши пообстоятельнее моего, потому что пароксизмы твои тяжелее, оттого что ты отравливаешь себя водкою, и несравненно опаснее, оттого что ты себя отравливаешь водкою. Прости мой милый.

(Есть P. S.)

P. S. Не знаю, написал ли я тебе все, что желаешь знать про меня и про мое странствие? есть разные подробности, которые тебя очень занимают, а меня нет. Может быть, хочешь знать, не затрудняет ли меня слуга? не очень; по сих пор это не вводит меня в чрезвычайные издержки. Впрочем, есть тысячу средств прожить дешево в Англии, но надобно их узнать, а за науку заплатить. Тьма домов вроде нашей таверны, boarding-houses ***, в которых чрезвычайно дешево жить. Сверх того, газеты наполнены объявлениями о семействах, предлагающих взять к себе на содержание одного или двух господ, gentelmen. По деревням, в прекраснейших местоположениях, в самых красивых домиках, увидишь бумажки на окне с надписью Lodgings ****, также с содержанием. Та-

* Остров Уайт.
** От франц. palpitation – сердцебиение.
*** Меблированные комнаты со столом (*англ.*).
**** Сдается комната (*англ.*).

ким образом я нашел свою дачку. Приехал погулять в городок названием Ворзинг, спросил поездить по окрестностям; мальчик подвез мне таратайку, сошел и подал бич, я хлестнул по лошади и поехал в горы. В конце каштановой аллеи увидал этот домик,— и — взял его на неделю.— Одним словом, все, что я предвидел, справедливо.

Может быть, пожелаешь побольше описаний и рассказов,— этому не было бы конца, мой друг. Разумеется, всякая вещь замечательна, но всего не напишешь, это бы был [дневник путешествия]. К тому же, с тех пор как живу на даче, в уединении, первые впечатления поизгладились, а собирать их теперь не хочется. Разительная вещь — беспрестанное скаканье этого народа! В некоторых улицах Лондона не надивишься! Изо всякого трактира, ежечасно по нескольку десятков карет всех возможных видов отправляется во все части государства и в окрестности столицы — одна другой лучше и забавнее.— Еще раз, мой друг, прости — vale et me ama *.

Сделай дружбу, поклонись Наталье Дмитриевне [3],— да про себя постарайся мне изъяснить, [как ты представляешь себе свое существование] в Хрипунове, [и какого рода наслаждениями ты там пользуешься?] — Адрес лучше писать: a Londres, Messieurs Baring freres et C. это их коммерческая фирма,— а потом pour M. le capit. Tschaad.

22. М. Я. Чаадаеву

20 ноября. Лондон.

Две недели тому назад написал я тетушке, что еду в Париж и что к тебе, мой друг, писать более не буду из Англии, вместо того простудился и остался здесь; потом, когда выздоровел, еще остался на несколько дней, чтобы видеть празднество Лорда-Мэра, и теперь все еще здесь живу, сам не знаю зачем. Решительно еду через неделю. Я доволен, что видел Англию, хотя не могу сказать чтобы хорошо разглядел сквозь туман. Об этом тумане, кто не видал, понятия иметь не может; в Лондоне иногда

---

* Будь здоров и люби меня (*лат.*).

днем ездят с фонарями, а когда ночью случится, то народ бегает по улицам и аукается, как в лесу, едва виден свет огней, и много народа гибнет. Желал бы тебе рассказать много чего, но по разным причинам не могу, из коих первая,— что не умею; сколько ни брался за перо, ни строки не могу написать. Отгадай, кто этому виноват? ты, мой друг; ты сам бессловесное животное и меня сделал бессловесным. Странно и смешно! мараю и поправляю, как будто пишу к любовнице! боюсь написать вздор, а дела написать не умею. Не смешно ли, например, что пишу к тебе об тумане, как будто в Англии ничего нет любопытнее тумана! Чтобы не написать тебе письмо пустое и неудовлетворительное, чтоб не завраться, все нужное скажу разом.— Я вскоре после того, как написал первое к тебе письмо, бросил свою деревушку и горы и перешел в соседний город Ворзинг; в деревне против моего чаяния, здоровье мое порасстроилось; в городе нашел я доктора, который меня воскресил; рецепты его сохраняю, ими живу: полагаю, что и тебе пригодятся, болезнь наша совершенно одна. Из Ворзинга ездил я в Портсмут и на остров Вайт и по другим живописным местам. При всех этих прогулках, разумеется, тьма разных случаев и подробностей любопытных и забавных; рассказать тебе ничего не умею и лень; мое нервическое расположение, [я говорю это краснея], всякую мысль превращает в ощущение, [так что вместо выражения я всякий раз нахожу только смех, слезу или жесть]. Я по большей части разъезжал по Англии один, без Ивана, и уверился таким образом, что без труда мог бы без него обойтиться; он мне дорого стоит, делать нечего! — Я пробыл слишком месяц в Ворзинге и возвратился в Лондон почти здоровым. Полтора месяца как я в Лондоне; все видел, что мог, но не все, что желал. Отправляюсь в Париж и признаюсь, что не без сожаления оставляю Англию, [этот уголок земли пришелся мне по вкусу]; но остаться здесь невозможно, надобно поселиться, без того и дорого, и скучно.— В Лондоне получил я два твоих письма, престарые! В одном пишешь, что совершенно доволен своим житьем в Хрипунове и что здоров, как никогда не бывал; за эту милую новость тебе, мой друг, спасибо, сто раз спасибо. Тетушка думала, что тебя замучат дела крестьянские; а брат Якушкин полагал, что ты там с ума сойдешь от скуки, или женишься, или, по

крайней мере, повесишься; вместо того, ты живешь там, как в раю. Я этому ничуть не дивлюсь; крестьянские дела не служба, долгий ящик при тебе; [к тому же, разве эти добрые люди так уж торопятся насладиться тем счастьем, которое ты им приуготовляешь? не думаю, чтобы это было так]; но пуще всего беспредельная, золотая независимость! люди и связи людския не необходимы для тебя, игрушки! в твои же лета как не прожить без игрушек? я и сам живу без них давно.

В другом письме пишешь, что Лихачи[1] негодуют и предлагаешь свои услуги; с Богом, мой друг! Прими их под свое высокое покровительство; не понимаю, впрочем, почему они мне не жаловались, Степан[2] не мог им помешать, он знал, что ты будешь в Хрипунове. Я посылаю тебе официальное письмо; если же полагаешь, что нужен настоящий документ, то пришли.— Оброка они платят 10 728 рублей, кроме хлебных сборов. Что касается до леса, то 1) вырученные за него деньги определены на уплату занятых мною в нынешнем году 250 рублей из рекрутской суммы; за лес примерно положено было получить 1764 рубля, остальные же 736 рублей дополнить фурсовским билетом в сентябре месяце; 2) нуждающимся велено выдать потребный лес и впредь давать без затруднения, и так кому нужен, тот пусть требует, отказу быть не может. Впрочем, делай, мой друг, что тебе угодно, на все имеешь мое согласие; я даже прошу тебя во всем поступать по собственному своему рассмотрению; [эти подробности были необходимы, чтобы выяснить дело].

1824

23. М. Я. Чаадаеву

Париж. 1 Генваря 1824 года
(По-русски 22 декабря)

Мой друг, вот тебе письмо, написанное в Лондоне слишком месяц тому назад; не спрашивай, почему оно не было послано в свое время. Не знаю, а думаю, что от лени; никак не умел всего сказать, что хотел, все соби-

рался заключить и не умел. Но скажи, ты почему ко мне не пишешь? почему тетушка не пишет? неужто с августа месяца вы ко мне не писали? быть не может; но где же эти письма? Все русские получают здесь письма из дому в 17 и 20 дней. Адрес вам мой был известен: M. Rotschild; и то вам известно, что писать ко мне надобно в Париж; одним словом, не знаю, чему приписать ваше молчание; дивлюсь и пугаюсь. Ты, может статься, ленишься, это не чудо, но тетушка лени не знает; к тому же, я к ней писал два раза из Лондона, и послал к ней картинки (в которых есть пара для тебя), не может быть, чтобы она не отвечала! Пишите ко мне, мои милые, ради Христа Бога.

Я в Париже первые дни бегал по городу, искал по улицам воспоминаний, не могу сказать, чтобы много нашел; мне даже сначала показался Париж не так шумен, не так весел, как прежде, после я догадался, что не Париж, а я переменился. Я нашел здесь старого знакомца, Мейндорфа, с ним живу. Русских здесь множество, более ста, много знакомых, я никого из них не вижу, живу как будто на Кисловке[1]; по улицам шататься теперь не весело, грязь страшная; ожидаю весны с нетерпением. Я живу подле Тюльерийского сада и много обещаю себе радости от его зелени и тени. Весну всю проживу здесь, а в конце мая поплетусь в Швейцарию, там пробуду лето. Вот покамест мои планы. Я помню, мой друг, что отпуск мне дан только на год, но в год не успею всего сделать; пришлите мне отсрочку на шесть месяцев, более не требую; неужто мне не видать Италии! Здесь житье предешевое, я не проживаю тысячи франков в месяц, в Англии много лишнего издержал, здесь надеюсь поправить свои финансы. Самая дорогая часть моего странствия окончена, теперь остаются одни дешевые земли: Швейцария, Италия и Германия; сверх того приобрел я несколько опытности и не скажу, чтобы дорого за нее заплатил. Несмотря на то, первое мое распоряжение не годится, я признаюсь, что ошибся в своем расчете; я полагал, что проживу одним доходом, теперь вижу, что придется пожертвовать десятью тысячами на эту забаву. Вот, мой друг, новое мое распоряжение. Когда получишь это письмо, в приходе должно у тебя находиться моих денег до 10.000 рублей за генварскую уплату процентов в воспитательный дом. Эти деньги отошли чрез коммер-

ческий банк в Петербург к Штиглицу * и в то же время напиши к нему, что такие-то деньги, к нему посланные, просишь переслать к брату твоему в Париж. В мае месяце заплати долг Перьфильеву и проценты Кобылиной; в следующем же генваре выплати весь долг Кобылиной. Фонвизинский долг, которому срок в июне месяце, возьми, мой друг, на себя, этими деньгами я принужден пожертвовать на свое путешествие, как быть! Не дивись, мой друг, что издержал я более, нежели как располагал, и не осуждай меня; в расчете нашем мы не включили моего здоровья. Я полагаю, что ты теперь в Москве, следственно письмо мое получишь в половине генваря месяца; мой друг, если ты не писал ко мне прежде этого, то сделай милость, отвечай на это письмо не медля и не ожидая посылки денег, они мне не нужны прежде августа, время терпит, и торопиться тебе нечего. Не позабудь, что мне не об одном теле нужно знать: об тетушке, об К. Лизавете [2], об Шаховской, об К. Иване [3], о брате Якушкине и об Облеухове. Всем кого из них увидишь, поклонись, а в письме своем расскажи подробно все, что до них касается. Когда увидишь Якушк. попроси его напомнить обо мне Надежд. Ник.[4] и его жене. Тетушку поздравь с новым годом; писать ей буду я на будущей неделе. Прости, мой милый друг; не сердись на меня за то, что редко пишу к тебе и, может быть, не так, как бы тебе хотелось.

Твой брат Петр.

24. М. Я. Чаадаеву

15/3 февраля. Париж.

Скажи, мой милый, что с вами сделалось? никто ко мне не пишет. С тех пор, как я за границею, ни на одно письмо свое не получал ответа. Первое написал из Гельзингора в июле месяце; этому слишком пять месяцев. Из Англии написал я к вам четыре письма, два из деревни и два из Лондона; наконец, из Парижа — первого генваря н. шт.— два письма. Ни на одно нет ответа. Во все

* Штиглиц, на Английской набережной в собственном доме; написать можешь по-русски; – или можешь отослать деньги к Степану Иванову крестьян. К. Д. М., а он их отнесет к Штиглицу (*примеч. П. Я. Чаадаева*).

время получил я от вас три письма, два твоих и одно тетушкино, все три от августа месяца. Четыре месяца как я получил эти письма; с тех пор ни слова!

Пишу без всякой надежды. Все расчеты и все рассуждения истощил, ничего удовлетворительного выдумать не могу. Список моих банкиров у вас есть, сверх того во всяком своем письме писал я, куда и как ко мне писать. Предположить, что письма наши задерживают, невозможно: зачем? Чтобы вы ко мне не писали, также не могу предположить; что письма ваши ко мне еще не дошли,— быть не может: более месяца письма из России не бывают в пути. В доме, в котором я живу, трое русских все время получают письма.

Нечего говорить вам про мою печаль; разумеется, вы знаете, каково жить в чужой земле без всякого известия об своих родных. Может быть, вы также ко мне пишете — пишете, а ответа не получаете и также горюете как и я. [Что меня касается, то мое горе так велико, что я буквально не нахожу слов его выразить. Мысли самые черные приходят мне в голову. Если с вашей стороны была в данном случае только случайная нерадивость, то постарайтесь, мой друг, сделать усилие и напишите мне. Одна только мысль утешает меня: невозможно, чтобы с вами приключилось какое-либо серьезное несчастье — мне бы об этом сообщили!..]

Письма свои обыкновенно адресую в дом К. Д. М.[1] на Дмитриевке. Может статься, Аким не принимает их; плата за заграничные письма довольно значительна, а от вас, может быть, не имеет препоручения. Может быть также и то, что принимает одни письма на имя тетушкино. За это письмо заплачу вперед.

Прости, мой милый друг. Из Лондона послал я к тетушке большой пук картин; получили их? К тебе писал в одном письме об делах деревенских, в другом об деньгах, обстоятельно и с полным расчетом. Повторять все это не вижу нужды; да и признаться, не имею духа говорить об этих пустяках; одно скажу, с имением делай что хочешь; об моей пользе не думай, а об крестьянской. Если в марте не получу от вас писем, сяду на корабль в Гавре или Марселе и отправлюсь домой.

Когда станешь писать, скажи, сколько писем получил и сколько написал, и как к тебе писать? Ты велел письма мои адресовать в Хрипуново, это глупо, надобно в Мос-

кву. Всего лучше в дом К. Д. М. под Девичьем, а там препоручи получать письма и дай на это деньги. Твоему Марке [2] не годится; он может переменить квартиру, умереть.

Я, слава Богу, здоров; вы каковы, Бог знает!

Твой брат Петр.

Вот тебе другой адрес, попробуй, не будет ли лучше? Два пакета; на одном: Madame, Madame Raimond Rue du Dauphin N 6. Hotel de Sully.

На другом: Pour Monsieur le capitaine de Chadaieff.

Из почтамта можно вытребовать непринятые письма. Если вы писали в Англию, судно почтовое могло погибнуть; впрочем, помнится мне, что я в одном из своих писем не велел вам туда писать, а в Париж. Ответ на письмо мое из Парижа 1-го генваря написанное, ожидаю в первых числах марта н. шт. [самое позднее].

⟨На обороте⟩:

[Дорогая тетушка! Вот письмо для Михаила, которое прошу вас не отказать переслать ему. Мое здоровье не оставляет желать ничего лучшего, и я очень доволен своим пребыванием в Париже. Единственное, что меня огорчает, это то, что я уже более пяти месяцев не получаю вестей от вас. Напишу вам завтра].

25. М. Я. Чаадаеву

1 апреля, н. шт. Париж.

Наконец, мой милый друг, получил я от тебя письмо; несколько дней прежде получил от тетушки два рядом, потом еще одно от ее же и наконец от Княж. Лизаветы [1]. Вы все, слава Богу, живы и здоровы. Какова была моя радость, сказать тебе не умею.— Тетушка так расстрогалась моими жалобами, что я не рад и жизни, что жаловался; в последнем своем письме особенно пишет прежалобныя вещи и с обыкновенною своею добротою бранит себя и обвиняет непростительным образом. Но скажи, как мне было не жаловаться? — Целых пять месяцев не имел об вас никакого известия! — Она пишет, что собирается ехать с княжною в Витебск [2]; эта добрая тетушка всегда готова служить своим родным; шутка ли в ее

лета, с ее нездоровьем и в эту пору пуститься за пятьсот верст! Я с нетерпением стану ожидать дальнейшего известия об этой поездке.

На твое прелюбезное и преогромное письмо отвечать не безделица.— Во-первых, Шаликов тебя напугал напрасно; переезд мой из Дувра в Кале был самый благополучный и приятный, не более четырех часов в море и при прекраснейшей погоде. Во-вторых, здоровье мое несравненно лучше прежнего; лекарств более не принимаю; все дело теперь состоит в одной слабости желудка; против этого одно средство, диета и правильная жизнь; когда живешь на месте, это ничего не стоит, в дороге другое дело.— Ты, мой друг, про свое здоровье ничего не пишешь. Тетушке сказывала княгиня П. Д., что ты потолстел, правда ли? Я этим перерассказам не больно доверяю. Ты вообще ни слова не говоришь об себе, хорошее ли это дело! В прежних своих письмах писал, что совершенно доволен своим положением, теперь ничего более не говоришь; что это значит? То ли, что ты так же доволен, как и прежде, или то, что ты скучаешь, а мне этого сказать не хочешь? лето, полагаю, провел ты довольно весело, в полях и лесах, но как сладил ты с зимою? в твоем покое, чай, стужа страшная, ветер дует, и бегают тараканы.

Я тебе сказал, что писавши к тебе, мараю и поправляю, как-будто пишу к любовнице; ты над этим смеешься и приписываешь это тщеславию; теперь повторяю тебе еще раз то же самое и уверяю тебя, что это письмо начинал сто раз, то по-французски, то по-русски; не хочу тебе сказать ничего, кроме необходимых вещей и чувств самых простых дружбы и любви, но слов ни на что не нахожу и с досадою бросаю перо. Суди это как хочешь.

Например, мне бы хотелось сказать тебе, что обвиняешь меня в тщеславии напрасно, потому что без всякого тщеславия можно краснеть, когда чувствуешь, что мелешь вздор, и что если ты этого не разумеешь, то это потому, что тебя Бог обобрал стыдком. Еще, хотелось бы мне тебе сказать, что не надивлюсь, как ты [не] чувствуешь нужды мне сказать слова два про твое житье-бытье в деревне? Еще — что по пальцам знаю, что было в том письме, которое ты с почты воротил, а именно: «как де тебе не стыдно шататься по свету и оставлять крестьян своих без попечения, проживаться, а что всего

хуже — скучать даже путешествуя».— На все на это, разумеется, желал бы тебе представить некоторые возражения, тем более что и в том письме, которое получил, [вкратце], то же самое, только в других словах, но ничего дельного сказать не умею и потому прошу тебя только быть поснисходительнее; это нам будет обоим выгодно, [тебе потому, что терпимость есть добродетель, в которой весьма приятно упражняться, мне потому, что я нуждаюсь в оной. Скажу тебе еще лишь одно. Я сознаюсь, хотя и знаю, что ты не высоко ставишь подобные признания, что нервическое воображение часто обманывает меня в моих собственных чувствах, и я проникаюсь смешной жалостью к моему собственному состоянию; но скажи, какой вред я этим приношу ближнему?

Что же касается вашего запрещения мне ехать в Италию, то я уверен, что вы отмените его, если немного обдумаете это дело. Что тетушка советует мне вернуться и притом возможно скорее, это меня мало удивляет, я отлично знаю, насколько мое отсутствие огорчает ее, и мысль о ее печали несказанно терзает меня. Но ты, я думал, что ты достаточно благоразумен, чтобы не отклонять меня от этого путешествия. Если Италия не представляет ничего соблазнительного для твоего воображения, то это потому, что ты гурон, но меня-то, который в этом не повинен, за что ты меня хочешь лишить удовольствия ее видеть? А затем, неужели ты желаешь, чтобы, находясь в Швейцарии, у самых врат Италии, и видя с высоты Альп ее прекрасное небо, я удержался от того, чтоб спуститься в эту землю, которую мы с детства привыкли считать страной очарования? Подумай, ведь кроме немедленных наслаждений, которыя дает такое путешествие, это еще целый запас воспоминаний, которыя остаются на всю жизнь, и даже твоя желчная философия согласится, я думаю, что хорошо запасаться воспоминаньями, а в особенности тому, кто так редко доволен настоящим. Еще раз, я уверен, что, если ты обдумаешь это, ты согласишься со мною, но я заявляю тебе, мой друг, что я требую от вас согласия формального и полного, ибо я не желаю во время этого путешествия, о котором я мечтаю, как о празднике, носиться с тяжелой мыслью, что ты не от доброго сердца дал свое согласие. Я обещаю тебе, впрочем, что это в последний раз в моей жизни, что я насилую тебя. Что касается до време-

ни, то это будет только шесть лишних месяцев, а надо тебе знать, что у меня много времени впереди, ибо знаменитый Галль, краниолог [3], который меня лечил, объявил мне, что я проживу целую вечность; ты можешь усмотреть из этого, что у меня еще хватит времени до моей смерти привести свои дела в порядок и даже исправиться].

Изо всех твоих рассуждений одно похоже на дело, а именно: об деньгах. На этот счет имею я тебе доложить следующее. Я уже тебе признался, что в расчете своем ошибся, тебе этого мало, тебе желалось бы, чтоб я сверх того признался, что я бессчетная скотина,— с большим удовольствием. Верь или не верь, все произошло от слуги, которого я взял с собою из жалости; без того, уверяю тебя, что не истратил бы ни гроша сверх предположенного. Увидевши же, что мне с ним нельзя прожить чем рассчитывал, решился покупать разные вещи, книги, картинки, белье и проч. Одних книг купил на 1500 фр., картин на 1000. Что доходы мои поубавятся по возвращении моем, это сущая правда, но рассуди, что это путешествие — последняя моя *шалость*, что после этого мне нечего более будет делать, как быть умным как ты, и поселиться в деревне. Эту последнюю *шалость* позволь мне доделать как можно повеселее и поудобнее. Впрочем, где бы я возвратившись ни поселился, в Москве ли, в будущей подмосковной или в Лихачах,— с меня будет того, что останется. Этому не мудрено будет тебе поверить, если потрудишься вспомнить, как я прожил прошлые два года, и что хозяйства мне нового заводить не придется, потому что все мое добро цело.

Написав это, взглянул еще раз на твое письмо, и вижу, что вы с тетушкою не на шутку требуете, чтобы я *с получения сего нимало не медля имел к вам явиться.* Есть ли в вас Бог! хоть раз в жизни будьте рассудительны. [Послушать тебя, скажешь, что разумному человеку непозволительно ездить в Италию. Все, что ты говоришь об этом, если отделить ту часть, которая приходится на долю дружбы, можно было бы принять за глупые шутки. Ты все толкуешь об обещании, которое я дал: вернуться через год; что ж это по твоему — великодушно? Ты, который так любишь проповедовать против эгоизма, как ты назовешь то, что ты делаешь в данном случае? Ибо тебе не уверить меня, что ты серьезно опасаешься для меня

карбонариев и Везувия; я полагаю, что ты не думаешь, чтобы я бросился в кратер вулкана в момент извержения или похоронил себя под пеплом, как Плиний, чтобы получше наблюсти этот феномен. Что же касается карбонариев, то разве я представляю из себя некоторую силу? Я не хочу воевать с тобой, мой добрый друг, но согласись, что было бы из-за чего; впрочем, всякий любит людей на свой лад. Моя тетушка, например, любит их видеть, я ищу взаимной любви, а тебе они нужны, чтобы ворчать на них и — делиться с ними твоим достоянием; будем же делать каждый, что мы умеем делать, но постараемся тем не менее быть благоразумными.

Я знаю также, что, независимо от печали разлуки и от опасений, как бы моя неосторожность и мое легкомыслие не втянули меня в безумные траты, мое путешествие озабочивает тебя и с других сторон и обременяет тебя множеством разных хлопот; поверь поэтому, что не без внутренней боли я решаюсь причинять тебе все эти затруднения. Но ты сам хотел этого, и я рассчитываю на нашу дружбу].

Ты говоришь, что мне еще понадобятся другие 10 000; может быть; но об деньгах, сделай милость, не заботься и дай мне это путешествие докончить порядочно. Мне бы очень хотелось тебе изъяснить, что тут нет никакой беды и что если мне останется по возвращении моем 1200 доходу, то я буду страх как доволен.

О Париже я тебе ничего не говорю, ты сам не велел; скажу тебе только, что здесь есть два старых наших знакомца: Дюпор и Mad. Теодор; оба они на лучших здешних театрах и очень любимы публикою особенно М. Теодор.— Вчера видел я в первый раз человека также нам не незнакомаго, Максима Ивановича Дамаса, в виде министра, в палате депутатов; он влез на кафедру и страх как заврался; мне хотелось ему закричать, ужо тебя Криднер!

Прости, мой милый друг. Люби меня каким хочешь манером, бранись сколько тебе угодно, только не сердись, вовсе не за что.

8 апреля н. шт.

Твой брат Петр.

Тебя всякая вещь, мой милый, затрудняет; ты возишься с адресами, не разумея: 1-ое, что со всяким адре-

сом письмо дойдет; 2-ое, что Штиглиц первый банкир в Петерб., а Ротшильд — первый в свете, что полагаю сказывал тебе несколько раз К. Шаликов.— Мой адрес все тот же: Mad. Raimond, Rue du Dauphin № 6 pour remettre a M. Chadaieff. Когда отсюда поеду, пришлю другой; из Женевы же или из Лозанны не тронусь без вашего, мои милые, позволения. Если вы будете жестоки ко мне, то мне придется объехать Италию галопом, что конечно может разрушить мое здоровье.

За Лихачевскую просьбу премного благодарен[4]; из нее узнал, что крестьяне совершенно довольны; жалуются на одну только вещь, пустую, ни про что же другое ни слова не говорят. Напиши мне, мой друг, каково местоположение Лихачей?

Деньги еще не пришли. Не худо бы тебе занять на всякий случай 10 000 в восп. Доме и держать их у себя. Если же это невозможно по причине существующего запрещения на Хрипуново, то надобно будет в крайности попросить Лихаческих крестьян дать из рекрутской суммы. На заложение Лихачей мне нельзя прислать к тебе доверенности, потому что для этого нужно подробное описание имения.

Ради Бога, побольше пиши про себя; нельзя ли несколько слов об крестьянских делах? все ли идет по твоему желанию? не встречаешь ли каких-нибудь досадных помешательств? несколько подробностей про свое житье и здоровье? пьешь ли водку? Да сделай милость, постарайся меня уверить, что письмо мое в тебе никакого не произвело гневного чувства. [Я знаю, что нет ничего заслуживающего порицания в том, что я делаю, но мне важно убедиться, что я не отягчаю еще более печаль нашей разлуки]. А тетушку извести, что прошлые бури вовсе не опасны и что Везувий не всегда пышет огнем.— Что ни говори, ни на что не похоже, что вы меня не пускаете в Италию! Бог вам судья!

Княгине мой поклон; попроси ее написать мне сколько в ее ребенке росту[5]; мне это нужно, чтобы удобнее его воображать себе.

[Вот уже шестая страница, а я не сказал тебе еще и половины того, что имел сказать. Итак, до другого раза. Сообщал ли я тебе, что я делал в Париже?]

Это письмо посылаю к Марке[6]; заграничные письма стоят дорого; надобно ему дать денег, и велеть ему взять

нужные меры в случае болезни и перемены квартиры.

Якушкину поклон; а он чтобы Надежде Николаевне [7] и своей жене поклонился.

Я позабыл тебе сказать, что так как твое сложение одно с моим, след. ты проживешь столь же долго, как и я, с чем и имею честь поздравить.

26. М. Я. Чаадаеву

Париж. 12/1 апреля.

Дорогой друг, я писал тебе вчера, сегодня снова пишу. Мне надо сказать тебе кое-что по поводу денег, которые ты должен прислать мне. Мне нужно будет получить их здесь, а не в Швейцарии, как я решил сначала. Значит, необходимо, чтобы они пришли в Париж в последних числах будущего месяца. Я избегну этим путем многих затруднений и расходов. Не знаю, сказал ли я тебе, когда просил прислать их к Штиглицу, что надо доставить ему одновременно и документ Коммерческого Банка. Но тебе, конечно, известна эта необходимая формальность, и мне незачем было указывать тебе на нее. Если Штиглиц пришлет тебе вексель, перешли мне его немедленно по почте; если нет, то не беспокойся о нем.

Как ни просты все эти дела, они тем не менее, в этом я уверен, представляют немалую тягость для тебя. В сущности Степан [1] мог бы все это сделать не хуже тебя. Поэтому мне приходило в голову перед отъездом поручить все это ему, но ты не захотел. Скажи мне, мой друг, не раскаиваешься ли ты в этом? Было бы еще нетрудно избавить тебя от всех этих забот. Тебе достаточно было бы сообщить ему мои распоряжения и мой адрес. Необходимо было бы еще, чтоб он прислал мне подробную записку о моем имении, дабы я мог распорядиться о составлении доверенности ему на залог.

Я только что получил еще письмо от дорогой тетушки. Она сообщает мне, что поездка в Витебск отложена [2], я очень доволен этим. В это время года путешествие было бы ужасно, тогда как, если они поедут летом, это будет для них развлечение без труда и усталости.

Погода продолжает быть холодной и плохой; я еле могу выбрать в течение дня минуту для обязательной моей прогулки; чтобы утешиться, высказываю предполо-

жение, что лето будет тем прекраснее и длиннее. По счастью, дурная погода не мешает спектаклям идти своим чередом. Чаще всего я хожу в Téâtre Française *, не потому, чтоб он был наиболее занимательным, но в нем<...> **.

Покончив с обедом, я поддаюсь влечению туда отправиться, сажусь всегда на то же место в оркестре и заканчиваю свой день наиприятнейшим образом.

Когда ты будешь писать мне, мой друг, не забудь, пожалуйста, ответить на все вопросы, которые я тебе поставил, а главное — сообщи о своем здоровье. Вот уже скоро год, как ты в Хрипунове; чем ты был занят? Еще вопрос: думаешь ли ты, что нам можно будет когда-нибудь соединиться с тетушкой, и желаешь ли ты этого? Vale et me ama, что значит: всегда люби меня. Другой раз напишу обстоятельнее.

27. М. Я. Чаадаеву

Париж. 26/14 мая.

Любезный друг. Пришли мне поскорее денег. Со мною случился вовсе непредвиденный случай. Лошадь моя верховая подо мною спотыкнулась, я перелетел через голову, не ушибся, но лошадь испортила себе ногу; с меня требуют цену лошади. Эта шутка мне станет слишком тысячу франков. Я писал к тебе два раза; ты, мой друг, не отвечаешь. хорошее ли это дело! В этих письмах просил тебя поспешить посылкою денег, для того чтобы их получить здесь, а не в Швейцарии. Не знаю, получил ли ты эти письма; оба адресованы были к Марке; одно предлинное, другое — страничка. Сделай дружбу, пиши и обстоятельно отвечай на все мои запросы. Свое житье в деревне растолкуй мне хорошенько; я своим одним воображением ничего не могу себе представить.— Если крестьяне лихачевские не выплатили оброков и денег нет, то не бойся меня этим испугать; но вышли сколько есть, чтобы было мне с чем домой приехать.

Я страх как не доволен собою за то, что тебя безжалостно обременяю своими хлопотами и божусь, не про-

* Официальное название «Комеди Франсез», старейшего театра Франции.

** Дальше письмо прорезано (*ред.*).

стил бы себе этого, если бы не надеялся, возвратившись в Россию, повинным своим поведением загладить вину. Мысль, что я гажу твое житье и что без меня ничто не нарушало бы твоего спокойствия, скорее всего другого меня загонит назад в Россию. Желал бы я, чтобы ты мне откровенно сказал, до какой степени я тебе досаждаю? Я знаю, что вместо всего этого, ты бы лучше желал, чтоб я сказал тебе, что живу здесь в радости и весельи. Я-таки здесь очень приятно живу,— но нельзя же было не сказать тебе, что не рад жизни, что причиняю тебе своим путешествием столько забот. Моя радость, твоя тягость.

Прости, мой милый. Твой Петр.

В то время как писал к тебе, входит хозяин лошади и весьма учтиво говорит, что соглашается на мое предложение, помириться на 600 франков. Я этого вовсе не ожидал; вообрази мое восхищение! Я был у полицейского комиссара и у стряпчего: все присудили меня заплатить цену лошади, вместо того этот добрый человек мирится на половине. Может быть, по закону и того много,— но в чужой земле неужто велишь судиться?

Тетушка пишет ко мне часто не по-твоему. В последнем письме сказывает, что ты был в Нижнем, а теперь ожидает тебя к себе. Все эти разъезды по моим делам [1]; я уверен, что они тебе стоят страшного труда. [Постыдно с моей стороны смущать таким образом твой покой, тем более, что тебе только это и нужно; до остального тебе дела нет].

Если прошлые письма получил и по ним исполнил, то деньги должны уже быть в пути. Выехать мне отсюда без них нельзя будет, след., если скоро не придут, то пробуду здесь более, нежели как предполагал.

Сделай милость, расскажи подробно все, что касается до денежных распоряжений. Не встретил ли ты каких-нибудь затруднений, и не проклинаешь ли меня за все за это? — тетушке лучше про этот случай не сказывай; она примет это за бурю.

28. М. Я. Чаадаеву

22 июля: Париж.

Премилый друг. Письмо твое от 28 апреля и деньги 11 000 рублей получил. Не имею времени отвечать обстоятельно на твое письмо; пишу для того только, чтобы

тебя успокоить. Я жил долго без денег и перебивался не без труда, но до тюрьмы дело не доходило. Не имея здесь ни одной приятельской души, не мог занять, и прожил сам не знаю как; продавал старое платье, книги, и разную дрянь. По счастию погода стояла предурная все лето, следственно сидеть дома не тяжело было, а в Швейцарию ехать было незачем. Недели с две назад встретил я на улице некоторого К. Гагарина, он мне предложил тысячу рублей, я ожил,— и по старой примете, что одно добро никогда без другого не приходит, предвидел, что скоро получу твое письмо и деньги,— так и случилось. Погода с того времени стала прелестная, и я пустился по окрестностям Парижа.

Твое письмо меня не нарадует; ты страх как мил и снисходителен, а что всего лучше — здоров и весел; моими письмами доволен — стало быть, все ладно.

Тебе хочется нас с тетушкою перетащить к себе в Хрипуново; из этого заключаю, что тебе в Хрипунове хорошо, без того не стал бы нас туда манить.— Я от этого не прочь; по мне, главное дело жить нам вместе. Но признаюсь, за тетушку боюсь. Старость ее пустое, она здоровее нас с тобою, благодаря Бога; но вот в чем дело: каково ей будет разлучиться с домом К. Д. М.,[1] к которому, что ни говори, она очень привыкла; чем ты заменишь зимою Москву, а летом — занятия своего маленького хозяйства, утеху собственности и забаву всяких планов и проектов? Сверх того, жить ей у тебя в гостях не то что у К. Д. М., она привыкла видеть тебя у себя в гостях, а не себя у тебя. Все это, может быть, тебе покажется пустяками, но вспомни, что вся жизнь старого человека состоит из пустяков. Впрочем, испытай, пусть побывает в Хрипунове, увидим, что скажет. [Вот еще что. Не забудь, что в деревне необходимо на первых порах некоторое изобилие, ибо предполагается, что мы сами производим все, что нам необходимо, и производим в количестве несколько превышающем потребность. Затем, что недостаточно одних забав и развлечений, чтобы наполнить время, надо, чтобы и ум был занят; ну а чем, скажи на милость, может заняться моя тетушка в Хрипунове? Единственным средством было бы передать в ее руки полностью все хозяйство, что я бы и сделал без всякого сомнения, если бы мне удалось приобрести имение].

Дай Бог, чтоб нам удалось поселиться в Хрипунове.

Заготовляй материалу: тесу, кирпича на фундаменты, и прч., а осенью сажай везде деревца, березки, иву; делай простую мебель, рамы, двери. На эти все дела есть у тебя Степан. Вот тебе работа и доказательство, что я не противлюсь твоим планам. Про подмосковную говорить нечего — разумеется, что без меня не купится.

Ты об денежных обстоятельствах не пишешь ни слова,— чтобы не испортить моего веселого духа [да здравствует остроумие!]

Мне хотелось сказать тебе одно слово, вместо того заговорился и написал целое письмо. Прощай, мой милый.

Позабыл было сказать тебе, что письмо твое от 28 апреля получил в июле 16 н. шт. По штемпелю вижу, что границу оно перешло 4 июля н. шт., след., без малого два месяца таскалось по России! Спрашивается, зачем? Тетушкины письма приходят всегда в 25 дней, твоим надлежит приходить в 30. Или твои комиссионеры шалят, или господ читательщиков писем чужих затрудняют твои тарабарские письмена. Прежнее твое письмо, адресованное к Ротшильду, получил также очень поздно — по вине скотины Ротшильды.

Я полагаю, что ты в Алексеевском [2]. Тетушке скажи, что до Швейцарии писать ей не буду.— Письма ваши опять адресуйте к Ротшильду, а имя мое пишите попрежнему Tschaadayef, потому что первые письма к нему так были написаны.

Галль меня избавил от гипохондрии, но не вылечил, без Карлсбада дело не обойдется, след., прежде будущего лета к вам не буду. Когда заложишь имение, припаси мне 10 или 15 тысяч, которые пришлешь по первому слову, не так, как эти деньги. Дело прошлое, а оно много мне стоило дурной крови, благодаря твоему письму, ясному солнцу и нервической моей натуре, все забыто.— *Доходы все обращай в уплату долгов.*

В генваре будешь иметь 11 тысяч — след., все частные долги заплачены будут. Если в оброке есть значительные недоимки, отпиши, любезный, ко мне. Тетушке не сказывай, что старые штаны продавал, она примет это за бурю.

Пришли мне адрес Степана Иванова.

29. М. Я. Чаадаеву

Париж. 1 августа н. шт.

Я написал к тебе, мой друг, чтоб письма свои адресовал ты по-прежнему к Ротшильду; я воображал себе, что прислан ко мне кредитив; вместо того получил векселя на разные дома, след., через него писать нельзя; к тому же он свинья, связываться с ним не хочу. Если ты уж послал к нему письмо, то считай, что пропало, и напиши другое. Вот мой адрес в Швейцарии: a Berne en Suisse. A Monsieur M. le chevalier de Berg (Берх) * attaché a la mission de Russie, pour etre remis à M. le capitaine Chadayef. Тетушке это сообщи.

Ты радуешься, мой дорогой, что меня вылечили от гипохондрии; была ли у меня гипохондрия или нет, не знаю, спорить об этом с тобою не стану, потому что это дело по твоей части; но скажу тебе, что извлек из своего странствия другую еще пользу,— вот какую,— уверился, что сколько по белу свету ни шатайся, а домой надобно. Чувствую, что и двух лет не в силах буду прожить без вас. Но вот беда! Хочу домой, а дому нет. Дай-то Бог, чтобы вы без меня оба расположились в Хрипунове; тогда, как придет время ехать назад, скажу, не запнувшись: пошел в Хрипуново. Вот еще другая беда. Кроме вас двух есть еще добрые люди на свете, как, например, К. Лизавета [1], Якушкин, с которыми хотелось бы также видаться? на это ты скажешь, приезжать зимою в Москву,— дело; быть по сему.

Отпиши мне, мой милый, поскорее, не по-давешнему, можно ли или нельзя занять в воспитательном доме 15000, и если можно, к какому времени? Между тем пришли рекрутские деньги; их было до 9000. Не говори мне, что это пакость, грабительство! разумеется, пакость; но надеюсь вымолить у крестьян себе прощение, и настоящим загладить прошедшее. Бог прощает грешных, неужто ты меня с крестьянами не простишь? Я бы мог тебе в оправдание представить разные непредвиденные случаи, именно непредвиденные; но зачем? ты скажешь, не ходить было на галеру? Один случай с лошадью чего стоит! Сначала помирились было на 650 фр.; потом ввели меня в тяжбу и принудили заплатить до 800. Про

---

* Правильно: Берг.

другие случаи не стану тебе говорить, *чтоб не испортить твоего веселого духа* — [что, получил!]

Не худо тебе постараться разобрать, отчего письмо твое и деньги так долго ко мне не доходили; вперед взял бы лучшие меры. В Париже прожил без денег, хотя с трудом, но прожил, если же такая беда застанет где-нибудь в глуши, с ума сойдешь. Ты послал деньги почти вовремя, 1-го мая, след., себя винить тебе не в чем; из Петербурга же они посланы 8 июня; слишком пять недель таскались они по России; Штиглиц их не мог у себя задержать — след., который-нибудь из твоих комиссионеров шалит.

Вот тебе, мой милый, глупое-преглупое письмо; все деньги да деньги.— Снисходительность и любовь! Vale et me ama *.

[Когда приеду назад, отдамся в твое распоряжение со связанными руками и ногами, а до тех пор удержи твой неистовый нрав, если только это возможно].

Твой Петр.

Тетушка заехала в свое Алексеевское и умолкла — ты чай также в Алексеевском.— В Геневу еду через неделю.— Пишите ко мне, мои милые.

Деньги посылать по-прежнему к Штиглицу — *пошли к нему мой адрес* — чтоб послал *их в Швейцарию.*

30. М. Я. Чаадаеву

Отгадай, мой милый, зачем к тебе пишу?— чтоб сказать тебе, что наконец я здоров.— Я писал к вам несколько раз, что здоровье мое поправляется; я вас обманывал: насилу жил! Лекарства, которые мне давали, все более и более меня расслабляли; и сколько я ни старался сухоедением и самым строгим режимом себя поддерживать, запоры мои все усиливались, до того, что наконец без ежедневного слабительного не мог обойтиться. Несколько времени назад захворал мой Иван; для него послал я за доктором,— он нас обоих вылечил, его от грудной боли, а меня — от запора. Теперь могу пуститься в путь без страха; по сих пор сам не знал, как поеду. Еду завтра... Если ты еще иногда страждешь тем же, то

* Будь здоров и люби меня (*лат.*).

вот тебе мое лекарство. Натощак три стакана *сыворотки* с унциею *de sirope de violette** (на все три стакана); по часу расстояния один от другого. Главное дело, не принимать никакого слабительного кроме как в самой крайней нужде.

Итак, в Карлсбад мне незачем ехать; наверно могу быть у вас весною. Сделай милость, не задержи меня деньгами в Швейцарии; надобно мне объехать Италию осенью.

Доктор отпустил меня с тем одним условием, чтоб ехал я как можно прохладнее, т. е. ночевал бы каждую ночь; в противном случае принужден был бы прибегнуть опять к вредным убийственным слабительным. Поэтому должен был купить коляску.

Расплатившись здесь, выезжаю отсюда не с большими деньгами; но надеюсь, что пришлешь подмогу вовремя.

Не знаю, чисто ли написал тебе свой адрес, вот другое издание: A Monsieur Monsieur de Berg, attaché a l'ambassade de Russie à Berne en Suisse, pour remettre a M. Tschaadayef (мое имя большими буквами, чтоб ненарочно не распечатал). Прости, мой милый. Ожидаю от вас писем нынче, затем на один день отложил свой отъезд.

Твой Петр

7 августа, н. шт. Париж.

31. М. Я. Чаадаеву (8 ноября)

Ты мне написал жестокое письмо. Я на него не жалуюсь; я это заслужил, я тебя вывел из терпения. По обыкновению твоему, твое негодование не знает меры; письмо твое написано так, как будто со мною ничего более не остается тебе делать, кроме как исполнять мои требования; дружелюбного ни слова! — Я это заслужил. Я знаю свою вину; она состоит в том, что я непростительным, гнусным образом хотел воспользоваться твоею дружбою, чтобы возбудить в тебе деятельность,— пакостное дело! Но я должен тебе сказать не в оправдание свое, оправдаться мне ничем нельзя, а для того, чтоб тебе дать средство в душе меня простить,— виноват я одним легко-

* фиалкового сиропа.

мыслием, не намерением, то есть, что я не догадался, каково тебе, милому, будет знать, что я в нужде и не быть в состоянии мне помочь.

Уверяю тебя, впрочем, что неприсылкою денег *беды* никакой быть не может; я могу прожить в Берне без денег и без скуки сколько времени придется.

Постарайся меня простить; и когда простишь, отпиши, что простил.

Вот мой адрес, лучше прежнего — A Mon. Chadayef, aux soins obligeants de Monsieur de Berg, attaché a la légation Russe à Berne en Suisse.

32. М. Я. Чаадаеву

На твое письмо от 7 сентября я тебе отвечал [1]. Я не хотел было писать к тебе пока не получу ответа на мой ответ, в котором просил у тебя прощения. Но сейчас получил другое твое письмо, от 8 октября,— и разумеется, не до моего прощения.— Возможно ли такия вещи писать! Есть ли в тебе жалость! Разорен, замучен, болен, и более ни слова! Каково бы тебе было, если б я такие вещи тебе написал? Разорен! — но как ты замучен и болен? Если это старая твоя меланхолия, то сущая беда! В августе месяце прошлого года ты писал ко мне, что совершенно доволен своим положением, и здоров и весел; куда это все девалось? Я уверен был, что живучи на воле и в свою радость, ты никогда не соскучишься в Хрипунове; вместо того — что вышло? и может быть всему этому я причиною. Проклятое путешествие! Если б я был близко от моря, сей час бы сел на корабль; но в какую сторону ни ступай, везде полгода езды. Если ехать не останавливаясь, можно и сухим путем поспеть месяца в полтора, много — в два, но на это здоровья у меня не станет, хотя, впрочем, я, слава Богу, довольно здоров.

То собирался ехать к тетушке, теперь не едешь, и в то же время посылаешь ко мне 2000 руб. своих денег. Что из этого должен заключить? что и этому я виноват. Не знаю, куда деться с моею виновною головою. Я люблю тебя, разумеется, не за твою щедрость, а за любовь, которой знаки у меня так живы в памяти, что никогда без слезы про них вспомнить не могу; я геройства никогда за собою никакого не знал и много у тебя перебрал в свою жизнь денег, и в этом себе не пеняю, но теперь сов-

сем другое дело,— я тебя обобрал, обокрал, и что всего хуже — навел на тебя тоску.

Сто тысяч мои целы, каким же манером ты разорен? откуда взялась вся эта беда,— не понимаю. Если все вдруг так изгадилось, то как не написать; приезжай назад непременно, вот почему и вот почему.

Я знаю, что не стою твоего уважения, след., и дружбы,— я себя разглядел и вижу, что никуда не гожусь, но неужто и жалости я не стою? Я написал тебе пакостное письмо, исполненное гнусного эгоизма, но рассуди, что я никакого понятия не имел об твоем положении и воображал себе по первым твоим письмам, что ты живешь в Хрипунове хорошо и весело, и что можно тебя поторопить без беды. Сверх того, я не просил денег, а хотел только знать, когда именно могу их получить,— с этим уверением мог бы отправиться в Италию, и как говорил, объехать большую часть осенью. Я получил твое письмо (от 7-го сент.) в начале октября, а отсюда до Неаполя месяц езды.

Но что тебе до этого, и что мне до этого! до Италии ли теперь! — Не знаю, что делать? лететь не могу. Когда узнаю, что твоя болезнь! что твоя тоска! Если б эта тоска с тобою случилась весною, то я бы надеялся, что лето, зелень и солнце тебя развеселит, но теперь дело идет к зиме; какой тебя черт развеселит? Покой у тебя наверно скверный, темный, смрадный — пройтиться негде — жив ли Медорка, не знаю.

Выеду отсюда через неделю; прямым путем ехать нельзя, за дорогами; Рейн разлился; должен ехать через Милан. Не знаю, как здоровье дозволит ехать скоро. Прости. Адрес тот же. Когда именно буду дома, сказать не могу, потому что зависит от здоровья и от разных случаев. Полагая меня на пути в Россию, не вздумай поэтому мне написать.— Прости еще раз. Бог милостив! и позволит, может быть, нам увидаться в радости и пожить вместе — впрочем [блаженны плачущие, ибо они утешатся] [2] — сказал Христос.

30 ноября. Женева.

Неужто ты мне не напишешь, в чем именно дело состоит, и какия с тобою случились беды? Неужто пока не доеду до дому, ничего не узнаю ни об твоих делах, ни об твоем здоровьи?

33. *М. Я. Чаадаеву*

Милан. 30 декабря н. шт.

Я приехал сюда с намерением через Венецию пробраться в Вену и оттуда домой. Здесь вижу, что в два месяца могу объехать Италию, то есть отправившись через Геную и Ливурну в Рим, а оттуда в Неаполь, возвратиться через Флоренцию и быть в Венеции в начале марта. Я здесь на равном расстоянии от Вены и от Рима. Я еще ни на что не решился; собираю сведения; большой охоты пуститься по Италии не имею, но надобно отделаться, чтоб вперед не иметь более низкой похоти. Если поеду, то прежде сентября не буду в Москву.

Я здесь узнал про ужасное бедствие, постигшее Петербург [1]; волосы у меня стали дыбом.— Руссо писал к Вольтеру по случаю Лисбонского землетрясения: люди всему сами виноваты; зачем живут они и теснятся в городах и в высоких мазанках! Безумная философия! Конечно, не сам Бог, честолюбие и корыстолюбие людей воздвигали Петербург, но какое дело до этого! разве тот, кто сотворил мир, не может, когда захочет, и весь его превратить в прах! Конечно, мы не должны себя сами губить, но первое наше правило должно быть не беды избегать, а не заслуживать ее.— Я плакал как ребенок, читая газеты.

Может быть, кто-нибудь из моих знакомых погиб; до тебя никогда ничего не дойдет, но нельзя ли отписать к Якушкину и велеть ему мне написать, что узнает про общих наших приятелей; особенно об Пушкине, (который, говорят, в Петербурге) [2], об Тургеневе [3], Оленине [4] и Муравьеве [5].— Это горе так велико, что я было за ним позабыл свое собственное, то есть твое; но что наше горе пред этим! Страшно подумать,— из этих тысяч людей, которых более нет, сколько погибло в минуту преступных мыслей и дел! как явятся они пред Богом!

Прости. Ты мне еще не написал ни слова милостивого; может быть, полагаешь, что все вздор и что напрасно хлопочу,— пусть так, но твое разорение и нездоровье не вздор, и об этом обязан ты мне отписать, если имеешь в себе не жалости каплю, а смысла.

Адрес тот же.

1825

34. И. Д. Якушкину

Милан, 8 генваря

Я еще ни разу к тебе не писал, мой милый, во все время моего странствия, вероятно, по той же самой причине, по которой и ты ко мне не писал, а именно, что расставаясь, мы друг другу не дали слова писать, а почему, не знаю. Может статься, и воротился бы назад в Россию, не написав тебе ни строки, если б не пришлось писать по делу, вот по какому.— Кроме тетки и брата ко мне никто не пишет, а они ни об тебе, ни об ком никогда ни слова не говорят. Знаю об тебе одно, что ты жив и что ничего чрезвычайного ни с кем с вами не случилось, да еще, что у тебя родился сын [1], больше ничего; и никогда ничего больше не узнаю, если сам ко мне не напишешь. Итак вот в чем состоит моя нижайшая до тебя просьба.

Чтоб ты благоволил ко мне написать собственноручное письмо, в котором бы известил меня, что ты действительно жив и здоров; что жена твоя [2] равномерно жива и здорова, и каким именно манером, то есть потолстела ли или похудела, и также ли она сильфидообразна, как прежде. Что твой ребенок, и об нем разные подробности; что Надежда Николаевна [3], и об ней разные подробности. Сверх того прошу тебя покорнейше потрудиться рассказать мне, как вы живете, все ли вместе или порознь, в Покровском ли или где? Приходите ли по прежнему на лагерь в Москву и проч. Что Фонвизины [4]? Что Иван Александрович [5], все ли так же горит на добро? Об святом отце Дмитрии Тверском [6] прошу тебя также порассказать мне, что знаешь. Еще прошу тебя сказать мне, что ведаешь о брате. Он ко мне написал сначала несколько писем премилых, из которых заключил, что он живет в Хрипунове весело и довольно; вдруг пишет: я разорен, замучен, болен и готов себя обо <...> и ни слова более [7]. В октябре месяце буду и я в Москве, но до того времени никакого изъяснения от него наверное не получу; нельзя ли, мой милый, как-нибудь добиться от него толка и мне написать? Разоренье, может быть, пустое, по

нездоровье, если оно произошло от досады, беда, сущая беда!

Брат велел мне купить тебе дамские часы в Женеве в четыреста рублей[8]. Было бы тебе известно, что в Женеве в эту цену готовых часов нет; самые дорогие часы стоят двести рублей. Если хочешь истратить непременно четыреста рублей на часы, то надобно заказать, и тогда слишком двести рублей пойдет на корпус. Я себе купил там часы и велел этому часовщику заготовить дамские часы; напиши, хочешь ли, чтоб вышло на них четыреста рублей.

Вот еще про кого прошу тебя сказать, что можно, про К. Ивана[9], про Пушкина, про Грабе *.— Жива ли, мой милый, твоя матушка.— Из наших общих знакомых не погиб ли кто в Петербурге.

Теперь сказать тебе надобно слова два об себе. Я, слава богу, здоров; в продолжении своего путешествия был несколько раз плох, но, прожив в Швейцарии четыре месяца, совершенно поправился. С месяц назад получил от брата это горькое письмо, про которое говорил; на другой день пустился в путь в Россию. Намерение мое было через Милан и Венецию проехать в Вену и оттуда прямым путем домой; если б здоровье позволило, поехать бы в дилижансе, чтобы поскорее быть дома, но этого сделать не мог. Приехав сюда, увидел, что могу объехать всю Италию в два месяца, и решился на это — последнее дурное дело; точно дурное, непозволительное дело! Дома ни одной души нет веселой, а я разгуливаю и веселюсь; но скажи, как, бывши за две недели езды от Рима, не побывать в нем? На этот счет мог бы и желал сказать тебе разные вещи, но пишу к тебе об деле, безделья с делом мешать не хочу.

Прости, мой друг любезный. Ты писать, помнится, писем не охотник; хотя я и дорого дал бы за длинное и обстоятельное письмо, но этого от тебя требовать не имею духа; с меня довольно будет двух слов в ответ на мои пункты. Прости.

Вот мой адрес: [Господину Чаадаеву, к любезному попечению г. Сверчкова, поверенного в делах его величества императора России — во Флоренции].

А за длинное письмо дорого бы дал.— Надежде Ни-

---

* Правильно: Граббе.

колаевне низко поклонись. Если станешь писать к брату, сообщи ему мой адрес; я писал к нему несколько дней назад, а адрес позабыл написать [10].

35. Н. И. Тургеневу

Флоренция. 6 февраля.

Любезный Николай Иванович. Мне сейчас сказали, что вы были здесь тому месяца два назад, а отсюда поехали в Рим и Неаполь. Мне и в голову не приходило, что вы странствуете; с Петербургом я никакого сношения не имею, и писем ниоткуда не получаю кроме как из деревни от брата.— Скажите, где можно нам будет свидеться? Напишите ко мне, когда где вы будете; так как я шатаюсь по свету без всякой цели, то могу приехать куда прикажете. Если назад поедете чрез Флоренцию, то я пожалуй подожду вас здесь; на всякий случай, прежде шести недель отсюда не выеду,— если до того не получу от вас назначения.

На возвратном пути не заедете ли еще раз в Рим? всего бы лучше нам там свидеться.— Могли бы поболее побыть вместе. Впрочем, своего плана для меня, ради Бога, не нарушайте.— У меня никакого нет, след., мне должно сообразиться с вашим удобством, а не вам с моим.

〈Прощайте〉, друг любезный; надеюсь, что 〈скоро доведется〉* нам встретиться.

Ваш старый друг П. Чаадаев.

36. М. Я. Чаадаеву

Я в Риме. Слава Богу, здоров. Ты ко мне не пишешь напрасно; я думаю, что и для тебя и для меня не худо бы было нам писать друг к другу почаще. От тетушки получил здесь письмо; поэтому знаю, что ты жив, а здоров ли — не знаю. Она пишет, что ты продаешь Хрипуново. Я тебя прошу покорнейше поверить мне, хотя очень знаю, что этого недостоин, что возвратившись в Россию, мне очень можно будет жить без твоих процентов.

---

* Угол письма оторван; слова в скобках восстановлены по смыслу (*В. С.*).

Когда вздумаешь писать, то пиши сюда, таким образом: monsieur Tchadayef, aux soins obligeants de l'embassade de Russie à Rome. Когда какия будут деньги, присылай сюда, обыкновенным манером. Я дожидался твоего письма во Флоренции; отсюда не выеду, пока не получу. Прости; будь счастлив.

19/7 марта.

Последний раз писал к тебе из Милана.

37. М. Я. Чаадаеву

Флоренция, мая 25.

Я получил твое письмо от 14 генваря за несколько дней до своего отъезда из Рима; в то время собирался я в Неаполь, потому не отвечал тебе, хотел оттуда отвечать; вместо Неаполя очутился я во Флоренции, по какому именно случаю, [чтобы употребить твое любимое выражение], долго тебе сказывать, но главное ветер, называемый Широко*, про который ты, вероятно, слыхал, но того, конечно, об нем не знаешь, что для сложений, подобных моему, он убийственная вещь,— в Риме испытал я его действие, бегу от него на север.

Отсюда чрез два дня еду в Карлсбад на леченье, от которого ожидаю чудес по самым законным причинам. С восхищением воображаю себе, что нахожусь наконец на пути в Россию; возвращусь к вам здоровый, след., кроме забавы вам от меня ничего не будет, по крайней мере на несколько времени.

Твое письмо очень утешительно; я в нем разобрал две вещи, 1-ое, что ты точно здоров, 2-ое, что хоть дела твои и в плохом положении, но уныния в тебе более нет. Так как деньги мои целы, то разорение твое меня не очень тревожит, надеюсь, что их станет на поправление твоих дел. Я получил от Якушкина письмо[1], не твоему чета, всяких премилых подробностей куча,— жаль, что ты таких писем писать не умеешь! Он пишет, что ты к нему едешь, мне ты этого не пишешь, почему — не знаю?

Напрасно ты меня находишь правым; лучше бы было тебе сказать мне: Бог тебя простит, вперед дряни не де-

* Правильно: Сирокко.

лай; что ты точно вины моей не видал, этого быть не может, след., ты лжешь.

Прощай, мой друг. Твое письмо очень старо, неужто ты с генваря месяца ко мне не писал? — Надеюсь тебя скоро увидать (в октябре месяце), не хочется ничего тебе рассказывать, да и времени нет.

Рим чрезвычайная вещь — ни на что не похожая, превосходящая всякое ожидание и всякое воображение; я провел там два приятных месяца, отгадай с кем? с старым с добрым своим приятелем Ник. Тургеневым [2].

Пиши ко мне в Карлсбад,— Monsieur Tchadayef, a Carlsbad en Boheme, poste-restante. Если пошлешь деньги, то Штиглицу напиши, чтоб прислал в Карлсбад.

38. М. Я. Чаадаеву

Карлсбад. 28/16 августа.

Я здесь живу, мой милый, третий месяц, тебе не писал ни разу во все это время, все ожидал от тебя письма; ты не пишешь, надобно, наконец, тебе сказать, что я жив; итак,— я жив, а здоров, надеюсь, скоро буду. Тетушка опять пишет, что ты очень не доволен, а чем, по обыкновению не говорит; ты, конечно, обстоятельно ей об себе не пишешь или пересказать не умеешь. Здесь доктора запрещают думать об чем бы то ни было, всякая дума, говорят, беда, того и смотри желчь, а тогда все леченье хоть брось. Поэтому стараюсь и об тебе не думать, но как не думать! что с тобою делается? По словам тетушки, Хрипуново тебе постыло, а от Хрипунова ты всего на свете ожидал! где ты себя теперь приютишь? [1] ничего тебе не удалось, ничего не сбылось! Всего более, наверно, я причиняю тебе огорчения; может быть, оброков не получаешь, не знаешь, что со мною делать, бесишься,— я давно тебе не писал об деньгах, из этого тебе должно бы было заключить, что деньгами не нуждаюсь, и право, не нуждаюсь, когда могу — занимаю, когда же не могу — живу на месте, вот вся беда; а иногда не только что не беда, но и счастье, например, в Риме я прожил по этой причине лишний месяц, и это точно пресчастливый случай.

Чего, мой друг, ни хотелось бы мне тебе наговорить, рассказать, пересказать, обо всем на свете, и об себе,

и об тебе, и обо всех вас, моих милых, но есть ли возможность! по полгоду не пишешь! [Перестанешь другого понимать], язык не ворочается! Куда это несносно! и этому причиною деньги! Ты ищешь, вероятно, для меня занять, не находишь или в банке не выдают, а между тем, ко мне не пишешь; думаешь: что ему до моих писем! не письма, а деньги ему надобны — верь или не верь, право я не вовсе блудный сын, есть и во мне сколько-нибудь чувства,— я в сотый раз тебе это повторяю, знаю, что все напрасно.

Вот тебе журнал моего путешествия и разные разности. Из Рима, кажется, написал к тебе, что убежал оттуда от широко. В Флоренции пробыл две недели, оттуда отправился в Венецию; я был там в самое то время, в которое в старину бывал там карнавал, а выехал в самый день, в который Дож бывало пирует свою свадьбу с морем,— из Венеции поехал в Верону, а оттуда через Тироль в Мюнхен, оттуда в Карлсбад; все это путешествие совершил довольно хорошо и здорово. Здесь живу десятую неделю с добрым приятелем своим Тургеневым [2]. Лечусь изо всей мочи; страх как хочется приехать к вам здоровым. Об Карлсбаде имею тебе сказать множество чудесных вещей, главное то, что тебе непременно здесь должно побывать когда-нибудь; прочее до другого времени; не зная, что с тобою делается, право не знаю, как и что с тобою говорить, не понимаю сам, как пишу к тебе вторую страницу! Сделай милость, напиши что-нибудь об себе, что угодно, что ни напишешь — всему буду рад. Если б я получил здесь во время своего леченья одно такое письмо, какие ты ко мне писывал с начала моего путешествия, то уверен, что многие симптомы моей болезни сей час бы исчезли, об этом и думать не надобно!

Я здесь пробуду не более трех недель. Если вздумаешь писать, пиши в Дрезден, aux soins obligeants de l'embassade de Russie; тетушке потрудись сообщить этот адрес, а Штиглицу, когда будешь посылать деньги, скажи *только в Дрезден*. Не у тетушки ли ты теперь? пора, пора, давно она тебя, бедная, ожидает. В Дрездене должно мне пробыть недель шесть под смотрением доктора, так водится; он мне скажет, что от воды произошло со мною и что вперед мне делать. На родину поеду через Вену. Если же долго не пришлешь денег или пришлешь мало, так что

придется мне дожидаться других денег, то пробуду в Дрездене подолее, а домой поеду прямо через Варшаву.

Хотелось бы мне тебя спросить об разных вещах, но когда получу ответ? разве когда сам к тебе буду! — Бог милостив — свет хорош, есть на свете всякие люди, есть люди не люди, есть и божьи люди, есть люди бестолковые, сверх того есть ленивые люди,— ото всех беда. Прости, мой друг.

Тетушке не пишу; писать здесь не безделица, это письмо написал, так сказать, украдкою сам от себя, в легкую минуту. Вот в чем состоит леченье. Пьешь воду, до десяти и более кружек, по кружке всякие четверть часа, во все это время ходишь, и еще целый час ходишь после питья; то запор, то понос, то насилу таскаешь ноги, то бегаешь как бешеный с тоски; сверх того случаются разные пароксизмы, припадки, от которых приходишь в совершенное расслабление.— В голову ничего не лезет, и доктора не велят, чтоб лезло что-нибудь в тебя, а чтоб все вылезало. Воды, кажется, действуют на меня хорошо; теперь нахожусь в момент критический, то есть решительный; по всем вероятиям надеяться должен хороших последствий.

Я просил тетушку, чтоб она поискала занять пять тысяч рублей; если нашла (в чем разум., сомневаюсь), то пошли их в Петербург (не худо через *Дазера*, т. е. Нюремберца *) Его Высокобл. Василью Алексеевичу *Перовскому* адъютанту Никол. Павловича, в Михайловском замке,— срок прошел, а это святой долг [3]; Дазер может воротить расписку; если же нельзя через него, то послать можно крестьянину К. Д. М.[4], чтобы доставил Перовскому,— и это кажется лучше.

39. М. Я. Чаадаеву

Карлсбад. 6 сентября.

Я писал к тебе, мой милый, с неделю тому назад,— пишу в другой раз сказать тебе, что узнал я, что во Флоренции получено было письмо на мое имя,— по сие время его не получал; вероятно не зная, то есть не помня, где я нахожусь, воротили его назад в Россию. Итак, прошу тебя, когда станешь писать, скажи, писал ли ко

* Это слово написано неразборчиво.

мне в Рим или во Флоренцию после 14 генваря, число последнего твоего письма, единственного мною полученного во все время моего пребывания в Италии. Знаешь ли, мой друг, как ты мало ко мне пишешь? В продолжение десяти месяцев получил я от тебя два письма, из которых одно — записочка при деньгах (5580 р.) — в ноябре, а другое — в мае.

Более ничего не имею теперь тебе сказать; в прошлом письме, что умел, все сказал; одно могу прибавить, а именно, что лечением своим совершенно доволен, кажется очень удалось. Тетушке это скажи.

Всякий почтовый день провожу в ожидании,— если денег нет, а занять никак не можешь в скором времени, то сделай одолжение, плюнь на это. От занятых денег у приятелей у меня осталось столько, что как-нибудь в Дрездене пробьюсь пока пришлешь. Но ради всего на свете, напиши хоть строку. Адрес мой послан тебе — aux soins obligeants de la legation de Russie. В Дрездене буду в конце сентября[1]. Если денег пришлешь довольно, то пробыв там шесть недель, а много два месяца,— поеду к вам прямо.

40. М. Я. Чаадаеву

26 сентября.

Письмо твое с векселем получил 13 числа; вексель не только хорош, но при теперешнем курсе на Гамбург есть и значительный барыш. Ты велишь мне сей час отвечать, а я отвечаю через две недели; резон тот, что я болен,— в постели не лежу, но голова кружится день и ночь и желудок не варит,— следствие излишнего употребления вод, а после — дурного лечения.

Получив твое письмо, сей час хотел сесть в коляску и ехать, потом отложил на неделю, а теперь вижу, что прежде месяца не в силах буду выехать, и то как Богу будет угодно! — а вы меня ожидаете к новому году! — не умею тебе сказать, сколько меня это огорчает! Может быть, не выдержу, поеду больной,— если почувствую себя полегче несколько дней сряду, поеду, наверно, во что бы то ни стало. Поверишь ли, не могу вспомнить про вас без слез; когда хожу по городу в сумерках, то всякого человека в длиннополом сюртуке и в шапке прини-

маю за тебя,— а ты, как тебе не стыдно! говоришь, что стало быть вами не интересуюсь, если не еду,— не грешно ли тебе такие вещи говорить! Во-первых, разве ты не знаешь, что в целый год получил я всего из дому 7000 руб. Правда, я без денег не был, занимал, и занимал столько, что и не знаю как расплачусь,— но не зная когда получу свои деньги, как мне было путем распорядиться? я вперед никогда не мог никакого плана сделать, везде проживал лишнее время. Со всем тем, из Рима приехал бы домой наверно,— но не должно ли мне было испытать Карлсбада! Впрочем, суди меня как хочешь, пожалуй, принимай меня за блудного сына,— [вы заколете жирного тельца, когда я вернусь] [1].

Письмо это пролежало у меня на столе несколько дней; все собирался написать тебе, что еду, еду — вместо того должен написать, что прежде месяца никак не вижу возможности выехать, тем более что в голове у меня обнаружился рюматизм. Все таки, уверяю тебя, если минуту найду в себе здоровую, то поеду наверно. Прости, мой милый, мой жестокий, строгий, великий, бестолковый брат,— постарайся меня пролюбить до моего приезда, а там надеюсь докажу, что стою твоей любви. К тому же мне крайняя нужда в твоей любви. Сверх того, любовь — счастье, должно кого-нибудь любить, а кого же ты можешь любить, если не меня! Я все-таки лучше всех,— для тебя.

Ты с ума сходишь на порядке,— адрес был написан на тряпке очень обстоятельно,— содрали в дороге, вот все — никто этому не виноват.

Накопи к моему приезду побольше денег, а где возьмешь не знаю,— надобно будет расплачиваться. Впрочем, если взять негде, нечего делать,— добрые люди подождут, один есть долг банкирский,— в 4000,— этому срок чрез два месяца.

От тетушки здесь не нашел писем — спасибо тебе, что ты у нее,— очень спасибо.

29 числа

1826

41. М. Я. Чаадаеву

Нечего делать, надобно тебе написать, что стало мне хуже,— теперь сижу дома,— доктора говорят, что это может быть кризис,— между тем бьет лихорадка и голова кружится день и ночь,— но так как бывают минуты здоровья, то надежды не теряю,— а тебя прошу покорно не тревожиться,— но и не сердись за то, что не еду,— сам рассуди, как ехать с вертижами и с лихорадкою? — и в эту пору? дурныя дороги, темныя ночи, холодные ночлеги, страх берет и подумать,— особенно в дурные минуты,— а когда чувствую себя полегче, то сей час бы сел да поехал,— больше ничего не желал бы как только силы, чтоб до вас мог добраться, а там жить с вами здоровому или больному, мне бы было все равно. Как ни стараюсь себя укрепить, ною по вас как ребенок.— На прошлое мое письмо, вероятно, отвечать не будешь, на это, сделай милость, нельзя ли ответить поскорей, и главное дело,— что вы намерены с тетушкой делать? Ты глухо говоришь, что вы что-то собираетесь сделать и что для этого нужно вам знать, когда буду. Милые мои, простите великодушно, что делать, Бог не велит с вами скоро увидаться! Через два месяца, хотя б был в горячке,— будьте уверены, поеду, поеду непременно, след., в мае буду у вас — и поверьте, заслужу всю свою вину.

Извини, что такое лихорадочное пишу письмо, нынче дурной день, обыкновенно же духом своим довольно доволен, уныния не чувствую,— не знаю, чем заслужил такую от Бога милость,— как об вас не думаю — покоен совершенно,— а признаться, как вздумаешь об вас, так бросает в жар, особенно как вспомню, какая я вам помеха и досада.— Прости; неужто не напишешь и теперь ни слова путного, то есть обстоятельного, не утешишь больного?

Если тебе покажется это письмо слишком лихорадочно, то из этого не заключай, что я очень болен, а только то, что оно написано в дурной день,— и вспомни, что ты однажды мне написал два слова: болен, разорен, и готов всех..., а всего лучше — прости великодушно, в другой раз напишу получше.

Сделай милость, не сердись, честное даю тебе слово, что все вины свои, какие есть, заслужу,— дай мне только выздороветь и к вам приехать.

Деньги мне будут нужны недель через шесть,— где возьмешь, не знаю,— а когда пошлешь, то пошли тем же манером, как последний раз послал,— вексель пришлите ко мне aux soins de Mssrs Bossange et comp.

С тех пор как я в Дрездене, от тетушки писем не получал,— попроси у нее извинения, что не пишу к ней; в первую здоровую минуту напишу. Поздравь ее с новым годом.

1-го генваря.

42. М. Я. Чаадаеву

25 апреля.

Письма твои к Ивану и ко мне и вексель в 4000 рублей получил третьего дня. Не писал к тебе потому так долго, что был очень болен и вовсе не надеялся выздороветь. Болезнь моя всякий день усиливалась; к старой присовокупили доктора и здешний климат и разные другие, от которых совсем было изнемог. Уверяю тебя, что был в таком расслаблении, телесном и душевном, что точно не был в силах к вам писать. Со всем тем, разумеется, почитаю себя перед вами очень виноватым; надеюсь, что простите. С месяц как стал поправляться. Ожидал хорошей погоды и денег от тебя, чтоб пуститься в путь. Больше писать к вам не буду. Не знаю, станет ли этих денег; с докторами своими еще не расплатился, а они бесчеловечно дороги. Впрочем, даю тебе слово выехать через две недели, много через три,— займу или продам все, что можно будет,— непременно выеду в начале будущего месяца. Мне очень нужна хорошая погода для дороги, потому что сделался очень склонен к простуде. Прости, любезный. Даст ли Бог вас милых увидать!

Тетушке не пишу, а ты скажи ей, что еду и что буду в конце июня месяца, вашего.

Если есть чем, то Перовскому заплати [1].

Посылаю к тебе Иванову мещанскую квитанцию; потрудись по ней сделать что нужно, чтоб ему не пришлось платить штрафа,— он также был болен, и теперь плох.

43. М. Я. Чаадаеву

Погода здесь стоит такая, что никак не мог выехать в то время, как располагал, то есть за неделю от нынешнего числа. Кроме желудочной болезни, я стражду катаром; поэтому при холодной погоде пуститься в путь не могу. По времени должно бы давно быть тепло; здесь говорят, что не запомнят такой погоды в мае месяце,— дожди проливные, холод страшный. Всякий день встаю с надеждою, ложусь без надежды. Что чувствую, что перечувствовал во все это время, не могу тебе сказать. За то, что не впал в отчаяние, что осталась во мне надежда вас увидать,— остального века не достанет на молитвы.

Более двух недель эта погода продлиться не может; чрез три недели непременно выеду. Денег еще не достал, надеюсь, что это не задержит.

Ты спрашивал, что я кому должен. Когда будут три тысячи рублей, то пошли в Петербург Его превосход. Александру Ивановичу Тургеневу, на Литейной в доме комиссии составления законов.

Прости.— Тетушке скажи что хочешь, а я не умею ей ничего сказать. Обоих вас вижу день и ночь перед собою.

15/3 мая. Дрезден.

44. М. Я. Чаадаеву

25 мая.

Денег не нашел, обещали — не дали,— продать ничего не могу, да если бы и мог, не стал бы,— расплатившись с докторами и со всеми, не осталось ни гроша. В болезни своей жил без всякого толку, потому прожил бездну — впрочем, может быть, и без того прожил столько же бы. Несмотря на дурную погоду, про которую вероятно читал в газетах и несмотря на все прочее, то есть на плохое еще состояние здоровья, совсем был готов ехать,— с теплым воздухом лихорадка прошла,— принужден остаться. Не ругай меня.

Когда пришлешь денег? где возьмешь? Когда вас увижу? почему надеюсь, какое имею право надеяться?

Если думаешь, что стою сколько-нибудь жалости, то напиши, когда надеешься иметь денег и сколько. Впрочем, здесь могу прожить сколько-нибудь времени без денег, для того перехожу сей час в трактир.

Имею предчувствие, что возвратившись, заслужу перед вами все то огорчение, которое я вам причиняю,— без этого предчувствия сошел бы с ума.

Во всем этом нет ли экзажерации * и другой дряни, как то: гипохондрии и пр., сам не знаю.

Во всяком случае, надежда еще есть, след., жить можно. Если б у тебя были деньги! Если бы ты их сей час прислал!

45. Н. И. Тургеневу

Дрезден, 6 июня.

Дорогой друг. Ваш брат Сергей только что прибыл сюда,— мне нечего говорить Вам, как я обрадовался свиданию с братом лучшего из моих друзей, и как я счастлив, что могу пробыть с ним некоторое время. Здоровье его недурно [1],— он только что получил письма от Александра, которые доставили ему величайшее удовольствие, тем более, что в них сообщалось, что Ваше здоровье настолько хорошо, что Вы, по-видимому, не нуждаетесь в Карлсбаде. Он поручил мне сказать Вам, что на этих днях он пошлет Вам письменный совет Крейсига о том, что Вам делать в Брайтоне.

Что касается до меня, мой дорогой друг, то я пишу Вам всего два слова лишь потому, что имею так много сказать Вам, что даже пытаться не стану говорить с Вами о чем-либо, кроме того, что мне необходимо было сообщить Вам [2]. Сегодня день почты, и вашему брату некогда было писать.

Будьте здоровы, мой дорогой и достойный друг. П. Чаадаев.

46. А. И. Тургеневу

Дрезден, 15 июня.

Ваш брат уже три недели, как здесь, что Вам, вероятно, известно. Телесно он чувствует себя не дурно, но душевных страданий он перенес много. Мне думается, что Вы сделали бы хорошо, если бы приехали сюда; он очень

---

* От фр. exagération – преувеличение.

желал бы повидать Вас; он сам поручил мне написать Вам. Крейсиг находит состояние его здоровья спосным; он приписывает расстройство его нервов болезни, которую он перенес в Неаполе, и неправильному режиму, которому его подвергли.

Он прибыл сюда в состоянии крайнего нервного раздражения; в настоящее время он значительно спокойнее. Ему предписано брать ванны каждый день,— это принесло ему большую пользу.

Он доверил мне тайну своей любви к Ольге Пушкиной. Эта мысль, по-видимому, очень занимает его. Я думаю, что г-жа Пушкина, так же как и молодая девушка, не имели бы ничего против этого брака, если бы только они могли быть уверены, что это чувство не напало на него в зависимости от того болезненного состояния, в котором он в настоящее время находится [1].

Мне нечего говорить Вам, что я не оставлю его и не тронусь с места, пока не получу ответа от Вас. К несчастью, расстройство моего здоровья и всякого рода домашние заботы мешают мне ухаживать за ним так, как того требует его положение и повелевает дружба.

Прощайте. Я постараюсь исполнить мой долг; надеюсь, что Бог пошлет мне на это сил.

Он сообщил мне о всех Ваших делах.

Тревожиться Вам нет оснований, даю Вам в том честное слово,— но приехать Вам надо.

П. Чаадаев.

Я убедил его не писать Вам,— это могло бы ему повредить.

47. А. И. Тургеневу

Дрезден, 17 июня.

Вашему брату лучше,— печальная весть о смерти Карамзина [1] сильно повлияла на него,— в то же время она вызвала спасительный кризис в его умственном состоянии,— я нашел его на другой день почти совершенно поправившимся.— Надеюсь, что когда Вы прибудете сюда, Вы уже не найдете в нем никаких следов того состояния, в котором он был еще несколько дней тому назад.

Он хочет, чтобы Вы сообщили г. Жихареву и г-же Нефедовой * о его брачных намерениях.

Прилагаю список поручений, который он посылает Вам.

Будьте здоровы,— приезжайте. Молитесь Богу, дорогой Александр,— и будем надеяться.

Он не писал Николаю.

П. Чаадаев.

48. М. Я. Чаадаеву

Брест Литовск. 1 августа

Я здесь живу, мой друг, две недели. Со мною здесь случился странный случай. Приехав сюда, был осмотрен по обыкновению на таможне, довольно строго; между прочим, взяты были у меня бумаги по обыкновению для пересмотра. По сих пор мне их не отдали. Вероятно, послали в другое место разбирать, а может быть, найдя там несколько писем от Тургенева, препроводили их куда-нибудь на рассмотрение. Как скоро получу свои бумаги назад, поеду не останавливаясь в Дмитров. Езды отсюда до вас шесть дней. Из Дрездена выехал тому полтора месяца назад [1]. В Варшаве по болезни прожил две недели — теперь здоров.

В Дрездене пробыл лишнее время, за что винюсь.

Прости, мой друг.
П. Чаадаев

1827

49. С. П. Жихареву (март)

Повергаюсь пред вами, почтеннейший друг, как виновный. Я писал к вам, что в генваре пришлю деньги Тургеневых [1], надеясь к тому времени успеть заложить имение на уплату всех своих долгов. Против моего чаяния случилось затруднение; дело это — как-то затянулось; может быть, продлится с полгода. Итак, к сожалению, принужден воспользоваться милостивым позволением наших друзей и вашим просить вас позволить мне

* Правильно: Нефедьева.

написать вексель. Скажите, любезнейший Степан Петрович, вручителю, как написать.

В Москву приехать никак не мог; обстоятельства[2] не пускают из деревни[3]; когда буду, покамест не знаю. Страх как тяжело с вами так долго не видаться; делать нечего. Напишите, любезнейший, об себе словечко и об добрых друзьях наших. Если есть у вас их письмо, то нельзя ли ко мне на время прислать? Пишу к ним; стану ожидать ответа. Долго ли-то пробудут в Дрездене, не хотят ли там укорениться; хорошо бы было, я б к ним поехал. Каков бедный больной?[4] Что Жуковский?

Извините, любезный, что закидал вас вопросами.

На новый год желаю вам всего настояще хорошего.

Обнимаю вас, любезнейший брат, от всего сердца.

Преданный Чаадаев.

50. С. П. Жихареву

По газетам узнал, любезнейший Степан Петрович, что получили новое почетнейшее место[1]; от души рад, что круг действия вашего на общую пользу распространился,— жалею, что не могу теперь вам сказать своей радости иначе как письменно; обстоятельства никак не дают мне и на самое короткое время выехать из своей пустыни.— Что друзья наши? — Стыдно сказать, не писал к ним, и теперь не пишу, и точно потому, что от избытка вещей, которые хотел бы им сказать и нужно бы было им сказать, не знаю, с чего начать.

Двойное разлучение, и не легко его сносить. В «Телеграфе» читаю письмо Алекс.[2] к Вяземскому. Живой он, не правда ли, сущий он. Спасибо Вяземскому, что их печатает. Я в них и вижу и слышу Александра, а par ricochet и других двух[3]. Не приехала ли Пушкина?[4]

Комиссионер мой вручит вам, почтеннейший Степан Петрович, 500 руб. ассигн. Это проценты за прошлый год. Прошу вас принять эти деньги и прислать мне вексель на год,— и то и другое, разумеется, почту за великое одолжение[5]. А друзьям нашим потрудитесь написать, что по дружбе нашей требую от них, именно требую, чтобы не отказались от этих денег.

Здесь подле меня их деревня[6], где живет мать их; часто проезжаю через нее; мы тут собирались жить с Н.[7]

Прощайте, друг любезный. Если досужно, напишите словцо. Заключая, пришла мне дерзкая мысль, не вздумаете ли приехать ко мне; я живу один или почти один — золотой бы день был для меня. Впрочем, это превеликая дерзость.— Сестра Шаховского[8] писала ко мне несколько раз о милом участии, конечно, вовсе незаслуженном, Софьи Дмитриевны[9],— как ей благодарен, не умею сказать.—

Еще раз простите, друг любезный. Вяземскому и старику Пушкину поклонитесь. Не знаете ли, каким манером Алекс. Пушкин пустился в чужие края? [10].— Вяземский, кажется, сильно вращается в кругу литературном — что ж, доброе дело.

1829

51. А. С. Пушкину (март—апрель)

Мое пламеннейшее желание, друг мой, видеть вас посвященным в тайну времени. Нет более огорчительного зрелища в мире нравственном, чем зрелище гениального человека, не понимающего свой век и свое призвание. Когда видишь, как тот, кто должен был бы властвовать над умами, сам отдается во власть привычкам и рутинам черни, чувствуешь самого себя остановленным в своем движении вперед; говоришь себе, зачем этот человек мешает мне идти, когда он должен был бы вести меня? Это поистине бывает со мною всякий раз, как я думаю о вас, а думаю я о вас столь часто, что совсем измучился. Не мешайте же мне идти, прошу вас. Если у вас не хватает терпения, чтоб научиться тому, что происходит на белом свете, то погрузитесь в себя и извлеките из вашего собственного существа тот свет, который неизбежно находится во всякой душе, подобной вашей. Я убежден, что вы можете принести бесконечное благо этой бедной России, заблудившейся на земле. Не обманите вашей судьбы, мой друг. Последнее время стали везде читать по-русски; вы знаете, что г. Булгарин переведен[1] и поставлен рядом с г. Де-Жуи; что касается вас, то нет ни одной книжки журнала, где бы ни шла речь о вас[2]; я нахожу имя моего друга Гульянова,

с уважением упомянутое в толстом томе, и знаменитый Клапрот присуждает ему египетский венец; по-видимому, он потряс пирамиды в их основаниях. Видите, что могли бы сделать вы для своей славы. Обратитесь с воплем к небу,— оно ответит вам.

Я говорю вам все это, как вы видите, по поводу книги, которую вам посылаю[3]. Так как в ней всего понемножку, то, быть может, она пробудит в вас несколько хороших мыслей. Будьте здоровы, мой друг. Говорю вам, как некогда Магомет говорил своим арабам,— о, если б вы знали!

1831

52. *А. С. Пушкину*

Что же, мой друг, что сталось с моей рукописью?[1] От вас нет вестей с самого дня вашего отъезда. Сначала я колебался писать вам по этому поводу, желая, по своему обыкновению, дать времени сделать свое дело; но подумавши, я нашел, что на этот раз дело обстоит иначе. Я окончил, мой друг, все, что имел сделать, сказал все, что имел сказать: мне не терпится иметь все это под рукою. Постарайтесь поэтому, прошу вас, чтобы мне не пришлось слишком долго дожидаться моей работы, и напишите мне поскорее, что вы с ней сделали. Вы знаете, какое это имеет значение для меня? Дело не в честолюбивом эффекте, но в эффекте полезном. Не то чтоб я не желал выйти немного из своей неизвестности, принимая во внимание, что это было бы средством дать ход той мысли, которую я считаю себя призванным дать миру; но главная забота моей жизни, это довершить ту мысль в глубинах моей души и сделать из нее мое наследие.

Это — несчастье, мой друг, что нам не пришлось в жизни сойтись ближе с вами. Я продолжаю думать, что нам суждено было идти вместе, и что из этого воспоследовало бы нечто полезное и для нас и для других. Эти мысли пришли мне снова в голову, с тех пор, как я бываю иногда, угадайте где? — в английском клубе[2]. Вы мне говорили, что вам пришлось бывать там; я бы вас встречал там, в этом прекрасном помещении, среди этих

греческих колоннад, в тени этих прекрасных деревьев; сила излияния наших умов не замедлила бы сама собой проявиться. Мне нередко приходилось испытывать нечто подобное.

Будьте здоровы, мой друг. Пишите мне по-русски; вам не следует говорить на ином языке, кроме языка вашего призвания. Жду от вас милого и длинного письма; говорите мне о всем, что вам вздумается: все, что идет от вас, будет мне интересно. Нам надо только разойтись; я уверен, что мы найдем тысячу вещей сказать друг другу. Ваш и искренно ваш всей душою. Чаадаев. 17 июня.

53. А. С. Пушкину

Дорогой друг, я писал вам, прося вернуть мою рукопись; я жду ответа [1]. Признаюсь вам, что мне не терпится получить ее обратно; пришлите мне ее, пожалуйста, без промедления. У меня есть основания думать, что я могу ее использовать немедленно и выпустить ее в свет вместе с остальными моими писаниями [2].

Неужели вы не получили моего письма? В виду постигшего нас великого бедствия [3], это не представляется невозможным. Говорят, что Царское Село еще не затронуто. Мне не нужно говорить вам, как я был счастлив узнать это. Простите мне, друг мой, что я занимаю вас собою в такую минуту, когда ангел смерти столь ужасно носится над местностью, где вы живете. Я бы так не поступил, если бы вы жили в самом Петербурге; но уверенность в безопасности, которой вы еще пользуетесь там, где вы находитесь, придала мне смелости написать вам.

Как мне было бы приятно, мой друг, если бы в ответ на это письмо вы сообщили мне подробности о себе и не оставляли меня без вестей все время, пока у вас будет продолжаться эпидемия. Могу ли я рассчитывать на это? Будьте здоровы. Шлю непрестанные мольбы о вашем благосостоянии и обнимаю вас со всею нежностью. Пишите мне, прошу вас. Ваш верный Чаадаев.

7 июля 1831.

54. А. С. Пушкину

Ну что же, мой друг, куда вы девали мою рукопись? Холера ее забрала, что ли? Но слышно, что холера к вам не заходила. Может быть, она сбежала куда-нибудь? Но, в последнем случае, сообщите мне, пожалуйста, хоть что-нибудь об этом[1]. С большой радостью увидал я вновь ваш почерк. Он напомнил мне время, по правде сказать немногого стоившее, но когда была еще надежда; великие разочарования еще не наступали тогда. Вы, конечно, понимаете, что я говорю о себе; но и для вас, думается мне, было некоторое преимущество в том, что еще не все реальности были исчерпаны вами. Отрадными и блестящими были эти ваши реальности, мой друг; но все же есть ли между ними такие, которые сравнились бы с ложными ожиданиями, обманчивыми предчувствиями, лживыми грозами счастливого возраста неведения?

Вам хочется потолковать, говорите вы: потолкуем. Но берегитесь, я не в веселом настроении; а вы, вы нервны. Да притом, о чем мы с вами будем толковать? У меня только одна мысль, вам это известно. Если бы невзначай я и нашел в своем мозгу другие мысли, то они наверно будут стоять в связи со сказанной: смотрите, подойдет ли это вам. Если бы вы хоть подсказали мне какие-нибудь мысли из вашего мира, если бы вы вызвали меня? Но вы хотите, чтоб я начал говорить первый, ну что ж; но еще раз, берегите свои нервы!

Итак, вот что я вам скажу. Заметили ли вы, что происходит нечто необычное в недрах морального мира, нечто подобное тому, что происходит, говорят, в недрах мира физического? Скажите же мне, прошу вас, как это отзывается на вас? Что меня касается, то мне сдается, что это готовый материал для поэзии,— этот великий переворот в вещах; вы не можете остаться безучастным к нему, тем более что эгоизм поэзии найдет в нем, как мне кажется, богатую пищу. Разве есть какая-либо возможность не быть затронутым в задушевнейших своих чувствах среди этого всеобщего столкновения всех начал человеческой природы! Мне пришлось видеть недавно письмо вашего друга, великого поэта[2]: это — такая беспечность и веселие, что страх берет. Можете ли вы объяснить мне, как подобный человек, знакомый некогда с печалью всех вещей, не испытывает ныне ни малейшего

чувства горя перед гибелью целого мира? Ибо взгляните, мой друг: разве не воистину некий мир погибает, и разве для того, кто не обладает предчувствием нового мира, имеющего возникнуть на месте старого, здесь может быть что-либо, кроме надвигающейся ужасной гибели. Неужели и у вас не найдется чувства, мысли, обращенной к этому? Я убежден, что это чувство и эта мысль, неведомо для вас, тлеют где-нибудь в глубинах вашей души; только они не проявляются вовне, они погребены, по всей вероятности; они под кучей старых мыслей, привычек, условностей, приличий, которыми, хотя бы вы ни говорили, неизбежно пропитан каждый поэт, хотя бы он и принимал против этого всякие меры, ибо, друг мой, начиная с индуса Вальмики, певца Рамаяны, и грека Орфея, до шотландца Байрона, всякий поэт принужден был доселе повторять одно и то же, в каком бы месте света он ни пел.

О, как желал бы я иметь власть вызвать сразу все силы вашего поэтического существа! Как желал бы я извлечь из него, уже теперь, все то, что, как я знаю, скрывается в нем, дабы и вы дали нам услышать когда-нибудь одну из тех песней, какие требует век. Как тогда все, что теперь бесследно для вашего ума проходит перед вами, тотчас поразило бы вас! Как все приняло бы новый облик в ваших глазах!

А в ожидании этого все же потолкуем. Еще недавно, с год тому назад, мир жил в полном спокойствии за свое настоящее и будущее и в молчании проверял свое прошлое, поучаясь на нем. Ум возрождался в мире, человеческая мысль обновлялась, мнения сглаживались, страсть была подавлена, гнев не находил себе пищи, тщеславие находило себе удовлетворение в прекрасных трудах; все людские потребности ограничивались мало-помалу кругом умственной деятельности, и все интересы людей сводились мало-помалу к единственному интересу прогресса вселенского разума. Во мне это было верой, было легковерием бесконечным. В этом счастливом покое мира, в этом будущем я находил мой покой, мое будущее. И вдруг нагрянула глупость человека, одного из тех людей, которые бывают призваны, без их согласия, к управлению людскими делами. И мир, безопасность, будущее,— все сразу обратилось в ничто [3]. Подумайте только; не какое-либо из тех великих событий, которые

ниспровергают царства и несут гибель народам, а нелепая глупость одного человека сделала все это! В вашем вихре вы не могли почувствовать этого, как я; это вполне понятно. Но статочное ли дело, чтобы это небывалое и ужасное событие, несущее на себе столь явную печать Провидения, казалось вам самой обыкновенной прозой или самое большее дидактической поэзией, вроде какого-нибудь лиссабонского землетрясения, с которым вам нечего было бы делать? Это невозможно! Что до меня, у меня навертываются слезы на глазах, когда я вижу это необъятное злополучие старого, моего старого общества; это всеобщее бедствие, столь непредвиденно постигшее мою Европу, удвоило мое собственное бедствие. И тем не менее да, из этого воспоследует одно только добро; я в этом вполне уверен, и мне служит утешением видеть, что не я один не теряю надежды на то, что разум образумится. Но как совершится этот возврат, когда? Будет ли в этом посредником какой-либо могучий дух, облеченный Провидением па чрезвычайное посланничество для совершения этого дела, или это будет следствием ряда событий, вызванных Провидением для наставления рода человеческого? Не знаю.

Но смутное сознание говорит мне, что скоро придет человек, имеющий принести нам истину времени. Быть может, на первых порах это будет нечто, подобное той политической религии, которую в настоящее время проповедует С.-Симон [4] в Париже, или тому католицизму нового рода, который несколько смелых священников пытаются поставить на место прежнего, освященного временем [5]. Почему бы и не так? Не все ли равно, так или иначе будет пущено в ход движение, имеющее завершить судьбы рода человеческого? Многое из предшествовавшего той великой минуте, когда добрая весть была возвещена во дни оны Посланником Божиим, имело своим предназначением приготовить вселенную; многое также несомненно совершится и в наши дни с подобной же целью, прежде чем новая добрая весть будет нам принесена с небес. Будем ждать.

Говорят, ходят толки о всеобщей войне? Я утверждаю, что ничего подобного не будет. Нет, мой друг, пути крови не суть пути Провидения. Как люди ни глупы, они не станут раздирать друг друга, как звери: последний

поток крови пролит, и теперь, в тот час, когда я пишу вам, источник ее, слава Богу, иссяк.

Спора нет, бури и бедствия еще грозят нам; но уже не из слез народов возникнут те блага, которые им суждено получить; отныне будут лишь случайные войны, несколько бессмысленных и смешных войн, чтобы отбить окончательно у людей охоту к разрушениям и убийствам. Заметили ли вы, что только что произошло во Франции? Разве люди не вбили себе в голову, что она намерена поджечь мир с четырех концов? И что же, ничего подобного; а что произошло? Любителей славы, захватов подняли на смех; люди мира и разума восторжествовали; старые фразы, которые еще недавно так отменно звучали для французских ушей, уже не находят себе отклика.

Отклик! Кстати, по его поводу. Конечно, весьма счастливо, что г-да Ламарк и его сотоварищи не находят отклика во Франции; но я-то, найду ли его, мой друг, в вашей душе? Посмотрим. Однако при одной возможности сомнения в этом у меня падает из рук перо. От вас будет зависеть, чтобы я поднял его; немного сочувствия в вашем следующем письме. Г-н Нащокин говорил мне, что вы изумительно ленивы. Поройтесь немного в вашей голове, и в особенности в вашем сердце, которое так горячо бьется, когда хочет этого: вы найдете там больше предметов для переписки, чем нам может понадобиться на весь остаток наших дней. Прощайте, дорогой и старый друг. А что ж моя рукопись? Я чуть было не забыл ее. Вы не забудьте о ней, прошу вас.

Чаадаев.

18 сентября.

Мне говорят, что вы назначены, или еще каким-то способом поручено вам написать историю Петра Великого? В добрый час. Поздравляю вас от всего сердца.

Подожду, прежде чем сказать вам что-либо по этому поводу, чтобы вы сами заговорили со мной об этом. Итак, прощайте.

Я только что увидал два ваших стихотворения [6]. Мой друг, никогда еще вы не доставляли мне такого удовольствия. Вот, наконец, вы — национальный поэт; вы угадали, наконец, свое призвание. Не могу выразить вам того удовлетворения, которое вы заставили меня испытать. Мы поговорим об этом другой раз, и подробно. Я не знаю,

понимаете ли вы меня, как следует? Стихотворение к врагам России в особенности изумительно; это я говорю вам. В нем больше мыслей, чем их было высказано и осуществлено за последние сто лет в этой стране. Да, мой друг, пишите историю Петра Великого. Не все держатся здесь моего взгляда, это вы, вероятно, и сами подозреваете; но пусть их говорят, а мы пойдем вперед; когда угадал малую часть той силы, которая нами движет, другой раз угадаешь ее... наверное всю. Мне хочется сказать: вот, наконец, явился наш Дант * может быть слишком поспешный. Подождем.

55. М. Я. Чаадаеву (октябрь)

Мой добрый друг. Прилагаю при сем бумагу, касающуюся тебя: меня это рассмешило — конечно, она не тебя, а меня касается, но что прикажешь делать, такова уж моя глупость! — Все это утро я только и думал, что о твоей дружбе — столь доброй, столь рассудительной. Если бы я не боялся, говоря с тобой, пользоваться языком, который может тебе показаться слишком женственным, я сказал бы тебе, что чувствую, как мое сердце тает при этой мысли. Но раз уж сказано, относись к этому, как хочешь, я смеюсь над твоей строгостью; я не с этого конца люблю тебя. Затем, ты, пожалуй, опять скажешь, риторика, чистейшая риторика! Ну что ж, пожалуй и так; но тем не менее это чувство настолько искренно, что я готов заплакать в ту минуту, когда пишу эти строки. Тебе никогда не узнать, что можно быть риторичным и в то же время чувствовать. Если бы не эта злосчастная лестница, я бы не замедлил отправиться к тебе. Будь здоров, дорогой друг. Я примусь за изучение бумаги Жихарева: посмотрим, как я с этим справлюсь.

Какая уйма работы! письмо Норова,— целый том! сказанный документ! речи Руайе-Коллара и Гизо! и все это надо проделать в одно утро! Да к тому же еще — день почты; покорствуя тебе, надо написать Степану.— Будь здоров.

---

* Подлинник оборван.

1832

56. И. А. Гульянову (не позднее июня)

Мне совестно, дорогой Гульянов, обращаться к Вам с просьбой, зная состояние Ваших дел, но я вынужден это сделать. Я решился попросить у Вас две или три сотни франков на срок в три недели. Вы знаете, что меня обещали ссудить деньгами, но, увы, мне их так и не одолжили, и в настоящее время я нахожусь в наиболее приятном положении в мире: выражаясь литературно, я не имею почвы. Мне не нужно говорить Вам, что я не хотел бы ни за что на свете, чтобы Вы стесняли себя из-за любви ко мне, и только в том случае, если Вы можете оказать мне эту услугу без какого-либо неудобства для себя, я мог бы ее принять.

Я чувствую себя не особенно хорошо, но, как только мне станет лучше, я зайду к Вам осведомиться о новостях в Ваших литературных успехах. Весь Ваш — Чаадаев.

Суббота, утро.

P. S. Если Вы в состоянии одолжить мне просимую сумму, мой слуга занесет Вам мою расписку.

57 И. А. Гульянову (март—июнь)

Правда ли, дорогой Гульянов, что мы сегодня должны быть у мадам Бравуры?[1] Если это так, ответьте мне. Я приду к Вам в 8 часов. Если это назначено не на сегодня, я прошу Вас сообщить мне день или дать адрес ее дома. Весь Ваш. Так ли это или нет? Чаадаев.

Среда, утро.

58. И. В. Киреевскому

Увижу ли я Вас у себя сегодня вечером? Мне очень хочется и нужно Вас повидать. Или же, друг мой, приезжайте ко мне в известный Вам час, если можете. Вы знаете, что время несется вскачь. Будьте осторожны, ведь оно может унести Вас на крупе своего коня,— а тогда прощай наши общие идеи, общие надежды[1]. Во что все они превратятся? В грустные воспоминания, быть может, в раскаяние. Мир, без сомнения, вращается очень

быстро,— у того, кто ощущает это вращение, может закружиться голова. И как грустно видеть посреди всего этого полусонных людей с закрытыми глазами, которые покорно ожидают, что круговорот этот опрокинет их и увлечет, головой вниз и ногами вверх, бог знает куда, может в горнило, где происходит всеобщая переплавка вещей, а может в безграничное море, в котором безвозвратно тонет дурное прошлое! Прощайте. Прошу Вас, имейте в виду, что у меня есть и другие темы для разговора с Вами.

59. Ф. В. Й. Шеллингу

1832[1]. Москва.

Милостивый государь.

Не знаю, помните ли вы молодого человека, русского по национальности, которого вы видели в Карлсбаде в 1825 году[2]. Он имел преимущество часто беседовать с вами о философских предметах, и вы сделали ему честь сказать, что с удовольствием делитесь с ним вашими мыслями. Вы сказали ему, между прочим, что по некоторым пунктам вы изменили свои воззрения, и вы посоветовали ему подождать выхода нового произведения, которым вы тогда были заняты, прежде чем знакомиться с вашей философией. Это произведение не появилось, и этот молодой человек был я. В ожидании я прочел, милостивый государь, все ваши произведения. Сказать, что я поднялся по вашим стопам на те высоты, куда в таком прекрасном порыве вознес вас ваш гений, было бы, может быть, самонадеянностью с моей стороны; помнится, вы находили, что г. Кузен плохо вас понял; и было бы слишком смело со стороны человека, неизвестного в европейском мире, притязать на превосходство перед столь крупной литературной известностью; но мне будет позволено, думаю я, сказать вам, что изучение ваших произведений открыло мне новый мир; что при свете вашего разума мне приоткрылись в царстве мыслей такие области, которые дотоле были для меня совершенно закрытыми; что это изучение было для меня источником плодотворных и чарующих размышлений; мне будет позволено сказать вам еще и то, что, хотя и следуя за вами по вашим возвышенным путям, мне часто доводилось приходить в конце концов не туда, куда приходили вы. В на-

стоящее время я узнал от одного из своих друзей, который провел недавно несколько дней в ваших местах, что вы преподаете *философию откровения*. Публичный курс, который вы читаете в настоящее время [3], милостивый государь, является, думается мне, развитием той мысли, которая зарождалась в вашем уме, когда я вас видел в Карлсбаде. Мне неизвестно, что представляет из себя то учение, которое вы излагаете в данное время вашим слушателям, хотя, признаюсь, при чтении вас у меня зачастую являлось предчувствие, что из вашей системы должна когда-нибудь проистечь религиозная философия; но я не нахожу слов сказать вам, как я был счастлив, когда узнал, что глубочайший мыслитель нашего времени пришел к этой великой мысли о слиянии философии с религией. С первой же минуты, как я начал философствовать, эта мысль встала передо мной, как светоч и цель всей моей умственной работы. Весь интерес моего существования, вся любознательность моего разума были поглощены этой единственной мыслью; и по мере того, как я подвигался в моем размышлении, я убеждался, что в ней лежит и главный интерес человечества. Каждая новая мысль, примыкавшая в моем уме к этой основной мысли, казалась мне камнем, который я приносил для построения храма, где все люди должны будут когда-нибудь сойтись для поклонения, в совершенном знании, явному Богу. Затерянный в умственных пустынях моей страны, я долго полагал, что я один истощаю свои силы над этой работой или имею, по крайней мере, лишь немного сотоварищей, рассеянных по земле; впоследствии я открыл, что весь мыслящий мир движется в том же направлении; и великим был для меня тот день, когда я сделал это открытие. Но в то же время я был поражен потребностью в высоком индивидуальном разуме, в отдельном великом деятеле, созданном для того, чтоб руководить всеми разумами, всеми деятелями толпы. С тех пор естественно я стал думать о вас. Я сказал себе, возможно ли, чтоб новый свет, который несомненно вскоре просветит нас всех, не воссиял во всем своем блеске, прежде чем открыться глазам всего мира, пред очами этого человека, столь высоко поставленного в моральной сфере мира и которому род человеческий обязан в значительной мере тем, что вновь обрел свои первые и святые воззрения? Он, согласивший столько расходящихся начал человече-

ской мысли, не приведет ли к соглашению религиозное начало с началом философским, которые уже теперь соприкасаются? Одним словом, в моих сокровенных положениях прогресса и совершенствования я предназначал вас к осуществлению того великого переворота, к которому, на мой взгляд, стремится новый разум: и вот мне говорят, что уже не земную науку возвещает ваше красноречивое слово, а науку небесную; мои желания, мои предчувствия осуществились в некотором роде!

Сначала, милостивый государь, я хотел написать вам лишь в целях поблагодарить вас. Но теперь я не могу противостать желанию узнать что-нибудь об этом новом облике вашей системы. Будет ли с моей стороны нескромностью просить вас (без всяких других прав на благосклонное внимание, кроме моей страсти к прогрессу человеческого разума и моего качества гражданина страны, в высокой степени нуждающейся в просвещении) сообщить мне некоторые данные об общих основах или главной мысли вашего теперешнего учения. Ибо, как ни могуществен ваш голос, милостивый государь, он не достигает наших широт; мы очень удалены от вас, милостивый государь; мы принадлежим к другой солнечной системе; и светлый луч, исходящий от какой-либо из звезд вашего мира, совершает огромный путь, прежде чем достигнуть нашего, и зачастую теряется в пути.

Если г. Тургенев, друг, о котором я только что говорил вам, все еще в сношениях с вами, он мог бы, пожалуй, сообщить вам, что мои научные занятия и мои труды делают меня достойным общения с вами. Как бы то ни было, в данную минуту я не хочу ни говорить вам о своих собственных мыслях, ни повергать на ваше авторитетное суждение то, что я с моей стороны называю своей системой; я знаю, что если на этот раз я могу рассчитывать на что-либо, то исключительно на интерес, который вы могли бы найти в том, чтобы ввести в вашу философию не только меня, но через мое посредство и целое молодое поколение, бедное настоящим, но богатое будущим, столь же жадное к просвещению, как и имеющее мало средств к удовлетворению своего научного пыла, и великие судьбины которого не могут быть безразличны мудрецу, стремящемуся объять вселенскую судьбу всех вещей. Я очень желал бы, милостивый государь, не обмануться на этот раз в моем ожидании, как когда-то,

но что бы ни случилось, я никогда не перестану удивляться вам и сохраню память о тех немногих часах, когда я наслаждался беседой с вами.

Благоволите принять, милостивый государь, уверения в моем глубоком уважении.

1833

60. А. И. Тургеневу

Вот, любезный друг, письмо к знаменитому Шеллингу, которое прошу вас доставить ему. Известие, которое вы как-то сообщили мне о нем в письме к вашей кузине [1], внушило мне мысль написать ему. Письмо открыто, прочтите его, и вы увидите, о чем речь. Так как я пишу ему о вас, то я хотел, чтобы оно чрез вас и дошло к нему. Вы сделаете мне одолжение, если, посылая ему это письмо, сообщите ему, что я владею немецким языком, потому что мне хотелось бы, чтобы он отвечал мне (если он пожелает оказать мне эту честь) на том языке, на котором он столько раз воскрешал моего друга Платона и на котором знание стало благодаря ему поэзией и вместе геометрией, а теперь, может быть, уже и религией. Дай-то Бог! Пора всему этому слиться воедино.

Вы пишете г-же Бравура [2], что не знаете, о чем мне писать. Да вот вам тема для начала, а потом видно будет. Но вы, мой друг, должны писать мне по-французски. Не в обиду вам сказать, я люблю больше ваши французские, нежели ваши русские, письма. В ваших французских письмах больше непринужденности, вы в них больше — вы сами. А вы только тогда и хороши, когда остаетесь совершенно самим собою. Ваши циркуляры на родном языке — это, мой друг, не что иное, как газетные статьи, правда, очень хорошие статьи, но именно за это я их не люблю, между тем как ваши французские письма не сбиваются ни на что, и потому кажутся мне великолепными. Если бы я писал женщине, я сказал бы, что они похожи на вас. Притом вы — европеец до мозга костей. В этом, как вам известно, я знаю толк. Поэтому французский язык — ваш обязательный костюм. Вы растеряли все части вашей национальной одежды по боль-

шим дорогам цивилизованного мира. Итак, пишите по-французски и, пожалуйста, не стесняйте себя, так как, по милости новой, необыкновенно сговорчивой школы, отныне дозволено писать по-французски столь же непринужденно, как по-явански, где, по слухам, пишут безразлично сверху вниз или снизу вверх, справа налево или слева направо, не терпя от того никаких неудобств.

Только что появилась здесь (в газете) статья о нашем философе — вздор беспримерный, как вы легко можете себе представить. Если он хочет, чтобы его понимали в этой стране, ему следует, я думаю, ответить на мое письмо. Как и все народы, мы, русские, подвигаемся теперь вперед бегом, на свой лад, если хотите, но мчимся несомненно. Пройдет немного времени, и, я уверен, великие идеи, раз настигнув нас, найдут у нас более удобную почву для своего осуществления и воплощения в людях, чем где-либо, потому что не встретят у нас ни закоренелых предрассудков, ни старых привычек, ни упорной рутины, которые противостали бы им. Поэтому для европейского мыслителя судьба его идей у нас теперь, как мне кажется, не может быть совсем безразличной. Впрочем, прочитав мое письмо, вы увидите, что я пишу ему не для того, чтобы снискать себе письмо великого человека, и что в моем поступке нет тщеславия,— что я просто хочу знать, что делается и до чего дошел человеческий ум в этой области.

Я хотел бы также, мой друг, немного побеседовать с вами, но для лучшего осведомления подожду, пока вы первый напишите мне. Кто знает? может быть, мы сумеем сообщить друг другу много добрых и серьезных вещей, которые не затеряются в пространстве бесследно. А пока я должен, по моему обыкновению, пожурить вас. Как! вы живете в Риме и не понимаете его, после того как мы столько говорили о нем! Поймите же раз навсегда, что это не обычный город, скопление камней и люда, а безмерная идея, громадный факт. Его надо рассматривать не с Капитолийской башни, не из фонаря св. Петра, а с той духовной высоты, на которую так легко подняться, попирая стопами его священную почву. Тогда Рим совершенно преобразится перед вами. Вы увидите тогда, как длинные тени его памятников ложатся на весь земной шар дивными поучениями, вы услышите, как из его безмолвной громады звучит мощный глас, вещающий неиз-

реченные тайны. Вы поймете тогда, что Рим — это связь между древним и новым миром, так как безусловно необходимо, чтобы на земле существовала такая точка, куда каждый человек мог бы иногда обращаться с целью конкретно, физиологически соприкоснуться со всеми воспоминаниями человеческого рода, с чем-нибудь ощутительным, осязательным, в чем видимо воплощена вся идея веков,— и что эта точка — именно Рим. Тогда эта пророческая руина поведает вам все судьбы мира, и это будет для вас целая философия истории, целое мировоззрение, больше того — живое откровение. И тогда — как не преклониться пред этим обаятельным символом стольких веков, как не накинуть завесу на его обезображенный облик? Но папа, папа! Ну, что же? Разве и он — не просто идея, не чистая абстракция? Взгляните на этого старца, несомого в своем паланкине под балдахином, в своей тройной короне, теперь так же, как тысячу лет назад, точно ничего в мире не изменилось: поистине, где здесь человек? Не всемогущий ли это символ времени — не того, которое идет, а того, которое неподвижно, через которое все проходит, но которое само стоит невозмутимо и в котором и посредством которого все совершается? Скажите, неужели вам совсем не нужно, чтобы на земле существовал какой-нибудь непреходящий духовный памятник? Неужели, кроме гранитной пирамиды, вам не нужно никакого другого (человеческого) создания, которое было бы способно противостоять закону смерти? [3].

Покойной ночи, мой друг. Остальное — до другого раза, если хотите. Пишите мне. До свидания.

Кстати: я вижу многих ваших друзей, всех ваших дам, Пашковых, Киндяковых [4] и пр. Все вас любят и дружески приветствуют, как и я.

Москва. 20 апреля.

61. А. Х. Бенкендорфу

Граф.

Я только что получил от генерала Васильчикова [1] письмо, в котором он сообщает мне о благорасположении ко мне Вашего Сиятельства. Он пишет мне, граф, что вы желаете, чтобы я написал вам. Вы уже предлагали мне сделать это, когда я имел честь вас видеть последний

раз. Если я до сих пор не воспользовался любезным предложением прибегнуть к вашему покровительству, то это потому, что, состоя некогда при генерале и считая себя связанным чувством благодарности за его постоянное дружеское ко мне отношение, я полагал, что должен рассматривать его как естественного моего покровителя. Надеюсь, граф, что вы оцените мое поведение при данных обстоятельствах и сохраните ваше милостивое расположение ко мне.

Я знаю, граф, что не имею никакого права на внимание правительства. Печальные обстоятельства, слишком долго удалявшие меня от службы, окончательно отбросили меня в число людей, не имеющих законных оснований предъявлять ему какие-либо ходатайства. Тем не менее я имею смелость надеяться, что если Его Величество удостоит вспомнить обо мне, он, быть может, припомнит и то, что я не во всех отношениях недостоин того, чтобы он милостиво дал мне возможность доказать ему мою преданность и применить те силы, которые я мог бы отдать на службу ему. Я полагал сначала, что, за отсутствием навыка в гражданских делах, я могу ходатайствовать лишь о предоставлении мне дипломатической должности; и ввиду этого я просил генерала Васильчикова сообщить стоящему во главе ведомства иностранных дел некоторые соображения, которые, как мне казалось, могли бы найти применение при настоящем положении Европы, а именно о необходимости пристально следить за движением умов в Германии. Да и в настоящую минуту я вижу, что это было бы той службой, на которой я мог бы лучше всего использовать плоды моих научных занятий и труда всей моей жизни. Но положение вещей в мире политическом усложняется со дня на день, и при этих условиях правительство может положиться в таком деле лишь на хорошо известных ему лиц. Теперь я стремлюсь лишь к счастью быть известным Его Величеству. Среди дивных дел этого славного царствования, когда столько наших надежд осуществилось, столько наших благопожеланий исполнилось, наиболее разительным является выбор людей [2], призванных к делам. И если всегда утверждали, что первым качеством монарха является умение найти людей, то, конечно, каждый из подданных Его Величества, раз он только стремится к чести быть Им замеченным, может быть вполне уверен, что его

усердие будет оценено по достоинству, что его пламенное желание служить ему не пропадет даром, что мудрость его Государя сумеет разобраться в способностях, как бы ничтожны они ни были, раз Он может ими воспользоваться для блага Государства. Итак, я отдаю себя в полное и безусловное распоряжение Его Величества: я буду счастлив, если моей грядущей судьбой буду обязан исключительно моему Императору, августейшему судье всех наших достоинств, законному ценителю тех услуг, которые каждый из нас может оказать отечеству!

Но вы, граф, согласившийся со столь благородной любезностью предстательствовать за меня перед лицом Властителя, вы соблаговолите, смею надеяться, обратить Его внимание и на невыгоды моего положения. В Бозе почивший Император, увольняя меня в отставку, не пожелал пожаловать мне чин полковника, следовавший мне, но которого я бесспорно не заслуживал ввиду моего смешного упорства уйти в отставку. Таким образом, я имею лишь чин капитана гвардии. Я должен сказать, однако, что если плохое состояние моего здоровья и моих имущественных дел долгое время препятствовало мне поступить на службу Его Величества, я все же провел все это время не без того, чтоб постараться собрать кое-какие сведения и кое-какие знания, которые я мог бы при случае использовать для блага моей страны. Я в высшей степени нуждаюсь, граф, во всемогущем благорасположении Императора. Без него, погребенный во мраке, на который осуждает меня мой чин, я едва ли могу рассчитывать на то, что взгляд Его Величества падет на меня.

Благоволите, граф, принять уверение в глубоком моем уважении.

Москва, 1833. 1 июня.

Чаадаев.

62. Николаю I

Государь.

Ваше Величество благоволили согласиться на мое ходатайство о принятии меня вновь на службу. Вам угодно, чтобы я поступал в министерство финансов. Ваша воля, Государь, закон для меня, и милость, с которой Вы снизошли на мою просьбу, составляет мое счастье.

Но когда я решился вновь посвятить себя службе Вашего Величества, я имел в виду не только мою выгоду, я стремился и к славе с пользой послужить Вам. Ведомство, к которому Вы меня предназначаете, Государь, предполагает положительные сведения по предмету, который мне чужд. Одушевленный желанием исполнить Вашу волю, я вижу, что прилежанием в сих предметах я в состоянии буду достигнуть когда-нибудь знакомства с ними в общих чертах. Но, Государь, высокие взгляды, проводимые Вами во всех отраслях управления, и великие законодательные меры, предпринятые Вами, делают из Вашего царствования славную эпоху, когда рядовые способности и знания у служителей Государства уже не могут соответствовать тому широкому размаху, который придан правлению. Я, Государь, мог бы явить на этом поприще лишь непригодность человека, все научные занятия которого в прошлом связаны были с предметами, чуждыми этой области.

Государь, я не смею проникать Вашей царственной мысли, мне неведомы Ваши намерения относительно меня. Но я знаю, и весь мир, как и я, знает, что все действия Вашего правительства запечатлены великой мыслью, и эта мысль исходит от Вас. Я обращаюсь поэтому к Вам в сознании, что говорю с Государем, столь же высоко стоящим, как человек, среди людей, сколь он высоко поставлен, как Монарх, среди монархов.

Я много размышлял над положением образования в России и думаю, Государь, что, заняв должность по народному просвещению, я мог бы действовать соответственно предначертаниям Вашего правительства. Я думаю, что в этой области можно много сделать, и именно в том духе, в котором, как мне представляется, направлена мысль Вашего Величества. Я полагаю, что на учебное дело в России может быть установлен совершенно особый взгляд, что возможно дать ему национальную основу, в корне расходящуюся с той, на которой оно зиждется в остальной Европе, ибо Россия развивалась во всех отношениях иначе, и ей выпало на долю особое предназначение в этом мире. Мне кажется, что нам необходимо обособиться в наших вглядах на науку не менее, чем в наших политических воззрениях, и русский народ, великий и мощный, должен, думается мне, вовсе не подчиняться воздействию других народов, но с своей стороны воздей-

ствовать на них. Если бы эти мысли оказались согласными со взглядами Вашего Величества, я был бы несказанно счастлив содействовать осуществлению их в нашей стране. Но прежде всего, я глубоко убежден, что какой-либо прогресс возможен для нас лишь при условии совершенного подчинения чувств и взглядов подданных чувствам и взглядам Монарха.

Государь, я счел долгом честного человека доложить Вам о моей непригодности в той области, которую Вы мне предназначили, и о том, что я мог бы дать в другой области. Но какова бы ни была Ваша верховная воля по отношению ко мне, я буду счастлив подчиниться ей. Вы, Государь, судья в вопросе о том, какое применение следует дать для общего блага способностям того или другого из Ваших подданных. Я умоляю лишь Ваше Величество соблаговолить милостиво оценить те поводы, которые вызывают мое поведение в настоящем случае.

Государь,
имею честь быть Вашего Величества
верноподданный
Чаадаев

Июль 15.

63. А. Х. Бенкендорфу

Милостивый Государь
Граф Александр Христофорович.

Я имел честь получить письмо Вашего Сиятельства. Государь Император желает, чтоб я служил по министерству финансов. Я осмелился отвечать на это Самому Государю. Прошу покорнейше, Ваше Сиятельство, письмо мое вручить Его Величеству.

Я пишу к Государю по-французски. Полагаясь на милостивое Ваше ко мне расположение, прошу Вас сказать Государю, что писавши к Царю Русскому не по-русски, сам тому стыдился. Но я желал выразить Государю чувство полное убеждения, и не сумел бы его выразить на языке, на котором прежде не писывал. Это новое тому доказательство, что я в письме своем говорю Его Величеству о несовершенстве нашего образования. Я сам живой и жалкий пример этого несовершенства.

Вашему Сиятельству доложу я еще, что если вступлю в службу, то в сей раз пишу по-французски в послед-

пее *. По сие время писал я на том языке, на котором мне всего было легче писать. Когда стану делать дело, то Бог поможет, найду и слово русское: но первого опыта не посмел сделать писав к Государю.

С глубочайшим почтением честь имею быть Вашего Сиятельства, Милостивого Государя, покорный Ваш слуга Петр Чаадаев.

Москва, июля 15. 1833.

64. А. Х. Бенкендорфу

Милостивый Государь
граф Александр Христофорович

Приношу живейшую мою благодарность Вашему Сиятельству за участие, которое Вы изволите принимать в моей судьбе. Получив письмо Ваше, я был тронут, найдя в нем, что Вы для собственной моей пользы не вручили Государю всеподданнейшего письма моего. Возвращая это самое письмо Вашему Сиятельству, я отнюдь не имею дерзости ожидать, чтоб оно сделалось известным Его Величеству, но прошу Вас только прочесть его. Надеюсь, что Вы увидите, что я не имел безумия включить в оное рассуждения о делах государственных, и что в особенности нет в нем ничего похожего на преступные действия французов, которыми более кого-либо гнушаюсь. Мнение Государево для меня неоцененно, и я чрезмерно счастлив, что благосклонностию Вашею сохранен от невыгодного Его Величества обо мне понятия, но и мнение Ваше для меня драгоценно, потому и решился я представить это письмо на Ваше суждение.

Осмелюсь только сказать в оправдание свое, на счет того выражения, которое показалось Вам предосудительным, что мне кажется, что состояние образованности народной не есть вещь государственная, и что можно судить об образованности своего отечества, не отваживаясь мешаться в дела государственные, потому что всякий по собственному опыту знать может, какие способы и средства в его отечестве для учения употребляются, а глядя вокруг себя, оценить степень просвещения в оном. К тому же, говоря о несовершенстве нашего образования, я не

---

* Так в оригинале.

помышлял хулить наши учебные учреждения и действия правительственные, а разумел только образ ученья нашего, коего недостатков ношу в себе горестное сознание. Прошу Ваше Сиятельство покорнейше простить мне это скромное прекословие, которое себе позволил единственно из желания оправдать себя пред Вами.

Впрочем, какое бы мнение Ваше Сиятельство по сему обо мне ни возымели, в моих понятиях долг святой каждого гражданина — покорность безусловная властям, провидением поставленным, а Вы, облеченные доверием самодержца, представляете в глазах моих власть Его. Всякому Вашему решению смиренно повиноваться буду.

Имею честь быть с глубочайшим почтением и преданностью Вашего Сиятельства покорный слуга.

16 августа 1833. Петр Чаадаев.
Москва

65. А. Х. Бенкендорфу ⟨сентябрь⟩

Милостивый Государь
Граф Александр Христофорович

Не имея никакого права ожидать ответа на письмо, которое писал к Вашему Сиятельству прошлого августа месяца [1], во время отсутствия Вашего за границею, теперь осмеливаюсь писать к Вам единственно для того, чтобы если Вы по сему случаю как-либо не изволили получить письма моего, известить Вас, что я не оставил поступка своего без оправдания. Я знаю, что сего оправдания недостаточно, потому что в таких делах не имею возможности представиться Вам в другом виде, в каком раз представился. Но находясь по сему случаю также и пред Высоким лицом Государя, не мог я не употребить, хотя и без надежды, все средства, дабы заслужить вновь милостивого воззрения Его Величества.

Уверяю Вас, Ваше Сиятельство, что никто лучше меня самого не может оценить моего безрассудства, и что горесть моя, лишив себя счастья служить Государю, неописуема.

С глубочайшим почтением имею честь быть, Милостивый Государь, Вашего Сиятельства покорнейший слуга.

Петр Чаадаев.

66. *П. А. Вяземскому*

Любезный князь. Благодаря вашим попечениям я получил письмо Шеллинга [1]. Большое спасибо. Г-жа Бравура сказала мне, что вы показали ей в письмах Тургенева места, касающиеся меня [2]. Поскольку я думаю, что это имеет отношение к Шеллингу и что я должен ему написать, я хотел бы знать, о чем идет речь, чтобы быть более уверенным в том, что мне надлежит делать. Прошу вас, милый князь, благоволите сообщить мне об этом, если можно.

Вот и предлог, чтобы нам установить контакт. Хочу надеяться, что вы его не упустите. Что до меня, я всегда, как вам известно, близок вам сердцем и умом. Но вы понимаете, что спервоначалу мне особенно нечего вам сказать. Итак, здороваюсь и прощаюсь с вами на бумаге.

Еще кое-что. Один знакомый мне молодой человек уезжает отсюда и хочет получить должность в министерстве Юстиции. Имя его Лахтин. Он зайдет к вам. У него есть рекомендательные письма, но и я также прошу вас быть ему полезным. Думаю, его дело может легко устроиться, так как чин у него весьма незначительный.

Надо представить и поручить его покровительству г-на Дегай. Если вы увидите Оленина, прошу вас, познакомьте их от моего имени.

Еще раз прощайте. Прошу вас, любите меня. Засвидетельствуйте мое глубочайшее почтение г-же княгине и скажите ей, что я прошу ее также немного любить меня. Если г-жа Карамзина в Петербурге, передайте ей мой поклон.

Преданный Вам Чаадаев
Москва, 30 октября

67 *М. Я. Чаадаеву (30 ноября)*

С того дня, как я вас видел, я ничего нового не узнал, об этом деле [1]. Матвеев [2] взял у меня ваш приказ и не возвращался. Тон вашей записки огорчил меня. Но, да будет так!

68. М. Я. Чаадаеву (2 декабря)

Дорогой друг. Матвеев не показывался. Он должен был быть сегодня утром. Я надеюсь, что он завтра придет. Я не вызывал Оммона [1], чтобы они не встретились; но я, может быть, увижу его сегодня.

1834

69. П. А. Вяземскому

Вот, милый князь, г-н Хлюстин, который едет в Петербург и желает с вами познакомиться [1]. Это весьма благовоспитанный молодой человек, как вы вскоре сами убедитесь. Быть может, вам известно, что он сын одной из сестер нашего друга, американца [2], и брат одной светской дамы, которая сейчас живет в Риме, женщины, как говорят, выдающейся [3]. Довольно о нашем молодом человеке; не сомневаюсь, что вы им заинтересуетесь. Воспользуемся случаем, чтобы поговорить с другом.

Вам известно, что я занимаюсь некоторыми серьезными исследованиями и в затворничестве работаю над неким трудом. Вы видели один отрывок, но не самый важный и не лучшим образом отделанный [4]. Целое представляет из себя весьма значительный труд, который, признаюсь, мне было бы досадно сделать зря. Я рассматриваю вещи со своей собственной точки зрения, и она кажется мне пригодной для освещения темных мест в философском мире, а также в мире социальном, так как ныне эти два мира, если не ошибаюсь, составляют единое целое.

Как вы понимаете, мне было бы легко опубликовать это за границей. Но думаю, что для достижения необходимого результата определенные идеи должны исходить из нашей страны, из России. Такое мнение составляет часть всей совокупности моих мыслей. Мы находимся в совершенно особом положении относительно мировой цивилизации и положение это еще не оценено по достоинству. Рассуждая о том, что происходит в Европе, мы более беспристрастны, холодны, безличны и, следовательно, более нелицеприятны по отношению ко всем обсуждаемым вопросам, чем европейцы. Значит, мы в какой-то степени

представляем из себя суд присяжных, учрежденный для рассмотрения всех важнейших мировых проблем. Я убежден, что на нас лежит задача разрешить величайшие проблемы мысли и общества, ибо мы свободны от пагубного влияния суеверий и предрассудков, наполняющих умы европейцев. И целиком в нашей власти оставаться настолько независимыми, насколько необходимо, настолько справедливыми, насколько возможно. Для них же это невозможно. Прошлое давит на них невыносимо тяжким грузом воспоминаний, навыков, привычек и гнетет их, что бы они ни делали. Исходя из всего этого вы поймете, что я должен сперва исчерпать все возможности публикации в своей стране, прежде чем решиться выступить перед лицом Европы и освободиться от того национального или местного характера, который является частью моих идей.

Говорят, что у вас больше свободы, нежели здесь. По этой причине я и пишу вам, чтобы спросить ваше мнение. Впрочем, это меня не удивляет. Высшие власти всегда менее подозрительны и ограничены в вопросе о природе вещей, чем мелкие подчиненные исполнители. К тому же, у вас есть люди, которые хотя бы чувствуют добро, если и не делают его.

Книга будет называться «Философические письма, адресованные даме»[5]. Чтобы угодить цензуре, я бы предпочел исключить некоторые письма, но не искажать текст. Если она увидит свет в одном из периодических сборников, то будет еще большая свобода действий; можно будет выбрать несколько писем, не соблюдая последовательности, и представить их в форме отрывков. Когда у вас не будет более интересного занятия, прошу вас, сообщите мне, что вы об этом думаете. Впрочем, я говорю вам обо всем этом, надеясь, что вы не будете безразличны к подобным вещам. Вы понимаете, что я не слишком рассчитываю на успех.

Что скажете о некоторых современных произведениях, таких, например, как «Тассо» Кукольника и другая его драма?[6] А что говорят о книге Орлова?[7] У меня в руках небольшой томик стихов девицы Тепловой, который доставил мне огромное удовольствие[8]. Я счастлив, что наши женщины начинают чем-то заниматься, они никогда ранее не вносили никакой лепты в наше развитие; по этой причине мы так грубы.

Я только что виделся с нашей доброй знакомой, красавицей из красавиц [9]. Она шлет вам привет. Она стала еще прекрасней! Когда видишься с ней, не хочется более ничего в этот день видеть.

Прощайте, милый князь. Засвидетельствуйте мое глубокое почтение княгине [10]. Передайте от меня привет Жуковскому. Есть ли какие-нибудь новости о вечном жиде? [11] Удивительный человек! Он пишет письма, заполненные предназначенными для меня вещами, но мне лично он никогда не написал ни строчки. Он точно московские дамы, которые находят меня слишком для них серьезным. В нашем друге действительно есть нечто от женщины, но от женщины умной, полагаю. Еще раз приветствую вас. К вашим услугам.

Чаадаев
Москва, 9 марта

1835

70. А. И. Тургеневу

Ваше письмо, дорогой друг, доставило мне большое удовольствие. Оно преисполнено того горячего участия к делам, представляющим общий интерес, которое с каждым днем все реже встречается среди нас: скоро об этом и помину не будет. Но я должен вам сказать, что оно и огорчило меня. Рукопись, о которой вы говорите, никуда не годится [1]; вот почему я и хотел взять ее у вас обратно при вашем отъезде. Поэтому я и не намерен ответствовать за ее содержание. Вы получите другой экземпляр того же; бросьте этот в огонь, и пусть от него и следов не останется. Вы поймете поэтому, что я не имею ничего возразить против благожелательных исправлений графини Ржевусской. Уверьте ее, пожалуйста, если встретите ее, что я весьма тронут ее симпатиями, и, в качестве философа женщин [2], очень высоко их ставлю. Как знать? Быть может, когда-нибудь мне доведется лично высказать ей это. Если я выберусь когда-нибудь из моей страны, то она может быть уверена, что мне ничего не будет стоить сделать крюк миль в двести и даже более, чтобы засвидетельствовать ей мое почтение. Но в ожидании того,

что мне удастся посетить эту умную женщину, представьте себе, что все умные женщины уезжают отсюда. Орлова уезжает; Бравура уезжает; Елагина уезжает; княгиня Мещерская уехала. Эта, по крайней мере, вернется, что касается остальных, то они отправляются к вам в Италию: вы легко можете себе представить, что я не пожелал им счастливого пути, ибо, видит Бог, у нас и без того довольно глупости [3].

Имеете ли вы известия о том, что у нас появилось в свете на этих днях? Во-первых, мы имеем том рассказов Павлова [4]. Постарайтесь добыть его, и прочтите первый рассказ; это стоит почитать. Или я очень ошибаюсь, или это произведение представляет событие. Затем у нас есть драма. Тоже событие, но в другом смысле. Пьеса озаглавлена Скопин Шуйский; автор — Кукольник, нечто вроде Виктора Гюго в маленьком формате и, понятно, без его устремлений [5]. Вам известно, что этот Скопин Шуйский одно из замечательнейших явлений нашей истории, единственное, быть может, по своему размеру на всем протяжении наших летописей. Это цивилизованный герой, герой на западный лад. Между тем в драме не он является первенствующим лицом, а Ляпунов. Этот последний — дикарь, варвар, своей варварской грузностью совершенно подавляющий Шуйского, и он — является великим человеком данного поэтического произведения. Ему, следовательно, аплодисменты, ему фанатизм публики. Вам понятно, куда клонит эта прекрасная концепция. Там есть места, исполненные дикой энергии и направленные против всего, идущего с Запада, против всякого рода цивилизации, а партер этому неистово хлопает! Вот, мой друг, до чего мы дошли.

Еще любопытную вещь найдете вы в Библиотеке. Крик бешеного безумца против немецкой философии [6]. Обратите на это свое внимание: никогда еще литературное бесстыдство, никогда еще цинизм духа не заходили так далеко; и что всего забавнее: эта статья помещена бок о бок с прелестнейшим письмом Жуковского, пропитанным немецким духом [7].

В настоящую минуту у нас происходит какой-то странный процесс в умах [8]. Вырабатывается какая-то национальность, которая, не имея возможности обосноваться ни на чем, так как для сего решительно отсутствует какой-либо материал, будет, понятно, если только удастся со-

орудить что-нибудь подобное, совершенно искусственным созданием. Таким образом, поэзия, история, искусство, все это рухнет в бездну лжи и обмана, и это в тот век, когда, в других местах, огромный анализ расправляется с последними остатками иллюзий в областях понимания. В настоящее время невозможно предвидеть, куда это нас приведет; быть может, в глубине всего этого скрывается некоторое добро, которое и проявится в назначенный для сего час; возможно, что это тоже своего рода анализ, который приведет нас в конце концов к сознанию того, что мы должны искать обоснования для нашего будущего в высокой и глубокой оценке нашего настоящего положения пред лицом века, а не в некотором прошлом, которое является не чем иным, как небытием. Как бы то ни было, в ожидании того, что предначертания Провидения станут явными, это направление умов представляется мне истинным бедствием. Скажите, разве это не жалость видеть, как мы в то время, как все народы братаются, и все местные и географические отличия стираются, обращаемся таким образом вновь на себя и возвращаемся к квасному патриотизму? Вы знаете, что я держусь того взгляда, что Россия призвана к необъятному умственному делу: ее задача дать в свое время разрешение всем вопросам, возбуждающим споры в Европе. Поставленная вне того стремительного движения, которое уносит там умы, имея возможность спокойно и с полным беспристрастием взирать на то, что волнует там души и возбуждает страсти, она, на мой взгляд, получила в удел задачу дать в свое время разгадку человеческой загадки. Но если это направление умов продолжится, мне придется проститься с моими прекрасными надеждами: можете судить, чувствую ли я себя ввиду этого счастливым. Мне, который любил в своей стране лишь ее будущее, что прикажете мне тогда делать с ней? Этой точке зрения, свободной от всяких предрассудков, от всяких эгоизмов, замедляющих еще в старом обществе конечное развитие разума, точке зрения, к которой понуждает нас самая природа вещей, этому могучему порыву, который должен был перенести нас одним скачком туда, куда другие народы могли придти лишь путем неслыханных усилий и пройдя через страшные бедствия, этой широкой мысли, которая у других могла быть лишь результатом духовной работы, поглотившей целые века и поколения,

предпочитают узкую идею, отвергнутую в настоящее время всеми нациями и повсюду исчезающую. Ну что ж, пусть будет так; я больше в это вмешиваться не стану. Я громко высказал мою мысль, остальное будет делом Бога. Будьте здоровы, мой друг. Adveniat regnum tuum *.

Доставьте мне удовольствие, соберите кой-какие сведения о некоем Филарете Шаль, превосходные статьи которого попадаются мне в Revue de Paris. Затем, что такое аббат Лакордер? Свечина может вам наверное сообщить кой-что о нем. Кн. Мещерская вернулась и поручила мне сказать вам, что она говорила о ваших Обливанцах** и что эти маленькие преследования происходят без ведома высших властей, и что преследователи уже получили выговор по этому поводу.

1 Мая.

71. А. И. Тургеневу

Вот, дорогой друг, рукопись, которую я обещал прислать вам [1], это лишь новый экземпляр того, что у вас есть; но он может на этот раз, думается мне, без стыда появиться перед публикой цивилизованного мира. Поспешите, пожалуйста, уведомить меня о получении. Вы понимаете, что я не вполне уверен в его благополучном прибытии. Впрочем заботу о нем взял на себя Мейндорф. Мейндорф много рассказывал мне о какой-то France littéraire [2], где он во что бы то ни стало хочет напечатать меня. В добрый час. Но что такое France littéraire? Сиркуры [3] не больно ее хвалят. Это, говорят, партийное предприятие. Не забудьте сообщить мне, получили ли вы длинное письмо в ответ на ваше письмо из Вены, где я писал вам о всякой всячине, главным образом о некоторых наших литературных произведениях. На этот раз я вам не сообщу ничего. Итак, будьте здоровы. Если правда, что вы все еще в Париже, в этом центре мрачного света, то не забудьте, когда будете писать мне, послать мне несколько лучей этого мрака, ну хотя бы что-нибудь

---

* Да приидет Царствие Твое (*лат.*) – цитата из Евангелия от Матфея (6, 10).

** В оригинале слово «Обливанцы» написано по-русски. Значение его непонятно.

Мишле, Лерминье, проповедь Лакордера и т. д., и т. д. Передайте, пожалуйста, пожатие руки из самых нежных вашему брату [4]. Adveniat regnum tuum *.

72. А. И. Тургеневу (октябрь—ноябрь)

Благодарю вас, мой друг, за ваши крайне интересные сообщения. Это — настоящее обозрение в форме письма. Ваше письмо из Лондона [1] в особенности живо меня заинтересовало. Значит правда, что существует только одна мысль от края до края вселенной; значит действительно есть вселенский Дух, царящий над миром, тот Welt-Geist **, о котором говорил мне Шеллинг, и перед которым он так величественно склонялся; можно, значит, подать руку другому на огромном расстоянии; для мысли не существует пространства, и эта бесконечная цепь единомысленных людей, преследующих одну и ту же цель всеми силами своей души и своего разума, идет, следовательно, в ногу и объемлет своим кольцом всю вселенную. Продолжайте давать мне чувствовать движение мира, ваши труды, я надеюсь, не пропадут даром. Есть, впрочем, вещи, которые ускользают от вас. Вы ничего мне не сказали, например, о последнем сочинении Гейне. Правда, что большая часть глав этой странной книги появилась уже раньше в различных журналах; но не может быть, чтобы соединение их в одно целое не вызвало волнения в философском мире. Знаете, как я назвал Гейне? Фиески в философии. Вы знаете, что он проводит параллель между Кантом и Робеспьером, Фихте и Наполеоном, и Шеллингом и Карлом X. Я, следовательно, только продолжил параллель и вполне естественно пришел к ужасающему сочетанию этих двух сатанинских существ, представляющих, как тот, так и другой, цареубийц, каждый на свой лад [2]. Смею думать, что этот новый Фиески немногим лучше старого; но во всяком случае его книга есть покушение, во всем подобное бульварному, с тою только разницею, что короли Гейне законнее короля Фиески; ибо это, во-первых, сам Господь Бог, а затем все помазанные науки и философии. В остальном, тот же анархический принцип, то же следствие вашей прослав-

* Да приидет Царствие Твое (*лат.*).
** Мировой дух (*нем.*).

ленной революции; наконец, как тот, так и другой бесспорно вышли из парижской грязи.

Я не знаю, каково в настоящее время ваше мнение об этом вулканическом извержении всей накопленной Францией грязи, выбросившем в свет плачевную золотую посредственность; что до меня, то я с каждым днем нахожу новые основания негодовать на него. Поверьте мне, оно отодвинуло мир на полстолетия назад, спутало окончательно все социальные идеи, и Бог знает, когда они еще распутаются! Это суждение есть суждение ума беспристрастного в той степени, в какой это только возможно, ибо это ум русский, доведенный до пределов свойственной ему безличности. Вы знаете, что, по моим воззрениям, русский ум есть ум безличный по преимуществу. Дело в том, что оценить, как следует, европейские события можно лишь с того расстояния, на котором мы от них находимся. Мы стоим, по отношению к Европе, на исторической точке зрения, или, если угодно, мы — публика, а там актеры, нам и принадлежит право судить пьесу.

Эта великая пьеса, которая разыгрывается народами Европы и на представлении которой мы присутствуем в качестве холодных и беспристрастных зрителей, напоминает маленькую пьесу Загоскина, которая в скором времени будет поставлена здесь, на которую также будет взирать беспристрастная и холодная публика, и заглавие которой Недовольные [3]. Недовольные! Понимаете вы всю тонкую иронию этого заглавия? Чего я, с своей стороны, не могу понять, это — где автор разыскал действующих лиц своей пьесы. У нас, слава Богу, только и видишь, что совершенно довольных и счастливых людей. Глуповатое благополучие, блаженное самодовольство, вот наиболее выдающаяся черта эпохи у нас; и что особенно замечательно, это то, что как раз в то время, когда все эти слепые и страстные национальные самоутверждения, враждебные друг другу, унаследованные христианскими народами от времен язычества, сглаживаются и все цивилизованные нации начинают отрекаться от презрительного самодовольства в своих взаимных отношениях, нам взбрело в голову стать в позу бессмысленного созерцания наших воображаемых совершенств. Говорят, что О...[4] и я выведены в новой пьесе. Странная мысль сделать недовольного из О..., из этого светского человека, во всех отношениях счастливого, счастливого до фанатичности.

А я, что я сделал, что я сказал такого, что могло бы послужить основанием к обвинению меня в оппозиции? Я только одно непрестанно говорю, только и делаю, что повторяю, что все стремится к одной цели, и что эта цель царство Божие. Уж не попала ли невзначай молитва Господня под запрет? Правда, я иногда прибавляю, что земные власти никогда не мешали миру идти вперед, ибо ум есть некий флюид несжимаемый, как и электричество; что нам нет дела до крутни Запада, ибо сами-то мы не Запад; что Россия, если только она уразумеет свое призвание, должна принять на себя инициативу проведения всех великодушных мыслей, ибо она не имеет привязанностей, страстей, идей и интересов Европы. Что же во всем этом еретического, скажите на милость? И почему бы я не имел права сказать и того, что Россия слишком могущественна, чтобы проводить национальную политику; что ее дело в мире есть политика рода человеческого; что Император Александр прекрасно понял это, и что это составляет лучшую славу его; что Провидение создало нас слишком великими, чтоб быть эгоистами; что оно поставило нас вне интересов национальностей и поручило нам интересы человечества; что все наши мысли в жизни, науке, искусстве должны отправляться от этого и к этому приходить; что в этом наше будущее, в этом наш прогресс; что мы представляем огромную непосредственность без тесной связи с прошлым мира, без какого-либо безусловного соотношения к его настоящему; что в этом наша действительная логическая данность; что если мы не поймем и не признаем этих наших основ. весь наш последующий прогресс во веки будет лишь аномалией, анахронизмом, бессмыслицей. Пеняйте на Загоскина за всю эту болтовню, но позвольте вам сказать еще и следующее. В нас есть, на мой взгляд, изумительная странность. Мы сваливаем всю вину на правительство. Правительство делает свое дело, только и всего, давайте делать свое, исправимся. Странное заблуждение считать безграничную свободу необходимым условием для развития умов. Взгляните на Восток! Разве это не классическая страна деспотизма? И что ж? Как раз оттуда пришел миру всяческий свет. Взгляните на арабов! Имели ли они хоть какое-нибудь представление о счастьи, даруемом конституционным режимом? И тем не менее мы им обязаны доброй частью наших познаний. Взгляните

на средние века. Имели ли они хоть малейшее понятие о несказанной прелести золотой посредственности? И однако именно в средние века человеческий ум приобрел свою наивеличайшую энергию. Наконец, думаете ли вы, что цензура, упрятавшая Галилея в тюрьму, в чем-либо уступала цензуре Уварова и присных его? И тем не менее земля вертится себе после пинка, данного ей Галилеем! Следовательно, будьте гениальны, и увидите.

Я только что прочел в journal des Débats превосходную статью Марка Жирардена по поводу нового издания св. Иоанна Златоуста. Если вы знакомы с Жир., то скажите ему, что московский философ, из ваших друзей, просит вас передать ему благодарность за нее. Нужно, чтобы там знали, что хорошее находит отголосок даже и в сих областях, где средняя температура пятнадцать дней кряду стоит на 30° Реомюра, как было у нас недавно, и что холод, замораживающий ртуть, не замораживает глубокой идеи. Быть может, также они поймут, что наш век не столь атеистичен, как о нем говорят, когда увидят, что религиозная идея немедленно встречает привет даже в столь отдаленной стране, как только она выражена выдающимся умом.

Жир. показывает, что весь прогресс физических наук за последнее время клонится к подтверждению системы, изложенной в библейской книге Бытия, и основывается на новом трактате об электричестве Беккереля. Как раз в то время, как я сел писать вам, я кончал чтение этого трактата. Любопытно то, что сам автор не подозревает, что его книгу можно использовать в этом смысле, он даже опровергает те доводы, которые Кювье приводит в пользу космогонии Моисея. Я напал при чтении еще на одно странное обстоятельство. Как это случилось, что в великое дело электричества, в котором приняли участие люди всех цивилизованных наций, мы не внесли ничего. Кое-какие наблюдения над земным магнетизмом, сделанные чужестранцами, например, Купфером, и это, пожалуй, все. Однажды попадается имя Симонова, из Казани, и то с тем, чтоб сказать ему, что его наблюдение ровно ничего не стоит. Приходится признаться, что в нашей умственной организации есть какой-то глубокий недостаток. Мы совершенно лишены, например, способности к логической последовательности, духа метода и по-

степенности. Спурцгейм в своей френологической классификации человеческих способностей дает этой группе название органа причинности; вот этот-то орган и остался без развития в нашем бедном мозгу; стоит только пощупать свой череп, чтоб убедиться в этом. Дело в том, что идея никогда не властвовала среди нас; мы никогда не были движимы великими верованиями, могучими убеждениями. Что представляют собой, в самом деле, мелочные события нашей религиозной истории по сравнению со вспышками христианской мысли на Западе? И не говорите, что мы молоды, что мы отстали от других народов, что мы нагоним их. Нет, мы столь же мало представляем собой XVI или XV век Европы, сколь и XIX век. Возьмите любую эпоху в истории западных народов, сравните ее с тем, что представляем мы в 1835 году по Р. Х., и вы увидите, что у нас другое начало цивилизации, чем у этих народов; вы увидите, что эти нации всегда жили жизнью одушевленной, разумной, плодотворной, что им с самого начала дана была некоторая идея, и что погоня за этой идеей, ее развитие создали всю их историю; что, наконец, они всегда творили, выдумывали, изобретали. Скажите мне, где та идея, которую мы развиваем? Что мы открыли, выдумали, создали? Поэтому нам незачем бежать за другими; нам следует откровенно оценить себя, понять, что мы такое, выйти из лжи и утвердиться в истине. Тогда мы пойдем вперед, и пойдем скорее других, потому что пришли позднее их, потому что мы имеем весь их опыт и весь труд веков, предшествовавших нам. Люди Европы странно ошибаются на наш счет. Вот, к примеру, Жуффруа сообщает нам, что наше предназначение — цивилизовать Азию. Прекрасно; но спросите его, пожалуйста, где те народы Азии, которые были цивилизованы нами? Разве что мастодонты и остальное ископаемое население Сибири; насколько мне известно, это единственный род существ, выведенный нами из мрака, да и то благодаря Палласам и Фишерам. Они упорно уступают нам Восток; по какому-то инстинкту европейской национальности они оттесняют нас на Восток, чтобы не встречать нас больше на Западе. Нам не следует попадаться на их невольную хитрость; постараемся сами открыть наше будущее, и не будем спрашивать у других, что нам делать. Восток — удел господствующих над морями, это очевидно; мы значительно более удалены от

него, чем англичане, и теперь уже не те времена, когда все перевороты на Востоке шли из центральной Азии. Новый устав Индийской Компании, вот отныне действительное цивилизующее начало Азии. Мы призваны, напротив, обучить Европу бесконечному множеству вещей, которых ей не понять без этого. Не смейтесь: вы знаете, что это мое глубокое убеждение. Придет день, когда мы станем умственным средоточием Европы, как мы уже сейчас являемся ее политическим средоточием, и наше грядущее могущество, основанное на разуме, превысит наше теперешнее могущество, опирающееся на материальную силу. Таков будет логический результат нашего долгого одиночества; все великое приходило из пустыни. Могучий голос, на этих днях раздавшийся в мире, в особенности послужит к ускорению исполнения судеб наших.

Пришедшая в остолбенение и ужас, Европа с гневом оттолкнула нас; роковая страница нашей истории, написанная рукой Петра Великого, разорвана; мы, слава Богу, больше не принадлежим к Европе: итак, с этого дня наша вселенская миссия началась. Поэтому обратите внимание, что никогда еще ни одно действие правительства не было встречено более единодушными симпатиями нации, никогда не видано было более совершенного согласия между чувствами государя и чувствами народов! Ибо в данном случае само Провидение говорило устами монарха: вот почему все инстинкты нации преклонились перед этим глаголом свыше.

Но, впрочем, будет философствовать; поговорим немного о себе. Я получил недавно вести о нашем славном Шеллинге через молодого Гагарина [5]. Если все, что этот молодой человек передал мне от имени философа, не преувеличено, то я не могу не быть весьма тронутым этим приложением учения о Тождестве к моей незначительной персоне. По-видимому, жалкая статья Библиотеки [6] не дошла до него. Но вы ничего мне не пишете больше о Балланше.

А знаете, что я было построил целую философию на его симпатиях. Признаюсь вам, впрочем, что я был крайне удивлен его суждению о моей статье; плохой экземпляр, бывший в его руках, не давал мне оснований рассчитывать на это. Как бы то ни было, в интересах философии вам не следовало бы давать порваться связям, установлению которых вы сами содействовали. Еще с кем

бы мне очень хотелось установить сношения, это де-Женуд. Есть что-то живое в этой душе священника: он не смотрит, сложа руки, на проходящих мимо людей, он стучится во все двери, он везде со своим Христом. Такова католическая философия. Начало католичества есть начало деятельное, начало социальное, прежде всего. Этот характер вы найдете в нем во все эпохи нового времени. Одно оно восприняло Царство Божие не только как идею, но еще и как факт, ибо одно оно владело теми священными традициями, тем учением избранных, которые во все времена поддерживали существование мира, причем этот последний даже и не подозревал об этом. In mundo erat, et mundus per ipsum factus est, et mundus eum non cognovit *. Как видите, моя религия не совсем совпадает с религией богословов, и вы можете мне сказать, пожалуй, что это и не религия народов. Но я вам скажу, что это та религия, которая скрыта в умах, а не та, которая у всех на языке, что это религия вещей, а не религия форм; что это религия, какова она есть, а не какова она нам кажется; наконец, что это та предвосхищенная религия, к которой в настоящее время взывают все пламенные сердца и глубокие души, и которая, по словам великого историка будущего, станет в грядущем последней и окончательной формой поклонения и всей жизнью человечества; но которая, в ожидании этого, не сталкивается с народными верованиями, а, напротив, в своей любвеобильности приемлет их, хотя и идет дальше их. Если бы в те времена, когда я искал религии, я встретил бы в окружающей меня среде готовую, я наверное принял бы ее; но не найдя таковой, я принужден был принять исповедание Фенелонов, Паскалей, Лейбницов и Бэконов. Вы, между прочим, были неправы, когда определили меня как истинного католика. Я, конечно, не стану отрекаться от своих верований; да, впрочем, мне было бы и не к лицу теперь, когда моя голова начинает покрываться сединой, извращать смысл целой жизни и всех убеждений моих; тем не менее, признаюсь, я не хотел бы, чтобы двери убежища захлопнулись передо мной, когда я постучусь в них в одно прекрасное утро. Пусть сие заключение моей речи не смущает вас; вы знаете, что

---

* В мире был, и мир Через Него начал быть, и мир Его не познал (*лат.*) (Иоан. 1, 10).

я уже с давних пор готовлюсь к катастрофе, которая явится развязкой моей истории. Моя страна не упустит подтвердить мою систему, в этом я нимало не сомневаюсь.

Будьте здоровы, мой друг. Смею надеяться, что вы не будете больше упрекать меня в безмолвии и сами не измените вашим добрым привычкам. Сообщите мне, как поживает Свечина, вы не можете не понимать, сколь глубоко я интересуюсь всем, что касается этой дамы. Что касается ваших поручений, то они исполняются по мере их получения, если не всегда с успехом, то по крайней мере всегда с усердием. Впрочем, нужно было бы быть более сведущим в физиологии страстей, чем я, чтобы с успехом служить вам при всех обстоятельствах. Во всяком случае, я вас крепко люблю и делаю, что могу. *Ad⟨veniat⟩ reg⟨num⟩ tuum* *.

Княгиня Мещерская приезжает на днях из деревни, итак, я буду иметь случай поговорить с ней о вас.

Вот уже месяц, как написано это письмо. Булгакова не было в Москве. По-видимому, он уже давно вернулся, но я узнал об этом только вчера. Отправлю его, как оно есть, дабы не брать на себя труда писать новое. За это время я получил брошюру Экштейна [7]. Передайте ему, пожалуйста, что я весьма тронут этой чисто философской любезностью, и что я не замедлю написать ему. Вы не говорите мне ничего ⟨об этом⟩ человеке, который так долго был лучшим из друзей. Это нехорошо с вашей стороны.

73. Луи Филиппу (не позднее 1835)

Государь,

Великие короли никогда не пренебрегали искусствами. Благодарные народы наградили Ваше величество многочисленными именами, среди которых есть звание восстановителя и охранителя французских памятников, и Вы сами, государь, как говорят, гордитесь этим титулом. У каждого народа есть свои памятники, и все народы в совокупности создают то историческое и монументальное искусство, которое в наши дни столь глубоко ощущается народом благодаря просвещенному

* Да приидет Царствие Твое (*лат.*).

покровительству Вашего величества. Безвестный артист из далекой и малоизвестной в прекрасной Франции страны, я осмеливаюсь положить к ногам Вашего величества первые страницы труда, в котором я поставил своей целью указать основные памятники архитектуры моей родины. Я подумал, что Вы соизволите бросить взгляд на эти страницы, ибо Вам известно, что Искусство едино и что различные формы, в которых оно так или иначе выражается, есть не что иное, как разные образы одного чувства, которое подвигает человека к постижению и замыслу идеи прекрасного своим умом, и что, следовательно, они объясняют и дополняют друг друга. Но, быть может, Ваше величество не ведаете, что вкус к местному * искусству сейчас приобретает у нас особое значение. Он является следствием общего стремления к национальным истокам, от которых мы были в последнее время слишком удалены и, быть может, в этом отношении предлагаемые страницы чем-то заинтересуют Ваше величество и дадут Вам возможность лучше понять состояние нашей цивилизации, чем это обычно происходит по отношению к стране, которая вручила Вам свою судьбу.

Государь! Царящий ныне мирный дух своим существованием частично обязан мудрому образу мыслей французского правителя, детищем которого является взаимное сближение народов. Быть может, Ваше величество воспримете этот скромный дар из далекой страны как результат влияния на нашу эпоху Вашей высокой мудрости и новое доказательство глубокого почтения к Вам со стороны чужеземных народов.

1836

74. Ф. д'Экштейну

Москва. 15 апреля

Сударь!

Я был необычайно польщен, получив ваш анализ Катха-упанишады [1]. Ваше имя, сударь, уже давно является для меня символом одной из глубочайших идей нашего века; честью писать вам я обязан, разумеется,

* т. е. национальному (*примеч. переводчика*).

не только литературной вежливости, а широкому приложению той же идеи, если не ошибаюсь, прежде всего идеи единения (и вызывающей поэтому) особую симпатию [2]. И позвольте сказать вам, что вы, люди Запада, живущие в недрах великого мирового умственного движения, возможно, не вполне ясно понимаете всю ценность тех идей, которые, заполняя вашу повседневную жизнь, являются, однако же, для нас событиями исключительными. Всемогущий принцип единства, сформировавший мир, в котором вы живете, развил в нем также симпатические способности сердца человеческого. Вы знаете, что мы были лишены этого принципа; так что вполне естественно, что мы не испытали на себе его последствия. Но когда из этих возлюбленных небом краев, где сбываются наши желания, исполняются надежды и воплощаются наши идеи, до нас доходит благословенное дуновение, мы счастливы и горды.

Ваша новая философская критика представляет исключительный интерес. Мы здесь плохие индологи; я не располагаю средствами, необходимыми для того, чтобы в полную меру оценить <нрзбр.> работу <нрзбр.>, и я не смог еще достать книгу г-на Полей [3], в которой я нашел бы всю поэму (Катха-упанишаду) целиком; но я ясно вижу, что на нескольких страницах изложено целое учение, из которого вытекает (много) плодотворных идей для тех учений, которые нам близки. Вот великий синтез, рожденный мыслью (нашего) времени. Вот та католическая философия, одним из наиболее искусных проводников которой вы являетесь. И высокое значение этого сродства легко уразуметь: оно нас учит, что источник всех человеческих знаний — один, что отправная точка для всех человеческих семей едина; что развитие их пошло разными путями по их собственному усмотрению, но между ними всеми обязательно существует точка соприкосновения; таким образом, чтобы достичь слияния всей распространенной на земле мудрости, потребуется найти силы, благодаря которым они соприкоснутся, после чего конечная работа человеческого разума совершится сама собой.

Именно в этом я всегда видел ценность изучения Востока, этого великого музея традиций человечества. Но вы, сударь, привнесли в это изучение новую жизнь, редкую эрудицию, высокие убеждения, огромную идею, предвос-

хищающую результаты. Вы возвеличили эту область науки грандиозностью вашей точки зрения. Мы осмысливаем издалека ваши благородные усилия и будем рукоплескать вместе со всем миром, когда появится плод ваших бдений. Достигнут ли вас наши рукоплескания, не знаю. Но если какое-то случайно дошедшее до вас эхо донесет до вас что-либо, соблаговолите принять среди этих отдаленных одобрений одобрение человека, которому вы так любезно протянули руку.

Две вещи, больше всего поразившие меня в философии индусов, я нашел в вашей поэме (Катха-упанишаде). Во-первых, то, что нравственное усовершенствование и сама вечная жизнь являются всего лишь результатом познания того, что все заветы, все обряды, вся суровая гигиена души, за которую так ратуют их книги,— все это направлено только на обретение знания. Нет ли в этой системе какой-то особой глубины, и не находите ли вы, что мудрость Запада может извлечь из нее пользу? Во-вторых, стремление этой философии упразднить идею времени. Эта идея, как представляется, всегда проявляется только как бремя, от которого душа человеческая пытается избавиться, как иго, которое она силится сбросить. Индийский гений всегда с каким-то нетерпением спорит с пределами времени. Отсюда, я думаю, это чудовищная хронология, отсюда это различие между годами людей и богов. Возможно, что, ища там опоры для собственных идей, я увидел в Ведах то, что хотел увидеть, потому что, признаюсь, я полагаю, что добро, как и вечность, которая есть не что иное, как абсолютное добро, является конечной целью познания, а идея времени, в которую дух человеческий добровольно себя заточил,— одним из наиболее гнетущих предрассудков нашей логики [4]. Чтобы моя мысль стала полностью понятной для вас, она нуждается в дальнейшем развитии, которое здесь неуместно, но мне было бы приятно побеседовать с вами об этом в другой раз. Как бы то ни было, сударь, в том, что касается Индии, я всецело полагаюсь на ваш авторитет. Счастлив, уверяю вас, что встретил на своем пути силу, которую разум признает без колебаний,— вещь редкая для наших широт [5].

Соблаговолите принять, сударь, уверения в моем высоком уважении и моей глубокой преданности.

Петр Чаадаев

75. *И. Д. Якушкину*

Москва, 2 мая

Дорогой друг. Вот книга [1], которую тебе посылает г-жа Левашова. Я подменил предназначенный тебе экземпляр другим, которым сам пользовался, с той целью, чтобы ты сосредоточил свое внимание на тех местах, которые привлекли и мое: они подчеркнуты моим карандашом. Мне было чрезвычайно отрадно узнать о твоих усидчивых занятиях, способных так сильно смягчить тяготы твоей жизни. Мне известно, что в ссылке ты не переставал накапливать знания. Великое благо судьбы, что она тебе позволила сохранить вкус к науке среди ужасов, обрушившихся на тебя по людскому суду. Не может быть, чтобы ты не ощущал за это глубокой благодарности по отношению к тому, от кого исходят все блага, каковы бы, впрочем, ни были твои теперешние философские убеждения. Со своей стороны, я глубоко верю, что в награду за стойкую и вместе с тем спокойную покорность судьбе в несении своего жребия и за неизменно сохраняемые под давлением страшного бедствия чувства кроткого благорасположения и совершенной любви, тебе уже дарованы новые откровения в постижении многих вещей. И поэтому, приглашая тебя тщательно вникнуть в некоторые из подчеркнутых в этой книге отрывков, я, наверное, лишь продолжаю дело, уже начатое богом. В конце концов общее представление о природе, вытекающее из последних завоеваний естественных наук, сводится к подтверждению всей космогонической и бытийной [2] системы еврейских преданий; это вытекает из всякого нового открытия, из всякого шага вперед человеческого разума, и особенно любопытно то, что Беккерель, опровергая Кювье, который уже представил основательные доводы в защиту этой системы, со своей стороны приводит новые, еще более убедительные.

Как видишь, письмо это должно было служить введением к предстоящему тебе чтению, но мог ли я тебе писать и не затронуть при этом многое другое, не окинуть горестным взором былое, все проникнутое дружбой, не воскресить в памяти дни, протекавшие в сладостном общении на самом краю бездны [3].

Ах, друг мой, как это попустил господь совершиться тому, что ты сделал? Как мог он тебе позволить до такой

степени поставить на карту свою судьбу, судьбу великого народа, судьбу твоих друзей, и это тебе, тебе, чей ум схватывал тысячу таких предметов, которые едва приоткрываются для других ценою кропотливого изучения? Ни к кому другому я бы не осмелился обратиться с такою речью, но тебя я слишком хорошо знаю и не боюсь, что тебя больно заденет глубокое убеждение, каково бы оно ни было.

Я много размышлял о России с тех пор, как роковое потрясение так разбросало нас в пространстве, и я теперь ни в чем не убежден так твердо, как в том, что народу нашему не хватает прежде всего — глубины. Мы прожили века так, или почти так, как и другие, но мы никогда не размышляли, никогда не были движимы какой-либо идеей; и вот почему вся будущность страны в один прекрасный день была разыграна в кости несколькими молодыми людьми, между трубкой и стаканом вина. Когда восемнадцать веков назад истина воплотилась и явилась людям, они убили ее; и это величайшее преступление стало спасением мира; но если бы истина появилась вот сейчас, среди нас, никто не обратил бы на нее никакого внимания, и это преступление ужаснее первого, потому что оно ни к чему бы не послужило.

Как бы я был счастлив, если бы в тот день, когда ты сможешь написать мне, а день этот, говорят, близок, первые твои слова, направленные ко мне, подтвердили, что ты теперь осознал свою страшную ошибку и что в своем уединении ты пришел к заключению, что заблуждение может быть искуплено перед высшей правдой не иначе, как путем его исповедания, подобно тому как ошибка в счете может быть исправлена лишь после ее признания.

Прощай, друг мой, горжусь тем, что смог сказать тебе эти вещи с уверенностью, что душа твоя этим не оскорбится и что твое высокое понимание сумеет разглядеть в сказанном внушившее его чувство.

Я тебе ничего не сказал о моем брате потому, что он в Нижнем, и потому, что я редко получаю от него вести. Натали Шаховская и ее сестра часто говорят со мною о тебе. Твои дети на днях приходили повидаться со мной. Я их обнял с чувством и счастья и грусти.

Петр Чаадаев.

76. *А. С. Пушкину*

⟨Первая половина мая⟩ [1]

Я ждал тебя любезный друг вчера, по слову Нащокина, а нынче жду по сердцу. Я пробуду до восьми часов дома, а потом поеду к тебе. В два часа хожу гулять и прихожу в 4.

Твой Чаадаев

77. *А. И. Тургеневу*

Москва, 25 мая.

Вот, дорогой друг, письмо к барону Экштейну [1]. Не знаю, где оно застанет вас, ибо вы мне пишете об отъезде, но не говорите мне, в какие страны света вы направляете свои шаги. Я промедлил с письмом к барону ввиду того, что гг. *Наблюдатели* [2] предполагали использовать его брошюру [3] для своего журнала. Они ничего не сделали в этом смысле, а я тем временем откладывал писание со дня на день, чтобы иметь возможность сказать ему что-нибудь по этому поводу. Говорят, что мы находимся по соседству с Индией: не правда ли, что мы проявляем отменное любопытство по отношению к индийским делам.

Скажите все это Экштейну, если эти письма прибудут в Париж до вашего отъезда. Вы пишете мне о целом ряде вещей, которые вы выслали Вяземскому, и которые он должен был передать мне по прочтении. Я еще ничего из этого не получал. Ни «*Молитвы Господней*», ни Лакордера [4]. Кстати, надеюсь, что он в Риме примет меры, чтобы стать папой: я гарантирую ему благодать Св. Духа. Святой Дух был всегда Духом века, вот что следует понять хорошенько. Что в настоящее время нужно Церкви, так это Гильдебранда, который столь же был бы проникнут духом своего времени, сколь тот был проникнут духом своего. Почему бы вашему Лакордеру не быть призванным к сему человеком? Глубокие вещи зарыты в демократическом элементе папства. Кто знает, быть может грядущему конклаву суждено возродить Церковь?

У нас здесь Пушкин [5]. Он очень занят своим Петром Великим. Его книга придется как раз кстати, когда будет разрушено все дело Петра Великого: она явится над-

гробным словом ему. Вы знаете, что он издает также журнал под названием *Современник*. Современник чего? XVI-го столетия, да и то нет? Странная у нас страсть приравнивать себя к остальному свету. Что у нас общего с Европой? Паровая машина, и только. У Токвиля есть глубокая мысль, которую он украл у меня, а именно, что *точка отправления народов определяет их судьбы*[6]. У нас этого не хотят понять: а между тем в этом вся наша история. Поэтому, более чем когда-либо: *Да приидет Царствие Твое*. Княгиня Мещерская не менее меня жаждет получить хоть несколько строк Лакордера, что не мешает ей посылать вам дружеский привет. Будьте здоровы, мой друг.

78. С. С. Мещерской

15 октября, 1836.

Вот, княгиня, брошюра, которая для вас будет интересна, я в том уверен,— это моя статья, переведенная и напечатанная по-русски[1]. Публичность схватила меня за ворот в то самое время, как я наименее того ожидал. Сначала вы найдете этот случай странным, без сомнения, но подумавши, перемените мнение. В чем же, после всего, чудо, что идея, которой от рода скоро будет две тысячи лет, идея, преподаваемая, чтимая, проповедуемая тысячью высокими умами, тысячью святыми, наконец пробила себе свет у нас? Не гораздо ли бы было страннее, если бы она никогда того не сделала? Если правда, что христианство в том виде, как оно соорудилось на Западе, было принципом, под влиянием которого там все развернулось и созрело, то должно быть, что страна, не собравшая всех плодов этой религии, хотя и подчинившаяся ее закону, до некоторой степени ее не признавала, в чем-нибудь ошиблась насчет ее настоящего духа, отвергла некоторые из ее существенных истин. Последующего вывода никак, следовательно, нельзя было отделить от первоначального принципа, и то, что было причиной воспроизведения принципа, вынудило также и обнаружение последствия.

Говорят, что шум идет большой; я этому нисколько не удивляюсь. Однако же мне известно, что моя статья заслужила некоторую благосклонность в известном слое

общества. Конечно, не с тем она была писана, чтобы понравиться блаженному народонаселению наших гостиных, предавшихся достословному быту виста и реверси. Вы меня слишком хорошо знаете и, конечно, не сомневаетесь, что весь этот гвалт занимает меня весьма мало. Вам известно, что я никогда не думал о публике, что я даже никогда не мог постигнуть, как можно писать для такой публики, как наша: все равно что обращаться к рыбам морским, к птицам небесным. Как бы то ни было, если то, что я сказал, правда, оно останется; если нет, незачем ему оставаться.

Есть, княгиня, люди и вам знакомые, которые находят, что в интересе общественном полезно бы было воспретить автору пребывание в столице. Что вы об этом думаете? Не значит ли это слишком мало придавать значения интересу общественному и слишком много автору? По счастию, наше правительство всегда благоразумнее публики; стало быть, я в доброй надежде, что не шумливые крики сволочи укажут ему его поведение [2]. Но если бы по какому случаю желание этих добрых людей исполнилось, я к вам приду, княгиня, просить убежища, и таким образом узнаю то, что серьезные религиозные убеждения, самые разнородные, всегда симпатизируют друг с другом.

79. М. Бравуре ⟨октябрь⟩

Не знаю, сударыня, должен ли я благодарить или досадовать на Ваше письмо, письмо это так мрачно и грустно! Нет следа улыбки на вашем прекрасном лице, которое при чтении так ясно вспомнилось, на нем чуть не слезы! Должно быть, свет в Петербурге до крайности неблагодарен или безрассуден, раз он не стремится дать вам счастья. Но, может быть, в Петербурге поступают так, как поступали и здесь, и так же как и здесь даром теряют время! Вы свободны блистать лишь сквозь облака. И я должен признаться, меня пленяет ваша гордая меланхолия, нимб облаков вам чудесно пристал, вид блаженного довольства вам бы сильно повредил. Когда-то я вам сказал, что глядя на вас, забываешь о себе; вы видите теперь, что при одной мысли о вашей красоте так ею увлекаешься, что не можешь думать ни о чем другом; но я твердо надеюсь, что ваше плохое настроение —

только элегия. Я знаю, что вы произвели на свет живое существо, а вам этого в недавнем прошлом не дозволяли; из этого я заключаю, что ваше здоровье в порядке; я слышу, что вы служите предметом восхищения для окружающих, я заключаю, что вы обладаете счастьем в избытке, раз вы его разливаете вокруг себя. Если это не так, вы простите моему дружескому чувству отвергнуть мысль, которая его печалит, и не станете сомневаться в моем глубоком сочувствии ко всему, что вас касается.

Письмо, которое должен был вам передать кн. Голицын, не знаю уж как, но затерялось, и он жестоко пожалел об этом: ведь он фанатический поклонник вашей Италии; выражая вам свое почтение, он вообразил бы, что обращает его к этой самой Италии, которой вы служите столь прекрасным отображением.

Вы видите, я не сержусь на вас за маленькую сплетню об одном маленьком московском салоне. Я вывожу из нее одно только участие ваше ко мне, которое в этом выражается, а остальное приписываю лишь вашей природе красивой женщины, природе столь в вас привлекательной, что вам никогда нельзя от нее освободиться. Вы знаете, что у нас сейчас гости — великая сплетница [1], та самая знаменитая сплетница, которая создала всеевропейское сплетничанье, она скоро повергнет все это к вашим ногам; а пока — она у ног всех здешних красавиц и пользуется счастием у всех.

Я только что прочел прекрасные стихи, которые вы внушили Вяземскому: вот что значит счастливое внушение,— он ничего лучшего не написал. Кстати о стихах: до вас дойдет молва о некоей прозе [2], хорошо вам известной, скажите мне, прошу вас, об этом два слова. Крики негодования и похвалы так странно здесь перемешались, что я ничего не понимаю. В ваших местах может быть совсем не то; но что бы вы мне ни сообщили, мне будет дано услышать голос друга.

80. К самому себе от имени М. Ф. Орлова (октябрь)

Я имею сказать вам несколько слов, мой друг, о впечатлении, произведенном вашим письмом в публике, и у меня есть основания сказать их вам письменно. Вы помните, что я вам говорил, что ваши взгляды не найдут

сочувственного отклика в нашей стране. Не смею слишком подчеркивать мои предсказания, но вы должны признать, что ваш опыт их подтвердил. Мой национальный инстинкт меня не обманул. Более того, я мог бы поздравить себя с еще одним преимуществом. Я отнюдь не идеалист; как вы знаете, я придаю большое значение в делах этого мира материальному началу; и именно потому я смог лучше чем вы оценить настроение умов относительно вопроса, брошенного вами в нашу гущу. Абстракция, в которой вы обитаете, скрыла от вас истинный ход вещей. Я слишком хорошо вас знаю, чтобы не быть уверенным в том, что движение, произведенное вашим сочинением, вас отнюдь не удовлетворило, и хотя публикация статьи произошла не без вашей инициативы [1], я не сомневаюсь, что хотя вы согласились придать ей гласность, реакция оказалась совсем не такой, какую вы предвидели. Но в конце концов, поскольку вы никого не могли убедить, какова была польза от вашей публикации? Считатет ли вы, что вы достигли вашей цели, произведя некоторое волнение в умах, привлекая, быть может, их внимание к этим вопросам? Вот что я хотел бы знать, и вот что мне лучше спросить у вас письменно, нежели устно, дабы вы могли мне высказать все ваши мысли на свежую голову. Поэтому я вам предлагаю, именно в интересах ваших идей, незамедлительно взять перо в руки; и поверьте мне, что хотя я и не разделяю ваших взглядов по многим вопросам, я тем не менее слежу с большим интересом за развитием идеи, возвестившей о себе с такой энергией.

81. Н. П. Брянчанинову

Милостивый Государь
Никита Петрович.

Сейчас вспомнил, что два из моих сочинений, одно находилось вчера в руках переписчика, а другое просто в чужих руках [1]. Я полагаю, что не худо сделаю, если вам их препровожу, одно потому, что оно под нумером, следовательно, не видя этого нумера могли бы подумать, что я его скрыл, и что в нем заключается Бог весть что; сверх этого последовательность была бы нарушена, и читатель при чтении не понял бы моих мыслей; другое же потому, что в нем ⟨не⟩ заключаются такие места, кото-

рые бы желал, чтобы правительству были известны. При сем прилагаю оба сии сочинения. Прошу вас, если это не противно вашей обязанности, доставить мне в получении оных расписку.

Честь имею быть, Милостивый Государь, Ваш покорнейший слуга

Петр Чаадаев

Октября 30.

82. А. И. Тургеневу

Не знаю, известно ли вам уже, мой друг, о домашнем обыске, которым меня почтили. Забрали все мои бумаги. Мне остались только мои мысли: бедные мысли, которые привели меня к этой прекрасной развязке. Впрочем, я могу лишь одобрить похвальное любопытство властей, пожелавших ознакомиться с моими писаниями: от всего сердца желаю, чтобы это им пошло на пользу. Но не в этом дело. Во-первых: лишенный возможности продолжать мою работу, я скучаю, в первый раз в жизни. Самое удобное время для того, чтобы читать и учиться. Верните мне поэтому *Штрауса*[1], если возможно, и опровержения, которые вы мне обещали. Если у вас есть еще что-нибудь, какое-либо пространное сочинение, то не скупитесь и пришлите мне и его. Я не оставлю всего, а сделаю выбор. Не можете ли вы мне дать, например, книгу де Местра о Бэконе? [2] Надеюсь, что не злоупотреблю вашей снисходительностью, если попрошу вас об этом. Затем второе. Не думаете ли вы, что будут удивлены, не найдя ваших писем в моих бумагах? [3] Обдумайте поэтому, не будет ли в ваших интересах переслать их Бенкендорфу. Наконец, принуждены ли вы все еще сидеть дома? Если вы не в состоянии выходить, то я зайду к вам нынче вечером[4]; а то, если можете, зайдите вы ко мне сегодня же утром. *Да приидет Царствие Твое.*

83. С. Г. Строганову

8 ноября 1836

Не знаю, известна ли вам, граф, прилагаемая книга? Соблаговолите ее открыть на загнутой странице, вы в ней найдете главу, которая может послужить пояснением к статье, возбудившей против меня общественный крик.

Мне показалось, что я хорошо сделаю, указавши вашему вниманию эти страницы, писанные под мою диктовку [1], в которых мои мысли о будущности моего отечества изложены в выражениях довольно определенных, хотя неполных, и которые не были нескромным образом вынуты из моего портфеля. Для меня очень важно в интересе моей репутации хорошего гражданина, чтобы знали, что преследуемая статья не заключает в себе моего profession de foi *, а только выражение горького чувства, давно истощенного. Я далек от того, чтобы отрекаться от всех мыслей, изложенных в означенном сочинении; в нем есть такие, которые я готов подписать кровью. Когда я в нем говорил, например, что *«народы Запада, отыскивая истину, нашли благополучие и свободу»*, я только парафразировал изречение Спасителя: *«ищите царствия небесного и все остальное приложится вам»* [2], и вы понимаете, что это не одна из тех мыслей, которые бросаешь сегодня на бумагу, чтобы завтра стереть, но верно также и то, что в нем много таких вещей, которых бы я, конечно, не сказал теперь. Так, например, я дал слишком большую долю католицизму, и думаю ныне, что он не всегда был верен своей миссии; я не довольно оценил стоимость элементов, которых у нас недоставало, и думаю теперь, что они намного содействовали сооружению нового общества; я не говорил о выгодах нашего изолированного положения, на которые я теперь смотрю, как на самую глубокую черту нашей социальной физиономии и как на основание нашего дальнейшего успеха; я не показал, что всеми, сколько есть прекрасных страниц в нашей истории, мы обязаны христианству,— факт, который в настоящее время послужил бы мне к опоре моей системы. Одним словом, если правда, что в настоящее время, в спокойствии моего духа, я исповедую некоторые из мнений, изложенных тому назад шесть лет под впечатлением тягостного чувства (sentiment douloureux); достоверно также, что много мыслей слишком абсолютных, много мнений слишком резких (мною тогда исповедуемых), ныне принадлежат мне только в таком смысле, как всякий поступок, нами совершенный, всякое слово, нами произнесенное, конечно, принадлежит нам до нашего последнего дня, потому что мы отдадим в них отчет Верховному Судье, что

* Исповедание веры.

однако же вовсе не предполагает, чтобы мы были в них ответственны перед людьми. Поэтому-то я и решился, как вам о том и говорил, сам возражать на свою статью, то есть рассматривать тот же вопрос с моей теперешней точки зрения [3]. Я слышал, что мне это ставят в вину. Но давно ли запрещено видоизменять свои мнения после такого длинного промежутка времени? Давно ли не дозволено уму человека идти вперед, когда ум человечества стремился бегом? Давно ли приказано существу мыслящему на веки-веков остаться пригвожденным к одной мысли, подобно бессмысленному факиру? Не вы, конечно, сделаете мне этот упрек, вы, которого я нашел столько благосклонно расположенным к успеху доброго просвещения. Впрочем, какое мнение о всем этом вы себе ни составите, я мог обратиться только к вам: что́ я мог сказать тем, которые наложили на меня сумасшествие?

84. А. И. Тургеневу (ноябрь)

Мой добрый друг, я был очень огорчен, когда узнал, что вы дважды заходили ко мне и каждый раз не заставали меня. Но вам следовало бы подождать меня немножко в моем большом кресле; тут ли малость подремать, или там, не все ли равно? Как видите, я иногда позволяю себе прогуляться вечерком; я думаю, что безопасность государства от этого не пострадает [1]. Впрочем, можно быть безумцем, и все же гулять по вечерам. Вы ничего не велели сказать мне о том, придете ли вы завтра, в середу, обедать ко мне; мне необходимо знать это сегодня, а также, придет ли Орлов или нет. Будьте здоровы, мой друг, и дайте, пожалуйста, ответ.

85. А. И. Тургеневу 〈ноябрь〉

Вот две из ваших книг. До меня дошел слух, что в публике толкуют, будто я пытался напечатать прославленный отрывок в *Наблюдателе* [1]. Это явная ложь; редакторы журнала могут подтвердить это. Им отлично известно, что я не намеревался ничего печатать в их журнале, кроме двух писем, прочитанных на вечере у Свербеевой. Первое письмо было сообщено им исключительно для того, чтобы им было понятно дальнейшее. Говорят также, что я уже делал попытки напечатать оригинал у Семена.

Опять-таки ложь. Рукопись, переданная Семену, состояла из двух писем об истории, в которых не было ничего касающегося России. Она была процензурована с большим благожелательством духовными цензорами от Троицы, и у меня есть их постановление по этому поводу [2]. Расскажите это, пожалуйста, вашим знакомым. Вам понятно моральное значение всего этого. У меня нет демократических замашек, и я никогда не искал благорасположения толпы; но мне очень дорого мнение людей, почтивших меня своей дружбой.

86. А. И. Тургеневу (ноябрь)

Я на этих днях убедился, что мои писания не должны ходить по рукам. *Итак, возврати мне мою рукопись.* Не знаю, увижу ли тебя прежде твоего отъезда, желаю тебе, от всей души, доброго пути и всякого благополучия. Книга мне твоя очень нужна; впрочем, если тебе еще нужнее, то пришлю к тебе нынче же.— Впрочем, вздор. Вот она.— А хорошо бы, если бы ты мне ее оставил.

87. А. И. Тургеневу (декабрь 1836 — январь 1837)

Я только что узнал, дорогой друг, что вы скоро возвращаетесь. Это мне подало мысль попросить вас привезти мне несколько книг, которых здесь найти нельзя. Прежде всего, *Историю Гогенштауфенов Раумера* [1] и *Сочинения Гегеля* [2]. Я думаю, что ни то, ни другое произведение не запрещено. Вы возьмете их, конечно, у Грефа, и вам не придется за них платить, так как у него открыт для меня кредит, к тому же у него, как мне кажется, еще лежит на комиссии одно из моих сочинений [3]. Затем, не найдете ли вы какой-нибудь английский *религиозный кипсек* [4] и *Исследование по философии Индусов Колгброка*, перевод *Тольтье*. Наконец, привезите мне побольше французских и немецких каталогов. После этого мне остается только пожелать вам всего лучшего, но раз перо у меня в руках, то я еще добавлю несколько слов.

Передайте, пожалуйста, Мейендорфу, что я глубоко огорчен тем, что с ним случилось, как бы ничтожно ни было это происшествие [5]. Я надеюсь, что сумеют, нако-

нец, дать должную оценку тому злосчастному обороту мысли, который сорвал совершенно бессознательно с его пера и что в нем увидят лишь преувеличенный комплимент, которым принято награждать любого автора любой рукописи.

Нет человека, который более чем Мейендорф расходился бы со мною во взглядах. Во всей этой истории, которая приняла такой серьезный оборот, нет и следа серьезных убеждений, кроме убеждений самого автора, да и то убеждений более философского характера, уже отчасти проржавевших и готовых уступить место более современным, более национальным. Во всяком случае из всех печальных последствий моей наивной уступчивости более всего огорчают меня беспокойства, причиняемые другим. Меня часто называли безумцем, и я никогда не отрекался от этого звания и на этот раз говорю — аминь,— как я всегда это делаю, когда мне на голову падает кирпич, так как всякий кирпич падает с неба. И вот я снова в своей Фиваиде [6], снова челнок мой пристал к подножию креста, и так до конца дней моих; скажу еще раз: «буди, буди».

Пусть я безумец, но надеюсь, что Пушкин примет мое искреннее приветствие с тем очаровательным созданием, его побочным ребенком, которое на днях дало мне минуту отдыха от гнетущего меня уныния [7]. Скажите ему, пожалуйста, что особенно очаровало меня в нем его полная простота, утонченность вкуса, столь редкие в настоящее время, столь трудно достижимые в наш век, век фатовства и пылких увлечений, рядящийся в пестрые тряпки и валяющийся в мерзости нечистот, подлинная блудница в бальном платье и с ногами в грязи. Иван Иванович [8] находит, что старый немецкий генерал был бы удачнее в качестве исторического лица, ведь эпоха-то глубоко историческая: я, пожалуй, с ним согласен, но это мелочь. Скажите еще Пушкину, что я погружен в историю Петра Великого, читаю Голикова [9] и счастлив теми открытиями, которые я делаю в этой неведомой стране. Было вполне естественно для меня укрыться у великого человека, который кинул нас на Запад, и просить его защиты; но, признаюсь, я не ожидал найти его ни таким гигантом, ни столь расположенным ко мне.

Ну, будьте здоровы. Меня заливают сплетни: это ваша область; придите же и скажите этому морю: «стой, не да-

лее!». Ваше повеление, конечно, будет исполнено, и я с тем большим удовольствием вас обниму.

Безумный.

NB. Нельзя ли найти в Петербурге портрет М. Беррье? Сегодня утром я прочитал его речь в парламенте, и седая голова моя склонилась перед этим грозным словом.

1837

88. Л. М. Цынскому

Милостивый Государь, Лев Михайлович.

Несколько слов, написанных мною вчера у Вашего превосходительства об моих сношениях с госпожою Пановой, мне кажется недостаточны для объяснения этого обстоятельства, и потому позвольте мне объяснить Вам оное еще раз. Я познакомился с госпожою Пановой в 1827 году в подмосковной, где она и муж ее были мне соседями. Там я с нею видался часто, потому что в бездействе находил в этих свиданиях развлечение. На другой год, переселившись в Москву, куда и они переехали, продолжал я с нею видеться. В это время господин Панов занял у меня 1000 руб. и около того же времени от жены его получил я письмо, на которое отвечал тем, которое напечатано в Телескопе, но к ней его не послал, потому что писал его довольно долго, а потом знакомство наше прекратилось. Между тем срок по векселю прошел, и я не получил ни капитала, ни процентов. Спустя, кажется, еще год подал я вексель ко взысканию, и получил от госпожи Пановой другое письмо, довольно грубое, в котором она меня упрекала в моем поступке. В 1834 году передал я вексель купцу Лахтину за 800 руб. Все это время я не видался с ними, и даже не знал, где они находятся. Прошлого года госпожа Панова вдруг известила меня, что она здесь, и с легкомыслием объявила мне, что вексель будучи выплачен, она желает возобновить со мной знакомство, на что я отвечал, что готов ее видеть. Тогда она приехала ко мне с мужем, и тут впервые узнала о существовании письма к ней написанного и давно всем известного. Мы в это время еще раза два виделись; потом она уехала в Нижний, и более я ее не видал. На-

добно еще знать, что прочие, так называемые мои философические письма, написаны как будто к той же женщине, но что г. Панова об них никогда даже не слыхала [1].

Что касается до того, что несчастная женщина теперь в сумасшествии, говорит, например, что она республиканка, что она молилась за поляков, и прочий вздор, то я уверен, что если спросить ее, говорил ли я с ней когда-либо про что-нибудь подобное, то она, несмотря на свое жалкое положение, несмотря на то, что почитает себя бессмертною и в припадках бьет людей, конечно скажет, что нет. Сверх того и муж ее тоже может подтвердить.

Все это пишу к Вашему превосходительству потому, что в городе много говорят об моих сношениях с нею, прибавляя разные нелепости, и потому, что я, лишенный всякой ограды, не имею возможности защитить себя ни от клеветы, ни от злонамерения. Впрочем я убежден, что мудрое правительство не обратит никакого внимания на слова безумной женщины, тем более, что имеет в руках мои бумаги, из которых можно ясно видеть, сколь мало я разделяю мнения ныне бредствующих умствователей.

Честь имею быть, милостивый государь, с истинным почтением, Вашего превосходительства
покорнейший слуга Петр Чаадаев.

1837 января 7.

89. М. Я. Чаадаеву ⟨февраль⟩

Благодарю тебя, любезный брат, за твое доброе участие в моем приключении. Я никогда не сомневался в твоей дружбе, но в этом случае мне особенно приятно было найти ей новое доказательство. Ты желаешь знать подробности этого странного происшествия, для того чтоб мне быть полезным; наперед тебе сказываю, делать тут нечего, ни тебе и никому другому, но вот как оно произошло. Издателю «Телескопа» попался как-то в руки перевод одного моего письма, шесть лет тому назад написанного и давно уже всем известного; он отдал его в цензуру; цензора не знаю как уговорил пропустить; потом отдал в печать, и тогда только уведомил меня, что печатает. Я сначала не хотел тому верить, но получив отпечатанный лист и видя в самой чрезвычайности этого случая как бы намек Провидения, дал свое согласие.

Статья вышла без имени, но тот же час была мне приписана или лучше сказать узнана, и тот же час начался крик. Чрез две недели спустя издание журнала прекращено, журналист и цензор призваны в Петербург к ответу; у меня, по высочайшему повелению взяты бумаги, а сам я объявлен сумасшедшим. Поражение мое произошло 28 октября, следовательно, вот уже три месяца как я сошел с ума. Ныне издатель сослан в Вологду, цензор отставлен от должности, а я продолжаю быть сумасшедшим. Теперь, думаю, ясно тебе видно, что все произошло законным порядком, и что просить не о чем и некого.

Говорят, что правительство, поступив таким образом, думало поступить снисходительно; этому очень верю, ибо нет в том сомнения, что оно могло поступить несравненно хуже. Говорят также, что публика крайне была оскорблена некоторыми выражениями моего письма, и это очень может статься; странно однако ж, что сочинение в продолжение многих лет читанное и перечитанное в подлиннике, где, разумеется, каждая мысль выражена несравненно сильнее, никогда никого не оскорбляло, в слабом же переводе всех поразило! Это, я думаю, должно отчасти приписать действию печати: известно, что печатное легче разбирать писанного.

Вот, впрочем, настоящий вид вещи. Письмо написано было не для публики, с которою я никогда не желал иметь дела, и это видно из каждой строки оного; вышло оно в свет по странному случаю, в котором участие автора ничтожно; журналист, очевидно, воспользовался неопытностью автора в делах книгопечатания, желая, как он сам сказывал, «оживить свой дремлющий журнал или похоронить его с честью»; наконец, дело все принадлежит издателю, а не сочинителю, которому, конечно, не могло прийти в голову явиться перед публикою в дурном переводе, в то время как он давным давно пользовался на другом языке, и даже не в одном своем отечестве, именем хорошего писателя. Итак, правительство преследует не поступок автора, а его мнения. Тут естественно приходит на мысль то обстоятельство, что эти мнения, выраженные автором за шесть лет тому назад, может быть, ему вовсе теперь не принадлежат и что нынешний его образ мыслей, может быть, совершенно противоречит прежним его мнениям, но об этом, по-видимому, правительство не имело времени подумать, и даже, второпях,

не спросило автора, признает ли он себя автором статьи или нет. Правда, что при всем том на авторе лежит ответственность за согласие, легкомысленно им данное, то есть, за одни эти слова: *«пожалуй, печатайте»*; но спрашивается: могут ли одни эти слова составить *«corpus delikti»* *, и если могут, то соразмерно ли наказание с преступлением? На это, думаю, отвечать довольно трудно.

Что касается до моего положения, то оно теперь состоит в том, что я должен довольствоваться одною прогулкою в день и видеть у себя ежедневно господ медиков, официально меня навещающих. Один из них, пьяный частный штаб-лекарь, долго ругался надо мною самым наглым образом, но теперь прекратил свои посещения, вероятно по предписанию начальства [1]. Приятели мои посещают меня довольно часто и некоторые из них поступают с редким благородством; но всего утешительнее для меня дружба моих милых хозяев [2]. Бумаг по сих пор не возвращают, и это всего мне чувствительнее, потому что в них находятся труды всей моей жизни, все, что составляло цель ее. Развязки покамест не предвижу, да и признаться не разумею, какая тут может быть развязка? Сказать человеку «ты с ума сошел», не мудрено, но как сказать ему: «ты теперь в полном разуме»? Окончательно скажу тебе, мой друг, что многое потерял я невозвратно, что многие связи рушились, что многие труды останутся неоконченными, и наконец, что земная твердость бытия моего поколеблена навеки [3].

90. С. Л. Пушкину
(вторая половина февраля)

Очень благодарю Вас, дорогой Пушкин, за вашу память обо мне. Позвольте мне оставить у себя до завтра письмо Жуковского [1]. Мне хочется показать его Орлову, одному из самых горячих поклонников нашего славного покойника. Мне только что вернули мои бумаги [2], среди которых я нашел письмо Александра, пробудившее вновь все мои сожаления. Это письмо — единственное, сохранившееся у меня из всех многочисленных писем, которые он писал мне в разные эпохи своей жизни [3], и я счаст-

* Состав преступления (*лат.*).

лив, что нашел его. Итак, до завтра с письмом Жуковского.

Искренно преданный Вам Чадаев.

91. *И. Д. Якушкину*

19 октября 1837 г.

Тому год назад, мой друг, что я писал к тебе; это было в то самое время, как мы узнали, что вы скоро будете перемещены и что вперед можно будет с вами переписываться [1]. Я тебя скромно поздравлял с этим видоизменением в твоем положении, и просил тебя дать нам о себе известий. По несчастию, это письмо затерялось два раза самым странным образом: в первый раз по милости ревнивой любви твоей тещи [2], страстно берегущей монополию твоей дружбы, во второй — вследствие случившегося со мной в это время приключения, которое я тебе поскорее перескажу, чтобы с этим сразу покончить и очистить совесть. Дело в том, что с некоторого времени я начал писать о различных религиозных предметах. В продолжение долгого уединения, наложенного мною на себя по возвращении из-за границы, то, что я писал, оставалось неизвестным; но как только я покинул мою Фиваиду [3] и снова появился в свете, все мое маранье сделалось известным и скоро приобрело тот род благосклонного внимания, который так легко отдается всякому неизданному сочинению. Мои писанья стали читать; их переписывали; они сделались известны вне России и я получил несколько лестных отзывов от некоторых литературных знаменитостей. Некоторые отрывки из них были переведены на русский язык; появилась даже серьезная книга, вся исполненная моими мыслями, которые мне откровенно и приписывали [4]. Но вот, в один прекрасный день, один московский журналист, журнал которого печально перебивался, усмотрев, не знаю где, одну из моих самых горячих страниц, получил, не знаю как, позволение цензора и поместил ее в свой журнал. Поднялся общий шум; издание журнала прекращено, редактора сначала потребовали в Петербург, потом сослали в Вологду; цензор отставлен от должности, мои бумаги захвачены, и наконец я сам, своей особой объявлен сумасшедшим по высочайшему повелению [5] и по особенной милости, как

говорят. Итак, вот я сумасшедшим скоро уже год, и впеpед до нового распоряжения. Такова, мой друг, моя унылая и смешная история. Ты понимаешь теперь, отчего мое письмо до тебя не дошло. Дело в том, что оно приняло совершенно другую дорогу, и что я его больше не видал. Я, впрочем, льщу себя надеждой, что оно не совсем осталось без плода для тех, к кому оно попало законной добычей, потому что, если я не ошибаюсь, в нем заключались вещи, годные для их личного вразумления. Поговорим теперь о другом.

Тебе, без сомнения, известно, что твоя двоюродная сестра[6], от времени до времени, показывает мне твои письма, твоя теща, когда на меня не дуется, также сообщает мне те, которые ты к ней пишешь: стало быть, я довольно знаю о всем, что до тебя касается. Я знаю, с каким благородным мужеством ты сносишь тяжесть своей судьбы; я знаю, что ты предаешься серьезному изучению, и удивляюсь многочисленным и твердым знаниям, приобретенным тобою в ссылке. Не могу тебе выразить, сколько я всем этим счастлив и сколько я горжусь, что так хорошо тебя угадывал. Есть старое изречение, мой друг, несколько, впрочем, отзывающееся язычеством, а именно, что нет прекраснее зрелища, как зрелище мудреца в борьбе с противным роком; но меня еще более увлекает исполненный ясности взгляд, который ты устремляешь на мир из своего безотрадного одиночества. Вот чего высокомерная древность не умела открыть — и что верный ум естественным образом находит в наше время. Однако же, хоть я и не знаю, какие теперь твои религиозные чувствования, но, признаюсь тебе, не могу поверить, чтобы к этому душевному спокойствию ты пришел путем того оледеняющего деизма, который исповедовали умы твоей категории тогда, когда мы расстались. Изучения, которым ты с тех пор отдавался, должны были тебя привести к серьезным размышлениям над самыми важными вопросами нравственного порядка, и невозможно, чтобы ты окончательно остался при том малодушном сомнении, дальше которого деизм никогда шагнуть не может. К тому же естественные науки в настоящее время далеко не враждебны религиозным верованиям; поэтому я ласкаю себя надеждой, что ясность твоего понимания скоро даст тебе увидеть те истины, к которым они тяготеют. Я даже должен тебе сказать, что в том зате-

рянном письме, о котором я тебе сейчас говорил, я уже себе позволил по случаю книги Беккереля [7], которая должна была сопровождать это письмо, мимоходом заметить тебе, что все недавние открытия в науке и открытия по части электричества в особенности, служат к поддержке христианских преданий, подтверждают космогоническую систему Библии. Когда-нибудь мы опять воротимся к этим предметам, но до того я бы хотел знать, известны ли тебе сочинения Кювье, потому что ничто не может нам служить лучшею точкою отправления в наших философских рассуждениях, как его геологические труды. В первый раз, как будешь ко мне писать, скажи мне об этом.

Прошу у тебя извинения, мой друг, в том, что это первое мое письмо все наполнено моими обычными помыслами, но ты понимаешь, что в теперешнее время мне труднее чем когда-либо освободиться от влияния идей, составляющих весь интерес моей жизни, единственную опору моего опрокинутого существования. Я далек, однако же, от мысли навязывать тебе свои мнения; мне известен склад твоего ума, и я очень хорошо знаю, что ни годы, ни размышление, ни опыт жизни, по которой прошло неизмеримое бедствие и неизмеримое поучение, не в состоянии существенно видоизменить ум, подобный твоему; но я знаю также, что время, в которое мы живем, слишком проникнуто тем возрождающим током, который произвел уже столь удивительные результаты во всех сферах человеческого знания, чтобы твой ум, как бы он ни был географически удален от всяких очагов умственного движения, мог остаться совершенно чуждым его влиянию. Ты, как только мог, следовал за ходом современных идей: пробегаемая тобою орбита, несмотря на всю ее эксцентричность, все-таки определяется законом всемирного тяготения всех предметов к одному центру и освещается тем же самым солнцем, которое сияет на все человечество: стало быть, ты не мог много отстать от остального мира. Но как бы то ни было, конечно, в одном ты будешь одинакового со мною мнения, а именно, что мы не можем сделать ничего лучшего, как держаться, сколько то возможно, в области науки; в настоящее время, мне ничего больше и не надо. Прощай же, мой друг.

92. *Е. А. Свербеевой* ⟨*октябрь—ноябрь*⟩

Вот, прекрасная кузина, циркуляр Агасфера [1]. Вы очень правильно сделали, что выяснили наличие родства между нами, благодарю Вас за это сердечно. Я получил весьма интересное письмо от барона д'Экштейна [2], из которого ясно видно, каково соотношение между мною и европейскими умами, и я приглашаю Вашего мужа придти ко мне с ним ознакомиться. Не откажите передать упомянутому Агасферу, что все в порядке, что я с ним об этом поговорю и что тем временем он верно поступит, если тоже мне напишет, поскольку если он решил подождать пока ко мне вернется рассудок, то ждать ему придется долго. Нет нужды, прекрасная кузина, говорить, насколько мне дороги знаки Вашей дружбы и что я жду Вас с нетерпением.

93. *М. Ф. Орлову*

Да, друг мой, сохраним нашу прославленную дружбу, и пусть мир себе катится к своим неисповедимым судьбинам. Нас обоих треплет буря, будем же рука об руку и твердо стоять среди прибоя. Мы не склоним нашего обнаженного чела перед шквалами, свистящими вокруг нас. Но главным образом не будем более надеяться ни на что, решительно ни на что для нас самих. Ничто так не истощает, ничто так не способствует малодушию, как безумная надежда. Надежда, бесспорно, добродетель, и она одно из величайших обретений нашей святой религии, но она может быть подчас и чистейшей глупостью [1]. Какая необъятная глупость, в самом деле, надеяться, когда погружен в стоячее болото, где с каждым движением тонешь все глубже и глубже. А потому, из трех богословских добродетелей будем прилежать к двум первым, любви и вере, и станем молить Бога простить нам, что мы отвыкли от третьей. Но все же будем надеяться о братьях наших, о наших детях, о священной родине нашей, столь великой, столь могущественной, столь спокойной! Что до нас, то если земля нам неблагоприятна, то что мешает нам взять приступом небо? Разве небо не удел тех, которые берут его силою? Правда, что по этому вопросу мы с вами расходимся во взглядах. Вы по несчастью верите в смерть; для вас небо неизвестно где,

где-то там за гробом; вы из тех, которые еще верят, что жизнь не есть нечто целое, что она разбита на две части, и что между этими частями — бездна. Вы забываете, что вот уже скоро восемнадцать с половиной веков, как эта бездна заполнена, одним словом, вы полагаете, что между вами и небом лопата могильщика. Печальная философия, не желающая понять, что вечность не что иное, как жизнь праведника, жизнь, образец которой завещал нам Сын Человеческий; что она может, что она должна начинаться еще в этом мире, и что она действительно начнется с того дня, когда мы взаправду пожелаем, чтоб она началась; философия, воображающая, что мир, окружающий нас, таков в своем реальном бытии, и что его следует принять, и не видящая, что это нами созданный мир, и что его следует уничтожить, которая только что не верит, как дети, что небо — это протянутая над нашими головами синь, и что туда не влезешь! Печальная философия, печальное наследие веков, когда земля не была еще ни освящена жертвою, ни примирена с небом! Когда же, о Боже мой! дождусь я того, чтоб все мои друзья отвергли наконец все это неведение языческой скверны? Когда же они узнают все, что есть только один способ быть христианином, а именно быть им вполне? Некогда я мечтал, что мне дано распространять среди них коекакие святые истины, и я говорил с ними, и подчас они слушали меня. Но в один прекрасный день нагрянул ураган, самум[2] подул; и поднялся тогда прах пустыни, забил уши и заглушил мой голос. Да будет воля Твоя, о мой Боже, суды твои всегда праведны, и надежды наши всегда тщетны. А все же это был прекрасный сон, и сон доброго гражданина. Почему мне не сказать этого? Я долгое время, признаться, стремился к отрадному удовлетворению увидать вокруг себя ряд целомудренных и строгих умов, ряд великодушных и глубоких душ, чтобы вместе с ними призвать милость неба на человечество и на родину. Я думал, что моя страна, юная, девственная, не испытавшая жестоких волнений, оставивших повсюду в других местах глубокие следы в умах и поныне столь часто отвращающих умы от добрых и законных путей, чтоб бросить их на пути дурные и преступные, предназначена первая провозгласить простые и великие истины, которые рано или поздно весь мир должен будет принять; что России выпала величественная задача осуществить

раньше всех других стран все обетования христианства, ибо христианство осталось в ней незатронутым людскими страстями и земными интересами, ибо в ней оно, подобно своему божественному основателю, лишь молилось и смирялось, а потому мне представлялось вероятным, что ему здесь дарована будет милость последних и чудеснейших вдохновений.

Химеры, мой друг, химеры все это! Да совершится будущее, каково бы оно ни было, сложим руки и будь что будет, или, склонившись перед святыми иконами, как наши благочестивые и доблестные предки, эти герои покорности, станем ждать в молчании и мире душевном, чтобы оно разразилось над нами, какое бы то ни было, доброе или злое.

1838

94. И. Д. Якушкину ⟨?⟩

С истинным удовольствием прочел я, мой друг, твое сочинение [1]. Мне чрезвычайно приятно было видеть, с какою легкостию ты обнял этот трудный предмет, присвоил себе все новейшие открытия науки и приложил их к нему. Отрывок твой, по моему мнению, отличается новостию взгляда, верностию в главных чертах и занимательным изложением; но я не могу не сделать некоторых замечаний на последние строки, где ты касаешься вещей для меня весьма важных, и излагаешь такие мнения, которых мне никак нельзя оставить без возражения. Впрочем, я доволен и этими строками, потому что и в них вижу то новое, благое направление всеобщего духа, за которым так люблю следовать и которое мне столь часто удавалось предупреждать [2]. Итак, приступим к делу.

Ты, по старому обычаю, отличаешь учение церковное от науки [3]. Я думаю, что их отнюдь различать не должно. Есть, конечно, наука духа и наука ума, но и та и другая принадлежит познанию нашему, и та и другая в нем заключается. Различны способ приобретения и внешняя форма, сущность вещи одна. Разделение твое относится к тому времени, когда еще не было известно, что разум наш не все сам изобретает, и что для того только,

чтоб двинуться с места, ему необходимо надобно иметь в себе нечто им самим не созданное, а именно, орудия движения, или лучше сказать силу движения. Благодаря новейшей философии, в этом кажется ни один мыслящий человек более не сомневается: жаль, что не всякий это помнит. Вообще, это ветхое разделение, которое противоставляет науку религии, вовсе не философское, и позволь мне также сказать, несколько пахнет XVIII столетием, которое, как тебе самому известно, весьма любило провозглашать неприступность для ума нашего истин веры, и таким образом, под притворным уважением к учениям церкви, скрывало вражду свою к ней. Отрывок твой написан совершенно в ином духе, но потому самому противоречие между мыслью и языком тем разительнее. Впрочем, надо и то сказать, с кем у нас не случается мыслить современными мыслями, а говорить словами прошлого времени, и наоборот? и это очень естественно: как нам поспеть всеми концами вдруг нашего огромного, несвязного бытия за развитием бытия тесносомкнутого, давно устроенного, народов запада, потомков древности? — Невозможно.

События допотопные, рассказанные в Книге Бытия, как тебе угодно, совершенно принадлежат истории, разумеется мыслящей, которая однако ж есть одна настоящая история. Без них шествие ума человеческого неизъяснимо; без них великий подвиг искупления не имеет смысла, а собственно так называемая философия истории вовсе невозможна. Сверх того, без падения человека нет ни психологии, ни даже логики; все тьма и бессмыслица. Как понять, например, происхождение ума человеческого, и следовательно его закон, если не предположить, что человек вышел из рук творца своего не в том виде, в каком он себя теперь познает? К тому же должно заметить, что пред чистым разумом нет повествования достовернее нам рассказанного в первых главах священного писания, потому что нет ни одного столь проникнутого той истиной непременной, которая превыше всякой другой истины, а особливо всякой просто исторической. Конечно, это рассказ, и рассказ весьма простодушный, но вместе с тем и высочайшее умозрение, и потому поверяется не критикою обыкновенною, а законами разума. Наконец, если сказание библейское о первых днях мира есть не что иное для христианина, как песнопение вдохновенного

свидетеля мироздания, то для исследователя древности оно есть древнейшее предание рода человеческого, глубоко постигнутое и стройно рассказанное. Как же может оно принадлежать одному духовному учению, а не истории вообще? И выбросить его из первобытных летописей мира не значит ли то же, что выбросить первое действие из какой-нибудь драмы, первую песнь из какой-нибудь эпопеи? Да и как можно в начальном учении, где каждый пропуск невозвратен, где каждое слово имеет отголосок по всей жизни учащегося, не говорить на своем месте, то есть в истории сотворения, о первой, так сказать, встрече человека с Богом, то есть о сотворении его умственного естества? Как можно приступить к истории рода человеческого, не сказав откуда взялся род человеческий? Как можно начать науку со второй или с третьей главы этой науки?

Молодой ум, который желаешь приготовить к изучению истории [4], должно так направить, чтобы все последующие его понятия, к этой сфере относящиеся, могли необходимым образом проистекать из первоначальных понятий, а для этого, мне кажется, надобно непременно говорить обо всем там и тогда, где следует; иначе ни под каким видом не будет логического развития. Вспомни, в какое время ум человеческий приобрел те власти, те орудия, которыми нынче так мощно владеет? Не тогда ли, когда все основное учение было учение духовное, когда вся наука созидалась на теологии, когда Аристотель был почти отец церкви, а св. Ансельм Кентерберийский — знаменитейший философ своего времени? Конечно, нам нельзя, каждому у себя дома, все это переначать; но мы не должны добровольно лишать себя богатого наследия, доставшегося нам от веков протекших и от народов чуждых. Кто-то сказал, что *«нам, русским, не достает некоторой последовательности в уме и что мы не владеем силлогизмом Запада»* [5]. Нельзя признать безусловно это резкое суждение о нашей умственности, произнесенное умом огорченным, но и нельзя также его совсем отвергнуть. Никакого нет в том сомнения, что ум наш так составлен, что понятия у нас не истекают необходимым образом одно из другого, а возникают поодиночке, внезапно, и почти не оставляя по себе следа. Мы угадываем, а не изучаем; мы с чрезвычайною ловкостью присваиваем себе всякое чужое изобретение, а сами не изобре-

таем; мы постепенности не знаем ни в чем; мы схватываем вдруг, но зато и многое из рук выпускаем. Одним словом, мы живем не продолжительным размышлением, а мгновенною мыслью. Но отчего это происходит? Оттого, что мы не последовательно вперед подвигались; оттого, что мы на пути нашего беглого развития иное пропускали, другое узнавали не в свое время, и таким образом очутились, сами не зная как, на том месте, на котором теперь находимся. Если же мы желаем не шутя вступить на поприще беспредельного совершенствования человечества, то мы должны непременно стараться все будущие наши понятия приобретать со всевозможною логическою строгостью и обращать всего более внимание на методу учения нашего. Тогда может быть перестанем мы хватать одни вершки, как то у нас по сих пор водилось, тогда раскроются понемногу все силы глубокомыслия и стройная дума; тогда мы научимся постигать вещи во всей их полноте, и наконец сравняемся не только по наружности, но и на самом деле, с народами, которые шли иными стезями и правильнее нас развивались, а может статься, и быстро перегоним их, потому что мы имеем пред ними великие преимущества, бескорыстные сердца, простодушные верования, потому что мы не удручены подобно им тяжелым прошлым, не омрачены закоснелыми предрассудками, и пользуемся плодами всех их изобретений, напряжений и трудов.

Ты говоришь еще, что должно в молчании благоговеть перед премудростию Божиею. Не могу не сказать тебе, мой друг, что и это также не что иное, как обветшалый оборот прошлого столетия. Благоговеть перед премудростию Божиею, конечно, должно, но зачем в молчании? Нет, должно чтить ее не с безгласным, а с полным разумением, то есть с глубокою мыслью в душе и с живым словом на устах. Премудрость Божия никогда не имела в виду соделывать из нас бессловесных животных и лишать нас того преимущества, которое отличает нас от прочих тварей. Откровение не для того излилось в мире, чтобы погрузить его в таинственную мглу, а для того, чтоб озарить его светом вечным. Оно само есть слово: слово же вызывает слово, а не безмолвие. Скажи, где написано, что властитель миров требует себе слепого или немого поклонения? Нет, он отвергает ту глупую веру, которая превращает существо разумное в бессмысленную

тварь; он требует веры преисполненной зрения, гласа и жизни. «*Се же есть живот вечный*, говорит апостол, *да знают тебе единого Бога*»[6]. Если же вера есть не что иное, как познание Божества, то сам посуди, не сущее ли богохулие именем веры проповедывать бессмыслие?

В заключение скажу, никак не должно забывать, что разум наш не из одного того составлен, что он сам открыл или выдумал, но изо всего того, что он знает. Какое до того дело, откуда и каким образом это знание в него проникло? Иное он приобрел не сознательно, а теперь постигает с полным сознанием; другое усвоил себе вековыми усилиями и трудами, а ныне пользуется им механически; но и то и другое принадлежит ему неотъемлемо, и то и другое взошло навсегда в его состав. Одним словом, *разум*, или лучше сказать *дух*, один на небеси и на земли; невидимые излияния мира горьнего на дольний с первой минуты сотворения того и другого, никогда не прекращаясь, всегда сохраняли между ними вечное тождество; когда же совершилось полное откровение или воплощение божественной истины, тогда совершилось также и сочетание обоих миров в одно неразделимое целое, которое в сущности своей никогда более раздроблено быть не может, ни умозрением надменной мечтательности, ни строптивым своеволием ума, преисполненного своею личностию, ни произвольным отречением развращенного сердца. Всемирный дух, обновленный новою высшею мыслию, ее более отвергнуть не в силах, ею дышет, ею живет, ею руководствуется, и вопреки всех восстаний разнородных титанов, деистов, пантеистов, рационалистов, и пр., торжественно продолжает путь свой и влечет за собою род человеческий к его высокой цели.

Вот, мой друг, что я хотел тебе сказать; но еще раз повторяю, с особенным удовольствием прочел я твой занимательный отрывок, и от всей души желаю, чтоб ты продолжал свой труд.

1837 г. Октября 30.

Безумный.

95. А. И. Тургеневу

Ты спрашиваешь у нашей милой К. А.[1], зачем я не пишу, а я у тебя спрашиваю, зачем ты не пишешь? Впрочем, я готов писать, тем более, что есть о чем, а именно о той книге[2], которую ты мне изволил прислать с этой непристойной припиской, [тому, кому ведать надлежит]. По моему мнению, в ней нет и того достоинства, которое во всех прежних сочинениях автора находилось, достоинства слога. И не мудрено: мысль совершенно ложная хорошо выражена быть не может. Я всегда был того мнения, что точка, с которой этот человек сначала отправился, была ложь, теперь и подавно в этом уверен. Как можно искать разума в толпе? Где видано, чтоб толпа была разумна? Was hat das Volk mit der Vernunft zu schaften? * — сказал я когда-то какому-то немцу. Приехал бы к нам ваш Ламенне и послушал бы, что у нас толпа толкует; посмотрел бы я, как бы он тут приладил свой vox populi, vox dei? **. К тому же, это вовсе не христианское исповедание. Каждому известно, что христианство, во-первых, предполагает жительство истины не на земли, а на небеси; во-вторых, что когда она является на земли, то возникает не из толпы, а из среды избранных или призванных. Для меня вовсе непостижимо, как ум столь высокий, одаренный дарами столь необычайными, мог дать себе это странное направление, и притом видя, что вокруг него творится, дыша воздухом, породившим воплощенную революцию и [нелепую золотую середину]. Ему есть один только пример в истории христианства — Савонарола; но какая разница! Как тот глубоко постигал свое послание, как точно отвечал потребности своего времени! Политическое христианство отжило свой век, оно в наше время не имеет смысла; оно тогда было нужно, когда созидалось новейшее общество, когда вырабатывался новый закон общественной жизни. И вот почему западное христианство, мне кажется, совершенно выполнило цель, предназначенную христианству вообще, а особенно на западе, где находились все начала, потребные для составления нового гражданского мира. Но теперь дело совсем иное. Великий подвиг совершен; общество сооружено; оно получило свой устав; орудия бес-

* Что народ может иметь общего с разумом? (*нем.*).
** Глас народа – глас Божий (*лат.*).

предельного совершенствования вручены человечеству; человек вступил в свое совершеннолетие. Ни эпизоды безначалия, ни эпизоды угнетения не в силах более остановить человеческий род на пути своем. Таким образом, бразды мироправления должны были естественно выпасть из рук римского первосвященника; христианство политическое должно было уступить место христианству чисто духовному; и там, где столь долго царили все власти земные, во всех возможных видах, остались только символы единства мысли, великое поучение и памятники прошлых времен. Одним словом, христианство нынче не должно иное что быть, как та высшая идея времени, которая заключает в себе идеи всех прошедших и будущих времен, и следовательно, должно действовать на гражданственность только посредственно, властию мысли, а не вещества. Более нежели когда должно оно жить в области *духа* и оттуда озарять мир, и там искать себе окончательного выражения. Никогда толпа не была менее способна, как в наше время, на то содействие, которое от нее ожидает и требует Ламенне. Нет в том сомнения, что и нынче много дела делается и говорится на свете, но возможно ли отыскать глас божий в этом разногласном говоре мыслящего и не мыслящего народа, в этом порыве одной толпы к одному вещественному, другой — к одному несбыточному? Справедливо и то, что вечный разум повременно выражается в делах человеческих, и что можно отчасти за ним следовать в истории народов, но не должно же принимать за его выражение возглас каждого сброда людей, который мгновенно поколебавши воздух, ни малейшего по себе не оставляет следа. Одному своему приятелю, вот что писал я об этой книге [3]: [«Во всем этом нет и тени христианства. Вместо того, чтобы просить у неба новых откровений, в которых могла бы нуждаться церковь для своего возрождения, этот ересиарх обращается к народам, вопрошает народы, у народов ищет истины! К счастию для него, а также и для народов, сии последние и не подозревают о существовании некоего падшего ангела, бродящего среди мрака, им самим вокруг себя созданного, и вопиющего к нам из глубины этого мрака: „Народы, вставайте! вставайте во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!“ Да, его мрачный вопль перепугал всех серьезных христиан и надолго отодвинул наступление окончательных выводов христианст-

ва: через него дух зла вновь попытался растерзать священное единство, драгоценнейший дар, данный религией человечеству; наконец, он сам разрушил то, что некогда сам же создал. Итак, предоставим этого человека его заблуждениям, его совести и милосердию Божию, и пусть, если это возможно, поднятый им соблазн не ляжет на него слишком тяжким бременем!»]

Сейчас прочел я Вяземского Пожар [4]. [Я не представлял его себе ни таким отменным французом, ни таким отменным русским]. Зачем он прежде не вздумал писать по-бусурмански? Не во гнев ему будь сказано, он гораздо лучше пишет по-французски, нежели как по-русски. Вот действие хороших образцов, которых по несчастию у нас еще не имеется. Для того, чтоб писать хорошо на нашем языке, надо быть необыкновенным человеком, надо быть Пушкину или Карамзину *. Я знаю, что нынче не многие захотят признать Карамзина за необыкновенного человека; фанатизм так называемой народности,— слово, по моему мнению, без грамматического значения у народа, который пользуется всем избытком своего громадного бытия в том виде, в котором оно составлено необходимостью,— этот фанатизм, говорю я, многих заставляет нынче забывать, при каких условиях развивается ум человеческий, и чего стоит у нас человеку, родившемуся с великими способностями, сотворить себя хорошим писателем. Effectrix eloquentiae est audientium approbatio **, говорит Цицерон, и это относится до всякого художественного произведения. Что касается в особенности до Карамзина, то скажу тебе, что с каждым днем более и более научаюсь чтить его память. Какая была возвышенность в этой душе, какая теплота в этом сердце! Как здраво, как толково любил он свое отечество! Как простодушно любовался он его огромностию, и как хорошо разумел, что весь смысл России заключается в этой огромности! [5] А между тем, как и всему чуждому знал цену и отдавал должную справедливость! Где это нынче найдешь? А как писатель, что за стройный, звучный период, какое верное эстетическое чувство! Живописность его пера необычайна: в истории же России это главное

* Я говорю о прозе, поэт везде необыкновенный человек (*примеч. П. Я. Чаадаева*).

** Действенность красноречия – в одобрении слушателей (*лат.*).

дело; мысль разрушила бы нашу историю, кистью одною можно ее создать. Нынче говорят, что нам до слога? пиши как хочешь, только пиши дело. Дело, дело! да где его взять, и кому его слушать? Я знаю, что не так развивался ум у других народов, там мысль подавала руку воображению и оба шли вместе, там долго думали на готовом языке, но другие нам не пример, у нас свой путь.

[Чтобы вернуться к В<яземскому>], никто, по моему мнению, не в состоянии лучше его познакомить Европу с Россией. Его оборот ума именно тот самый, который нынче нравится европейской публике. Подумаешь, что он взрос на улице St. Honoré, а не у Калымажного двора.

1839

96. С. С. Мещерской

27 мая 1839

Вы не поняли меня, княгиня, и это не мало удивляет. Чтобы понять опровержение какого-либо сочинения, говорите вы, нужно быть знакомым с опровергаемым сочинением: совершенно справедливо. Поэтому я хочу в немногих словах познакомить вас с вопросом и изложить вам суть моей мысли. Но прежде всего я должен предупредить вас, что я считаю невозможным принять учение об одинаковой важности всего, находящегося в Писании. Работа здравой экзегезы научила меня различать в святой книге то, что является прямым воздействием Св. Духа, и то, что есть дело рук человеческих; поэтому боговдохновенность, покоящаяся на этом дивном произведении, не может сделать в моих глазах одинаково святым и ненарушимым каждое слово, каждый слог, каждую букву, к которым люди прибегали, чтобы передать мысль, которую Дух Святой вложил в сердца их. Чтобы стать понятным для человеческого разума, божественное слово должно было пользоваться человеческим языком, а следовательно и подчиниться несовершенствам этой речи. Подобно тому, как Сын Божий, став сыном человеческим, принял все условия плоти, дух Божий, проявляясь в духе человеческом, также должен был принять все условия человеческой речи; но подобно тому, как Спаситель не в каждом из актов своей жизни торжест-

вует над плотью, но во всей своей жизни в ее целом, Св. Дух также торжествует над человеческой речью не в каждой строчке Писания, но в его целом. Говорить, что все в Библии, с начала до конца,— вдохновение, истина, учение, значит, на мой взгляд, в одно и то же время не понимать ни природы воздействия духа Божия на дух человеческий, ни божественного начала христианства, которое в силу самой его божественности не всегда может быть с успехом замкнуто в букву с вносимыми ею неизбежно видоизменениями. Нет, этого, конечно, я и не думал говорить. Не дай Бог, чтобы я когда-нибудь вернулся к этим глубоким заблуждениям, причинившим столько зла человечеству! Кто же не знает, что именно этому чрезмерному благоговению перед библейским текстом мы обязаны всеми раздорами в христианском обществе? что, опираясь на текст, каждая секта, каждая ересь провозглашала себя единственной истинной церковью Бога? что, благодаря тексту, придан был римскому первосвященнику титул видимого главы христианства, викария И. Х., и что с текстом в руках оспаривали и доныне оспаривают его право на этот верховный сан?

И позвольте мне сказать вам, княгиня, что, на мой взгляд, путь через тексты далеко не самый прямой; мне думается, напротив, что это путь наиболее извилистый и наиболее длинный: свидетельством тому могут служить опять-таки вечные споры законников и богословов, которые вертятся всегда, как вам отлично известно, на букве Писания. Наиболее прямой путь, по мне, это путь хорошо дисциплинированного разума, руководимого ясной верою и свободного от всякого корыстного чувства. Текст удобен в том отношении, что он закрывает рот и принуждает склониться перед ним; посему он и был во все времена убежищем религиозной гордыни. А как хотите вы, чтоб гордость шла прямым путем? Это невозможно. Что касается до меня, то я, благодаренье богу, не богослов, не законник, а просто христианский философ, и только в качестве такового я взялся за перо, чтобы оспаривать мнения человека, которого я люблю и уважаю, человека знающего, человека умного, но не философа, и полагающего, как многие другие, что вера и разум не имеют ничего между собою общего: вот та ошибка, которую я старался опровергнуть, вот весь предмет моего письма.

Наш друг утверждает, во-первых, что, при обучении истории библейская космогония, то есть откровенная история создания мира, должна быть опущена, ибо, по его мнению, эта история относится к области веры, а не науки. Я постарался поэтому доказать, что история человеческого рода не имеет смысла, если не возводить ее к первым дням мира и к сотворению человека; что все неизбежно обратится в хаос и мрак в этой области человеческого познания, если мы не бросим на нее яркий свет глубоких истин и дивных символов, находящихся в книге Бытия. Переходя затем к сущности предмета, я сказал, что в задачи божественного основателя христианства никогда не входило навязывать миру немую и близорукую веру, как, по-видимому, предполагает автор; что, раз христианство есть слово и свет по преимуществу, оно естественно вызывает слово и распространяет возможно больший свет на все объекты интеллектуального воззрения человека; что оно не только не противоречит данным науки, но, напротив, подтверждает их своим высоким авторитетом, между тем как наука в свою очередь ежедневно подтверждает своими открытиями христианские истины; что христианство снабдило человеческий ум новыми и многочисленными орудиями, дав ему повод к безмерному упражнению в те времена, когда наиболее прославленные святые были в то же время и величайшими философами своего века; что, наконец, доказано, что наиболее плодотворными эпохами в истории человеческого духа были те, когда наука и религия шли рука об руку. Поэтому в страницах, прочтенных вами, я имел в особенности в виду прискорбную тенденцию увековечивать раскол между религией и наукой, установленный XVIII веком, и о котором ни отцы церкви, ни учителя средневековья, эти гиганты религиозной мысли, не имели даже представления, тенденцию, в которой, к сожалению, доселе упорствуют многие выдающиеся и строго религиозные умы, несмотря на обратное направление нашего века в его целом, стремящегося, напротив, изо всех сил вернуться к приемам доброго времени твердых верований и слить в один поток света эти два великих маяка человеческой мысли.

Естественно, что я не могу повторить всего, что я сказал, но необходимо добавить еще несколько слов к этому изложению в кратких чертах того, что уже было

мною раньше высказано. Да, Библия есть драгоценнейшее сокровище человечества; она — источник всякой моральной истины; она пролила на мир потоки света, она утвердила человеческий разум и обосновала общество; Библии род человеческий главным образом обязан теми благами, которыми он пользуется, и ей будет он, по всей вероятности, обязан и концом тех бед, которые еще тяготят над ним; но воздержимся от того, чтоб ставить писаное слово на высоту, которой оно не имеет, остережемся, как бы нам не впасть в поклонение, в идолопоклонство букве, в особенности же остережемся представления, что все христианство замкнуто в священной книге. Нет, тысячу раз нет. Никогда божественное слово не могло быть заточено между двумя досками какой-либо книги, весь мир не столь обширен, чтобы объяснить его; оно живет в беспредельных областях духа, оно содержится в неизреченном таинстве Евхаристии [1], на непреходящем памятнике креста оно начертало свои мощные глаголы.

Как видите, княгиня, эти строки содержат полное исповедание веры. Благодарю вас за то, что вы дали мне случай исповедать оную, и в особенности в обращении к вам. Мои религиозные взгляды, подвергаемые нелепейшим толкованиям в наших гостиных, нуждались в формулировке, хоть сколько-нибудь точной и определенной, и раз это сделано, они не могли бы найти лучшего судью, чем вы, вся жизнь которой посвящена была осуществлению искренней и просвещенной религии.

97. В. А. Жуковскому

Полагаю, любезный Василий Андреевич, что вы не забыли своего обещания прислать мне хотя список с письма Пушкина [1], написанного ко мне в то время как вышла моя глупая статья [2] и ко мне не дошедшего. М. М. Сонцев был близкий человек покойнику; потому и воспользовался я его отъездом в Петербург, чтоб вам об этом напомнить [3]. Все, что относится до дружбы нашей с Пушкиным, для меня драгоценно, и никто лучше вас этого не поймет, но разумеется, невозможного я не желаю, и если письмо это еще не у вас в руках, то делать нечего. Прошу вас, однако ж, употребить все воз-

можное старание мне его доставить. Не забудьте, что это последнее его ко мне слово.

Думаю, что у вас и голова и сердце полны впечатлениями вашего путешествия; итак, вам не до разговоров со мною. Пришлите письмо, если возможно; если же нет, то скажите М. М., что прислать нельзя, и больше ничего. А затем прощайте любезный Василий Андреевич.

Препокорный ваш Петр Чаадаев.

Москва. Июня 5-го [4].

98. Н. Д. Шаховской

Вот, дорогая Наташа, несколько слов для Лизы [1]. Дело идет о Кюстине [2]. Краткость того, что я написал, не помешает, конечно, письму достигнуть своей цели. Может быть, она угадает мою мысль и найдет способ сама сказать или передать через кого-либо другого этому человеку то, что ему следует знать. Если вы можете дать мне еще 500 р., буду вам очень обязан. Но денег не нужно посылать, сообщите мне только, когда я могу за ними зайти.

1840

99. И. С. Гагарину

Я вверяю вашим национальным и иным симпатиям господина Галахова, вручителя этого письма. Уверен, что вам будет приятно оказать ему содействие. В Париже он пробудет недолго, так что не злоупотребит оказанным ему покровительством. Познакомьте его, прошу вас, с Тургеневым и заставьте милого хлопотуна несколько для него пошевелиться. Если госпожа Сиркур окажется в Париже ко времени его появления у вас, не откажитесь ввести его в ее салон, напомнив при этом любезной графине и обо мне. Наш путешественник через шесть месяцев будет назад в Москву: не находите ли вы, что это хороший случай написать нам, минуя почтовые расходы?

Наше прошлогоднее общество еще не в полном составе: большинство *дебатеров* отбиваются еще от голода в соответствующих губерниях [1]; значит, я могу вам сообщить о нашем маленьком мирке только то, что его пока

еще не существует [2]. Однако же мы, тем не менее, идем понемножку своим путем-дорожкой. Так, наши доморощенные учения со дня на день все сгущаются и быстрыми шагами приближаются к конечным выводам, а многие вопросы разрешаются в жизни механически в ожидании обсуждений [3]. Правду сказать, разве сама жизнь не есть лучший довод среди нас, так мало освоившихся с логическим мышлением? Впрочем, настанет и пора рассуждений, они прибудут по зимнему пути *, но ваше отсутствие, милейший князь, будет нам тогда очень чувствительно, особенно же мне, привыкшему с таким отрадным чувством следить взором и всей душой за вашим молодым и живым увлечением.

Примите, дорогой князь, уверения в глубочайшей приязни со стороны совершенно преданного вам Чаадаева.

1 октября, Басманная.

1841

100. С. П. Шевыреву

Милостивый Государь

Степан Петрович.

На этих днях узнал я, что стихотворение Г. Ростопчиной о Москве [1], произвело в кругу здешних литераторов некоторый соблазн, и что М. П. Погодин намерен был даже его отослать графине. Посылая Вам его, я не предвидел, что унылое чувство поэта, внушенное ему безлюдностью родной стороны, оскорбит Москвитянин [2], и уверен был, что оно дышет любовью к родине, хотя и не тою самою, которая нынче в моде. Если я ошибся, то виноват я, а не Графиня, не имевшая намерения печатать своих стихов в Москвитянине. Итак, прошу вас, если это еще возможно, возвратить мне эти стихи. Кажется, таким образом, всему делу будет конец. Впрочем, я уверен, что ни Графиня, ни я не заслужили в этом случае вашей личной немилости, а этого с нас обоих довольно.

С истинным почтением имею честь быть

Вам преданный П. Чаадаев.

Сентября 22.

---

* В оригинале слова «по зимнему пути» написаны по-русски.

101. А. И. Тургеневу

Вот Батюшков, которого ты знаешь: стало быть, дело не о нем. Но есть в Париже русский, человек необыкновенного ума, по имени *Сазонов*, которого, к крайнему моему удивлению, не знаешь. Он находится в Париже по препоручению министра государственных имуществ, след‹овательно›, официальный человек, [и ты не рискуешь, мой бедный либерал, скомпрометировать себя, оказывая ему услугу]. Найди его и постарайся ему пригодиться. За Галахова благодарен [1]. Здесь все живы и здоровы; народность преуспевает; по улицам разъезжают тройки с позвонками, лапотный элемент в полном развитии, ежедневно делаем новые открытия, открываем славян повсюду; на днях вытолкаем из миру все неединокровное [2]. Засим прощай. Кланяйся брату [3], Экштейну, Голицыну [4], Гагарину, Circourt, Теплякову.

Свербеева в деревне, была здесь недавно; мила попрежнему, в будущем месяце переселюсь в ее сторону на остаток дней [5].

102. С. С. Мещерской

Декабрь 1841.

Бесспорно, княгиня, весьма интересно то, что сообщает нам в своей книге достопочтенный J. [1] о новом направлении в англиканской церкви. Надо благословлять небо, внушающее различным христианским исповеданиям мысль о взаимном сближении. Учтивый тон речи, столь непохожий на тот, который раньше употреблялся при обсуждении подобных вопросов, умеренность в обвинениях, выставляемых против чужих верований, наконец, дух любви, характеризующий эту маленькую книжку, вполне заслуживают наших симпатий. Мне кажется, что можно возлагать большие надежды на это новое направление, которое принимают в наши дни религиозные взгляды в некоторых странах, но должен признаться вам, что я желал бы, чтоб прения возникли на другой почве. Я думаю, что лучший способ оценить какое-либо начало, получившее господство в мире, это взглянуть на плод, который оно принесло; сводить вопрос на чисто богословский вопрос значит, по мне, слишком суживать его. Ваш английский священник нападает, например, с жаром на

почитание Св. Девы и святых; но если даже и признать, к чему я, разумеется, вовсе не склонен, что это почитание, в том виде, как оно исповедуется вашими великими церквами-матерями, как бы запятнано суеверием, то не следует забывать при этом того благотворного влияния, которое оно оказало на мир. В споре между добрыми христианами недостаточно того, чтоб прав был ум, нужно, чтобы и сердце было право. Разве не это почитание сделало христианскую мораль исполнимой, пролив потоки любви Богоматери на землю и дав человеческой слабости некоторое число образцов для подражания, прежде чем она могла обратиться к великому образцу, стоящему на вершине христианской лестницы? Разве не этому почитанию мы обязаны тем, что есть наиболее плодотворного в средневековье? Отнимите у этой поры дикого величия ее восторженное поклонение Св. Деве и ее глубокое благоговение к священному нимбу, и мир был бы и теперь еще, быть может, в том же состоянии, в каком он находился тогда. В эти века, когда владычествовала грубая сила, думаете ли вы, что простая мораль Евангелия и одни сверхчеловеческие добродетели Спасителя были бы достаточны, чтобы смягчить нравы этих людей севера, железная природа которых только что ознакомилась со всей испорченностью римской цивилизации, выродившейся в бесконечные сатурналии? Разве не нужно было показать им добродетели по их мерке и научить их склонять головы и преклонять колена перед ними? Разве не нужно было говорить с ними языком, доступным для них, и обращаться более к их сердцу и к их воображению, чем к их уму? Вне сомненья, например, что христианское искусство, этот прекрасный цвет чистейшего религиозного чувства, было бы невозможно без почитания святых. А если это так, то ведь это искусство бесспорно принесло больше пользы обществу, чем принесут ему когда-либо целые тома холодных проповедей. Мало того, и что касается меня, то я уверен в этом, даже в настоящее время дивные храмы, которые рассыпала по всей Англии низвергнутая церковь, лучше возвещают Евангелие в своем молчании ее неблагодарному населению, кстати сказать мало ценящему это великолепное наследие, чем проповедники ныне господствующей церкви. Должен, впрочем, признаться вам, что мне трудно понять, как эта церковь, самое наименование которой — *установленная*

Церковь — указывает на ее происхождение, как она может быть той самой церковью, которая была основана еще во времена апостольские и затем разрушена саксами. Но как бы то ни было, раз она отрицает свое недавнее происхождение и желает вести свое начало с той поры, когда была только одна церковь в мире, эта последняя церковь, доныне пребывающая, будет, конечно, весьма счастлива открыть ей свои объятия. Это отречение в некотором роде от нечистого источника, которым она некогда кичилась, есть бесспорно большой шаг вперед, и мы должны от всего сердца приветствовать ее на этом пути. Как могли бы, в самом деле, древние исповедания, в лоне которых христианство развернулось и определилось, исповедания, стяжавшие ему мир, не порадоваться при виде своих юных сестер, понявших наконец, что может быть лишь одна христианская церковь, и притом не некая метафизическая церковь, парящая в сфере идей, но церковь вполне видимо и вполне реально основанная И. Х. на этой земле, орошенной его кровью и освященной его пребыванием среди нас?

Я замечаю, княгиня, что я только еще приступаю к своему предмету, а уже успел заполнить две страницы; я не знаю, удовольствуетесь ли вы тем, что я сказал вам, но мне не хотелось бы заключать своего письма, не попытав в нескольких словах резюмировать мои чувства по этому интересному вопросу. Итак, я думаю, что призвание Церкви в веках было дать миру христианскую цивилизацию, для чего ей необходимо было сложиться в мощи и силе; что, имея задачей показать людям, что есть лишь один способ познать Бога и поклоняться Ему, она естественно должна была испытывать потребность в сохранении собственного единства; что если бы она укрылась в преувеличенном спиритуализме или в узком аскетизме, если бы она не вышла из святилища, она тем самым обрекла бы себя на бесплодие и никогда не была бы в состоянии завершить своего дела; наконец, что ее земные судьбы могут быть выполнены лишь в условиях человеческого разума, условиях, возлагавших на нее обязанность непрестанно приспособляться к духу времен, через которые ей пришлось проходить, а потому и не следует упрекать ее в том, что она пошла дорогой, предначертанной ей природой вещей, и следовательно единственной, по которой она могла идти. Еще одно слово: вы знаете, что

некогда, в самый разгар феодальных неистовств, Церковь воспретила какие бы то ни было враждебные действия в течение четырех дней недели, и что ее послушались: ну, так спрашиваю вас, думаете ли вы, что если б она сложилась иначе, чем это было на деле, она могла бы решиться провозгласить этот пресловутый *мир Божий*, истинный кодекс милосердия и мира, который по признанию даже протестантских писателей, более всего способствовал развитию у современных наций всяческих гуманных чувств? Конечно, нет. Мне кажется, что при общих и мирных прениях, которые, быть может, возникнут при данных обстоятельствах в религиозном мире, необходимо будет постоянно иметь в виду как услуги, оказанные человечеству древними верованиями, так и необходимость, в которую они были поставлены, выступать в качестве общественных сил и подчинять себе все остальные власти. И тогда, если новые верования, исполненные благодарности за оказанное ими благо, с любовью протянут им руку, можно будет надеяться, что сам Дух Святой благоволит просветить их и открыть им целый мир любви, где некогда наиболее расходившиеся мнения сольются и смешаются. Пусть эта счастливая минута скорее порадует сердца истинных христиан! А главное, чего можно весьма опасаться в наши дни, да не вздумает заносчивая философия[2], претендующая с помощью нескольких варварских формул примирить все непримиримое, выступить посредницей между глубокими и искренними убеждениями, природы которых она не может понять и значения которых она не может измерить, и тем свести всю эту святую работу религиозных умов к какому-нибудь неудачному компромиссу, к каким-нибудь философским пересудам, недостойным религии Христа.

1842

103. Ф. В. Й. Шеллингу

1842. Москва, 20 мая.

Милостивый Государь.

С тех пор, как вы сделали честь написать мне [1], произошло не мало событий в философском мире, но из всех этих событий наиболее живой интерес вызвало во мне ваше выступление на новой сцене, куда призвал вас государь, друг гения [2]. Как только я узнал о вашем прибытии в Берлин, во мне проснулось стремление обратиться к вам с пожеланиями успеха вашим учениям в этом средоточии немецкой науки; различные обстоятельства, независимые от моей воли, помешали мне выполнить это: теперь мне остается только поздравить вас с вашим успехом. Я не настолько самонадеян, чтобы предположить, что мои приветствия могут вас бесконечно тронуть, и если бы мне не было ничего другого сказать вам, то я, может быть, воздержался бы от того, чтоб писать вам; но я не мог противостать желанию сообщить вам о том могущественном интересе, который связан для нас с вашим теперешним учением, а также о глубоких симпатиях, с которыми маленький кружок наших философствующих умов приветствовал ваше вступление в этот новый период вашего славного поприща.

Вам известно, вероятно, что спекулятивная философия издавна проникла к нам; что большая часть наших юношей, в жажде новых знаний, поспешила приобщиться к этой готовой мудрости, разнообразные формулы которой являются для нетерпеливого неофита драгоценным преимуществом, избавляя его от трудностей размышления, и горделивые замашки которой так нравятся юношеским умам [3], но чего вы не знаете, вероятно, это, что мы переживаем в данную минуту нечто вроде умственного кризиса, имеющего оказать чрезвычайное влияние на будущее нашей цивилизации; что мы сделались жертвой национальной реакции, страстной, фанатической, ученой, являющейся естественным следствием экзотических тенденций, под властью которых мы слишком долго жили, но которая, однако, в своей узкой исключительности, поставила себе задачей не более, не менее, как ко-

ренную перестройку идеи страны в том виде, как она дана теперь не вследствие какого-либо насильственного общественного переворота, что еще могло бы до известной степени оправдывать насильственное возвращение к прошлому, но просто в силу естественного хода вещей, непогрешимой логики столетий, а главное в силу самого характера нации. Надо принять в соображение, что философия, низвергнуть с престола которую вы явились в Берлин, проникнув к нам, соединившись с ходовыми у нас идеями и вступив в союз с господствующим у нас в настоящее время духом, грозила окончательно извратить наше национальное чувство, то есть скрытое в глубине сердца каждого народа начало, составляющее его совесть, тот способ, которым он воспринимает себя и ведет себя на путях, предначертанных ему в общем распорядке мира. Необыкновенная эластичность этой философии, поддающейся всевозможным приложениям, вызвала к жизни у нас самые причудливые фантазии о нашем предназначении в мире, о наших грядущих судьбах; ее фаталистическая логика, почти уничтожающая свободу воли, восстановляя ее в то же время на свой лад, усматривающая везде неумолимую необходимость, обратясь к нашему прошлому, готова была свести всю нашу историю к ретроспективной утопии [4], к высокомерному апофеозу русского народа; ее система всеобщего примирения путем совершенно нового хронологического приема, занимательного образца наших философских способностей, вела нас к вере, что упредив ход человечества, мы уже осуществили в нашей среде ее честолюбивые теории; наконец, она быть может, лишила бы нас прекраснейшего наследия наших отцов, той целомудренности ума, той трезвости мысли, культ которой, сильно запечатленный созерцательностью и аскетизмом, проникал все их существо. Вы можете судить, сколь искренно приветствовали ваше появление в самом очаге этой философии, влияние которой могло стать для нас столь гибельным, все те из нас, которые действительно любят свою страну. И не думайте, чтобы я преувеличивал это влияние. Бывают минуты в жизни народов, когда всякое новое учение, каково бы оно ни было, всегда явится облеченным чрезвычайной властью в силу чрезвычайного движения умов, характеризующего эти эпохи. А следует признаться, что горячность, с которой у нас волнуются на поверхности

общества в поисках какой-то потерянной национальности, невероятна. Роются во всех уголках родной истории; переделывают историю всех народов мира, навязывают им общее происхождение с привилегированной расой, расой славянской, смотря по большему или меньшему достоинству их[5]; перерывают всю кору земного шара, чтобы найти титулы нового народа Божия; и в то время, как эта непокорная национальность ускользает от всего этого бесплодного труда, фабрикуют новую, которую претендуют навязать стране, относящейся, впрочем, совершенно безучастно к лихорадочным восторгам этой науки, у которой еще молоко на губах не обсохло. Но горячки заразительны, и если бы учение о непосредственном проявлении абсолютного духа в человечестве вообще и в каждом из его членов в частности продолжало царить в вашей ученой метрополии, то мы вскоре увидали бы, в этом я уверен, весь наш литературный мир перешедшим к этой системе, подслужливым царедворцем человеческого разума, мило льстящим всем его притязаниям. Вы знаете, в вопросах философии мы еще ищем своего пути: поэтому весь вопрос в том, отдадимся ли мы порядку мыслей, поощряющему в высокой степени всякие личные пристрастия, или, верные дороге, которой мы следовали до сего дня, мы и впредь пойдем по путям того религиозного смирения, той скромности ума, которые во все времена были отличительной чертой нашего национального характера и, в конечном счете, плодотворным началом нашего своеобразного развития. Продолжайте же, милостивый государь, торжествовать над высокомерной философией, притязавшей вытеснить вашу. Вы видите, судьбы великой нации зависят в некотором роде от вашей системы. И да будет дано нам увидать когда-нибудь созревшими в нашей среде все плоды истинной философии, и это, благодаря вам!

103 А. Ф. В. Й. Шеллингу

Москва. 15 апреля 1842

Милостивый государь.

С тех пор, как Вы почтили меня своим письмом, в области философии совершилось не мало событий, но меня живее всего затронуло появление Ваше на новом месте

действия, на которое Вас недавно призвал выдающийся монарх. Как только я узнал о Вашем прибытии в Берлин, я хотел направить к Вам пожелание об успешном утверждении Ваших учений в этих пределах; но мне помешали различные заботы; в настоящее время приходится только поздравить Вас с победой, в которой я по существу не сомневался. Вы, конечно, не сочтете меня, милостивый государь, столь самонадеянным, чтобы ожидать, что мое поздравление могло бы Вас особенно затронуть, но я все же не мог воздержаться от желания осведомить Вас о глубоких симпатиях, с которыми наша литературная среда приветствовала вступление Ваше в эту новую полосу Вашего философского поприща. И Вы не останетесь к этому равнодушны, это сочувствие пробудит, я уверен, таковое же и с Вашей стороны, как только Вы узнаете, на чем оно основано. Нельзя отрицать, что спекулятивная философия внесла свои опустошения и в наши отдаленные края и что часть нашей молодежи овладела этой наперед изготовленной мудростью, уверенные формулы которой якобы делают излишним углубленное изучение предметов и так нравятся юношеской заносчивости, но я могу Вас уверить, что все наши основательные умы оставались ей совершенно чуждыми. Надо Вам сказать, что мы находимся в состоянии своего рода умственного кризиса, который, вероятно, определит судьбы нашей цивилизации, нас разъедает доморощенная реакция, естественное последствие чужеземных влияний, среди которых мы до сего дня жили. Всякое событие в движении человеческого разума имеет для нас поэтому величайшее значение. И вот та философия, которая безраздельно царила в Берлине до Вашего прибытия туда, проникая к нам и сочетаясь в некоторых из наших молодых умов с новоявленными идеями, грозила полным искажением нашего национального чувства; баснословная эластичность этой мудрости, допускающая всевозможные приспособления, взрастила у нас множество своеобразных представлений о нашем прошлом; ее фаталистическая логика, почти устраняющая свободу воли и отыскивающая везде непреклонную необходимость, обращаясь к нашему былому, готова была свести всю нашу историю к горделивому апофеозу нас самих; наконец, она грозила лишить нас самого ценного наследия наших благочестивых предков, тех скромных доблестей, которые укоренила

в их сердцах суровая религия; заключите из этого, как все искренно любящие свою родину радостно приветствовали Вашу философию, когда она водворилась у самого очага той, влияние которой могло стать для нас столь пагубным. Бывают моменты в истории народов, когда всякая новая теория приобретает необычайную силу вследствие особого движения умов, составляющего особенность этих периодов; и как раз приходится признать, что рвение, с которым волнуются у нас на поверхности общества в поисках какой-то утерянной народности, прямо невероятно. Роются во всех закоулках нашей истории, во всех уголках земного шара; и в то самое время, как эта упрямая народность ускользает от всех тщетных исканий, создают новую и пытаются навязать ее стране, которая со своей стороны совершенно равнодушна к этому лихорадочному порыву нашей безбородой литературы. Но горячки бывают заразительны, милостивый государь; и если бы учение, толкующее о динамическом движении человеческого духа и сводящее к нулю значение разума отдельной личности, продолжало процветать в Вашей ученой столице, нам бы пришлось быть свидетелями завоевания всей нашей литературы этой опустошительной системой. По части философии мы стоим еще на отправной точке; приходится ставить вопрос, отдадимся ли мы такому порядку философических идей, который вызывает высшую степень всякого рода личных притязаний, или же, верные тому пути, которому мы до сих пор следовали, мы и далее будем держаться того мудрого смирения, которое всегда было глубочайшей основой нашего народного характера и, в последнем счете, причиной нашего быстрого развития?

Итак, продолжайте, милостивый государь, торжествовать над этой самоуверенной философией, которая пыталась подорвать Вашу; как Вы видите, судьбы духовного развития великого народа отчасти зависят от того успеха, какой ныне будет достигнут Вашим учением. Пусть настанет день, когда мы увидим у себя все плоды настоящей философии и будем обязаны ими Вам.

Примите, прошу Вас, милостивый государь, уверение в моем чувстве восхищения

Петр Чаадаев.

104. Е. А. Свербеевой

10 июля.

Письмо ваше, дорогая г-жа Свербеева, пришло весьма кстати, чтобы отвлечь меня от моих печальных забот. Приближаясь к моменту моего удаления в изгнание из города, где я провел 15 лет моей жизни над созданием себе существования, полного привязанностей и симпатий, которых не могли сокрушить ни преследования, ни неудачи, я вижу, что эта вынужденная эмиграция есть настоящая катастрофа[1]. Вы находите, что Рожествено[2] одиноко; что же сказали бы вы об очаровательном убежище, которому предстоит меня принять, если бы вы имели о нем какое-либо представление? Вообразите себе — один кустарник и болота на версты кругом и, помимо всего прочего, отсутствие места в доме для целой половины моих книг! Так пишет мне добрая тетушка, несмотря на ее горячее желание видеть меня у себя. Расположенное в довольно веселой местности, с удобным домом, украшенное вашим соседством, Рожествено по сравнению <с ним> является обетованною землею. Но не будем об этом говорить; это значило бы плохо ценить вашу дружбу, если заставлять ее выносить картину ожидающей меня жизни. Я, впрочем, по-прежнему решил приехать запастись счастием под вашими широтами, прежде чем отправиться в мои Синапяры[3]. Я узнал через кузину[4] о визите, который сделала вам прекрасная графиня; если я с ней встречусь, я приглашу ее заехать к вам во время моей поездки. И тогда, как-нибудь вечером, между двумя романсами, я распрощусь с вами; это смягчит мне горечь разлуки.

Перейдем к предметам, вызвавшим ваше любопытство. Статья Хомякова[5], говорят, произвела мало впечатления среди землевладельцев; я этому не удивляюсь: она очень мало содержит для практической жизни, но очень много для мысли. Поэтому, что до меня касается, я от нее в упоении. Несколько фраз из нее я перевел Мармье[6], присоединив к ним маленький комментарий для его личного употребления. К сожалению, интересный путешественник приехал повидаться со мною накануне своего отъезда, почему я и не мог, в тот краткий промежуток времени, который он провел у меня, дать ему оценить вещи во всем их значении. Вот одна из этих фраз,

сопровождаемая комментарием. «Сельская община, говорит автор, нашла впоследствии главу в лице землевладельца». Совершенно правильно, но что из этого следует? Что община сначала не имела главы; что последняя установилась у нас законным путем; что это установление было благодеянием для страны, так как оно способствовало окончательному устроению этой удивительной общины, основы, по мнению автора, нашего общественного строя и зародыша всего нашего будущего процветания; наконец, что не следует прикасаться к рабству, если только не хочешь разрушить общину и возвратить нас к золотому веку допотопной Руси. Текст гласит: «Мирская община получила впоследствии определенную главу в лице помещика» [7]. Вы видите, что моя передача вполне правильна: я ссылаюсь на самого автора. Другое положение Хомякова, доверенное скромному и осторожному размышлению Мармье: «формы нашей жизни,— говорит он,— органическое произведение нашей почвы и народного характера, заключают в себе тайну нашего величия» [8]. Превосходно! Но тогда и крепостное право, одна из наиболее ярких форм нашей жизни, не является ли также необходимым продуктом природы страны? Не содержит ли оно в себе также тайну нашего величия? А потому, снова скажу, остерегайтесь дотрагиваться до него! Но достаточно о Хомякове и его статье. Г-жа Орлова поселилась во Всесвятском; она по-прежнему бодра, но очень грустна. Мысль покинуть ее, чтоб больше не видаться, сильнее всего меня удручает. Добрый Орлов, надеюсь, не будет за это в претензии на меня; в странах, в которых он теперь обретается, все, говорят, становится ясно; в таком случае он будет знать, как дорога мне его память и как я был бы счастлив доказать это его семье.

Тургенев направляется в Москву; его патрон [9] ожидается сюда через несколько дней; итак, вы не преминете вскоре увидеть нашего доброго друга у своих ног. Натали получила два раза известия от своей сестры [10], этого беспокойного сердца, которое сейчас ищет впечатлений на красивых берегах Рейна. Да поможет ей небо! Вы, вероятно, знаете о случившемся с хорошенькой Дашей происшествии, очень естественном при ее наружности; вследствие этого Лиза путешествует без горничной, отчего она, по ее словам, чувствует себя превосходно; но не можете ли вы мне объяснить, как она ухитряется приче-

сываться? Правда, у нее есть выход — вовсе не причесываться. Вот, кажется, все темы вашего любопытства удовлетворены.

Итак, прощайте, добрая и любезная кузина. Забыл вам сказать, что наш Голицын[11] женится на княжне Долгорукой, дочери Ильи Долгорукого; свадьба будет здесь через несколько недель. Все это сообщил мне Иван Гагарин; он только что от меня ушел и поручил мне засвидетельствовать вам свое почтение. Еще раз — прощайте. Примите, прошу вас, выражение моей глубокой и искренней преданности.

Петр Чаадаев.

P. S. Я хотел послать это письмо на почту, но ваш супруг взялся его вам доставить.

105. И. С. Гагарину ⟨июль⟩

После размышления я полагаю, что следует принять рассказ о княжне Анне. Молчание наших летописей ничего не доказывает, так как они умалчивают и о браках других дочерей *Ярослава*, а они вполне удостоверены другим путем. Можно предположить, что разделение двух церквей гораздо более определилось ко времени Нестора, и он избегал отмечать факты, которые бы говорили в пользу первоначального единства двух исповеданий. Как бы то ни было, ясно, что наши сношения с Западом были в ту пору весьма благожелательны; частые браки с князьями и княжнами Европы, причем вопрос о перемене религии никогда и не подымался; просьба Изяслава[1] к папе Григорию VII о поддержке и благорасположении народа, которое окружало его до самой кончины; *История Антония римлянина, который прямо из Рима приплыл в Новгород и там основал монастырь*[2], в особенности же письмо митрополита Иоанна к папе[3] (в котором он говорит прямо, что он не понимает) и целый ряд других фактов в достаточной мере это доказывают.

Будьте здоровы, дорогой князь, я не попаду сегодня вечером в ваши края, я еду во Всесвятское; если вы хотите поговорить со мной до отъезда, то приходите обедать в Английский клуб; вы застанете меня там около 5 часов и я вас запишу.

Весь ваш Чаадаев.

106. С. П. Шевыреву

Басманная. 20 июля.

Вы, конечно, не знаете, любезнейший Степан Петрович, что я болен и сижу дома; а то бы ваша добрая душа, конечно, вас привела ко мне. По-московски мы почти соседи [1]. Но кроме этого, т. е. кроме утешения, которое мне доставит ваше посещение, я бы желал поговорить с вами о многом. Я оставляю Москву [2]. Надобно ее оставить не с пустыми руками. Остальные, немногие предсмертные дни хотел бы провести в труде полезном, а для этого нужно или укрепиться в своих убеждениях, или уступить потоку времени и принять другие. Ваша теплая душа поймет, что с сомнениями тяжело умирать, какие бы они ни были.

Простите, почтеннейший Степан Петрович. В ожидании вашего посещения прошу вас принять уверение в моей душевной преданности. Петр Чаадаев.

107. П. А. Вяземскому

Москва, 2 октября.

Разрешите, милый князь, порекомендовать вам молодого художника из художественной школы, которую раньше возглавлял Орлов. Он посещает ‹Парижский› Салон и, быть может, сам будет выставлять свои работы. Он работает в жанре интерьеров и архитектурных пейзажей и чрезвычайно в этом преуспел. Со времени кончины бедного нашего друга [1] школа его приходит в упадок. В Москве нынче искусство не в чести. Хомяков и Чертков, возглавляющие нынче эту школу, не имеют времени ею заняться, ибо один из них слишком озабочен устроением своей славянской семьи [2], а другой увлечен археологическими безделушками [3]. Хочу надеяться, что вы не откажете в покровительстве моему молодому человеку, носителю последних честолюбивых устремлений Орлова. Имя его Бодри, но он здешний уроженец и в вашей власти сделать его еще более природным жителем наших мест, называя его Бодриным *. Ни к чему, полагаю, говорить вам о кочевой жизни славного нашего тря-

---

* В оригинале – Бодринъ.

пичника [1], которого вы имели удовольствие приютить в своем доме; он, конечно же, подробно вам сообщает о своих действиях, поступках и заботах. Прощайте же, милый князь, и примите уверения в моей искренней дружбе.

Чаадаев *

108. А. И. Тургеневу

31 декабря

Сделайте мне удовольствие, дорогой друг,— пришлите мне автограф Экштейна [1]. Это весьма любопытный документ для нашего брата-писаки. Любопытно проследить, сколько нужно в обрез литературного таланта, чтобы получился человек действия в литературном мире; ибо этот немец провел своим несовершенным пером борозду, которую не стереть целой шайке академиков. Мне хочется это перечесть, и по прочтении я вам его верну.

Мы, кажется, должны были обедать завтра, в первый день нового года, у Марса и Беллоны; но я боюсь, что при моей наклонности к звону в ушах я буду слышать весь год воинственные клики. Поэтому я отобедаю преспокойно дома. Будьте здоровы, мой друг, и желаю вам всего лучшего в наступающем году.

Вот еще что! Не вздумайте сунуть эту глупость в ваш мешок для тряпок по свойственной вам — в вашем прославленном качестве великого тряпичника на интеллектуальной мостовой — привычке. Не следует увековечивать глупые шутки.

108 А. М. И. Жихареву

Вот, дорогой друг, предпоследний номер «Москвитянина»; что касается последнего, то я еще не могу вам его дать, во-первых, потому, что Натали [1] его у меня только что взяла, а затем потому, что мне нужно еще прочитать статью [Хомякова] [2] о крестьянах, «очень обязанных» (bien obliges), как их называет, говорят, Меншиков. В первый же раз, как кто-нибудь из ваших людей явится сюда, у вас будет этот номер равно как и речь, которую нам прочел Шевырев на университетском акте и которой вы сможете позабавиться, прочтя со всеми вооб-

* В оригинале по-русски.

ражаемыми интонациями автора. Я еще не знаю, когда я уеду. Я болен и собираюсь в дорогу [3], вот все, что я могу вам сказать в настоящее время.

Будьте здоровы, любезный друг. Приветствуйте самым сердечным образом мою кузину, так же, как и вашего батюшку [4] и остальных членов семьи.

1843

109. С. П. Шевыреву

Покорнейше благодарю Вас, Милостивый Государь Степан Петрович, за сообщение Вашей статьи умной, благородной. Все друзья и ближние нашего доброго Орлова вам за нее скажут спасибо. Без вас он бы пропал без вести. От всей души желаю, чтобы с вами цензура обошлась милостиво [1].

Душевно Вам преданный П. Чаадаев.

110. А. И. Тургеневу

Вы пробудете здесь недолго, милый друг; поэтому хорошо было бы, если бы вы заранее назначили вечер, который проведете у меня; я в этот день совсем не буду выходить из дому, и вы придете, в какой вам будет угодно час. Что касается сегодняшнего дня, то тоже приходите, если вам угодно: я ничего не потеряю от того, что увижу вас два раза.

Дубенский передал мне документ, о котором была речь [1].

111. А. Я. Булгакову

Вот письмо к Т.[1], о котором просила меня г-жа Свербеева. Речь идет о гувернантке, которая предлагает приехать сюда и устроиться к г-же Муравьевой [2]. Он просил меня поговорить с г-жой М. об этом деле и сообщить о результате.— Вот и все. Шумиха, которую он устроил, лишает меня возможности отвечать ему [3]; впрочем, это его вина; передайте это письмо безо всяких объяснений.

Г-жи Свербеевой здесь еще нет. Она поселилась в доме Ухтомского, на бульваре, напротив своей племянницы.

Всецело преданный вам Чаадаев.

112. А. Я. Булгакову

Вот еще одно письмо для нашего милейшего человека [1]. Это ответ г-жи Муравьевой на предложение известной вам знаменитой гувернантки, приятельницы французской королевы и королевы Лесного аббатства [2]. Прошу вас, займитесь ею,— депешей, разумеется, а не гувернанткой;— и обеспечьте ее прием.— Г-жа Свербеева только что приехала; она остановилась в доме Ухтомского, на Тверском бульваре. Приветствую вас на все лады.

Чаадаев

Пятница, утром.

113. Е. А. Свербеевой

Басманная. 29 октября.

Ваши приказания исполнены, прекрасная кузина. Я написал Т.[1]. Я сообщаю ему, что г-жа Муравьева очень рада будет видеть у себя друга королевы французской и королевы l'Abbaye au bois [2]. Г-жа М. сама ему напишет, чтобы спросить его, уверен ли он, что такая высокопоставленная дама захочет поселиться в том маленьком и скудном помещении, которая она может предложить ей. Вам, вероятно, уже известно, что он больше не показывается здесь. Жаль; мне доставило бы истинное удовольствие повернуться к нему спиной. Представьте себе, дорогая кузина, что, поручая вам в одном из своих писем засвидетельствовать мне его почтение, он, как ни в чем не бывало, ставит меня в хвосте целого ряда лиц, которых он знает только со вчерашнего дня. Я отлично понимаю, что его шарлатанство не находит более в моей личности того интереса, который он некогда находил в ней, но все-таки следовало бы соблюдать приличия. Передайте ему, пожалуйста, что я не нуждаюсь ни в его почтении, ни в его памяти обо мне. Признаюсь вам, что мне приятнее было бы, если бы мне не приходилось писать этому жалкому человеку; позвольте же мне перед вами поставить себе в известную заслугу этот акт внутренней покорности.

Прилагаю письмо к г-же Сиркур, которое прошу вас вложить в ближайшее из ваших писем к Т. С нетерпением жду, любезная кузина, когда вы здесь окончательно оснуетесь. Ваш верный и преданный Чаадаев.

114. Неизвестной

Я очень опасаюсь, сударыня, что осуществлению ваших желаний помешают серьезные препятствия. Не сомневаюсь, что Булгаков хочет быть полезным г-же Жуковской, но уже две недели тому назад он говорил мне, что получил множество рекомендаций относительно места, о котором идет речь. Я со своей стороны сделаю все от меня зависящее, чтобы добиться от него того, чего вы желаете. Пока я поговорю об этом также и с княгиней ⟨?⟩ Луизой, чтобы заручиться ее поддержкой. Завтра я узнаю о результатах наших совместных хлопот и поспешу вам о них сообщить в течение дня. Примите, сударыня, уверения в моем глубочайшем почтении.

Вторник П. Чаадаевъ *

115. А. И. Тургеневу (август—ноябрь)

Госпожа С. больна, поэтому отвечаю вам я: вы знаете, имею ли я на это право [1]. И прежде всего я должен вам сказать, что она очень сожалеет, что вызвала ваше письмо. Но что вы хотите? Приходится иногда действовать не по первому побуждению, хотя бы впоследствии и пришлось в этом раскаяться. Предупреждаю вас — вы услышите слово человека обиженного, однако человека, симпатии которого не смогли заглушить ни ваши мелочные выходки, ни бешеные вспышки вашего гнева.

Вы говорите, что ваша душа больна! Дай бог, чтобы ваш ум был в лучшем состоянии. Вы бы тогда лучше судили и о вещах, и о людях. В этом все дело. Добрый, обходительный, без претензии на серьезность, неутомимый и подчас интересный собиратель всяческих новостей; милый хвастун, не отказывающийся от этого титула, а наоборот, добродушно принимающий его; наконец, фрондер по проявлениям, а для виду и филантроп — таким мы вас знали и любили. Но вот в один прекрасный

---

* В подлиннике по-русски.

день ваш покровитель покидает двор: последствия обрушиваются на вас[2]; вы теряете одну официальную поддержку, и вам нужна другая. Вместо того, чтобы искать эту поддержку в старых и достойных дружеских связях, в услугах, оказанных и принятых, в уважении ваших соотечественников, вы хотите найти ее в каких-то неизвестных делах славного прошлого, в ваших связях с несколькими снисходительными европейскими знаменитостями, в мнимой строгости ваших принципов и прежде всего в той широкой филантропии, первые плоды которой принадлежат каторжникам, а шум — свету[3]. И вот вы — среди нас в своем новом костюме. К сожалению, костюм вам не по росту. Он был скроен для человека исключительно смелого и оригинального. А вы знаете,— каков тот, кто его надел. Отсюда все недоразумения, происшедшие с вами во время вашего пребывания в Москве. Прежде всего вы нашли, что публика охладела по отношению к вам. Ничуть не бывало. Публика осталась та же,— переменились вы. Публика, надо это вам сказать, всегда относилась к вам шутя; на этот раз вы захотели, чтобы вас приняли всерьез. Публика на это не пошла, вот и все. Тогда начались ваши дикие выходки, ваши взбалмошные ссоры, ваши ревнивые подозрения. Вы стали сварливы, грубы, надменны. Все ваши дурные страсти, дремавшие в течение полувека в тени блаженного довольства, внезапно проснулись, шумные, циничные, завистливые. Поневоле публика тогда слегка отшатнулась от вас; тем не менее, привыкнув относиться к вам снисходительно, она не лишила вас своего доброжелательства, с той лишь разницей, что ее симпатии сменились снисхождением. То, что я вам сейчас сказал, вы знаете не хуже меня, но вы, вероятно, не знаете того, что это известно другим и помимо вас, а вот это-то и важно вам знать!

Вы понимаете, что я не могу вывести известную вам милую даму на ту шутовскую арену, на которой мы благодаря вам состязаемся. Я не могу говорить с вами ни о том почти жестоком поддразнивании, которому вы ее подвергли, и это в такую минуту, когда она была погружена в глубочайшую скорбь[4], ни о ваших претензиях целиком завладеть ее дружбой, ни, наконец, о покорности, с которой она перенесла все излияния неслыханного эгоизма: но я могу и должен сказать вам о себе, и это

вы, конечно, прекрасно понимаете. Как ни смешно, впрочем, что между нами возникает спор, я не могу даровать вам ту безнаказанность в отзывах обо мне, какую вы себе так свободно предоставляете. Итак, слушая вас, лучше сказать, глядя на вас, ибо вы ничего не произносите [5], можно подумать, что вы таите глубокую и обоснованную обиду против меня; я оговорился, обида — не то слово, ваше дурное настроение в отношении меня совершенно бескорыстно, вы одушевлены лишь самым целомудренным, самым благородным негодованием против изменчивости моих мнений, против моего заносчивого самолюбия. Ну, так что ж! Я это признаю, ибо я — не из тех, кто добровольно застывает на одной идее, кто подводит все — историю, философию, религию под свою теорию, я неоднократно менял свою точку зрения на многое, и уверяю вас, что буду менять ее всякий раз, когда увижу свою ошибку. Что касается второго вопроса — моего самолюбия, то — да, я горжусь тем, что сохранил всю независимость своего ума и характера в том трудном положении, которое было создано для меня, и я смею надеяться, что мое отечество оценит это; я горжусь тем, что вызванные мною ожесточенные споры не отдалили от меня никого из тех лиц, глубокими симпатиями которых я пользовался, наконец, я горжусь тем, что среди моих друзей числятся серьезные и искренние умы самых разных направлений [6]. Еще слово. О, конѐчно, христианское смирение прекрасно, и, осуществляя его, человек испытывает невыразимое счастье; к сожалению, при некоторых данных условиях оно приобретает вид низости, и вы, который так искусно умеет принимать тот или иной вид, должны это знать не хуже меня. Вернемся к моим мнениям — это самый существенный вопрос.

Было время, когда я, как и многие другие, будучи недоволен нынешним положением вещей в стране, думал, что тот великий катаклизм, который мы именуем Петром Великим, отодвинул нас назад, вместо того чтобы подвигнуть вперед; что поэтому нам нужно возвратиться вспять и сызнова начать свой путь, дабы дойти до каких бы то ни было крупных результатов в интеллектуальной области [7]. Ознакомившись с делом ближе, я изменил свою точку зрения. Теперь я уже не думаю, что Петр Великий произвел над своей страной насилие, что он в один прекрасный день похитил у нее национальное начало, заме-

нив его началом западноевропейским, что, брошенные в пространство этой исполинской рукой, мы попали на ложный путь, как светило, затерявшееся в чужой солнечной системе, и что нам нужен в настоящую минуту какой-то новый толчок центростремительной силы, чтобы мы могли вернуться в нашу естественную среду. Конечно, один этот человек заключал в себе целый революционный переворот, и я далек от того, чтобы это отрицать, однако, и этот переворот, как и все перевороты в мире, вытекал из данного порядка вещей. Петр Великий был лишь мощным выразителем своей страны и своей эпохи. Поневоле осведомленная о движении человечества, Россия давно признала превосходство над собой еропейских стран, особенно в отношении военном; утомленная старой обрядностью, прискучив одиночеством, она только о том и мечтала, чтобы войти в великую семью христианских народов; идея человека уже проникла во все перы ее существа и боролась в ней не без успеха с заржавевшей идеей почвы. Словом, в ту минуту, когда вступил на престол великий человек, призванный преобразовать Россию, страна не имела ничего против этого преобразования: ему пришлось только приложить вес своей сильной воли, и чашка весов склонилась в пользу преобразования. Что касается средств, которыми он пользовался для осуществления своей программы, то он, естественно, нашел их в инстинктах, в быте и, так сказать, в самой философии народа, которого он являлся самым подлинным и в то же время самым чудесным выразителем. И народ не отказался от него: если он и протестовал, то делал это в глубоком безмолвии, и история никогда об этом ничего не узнала. Стрельцы, опьяненные анархией, вельможи, погрязающие в грабежах, потерявшие рассудок среди своего рабского уклада, несколько мятежных священников, тупые сектанты — все это не выражало национального чувства. Наконец — небольшая оппозиция, оказанная ему частью народа, отнюдь не имела отношения к его реформам, ибо она возникла со дня его восшествия на престол. Я слишком хороший русский, я слишком высокого мнения о своем народе, чтобы думать, что дело Петра увенчалось бы успехом, если бы он встретил серьезное сопротивление своей страны. Я хорошо знаю, что вам скажут некоторые последователи новой национальной школы — «потерянные дети» этого учения, которое явля-

ется ловкой подделкой великой исторической школы Европы[8]; они скажут, что Россия, поддавшись толчку, сообщенному ей Петром Великим, на момент отказалась от своей народности, но затем вновь обрела ее каким-то способом, неведомым остальному человечеству, но краткое размышление покажет нам, что это — лишь громкая фраза, неуместно заимствованная из той податливой растяжимой философии, которая в настоящее время разъедает Германию и которая считает, что объяснила все, если сформулировала какой-нибудь тезис на своем странном жаргоне[9]. Правда в том, что Россия отдала в руки Петра Великого свои предрассудки, свою дикую спесь, некоторые остатки свободы, ни к чему ей не нужные, и ничего больше — по той простой причине, что никогда народ не может всецело отречься от самого себя, особенно ради странного удовольствия сделать с новой энергией прыжок в свое прошлое — странная эволюция, которую разум человека не может постичь, а его природа — осуществить. Но надо знать, что не впервые русский народ воспользовался этим правом отречения, которое, разумеется, имеет всякий народ, но пользоваться которым не каждый народ любит. Так часто, как мы. Заметьте, что с моей стороны это — вовсе не упрек по адресу моего народа, конечно достаточно великого, достаточно сильного, достаточно могущественного, чтобы безнаказанно позволить себе время от времени роскошь смирения. Эта склонность к отречению — прежде всего плод известного склада ума, свойственного славянской расе, усиленного затем аскетическим характером наших верований,— есть акт необходимый или, как принято теперь у нас говорить, акт органический,— надо его принять, подобно тому как страна по очереди принимала различные формы иноземного или национального ига, тяготевшие над ней. Отрицать эту существенную черту национального характера — значит оказать плохую услугу той самой народности, которую мы теперь так настойчиво восстанавливаем. Вот некоторые из тех отречений, о которых мы говорим.

Наша история начинается прежде всего странным зрелищем призыва чужой расы к управлению страной, призыва самими гражданами страны — факт, единственный в летописи всего мира, по признанию самого Карамзина, и который был бы совершенно необъясним, если бы вся наша история не служила ему, так сказать, комментари-

ем. Далее идет наше обращение в христианство. Вы знаете, как это произошло. *Если князь и его дружина, говорил народ, находят это учение хорошим и мудрым, наверное это так и есть*[10], и бежал окунуться в воды Днепра. Наконец, наступает продолжительное владычество татар — это величайшей важности событие, которое ложный патриотизм лицемерно и упорно отказывается понять и которое содержит в себе такой страшный урок. Как известно, татары никогда не захватывали всей России, но ведь без захвата страны нет настоящего ее завоевания, т. е. завоевания, которое привело бы к необходимому подчинению. Можно подумать, что смутный инстинкт подсказал нашим предкам, что, уединяясь от остального мира, они согрешили перед Господом и что бич татарского нашествия был за это справедливой карой: такова была покорность, с которой они приняли это страшное иго. Поэтому, как оно ни было ужасно, оно принесло нам больше пользы, чем вреда. Вместо того чтобы разрушить народность, оно только помогало ей развиться и созреть. Именно татарское иго приучило нас ко всем возможным формам повиновения, оно сделало возможными и знаменитые царствования Иоанна III и Иоанна IV, царствования, во время которых упрочилось наше могущество и завершилось наше политическое воспитание, во время которых с таким блеском проявились благочестивые добродетели наших предков; это же владычество облегчило задачу Петра Великого и имело, быть может, больше влияния, чем это принято думать, на образование этого исполина. Само царствование Иоанна IV можно рассматривать в известном смысле как длительное отречение, во время которого народ сложил у ног своего государя не только все свои права, но и свои верования, ибо мы видим, как немедленно после него народ признает наследником престола его сына — плод многоженства[11], не имевшего примера среди христианских народов, видим, как он проливает чистую кровь лучших своих сынов за этот воображаемый символ царской власти. Всем известно это странное и волнующее событие страшного царствования — настоящий договор, заключенный между народом и его государем, в силу которого народ со связанными руками и ногами отдавал себя во власть впавшего в безумие государя[12]. Один этот факт говорит больше, чем все, что я мог бы прибавить. Но в нашей истории есть

еще одно отречение, более важное, более чреватое последствиями, чем все отречения, о которых я говорил, и к которому мне не терпится перейти, потому что оно непосредственно связано с упреками, которые вы мне делаете. Вы догадываетесь, что я имею в виду установление крепостного права в наших деревнях.

Вот что мы читаем в журнале, хорошо известном своим национальным настроением [13]. Статья говорит об императорском указе, вводящем новый порядок освобождения крестьян. Установив на научных основах, что цельность общины является существенным элементом нашего общественного быта, автор прибавляет: *впоследствии мирская община получила определенного главу в лице землевладельца* [14]. Эти замечательные слова, вырвавшиеся из-под блестящего пера одного из корифеев национальной школы, заключают в себе, по нашему мнению, все прошедшее и все будущее нашего земледельческого населения; достаточно будет краткого их разбора, чтобы вы могли понять и оценить мою точку зрения на этот вопрос.

В факте огромной социальной важности, который окончательно сорганизовал в нашей стране низшие слои общества, прежде всего поражает то, что ничего подобного не только не видели в других христианских странах, но что наоборот — историческое развитие в них шло путем, совершенно противоположным нашему. Начав с крепостной зависимости, крестьянин там пришел к свободе,— у нас же, начав со свободы, крестьянин пришел к крепостной зависимости; там рабство было уничтожено христианством, у нас рабство родилось на глазах христианского мира. Что касается самого пути установления крепостного состояния, то нет ничего общего между тем, как оно установилось в странах Западной Европы и у нас [15]. Будучи результатом неприятельского нашествия или военных побед, оно в этих странах было в известном отношении узаконено древним правом завоевателя; везде, где вы находите господ и крепостных, вы найдете также либо власть одной расы над другой, либо обращение людей в рабство на поле сражения,— у нас же одна часть народа просто подчинилась другой, притом так, что порабощенной части никогда и в голову не пришло жаловаться на потерю своей свободы и никогда она не чувствовала себя сколько-нибудь оскорбленной, униженной, опозоренной

этой переменой в своей судьбе [16]. Вот различные фазы этой странной истории. Сначала простая административная мера, определяющая известное время в году для возобновления арендного договора между собственником и крестьянином; затем — другая административная мера, привязывающая этого последнего к земле; после этого — третья мера, которая включает его в своего рода бесформенный кадастр земельной собственности; наконец — последняя, которая смешивает его с домашними крепостными или рабами в собственном смысле слова и таким образом навсегда порабощает его. Таков простой ход событий. Ясно, что такой ход, при котором вмешательство государя есть только вмешательство административной власти, был лишь необходимым последствием порядка вещей, зависящего от самой природы социальной среды, в коей он осуществлялся, или от нравственного склада народа, его терпевшего, или, наконец, от той и другой причин вместе взятых. Мы действительно видим, что все эти меры вытекали из властной необходимости тех исторических эпох, которые их породили, мы находим в то же время в самих учреждениях наших, носящих глубокий отпечаток национального характера, естественную тенденцию к этой неизбежной развязке нашей социальной драмы. Раскройте первые страницы нашей истории, размышляйте над ними не с честолюбивым, хвастливым патриотизмом наших дней, но со скромным благочестивым патриотизмом отцов наших, и вы увидите, что в формах, в разнообразно сочетающихся условиях нашего национального существования, и с самых первых его лет все предвещает это неизбежное развитие общества. Вы увидите, что уже с самой колыбели оно несет в себе зародыш всего того, что возмущает ныне поверхностные умы, вылившиеся в формы, свойственные чуждому миру. Вы увидите, что уже с той поры все стремится, все жаждет подчиниться игу какой-нибудь личной власти, что все организуется, все устрояется в узких рамках домашнего быта, что, наконец, все стремится искать защиты под отеческой властью непосредственного начальника. Среди всего этого вы можете усмотреть и выборное начало, слабое, неопределенное, бессильное, проникающее иногда неведомо как в самую семью, иногда ограничивающееся анархическими выходками злоупотребления безграничной власти, но никогда не совпадающее с по-

ложительной идеей какого-нибудь права, всюду и всегда подчиненное началу господствующему — всеподавляющему началу семейному. Это выборное начало, наконец, столь ничтожно, что наша история упоминает о нем как будто лишь для того, чтобы показать его бесплодность, когда оно не сочетается с чувством человеческого достоинства. Все это прекрасно понял ученый автор статьи.

По его мнению, краеугольный камень нашего социального здания — это сельская община; в ней сосредоточены все силы страны, в ней кроется вся тайна нашего величия, с его точки зрения — это не повторяющееся нигде в мире начало, нечто принадлежащее исключительно нашей народности, нечто интимное, глубокое, необычайно плодотворное, создавшее нашу историю, придающее единое направление всем достойнейшим событиям нашего национального существования и окутывающее его целиком; наконец — из недр общины раздался клич спасения в то время, когда наша прекрасная родина разрывалась на клочки своими собственными сынами и предавалась чужеземцам [17]. Между тем надо помнить, что было время, когда эта община была далеко не так прекрасно организована, как в эпоху более нам близкую. Автор, правда, признает влияние общинного начала с самых первых дней существования нашего общества, но это воздействие его, очевидно, не могло проявляться в форме, полезной для страны, в то время, когда население блуждало по ее необъятному пространству то ли под влиянием ее географического строя, то ли вследствие пустот, образовавшихся после иноземного нашествия, или же, наконец, вследствие склонности к переселениям, свойственной русскому народу и которой мы в большой степени обязаны огромным протяжением нашей империи. Ученый автор сам, вероятно, попал бы в затруднительное положение, если бы ему пришлось точно объяснять нам, какова была подлинная структура его общины, равно как ее юридические черты среди этого немногочисленного населения, бродившего на пространстве между 65 и 45° (северной) широты; но каковы бы ни были эти черты и эти формы, несомненно то, что нужно было их изменить, что нужно было положить конец бродячей жизни крестьянина. Таково было основание первой административной меры, клонившейся к установлению более

стабильного порядка вещей. Этой мерой, как известно, мы обязаны Иоанну IV — этому государю, еще недавно так неверно понятому нашими историками, но память которого всегда была дорога русскому народу, государю, которого узкая прописная мораль наивно заклеймила, но широкая мораль наших дней совершенно оправдала, государю, чей кровавый топор в течение сорока лет не переставал рубить вокруг себя в интересах народа; поэтому было бы весьма неразумно видеть что-либо иное в этом акте, продиктованном искренним участием к земледельческому классу.

Вторая мера относится к царствованию его сына или, лучше сказать, к царствованию Годунова, избранника народа ⟨...⟩ [18].

116. А. И. Тургеневу

1 ноября. Басманная.

Не успел я написать вам письмо, наполненное глупостями, в ответ на те, с которыми вы обратились ко мне в вашем письме к Свербеевой [1], как она получила другое для передачи мужу, в котором было несколько слов по моему адресу. Вот я и сел впросак с моим глупым письмом. Признаюсь, однако, что мне немножко жаль, что так случилось, ибо в моем письме были отменные вещи, и вы сами с удовольствием прочли бы их. Но у вас какой-то дар делать все некстати. Как бы то ни было, теперь уже говорить об этом не приходится, и мне в настоящее время остается только сообщить вам о том удовольствии, которое доставило мне это, правда, немного запоздавшее, удовлетворение, но которое я принимаю от всего сердца, и за которое я вам во всех отношениях благодарен. Я, впрочем, никогда не сомневался в вашем добром сердце, как ни извращено оно филантропией, а также в вашей дружбе, и крепко надеялся, что в один прекрасный день вы вернетесь ко мне. Я убежден, что, написав эти трогательные строки, вы почувствовали, что все успехи самолюбия не стоят сладости доброго чувства. Кстати, я должен вам сказать, что ваш страшный гнев нимало не изумил меня; я лучше кого-либо другого понимаю тягость такого существования, как ваше, лучше кого-либо знаю, что все мы лишены действительного благосостоя-

ния души, и что, следовательно, нам поневоле приходится заполнять нашу жизнь туманами тщеславия. К несчастью эти туманы зачастую весьма пагубны и искажают в конце концов наш организм.

Я очень рад тому, что вы часто встречаетесь с моей кузиной. Это одна из самых почтенных личностей, каких я только знаю [2]. Советую вам, для чести страны, всячески постараться ввести ее в парижское общество. Отчего вы не пишете мне ничего о брошюре Лабенского? [3] Я только что прочел ее. Хотя и написанная стилем выходца или, вернее, иностранца, она имеет, по-моему, то несомненное достоинство, что отлично доказывает необходимость реформы Петра Великого в ту эпоху, когда он появился. Ничто великое или плодотворное в порядке общественном не появляется, если оно не вызвано настоятельной потребностью, и социальные реформы удаются лишь при том условии, если они отвечают этой потребности. Этим объясняется вся история Петра Великого. Если бы Петр Великий не явился, то, кто знает, может быть, мы были бы теперь шведской провинцией, и что, скажите, поделывала бы тогда наша милейшая историческая школа?

Мы еще пребываем здесь в летней тишине, и я очень боюсь, что, когда зима вернет нам людей, она принесет нам жизни ровно настолько, чтоб мы могли не почитать себя мертвыми. Если вы соберетесь написать мне, в чем я слегка сомневаюсь, то сообщите мне побольше об этой Лизе, которую мне не удалось заставить особенно полюбить меня, но которую я люблю более, чем в силах это выразить [4]. Это между нами. Свербеева собирается вам писать. Вы понимаете, какая пустота образовалась в ее существовании, сотканном из привязанностей и симпатий, со смертью добрейшей графини З. [5]; она еще далеко не оправилась от своего горя, вы сумеете поэтому оценить это свидетельство ее дружбы к вам, ибо люди неохотно отрываются от истинного и глубокого горя. Итак, будьте здоровы. Не говорю вам до свидания, ибо в марте месяце окончательно покидаю Москву с тем, чтобы уже не возвращаться туда. Передайте всяческие изъявления почтительности с моей стороны г-же Сиркур и кн. Елене [6], если только она в Париже. Нежно обнимите вашего брата [7] от меня.

1844

117. А. С. Хомякову

Позвольте, любезный Алексей Степанович, прежде нежели как удастся мне изустно поблагодарить вас за вашего Феодора Ивановича [1], сотворить это письменно. Всегда спешу выразить чувство, возбужденное во мне благим явлением. Разумеется, я не во всем с вами согласен. Не верю, напр., чтобы царствование Феодора столько же было счастливо без Годунова, сколько оно было при нем; не верю и тому, чтоб учреждение в России патриаршества было плодом какой-то умственной возмужалости наших предков [2], и думаю, что гораздо естественнее его приписать упадку или изнеможению церквей восточных под игом Агарян [3] и честолюбию Годунова; но дело не в том, а в прекрасном нравственном направлении всей статьи. Таким образом позволено искажать историю, особенно если пишешь для детей. Спасибо вам за клеймо, положенное вами на преступное чело царя, развратителя своего народа [4], спасибо за то, что вы в бедствиях, постигших после него Россию, узнали его наследие. Я уверен, что на просторе вы бы нашли следы его нашествия и в дальнейшем от него расстоянии. В наше, народною спесью околдованное время, утешительно встретить строгое слово об этом славном витязе славного прошлого, произнесенное одним из умнейших представителей современного стремления. Разногласие ваше в этом случае с вашими поборниками подает мне самые сладкие надежды. Я уверен, что вы со временем убедитесь и в том, что точно так же, как кесари римские возможны были в одном языческом Риме, так и это чудовище возможно было в той стране, где оно явилось. Потом останется только показать прямое его исхождение от нашей народной жизни, из того семейного, общинного быта, который ставит нас выше всех народов в мире, и к возвращению которого мы всеми силами должны стремиться [5]. В ожидании этого вывода,— не возврата,— благодарю вас еще раз за вашу статью, доставившую мне истинное наслаждение, и затейливою мыслию, и изящным слогом, и духом христианским [6].

118. А. И. Тургеневу (июнь)

В ответ на твое письмо [1] опишу тебе важное событие, совершившееся у нас в литературном мире: уверен, что ничем столько тебе не удружу. Тебе известна диссертация С.[2] Мы, кажется, вместе с тобою ее слушали. На прошлой неделе он ее защищал всенародно. Народу было много, в том числе, разумеется, все друзья С. обоего пола. Не знаю, как тебе выразить то живое участие, то нетерпеливое ожидание, которые наполняли всех присутствующих до начатия диспута. Но вот молодой искатель взошел на кафедру; все взоры обратились на спокойное, почти торжественное его чело. Ты знаешь предмет рассуждения. Под покровом двух имен Стефана Яворского и Феофана Прокоповича дело идет о том, возможна ли проповедь в какой-либо иной церкви кроме православной? По этому случаю, как тебе известно, он разрушает все западное христианство, и на его обломках воздвигает свое собственное, преисполненное высоким чувством народности, и в котором чудно примиряются все возможные отклонения от первоначального ученья Христова. Но все рассуждение не было напечатано; он защищал только последнюю его часть, составляющую некоторым образом особенное сочинение о литературном достоинстве двух проповедников. О самом сочинении говорить не стану; ты отчасти его знаешь, остальное сам прочтешь. Не имея возможности защищать все положения своего рассуждения, С. в коротких словах изложил его содержание, и с редким мужеством высказал перед всеми свой взгляд на христианство, плод долговременного изучения святых отцов и истории церкви, проникнутый глубоким убеждением и поражающий особенно своею новостию. Никогда, в том я уверен, со времени существования на земле университетов, молодой человек, едва оставивший скамью университетскую [3], не разрешал так удачно таких великих вопросов, не произносил с такою властью, так самодержавно, так бескорыстно приговора над всем тем, что создало ту науку, ту образованность, которыми взлелеян, которыми дышет, которых языком он говорит. Я был тронут до слез этим прекрасным торжеством современного направления в нашем отечестве, в нашей боголюбивой. смиренной Москве. Ни малейшего замешательства, ни малейшего стеснения не ощутил наш молодой теолог, ре-

шая совершенно новым, неожиданным образом высочайшую задачу из области разума и духа. И вот он кончил и спокойно ожидает возражений, весь осененный какою-то высокою доверенностью в своей силе. Шепот удивления распространился по обширной зале; некоторые женские головы тихо преклонились перед необыкновенным человеком; друзья шептали: «чудно!»; рукоплесканья насилу воздержались. Сидевший подле меня один из сообщников этого торжества, сказал мне: [«Вот что называется ясным изложением»]. Так как я не из числа тех, для которых так ясно выразилась мысль оратора, то тебе ее и не передам, а стану продолжать описание самого представления.

Первый возражатель[4] сначала стал опровергать теорию диспутанта о проповеди. Она, по моему мнению, довольно неосновательна, но возражатель, кажется, не угадал слабой ее стороны. Дело состоит в том, что по этому ученью, ораторская речь, следовательно и проповедь, не суть художественные произведения; а я думаю, напротив того, что можно бы с большею истиною сказать, что всякое художественное произведение есть ораторская речь или проповедь, в том смысле, что оно необходимо в себе заключает *слово*, чрез которое оно действует на умы и на сердца людей, точно так же, как и проповедь или ораторская речь. Потому-то и сказал когда-то, что лучшие католические проповеди готические храмы, и что им суждено, может быть, возвратить в лоно церкви толпы людей, от нее отлучившихся[5]. Потом перешел он к одному из важнейших положений рассуждения, а именно, *что проповедник есть посредник между церковью и частными лицами*. Каждый, кому сколько-нибудь известны главные черты, определяющие разъединенные христианские исповедания, легко угадает, откуда заимствовано это понятие о высоком значении проповедника. Оно принадлежит тому из них, которое в одной проповеди видит все дело христианства, и само собою разумеется, что возражатель, не имея возможности выразить вполне своей мысли, в невольном бессилии должен был умолкнуть после первых двух слов. Таким образом, к общему сожалению, диспутант не мог тут явить своей силы. Впрочем, должно заметить, что весь диспут по несчастию обращался около таких предметов, до которых убеждения, решительно противоположные положениям диспутанта, не могли дотро-

нуться. Так, напр., когда возражатель обратился к странному его мнению о католической проповеди, то он принужден был ограничиться несколькими примерами духовного красноречия западной церкви и общими местами о достаточности одного христианского начала для вдохновения проповедника, между тем как ему должно было показать, что характер проповеди на Западе нисколько не определялся догматами церкви, а самою жизнию Запада, составленной из множества разнородных начал, с которыми проповедники должны были бороться, которым иногда должны были уступать, которые вызывали слово живое, непредвиденное, никакому общему закону не подчинявшееся; что находить в проповеди католической отсутствие живого *сочувствия с массою слушателей* до такой степени смешно, что не знаешь, что на это и сказать; что новоизобретенное им различие между церквами католической и православной совершенно ложно; что церковь православная столько же, сколько и католическая, требовала и требует себе подчинения внешнего; что католическая отнюдь не довольствуется одною только наружною или юридическою покорностию, а лучше только прочих христианских исповеданий постигает своим здравым практическим смыслом человеческую природу и необходимую в ней связь наружного с внутренним, вещественного с духовным, формы с существом; что понятие об этой связи прямо выводится из того ученья евангельского, которое, так сказать, обоготворяет тело человеческое в теле Христовом, таинственно с ним совокупляемым, предсказывает возрождение тел наших и гласит устами Апостола: *или не весте, что телеса ваша удове Христове, или не весте, яко телеса ваша храм живого святого духа суть* (1 Кор. 6) [6]. Ко всему к этому должно было ему еще прибавить, что церковь западная развивалась не как *государство,* а как *царство*; что смешно ей в этом упрекать, потому что вся цель христианства в том и состоит, чтобы создать на земле одно царство, все прочие царства в себе заключающее; что непостижимо, каким образом *символизированная идея о единстве церкви в лице папы,* про которую, впрочем, католическая церковь ничего не ведает, может разлучить человечество с церковью; что если папа на самом деле не что иное, как символ единства, то очевидно, что самое единство в нем заключаться не может, а должно находиться вне его, т. е. в человечестве;

что, наконец, преобладание формы в католицизме есть не что иное, как жалкий бред протестантизма, не умевшего постигнуть своим отрицательным тупым понятием, что одним разумным, глубоким сочетанием формы с мыслью возможно было сохранить и мысль и форму христианства, посреди той великой борьбы всякого рода сил и понятий на почве Европы собравшихся, которые составляют новейшую историю мыслящего человечества.

119. Е. А. Свербеевой

Если вы, прекрасная кузина, еще не отправили вашего письма Тургеневу, вы можете ему передать, что мое письмо по поводу диссертации Самарина закончено, но что у вас в руках пока только этот отрывок [1]. Намедни, вернувшись к себе, я его закончил, правда, немного поспешно, но это, надеюсь, не сделает его менее занимательным. Заключительная часть представляет собою напыщенное похвальное слово в честь православия, как оно понимается нашими друзьями, вместе с изображением блестящего будущего, которое его ожидает, в таких выражениях, от которых, я уверен, не отказался бы сам Протасов, мой достойный и дорогой ученик [2]. Вы знаете, что Тургенев просил у меня также мое письмо к Шеллингу [3]. Вот оно. Не знаю, дошло ли оно до последнего: поэтому, если ему угодно, он может ему послать его. Г-жа Киреевская только что написала мне нежную записку. Андрей Гол‹ицын› поехал к ней. Не можете ли вы мне сказать, где она живет? Прощайте, прекрасная кузина. Надеюсь, что вы хорошо себя чувствуете и воспользуетесь этой прекрасной погодой.

Я едва успел написать эти строки, как пришла ваша записка. Вот книга для Валуева. Я только что кончил читать статью о готической архитектуре, единственную, заслуживающую прочтения [4]. Я рассчитываю, что вы в другой раз дадите мне ее прочесть. Я слишком скромен, чтобы приходить к вам сегодня вечером.

120. Е. А. Свербеевой

Я рассчитывал, любезная кузина, увидеть вас вчера вечером, но, вернувшись домой, внезапно почувствовал, что сильно простудился, и был вынужден лечь в постель,

И вот я на несколько дней прикован к дому. Если Волков передал вам известную вещь[1], прошу вас, пришлите ее мне ненадолго; завтра утром я ее верну. Говорят, что в книжных лавках уже не сыщешь *сочинений Гоголя*[2], если вы или ваш муж любезно пришлете мне их на некоторое время, я буду вам бесконечно благодарен. Прощайте, любезная кузина. Прошу, не пишите мне,— ведь вы не совсем еще оправились от своей недавней болезни.

Ваш верный Чаадаев
Четверг утром.

121. Е. А. Свербеевой

Вот, прекрасная кузина, портрет и сочинения Гоголя. У меня еще остаются *Мертвые души**. Думаю, ваш приезд пошел мне на пользу, но я в этом не совсем уверен, имея в виду, разумеется, здоровье. Если так будет продолжаться до конца дня, я зайду к вам на минутку, чтобы поблагодарить вас. День такой хороший, что я собираюсь им воспользоваться и сделать некоторые неотложные визиты прежде чем похоронить себя, быть может, надолго, в своей лачуге, которая с каждым днем все больше напоминает мне настоящую могилу.

121 А. А. С. Сиркур

Я очень огорчен, сударыня, что обстоятельства лишили меня удовольствия повидать вас сегодня утром в последний раз. Я чувствую себя не настолько хорошо, чтобы позволить себе выходить в такое скверное время. Посему вынужден передать мои приветствия в письменном виде. Г-н Сиркур любезно согласился выполнить мое поручение к г-ну Мармье и просил у меня записку для него[1]. Подумав об этом, я пришел к мысли, что не стоит придавать этому слишком большого значения. Будьте любезны, сударыня, так и передать это г-ну Сиркуру, которому я не в силах выразить всю мою признательность за его милостивое благоволение. Не претендуя на то, чтобы в вашей памяти сохранилось серьезное воспоминание о наших встречах, я все же осмеливаюсь надеяться, что где-то в уголке вашей памяти найдется

---

* В оригинале по-русски.

место и для этих встреч, не совсем лишенных интереса. Я буду счастлив, если вы, среди блистательных умов, окружающих вас в Париже [2], будете вспоминать некий бедный задавленный ум, довольный тем, что он устоял после стольких лет борьбы,— и, как я надеюсь, не без результата.

Примите, сударыня, уверения в моей искренней преданности.

Чаадаев.

122. С. П. Шевыреву

Покорнейше благодарю вас, любезнейший Степан Петрович, за ваш подарок и за доброе слово его сопровождающее. Вы меня увидите на ваших лекциях прилежным и покорным слушателем. Будьте уверены, что если во всех мгновениях ваших сочувствовать не могу, то в том, чтоб чрез изучение нашего прекрасного прошлого сотворить любезному отечеству нашему благо, совершенно с вами сочувствую.

Душевно вам преданный Петр Чаадаев.

1845

123. А. де Сиркуру

Басманная, 15 января 1845.

Только что получил тот нумер «Semeur» [1], где напечатан отрывок из проповеди нашего митрополита [2]. Журнал был адресован прямо владыке, у которого и находился до сих пор; вот почему я так долго не отвечал вам. Было бы, разумеется, лучше, если бы эти нескромные страницы попали сначала ко мне, и еще лучше, если бы проповедь была напечатана целиком и без странного комментария редакции. К счастию, владыка не обратил на него большого внимания. Я только что виделся с ним; он принял меня как нельзя любезнее. Лестное предисловие, по-видимому, подкупило его. Вы отлично знаете, что во всех наших тюрьмах есть часовни, и что в мире не существует церкви более снисходительной, чем православная. Она, может быть, даже слишком снисходитель-

на. Религиозный принцип по самой своей природе склонен распаляться <s'exalter> в том, что составляет его сокровенную суть,— так сказать, доводить до гиперболы то, что в нем есть наиболее глубокого. Наша же церковь по существу — церковь аскетическая, как ваша по существу — социальная: отсюда равнодушие одной ко всему, что совершается вне ее, и живое участие другой ко всему на свете. Это — два полюса христианской сферы, вращающейся вокруг оси своей безусловной истины, своей действительной истины. На практике обе церкви часто обмениваются ролями, но принципы нельзя оценивать по отдельным явлениям. А насчет того, чтобы видеть в нашем святом владыке реформатора, то от этого нельзя не расхохотаться. Он сам от всего сердца смеется над этим. Журналист просто напросто принял риторическую фигуру, примененную к тому же, на мой взгляд, очень уместно, за религиозную революцию. Не могу надивиться на то, что делается с вашими наиболее серьезными мыслителями, как только они оказывают нам честь заговорить о нас. Точно мы живем на другой планете, и они могут наблюдать нас лишь при помощи одного из тех телескопов, которые дают обратное изображение. Правда, тут есть и наша вина. Ошибки, в которые вы так часто впадаете на наш счет, объясняются отчасти тем, что пока мы принимали еще очень мало участия в общем умственном движении человечества. Но, я надеюсь, недалек тот день, когда мы займем ожидающее нас место в ряду народов — просветителей мира. Вы недавно сами видели нас и, конечно, не решитесь отрицать за нами прав на подобное место. Если же вы все-таки почему-нибудь еще не знаете в точности, каковы эти права, вам стоит лишь справиться об этом у молодой школы [3], красы России, чей вдохновенный жар и высокую важность вы сами имели случай оценить; и ручаюсь, что она представит вам внушительный список этих прав. Как видите, я несколько ославянился, как сказала бы г-жа Сиркур. Что делать! Как спастись от этой заразы, тем более сильной, что она — совершенно новое патологическое явление в наших краях? В ту минуту, например, когда я пишу вам, у нас здесь читается курс истории русской литературы [4], возбуждающий все национальные страсти и поднимающий всю национальную пыль. Просто голова кругом идет. Ученый профессор поистине творит чудеса. Вы не

можете себе представить, сколько дивных заключений он извлекает из ничтожного числа литературных памятников, рассеянных по необъятным степям нашей истории, сколько могучих сил он откапывает в нашем прошлом. Затем он сопоставляет с этим благородным прошлым жалкое прошлое католической Европы и стыдит ее с такой мощью и высокомерностью, что вы не поверите. Не думайте притом, чтобы это новое учение встречало среди нас лишь поверхностное сочувствие. Нет, успех оглушительный. Замечательно! Сторонники и противники — все рукоплещут ему,— последние даже громче первых, очевидно прельщенные тем, что и им также представляется торжеством их нелепых идей. Не сомневаюсь, что нашему профессору в конце концов удастся доказать с полной очевидностью превосходство нашей цивилизации над вашей,— тезис, к которому сводится вся его программа. Во всяком случае, несомненно, что уже многим непокорным головам пришлось склониться пред мощью его кристально ясной, пламенной и картинной речи, вдохновляемой просвещенным патриотическим чувством, столь родственным патриотизму наших отцов, и в особенности несомненной благосклонностью высших сфер, которые неоднократно во всеуслышание выражали свой взгляд на эти любопытные вопросы. Говорят, что он собирается напечатать свой курс; сочту за счастие представить его ученой Европе на языке, общем всему цивилизованному миру. Изданная по-французски, эта книга несомненно произведет глубокое впечатление в ваших широтах и даже, может быть, обратит на путь истины изрядное число обитателей вашей дряхлой Европы, истомленной своей бесплодной рутиной и наверное не подозревающей, что бок о бок с нею существует целый неизвестный мир, который изобилует всеми недостающими ей элементами прогресса и содержит в себе решение всех занимающих ее и не разрешимых для нее проблем. Впрочем, ничего не может быть естественнее этого превосходства нашей цивилизации над западной. Что такое в конце концов ваше общество? Конгломерат множества разнородных элементов, хаотическая смесь всех цивилизаций мира, плод насилия, завоевания и захвата. Мы же, напротив,— не что иное, как простой, логический результат одного верховного принципа,— принципа религиозного, принципа любви. Единственный чуждый христианству элемент, вошедший

в наш социальный уклад,— это славянский элемент, а вы знаете, как он гибок и податлив. Поэтому все вожди литературного движения, совершающегося теперь у нас,— как бы далеко ни расходились их мнения по другим вопросам,— единогласно признают, что мы — истинный, Богом избранный народ новейшего времени. Эта точка зрения не лишена, если хотите, некоторого аромата мозаизма [5]; но вы не будете отрицать ее необычайной глубины, если обратите внимание на великолепную роль, которую играла церковь в нашей истории, и на длинный ряд наших предков, увенчанных ею ореолом святости. Мало того, один из замечательнейших наших мыслителей [6], которого вы легко узнаете по этому признаку, недавно доказал с отличающей его силой логики, что в принципе христианство было возможно лишь в нашей социальной среде, что лишь в ней оно могло расцвести вполне, так как мы были единственным народом в мире, вполне приспособленным к тому, чтобы принять его в его чистейшей форме; откуда следует, как видите, что Иисус Христос, строго говоря, мог бы не рассылать своих апостолов по всей земле, и что для исполнения распределенной между ними обязанности было совершенно достаточно одного апостола Андрея. Однако, само собою разумеется, что раз откровенное учение достигнет в этой предуготовленной ему обстановке своего полного развития, ничто не помешает ему продолжать свой путь для достижения своего мирового палингенезиса [7], и таким образом вы не совсем лишены надежды увидеть его когда-нибудь и у себя. Конечно, было бы несколько затруднительно примирить эту теорию с принципом всемирности христианства, столь упорно исповедуемым в другой половине христианского мира; но именно этим коренным разногласием между обоими учениями и обусловливаются все наши преимущества перед вами. Таким образом, мы не осуждены, подобно вам, на вечную неподвижность и не окаменели в догмате подобно вам: напротив, наше вероучение допускает необыкновенно удобные и разнообразные применения христианского начала, особенно по отношению к национальному принципу, и это есть неизмеримое преимущество, которое должно возбуждать в вас сильнейшую зависть. Еще наш милейший профессор недавно повествовал нам с высоты своей кафедры тоном глубочайшего убеждения и необыкновенно звучным

голосом, что мы — избранный сосуд, предназначенный воспринять и сохранить евангельский догмат во всей его чистоте, дабы в урочное время передать его народам, устроенным менее совершенно, чем мы. Этот новый маршрут Евангелия — любопытное открытие нашей доморощенной мудрости — несомненно будет тотчас признан всеми христианскими общинами, как только он станет им известен; а тем временем пусть вас не слишком удивит, если как-нибудь на днях вы вдруг узнаете, что в ту эпоху, когда вы были погружены в средневековый мрак, мы гигантскими шагами шли по пути всяческого прогресса; что мы уже тогда обладали всеми благами современной цивилизации и большинством учреждений, которые у вас даже теперь можно найти лишь на степени утопий. Нет надобности говорить вам, какое пагубное обстоятельство остановило нас в нашем триумфальном шествии чрез пространство столетий: вы тысячу раз слышали об этом во время вашего пребывания в Москве. Но я не могу оставить вас в неизвестности относительно моего личного взгляда на этот предмет. Да: вторжение западных идей — идей, отвергаемых всем нашим историческим прошлым, всеми нашими национальными инстинктами,— вот что парализовало наши силы, извратило все наши прекрасные наклонности, исказило все наши добродетели, наконец, низвело нас почти совсем на ваш уровень. Итак, мы должны вернуться назад, должны воскресить то прошлое, которое вы так злобно похитили у нас, восстановив его в возможной полноте и засев в нем навсегда. Вот работа, которою заняты теперь все наши лучшие умы, к которой и я присоединяюсь всей душой, и успех которой есть предмет моих желаний, особенно потому, что вполне оценить тот своеобразный поворот, который мы совершаем теперь, можно будет, по моему убеждению, лишь в день его окончательного торжества.— Не знаю, как вы взглянете на то, что я рассказал вам здесь, и надеюсь, что вы не ошибетесь насчет моего взгляда на эти вещи; но несомненно, что если вы, спустя несколько лет, навестите нас, вы будете иметь полную возможность налюбоваться плодами нашего попятного развития... Я уже собирался запечатать это письмо, как получил вашу статью из «Semeur». Надеюсь, что его высокопреосвященство отнесется к вашей критике по-христиански. Ваши замечания, по-моему, несколько суровы, хотя в

существе правильны. Мы еще потолкуем о них, когда я буду писать вам о впечатлении, которое они произведут на нашего достопочтенного пастыря. Мне еще не удалось добыть тот нумер «Bibl. de Genève», о котором вы пишете мне; но надеюсь на этих днях достать его и прочитать вашу статью [8].— Не откажите напомнить обо мне г-же Сиркур и уверить ее в моей преданности. Льщу себя надеждою, что она сохранила не слишком дурное воспоминание о нашем славянском фанатизме вообще и моем в частности. И я — не большой охотник до исключительного и узкого национализма; признаюсь даже, что невысоко ценю эту географическую добродетель, которою так кичилась языческая древность и которая чужда Евангелию. Однако, вот соображение, которое я позволю себе предложить снисходительному вниманию г-жи Сиркур. Нет никакого сомнения, что Париж — в настоящее время главный очаг социального движения в мире, что его салоны — привилегированные центры изустной мысли нашего века; несомненно также, что в наши дни идеи и умы именно в Париже ищут и получают свои венцы, патенты и ореол. Но нельзя же отрицать и того, что и в других местах кое-где существуют очаги, неведомые миру центры, и в этих очагах, этих центрах — кое-какие бедные идеи, кое-какие бедные умы, которые без большой самонадеянности могут рассчитывать на долю — если не глубокого интереса, то по крайней мере серьезного любопытства, в особенности со стороны тех, кого противный ветер иногда заносит на наши бесплодные берега и кто таким образом может сам оценить те усилия, которые мы употребляем для их распашки. Примите, милостивый государь, выражение моей глубочайшей преданности.

124. А. И. Тургеневу

Басманная. 15 февраля 1845.

Вот письмо к Сиркуру [1]. Оно давным-давно написано, но как-то долго ждало попутного ветра [2]. Из него узнаешь кое-что. О прочем с удовольствием бы к тебе написал, несмотря на проказы вашего превосходительства, но право нет ни времени, ни сил. Мы затопили у себя курную хату; сидим в дыму: зги Божией не видать. Сам посуди, до вас ли нам теперь? Сиркуру, нечего делать, надо

было написать. Митрополит [3] тебе кланяется. Он так же мил, свят и интересен, как и прежде. Ваши об нем бестолковые толки оставили его совершенно равнодушным и не нарушили ни на минуту его прекрасного спокойствия. О последней статье «Сеятеля» не успел еще написать Сиркуру ни слова; но вчера за обедом у К. В. Новосильцовой узнал, что владыка и за это не гневается.

125. Е. П. Ростопчиной

Басманная, 17 февраля 1845.

Позвольте, милая графиня, моему племяннику [1] припасть к вашим стопам, поскольку я сам не имею этой возможности. Вы, наверное, помните, что пообещали однажды принять его. Ваше неизменное благорасположение побудило меня рекомендовать его вашему покровительству на время его пребывания в Петербурге. Он едет туда искать места или чего-нибудь похожего, но улыбка прекрасной и к тому же талантливой женщины принесет ему больше радости, чем любой другой успех. Познакомьте его, прошу вас, с Карамзиным, который, будучи проездом в Москве, не зашел меня повидать, за что Бог его накажет, как только они встретятся. Вот стихи Языкова, приношу их к вашим ногам, как и своего племянника; они со всей очевидностью доказывают, что для того, чтобы писать несравненные стихи, совсем не нужно обладать здравым смыслом [2]. Извините за эту причуду. Сейчас я о вас не думал, что со мной случается крайне редко. Впрочем, я отнюдь не полагаю, что вы так уж претендуете на наличие здравого смысла, милая графиня,— у вас есть нечто более ценное. Покажите эти стихи Вяземскому, Самарину и другим. В них описывается вся Москва в извращенном виде.

Я вручил племяннику письмо к г-ну Шевичу; но поскольку г-на Шевича нет в Петербурге, а письмо не более чем рекомендательное, не могли ли бы вы как-нибудь дать его прочитать г-же Шевич? Думаю, что Карамзин мог бы взять это на себя. Примите, милая графиня, уверения в моей глубокой преданности.

126. Е. А. Свербеевой (март)

Речь Виктора Гюго помещена в номере от 28 февраля, который я получил не от вас, а из Английского клуба. Вот газеты, которые вы мне присылали, по крайней мере их часть; вы увидите, что серия начинается с номера от 1 марта. Простите, прекрасная кузина, что пишу вам в такой спешке,— я сейчас ухожу слушать Шевырева. Надеюсь, что буду иметь честь увидеть вас на уроке.

127. И. В. Киреевскому (май)

Я очень желал вас нынче у себя видеть, любезный Иван Васильевич, чтобы с вами прочесть речи Пиля и Росселя[1]; но так как вы, вероятно, ко мне не будете, то я посылаю к вам лист *дебатов*[2] с этим западным коммеражем *. Не знаю почему мне что-то очень хочется, чтобы вы это прочли. Может статься, вы *спокойно* заметите, что в этом *явлении европейской образованности* находится *одностороннего*, и передадите впечатление ваше *без ненависти и пристрастия*[3].

128. А. И. Тургеневу

Вот что пишет мне Шевырев на твой счет; сообщаю тебе это, чтобы ты знал, [как тебе поступить], если его встретишь. Вчера тебя ждали у К. Ф.[1] Она поручила тебе сказать, что надеется тебя видеть на этих днях.

129. Е. А. Свербеевой (декабрь)

Вы совершенно правы, не желая пробуждать вновь тяжелое горе[1]. Я также избегаю говорить о нашем превосходном друге, и только общее сожаление иной раз приводит меня к этому. Не для того поэтому пишу я вам эти строки, чтобы говорить вам о нем, но чтобы сказать вам, что, если мы не будем возвращаться к этому грустному воспоминанию, наши обоюдные сожаления и наша общая утрата могли бы доставить нам, мне кажется, некоторые утешения, хотя бы безмолвные, и я уверен, что нежная душа оплакиваемого нами человека улыбнулась бы нам из своей небесной обители. Вот все, что я имею

* От франц. commérage — сплетни, пересуды.

вам сказать, дорогая кузина. Прах друга, друга, любившего нас с таким полным отречением от всякой человеческой суетности, конечно, священен, и я счел бы себя очень несчастным, если б я на минуту открыл в себе другое чувство, кроме моего горя, в особенности перед тою, которую он так долго окружал своим поклонением. Итак, я думаю, что мы можем видеться, не боясь усилить нашу печаль. Прощайте, дорогая кузина. Если нам следует подражать нашему другу, будем подражать ему также и в его великодушии.

1846

130. Е. А. Свербеевой (март)

Благодарю вас, дорогая Кузина, за предупреждение. Мне очень прискорбно, что я смутил на минуту ваш покой, который мне так дорог. Я считаю все же, что вы немного ошибаетесь относительно чувств, сохранившихся у вас ко мне, как вы полагаете, но не тревожьтесь об этом, прошу вас. Берегите всю ясность своей души для других привязанностей; наслаждайтесь спокойно всеми добрыми чувствами, которые вам подсказывает ваше сердце, продолжайте поддерживать те симпатии, которыми вы окружены и которых вы так достойны, и да будет дано вам найти в них столько же искренности, правды и бескорыстия, сколько вы их встречали у других. Во всем этом, поверьте мне, нет ни славизма, ни желания обратить. Новое чувство встало рядом с нашей старой дружбой и поглотило ее, вот и все. Подобные вещи будут случаться с вами еще не раз. Ваше любящее сердце почувствует еще не однажды потребность согреться у очага более молодой привязанности. Женщин, дорогая кузина, не обратишь отвлеченными идеями; в своих взглядах они колеблются как тростник, по воле окружающих ветерков. Как я вам говорил, дружба есть добродетель. К несчастью, наш народ, обладающий столькими великими и прекрасными добродетелями, развивает в себе меньше всего эту добродетель; поэтому совершенно естественно, что по мере того, как погрязаешь в жизни страны, теряешь инстинкты другого нравственного порядка. Образ

жизни, который вы мне предписываете, совершенно невыполним. Правительство запретило мне писать, вы запрещаете говорить: это слишком. Мне осталось недолго жить в Москве; я унесу с собой в свое уединение воспоминание о нашей дружбе, прерванной столь внезапно; как луч далекого солнца, она скрасит своим теплым светом закат моей жизни. Итак, прощайте, моя милая кузина. Бог да ниспошлет вам и всей вашей семье щедрые свои благословения.

131. П. А. Вяземскому

Басманная, 25 апреля

Рекомендую вам, милый князь, тонкого музыканта, который в Москве не имел большого успеха и который рассчитывает, что вы поможете ему добиться большего в Петербурге [1]. Он играет на арфе, но не щиплет струны, как говорили и делали раньше. В его руках инструмент только что не поет. Окажите сами ему покровительство и обеспечьте покровительство почтенных поборников музыкального искусства — Виельгорского и других. Мне очень хочется написать вам несколько слов о наших литературных движениях, но не уверен, настолько ли вы горите желанием узнать о них, насколько мы в них погружены. Покамест расскажу вам о том, как вчера мы присутствовали на премьере чрезвычайно любопытной пьесы, водевиля с тенденцией [2]. Полагаю, вы знаете, что я имею в виду. Речь идет о старом соперничестве Петербурга и Москвы, поставленном на сцене и воспринимаемом серьезно. К несчастью, зал был почти пустой. Судите сами об эффекте тенденции! К тому же, актер довольно плохо прочитал стихи об античной метрополии, однако раздались аплодисменты. Есть звуки, которые всегда затрагивают струны человеческого инструмента.

Я также хотел рассказать вам о бедняге Тургеневе и о том, что душевно и сердечно меня тронуло. Не находите ли вы, что он стал гораздо значительнее с тех пор, как его нет среди нас? Вы не можете себе представить, как о нем здесь сожалеют. Впрочем, это нетрудно объяснить. Он был создан для Москвы. Москва была истинным полем его деятельности, самой плодородной почвой для его великолепных разглагольствований, для сонной его болтовни, для филантропии шумной, но в сущности

искренней и великодушной. Конечно, теперь его достоинства преувеличивают, как ранее преувеличивали недостатки, но все же воистину он в большой степени, если не целиком, принадлежит истории.

Когда ожидать вас в наших палестинах? Приезжайте, сейчас самое подходящее время для того, чтобы на нас посмотреть. Кто знает, может быть, час спустя все переменится. В любой момент может разразиться роковая буря и разрушить все наши карточные домики. Тогда мы будем ни к чему не пригодны, как в прошлом. Кстати о домиках: что сталось <нрзб.> славянскими домиками Тютчева? С тех пор роковая буря уже разразилась. Прошу вас, пожмите от меня руку этому доброму человеку, а также Одоевскому, Соллогубу и Веневитинову.

Надеюсь, ни к чему уверять вас в моей привязанности. Но мне необходимо сказать вам, что с возрастом возникает желание еще раз повидаться с людьми, внушающими вам живую и глубокую симпатию, и что таково и мое горячее желание.

Прошу вас передать мое почтение княгине и г-же Карамзиной, которую я от всего сердца поздравляю. Обнимите от моего имени милого Андре. Не сомневаюсь, что в результате сего прекрасного поступка он обретет счастье, которого достоин [3].

Не забывайте меня, прошу вас, и будьте уверены в моей полной преданности. Петр Чаадаев.

Мой протеже, истинный художник, уехал, не зайдя ко мне за письмом, о котором просил ранее и которое он просил меня отправить вам по почте. Имя его *Альварец* *.

132. А. де Сиркуру

Басманная, 26 апреля 1846

Благодарю вас, милостивый государь, за вашу посылку и за ваше письмо. Память нашего покойного друга нам очень дорога, и ваша статья вполне отвечает нашему желанию видеть эту память в почете не только в нашей стране, но также и там, где он жил так долго [1]. Сотрудники нашего журнала будут рады дать место вашим страницам, проникнутым столь живым чувством, страницам, так хорошо выражающим наши собственные чувства.

* Имя написано неразборчиво.

Точное знание нашей страны и благожелательный тон, отличающий вашу статью, являются редкостью у иностранных писателей, которые делают нам честь говорить о нас. Но не находите ли вы, что человек, потерю которого мы оплакиваем, значительно вырос с тех пор, как его уже нет на этом свете? При жизни он не был оценен по достоинству. Можно сказать, что одна часть его личности заслоняла от нас другую. С ним стали серьезно считаться только с тех пор, как судьба отняла его у нас. Только сейчас, когда пустота, которую оставил он среди нас, возвращает так часто к нему нашу мысль, мы начинаем отдавать ему запоздалую дань справедливости. За его любезными сплетнями, его шумной активностью мы совсем не замечали того серьезного содержания, которое скрывалось за всем этим. И однако жизнь, целиком посвященная тысяче великодушных симпатий, заслуживает более высокой оценки. Сейчас, конечно, преувеличивают его достоинства, как еще недавно преувеличивали его недостатки, но как бы то ни было, сейчас носком ноги он уже стоит в истории, а может быть и всей ступней.

То, что вы мне сообщаете о состоянии Франции, ничуть меня не удивляет. Я не сторонник вашего теперешнего режима [2]. Но признаюсь вам, я совершенно не был осведомлен об этом новом характере, который вы приписываете вашему обществу. Что это за ублюдочный империализм, о котором вы говорите? Является ли он честолюбивым духом императорской эпохи или это дух подчинения — вот чего я не могу разгадать. Я, впрочем, как и вы, думал, что совершенное уничтожение аристократического элемента было для Франции сущим бедствием, и что страна, претендующая на то, чтобы быть серьезной монархией, не может обойтись без этого элемента.

Королевская власть, помещенная на вершине общества, без промежуточного слоя между ней и нацией, имеет смысл только в деспотии; в странах с конституционным режимом — это бессмыслица. Нужно, чтобы это верховное величие было умеряемо величием ранга низшего, иначе оно только будет заставлять страдать взоры масс, задевать всех тщеславных, всех честолюбцев, не будучи в силах их удовлетворить; она разбудит все страсти, всяческое нетерпение народов и отдельных личностей, не имея средств их успокоить. Мне кажется, что роль аристократии при конституционном режиме — это прежде

всего отвлечь взоры низших классов от блеска монархической власти, всегда несколько яркого, всегда несколько ослепительного для них. Я нахожу, что есть нечто в высокой степени наглое и циничное в этой обнаженности королевской власти, лишенной аристократии. Вот, помоему, чем объясняется многое из случившегося у нас, в том числе и покушения, возмущающие чувство гуманности.

Вы по-прежнему интересуетесь идейным движением у нас. Что мне вам сказать о нем? Национальная реакция (le réaction nationale) продолжается по-прежнему[3]. Если ей случается иногда слишком увлечься своими собственными созданиями, принять на себя повадку власти, вообразить себя важной барыней, то не следует за это на нее слишком сердиться. Это черта всех реакций: влюбляться в самое себя, верить слишком слепо в свою правоту, впадать во всякого рода высокомерие, в особенности, когда эти реакции не встречают на своем пути серьезного противодействия, а вы знаете, что противодействие на этой почве в нашей стране почти немыслимо. Идея туземная, т. е. идея исключительно таковая, торжествует, потому что в глубине этой идеи есть правда и добро, потому что она, естественно, должна восторжествовать вслед за тем продолжительным подчинением идеям иностранным, из которого мы выходим. Настанет день, конечно, когда новое сочетание мировых идей с идеями местными положит конец ее торжеству, а до тех пор нужно терпеть ее успехи и даже злоупотребления, которые она при этом допускает.

Приезжайте к нам, милостивый государь, вы будете лучше судить о вещах, когда вы будете наблюдать их своими собственными глазами. В современном движении есть черты, которые не сумею вам передать и которые его прекрасно характеризуют. Не подумайте, пожалуйста, что я хочу говорить о политической тенденции: ничего подобного! Но вам не безызвестно, что иные слова, переходя из рук в руки, иногда меняют смысл. Ничего не может быть скромнее, например, чем желания, которые мы питаем в пользу возврата к воображаемому прошлому; но дело в том, что наряду с этим воображаемым прошлым, у нас имеется подлинное прошлое и, несомненно, что существует немало в этом прошлом таких вещей, которые, будучи воспроизведены на наших площадях, про-

звучали бы престранно для многих ушей. Движение это чисто литературное, но нет ничего легче, как отыскать в нем то, что, как выражаются у нас, имеет социальный характер и даже характер еще более резко выраженный. В конце концов, все это не более, как ученические упражнения, но производимые среди общества и наполняющие часть его существования, в общем столь бесцветного. В другой раз, может быть, мы сможем об этом побеседовать более непринужденно. А пока благоволите верить, что я испытываю всегда живейшее удовольствие, удовлетворяя, как умею, то разумное любопытство, которое мы в вас вызываем.

Прошу вас принять уверение в моем совершенном уважении.

Петр Чаадаев.

133. А. де Сиркуру

15 июня 1846.

Я только что писал вам [1], милостивый государь, а теперь берусь за перо, чтобы просить вас пристроить в печати статью нашего друга Хомякова [2], которая переведена мною и которую он хотел бы поместить в одном из ваших периодических изданий. Рукопись доставит вам на днях г. Мельгунов [3], которого вы, кажется, знаете. Излишне говорить, как мне приятно снова беседовать с вами. Тема статьи — мнения иностранцев о России. Вы знаете, что я не разделяю взглядов автора; тем не менее я старался, как вы увидите, передать его мысль с величайшей тщательностью. Мне было бы, пожалуй, приятнее опровергать ее; но я полагал, что наилучший способ заставить нашу публику ценить произведения отечественной литературы, это — делать их достоянием широких слоев европейского общества. Как ни склонны мы уже теперь доверять нашему собственному суждению, все-таки среди нас еще преобладает старая привычка руководиться мнением вашей публики. Вы так хорошо знаете нашу внутреннюю жизнь, вы посвящены в наши семейные тайны; итак, моя мысль будет вам совершенно ясна. Я думаю, что прогресс еще невозможен у нас без апелляции к суду Европы. Не то, чтобы в нашем собственном существе не крылись задатки всяческого развития, но несомненно, что почин в нашем движении все еще принадлежит иноземным идеям и — прибавлю — принад-

лежал им искони: странное динамическое явление, быть может, не имеющее примера в истории народов. Вы понимаете, что я говорю не только о близких к нам временах, но обо всем нашем движении на пространстве веков. И прежде всего, вся наша умственность есть, очевидно, плод религиозного начала. А это начало не принадлежит ни одному народу в частности: оно, стало быть, постороннее нам так же, как и всем остальным народам мира. Но оно всюду подвергалось влиянию национальных или местных условий, тогда как у нас христианская идея осталась такою же, какою она была привезена к нам из Византии, т. е. как она некогда была формулирована силою вещей,— важное обстоятельство, которым наша церковь справедливо гордится, но которое тем не менее характеризует своеобразную природу нашей народности. Под действием этой единой идеи развилось наше общество. К той минуте, когда явился со своим преобразованием Петр Великий, это развитие достигло своего апогея. Но то не было собственно социальное развитие: то был интимный факт, дело личной совести и семейного уклада, т. е. нечто такое, что неминуемо должно было исчезнуть по мере политического роста страны. Естественно, что весь этот домашний строй, примененный к государственному, распался тотчас, как только могучая рука кинула нас на поприще всемирного прогресса. Я знаю: нас хотят уверить теперь, что Петр Великий встретил в своем народе упорное сопротивление, которое он сломил будто бы потоками крови. К несчастию, история не отметила этой величественной борьбы народа с его государем. Но ведь ничто не мешало стране после смерти Петра вернуться к своим старым нравам и старым учреждениям. Кто мог запретить народному чувству проявиться со всей присущей ему энергией в те два царствования, которые следовали за царствованием преобразователя? Конечно, ни Меншикову, правившему Россией при Екатерине I, ни молодому Петру II, руководимому Долгорукими, и поселившемуся в древней столице России, очаге и средоточии всех наших народных предрассудков, никогда не пришло бы в голову воспротивиться национальной реакции, если бы народ вздумал предпринять таковую. За ужасным Бироновским эпизодом последовало царствование Елизаветы, ознаменовавшееся, как известно, чисто национальным направлением, мягкостью и славой.

Излишне говорить о царствовании Екатерины II, носившем столь национальный характер, что, может быть, еще никогда ни один народ не отождествлялся до такой степени со своим правительством, как русский народ в эти годы побед и благоденствия. Итак, очевидно, что мы с охотой приняли реформу Петра Великого[4]; слабое сопротивление, встреченное им в небольшой части русского народа, было лишь вспышкою личного недовольства против него со стороны одной партии, а вовсе не серьезным противодействием проводимой им идее. Эта податливость чужим внушениям, эта готовность подчиняться идеям, навязанным извне, все равно — чужеземцами или нашими собственными господами, является, следовательно, существенной чертой нашего нрава, врожденной или приобретенной — это безразлично. Этого не надо ни стыдиться, ни отрицать: надо стараться уяснить себе это наше свойство, и не путем какой-нибудь этнографической теории из числа тех, которые сейчас так в моде, а просто путем непредубежденного и искреннего уразумения нашей истории. Мне хочется передать вам вполне мою мысль об этом предмете. Постараюсь быть краток.

Мы представляем собою, как я только что заметил, продукт религиозного начала; это несомненно, но это не все. Не надо забывать, что это начало бывает действительно плодотворно лишь тогда, когда оно вполне независимо от светской власти, когда место, откуда оно осуществляет свое действие на народ, находится в области, недосягаемой для властей земных. Так было в древнем Египте, на всем Востоке, особенно в Индии, и наконец, в Западной Европе. У нас, к несчастью, дело обстояло иначе. При всем глубоком почтении, с которым наши государи относились к духовенству и христианским догматам, духовная власть далеко не пользовалась в нашем обществе всей полнотою своих естественных прав. Чтобы понять это явление, необходимо подняться мысленно к той эпохе, когда только складывался строй нашей церкви, т. е. к Константину Великому. Всякий знает, что принятие христианства этим монархом как государственной религии было колоссальным политическим фактом, но, как мне кажется, вообще недостаточно ясно представляют себе влияние, которое оно оказало на самую религию. Нет никакого сомнения, что печать, наложенная этой революцией на церковь, оказалась бы для нее ско-

рее пагубной, чем благотворной, если бы, по счастью, Константину не вздумалось перенести резиденцию правительства в Новый Рим, что избавило старый от докучного присутствия государя. В эту эпоху римская империя представляла собою уже не республиканскую монархию первых цезарей, а восточный деспотизм, созданный Диоклетианом и упроченный Константином. Поэтому императоры скоро сосредоточили в своих руках высшую власть духовную, так же, как и светскую. Они смотрели на себя как на вселенских епископов, ставили свой трон в алтаре, председательствовали на церковных соборах, называли себя апостольскими и, наконец, как сообщает нам историк Сократ, присвоили себе полновластие в религиозных делах и невозбранно распоряжались на самых больших соборах. По словам св. Афанасия, Констанций говорил собравшимся вокруг него епископам: «то, чего я хочу, должно считаться законом церкви», и вы, конечно, знаете, что на Константинопольском соборе [5] Феодосий Великий был приветствован титулом первосвященника. Таков был путь, которым шла императорская власть в первом веке христианской церкви. А в это самое время и ввиду этих вторжений светской власти в духовную сферу, западная церковь, благодаря своей отдаленности от императорской резиденции, организуется вполне независимо, ее епископы простирают свою власть даже на светский быт, и римский патриарх, опираясь на престиж, какой сообщали ему этот высокий сан, кровь мучеников, которою пропитана почва вечного города, преемственная связь со старшим из апостолов, память о другом великом апостоле и, в особенности, присущая христианскому миру потребность в средоточии и символе единства, мало-помалу достигает той мощи, которая потом вступит в единоборство с империей и одолеет ее. Я знаю, среди ваших мыслителей эту победу одобряли только немногие, но мы, беспристрастные свидетели в этом деле, можем оценить ее лучше вашего; мы, неуклонно следующие по стопам Византии, слишком хорошо знаем, что представляет собою духовная власть, отданная на произвол земных владык. Я только что упомянул Феодосия Великого. Этот самый Феодосий, которого в Константинополе провозглашали первосвященником,— вы знаете, как сурово обошелся с ним св. Амвросий в Милане; и надо прибавить, что последний, запретив императору вход в церковь, не удо-

вольствовался этим, но велел также вынести из храма императорский престол. Это, на мой взгляд, как нельзя лучше обрисовывает характер той и другой церкви; здесь мы видим духовенство, одушевленное глубоким чувством независимости, стремящееся поставить духовную власть выше силы, там — церковь самое покорную материальной власти и домогающуюся стать как бы христианским халифатом.

Таково наследие, которое мы получили от Византии вместе с полнотой догмы и ее первоначальной чистотой. Эта чистота, без сомнения,— неоценимое благо, и она должна утешать нас во всех недостатках нашего духовного строя; но у нас идет речь сейчас только о нашем социальном развитии, и вы согласитесь, что западный религиозный строй гораздо более благоприятствовал такого рода развитию, нежели тот, который выпал на нашу долю *. Надо все время помнить одно,— что в нашем обществе не существовало никакого другого нравственного начала, кроме религиозной идеи, так что ей одной обязан наш народ своим историческим воспитанием и ей должно быть приписано все, что у нас есть,— доброе, как и злое. Итак, возвращаясь к нашему предмету, мы видим воочию, что эта наша готовность подчиняться разнородным предначертаниям извне есть неизбежное последствие религиозного строя, лишенного свободы, где нравственная мысль сохранила лишь видимость своего достоинства, где ее чтут лишь под условием, чтобы она держалась смирно, где она пользуется авторитетом лишь в той мере, в какой его уделяет ей политическая власть, где, наконец, ее беспрестанно стесняют в деятельности ее служителей, в ее движениях и духе. Не знаю, согласитесь ли вы со мною, но мне кажется, что этим способом очень легко можно объяснить всю нашу историю. Народ простодушный и добрый, чьи первые шаги на социальном поприще были отмечены тем знаменитым отречением в пользу чужого народа, о котором так наивно повествуют наши летописцы [6],— этот народ, говорю я, принял высокие евангельские учения в их первоначальной форме, т. е. раньше, чем в силу развития христианского общества они приобрели социальный характер, задаток которого был присущ

* См. то, что говорит митрополит Платон в своей истории нашей церкви о введении христианства в нашей стране (*примеч. Чаадаева*).

им с самого начала, но который и должен был, и мог обнаружиться лишь в урочное время. Ясно, что нравственная идея христианства должна была оказать на этот народ только самое непосредственное свое действие, т. е. до чрезвычайности усилить в нем аскетический элемент, оставляя втуне все остальные начала, заключенные в ней,— начала развития, прогресса и будущности. Христианская догма, как плод Высшего Разума, не подлежит ни развитию, ни совершенствованию, но она допускает бесчисленные применения в зависимости от условий национальной жизни. Известно, какие громадные явления, какие неизмеримые последствия породила жизнь западных народов, оплодотворенная христианством. Но это было возможно лишь потому, что эта жизнь, сама исполненная всевозможных плодоносных элементов, не была скована узким спиритуализмом, что она находила покровительство, сочувствие и свободу там, где у нас жизнь встречала лишь монастырскую суровость и рабское повиновение интересам государя. Не удивительно, что мы шли от отречения к отречению. Вся наша социальная эволюция — сплошной ряд таких фактов. Вы слишком хорошо знаете нашу историю, чтобы мне надо было перечислять их; довольно указать вам на колоссальный факт постепенного закрепощения нашего крестьянства, представляющий собою не что иное, как строго логическое следствие нашей истории. Рабство всюду имело один источник: завоевание. У нас не было ничего подобного. В один прекрасный день одна часть народа очутилась в рабстве у другой просто в силу вещей, вследствие настоятельной потребности страны, вследствие непреложного хода общественного развития, без злоупотреблений с одной стороны и без протеста с другой. Заметьте, что это вопиющее дело завершилось как раз в эпоху наибольшего могущества церкви, в тот памятный период патриаршества, когда глава церкви одну минуту делил престол с государем [7]. Можно ли ожидать, что при таком беспримерном в истории социальном развитии, где с самого начала все направлено к порабощению личности и мысли, народный ум сумел свергнуть иго вашей культуры, вашего просвещения и авторитета? Это немыслимо. Час нашего освобождения, стало быть, еще далек. Вся работа новой школы [8] будет бесплодна до тех пор, пока наша ретроспективная точка зрения не изменится совершенно. Конечно,

наука могущественна в наши дни; судьбы обществ в значительной степени зависят от нее,— но она действительно может влиять на народ лишь в том случае, когда она в области социальных идей оперирует также беспристрастно и безлично, как она это делает в сфере чистого мышления. Только тогда ее формулы и теории способны действительно стать выражением законов социальной жизни и влиять на нее, как в естественных науках они постоянно выражают законы природы и дают средства влиять на нее. Я уверен, придет время, когда мы сумеем так понять наше прошлое, чтобы извлекать из него плодотворные выводы для нашего будущего, а пока нам следует довольствоваться простой оценкой фактов, не силясь определить их роль и место в деле созидания наших будущих судеб. Мы будем истинно свободны от влияния чужеземных идей лишь с того дня, когда вполне уразумеем пройденный нами путь, когда из наших уст помимо нашей воли вырвется признание во всех наших заблуждениях, во всех ошибках нашего прошлого, когда из наших недр исторгнется крик раскаяния и скорби, отзвук которого наполнит мир. Тогда мы естественно займем свое место среди народов, которым предназначено действовать в человечестве не только в качестве таранов или дубин, но и в качестве идей [9]. И не думайте, что нам еще очень долго ждать этой минуты. В недрах этой самой новой школы, которая силится воскресить прошлое, уже не один светлый ум и не одна честная душа вынуждены были признать тот или другой грех наших отцов. Мужественное изучение нашей истории неизбежно приведет нас к неожиданным открытиям, которые прольют новый свет на нашу протекшую жизнь; мы научимся, наконец, знать не то, что у нас было, а то, чего нам не хватало, не что надо вернуть из былого, а что из него следует уничтожить. Ничто не может быть благодатнее того направления, которое приняла теперь наша умственная жизнь. Благодаря ему огромное число фактов воскрешено из забвения, интереснейшие эпохи нашей истории воссозданы вполне, и в ту минуту, когда я пишу вам, готовится к выходу в свет крупный труд подобного рода [10]. С другой стороны, воззрение, противоположное национальной школе [11], также принуждено заняться серьезными изысканиями в исторической области, и, исходя из совершенно иной точки зрения, оно приходит к ре-

зультатам не менее непредвиденным. Нельзя отрицать: бесстрашие, с которым оба воззрения исследуют свой предмет, делает честь нашему времени и подает добрые надежды на будущее, когда наш язык и ум будут свободнее, когда они уже не будут, как всегда до сих пор, скованы путами лицемерного молчания. Столь часто повторяемое теперь сравнение нашей исторической жизни с исторической жизнью других народов показывает нам на каждом шагу, как резко мы отличаемся от них. Позже мы узнаем, можно ли народу так обособиться от остального мира и должен ли он считаться частью исторического человечества, раз он может предъявить последнему только несколько страниц географии. Если мне удалось выяснить те две идеи, которые делят между собою теперь наше мыслящее общество, я доволен, и вы можете видеть, что я продолжаю по-прежнему откровенно выражать мою мысль о моей родной стране. В эпоху, когда смерть и возрождение народов занимают столько умов, нельзя, мне кажется, лучше уяснить своей стране ее собственную национальность, как изобразив ее пред всем миром, пред глазами иностранцев и соотечественников такою, какою она представляется нам самим. Тогда всякий может поправить нас, если мы ошиблись.

Я обещал вам быть кратким. Не знаю, сдержал ли я слово, но знаю наверное, что если бы я захотел руководиться тем чувством удовольствия, которое я испытываю, беседуя с вами о ваших делах, вам пришлось бы осиливать бесконечное письмо.

Вы не сомневаетесь, я думаю, в моей совершенной и искренной преданности.

134. С. Г. Волконской

Басманная 1 ноября 1846.

Не раз, княгиня, брался я за перо, чтобы написать вам, но всегда какой-нибудь досадный случай, какое-нибудь ухудшение моей болезни принуждали меня оставить перо. На этот раз я твердо решил дойти до конца моей задачи. Впрочем, я исполняю долг, дорогой моему сердцу, одну из тех обязанностей, которые прекрасные души, подобные вашей, налагают на нас, сами того не ведая. Вы представить себе не можете, сколько глубоких впе-

чатлений оставили вы здесь, не только среди тех, кого вы удостоивали своей дружбой, но также среди тех, которых лишь коснулась ваша мимолетная симпатия. Ваше пребывание в Москве сохранится в нашей памяти как эпоха живых и трогательных волнений, неведомых нашим холодным существованиям. Я не сомневаюсь, что если бы вы побыли у нас подольше, вы произвели бы настоящий переворот в привычках нашей внутренней жизни, и я хочу думать, что вы еще вернетесь в нашу среду, чтобы снова начать благое дело нашего обновления; что касается меня, я могу лишь сказать, с какой заботою я берегу чувство, которое вы мне внушили. Помните, я был очень болен в тот день, когда вы пришли со мной проститься. След этого сказывается слишком заметно, боюсь, в тех строках, которые я набросал в вашей записной книжке [1]. Не раз упрекал я себя за то, что омрачил моими жалобами эти белоснежные листки, предназначенные для иных, более приятных мыслей. Одно частное обстоятельство присоединило нечто к тому утешению, которое доставил мне ваш визит, а именно охлаждение особы, чья дружба в течение долгого времени была для меня одной из самых дорогих радостей, той самой особы, чья симпатия окружала вас во время вашего пребывания в Москве [2]. Мне показалось, что вы мне принесли как бы дуновение этой старинной дружбы. Мечта, быть может, но вы мне простите, что на мгновение ее питал и делил с чувством очень правдивым и вполне реальным, которое испытываю я по отношению к вам. Я полагаю, что вы имеете сведения непосредственно от этой особы; вот почему я вам не скажу о ней ничего, кроме того, что она по-прежнему прекрасна, по-прежнему грациозна, по-прежнему добра по отношению к тем, которых удостаивает своим уважением, наконец, что она по-прежнему чарует круг, центром которого является. Говоря о ней с вами, не могу не думать о чудесном друге, которого мы потеряли [3]. Вы не можете себе представить, какую пустоту оставил он в моей жизни. И вдали, и вблизи он приучил меня смотреть на себя как на существо, необходимое в моей духовной жизни. В конце своих дней в особенности его добрые качества приняли такой характер чистоты и бескорыстия, что он стал для меня как бы второю совестью, куда я мог бы глядеться, как в свою собственную. Пламенные сердца не боятся печальных

воспоминаний, и вам нравится, вероятно, возвращаться к трогательной памяти этого достойного сожаления человека; но нельзя без скорби тревожить прах умерших друзей, а я пишу вам, конечно, не для того, чтобы огорчить вас.

Вернемся, однако, к живым. Как поживает ваша рука, дорогая княгиня? Здесь уверяют, что она совершенно исцелилась. Правда ли это? В Париже есть, где полечиться, и мы были бы так счастливы узнать от вас самих о вашем выздоровлении. Не лишайте нас этого счастья, если вы можете нам его доставить. Что поделывает мадемуазель Аделаида, эта очаровательная «живая»? Я льщу себя надеждой найти ее прелестный почерк где-нибудь в уголке вашего письма. Я хотел бы в свою очередь дать вам сведения о другой «живой»[4], тоже по-своему очаровательной, но к несчастью я могу вам сказать о ней только одно, а именно, что мне нечего вам о ней сказать. Представьте себе, что она еще не покинула свой замок и своих вассалов гораздо менее преданных, вероятно, своей госпоже, чем она им. Выдающийся ум, сердце, полное понимания добра, благородная душа, изысканный вкус — и все это погребено в бесконечном одиночестве, отдано в жертву самой глубокой скуке. Понимаете вы что-нибудь в этом? И понимаете ли вы мои сожаления, мои печали оттого, что я лишен этого существа, любимого с детства? Впрочем, она вернется к нам, эта дорогая Лиза, что мне доставит удовольствие поговорить немного о вас и о вашей любезной подруге. Я буду жить этой надеждой, питая другую, еще более приятную, а именно: получить от вас несколько добрых строк, таких, как ваша доброжелательная натура умеет вам диктовать. Прошу вас, дорогая княгиня, принять уверение в моей глубокой и искренней преданности.

135. Ю. Ф. Самарину

Басманная. 15 ноября 1846.

Благодарю вас, любезный друг, за ваше письмо[1]. Я ведь говорил вам, что у вас сердце ни в чем не уступает уму. Многим покажется чрезмерной такая похвала, но я уверен, что этого не найдут ни ваши лучшие друзья[2], ни люди, умеющие ценить свойства возвышен-

ного ума. Дело в том, что люди вашего пошиба бывают почти всегда очень добрыми людьми. Человек гораздо цельнее, нежели думают. Поэтому я составил себе свое мнение о вас уже с первых дней нашего знакомства, и мне казалось очень странным, что ваши друзья постоянно твердили мне только о вашем уме. К тому же, есть столько вещей, доступных только взору, идущему от сердца, неуловимых иначе, как органами души, что нет возможности оценить вполне объем нашего ума, не принимая во внимание всю нашу личность. Я рад случаю сказать вам свое мнение о вас, и мне отрадно думать, что, может быть, я способствовал развитию наиболее ценных свойств вашей природы. Примите, мой друг, это наследство человека, влияние которого на его ближних бывало порой не бесплодно. Если моей усталой жизни суждено скоро кончиться, ничто не усладит моих последних дней больше, чем память о привязанности, которой мне отвечали на мою любовь к ним несколько молодых, горячих сердец. Вы из их числа. Мне донельзя жаль, что вы застали меня в одну из моих худших минут, и я от всего сердца желаю, чтобы это неприятное впечатление не оставило следа на вашей счастливой жизни.

Моя жизнь сложилась так причудливо, что, едва выйдя из детства, я оказался в противоречии с тем, что меня окружало; это, конечно, не могло не отразиться на моем организме, и в моем теперешнем возрасте мне ничего другого не остается, как принять это неизбежное следствие моего земного поприща. К счастию, жизнь не кончается в день смерти, а возобновляется за ним. Как бы ни был этот день далек или близок, я надеюсь, что до него вы сохраните мне то расположение, которое вы мне теперь выказали. Если мы и не всегда были одного мнения о некоторых вещах, мы, может быть, со временем увидим, что разница в наших взглядах была не так глубока, как мы думали. Я любил мою страну по-своему, вот и все, и прослыть за ненавистника России было мне тяжелее, нежели я могу вам выразить! Довольно жертв. Теперь, когда моя задача выполнена, когда я сказал почти все, что имел сказать, ничто не мешает мне более отдаться тому врожденному чувству любви к родине, которое я слишком долго сдерживал в своей груди. Дело в том, что я, как и многие мои предшественники, бóльшие меня, думал, что Россия, стоя лицом к лицу с

громадной цивилизацией, не могла иметь другого дела, как стараться усвоить себе эту цивилизацию всеми возможными способами; что в том исключительном положении, в которое мы были поставлены, для нас было немыслимо продолжать шаг за шагом нашу прежнюю историю, так как мы были уже во власти этой новой, всемирной истории, которая мчит нас к любой развязке. Быть может, это была ошибка, но, согласитесь, ошибка очень естественная. Как бы то ни было, новые работы, новые изыскания познакомили нас со множеством вещей, остававшихся до сих пор неизвестными, и теперь уже совершенно ясно, что мы слишком мало походим на остальной мир, чтобы с успехом подвигаться по одной с ним дороге. Поэтому, если мы действительно сбились со своего естественного пути, нам прежде всего предстоит найти его,— это несомненно. Но раз этот путь будет найден, что тогда делать? Это укажет нам время. А пока будем все без исключения работать единодушно и добросовестно в поисках его, каждый по своему разумению. Для этого никому из нас нет необходимости отрекаться от своих убеждений. Одобряем ли мы, или не одобряем тот путь, по которому мы недавно двигались, нам все равно придется вернуться в известной мере к нему, так как очевидно, что наше уклонение с него нам решительно не удалось. Да и есть ли возможность неподвижно держаться своих мнений среди той ужасающей скачки с препятствиями, в которую вовлечены все идеи, все науки, и которая мчит нас в неведомый нам новый мир! Все народы подают теперь друг другу руку: пусть то же сделают и все мнения. Таков, по-моему, лучший способ удержаться в правде реальной и живой, всегда согласованной с данной минутой. Эпоха железных дорог не должна ли быть эпохой всевозможных сближений? Я говорю это серьезно, а не для игры слов.— Я позабыл вам сказать, что ваши друзья дуются на вас за то, что вы написали мне на презренном наречии запада; итак, пишите мне на туземном языке, если хотите доставить им удовольствие. Говорят, что вы продолжаете с успехом обращать [3]; если это правда, надо будет признать в этом явление большой важности. До свидания, любезный друг. Отовсюду вам всяческий привет, не считая моего, очень искреннего и очень нежного.

Петр Чаадаев.

136. К. С. Аксакову

Вы обещались, любезнейший Константин Сергеевич, прочесть мне вашу *комедию* на конце сей недели. В субботу не буду я дома, но пятница и Воскресенье к вашим услугам. Жаль, что в понедельник бывают у меня люди; в этот день увидал я впервые божий свет, тому 65 лет назад[2], и ваше чтение было бы кстати мне подарком.

Сердечно вам преданный Петр Чаадаев.

137. К. С. Аксакову

Каковы вы, любезнейший Константин Сергеевич. Вы собирались ко мне; не были. Вероятно, нездоровы. Известите меня о состоянии вашем. Мне есть и дельцо до вас по части народности и также по части своего здоровья,— т. е. узнать от Овера,— может ли он быть ко мне.

Покорный вам и от души преданный Петр Чаадаев.

138. А. И. Герцену (1842—1846)

Не могли бы вы, дорогой Герцен, дать на время Уварову документ, который я вам передал[1]? Он обещает продержать его у себя всего несколько дней, и уверяю вас, что, отдавая его вам, я забыл, что уже обещал его ему. Извините, что причиняю вам это беспокойство, и прошу вас принять уверения в совершенной моей преданности.

Чаадаев.

1847

139. П. А. Вяземскому

Басманная, 29 апреля 1847.

Спасибо, любезный князь, за ваше милое письмо. Дело К.* постараемся сами устроить, а вас все-таки благодарим за ваше участие[1]. С вашим суждением о

---

* *РА*: «К-на»; *СН*: «Кавелина».

нашем житье-бытье и не совершенно согласен, хотя, впрочем, вы во многом и правы. Что мы умны, в том никакого нет сомнения, но чтоб в уме нашем вовсе не было проку, с этим никак не могу согласиться. Неужто надо непременно делать дела, чтобы делать дело? Конечно, можно делать и то и другое, но из этого не следует, чтобы мысль, и не выразившаяся еще в жизни, не могла быть вещь очень дельная. Настанет время, она явится и там. Разве люди живут в одних только департаментах да канцеляриях? Вы скажете, что мысли наши не только не проявляются в жизни, но и не высказываются на бумаге. Что ж делать? Знать грамотка нам не далась. Но зато, если б вы послушали наши толки! Нет такого современного или несовременного вопроса, которого бы мы не решили, и все это в честь и во славу святой Руси. Поверьте, в наших толках очень много толку. Мир всплеснет руками, когда все это явится на свет дневной. Но поговорим лучше о деле, и вам и нам общем.

У вас, слышно, радуются книгою Гоголя[2], а у нас, напротив того, очень ею недовольны. Это, я думаю, происходит от того, что мы более вашего были пристрастны к автору. Он нас немножко обманул, вот почему мы на него сердимся. Что касается до меня, то мне кажется, что всего любопытнее в этом случае не сам Гоголь, а то, что его таким сотворило, каким он теперь пред нами явился. Как вы хотите, чтоб в наше надменное время, напыщенное народной спесью, писатель даровитый *, закуренный ладаном с ног до головы, не зазнался, чтоб голова у него не закружилась? Это просто невозможно. Мы нынче так довольны всем своим родным, домашним, так радуемся своим прошедшим, так потешаемся своим настоящим, так величаемся своим будущим[2а], что чувство всеобщего самодовольства невольно переносится и к собственным нашим лицам. Коли народ русский лучше всех народов в мире, то само собою разумеется, что и каждый даровитый русский человек лучше всех даровитых людей прочих народов. У народов, у которых народное чванство искони в обычае, где оно, так сказать, поневоле вышло из событий исторических, где оно в крови, где оно вещь пошлая, там оно, по это-

---

* *РА*, *СН*: вместо «писатель даровитый» — «гениальный человек».

му самому, принадлежит толпе и на ум высокий никакого действия иметь уже не может; у нас же слабость эта вдруг развернулась, наперекор всей нашей жизни, всех наших вековых понятий и привычек, так что всех застала врасплох, и умных и глупых: мудрено ли, что и люди, одаренные дарами необыкновенными, от нее дуреют! Стоит только посмотреть около себя, сейчас увидишь, как это народное чванство, нам доселе чуждое, вдруг изуродовало все лучшие умы наши, в каком самодовольном упоении они утопают, с тех пор, как совершили свой мнимый подвиг, как открыли свой новый мир ума и духа! Видно, не глубоко врезаны в душах наших заветы старины разумной; давно ли, повинуясь своенравной воле великого человека, нарушили мы их перед лицом всего мира, и вот вновь нарушаем, повинуясь какому-то народному чувству, Бог весть откуда к нам занесенному.

Недостатки книги Гоголя принадлежат не ему, а тем, которые провозносят его до безумия, которые преклоняются пред ним, как пред высшим проявлением самобытного русского ума, которые ожидают от него какого-то преображения русского слова, которые налагают на него чуть не всемирное значение, которые, наконец, навязали на него тот гордый, несродный ему патриотизм, которым сами заражены, и таким образом задали ему задачу неразрешимую, задачу невозможного примирения добра со злом: достоинства же ее принадлежат ему самому. Смирение, на сколько его есть в его книге, есть плод нового направления автора; гордость, в нем проявившаяся, привита ему его друзьями. Это он сам говорит, в письме своем к князю Львову, написанном по случаю этой книги [3]. Разумеется, он родился не вовсе без гордости, но все-таки главная беда произошла от его поклонников. Я говорю в особенности о его московских поклонниках [4]. Но знаете ли вы, откуда взялось у нас на Москве это безусловное поклонение даровитому писателю? Оно произошло оттого, что нам в Москве понадобился писатель, которого бы мы могли поставить наряду со всеми великанами духа человеческого, с Гомером, Дантом, Шекспиром [5], и выше всех иных писателей настоящего времени и прошлого. Это странно, но это сущая правда. Этих поклонников я знаю коротко, я их люблю и уважаю, они люди умные, хорошие; но им надо, во что бы то ни стало, возвысить нашу скромную, богомольную Русь над

всеми народами в мире, им непременно захотелось себя и всех других уверить, что мы призваны быть какими-то наставниками народов. Вот и нашелся, на первый случай, такой крошечный наставник, вот они и стали ему про это твердить на разные голоса, и вслух и на ухо; а он, как простодушный, доверчивый поэт, им и поверил. К счастию его и к счастию русского слова, в нем таился, как я выше сказал, зародыш той самой гордости, которую в нем силились развить их хваления. Хвалениями их он пресыщался; но к самим этим людям он не питал ни малейшего уважения. Это можете видеть из этой его книги и выражается в его разговоре в каждом слове[6]. От этого родилось в нем какое-то тревожное чувство к самому себе, усиленное сначала болезненным его состоянием, а потом новым направлением, им принятым, быть может, как убежищем от преследующей его грусти, от тяжкого, неисполнимого урока, ему заданного современными причудами. Нет сомнения, что если б эти причуды не сбили его с толку, если б он продолжал идти своим путем, то достиг бы чудной высоты; но теперь, Бог знает, куда заведут его друзья, как вынесет он бремя их гордых ожиданий, неразумных внушений и неумеренных похвал!

У нас в Москве, между прочим, вообразили себе, что новым своим направлением обязан он так называемому западу, стране, где он теперь пребывает, иезуитам. На этой счастливой мысли остановился наш замысловатый приятель в Московских Ведомостях и, вероятно, разовьет ее в следующем письме с обычным своим остроумием[7]. Но иезуитство, как его разумеют эти господа, существует в сердце человеческом с тех пор, как существует род человеческий; за ним нечего ходить в чужбину; его найдем и около себя, и даже в тех самых людях, которые в нем укоряют бедного Гоголя. Оно состоит в том, чтобы пользоваться всеми возможными средствами для достижения своей цели; а это видано везде. Для этого не только не нужно быть иезуитом, но и не надо верить в Бога; стоит только убедиться, что нам нужно прослыть или добрым христианином, или честным человеком, или чем-нибудь в этом роде. В Гоголе ничего нет подобного. Он слишком спесив, слишком бескорыстен, слишком откровенен, откровенен иногда даже до цинизма, одним словом, он слишком неловок, чтобы быть иезуитом. Некоторые из его порицателей особенно отличаются своею ловкостью, искус-

ством промышлять всем, что ни попадет им под руки, и в этом отношении они совершенные иезуиты. Он больше ничего, как даровитый писатель, которого чрез меру возвеличили, который попал на новый путь и не знает, как с ним сладить. Но все-таки он тот же самый человек, каким мы его и прежде знали, и все-таки он, и в том болезненном состоянии души и тела, в котором находится, стократ выше всех своих порицателей — и когда захочет, то сокрушит их одним словом и размечет, как былие непотребное.

Мая 10[8].

Эти строки были написаны до получения вашей книжечки[9]; с тех пор был я болен и не мог писать. Благодарю за присылку. Не стану переначинать письма; а скажу вам в двух словах, как сумею, свое мнение о вашей статье. Вам, вероятно, известно, что на нее здесь очень гневаются. Разумеется, в этом гневе я не участвую. Я уверен, что если вы не выставили всех недостатков книги, то это потому, что вам до них не было дела, что они и без того достаточно были высказаны другими. Вам, кажется, всего более хотелось показать ее важность в нравственном отношении и необходимость оборота, происшедшего в мыслях автора, и это, по-моему мнению, вы исполнили прекрасно. Что теперь ни скажут о вашей статье, она останется в памяти читающих и мыслящих людей, как самое честное слово произнесенное об этой книге. Все, что ни было о ней сказано другими, преисполнено какою-то странною злобою против автора. Ему, как будто, не могут простить, что веселивши нас своею умною шуткою, ему раз вздумалось поговорить с нами не смеясь, что с ним случилось то, что ежедневно случается в кругу обыкновенной жизни с людьми менее известными, и что он осмелился нам про это рассказать по вековечному обычаю писателей, питающих сознание своего значения. Позабывают, что писатель, и писатель столь известный, не частный человек, что скрыть ему свои новые, задушевные чувства было невозможно и не должно, что он, не одним словом своим, но и всей душою принадлежит тому народу, которому посвятил дар свыше ему данный; позабывают, что при некоторых страницах слабых, а иногда и даже грешных, в книге его находятся страницы красоты изумительной, полные правды беспре-

дельной, страницы такие, что, читая их, радуешься и гордишься, что говоришь на том языке, на котором такие вещи говорятся. Вы одни относитесь с любовию о книге и авторе: спасибо вам! День ото дня источник любви у нас более и более иссякает, по крайней мере, в мире печатном: итак, спасибо вам еще раз! На меня находит невыразимая грусть, когда вижу всю эту злобу, возникшую на любимого писателя, доставившего нам столько слезных радостей, за то только, что перестал нас тешить и, с чувством скорби и убеждения, исповедуется пред нами и старается, по силам, сказать нам доброе и поучительное слово. Все, что мне бы хотелось сказать вам на этот счет, вы отчасти уже сказали сами несравненно лучше, чем мне бы удалось то же выразить, особенно на языке, которым так бессильно владею; но одно, о чем намекал уже в первых своих строках, кажется, упустили из виду, а именно: высокомерный тон этих писем. Я уже сказал, какому влиянию его приписываю; но нельзя же, однако, и самого Гоголя в нем совершенно оправдать, особенно при том духовном стремлении, которое в книге его обнаруживается. Это вещь, по моему мнению, очень важная. Мы искони были люди смирные и умы смиренные; так воспитала нас церковь наша, единственная наставница наша. Горе нам, если изменим ее мудрому ученью! Ему обязаны мы всеми лучшими народными свойствами своими, своим величием, всем тем, что отличает нас от прочих народов и творит судьбы наши. К сожалению, новое направление избраннейших умов наших именно к тому клонится, и нельзя не признаться, что и наш милый Гоголь, тот самый, который так резко нам высказал нашу грешную сторону, этому влиянию подчинился. Пути наши не те, по которым странствуют прочие народы; в свое время мы, конечно, достигнем всего благого, из чего бьется род человеческий; а может быть, руководимые святою верою нашею, и первые узрим цель, человечеству Богом предназначенную; но по сию пору мы еще столь мало содействовали к общему делу человеческому, смысл значения нашего в мире еще так глубоко таится в сокровениях Провидения, что безумно бы было нам величаться пред старшими братьями нашими. Они не лучше нас, но они опытнее нас. Ваша деловая петербургская жизнь заглушает вас; вам не слышно, что гласится на земле русской. Прислушайтесь

к глаголам нашим: они поведают вам дивные вещи. В первой половине статьи вашей вы сказали несколько умных слов о нашей новоизобретенной народности [10]; но ни слова не упомянули о том, как мы невольно стремимся к искажению народного характера нашего. Помыслите об этом. Не поверите, до какой степени люди в краю нашем изменились с тех пор, как облеклись этой народною гордынею, неведомой боголюбивым отцам нашим. Вот что меня всего более поразило в книге Гоголя и чего вы, кажется, не заметили. Во всем прочем с вами за одно. Поклонитесь Тютчеву, княгине сердечный мой поклон; сыну вашему [крепкое рукопожатие] * [11].

140. Ф. И. Тютчеву

Басманная, 10 мая

Я в восхищении, дорогой Тютчев, что вы удовлетворены моим портретом [1]. Он должен был быть литографирован в Москве, но так как здесь не нашлось хорошего литографа, то он был послан в Петербург, и я полагал, что вы столь же охотно примете оригинал, как приняли бы и копию. Если бы вы согласились принять на себя труд справиться, какой литограф наиболее славится в Петербурге и какова его цена и сообщить мне об этом в двух словах, я был бы вам бесконечно обязан. Как вы знаете, не раз ко мне обращались с просьбой дать мое несчастное изображение: поэтому поневоле приходится постараться пойти навстречу этой настойчивой приязни. Я собирался писать об этом Вяземскому в момент получения вашего письма: как раз намереваюсь писать ему с тем, чтобы похвалить его статью о Гоголе [2]; я нахожу ее отличной в противность мнению почти всей нашей литературной братьи, озлобление которой против этого несчастного гениального человека не поддается описанию. Один только Хомяков остался ему или, лучше сказать, самому себе верен.

Так как вас несомненно интересуют наши домашние дела, то вам небезразлично будет узнать, что последний

* *СН*: вместо «Поклонитесь... рукопожатие» — «Тютчеву скажите, что я ожидаю ответа на свое письмо и что литографа здесь нет, княгине сердечный мой поклон; сыну вашему [крепкое рукопожатие], а вас прошу сохранить ко мне ваше благорасположение и верить моей сердечной преданности».

сейчас ввязался в очень серьезную полемику с Грановским по поводу Бургиньонов и Франков [3]. Как вы видите, мы не теряем своего времени попусту и вопросы текущего дня занимают нас не менее, чем остальной мир. Правда, нам не хватает времени слишком много возиться со всеми нелепостями, происходящими в Европе, такими, как, например, Прусские дела [4] и другие им подобные, но у нас его больше, чем надо, чтобы достойно готовиться, в качестве нового народа божия, к великой предназначенной нам миссии, руководить умственным и общественым движением человеческого рода. Многозначительному спору, о котором я вам сообщаю, придает еще большую значительность то, что с этим связано нравственное положение друга нашего Хомякова, среди представителей одной с ним масти, а вы знаете, каково это положение. Впрочем, чтобы с ним при этом ни случилось, он, по моему мнению, всегда сохранит ту долю уважения, которой заслуживает, потому что по счастью в людях всегда имеется нечто более важное, чем их значение.

Что сказать мне про себя и про свое жалкое здоровье? [5] Мы постоянно раскачиваемся между благом, которое я не почитаю благом, и злом, которое, говорят, вовсе не есть зло. Я прозябаю, таким образом, в обманчивости духа и плоти. Все это, как вы легко поймете, делает меня отнюдь не забавным для других, за исключением редкой дружбы, забредшей в глушь и столь же упорной, как ваша, но приходится поневоле мириться с тягостью обманного существования, которое сам себе создал. Ваша дружба, несмотря на разделяющие нас пространства, составляет одно из самых моих отрадных утешений, а ныне, ввиду обещанного нам близкого вашего прибытия в наши широты, я прибавлю еще, что оно поддерживает во мне самую пленительную надежду. Приезжайте же, вы на деле убедитесь, какое важное значение могут иметь подлинные симпатии одного разумного существа для другого такого же или, по крайней мере, таким когда-то почитавшегося.

Но только торопитесь, потому что чем больше я об этом думаю, тем сильнее убеждаюсь, что пора мне сгинуть со света тем или другим путем, через бегство или могилу. Что ни день, я вижу, как возникают вокруг меня какие-то новые притязания, которые выдают себя за но-

вые силы, старые обманы, которые принимаются за старые истины, шутовские идеи всякого рода, которые признаются серьезными делами; и все это принимает осанку авторитета, власти, высшего судилища, выносит вам приговоры осуждения или оправдания, лишает вас слова или разрешает говорить. Чувствуешь себя как бы в исправительной полиции в каждый час своей жизни. Что прикажете делать в этом новом мире, где ничто мне не улыбается, ничто не протягивает мне руки и не помогает жить? В конце концов я все же предпочитаю погибнуть от скуки, порожденной унынием одиночества, чем от руки тех людей, которых я так любил, которых я и теперь еще люблю, которым я служил по мере своих сил и готов был бы еще послужить.

Прощайте, дорогой друг. Верьте, прошу вас, моему чувству глубокой привязанности, с нетерпением жаждущей отрадного общения с вами.

Петр Чаадаев.

141. М. П. Погодину (октябрь)

Милостивый Государь, Михаил Петрович.

Благодарю вас за лестное приглашение участвовать в издании «Москвитянина». Не почитаю себя в праве отказаться, но должен вам напомнить, что имя мое, хотя и мало известное в литературном мире, считалось по сие время принадлежащим мнения, не совершенно согласным с мнениями «Москвитянина» [1]. Если принятием меня в ваши сотрудники вы желаете обнаружить стремление менее исключительное, то мне приятно будет по силам сопутствовать вашему журналу. Я полагаю, что приглашая меня, вы имели это в виду, и что объявление ваше будет написано в этом смысле. Примирения с противоположными мнениями, в наше спесивое время, ожидать нельзя, но менее исключительности вообще и более простора в мыслях, я думаю, можно пожелать. Мысль или сила, которая должна произвесть сочетание всех разногласных понятий о жизни народной и о ее законах, может быть, уже таится в современном духе, и может статься, как и прежде бывало, возникнет из той страны, откуда ее вовсе не ожидают; но до той поры, пока не настанет час ее появления, всякое честное мнение и светлый ум

должны молить об этом сочетании и вызывать его всеми силами. *Умеренность, терпимость и любовь* ко всему доброму, умному, хорошему, в каком бы цвете оно ни явилось, вот мое исповедание: оно, вероятно, будет и исповеданием возобновленного «Москвитянина».

Что касается до воспоминаний о Пушкине, то не знаю, успею ли с ними сладить вовремя [2]. Очень знаешь, что об нем сказать, но как быть с тем, чего нельзя сказать? Здоровье мое плохо, но за доброю волею дело не станет.

142. С. Д. Полторацкому

Басманная, 30 октября

Вот, друг мой, мое письмо к Сиркуру [1]. Благодарю вас за сведения. Не сомневаюсь, что в деле с портретом вы сделаете все возможное. Только не указывайте мое имя по-французски. Вы обещали послать письмо по верному каналу, если только сами не уедете. Я рассчитывал прислать его вам с одним недурным художником [2], которого хотел вам рекомендовать, но получив ваше письмо, понял, что нельзя терять времени и вручил его г-же Mièvre [3] с тем, чтобы оно дошло как можно скорее. Я во всем полагаюсь на вашу любезность и ваши пристрастия цивилизованного человека, которые некоторым образом отличаются от пристрастий дикаря. Нет нужды уверять вас в моей привязанности, предметом которой вы уже давно являетесь, как вам известно, несмотря на разницу наших идей и поступков. Да спасет вас Бог и да обратит в свою веру — он вполне сможет это сделать, если сочтет нужным.

Петр Чаадаев.

143. К. С. Аксакову

Не знаете ли вы, любезнейший Константин Сергеевич, что делается с стихами Г. Ростопчиной [1]? На днях она будет сюда, и мне должно будет их ей возвратить. Если они еще у вас, то пришлите мне их. Что делается и с вами самими? Когда мы с вами увидимся и потолкуем про старую конюшню (т. е. про Москву) и про великие ее судьбы [2]?

От всего сердца вам преданный

Чаадаев.

143А. М. И. Жихареву

Вот, мой дорогой друг, строки, которые вам угодно было одобрить [1]. Благоволите распорядиться снять с них копию, как вы мне это обещали, и препроводить ко мне. Мне нечего повторять вам, что в мои намерения не входит посылать их по их адресу. Что касается до их хождения по рукам, то это не возбраняется, и я был бы непрочь, чтобы они стали известны этим путем.

Целую вас от всего сердца.

144. М. П. Погодину

Получив вашу записку поздно, не мог воротить своего письма [1], которое не у меня. Если угодно, то буду к вам завтра и постараюсь достать письмо.

Примите уверение в моем глубоком почтении.

Пишу не из дому, потому простите на неряхость этих строчек.

145. М. П. Погодину

Извините, если я вам еще раз пишу про то же [1]. Но что делать? Весьма почтенная дама требует от меня этого листка. Что мне делать? Не отлагайте, прошу вас; пришлите его завтра по городовой почте, и примите между тем уверенность в моей совершенной преданности.

Вам покорный Петр Чаадаев.

146. М. П. Погодину

Вчера, в Петровском [1], сказывал мне А. Н. Бахметьев, что получил от вас книжку вашего сочинения, очень любопытную, и что вы намерены и мне ее дать [2]. Я с удовольствием бы сам к вам за ней заехал, но на днях не буду в вашей стороне, а любопытство мое нетерпеливо. Если вы мне ее пришлете в воскресенье,— то это очень будет кстати, а я вас за это приеду сам благодарить на той неделе и в удобный час для узрения ваших драгоценностей [3].

Вам истинно преданный
Петр Чаадаев.

Пятница.

147. М. П. Погодину

Благодарю вас покорнейше, Милостивый Государь Михайло Петрович, за ваш подарок [1] и прошу вас быть уверенным, что я умею ценить ваше дружеское расположение.

От всего сердца вам преданный

П. Чаадаев.

148. М. П. Погодину

Всякое утро собираюсь к вам, почтеннейший Михайло Петрович, для обозрения вашего музеума [1]. На днях, прочитав в Москвитянине новые ваши приобретения, это желание еще сильнее ощущаю. Но, видимо, с утром не слажу. И так, позвольте приехать к вам вечером, часу в 8-ом. Если это дело возможно, то известите меня, не могу ли быть к Вам напр. во вторник. Очень обяжете, если доставите мне случай видеть ваши драгоценности и вместе с тем побеседовать с вами. От души вам преданный.

Петр Чаадаев.

Суб.

1848

149. А. Я. Булгакову

Если первое письмо Вяземскому еще не отправлено, сохраните его, так же, как и то, которое я недавно получил, а если оно уже отправлено, отошлите и второе [1]. Извините меня за всю эту спешку; прошу вас сохранить все это в тайне.

П. Чаадаев

150. С. Д. Полторацкому

Басманная. 3 мая.

Тысяча благодарностей, дорогой друг, за ваши заботы и беспокойства [1]. Не хочу скрывать от вас, что портретом не особенно довольны, конечно, из-за пробного оттиска, который вы мне прислали: таково мнение людей искусства, и я его полностью разделяю. К тому же, как

мне стало известно, литограф этот — один из самых знаменитых в Париже, и я еще раз благодарю вас за ваши любезные хлопоты. Поговорим о другом. Как же, скажите, удалось вам преодолеть побуждение рассказать мне о событиях дня [2]? Такой подвиг вызывает у меня больше восхищения, чем одобрения. Сознаюсь, мне доставили большое удовольствие некоторые впечатления, несколько карандашных набросков на ваш манер. Уж не прогресс ли это? Если да, то от души поздравляю. Время быстротечно, и все должны продвигаться вперед, кто во что горазд и кто как сможет. Иногда и отступление означает прогресс. В настоящее время я только и делаю, что пячусь задом и прекрасно себя чувствую: это весьма действенный метод, очень приятный в некоторых широтах, ибо можешь быть уверен, что будешь путешествовать в большой компании. Если бы все человечество могло не медля последовать моему примеру: вот мое самое искреннее и серьезное желание.

Что сказать вам о нашей благополучной, трижды блаженной столице? Говорят, азиатская холера [3] все еще у нас не прошла, должно быть, в возмещение холеры политической, которой мы лишены и которая является привилегией европейских народов. Впрочем, нам тоже свойственны кое-какие переживания, естественное следствие ощущаемой нами глупости мира. Мы — обитатели другой, новой планеты, выведенные из безвестности всего лишь полтора столетия тому назад царственным Леверье [4], и нам ни к чему вмешиваться в то, что происходит на старой планете, зовущейся Европой. Как же найти средство для того, чтобы оставаться равнодушным при виде несчастного человечества, снова впадающего в варварство, погрязающего в безвластии, утопающего в собственной крови? Все же сообщу вам одну местную животрепещущую новость: у нас новый генерал-губернатор. Угадайте, что за знаменитость будет нами управлять? Держу пари, что не угадаете,— это граф Закревский. Я со своей стороны очень этому рад; именно такого человека нам недоставало,— человека нашего времени, чистокровного русского. Прошу лишь дозволения погорегать о Щербатовых [5], добрых людях, ежели таковыми могут быть те, кто невольно творит добро, подобно тому, как покойный г-н Журден говорил прозой, не подозревая об этом [6].

А еще, друг мой, призываю вас погоревать вместе со мной, на этот раз более серьезно, о нашей бедной доброй г-же Муравьевой [7]. Вы не можете себе представить, как мне не хватает ее скорбного и проникнутого любовью к ближнему лица. Удивительная вещь! Эта безупречная и безотказная женщина никем не была любима, даже теми. у кого было более чем у всех оснований ею дорожить: ее достоинств было, однако, недостаточно. Знаете ли вы, что в ней больше всего поражало? Ее правдивость. Нет ничего неслыханнее правды: давайте же лгать, друг мой,— это приведет нас в царствие небесное.

Быть может, вам будет интересно узнать, что сталось с ее внучкой Софьей, плодом изгнания [8]. Она выходит замуж за сына вашего друга Бибикова [9] и приносит ему в приданое миллион. Как видите, не все, родившиеся в Ботани-Бее [10], так уж несчастны. Что вам еще сказать? Я все еще болен и не понимаю, по какой фантазии природа так настойчиво продлевает мое невыносимое существование. Со всех сторон вам посылают приветы: я с нетерпением жду нашей встречи и хочу вас обнять, но все же надеюсь, что вы приедете к нам, проникнутый святым и справедливым отвращением ко всем ужасным, гнусным и страшным вещам, которых вы были свидетелем.

Если вы будете проезжать через Берлин, повидайтесь с чудаком Якушкиным [11], который слушает там курс юридических наук и который недавно украсил свое существование хорошенькой женой, женившись меж двух баррикадных боев. Как вам это нравится? Он сын людей, которых я очень любил, поэтому и он вызывает у меня интерес. Навестите там также моего старого друга Шеллинга и узнайте, прошу вас, что с ним происходит при этом общем перемещении вещей и людей. Полагаю, что его царственное философское достоинство сильно подорвано теперь, когда столько тронов пошатнулось или уже рухнуло. Я не пишу вам о Сиркурах в надежде поговорить о них, когда вы вернетесь. Кстати, я не знаю, почему этот несчастный республиканец Сиркур [12] не писал мне.

Передайте, друг мой, мое почтение г-же Полторацкой, а также одной молодой особе [13], которую вы знаете. Надеюсь, нет нужды уверять вас в моих дружеских чувствах.

Петр Чаадаев.

151. Ф. И. Тютчеву (июль)

Я только что прочитал, дорогой Тютчев, вашу интересную записку о текущих событиях[1]: прежде всего позвольте мне высказать то удовольствие, которое я испытал при ее чтении: затем я, быть может, смогу еще кое-что к этому прибавить. Как вы очень правильно заметили, борьба, в самом деле, идет лишь между революцией и Россией: лучше невозможно охарактеризовать современный вопрос[2]. Но, признаюсь вам, меня повергает в изумление не то, что умы Европы под давлением неисчислимых потребностей и необузданных инстинктов не постигают этой столь простой вещи, а то, что вот мы, уверенные обладатели святой идеи, нам врученной, не можем в ней разобраться. А, между тем, ведь мы уже порядочно времени этой идеей владеем. Так почему же мы до сих пор не осознали нашего назначения в мире? Уж не заключается ли причина этого в том самом духе самоотречения, который вы справедливо отмечаете, как отличительную черту нашего национального характера? Я склоняюсь именно к этому мнению, и это и есть то, что, на мой взгляд, особенно важно по-настоящему осмыслить.

Нельзя достаточно настаивать на том, что социальная драма, при которой мы в настоящее время присутствуем, есть прямое продолжение религиозной драмы XVI века[3], этого гордого протеста человеческого разума против авторитета предания и против духовного принципа,— разума, стремящегося владычествовать над обществом. И вот вскоре обнаружилось, что этот протест, казавшийся самым зрелым умам эпохи столь законным и который действительно был таковым, но от которого тем не менее зависело все будущее народов Европы, сперва внес анархию в религиозные идеи, а затем обрушился на самые основы общества, отвергнув божественный источник верховной власти. Мы были свидетелями великого события, не принимая в нем участия: мы имели возможность оценить его со спокойствием беспристрастного разума; мы могли, мы должны были воспользоваться поучением, которое в нем заключалось; мы ничего этого не сделали.

Катастрофа произошла у нашего порога и ничему нас не научила, и немедленно вслед за тем мы сами отправились к их очагам в поисках за рожденными ею идея-

ми и за созданными ею ценностями. И заметьте, что тот день, когда мы предприняли это паломничество в святые места иноземной цивилизации в лице изумительного человека[4], который представлял тогда сердце и душу народа подобно тому, как человек, являющийся сейчас носителем его звания[5], их ныне представляет, день этот наступил непосредственно после того, в который завершилось полное развитие нашей религиозной идеи, ибо это произошло на другой день после учреждения патриаршества.

По милости небес мы принесли с собой лишь коекакую внешность этой негодной цивилизации, одни только ничтожные произведения этой пагубной науки: самая цивилизация, наука в целом, остались нам чужды. Но все же мы достаточно познакомились со странами Европы, чтобы иметь возможность судить о глубоком различии между природой их общества и природой того, в котором мы живем. Размышляя об этом различии, мы должны были естественно возыметь высокое представление о наших собственных учреждениях, еще глубже к ним привязаться, убедиться в их превосходстве, равно как и в могуществе тех начал, на которых покоится наш социальный строй: мы должны были отыскать в наших традициях, наших нравах, в наших верованиях, в выражении нашей внутренней жизни, в выражении нашей жизни общественной, даже и в наших предрассудках, словом во всем, что составляет наше национальное бытие, все необходимые условия превосходного развития, все источники бесконечного усовершенствования, все зародыши необъятного будущего: этого не произошло. Совсем напротив, с того часа, как мы оказались в соприкосновении с иноземными идеями, мы поспешили отказаться от наших старинных туземных идей, мы сразу изменили нашим старинным обычаям, мы забыли наши почтенные традиции, мы преспокойно претерпели ниспровержение одного за другим наших вековечных учреждений: мы почти целиком отреклись от всего нашего прошлого, мы сохранили одни только наши религиозные верования. Правда, эти верования, составляющие самое сокровенное нашего социального бытия, были достаточны, дабы оградить нас от нашествия самых негодных принципов иноземной цивилизации, против дыхания самых зловредных ее истечений, но они были бессильны развить в нас со-

знание той роли, которую мы были призваны выполнить среди народов земли[6].

И вот, подчинившись игу этой цивилизации, мы все же сохранили доблести наших отцов, их дух покорности, их привязанность к государю, *их пристрастие к самоотверженню и самоотречению, но в то же время, идея, заложенная в нашей душе рукой Провидения*, в ней не созревала. Совершенно не сознавая этой *великой идеи*, мы изо дня в день все более поддавались новым влияниям и, когда наступил новый катаклизм, вторично потрясший мир, мы и им не воспользовались, мы еще раз не сумели обнаружить преимущества социального существования, которым мы имели счастие обладать, и теми преимуществами, которые провидение нам даровало во внимание к чистоте наших верований, к глубокой вере, преисполнявшей наши сердца. *Удивительное дело:* чем больше развертывавшиеся перед нашими глазами события, так сказать, разъясняли социальную задачу мира и раскрывали перед нами *высокие предназначения,* для нас уготованные, тем менее мы их понимали. Очевидно, все эти революции, при которых мы присутствовали в течение полустолетия, не только не уяснили нам состояние стран, в которых они происходили, равно как и состояния нашей собственной страны, а лишь еще затемнили наше сознание. И если в настоящее время некоторое пробуждение национального начала, некоторый возврат к старым традициям, которые составляли счастье наших отцов и были источником их доблестей, обнаруживаются среди нас более или менее явственно, приходится сознаться, что это явление лишь назревает и что оно в настоящее время носит лишь характер исторического изыскания, литературного течения, совершенно неведомого стране.

152. С. П. Шевыреву (июль)

Вчера, бывши в Сокольниках, искал вашего дома, возвращаясь от Дюклу в темноте, но не нашел. Я имел с собою для вас *меморию* Тютчева[1], которую теперь вам посылаю. Желал бы очень дать ее прочесть Погодину, но не знаю, как это устроить; она мне нужна в понедельник[2]. Прочитав, увидите, что вещь очень любопытная. Жаль, что нет здесь Хомякова: послушал бы его об ней

толков. Если сами ко мне не пожалуете в понедельник, то пришлите тетрадку.

Вам душою и мыслию преданный Чаадаев.

152А. М. И. Жихареву

Басманная, 7 августа.

Благодарю вас, мой друг, за ваше письмо [1]. Ваша память доставила мне тем больше удовольствия, чем меньше я на нее рассчитывал. Вы меня немного отучили от проявлений вашей симпатии. Говорят, что путешествия образовывают молодых людей; хочу верить, что это путешествие только разбудило в вас чувство, усыпленное на мгновение среди приятностей семейной жизни. В моем существовании, опустошаемом всякого рода страданиями, это дуновение симпатии, прилетевшее из такой дали, меня приятно освежило. Не знаю, где застанут вас эти строки, но я хотел бы, чтобы они достигли вас раньше, чем вы очутитесь среди Каширских очарований, иначе они очень рискуют тем, что не заставят трепетать струну вашей симпатии. Вы, может быть, не разделяете моего мнения относительно Каширских очарований в настоящий момент, когда вы их испробовали всякого рода, в различных местах, более или менее неизвестных географам, но я тем не менее думаю, что настоящие очарования, полные всевозможных благожелательных последствий для молодых людей, таких, как вы, находятся у нас только в деревне, под родительской кровлей, среди этой милой снисходительности, которая позволяет все, разрешает все делать, не осуждает ничего,— безграничная, словом, как русский горизонт.

Смехотворная [2] картина моего существования, которую вы набрасываете, полагаю не очень точна. по вы совершенно правы, когда думаете, что существуют в мире люди еще более несчастные, чем я. Я знаю много таких, даже среди тех, которые не слывут за несчастных, чьей судьбе я не завидую, несмотря на кажущееся счастье и на истинный блеск, который их окружает. Немного дней пройдет, однако, и вы не сможете больше, полагаю, меня обвинить в малодушии. Катастрофа приближается большими шагами [3]. Я творю обеты самые искренние, чтобы, какова бы она ни была, эта катастрофа не омра-

чила бы слишком существование нескольких особ, которым, вероятно, суждено меня пережить. На днях я получил письмо, которое в эпоху, нами переживаемую, может быть рассматриваемо без большого преувеличения, как настоящее убийство [4]. Таковы-то, дорогой друг, прекрасные дни, которые я провожу. Дай Бог, чтобы особа, приславшая мне это письмо, никогда не узнала бы силу этих строк и роковой результат, который они могли бы иметь. К счастью, человеческая природа так устроена, что люди, причиняющие зло, почти никогда не подозревают, какой вред они наносят. Что касается вас, мой друг любезный, который еще недавно пролил столько целительного бальзама на мою жизнь, чья привязанность для меня является еще столь нежным утешением, я желаю. чтобы пример этой жизни и крушения, которое должно неизбежно ее окончить, не остался для вас безрезультатным даже и в том случае, когда память обо мне должна была бы омрачить ваши дни оттенком меланхолии. Это лучшая часть моего наследства, и она вам принадлежит по праву взамен вашей дружбы, не считая, однако, моей библиотеки [5], которая, как вы это знаете, достанется тоже вам. Я уже написал об этом моему брату [6], поручая ему исполнение моей последней воли. Теперь, когда я вам пишу, у меня перед глазами трогательный ответ, в котором он мне обещает исполнить точно все мои желания.

Вы запрашиваете у меня, полагаю, новости о холере [7]. Еще несколько дней тому назад она нас опустошила ужасно, а сейчас заболевает не более сорока человек в день и начинают закрывать временные госпитали. Эта несчастная холера мною пренебрегла, прости ей Господи! Но понимаете ли вы, как она устроилась, чтобы меня оставить в живых; что касается меня, то я тут ничего не понимаю.

Вы неправы в том, что ничего мне не написали о вашем брате и о тех разнообразных приятностях, которые ждут его на том пути, который предстоит ему пройти [8]. Я не могу, как вы знаете, не интересоваться живо людьми, которые издалека или близко имеют ко мне касательство. Я очарован, впрочем, что вы упомянули о моем сопленнике, как вы его называете, ибо я полагаю, что его можно заинтересовать в пользу Матвея.

Будьте здоровы, друг. Целую, любезный, вас от всего сердца. Продолжайте думать обо мне немного, если у вас

для этого имеется досуг: вам вреда это не причинит. К тому же, никогда не бывает потеряно время, которое тратишь на то, чтобы посвятить его доброму чувству.

Петр Чаадаев.

153. М. Я. Чаадаеву

Басманная, 18 августа.

Извини меня, мой добрый брат, что замедлил тебе отвечать. Письмо твое застало меня в самом плохом состоянии тела и души, и потому несколько дней не мог решиться раскрыть его. Благодарю за твое участие и за твою дружбу. Письмо, в котором просил тебя исполнить некоторые посмертные распоряжения, написано было в сильнейший период холеры [1], когда себя чувствовал под постоянным ее действием и никак не мог, при моем образе жизни, ожидать спасения. Здоровье мое, и без того расстроенное, в это время еще пуще расстроилось. Благодарю однако ж Бога за то, что это доставило мне утешение получить от тебя такое дружеское письмо, какого давно не получал. Оно меня несколько оживило, но теперь опять с трудом собираю мысли и пишу эти строки. Три месяца тому назад, чувствуя себя лучше, благодаря, вероятно, гомеопатии, хотел было вступить в службу и говорил про это Щербатову, с которым был в хороших отношениях. Но теперь Щербатова нет, а мне стало хуже, даже не знаю, каков со мной будет Закревский. Страх будущего не дает мне покоя ни денно, ни нощно. Не могу от себя скрыть, что меня ожидает участь покойного друга моего Орлова, погибшего на глазах и почти на руках моих.

От тетушки самые грустные известия. Максим умер [2], а она находится почти в совершенном безумии. По просьбе моей поручал вице-губернатор узнать исправнику, в каком находится положении управление ее имения со смерти Максима, и на днях привез мне его рапорт. Вот с него копия: из нее узнаешь все подробно. Что из этого всего будет — не знаю; между тем, пошлю тетушке остальные свои деньги. Впрочем, одного только остается мне теперь желать,— сохранения твоей дружбы, и надеюсь, что сохраню ее до конца. Невольно придет в голову, что древние были счастливее нас: они могли когда вздумается прекратить свои страдания, а мы, говорят, не можем.

О том, что должно сделать сейчас по моей смерти, стану просить хозяина своего Шульца, а тебя прошу прислать Петра [3] для исполнения прочего. Смерть постигнет, вероятно, меня скоропостижно [4]; итак, о болезни моей ты не услышишь. Еще прошу тебя бумаги мои на время предоставить М. И. Жихареву, которому они знакомы.

Поклонись жене.

Тебя истинно и глубоко любящий брат твой Петр.

1849

154. М. Я. Чаадаеву

Басманная, 20 апреля.

Получив твое письмо [1], любезный брат, долго не решался его распечатать, угадывая отчасти его содержание; а теперь, взяв перо, не знаю, скоро ли справлюсь с ответом. Итак, когда получишь эти строки, то, вероятно, они уже ни к чему не будут годны. Этот исход делу я предвидел: иначе и быть не могло. Благодарю однако ж сердечно за твое письмо. Одно особенно меня в нем утешило: очевидно, что ты сохранил не только все умственные, но и все телесные свои силы; без того невозможно бы было совершить такого многотрудного и многоречивого подвига. Много ты истощил ума и юмора на то, чтоб доказать мне, что тебе желалось доказать: труд, кажется, довольно бесполезный в тех обстоятельствах, в которых находимся, но все-таки постараюсь отвечать на все нужное как сумею, хотя далеко не пользуюсь тем счастливым расположением духа, каким ты пользуешься.

Очень похоже на то, что ты пишешь, читал мне в 1836 г. московский обер-полицмейстер [2], и сколько помню, то слог читанной им бумаги не уступал твоему слогу ни в уме, ни в остроумии. Маркиз Кюстин, в книге своей о России, хотя и с добрым намерением, пишет также подобное, и между прочим утверждает, что с некоторого времени я и сам себя считаю сумасшедшим [3]. Н. И. Греч, отвечая ему, уверяет, что полоумным я был и до того, и потом продолжает шутить очень забавно в тоне твоего письма [4]. Один добрый немец, по этому случаю, говорит: «ist's möglich dass man mit einem Menschen sowie mit

einem tollem Hunde sich betragen hätte» *, а Головин замечает, что немудрено сойти с ума, когда человека каждый день обливают холодной водой, чего, впрочем, не было [5]. Наконец, в то самое время как пишу эти строки, ходит по городу письмо какого-то моего доброжелателя, предлагающего под именем приезжего врача, меня вылечить от безумия [6]. Изо всего этого можешь заключить, что мнение твое обо мне, так тщательно и затейливо высказанное, никак не могло меня удивить, и что ты в этом случае был предупрежден другими почтенными лицами. К тому же мне очень было известно, что дружба твоя с ранних лет наших, имевшая столь решительное участие в судьбе моей, всегда взирала на меня с каким-то особенным беспристрастием.

*** [7] умер оттого, что не знал, как сладить с долгами. Это в Москве всем известно; он даже и мне остался должным. В продолжение его болезни врачи не понимали, чем он болен, но после его смерти очень хорошо поняли. Семейство его осталось без ничего; сын живет теперь на счет дяди, жена помощью брата, а дочь получила приданое от чужих людей. Разумеется, всего этого можешь ты не знать и, вероятно, действительно не знаешь; не менее того, теория твоя письмовного слога довольно затруднительна в приложении, налагая на пишущих или бесконечное многословие, или немое умолчание, предполагая между ними какое-то странное невиданное отношение, отуманивающее самые простые мысли и выражения. Не знаю, удастся ли мне достаточно ее изучить, чтобы по возможности с ней согласоваться, когда случится писать к тебе в другой раз.

Если в письме моем [8] написано «l'emprunt de la banque», то это описка; но «l'emprunt à la banque» ** сказать нельзя, а должно «l'emprunt contracté à la banque» ***, потому что такого рода выпуски на французском языке не терпятся и оскорбляют слух и вкус. Так, например, нельзя сказать «l'emprunt à N...», а должно сказать «l'emprunt fait à N...» ****. Иным, может статься, покажется в настоящем случае описка очень понятною, а твое замечание гораздо менее понятным, тем более, что оно

---

* Возможно ли, чтоб с человеком обошлись как с бешеной собакой (*нем.*).

** банковский заем.

*** заем, взятый в банке.

**** взятое в долг у Н.

обнаруживает, если не ошибаюсь, некоторую неопытность в том языке, в котором преподаешь уроки [9], но все-таки благодарю за него, равно как и за все прочие твои поучения, из которых однако ж некоторых вовсе уразуметь не мог. Зато очень хорошо понял, что ты нынче щеголяешь французским языком и изящным изложением мысли, чего, помнится, в старые годы за тобою не водилось, и это, разумеется, меня порадовало как новое доказательство тому, что ты встречаешь старость бодро и весело.

О деятельности, о которой говорю, даст тебе понятие письмо Протасова [10], при сем прилагаемое. Из него увидишь, на какого рода спекуляции намерен пуститься. Если б письмо мое дошло к нему вовремя, то, вероятно, спекуляция моя была бы теперь в полном ходу, и тебе пришлось бы смеяться не над моим намерением, а над его исполнением. Но я и прежде того извещал тебя о желании своем вступить в службу и о толках моих о том с покойным князем Щербатовым, которого неожиданное удаление положило внезапно этому делу конец. Из слов твоих должен заключить, что ты не обратил внимания на содержание моего письма или что я дурно выразился, что очень может быть. Впрочем, каждому, думаю, известно, что здоровый человек может много делать такого, чего больной делать не в состоянии. Ты, например, писал в 1836 г., что желал бы приехать в Москву [11], но по нездоровью не можешь исполнить своего желания, а мне именно нужно куда-нибудь уехать. Теперь, в начале того самого письма, в котором спрашиваешь, про какую деятельность говорю, пишешь, что *«состояние твоего здоровья не дозволяет тебе заняться чем бы нужно было заняться немедля»*. Да какая же и есть истинная деятельность, кроме той, которая дозволяет делать что и когда угодно? Она-то и была мне воспрещена моими недугами в продолжение многих лет, о ней-то и тосковал столько времени; невозможность ей предаться и привела меня отчасти в то положение, в котором нахожусь и из которого без нее нет средства выйти. К этому должно прибавить, что продолжительные хронические болезни оставляют в организме глубокие следы, исключающие надолго возможность и самой необходимой деятельности.

Почему здоровому можно издерживать менее, чем больному, это мне кажется так ясно, что не нужно бы про это и говорить, но нельзя, однако ж, и этого оставить

вовсе без возражения. Не говоря про леченье, дело столь дорогое, что тысячи людей, как говорится, пролечиваются, кто ж не знает, что здоровый человек может, например, ходить пешком, а больной не может, что множество предметов в одежде, в диете, необходимых больному, здоровому вовсе не нужны, что здоровый человек скучает, что по этому самому ему несравненно легче переносить всякого рода лишения, чем больному; что он спокойнее духом, и что от этого ему меньше нужны развлечения и проч. Болезни, конечно, бывают разного рода: есть, может статься, и такие, которые никаких издержек не требуют, но, если не ошибаюсь, то таковых по сие время наука еще не открыла.

1 июля.

Прочитанное тобою давно написано, как можешь видеть из выставленного в начале числа. Я уже перестал было и помышлять о начатом деле, когда получил при деньгах твое письмо от 25 апреля. На первое должен был отвечать обстоятельно и очень хорошо знал, что не справлюсь с ответом прежде шести или более месяцев, т. е. когда обстоятельствами уже буду приведен к совершенно иной развязке. К тому же, и здоровье мое стало опять портиться. Теперь, прерывая начатый, тяжелый труд, предпринятый единственно в защиту памяти своей [12], знаю также очень хорошо, что судьба моя решена на этом свете, и что неумолимый приговор надо мною произнесен правосудием божиим. Ответив на твой вопрос, возвращусь опять к прерванному труду и буду продолжать его пока станут силы. Может быть, Бог дозволит мне его довершить: это, в настоящую минуту, предмет теплейшего моего моления.

Я полагаю, что для уплаты долгов моих, и для прочего мне нужно *девять* тысяч р. серебром. Ты видишь, что мне известно, сколько мне надобно денег. Но почему находишь странным, что прежде чем означить сумму, желал узнать, можешь и намерен ли уплатить часть своего долга; это мне неизвестно, и тем более, что вижу из собственных твоих слов, что не имею права ничего требовать. О законности и говорить нечего. Раздельной акт [13] действительно мною утрачен с другими бумагами, не менее для меня важными; но если бы он и сохранился в моих руках цел и невредим, то все-таки теперь никуда бы не годился, потому что десятилетний срок, как тебе

известно, давным-давно ему миновал. В продолжении времени, может быть, узнаешь, почему употребил выражение [«то, что, по-твоему, ты мне должен»]. Больше об этом не имею времени говорить, но очень рад, что подал тебе повод сказать несколько веселых слов, свидетельствующих о завидном состоянии и души и тела.

Заплатив или ссудив мне эти деньги, прошу тебя покорнейше оставшиеся затем удержать у себя в уплату за *Фурсово* [14], до окончательного расчета. Несколько подобный случай, если не ошибаюсь, уж раз встретился с нами: это подтвердило мне твое же письмо; поэтому полагаю, что великодушно примешь мое предложение и, конечно, поймешь, что иного средства теперь не имею отвечать на главную статью твоего письма. В этих немногих словах, кажется, нет никакого ни двусмыслия, ни мрака: исполнение зависит от тебя. Мое дело придет в свое время, и, надеюсь, что Бог поможет мне его исполнить по силам и разумению.

В ожидании твоего ответа, каков бы он ни был, прошу еще, если возможно, отсрочить окончательное суждение о некоторых вещах, упомянутых в твоем письме, до моего объяснения. Замедление моего ответа, конечно, покажется тебе очень естественным, если потрудишься вспомнить, что первое твое письмо [15] не что иное, как «*обвинительный акт*», необходимо вызывающий или оправдание или возражение, и совершенно отвлекающий ум от дела, к которому, вероятно, и не возвратился, если б не получил другого письма. Не знаю, останешься ли довольным моим чистописанием и словосложением,— на языке, мне не столь послушном, сколько тебе: по возможности старался удовлетворить несколько прихотливому твоему требованию. Может быть, по-старому найдешь и в этом письме «*фразы*», но прошу принять в соображение, что без фраз писать очень трудно, едва ли возможно.

Сердечно тебе преданный брат твой Петр.

154А. М. И. Жихареву

Басманная. 30 июля.

Вы пишете драму [1], любезный друг; я продолжаю свою. Вы начинаете там, где я кончаю. Желаю вам успеха в вашем произведении, как я уверен в успехе моего.

Вы позволите мне однако дать вам совет: хорошо чеканить свой стиль, склонный к напыщенности. Я знаю, нужно иногда известное мужество, чтобы вычеркнуть выражение, которое на своем месте, и можно, если владеть собою, легко привыкнуть находить некоторое удовлетворение в том, чтобы пожертвовать звучной фразой или звучным слогом. Сейчас мне тем более позволительно дать вам этот совет, что я, без слишком большой самонадеянности, могу считать стиль моей собственной драмы приблизительно безупречным, так как поэма проходит в глубочайшем молчании. Бесполезно вам говорить обо мне: все, что я мог бы вам сказать на эту тему, не сделало бы ваше пищеварение более легким и ничего не прибавило бы к сладости вашего бытия. Благодарю за вашу привязанность: никогда не была она мне более кстати. Напомните обо мне, прошу вас, вашим родителям [2]. Если вам случится мне писать еще раз, не забудьте дать сведения об одном милом маленьком молодом человеке, который занят теперь тем, что отмахивается от венгерцев [3], народа в общем довольно безобидного, как вы знаете, которые никого не убивают, если верить нашим реляциям.

Надо ли вас уверять в моей постоянной и глубокой дружбе? Льщу себя надеждой, что нет.

Петр Чаадаев.

155. М. Я. Чаадаеву

Басманная, 8 сентября.

Любезный брат. С солдатом *Широким* я не писал, и потому не знаю, какое через него мог бы получить письмо. Разве он тебе его принес с почты; но в таком случае, как же тебе этого не знать, а если знаешь, то зачем про солдата говорить? Писал тебе по почте в июле месяце; письмо отправлено в июле, при нем было письмо Протасова [1]. В недоумении, о каком письме говоришь, прошу тебя меня уведомить, получил ли ты протасовское письмо, или выписать мне начальные строки из письма, принесенного солдатом: без того не вижу средства узнать, то ли это письмо, которое писал по почте, или какое-нибудь другое, мне неизвестное, и что ты разумеешь, говоря, что *«исполнишь мое желание»*. Не могу не повторить: если письмо, принесенное солдатом, действительно то самое, которое послано по почте, и он мимохо-

дом взял его в городе, то какая была нужда говорить о *слепом отставном солдате Якове Широком*, разве только для того, чтобы сбить меня с толку,— забава, кажется, довольно суетная в настоящую минуту.

Что касается до числа, то хотя в начале моего письма и выставлен *апрель*, но в конце другое число, следовательно, письмо не от апреля, как ты говоришь, а от последнего числа: новый повод к недоумению, особенно при твоей причудливой аккуратности. Скажу твоими словами: «*Может быть, тебе все равно, чтоб был на этот счет в совершенном мраке, но для меня не все равно*» [2],— и прибавлю: может быть, и тебе впоследствии все это представится в другом виде: искренне желаю, чтобы ты тогда сохранил то равнодушие, с которым теперь на него смотришь.

Что ты не заметил в продолжении пятнадцати лет, чтоб письма к тебе не доходили, этому очень верю. На днях приехал из Петербурга один мой приятель и очень удивился, когда его здесь стали спрашивать про письмо, к нему писанное и всеми читанное тому три года назад [3]. Дело состоит в том, что неисправность такого рода обыкновенно замечается не теми лицами, к которым пишут, а теми, которые пишут, потому что они ожидают на свои письма ответов, а те ничего не ожидают, особенно если им никакого нет дела до того, что им пишут. Впрочем, как бы то ни было, мне приятнее думать, что ты действительно некоторых моих писем в 1837 и 1838 годах не получал: без того иные вещи в своем февральском письме были бы вовсе неизъяснимы [4].

Крестьянину, ходившему к тебе с письмом, обещалась княгиня [5] доставить от меня вознаграждение; а тебя прошу за его корм самого себя вознаградить из моих денег. Чувствую, что слог моих писем начинает сбиваться на твой слог: что делать? долго говоря с человеком, иногда поневоле заговариваешь его языком.

Сердечно тебе преданный брат твой Петр.

156. А. С. Хомякову

Басманная, 26 сентября.

Посылаю вам, dear sir [1], тетрадь, полученную мною от неизвестного лица для отослания к вам [2]. Вам, думаю, не трудно будет угадать приветное перо, так удачно вы-

сказавшее ваши собственные сочувствия. Не знаю, почему сочинитель избрал меня проводником своих задушевных излияний, но благодарю его за то, что считает меня вашим добрым приятелем. Разумеется, приписка и письмо одного мастера. Из этой приписки вижу, что он предполагает меня разделяющим его мысли, и в этом он не ошибся. Не менее его гнушаюсь тем, что делается *в так называемой Европе* [3]. Не менее его убежден, что *будущее* принадлежит молодецкому племени, которого он заслуженный, достойный представитель, которого отличительная черта *благородство без хвастовства в победе*, черта, столь явно выразившаяся в настоящую минуту. В одном только не могу с ним согласиться, а именно, что *нам не нужно заниматься Европой, что нам должно оставить о ней попечение*. Я полагаю напротив того, что попечение наше о ней теперь необходимо, что нам очень нужно ей теперь заняться. Так, вероятно, думал и тот, который увенчал нас новой, славной победой. Не знаю, как сочинитель письма не заметил, что если б мы не занимались Европой, то нас бы не было в Венгрии, то мятеж не был бы укрощен, то Венгрия не была бы у ног русского Царя [4], великодушный Бан [5] находился бы теперь очень в неприятном положении, общая ваша приятельница [6] была бы в глубоком горе, и наконец, мы не имели б случая обнаружить своего в торжестве смирения. В том совершенно согласен с вашим почтенным сочувственником, что Европа нам завидует, и уверен, что если б лучше нас знала, если б видела, как благоденствуем у себя дома, то еще пуще стала бы завидовать, но из этого не следует, что нам должно было оставить о ней попечение. Вражда ее не должна нас лишать нашего высокого призвания спасти порядок, возвратить народам покой, научить их повиноваться властям так, как мы сами им повинуемся, одним словом внести в мир, преданный безначалию, наше спасительное *начало* [7]. Я уверен, что в этом случае вы совершенно разделяете мое мнение и не захотите, чтоб Россия отказалась от своего назначения, указанного ей и царем небесным, и царем земным: я даже думаю, что в настоящее время вы бы не стали звать одну *милость Господню на Западный край* [8], а пожелали б нашим союзным братиям еще и иных благ.

Не знаю почему, заключая, чувствую непреодолимую потребность выписать следующие строки из последнего

слова нашего митрополита: «Возвышение путей наших в очах наших есть уклонение от пути Божия, хотя бы мы на нем и находились»[9].

Сердечно вам преданный и пр.

157. ⟨Н. П. Киреевской⟩

Позвольте, милостивейшая Н. П.[1] еще раз попросить вас о том же, а именно: дозволить мне оставить у себя Окружное Послание[2] на один день. Прочитав статью Стурдзы[3], мне открылись в нем новые стороны.

Вы, конечно, уже прочли прекрасное описание праздника, так удачно осуществившего мысль нашего умного приятеля[4]. Увидав заглавие, я было сначала подумал, что это обещанная статья А. С.; но потом с удовольствием увидал, что это рассказ о том, как его мысль была в лицах представлена в доме московской посадницы[5]. Приятно видеть, как у нас люди, некоторым образом правительству принадлежащие, верно следят за движением мыслей народных, а иногда даже и опереживают их. Нельзя не признаться, что пагубное разъединение государства с землею час от часу более изглаживается, и невольно услаждаешь себя надеждою, что в скором времени увидим восстановление древнего нашего быта и торжественное воцарение зипуна и всех благ с ним сопряженных.

NB. [Старая апология?][6].

158. М. П. Погодину

Вчера не отвечал Вам, почтеннейший Михайло Петрович, потому что надеялся вчера же вечером найти книгу Салтыкова, которую теперь у себя не имею. К сожалению, у его племянника, которого видел вечером, ее также нет. Как скоро достану, то Вам доставлю. Вам истинно преданный Петр Чаадаев.

Четверг.

159. Д. Н. Свербееву

Я был у вас, мой милый Дмитрий Николаевич, а потом надеялся вас увидеть в клубе, чтобы вас поблагодарить за ваше благонамеренное участие. Я желал также

поговорить с вами об этом деле [1], хотя очень мало имею надежды в его успехе. Кажется, при этом месте нет квартиры, а это для меня всего важнее. Много еще чего можно бы об этом сказать, но, разумеется, не на бумаге. Впрочем, что бы из этого ни вышло, этот теплый ветерок, повеявший на меня с чужой стороны, посогрел мне душу, и я еще раз вас благодарю за ваше доброе дело. Письмо посылаю и, кажется, с сохранением человеческого достоинства.

Вам душевно преданный П. Чаадаев.

Пятница.

160. С. П. Шевыреву

Желал бы сам вручить вам, почтеннейший Степан Петрович, этот пакет; но не зная, застану ли вас дома, пишу на всякий случай, повторяя вам просьбу, выраженную в письме брата, и обращая ее к вам от своего имени. Не помню, печатаются ли в *Москвитянине* проповеди, но если тому были примеры, то почему, кажется, не напечатать и эту [1]? Она, я думаю, этого заслуживает по простоте слога. Почем знать, может быть в этом неизвестном человеке таится будущий Филарет или Иннокентий. При свидании поговорим еще про это, а между тем, прошу вас извинить меня, что навязываю на вас эти хлопоты, впрочем, не чуждые, кажется, вашей обычной деятельности.— Что-то поделывает ваш художник-банщик, может быть, также будущий Рафаэль или Доминикин?

Сердечно и глубоко вам преданный

Петр Чаадаев.

Выписка из письма брата моего [2]

Посылаю тебе проповедь моего деревенского священника, говоренную в день моего ангела, в Михайлин день. Я предлагал крестьянам составить вспомогательную кассу для неимущих наших, и просил священника сказать несколько слов на этот счет. Вот эти слова. Постарайся их где-нибудь напечатать. Они, кажется, этого стоят. К тому же, хотя христианскому учителю и не нужно поощрения, однако оно все-таки не худо проповедующему в нашей глуши. Впрочем, предоставляю все это на твое благоусмотрение.

161. Ф. Я. Эвансу

Я рассчитывал, дорогой мэтр, зайти к вам сегодня утром, но опасаясь не застать вас, предпочел написать. Поразмыслив недолго над известным вам секретом [1], я продолжаю пребывать в уверенности, что это не более чем одна из милых гадостей Вигеля, до которых он такой охотник. Можете быть уверены, что на сегодняшний день он уже разнес свою басню по всем городским перекресткам,— и вы понимаете, что это наилучший способ испортить мнение обо мне некоторых людей. Я убежден, что З. при всей своей глупости не сумел бы изобрести столь чудовищной нелепости, а тем более пересказать ее нашему дражайшему другу. Я был бы ничтожеством, если бы после знаменитого моего приключения не смог занять мое исконное место в глазах общественного мнения. Что до увечных московских властей, они не заслуживают того, чтобы я ими занимался. Р..., погруженный в свое одиночество, еще многого не знает: если бы он встречался с большим числом людей, то ни на секунду не усомнился бы в нелепости этих сплетен. Мне бы хотелось, чтобы он сказал В., что, подумав, решил, что дело это слишком глупо, чтобы сообщать его мне. Тогда я избежал бы необходимости заговаривать с ним об этом при случайной встрече и изъявлять благодарность. Впрочем, я, разумеется, буду обращаться с ним с присущей мне вежливостью, тем более непринужденной, что я отношусь к бессильному врагу как к лучшему из друзей [2]. Сообщите, пожалуйста, Р. о моем намерении. Надеюсь, он охотно с ним согласится и тем самым облегчит мое общение с вредоносным насекомым, за что я буду ему бесконечно признателен.

До понедельника. Мы ужинаем в пять.

1850

162. М. Я. Чаадаеву

1850. 5 января.

Благодарю, любезный брат, за ломбардный билет и за обещание приступить к закладу имения [1] Дай Бог, чтоб ты успел это исполнить вовремя, но мало в том

имею надежды. Теперь, вероятно, тебе уже известно, что до августа месяца казенные палаты окончательного утверждения ревизии не получат; следовательно, и закладов до того времени по девятой ревизии совершать нельзя будет. Поэтому, кажется, невозможно тебе будет исполнить своего обещания в надлежащее время. Прежде чем писать тебе, желал бы узнать утвердительно положение дела; от того замедлил отвечать, в чем прошу извинения. Не знаю, почему на повестке написаны были *Меленки*[2]. Тебе, вероятно, это известно, но я полагал, что не мешает тебя об этом обстоятельстве уведомить.

Я уже не раз писал тебе о своем сожалении, что вовлек тебя в эти хлопоты. При худом твоем и без того здоровьи, они могли еще пуще его расстроить, а может быть, и продолжают ему вредить: повторяю еще раз мое о том сожаление. Есть положения в жизни, в которых одна-единственная мысль может вполне нас занимать; вот почему невольно возвращаюсь к старому.

Позволь еще несколько слов сказать о старом же, о моей болезни[3], то есть о главной причине всего со мной приключившегося в последнее время. Она, между прочим, состояла в нервических припадках, которых в первом ее периоде ты отчасти бывал свидетелем, но которые во втором доводили меня почти до безумия; странное подтверждение слов Кюстина[4]. Целые ночи проводил я, бегая по комнате, окруженный своими людьми, и успокаивался тогда только, когда поутру мне ставили мушку на затылок. Иногда и целые дни проводил в подобных же припадках. К этому должно присовокупить необходимость восстановить свое прежнее положение в обществе, без чего жизнь в Москве, даже самая уединенная, сделалась бы нестерпимою, а это вынуждало большое напряжение сил, самым вредным образом действовавшее на мое патологическое состояние. Все это, не говоря про разрушение семейства Левашовых[5], про утрату всех людей меня любивших, про квартиру, давно уже сделавшуюся почти необитаемою, и про многое другое, думаю, несколько оправдывает то небрежение к моим делам, которое при обыкновенном моем неумении с ними ладить, ввело тебя в хлопоты. Что касается до прочих событий этого грустного времени, то объяснение их найдется в моих бумагах, если успею их передать в верные руки и не постигнет меня скоропостижная смерть. Они, наде-

юсь, удовлетворят суд беспристрастный, а теперь мне не до того. Скажу только, что память твоя, мне кажется, иногда тебе изменяет на счет наших с тобою отношений, а свойственное каждому человеку пристрастие, когда дело идет о себе, утаивает, кажется, от тебя довольно важные обстоятельства. Все мною сказанное может показаться тебе излишним, но в настоящую минуту нашел я очень нужным тебе это сказать. Впрочем, чтение этих строк тебя не утомит. Ты в своем письме приглашал меня к терпению: надеюсь, что ты и сам сколько-нибудь им одарен.

Прошу тебя еще раз убедительнейше возвратить мне письмо Протасова [6] и простить мне, что было на тебя его навязал. Оно мне необходимо нужно для того, чтоб служить вещественным возражением на те толкования, которые без того могли б сохраниться ко вреду моему в памяти людей мне неблаговолящих. После всего того, что я испытал в эти последние два года, смешно бы мне было ожидать какого-нибудь себе добра в будущем; возвращение здоровья возвратило было мне и надежды, столь жестоко и, позволь сказать, столь неуместно тобою осмеянные. Но теперь все пути к лучшему опять предо мною закрылись, жизнь сделалась почти невозможною; вместо участия слышу один хохот людей мне близких; но нельзя же мне не подумать о том, что станется с моей памятью в руках вражды или глупости. Эти безграмотные строки, надеюсь, тебя не оскорбят и не помешают тебе исполнить своего обещания, если действительно ты имел это намерение. Впрочем, всякий путь, ведущий к концу, каков бы он ни был, [будет для меня желанным]. Благодаря Бога я здоров; болезнь не омрачает более взора моего. С полным сознанием совершенной невозможности предупредить или ускорить развязку своего странного положения, ожидаю ее почти с равнодушием.

Поздравляю тебя с новым годом.

Сердечно тебе преданный брат твой Петр.

1 февраля. По сие время без ответа.

Марта 17 [7].

163. В. Ф. Одоевскому

Басманная, 5 января.

Вот, дорогой князь, письмо к нашему другу Вигелю, которое я попрошу вас приказать переслать ему как можно скорее. Эта милейшая особа написала мне, не сообщив своего адреса, которого здесь никто не знает. Чтобы вы могли хорошенько понять, о чем идет дело между сказанным Вигелем и мною, необходимо было бы послать вам его письмо, чего я в настоящую минуту сделать не могу; но в двух словах — дело вот в чем. Какой-то глупый шутник вздумал послать ему на именины мой литографированный портрет, сопроводив его русскими стихами, авторство которых он приписывает мне. Таков мотив его письма, в слащавой и вместе с тем ядовитой путанице которого трудно разобраться. Равным образом невозможно ни понять смысла стихов, ни догадаться, кто их автор [1]. Как бы то ни было, вы видите, что необходимо возможно скорее предотвратить возможные последствия недоброжелательного предположения этого господина, ибо стихи могут вызвать прескверное впечатление, и это — во многих отношениях. Если вам не известен его адрес, то я думаю, что вам могут сообщить его в доме Блудова. Я злоупотребляю вашей дружбой, дорогой князь, но думаю, что вы дали мне на это право. За дружбу можно расплатиться только дружбой. Если эти строки доставят мне удовольствие прочесть ваши, то я буду благодарен неизвестному, подавшему к тому повод. Пишу вам по-французски, ибо не имею времени писать вам на родном наречии, менее послушном моему перу, или менее поддающемуся эпистолярному стилю, затрудняюсь сказать, что из двух. Что касается до вас, то вы имеете достаточно времени, чтобы написать мне на чистейшем русском языке: да, впрочем, если бы и не так, вы все равно на другом бы языке писать не стали.

Может быть, вы найдете какое-нибудь средство прочесть мое послание. В таком случае сообщите мне ваше мнение о нем; я был бы очень рад его знать.

Впрочем, вот что: я велю переписать письмо Вигеля, а также и мое, и вы найдете их оба в одном конверте.

Засвидетельствуйте мое глубокое почтение княгине, память о благосклонном участии которой я свято храню.

Я полагаю, что вы не сомневаетесь в моей неизменной и искренной преданности.

Петр Чаадаев.

164. Ф. Ф. Вигелю (начало января)

М. Г. Филипп Филиппович.

Портрета своего я вам не посылал и стихов не пишу, но благодарен своему неизвестному приятелю, доставившему мне случай получить ваше милое письмо. Этот неизвестный приятель, сколько могу судить по словам вашим, выражает собственные мои чувства. Я всегда умел ценить прекрасные свойства души вашей, приятный ум ваш, многолюбивое ваше сердце. Теплую любовь к нашему славному отечеству я чтил всегда и во всех, но особенно в тех лицах, которых, как вас, общий голос называет достойными его сынами. Одним словом, я всегда думал, что вы составляете прекрасное исключение из числа тех самозванцев русского имени, которых притязание нас оскорбляет или смешит. Из этого можете заключить, что долг христианина, в отношении к вам, мне бы не трудно было исполнить. Сочинитель стихов, вероятно, это знал и передал вам мои мысли, не знаю, впрочем, с какою целью; но все-таки не могу присвоить себе что вы пишете, тем более, что о содержании стихов могу только догадываться из слов ваших. Что касается до желания одной почтенной дамы [1], о котором вы говорите, то с удовольствием бы его исполнил, если б знал ее имя.

В заключение не могу не выразить надежды, что русский склад этих строк, написанных родовым русским, вас не удивит, и что вы пожелаете еще более сродниться с благородным русским племенем, чтобы и себе усвоить этот склад.

Прошу вас покорнейше принять уверение в глубоком моем почтении и совершенной моей преданности.

165. А. Е. Венцелю

Басманная. Января 25.

Сердечно благодарю вас, любезнейший Антон Егорович, за предоброе письмо ваше. Я сам на днях собирался писать к вам, скажу после по какому случаю, а теперь

дайте поговорить с вами о вашем житье-бытье в Курске[1]. Неужто эта невыносимая жизнь должна продлиться? Не могу этому поверить. Мне кажется, вам бы это было вредно не только в нравственном отношении, но и в физическом. Я вас прошу покорнейше написать мне, что имеете в виду, какие ваши надежды и желания. Почем знать, может статься, какой-нибудь счастливый случай, какая-нибудь неожиданная встреча дадут мне возможность вывести вас из этого положения. Стану ожидать уведомления вашего, а между тем не перестану искать случая служить вам по силам и по умению.

Вот по какому случаю хотел было писать к вам. Бартенев[2] портрета не получал и на вас гневается. Я бы мог ему дать другой, но как-то совестно навязывать свое изображение особенно на такого человека, каков Бартенев. К тому же с каким-то другим заблудившимся портретом моим случилось на днях странное приключение, которому Бартенев может статься не чужд. В день имении своих старый недоброжелатель мой Вигель получил мой портрет с какими-то стихами, за что благодарит меня на свой лад, приписывая мне эту глупую шутку и поздравляя меня с тем, что научился по-русски. Полно, не шутка ли это Бартенева? Если вы портрета ему назначенного не увозили, то таким образом загадка могла бы разъясниться[3]. Вот, впрочем, последние слова письма моего, из которых вам немудрено будет заключить о содержании всего письма:

«В заключение не могу не выразить надежды, что русский склад этих строк, написанных родовым русским, вас не изумит, и что вы пожелаете еще более сродниться с благородным русским племенем, для того чтобы и себе усвоить этот склад».

Ефимовича[4] знал я лет десять тому назад; с тех пор совершенно потерял из виду и очень желал бы знать, в каком теперь находится положении. Он много обещал; особенно любил я его за строгую последовательность ума, столь редкую между нами. Что-то из того вышло? Сколько людей даровитых, с златыми надеждами, с пышными обещаниями прошло мимо меня, которым с любовью подавал руку, и скрылось в туманной неизвестности, несмотря на бесчисленное множество путей к достижению всех прекрасных целей жизни, проложенных по земле русской, несмотря на мудрые законы, под сенью которых мы благоденствуем, несмотря на благодатные верования,

вас озаряющие! Грустно подумать, как мы, счастливые избранники Провидения, мало умеем пользоваться всеми благами, щедрою его рукою излитые на благополучную страну нашу! Если увидите Ефимовича, то поклонитесь ему от меня и узнайте, как на свете пробивается. Но пуще всего пишите о себе, чего желаете, чего надеетесь. Иной радости, иного утешения давно в жизни не ведаю, кроме того как любить меня любящих и по возможности служить им.

Не стану уверять вас в дружбе своей и преданности, в которых, конечно, не сомневаетесь.

166. С. Д. Полторацкому (февраль)

Не знаю, друг мой, есть ли у вас хорошая копия *моего письма Вяземскому*[1]. Во всяком случае, вот копия, которую я вам дарю на память обо мне. Вы можете показать ее сильным мира сего, как и другую бумагу, которую я дал вам вчера[2], *и чем раньше*, тем лучше; однако, не приписывайте мне инициативы. Как видите, мне не терпится попрощаться с этим лучшим из миров. Кто знает, что станется с моими бумагами после моей смерти, если только вы не согласитесь приютить их у себя, как вы приютили их автора в своем добром сердце. Сегодня вечером я обещался быть у фермера-аболициониста. Обедаю я у Шиповых, на другом краю города, поэтому не знаю, смогу ли быть и у него. Однако, если в течение дня мне станет известно, что там будет исключительно мужское общество, я постараюсь приехать, чтобы застать там вас. В противном случае извинитесь за меня. До завтра.

167. С. Д. Полторацкому

Басманная. 16 августа.

Вам известен, добрый друг мой, ближайший результат услуги, которую вы мне оказали[1]; и если он почему-нибудь не был вам известен, вы узнаете о нем из этих строк; но вам неизвестны все ее прямые и косвенные последствия. Сейчас я слишком спешу выразить вам еще раз свою признательность, чтобы говорить о чем-нибудь другом: стало быть, более подробную информацию я сообщу вам в следующий раз. Если недели через две вы еще не вернетесь, то, вероятно, получите целый том[2] —

плод нравственного и физического здоровья, которым я вам обязан, и найдете в нем предчувствие, если не программу будущего, ставшего возможным благодаря вашей дружбе. Сердце мое переполнено любовью, почтением и признательностью вам, друг мой: остаток дней моих я посвящу доказательству этого! Да будет мне дано исполнить то, к чему я так стремлюсь! Ничто столь убедительно не доказывает божественное совершенство христианских доктрин, как их влияние на непокорные им натуры. Философия сама по себе никогда бы не достигла результатов такого рода. Христианином являешься не по своей воле, в христианство погружаешься, не отдавая себе в том отчета. Так Спаситель пришел в этот мир. Сократ и Марк Аврелий были не более чем пакостниками по сравнению с порядочным человеком нашего времени и выказывали лишь поползновения к добродетели.

Жду первых дней сентября, чтобы узнать наверное, чего мне ожидать в дальнейшем. В это время года я обычно получаю очередное письмо от брата и я уверен, что на этот раз речь в нем пойдет о нашем деле [3].

Сообщите мне тем временем о ваших домашних делах, которые, как вы знаете, я принимаю близко к сердцу.

Обнимаю вас от всей души.

Вот уже неделя как я написал это письмо. Не спрашивайте меня, почему оно до сих пор не отправлено. Это печальное следствие потрясенного (bouleversée) существования. Я только что получил ваше письмо. Прежде чем распечатать его, отошлю свое на почту. Со следующей почтой ждите моего ответа.

Нежный сердечный привет кому следует.

168. Н. В. Сушкову

Спешу уведомить Ваше Превосходительство, что по препоручению Вашему, просил Гедеонова поставить пиэсу Вашу [1], и что он обещался исполнить желание Ваше. Манускрипт, кажется, находится еще в Петербурге; потому, полагаю, что нужно будет с Вашей стороны принять меры для исполнения желаемого дела. Что же касается до меня, то с усердием готов исполнить дальнейшие наставления Ваши.

Совершенно преданный Вам
Петр Чаадаев.

169. Н. В. Сушкову

Гедеонов уехал; но вероятно, приехавши в Петербург, и увидав, что манускрипта Вашего там нет, напишет ко мне, чтоб прислать отсюда печатный экземпляр. Впрочем, если прикажете, то напишу ему сейчас, с настоятельной просьбой, чтоб не медля исполнил свое обещание[1]. Между тем, может быть, найдете случай другим путем подвинуть здесь дело, и я остаюсь к Вашим услугам.

170. А. М. Гедеонову

Басманная. 22 сентября.

Вскоре после последнего свидания нашего, любезнейший Александр Михайлович, просил меня Сушков уведомить тебя, что манускрипт его был ему возвращен, следовательно, в дирекции не находится, и поручил мне доставить тебе печатный экземпляр своей комедии. Между тем узнаю, что тебя в Москве уже нет. Хотя и уверен, что обещание свое честно исполнишь, то есть и без того дашь этому делу надлежащий ход, однако ж все-таки прошу тебя покорнейше уведомить меня, что по приезде твоем в Петербург на этот счет учинено, и нужно ли мне отправить комедию Сушкова к тебе или здесь представить в дирекцию? Впрочем, совершенно полагаясь на твою обязательную дружбу, очень рад случаю выразить тебе свою искреннюю признательность за прежние и обещанные милости.

Душевно преданный тебе Петр Чаадаев.

171. Е. А. Долгоруковой

Басманная, 22 января
(2 марта)

Да, сударыня, *давайте избегать бурных вопросов,* давайте даже избегать, если это возможно, любого серьезного обсуждения. Будемте жить, как наши блаженной памяти предки, в молчании умственном и словесном. Но что же я говорил? Что, по-моему, слова Божьи: «*Царство мое не от мира сего*»[1], были плохо поняты, что смысл, слишком часто им приписываемый, отнюдь не соответствует просьбе, обращаемой нами к Богу в Отче наш, где

мы молим его, чтобы *воля его была и на земле, как на небе*[2]: что поэтому нам не следует ставить в укор римской церкви то, что она не встретила препятствий в своих усилиях обеспечить своему великому главе престиж или опору светского скипетра. Заметьте, что спор о светской власти ‹римских› пап был начат отнюдь не греческой церковью, а новейшими протестантами, детьми XVIII века и предшественниками сегодняшних мудрецов. Это они первыми открыли, что Иисус Христос подразумевал в этих словах небо, что царствие Божие, как и его Церковь, есть царствие невидимое, что Бог желает править лишь в сердцах людских и прочее в том же роде. Греческие отцы ‹церкви› на Флорентийском соборе[3] ничего подобного не говорили. Их главным образом занимали знаменитые слова filioque (в символе веры)[4], это роковое преувеличение христианского чувства, которое приписывает Иисусу Христу заслугу, ему не принадлежащую. Что касается папы, оспаривалось его первенство, а не его главенство, которое все находили вполне естественным, потому что все находили его вполне полезным, и более, чем кто бы то ни было, блистательный гость Евгения IV, *православный император*, приехавший в Италию, чтобы молить его о помощи против турок, разбивших лагерь у ворот Византии. Царствие Божие, несомненно, устроено совсем по-другому, чем те, которые существуют в этом мире, особенно по сравнению с некоторыми из этих царств, и конечно именно это Иисус Христос и хотел сказать; для того, чтобы способствовать его установлению на земле, папы должны были действовать отнюдь не как земные цари, а как духовные вожди христианства, как живое выражение церковного единства, как иерархический символ религиозного начала, царящего над всеми другими принципами этого мира; даже не как преемники апостолов, не как наместники Иисуса Христа правят они ‹папы› в городе Цезарей, а просто потому, что история того захотела в интересах церкви, общества, цивилизации. Это, возможно, ошибка со стороны истории, но, однако, ошибка не без определенной правдоподобности, которая, верю, не вызовет сочувствующей улыбки у умов серьезных, знакомых как с летописями народов Запада, так и с летописями нашей страны. Я знаю, что именно в этом заключается точка зрения, которую называют гуманной; но, признаюсь, я никак не

могу представить себе, как иная точка зрения сумела бы найти воплощение в этом мире, если бы в средние века общество вдруг разрушилось,— что церковь более духовная, более покорная властителям земли, более, наконец, совершенная, возможно, и не смогла бы предотвратить.

Слишком часто забывают о задаче, стоявшей перед христианством на Западе, о силах, с которыми ему надо было там бороться. Не замечают, что не догмат и не честолюбие некоторых старых священников построили там церковь, а настоятельная потребность целого нарождавшегося мира, победоносных племен, которые воцарились на дымящихся развалинах мира, и самих этих руин, все еще всемогущих своим пеплом и прахом; что даже если *«церковь устроилась там как царство мира сего»* [5], это было потому, что она не могла поступить по-другому, это было потому, что ее великим призванием в этом полушарии христианского мира было спасение общества, которому угрожало варварство, подобно тому, как в другом (полушарии) ее великим призванием было спасти догмат, которому угрожало гибельное дуновение с Востока и изощренный ум греков; что папа не отправился в Aix-la-Chapelle *, чтобы возложить императорскую корону на голову Карла Великого, но что последний прибыл в Рим, чтобы получить ее из его рук [6]; наконец, что отнюдь не папство создало историю Запада, как, похоже, считает наш друг Тютчев, но что, напротив, именно история создала папство.

Благословим же небо за то, что оно поставило восточную церковь в самые благоприятные в мире условия для того, чтобы жить в христианском смирении и его проповедовать, но не будем слишком строго обвинять западную церковь в честолюбии, ибо кто знает, что стало бы с восточной, окажись она в подобных условиях: возьмите пример нашего знаменитого Никона [7].

Те, кто считают светскую власть несовместимой с духовными обязанностями священнослужителя, хорошо бы, по-моему, сделали, если бы смогли доказать нам это подругому, чем без конца повторяя нам слова Иисуса Христа, но не учитывая мысли, выраженной в них и не пытаясь согласовать их с прочими высказываниями Писания,

---

* Нынешний Аахен, излюбленная резиденция Карла Великого.

в которых идея царства божия выражена более точно. Более того, как вы знаете, эту несовместимость так мало чувствовали в прошлом, что папы были далеко не единственными самодержавными монархами, носившими и митру, и корону. И вот странная вещь! Сегодня иная церковь представляет нам зрелище странное духовного лица, имеющего власть над племенем диких воинов, и тем не менее даже самые пылкие защитники отделения церкви от светской власти не оскорбляются этим. Более того, именно из рук самой священной коллегии, славной наследницы тех великолепных патриархов, чья причудливая великодержавная деятельность построила дух, престол, исчезнувший уже на следующий день [8],— из рук одного из блистательных светил восточной церкви, получил воинственный прелат священный сан и драгоценное облачение, отличительный знак своего достоинства [9]. Факт этот, взятый сам по себе, действительно является, как вы с основанием заметили, исключением в лоне этой церкви, но, к несчастью, исключением, которое объясняется чувством удовлетворенности, не имеющим с ее стороны серьезного основания и заставляющим сомневаться в том, что человечество, как и сама эта церковь, когда-нибудь от этого факта выиграют.

Светская власть римских первосвященников в основе своей есть не что иное, как историческое следствие, с которым они сначала мирились, которое они потом приняли, которым они, следуя вечным законам человеческой натуры, затем злоупотребляли, но которое ничего общего не имеет с самим принципом римской церкви и за которое история несет полную ответственность: эта власть лишь одеяние, в которое облачено их духовное первенство, одеяние, которое сочли необходимым самые значительные и благочестивые умы Запада, и вообще весь Запад, для сохранения высшей власти наследников св. Петра и влияния, которое им было суждено иметь в мире [10].

Наконец, очевидно, что точка зрения, которую вы защищаете и против которой мы боремся, есть точка зрения протестантов, а отнюдь не греческой церкви, которая вполне равнодушна к этому вопросу. Бури, поднятые этим вопросом, не там бушуют. Но вот, что могло бы их действительно вызвать, если *нежному ветерку*, нас обдувающему, не было бы суждено хранить на нашем небе,

как и в наших сердцах, очаровательный и вечный покой. Например, если предположить, что мы видим в самих словах спасителя противоречие, тогда как, напротив, с болью утверждаем, что они истолкованы превратно; если отвергнуть все правила свободного, открытого, доброжелательного обсуждения; если в каком-то отношении неправильно понимать самый дух нашей церкви, столь терпимой ко всем мнениям, которые не нападают прямо на божественный догмат, попечительство над которым ей вручено; наконец, если стремиться быть более православным, чем сама православная церковь.

Вот что, без сомнения, могло бы наполнить спор раздражением, перенести его на ту нечистую почву личностей, грязь которой не преминет испачкать несчастных, позволяющих себе в ней завязнуть: что, к сожалению, слишком часто является следствием нашей непривычки к серьезным дискуссиям, жертвами которой, надеюсь, сударыня, ни вы, ни я никогда не станем.

Если хотите, ошибка того же рода, и, добавлю, ошибка, роковые последствия которой ни один народ не смог бы оценить лучше, чем наш, ибо именно потому, что мы в нее не впали, мы имеем возможность воспользоваться благами, которых остальные христианские народы лишены; но ошибка тем не менее вполне простительная, поскольку из-за нее мы получили возможность обрести массу полезных знаний, сохраненных благодаря ей, и даже, в какой-то степени, знаний, ею порожденных, которые человечество получило от народов, в ней пребывавших.

Отметим мимоходом, что эти народы находились далеко не в тех логических условиях, что народы античности, которые придумали гуманитарные науки (science humaine). Эти последние не знали истины: современные народы Запада, напротив, ее не признают, отвергая существенную ее часть, быть может, самую существенную, согласно которой устроено христианское общество, то есть та среда, где идея христианства должна найти свое воплощение и достичь расцвета. Роковое ослепление, которое должно было неизбежно исказить разум и обессилить его. К счастью, на деле было не так: слепота не привела их к полному бесплодию. Милосердное небо позволило этим ослепленным племенам узреть некоторые истины, несомненно на благо другим, менее грешным племенам. Пусть благо-

словенные народы, обладатели истины в последней инстанции, сохранят, как и их заблудшие братья, всю энергию, всю деятельность своего разума и в один прекрасный день сторицей воздадут этим последним знания, полученные от них!

172. Е. А. Долгоруковой

Басманная, 6 октября 1850 г.

Полагаю, сударыня, что теперь вы уже прочитали возражение г-на де Ларошжаклена [1], о котором я вам как-то говорил. Это произведение, сказал я, по-моему, представляет особый интерес для нас, русских, и затрагивает вопросы, которые мы часто обсуждаем между собой. А теперь позвольте мне изложить вам размышления, которые оно у меня вызвало. Предупреждаю, что мы вступим на раскаленную почву, но, надеюсь, нам удастся пройти по ней и не прожечь башмаков.

Г-н де Ларошжаклен опирается на известное высказывание Массильона. Приведу это высказывание целиком: его стоит перечитать в том виде, в каком его слышали из уст сего христианского оратора. Вот какими словами изъяснялся скромный клермонский епископ в Версале, в присутствии преемника Людовика XIV, того самого короля, который сказал: «Государство — это я»:

«Но, государь, властелин, великий мира сего существует не только для себя самого, он имеет обязательства перед своими подданными. Народы, возвысив его, доверили ему власть и получили право на его заботу, время и бдение. Ведь это народы целиком и полностью создали королей. Да, сир, именно по выбору народному скипетр оказался в руках Ваших предков. Это народ вознес их на щит и провозгласил государями».

«Королевство переходило впоследствии по наследству их преемникам,— так повелось искони и по добровольному согласию нации. Они занимали трон благодаря самому своему появлению на свет, но первоначально врожденная эта прерогатива была им присвоена с согласия общества. Одним словом, поскольку у истоков королевской власти стоим мы, короли должны ею пользоваться лишь в наших интересах» [2].

Что вы об этом скажете, сударыня? Не находите ли вы, что королям полезно и необходимо услышать иногда подобные речи, доносящиеся изредка из среды льстецов, царедворцев и лакеев, их окружающих? Не думаете ли вы, что Бог истинный, обзаводясь служителями, хотел, чтобы они доводили его слова во всей их силе не только до слуха народа, но и до его властелинов? Смею надеяться, что ваша серьезная и искренняя вера не помешает вам с этим согласиться. А знаете ли вы, что нужно для того, чтобы священник мог говорить такие вещи? Нужно, чтобы церковь была свободной, чтобы ни снаружи, ни изнутри она не повиновалась никому, кроме себе самой, то есть Иисусу Христу, всегда сущему в ее лоне. А что же делать, чтобы установилось такое положение? Можете ли вы указать средство, отличное от того, которое нашли западные народы, опираясь на свою историю, престиж Рима, наследство князя апостолов и с помощью присущего им логического ума? Ведомо ли вам иное решение этой великой проблемы, чем наличие видимого главы, независимого от всякой человеческой власти, подчиняющегося лишь самому себе,— живого выражения общности церкви и ее власти в тех неизбежных промежутках, когда она не может поднять голос, дабы провозгласить свою священную и непреклонную волю? Что до меня — мне оно неведомо. Разве все богословские, догматические, канонические и другие соображения не бледнеют перед этим высшим соображением независимости церкви? Разве вся власть семи вселенских соборов не меркнет перед этой властью, первейшей изо всех, поскольку она предполагает существование церкви, которое невозможно постичь, если она не обладает полной свободой? Вот в чем заключается вся проблема filioque [3], сведенная к самому простому ее выражению. Речь идет именно о filioque. Церковь или, если хотите, та часть церкви, где идея ее универсальности и единства находит свое глубочайшее выражение, где необходимость этой идеи воспринимается как нельзя более непосредственно, захотела, чтобы ей добровольно подчинялись в лице ее главы — вот и все,— ибо она хотела быть независимой, суверенной, свободной от всех препятствий, чинимых людьми,— и все это в интересах истины, религии, человеколюбия, вверенных ей самим Иисусом Христом; ибо она не захотела находиться в зависимости от прихоти каждого случайного власте-

лина, каждого, кто сам себя провозгласит господином себе подобных. Таковы были римское властолюбие и стремление к узурпации, явившиеся в конечном счете, как известно, не чем иным, как естественным следствием серьезного отношения народов Европы к решению самой серьезной в мире проблемы, неизбежным развитием религиозной идеи в обществе, то есть в той самой среде, где должны были проявиться все ее результаты, все ее последствия. Безусловно,— и этого никто никогда не отрицал,— удивительная судьба римской церкви, созданная природой вещей, историей и религией, должна была вызывать у нее соблазн злоупотреблений, и несомненно, что человек слишком часто вмешивался в ее дела, что интересы земные неоднократно переплетались здесь с интересами небесными, но не менее очевидно, что претерпев все трудности судьбы, навязанные церкви в одной из частей христианского мира, человечество в общем и целом извлекло из них большую выгоду, получило несравненную возможность упражнять разум, приобрело высокое уважение к власти мысли, зародыш глубокого презрения ко всем беспощадным общественным силам, возвышенное стремление к тем далям, откуда на землю проистекает истина и благодать,— всего этого не было бы, если бы духовная власть не установилась как высшая независимая и неограниченная сила на самой верхушке общества, если бы она обреталась в прихожей у власти светской.

Наконец, даже если разделять точку зрения на церковь протестантов, которые считают ее просто объединением верующих, или же точку зрения римской церкви, согласно которой она представлена своим духовенством,— в любом случае необходимо, чтобы она могла свободно мыслить, действовать и особенно проповедовать так, как ей нравится; именно это и недостижимо без наличия конституции, которая гарантировала бы ее от посягательств земных владык.

Но, быть может, сударыня, вы бы предпочли, чтобы безгласная, углубленная в свои обряды, склонившая голову перед политическими властями церковь ничуть не смела поучать великих мира сего, чтобы она имела или не имела право голоса по воле этих людей, всегда стремящихся, как вы знаете, узнать правду; чтобы самые красноречивые, самые блестящие и святые служители хирели из-за каприза, неспособности, корысти этих самых

людей; быть может, вы находите, что для распространения слова Божьего нет необходимости в полной свободе, что она должна быть ограничена людской волей; возможно, вы полагаете, что проповедь отнюдь не является необходимой принадлежностью преемников апостолов, что церковь Иисуса Христа, созданная словом, теперь в ней не нуждается, что отныне она вполне может без таковой обойтись во имя наибольшего благополучия верующих и вящей славы Господа; что она, наконец, может жить полной жизнью, исполнять все свои святые обязанности, достигать всего, несмотря на то, что ей заткнули рот, подавили вдохновение, извратили ее права. Если бы оказалось, что вы придерживаетесь такого мнения, мне было бы не о чем с вами говорить и осталось бы только внутренне взывать к тому духу, который Иисус Христос ниспослал на землю, *«хотя он исходит и не от него»*, для того, чтобы он озарил ваше сердце и вернул на путь истинный ваш заблудший дух.

Но я очень надеюсь, что все это не так и что вы, как и я, убеждены в том, если в каком-нибудь безвестном уголке земного шара и существует некая христианская община, низведенная до столь жалкого состояния, таковой никогда не будет участь истинной церкви Иисуса Христа, церкви вселенской и православной, к которой мы имеем счастье принадлежать.

Еще одно соображение. Говорили, что Евангелие утверждает, будто Дух исходит от отца; это так, но где сказано, что он не исходит от Сына? Почему, спрашивается, первое исключает второе? Разве Иисус Христос не разделяет со своим отцом все его титулы за исключением отцовского звания [4]? Почему же он не может разделять с ним также и того титула, в силу которого Святой Дух исходит от отца? Но, говорят мне, вы, верно забыли, что до восьмого века и сама римская церковь вовсе не утверждала, что дух исходит от Сына [5]. Конечно, не забыл; ну, а вы помните, что она также отнюдь не утверждала до Константинопольского собора, то есть до четвертого века, что он исходит от отца [6]? Суть в том, что символ веры составляют лишь тогда, когда возникает какая-либо ересь; итак, поскольку участие Сына в происхождении Духа Святого до восьмого века никогда не оспаривалось, было совершенно ни к чему упоминать его в символе веры, вот и все.

Хотите, я коротко изложу вам всю историю filioque? Вот она: испанские раскольники, наследники тех ариан, которые отрицали божественность Иисуса Христа [7], вздумали однажды поставить под сомнение его участие в происхождении Святого Духа, которое, как мы знаем, никто до сих пор не доказал и не оспорил. Церковь, как полагается, сначала колебалась прежде чем высказаться за это нововведение, которое еретики сделали необходимым, и Лев III повесил в храме Святого Петра знаменитые серебряные скрижали с древним символом веры по-гречески и по-латыни; но желая воздать Иисусу Христу надлежащие почести, церковь вскоре включила слова filioque в символ веры [8], будучи вначале уверена, что предоставляя верующим новую возможность прославлять божественное имя Сына Божьего, она ничем не обидит Бога; затем,— что текст в ее глазах имеет лишь условное значение по той причине, что всей своей канонической значимостью она обязана лишь себе самой; что, наконец, вселенская церковь никогда не утратит своих прав, что она до скончания веков будет пользоваться всеми преимуществами, всеми наущениями церкви изначальной. В это время два принципа, которые во все времена властвовали над миром,— идея и форма, мысль и ее выражение, более или менее несовершенное,— должны были объединиться на новой почве, там, где все серьезные интересы человечества проявлялись со времени пришествия Спасителя; и в тот решительный момент, когда они, наконец, объединились, идея, однажды проявившись обычным для разума способом, не могла более отступать, не могла более отказаться от власти; она могла лишь пойти на некоторые уступки в пользу объединения, что она не преминула сделать, предугадав, впрочем, что ее обвинят в непоследовательности за этот акт братского человеколюбия те самые люди, которых она намеревалась этим облагодетельствовать. Писание, в свою очередь, обнаружив себя на дневном свету, не могло уже впредь отрекаться от самого себя.

Итак, обе христианские семьи продолжали играть каждая свою роль. Одна из них стала дерзко противоречить писанию и не побоялась приписать Иисусу Христу титул, который ему обычно в то время не приписывали, но который, как она считала, ему принадлежит, согласно смыслу священного текста; другая же, более осторожная,

более верная букве Писания, отказала ему в этом имени и назвала схизматиками тех, кто, по их мнению, придавал слишком большое значение Спасителю, кто осмелился усугубить его величие, умножить причины, по которым ему поклоняются. Таков ход истории. Что из этого следует? Конечно, то, что преувеличенная любовь к Господу [9] смутила веру европейских народов, и что мы все еще придерживаемся буквальной истины евангелической доктрины благодаря нашей приверженности священным текстам. Возблагодарим небеса за то, что они наградили нас верой более сдержанной, чем наших западных братьев, и будем надеяться, что Бог соизволит простить им их заблуждение благодаря их пылкой любви к его возлюбленному Сыну.

Отдаю эти размышления, сударыня, на суд вашей благосклонной учености и заранее подчиняюсь вашему приговору. Надеюсь, что вынося его, вы будете руководствоваться благочестивой терпимостью, которая издавна отличает нас от всех других народов, но которая, боюсь, вскоре станет драгоценным достоянием лишь немногих избранных, таких как вы!

173. М. А. Дмитриеву

Басманная. 29 октября 1850.

Извините, почтеннейший Михаил Александрович, что замедлил отвечать на милое письмо ваше [1]. Искренно благодарю за вашу дружбу; она тем для меня драгоценнее, что вижу в ней наследие незабвенного Ивана Ивановича [2]. Посылая вам свой портрет, вспомнил, что и у него был мой портрет и висел на почетном месте в гостином его кабинете; вот почему думал, что милостиво примете мой нескромный подарок. День ото дня мир около меня скудеет и пустеет; Москва стала для меня тот же Симбирск. Многие из чтимых мною отошли в лучший мир, другие не живут более в Москве. Грустна утрата неставших, грустна и разлука с живыми, но тем отраднее дружеское приветствие, посетившее нас издалека. Скажите, зачем люди друг другу потребные, не живут в одном месте, зачем мы должны скитаться между существами, нам ни к чему не нужными и которым и мы ни на что не надобны; почему мы лишены удовольствия делить

мысли с теми, которые и сами нашли бы, может быть, некоторое удовольствие общить с нами свои чувства? Прекрасен божий мир, мир послушный богу; но мир, созданный своеволием человека и во всем богу непослушный, право никуда не годится. Что тут, например, хорошего, что вы живете в какой-то Симбирской губернии, а я все-таки на Басманной? Не гораздо бы лучше было, если б вы по-прежнему жили у Смоленского рынка, хотя и это уже было от меня довольно далеко? В наше премудрое время не велят желать лучшего, велят довольствоваться настоящим, и это по моему мнению очень благоразумно, особенно если настоящее так светло и прекрасно, как у нас; но желать возвращения к прошлому не воспрещается даже и у нас; и потому не имею в настоящее время живейшего желания, как видеть вас опять на Смоленском рынке, вот моя утопия.

Но что же сказать вам про нашу любимую Москву? На улицах, как всегда бывает в эту пору, мостят мостовую, а по большей части не мостят, предоставляя зиме покрыть ее неудобства, на углах стоят буточники, но по большей части не стоят, а скрываются в бутках, или сидя спят, ночью иногда горят фонари, но по большей части не горят, в ожиданьи или в память месяца. Впрочем, все находят, что благодаря попечительному начальству все идет в городе гораздо лучше прежнего, и я вполне разделяю это мнение, уверен будучи, что если и нет теперь на то ясных доказательств, то они, конечно, обнаружатся впоследствии самым решительным образом. Успех особенно ощутителен в кругу общежития и умственности, и этому, кажется никаких доказательств не нужно, [это бросается в глаза][3]. К тому же об этом предмете доносит вам, вероятно, М. П. Погодин печатным образом; стало быть, мне уже и не приходится вам об этом доносить. Приезжайте-ка лучше сами сюда; все увидите собственными глазами, и тогда разделите с нами наши радости и надежды.

174. А. Я. Булгакову

Благоволите, дорогой патрон, прислать мне номер J. des Débats за 5 сентября. В этом номере напечатано окружное послание Константинопольского патриарха[1]. В награду за вашу любезность я укажу вам статью в

одном Обозрении, где говорится[2] о вашем зяте[3] и о Шамиле (?), и еще о многих других интересных вещах. Надеюсь, вы сообщите мне завтра, что вам удалось узнать о Блудове[4] и что мы сможем на днях нанести ему визит.

Всегда весь ваш. П. Чаадаев *

Вторник.

175. А. А. Закревскому (не ранее 1850 г.)

М. Г. граф Арсений Андреевич.

Спешу ответить на письмо Вашего Сиятельства следующим объяснением. Вступив в 1846 году, по приглашению некоторых членов, в Московское художественное общество[1], я за первые два года внес следуемые по званию члена деньги; но потом, убедившись, что кроме ничтожной вещественной прибыли, никакой иной пользы доставить ему не могу, особенно при совершенном, всем известном невежестве моем в деле художества, прекратил я свое приношение, не имея никакого понятия, подобно многим другим членам, о той статье устава, о которой Ваше Сиятельство упоминаете.

Ваше Сиятельство, приняв в соображение вышесказанную причину моего удаления из общества, конечно, освободите меня от отяготительного взыскания, но я уверен, что и совет вполне оценит основательность этой причины и бесполезность мою в среде общества; тем более, что если б он желал сохранить меня и прочих членов, находящихся в одном со мною положении, то, конечно бы, напомнил нам при первой недоимке о статье устава, требующей формального отказа для выхода из членов, или теперь, вместо того, чтобы утруждать начальство, удостоил нас прямым уведомлением, с тем верным чувством приличия, которое принадлежит просвещенным любителям изящного. Впрочем, всякому предписанию Вашему беспрекословно повиноваться буду.

Примите, Ваше Сиятельство...

---

* В оригинале подпись по-русски.

176. М. П. Погодину

Письмо моего незабвенного друга получил [1], и очень рад, что Вам им угодил. В мое с ним время умели писать по-французски и по-русски: не знаю, как нынче? Много чего есть у меня, что могло бы Вам пригодиться для неантикварских Ваших трудов [2], но как-то общение у нас не ладится. Подождем железных дорог; может быть, тогда как-нибудь встретимся. Кстати или не кстати: прошлый раз позабыл Вас поблагодарить за разбор павловской диссертации [3].

Вам душевно преданный
П. Чаадаев.

Пятница.

177. С. Д. Полторацкому

Что я сказал? Что, по-моему, неверно были поняты слова Господа: *царство мое не от мира сего* [1*]; что смысл. который им обычно приписывают, совершенно не соответствует молитве, обращаемой нами к Богу в Отче Наш, когда мы просим, чтобы *его царство настало на земле, как и на небесах* [2*]. Заметьте, что спор о светской власти пап начала не греческая церковь, а протестанты, точнее современные протестанты, последователи философов восемнадцатого века и отцы рационалистов нашего времени. Именно они первые стали объяснять, что Иисус Христос, говоря эти слова, имел в виду небеса, что царство Божие есть царство невидимое, как и его Церковь, которая по замыслу Божию должна Господствовать лишь в сердцах людей, и тому подобные вещи. Отцы Флорентийского собора [3*] ничего не сказали об этом; у папы оспаривали его первенство, а не его земную власть, которую все находили совершенно естественной и почти все полезной. Царство Божие, несомненно, будет не таким, как царства земные, как некоторые царства в частности; но и папы должны были способствовать его созданию на этой земле не так, как государи земные. Они правят в Риме совсем не так, как должно наместникам Христа, иереям. Это происходит отчасти потому, что так развивается история в интересах общества, Церквей, цивилизации. Тот, кто считает земную власть несовместимой с характером священнослужителя, должен взять на себя труд доказать

нам это каким-нибудь иным образом, чем повторяя из года в год слова Иисуса Христа и не отдавая себе хорошенько отчета в их значении. Эта несовместимость, впрочем, была раньше настолько мало распространенной, что, как Вам известно, папы были далеко не единственными земными правителями, носящими митру и венец. Да и в наши дни мы знаем одного епископа, который от имени другой церкви правит в Монтенегро, разбойничьем гнездовище, причем самые пылкие защитники несовместимости ничуть не чувствуют себя оскорбленными [1]. Конечно, подобный единичный факт является исключением для этой церкви, но также неоспоримо, что такое исключение совершенно ни к чему человечеству. Следовательно, земное правление римских первосвятителей есть не что иное, как исторический факт, как внешнее выражение их духовного первенства, которое самые дерзкие умы и священнослужители Запада, как и весь Запад в целом, считали необходимым для сохранения верховной власти наследников Св. Петра, для поддержания мирового влияния, которое они были призваны осуществлять. Получается, что Вы защищаете, а мы оспариваем точку зрения церкви протестантской, а отнюдь не греческой, совершенно равнодушной к этому вопросу. Тогда возмутительным является другое: искать заднюю мысль там, где ее нет, утверждать, что можно найти противоречие даже в словах Спасителя, тогда как, напротив, мы с болью замечаем их неверное истолкование. Таким образом, спор переходит на нечистую почву личностей, что, впрочем, является вполне естественным следствием нашего неумения вести серьезную полемику и, я бы сказал, отчасти также недостатка учтивости в наших грустных беседах.

«........давайте избегать бурных вопросов, ...» [2]

1851

178. М. Я. Чаадаеву

1851. 9 марта.

Любезный брат, Валерий Левашов, отправляясь отсюда, взялся попросить председателя Нижегородской гражданской палаты кн. Трубецкого, чтобы он поспешил выдать тебе свидетельство. Теперь пишет из Нижнего, что

прошения твоего в палате не получено. Вот слова твои: «*теперь скажу только, что как скоро можно будет получить свидетельство по произведенной в нынешнем году ревизии, то я без малейшей потери времени в гражданской палате свидетельство возьму и сделаю что обещал,— разве тяжкая болезнь, или что-нибудь такое,— задержит*»[1].

Хотя я и писал тебе, что по девятой ревизии до августа месяца свидетельства получить нельзя будет, но теперь тебе, конечно, уже известно, что свидетельства получают и заклады совершаются по последней ревизии без всякого затруднения. Итак, с этой стороны препятствия встретить не мог. Прежде этих строк пишешь в том же письме, что по следующей почте уведомишь о других деньгах. Оканчивая, говоришь, чтобы я был спокоен.

Полагаю, что если бы ты был нездоров и писать не мог, то конечно бы, велел меня о том уведомить. Что же должен заключить? Что ты опять отложил исполнение своего обещания или медлишь его исполнить по неизвестным мне причинам. И то и другое приводит меня в совершенное недоумение.

Слова твои так утвердительны, что основываясь на них, мог обещать людям, которым должен, самую скорую уплату, тем более что действия опекунского совета здесь всем известны. Многим даже для большего удостоверения показывал твое письмо. Между тем, из имевшихся у себя денег иным заплатил, но все еще плачу по пяти копеек с рубля в месяц для того, что по этому делу меня не тревожат. Всякий день выношу оскорбления всякого рода; со всяким днем силы более и более истощаются, несмотря на восстановление здоровья, скоро, может быть, ничего того не в состоянии буду предпринять, что это неожиданное восстановление дозволяло мне предпринять. Квартира моя и все в ней находящееся разрушаются, а переменить нечем. Зимою холод, а летом течь с потолков. Очень бы желал избавить тебя от этих неприятных подробностей, но говорю об них поневоле, зная, что выражения могут опять показаться тебе преувеличенными и навлечь на меня по-прежнему твои насмешки, чего теперь при упорно закрывшемся геморрое, едва ли бы мог вынести без беды.

Не полагаю, чтобы ты был совершенно равнодушен к тому, что меня ожидает, что ожидает каждого в подоб-

ном случае, позор и отчаяние; итак, для собственного твоего спокойствия, кажется, лучше бы было не оставлять меня в недоумении насчет твоих намерений. Ты сам в том согласишься, что отлагать в таком случае исполнение обещания может иногда быть вреднее, чем вовсе не обещать. Теперь есть еще возможность мне помочь, и даже сколько-нибудь исправить мои дела, но когда все силы утратятся, а затруднения возрастут, тогда вряд ли будет возможно.

Может быть, найдешь некоторое противоречие в этих словах с прежними моими словами; несмотря на совершенную нашу преданность воле божией, чувство самосохранения иногда вновь пробуждается, не переставая льстить нас надеждою избавления. Может статься, найдешь также, что дурно выразился: в моем положении и при известной моей безграмотности и то не мудрено. Впрочем, старался сказать одно необходимое.

Сердечно тебя любящий брат твой Петр.

179. В. А. Жуковскому

Басманная, 27 мая.

Многие, может быть, подобно мне, не благодарили еще вас, любезнейший Василий Андреевич, за доставление последних трудов ваших, но немногие, думаю, имеют на то такое оправдание, какое я имею. Вы, вероятно, помните, что оставили меня, тому кажется десять лет назад, в доме, который тогда уже разрушался от ветхости, и по словам вашим, держался не столбами, а одним только духом [1]. С тех пор продолжает он спокойно разрушаться и стращать меня и моих посетителей своим косым видом. Вот одно из тех смешных страданий глупой моей жизни, а их много, которые поневоле отвлекают меня иногда от исполнения приятнейших обязанностей; но все-таки винюсь пред вами, с тем однако ж, чтоб выслушали меня о другом деле, которое пусть служит и выражением моей запоздалой благодарности.

На днях показывал мне Булгаков письмецо ваше о наших проделках с Фанни Элслер. Знаете ли какое впечатление произвели на меня эти немногие строки? Они грустно напомнили мне, что уже никого нет более среди нас, который бы мог хоть посмеяться над нами с некото-

рым *авторитетом,* то есть с пользою. Иных не стало, другие за горами. Таким образом пользуемся мы совершенною безнаказанностью, врем что ни попало на словах и на бумаге, в приятельской беседе и пред публикою. Нельзя сказать, чтоб мы стали глупее прежнего, но нельзя однако ж сказать, чтоб мы стали и умнее. Само собою разумеется, что многое узнали, о чем прежде и слуха не было, но что в том прока, если все это новознание или поражено бесплодием, или выражается на каком-то неслыханном наречии, наводящем тоску на читателя. Цензура не учитель, от нее ничему не научимся, а вкусу и подавно. Пора бы вам к нам приехать: вот к чему идет речь моя [2]. Обещались быть в сентябре месяце, но надолго ли, that is the question *. Если приедете на нас только посмотреть да полюбоваться, то что в этом будет пользы! Нет, приезжайте к нам пожить да нас поучить. Зажились вы в чужой глуши; право грех. Почем знать, может статься, Бог и наградит вас за доброе дело и возвратит здоровье жене вашей на земле православной. Не поверите как мы избаловались с тех пор как живем без пестунов. Безначалие губит нас. Ни в печатном, ни в разговорном круге не осталось налицо никого из той кучки людей, которые недавно еще начальствовали в обществе и им руководили; а если кто и уцелел, то дряхлеет где-нибудь в одиночестве ума и сердца. Все нынче толкуют у нас про направление: не направление нам надобно, а правление. Грамотка без учителей не водится. Самодельных властей у нас развелось много, но лиц с настоящим значением в просвещенном слое общества пока еще не завелось. Разумеется, когда и было у нас начальство, то, к которому и вы принадлежали, то не всегда его слушались: так всегда водилось; но все-таки присутствие людей всеми чтимых, не только за дела ума, но и за свойства душевные, было полезно и научало новичков скромности. Слово это исчезло из нашего новейшего ручного словаря. Приезжайте хоть за тем, чтобы помочь нам отыскать его. Странное дело! Никогда не видано было менее у нас смирения, как с той поры, как стали у нас многоглагольствовать про тот устав христианский, который более всех прочих уставов христианских

---

* Вот в чем вопрос (*англ.*) – слова Гамлета из трагедии Шекспира (*ред.*).

учит смирению, который весь не что иное, как смирение. Вот примет этому. Один из ревностных служителей возвратного движения[3] написал в прошлом году драму[4]. Хороша ли, дурна ли, до этого дела нет; драма написана во славу того быта, которого будто бы сокрушила своенравная воля великого человека, созданного, впрочем, этим же самым бытом; это и довольно по мнению наших приятелей, то есть сочувственников автора. Но вот ее дают на здешнем театре; и что ж! в день представления является в ведомостях статья самого автора, который простодушно указывает на рукоделье свое как на образец настоящей русской драмы. Заметьте, что никого это не изумило, что никто даже и не обратил на это внимания, так оно всем показалось естественным. И немудрено; как вы хотите, чтобы безусловное поклонение одной какой-нибудь мысли, не привело нас к поклонению тому разуму, которому одолжена она своим бытием, хотя бы этот разум и был наш собственный разум, или разум наших приятелей.

[Вот где мы находимся]. Этот автор, впрочем, умный, милый и благородный человек; но надобно же заплатить дань своему времени. Ведь и у нас есть свое время, хотя и не такое беспутное, как ваше бусурманское время.

Не знаю, показывал ли Булгаков письмо ваше нашей графине; кажется, он ей только выписал те строки, которые могли польстить ее авторскому самолюбию. Я взял было его у Булгакова, с тем, чтоб показать ей все письмо по своей старой привычке любить друзей своих, не только для себя, но и для них, но не застал ее дома. Должно однако ж признаться, что *акафист* ее старой плясунье[5] всех порядочных людей возмутил, и здесь и в Петербурге. Я назвал всю эту дурь le culte du jarret *, и спрашивал Ростопчину, как это выражение перевести по-русски, но она не сумела.

На прощанье вторично повторяю свое челобитье о возвращении вашем на родину. Худо детям жить без дядьки. Из этого и взял перо, от которого, как можете видеть, немного поотстал, а то бы не был так многословен. Прошу принять мою болтовню и не по-учительски. Обнимаю вас от всей души и ото всего сердца. Здесь есть

---

* «Культ дрыгоножества» — так можно перевести эту фразу, используя лексику XX в. (*В. С.*).

ваши бумаги, но не успел еще их видеть, хотя они находятся у Красных ворот. Всячески вам преданный Петр Чаадаев.

180. А. Ф. Орлову (июнь—июль)

М. Г. Граф Алексей Федорович.

Слышу, что в книге Герцена мне приписываются мнения, которые никогда не были и никогда не будут моими мнениями [1]. Хотя из слов вашего сиятельства и вижу, что в этой наглой клевете не видите особенной важности, однако не могу не опасаться, чтобы она не оставила в уме вашем некоторого впечатления. Глубоко благодарен бы был вашему сиятельству, если б вам угодно было доставить мне возможность ее опровергнуть и представить вам письменно это опровержение, а может быть и опровержение всей книги. Для этого, разумеется, нужна мне самая книга, которой не могу иметь иначе, как из рук ваших.

Каждый русский, каждый верноподданный Царя, в котором весь мир видит Богом призванного спасителя общественного порядка в Европе, должен гордиться быть орудием, хотя и ничтожным, его высокого священного призвания; как же остаться равнодушным, когда наглый беглец, гнусным образом искажая истину, приписывает нам свои чувства и кидает на имя наше собственный свой позор? [2]

Смею надеяться, ваше сиятельство, что благосклонно примете мою просьбу и если не заблагорассудите ее исполнить, то сохраните мне ваше благорасположение.

Честь имею быть...

181. А. И. Герцену

Москва, 26 июля 1851

Слышу, что вы обо мне помните и меня любите. Спасибо вам. Часто думаю также о вас, душевно и умственно сожалея, что события мира разлучили нас с вами, может быть, навсегда. Хорошо бы было, если б вам удалось сродниться с каким-нибудь из народов европейских и с языком его, так, чтобы вы могли на нем высказать все, что у вас на сердце, всего бы мне кажется лучше

было усвоить вам себе язык французский. Кроме того, что это дело довольно легкое, при чтении хороших образцов, ни на каком ином языке современные предметы так складно не выговариваются. Тяжело однако ж будет вам расстаться с родным словом, на котором вы так жизненно выражались. Как бы то ни было, я уверен, что вы не станете жить сложа руки и зажав рот, а это главное дело. Стыдно бы было, чтоб в наше время русский человек стоял ниже Кошихина.

Благодарю вас за известные строки [1]. Может быть, придется вам скоро сказать еще несколько слов об том же человеке, и вы, конечно, скажете не общие места — а общие мысли. Этому человеку, кажется, суждено было быть примером не угнетения, против которого восстают люди, а того, которое они сносят с каким-то трогательным умилением и которое, если не ошибаюсь, по этому самому гораздо пагубнее первого. [Не примите этого за общее место]. Может быть, дурно выразился.

Мне, вероятно, недолго остается быть земным свидетелем дел человеческих; но веруя искренно в мир загробный, уверен, что мне и оттуда можно будет любить вас так же, как теперь люблю, и смотреть на вас с тою же любовью, с которою теперь смотрю. Простите.

181А. М. И. Жихареву (отрывок)

Вы знаете, что человек, пишущий вам эти строки,— тот, кто любит вас больше всех, а также и тот, кто в ваши годы написал страницы, которые лет пятнадцать тому назад взволновали страну, и, говорят, представляют эпоху в нашей литературной истории.

182. С. Д. Полторацкому (октябрь)

Вот, друг мой, глупая брошюра [1], которую вам нетерпелось получить. Простите меня за то, что я держал ее так долго [2]. Вспомните, однако, что некоторые письма Бенкендорфа вы держали многие годы и что мне насилу удалось получить от вас эти любезные мне автографы.

Вы увидите, что я разрешил себе кое-где поставить на полях крестики; это позволит будущему читателю без труда найти самые глупые места. Советую вам самому перечитать отмеченные строки; вы, безусловно, найдете в

них подтверждение тому мнению, которое вы некогда высказали с такой выразительностью и к которому я, кстати, присоединяюсь беспрекословно и с тем уважением, которое испытываю к вашему авторитету.

К сему прилагаю *Критический журнал.*

183. А. Я. Булгакову

Вам, может быть, покажется странно, что я, после своего преступного поступка, имею смелость просить Вас еще раз мне дать на несколько часов *письмо Жуковского*[1], но, несмотря на это, я все-таки надеюсь, что Вы мне не откажете в моей просьбе. Вы сами меня приучили к своему великодушию. Уверяю Вас, впрочем, что завтра поутру непременно его получите назад.

Вам преданный и преодолженный

Петр Чаадаев.

Четверг.

184. А. Я. Булгакову

Надеюсь, милый директор, что не будет слишком неделикатным попросить у вас нератинированный номер J. des D.[1], кажется, от 18 числа, со статьей о христианстве в Китае. Так как статья не носит политического характера, я льщу себя надеждою, что на этот раз более чем когда-либо могу рассчитывать на вашу любезную снисходительность, которой, как известно, я не злоупотребляю. Прошу еще раз принять уверения в моей преданности.

П. Чаадаев.

184А. М. И. Жихареву

Перешлите мне обратно, любезный друг, письмо Жуковского, которое я должен отдать Булгакову. Вот клочок бумаги, который был у вас в руках и который вы можете, если вам угодно, сдать в архив для вашего назидания или для назидания ваших детей[1]. Вчера вы совершили нескромность, которую я не догадался предупредить среди небольшой бури в понедельник, но этой нескромностью, я надеюсь, вы не злоупотребите. Испросив у бога тысячу раз прощение за грех, если только это

грех, я принял решение — единственное, оставшееся чтобы выйти из того отчаянного положения, которое мне уготовили люди и обстоятельства, но вы понимаете — я в этом не сомневаюсь, что случай, который вам раскрыл этот секрет, не дает еще вам права клеймить память человека, который вас любил и который будет вас любить до своего последнего дня.

Скажите, прошу вас, вашему батюшке, чтобы он не сердился на меня за то, что я еще не посетил его во время его нездоровья; причина этого простая: в моих конюшнях нет в моем распоряжении двух рысаков для моих далеких поездок.

Лицам, которые скажут вам, что им ничего неизвестно о моем положении, скажите, что в течение двух лет я ничего другого не делаю, как добиваюсь милости побеседовать, чего никогда не имел возможности получить, что если я об этом больше не прошу в настоящее время, то потому, что сейчас уже слишком поздно.

Лишнее говорить вам, что вы сожжете это письмо.

185. Е. А. Свербеевой

Прошу простить меня, прекрасная кузина, за то, что опять прошу у вас мою брошюрку [1], но воистину я не могу дольше ее у вас оставить. Я должен сегодня утром вернуть ее тому, кто мне ее дал. Ради вас я уже допустил неделикатность. Мой кучер сказал, что вы отдали ее Хомякову. Не отослали ли вы ее в деревню?

Примите уверения в моем совершенном почтении.

Петр Чаадаев.

Если брошюра не у вас, мой слуга может сходить за ней.

1852

186. Кузине (март)

Дорогая кузина, мне очень стыдно обращаться к вам с этими строками, но вот в чем дело. Я не хотел встречаться с вами до тех пор, пока кризис, в котором я находился, не разрешится, чтобы иметь удовольствие обнять вас от всего сердца и без малейшей досадной озабо-

ченности. В пятницу моя племянница Рост и еще другое лицо, некая Ворожейкина, сообщили мне, что через несколько дней я получу 1000 руб. сер. Поэтому я поспешил к вам, чтобы поздравить вас с приездом, и полагаю, что вы не заметили во мне другого чувства, кроме удовольствия снова увидеть вас. Но вот в понедельник я узнаю, что эти деньги я получу только после праздников. К довершению всего кредит в клубе теперь ограничен пятьюдесятью рублями, каковая сумма вашим кузеном уже давно исчерпана. Итак, я был вынужден, хотя и поневоле, прибегнуть к вам, моему всегдашнему провидению. Если вы мне пришлете триста рублей серебром, то их хватит мне, чтобы дожить до обещанной получки денег. Впрочем, я очень надеюсь, что *свидетельство* моего брата прибудет тем временем. Если бы вы могли прислать мне немножко больше денег, то это не повредило бы ни мне, ни вам, т. к. на этот раз вам наверно удастся выудить у меня ваши деньги через несколько дней. Вы, может быть, знаете, что я собираюсь назначить в продажу мою библиотеку, но, не имея к ней каталога, нужно сначала заняться составлением его. Не знаю, следует ли мне сказать вам еще кое-что, как например, что у меня всего десять рублей в кармане на праздники; во всяком случае, мне хочется засвидетельствовать вам, что я имею полную уверенность в скором времени рассчитаться с вами за все то добро, которое вы мне сделали, и что я заранее с радостью предвкушаю эту минуту.

Я надеюсь, что вы позовете меня обедать в первый день Праздника. Обнимаю вас нежно и, поверьте мне, самым бескорыстным образом.

Вторник.

187. М. Я. Чаадаеву

1852. 29 апреля.

Верна ли справка Левашова [1] или нет, узнаем в свое время; теперь скажу только, что описи делаются нынче по всем имениям. Другое недоумение, о котором упоминал в последнем письме своем, произошло от того, что в продолжение двух или трех лет ты отлагал залог до новой ревизии, что и заставило заимодавцев моих, [справедливо или нет], не знаю, ‹предположить›, что ты наме-

рен заложить одни прибыльные души, которых, по их мнению, вероятно, не стало бы на уплату долгов моих. Само собою разумеется, что мнение их не мог я оставить без внимания, хотя и не видел никакой надобности об этом входить с тобою в излишние подробности и повторять, о каких тут именно людях говорится, потому что в предпоследнем письме моем решительно ни о ком и ни о чем ином не было речи, как о моих заимодавцах и о необходимости их успокоить. Итак, шутки твои о множественном местоимении не имеют никакого смысла и доказывают только то, что, впрочем, знал и без того,— что ты полагаешь ясность в пустом многословии и решился не кончать дела.

Каким образом человек, имеющий долги, необходимо продолжает делать новые долги до тех пор, пока не уплатит прежние, это не скажу, ясно, как день,— ясных дней давно я не видал,— но известно каждому, кто не кретин или кто добровольно не сделал из себя кретина. Кто, например, не знает, что в таком случае один долг уплачивается всегда при самых обременительных условиях [Долги порождают долги],— известная формула и в государственном хозяйстве и в частном. Но ни я, ни заимодавцы мои, мы никогда ничего иного в виду не имели, кроме обещанной суммы, полагая, что этой суммы достаточно будет на уплату значительнейших моих долгов и на прочее, то есть на некоторые изменения в моем образе жизни, необходимые для уплаты остальных. Таким образом, думаю, разрешаются обыкновенно дела людей задолжавших, но заслуживающих некоторое снисхождение или уважение. Правда, однако, что в предположения эти не входила трехлетняя отсрочка.

Не раз слышал я от своих заимодавцев, когда ссылался на твои многократные обещания, что на обещания эти, по всему видно, полагаться нечего. Мнение свое высказывали они иногда в довольно резких выражениях, и, признаюсь, решительного опровержения не находил на него у себя в запасе. Жаль, что в свое время не передал тебе их слов в их прямодушной простоте; может статься, таким образом избавился бы от твоих шуток. Но если и без того обнаружил некоторое сомнение, то в таком случае был только, как можешь видеть, невольным и слабым отголоском чужого, по несчастию, весьма уважительного мнения. Впрочем, все это мог бы ты и сам себе

сказать, если бы смотрел на вещи без причуд и с должным участием, если б не полагал себя одаренным непогрешимою премудростию и не почитал себя вправе забавляться моими бедами, как игрушкою. Что же касается собственно до меня, то я знаю одно, а именно: что успею сто раз попасть в яму или отравиться прежде, нежели как ты решишься действительно исполнить свое обещание, то есть с пользою для меня.

О том, каким образом устроить дела мои, давным-давно и помышлять нечего. Это было возможно тому два года назад, в то время, как ты потешался сочинением своих остроумных писем и исправлением моего слога, не обращая никакого внимания на то, что тебе писал о своем положении. Но можно заплатить долги, и это сделаешь ты во всяком случае, по естественному ходу вещей [2].

Три года пользуюсь моим положением, отчасти тобою созданным, и зависимостию моею от твоего своенравного произвола, каждый раз, когда находишь себя несколько сдвинутым моими нуждами с своей колеи, повторяешь ты свои мнимые шутки и свои оскорбления. Это бестолковое, бесчеловечное, ничем не вынужденное преследование должно, наконец, прекратиться во что бы то ни стало. Итак, отныне ничего более от тебя не требую и не ожидаю. Ни одна из напастей, мне угрожающих, никогда не сравнится с напастью этой безумной переписки. Но помня некоторые твои прежние одолжения и знаки дружбы, заглушая память о вреде, умышленно и неумышленно тобою мне причиненном, искренно прощаю тебе и шутки твои, и оскорбления, и все *прочее*. Разумеется, говорю это не ради твоего утешения, в котором не нуждаешься, но удовлетворяя собственной своей потребности, которая вполне не была бы удовлетворена, если б чувства мои не выражались в словах и остались тебе неизвестными.

188. С. Д. Полторацкому

Басманная 5 августа.

Ваше письмо, дорогой друг, доставило мне большое удовольствие несмотря на то, что представляет из себя простую библиографическую справку. Письмо друга —

всегда рукопожатие, если не более того. Я поспешил разыскать стих, о котором идет речь. Более чем сомнительно, что он написан нашим преподобным прелатом (стиль обязывает). Заметьте, что его имя пишется с «ф», а не с «θ». А тогда почему, скажите на милость, инициал «Ш» является следующим, а не предыдущим? Также маловероятно, чтобы он смог воспользоваться размером наших былин и разбойничьих сказок, особенно для того, чтобы передать библейский стих знаменитого изгнанника. Это именно одна из тех библиографических ошибок, что по непонятной причине часто закрадываются в литературную историю[1]. Однако я поручил сочинителю смешных эпиграмм[2] осведомиться об этом у его Высокопреосвященства. Посмотрим, какую он скорчит мину при этом дерзком предположении. Постарайтесь достать список письма княгини Ливен о президенте[3], многие копии которого, вероятно, ходят по Петербургу. Из него вы, в частности, узнаете, что он собирается вскоре восстановить пошатнувшуюся власть в Англии. Будем надеяться, что головокружение от успехов придаст силы этому человеку, как бедняге Федотову *[4].

Пока мне нечего сообщить вам по нашему делу. Подождем сентябрьских ид. Обнимаю вас от всего сердца и надеюсь вскоре вас здесь увидеть.

П. Чаадаев.

189. М. Я. Чаадаеву

1852. Октября 15.

В письме моем[1] тебе должно было бы видеть одно отчаяние, но ты нашел в нем иное, ты нашел там повод оставить меня в моей беде. Я написал тебе, что более ничего от тебя не требую и не ожидаю, и ты спешишь воспользоваться этими словами, чтобы все прежние свои обещания оставить без исполнения: так, по крайней мере, понял я твое письмо, в котором ни слова о них не упоминаешь. Бог тебе судья. В надежде продлить хотя на несколько еще дней сомнение об ожидающей меня участи, прошу тебя употребить полученное свидетельство, которое без того может утратить свою силу, и упла-

---

* Фамилия «Федотов» в оригинале написана по-русски.

тить мне обещанную сумму. Чего я прошу у тебя? Чтобы заплатил часть долга, а остальную взял себе в замену Фурсова[2]. Чем буду жить потом, не твое дело: жизнь моя и без того давно загадка. Теперь имеешь также в руках своих половину тетушкиного наследства[3]. Неужто всего этого недостанет на вознаграждение за Фурсовскую твою часть? Неужто ты решился довести меня до совершенной безнадежной крайности? Присланных тобою денег насилу станет на уплату малых бессрочных долгов с процентами. Что сделал я тебе? Просил помочь в крайности не на твоем языке, а на своем. За это почитаешь себя вправе при всяком случае возобновлять затруднения и огорчения. А когда, наконец, невольно выразил оскорбленное свое чувство, то ты лишаешь меня всякой надежды. Стану ждать недели две, а потом перестану ждать. Прощай.

190. М. Я. Чаадаеву

1852. Октября 20.

Я писал тебе на прошлой неделе[1]. Теперь, подумав, вижу, что писал напрасно, что ответа не будет, а если и будет, то в таких выражениях, которые еще пуще меня расстроят. Между тем, время идет; две или три недели скоро протекут, а помощи ниоткуда никакой ожидать нечего. Приятель мой Полторацкий, несколько раз меня выручавший, сам расстроился, да и что могу ему сказать, не имея более в виду твоей уплаты? Пустыми, несбыточными обещаниями кого могу склонить к доверию? К тому же Пятов писал еще в августе месяце, что свидетельство давно готово к выдаче, но что ты и не думаешь за ним посылать. С тех пор, судя по письму твоему, дело, конечно, не продвинулось ни на шаг, а свидетельство, может быть, уже теперь и не годится. Получив предпоследнее письмо мое, ты, вероятно, воспользовался этим предлогом, чтобы прекратить всякое об этом деле попечение и удовлетворить старому ко мне чувству, которому в последнее время так искусно везде находил пищу. Итак, не об избавлении своем должен уже теперь помышлять, а о том только, как бы по возможности с тобою расстаться с миром. Для этого иного средства не имею, кроме того как еще раз повторить тебе искреннее свое сожале-

ние, что горем своим омрачил твою старость, пожелать тебе, чтобы остальные годы жизни провел спокойно, забыв меня и мое горе, и чтоб ум твой оставался по-прежнему всегда послушным твоей воле и твоему чувству и никогда не открывал тебе того, что могло бы вновь нарушить твое спокойствие [2].

191. А. Я. Булгакову

Не можете ли вы прислать мне ненадолго письмо главного наместника [1], в котором он вам сообщает о бегстве Хаджи-Мурата и о его смерти [2]. Эта новость, не могущая появиться в газетах, очень важна и подробности ее чрезвычайно любопытны. Я вам его возвращу, когда буду выходить. Судя по письму г-жи Жуковской, можно заключить, что она предполагает приехать сюда или же по крайней мере прислать нам своего сына, чтобы он вырос в России [3]. Примите уверения в моих дружеских чувствах в настоящем и будущем.

Воскресенье П. Чаадаев.

191А. М. И. Жихареву

Ваш знаменитый дядя, по имени Алексей, одолжил мне в прошлом году немецкую брошюру [1], написанную американцем, которую я ему честно возвратил после более или менее длительного промежутка времени. Благоволите, дорогой друг, у него снова ее попросить на несколько дней. Я буду вам чрезвычайно обязан, если вы мне ее пришлете в один из ближайших дней, упакованной, или в английский клуб, или ко мне на квартиру, дом Шульца, «Великая Басманная», как выражается бывший министр французской республики при берлинском дворе [2].

Что касается вашего произведения, о котором я еще не высказал своего мнения, то вы позволите мне заметить вам, что еще не достаточно овладеть талантом, даже быть очень талантливым, хорошо также иметь немного дисциплины. Примите, если вам угодно, это суждение как бутаду [3], подсказанную судьбою этого бедного гениального человека, которого фимиам, воскуряемый его друзьями, привел к дверям могилы [4].

Целую вас от всего сердца.

192. М. П. Погодину

Сделайте одолжение, Милостивый Государь Михайло Петрович, скажите мне, где мне найти г. Кокорева? Прочитав в Москвитянине его *Саввушку* [1], я сейчас решился отыскать его, но по сю пору не мог попасть на его след, хотя многие и сказывали мне, что знают его. Видно, эти господа не принадлежат ни к тому кругу, где он живет, ни к тому, где его умеют ценить. Что касается до меня, то вижу в нем необыкновенно даровитого человека, которому нужно только стать повыше, чтоб видеть побольше. Я не люблю дагерротипных изображений ни в искусстве, ни в литературе, но здесь верность истинно художественная, что нужды, что фламандская. Нынче, знаю, иного требуют от писателя.

«Но мне, какое дело мне,
Я верен буду старине» [2].

Тот, кто написал эти строки в заключение других, мною ему внушенных, конечно, и в этом случае разделил бы мое мнение.

В ожидании милостивого вашего уведомления прошу вас принять повторение моей давнишней преданности.

Петр Чаадаев.

Извините, что забыл поздравить вас с тем, что вам наконец удалось передать в вечное потомственное владение науки ваше драгоценное собрание [3].

1853

193. Ф. И. Прянишникову

Милостивый Государь Федор Иванович.

Старые товарищи по службе или по учению не забывают меня, и если могут, то не отказывают мне в своем участии, когда случается мне прибегать к нему в пользу людей его заслуживающих; позвольте же надеяться что и вы, старейший из них, обратите дружеское внимание на мою просьбу. В прошлом ноябре месяце, по просьбе моей представлял Булгаков чиновника правления *Василья Яковлева* для определения *младшим сортировщиком*, но по сие время определения из департамента не

получено, хотя товарищи его, князь Назаров и Полонский [1], после него представленные, уже определены. Не извещая о том Булгакова обращаюсь к вам в надежде, что вспомнив наше почти полувековое знакомство, удостоите своим покровительством человека мне близкого и решите его участь.

Не скажу вам как счастлив буду, если придется мне выразить вам благодарность за совершение моих ожиданий, но и тому уже рад, что имею случай поблагодарить вас за прежние знаки приветливой дружбы вашей и уверить вас в искреннем моем почтении и совершенной моей преданности.

Петр Чаадаев.

Басманная 1853 г. Генв. 10.

194. А. Я. Булгакову (25 июня)

Вот, дорогой друг, мой портрет [1], который навязываю вам, как в свое время навязал свою дружбу. Это в какой-то степени ваша вина, нельзя безнаказанно быть таким добрым, как вы. Однако я льщу себя надеждой, что вы будете переносить мое изображение с такой же легкостью, как и мою персону.

Не забудьте изрезанный номер J. des Débats [2]. От всего сердца обнимаю вас. П. Чаадаев.

День рождения нашего славного Императора.

195. А. Я. Булгакову

Вы, вероятно, знаете, что Павлов вот уже четыре дня как задержан и сейчас все еще находится под арестом [1]. Говорят, что дело тут в карточной игре; постарайтесь узнать у Закревского, о чем идет речь. Все им интересуются, и я в том числе. ‹Если ему понадобится помощь, сообщите мне об этом завтра с письмом Вяземского› *. Дружески приветствую вас тысячу раз. П. Чаадаев.

Вторник.

---

* Фраза в скобках написана неразборчиво; читается по смыслу (*ред.*)

196. Ф. Ф. Вигелю

М. Г. Филипп Филиппович

С тех пор, как вы изволили переселиться в Москву, я не переставал оказывать вам самое дружеское расположение, следуя тому евангельскому ученью, которое предписывает нам любить врагов наших[1]. Обращение мое с вами нередко навлекало на меня упреки моих приятелей, которые единогласно мне предсказали, что этим не избегну какого-нибудь нового доказательства вашего недоброжелательства. Это предсказание, кажется, сбылось. Вы, слышал я, везде говорите и повторяете, что я на вас «*навязываюсь*». Позвольте же, не переставая любить вас, с вами развязаться.

Люди ищут приязни других людей или из каких-нибудь вещественных выгод, или с тем, чтобы насладиться их прекрасными душевными или умственными свойствами, или наконец для того, чтобы стать под сень их доброго имени. Которая же, по вашему мнению из этих причин заставляет меня искать вашего благорасположения? Какими вещественными выгодами можете вы меня наделить? Кого, скажите, могут привлечь прекрасные ваши свойства? Признайтесь, что вам самому показалось бы смешно, если б кому-нибудь вздумалось не шутя говорить вам о том уважении, которым вы пользуетесь в обществе[2]. Итак, я просто исполнял долг христианский, платя добром за зло. К сожалению моему, исполнение этого долга вы сделали почти невозможным. Не прогневайтесь же, если мое доброжелательство к вам выразится теперь иным образом; если, для собственной пользы вашей, для вашего поученья, я дам этому письму некоторую гласность[3]. Это, кажется, лучшее средство вывести вас из заблуждения.

1854

197. А. де Сиркуру

Басманная, 15 января 1854 г.[1]

Скоро будет два года, многоуважаемый, с того момента, как вы мне прислали интереснейшее письмо[2]. Это было в момент вашего знаменитого переворота[3]. Все

хотели его прочесть, так что оно в конце-концов затерялось в руках особ, интересующихся вашим мнением об этом чрезвычайном происшествии. А пока что реакция шла своим порядком, мир входил в новую фазу; размышление поневоле оказалось прерванным ввиду общего поражения всех идей, всех принципов, которые еще недавно правили умами народов. Что сказать вам среди всего этого? Вы найдете, может быть, что мир еще далеко не вернулся в свое нормальное состояние, что настоящий момент не благоприятнее, чем предшествовавшая эпоха, для рационального обмена мыслями; как бы то ни было, я, наконец, должен вам написать, хотя бы для того, чтобы не прослыть в ваших глазах неоплатным должником. Я, впрочем, хорошо помню сущность ваших идей и смог бы легко связать прерванную нить нашей беседы, но я предпочитаю беседовать о другом, а не о вашей стране, положение которой остается для меня совершенно непонятным, начиная с того дня, когда шутовская пародия великой славы отняла у вас ваши свободы, под предлогом возвратить вам спокойствие. Дело пойдет все-таки немного о вас, поскольку мы очутимся лицом к лицу перед вопросами злободневными, ибо привилегией вашей страны является заставлять все народы земли принимать участие в ваших домашних делах.

И вот смотрите: вы знаете глубокое спокойствие, которым мы наслаждаемся, нашу традиционную преданность установившемуся у нас порядку; и что же? мы тем не менее почувствовали до известной степени толчок ваших недавних подвигов.

Наш патриотизм вырос. Всегда мы были как нельзя более удовлетворены режимом, навязанным нашей стране историей, географическими условиями, религиозными верованиями: мы сейчас удовлетворены в тысячу раз сильнее. Никогда еще наше подчинение этому хранительному режиму не обнаруживалось с таким полнейшим доверием. Естественным следствием всего этого является то, что наши правители в настоящее время находят еще более простора, чем когда бы то ни было, в том, чтобы следовать принципам, которые ими всегда руководили. Этим они и пользуются с редкой проницательностью. Вы не можете себе представить, например, сколько мы видели в последнее время мудрых и сильных мероприятий, которые направлены к тому, чтобы предохранить нас от

гибельного влияния ваших идей и ваших переворотов. Новые ограничения, поставленные литературной гласности цензурой, организованной иерархически, вплоть до самого источника власти, охраняют нас от роковой распущенности прессы — одной из главных причин ваших несчастий[4], — гибельное распространение ложных учений — другой источник ваших бед, — парализован новым уставом, который сводит цифру студентов, допущенных в высшие школы, к числу, строго необходимому для государственной службы[5], так же как и закрытие одного из самых обширных учреждений народного образования, которое, замечу в скобках, дало стране много выдающихся людей и, между прочим, столь популярного наставника августейшего наследника трона, симпатичного поэта, которого мы недавно потеряли[6]. Кроме того, жадное любопытство наших молодых людей, стремящихся к познанию множества вещей, бесполезных для блага страны, сдерживается или самими программами школьной науки, или трудностью получить разрешение на выезд за границу[7]. Меры, которые еще недавно были предназначены к тому, чтобы постепенно подготовить к освобождению наше земледельческое население и которые питали среди этого населения опасное брожение, окончательно брошены. Наконец — и это я считаю наиболее важным — все высшие административные посты в империи заняты сейчас людьми, наиболее способными помешать нам сбиться с правильного пути. В особенности новые назначения отличаются самым счастливым выбором[8]. Министерство внутренних дел только что вверено человеку, который управлял интересной областью, колыбелью России, где в течение продолжительного времени он был генерал-губернатором, отличаясь удивительной энергией, заставляя дурные страсти обнаруживаться в открытую, чтобы затем подвергнуться общественному возмездию, подчиняя службе государству усердие господствующего дворянства, производя, наконец, с полным успехом слияние всех в великое национальное единство, что составляет наиболее заветное желание наших новых патриотов[9].

Министерство народного просвещения, вырванное из рук человека, который более чем кто-либо старался развить в наших молодых людях вкус к пустому и тщеславному знанию, отдано в руки глубоко благочестивого человека, врага всякого ложного знания, представляющего

все самые надежные гарантии того, что отныне он поведет наше юношество по тому пути скромности и подчинения, от которого оно слишком долго отклонялось [10]. Из трех министерств, которым в нашей стране вверено высшее руководство духом общества, одно только министерство полиции или те, что его замещают, не подверглось никакому изменению ни в лице его главы, ни в остальном его прекрасном персонале [11], но зато сфера его деятельности значительно расширена; оно получило новые прерогативы, которые помимо наблюдения за фактами непосредственной области его ведения, вручают ему наблюдение за всеми органами умственной жизни и вверяют ему самую действенную власть для подавления всякого беспорядочного порыва мысли. Среди высших чиновников государства, недавно признанных к специальному доверию правительства, нужно еще отметить выдающегося человека, которому поручено представлять власть в нашем древнем городе [12]. Вы знаете Москву не хуже любого из нас и сумеете оценить его ‹города› важность, как памятника прошлого, выражения настоящего, знамя будущего; вы прекрасно поймете значение такого выбора. И в самом деле, в тот момент, когда вся демократия Европы только что была потрясена по сигналу из Парижа, где было найти человека наиболее подходящего к этому важному посту, чем этот выскочка-офицер, вышедший из рядов мелкого провинциального дворянства, находящегося в непосредственной близости с народом, разделяющего его инстинкты, предрассудки, симпатии, говорящий его языком, судящий о вещах с его точки зрения, взирающий, наконец, ревнивым оком на культурную знать столиц — единственный класс общества, куда могут найти доступ европейские идеи. Поэтому-то результат и оказался столь быстрым. Вы знаете, что старый либерализм предыдущего царствования — бессмысленная аномалия в стране, благоговейно преданной своим государям, язык которой выражает одним и тем же словом понятия «трон» и «альтарь», искоренен у нас, слава богу, уже давно; но, к несчастью, кое-что осталось в приемах и в языке людей, которые составляют то, что называют «хорошим обществом». И вот, в настоящих условиях даже это могло представлять некоторое неудобство в глазах дальновидного администратора. Итак, салоны нового генерал-губернатора, еще недавно место встреч избранного

общества, вскоре лишились своих прежних завсегдатаев и наполнились новым обществом, столь же чуждым прежнему, сколько послушным благоразумным требованиям текущего дня. С этой поры там не стали знать другой свободы языка, как та, которую несет с собой нежная легкость нравов, лишенных всякой чопорной стыдливости, любезное наследство эпохи, знаменитой в современной истории Франции. Не могу передать вам все то благо, которое извлекают наши молодые люди из нового режима, который установился в доме градоначальника. В настоящее время нет ничего опаснее, как оставлять молодые умы под властью этих вкусов, слишком прилежных к ученью, где бесплодная работа мысли питается всякого рода предметами воображения, и вот любезное гостеприимство семьи нашего генерал-губернатора предложило очаровательное лекарство против этого зла. Веселая фамильярность матери семейства, пленительные манеры дочери [13] произвели настоящий переворот в пользу правого дела в привычках нашей молодежи *.

198. Н. Д. Шаховской

Из городских толков я узнал, дорогая кузина, что вы скоро уезжаете за границу. Позвольте вас спросить, не возьметесь ли вы, уезжая, передать письмо Сиркуру [1], и когда именно вы рассчитываете отправиться в путь? Я полагаю, что кузина Лиза [2] поедет с вами; в таком случае она могла бы передать Сиркуру, с которым знакома, письмо в собственные руки. Позвольте вас спросить еще, добились ли вы чего-нибудь для Ник. Сем., который, кажется, собирался просить вашей протекции у Олсуфьева для получения места в Воспитательном Доме?

Алекс. Макс. уведомляет о том, что ее касается, и я полагаю, что она не замедлит приехать в Москву. Я думаю, что вы не сомневаетесь в моей совершенной и постоянной преданности. П. Чаадаев.

Вторник.

---

* На этом письмо обрывается.

199. Н. Д. Шаховской

Дорогая кузина. Не знаю, в Москве ли вы еще. Пишу вам поэтому несколько слов наудачу. Мне не сказали, что вы заезжали ко мне. Я хотел вам дать несколько писем, думая, что они вам пригодятся. Что меня касается, то я буду вам писать по почте, если только вы не скажете мне, что остаетесь еще на несколько дней; в последнем случае я успею приготовить нечто объемистое [1]. Мне было бы очень тяжело, если бы не пришлось вас увидать до вашего отъезда; в день же, назначенный вами, это было невозможно, я был на другом краю света. Нет ли у вас в доме портрета нашего деда [2]? Я хотел бы снять с него копию. Будьте здоровы, дорогая Натали; в надежде вас увидеть.

Воскресенье утром.

200. А. Я. Булгакову (июнь)

Кажется, вы не покидаете больше своих лесов [1]. Я рассчитывал приехать сегодня вечером и поздравить вас с прекрасной победой учеников Воронцова в Азии [2], но по причине плохой погоды я, вероятно, буду лишен этого удовольствия. Конечно, лучше было бы разбить врага на Дунае, но кто знает, может быть, благодаря этому тон наших друзей изменится, и мы останемся в выигрыше [3].

Оказалось, что номер J. des D. от 15 числа заканчивается статьей о книге Тургенева [4] со ссылкой на номер от 7 июня. Как вы сами видите, это всего лишь литературная критика без политического оттенка. Это позволяет мне надеяться на то, что вы по-дружески пришлете мне оба эти номера (от 7 и 15 июня).

Если нынче утром телеграф уже заработал, узнайте у Закревского новости о нашей победе. Искренне ваш Чаадаев.

Воскресенье.

201. С. П. Шевыреву (октябрь)

Я на днях заходил к вам, почтеннейший Степан Петрович, чтоб поговорить с Вами о *Бартеньевских статьях, помещенных в Моск. Ведомостях* [1]. Вы, конечно, замети-

ли, что описывая молодость Пушкина и года, проведенные им в Лицее, автор статей ни слова не упоминает обо мне, хотя в то же время и выписывает несколько стихов из его ко мне послания и даже намекает на известное приключение в его жизни, в котором я имел участие, но приписывая это участие исключительно другому лицу [2]. Признаюсь, это умышленное забвение отношений моих к Пушкину глубоко тронуло меня. Давно ли его не стало, и вот как правдолюбивое потомство, в угодность к своим взглядам, хранит предания о нем! Пушкин *гордился моею дружбою*; он говорил, что *я спас от гибели его и его чувства, что я воспламенял в нем любовь к высокому* [3], а г. Бартеньев находит, что до этого никому нет дела, полагая, вероятно, что обращенное потомство, вместо стихов Пушкина, будет читать его *Материалы.* Надеюсь однако ж, что будущие биографы поэта заглянут и в его стихотворения.

Не пустое тщеславие побуждает меня говорить о себе, но уважение к памяти Пушкина, которого дружба принадлежит к лучшим годам жизни моей, к тому счастливому времени, когда каждый мыслящий человек питал в себе живое сочувствие ко всему доброму, какого бы цвета оно ни было, когда каждая разумная и бескорыстная мысль чтилась выше самого беспредельного поклонения прошедшему и будущему. Я уверен, что настанет время, когда и у нас всему и каждому воздастся должное, но нельзя же между тем видеть равнодушно, как современники бесчестно прячут правду от потомков. Никому, кажется, нельзя лучше вас в этом случае заступиться за истину и за минувшее поколение, которого теплоту и бескорыстие сохраняете в душе своей; но если думаете, что мне самому должно взяться за покинутое перо, то последую вашему совету, [хотя и с риском дать г. Бартеневу новый довод в пользу того, что не следует придавать особой важности дружескому расположению ко мне Пушкина] [4].

В среду постараюсь зайти к вам из клуба за советом.

Искренно и душевно преданный вам

Петр Чаадаев.

Написав эти строки, узнал, что г. Б. оправдывает себя тем, что, говоря о лицейских годах друга моего, он не полагал нужным говорить о его отношениях со мною, предоставляя себе упомянуть обо мне в последующих статьях [5]. Но неужто г. Б. думает, что встреча Пушкина, в то время, когда его могучие силы только что стали развиваться, с человеком, которого впоследствии он назвал лучшим своим другом, не имела никакого влияния на это развитие? Если не ошибаюсь, то первое условие биографа есть знание человеческого сердца [6].

202. М. П. Погодину (не позднее 1854)

Вы конечно, Милостивый Государь Михайло Петрович, в переписке с Стурдзою. В Одессу едет племянник мой Жихарев, вам знакомый. Не пожалуете ли вы ему письма к Стурдзе? Он и от других иметь будет к нему письма, но разумеется ваше всех дороже. Позвольте ему к вам прийти за этим письмом, если вам угодно будет этим нам услужить. Сам бы к вам приехал вас об этом просить и потолковать о другом, до вас относящемся, но теперь больно плох.

Вам глубоко преданный
Петр Чаадаев.

203. С. Д. Полторацкому

Вот, друг мой, глупое письмо [1] и с ним неизданный памфлет Погодина о цензуре [2], написанный совершенно в вашей манере.

Сейчас *утро четверга*, а значит, незачем говорить о вещах, относящихся к другому дню.

Я болен [3].

Прошу, пришлите две моих бумажонки. Я больше не могу без них обойтись. Если хотите, я прикажу их переписать для Вас.

Мои дела, очевидно, принимают решительный оборот, о чем и предупреждаю благосклонного читателя.

Обнимаю вас от всего сердца.

Чаадаев

Я должен вернуть рукописи Погодина по принадлежности в субботу поутру.

1855

204. А. Я. Булгакову ⟨*15 мая*⟩

Вот книга Вяземского[1]. Если вы, в свою очередь, пришлете мне J. des Débats за 10 число, вы будете любезнейшим из людей. Я постараюсь вернуть его вам в течение дня. Вчера вечером мне рассказали, каким образом молодой Горчаков добился тех исключительных милостей, о которых вы знаете. Это очень любопытно, и я предвкушаю, с каким удовольствием я расскажу вам об том при первом удобном случае.

Весь ваш Чаадаев.

Воскресенье, Троицын день[2].

205. А. Я. Булгакову ⟨*сентябрь*⟩

Вас больше не видно, любезный покровитель, у гостеприимного хозяина, нашего всеобщего покровителя[1]. Но знайте, вас не забывают, особенно когда рассчитывают на ваши милости. Шутки в сторону: я хотел бы лично высказать вам свою просьбу, причем в надежде поговорить с вами и о других вещах, и видит Бог, мы теперь не будем ощущать недостатка в предметах для разговора[2]. Но так как я лишен этого удовольствия, то мне приходится без околичностей попросить у вас *номер* Revue des deux mondes от 5 сент. с продолжением *Сибири*[3]. А вас прошу прочитать очаровательную статью в *Современнике* под названием *Ночь в Севастополе*[4]. Вот это добротный патриотизм, из тех, что действительно делают честь стране, а не загоняют ее еще дальше в тупик, в котором она оказалась.

Обнимаю вас тысячекратно. П. Чаадаев.

Понедельник.

206. А. Я. Булгакову

Вот письмо Вяземского в оригинале и напечатанное. Вчера я провел вечер с Долгоруким[1], не подозревая, что о нем идет речь в письме, которое лежит у меня в кармане. Сожалею, ибо этот Долгорукий производит на меня впечатление приятного человека. Я с удовольствием перечитаю статьи лжеветерана в его книге[2], если вы при-

шлете мне ее завтра поутру,— таким образом, поручение, которое вы взяли на себя, окажется выполненным само собой. Я только что прочитал два огромных столбца в «Таймсе». Ясно, что если мы не сумеем воспользоваться намерениями Пруссии, ее оскорбленным достоинством, средствами, которыми она располагает в Германии, и множеством других вещей, вытекающих из настоящих осложнений, то поступим весьма неразумно [3]. От всего сердца вас приветствую. П. Чаадаев.

Воскресенье.

207. А. Я. Булгакову

«Аминь, аминь, глаголю тебе, что в сию нощь, прежде даже *алектор* не возгласит три краты отвержешься мене» [1].

Вот загадочное слово, это — «петух». Наши переводчики Священного писания, конечно, сочли, что петух недостоин того, чтобы фигурировать в евангельском тексте, и обозначили его греческим термином,— вот и все. Перечитайте стихи Вяземского и вы почувствуете вызываемый рифмой намек.

Если у вас есть под рукой несколько номеров «Альгемайне Цайтунг», не будете ли вы так любезны прислать их мне? Что до книги Вяземского [2], понадобится несколько дней, чтобы ее проглотить. Обратили ли вы внимание на эпиграф? Какая любезность по отношению к Хомякову! [3]

Приветствую вас. П. Чаадаев

Вторник.

208. А. Я. Булгакову

Я возьму J. des D. Я рассчитывал подписаться на многие газеты совместно с другим лицом, почему и запоздал с годовой подпиской. А вы все так же жестоко обездоливаете бедные наши умы, как сделали это, лишив нас главы одной новеллы, которая при этом утеряла весь свой здравый смысл?

Этой запиской взываю к вашему милосердию; посмотрим, сможете ли вы удовлетворить мою просьбу. Не буду говорить о вымаранном месте в Revue des deux mondes [1]. Это бы означало злоупотреблять вашей снисходительностью.

Однако, как вам известно, нет ничего приятней этой евангельской добродетели. Желаю вам счастливого Нового года, всегда ваш Чаадаев.

Вторник, утро.

208А. М. И. Жихареву

Благоволите прислать мне, любезный друг, речь Моле, которую я собираюсь перевести. Передайте выражение дружбы всем членам вашей любезной семьи и будьте здоровы. Надеюсь иметь честь вас всех увидеть на днях, но не торопитесь сами придти ко мне, ибо я слишком плохо себя чувствую, чтобы принять вас, как следует.

208Б. М. И. Жихареву (отрывок)

〈...〉 У меня теперь рукопись *Постоялого двора* Тургеньева *. Если угодно, можете прочесть. Необыкновенно хорошо. Вам сердечно преданный, Чаадаев.

1856

209. Е. Н. Орловой

Вот, сударыня, программа нового журнала, о котором шла речь вчера вечером [1]. Завтра я увижу Хомякова, не сомневаюсь, что он сочтет своим долгом лично принести вам два своих религиозных памфлета, предназначенные для обращения еретического Запада [2].

Только после того, как я вышел от вас, мне пришло в голову, что любезно замолвив за меня слово высокопоставленной и могущественной даме, которая, по-моему, приходится вам почти что тетушкой, вы можете оказать мне неоценимую услугу. Благоволите же известить меня, в какой из вечеров и в котором часу вы сможете меня принять.

Вручаю себя вашей незаслуженной мною дружбе и в очередной раз хочу вас уверить в моем почтении, которого вы, несомненно, заслуживаете как никто.

П. Чаадаев
Воскресенье

* Таково написание в оригинале.

210. А. А. Закревскому

Милостивый Государь,
граф Арсений Андреевич.

Не предвидя случая, когда удастся мне увидеться с Вашим Сиятельством, прибегаю письменно с нижайшею своею просьбою. Вашему Сиятельству была доставлена от меня записка хозяина моего, Шульца, которого брат, запятнав себя преступным поступком, скрылся. Вам известна непричастность его в этом деле; но несмотря на его невинность, следственно доказанную, ему воспрещен выезд из столицы. Разлученный с больною женою, он желал бы с нею свидеться. Одна милость Вашего Сиятельства может доставить ему возможность этого свидания. Если позволяю себе ходатайствовать пред Вами об этой милости, то это потому, что мне по давнему опыту известно великодушие души Вашей, всегда готовой к снисхождению, когда правосудие тому не противится. Не могу не прибавить, что в продолжение долговременной болезни моей жена моего хозяина столько оказала мне помощи своим участием, что почитаю за долг употребить все старания для доставления ей утешения в ее скорбном положении.

В надежде на милостивое внимание Ваше к ходатайству моему прошу Ваше Сиятельство принять уверение в глубоком моем почтении.

Искренно преданный Вам Петр Чаадаев.

ПИСЬМА НЕИЗВЕСТНЫХ ЛЕТ

211. А. П. Плещееву

Милостивый Государь
Александр Павлович!

Позвольте, Ваше превосходительство, прибегнуть к покровительству Вашему в несчастном случае, меня постигшем. 26-го числа, в 11 часов вечера, выронил я из дрожек, на Трубном бульваре, новый с иголочки пальтожак; проискавши его до полуночи, возвратился домой с горестным сердцем. На другой день, к несказанной радости моей, узнаю, что он найден фонарщиком. Нынче по-

сылаю за ним в пожарный Депо, с 3 рублями награды великодушному фонарщику. Там объявляют посланному моему, что пальто отправлено в канцелярию г-на обер-полицеймейстера; туда спешит он, и узнает, что до четверга не получу своего пальто. Войдите, Ваше превосходительство, в мое положение, сжальтесь над моей наготою и милостивым предстательством Вашим пред *Его Превосходительством* возвратите мне, если можно без нарушения закона, мой бедный пальто: прошу Вас покорнейше между прочим принять в соображение, что при долговременном его странствии в том светлом мире, где он находится, могут в него проникнуть разные насекомые, тем более что мир этот (я разумею мир *фонарщиков*) отчасти населен, как Вам известно, гадинами.

В надежде на благосклонное участие Ваше, честь имею быть

Вашего Превосходительства покорный слуга

Петр Чаадаев.

212. М. И. Жихареву

Басманная, 3 ноября

Я собирался вам писать, любезный друг, когда пришло ваше письмо. Сначала отвечу на ваши строки, а затем вы узнаете о маленькой посмертной услуге, которую я жду от вас, посмертной, разумеется, что касается меня. Еще раз благодарю вас за проявления вашей дружбы и признаюсь вам еще раз, что я этого совсем не ожидал. Я знаю, что один из моих пороков принимать некоторые вещи слишком серьезно, но как в этом исправиться, когда живешь уже второе пол-столетие и приближаешься бегом к концу. Во всяком случае я очарован тем, что нахожу вас таким добрым малым. Мне кажется, что этот титул лучше, чем «недоносок», которым вы недавно любили себя украшать. Что вы думаете по этому поводу? Заметьте, что эти выкидыши у нас почти всегда являются результатом специальных условий, в которые мы заключены, так что самые почтенные устремления вполне законного честолюбия являются в сущности глупыми выходками. Все, что вы говорите, впрочем, превосходно; есть только в вашем письме одно место, которое я не понимаю: это ваша иллюзия относительно моего положения. Я впрочем, могу только этому радоваться, так как

это избавляет вас от печали присутствовать при этой перипетии, которая все-таки не сможет вас оставить равнодушным. Мне неохота повторять вам то, что я на днях говорил, но я не могу не предупредить вас, что совершенно бесполезно для вас баюкать себя надеждой увидеть, что все примет снова свое обычное течение.

Новое несчастье отняло у меня недавно еще один шанс на спасение; завтра или послезавтра все будет решено, и мне останется только покрыть голову и ждать удара грома, который должен меня уничтожить. А ни вы, ни я не обладаем громоотводом, который мог бы отвесть удар, не будем об этом больше говорить, и позвольте мне сообщить то, что я хотел вам сказать, берясь за перо. Еще одно слово по поводу вашего письма. Кажется, что среди ваших «каширских богатств», любезный друг, такие, напр., как иней, блещущий на верхушках ваших лесов, которого вы ждете с таким нетерпением, и тому подобного, вам не хватает одной весьма полезной в некоторых обстоятельствах жизни вещи, а именно словаря, ибо там вы открыли бы рядом со словом «d'elices» буквы s. f., что значит существительное женского рода. Будучи более знакомы с французским пером, как вы, впрочем, без всякого предупреждения нашли бы невозможным соединение мужского рода с этим словом, которое к тому же употребляется лишь во множественном числе. Говорю вам все это потому, что вы, как видно, придаете важное значение тому, что вы рассматриваете, как полагаю, как ошибку языка, и я улыбаюсь при мысли, что после моей смерти вы окажетесь снабженным целой коллекцией словарей всякого рода, всякого формата, что даст вам, естественно, средство исправить некоторые из ваших грамматических верований [1].

Итак, вот в чем дело. Сейчас я занимаюсь тем, что вношу немного порядка в мои бумаги, и я тороплюсь, сколько могу, чтобы окончить мою задачу до того последнего дня, который положит конец всем моим земным заботам. Бог знает, удастся ли мне это, ибо я открыл, что я перепачкал бумаги больше, чем думал, но во всяком случае умоляю вас, мой друг, явиться в Москву по моему первому требованию, чтобы овладеть моими бедными лоскутками прежде, чем xxx[2] наложит на них руку. На краю разверстой бездны, которая готова меня поглотить, я не могу, естественно, питать тщеславных иллюзий, но

мне невозможно не признаться в том, что среди этого хлама есть страницы, которые заслуживают того, чтобы быть сохраненными, хотя бы в качестве оправдательных документов к небольшой главе об истории нашего времени. Вы мне дали, дорогой друг, столько доказательств вашей приязни, и вы сами всегда находили столько интереса в моих писаниях, что я не мог бы сомневаться в вашем стремлении исполнить мое желание; мне нужно, однако, получить от вас словечко, чтобы быть успокоенным на этот счет, и я прошу в этом мне не отказать.

Вы у меня спрашивали, полагаю, видел ли я xxx. Я видел его раза два у него в дому, и я его нашел достаточно интересным и добрым, как когда-то, но я не присутствовал несмотря на его приглашение, на этих замечательных студенческих упражнениях, о которых газета вам дала такой смехотворный отчет.

Я совершенно растроган любезным воспоминанием вашего батюшки. Скажите ему, прошу вас, что я в свою очередь храню память о его прямой и сердечной дружбе, столь не похожей на ту официальную дружбу, которая вместо того чтобы доставлять радость сердцу, ему причиняет такие тяжелые удары, род пытки тем более тяжелой, что ее необходимо претерпеть в молчании. Пусть примет он вместе с моим последним прости выражение моей живейшей признательности за его прошлые и настоящие симпатии, так же как и за его пожелания, как бы они ни были грустны, относящиеся к невозможному будущему. Не сомневаюсь, что Бог приберегает ему еще дни безоблачного счастья и чистой радости, так как мое сердце говорит мне, что он их заслужил.

Будьте здоровы, любезный друг. Я не сомневаюсь, что и вы увидите еще не один день удачный и радужный, дни счастья сердца и ума, я в этом уверен, вам не изменят, потому что и вы тоже этого заслужили, но это будет ценою нескольких уроков, которые опыт возьмет на себя вам дать. Дай Боже, чтобы эти уроки не были слишком строги. Это одно из моих самых пламенных желаний.

Напомните обо мне, прошу вас, моей кузине.

Петр Чаадаев.

213. М. И. Жихареву (отрывок)

⟨...⟩ Не правда ли, дорогой друг, когда вы заходили намедни ко мне, это было за сочинением Аксакова? Ну так вот! Кажется, мне его пришлют на этих днях, и вы его найдете, как только вздумаете опять навестить меня.

На свете только и есть хорошего, что доброта.

214. М. И. Жихареву (отрывок)

⟨...⟩ Дружба юности, говорят, еще снисходительнее, чем дружба зрелого возраста.

КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ

«Письма принадлежат к числу наиболее значительных памятников, оставляемых по себе человеком». Кажется, будто эти слова Гете сказаны именно о Чаадаеве, для которого письма были не просто формой выражения собственных мыслей, а излюбленным жанром литературно-философского творчества, к которому он тяготел независимо от официального запрета выступать в печати и даже независимо от того, что эпоха, в которую он жил, была поистине «эпистолярной» эпохой: письма писали все и всем, письма были не только и даже не столько формой общения между людьми, сколько способом самовыражения, доступным любому человеку,– будь то простой смертный или гений всемирного масштаба, как, скажем, Руссо или Гете или позже Достоевский.

В сущности все творческое наследие Чаадаева – это письма, и само слово «письмо» совсем не случайно фигурирует в названиях большинства его статей – достаточно вспомнить «Философические письма», «Письмо из Ардатова в Париж», «Выписку из письма неизвестного к неизвестной». И даже там, где этого слова нет, Чаадаев постоянно обращается к воображаемому читателю, словно бы продолжая начатую с ним беседу.

Любовь Чаадаева к эпистолярному жанру была обусловлена особенностями его философского мышления, характерной чертой которого была диалогичность, т. е., с одной стороны, полная открытость навстречу любому другому сознанию, готовность вступить с ним в конструктивную полемику независимо даже от того, чья позиция выбирается в качестве исходной – своя или чужая; а с другой – еще не вполне развитая диалектичность, что не позволяло его мыслям сложиться в строгую и завершенную систему (но и тем самым – наглухо отгородиться от чужого сознания). Отсюда – особые функции чаадаевской иронии, придававшей мыслям Чаадаева особый привкус критицизма и скепсиса. В этой особенности чаадаевского мышления – его сила и его слабость. Философ «сократовского типа» в общем-то не нуждается ни в бумаге, ни в типографском станке, но он остро нуждается в слушателе, причем в таком слушателе, который бы не просто внимал слову учителя, а был бы его собеседником и оппонентом, спорил бы с ним, ни в чем не соглашался, искал все новые и новые аргументы и контраргументы и который мог бы оставить спор только физически уже совершенно обессилев. Таких людей в России Чаа-

даева не было. Были умные, даже гениальные люди, например А. С. Пушкин, но это был поэт и мыслил он совсем в другой плоскости, потому что «мозг поэта,— по словам Чаадаева,— построен иначе».

Были славянофилы. И хотя почти все они, а А. С. Хомяков в особенности, были страстные спорщики и сильные «диалектики», с точки зрения Чаадаева, они не истину искали, а считали себя обладателями истины и усматривали свою задачу в том, чтобы эту истину «внедрить». Чаадаев же считал, что внедрять пока нечего. В отличие от славянофилов Чаадаев, выражаясь языком прошлого века, был философом «по преимуществу» и — что самое главное — он был первым русским национальным философом. Тем самым он был обречен на одиночество и непонимание со стороны современников. «Первый философ», живет ли он в демократических Афинах или в самодержавной России, в глазах современников всегда будет или преступником или сумасшедшим. А чаще всего — и тем и другим вместе.

Кажется, что и сам Чаадаев не без некоторого удовольствия надел на себя — «по высочайшему повелению и по собственной милости» — официальную маску безумца. По словам С. В. Энгельгардт, Чаадаев «говаривал иногда не без удовольствия: „Мое блестящее безумие“» (*РВ*. 1887. № 10. С. 698). Николай I, наложив на «Философическое письмо» свою знаменитую резолюцию: «нахожу содержание оной смесью дерзостной бессмыслицы, достойной умалишенного»,— в сущности — и увы — выразил преобладающее общественное мнение. Чаадаев и сам знал, что «моя страна не упустит подтвердить мою систему» и, по собственным его словам, «никогда не мог постигнуть, как можно писать для такой публики, как наша: все равно что обращаться к рыбам морским, к птицам небесным». Отсюда — такое обилие среди корреспондентов Чаадаева людей на первый взгляд почти случайных. Пушкин и Шеллинг в этом ряду — редкостные исключения. От некоторых корреспондентов Чаадаева едва ли осталась бы хоть строчка в истории, не окажись они по счастливой случайности адресатами Чаадаева. Через них Чаадаев обращался в сущности к читателям XX, а то и XXI века. Поэтому большинство его писем не производит впечатления личных. Каждое из них — это почти всегда изящное и литературно оформленное рассуждение на какую-нибудь определенную тему. Даже в официальном письме к Николаю I с просьбой о принятии его на государственную службу Чаадаев не удержался и написал «диссертацию» о народном образовании. За что и получил строгий выговор от Бенкендорфа. Сегодня, когда творческое наследие Чаадаева открывается перед

нами почти в полном объеме, трудно не согласиться с мнением неутомимого и поистине героического собирателя рукописей Чаадаева Д. И. Шаховского, что среди писем Чаадаева есть «настоящие литературные произведения, требующие тщательного изучения» (Звенья. М.; Л., 1934. Кн. III–IV. С. 367).

Более или менее полное знакомство с эпистолярным наследием Чаадаева убеждает в том, что его письма – весьма существенная и органическая часть его творческого наследия вообще. Без писем Чаадаева – нет Чаадаева. Он сам относился к своим письмам очень серьезно; некоторые из них писал подолгу, потом снимал копии и распространял среди друзей и знакомых. Видимо, не только с письмом к Вяземскому 1847 г. случалось так, что адресат получал обращенное к нему послание в последнюю очередь, а то и вовсе не получал.

Оригиналы большинства писем Чаадаева утрачены. Еще в 1934 г. Д. И. Шаховской писал: «По сообщенным мне одним лицом сведениям подлинные бумаги Чаадаева из коллекции Жихарева перед Октябрьской революцией находились в Москве, но затем куда-то исчезли, и о дальнейшей их судьбе сколько-нибудь достоверных сведений у меня нет» (там же. С. 370). Поэтому большинство писем Чаадаева публикуются по копиям.

Читательская судьба писем Чаадаева сложилась по-разному. Некоторые из них уже более ста лет являются достоянием истории русской культуры, другие появляются перед читателем впервые, третьи – еще ждут своего часа. В свое время М. И. Жихарев писал: «Остальные сочинения Чаадаева, число которых весьма значительно, еще не изданы. О полном его значении, как писателя, можно будет говорить и судить только тогда, когда это опубликование будет иметь место» (*ВЕ.* 1871, сентябрь. С. 38).

С точки зрения количественной собранные в нашем томе 224 письма составляют немногим больше половины всех известных его писем. Из них 78 писем публикуется впервые. Публикаторами этих писем являются: Блинов С. Г.– №№ 52, 66, 69, 107, 114, 131, 149, 207, 209; Каменская Л. З.– №№ 142, 150, 166, 167 *, 191, 200, 203, 205, 206, 208; Каменский З. А.– №№ 3–8, 108А, 132, 143А, 152А, 154А, 181А, 184А, 191А, 208А, 208Б, 212; Сапов В. В.– №№ 1, 2, 12, 13, 15–17, 73, 79, 92, 111, 112, 120, 121, 121А, 125, 126, 136, 137, 143, 154, 155, 159, 161, 170, 172–175, 177 *, 178, 182–185, 187, 188, 190, 193–195, 204, 210; Эльзон М. Д.– № 134.

---

* Опубликованы в журнале «Наше наследие», 1988, № 1 в пер. Б. Н. Тарасова.

Большинство писем Чаадаева написаны по-французски; переводы ранее публиковавшихся писем выполнили: Бобров Е.– №№ 59, 103; Гершензон М. О.– №№ 60, 123, 133, 135; Голицын Н. В.– №№ 104, 119, 129; Лемке М. К.– №№ 61–63; Рачинский Г. А.– №№ 11, 26, 45–47, 51, 55, 67, 68, 70–72, 77, 82, 84, 85, 87, 96, 98, 102, 108, 110, 113, 116, 130, 138, 163, 186, 198, 199; Саитов В. И.– № 76; Формозов А. А.– №№ 56, 57; Чемерисская М. И.– № 74; Шаховской Д. И.– №№ 75, 100, 105, 115, 140, 151, 197; Редакционные переводы – №№ 14 (PC), 52–54 (PA), 78, 83, 91 (BE), 90 (Пушкин и его современники. 1908. Вып. VIII).

Переводы впервые публикуемых писем выполнили: Каменская Л. З.– №№ 58, 66, 69, 73, 92, 107, 114, 120, 121, 125, 126, 131, 142, 149, 150, 161, 166, 167, 172, 177, 182–185, 188, 191, 194, 200, 203, 205–209; Сапов В. В.– №№ 111, 112, 121А, 174, 195, 204; Шаховской Д. И.– №№ 15, 79, 132, 134.

Комментарии и примечания к письмам написаны В. В. Саповым (№№ 58, 66, 69, 107, 114, 131, 149, 207 – совместно с С. Г. Блиновым, №№ 109–111, 116–118, 124, 127, 129, 133, 135, 140, 144, 153, 157, 166, 168, 180 – при участии М. И. Чемерисской).

Письма расположены в хронологическом порядке. По возможности хронологический порядок соблюдается и в пределах одного года; если в пределах года хронология писем не установлена, они располагаются по алфавиту адресатов. Немногочисленные исключения из этого правила, обусловленные логической взаимосвязью писем, специально не оговариваются.

Для всех писем, кроме четырех, установлена более или менее точная датировка. Как показал опыт издания сочинений и писем Чаадаева, осуществленный М. О. Гершензоном в 1913–1914 гг., так называемые письма неизвестных лет выпадают из контекста творческого наследия мыслителя. Дальнейшие углубленные исследования позволят уточнить предлагаемые здесь датировки, какие-то из них, может быть, будут отвергнуты, но, во всяком случае, надеемся, что ни одно из писем не ускользнет от внимания ни читателей, ни исследователей.

Ссылка на Д. И. Шаховского как на автора предлагаемой даты означает, что эта дата взята из составленного им «Списка сочинений П. Я. Чаадаева» (*ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 221).

Письма Чаадаева, написанные по-русски, печатаются по правилам современной орфографии, исправлены явные грамматические ошибки, устранены некоторые архаизмы (во всех письмах 20–30-х годов, например, вместо «есть ли» печатается «если»), с тем, однако, условием, что стиль Чаадаева сохраняется в максимальной степени. В русских его письмах довольно часто встре-

чаются «вкрапления» на французском языке. Особенно много их в письмах к брату из-за границы. Переводы этих «вкраплений» заключены в прямые скобки (реже – помещены в подстрочных примечаниях) и специально не оговариваются; причем ради сохранения стилевого единства писем обращение на «вы» заменено в них на «ты», как это, по всей видимости, планировал в свое время и Д. И. Шаховской (см. коммент. к № 51).

Вся редакционно-смысловая правка отмечена угловыми скобками.

В настоящее время неопубликованными остаются немногим более ста писем Чаадаева. Едва ли публикация этих оставшихся писем сможет серьезно изменить тот образ Чаадаева – человека и мыслителя,– который сложился в сознании читателей и исследователей. Существенных открытий в области чаадаеведения, напротив, следует ожидать на путях углубленного изучения его творческого наследия.

Итак, feci quod potui, faciant meliora potentes

В. В. Сапов

* * *

1. И. Д. Щербатову. (Лето 1807)

Публикуется по копии, хранящейся в *ИРЛИ** ф. 334, ед. хр. 427. Копия написана рукой Д. И. Шаховского; им же проставлена предположительная дата письма. Публикуемое письмо – самое первое из дошедших до нас писем Чаадаева.

[1] Письмо написано в имении опекуна братьев Чаадаевых, их дяди князя Д. М. Щербатова ** – селе Рождествене Серпуховского уезда Московской губернии.

[2] Детская механическая игрушка.

2. И. Д. Щербатову. 7 декабря 1811

Публикуется по копии, хранящейся в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 424. Судя по отметке Д. И. Шаховского, на подлиннике имеется надпись на обороте: «Его Сиятельству Милостивому Государю Князю Ивану Дмитриевичу Щербатову. В С.-Петербург». В промежуток времени, отделяющий Чаадаева от написания предыдущего письма, он поступил в Московский университет и закончил его.

---

* Список условных сокращений см. в т. 1.

** Подробные сведения о лицах даны в именном указателе.

Публикуемое письмо написано перед самой отправкой Чаадаевых в Петербург для поступления на военную службу. И. Д. Щербатов и И. Д. Якушкин, одновременно с ними окончившие университет, уже находились в Петербурге и были зачислены в лейб-гвардии Семеновский полк. О причине задержки Чаадаева в Москве см. примеч. 1 к № 3–8. В Петербург братья Чаадаевы прибыли, вероятно, в самом начале 1812 г. «Переезд пожилой тетки и молодых племянников,– пишет М. И. Жихарев,– совершился в трех кибитках. В Твери молодые люди виделись со своим знаменитым наставником, философом Буле ‹...› Он им советовал воротиться в Москву и избрать более мирное поприще. „Не ходите, господа, в военную службу,– говорил он,– вы не знаете, как она трудна". Судьба судила иначе...» (*ВЕ*. 1871, июль. С. 186) *.

3—8. Д. А. Облеухову. 1812—1816

Отрывки публикуются по копии, снятой Д. И. Шаховским и хранящейся в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 174. Письма Чаадаева к Д. А. Облеухову хранились, по словам Д. И. Шаховского, в Малоярославце, у «одной из представительниц рода Облеуховых» (*ЛН*. С. 76). В настоящее время местонахождение писем неизвестно. В ГБЛ (ф. 103, п. 1032, ед. хр. 37) хранятся 6 писем Д. А. Облеухова к Чаадаеву, написанных в 1820–1827 гг. (5 из них публикуются в нашем издании. См. «Приложения» №№ XIII–XVII.) Из их содержания следует, что существовал целый ряд писем, написанных Чаадаевым к Д. А. Облеухову в 1827 г., но эти письма не известны.

[1] Письмо написано из Петербурга, куда братья Чаадаевы прибыли для определения на службу в лейб-гвардии Семеновский полк. «В марте этого года (1811.– *В. С.*),– пишет Д. И. Шаховской,– Щербатов уехал в Петербург для поступления в Семеновский полк,.. Чаадаевы же, после некоторых колебаний, остались еще на год в Москве, причем основанием для задержки выставлялось желание Петра Яковлевича заняться математикой и военными науками с Муравьевым. В имеющихся материалах документальных указаний на то, с кем именно из них, не имеется. Не связано ли это с образованным в 1811 г. Михаилом Николаевичем Муравьевым Обществом Математиков, послужившим затем зерном, из которого позднее развилось известное Муравьевское училище колонновожатых?» (*Шаховской Д. И.* Грибоедов и Чаадаев. (Рукопись).– *ЦГТМ*, ф. 78, ед. хр. 58, л. 5). Возможно, что интерес к математике возник у Чаадаева не без влияния со стороны Облеухова. Интерес к математике и вообще к естествознанию сохранялся у Чаадаева и впоследствии. В его библиотеке имелось около 60 книг по различным проблемам математики, физики, химии, биологии – боль-

---

* Редакционная подготовка настоящего издания была закончена, когда вышел в свет сб. «Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников» (М., МГУ. 1989), в котором по автографу, хранящемуся в *ГБЛ* (ф. 103, п. 1032, ед. хр. 90), опубликованы воспоминания М. И. Жихарева «Докладная записка потомству о Петре Яковлевиче Чаадаеве» (С. 48–119). В 1871 г. «Воспоминания о П. Я. Чаадаеве», с сокращениями, были опубликованы в июльской и сентябрьской книгах журнала *ВЕ*.

шинство с условными знаками и надписями, сделанными рукой Чаадаева (см. Каталог, по указ.).

[2] Вскоре после этого письма Чаадаев отбыл из Петербурга вслед за гвардейским корпусом, который уже направлялся к западным границам России в связи с ожидавшимся вторжением армии Наполеона. 12 мая 1812 г. был отдан приказ о зачислении Чаадаева подпрапорщиком в Семеновский полк. (См.: *Агаимов С. П.* Отечественная война 1812 г. Исторические материалы. л.-гв. Семеновского полка. Полтава, 1912. С. 172).

Согласно официальным документам, 20 апреля 1813 г. Чаадаев в звании поручика был переведен в Ахтырский гусарский полк, в котором оставался до 4 апреля 1816 г. Мотивы, побудившие Чаадаева перейти из Семеновского полка, не совсем ясны. По позднейшим воспоминаниям М. И. Муравьева-Апостола, «в 1814 г. Чаадаев во время нашего пребывания в Париже жил с П. А. Фридрихсом, о котором рассказывал, что тот делает выписки из Флориана. Он жил с Фридрихсом собственно для того, чтобы перенять щегольский шик носить мундир. В 1811 году мундир Фридрихса, ношенный в продолжении трех лет, возили в Зимний дворец, напоказ.

П. Я. Чаадаев вышел из Семеновского полка в Париже единственно для того, чтоб надеть гусарский мундир. Он вступил в Ахтырский полк» (*ГМ.* 1904. № 1. С. 140).

Более вероятна другая причина перехода Чаадаева в Ахтырский гусарский полк. Судя по дневнику А. В. Чичерина, поручика л.-гв. Семеновского полка, братья Чаадаевы, поступив в Семеновский полк, «произвели весьма невыгодное впечатление». По отношению к М. Я. Чаадаеву это впечатление скоро изменилось в лучшую сторону: «Он оказался не только прекрасно образованным, очень умным, очень рассудительным, но даже приятным и нередко веселым собеседником»,– пишет А. В. Чичерин. О. П. Я. Чаадаеве он отзывается весьма нелестно: «Педантическая резкость и равнодушная небрежность тона роднят его ‹...› с московскими щеголями, кои образуют совсем особый класс смешных чудаков, столь же странных, сколь и нелепых» (Дневник Александра Чичерина. 1812–1813. М., 1966. С. 106; запись от 9 января 1813 г.).

Видимо, Чаадаев так и не сумел преодолеть предубеждения сослуживцев и, не желая опровергать своей репутации «щеголя», перешел в Ахтырский гусарский полк. Что касается даты этого перехода, то вероятно, 1813 год указан в официальных документах («Послужной список П. Я. Чаадаева» – *ЦГАЛИ,* ф. 130, оп. 1, ед. хр. 52; «Всеподданнейшее прошение об отставке» – там же, ед. хр. 51) ошибочно. «В четырнадцатом, в самом Париже,– пишет М. И. Жихарев,– по каким-то неудовольствиям, перешел из Семеновского полка в Ахтырский гусарский...» (*ВЕ.* 1871, июль. С. 186). О том, что Чаадаев был переведен в Ахтырский полк в Париже (а это не могло быть ранее 1814 г.), указывает и Д. Н. Свербеев (*Свербеев.* Т. 2. С. 386). Правда, М. Н. Лонгинов считает, что Чаадаев перешел в Ахтырский полк «в конце 1813 года» (*РВ.* 1862. № 11. С. 122), но тем не менее относит это событие ко времени окончания заграничного похода русской армии. Итак, наиболее вероятной датой перехода Чаадаева в Ахтырский гусарский полк следует считать 20 апреля 1814 г.

Появление «перед глазами Чаадаева той мысли, которою обозначилось и осенилось все его существование», М. И. Жихарев связывает с заграничным походом русской армии (*ВЕ*. 1871, июль. С. 186). «Кажется, во все время перемирия,– рассказывает он, имея в виду летнее перемирие 1813 г.,– семеновский полк был расположен в Силезии, в деревне Lang Bilau. Стояние в этой деревне я приписываю для Чаадаева чрезвычайную важность. Тут впервые охватило его веяние европейской жизни в одной из самых прелестных и обольстительных ее форм. О деревне Lang Bilau Чаадаев до конца жизни не поминал иначе, как с восхищением, очень понятным всякому, кто знает различие между русской деревней и деревней Силезии или Венгрии» (там же).

Из дневника А. В. Чичерина известно, что Семеновский полк расположился лагерем в силезской деревне Бюлау (ныне г. Белява в ЧССР) 26 мая 1813 г. и пробыл там до 8 часов утра 29 июля. В своем дневнике А. В. Чичерин поэтически описывает окрестности Бюлау (Дневник Александра Чичерина. 1812–1813. М., 1966. С. 194–212).

9. М. Я. Чаадаеву. 14 января 1820

СП II. № 1.

[1] Скрытая цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Сказки. Noël» (1818):

«... Царь входит и вещает:
Узнай, народ российский,
Что знает целый мир:
И прусский и австрийский
Я сшил себе мундир.
О радуйся, народ: я сыт, здоров и тучен;
Меня газетчик прославлял;
Я ел, и пил, и обещал –
И делом не замучен»

(*Пушкин*,
т. II, ч. I, с. 69)

Это одно из запрещенных стихотворений А. С. Пушкина, которое распространялось в списках.

10. М. Я. Чаадаеву. 9 февраля 1820

Публикуется по копии, хранящейся в *ИРЛИ,* ф. 334, ед. хр. 406. Опубликовано в журнале «Наше наследие». 1988. № 1. С. 67.

[1] До мая 1822 г. наследственные имения братьев Чаадаевых были их совместным владением.

[2] То есть до получения оброка за очередную треть года.

[3] Чаадаев жил в Петербурге в так называемом «трактире Демута», в действительности одной из самых фешенебельных и дорогих гостиниц города. Здесь у него часто бывал А. С. Пушкин. Обстановку чаадаевского жилища тех лет описывает Ф. Ф. Вигель: «В наемной квартире своей принимал он посетителей, сидя на возвышенном месте под двумя лавровыми деревьями в кадках; справа находился портрет Наполеона, слева – Байрона, а напро-

тив – его собственный, в виде скованного гения, с надписью:

Он в Риме был бы Брут,
В Афинах Демосфен,
А здесь лишь офицер гусарский» *.

(*Ф. Ф. Вигель.* Записки. М., 1928. Т. 2. С. 163). Впрочем, «Записки» Вигеля, касающиеся Чаадаева, М. И. Жихарев назвал «лживыми и бездарными» (*ВЕ.* 1871, сентябрь. С. 23).

[4] Имеется в виду предстоящее назначение Чаадаева флигель-адъютантом к Александру I.

[5] Степан Никитич Никитин.

11. М. Я. Чаадаеву. 25 марта 1820

СП II. № 2. Письмо, по предположению М. О. Гершензона, было перлюстрировано, так как на нем имеется надпись: «Письмо Чаадаева, бывшего адъютантом у г. Васильчикова, к брату, отставному Бородинского полка майору Чаадаеву» (*СП I.* С. 345).

[1] М. Я. Чаадаев, майор Бородинского пехотного полка, был уволен в отставку «по домашним обстоятельствам» 24 марта 1820 г. (см.: *НГУАК.* С. 404). Вероятно, в это время М. Я. Чаадаев еще не знал о получении им отставки, так как 27 марта 1820 г. И. Д. Якушкин писал И. Д. Щербатову из Москвы: «Три с половиною дня назад я прибыл в Москву... в тот же день я видел Облеухова и М. Я. Чаадаева; первый еще не поступил на военную службу, а второй еще ее не покинул» (*Якушкин.* С. 233).

[2] 19 марта 1820 г. А. Я. Булгаков писал брату: «Так, как здесь рассказывают дуэль Ланского с Анненковым, то последний гнусно поступил: Ланскому досталось стрелять первому, он выстрелил в воздух; тут Анненкову следовало бросить пистолет и поцеловать столь великодушного соперника, а он, вместо того, пять минут в него метился и положил наповал» (*РА.* 1900. № 11. С. 350).

[3] См. примеч. 1 к № 92.

[4] Революция в Испании началась 1 января 1820 г. восстанием части испанских войск под командованием подполковника Рафаэля дель Риего. 7 марта король Испании Фердинанд VII подписал декрет о восстановлении конституции 1812 г. и о созыве кортесов. Газета «Русский инвалид» 1 апреля 1820 г. сообщала о горячем одобрении населением Мадрида декретов Фердинанда VII и о том, что при этом «не происходило никаких беспорядков и спокойствие столицы ни на минуту не было нарушено». Революцию в Испании приветствовали многие передовые представители русского общества: А. С. Пушкин, К. Ф. Рылеев, Н. И. и А. И. Тургеневы, Ф. Н. Глинка, П. А. Вяземский и др. У многих из них «мирный характер» революции вызывал надежды на то, что провозглашение конституции в Испании побудит Александра I выполнить данное им в марте 1818 г. обещание распространить конституционное управление на Россию. По-видимому, о событиях в Испании Чаадаев узнал из неофициальных источников. Подробнее см. переписку А. Я. и К. Я. Булгаковых (*РА.* 1900. № 11. С. 350; 1902. № 11.

---

* Искаженная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «К портрету Чаадаева».

С. 356); *Додолев М. А.* Россия и Испания 1808–1823 гг. М., 1984. С. 194–211.

[5] Полковник Г. Е. Шварц был переведен в Семеновский полк 9 апреля 1820 г., а 12 апреля того же года назначен командиром полка. Это, очевидно, противоречит указанной в начале письма дате; по предположению М. О. Гершензона, Чаадаев, начав письмо 25 марта, закончил его в десятых числах апреля (*СП I.* С. 346).

12. М. Я. Чаадаеву. 7 июня 1820

Публикуется по копии, хранящейся в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 406. Судя по отметке Д. И. Шаховского, на 4-ой странице подлинника имеется надпись: «Его Высокоблагородию М. Государю Михайле Яковлевичу Чаадаеву. В городе Дмитров, что в Московской губернии. Доставить в сельцо Алексеевское Княгине Щербатовой».

Весной 1820 г. Чаадаев принимал активное участие в судьбе А. С. Пушкина. С. П. Шевырев сообщает: «...За разные вольные стихи, особенно за „Оду на свободу", император Александр решился отправить его (Пушкина.– *В. С.*) в Соловки. Здесь спас его П. Я. Чаадаев. Он отправился к Карамзину, упросил жену Карамзина, чтоб она допустила его в кабинет мужа (который за своею „Историей" по утрам никого, даже жену, не принимал), рассказал Карамзину положение дела, и тот тотчас отправился к Марии Федоровне, к которой имел свободный доступ, и у нее исходатайствовал, чтобы Пушкина послали на юг» (Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 38).

В это же время Чаадаев активно обсуждает с Н. И. Тургеневым целый ряд политических и социально-экономических вопросов. Последний записал в своем дневнике 30 июля 1820 г.: «Сегодня за обедом Чаадаев обрадовал меня рассказом разговора с В(асильчиковы)м, из которого можно заключить, что правительство хочет что-то сделать в пользу крестьян, и что Екат(еринослав)ское возмущение имело влияние на сие намерение правительства». (*АТ.* Вып. 5. С. 234). См. также письмо Н. И. Тургенева к Чаадаеву от 27 марта 1820 г. в «Приложениях» № I.

13. А. И. Тургеневу. 1820

Публикуется по копии, хранящейся в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 406. Подлинник – в *ОПИ ГИМ*, ф. 247, ед. хр. 3 (ст. шифр: 210 (Шук. В. 34/3/1)). Письмо без даты. Датируется в связи с упоминаемой в предыдущем письме предстоящей поездкой в Красное Село.

[1] Из содержания письма не понятно, о чем именно хлопотал Чаадаев за Ф. Н. Глинку. Однако известно, что Глинка, как и Чаадаев, весной 1820 г. принимал активное участие в судьбе А. С. Пушкина (Глинка просил за него у Милорадовича). Впоследствии, вспоминая об этом событии, Глинка назвал Чаадаева «незабвенным для меня» (см.: Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 1. С. 208).

14. А. М. Щербатовой. 2 января 1821

СП II. № 3. Письмо представляет собой выдержки из перлюстрированного письма, доставленного высшим властям московским почт-директором Румковским. В *ГПБ*, ф. 859 (собрание Шильдера), к. 4, ед. хр. 17, среди перлюстрированных писем хранится письмо А. М. Щербатовой к П. Я. Чаадаеву от 29 ноября 1820 г., в котором она советует ему выйти в отставку. Настоящее письмо, вероятно, написано в ответ на это письмо А. М. Щербатовой.

История отставки П. Я. Чаадаева такова. В ночь с 16 на 17 октября 1820 г. 1-я гренадерская рота Семеновского полка (шефом которой был Александр I) самовольно построилась на перекличку и от имени полка принесла жалобу начальству на бесчеловечное обращение с солдатами полкового командира Шварца. Рота была заключена в Петропавловскую крепость, что послужило причиной восстания всего полка. 21 октября с подробным донесением о случившемся к Александру I, который находился в то время на конгрессе Священного Союза в Троппау, был послан П. Я. Чаадаев, прибывший туда 31 октября.

23 декабря 1820 г. Чаадаев подал прошение об отставке, которую и получил 21 февраля 1821 г. Среди причин его отставки называли его медленную езду в качестве курьера, приведшую к тому, что он опоздал с сообщением и был опережен австрийским курьером, что якобы вызвало неудовольствие Александра I (см.: *Свербеев.* Т. 2. С. 389–391). По версии М. И. Жихарева (*ВЕ.* 1871, июль. С. 204–208), Чаадаев, согласившись на поездку, совершил предательство по отношению к своим товарищам. Обе версии в настоящее время опровергнуты. После смерти Чаадаева С. А. Соболевский писал Жихареву: «Причины, побудившие П. Я. выдти в отставку – так истинно просты и в то же время глубокомысленны, что всякий его знающий удивлялся, как он не догадался прежде, в чем дело было» (*ГБЛ*, ф. 103, п. 1033а, ед. хр. 37, л. 1).

Всего вероятнее, причина отставки была личного психологического плана («истинное честолюбие»), которую указал сам Чаадаев. «Вы спрашиваете у меня, какая причина побуждает Чаадаева выходить в отставку,– писал И. В. Васильчиков П. М. Волконскому 4 февраля 1821 г.– Вот та, которую он заявляет: у него старая тетка, которой он очень много обязан, требующая, чтоб он вышел в оставку и поселился возле нее. Я сделал все, что мог, чтобы его удержать; я ему даже предлагал 4-х месячный отпуск; но он твердо стоит на своем, и я думаю, что всего лучше исполнить его желание» (*РА.* 1875. № 4. С. 452).

«Государь,– рассказывает М. И. Жихарев,– был крайне удивлен и крайне недоволен его отставкой. Он даже присылал от себя очень значительное лицо спросить, „для чего он выходит, и если чем недоволен или в чем имеет нужду, так чтобы сказал. Коли, например, нужны ему деньги“, то государь велел ему передать, „что он сам лично готов ими снабдить“» (*ВЕ.* 1871, июль. С. 208). Вскоре в отношении Александра I к Чаадаеву наступил перелом. 21 февраля (5 марта) 1821 г. кн. Волконский сообщил Васильчикову: «Его величество приказал дать испрашиваемую отставку вашему адъютанту Чаадаеву, но без пожалования ему чина, потому что государь... получил сведения весьма невыгодные для него. Эти сведения его величество предоставляет себе вам показать по

своем возвращении в Петербург... Храните это для себя, и вы удивитесь тому, что вам государь покажет» (*РА*. 1875. № 5. С. 78–79). Возможно, что сведения, о которых здесь говорится, это донос Грибовского о тайном обществе, в котором упоминался Чаадаев; возможно, что это печатаемое письмо Чаадаева.

«Высочайшим приказом» 21 февраля 1821 г. Чаадаев был уволен от службы «по домашним обстоятельствам» без пожалования чина. Последнее, по словам Жихарева, больно задело самолюбие Чаадаева. «Не помню что-то, жалел ли Чаадаев об мундире, но об чине имел довольно смешную слабость горевать до конца жизни, утверждая, что очень хорошо быть полковником, потому, дескать, что „полковник – чин очень звонкий“» (*ВЕ*. 1871, июль. С. 208).

Подробнее об отставке Чаадаева см.: *Лонгинов М. Н.* Эпизод из жизни П. Я. Чаадаева 1820 года // РА. 1868. № 8. С. 1317–1328; *Тарасов II.* С. 61–75.

15. М. Я. Чаадаеву. 19 июня 1821

Публикуется по рукописи перевода, хранящегося в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 408. Там же – копия с французского оригинала.

Получив отставку, Чаадаев до конца мая 1821 г. оставался в Петербурге. В дневнике Н. И. Тургенева зафиксирована его встреча с Чаадаевым, Муравьевым и М. С. Луниным 25 апреля; а 1 июня он записал: «Вчера уехал Чаадаев в Москву. Третьего дня я провел с ним вечер. Наконец мы разговорились и договорились ⟨...⟩» (*АТ*. Вып. 5. С. 265). О чем «договорились» Н. И. Тургенев и Чаадаев, отчасти известно из доноса М. К. Грибовского о Союзе Благоденствия, составленного в феврале–марте 1821 г. и врученного Александру I в конце мая. В этом доносе о Чаадаеве, «испытывавшемся еще для Общества», сказано, что он брался содействовать журналу, который собирались издавать Н. И. Тургенев и проф. Куницын (Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988. С. 184). Вероятно, перед отъездом в Москву «испытание» Чаадаева закончилось и он «договорился» с Тургеневым о вступлении в Тайное общество. Конец 1821 г. отмечен еще двумя крупными событиями в жизни Чаадаева: принятием его в члены Тайного общества (см. там же, с. 46, 476) и обыском в селе Алексеевском (где в это время жили оба брата Чаадаевы) в связи со следствием по делу о «возмущении» в Семеновском полку. Обыск был произведен 19 декабря, о чем московский гражданский губернатор 22 декабря доносил начальнику главного штаба (см. Декабристы. Л., 1926. С. 192). При этом с Чаадаевых была взята следующая подписка:

«1821-го года декабря 19-го дня. Я, нижеподписавшийся, отставной Бородинского пехотного полка майор Михайло Яковлев сын Чаадаев, даю сию подписку Его превосходительству господину Московскому Гражданскому Губернатору в том, что у меня нет никаких касающихся Лейб-Гвардии до Семеновского полка и бывшего командира оного господина полковника Шварца бумаг, с 16-го октября 1820 года по сие время, кроме отобранных от меня Дмитровским исправником и представленных к его превосходительству, в удостоверение чего и подписуюсь: отставной майор Михайло Яковлев сын Чаадаев.

В том же подписуюсь: отставной гвардии ротмистр Чаадаев». (*ЦГВИА*, ф. 36, оп. 3, св. 2, д. 14, л. 130).

Среди бумаг, отобранных у Чаадаевых, имелись: «выписка из Монитера и письмо на французском диалекте, которые по содержанию своему относятся до беспорядков, случившихся в Семеновском полку» (Декабристы. С. 192). Эти или другие, неизвестные нам документы, едва не навлекли на П. Я. Чаадаева правительственных репрессий. В дневнике Н. И. Тургенева от 23 января 1822 г. сделана следующая тревожная запись: «На сих днях узнал я неприятное для Чаадаева.– Какой конец этому будет? К чему все это ведет? Эти ли предметы должны обращать на себя внимание правительства?» (*АТ*. Вып. 5. С. 312–313). 12 февраля того же года Тургенев записал: «О Чаадаеве слышу все неприятное». И наконец, 15 февраля: «Сегодня я узнал, что в Москву можно написать к Чаадаеву приятное, по крайней мере успокоительное известие» (там же. С. 315, 316).

[1] О каких «делах» идет речь, неизвестно. Из сказанного можно заключить, что М. Я. Чаадаев был занят обдумыванием или сочинением какого-то философского произведения. Свидетельством его философских увлечений является сохранившаяся рукопись сделанного им в 1807 г. перевода «Боссоюэтово изображение Греков...» (*ЦГАЛИ*, ф. 546, оп. 1, ед. хр. 16). Круг его философских интересов в какой-то мере отражают заголовки, которыми снабжен его «Меморандум» (Подневные записи. 1847–1866 гг.): «Философия–метафизика–мораль», «Человечество–люди», «Гражданское общество (...)–политические студии» и т. п. (см.: Герцен, Огарев и их окружение. Рукописи, переписка и документы. М., 1940. С. 385–386; «Меморандум» в настоящее время хранится в *ЦГАЛИ*, ф. 546, оп. 1, ед. хр. 15).

16. И. Д. Щербатову. 1821

Публикуется по копии, хранящейся в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 424. Датировано Д. И. Шаховским по связи со следующим письмом.

[1] Интерес к Гете сохранился у Чаадаева на всю жизнь. В его второй библиотеке имелось несколько изданий Гете на французском и немецком языках (см. *Каталог*. №№ 296–298). Судя по карандашным отметкам Чаадаева, любимым его сочинением Гете был «Фауст». Ниже приведены несколько отрывков из «Фауста» с характерными отметками Чаадаева (в переводе Н. Голованова по изданию: «Фауст. Трагедия Гете». М., 1898):

Пролог на небе:

О вы, сыны блаженные мои,
Любуйтеся живой красой созданья,
Все сущее объемля гранью
× Всепримиряющей любви,

А что в минутном видимо явленьи,
Скрепляйте узами мышленья!

S. 22

Часть I. Ночь:

Что не из сердца истекает,
То сердца не придаст сердцам.
S. 34

О да, мы далеко ушли!
Чуть с неба звезды не хватаем!
Мой друг, прошедшее земли
Не знали мы, да и не знаем,
А духом тех нам кажется времен
Лишь дух писателя, в котором
Быт стародавний отражен...
S. 35–36

Ах, две души, две жизни, две любви
Живут во мне, враждуя меж собою!
Привязана к земле одна из них
И грубые ей милы наслажденья;
Чужда другая радостей земных
И высшего исполнена влеченья...
S. 61–62

(Указаны страницы издания: Theater von Goete. T. 1. Faust. Wien: Bauer, 1816.– *Каталог.* № 298).

17. И. Д. Щербатову. 18—19 сентября 1821

Публикуется по писарской копии, хранящейся в *ЦГВИА* (ф. 36, оп. 2, св. 2, д. 14, лл. 37–37 об.). О датировке см. примеч. 4. Письмо, вместе с другими бумагами И. Д. Щербатова, было представлено князем Д. М. Щербатовым в комиссию военного суда, созданную для расследования обстоятельств «Семеновского дела».

[1] Н. Д. Шаховская.
[2] Ф. П. Шаховской.
[3] Игнатий Панов, камердинер Д. И. Щербатова.
[4] На вопрос следственной комиссии: «О каком гибельном приключении упомянуто в письме к вам г. Чаадаева, и когда оно написано?» И. Д. Щербатов на допросе 21 декабря 1821 г. показал: «Гибельное приключение: командуемого мною Владимирского пехотного полка 3-го баталиона штабс-капитан Шалгин нечаянно застрелил унтер-офицера его роты. Писано письмо сие 18-го или 19-го сентября 1821 года» (Декабристы. Сб. материалов. Л., 1926. С. 178).

18. М. Я. Чаадаеву. 2 июля 1823

СП II. № 4. На обороте надпись: «Его Высокоблагородию Михайле Яковлевичу Чаадаеву. В Ардатов Ниж. губ. Для доставления в село Хрипуново».

Речь, идет, вероятно, о книге Rau G. L. Ueber die Erkenntniss und Heilung der gesammten Hämmorrhoidalkheit.— Giessen:

Hayer, 1821, имевшейся в библиотеке Чаадаева. В книге есть пометки, сделанные рукой П. Я. Чаадаева (см. *Каталог.* № 566).

[2] См. примеч. 2 к № 19.

[3] Иван Яковлевич, камердинер Чаадаева.

19. М. Я. Чаадаеву. 5 июля 1823

СП II. № 5. На обороте надпись:

«Его Высокоблагородию Михайле Яковлевичу Чаадаеву. В г. Ардатов Ниж. губ. Для доставления в село Хрипуново». Письмо сопровождалось запиской М. И. Муравьева-Апостола к М. Я. Чаадаеву от 7 июля 1823 г.:

«Третьего дня в 9 часов вечера ваш брат отбыл в Англию. Нам пришлось пробыть целых три дня в Кронштадте, так как все время дул противный ветер. Его корабль – превосходный парусник, он сделал переход из Лондона в Кронштадт в 9 дней. Вещь неслыханная! – Он вручил мне письмо к вам, которое при сем прилагаю. Мне хотелось бы, чтобы вы приехали в Москву этой зимою, ибо сам имею намерение быть там. Сергей в Бобруйске с дивизией, которая там в сборе. Он несомненно поручил бы мне передать вам весьма многое, если бы мог предположить, что я буду писать вам,– дружба, которую он питает к вам, служит порукою тому, что я говорю вам. Сердечно жму вашу руку. М. Муравьев-Апостол.

P. S. Чтобы избежать почтовых расходов, которые весьма значительны за границей, ваш брат поручил мне просить вас адресовать ваши письма нижеследующим образом: A Messieurs Messieurs Baring freres a Londres. Pour remettre à Mr. de Tchadaew.

Кланяюсь вам.

Зиму он рассчитывает провести в Париже: впрочем, он сам вам о том напишет» (*СП II. С. 310*).

[1] Вероятно, Чаадаев намеренно поменял судно, отправлявшееся в Германию, на английский корабль, чтобы ускорить свой отъезд и тем самым избежать встречи с Александром I, который должен был прибыть в Кронштадт 14 июля на судно «Предприятие», отправлявшееся под командованием О. Коцебу в кругосветное плавание (см.: *Коцебу О.* Новое путешествие вокруг света в 1823–1826 гг. М., 1987. С. 26).

[2] В своих «Записках» М. И. Муравьев-Апостол вспоминал: «Н. Н. Раевский и я, мы провожали Чаадаева до Кронштадта, видели, как он сел на корабль. Прежде чем с ним проститься, Раевский сказал мне: „Зачем это мы провожаем Чаадаева?“ Чаадаев простился с нами как будто мы должны с ним свидеться на другой день» (*ГМ*. 1904. № 1. С. 140).

В письме к И. Д. Якушкину от 27 мая 1825 г. М. И. Муравьев-Апостол спрашивал: «Расскажи мне подробнее о Петре Чаадаеве. Прогнало ли ясное итальянское небо ту скуку, которою он, по-видимому, столь сильно мучился в пребывание свое в Петербурге, перед выездом за границу» (*Якушкин.* С. 246).

О подавленном состоянии духа Чаадаева после отставки свидетельствует и М. И. Жихарев (*ВЕ*, 1871, сентябрь. С. 9, 11).

Накануне отъезда за границу Чаадаев продал свою библиотеку (так наз. «первую библиотеку») своему родственнику — князю Ф. П. Шаховскому, женатому на его кузине Наталье Дмитриевне. Причем, принадлежавший ему экземпляр «Апостола» 1525 г. Чаадаев подарил или продал Ф. И. Толстому («Американцу»). См. подробнее *Каменский З. А.* Вторая библиотека П. Я. Чаадаева // Каталог. С. 5–12; *Гречанинова В. С.* Библиотека П. Я. Чаадаева // Федоровские чтения. 1976. М., 1978. С. 124–127; *Немировский Е. Л.* «Апостол» 1525 года Ф. Скорины // Труды ГБЛ. М., 1978. Т. 14. С. 189–190.

20. М. Я. Чаадаеву. 19/31 июля

СП II. № 6.

[1] г. Хельсингерс на побережье Дании.

[2] Князь Д. М. Щербатов.

[3] Anastase, ou Mémoires d'un Grec, écrit à la fin du XVIII-e siècle par Thomas Hope, traduit par M. Defauonpret. P., 1820.

[4] Aqua tophana (*лат.*) — Вода Тофаны — сильно действующий яд неизвестного состава, которым пользовалась в Сицилии знаменитая отравительница Теофания ди Адамо (1659–1709) (*Бабкин А. М., Шендецов В. В.* Словарь иноязычных выражений и слов. A—J. Л., 1981. С. 100).

[5] В «Указе об отставке М. Я. Чаадаева» сказано: «1814 года во Франции марта 18 при г. Париже, а оттуда до г. Шербурга и из оного на эскадре в г. Кронштадт» (*НГУАК*. С. 404).

21. М. Я. Чаадаеву. 1/12 сентября 1823

СП II. № 7.

[1] Грейт-Ярмут на восточном побережье Англии.

[2] Е. Д. Щербатова.

[3] Н. Д. Шаховская.

22. М. Я. Чаадаеву. 20 ноября 1823

СП II. № 8.

[1] Село Большие Лихачи Нижегородской губ. Ардатовского уезда. Это село, доставшееся братьям Чаадаевым «по купчей от маиора Николая Степановича Наумова в 1805 г.», в котором было «по седьмой (1817 г.) ревизии триста пять мужеска пола душ», по условиям раздела имущества в 1822 г. осталось в совместном владении П. Я. и М. Я. Чаадаевых (*ГАГО*, ф. 177, оп. 766, ед. хр. 1832, л. 3).

[2] См. примеч. 5 к № 10.

23. М. Я. Чаадаеву. 22 декабря 1823/1 января 1824

СП I. № 9. Внизу письма пометка рукою М. Я. Чаадаева: «Ответ на это письмо послан 30-го Генваря из Хрипунова. Письмо это получено 26-го Генваря».

[1] В Малом Кисловском переулке (теперь Собиновский пер.) в доме № 7 Чаадаев провел свои детские и юношеские годы. Дом сгорел при пожаре Москвы в 1812 г.

[2] Княжна Е. Д. Щербатова.

[3] Князь И. Д. Щербатов.

[4] Н. Н. Шереметева.

24. М. Я. Чаадаеву. 15/3 февраля 1824

СП II. № 10.

[1] Князь Д. М. Щербатов.

[2] Письма из-за границы к брату П. Я. Чаадаев адресовал, как правило, «Марку (или «Марке») Федоровичу Козлову. В Москве. В Садовниках, в приходе Егорья Ендовы, в доме дьячка, для доставления Михайле Яковлевичу Чаадаеву».

25. М. Я. Чаадаеву. 1 апреля 1824

СП II. № 11.

[1] Княжна Е. Д. Щербатова .

[2] В Витебске в это время заседала следственная комиссия военного суда (под рук. А. Ф. Орлова) по делу Семеновского полка. В числе подследственных был И. Д. Щербатов. Поездка, по-видимому, предпринималась для свидания с ним.

[3] Краниология – раздел анатомии, изучающий строение черепа.

[4] См. № 22 и примеч. 1 к нему.

[5] Речь идет о княгине Н. Д. Шаховской и ее сыне Дмитрии.

[6] См. примеч. 2 к № 24.

[7] Н. Н. Шереметева.

26. М. Я. Чаадаеву. 12/1 апреля 1824

СП II. № 12.

[1] С. Н. Никитин .

[2] См. примеч. 2 к № 25.

27. М. Я. Чаадаеву. 26/14 мая 1824

СП II. № 13.

[1] 13 марта 1824 г. М. Я. Чаадаев писал Ф. П. Шаховскому: «Я должен 4000! – и принужден был для уплаты этого долга и для пересылки взаймы брату 10-ти тысяч закладывать в воспитательный дом часть имения. На прошлой неделе ездил в Нижний за свидетельством...» (*НГУАК*. С. 370)

28. М. Я. Чаадаеву. 22 июля 1824

СП II. № 14 .

[1] Князь Д. М. Щербатов.

[2] Имение княжны А. М. Щербатовой Дмитровского уезда Моск. губ.

29. М. Я. Чаадаеву. 1 августа 1824

СП II. № 15. Внизу письма сделана пометка М. Я. Чаадаевым: «Получено 18-го августа 1824-го года. Понедельн. при выходе из кареты по прибытии моем из Нижнего в Хрипуново. След. оно шло до Ардатова 28 дней».

[1] Княжна Е. Д. Щербатова.

30. М. Я. Чаадаеву. 7 августа 1824

СП I. № 16.

31. М. Я. Чаадаеву. 8 ноября 1824

СП I. № 17. Почтовый штемпель: «Geneve. 8 ноября 1824 г.» Внизу на письме рукой М. Я. Чаадаева: «Получено 3 декабря 1824 г.»

32. М. Я. Чаадаеву. 30 ноября 1824

СП II. № 18. Почтовый штемпель: «Bern. 9 декабря 1824 г.»

[1] Чаадаев имеет в виду свое предыдущее письмо (см. № 31).

[2] Цитата из Евангелия от Матфея (5, 4). Чаадаев возил с собой по Европе карманное издание Нового Завета на французском языке (*Каталог.* № 136) (на стр. 95 по-французски сделана надпись: «Париж 1824»). В нем очень много пометок, сделанных его рукой.

33. М. Я. Чаадаеву. 30 декабря 1824

СП I. № 19.

[1] Имеется в виду наводнение 7 ноября 1824 г.

[2] На самом деле А. С. Пушкин был в это время в Михайловском.

[3] А. И. Тургенев.

[4] По предположению Д. И. Шаховского здесь имеется в виду младший сын президента Академии художеств Алексей Алексеевич Оленин, бывший член Союза Благоденствия, о котором известно (см.: *Свербеев.* Т. 2. С. 312–329), что после 14 декабря 1825 г. он боялся возвращаться в Россию (см.: Декабристы и их время. М., 1932. Т. II. С. 175).

[5] Вероятно, М. И. Муравьев-Апостол.

34. И. Д. Якушкину. 8 января 1825

Декабристы и их время. М., 1932. С. 174–175. На письме имеется надпись: «Господину Якушкину в Москву, в России (эта фраза написана по-французски). На Тверской, в доме генеральши Облеуховой, близ Триумфальных ворот. Д. А. Облеухова просят доставить И. Д. Якушкину».

[1] Старший сын И. Д. Якушкина – Вячеслав, родившийся в 1824 г.

[2] Анастасия Васильевна, урожд. Шереметева.

[3] Шереметева, теща И. Д. Якушкина. Село Покровское, о котором говорится далее в письме, – ее имение в Рузском уезде Московской губ.

[4] Михаил Александрович Фонвизин и его жена Наталья Дмитриевна.

[5] Фонвизин, брат М. А. Фонвизина, в это время – подполковник в отставке.

[6] Имеется в виду Д. А. Облеухов, живший на Тверском бульваре.

[7] Несохранившееся письмо М. Я. Чаадаева было написано 8 октября 1824 г. и получено Петром Яковлевичем в Женеве в конце ноября. О его содержании можно судить по ответному письму П. Я. Чаадаева от 30 ноября 1824 г. (№ 32).

[8] Уезжая из Женевы, Чаадаев поручил купить часы для Якушкина С. И. Тургеневу. В письме из Женевы от 11 ноября 1825 г. последний писал Чаадаеву: «Часов с репетициею, каких вы хотите, нельзя иметь за 400 франков...» (*ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 66, л. 1).

[9] Князь И. Д. Щербатов, который находился в это время под следствием по делу о «беспорядках» в Семеновском полку.

[10] Якушкин ответил Чаадаеву письмом от 4 марта 1825 г. (см. «Приложения» № VI).

35. Н. И. Тургеневу. 6 февраля 1825

СП I. № 21. Ответное письмо Н. И. Тургенева от 14/26 февраля 1825 г. см. в «Приложениях» № V. Вскоре после этого письма Чаадаев и Н. И. Тургенев съехались в Риме и прожили там вместе около двух месяцев (см. № 37 и примеч. 2 к нему). После отъезда Н. И. Тургенева из Рима (в начале апреля ст. ст.) они переписывались, а летом снова жили вместе – в Карлсбаде. Письма Чаадаева к Н. И. Тургеневу за это время утрачены; письма Н. И. Тургенева см. в «Приложениях». Подробнее о пребывании Чаадаева и Н. И. Тургенева в Риме см.: *Тарасов II.* С. 112–123.

36. М. Я. Чаадаеву. 19/7 марта 1825

СП I. № 22. Внизу письма надпись рукой М. Я. Чаадаева: «Получено в Хрипунове 30 апреля». Почтовый штемпель: «31 марта 1825 г.»

37. М. Я. Чаадаеву. 25 мая 1825

СП II. № 23. Почтовая надпись: «2 июня 1825 года»; штемпель: «Firenze».

[1] Имеется в виду письмо И. Д. Якушкина от 4 марта 1825 г. См. «Приложения» № VI.

[2] Н. И. Тургенев приехал в Рим в марте 1825 г. и встретил здесь Чаадаева. Он писал брату Сергею Ивановичу 1/13 апреля 1825 г. из Рима: «С ним (Чаадаевым.– *В. С.*) провожу целый день. В продолжение страстной недели мы вместе ежедневно ездили в Ватикан; смотрели на духовные церемонии и три раза слушали

славное Miserere... *. Святую неделю мы провели в прогулках и осмотре некоторых древностей... Часто мне казалось весьма странным, что случай привел меня в Рим вместе с Чаадаевым. Я его всегда любил и уважал, но теперь более чем когда-либо умею ценить его. В продолжение всего путешествия голова его весьма хорошо образовалась. Размышления и болезнь (и он терпит от желудка) сделали однако же его несколько мрачным; так что в первые дни мне грустно было смотреть на него» (Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. М.; Л., 1936. С. 458). См. также коммент. к № 35.

38. М. Я. Чаадаеву. 28/16 августа 1825

СП II. № 24. Почтовая надпись: «29 августа 1825 г.»

[1] В это время М. Я. Чаадаев был уже в Москве. «На сих днях, – писал М. А. Фонвизин И. Д. Якушкину 6 августа 1825 г.,– приехал из Нижнего Михайло Яковлевич Чаадаев – он хотел ехать к Щербатовым в деревню, а оттуда к тебе. Он сказывал, что брат его теперь в Карлсбаде и осенью будет в Москву» (*Фонвизин М. А.* Сочинения и письма. Иркутск, 1979. Т. 1. С. 115).

[2] В Карлсбаде Чаадаев встретился со всеми тремя братьями Тургеневыми. Здесь же он познакомился с Шеллингом.

«На карлсбадских водах, – писал в своих воспоминаниях о Чаадаеве М. И. Жихарев, – он сделал встречу ⟨...⟩ с философом Шеллингом, и провел с ним несколько дней в близком общении и коротком разговоре. Один из великанов европейской мысли гораздо спустя не упускал случая про Чаадаева осведомляться и пересказывал многим видевшим его русским, в том числе князю Гагарину, что, по его мнению, Чаадаев один из замечательных людей нашего времени, и, конечно, самый замечательный из всех известных ему, Шеллингу, русских» (*ВЕ.* 1871, сентябрь. С. 12–13).

Возможно, что в Карлсбаде Чаадаев познакомился с Ф. И. Тютчевым (см.: *Тургенев А. И.* Хроника русского. Дневники. (1825–1826). М.; Л., 1964. С. 300).

[3] По поводу денежного долга П. Я. Чаадаева сохранилась переписка В. А. Перовского с М. Я. Чаадаевым (*ГАГО*, ф. 984, оп. 816, ед. хр. 5, лл. 1–3). В *ГБЛ* хранится недатированное письмо В. Л. Перовского к Чаадаеву (ф. 103, п. 1032, ед. хр. 42).

[4] Князь Д. М. Щербатов.

39. М. Я. Чаадаеву. 6 сентября 1825

СП I. № 25. Почтовая надпись: «1 сентября 1825 г.»

[1] Из Карлсбада в Дрезден Чаадаев выехал 8/20 сентября 1825 г. (см.: *Тургенев А. И.* Хроника русского. Дневники (1825–1826). М.; Л., 1964. С. 300).

---

* Католическая молитва: «Miserere mei, Deus...» – «Помилуй меня Боже...»

40. М. Я. Чаадаеву. 26 сентября 1825

СП II. № 26. На письме имеется надпись рукою М. Я. Чаадаева: «Получено 6-го января 1826».

[1] Аллюзия на евангельскую легенду о блудном сыне. Когда блудный сын вернулся домой, «отец сказал рабам своим: ⟨...⟩ приведите откормленного теленка, и заколите: станем есть и веселиться» (Лук. 15, 22– 23).

41. М. Я. Чаадаеву. 1 января 1826

СП I. № 27.

42. М. Я. Чаадаеву. 25 апреля 1826

СП I. № 28.

[1] См. примеч. 3 к № 38.

43. М. Я. Чаадаеву. 15/3 мая 1826

СП I. № 29. Почтовые штемпеля: «Dresden 14 May 26. Berlin 16 May».

44. М. Я. Чаадаеву. 25 мая 1826

СП II. № 30. Почтовые штемпеля: «Dresden 25 May 26. Berlin 27 Mai».

45. Н. И. Тургеневу, 6 июня 1826

СП II. № 31. Датировано М. О. Гершензоном. Письмо адресовано в Англию, где жил тогда Н. И. Тургенев, писавший своему брату Сергею Ивановичу в письме от 11 июля/29 июня 1826 г. из Лондона: «Получил письмо твое от 28 июня вместе с письмом Петра Яковлевича и брата Александра Ивановича от 17 мая...» (Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. М.; Л., 1936. С. 464).

[1] С. И. Тургенев страдал психическим расстройством; см. примеч. 1 к № 46.

[2] Чаадаев, вероятно, имеет в виду события в России, о которых он узнал, находясь в Дрездене. «На возвратном пути в Россию,– пишет М. И. Жихарев,– в Дрездене его настигли два потрясающие известия: Александр I сошел в могилу и в Петербурге совершилось событие 14-го декабря 1825 года» (*ВЕ.* 1871, сентябрь. С. 13). К числу этих событий следует отнести и смерть Н. М. Карамзина (см. примеч. 1 к № 47).

46. А. И. Тургеневу. 15 июня 1826

СП II. № 32. Полная дата определена М. О. Гершензоном.

[1] Здоровье С. И. Тургенева в Дрездене, куда он прибыл из Неаполя 14/26 мая 1826 г., стало сильно ухудшаться, и болезнь его

перешла в психическое расстройство. Он и Чаадаев (который самоотверженно ухаживал за больным) жили здесь в одном доме с Е. Г. Пушкиной и ее дочерью Ольгой.

47. А. И. Тургеневу. 17 июня 1826

СП II. № 33. Полная дата определена М. О. Гершензоном.

[1] Н. М. Карамзин умер 22 мая 1826 г.

48. М. Я. Чаадаеву. 1 августа 1826

СП I. № 43. Почтовый штемпель: «Брест. 2 августа 1826 г.»

[1] На основании неопубликованного письма С. И. Тургенева к А. И. Тургеневу Д. И. Шаховской установил, что Чаадаев выехал из Дрездена 30 июня/12 июля 1826 г. и прибыл в Варшаву в первых числах июля (см. *ЛН.* Т. 19–21. С. 28).

49. С. П. Жихареву. Март 1827

СП I. № 36. На обороте адрес: «Его Превосходительству Милостивому Государю Степану Петровичу Жихареву. Под Новинском» и надпись рукою С. П. Жихарева: «Ответ. 21 марта. Письмо отдано Княгине Шаховской».

[1] Жихарев заведовал денежными делами братьев Тургеневых, находившихся за границей. В начале года он обещал собрать проценты с их должников.

В письме к А. И. и С. И. Тургеневым от 28 сентября 1826 г. он писал из Москвы: «С Чаадаевым в Бресте было то же, что с Сергеем ‹Тургеневым› в Италии, – но он, как и Сергей, явился чист, как луч солнечный. Затруднились было над письмами лондонского обывателя ‹Н. И. Тургенева› – но после возвратили все, и он, выдержав 6-недельный карантин в Бресте, живет теперь пока с нами. Его приглашают в службу, но он еще не решил, как и куда». (*Жихарев С. П.* Записки современника. М.; Л., 1934. Т. II. С. 407). При возвращении в Россию Чаадаев был задержан в Брест-Литовске и допрошен; подробнее см. Показания Чаадаева 1826 г. в т. 1 наст. изд.

[2] К числу этих обстоятельств относится, вероятно, знакомство с А. С. Норовой. Подробнее об их взаимоотношениях см.: *Тарасов Б. Н.* А. С. Норова и П. Я. Чаадаев (История неразделенной любви) // Тарасов I. С. 264–275. См. также комментарий к письмам А. С. Норовой («Приложения», № XX).

[3] Чаадаев жил в это время в с. Алексеевском – имении А. М. Щербатовой.

[4] С. И. Тургенев.

50. С. П. Жихареву. 1827

Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1934. Т. 2. С. 516–517

[1] 23 марта 1827 г. С. П. Жихарев был назначен обер-прокурором 8-го Департамента Сената (см.: Русский биографический словарь. «Жабокритский–Зяловский». Пг., 1916. ‹Т. 7›. С. 49).

[2] Имеется в виду А. И. Тургенев; его путевые письма печатались в 1827 г. в журнале «Московский телеграф».

[3] Н. И. и С. И. Тургеневы.

[4] Е. Г. Пушкина.

[5] Имеется в виду денежный долг Чаадаева Н. И. Тургеневу; см. примеч. 1 к № 49

[6] Деревня Тургеневых – Княжево.

[7] Н. И. Тургенев.

[8] У Ф. П. Шаховского было две сестры – Прасковья и Екатерина. Вероятно, здесь речь идет о Екатерине, жене поручика л.-гв. гусарского полка Н. С. Слепцова.

[9] Правильно: Федосья Дмитриевна – жена С. П. Жихарева.

[10] В 1827 г. А. С. Пушкин собирался за границу с С. А. Соболевским, но это намерение не осуществилось.

51. А. С. Пушкину. Март-апрель 1829

СП II. № 37. Датируется временем пребывания А. С. Пушкина в Москве в 1829 г.

Период жизни П. Я. Чаадаева от времени его приезда в Москву в 1826 г. до появления в московском светском обществе в 1831 г.– одно из «белых пятен» его биографии. Это период «затворничества» мыслителя, о котором сохранилось всего несколько свидетельств современников. По воспоминаниям М. И. Жихарева (*ВЕ.* 1871, сентябрь. С. 14) Чаадаев в первые же дни по приезде в Москву имел здесь беседу с Блудовым (председателем «следственной комиссии») о декабристах. 10 сентября он присутствовал на чтении «Бориса Годунова» у С. А. Соболевского (Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 371–373), а 4 октября выехал из Москвы в Алексеевское, и «пробывши там очень недолго, – отмечает Жихарев.– окончательно вернулся в Москву, из которой никогда уже более не выезжал... В это же время, он делал некоторые попытки опять вступить в службу по гражданской части, но эти попытки не имели ни успеха, ни значения и делались как бы шутя или забавы ради» (*ВЕ.* 1871, сентябрь. С. 15; ср. также: *Свербеев.* Т. 2. С. 394; Следует обратить внимание на ошибку Д. Н. Свербеева: возвращение Чаадаева из-за границы он относит к 1827 г.).

Следующий год жизни Чаадаева известен исключительно из писем-дневников А. В. Якушкиной (жены декабриста). 24 октября 1827 г. она писала мужу: «Пьер Чаадаев провел у нас целый вечер. Мне кажется, что он хочет меня обратить. Я нахожу его весьма странным и, подобно всем тем, кто только недавно ударился в набожность, он чрезвычайно экзальтирован и весь пропитан духом святости ⟨...⟩ Пьер Чаадаев сказал мне, что я говорю только глупости, что слово счастье должно быть вычеркнуто из лексикона людей, которые думают и размышляют. Я тоже сказала ему, что он говорит глупости, не так прямо, как он мне изволил сказать, но вполне вежливо. Под конец он согласился, что это могло бы быть правдой. Он обещал мне принести главу из Монтеня, единственного, кого можно, по его словам,читать с интересом. Но если бы ты его видел, ты нашел бы его весьма странным. Ежеминутно он закрывает себе лицо, выпрямляется, не слышит того, что ему говорят, а потом, как бы по вдохновению, начи-

нает говорить. Маменька слушает его с раскрытым ртом и повторяет вслед за Мольером: „О великий человек“, а я говорю потихоньку „Бедный человек“» (Новый мир. 1964. № 12. С. 141). Она же свидетельствует о нелюдимости Чаадаева в это время (там же. С. 145–146).

Наконец, С. П. Жихарев в письме к А. И. Тургеневу от 6 июля 1829 г. сообщал о Чаадаеве: «Сидит один взаперти, читая и толкуя по-своему Библию и отцов церкви. Был один раз у Пушкиной (Е. Г.) тотчас по ее приезде и после не ходит» (*Жихарев С. П.* Записки современника. М.; Л., 1934. Т. II. С. 428).

Таким образом, из свидетельств современников следует, что наиболее «глухой» период «затворничества» Чаадаева приходится на 1829–1831 гг., а летом 1831 г. он начал уже «выходить» (см. письмо А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу от 27 июня 1831 г.– *ЖМНП*. 1913, март. Ч. 44. С. 20). Вместе с тем 1829 год – год наиболее интенсивной работы Чаадаева над «Философическими письмами» (VII письмо датировано 1829, 16 февраля, I–1829, 1 декабря). Зимой 1830 г. сочинение Чаадаева уже читает М. Я. Мудров (его письмо к Чаадаеву см. в «Приложениях» № XXI), а летом того же года – А. С. Пушкин и М. П. Погодин.

Таковы известные нам обстоятельства жизни П. Я. Чаадаева в то время, когда было написано публикуемое письмо к А. С. Пушкину.

Следует отметить, что готовя к печати издание сочинений и писем Чаадаева, Д. И. Шаховской заменил в переводе обращение Чаадаева к Пушкину «Вы» на «ты» (*ИРЛИ*, ф. 334, № 354).

[1] Имеется в виду французский перевод романа Ф. В. Булгарина «Иван Выжигин, или русский Жилблаз», изданный в Париже в 1829 г.

[2] Неясно, о каком журнале идет речь. Очень много материалов о Пушкине в 1828–1829 гг. печаталось в «Московском телеграфе», «Дамском журнале», «Московском вестнике», а также в «Bulletin du Nord», издававшемся в Москве в 1828–1829 гг. графом Ж. де Лаво на французском языке. Вполне возможно, что в письме речь идет именно о «Северном бюллетене», ни одна тетрадь которого не обходилась без заметок или известий о поэте (см.: *Курочкина Г. Г.* Московская пресса 1820–1830-х годов о Пушкине // ВрПК – 1981 (вып. 19). Л., 1985. С. 108–120).

[3] Письмо Чаадаева сопровождалось посылкой книги Ф. Ансильона «Pensées sur l'homme, ses rapports, et ses interêts», Tt. 1–2. Berlin, 1829. Книга с пометками и надписями Чаадаева сохранилась в библиотеке А. С. Пушкина. Описание пометок Чаадаева см.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание // Пушкин и его современники. СПб., 1910. Вып. IX–X. С. 139–141. Надпись Чаадаева см.: «Заметки на книгах» № 39 в т. 1 наст. изд.

52. А. С. Пушкину. 17 июня 1831

СП II. № 40. Ответ А. С. Пушкина от 6 июля 1831 г. см. в «Приложениях» № XXVII.

[1] В мае 1831 г., уезжая из Москвы в Петербург, А. С. Пушкин взял с собою рукопись Чаадаева, в которой содержалась часть

«Философических писем». Из ответного письма Пушкина (№ XXVII) следует, что «рукопись» включала в себя *ФП VI* и *VII*. Однако П. И. Бартенев со слов Чаадаева утверждает, что «рукопись... заключала в себе и тот отрывок, за напечатание которого пострадал Телескоп» (Летописи Гос. лит. музея. Кн. 1. Пушкин. М., 1936. С. 502), т. е. *ФП I*.

[2] Чаадаев начал бывать в Английском клубе и московском обществе с середины 1831 г. Об этом рассказывает М. И. Жихарев: «Чаадаев больной был несносен для всех видевших его врачей, которым всегда всячески, сколько сил у него доставало, надоедал. Профессор Альфонский ‹...› видя его в том нестерпимом для врача положении, которое на обыкновенном языке зовется „ни в короб, ни из короба“, предписал ему „развлечение“, а на жалобы: „куда же я поеду, с кем мне видеться, как, где быть?“ отвечал тем, что лично свез его в московский английский клуб. В клубе он встретил очень много знакомых, которых и сам был доволен видеть, и которые и ему обрадовались ‹...›Побывавши в клубе, увидав, что общество удостаивает его еще вниманием, он стал скоро и заметно поправляться, хотя к совершенному здоровью никогда не возвращался» (*ВЕ*. 1871, сентябрь. С. 15–16).

О Чаадаеве этого времени много сведений находится в письмах А. И. Тургенева к брату Н. И.: «Чаадаев здесь, и желает меня видеть; он уже и к другим начал выходить, был у Пушкиных и объявил, что желает себе быть несколько в свете. Одни приписывают его отшельничество глубокой меланхолии, но Мудров уверял меня, что ничего не бывало, что одно благочестие и отвращение от света и занятия религиозные причиною его дикости и хвалил его чрезмерно» (27 июня 1831 г.; *ЖМНП*. 1913, март. С. 20).

«Был я у Петра Яковлевича. Нашел его весьма изменившимся: постарел, похудел, и почти весь оплешивил. Мы с ним до свидания списались, и тебя тронула бы записка его искренней к нам дружбою. Он удивлялся, что я к нему не еду, и говорил об этом другим. Двумя словами я все объяснил ему. Он обнял меня нежно и в первое же свидание отдал мне часть своего сочинения, в роде Мейстера и Ламенне, и очень хорошо написанное по-французски. Повел в свой кабинет и показал твой портрет между людьми, для него любезнейшими: импер. Александром и Папою. На другой стороне один Сережа (С. И. Тургенев.– *В. С.*). Обнимал меня нежно; говорил о своем плохом здоровье, о геморрое и просил быть чаще с ним. Сначала я ничего не заметил, что бы могло оправдать мнение тех, кои полагают его слишком задумчивым; но после я увидел, что одна мысль, религиозная – о коей он и пишет – слишком исключительно занимает его, и что он почитает себя слишком больным и слабым, хотя, впрочем, точно он на вид очень похудел. Чувствуя, вероятно, что ему нужно рассеяние, начал он выезжать и обещал навещать многих приятелей ежедневно в Англ. Клобе, куда и я с ним в первый раз приехал; но не остается позже 10 часов, опасаясь простуды. Книг у него много, и все в роде религиозном: немецкие и англ. и франц. Брат его здесь и он, кажется, с ним обедает. Он обещал сначала со мною обедать на даче, где будут Дмитриев, и Салтыков, и Вяземский. Но вчера опять раздумал и не поедет; зовет, однако же, почаще к себе, что я и исполню тем охотнее, что и предмет его размышлений и книги, кои он предпочитает, и мне были известны, и мы

во многом сходно думаем, хотя главной мысли его о религии я и не разделяю» (2 июля 1831 г.; там же. С. 20).

«Обедал у нас Чаадаев и Вяземский. Я часто вижу первого, для того, чтобы развлечь его: он, конечно, ментально болен но, кажется, рассеяние и деликатное обхождение с его слабостями может помочь ему. Он воображает, что болезнь его, и именно открытый геморой *, делают его кандидатом смерти; от того худеет и имеет вид совершенного, но скороспелого старика, худ, плешив, с впалыми глазами, и беспрестанно говорит о своем изнеможении. В первый день заставил я его открыть окно и после находил его часто с открытыми окнами. Он ежедневно в Англ. Клобе; обедать там не решается, а только проводит вечер. Не с кем ему отвести душу сердечным разговором, о предметах, кои занимают ум, душу и время его, т. е. высшими думами о религии и о церкви: а система его точь в точь Гр. Мейстера, модифицированная чтением немецких писателей. Он давал мне прочесть одну тетрадь, и я нашел много хорошего и для других нового, хотя, впрочем, я и не разделяю мнений его. Он много и внимательно прочел, и я в его библиотеке неожиданно встретил книги, кои не думал найти здесь; но все большею частию религиозные. Эти общие идеи не мешают ему исключительно заниматься собою – и в этом-то, кажется, и грех его и пункт, опасный для его болезни. Все говорит о себе, ухаживает за самим собою; также опрятен до педантичности; мне показалось, что в этом есть какой-то эгоизм и самолюбие; последнее оскорблено было невниманием к его странностям, к его отшельничеству. Следствием чего была болезнь его ментальная, усиливавшаяся в разлуке со светом и, может быть, физическим расслаблением. Он желает возвратиться в свет, начал с Клоба, но заговаривает часто и о других знакомствах и показывает желание выезжать. Умерен в пище; но думает уже, что ничего не ест, а за обедом съел более меня (я осторожен от жара и от расстроенного желудка); беспрестанно наблюдает за собою и желает обращать внимание других» (там же. С. 20–21).

53. А. С. Пушкину. 7 июля 1831

СП II. № 41.

[1] Чаадаев писал это письмо, не получив еще ответного письма А. С. Пушкина от 6 июля на свое предыдущее письмо.

[2] Под «остальными писаниями» Чаадаев, вероятно, имел в виду либо часть ОРМ, которая была опубликована в журнале «Телескоп» № 11 за 1832 г. («Нечто из переписки NN»), либо *ФП I, VI* и *VII,* которые были на руках у А. С. Пушкина (см. примеч. 1 к № 52).

[3] Имеется в виду эпидемия холеры.

54. А. С. Пушкину. 18 сентября 1831

СП II. № 42. На обороте надпись: «Его Высокоблагородию Милостивому Государю Александру Сергеевичу Пушкину, в Царском Селе в доме Панаевой».

---

* Так в оригинале.

[1] А. С. Пушкин пытался переслать рукопись Чаадаеву с П. В. Нащокиным. 21 июля 1831 г. он писал последнему из Царского Села: «Посылаю тебе посылку на имя Чаадаева; он живет на Дмитровке против церкви. Сделай одолжение, доставь ему» (*Пушкин.* Т. XIV. С. 196). И ему же 29 июля: «Я просил тебя в последнем письме доставить посылку Чаадаеву: посылку не приняли на почте» (там же. С. 200). Сочинение Чаадаева читал не только Пушкин, но и П. А. Вяземский и А. И. Тургенев. Так, П. А. Вяземский писал А. С. Пушкину 14 июля 1831 г. из Остафьева; «Чаадаев выезжает: мне все кажется, что он немного тронулся. Мы стараемся приголубить его и ухаживаем за ним. Между тем сколько есть истинно прекрасного и прекрасно истинного в сочинении его религиозном» (Переписка А. С. Пушкина. М., 1982. Т. 1. С. 304). Свое мнение о труде Чаадаева высказал А. И. Тургенев (в приписке к письму П. А. Вяземского А. С. Пушкину 14 июля 1831): «В письме к Чаадаеву * о его рукописи много справедливого. Поставь на место католицизма – христианство, и все будет на месте; но в том-то и ошибка его и предтечей его: Мейстера, Бональда, Ламене, Свечиной.– На словах и в записочках я часто бесил сию превосходную мыслящую четверку тем же замечанием; но они не сдаются ни на рассуждения, ни на историю, в коей видят только Рим и церковь, а не мир и религию. Чаадаев попал на ту же мысль, или лучше увлечен ими на ту же дорогу, хотя он – выслушивает и другую сторону: т. е. читает и протестантов; но находит в них или подтверждение своему взгляду на историю, или слабые доказательства, кои спешит обессилить, или устраняется от состязания, когда доводы противников слишком сильны.– Это кабинетное занятие было бы спасительно и для его ментально-физического здоровья, о которм пишу к Жуковскому,– но болезнь, т. е. хандра его, имеет корень в его характере и в неудовлетворенном самолюбии, которое, впрочем, всем сердцем извиняю и постигаю» (там же. С. 674–675).

А. С. Пушкин отвечал на это в письме к П. А. Вяземскому от 3 августа 1831 г.: «Благодарю Александра Ивановича за его религиозно-философскую приписку. Не понимаю, за что Чаадаев с братией нападают на реформацию (то есть на известное проявление христианского духа. Насколько христианство потеряло при этом в отношении своего единства, настолько же оно выиграло в отношении своей народности). Греческая церковь – дело другое: она остановилась и отделилась от общего стремления христианского духа. Радуюсь, что Чаадаев опять явился в обществе. Скажи ему, что его рукопись я пытался было переслать к нему, но на почте посылок еще не принимают, извини меня перед ним» (*Пушкин.* Т. XIV. С. 205).

В возвращении рукописи Чаадаева принимал участие А. И. Тургенев. 10 августа 1831 г. он писал В. А. Жуковскому: «Скажи Пушкину, чтобы возвратил мне тетрадь французскую Чаадаева. Он велел мне ее выписать от него» (*ЛН.* Т. 58. С. 130). В. А. Жуковский отвечал 23 августа: «Манускрипт Чаадаева он ⟨Пушкин⟩ давал мне читать и взял его у меня, чтобы отправить к Чаадаеву.

---

* Имеется в виду письмо А. С. Пушкина к Чаадаеву от 6 июля 1831 г.; см. «Приложения» № XXVII.

Вероятно, что он уже и получен» (Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895. С. 258).

Последнее упоминание об инциденте с рукописью – в письме А. И. Тургенева к А. С. Пушкину от 29 октября 1831 г. из Москвы: «Вчера провели мы вечер у Вяземского и Дмитриева с Жуковским. ⟨...⟩ Вчера и Чаадаев был с нами. Что его рукопись?» (Переписка А. С. Пушкина, т. 1. М., 1982. С. 75–76).

Видимо, Пушкин вернул рукопись Чаадаеву при личной встрече в Москве в декабре 1831 г.

[2] Вероятно, В. А. Жуковский.

[3] Речь идет об Июльской революции 1830 г. во Франции. Говоря о «глупости одного человека», Чаадаев имеет в виду Карла X.

[4] Ко времени написания письма Чаадаева Сен-Симон уже шесть лет как умер; не исключено, поэтому, что Чаадаев имеет здесь в виду сен-симонистов: Базара, Анфантена и др., которые в 1825–26 гг. издавали журнал «Producteur», а с 1828 – «Organisateur», печатали брошюры, участвовали в других журналах, вели устную пропаганду. К 30-м гг. сен-симонизм все более и более перерождается в религиозную секту, что также могло импонировать Чаадаеву. Сохранились свидетельства современников об увлечении Чаадаева в 30-х гг. сен-симонизмом. П. А. Вяземский писал в письме к А. И. Тургеневу от 2 июня 1833 г.: «Знаешь ли, что Чаадаев падел черный галстук? ⟨...⟩ Он в Москве, кажется, сен-симонствует» (*ОА*. СПб., 1899. Т. III. С. 236). Почти одновременно с Вяземским И. В. Киреевский сообщал А. И. Кошелеву в письме от 4 июня 1833 г.: «Чаадаев до того изменил Сен-Симонизму, что говорит, что испытывает к нему настоящее отвращение. Долой эмансипацию женщин! Вместо того он проповедует платонический брак» (*Киреевский И. В.* Избранные статьи. М., 1984. С. 310–311).

В библиотеке Чаадаева имеется книга «Religion Saint-Simonienne». Bruxelles, 1831 (*Каталог.* № 572) с большим количеством его пометок. Подробнее см.: *Берелевич Ф. И.* Чаадаев и Сен-Симон // Науч. труды Тюменского гос. ун-та. Тюмень, 1975. Сб. 8.

[5] Чаадаев имеет в виду представителей «христианского социализма» во главе с Ф. Р. де Ламенне и А. Лакордером. Их книги имеются в библиотеке Чаадаева (*Каталог.* №№ 395, 409–412). О личном знакомстве Чаадаева с Ламенне см. в «Приложениях» выдержки из статьи Н. Сазонова «Место России на всемирной выставке».

[6] «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». Оба эти стихотворения вместе со стихотворением Жуковского «Старая песня» были изданы в конце августа–начале сентября 1831 г. отдельной брошюрою под заглавием «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина». По поводу этих стихов А. И. Тургенев писал 26 сентября 1831 г. брату Н. И.: «На прошедшей неделе мы обедали в Англ. Клубе, ⟨...⟩ а после мы и заспорили, и крепко, о достоинстве стихов Пушкина и других, кои здесь во всю неделю читались всеми,– „На взятие Варшавы" и „Послание клеветникам России". Мы немного нападали на Чаадаева за его мнение о стихах...» (*ЖМНП*. 1913, март. С. 21). См. также в т. 1 наст. изд. статью «Несколько слов о польском вопросе» и коммент. к ней.

55. М. Я. Чаадаеву. Октябрь 1831

СП II. № 43. На письме имеются две надписи рукой М. Я. Чаадаева: «1831-го г. Октября 21-го» и рукой П. Я. Чаадаева «К Брату». Это первое из сохранившихся писем Чаадаева, написанное «клинописным» почерком, каким он отныне писал до конца жизни. Подробнее см.: *СП I.* С. 381; *Шаховской Д. И.* Старческий почерк Чаадаева (*ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 200). Судя по содержанию письма, можно предположить, что М. Я. Чаадаеву было по ошибке доставлено письмо С. П. Жихарева, адресованное Петру Яковлевичу; речь в нем, вероятно, шла о денежном долге Чаадаева Н. И. Тургеневу, финансовыми делами которого в России заведовал С. П. Жихарев. См. примеч. 1 к № 49 и примеч. 5 к № 50. Оба брата жили в это время в Москве. Об их взаимоотношениях в начале 30-х гг. см.: *Тарасов II.* С. 225–227, а также письма М. Я. Чаадаева 1830–1835 гг. в «Приложениях», №№ XXII–XXV, XXXI, XXXII.

56. И. А. Гульянову. Не позднее июня 1832

Вопр. истории. 1966. № 8. С. 214. Написано не позднее июня 1832 г., когда И. А. Гульянов уехал за границу.

57. И. А. Гульянову. Март—июнь 1832

Вопр. истории. 1966. № 8. С. 214. С М. Бравурой Чаадаев познакомился не раньше марта 1832 г., а в июне этого года И. А. Гульянов уехал за границу: этими обстоятельствами и обусловлена датировка письма.

[1] О знакомстве Чаадаева с М. Бравурой см. примеч. 2 к № 60.

58. И. В. Киреевскому. 1832

Публикуется в пер. Л. З. Каменской, выполненном с оригинала, хранящегося в *ЦГАЛИ*, ф. 236, оп. 1, ед. хр. 144. В пер. Б. Н. Тарасова опубликовано в журнале «Литературная учеба». 1988. № 2. Датируется на основании надписи на папке архивного дела.

О взаимоотношениях Чаадаева и И. В. Киреевского в начале 30-х гг. см. коммент. к «Записке графу Бенкендорфу от имени И. В. Киреевского» в т. 1 наст. изд., а также: *Тарасов II.* С. 265–268.

59. Ф. В. Й. Шеллингу. 1832

СП II. № 44.

«Заграничный маршрут» письма Чаадаева к Шеллингу таков: с кн. Г. И. Гагариным «тяжелое отправление» Вяземского прибыло в Мюнхен, откуда его затребовал в Женеву А. И. Тургенев. 26 июля 1833 г. он писал Вяземскому: «Писал к кн. Гагарину и к Деликати, требуя от них письма, Философические письма, книги и Тур[ецкий] табак, для Жуковского посланный...» (*АТ.* Вып. 6. С. 265). Письма он вскоре получил и 14 августа писал Вяземскому

из Женевы: «Жалею, что давно не получал письма нашего Московского философа, особливо писанного к Шеллингу. Посылаю его после завтра с M-lle Sylverste в Миних *. Передай это щеголю-философу...». Посылая письмо Чаадаева к адресату, Тургенев писал Шеллингу: «Несколько дней назад я получил пакет из России с письмами и книгами, который долго пролежал в Мюнхене. В нем я обнаружил письмо, адресованное Вам, глубокоуважаемый наставник, от моего друга и соотечественника Чаадаева. Я сообщил ему кое-что о Ваших лекциях, ибо был убежден, что ему было бы в высшей степени интересно познакомиться с некоторыми из ваших теперешних взглядов **. Он давно занимается изучением религиозной философии и, как мне стало ясно из его рукописей и наших с ним бесед, он склоняется к системе Местра—Бональда ‹...› Это мыслящий, замечательный и в высшей степени нравственный человек, который читает на английском, немецком и латыни. Я осмелюсь выписать из его письма ко мне все, что касается Вас ‹...› Если Вы пожелаете осчастливить его в его московском интеллектуальном одиночестве несколькими строчками, то прошу Вас прислать Ваше письмо мне ‹...›» (там же. С. 301—302).

В письме Вяземскому от 9 сентября 1833 г. Тургенев писал: «Дай знать Чаадаеву, что Шеллинг получил письмо его» (там же. С. 329).

Из переписки современников можно предположить, что письмо Чаадаева к Шеллингу сопровождалось посылкой в Европу *ФП*. 9—19 мая 1833 г. П. А. Вяземский писал А. И. Тургеневу из Петербурга: «Завтра отправляется Гагарин на пароходе... Я ему уже отдал для тебя тяжелое отправление, заключающееся в „Онегине", ‹...› в почтовой бумаге, с видами московскими и петербургскими, ‹...› с „Философическими письмами", которые, по просьбе Бравурши, взялся я доставить к тебе, но на которые отвечайте прямо, а не через меня, потому что боюсь тяжести и страховых издержек философической переписки» (*ОА*. СПб., 1899. Т. III. С. 232.). Возможно, что название «Философические письма» Вяземский употребил метафорически, имея в виду те письма Чаадаева, которые его просили отправить за границу. В таком случае можно предположить, что своим названием основное сочинение Чаадаева обязано «подсказке» П. А. Вяземского. Сам Чаадаев впервые употребил название «Философические письма» в 1834 г. (см. № 69).

Ответное письмо Шеллинга от 21 сентября 1833 г. было послано сначала в Женеву к А. И. Тургеневу, а им отправлено (через Вяземского) к Чаадаеву (см. «Приложения» № XXIX).

[1] Письмо датируется на основании первой публикации в *РА*. 1862. № 11. М. О. Гершензон высказал предположение, что «вероятно, Чаадаев по обыкновению долго переделывал свое письмо, судя по тому, что отослал он его Тургеневу только в апреле следующего года» (*СП. I*. С. 382). Однако Д. И. Шаховской считает, что письмо было написано в 1833 г., а «1832 г. показан ошибочно»

---

* Мюнхен.

** Переписывая свое письмо к Шеллингу для Вяземского, в этом месте А. И. Тургенев сделал примечание: «сколько я помню, я описывал, между прочим, теорию Шеллинга о черте, которого я с тех пор начал уважать и бояться».

(*ЛН*. С. 72). Тем не менее, поскольку оба мнения не подкреплены соответствующими документами и источниками, в наст. изд. сохраняется дата первой публикации.

[2] О знакомстве Чаадаева с Шеллингом см. примеч. 2 к № 38.

[3] В 1831/32 гг. Шеллинг читал курсы: «Философия мифологии», «Философия откровения», «Система позитивной философии» (см.: *Гулыга А. В.* Шеллинг. М., 1982. С. 314).

60. А. И. Тургеневу. 20 апреля 1833

СП II. № 45. Год написания определен М. О. Гершензоном по содержанию письма. Письмо было отправлено в сопровождение письма к Шеллингу; см. коммент. к № 59.

[1] «Известие» в письме к кузине А. И. Нефедьевой, по-видимому, касается обстоятельств встречи А. И. Тургенева с Шеллингом в Италии осенью 1832 г. (см.: *АТ*. Вып. 6. С. 111, 346–350).

[2] Мария Бравура – светская знакомая Чаадаева – находилась с ним в переписке в 1832–1836 гг. Самое раннее из ее писем, написанное 9 марта 1832 г., начинается словами: «Сударь, любезности г-на Гульянова я обязана тем, что осуществилось мое желание познакомиться с вашими рукописями. Я ни за что не осмелилась бы обратиться к вам лично из опасения показаться навязчивой. Ваши глубокие размышления о религии были бы выше моего разумения, не будь я с самого детства напичкана всем тем, что относится к Римскому культу, который я исповедую, и всем, что ведет к Единству» (*ГБЛ,* ф. 103, п. 1032, ед. хр. 6, л. 1).

П. А. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу от 4 сентября 1832 г. писал: «Молодой Кочубей, фрак, был в Москве и часто видел ее ‹Бравуру›. Он говорил мне, что Чадаев дулся на него и все спрашивал, скоро ли он едет в Петербург. Если дело пошло на коммеражи, то вот и другой о Чаадаеве из письма Бравуры: „Автор письма, адресованного даме, всегда пребывает в потустороннем мире, но все же и ему иногда приходит в голову фантазия побыть обыкновенным человеком, и знаете ли, кого он выбирает своей целью, снисходя до простых смертных? В нем иногда проявляются такие черты, которые плохо согласуются с его философией и вовсе не противоречат философии вашей, дорогой князь, но об этом я не могу рассказать вам. Не измучается ли ваша душа, если я предоставлю вам решить эту загадку?" – и в самом деле загадка, и не умею разгадать ее. Не наткнешься ли ты чутьем? Не ходит ли он миссионерничать по ...ям. Это вовсе не по моей части и не по моей философии, но жеманство, которое не позволяет м-ль Бравура все рассказать мне, дает мне некоторое подозрение» (*АТ*. Вып. 6. С. 104). В ответном письме к Вяземскому от 7 марта 1833 г. Тургенев сообщал, что «разгадал загадку... итальянской красавицы из Москвы о нашем философе: она думала, что он ей куры строит; вот и все тут. Перечти письмо ее и увидишь, что я прав: не знаю, права ли и она?» (там же. С. 158–159).

Об участии М. Бравуры в пересылке за границу «Философических писем» см. коммент. к № 59.

[3] Рассуждение Чаадаева о папе, начинающееся со слов «где здесь человек?», вызвало следующий ответ со стороны Тургенева

(в письме к Вяземскому от 14 августа 1833 г.): «Да, разумеется, это символ времени, которое стоит невозмутимо, вот почему он для нас не более чем символ, в котором и посредством которого все совершается! Вот почему нельзя больше говорить о папе в связи с великим интеллектуальным и религиозным процессом, происходящим на наших глазах. Отныне все совершается посредством Шеллинга, с одной стороны, и Бентама, с другой,— вот кто ведет нас к лучшему будущему. А папа, это всего лишь египетская пирамида, а значит,— „уставшее время". Но этот вопрос может завести и далее Египта» (*АТ*. Вып. 6. С. 302). В этом же письме Тургенев писал: «...с нетерпением ожидаю случая и досуга отвечать ему (Чаадаеву) на его милое, умное и красноречивое письмо, на которое одна дама, перечитав его два или три раза, писала ко мне сегодня: „There is the man" *» (там же).

Получив это письмо Чаадаева, А. И. Тургенев давал его читать П.-С. Балланшу, а в ноябре 1836 г. писал П. А. Вяземскому в связи с обыском, произведенном у Чаадаева: «Вероятно, в бумагах Чаадаева найдут и записку ко мне Баланша, в коей он благодарит меня за доставление ему для прочтения отрывков из письма Чаадаева. Это письмо о Риме в ответ на мое об Италии и о папе. В нем есть две страницы красноречивые о Риме, о его вечности, о значении историческом папства и прочем. Чаадаев был взбешен моею картиною Италии и папства в письмах моих к вам и к нему, кои я всегда, как вы знаете, велел отдавать сестрице, и они у меня. Он отвечал уже мне в Париж, и я видел, что он кокетствовал со мною слогом и общими историческими видами на Италию и на папу и желал, чтобы Шатобриан или Баланш прочли его. Я потешил его и послал ему записку Баланша на отрывок из его письма, ему, помнится, сообщенный» (*ОА*. Т. III. С. 345–346).

В этой записке Балланш писал: «... могу лишь сказать вам, что она ‹рукопись› доставила мне истинное удовольствие, что я вполне сочувствую ее форме и содержанию и мне очень хочется ознакомиться со всеми сочинениями этого человека» (Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976 г. Л., 1978. С. 266).

Мнение Чаадаева об этом отзыве Балланша см. № 72.

[4] Пашковы, Киндяковы – московские семьи, с которыми Тургенев и Чаадаев были хорошо знакомы.

61. А. Х. Бенкендорфу. 1 июня 1833

СП II. № 46. Ответ А. Х. Бенкендорфа от 23 июня 1833 г. напечатан в «Известиях ОРЯС», 1896. I, кн. 2. С. 382–383. «Бенкендорф пишет, что представил письмо Чаадаева Государю, который, разрешая Чаадаеву вступить в службу, выразил желание, чтобы он продолжал оную по министерству финансов» (*СП I*. С. 385). Подробнее об этой попытке Чаадаева поступить на гражданскую службу см.: *Гершензон М. О.* П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление. М., 1908. С. 125; *Тарасов П.* С. 268–272.

---

* «Се человек» (*англ.*) – слова Понтия Пилата об Иисусе Христе (Иоан. 11, 5).

[1] Васильчиков в письме к Чаадаеву от 4 мая 1833 г. писал, что «все начальники ведомств, к которым он обращался, вполне признавая достоинства Чаадаева, затрудняются однако предоставить ему подобающее место по причине его невысокого чина ‹...›, но что Бенкендорф изъявил готовность всячески содействовать ему, лишь только Чаадаев сообщит, какой службы он желал бы ‹...›» (*Гершензон М. О.* Указ. соч. С. 125).

[2] Явная ирония по адресу административной политики Николая I, очень часто назначавшего на ответственные государственные посты случайных, не способных к делу людей. «Добродушного малограмотного солдата Назимова, подвернувшегося ему на глаза, когда никто не приходил на память, царь вдруг ни с того, ни с сего сделал попечителем Московского учебного округа. Вронченко, о котором упорно говорили, что за всю свою жизнь он осилил арифметику только до дробей, Николай сделал министром финансов. Гусара Протасова, гуляку и наездника, превосходного танцора на балах, он назначил оберпрокурором святейшего синода. Квартального надзирателя — профессором философии в Харьковском университете. „Прикажет государь мне быть акушером,— сейчас же стану акушером“,— похвалялся драматург Нестор Кукольник...» (*Тарле Е. В.* Крымская война. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 161—162).

62. Николаю I. 15 июля 1833

СП II. № 47. Письмо это А. Х. Бенкендорф вернул Чаадаеву, не предоставив царю; см. коммент. к № 63.

63. А. Х. Бенкендорфу. 15 июля 1833

СП I .№ 48. Написано в ответ на письмо Бенкендорфа от 23 июня и отослано ему вместе с письмом к Николаю I. На письме рукою Бенкендорфа написана резолюция: «Отослать ему назад, что я для его пользы не смел подать письмо его Государю, он бы удивился диссертации о недостатках нашего образования там, где искал бы только изъявления благодарности и скромную готовность самому образоваться по делам ему, Чаадаеву, вовсе неизвестным, ибо одна служба и долговременная может дать право и способ судить о делах государственных, а не то он дает мнение о себе, что он по примеру легкомысленных французов судит о том, чего не знает» (*Лемке.* С. 380. Там же официальный ответ Бенкендорфа от 5 августа 1833 г., написанный в духе этой резолюции).

64. А. Х. Бенкендорфу. 16 августа 1833

СП I. № 49. Написано в ответ на официальное письмо Бенкендорфа от 5 августа 1833 г. Письмо оставлено без ответа. В *СП* (II. С. 25—26) М. О. Гершензон поместил так называемую «раннюю редакцию» этого письма к А. Х. Бенкендорфу. На самом деле это рукописная копия, которую Чаадаев, по-видимому, распространял среди знакомых. Вообще часть своей переписки с А. Х. Бенкендорфом он сделал достоянием гласности: так, в *ГБЛ,* в архиве С. Д. Полторацкого (№ 8/30) имеется копия ответа А. Х. Бенкендорфа Чаадаеву от 5 августа 1833 г., а также копия публикуемого письма, сделанная рукой Полторацкого.

65. А. Х. Бенкендорфу. Сентябрь 1833

СП I. № 52.

[1] Чаадаев имеет в виду свое предыдущее письмо А. Х. Бенкендорфу (№ 64) «прошлого августа месяца», как выразился Чаадаев. На этом основании письмо датируется сентябрем.

66. П. А. Вяземскому, 30 октября 1833

Перевод выполнен с оригинала, хранящегося в *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 3004, л. 10–10 об. Датируется по содержанию. Ответ П. А. Вяземского от 2 декабря 1833 г. см. в «Приложениях» № XXX.

[1] Имеется в виду письмо Шеллинга к Чаадаеву от 21 сентября 1833 г. См. «Приложения», № XXIX.

[2] Чаадаев имеет в виду письмо А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 16/28 сентября 1833 г. из Женевы (см.: *АТ*. Т. III. С. 346, 350).

67. М. Я. Чаадаеву. 30 ноября 1833

СП II. № 50. На письме имеется надпись рукой М. Я. Чаадаева: «Получено ноября 30 1833. В ответ на записку мою от того же числа». «Записка» М. Я. Чаадаева от 30 ноября 1833 г., в которой он «почитает небесполезным уведомить» П. Я. Чаадаева о том, что и он распорядился продать свою часть Меленковского имения, опубликована в *НГУАК*. С. 376. Там же (С. 377) – ответ М. Я. Чаадаева от 1 декабря 1833 г. на публикуемое письмо.

[1] Речь идет о продаже д. Фурсово. (Меленковское имение Чаадаевых – деревни Дубцы, Фурсово и Кузнецы Владимирской губернии Меленковского уезда, в которых по 8-й ревизии было 355 «душ» мужского пола и 392 – женского). Продажа, видимо, не состоялась, так как в 1838 г. фурсовский бурмистр писал М. Я. Чаадаеву: «Просют у вас миром всем не можноль из вашей части девок брать замуж к Петру Яковлевичу в часть, а у Петра Яковлевича брать девок в нашу часть» (*НГУАК*. С. 381). Еще и в 1841 г. братья вели переговоры относительно продажи меленковского имения, причем П. Я. настаивал, чтобы М. Я. «решился отдать за 30 р. асс. душу» (см. *ГБЛ,* ф. 103, п. 1032, ед. хр. 74, л. 22).

[2] Матвеев – комиссионер, через которого Чаадаевы собирались продать д. Фурсово.

68. М. Я. Чаадаеву. 2 декабря 1833

СП II. № 51. На письме отметка рукой М. Я. Чаадаева: «Получено 1833 г. Декабря 2 в Москве». Написано в ответ на письмо М. Я. Чаадаева от 1 декабря 1833 г. (см. *НГУАК*. С. 377).

[1] Оммон – по-видимому, комиссионер, через которого П. Я. Чаадаев собирался продать свою часть д. Фурсово.

69. П. А. Вяземскому. 9 марта 1834

Публикуется в пер. Л. З. Каменской, выполненном с оригинала, хранящегося в *ЦГАЛИ,* ф. 195, оп. 1, ед. хр. 3004, л. 1–2.

В пер. Б. Н. Тарасова опубликовано частично в журнале «Литературная учеба». 1988. № 2.

Д. И. Шаховской ошибочно датировал письмо 1835 г. (*ЛН*. С. 10), однако оно не могло быть написано в этом году, так как П. А. Вяземский с августа 1834 г. был за границей; не могло оно быть написано и раньше 1834 г., так как упоминаемая в письме книга М. Ф. Орлова «О государственном кредите» разрешена цензурой к печати 22 августа 1833 г. Ср. комментарий к *ФП*, где обосновывается возможность датирования этого письма 1833 г. (см. также примеч. 6).

[1] С. С. Хлюстин, видимо, должен был по просьбе Чаадаева передать *ФП* П. А. Вяземскому, с помощью которого надеялся опубликовать их в Петербурге. Однако Вяземский из-за болезни дочери вынужден был в августе 1834 г. уехать за границу и вернулся в Петербург лишь в мае следующего года. Заботу о предстоящем издании взял на себя С. С. Хлюстин. А. И. Тургенев писал П. А. Вяземскому 24 октября 1834 г.: «Хлюстин здесь служит при Блудове и смотрит вдаль, но еще несколько педантоват, хотя умен и не без европейского просвещения. Собирается печатать мистику московского графа Мейстера» (т. е. де Местра; «московским Мейстером», «московским Ламенне» А. И. Тургенев часто называл Чаадаева.– *В. С.*) (*ОА*. Т. 1. С. 162).

В следующем, 1835 г., Чаадаев собирался сам ехать в Петербург, видимо, в связи с предполагаемым изданием. В конце года Хлюстин подыскивал ему в Петербурге «boarding-houses» (меблированные комнаты со столом), где бы Чаадаев по приезде мог остановиться. Поездка, однако, не состоялась, и судьба этого издания неизвестна. (Письмо С. С. Хлюстина к Чаадаеву от 29 ноября 1835 г. хранится в *ГБЛ*. ф. 103, п. 1032, ед. хр. 72).

[2] Имеется в виду граф Ф. И. Толстой («Американец»).

[3] А. С. Сиркур, племянница Ф. И. Толстого, сестра С. С. Хлюстина.

[4] П. А. Вяземский в 1831 г. читал рукопись *ФП VI* и *VII*; см. примеч. 1 к № 54.

[5] Здесь Чаадаев впервые употребляет полное название серии «Философических писем».

[6] Имеется в виду драматическая фантазия Н. В. Кукольника «Торквато Тассо», премьера которой состоялась в Петербурге 27 сентября 1833 г., и его историческая драма «Рука всевышнего отечество спасла» (премьера состоялась 21 февраля 1834 г.).

[7] «О государственном кредите».

[8] Чаадаев имеет в виду поэтический сборник «Стихотворения Надежды Тепловой». М., 1833.

[9] М. Бравура.

[10] В. Ф. Вяземская, жена П. А. Вяземского.

[11] Имеется в виду А. И. Тургенев.

70. А. И. Тургеневу. 1 мая 1835

СП II. № 53. В подлиннике год не обозначен, определен М. О. Гершензоном.

[1] О какой конкретно рукописи здесь говорится, точно не известно. Не исключено, что речь идет об одном из вариантов *ФП*.

Подобную мысль высказывает и Мак-Налли: «...чрезвычайно важное значение имеет письмо Чаадаева от 1835 г. к Александру Тургеневу. В этом письме Чаадаев сообщал, что он переделал свои Философические письма и просил Тургенева бросить „в огонь" его первоначальный набросок» * (*McNally R. T.* Chaadayev and His Friends. Tallahassee, Florida, 1971. P. 29). С меньшей вероятностью можно предположить, что имеются в виду выдержки из письма Чаадаева к А. И. Тургеневу от 20 апреля 1833 г., которое Тургенев давал читать своим зарубежным знакомым (в том числе Балланшу) (см. примеч. 3 к № 60). Но не следует совсем исключать и ту возможность, что имеется в виду «труд», о котором Чаадаев сообщает в письме к Луи-Филиппу (см. № 72 и коммент. к нему).

[2] Обоснование этой самохарактеристики философа дает Б. Н. Тарасов. «Чаадаев называл себя философом женщин не только потому, что его „Философические письма" были обращены к даме. В прочитанных им книгах немало следов внимательного изучения женской физиологии и психологии, позволяющих раскрыть содержание такой самооценки. Например, в книге Бернардена де Сен-Пьера (в библиотеке Чаадаева имеется Oeuvres complètes de I. H. B. de Saint-Pierre. Bruxelles, 1820, в 8 т.– *Каталог.* № 592.– *В. С.*) он отмечает для себя рассуждения о духовных особенностях „прекрасного пола", являющегося исключительно таковым лишь для „глазастых" людей. Для тех же, кто имеет еще и сердце, это и рождающий и кормящий пол, несущий своих младенцев к алтарям и вдохновляющий в них религиозные чувства, мирный пол, держащий в своих руках иголку и нитку, а не ружье и шпагу, утешающий больных, а не проливающий кровь ближних. В природной женской пассивности и сердечной предрасположенности к самоотречению автор „Философических писем" видел залог развития способности покоряться „верховной воле", чтобы лучше различать голос „высшего разума" и пропитаться „истинами откровения". Женское для Чаадаева является в известной степени антропологическим преломлением религиозного и послушным орудием провидения» (*Тарасов*, С. 344).

Чаадаев, действительно, проводил свою жизнь в окружении женщин. Так, в ноябре 1836 г. начальник московского жандармского округа генерал С. В. Перфильев доносил А. Х. Бенкендорфу: «Чеодаев особенно привлекал к себе внимание дам, доставляя удовольствие в беседах и передавая все читаемое им в иностранных газетах и журналах и вообще вновь выходящих сочинениях с возможною отчетливостью, имея щастливую память и обладая даром слова. ‹...›Чеодаев часто бывает: у Екатерины Федоровны Муравьевой, Ушаковой, Нарышкиной, Пашковой, Раевской, и у многих других» (*Лемке.* С. 423–424).

К перечисленным жандармским генералом можно еще добавить имена М. Бравуры, Е. А. Свербеевой, А. С. Норовой, Е. Д. Пановой, Е. Г. Левашевой и мн. другие (письма последних трех см. в «Приложениях» №№ XVIII–XX, XXXII–XXXV). Но следует отметить, что в отношениях Чаадаева с женщинами было много непонятного и загадочного. Его племянник и биограф М. И. Жихарев писал по этому поводу: «Чаадаев имел огромные связи и бесчисленные дружеские знакомства с женщинами. Тем не менее никто

* Переведено Е. А. Жуковой.

никогда не слышал, чтобы которой-нибудь из них он был любовником. Вследствие этого обстоятельства он очень рано – лет тридцати пяти – стяжал репутацию (мужского) бессилия, будто бы происшедшего от злоупотребления удовольствиями. Потом стали говорить, что он во всю свою жизнь не знал женщин. Сам он ⟨...⟩ никогда ни от чего не отказывался, ни в чем не признавался ⟨...⟩ и оставлял свободу всем возможным догадкам. Тогда я решился напрямки и очень серьезно сделать ему лично вопрос, на который потребовал категорического ответа: „Правда или нет, что он во всю свою жизнь не знал женщины, и, если правда, то почему: от чистоты ли нравов, или по другой какой причине?“ Ответ я получил немедленный, ясный и определенный: „Ты все это очень хорошо узнаешь, когда я умру“. Прошло восемь лет после его смерти, и я не узнал ничего. В прошлом году (написано в 1865 г.– *В. С.*), наконец, достоверный свидетель, (и без всякого сомнения из ныне живущих на то единственный) (М. *Я.* Чаадаев? – *В. С.*), которого я не имею права назвать, сказывал мне, что никогда, ни в первой молодости, ни в более возмужалом возрасте, Чаадаев не чувствовал (потребности и никакого влечения к совокуплению), что таковым он был создан ⟨...⟩. Тот же свидетель прибавил, что будучи молодым офицером, ⟨...⟩ он имел слабость иногда хвалиться интрижками и некоторого рода болезнями, на что все эти рассказы ⟨...⟩ ничем другим были, как одним хвастовством.

⟨...⟩ [Приведу один анекдот, ⟨...⟩ кажущийся мне очень милым и пикантным. Одно время Чаадаев находился в особенно дружеских отношениях с одной дамой, по происхождению иностранкой, ⟨...⟩ крови полуденных стран Европы. (М. Бравура? – *В. С.*). ⟨...⟩ Связь их была дружеская, исполненная умственных наслаждений, ⟨...⟩ и, сколько я понимаю, не лишенная сердечной искренности. Несмотря на то пустоголовые глупцы ⟨...⟩ видели в ней другое и другое про нее пересказывали. Желала ли дама зажать рот дурацкой болтовне, или просто хотела посмеяться, только в одно утро она сказала, заливаясь звонким смехом, одному недавно умершему, в тот день ее посетившему ученому:

– Вчера Чаадаев пробыл у меня до трех часов утра! Он был странным образом притязателен и требователен, до того что мне на минуту захотелось ему уступить.

– Для чего же это, сударыня?

– Да признаться вам, я непрочь была бы посмотреть, что бы он стал делать»] (*ВЕ.* 1871, июнь. С. 183–184; слова в скобках опущены при публикации в *ВЕ*, восстановлены по рукописи, хранящейся в *ГАГО,* ф. 984, оп. 816, ед. хр. 15, л. 14 об., 15–15 об.).

К сказанному М. И. Жихаревым можно добавить, что прошло не восемь, а уже больше ста тридцати лет после смерти Чаадаева, а мы – «не узнали ничего». Между тем, наметившееся в последнее время у авторов, пишущих о Чаадаеве, пренебрежение к этой стороне его жизни неизбежно влечет за собой преувеличение некоторых отрицательных черт его характера (эгоизм, самолюбие, малодушие и т. п.), порождает формулы вроде следующей: «брезгливое отчуждение от чужой плоти», и все это нередко переносится на его мировоззрение, что вольно или невольно приводит к искажению личности и творчества Чаадаева. Недаром он сам писал на склоне лет: «Если не ошибаюсь, то первое условие биографа есть знание человеческого сердца» (см. № 201).

[3] В оригинале: assez de desot. Следует, вероятно, читать: assez de sot.

[4] Имеется в виду книга Н. Ф. Павлова «Три повести». М., 1835 (куда входили повести: «Именины», «Аукцион», «Ятаган»). Повести Павлова высоко ценили В. Г. Белинский, С. П. Шевырев, Н. И. Надеждин, Н. В. Гоголь, Ф. И. Тютчев. Николай I был удивлен, что повесть «Ятаган» пропустила цензура. Цензору И. М. Снегиреву был сделан строгий выговор. Переиздание книги было запрещено.

[5] Драма Н. Кукольника «Князь М. В. Скопин-Шуйский» (СПб., 1835), пропитанная казенно-патриотическим пафосом.

[6] Статья без подписи, напечатанная в «Библиотеке для чтения» (1835, т. IX, март – апрель) и озаглавленная «Германская философия», заканчивается словами: «Германская философия наделала много вреда; она сбила с толку не одну умную голову и запутала все науки: пора ей в отставку,– и, по милости, освободите от нее русских, которые всегда славились своим здравым смыслом».

[7] Статья В. А. Жуковского «Две всемирные истории» в том же номере «Библиотеки для чтения».

[8] Это едва ли не первое по времени выступление Чаадаева по поводу формирующегося славянофильства, по отношению к которому он сразу же занимает критическую позицию.

71. А. И. Тургеневу. 1835

СП II. № 54. Датировано М. О. Гершензоном по связи с предыдущим письмом..

[1] См. примеч. 1 к № 70.

[2] «France littéraire» – католический литературный журнал, выходивший с 1832 по 1843 г.

[3] Граф Адольф де Сиркур и его жена Анастасия Семеновна (урожд. Хлюстина) летом 1835 г. были в Москве, где и познакомились с Чаадаевым. 31 мая 1835 г. Ал-ра Н. Гончарова писала Д. Н. Гончарову из Петербурга: «Они (Сиркуры) уезжают в четверг в Москву, оттуда в Троицкое на лето, и затем возвращаются за границу» (*Ободовская И., Дементьев М.* Вокруг Пушкина. М., 1975. С. 277).

[4] Имеется в виду Н. И. Тургенев, который в это время жил в эмиграции во Франции.

72. А. И. Тургеневу. Октябрь—ноябрь 1835

СП II. № 55. Датировано М. О. Гершензоном.

[1] Письмо А. И. Тургенева неизвестно.

[2] Речь идет о второй части книги Г. Гейне «Салон» («К истории религии и философии в Германии»), написанной в Париже в 1834 г. Отдельное издание книги вышло в январе 1835 г., в виде статей печаталась в 1834 г. в журнале «Revue des Deux Mondes». Замечание Чаадаева может относиться к следующим словам из этой книги: «Сравнивая некогда французскую революцию с немецкою философиею, я скорее шутя, чем серьезно, сравнил Фихте с Наполеоном. Но тут действительно существует замечательная

аналогия. После того, как последователи Канта совершили свой подвиг террористического разрушения, является Фихте, как явился Наполеон после того, как Конвент, с помощью тоже критики чистого разума, разрушил все прошедшее. И Фихте, и Наполеон – представители великого неумолимого Я, у которого мысль и дело – одно...» (*Гейне Г.* ПСС. М.; Л., 1936. Т. VII. С. 119).

[3] «Недовольные» – комедия в 4 действиях М. Н. Загоскина, поставленная в Москве 2 декабря 1835 г. В карикатурных фигурах главных персонажей комедии – Радугина и Турухтанова – Загоскин изображал П. Я. Чаадаева и М. Ф. Орлова. Пьеса была написана по заказу правительства и вызвала негодование в кругах русского общества. Ее критиковали Белинский (в пушкинском «Современнике»), В. Ф. Одоевский, который относил Орлова и Чаадаева к числу «лучших умов нашего... времени, снискавших признательность всего просвещенного мира». В кругах консервативных – в «Библиотеке для чтения» Сенковского, у Вигеля – пьеса получила одобрение (Подробнее см.: *Усакина Т. И.* Памфлет Загоскина на П. Я. Чаадаева и М. Ф. Орлова // Декабристы в Москве. М., 1963; *Михайлова Н. И.* «Евгений Онегин» и «Московский европеец» // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1979. Т. IX). После опубликования *ФП I* Загоскин выступил с резкой его критикой в специальной статье, которую мы помещаем в «Приложениях».

Несмотря на взаимную антипатию и противоположность взглядов Чаадаев и Загоскин в традициях тех лет поддерживали в более позднее время вежливые отношения (см.: *ВЕ*. 1871, сентябрь. С. 54; *ИВ*. 1900, март. С. 939).

[4] М. Ф. Орлов.

[5] Речь идет об И. С. Гагарине. О Чаадаеве Гагарин впервые узнал от Шеллинга. «В 1833 году,– вспоминал он позднее,– в Мюнхене, знаменитый Шеллинг говорил мне о нем, как об одном из замечательнейших людей, каких он встречал. Находясь в 1835 году в Москве, я поспешил завязать с ним сношения, и мне ничего не стоило убедиться, что Шеллинг не преувеличил. Всякий раз, как обстоятельства приводили меня в Москву, я старался часто видеться с этим выдающимся человеком, и подолгу с ним разговаривать. Эти отношения оказали могущественное влияние на мою судьбу, и я исполняю долг признательности, громко заявляя, чем я ему обязан» (*П. Я. Чаадаев.* Философические письма. Казань, 1906. С. 1).

[6] См. примеч. 6 к № 70.

[7] Речь идет о статье д'Экштейна о Катха-упанишаде, отдельный оттиск которой он прислал Чаадаеву. См. примеч. 1 к № 74.

73. Луи-Филиппу. Не позднее 1835

Перевод выполнен с копии, хранящейся в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 343. В пер. Б. Н. Тарасова опубликовано в журнале «Литературная учеба». 1988. № 2.

На письме имеется надпись, сделанная по-русски: «Людовику Филиппу королю Французов». Письмо не датировано, но написано оно вероятнее всего до публикации *ФП I* в 1836 г., ибо после разразившейся над ним «катастрофы» Чаадаев вряд ли назвал бы себя «безвестным артистом», да и вообще едва ли рискнул обра-

титься с письмом к «королю французов». Высокую оценку «короля-гражданина», которой насыщено это письмо, можно объяснить, конечно, той ролью просителя, в которой выступает здесь Чаадаев. Как известно, «смирный король-гражданин, Луи Филипп», постоянно честился у себя дома и за порогом его прозвищем «le tyran» (*Анненков П. В.* Литературные воспоминания // ГИХЛ. 1960. С. 208). На первый взгляд может показаться, что мнение о нем Чаадаева звучит каким-то непонятным диссонансом. Однако, тот же Анненков сообщает: «В России один только Т. Н. Грановский, по особенному историческому чутью, которым был наделен, и по присущему ему чувству истины старался как можно менее вторить хору ругателей монархии Луи Филиппа, а в числе его ругателей были у нас очень высокопоставленные правительственные лица» (там же. С. 208).

74. Ф. д'Экштейну. 15 апреля 1836

Народы Азии и Африки. 1986. № 5. С. 107–108. Текст на французском языке – там же. С. 106–107. Ответ д'Экштейна от 12 октября 1837 г. см. в «Приложениях» № XXXIX. Обстоятельства, связанные с написанием и отправкою этого письма адресату см. в № 77.

С бароном Фердинандом д'Экштейном Чаадаев познакомился во время своего заграничного путешествия (см.: *ВЕ.* 1871, сентябрь. С. 12). Посредником между ними в 30-е гг. был А. И. Тургенев, который познакомился с Экштейном в Эмсе в 1827 г., а затем встречался с ним в Париже в католическом салоне С. П. Свечиной, у Сиркуров и др. (см.: *Тургенев А. И.* Хроника русского. Дневники. М.; Л., 1964. С. 9–10, 85, 134, 157, 180, 265).

В мае 1836 г. А. И. Тургенев прислал для Чаадаева новую книгу д'Экштейна, «от автора» – «Об Испании» (Письма А. И. Тургенева Булгаковым. М., 1939. С. 190–191). Через Тургенева Чаадаев получил и ответ д'Экштейна на свое письмо.

[1] Статья д'Экштейна о Катха-упанишаде была напечатана в «Journal de l'institut Historique». P., 1835. Vol. 3. Livr. 3. В декабре 1835 г. д'Экштейн прислал Чаадаеву отдельный оттиск статьи, снабдив его сопроводительным письмом (выдержка из него хранится в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 87), в котором, в частности, высказывал мысль – чрезвычайно близкую умонастроению Чаадаева – о том, что «люди всех веков и народов составляют громадную цепь, в которой мы должны уважать все звенья; мы солидарны друг с другом, мы живем друг в друге, мы все соединены духовно и умственно» (Цит. по: Народы Азии и Африки. 1985. № 5. С. 104).

[2] Ср. со словами Чаадаева, высказанными в начале *ФП I* о нравственном и социальном единстве людей (см. т. 1 наст. изд.).

[3] Французский переводчик «Катха-упанишады», трудом которого пользовался д'Экштейн.

[4] Проблему «упразднения идеи времени» Чаадаев решает в *ФП III.* Мысль Чаадаева очень близка «поучению», развиваемому в «Катха-упанишаде»: «Когда смертный отрешается от всех желаний, пребывающих в его сердце, он становится бессмертным и достигает Брахмана. Когда разрубаются все узлы, опутывающие

его сердце в этом мире, смертный становится бессмертным. Таково поучение» (Древнеиндийская философия. Начальный период. М., Мысль, 1972. С. 235).

[5] Отношение к индийской философии Чаадаев высказывает также в *ФП VII*. См. также примеч. 26 к нему.

75. И. Д. Якушкину. 2 мая 1836

Декабристы и их время. М., 1932. С. 183–185. Там же см. подробный комментарий, написанный Д. И. Шаховским.

Чаадаев предпринял две попытки переслать это письмо адресату. В результате первой из них письмо затерялось (о чем он сообщает И. Д. Якушкину в письме от 19 октября 1837 г.– № 91). Вторая попытка была надолго отложена, так как 16 апреля 1836 г. истек срок 10-летней каторги Якушкина, и он был переведен на поселение (16 сентября 1836 г.) в г. Ялуторовск. Переезд занял несколько месяцев, в течение которых родные Якушкина не знали его точного местонахождения. После публикации *ФП I* письмо к Якушкину попало в число бумаг, отобранных у Чаадаева для отправки в Петербург. Позже оно было возвращено ему, но отправить его адресату Чаадаев, видимо, счел уже невозможным.

[1] *Becquerel A. C.* Traité du l'electriciti et du magnétisme. P., 1834. T. 1.

[2] В оригинале «genesiaque», т. е. согласный с первой книгой «Пятикнижия Моисеева», книгой «Бытие».

[3] Оценка Чаадаевым «былого» как дней, проходивших «на самом краю бездны», без тщательного анализа понятия бездны, употребленного здесь отнюдь не случайно, может ввести в заблуждение читателя.

Отрицательное мнение Чаадаева о насильственных методах решения социально-политических противоречий (в частности цареубийстве) не следует, однако, переносить на оценку им всего движения декабристов как идеологического и социально-политического явления. Сравнивая слова Чаадаева о «крае бездны» со строками стихотворного послания А. С. Пушкина «Чаадаеву» (1821 г.):

«В минуту гибели над бездной потаенной
Ты поддержал меня недремлющей рукой...»,–

можно сделать вывод, что и в послании Пушкина, и в письме Чаадаева понятие «бездны» относится к идее цареубийства, которая приблизительно в одно и то же время владела и Пушкиным и Якушкиным.

Я. З. Черняк в неопубликованной (и незавершенной) статье «Потаенная бездна» показал, что «Чаадаев – подобно Пиладу – останавливал занесенную руку Ореста (А. С. Пушкина.– *В. С.*) (и остановил ее?)» (*ЦГАЛИ*, ф. 2208, оп. 2, ед. хр. 19, л. 49). «...В акте, который готовил и не совершил Пушкин, Чаадаев явился утишителем, отведшим Пушкина от судьбы Занда» (там же, л. 53).

Эта сторона взаимоотношений А. С. Пушкина и П. Я. Чаадаева изложена Ю. М. Лотманом: «В то время (в 1820 г.– *В. С.*), когда решалась судьба Пушкина и друзья хлопотали за поэта перед им-

ператором, по Петербургу поползла гнусная сплетня о том, что поэт был секретно, по приказанию правительства, высечен. Распустил ее известный авантюрист, бретер, картежник Ф. И. Толстой («Американец»). Пушкин не знал источника клеветы и был совершенно потрясен, считая себя бесповоротно опозоренным, а жизнь свою – уничтоженной. Не зная, на что решиться – покончить ли с собой или убить императора как косвенного виновника сплетни,– он бросился к Чаадаеву. Здесь он нашел успокоение: Чаадаев доказал ему, что человек, которому предстоит великое поприще, должен презирать клевету и быть выше своих гонителей» (*Лотман Ю. М.* А. С. Пушкин. Биография писателя. Л., 1982. С. 51).

«Бездна» Якушкина во многом похожа на «потаенную бездну» Пушкина. Решение убить Александра I было заявлено Якушкиным в 1817 г. на московском съезде Союза спасения. Непосредственным поводом, побудившим его решиться на такой отчаянный шаг, послужило письмо С. П. Трубецкого из Петербурга, в котором сообщались непроверенные сведения о решении императора отделить Польшу от России и издать в Варшаве манифест об освобождении польских крестьян. Н. М. Муравьев вспоминал впоследствии: «Такое нелепое известие произвело чрезвычайное действие. Якушкин, который несколько лет уже мучился несчастной страстью и которого друзья его уже несколько раз спасали от собственных рук, представил себе, что смерть его может быть полезна России. Убийца не должен жить, говорил он, я вижу, что судьба меня избрала жертвою, я убью царя и сам застрелюсь» (Мемуары декабристов. Северное общество. Изд-во Московского ун-та, 1981. С. 310).

Для «бездны» Якушкина, таким образом, как и для «бездны» Пушкина, характерно тесное переплетение личных и общественных мотивов. Но как видно из публикуемого письма, в обстоятельства «бездны» Якушкина Чаадаев был посвящен неполностью. Он несомненно знал о «несчастной страсти» своего друга, так как Якушкин питал ее к двоюродной сестре Чаадаева – Н. Д. Щербатовой (чуть позже жены другого «цареубийцы» – декабриста Ф. П. Шаховского). Что касается «цареубийственных» намерений Якушкина, то о них он узнал, по-видимому, гораздо позднее, может быть, из приговоров Верховного уголовного суда, решением которого Якушкин был отнесен к «государственным преступникам первого разряда, осуждаемых к смертной казни отсечением головы». По указу Николая I эта мера к Якушкину «по уважению совершенного раскаяния» была смягчена.

Таким образом, слова Чаадаева о «страшной ошибке» Якушкина (о которой ниже идет речь в письме) не следует относить к оценке всего освободительного движения двадцатых годов, в чем усматривает «главное содержание» этого письма Д. И. Шаховской (Декабристы и их время. М., 1932. С. 186).

76. А. С. Пушкину. 1-я половина мая 1836

СП I. № 56. Датируется по времени пребывания А. С. Пушкина в Москве в 1836 г.

¹ Последняя встреча Чаадаева с А. С. Пушкиным произошла, вероятно, между 5 и 10 мая. 4 мая Пушкин писал жене: «Чаадае-

ва, Орлова, Раевского и Наблюдателей ‹...› еще не успел видеть...», а через неделю, 11 мая, сообщал: «Чаадаева видел всего раз» (*Пушкин.* Т. XVI. С. 111, 114).

77. А. И. Тургеневу. 25 мая 1836

СП II. № 57.

[1] Имеется в виду письмо Чаадаева к д'Экштейну (№ 74).

[2] Редакция журнала «Московский Наблюдатель»: А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, А. И. Кошелев, С. П. Шевырев, М. П. Погодин и др. П. Я. Чаадаев и М. Ф. Орлов, не входя в состав редакции, принимали активное участие в его издании. Гл. редактором журнала в 1835–1837 гг. был В. П. Андросов. Наиболее значительные статьи по философии, напечатанные в «Московском Наблюдателе» в эти годы (И. М. Ястребцов «Взгляд на направление истории», П. А. Ефимович «Взгляд на системы философии XIX в.»), носят на себе следы влияния Чаадаева.

[3] О брошюре д'Экштейна см. примеч. 1 к № 74.

[4] Книги Чаадаев, вероятно, вскоре получил, так как 18 октября 1836 г. А. И. Тургенев писал П. А. Вяземскому: «Чаадаев не возвратил еще „Молитвы Господней"» (*ОА.* Т. III. С. 333).

[5] Пушкин был в Москве со 2 по 20 или 21 мая 1836 г. О его встрече с Чаадаевым см. примеч. 1 к № 76.

[6] Книга А. де Токвиля «О демократии в Америке» имеется в библиотеке Чаадаева с многочисленными его пометками (*Каталог.* № 654). «Глубокая мысль» Токвиля отмечена Чаадаевым на стр. 20: «Человек, можно сказать, виден весь в его младенческом лепете. Почти то же самое происходит и с народом. События, сопровождающие его рождение и развитие, имеют огромное влияние на его будущее».

78. С. С. Мещерской. 15 октября 1836

СП I. № 58.

[1] Имеется в виду отдельный оттиск *ФП I* из «Телескопа». В показаниях, данных 17 ноября 1836 г. (см. т. 1 наст. изд.), Чаадаев умолчал об оттиске, посланном им С. С. Мещерской.

[2] Насколько Чаадаев ошибся в своих предположениях о том, как отнесется правительство к этой публикации, он узнал очень скоро. Что же касается читающей публики, то диапазон ее мнений был весьма широк. Положительно отнеслось к ней «московское иностранное общество», писал М. И. Жихарев (*ВЕ.* 1871, сентябрь. С. 32), а русская читающая публика, по словам того же М. И. Жихарева, реагировала по-разному: «безусловно сочувствующих и совершенно согласных не было ни одного человека. Большинство ‹...› называло статью анти-национальною, невежественною и вздорною ‹...› Просвещенное меньшинство находило статью высоко-замечательною, но вконец ложною ‹...› и готовилось к ‹...› научно-критическому опровержению» (там же. С. 31). Мнение М. И. Жихарева находит подтверждение в воспоминаниях и других современников (см.: *Свербеев.* Т. 2. С. 295; А. И. Тургенев, письмо к П. А. Вяземскому 24 октября 1836 г. // Прометей. М., 1974. Т. 10. С. 385).

Резко отрицательно о письме Чаадаева отозвался П. В. Киреевский (см.: *Цимбаев Н. И.* Славянофильство. М., 1986. С. 69). Полемизировал с Чаадаевым и Пушкин (см. его письмо в «Приложениях» № XXXVI, где помещены также резко отрицательные отзывы М. Н. Загоскина и письмо Неизвестной, № XXXVII). Впрочем, как замечает Жихарев, «поведение личных друзей Чаадаева ‹...› было выше всякой похвалы. ‹...› А. С. Хомяков сию минуту вслед за прочтением статьи готовил на нее, по своему мнению, уничтожающее громовое опровержение. Как только разнеслась весть о наказании, он своему намерению не дал никакого хода, говоря, что ‹...› и без него уже Чаадаеву достаточно неучтиво отвечали» (*ВЕ*. 1871, сентябрь. С. 37). До недавнего времени считалась утерянной критическая статья А. С. Хомякова под названием «Несколько слов о „Философических письмах"». В 1986 г. эта статья была опубликована в журнале «Символ», издаваемом Славянской библиотекой в Париже (1986, декабрь. № 16. С. 125–132).

Что касается отзывов положительных, то они исходили, разумеется, не только от «московских иностранцев», но и от «молодой России» 30-х гг., из демократического лагеря. «В нашем кругу так радовались статье Чаадаева»,– писал в письме к А. И. Герцену А. А. Чумиков (*ЛН*. Т. 62. С. 721), который в 1836 г. был студентом Петербургского университета. Сочувственно отозвался о публикации Чаадаева тогда еще молодой, будущий сенатор К. Н. Лебедев (*РА*. 1910. № 7. С. 363). Хорошо известно, какое большое общественное значение придавали Письму А. И. Герцен и В. Г. Белинский.

Ниже перечислены наиболее интересные из известных (кроме уже упомянутых) отзывов современников о *ФП I* и воспоминания о реакции читающей публики: Письмо Н. И. Надеждина к В. Г. Белинскому от 12 октября 1836 г. // ЛН. Т. 56. С. 232; Две статьи Н. И. Надеждина, написанные по поводу «Философических писем» П. Я. Чаадаева // РС. 1907. № 8. С. 237–258; Письмо А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 18 октября 1836 г. // ОА. Т. III. С. 333; *Буслаев Ф. И.* Мои воспоминания. М., 1897. С. 19–20; Письмо Ф. Ф. Вигеля к митрополиту Серафиму от 21 октября 1836 г. // РС. 1870. Т. 1. С. 574–576; Письмо митрополита Серафима к графу Бенкендорфу // Там же. С. 577–578; Письмо графа Бенкендорфа к князю Д. В. Голицыну // РА. 1885. № 1. С. 132–133; *Дурново П. Д.* Дневник // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1978. Т. VIII. С. 261; Письмо А. Х. Бенкендорфа Д. В. Голицыну от 22 октября 1836 г. // Лемке. С. 413–414; Письмо С. С. Уварова к А. Х. Бенкендорфу от 26 октября 1836 г. // Там же. С. 415; Письмо К. О. Россет к А. С. Пушкину (октябрь 1836 г.) // Пушкин. Т. XVI. С. 176; *А. В. Никитенко.* Дневник. М., 1955. Т. 1. С. 188; Письмо Е. М. Хитрово к А. С. Пушкину // Пушкин. Т. XVI. С. 394; Письмо С. Н. Карамзиной к А. Н. Карамзину от 3/15 ноября 1836 г. // Пушкин в переписке Карамзиных. М.; Л., 1960. С. 128–129; Письмо Ал-ра Н. Карамзина к Андр. Н. Карамзину от 5-6/17-18 ноября 1836 г. // Там же. С. 130–131; Письмо митрополита Филарета к архимандриту Антонию от 6 ноября 1836 г. // РА. 1877. № 11. С. 317; Письмо гр. Фикельмон к Меттерниху от 26 ноября 1836 г. // ВрПК 1967–1968. Л., 1970. С. 25–26; Письмо П. Б. Козловского к П. А. Вяземскому от 26 ноября/8 декабря 1836 г. // Там же. С. 28; Письма В. Ф. Одоевского к С. П. Шевыреву от 17 ноября и 30 декабря

1836 г. // РА. 1878. № 5. С. 57–58; П. А. Вяземский. Проект письма к С. С. Уварову // Вяземский П. А. ПСС. М., 1879. Т. 2. 211–226; Письмо Д. В. Давыдова к А. С. Пушкину от 23 ноября 1836 г.// Пушкин. Т. XVI. С. 194.

79. М. Бравуре. ⟨Октябрь 1836⟩

Публикуется по рукописи перевода, выполненного Д. И. Шаховским и хранящимся в *ИРЛИ,* ф. 334, ед. хр. 300, лл. 4–5. Там же (лл. 1–3) хранится машинописная копия с оригинала на французском языке. Судя по словам Чаадаева в конце письма о том, что «некая проза», т. е. *ФП 1,* уже вышла в свет и возбудила «крики негодования», публикуемое письмо следует датировать октябрем 1836 г. Оно написано в ответ на письмо М. Бравуры 1836 г., хранящееся в *ГБЛ,* ф. 103, п. 1032, ед. хр. 6. Письмо к Бравуре Чаадаев послал через А. И. Тургенева и П. А. Вяземского, которому Тургенев писал 24 октября 1836 г. из Москвы: «Чаадаев обещал мне письмо к Бравуре, которое пошлю через тебя» (*ОА.* Т. III. С. 336). 26 октября письмо было отослано П. А. Вяземскому в Петербург. «Вот два письмеца и к „красавице с раздумьем на лице" (цитата из стихотворения Вяземского, посвященного М. Бравуре.– *В. С.*),– писал ему А. И. Тургенев.– Мое написано вслед за Чаадаевым. Передай ей оба поскорее и доставь ответы» (там же. С. 339).

[1] Имеется в виду А. И. Тургенев, который в июле 1836 г. приехал в Россию. Сначала он побывал в Симбирске, а в конце сентября или начале октября приехал в Москву. В письме Чаадаева А. И. Тургенев назван создателем «всеевропейского сплетничанья» по той причине, что в 1835–1836 гг. в пушкинском «Современнике» печаталась «Хроника русского» – письма А. И. Тургенева из-за границы, содержавшие рассказы о многих европейских знаменитостях.

[2] Речь идет о *ФП 1,* напечатанном в «Телескопе».

80. К самому себе от имени М. Ф. Орлова. Октябрь 1836

Вопр. философии. 1983. № 12. С. 130. Письмо написано в октябре 1836 г., о чем свидетельствует письмо А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 24 октября 1836 г.: «Здесь остервенение продолжается, а паче молва бывает. Чаадаев сам против себя пишет и отвечает себе языком и мнениями Орлова» (*ОА.* Т. III. С. 336). Письмо находилось среди бумаг, отобранных у Чаадаева 29 октября 1836 г. На подлиннике рукой А. Х. Бенкендорфа имеется отметка: «Почерк Чаадаева».

[1] Это единственный случай, когда Чаадаев признает свою инициативу в деле опубликования *ФП 1.* В дальнейшем, в ходе следствия и в письме к брату 1837 г. (см. № 89) он эту инициативу или полностью отрицал или признавал незначительной. Помимо признания самого Чаадаева имеется свидетельство хорошо осведомленного современника о том, что инициатива исходила от Чаадаева. «Однажды,– вспоминает М. А. Дмитриев,– Катерина Гавриловна Левашова просила меня приехать к ней и обратилась

ко мне вот с какою просьбою. От нее узнал я, что Философические письма переведены Кетчером и что их хотят печатать в Телескопе ‹...›. Она предвидела последствия и боялась их; зная некоторое влияние мое на Чаадаева, она просила меня уговорить его не издавать этих писем, как содержащих в себе такие мнения, которые для него могли быть опасны. Но ничто не помогло, и первое письмо было напечатано ‹...›» (*Дмитриев М. А.* Главы из моих воспоминаний // ГБЛ, ф. 178, к. 8184, № 2, л. 69).

81. Н. П. Брянчанинову. 30 октября 1836

СП I. № 59. Письмо написано после домашнего обыска, проведенного у Чаадаева 29 октября. А. И. Тургенев писал П. А. Вяземскому 30 октября 1836 г.: «Я видел сегодня Чаадаева и нашел его спокойным по совести, но встревоженным по своему положению. У него отобрали вчера все бумаги; вспомнив, что у писца и у одной дамы оставались еще какие-то две статьи его, он вытребовал и куда-то доставил их официально. Очень хлопочет о том, что ему не возвратят бумаг, в коих, вероятно, найдут более оправдательного, чем обвинительного. Общие бреды – и только! Он сказал, что с бумагами взяли у него и портрет мой, Брюллова, с известною надписью: «Без боязни обличаху...» (*ОА*. Т. III. С. 343).

[1] Речь идет о «Философических письмах»; как видно из последующих слов Чаадаева, он был озабочен тем, чтобы в руках правительства оказался полный комплект его восьми «Философических писем». О каких именно письмах идет здесь речь, не установлено.

82. А. И. Тургеневу. Октябрь—ноябрь 1836

СП II. № 60.

[1] Имеется в виду книга Давида Штрауса «Жизнь Иисуса Христа, критически переработанная» (Т. 1–2, 1835–1836). М. И. Жихарев пишет в своих воспоминаниях: «Во время появления и громкой знаменитости всем известной книги Штрауса, весьма образованные и очень неглупые люди различных верований и убеждений говорили, что в России только один Чаадаев в состоянии написать на нее опровержение» (*ВЕ*. 1871, сентябрь. С. 17). Этой книги нет в библиотеке Чаадаева, но в ней имеется другое сочинение Д. Штрауса: «Zwei friedliche Blätter. Altona, 1839, с условными знаками Чаадаева (*Каталог*, № 637).

[2] «Examen de la philosophie du Bacon», 2 vol., 1836.

[3] По поводу отсутствия его писем у Чаадаева, А. И. Тургенев 30 октября 1836 г. писал Вяземскому: «Писем моих у него нет, кажется, ни одного; ибо я не к нему писал их, а только к вам, поручая их прочитывать ему, как и другим; но все от него как-то взял их по его прочтении» (*ОА*. Т. III. С. 344).

[4] 1 ноября 1836 г. Тургенев писал Вяземскому: «Он навестил меня больного, и споры продолжались с ним, и весьма жаркие. Теперь он жалок, но сохраняет довольно [хладнокровие] и принял объявленное ему решение о его помешательстве с чувством признательности и растроган. Я был у него не раз после отобрания бумаг, но после объявления не видал его» (там же. С. 345).

Объявление Чаадаева «сумасшедшим» произошло 1 ноября 1836 г. «На днях,– доносил ген. Перфильев Бенкендорфу 3 ноября,– отставной ротмистр Чеодаев был приглашен к здешнему обер-полицеймейстеру, для объявления ему меры правительства, последовавшей по Высочайшему повелению ⟨...⟩ Прочтя предписание, он смутился, чрезвычайно побледнел, слезы брызнули из глаз и не мог выговорить слова. Наконец, собравшись с силами, трепещущим голосом сказал: „Справедливо, совершенно справедливо",– объявляя, что действительно в то время, как сочинял сии письма, был болен и тогда образ жизни и мыслей имел противный настоящим, что ныне согласился издать в свет сумасбродные, скверные сии письма (это его собственные слова) по убеждению издателя Телескопа Надеждина, был в твердой уверенности, что цензура не пропустит оные; но что крайне был удивлен, когда Надеждин, приехав к нему и потирая руками, объявил, что они пропущены; и что будто он, Чеодаев, узнав о сем, сам хотел писать на свое сочинение возражение» (*Лемке*. С. 418).

83. С. Г. Строганову. 8 ноября 1836

СП I. № 85. О встрече С. Г. Строганова с Чаадаевым по поводу репрессий, обрушившихся на мыслителя, свидетельствует ряд мемуаристов. М. И. Жихарев так рассказывает эту историю: «Тогдашнего московского военного генерал-губернатора, князя Д. В. Голицына, издавна Чаадаеву знакомого, в то время в Москве не было. Не имея ни малейшей возможности говорить об литературном деле с обер-полицмейстером, Чаадаев попросил позволения увидаться с графом Строгановым. Позволение было сию же минуту дано и с большою охотою. Чаадаев графа Строганова увидел, но такое свидание ни прямой пользы, ниже практического результата никакого не имело. Сверх того, его со стороны Чаадаева, не запинаясь можно назвать действием, исполненным трусости и малодушия. ⟨Граф Строганов, неловко-холодный, мало даровитый и чопорно-посредственный, человек свойств отрицательных, не показал себя в уровень высоте обстоятельства. Он принял Чаадаева с плоской, заимствованной, официальной физиономией, с чиновничьими недоступностью и безучастием, решительно отклоняя от себя всякое вмешательство и всякое содействие, и вдобавок после пересказывая кому угодно слушать, что у него был Чаадаев расстроенный, испуганный, взволнованный и униженный. Потом Чаадаев еще беспокоил графа Строганова письмом, оставшимся без ответа⟩» (*ВЕ*. 1871. сентябрь. С. 35; слова в скобках, отсутствующие в публикации ВЕ, восстановлены по рукописи, хранящейся в *ГАГО*, ф. 984, оп. 816, ед. хр. 15, л. 81–81 об.).

Письмо, упоминаемое Жихаревым, очевидно, и есть письмо Чаадаева от 8 ноября. Со слов Строганова информировал Пушкина Д. Давыдов в письме от 23 ноября 1836 г.: «Ты спрашиваешь о Чаадаеве? Как очевидец я ничего не могу сказать тебе о нем. ⟨...⟩ Мне Строганов рассказал весь его разговор с ним; весь, с доски до доски! Как он, видя беду неминуемую, признался ему, что писал этот пасквиль на русскую нацию немедленно по возвращении из чужих краев, во время сумасшествия, в припадках которого он посягал на собственную жизнь; как он старался свалить все беду на журналиста и на ценсора: на первого – потому, что

он очаровал его (Надеждин очаровал!) и увлек его к позволению отдать в печать пасквиль этот, а на последнего – за то, что пропустил оный. Но это просто гадко, а что смешно, это скорбь его о том, что скажут о признании его умалишенным знаменитые друзья его, ученые Баланш, Ламене, Гизо и какие-то немецкие Шустера-метафизики!» (*Пушкин*. Т. XVI. С. 194).

Впрочем, из своего визита к Строганову Чаадаев и сам не делал секрета. 12 ноября А. И. Тургенев писал Вяземскому: «Я был у него (Чаадаева,– *В. С.*) сегодня и нашел его более в ажитации, нежели прежде. Посещение доктора очень больно ему. Он писал третьего дня к графу Строганову и послал ему книгу Ястребцова, где о нем и почти его словами говорится, и в выноске сказано: „П. Я. Ч." и все в пользу России и в надежде ее быстрого усовершенствования, как бы и в опровержение того, что ему приписывают по первой статье. Не знаю, что сделает Строганов с сим письмом, но статья была бы в его пользу, если бы беспристрастно сии, также года за четыре писанные, страницы рассмотрены были. Другие статьи его были одобрены, как он сказывал, духовною здешнею цензурою. Все это могло бы смягчить к нему теперешних судей его, а еще более то мнение, которое о нем теперь здесь господствует, ибо все знают о его визите и о его словах графу Строганову» (*ОА*. Т. III. С. 359–360).

[1] Речь идет о книге И. М. Ястребцова «О системе наук, приличных в наше время детям, назначаемым к образованнейшему классу общества». М., 1833. Выдержки из нее, которые могли быть, по словам Чаадаева, «писаны под его диктовку», см. в «Приложениях».

[2] Неточная цитата из Евангелия от Матфея: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (6, 33). (См. примеч. 14 к *ФП VI*).

[3] Чаадаев имеет в виду либо письмо «К самому себе от имени М. Ф. Орлова (см. № 80), либо «Апологию сумасшедшего».

84. А. И. Тургеневу. Ноябрь 1836

СП II. № 62. Датировано приблизительно М. О. Гершензоном по содержанию (от объявления Чаадаева сумасшедшим до конца ноября, когда А. И. Тургенев уехал из Москвы в Петербург).

[1] В предписании военному генерал-губернатору Москвы Д. В. Голицыну от 22 октября 1836 г. говорилось: «Его Величество повелевает, дабы Вы поручили лечение его искусному медику, вменив сему последнему в обязанность непременно каждое утро посещать г. Чеодаева, и чтоб сделано было распоряжение, дабы г. Чеодаев не подвергал себя вредному влиянию нынешнего сырого и холодного воздуха; одним словом, чтоб были употреблены все средства к восстановлению его здоровья» (*Лемке*. С. 414).

85. А. И. Тургеневу. ‹Ноябрь› 1836

СП II. № 63. Датировано М. О. Гершензоном.

[1] Н. И. Надеждин на допросе 1836 г. показал: «Что он сам (Чаадаев.– *В. С.*) желал видеть свои статьи напечатанными где

бы то ни было, на это я имею свидетельство г. Андросова, издателя Московского Наблюдателя, который, после уже напечатания первого письма, говорил самому мне, что письма эти были в редакции его журнала, но он не решился поместить их и тем крайне огорчил г. Чадаева. Сам же г. Чадаев говорил, что, напротив, редакция Наблюдателя просила у него эти письма и вызывалась напечатать первое с тем только, чтобы везде, где говорится о России, не говорить „мы", а выражаться неопределенно: „некоторые народы", на что он г. Чадаев не согласился» (*Лемке.* С. 428).

[2] Речь идет о *ФП VI* и *VII*. Постановление Цензурного комитета см. в «Приложениях».

86. А. И. Тургеневу. Ноябрь 1836

СП I. № 65. Датировано М. О. Гершензоном по времени отъезда А. И. Тургенева из Москвы в Петербург (17–18 ноября 1836 г.). К этому времени толки о Чаадаеве в Москве стали утихать. 11 ноября А. И. Тургенев писал Вяземскому: «Здесь толки о Чаадаеве умолкают, хотя недавно отобрали бумаги у Надеждина, Белинского и какого-то переводчика статьи, хотя имя не упомню» (*ОА.* Т. III. С. 357).

Обыск на московской квартире Белинского (в его отсутствие; критик в это время жил в Прямухине у М. А. Бакунина) был произведен 10 ноября 1836 г. Благодаря энергичным мерам, предпринятым друзьями Белинского, никаких бумаг, компрометирующих хозяина квартиры, обнаружено не было. По-видимому, этот обыск и навел Чаадаева на мысль, что его «писания не должны ходить по рукам».

87. А. И. Тургеневу. Декабрь 1836 — январь 1837

СП II. № 66. Датировано М. О. Гершензоном. Письмо адресовано в Петербург.

[1] В библиотеке Чаадаева имеется 8 томов сочинения Ф. Раумера: Geschichte Europas seit dem Ende des fünfzehnten Jahrhunderts. Leipzig, 1832–1850. В пятом томе – условный знак рукою Чаадаева (*Каталог.* № 567).

[2] В библиотеке Чаадаева сохранилась всего одна книга Гегеля: Encyclopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse. Heidelberg, 1830. (*Каталог.* № 327). Кроме того, в его библиотеке имеются две книги о философии Гегеля: *Willm I.* Essay sur la philosophie de Hegel. Strasbourg–Paris. 1836 (*Каталог.* № 670) и *Marheineke Ph.* Einleitung in die öffentlichen Vorlesungen über die Bedeutung der Hegelschen Philosophie in der christliches Theologie. Berlin, 1842 (*Каталог.* № 449); обе книги – с пометками Чаадаева.

[3] О каком сочинении Чаадаева идет речь, неизвестно.

[4] Кипсек – роскошно изданная подарочная книга с гравюрами.

[5] По предположению М. О. Гершензона «у Чаадаева при обыске нашли письмо к нему Мейендорфа с сочувственным отзывом о „Философическом письме", и эта находка навлекла на Мейендорфа какие-то неприятности» (*СП I.* С. 395).

[6] Фиваида – окрестности развалин египетских Фив, где находились гробницы, в которых в начале эры жили христианские отшельники. «С этой метафорой,– по мнению П. Г. Торопыгина,– связывается надпись под первым „Письмом" „Некрополис" (т. е. „город мертвых"), которая адресует читателя не только к египетской культуре, но и может быть связана с темой Фиваиды, отшельничества, зарождения новой духовной жизни в древних гробницах» (Уч. записки ТГУ. Вып. 748: Актуальные проблемы теории и истории русской литературы. Тарту, 1987. С. 41).

[7] Речь идет о «Капитанской дочке» А. С. Пушкина, впервые напечатанной в 4-ой кн. «Современника», выпущенной 27 ноября 1836 г.

[8] И. И. Дмитриев.

[9] Речь идет о труде И. И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам: В 12-ти ч.». М., 1788–1797.

88. Л. М. Цынскому. 7 января 1837

СП I. № 67. В *ВЕ* (1871, ноябрь. С. 328–329) опубликован черновой вариант письма с несущественными разночтениями.

Поводом к письму Чаадаеву послужило следующее обстоятельство. В конце 1836 г. Московское губернское правление по просьбе мужа Е. Д. Пановой освидетельствовало ее «умственные способности». На вопрос: «Чтит ли и исполняет ли она законы как духовные, так и гражданские?» – Панова отвечала: «В законах гражданских я – как республиканка, по религии же я так же исповедую законы духовные, как и вы все, господа, а когда была польская война, то я молилась богу, чтобы он полякам ниспослал победу, ⟨...⟩ потому что они сражались за вольность» (*Лемке*. С. 449–450). Комиссия признала Е. Д. Панову сумасшедшей и санкционировала ее помещение в психиатрическую лечебницу.

О дальнейшей судьбе Пановой известно из воспоминаний ее внучатого племянника Н. Н. Вильде, который вспоминает ее как «старую безногую женщину», «философку», жившую в совершенной бедности у вдовы ее брата.

«Сделавшись взрослым, я узнал от отца о семейном разладе „философки" со своим братом, о смертельной вражде ее к его жене, питаемой в течение многих лет, о переписке с Чаадаевым, о его первом „философическом" письме, писанном в ответ на письмо к нему Екатерины Дмитриевны. Помню, что моя мать стояла не на стороне своей матери, а сочувствовала Екатерине Дмитриевне, ⟨...⟩ и нам, детям, становилось „философку" жалко. ⟨...⟩ Эта корреспондентка Чаадаева, эта „философка" остается в моей памяти теперь каким-то несчастным, блуждающим существом ⟨...⟩ Я не знаю, где ее могила, не знаю, у кого об этом спросить ⟨...⟩ Род Улыбышевых вымер, в родовом склепе села Лукина Екатерина Дмитриевна не покоится ⟨...⟩ Куда исчезла она тогда из Лукина старой, безногой старухой,– я не знаю.

В лукинском доме, где я не был уже около 20 лет, портрета Екатерины Дмитриевны не сохранилось» (*Вильде Н. Н.* Корреспондентка Чаадаева // Голос Москвы. № 94. 24 апреля 1913). См. также: *Штейнберг А. А.* Пушкин и Е. Д. Панова // ВрПК. 1965.

Л., 1963; *Кайдаш С.* Адресат «Философических писем» // Наука и жизнь. 1979. № 7. Четыре письма Е. Д. Пановой к Чаадаеву см. в «Приложениях» №№ XVIII, XIX, XXXIV, XXXV.

[1] Это утверждение Чаадаева не соответствует действительности. Из письма к нему Е. Д. Пановой от 8 марта 1836 г. (см. «Приложения, № XXXIV) следует, что она не только читала *ФП I*, но по крайней мере знала о существовании еще одного *ФП*.

89. М. Я. Чаадаеву. Февраль 1837

СП I. № 68. Написано в ответ на письмо М. Я. Чаадаева от 26 января 1837 г. (см. «Приложения, № XXXVIII), поэтому датируется февралем 1837.

[1] «Сначала, – пишет М. И. Жихарев, – к нему прислали частного врача той части, где он жил, и кажется, к нему приезжал для консультации главный доктор дома умалишенных. Эти господа для формы прописали какой-то рецепт, который где был написан, там и остался ⟨...⟩ Потом продолжал свои посещения тот же штаб-лекарь, но так как он был человек нетрезвый и часто являлся пьяным, то Чаадаев на него пожаловался обер-полицмейстеру, угрожая, что будет писать графу Бенкендорфу. Угроза подействовала сильно и мгновенно. Частного штаб-лекаря немедленно удалили, а Чаадаева обер-полицмейстер просил самому себе назначить какого ему угодно из врачей, подведомственных полиции. С общего согласия оба они ⟨...⟩ избрали ⟨...⟩ доктора Гульковского, занимавшего по полиции важную медицинскую должность, Чаадаеву давнишнего знакомого и старинного приятеля, и не раз и подолгу его лечившего. С ним дело и кончилось. Поведение Гульковского было безукоризненным поведением порядочного человека. ⟨В первый свой приезд к Чаадаеву он начал свои медицинские пособия словами: „Вот в каких обстоятельствах пришлось нам увидеться, Петр Яковлевич: не будь у меня старухи жены и огромного семейства, я бы им сказал кто сумасшедший⟩"» (*ВЕ.* 1871, сентябрь. С. 36; слова в скобках, опущенные при публикации в *ВЕ*, восстановлены по рукописи, хранящейся в *ГАГО*, ф. 984, ед. хр. 15, л. 83 об.).

[2] Имеется в виду семейство Левашовых, в доме которых Чаадаев жил с 1833 г.

[3] Первая редакция этого письма напечатана в *СП II.* С. 26–28. Она и была послана адресату, а помещенный здесь более поздний вариант Чаадаев оставил у себя и, по-видимому, давал читать друзьям и знакомым. Как всегда в таких случаях, он редактировал первоначальный текст, исключая из него места, связанные с сугубо личными обстоятельствами. В данном случае им были исключены три заключительные абзаца: «Я примечаю, что в рассказе своем слишком распространился, позабыв твое отвращение к многословию и собственные твои заботы. Ты говоришь мне о крайне неприятных обстоятельствах, но не сказываешь, в чем они состоят. По праву братства и дружбы скажу тебе, что я слышал, что будто ты разлучился с женою. Не могу тебе выразить сколько мне было грустно это слышать. Прошу тебя покорнейше меня уведомить, правда ли это или нет. Не зная обстоятельств, ничего более про

это говорить не стану, но надеюсь, что ты не оставишь меня в неизвестности, и хотя в коротких словах скажешь что есть.

От тетушки получил сей час письмо с Максимом, и судя по оному и по словам Максима, она еще довольно крепка и здорова. О моем деле она ничего не знает, следовательно, если будешь к ней писать, не должен об этом говорить. В мае месяце, если положение мое изменится, а здоровье не разрушится, съезжу к ней непременно.

Прощай, мой друг. Прошу тебя еще раз не медлить ответом».

90. С. Л. Пушкину. Вторая половина февраля 1837

СП II. № 69.

[1] Имеется в виду письмо В. А. Жуковского к С. Л. Пушкину от 15 февраля 1837 г. о последних минутах А. С. Пушкина (см.: Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 341–355).

[2] «Его (Чаадаева.– *В. С.*) бумаги,– рассказывает М. И. Жихарев,– отобрали и послали в Петербург. Потом некоторые были возвращены, другие там и остались» (*ВЕ*. 1871, сентябрь. С. 34).

[3] По сообщению П. Бартенева, «после известной истории со статьею в „Телескопе" Чаадаев сжег свою переписку» (имеется в виду переписка с А. С. Пушкиным.– *В. С.*) (*РА*. 1866. С. 1100).

91. И. Д. Якушкину. 19 октября 1837

СП I. № 70. Учтены поправки и дополнения, сделанные Д. И. Шаховским в статье: Якушкин и Чаадаев (по новым материалам) // Декабристы и их время. М., 1932. Т. II.

[1] См. коммент. к № 75.

[2] Н. Н. Шереметева. В *СП* неправильный перевод: «свекровь».

[3] См. примеч. 6 к № 87.

[4] Имеется в виду книга И. М. Ястребцова; см. письмо № 83, а также «Приложения»: «П. Я. Чаадаев и И. М. Ястребцов».

[5] Слова «по высочайшему повелению» восстановлены по тексту статьи Д. И. Шаховского (указ. соч., с. 185).

[6] Е. Г. Левашова.

[7] См. примеч. 1 к № 75 и письмо № 72.

92. Е. А. Свербеевой. Октябрь—ноябрь 1837

Перевод выполнен с копии, хранящейся в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 379–388, л. 1. Датируется на основании упоминания письма барона д'Экштейна (см. ниже примеч. 2).

[1] В подлиннике: Ashavérus и далее: Aschavérus. По-видимому, это искаженное написание еврейского имени Агасфера – «Ахашверош». «Агасфер», «Вечный Жид» – этими именами Чаадаев нередко называл А. И. Тургенева в письмах к третьим лицам. И здесь несомненно речь идет о Тургеневе, чей «циркуляр», по-видимому, был отправлен в Россию в сопровождение письма д'Экштейна к Чаадаеву. Похожее по написанию слово встречается и в письме Чаадаева к брату от 25 марта 1820 г. (№ 11). «Ischavenss» – это,

вероятно, неправильно прочитанное публикатором письма (А. А. Вилковым) «Aschaverus».

[2] Письмо д'Экштейна от 12 октября 1837 г. см в «Приложениях» № XXXIX.

93. М. Ф. Орлову. 1837

СП II. № 73. Датировано редакцией *ВЕ*, где впервые опубликовано (1874, июль. С. 86–88).

[1] Ср. с дневниковой записью А. И. Герцена: «Чаадаев прекрасно заметил однажды, что один из величайших характеров христианского воззрения есть поднятие надежды в добродетель и постановление ее с верою и любовью. Я с ним совершенно согласен. Эту сторону упования в горести, твердой надежды в, по-видимому, безвыходном положении должны по преимуществу осуществить мы. Вера в будущее своего народа есть одно из условий одействотворения будущего. Былое сердцу нашему говорит, что оно не напрасно; оно это доказывает тем глубоко трагическим характером, которым дышит каждая страница нашей истории» (*Герцен.* Т. 2. С. 339; дневниковая запись 5 марта 1844 г.).

[2] В издании М. О. Гершензона это слово пропущено; восстановлено согласно указанию Н. В. Голицына (*ВЕ.* 1918. Кн. 1–4. С. 239).

Н. В. Голицын установил, что Чаадаев снял со своего письма к Орлову копию и давал читать ее знакомым. Копия сохранилась в архиве Е. А. Свербеевой. По процитированной дневниковой записи (см. примеч. 1) можно предположить, что Чаадаев давал читать это письмо и Герцену, но позже, в 1840 – начале 1841 г., когда Герцен жил в Москве между двумя ссылками.

94. И. Д. Якушкину ‹?›. 30 октября 1838 ‹?›

СП I. № 71. М. О. Гершензон адресатом этого письма считал А. И. Тургенева. Д. И. Шаховской в статье «Якушкин и Чаадаев (По новым материалам)» (см.: Декабристы и их время. М., 1932. Т. 2) высказал предположение, что наиболее вероятный адресат этого письма И. Д. Якушкин, а само письмо написано не в 1837 г., как указано в конце письма (и, по-видимому, не Чаадаевым), а в 1838 г.

[1] Возможно, речь идет о статье И. Д. Якушкина «Что такое человек?», написанной в середине 30-х гг. (впервые напечатана в кн.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1).

[2] Статья И. Д. Якушкина заканчивается словами: «Семейство человека само по себе слишком слабо, чтобы противодействовать враждебным силам, его окружающим; по необходимости оно соединяется с другими семействами, чтобы увеличить свои средства для удовлетворения потребностей жизни. Человек, это слабое животное существо при своем рождении и по своей природе и тем самым поставленный в необходимость сближения с себе подобными, в совокупности с ними приобретает огромные силы, беспрестанно возрастающие, вследствие чего народы сближаются с народами, люди все более и более толпятся и все человечество стремится к соединению в одно целое,– и тем самым человек ре-

шительно разнится от всех животных вообще и от петуха в особенности» (*Якушкин*. С. 170).

[3] В статье Якушкина эта мысль прямо не высказывается, но все содержание ее оправдывает этот вывод Чаадаева.

[4] Якушкин рассматривал свои научные занятия в связи с возможностью быть полезным своим детям.

[5] Перефразированные слова из *ФП I* (см. т. 1 наст. изд., с. 327–328).

[6] Неточная цитата из Евангелия от Иоанна: «Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа» (17, 3).

95. А. И. Тургеневу. 1838

СП I. № 72. Письмо А. И. Тургенева к Вяземскому от 14 ноября 1842 г., в котором приводится выдержка из письма Чаадаева, содержит слова: «Чаадаев отдал мне письмо его 1837 г. ко мне, в коем нахожу следующие строки: „Сейчас прочел я Вяземского „Пожар“...“». На основании этих слов М. О. Гершензон датировал письмо Чаадаева 1837 г., однако, как показал Д. И. Шаховской, его следует датировать 1838 г. (см.: Декабристы и их время. М., 1832. ⟨Т. II.⟩ С. 195), так как Зимний дворец сгорел 17 декабря 1838 г., а статья Вяземского, о которой идет речь в письме Чаадаева, опубликована в 1838 г.

[1] ⟨Е⟩Катерина Александровна Свербеева.

[2] Речь идет о книге Ламенне «Affaires de Rome». Bruxelles, 1837. Книга с многочисленными условными знаками сохранилась в библиотеке Чаадаева (*Каталог*. № 409).

[3] Письмо Чаадаева неизвестно; возможно, что ссылка на письмо «приятелю» – литературный прием.

[4] Речь идет о статье Вяземского о пожаре Зимнего дворца, напечатанной сначала в Gazette de France в начале 1838 г., а затем выпущенной отдельной брошюрой анонимно: Incendie du Palais d'Hiver à Saint-Petersbourg. Paris, 1838.

[5] Здесь Чаадаев как бы находит у Карамзина подтверждение своей мысли, которой завершается «Апология сумасшедшего» (написанная незадолго до этого письма) о роли географического фактора в истории России. Эта мысль будет привлекать его внимание и в последующем (см. примеч. 23 к *АС* в 1 т. наст. изд.).

96. С. С. Мещерской. 27 мая 1839

СП II. № 75. Письма к С. С. Мещерской 1839 и 1841 гг. (№ 102) Чаадаев распространял в копиях среди друзей и знакомых под общим названием «Два письма к княгине Софии М.» Как установил Д. И. Шаховской, настоящее письмо написано в ответ на письмо Мещерской, несомненно вызванное прочтением ею письма Чаадаева к И. Д. Якушкину от 30 октября 1838 г. (№ 94) (см.: Декабристы и их время. М., 1932. Т. II. С. 194).

[1] См. примеч. 4 к *ФП VIII*.

97. В. А. Жуковскому. 5 июня 1839

СП I. № 76. Среди бумаг Чаадаева, хранящихся в *ГБЛ* (ф. 103, Авт. 3, 4), есть письмо Жуковского к Чаадаеву следующего содержания: «Не могу исполнить вашего желания, любезный Петр Яковлевич; обещанное письмо оставлено мною в Петербурге; я перешлю его к вам оттуда. Мы едем послезавтра; жаль, что не мог еще раз с вами повидаться. Оставим это до второго пришествия (разумеется, моего).

Преданный вам
Жуковский.

Суббота».

Письмо В. А. Жуковского не датировано (на подлиннике чьей-то рукой, карандашом отметка: «1817–1818», что не может соответствовать действительности, так как в это время Чаадаев сам жил в Петербурге), но по содержанию оно является ответом на публикуемое письмо Чаадаева.

[1] Речь идет о письме А. С. Пушкина к Чаадаеву от 19 октября 1836 г. (см. «Приложения» № XXXVI). В. А. Жуковский, которому после смерти поэта было поручено разобрать его бумаги, в марте 1837 г. доносил А. Х. Бенкендорфу: «Мы разобрали все его бумаги. Полагали, что в них найдется много нового, написанного в духе враждебном против правительства и вредного нравственности. Вместо того нашлись бумаги, разительно доказывающие совсем иной образ мыслей: это особенно выразилось в его письме к Чаадаеву, которое он, по-видимому, хотел послать не по почте, но не послал, вероятно, по той причине, что он не желал своим опровержением оскорблять приятеля, уже испытавшего заслуженный гнев государя» (Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 358).

[2] Имеется в виду *ФП I.*

[3] При посредстве М. М. Сонцева Чаадаев переслал письмо к В. А. Жуковскому, по-видимому, как только узнал о его предстоящем возвращении из-за границы.

[4] 5 июня 1839 г. Жуковский находился еще за границей (он путешествовал по Европе с наследником-цесаревичем Александром Николаевичем). В Россию он вернулся 23 июня.

98. Н. Д. Шаховской. 1839

СП II. № 77. Датировано временем пребывания А. де Кюстина в Москве (см. ниже примеч. 2).

[1] Е. Д. Щербатова.

[2] Адольф де Кюстин, путешествуя по России, посетил Москву в июле–августе 1839 г. и, возможно, встречался здесь с Чаадаевым. О посещении Кюстином Чаадаева сообщает Д. Н. Свербеев (*Свербеев.* Т. 2. С. 405). Записка, которую Чаадаев просил передать Кюстину через Е. Д. Щербатову, неизвестна.

В книге Кюстина «Россия в 1839 году» Чаадаеву посвящено несколько страниц (см. «Приложения»).

99. И. С. Гагарину. 1 октября 1840

Звенья. М., 1935. Кн. V. С. 210, 213. Французский текст – там же, с. 209–210. Датируется на основании письма А. И. Тургенева А. П. Елагиной из Парижа от 9/21 февраля 1841 г., в котором он пишет: «Прочел октябрьское письмо из Басманной, в коем называют меня: [милый хлопотун] и поручают мне познакомить с Парижем одного из новичков-соотечественников, коего отец долго был моим сослуживцем. Передайте Басманному философу благодарность за поручение: Галахов возвратится истинным парижанином...» (*РА*. 1896, февраль. С. 202–203).

[1] Голод 1840 г., охвативший центральные губернии России, был следствием тяжелых погодных условий весны и лета этого года. Е. М. Хомякова в письме к Н. М. Языкову писала: «Вообразите, что в Туле хлеб продается по 6 рубл. пуд. Ужасно! А поля все до сих пор черные» (*Хомяков А. С.* ПСС. М., 1900. Т. 8. С. 95).

[2] Говоря об оценке Чаадаевым московской умственной жизни того времени, Д. И. Шаховской отмечает: «Чаадаев говорит об этих собраниях с каким-то двойственным чувством и с оценкой, заключающей в себе внутреннее противоречие. С одной стороны, он им, несомненно, придает значение заметного общественного явления, с другой – сам не признает за ними никаких признаков силы, влияющей на ход событий, так что приходится только плестись за совершающимися механически жизненными процессами. В этом противоречии – трагедия жизни Чаадаева. Возлагая все свои надежды на развитие в русском обществе нового понимания национальных и мировых задач, он вместе с тем на каждом шагу убеждается не только в равнодушии окружающих к тем вопросам, которые его занимают, но еще и в том, что и самого общества как реальной силы, которая имела бы какой-нибудь голос в решении жизненных вопросов, вне самых элементарных шкурных интересов, вовсе еще не существует» (Звенья. Кн. V. С. 214).

[3] Под «механическим решением вопросов жизни» Чаадаев, по предположению Д. И. Шаховского, подразумевает правительственные меры 1839–1840 гг. по насильственному возвращению униатов Западного края в лоно православия (там же. С. 215).

100. С. П. Шевыреву. 22 сентября 1841

СП I. № 78. М. О. Гершензон датировал 1840 г. на основании даты в конце стихотворения Е. П. Ростопчиной, что неверно как с точки зрения логики (следовало бы датировать: «не ранее 1840 г.»), так и фактически. Ф. Н. Глинка в письме М. П. Погодину от 4 июня 1841 г. писал: «Вчера был у нас Чаадаев, который не скрыв благодарности своей к вам за присланный ему билет на „Москвитянина", объявил, что выпросил для вас стихи у графини Ростопчиной. Это будет жемчужина для „Москвитянина"» (*ГБЛ*, Пог. II, 8–21–2).

[1] Речь идет о стихотворении Е. П. Ростопчиной «Вид Москвы», датированном 27 июня 1840 г.: *Ростопчина Е. П.* Сочинения. СПб., 1890. Т. 1. Стихи. С. 68, начальные строки которого:

«О! как пуста, о! как мертва
Первопрестольная Москва!..

Ее напрасно украшают,
Ее напрасно наряжают...
Огромных зданий стройный вид,
Фонтаны, выдумка востока,
Везде чугун, везде гранит,
Сады, мосты, объем широкий
Несметных улиц,— все блестит
Изящной роскошью, все ново,
Все жизни ждет, для ней готово...
Но жизни нет!.. Она мертва,
Первопрестольная Москва! (...)» —

создавали образ Москвы-«Некрополиса», близкий душе Чаадаева.

[2] «Москвитянин» — литературно-научный журнал, издававшийся в 1841—1856 гг. М. П. Погодиным. По своему направлению «Москвитянин» был органом официальной народности. С 1850 г. (при так называемой молодой редакции, куда входили А. А. Григорьев, А. Н. Островский и др.) направление «Москвитянина» было близко к славянофильству.

101. А. И. Тургеневу. 1841

СП I. № 79. Датировано М. О. Гершензоном по времени пребывания П. Н. Батюшкова (брата поэта), упоминаемого в письме, за границей (*СП I.* С. 400).

[1] См. № 100.

[2] Вся эта довольно злая и ироническая тирада Чаадаева направлена против славянофилов. «Петр Яковлевич наружно дружил с славянофилами,— вспоминал И. А. Арсеньев,— но когда таковых налицо не было, всласть насмехался над ними, называя „заскорузлыми тирольцами в зипупах“» (*ИВ.* 1887. Т. XXVII. № 1. С. 81).

[3] Н. И. Тургеневу.

[4] Вероятно, речь идет о том самом Михаиле Петровиче Голицыне, которому Чаадаев подарил экземпляр оттиска *ФП I* (см. Показания Чаадаева 1836 г. в т. 1 наст. издания).

[5] В марте 1839 г. умерла Е. Г. Левашова, в доме которой на Новой Басманной улице Чаадаев жил с 1833 г. После ее смерти дом был продан «почетному гражданину Москвы» Шульцу. С тех пор мысль о переселении в деревню к кому-нибудь из друзей или родственников не покидала Чаадаева. А. И. Тургенев писал П. А. Вяземскому 20 февраля 1840 г.: «Чаадаев помышляет удалиться в деревню к пьяному братцу» (*ОА.* Т. IV. С. 92). См. также письмо М. Я. Чаадаева от 22 декабря 1840 г. («Приложения», № XLI). Намерение Чаадаева переселиться ни в «сторону» Свербеевой, ни к «пьяному братцу» осуществлено так и не было, он прожил в этом доме до конца своих дней.

102. С. С. Мещерской. Декабрь 1841

СП II. № 80. См. коммент. к № 96.

[1] О какой книге и о каком лице идет речь, не установлено.

[2] Имеется в виду философия Гегеля (ср. *ОРМ* № 217 в т. 1 наст. изд.); см. также примеч. 3 к № 103.

103. Ф. В. Й. Шеллингу. 20 мая 1842

СП II. № 81. Существуют две редакции этого письма: «пространная», помещенная здесь под этим номером, и «краткая» (последняя впервые опубликована И. С. Гагариным – см.: *Gagarin*, p. 203–208, а позднее, с оригинала, Д. И. Шаховским в «Звеньях», М., 1935. Кн. V. С. 226–228, которая приводится у нас под № 103 А). Доставка письма адресату была поручена И. С. Гагарину, с которым Чаадаев летом 1842 г. находился в оживленном общении. Письмо, по-видимому, не было доставлено Гагариным адресату, так как, по сообщению его биографа Пирлинга, «в апреле 1842 г. наступил перелом, долго таившийся в глубине души (Гагарина.– *В. С.*). ‹...› Последствием его был переход в католичество, а затем, 10 августа 1843, вступление в орден иезуитов» (Русский биографический словарь. М., 1916. ‹Т. 4.› С. 70). Видимо, эти события и отвлекли Гагарина от выполнения поручения Чаадаева. Еще одну попытку доставить письмо Шеллингу Чаадаев мог предпринять, переслав его с А. И. Тургеневым. Однако это опровергается свидетельством самого Тургенева, который в письме от 16/4 мая 1844 г. писал Чаадаеву: «Давно собирался писать к тебе, милый философ, но, право, физических сил не было: теперь отправил письмо к Сверб(еевой), чтобы успеть сказать тебе несколько слов, кои доскажет тебе Циркур (Сиркур.– *В. С.*): в Берлине он видел Шеллинга, и тот расспрашивал его о тебе, Циркур сам перескажет тебе все, а я советую тебе, для совершенного вразумления Шеллинга, написать к нему, как писывал ты во время оно. ‹ . . . › По написании пришли ко мне копию письма» (*ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 64, л. 1). В Россию А. И. Тургенев вернулся только в конце августа 1845 г. и вскоре (в декабре) умер. Его письмо к Чаадаеву доказывает, что в момент его написания он даже не знал, что письмо к Шеллингу уже написано и отослано в Европу. В то же время из письма Тургенева видно, что в 1844 г. Шеллинг еще не получал письма от Чаадаева. Тот факт, что А. И. Тургенев, обычно хорошо осведомленный о творческих планах «московского философа», находился в неведении относительно его письма к Шеллингу, может объясняться их ссорой (см. коммент. к № 115). По-видимому, по возвращении Тургенева из-за границы Чаадаев отдал ему свое письмо к Шеллингу (в архиве Тургенева сохранилась копия, сделанная рукой Чаадаева,– «краткая редакция»), но уже не для отправки, а для сохранения (см. № 119). Вероятнее всего, письмо Чаадаева так и не было доставлено Шеллингу.

[1] См. письмо Шеллинга к Чаадаеву от 21 сентября 1833 г. в «Приложениях» № XXIX.

[2] Шеллинг занял кафедру в Берлине осенью 1841 г. по приглашению Фридриха-Вильгельма IV. Первую лекцию он прочитал 15 ноября. Это был знаменитый курс «Философии откровения», среди слушателей которого были Ф. Энгельс, С. Кьеркегор, М. Бакунин.

[3] Имеется в виду гегельянство. Д. И. Шаховской, комментируя это письмо, замечает: «На первый взгляд оно посвящено критике философской системы Гегеля ‹. . .› Анализируя письмо, легко, однако, заметить, что критика Чаадаева, в сущности, сознательно

бьет мимо цели, если целью этой считать Гегеля. Совершенно ясно, что он воюет главным образом не с его философским учением,– все острие нападок Чаадаева направлено на свои домашние преломления гегелианства; озабочивает его в это время лишь направление русского самосознания, и он оценивает происходящее в философской жизни Европы лишь с точки зрения того влияния, какое европейская мысль может оказать на ход развития идей у нас» (Звенья. М., 1935. Кн. V. С. 231).

[4] В этом выражении, по мнению Д. И. Шаховского, «Чаадаев и в насмешливой форме, и в математически точном определении выявляет всю подоплеку и всю внутреннюю противоречивость славянофильской доктрины» (Звенья. М.; Л., 1934. Кн. III. С. 371). Там же изложена история становления этого важного чаадаевского термина: в «Апологии сумасшедшего» (см. т. 1 наст. изд.) Чаадаев по отношению к «фанатикам-славянам» употребляет выражение «утопии прошлого»; аналогичные выражения встречаются в письмах к Сиркуру 1845 и 1846 гг. (№№ 123; 133). В письме к В. А. Жуковскому 1851 г. (№ 179) говорится об одном из «ревностных служителей возвратного движения»; самое позднее употребление выражения «ретроспективная утопия» в статье «L'Univers» (см. т. 1 наст. изд.).

[5] Намек на А. С. Хомякова, который в «Письме об Англии» писал: «Англы перешли, как известно, из Померании, т. е. из славянского поморья в Тюрингию, а оттуда к устьям Рейна, откуда они переселились в Англию и дали ей свое имя ‹...› В имени ‹...› Англинг мы находим только носовую форму славянского племенного имени Угличей (так же, как слово Тюринг совпадает со словом Тверич)» (*Хомяков А. С.* ПСС. М., 1911. Т. 1. С. 105–106). Хотя статья А. С. Хомякова была опубликована в 1848 г., мысли, в ней выраженные, он мог высказывать и раньше в беседе с Чаадаевым.

103А. Ф. В. Й. Шеллингу

Звенья. М.; Л., 1935. Кн. V С. 226–228. Там же (С. 221–223) фотокопия оригинала на франц. яз.

104. Е. А. Свербеевой. 10 июля 1842

ВЕ. 1918. Кн. 1–4. С. 241–243.

[1] О намерении Чаадаева оставить Москву в 1840 г. см. примеч. 5 к № 101. После 1842 г. Чаадаев собирался покинуть Москву в 1845–1846 гг., но и это намерение осталось не осуществленным.

[2] Рожествено – имение двоюродной сестры Чаадаева Е. Д. Щербатовой, расположенное в Серпуховском уезде Московской губ.

[3] Чаадаев имеет в виду имение свой тетки А. М. Щербатовой с. Алексеевское.

[4] Н. Д. Шаховская.

[5] Статья А. С. Хомякова «О сельских условиях», написанная в связи с указом от 2 апреля 1842 г. о договорах помещиков с крестьянами, была напечатана в V (VI) кн. журнала «Москвитянин» за 1842 г. Хомяков рассматривал возможные условия сделок между землевладельцами и крестьянами; ответственность за исправное

выполнение этих условий лежит, по мнению Хомякова, не на отдельном поселянине, а на сельской общине. Разбору этой статьи Хомякова Чаадаев посвятил специальную статью, которую мы публикуем в т. 1 наст. изд. Ее первая часть была напечатана Н. В. Голицыным в *ВЕ*, 1918, кн. 1–4, который, анализируя публикуемое письмо Чаадаева, писал в статье «П. Я. Чаадаев и Е. А. Свербеева (Из неизданных бумаг Чаадаева)»: «Чаадаев в своей едкой критике статьи Хомякова выхватил из нее две фразы, которым по контексту сам автор не придавал, по-видимому, особого значения, и сделал из них крайние выводы, на основании коих можно было бы заключить, будто Хомяков был защитником крепостного права. На самом деле, этого про Хомякова никак нельзя сказать, и вся статья его, напротив того, направлена к выяснению значения указа об обязанных крестьянах, как первой осторожной попытки николаевского правительства подойти к разрешению крестьянского вопроса на основании добровольных сделок между помещиками и крестьянами» (*ВЕ*. С. 238). Современные исследователи, тем не менее, находят в статье Хомякова «примирительное отношение» к идеологии крепостничества (см.: *Прийма Ф. Я.* Ксавье Мармье и русская литература // Вопросы изучения русской литературы XI–XX веков. М.; Л., 1958. С. 146). Острая критика статьи Хомякова содержится также в письме Чаадаева к А. И. Тургеневу 1843 г. (см. № 115).

[6] Французский писатель Ксавье Мармье, посетитель парижского салона А. С. Сиркур, прибыл в Москву из Петербурга в середине июня 1842 г. Здесь он познакомился с С. П. Шевыревым, А. С. Хомяковым, И. В. Киреевским, Н. Ф. Павловым и др. Итогом путешествия К. Мармье явилась его книга «Письма о России, Финляндии и Польше», которая в 1842–1843 гг. печаталась во французских журналах, а в 1843 г. вышла отдельным изданием. Его беседа с Чаадаевым не получила в книге отражения. В России книга К. Мармье была запрещена. (Подробнее о Мармье см. статью Ф. Я. Приймы, указанную в примеч. 5). (См. также примеч. 1 к № 121 А).

[7] Точный текст А. С. Хомякова: «Впоследствии мирская община получила определенного главу в лице землевладельца» (*Хомяков А. С.* ПСС. М., 1900. Т. III. С. 70).

[8] Точный текст А. С. Хомякова: «Русский быт, органически возникший из местных потребностей и характера народного, заключает в себе тайну русского величия» (там же. С. 64).

[9] Князь А. Н. Голицын, покровитель А. И. Тургенева. См. также примеч. 2 к № 115.

[10] Кузины Чаадаева Н. Д. Шаховская и Е. Д. Щербатова; последняя в это время была за границей.

[11] Кн. Михаил Александрович Голицын женился 23 августа 1842 г. на княжне Марии Ильиничне Долгоруковой.

105. И. С. Гагарину. Июль 1842

Звенья. Кн. V. М.; Л., 1935. С. 216, 219. Письмо датируется на основании слов Чаадаева в письме к Е. А. Свербеевой от 10 июля 1842 г. (№ 104): «Гагарин ‹...› только что от меня ушел», а также на основании примечания самого И. С. Гагарина к этому письму Чаадаева: «Эта записка не лишена значения. Общий строй мыслей

Чаадаева склонял его к отрицанию католического прошлого у России. Во время последнего моего пребывания в Москве (в 1842 г.– *В. С.*) я говорил ему о браке княжны Анны, дочери Ярослава Великого, с Генрихом I, королем Франции, причем исключена возможность предположения о перемене веры или о смешанном браке; из этого с необходимостью приходится признать, что в это время Россия и Франция принадлежали к одной церкви. Чаадаев сдался не сразу; но на второй или на третий день он написал мне вышеприведенное письмо» (Звенья. М.; Л., 1935. Кн. V. С. 219).

[1] Изяслав Ярославич, великий князь киевский, старший сын Ярослава Мудрого. В 1068 г. в результате народного восстания в Киеве был свергнут и бежал в Польшу; в 1069 г. с помощью поляков захватил Киев, но в 1073 г. снова был изгнан своими братьями. Изяслав неоднократно обращался за помощью к германскому императору, польскому королю и папе римскому Григорию VII Гильдебрандту.

[2] Согласно церковной легенде «римлянин» Антоний, спасаясь от преследований латинян, на обломке скалы обогнул по морю всю Европу и прибыл в Новгород, где в 1117 г. основал монастырь Рождества Богородицы, игуменом которого он был. Позднее канонизирован русской церковью. Некоторые современные историки рассматривают монастырь Антония как своеобразный опорный пункт католического влияния в Новгороде (См.: *Мурьянов М. Ф.* Русско-византийские церковные противоречия в конце XI в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сб. статей, посвященный Л. В. Черепнину. М., 1972. С. 219–220). Подробнее об Антонии см.: *Ключевский В. О.* Древнерусские жития как исторический источник. М., 1871. С. 306–311; *Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). Изд-во Моск. ун-та, 1986. С. 71–72.

[3] Д. И. Шаховской к этому месту письма сделал следующее примечание: «Здесь Чаадаев говорит о послании Иоанна II, грека, бывшего митрополитом киевским, вероятно с 1077 до 1088 года, к папе Клименту III по поводу одного разногласия между восточной и западными церквами. Послание это, считающееся одним из важных памятников русской литературы XI века, написано было по-гречески и известно во многих списках в оригинале и в русском переводе. Оно сначала возбуждало много сомнений относительно времени своего написания; но, в конце концов, признано памятником XI века, как это и принимает Чаадаев» (Звенья. М., 1935. Кн. V. С. 219).

106. С. П. Шевыреву. 20 июля 1842

СП I. № 155. В *СП* отнесено к письмам «неизвестных лет». Дата определена Н. В. Голицыным (*ВЕ* 1918. Кн. 1–4. С. 236–237).

[1] С. П. Шевырев жил в Сокольниках, «в доме Чернышева».
[2] См. примеч. 5 к № 101 и примеч. 1 к № 104.

107. П. А. Вяземскому. 2 октября 1842

Перевод выполнен с оригинала, хранящегося в *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 3004, л. 11. П. А. Вяземский ответил Чаадаеву не непосредственно, а через А. И. Тургенева, который писал Вяземскому 2 декабря 1842 г.: «Чаадаеву передал о живописце сегодня на его середном утреннике» (*ОА*. Т. IV. С. 192). Содержание этого ответа неизвестно.

[1] Имеется в виду М. Ф. Орлов, умерший в марте 1842 г.

[2] Намек на статью А. С. Хомякова «О сельских условиях» (см. примеч. 5 к № 104).

[3] Чаадаев имеет в виду изыскания по русской истории, которыми длительное время занимался А. И. Тургенев в иностранных архивах. Результатом этих изысканий явились изданные им «Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек», тт. 1–2. СПб., 1841–1842.

[4] Имеется в виду А. И. Тургенев.

108. А. И. Тургеневу. 31 декабря 1842

СП II. № 148. На обороте надпись рукой Чаадаева по-русски: «Александру Ивановичу Тургеневу. В Старой Конюшенной». Датировано Д. И. Шаховским.

[1] О каком документе, написанном Экштейном, идет речь, не установлено.

108А. М. И Жихареву. 1842

Публикуется с рукописи перевода, хранящейся в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 336. Датируется на основании года публикации статьи А. С. Хомякова, о которой здесь говорится.

[1] Н. Д. Шаховская.

[2] Фамилия Хомякова вставлена Шаховским. О его статье см. примеч. 5 к № 104.

[3] О намерении Чаадаева оставить Москву в начале 40-х годов см. примеч. 5 к № 101.

[4] И. М. Жихарев.

109. С. П. Шевыреву. 1843

СП I. № 82. О датировке см. ниже примеч. 1.

[1] Статья, написанная С. П. Шевыревым по случаю годовщины смерти М. Ф. Орлова, не была допущена к печати. А. И. Тургенев писал из Москвы П. А. Вяземскому (20 марта 1843 г.): «Вчера были мы (19 марта) в Девичьем монастыре, служили обедню и панихиду по М. Орлове и плакали: Чаадаев, Киреевская,.. Свербеева, княгиня Шаховская и несколько им облагодетельствованных женщин, рыдавших над памятником, где слова: „Подписавший условия при вшествии в Париж“ принадлежат истории. Меня поразило слово в поминовении: „Болярина Михаила“, потому что здесь, как слышно, боярин – цензор ‹...›, не пропустив статьи Шевырева, назвал Михаила Орлова *каторжним*...» (*ОА*. Т. VI. С. 232).

110. А. И. Тургеневу. 1843

СП II. № 149. В *СП* отнесено к письмам «неизвестных лет»; датировано Д. И. Шаховским. На обороте рукой Чаадаева написано по-русски: «А. И. Тургеневу. В доме г. Яниша, на Воронцовом поле».

[1] Возможно, «автограф Экштейна», о котором см. выше № 108.

111. А. Я. Булгакову. 1843

Перевод выполнен с оригинала, хранящегося в *ГБЛ,* ф. 41, к. 143, ед. хр. 51, л. 28. Письмо написано в самый разгар ссоры Чаадаева с А. И. Тургеневым, о которой см. коммент. к № 115. Так как письмо Чаадаева к Е. А. Свербеевой 1843 г., в котором он сообщает о выполнении ее просьбы, датировано 29 октября, то это письмо естественно датировать второй половиной октября.

[1] А. И. Тургенев.

[2] Екатерина Федоровна Муравьева, мать декабристов Александра и Никиты.

[3] О «шумихе», которую «устроил», по выражению Чаадаева, А. И. Тургенев, подробно говорится в начале письма № 115.

112. А. Я. Булгакову. 1843

Перевод выполнен с оригинала, хранящегося в *ГБЛ,* ф. 41, к. 143, ед. хр. 61, л. 26. О датировке и обстоятельствах написания письма см. коммент. к № 111.

[1] Имеется в виду А. И. Тургенев.

[2] Т. е. мадам Рекамье. Эдвард Гапс в статье «Гостиная госпожи Рекамье» писал: «В улице de Sevres стоит дом, который, будучи вновь изящно отделан, совсем не похож на монастырь: это Abbaye-aux-Bois (Аббатство в лесу); он потому так назван, что, вероятно, стоял некогда за чертою Парижа. ⟨...⟩ Здесь живет госпожа Рекамье» (Московский Наблюдатель. 1835, апрель. Кн. 2. С. 458).

113. Е. А. Свербеевой. 29 октября 1843

СП II. № 185. В *СП* год написания и адресат не установлены. Датируется по связи с содержанием предыдущих двух писем.

[1] А. И. Тургеневу.

[2] См. примеч. 2 к № 112.

114. Неизвестной. 1843

Публикуется с оригинала, хранящегося в *ЦГАЛИ*, ф. 546, оп. 1, ед. хр. 10. Датируется по связи с предыдущими письмами (№№ 111–113).

115. А. И. Тургеневу. Август—ноябрь 1843

РЛ. 1969. № 3. С. 118–122. Французский текст опубликован в Studies in Soviet Thoughts. 1986. V. 23, N 4. P. 332–339. Письмо не было отправлено адресату по причинам, которые изложены в на-

чале письма № 116. О существовании его до публикации было известно со слов П. А. Вяземского. Говоря об отношениях Чаадаева и А. И. Тургенева, Вяземский писал: «Чадаев, при всей приязни своей смотрел на него (Тургенева.– *В. С.*) свысока. Пуританизм его смущался развязностью Тургенева; он осуждал некоторое легкомыслие его и отсутствие в нем всякого формализма и обрядного священнодействия. Тютчев забавно рассказывает о письме Чадаева к Тургеневу. Он однажды заманил к себе Тютчева и прочел ему длинную, нравоучительную и несколько укорительную грамоту. Прочитав ее, Чадаев спросил: "Не правда ли, что это напоминает письмо Ж.-Ж. Руссо к Парижскому архиепископу?" – "А что же, вы послали это письмо к Тургеневу?" – спросил Тютчев. "Нет, не посылал",– отвечал Чадаев» (*Вяземский П. А.* Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 344). Об этом же эпизоде рассказывает в своих воспоминаниях Е. М. Феоктистов (За кулисами политики и литературы. Л., 1929. С. 63–64).

В этот период Чаадаев с Тургеневым находились в ссоре. Первый публикатор данного письма Л. Н. Чертков высказал предположение, что «психологической основой» для конфликта между ними послужили их отношения со Свербеевой (*РЛ*. 1969. № 3. С. 117); в пользу этого предположения свидетельствуют слова Чаадаева в начале письма о «претензиях» А. И. Тургенева «целиком завладеть ее дружбой». Конфликт между ними назревал исподволь. Некоторое раздражение А. И. Тургенева чувствуется в его словах в письме к П. А. Вяземскому от 2 декабря 1842 г.: «Хоть не хочешь, да поезжай (к Чаадаеву.– *В. С.*): по приказу Е. А. Свербеевой, которая похварывает, хотя и вылетает из многодетного гнезда своего» (*ОА*. Т. IV. С. 192).

В июне 1843 г. Тургенев уехал за границу, так и не помирившись с Чаадаевым, которого считал виновником конфликта. «Ты знаешь,– писал Н. М. Языков в письме к брату 11 августа 1843 г.,– что я в Дрездене виделся с А. И. Тургеневым ⟨...⟩. Ал. Ив. бранил мне всех московских, и всех паче Чаадаева, который, дескать, поссорил его с Свербеевой» (*Языков Н. М.* Свободомыслящая лира. М., 1987. С. 277).

[1] Е. А. Свербеева. 28 марта 1843 г. она сообщала Чаадаеву о полученном ею «чудовищном письме нашего друга Тургенева», которое, по ее словам, является следствием его «парижского существования» и с содержанием которого она ознакомила А. С. Хомякова, А. П. Елагину, Н. Ф. Павлова; в архиве Чаадаева в *ГБЛ* (ф. 103, п. 1032, ед. хр. 57) сохранилась копия с этого письма Свербеевой. Ее письмо и послужило поводом письма Чаадаева к А. И. Тургеневу.

Чаадаев, вероятно, хотел написать А. И. Тургеневу ответ на его «чудовищное письмо», но очень скоро перешел к глобальным историческим проблемам и вместо отповеди «обидчику» изложил нечто вроде proffession de foi.

[2] В 1843 г. вышел в отставку кн. А. Н. Голицын, под начальством которого Тургенев служил сперва в Министерстве духовных исповеданий, а затем – в Министерстве иностранных дел. Тургенев получил отставку сразу вслед за Голицыным.

[3] Имеется в виду самоотверженная деятельность Тургенева

в помощь заключенным, встречавшая непонимание (как «ребячество») многих его друзей (См.: *Шаховской Д. И.* Из последних дней жизни А. И. Тургенева // ГМ. 1914. № 4. С. 224–229).

[4] Речь идет о смерти близкой подруги Свербеевой – Е. А. Зубовой и/или о смерти ее матери В. П. Щербатовой.

[5] Имеется в виду портрет А. И. Тургенева работы Брюллова, который висел в кабинете Чаадаева. Этот портрет с надписью: «Без боязни обличаху» (девиз рода Тургеневых) в 1836 г. был изъят у Чаадаева вместе с его бумагами, но потом возвращен.

[6] Ср. с самохарактеристикой Чаадаева, записанной на 2-м томе книги мадам де Сталь «О Германии». См. в т. 1 наст. изд. «Заметки на книгах») № 59.

[7] В действительности Чаадаев никогда не придерживался такого славянофильского взгляда на Петра I, хотя не всегда был последователен в его оценке. Так, в письме к А. И. Тургеневу в 1835 г. (№ 72) он, протестуя против того, что западные идеологи и политики «оттесняют нас на Восток, чтобы не встречать нас больше на Западе», писал: «Европа с гневом оттолкнула нас; роковая страница нашей истории, написанная рукой Петра Великого, разорвана; мы, слава богу, больше не принадлежим к Европе...». Возможно, что именно это редкое высказывание имеет в виду Чаадаев в комментируемой фразе.

[8] Чаадаев говорит об исторической школе права, развивавшей учение о стихийном возникновении права из народного духа. Учение славянофилов в ряде пунктов совпадало со взглядами этой школы.

[9] Речь идет о гегельянстве.

[10] Не совсем точная цитата из «Повести временных лет»: «Услышав это (решение князя Владимира о крещении Руси.– *В. С.*), с радостью пошли люди, ликуя и говоря: „Если бы не было это хорошим, не приняли бы это князь и бояре“» (Изборник. М., 1969. С. 73). Эти же слова Чаадаев цитирует в статье «Письмо из Ардатова в Париж» (см. т. 1 наст. изд).

[11] Царевич Дмитрий, сын Ивана Грозного от седьмой жены.

[12] Имеется в виду договор в Александровской слободе в январе 1525 г. между Иваном Грозным и представителями бояр и духовенства, положивший начало «опричнине».

[13] Имеется в виду статья А. С. Хомякова «О сельских условиях» в «Москвитянине». С этой статьей Чаадаев полемизировал в работе «Ответ на статью А. С. Хомякова», напечатанной в т. 1 наст. издания.

[14] В оригинале письма эти слова А. С. Хомякова из его статьи даны в переводе Чаадаева, здесь цитируются по изданию: *Хомяков А. С.* ПСС. Т. III. С. 70.

[15] Ср. эти слова Чаадаева с его мнением о крепостном праве в России и Западной Европе, изложенным в письме Н. И. Тургенева к Чаадаеву от 27 марта 1820 г. (См. «Приложения» № I).

[16] Здесь Чаадаев весьма близок к учению, развивавшемуся славянофилами. Один из главных элементов их учения заключался в том, что в России, в отличие от стран Западной Европы, «государственность» была установлена не в результате завоевания одного народа другим, а мирным путем. (См., напр.: *Киреевский И. В.* Избр. статьи. М., 1984. С. 208) О характерной для Запада «раздвоенности общественной стихии, составленной из заво-

евателей и завоеванных», писал и А. С. Хомяков (ПСС. Т. I. С. 211).

[17] Чаадаев имеет в виду смутное время.

[18] На этом текст письма обрывается. Судя по начальным словам этой фразы, Чаадаев намеревался изложить далее историю Крепостного закона 1597 г., изданного Борисом Годуновым от имени умирающего царя Федора,– закона, на основании которого в России окончательно установилось крепостное право.

116. А. И. Тургеневу. 1 ноября 1843

СП II. № 83. О датировке см. ниже примеч. 5.

[1] См. № 115, коммент. и примеч. 1 к нему.

[2] Речь идет о Е. Д. Щербатовой, которая в это время путешествовала за границей (см.: *Дельвиг А. И.* Мои воспоминания. М., б/г. Т. 1. С. 351). Поездка Щербатовой в Италию интересна для нас тем, что благодаря ей сохранилось единственное свидетельство о знакомстве княгини Зинаиды Волконской с Чаадаевым. 29 августа 1843 г. Щербатова писала в письме к Н. Д. Шаховской: «Передайте, любезный друг, моему кузену Чаадаеву, что если я не говорю о вилле Волконской и о ее хозяйке, то это потому, что она сама не хочет этого по причине его католицизма» (*ГБЛ*, ф. 69, к. 11, ед. хр. 61, л. 8; подлинник – на франц. яз.).

[3] Брошюра К. К. Лабенского «Un mot sur l'ouvrage de M. de Custine, intitulé: La Russie en 1839». Paris, 1843.

[4] Имеется в виду Е. Д. Щербатова. В *ГБЛ* хранится тетрадь, исписанная от руки и озаглавленная: «Выписки из писем княжны Елизаветы Дмитриевны Щербатовой, касающиеся П. Я. Чаадаева» (ф. 69, к. 11, ед. хр. 61). Автор этой рукописи не указан, но несомненно, им является Д. И. Шаховской. Письма Е. Д. Щербатовой адресованы к Н. Д. Шаховской и написаны по-французски, каждая выписка сопровождается комментарием Д. И. Шаховского. Характеризуя отношения Чаадаева с кузинами, он, в частности, писал: «Самыми близкими Чаадаеву по родству людьми были в Москве две его кузины, дочери кн. Дм. Мих. Щербатова, княжна Елиз. Дм. Щербатова и княгиня Нат. Дм. Шаховская. ‹...› Отношения между Чаадаевым и кузинами не были свободны от недоразумений и размолвок. Странности характера и обстоятельства неудачливой жизни басманного мыслителя делали сношение с ним подчас весьма тяжелым для людей близких. Особенно сильно эти шероховатости отразились на отношениях Чаадаева со старшей из кузин, княжной Щербатовой, которую Чаадаев весьма высоко ценил, но которая по складу души, не выносящей загадочных и неясных положений, тяготилась общением с капризным умником» (л. 2).

[5] Графиня Екатерина Александровна Зубова, близкий друг Е. А. Свербеевой, умерла 17 августа 1843 г., чем и определяется год написания письма.

[6] Княжна Елена Мещерская, которая проводила эту зиму в Париже.

[7] Н. И. Тургенев.

117. А. С. Хомякову. 1844

СП I. 84. О датировке см. ниже примеч. 1.

[1] «Царь Феодор Иоаннович» – статья А. С. Хомякова, напечатанная в «Библиотеке для воспитания» (1844, кн. 1, цензурное разрешение – 5 мая 1844 г., чем и определяется дата письма).

[2] Патриаршество было учреждено в России в 1589 г., первым патриархом был избран митрополит Иов. Чаадаев совершенно справедливо отказывается усматривать в этом событии «плод умственной возмужалости наших предков». «В соответствии с обычаем царю и священному собору предстояло выбрать „втаи" трех кандидатов в патриархи. После этого царь должен был утвердить на пост одного из них. Такой порядок выборов главы церкви показался московитам неудобным. По настоянию Иеремии они все же согласились провести „тайные" выборы, но на деле вся процедура свелась к чистой формальности. Власти расписали сценарий избирательного собора до мельчайших деталей, включая „тайну" выборов. (...) Иеремия беспрекословно выполнил все предписания Годунова относительно „тайны" выборов и 26 января 1589 г. возвел Иова на московский патриарший престол» (*Скрынников Р. Г.* Борис Годунов. М., 1983. С. 57–58).

[3] Агаряне – здесь имеются в виду турки, завоевавшие в XV в. Византию.

[4] Имеется в виду Иван Грозный.

[5] В этих словах Чаадаева – явная ирония по отношению к славянофилам, и в их числе к самому Хомякову, идеализировавшим быт допетровской России.

[6] По поводу этого письма Чаадаева А. И. Тургенев писал П. А. Вяземскому 29-го августа 1845 г.: «Читал ли ты Хомякова об Иване Васильевиче Грозном и Федоре Ивановиче в педагогическом журнале Валуева? Если читал, то пришлю письмецо к нему Чаадаева, которое посылаю в Европу» (*ОА.* Т. IV. С. 318).

118. А. И. Тургеневу. Июнь 1844

СП I. № 85. В *СП* адресат не установлен; определен Н. В. Голицыным по связи с письмом к Е. А. Свербеевой (№ 119). «Заключительная часть» письма, которая, по словам Чаадаева из письма к Е. А. Свербеевой (см. № 119), «представляет собою напыщенное похвальное слово в честь православия», не сохранилась.

По поводу этого письма Чаадаева А. О. Смирнова писала Н. В. Гоголю 26 ноября 1844 г.: «Вытребуйте от Тургенева письмо Чаадаева по случаю его (Ю. Ф. Самарина.– *В. С.*) диспута в университете; вам будет приятно узнать, как все происходило. Но говорят, будто бы Чаадаев подсмеивается тут над ним или, лучше, над тенденцией, отдавая справедливость таланту и знанию... Впрочем, я вам письмо Чаадаева сберусь с силами и перепишу...» (Переписка Н. В. Гоголя. М., 1988. Т. 2. С. 127).

[1] Письмо А. И. Тургенева к Чаадаеву написано за границей 4/16 мая 1844 г. (см. коммент. к № 103).

[2] Имеется в виду магистерская диссертация Ю. Ф. Самарина «Феофан Прокопович и Стефан Яворский как проповедники». Защита ее происходила 3 июня 1844 г. в большой зале нового Уни-

верситета; диспут начался в 10 часов утра и продолжался три с половиною часа. Из присутствовавших на защите, кроме Чаадаева, описал это событие С. Т. Аксаков (см.: *Барсуков.* Кн. VII. С. 410–411).

[3] Чаадаев не совсем точен: Ю. Ф. Самарин окончил Московский университет в 1838 г., в момент защиты диссертации ему было 25 лет.

[4] С. П. Шевырев.

[5] Мысль о том, что «готические храмы – лучшие католические проповеди», Чаадаев высказывал в отрывке «Об архитектуре», входящем в состав *ОРМ* (см. т. 1 наст. изд.) и в письме к С. С. Мещерской 1841 г. (№ 102).

[6] Чаадаев не совсем точно цитирует «Первое послание к Коринфянам» апостола Павла: «Разве вы не знаете, что тела ваши суть члены Христовы? ⟨...⟩ Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои?» (6; 15, 19). Здесь Чаадаев затрагивает догматическую проблематику Евхаристии, о которой он писал и в *ФП VI* и *VIII* (см. примеч. 20 к *ФП VI* и 4 к *ФП VIII*). Его резкая критика протестантизма соответствует тому, что он писал о нем в тех же письмах.

119. Е. А. Свербеевой. 1844

ВЕ. 1918. Кн. 1–4. С. 243–244. Датировано Н. В. Голицыным на основании упоминания диссертации Ю. Ф. Самарина, защита которой состоялась 3 июня 1844 (см. примеч. 2 к № 118).

[1] Письмо № 118.

[2] Николай Александрович Протасов, в молодости, как и Чаадаев, служивший адъютантом у генерала И. В. Васильчикова, с 1836 г. был обер-прокурором Св. Синода. В своей деятельности на этом посту Протасов стремился преобразовать духовные училища и приблизить их к светским учебным заведениям. Эти преобразования, возможно, встречали одобрение со стороны Чаадаева, но в целом его отзыв о Протасове как о «достойном и дорогом ученике» носил, конечно, ироничный характер.

[3] Имеется в виду письмо к Шеллингу от 20 мая 1842 г. Тургенев просил его у Чаадаева в письме от 4/16 мая 1844 г. (см. коммент. к № 103).

[4] Судя по некоторым письмам Чаадаева 1844 г. (№№ 120, 121; см. также «Приложения» № XLV), он в это время проявлял большой интерес к произведениям Н. В. Гоголя (в 1843 г. вышли в свет после цензурной задержки 3 и 4 тома его Сочинений). Возможно, что в этом письме под «статьей о готической архитектуре» имеется в виду статья Гоголя «Об архитектуре нынешнего времени», впервые опубликованная в 1-й части сборника «Арабески» (1835).

120. Е. А. Свербеевой. 1844

Перевод выполнен с копии, хранящейся в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 379–388, л. 26. Датируется на основании реалий, упомянутых в письме.

[1] Вероятно, речь идет о книге Волкова, о которой А. И. Тургенев упоминает в письме к А. Я. Булгакову от 17/29 января 1844 г.: «Волков печатает уже возражение на Кюст‹ина›» (Письма А. И. Тургенева Булгаковым. М., 1939. С. 273–274). Личность Волкова, а также название его книги не установлены. Возможно, что это – Н. И. Сазонов, который в иностранной прессе иногда выступал под псевдонимом «Волков» (см. *ЛН.* Т. 62. С. 538). Отзыв Н. И. Сазонова о Чаадаеве см. в «Приложениях».

[2] «Сочинения» Н. В. Гоголя в 4-х томах были изданы в 1842–1843 гг.

121. Е. А. Свербеевой. 1844

Перевод выполнен с копии, хранящейся в *ИРЛИ,* ф. 334, ед. хр. 379–388, л. 25. Датируется по связи содержания с предыдущим письмом к Е. А. Свербеевой.

121А. А. С. Сиркур (1844)

Перевод выполнен с машинописной копии, хранящейся в *ИРЛИ,* ф. 334, ед. хр. 398. Датируется по времени пребывания супругов Сиркур в Москве. Письмо А. С. Сиркур к Чаадаеву см. в «Приложениях» № XLV.

[1] С французским писателем и историком Ксавье Мармье Чаадаев познакомился в Москве в 1842 г. (см. № 104 и примеч. 6 к нему). Записка, о которой речь, неизвестна. Возможно, в ней Чаадаев намеревался сделать ряд критических замечаний по поводу книги К. Мармье «Письма о России, Финляндии и Польше». В этой книге не нашла отражения беседа автора с Чаадаевым; можно предположить, что последний был обижен этим обстоятельством.

[2] Среди посетителей парижского салона графини Сиркур (в ее квартире на rue de Saussés, 11) герцогиня де Розан, Свечина, Ламартин, Полиньяк, граф Кавур, Альфред де Виньи, Мишель Шевалье и мн. др. Из знакомых Чаадаева ее салон посещал Ф. д'Экштейн (см. *РС.* 1890. № 5. С. 263–264).

122. С. П. Шевыреву. 1844

СП I. № 86. Написано в ответ на письмо С. П. Шевырева от 21 ноября 1844 г. (см. «Приложения» № XLIV), в котором он приглашает Чаадаева на первый цикл своих публичных лекций по истории русской словесности, прочитанный зимою 1844–1845 гг. Курс лекций Шевырева был задуман в противовес лекциям Т. Н. Грановского по истории средневековой Европы и способствовал окончательному размежеванию западничества и славянофильства. Мнение Чаадаева о лекциях Шевырева было противоречивым. Сам С. П. Шевырев писал М. П. Погодину: «...утешительно мне особенно мнение тех, которые слышали мои лекции и находят, что впечатление при чтении их не только не ослабевает, а усиливается. Это мне сказали: Хомяков, Павлов. Чаадаев, Мейндорф и др.» (*Барсуков.* Кн. VIII. С. 409). В то же время Чаадаев довольно критически и с присущей ему иронией отозвался о лекциях С. П. Шевырева в письме к А. де Сиркуру от 15 января

1845 г. (№ 123). А Н. М. Языков писал брату в письме от 27 декабря 1844 г., что «даже Чаадаев выходит из себя,– лекции Шевырева сильно его раздражают» (*Языков Н. М.* Свободомыслящая лира. М., 1988. С. 302). Чуть раньше он же писал: «Шевырев торжествует! ‹...› партия Чаадаева и партия Грановского, что почти одно и то же, кричат и вопят, видя его победу и одоление» (там же. С. 299). В библиотеке Чаадаева сохранились две части публичных лекций С. П. Шевырева «История русской словесности, преимущественно древней». М., 1846 (*Каталог.* № 78), обе – с дарственными надписями автора и обе – с многочисленными пометками Чаадаева. Судя по этим пометкам, Чаадаев дважды обращался к чтению книги С. П. Шевырева, так как часть его пометок сделана простым карандашом, а часть – красным.

123. А. де Сиркуру. 15 января 1845

СП II. № 87. Ответное письмо Сиркура от 21 апреля 1845 г. см. в «Приложениях» № XLVII.

[1] «Le Semeur» («Сеятель») – религиозно-философский журнал, орган французских протестантов. Редактором журнала был Анри Лютторот, в 30–40-е гг. хорошо знавший А. И. Тургенева. Издавался с 1831 по 1850 г.

[2] В номере журнала «Le Semeur» от 24 сентября 1844 г. был помещен, с комментариями редакции, отрывок из проповеди, произнесенной митрополитом Московским Филаретом 23 декабря 1843 г. при освящении храма в московской пересыльной тюрьме. Отрывок был переведен на французский язык Чаадаевым и передан Сиркуру при его отъезде из Москвы. 20 октября 1844 г. Сиркур писал Чаадаеву из Парижа: «Сразу же по возвращении сюда я отдал г-ну Люттероту ваш перевод проповеди митрополита» (*ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 60, л. 5).

В редакционном предисловии к проповеди Филарета было сказано: «Она (проповедь.– *В. С.*) представляет все черты византийского красноречия в лучшем смысле слова. Глубокое уважение к государственным законам, к чиноначалию, к светской власти монарха и судебному приговору сочетается в ней с принципом евангельской свободы, в силу которой все бледнеет и смиряется пред Господом. В этой проповеди, как и в характере самого митрополита, есть черты Иоанна Златоуста. Во многих отношениях эта проповедь является выдающимся событием. Простодушное, наивное и бессознательное милосердие русского народа достойно удивления; именно эта добродетель преимущественно и налагает на русский народ божественную печать христианства ‹...› Нам, конечно, нет надобности пояснять, насколько интересны приведенные сейчас замечания; они как бы вскрывают пред нами одну из прекрасных сторон характера этого народа и то реформационное движение, которое зарождается в недрах православной церкви» (*ВЕ.* 1900. Кн. 12. С. 466).

[3] Имеются в виду славянофилы.

[4] Публичный курс С. П. Шевырева по истории русской словесности.

[5] В оригинале: «mosaïsme» – неологизм Чаадаева, образованный от французской формы имени Моисея – Moïse. Как видно из

контекста письма, под «мозаизмом» Чаадаев понимал особую – религиозную – форму национализма, которую он осуждал так же, как и любой другой национализм, хотя в *ФП VI* он и признавал существование такого богоизбранного народа. Однако, в отличие от националистов, он считал, что идеи, первоначально сообщенные одному народу, проникли и распространились также и среди других народов.

[6] Имеется в виду А. С. Хомяков.

[7] Палингенезис – возрождение; Чаадаев употребляет этот термин в том значении, которое придавал ему Балланш в своем сочинении «Опыты социальной палингенезии» (Париж, 1827). Книга сохранилась в библиотеке Чаадаева (см. *Каталог.* № 108). Под «палингенезией», «палингенезисом» Балланш понимал положительную, творческую эпоху мировой истории в отличие от критической или разрушительной.

[8] В своем письме Чаадаеву 20 октября 1844 г. Сиркур сообщал, что в «последнем» номере журнала «Bibliotheque Universelle de Genève» напечатана переведенная с английского статья о книге Кюстина и его собственная статья под названием «Нева».

124. А. И. Тургеневу. 15 февраля 1845

СП I. № 88.

[1] Имеется в виду письмо Чаадаева к Сиркуру от 15 января 1845 г. (№ 123).

[2] Не доверяя официальной почте, Чаадаев отправил письмо к Сиркуру с кем-то из своих знакомых к А. И. Тургеневу, который находился в это время в Париже.

Письмо к Сиркуру Тургенев читал не только сам, но давал его читать В. А. Жуковскому и, возможно, Гоголю (они оба находились в это время во Франкфурте). «Привезу тебе прочесть небольшое письмо Чаадаева к Циркуру – прочтешь вместе с Гоголем»,– писал он В. А. Жуковскому (*ЛН*. Т. 58. С. 670). Так как письмо А. И. Тургенева к В. А. Жуковскому датировано 24 апреля/6мая, а ответ Сиркура Чаадаеву – 21 апреля, и так как в письме Тургенева послание Чаадаева квалифицируется как «небольшое письмо», можно предположить, что Тургенев снял копию с части письма Чаадаева к Сиркуру и именно о ней говорит в своем письме.

[3] Митрополит Филарет.

125. Е. П. Ростопчиной. 17 февраля 1845

Публикуется по машинописной копии перевода, хранящейся в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 376.

[1] М. Н. Жихареву.

[2] Чаадаев имеет в виду стихи Н. М. Языкова, получившие в это время широкую известность в Москве и послужившие причиной крайнего обострения отношений между западниками и славянофилами. В конце 1844 г. Языков написал три стихотворения: «П. Я. Чаадаеву (Старому плешаку)», «К ненашим» и «Послание к молодому человеку (К. Аксакову)». В последнем содержались

довольно резкие слова в адрес Чаадаева:

«...Дай руку мне. Но ту же руку
Ты дружелюбно подаешь
Тому, кто гордую науку
И торжествующую ложь
Глубокомысленно становит
Превыше истины святой,
Тому, кто нашу Русь злословит
И ненавидит всей душой
И кто неметчине лукавой
Передался,– И вслед за ней,
За госпожою величавой
Идет – блистательный лакей...
А православную царицу
И матерь русских городов
Сменять на пышную блудницу
На вавилонскую готов!..»

«Это стихотворение Чаадаев тогда же читал и при чтении остался совершенно спокойным»,– рассказывал М. И. Жихарев (*ВЕ*. 1871, сентябрь. С. 44).

По воспоминаниям Б. Н. Чичерина «Стихотворение это („К ненашим".– *В. С.*) нельзя иначе назвать, как пасквилем на главнейших представителей Западного направления. Люди обозначались здесь прямо, без обиняков: Чаадаев назывался „плешивым идолом строптивых баб и модных жен"» (*Чичерин Б. Н.* Москва сороковых годов. М., 1929. С. 22). Именно это послание, по-видимому, имел в виду С. П. Шевырев в письме к Чаадаеву от 21 ноября 1844 г.: «...Языков,– сообщал он Чаадаеву,– отвлек многих от Вашей середы» (см. «Приложения» № XLIV).

Стихи Языкова, естественно, возбудили сильное негодование у представителей западничества. «Даже миролюбивый и кроткий Грановский вышел из себя»,– вспоминал И. И. Панаев (Литературные воспоминания. М., 1950. С. 206). А. И. Герцен записал в своем дневнике 30 декабря 1844 г.: «Языков написал еще два стихотворения: одно против нас же, другое против Чаадаева, более оскорбительное и подлое, нежели первое,– гадкая котерия *, стоящая за правительством и церковью, и смелая на язык, потому что им громко ответить нельзя» (*Герцен*. Т. 2. С. 399). О каком «другом» стихотворении Языкова упоминал Герцен, неясно. По словам М. И. Жихарева, стихотворение Языкова «К Чаадаеву» «хранилось в большой тайне и под большим спудом, чтобы как-нибудь про него не проведал Чаадаев. Чаадаев действительно при жизни Языкова его никогда не читал» (*ВЕ*. 1871, сентябрь. С. 46). Сам Жихарев ознакомился с этим стихотворением у А. С. Хомякова, заверив его честным словом, что не расскажет о нем Чаадаеву. Вот текст этого послания:

«Вполне чужда тебе Россия,
Твоя родимая страна:
Ее предания святые
Ты ненавидишь все сполна.

* От франц. coterie – кружок, группа лиц.

Ты их отрекся малодушно,
Ты лобызаешь туфлю пап...
Почтенных предков сын ослушный,
Всего чужого гордый раб!..
Ты все свое презрел и выдал...
И ты еще не сокрушен...
Ты все стоишь, красивый идол
Строптивых душ и слабых жен?!..
Ты цел еще!.. тебе поныне
Венки плетет большой наш свет;
Твоей насмешливой гордыне
У нас находишь ты привет...
Нам не смешно, нам не обидно,
Не страшно нам тебя ласкать,
Когда изволишь ты бесстыдно
Свои хуленья изрыгать!?..
На все, на все, что нам священно,
На все, чем Русь еще жива...
Тебя мы слушаем смиренно...
Твои преступные слова
Мы осыпаем похвалами;
Друг другу их передаем
Страннoприимными устами
И небрезгливым языком...
А ты тем выше... тем ты краше...
Тебе любезен этот срам...
Тебе приятно рабство наше...
О горе нам... о горе нам!!..»

Из письма Н. В. Гоголя к Н. М. Языкову, написанного 5 апреля (н. ст.) 1845 г., видно, что он имел на руках тексты всех трех стихотворений. Похвалив в начале письма стихотворение «Шевыреву», он пишет далее: «Но не скажу того же о двух посланиях: „К молодому человеку“ и „Старому плешаку“. ⟨...⟩ В них есть что-то полемическое, скорлупа дела, а не ядро дела. И мне кажется это несколько мелочным для поэта. ⟨...⟩ Нужно, чтобы в стихотворениях слышался сильный гнев *против врага людей*, а *не против самих людей*. Да и точно ли так сильно виноваты *плохо видящие* в том, что они плохо видят? ⟨...⟩ А между тем ты сам знаешь, что нельзя назвать всего совершенно у них ложным и что, к несчастию, не совсем без основания их некоторые выводы. Преступление их в том, что они некоторые *частности* распространяют на *общее*, исключения выставляют в правила, временные болезни принимают за коренные ⟨...⟩» (*Гоголь Н. В.* Собр. соч. М., 1967. Т. 7. С. 280–283).

Из близких к славянофилам далеко не все приняли послания Языкова. К таковым относятся Е. А. Елагина (см.: *ЛН*. Т. 79. С. 59–60), М. П. Погодин (см.: *Барсуков*. Кн. VII. С. 466).

Спокойнее всех (по крайней мере, наружно) отнесся к стихотворным нападкам Языкова сам Чаадаев. В публикуемом письме содержится его единственный отзыв на стихи Языкова. По словам Д. Н. Свербеева, «на грубо-оскорбительные упреки Языкова Чаадаев отвечал молчанием и в то же время благодушно хвалил звучный и сильный стих его» (*Свербеев*. Т. 2. С. 402).

В письме к В. Д. Комаровскому от 22 января 1845 г. Языков рассказывал: «В здешних так называемых литературных обществах теперь в большом ходу разговоры о нашей народности, о возможности восстановить прошлое, о необходимости настоящего и будущего, более сообразных с прошедшим и существенно русским. Мысли сии живут и все более и более развиваются, принимаются и укореняются в Москве. Сам Чаадаев сказал: „Ваша партия меня ославила западным, а я русской более, нежели кто-нибудь“» (*ЛН*. Т. 79. С. 60. На письме Н. М. Языкова поставлена дата «1844», но это или типичная для начала года ошибка, или опечатка).

126. Е. А. Свербеевой. Март 1845

Перевод выполнен с копии, хранящейся в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 379–388, л. 16. Датируется по упоминаемому в письме публичному курсу С. П. Шевырева об истории русской словесности, который он читал зимой 1844–1845 гг.

127. И. В. Киреевскому. Май 1845

СП I. № 89. Датировано или адресатом, или редакцией *BE*, где было впервые опубликовано (1871, ноябрь).

[1] Речи Пиля и Росселя (Рассела) привлекли внимание Чаадаева, по-видимому, тем обстоятельством, что в данном случае глава правительства и лидер оппозиции сходились во мнении ради общих интересов (отмены «хлебного закона»).

[2] «Journal des débats politiques et litéraires» – «Журнал политических и литературных дебатов» – французская газета, выходившая в Париже с 1789 по 1864 г.

[3] Все выделенные Чаадаевым слова так или иначе заимствованы им из статьи И. В. Киреевского «Обозрение современного состояния литературы», опубликованной в 1845 г. в журнале «Москвитянин» (цит. по изд. *Киреевский И. В.* Избр. статьи. М., 1984): так, говоря о новой религиозно-философской мысли Европы, Киреевский обещал читателям: «В последующих нумерах „Москвитянина“ надеемся мы представить это изображение со всевозможным беспристрастием» (с. 131–132). «Односторонность европейской образованности» доказывается Киреевским на примере Англии, Франции, Германии; духовное развитие этих стран привело, по его словам, к «общему ощущению неудовлетворительности самых начал европейской жизни» (с. 145). Законспектировав таким своеобразным способом все смысловое содержание статьи Киреевского, Чаадаев предложил ему проверить истинность изложенных в статье принципов на конкретном примере политической жизни Европы. (См. также в т. 1 наст. изд. статью «Письмо из Ардатова в Париж». С. 547).

128. А. И. Тургеневу. 1845

СП I. № 150.

[1] Е. Ф. Муравьева.

129. Е. А. Свербеевой. Декабрь 1845

ВЕ. 1918. Кн. 1–4. С. 248. Датировано Н. В. Голицыным.

[1] Чаадаев имеет в виду смерть А. И. Тургенева 3 декабря 1845 г.

130. Е. А. Свербеевой. Март 1846

СП II. № 104. В *СП* адресатом ошибочно названа Н. Д. Шаховская. Подлинный адресат установлен Д. И. Шаховским на основании «отметки у Н. Д. (Шаховской)» (*ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 389, л. 18). См. письмо Чаадаева к С. Г. Волконской от 1 ноября 1846 г. (№ 134) и примеч. 2 к нему.

131. П. А. Вяземскому. 25 апреля 1846

Перевод выполнен с оригинала, хранящегося в *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 3004, л. 3–3об. П. А. Вяземский ответил письмом от 6 января 1847 г. (см. «Приложения» № LI).

[1] Личность этого музыканта не установлена.

[2] 24 апреля 1846 г. шел водевиль К. С. Аксакова «Почтовая карета».

[3] Речь идет о свадьбе Андрея Николаевича Карамзина с Авророй Демидовой.

132. А. де Сиркуру. 26 апреля 1846

Публикуется по переводу Д. И. Шаховского, хранящемуся в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 399; писарская копия на французском языке хранится в *ГБЛ*, ф. 233, к. 52, ед. хр. 17, л. 18–20. В пер. Б. Н. Тарасова опубликовано в журнале «Литературная учеба». 1988. № 2. С. 99–100. Написано в ответ на письмо Сиркура от 5 февраля 1846 г. (см. «Приложения» № XLVIII).

[1] Имеется в виду написанный Сиркуром некролог А. И. Тургеневу, умершему 3 декабря 1845 г. в Москве, для журнала «Христианин». Сиркур написал также некролог Тургеневу, напечатанный в журнале «Le Semeur» 14 января 1846 г.

[2] Ср. характеристику Франции тех лет, данную А. И. Герценом: «Франция не могла держаться даже на той высоте, на которой была за десять лет,– она стала второстепенным государством. Правительства переставали ее бояться, народы начинали ненавидеть» (*Герцен.* Т. V. С. 144).

За власть во Франции боролись в это время две партии: легитимисты, представлявшие собой клерикально-дворянскую коалицию, и орлеанисты (правительственная консервативная партия: Луи Филипп происходил из Орлеанской ветви Бурбонов), не брезговавшие подкупами и административным давлением на избирателей. В целом о Франции 1846 г. можно сказать, что она стремительно приближалась к тому всеобщему кризису, который через два года поразил все отрасли ее промышленности и финансы и закончился Февральской революцией 1848 г.

[3] Имеются в виду славянофилы.

133. А. де Сиркуру. 15 июня 1846

СП II. № 105. Незначительные изменения внесены согласно указаниям Д. И. Шаховского (*ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 354). В *СП* публиковалось по копии, сделанной рукой Н. Д. Шаховской. В архиве А. Н. Пыпина в *ИРЛИ* имеется другая копия, которой пользовался Д. И. Шаховской; в этой копии имеется полная дата, которая принимается и в настоящем издании. Возможно, были и другие копии письма, которые Чаадаев давал читать знакомым, внося при этом некоторые поправки (см. ниже примеч. 9).

[1] Письмо, о котором говорит здесь Чаадаев, вероятно, было написано в мае или первой половине июня 1846 г. Это письмо к Сиркуру неизвестно.

[2] Статья А. С. Хомякова «Мнение иностранцев о России», напечатанная в 4-й кн. журнала «Москвитянин» за 1845 г. (см.: *Хомяков А. С.* ПСС. М., 1911. Т. 1).

[3] После смерти А. И. Тургенева роль «трансметтеров» Чаадаева выполняли Н. А. Мельгунов и С. Д. Полторацкий. В своем письме к Чаадаеву от 3 января 1848 г. Сиркур писал: «Я с большим опозданием отвечаю, милостивый государь, на ваше письмо от 11 июня прошлого года; это письмо доставил мне г-н Полторацкий, который прибыл сюда совсем недавно; что же касается того письма, которое должен был передать г-н Мельгунов, то я его вовсе не получил» (*ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 60, л. 17). Письмо Чаадаева к Сиркуру от 11 июня 1847 г. неизвестно. Неизвестно также, почему Н. А. Мельгунов не доставил своевременно письмо к Сиркуру.

[4] Может показаться, что в своем стремлении доказать правомерность петровских преобразований Чаадаев слишком идеализирует последующее историческое развитие России, но следует учесть, что «свобода от оценочных суждений» – сознательный прием, к которому он здесь прибегает. С учетом этого обстоятельства можно сказать, что схема исторического развития России после Петра I, которую он здесь разрабатывает, имеет много общего и с концепцией «повреждения нравов в России», которую в свое время выдвинул его дед, историк М. М. Щербатов, и с концепцией «развития революционных идей в России» А. И. Герцена. С Герценом у Чаадаева есть почти буквальные совпадения. Так, например, о Петре II Герцен пишет: «Попытки князя Долгорукова (имеются в виду попытки «возвращения старого порядка вещей».– *В. С.*) ни к чему не привели». О Екатерине II: «После тридцатипятилетнего перерыва это было как бы продолжением царствования Петра I».

[5] Имеется в виду 1-й Константинопольский собор 381 г., повторно осудивший арианство. Постановления этого собора были представлены императору Феодосию на утверждение. (См.: *Болотов В. В.* Лекции по истории древней церкви. Пг., 1918. Т. IV. С. 117).

[6] Чаадаев имеет в виду призвание варягов на Русь, которое, согласно «Повести временных лет», имело место в 862 г. (см.: Изборник. М., 1969. С. 35).

[7] Имеется в виду политическая деятельность патриарха Иова и окончательное закрепощение крестьян в 1597 г.

[8] Чаадаев имеет в виду славянофилов.

[9] Возможно, это место письма (в сохранившейся у него копии) подвергнуто Чаадаевым позднейшей переработке в соответствии с замечаниями М. А. Дмитриева, высказанными им в письме от 30 августа 1847 г. (см. его в «Приложениях» № LIII).

[10] Первая часть «Истории русской словесности, преимущественно древней» С. П. Шевырева вышла в свет в марте 1846 г., вторая – в августе.

[11] Чаадаев говорит о западниках. Следует обратить внимание, что в этом письме, как и вообще во всех своих сочинениях, Чаадаев старательно избегает названий «западники» и «славянофилы».

134. С. Г. Волконской. 1 ноября 1846

Публикуется по машинописи перевода, сделанного Д. И. Шаховским и хранящегося в *ИРЛИ*, ф. 333, ед. хр. 321. Там же – копия письма на французском языке.

[1] В письме к Н. Д. Шаховской, написанном в 1846 г., Чаадаев писал: «Кн. Волконская приезжала проститься со мной и с тем, чтобы я написал несколько строк в ее альбом рядом со строками, написанными Ермоловым. Она упоминала о вас с трогательною любовью» (*СП II*. № 92; М. О. Гершензон ошибочно датировал письмо 1845 г., адресатом письма названа «кузина»).

[2] Речь несомненно идет о Е. А. Свербеевой. Ее «охлаждение» к Чаадаеву, о котором говорится в письме, вызвано не совсем понятными причинами. См. также № 130.

[3] Имеется в виду А. И. Тургенев, умерший 3 декабря 1845 г.

[4] Т. е. о Е. Д. Щербатовой.

135. Ю. Ф. Самарину. 15 ноября 1846

СП II. № 107. В *СП* обозначено как письмо к «неизвестному»; адресат установлен Д. И. Шаховским (*ЛН*. С. 72). Ю. Ф. Самарин ответил письмом от 5 декабря 1846 г. (см. «Приложения» № L).

[1] Письмо Самарина неизвестно.

[2] В эти годы Самарин особенно дружен был с К. С. Аксаковым, с которым вместе учился в Московском университете, но возможно, Чаадаев имеет здесь в виду вообще весь круг славянофилов.

[3] Находясь в это время на государственной службе в Риге, Ю. Ф. Самарин проповедовал насильственное введение православия в Прибалтике, чем в 1849 г. навлек на себя правительственные репрессии (см.: *Самарин Ю. Ф.* Сочинения. М., 1889. Т. VII. С. XC–XCVI).

136. К. С. Аксакову. 1846

Публикуется по копии, хранящейся в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 297. На подлиннике на обороте надпись: «Его Благородию М. Г. Константину Сергеевичу Аксакову у Арбатских ворот, против Иерусалимских ворот, в доме Высотского». О датировке см. ниже примеч. 2.

[1] Вероятно, речь идет о драматической пародии К. С. Аксакова «Олег под Константинополем» (отрывок из нее был опубликован в 1835 г. в X-м томе «Молвы», полностью опубликована в С.-Петербурге в 1858 г.).

[2] Эта описка или преднамеренная ошибка Чаадаева (умершего в 1856 г. в возрасте неполных 62 лет),– а может быть, и то, и другое вместе,– является тем не менее единственным основанием для датировки письма. (Не исключено, что это ошибка переписчика, так как у Чаадаева 5 и 6 очень похожи.) На 40-е и 50-е годы выпадают всего два года – 1840 и 1846,– когда день рождения Чаадаева, 27 мая, приходится на понедельник. О знакомстве Чаадаева с К. С. Аксаковым ранее 1842 г. нет никаких данных. Зато есть много свидетельств об их активном общении именно в 1845–1846 гг. В частности, сохранилось письмо К. С. Аксакова к брату И. С. Аксакову от 16–18 мая (т. е. написанное незадолго до дня рождения Чаадаева), в котором он пишет: «Белинский и др. оставили Москву: я не встречался с ним и, чтобы избежать встречи, я не ездил ни к Коршу, ни к Чаадаеву» (*ЛН*. Т. 56. С. 179).

137. К. С. Аксакову. 1846

Публикуется по копии, хранящейся в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 299. Датируется на основании упоминания А. И. Овера, имя которого встречается еще в одном письме Чаадаева к кузине (*СП I*. № 92), которое М. О. Гершензон датировал 1845 г., что неверно в силу следующих обстоятельств: все письма в *СП I* №№ 91–97 он датирует 1845-м годом, опираясь на то, что в них «идет речь о поисках квартиры и упоминается Петр Иванов», и что они связаны по содержанию с письмом Петра Новоселова к Е. Д. Щербатовой от 12 сентября 1845 г. В письме *СП* № 92, однако, не упоминается ни Петр Иванов, ни поиски квартиры, весьма слабо по своему содержанию оно связано и с письмом Петра Новоселова; в том же письме № 92 говорится о посещении Чаадаева С. Г. Волконской, что, как видно из письма к ней Чаадаева, написанного 1 ноября 1846 г. (№ 134), могло иметь место не ранее 1846 г.

В силу этих обстоятельств публикуемое письмо, так же, как и письмо *СП* № 92 (а также примыкающее к нему по содержанию письмо *СП* № 176), следует датировать 1846 г.

138. А. И. Герцену. 1842—1846

СП II. № 151. Датировано М. О. Гершензоном. Оригинал письма был вклеен А. И. Герценом в альбом автографов, который он составлял за границей.

[1] О каком документе идет речь, не установлено.

139. П. А. Вяземскому. 29 апреля—10 мая 1847

СП I. № 109. Письмо к Вяземскому (до *СП*) было напечатано четыре раза: 1) в книге Н. В. Сушкова «Московский Университетский Благородный Пансион». М., 1858; 2) *РА*. 1866. № 7; 3) *ВЕ*. 1871. Т. VI; 4) *СН*. Кн. 20. СПб., 1916.

[1] См. письмо П. А. Вяземского от 6 января 1847 г. в «Приложениях» № LI.

[2] Книга Н. В. Гоголя – «Выбранные места из переписки с друзьями», вышедшая в свет в январе 1847 г. Книга, как известно, вызвала бурную реакцию со стороны всей прогрессивной общественности России. «Гнусной книгой» назвал ее В. Г. Белинский, посвятивший ее разбору свое знаменитое «Письмо к Гоголю». Чуть ли не единственными «хвалителями» книги оказались Ф. В. Булгарин и Ф. Ф. Вигель. Многие прежние друзья Н. В. Гоголя после выхода в свет «Выбранных мест...» сочли его сумасшедшим (С. П. Шевырев, М. П. Погодин, С. Т. Аксаков, В. А. Жуковский; последний, впрочем, сочувствовал идеям Гоголя, осуждая лишь «форму» их).

При современной оценке книги Н. В. Гоголя и полемики, вызванной ее появлением в свет, следует учесть, что важнейшие ее главы («Что такое губернаторша», «Занимающему важное место», «Страхи и ужасы России», «Нужно любить Россию», «Нужно проездиться по России») не были пропущены цензурой и не вошли в первое издание. Подробнее см.: *Золотусский И. П.* Гоголь. М., 1984. С. 384–430.

[2а] В этих словах Чаадаева несомненно содержится ироничный намек на известные слова А. Х. Бенкендорфа, высказанные им в беседе с М. Ф. Орловым как раз по поводу публикации *ФП I:* «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается ее будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение; вот ‹...› точка зрения, с которой русская история должна быть рассматриваема и писана» (*ВЕ.* 1871, сентябрь. С. 37–38).

[3] В письме к В. В. Львову от 20 марта 1847 г. Гоголь писал: «Стыд этот мне нужен. Не появись моя книга, мне бы не было и в половину известно мое душевное состояние. Все эти недостатки мои, которые вас так поразили, не выступили бы передо мною в такой наготе: мне бы никто их не указал. Люди, с которыми я нахожусь ныне в сношениях, уверены не шутя в моем совершенстве» (*Гоголь Н. В.* ПСС. Т. XIII. С. 264).

[4] Чаадаев имеет в виду славянофилов.

[5] С Гомером и Шекспиром сравнивал Гоголя К. С. Аксаков в статье «Несколько слов о поэме Гоголя: Похождения Чичикова, или Мертвые души», изданной отдельной брошюрой в 1842 г. (см.: *Аксаков К. С., Аксаков И. С.* Литературная критика. М., 1981. С. 143–148).

[6] Отсюда следует, что Чаадаев неоднократно был свидетелем «разговора» Гоголя. Д. Н. Свербеев рассказывал лишь об одной встрече Гоголя с Чаадаевым: «Я помню, как давно уже ленивый и необщительный Гоголь, еще до появления своих „Мертвых душ“, приехал в одну середу вечером к Чаадаеву. Долго на это он не решался, сколько ни упрашивали общие приятели упрямого малоросса; наконец, он приехал и, почти не обращая никакого внимания на хозяина и гостей, уселся в углу на покойное кресло, закрыл глаза, начал дремать и потом, прохрапев весь вечер, очнулся, пробормотал два-три слова в извинение и тут же уехал. Долго не мог забыть Чаадаев такого оригинального посещения, и конечно оно вспоминалось ему при чтении Гоголя, а может быть и при

суждении о его произведениях» (*Свербеев*. М., 1899. Т. 2. С. 405–406).

Однако в дневнике А. И. Тургенева зафиксированы, по крайней мере, два визита Гоголя к Чаадаеву: 12 февраля и 13 мая 1840 г. (*РЛ*. 1963. № 2. С. 139, 140). 1842–1848 гг. Гоголь провел за границей, но по возвращении в Россию он и Чаадаев снова могли встречаться; оба они были частыми посетителями салона Е. А. Свербеевой, о чем пишет в своих неопубликованных воспоминаниях сын последней А. Д. Свербеев (*ЦГАЛИ*, ф. 472, оп. 1, ед. хр. 103, лл. 6–7, 12). Подробнее о Н. В. Гоголе и Чаадаеве см.: *Веселовский А.* Гоголь и Чаадаев // ВЕ. 1895. № 9; *Тарасов Б. Н.* Н. В. Гоголь и П. Я. Чаадаев (Тема единства в сознании мыслителя и писателя) // Тарасов I. С. 306–317; *Кириченко Е. И.* Архитектурные теории XIX века в России. М., 1986. С. 60.

[7] Н. Ф. Павлов, опубликовавший в 1847 г. в трех номерах «Московских Ведомостей» свои «Письма к Н. В. Гоголю по поводу его книги „Выбранные места из переписки с друзьями“». В четвертом письме (третье напечатано не было) в № 46 «Московских Ведомостей» Павлов писал: «... из зла извлекать добро люди не умеют. Правда, существует историческое учение, которое берется за это дело: признавая все средства позволенными для достижения благой цели, оно учит направлять зло к добру. Но ведь этим занимаются последователи Игнатия Лойолы» (*Павлов Н. Ф.* Сочинения. М., 1985. С. 278).

[8] Дата «10 мая» отсутствует в публикации *СП*; восстановлена согласно указанию Д. И. Шаховского (*ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 354, л. 118).

[9] Вяземский прислал Чаадаеву отдельный оттиск своей статьи «Языков – Гоголь», напечатанной в «СПб. ведомостях» № 90, 91 (24 и 25 апреля) 1847 г. и затем отдельной брошюрой.

[10] В первой части своей статьи, посвященной Н. М. Языкову, Вяземский писал: «Нельзя не спросить учителей и законодателей новой школы: куда и до каких граней нам возвратиться или по крайней мере куда и какими путями нам идти? Разрешения этих вопросов не найдем. Наши нео- и староучители отвлеченным языком, общими местоимениями намекают о том, что должно бы выразить существительными, собственными, личными именами, так, чтобы не было ни недоумения, ни сбивчивости» (*Вяземский П. А.* Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 167).

[11] Написав письмо, Чаадаев не спешил его отправлять адресату, а продолжал работать над ним и давал читать многим своим друзьям и знакомым. Вяземский знал о существовании письма, но еще в феврале 1848 г. не получил его (см. в «Приложениях» письмо П. А. Вяземского от 11 февраля 1848 г. № LVI). По-видимому, в конце концов письмо попало в руки адресата, так как редакция РА, публикуя его, отметила: «Получено от кн. Вяземского».

140. Ф. И. Тютчеву. 10 мая 1847

ЛН. Т. 19–21. С. 587–589. Обращение к Тютчеву, опущенное при копировании М. И. Жихаревым и замененное им многоточием, восстановлено Д. И. Шаховским.

[1] Письмо Чаадаева написано в ответ на письмо Тютчева от 13 апреля 1847 г. (см. «Приложения» № LII), в котором Тютчев благодарил Чаадаева за присылку портрета.

[2] О статье П. А. Вяземского «Языков – Гоголь» см. примеч. 9 к № 139. Письмо Чаадаева к Вяземскому 1847 г. (№ 139) начато 29 апреля; вторая его дата, 10 мая, совпадает с датой публикуемого письма к Ф. И. Тютчеву. По-видимому, закончив письмо к Тютчеву, Чаадаев приступил к заключительной части своего письма к П. А. Вяземскому.

[3] Бургиньоны (правильно: бургионы) – германское племя, размещавшееся во II в. н. э. у истоков Вислы. Франки – германское племя, которое в III в. н. э. размещалось по нижнему и среднему Рейну. На рубеже V–VI вв. завоевали Галлию, образовав Франкское государство (см.: Средневековье в свидетельствах современников. М., 1984. С. 256, 293). Полемика по поводу передвижения бургиньонов и франков в эпоху великого переселения народов разгорелась между А. С. Хомяковым и Т. Н. Грановским в 1845–1847 гг. С обеих сторон было написано по четыре статьи, которые печатались в московских сборниках, издаваемых славянофилами в 1845 и 1846 гг., и в различных периодических изданиях.

[4] Под «прусскими делами» Чаадаев подразумевает изданный в начале 1847 г. королем Фридрихом-Вильгельмом IV указ о созыве ландтага.

[5] Летом 1846 г. Ф. И. Тютчев встречался с Чаадаевым в Москве, о чем писал в письме к жене от 14 августа 1846 г.: «Из знакомых я видел Чаадаева, здоровье которого очень плохо, а настроение духа еще хуже. Он считает себя умирающим и просит у всех советов и утешений» (*СН*. СПб., 1914. Кн. 18. С. 13–14). Более позднее известие о состоянии здоровья Чаадаева встречается в письме А. С. Хомякова к А. Н. Попову от 4 марта 1847 г.: «После вашего отъезда ровно ничего нового нет. Одна только новость: болезнь бедного Чаадаева. Я у него не был, но по слухам это нервическое расстройство, которое очень близко к сумасшествию» (*Хомяков А. С.* ПСС. М., 1900. Т. 8. С. 171–172). Видимо, со слов Хомякова А. Н. Попов информировал о Чаадаеве Тютчева (см. письмо Тютчева к Чаадаеву от 13 апреля 1847 г.– «Приложения», № LII).

141. М. П. Погодину. Октябрь 1847

СП I. № 110. Датируется по письму М. П. Погодина от 22 октября (см. «Приложения», № LIV), ответом на которое является. Поскольку журнал «Москвитянин» начал снова издаваться осенью 1847 г., это и определяет год написания обоих писем. М. П. Погодин ответил Чаадаеву письмом от 3 ноября 1847 г. (см. «Приложения» № LV).

[1] О журнале «Москвитянин» см. примеч. 2 к № 100.

[2] Воспоминания Чаадаева об А. С. Пушкине не известны; некоторые предположения на этот счет см. в примеч. 12 к № 154.

142. С. Д. Полторацкому. 30 октября 1847

Перевод выполнен с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 41, к. 3, ед. хр. 68. л. 3. В верхней части письма рукой С. Д. Полто-

рацкого сделана надпись по-французски: «Получено в Петербурге, в четверг, 6/18 ноября 1847 г. в 6 часов вечера».

[1] Имеется в виду письмо к Сиркуру от 11 июня 1847 г., о котором см. примеч. 3 к № 133.

[2] Вероятно, это тот самый художник, о котором Чаадаев писал Н. Д. Шаховской в 1847 г.: «Сегодня я позирую для портрета карандашом, предназначаемого Тютчеву (М. О. Гершензон фамилию не прочитал.– *В. С.*). Художник, которого вам рекомендую,– зовут его Петровский – пожелал сделать мой портрет даром» (*СП II*. № 108). Карандашный портрет Чаадаева 1847 г. неизвестен, однако известны два его портрета, выполненные маслом в 40-х гг. С одного из них, погрудного, 3/4 вправо, на котором Чаадаев изображен в плаще с меховым воротником (оригинал хранится в Государственном Историческом музее), он заказал в Париже, через посредничество С. Д. Полторацкого, литографированные копии, которые дарил своим друзьям и знакомым. Можно предположить, что по окончании карандашного портрета Петровский написал и портрет Чаадаева маслом. В таком случае именно о нем идет речь в «характеристическом анекдоте», который рассказал Ф. И. Тютчев Е. М. Феоктистову: «задумал Чадаев подарить друзьям свой портрет масляными красками. Найден был живописец, молодой и талантливый человек, усердно принявшийся за работу, но эта работа сделалась для него тяжким мучением. Чадаев заставлял его переделывать портрет не менее пятнадцати раз, так что несчастный художник воскликнул однажды:

– Откровенно признаюсь, что я не могу равнодушно смотреть на вас, писать два или три месяца одно и то же лицо – это ужасно!

– Мне остается только сожалеть,– возразил ему с невозмутимым спокойствием Чадаев,– что вы, молодые художники, не подражаете вашим предшественникам, великим мастерам XV и XVI веков, которые не тяготились воспроизводить один и тот же тип.

– Какой же это?

– Тип Мадонны».

(Воспоминания Е. М. Феоктистова. За кулисами политики и литературы. 1848–1896. Л., 1929. С. 63).

[3] Так в оригинале; лицо неустановленное; упоминается также в письме С. Д. Полторацкого к Чаадаеву от 29 апреля/11 мая 1848 г. (см. «Приложения», № LVII).

143. К. С. Аксакову. 1847

Публикуется по копии, хранящейся в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 298. На подлиннике на обороте надпись: «Его Благородию М. Г. Константину Сергеевичу Аксакову. На Козихе, в доме Аксакова, тоже Дмитриева». О датировке см. ниже примеч. 1 и 2.

[1] Графиня Е. П. Ростопчина с 1845 по 1847 г. находилась за границей. По возвращении в Россию поселилась в Москве. В числе стихотворений, привлекших внимание Чаадаева, могло оказаться и стихотворение «Насильный брак», в котором в довольно прозрачной аллегорической форме осуждалось отношение николаевского самодержавия к Польше. По воспоминаниям Д. М. Погодина,

Ростопчина по возвращении в Россию была «в апогее своей лирической славы и красоты». «Мерцал над нею ореол мученичества, испытанного, как говорили, в III отделении за ходившее по рукам стихотворение „Насильный брак“» (*Ростопчина Е. П.* Талисман. М., 1987. С. 12).

[2] В 1847 г. широко отмечалось 800-летие Москвы. Намерение Чаадаева потолковать с Аксаковым о «великих судьбах» «старой конюшни» связано, вероятно, с этим событием.

143А. М. И. Жихареву. 1847

Публикуется с рукописи перевода, хранящейся в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 336. Датировано Д. И. Шаховским.

[1] По-видимому, речь идет о письме Чаадаева к П. А. Вяземскому от 19 апреля 1847 г., которое попало в руки адресата не ранее чем через год после того, как было написано (см. примеч. 11 к № 139).

144. М. П. Погодину. 1847

СП I. № 111. Дата поставлена на оригинале рукой М. П. Погодина или Н. П. Барсукова. На обороте надпись рукой Чаадаева: «Его Высокоблагородию М. Г. Михайле Петровичу Погодину».

[1] Возможно, речь идет о письме Чаадаева к П. А. Вяземскому 1847 г. (№ 139), которое он распространял в рукописях среди своих московских друзей и знакомых (см. примеч. 11 к № 139).

145. М. П. Погодину. 1847

СП I. № 112. Дата проставлена на оригинале рукой М. П. Погодина или Н. П. Барсукова.

[1] Возможно, Чаадаев просит Погодина вернуть ему одно из его писем; может быть, речь идет о его письме к П. А. Вяземскому 1847 г. (№ 139). См. примеч. 1 к предыдущему письму.

146. М. П. Погодину. 1847

СП I. № 113. Дата проставлена на оригинале рукой М. П. Погодина или Н. П. Барсукова.

[1] Загородная местность близ Москвы (ныне Петровско-Разумовское).

[2] Ближайшими по времени книгами, изданными М. П. Погодиным, были: «Историко-критические отрывки» и «Исследования, замечания и лекция о русской истории» (т. 1). Обе книги изданы в Москве в 1846 г.; о какой из них идет речь в письме Чаадаева, неизвестно.

[3] Имеется в виду «древлехранилище» М. П. Погодина (см. примеч. 1 к № 148).

147. М. П. Погодину. 1847

СП I. № 153. Датировано Д. И. Шаховским по связи с предыдущим письмом.

[1] Вероятно, Чаадаев благодарит М. П. Погодина за присланную им книгу, о которой шла речь в предыдущем письме. В библиотеке Чаадаева книг М. П. Погодина нет, хотя это не означает, что их там не было; библиотеку Чаадаева нельзя считать полностью восстановленной (см.: *Каменский З. А.* Вторая библиотека Чаадаева // Каталог. С. 11–12).

148. М. П. Погодину. 1847

СП 1. № 114. Дата на подлиннике проставлена рукой М. П. Погодина или Н. П. Барсукова.

[1] Имеется в виду знаменитое «древлехранилище» Погодина – собрание старинных рукописей, документов, портретов и т. п. Сведения о новых приобретениях Погодина регулярно печатались в «Москвитянине»; в 1847 г. такие объявления были помещены в №№ 1, 2, 3.

В 1835 г. Погодин купил дом на Девичьем Поле, принадлежавший дяде и опекуну Чаадаева Д. М. Щербатову, в одном из залов которого висела копия с портрета кн. М. М. Щербатова (историка, деда Чаадаева), входящая в «древлехранилище» (*Барсуков.* Кн. 16. С. 510).

149. А. Я. Булгакову. 1848

Перевод выполнен с оригинала, хранящегося в *ЦГАЛИ,* ф. 195, оп. 1, ед. хр. 5083, л. 211. На том же листе – письмо А. Я. Булгакова П. А. Вяземскому.

[1] Чаадаев имеет в виду два своих письма к П. А. Вяземскому, написанных в 1848 г.: 10 августа и более раннее (первое из них хранится в *ЦГАЛИ,* ф. 195, оп. 1, ед. хр. 5083; второе – там же, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 3004). Получив оба эти письма в один день, П. А. Вяземский ответил Чаадаеву письмом от 11 февраля 1848 г. (см. «Приложения», № LVI), из которого следует, что еще и к этому времени он не получил от Чаадаева адресованного ему письма о Гоголе от 29 апреля – 10 мая 1847 г. (№ 139).

150. С. Д. Полторацкому. 3 мая 1848

Перевод выполнен с оригинала, хранящего в *ГБЛ,* ф. 41, к. 3, ед. хр. 68, лл. 5–6 об., Л. З. Каменской. В пер. Б. Н. Тарасова опубликовано в журнале «Литературная учеба». 1988. № 2. Французский текст опубликован: Zeitschrift für Slavische Philologie. Bd. XXVIII. Hf. 1. S. 56–58. На письме рукой Полторацкого надпись по-французски: «Получено в Вильневе (Кантон Во), утром во вторник, 13/25 июля 1848 г.»

[1] Чаадаев благодарит за свой литографированный портрет, который по его просьбе заказал в Париже С. Д. Полторацкий (см. примеч. 2 к № 142). Второй вариант литографии в это время уже был отправлен Полторацким в Россию (см. в «Приложениях», № LVII – письмо С. Д. Полторацкого к Чаадаеву от 29 апреля/11 мая 1848 г.).

[2] Чаадаев имеет в виду события Февральской революции во Франции.

[3] Речь идет об эпидемии холеры в России, достигшей к середине мая 1848 г. катастрофических размеров. Интересное описание борьбы с эпидемией холеры в Московской губернии содержится в письме В. В. Львова к Чаадаеву (см. «Приложения», № LVIII).

[4] Под «царственным Леверье» Чаадаев подразумевает Петра I.

[5] Имеются в виду московский генерал-губернатор А. Г. Щербатов и его жена Софья Степановна.

[6] Персонаж комедии Мольера «Мещанин во дворянстве», который, по собственному признанию, «и не подозревал, что вот уже больше сорока лет говорит прозой» (действ. 1, явл. 1).

[7] Екатерина Федоровна Муравьева умерла 21 апреля 1848 г. В ее доме в Москве Чаадаев часто бывал, получая от нее известия о ссыльных декабристах.

[8] Софья Никитична Муравьева, дочь Н. М. Муравьева, родившаяся в Читинском остроге.

[9] М. И. Бибиков, племянник декабристов Муравьевых-Апостолов.

[10] Место английской ссылки в Австралии, неподалеку от Сиднея. Здесь употребляется для обозначения места ссылки вообще.

[11] Имеется в виду младший сын И. Д. Якушкина – Евгений.

[12] В марте 1848 г. Ламартин назначил Сиркура послом в Пруссию. Этот пост Сиркур занимал до 5 июня 1848 г., и все это время находился в Берлине.

[13] Возможно, речь идет об Элен-Сарре Саути, на которой С. Д. Полторацкий был женат вторым браком.

151. Ф. И. Тютчеву. Июль 1848

ЛН. Т. 19–21. С. 589–591. Обращение к Тютчеву, опущенное при копировании Жихаревым и замененное им многоточием, восстановлено Д. И. Шаховским. Комментируя это письмо, Д. И. Шаховской писал, что оно «представляет огромный интерес для определения позиции Чаадаева после февральской революции и после пересмотра им своей доктрины. Может даже показаться, что он круто изменил все свое мировоззрение и является более славянофилом, чем сами славянофилы ‹...› На самом деле это, конечно, не так. Чаадаев в восхищении от того, что наконец имеет перед собой попытку широкой концепции русской истории с освещением ее с мировой точки зрения (в статье Ф. Тютчева «Россия и революция».– *В. С.*) ‹...› Чаадаев, конечно, далеко не во всем мог с ним согласиться. Коренное различие их взглядов выразилось особенно ярко через несколько лет, перед началом Крымской войны, когда Чаадаев особенно решительно оспаривал именно тютчевские мечты о „Великой греко-российской восточной империи". Свое несогласие с общей мыслью Тютчева Чаадаев в полуприкрытой форме выражает и в этом письме. Во многих местах его сквозит явная ирония, Чаадаев знает, что на одном „смирении" и „самоотречении", которые Тютчев считает коренными чертами русской идеи, далеко не уедешь, и указывает уже в начале письма, что, может быть, эти-то черты и мешают нам самим разобраться в преимуществах нашего положения и понять смысл исторического

хода событий. Но Чаадаев, наученный горьким опытом, в этот период своей жизни старается найти общую почву при полемике и проводить свою точку зрения, исходя из посылок, признаваемых противником, только бы этот противник достаточно широко ставил вопрос и заслуживал внимания ‹...›

Надо еще принять во внимание, что письмо Чаадаева писано как раз в момент жестокого полицейского террора после февральской революции во Франции ‹...› Некоторые намеки в ‹...› письме легко расшифровать как решительную критику славянофильских и шовинистических устремлений Тютчева. ‹...› Перед нами здесь прежний Чаадаев, только введший в свою систему некоторые существенные фактические поправки ‹...›» (*ЛН*. Т. 19–21. С. 591–592).

[1] Записка Тютчева – его статья «Россия и революция», поданная Ф. И. Тютчевым Николаю I и одобренная последним. Она была написана по-французски в апреле 1848 г. и напечатана в Париже в 1849 г. Эту статью Чаадаев получил еще в рукописи от родственника Тютчева Н. В. Сушкова. 22 июля 1848 г. С. П. Шевырев писал М. П. Погодину: «У Чаадаева есть мемория, Тютчевым написанная и читанная Государем ‹...› Чаадаев хотел бы тебе сообщить эту меморию» (*Барсуков*. СПб., 1895. Кн. 9. С. 273). Об этой же «мемории» писал Чаадаев в письме к С. П. Шевыреву (см. № 152).

[2] Статья Тютчева начинается словами: «‹...› Давно уже в Европе существуют только две действительные силы – Революция и Россия. Эти две силы теперь противопоставлены одна другой, и быть может завтра они вступят в борьбу. ‹...› Революция – прежде всего враг христианства! Анти-христианское настроение есть душа Революции; это ее особенный отличительный характер» (*Тютчев Ф. И.* Стихотворения и политические статьи. СПб., 1900. С. 474–475).

[3] Под «религиозной драмой XVI века» Чаадаев имеет в виду Реформацию. Тютчев считает началом «анархии» Французскую революцию 1789 г. (см. *Тютчев Ф. И.* С. 476).

[4] Имеется в виду Петр I.

[5] Современный «носитель его звания» – Николай I. В своей статье Тютчев писал: «На этот раз, к счастию, на Российском престоле находился Государь, в котором воплотилась „русская мысль", и в настоящем положении вселенной „русская мысль" одна была настолько отдалена от революционной среды, что могла здраво оценить факты, в ней проявляющиеся» (*Тютчев Ф. И.* С. 478).

[6] По мнению Д. И. Шаховского, «центральный пункт прикрытого потоком восхвалений возражения Чаадаева Тютчеву заключается именно в этом утверждении, что в результате всех наших преимуществ мы, при сопоставлении основ нашей культуры с культурой европейской, не имеем никакого определенного представления о нашем положении в мировом развитии и о нашей исторической миссии» (*ЛН*. Т. 19–21. С. 592).

152. С. П. Шевыреву. Июль 1848

СП I. № 116. Датируется на основании упоминания статьи Ф. И. Тютчева.

[1] Имеется в виду статья Ф. И. Тютчева «Россия и революция» (см. предыдущее письмо к Ф. И. Тютчеву и примеч. 1 к нему).

[2] Понедельник – «приемный день» Чаадаева; по-видимому, он собирался обсудить статью Тютчева среди своих друзей и гостей.

152А. М. И. Жихареву. ‹1848›

Публикуется с рукописи перевода, хранящейся в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 336. Машинописная копия этого письма имеет полную дату: 7 августа 1849 г. Чаадаев довольно редко выставлял на своих письмах полную дату, и в данном случае есть основания предполагать, что год написания указан не им самим, а скорее всего адресатом, и, по-видимому, несколько лет спустя после получения письма, так как год указан неправильно: письмо, как это следует из его содержания (см. ниже примеч. 3, 4, 6), написано в 1848 г.

[1] Письмо М. И. Жихарева неизвестно.

[2] В оригинале: «смеющаяся», но это, по-видимому, описка переводчика.

[3] Чаадаев намекает на свою близкую кончину, которую он ожидал в 1848 г. См. также примеч. 4 к № 153.

[4] Возможно, речь идет о записке Луи Колардо: см. примеч. 6 к № 154.

[5] О библиотеке Чаадаева см. комментарий к «Заметкам на книгах» в т. 1 наст. изд. и примеч. 1 к № 147.

[6] Это письмо Чаадаева, написанное летом 1848 г., неизвестно; ответ М. Я. Чаадаева от 18 июля 1848 г., о котором говорится ниже, см. в «Приложениях», № LIX.

[7] См. примеч. 3 к № 150.

[8] Имеется в виду Матвей Иванович Жихарев; из письма Чаадаева к Михаилу Ивановичу Жихареву, написанного в 1849 г. (см. № 154 А) известно, что его брат в составе корпуса Паскевича участвовал в подавлении венгерского восстания. Чаадаев, по-видимому, спрашивает о начале его военной службы.

153. М. Я. Чаадаеву. 18 августа 1848

Публикуется по машинописной копии, хранящейся в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 409. Написано в ответ на письмо М. Я. Чаадаева от 18 июля 1848 г. (см. «Приложения», № LIX), чем и определяется год написания (копия, хранящаяся в *ИРЛИ*, ошибочно датирована Д. И. Шаховским 1849 г.). Публикуемое письмо – первое из сохранившихся писем П. Я. Чаадаева к брату, написанных после 1837 г. Из сохранившейся переписки братьев Чаадаевых (16 писем П. Я. Чаадаева, написанных с 1848 по 1852 г.: *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 406–416; *ИРЛИ*, ф. 250, оп. 1, ед. хр. 328; и 12 писем М. Я. Чаадаева, написанных с 1840 по 1852 г.: *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 74) известно о существовании целого ряда не дошедших до нас писем П. Я. Чаадаева к брату (письма 1837–1838 гг., 10 ноября 1840 г., 29 июля 1841 г., лето 1848 и др.). О содержании этих писем отчасти можно судить по ответным письмам М. Я. Чаадаева (см. «Приложения», №№ XLI, LIX). В настоящее издание вклю-

чены лишь некоторые письма П. Я. Чаадаева и М. Я. Чаадаева за указанный период.

[1] Об эпидемии холеры 1848 г. см. примеч. 3 к № 150

[2] Максим Ефимов – управляющий имением А. М. Щербатовой.

[3] Петр Синицын – камердинер М. Я. Чаадаева.

[4] Начиная с 1848 г. предчувствие скорой смерти постоянно сопутствовало Чаадаеву, о нем он говорил своим знакомым (см.: *Свербеев*. Т. 2. С. 409; Барон А. И. Дельвиг. Мои воспоминания. М., 1913. Т. II. С. 395).

154. М. Я. Чаадаеву. 20 апреля—1 июля 1849

Публикуется по машинописной копии, хранящейся в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 410. Написано в ответ на несохранившееся письмо М. Я. Чаадаева от 13 февраля 1849 г. Первая часть письма, датированная 20 апреля, опубликована в журнале «Наше наследие», 1988. № 1. С. 67–68.

[1] Письмо М. Я. Чаадаева, о котором идет здесь речь, было ответом на письмо П. Я. Чаадаева от 25 января 1849 г. (написано по-французски, хранится в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 411), в котором он просил брата о денежной помощи. 25 апреля 1849 г., отправляя П. Я. Чаадаеву очередную «треть» ежегодной годовой выплаты (2 тыс. руб. серебром, или 7 тыс. ассигнациями), Михаил Яковлевич писал: «Письмом от 25 генваря просишь ты, чтобы я под залог части моего имения занял в воспит‹ательном› доме денег, и этими деньгами ссудил тебя или бы уплатил ими часть моего тебе долга; но какую сумму желаешь чтоб я занял, того определенно ты не означил. Я отвечал от 13 февраля (письмо мое отправлено к тебе из г. Арзамаса через почту 15 февраля), что мне необходимо знать, сколько тебе нужно денег; то есть: сколько мне нужно занять для тебя в воспит‹ательном› доме, и что я буду ожидать от тебя ответа для приступления к займу,– но этого ответа до сего времени не получил» (*ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 74, л. 28).

Содержание письма М. Я. Чаадаева от 13 февраля 1849 г. отчасти известно по воспоминаниям М. И. Жихарева, который, характеризуя имущественные и финансовые отношения братьев Чаадаевых, писал: «Редко случается, чтобы брат для другого брата сделал столько самых великодушных пожертвований, сколько Михаил Чаадаев сделал их для Петра Чаадаева, и никогда не должно случаться, чтобы облагодетельствованный был благодетелю столько и столько неблагодарен. Вместо того, чтобы быть признательным, он приписывал брату свое разорение, извращая обстоятельства и выдумывая факты.

‹...› Один из теперешних профессоров Московского университета, будучи еще студентом и имея случай проводить летнее время у товарища в Нижегородской губернии, по соседству с М. Я. Чаадаевым, там с ним виделся и имел разговор такого содержания ‹...› „По нашему разделу,– покончил Михаил Яковлевич,– за мною оставался порядочный его капитал, с которого ежегодно я ему высылал проценты; теперь и капитал и проценты давно уплачены, но так как я знаю, что ему жить нечем, то все продолжаю всякий год высылать проценты с долга, уже погашен-

ного и несуществующего; однако же твердо уверен, что этой не очень значительной суммы достаточно для него быть не может". Оно на самом деле от слова и до слова так и было. Кроме и сверх этого от двух, в продолжение их жизни, пришедших к ним наследств, из которых одно было довольно ценное, Михаил Яковлевич Чаадаев отступился, без всякого вознаграждения, предоставляя их брату» (*ВЕ*. 1871, сентябрь. С. 9–10).

Этому свидетельству нельзя, однако, доверять полностью. Во-первых, применительно к 1849 г. неправомерно говорить о «двух наследствах», от которых М. Я. Чаадаев якобы отказался в пользу брата. В 1834 г. П. и М. Чаадаевы стали сонаследниками умершего в том году их двоюродного племянника Григория Чаадаева. Одна часть имения Меленковского уезда Владимирской губернии досталась П. Я. и М. Я. Чаадаевым, а другую наследовал родной брат покойного – «слабоумный» Дмитрий Васильевич Чаадаев, умерший в 1860 г., причем единственным законным наследником этой части Меленковского имения оказался М. Я. Чаадаев, который помимо недвижимости получил 41 500 руб. серебром. Что касается второго наследства, после умершей в 1852 г. княжны А. М. Щербатовой, то оно было невелико, и отказ от него М. Я. Чаадаева в пользу брата, по-видимому, можно рассматривать как компенсацию за невыполненное обещание, данное в 1849 г. К тому же, сохранившиеся документы называют П. Я. Чаадаева владельцем с. Алексеевского лишь с 1854 г. (см.: Декабристы Дмитровского уезда. Дмитров, 1925. С. 79). Подробные сведения об этих наследствах имеются в *ГАГО*, ф. 984, оп. 816, ед. хр. 6 (Черновики прошений на имя императора и переписка по вопросам вступления М. Я. Чаадаева в управление имением Григория Васильевича и Дмитрия Васильевича Чаадаевых, находящихся в Муромском уезде Черниговской и Владимирской губерниях. 1829–1864 гг. На 44 листах) и в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 477 (*Шаховской Д. И.* Заметка по поводу наследования М. Я. и П. Я. Чаадаевыми имения тетки их – А. М. Щербатовой).

[2] Имеется в виду Н. П. Брянчанинов. См. примеч. 4 к № 82.

[3] Отрывок из книги маркиза де Кюстина, в котором речь идет о Чаадаеве, см. в «Приложениях».

[4] Н. И. Греч в своей книге «Examen de l'ouvrage de M. de Marquis de Custine intitulé La Russie en 1839». Bruxelles, 1844 («Рассмотрение сочинения Маркиза де Кюстина, озаглавленного „Россия в 1839 году"») писал: «На стр. 264 (книги Кюстина.– *В. С.*) рассказан анекдот об одной русской книге, публикация которой имела для автора ее серьезные последствия. Замечу прежде всего, что это не книга, а статья, напечатанная в одном из московских журналов. Автор собрал в ней всякого рода нелепости, совершенно непростительные, против России, против ее церкви, ее правительства и ее обитателей. Если бы он предстал перед судом, он несомненно понес бы суровое наказание. Император рассудил иначе: он повелел отнестись к нему как к человеку с повредившимся рассудком. Маркиз уверяет, что повеление это было приведено в исполнение чрезвычайно суровым образом. Ничего подобного. Всего лишь, в течение некоторого времени, виновного должен был по утрам навещать врач, проверять ему пульс, осматривать язык и прописывать приличествующее лекарство. Несомненно, это лечение оскорбило автора больше, чем какое бы то ни было другое

возможное наказание: перед лицом всего света его выставили как сумасшедшего, как человека с расстроенной головой. Не знаю, сколько продолжалось это лечение, но не сомневаюсь, что для ума больного оно не имело большой пользы, да и для некоторых других тоже». Конец этой цитаты на экземпляре книги Греча, принадлежавшей Чаадаеву (*Каталог.* № 300), со слов «Ничего подобного» отмечен карандашной чертой; угол страницы 155–156 загнут.

[5] Имеется в виду книга И. Г. Головина «Россия под Николаем», изданная на французском языке в Париже в 1845 г.

[6] Историю этого письма подробно излагает М. И. Жихарев: «Вскоре после февральской революции 1848 г. Чаадаев получил по городской почте письмо. Это письмо на очень щеголеватом и, видимо, выработанном французском языке, к сожалению, кажется, пропавшее, было за подписью „Луи Колардо". ⟨...⟩ Приехав в Москву, г. Луи Колардо поспешил обратиться к г. Чаадаеву, ⟨...⟩ сумасшествие которого вообще давно и хорошо известно и состоит в том, что г. Чаадаев, будучи пустым и ничтожным человеком, себя воображает гением. Г. Луи Колардо ⟨...⟩полагает, ⟨...⟩ что ежели ему посчастливится исцелить субъекта столь замечательного и интересного, как г. Чаадаев, то он с основательностью может искать и надеяться места врача при графе Мамонове (известный умалишенный, один из самых высоко родовитых и самых богатых людей в России.– *М. Ж.*), и тем на вечные времена обеспечит свое положение.

Одновременно с этим таких писем, говорят, было послано числом до семидесяти к разным лицам, Чаадаеву знакомым.

⟨...⟩ Чаадаев очень скоро – дня через три – открыл настоящего составителя письма, действия и впечатления письмо на него никакого не произвело, и к нему он остался совершенно равнодушен. Имя составителя он без замедления сейчас же объявил всякому, кто его желал узнать. В обществе об письмах не было ни одного благоприятного отзыва. Их автора все, без исключения, порядочные люди именовали негодяем ⟨...⟩.

Очень жаль, что ответ, написанный Чаадаевым не г. Луи Колардо, а настоящему корреспонденту, впрочем никогда по адресу не отправленный, тоже пропал. В нем значилось, что „такой-то, себя воображающий ужасным насмешником и грозным бичевателем, на самом деле не иное что есть, как жалкое, маленькое, бессильное существо, переполненное завистью и желчью".

Про это крошечное грязное дельце я и поминать бы не стал, если бы скрывавшийся под именем Колардо впоследствии не стяжал очень большой и очень плачевной известности постыдным процессом, про который в свое время все говорили, и, особенно, если бы не ему же приписываемы были подметные безымянные письма, отчасти бывшие причиною или поводом к предсмертной дуэли Пушкина» (*ВЕ.* 1871, сентябрь. С. 48–49).

Самый существенный вопрос, который возникает в связи с этим свидетельством М. И. Жихарева,– кто же скрывался за псевдонимом Луи Колардо? Судя по последнему абзацу, можно заключить, что им был князь П. В. Долгоруков, на котором до самого последнего времени лежало подозрение в сочинении анонимного пасквиля, посланного А. С. Пушкину 4 ноября 1836 г. Теперь это подозрение, по-видимому, снято (см.: *Абрамович С. Л.* Пушкин в 1836 году. М., 1984. С. 81–87). В другом месте своих

воспоминаний М. И. Жихарев упоминает «про озлобленное против него (Чаадаева) отвращение Ф. Ф. В⟨игеля⟩ и князя Д⟨олгорукова?⟩» (*ВЕ*. 1871, сентябрь. С. 40). Тем не менее версия Жихарева нуждается в серьезной критической проверке. Непонятно, почему об авторе, скрывавшемся за псевдонимом «Луи Колардо» Жихарев сообщает намеками, в то время как сам Чаадаев, по его же словам, имя составителя «объявил всякому». Сомнительно и количество писем, названное Жихаревым: «До семидесяти к разным лицам»; если бы это соответствовало действительности, можно было бы ожидать большую осведомленность современников Чаадаева в этом деле. Помимо Жихарева о деле Луи Колардо сообщает только Д. Н. Свербеев. В письмах Чаадаева имя Луи Колардо упоминается еще раз в мае 1849 г.: Чаадаев просит С. Д. Полторацкого вернуть ему записку г-на Колардо (*ГПБ*, ф. 603, ед. хр. 213, л. 2; на письме отметка рукой Полторацкого: «⟨Получено⟩ в Москве 13/25 мая 1849»).

К сожалению, почти ничего не известно и об отношениях Чаадаева с П. В. Долгоруковым. Если под литерой «Д» в воспоминаниях Жихарева (*ВЕ*. 1871, сентябрь. С. 40) действительно имеется в виду будущий эмигрант, то во всяком случае следует учесть, что его отношения с Чаадаевым не всегда носили враждебный характер. Так, в письме 1846 г. к Н. Д. Шаховской (*СП II*. № 176. С. 296) Чаадаев просит кузину «послать мемуары Булгарина кн. Петру Долгорукому, на Пречистенке, близ Депо». Вообще, если бы Жихарев не высказал свою версию столь определенно, наиболее подходящей кандидатурой на роль «Луи Колардо» оказался бы Ф. Ф. Вигель. Взаимные характеристики Чаадаева и Луи Колардо очень похожи на те, которыми время от времени обменивались Чаадаев с Вигелем. Тем не менее, следует признать, что факты, известные в настоящее время, не дают возможности ответить на вопрос, кто скрывался под псевдонимом «Луи Колардо», и решение этой проблемы нуждается в дальнейших исследованиях.

[7] Снимая копии с писем Чаадаева, М. И. Жихарев, как правило, все упоминаемые в письмах имена заменял многоточиями. Вероятно, здесь имеется в виду Ф. В. Акинфьев, московский сенатор и почетный опекун московского Воспитательного дома. О нем Чаадаев упоминает в письмах к Н. Д. Шаховской (*СП* №№ 90, 132) в связи с деловыми операциями. По-видимому, не зная о смерти Акинфьева, М. Я. Чаадаев посоветовал брату обратиться к нему за денежной помощью в опекунский совет при Воспитательном доме. О смерти Ф. В. Акинфьева см. письмо В. В. Львова от 12 июля 1848 г. в «Приложениях», № LVIII.

[8] Имеется в виду письмо от 25 января 1849 г. (см. примеч. 1).

[9] М. Я. Чаадаев давал уроки французского языка сыну своего соседа по поместью.

[10] Письмо Н. А. Протасова неизвестно; по-видимому, в нем шла речь о намерении Чаадаева поступить на службу. Протасов в это время был обер-прокурором Св. Синода.

[11] О намерении М. Я. Чаадаева приехать в Москву в 1836 г. ничего не известно. Может быть, это ошибка памяти П. Я. Чаадаева, и речь идет о 1837 г., когда он просил брата приехать в Москву. Племянница Чаадаевых М. И. Рост в своем письме к М. Я. Чаадаеву от 13 августа 1837 г. писала: «Исполните желание братца

Вашего и мое, приезжайте видеться с ним, чем он очень будет утешен в настоящем его неблагоприятном положении, о чем он далее просил меня Вам написать и убедительно Вас просить, и я уверена, знавши Ваше доброе родственное к нему расположение, что Вы не отречетесь быть ему полезным» (*ГАГО*, ф. 984, оп. 816, ед. хр. 9, л. 38 об.). М. Я. Чаадаев, видимо, обещал исполнить желание «братца», но ни в 1837 г., никогда впоследствии в Москву не приезжал.

[12] «Тяжелый труд», о котором говорит Чаадаев, неизвестен. Судя по словам Чаадаева, можно предположить, что речь идет о его воспоминаниях о Пушкине, к написанию которых в 1847 г. побуждал его М. П. Погодин (см. № 141). До сих пор считалось, что эти воспоминания так и не были написаны, однако слова Чаадаева позволяют предположить, что по крайней мере работать над ними он начал. Сохранился ли этот «начатый, тяжелый труд», неизвестно. Можно также предположить, что Чаадаев в это время задумал написать философский труд, подготовительными материалами к которому могли служить *ОРМ* (см. т. 1 наст. изд.).

[13] Т. е. акт о разделе имения между братьями Чаадаевыми, состоявшегося в мае 1822 г., согласно которому Петру Яковлевичу «досталось 456 душ муж. пола, с долгом на них в 29 000 руб., и земли удобной 3000 десятин, да свыше тысячи десятин леса; кроме того, брат должен был выплатить ему периодическими взносами 70 тыс. руб.» (*Гершензон М. О.* П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление СПб., 1908. С. 24). В январе 1823 г. Чаадаев занял в Московском опекунском совете при Воспитательном доме, по-видимому, для заграничной поездки, 12 тыс. рублей сроком на 12 лет под залог доставшегося ему при разделе села Большие Лихачи. В 1827 или 1828 г. Чаадаев, согласно новому положению, перевел свой долг на срок 24-х лет, который, следовательно, истек в 1847 г. По состоянию дел на март 1827 г. сумма долга Чаадаева в Опекунский совет составляла 14 600 рублей (*ГАГО*, ф. 177, оп. 766, ед. хр. 1832, лл. 3–3 об.: Доверенность П. Я. Чаадаева С. Никитину).

[14] Деревня Фурсово при разделе имения оставалась в совместном владении братьев Чаадаевых. О попытке продать ее в 1833 г. см. примеч. 1 к № 67.

[15] Т. е. письмо от 25 января 1849 г.

154А. М. И. Жихареву

Публикуется по рукописи перевода, хранящейся в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 336. О датировке см. ниже примеч. 3.

[1] Драма, о которой идет речь, неизвестна. Кроме «Воспоминаний о П. Я. Чаадаеве», опубликованных журналом «Вестник Европы» в 1871 г., М. И. Жихарев написал еще несколько литературных произведений, ни одно из которых не сохранилось. 1 сентября 1874 г. он писал А. Н. Пыпину: «На днях я написал последнюю строку точно такого же сочинения об А. П. Ермолове, какое вам известно об П. Я. Чаадаеве» (*ГПБ*, ф. 621, ед. хр. 320, л. 7).

[2] Иван Матвеевич и Софья Матвеевна Жихаревы.

[3] Речь идет о брате М. И. Жихарева – Матвее, который в это время принимал участие в подавлении венгерского восстания в составе корпуса Паскевича. Русские войска вступили на террито-

рию Венгрии 27 мая 1849 г., чем и определяется дата написания письма (см. примеч. 8 к № 152 А).

155. М. Я. Чаадаеву, 8 сентября 1849

Публикуется по машинописной копии, хранящейся в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 417. Написано в ответ на письмо М. Я. Чаадаева от 21 августа 1849 г. (*ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 74, л. 29).

[1] Здесь и далее Чаадаев имеет в виду свое письмо от 20 апреля–1 июля 1849 г. О письме Н. А. Протасова см. примеч. 10 к № 154.

[2] Чаадаев перефразирует слова из несохранившегося письма к нему М. Я. Чаадаева от 13 февраля 1849 г. См. примеч. 1 к № 154.

[3] Речь идет о письме Чаадаева к П. А. Вяземскому 1847 г. (№ 139), которое он распространял в списках, долго не отправляя адресату.

[4] Сохранилось только одно письмо П. Я. Чаадаева к брату 1837 г. (см. № 89), и из письма М. Я. Чаадаева 1837 г. (см. «Приложения», № XXXVIII) известно, что оно написано в ответ на письмо П. Я. Чаадаева от 11 января 1837 г. В обоих письмах П. Я. Чаадаев информировал брата о репрессиях, постигших его в связи с публикацией *ФП I*. Таким образом, предполагая, что некоторые его письма 1837–1838 гг. не дошли до адресата, и тем самым желая оправдать незнанием некрасивые намеки М. Я. Чаадаева на его сумасшествие, содержавшиеся в письме последнего от 13 февраля 1849 г., П. Я. Чаадаев сам впадает в предпамеренную «забывчивость».

[5] Н. Д. Шаховская, чье имение находилось в селе Ореховец Нижегородской губернии. «Не можете ли вы, дорогая кузина,– писал ей Чаадаев,– переслать моему брату прилагаемое письмо, поручив это сделать управляющему вашего нижегородского имения? Я писал ему месяц тому назад и не получил ответа. Так как дело довольно спешное и к тому же не представляет никаких особых трудностей, то мне это представляется странным» (*СП II*. № 165; в *СП* отнесено к разряду «писем неизвестных лет»; следует датировать 1849 г.). По-видимому, управляющий имением Н. Д. Шаховской и поручил доставить письмо П. Я. Чаадаева к брату солдату Широкому.

156. А. С. Хомякову. 26 сентября 1849

СП I. № 117. Датируется по цитируемому в конце письма «Слову митрополита Филарета» (см. ниже примеч. 9) и событиям Венгерской революции, о которых говорится в письме.

[1] Обращаясь по-английски к виднейшему представителю славянофильства, Чаадаев намекает на известные англофильские симпатии Хомякова. Выделяя Англию из всех стран Западной Европы, Хомяков всячески подчеркивал уникальность и самобытность этой страны, вместе с тем доказывая славянское происхождение англичан (см. примеч. 5 к № 103). Тонкая ирония, которой вообще пронизано все письмо Чаадаева, дает ему возможность,

при внешней солидарности с вождем славянофилов, вполне определенно высказать свою точку зрения на события, о которых идет речь в письме. Он вполне согласен быть «добрым приятелем» Хомякова, но не его «сочувственником».

[2] Тетрадь, о которой речь, сохранилась в бумагах Чаадаева. Это «Письмо русского офицера к редакции журнала „Narodni Novini" в Загребе» (*ГБЛ,* ф. 103, п. 1034, ед. хр. 277). Приводим начало этого «письма», так как оно важно для понимания письма Чаадаева:

«Милостивый государь, нигде столько как в России не удивлялись подвигам и благородному, возвышенному характеру вашего Бана, нигде столько не одобряли его действия, как у нас, где видели в нем истинные чувства и начала славянские. Верность к престолу, соединенную с горячею любовью к родине, твердость, неизменную в несчастьях, веру непоколебимую в промысл Божий, уверенность в конечном успехе великого дела, *и благородство без хвастовства в победе* (здесь и далее курсив автора.– *В. С.*). Его слова и его действия – в одном духе; не знаю только, каким образом, в минуту, может быть, рассеянности, случилось ему как-то сказать в воззвании к сербам: „Европа вашим делам удивляется". Зачем нам заниматься Европой? Давно бы нам пора оставить об ней попечение. Поверьте, Европа никогда не будет нам, славянам, искренним другом. *Так называемая Европа* стареет, и она, как многие старушки, завидует юному поколению, народу молодому и молодецкому, которому принадлежит *будущее,* потому именно, что его начала совершенно различны от ее начал, и что он полон твердой непоколебимой веры, которой в дряхлеющей Европе уже не найдет» (л. 1–1 об.). Таким образом, все подчеркивания в письме Чаадаева представляют собой цитаты из «Письма русского офицера».

«Письмо» сопровождалось запиской, обращенной к Чаадаеву: «Не зная, где находится Алексей Степанович Хомяков, но зная короткие, кажется, даже дружеские связи его с почтеннейшим Петром Яковлевичем, почитатели обоих покорнейше просят последнего доставить ему (т. е. А. С. Хомякову.– *В. С.*) копию с письма одного гвардейского офицера, теперь в походе. Оно обоим наверно покажется *любопытным* *. Здесь, в Петербурге ходит оно по рукам» (л. 4).

И письмо и сопроводительная записка – без подписи; из слов Чаадаева следует, что автором их он считал одно лицо, какого-то общего знакомого его и Хомякова. То пренебрежение, с которым Чаадаев говорит об этом «мастере» и о его «приветном пере», позволяет предположить, что этим «неизвестным лицом» был давнишний «недоброжелатель» Чаадаева – Ф. Ф. Вигель.

[3] Имеются в виду революционные события в Европе в 1848–1849 гг.

[4] Русская армия, направленная на подавление Венгерской революции, численностью в 140 тыс. человек под командованием фельдмаршала Паскевича вступила в Венгрию 27 мая 1849 г. 27 сентября, с падением крепости Комаром, Венгерская революция была подавлена.

---

* Это слово подчеркнуто Чаадаевым.

[5] Йосип Елачич (1801–1859) – бан (наместник) Хорватии. Воспользовавшись отказом венгерского правительства предоставить автономию Хорватии, способствовал втягиванию Хорватии в борьбу с революционной Венгрией. В 1849 г. участвовал в подавлении венгерской революции.

[6] Имеется в виду А. Д. Блудова, которая в 1849 г. вместе с царским двором приехала в Москву, где познакомилась с А. С. Хомяковым. Своими впечатлениями о революционных событиях в Европе Блудова и Хомяков в дальнейшем делились в переписке (см.: *Хомяков А. С.* ПСС. М., 1900. Т. 8. С. 392–393; ср.: *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1928. Т. 2. С. 336).

[7] Ирония Чаадаева по поводу «нашего спасительного начала» становится явной, если вспомнить, что незадолго до времени написания письма ко всем губернским предводителям был разослан циркуляр министра внутренних дел, в котором говорилось: «Государю не угодно, чтоб русские дворяне носили бороды: ибо с некоторого времени из всех губерний получаются известия, что число бород очень умножилось. На западе борода – знак, вывеска известного образа мыслей; у нас этого нет, но Государь считает, что борода будет мешать дворянину служить по выборам» (*Барсуков.* Кн. 10. С. 250–251). «Гонение на бороду» коснулось прежде всего славянофилов (см. там же. с. 252, 253; *Хомяков А. С.* ПСС. М., 1900. Т. 8. С. 39).

[8] Цитата из стихотворения А. С. Хомякова «Беззвездная полночь дышала прохладой...» (1847):

«Молитва славянская громко звучала
В напевах, знакомых минувшим векам.
И клир, воспевая небесную славу,
Звал милость господню на Западный край,
На Лабу, Мораву, на дальнюю Саву,
На шумный и синий Дунай».

Последними тремя строками этого стихотворения заканчивалось «Письмо русского офицера».

[9] Из «Слова», сказанного московским митрополитом Филаретом 22 августа 1849 г. в день венчания на царство Николая I (в связи с революционными событиями в Западной Европе Николай I восстановил царский титул).

157. ‹Н. П. Киреевской›. 1849

СП II. № 123. В *СП* обозначено как письмо к «Неизвестной». Об адресате письма см. ниже примеч. 1, о датировке – примеч. 3 и 4.

[1] Среди знакомых Чаадаева были две с инициалами Н. П.: Наталья Петровна Киреевская и Наталья Петровна Бреверн. Последнюю из возможных адресатов этого письма следует исключить: в 1849 г. она находилась за границей, а письмо, как видно из его содержания, адресовано человеку, жившему в Москве. Кроме того, в сохранившихся письмах Чаадаева к Н. П. Бреверн (*ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 301, 302), написанных по-французски, он неизменно обращается к ней: «chère cousine» (дорогая кузина). Таким обра-

зом, наиболее вероятным адресатом этого письма является Н. П. Киреевская жена И. В. Киреевского.

[2] Окружное послание восточных патриархов (ответ на энциклику папы Пия IX 1847 г.) было издано на греческом языке в 1848 г.

[3] В 1849 г. А. С. Стурдза перевел на русский язык «Окружное послание Восточной апостольской церкви» (СПб., 1849). В том же году в Афинах он издал памфлет на папскую энциклику: «Le double parallel», о котором, вероятно, и говорит Чаадаев в своем письме.

[4] Речь идет об анонимной статье, напечатанной во 2-й февральской книге журнала «Москвитянин» за 1849 г.,– «Англия и Россия. Праздник 9-го февраля в Москве». В статье было дано описание праздника, состоявшегося в доме московского военного генерал-губернатора А. А. Закревского. Во время праздника была разыграна в лицах история двух стран: России и Англии, «которые могут понимать друг друга в своей непоколебимой и самостоятельной народности». Сравнение Англии и России было выдержано в духе А. С. Хомякова, которого и подразумевает Чаадаев, говоря об «умном приятеле». Выдержки из статьи см. в *СП II*. С. 321–323.

[5] А. Ф. Закревской, жены А. А. Закревского.

[6] Чаадаев, вероятно, имеет ввиду свою «Апологию сумасшедшего».

158. М. П. Погодину. 1849

СП I. № 118. Дата поставлена на письме рукою М. П. Погодина или Н. П. Барсукова.

159. Д. Н. Свербееву. 1849

Публикуется по копии, хранящейся в *ИРЛИ,* ф. 334, ед. хр. 397. Письмо не датировано; обоснование предлагаемой датировки см. в примеч. 1.

[1] «Дело», о котором сообщает Чаадаев, касается, по-видимому, его намерения поступить на государственную службу. Последнюю попытку такого рода он предпринял в 1849 г. в связи с ухудшением материального положения, о чем сообщал в письме к брату от 20 апреля–10 мая 1849 г. (№ 154). Этим и определяется предполагаемая дата письма.

160. С. П. Шевыреву. 1849

СП I. № 154; в *СП* отнесено к письмам «неизвестных лет». Основания для датировки см. в примеч. 1.

[1] Речь идет о проповеди, сочиненной самим Чаадаевым и озаглавленной им «Воскресная беседа сельского священника Пермской губернии, села Новых Рудников» (см. т. 1 наст. изд.).

В своем «Воспоминании о П. Я. Чаадаеве» М. Лонгинов писал: «За несколько лет до своей кончины Чаадаев посвятил мне написанную в 1849 г. „Воскресную беседу...“» (*РВ*. Т. 42. № 11. С. 155). Экземпляр «Воскресной беседы...», опубликованный в 1918 г,

Н. В. Голицыным, имел надпись: «Екатерине Александровне Свербеевой. 1849» (*ВЕ*. 1918. Кн. 1–4. С. 253). По-видимому, такой же экземпляр Чаадаев направил С. П. Шевыреву, чем и определяется дата публикуемого письма.

[2] «Выписка» эта, как и сама «Воскресная беседа...», безусловно, сочинена самим Чаадаевым; в письмах к нему М. Я. Чаадаева за 1849 г. ничего подобного не встречается. Авторство Чаадаева, кроме того, легко устанавливается по подписи, которой он снабдил «Воскресную беседу...»: «Петр Басманской», выбрав себе псевдоним по названию московской улицы, на которой он жил.

161. Ф. Я. Эвансу. 1849

Перевод выполнен с копии, хранящейся в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 428. На основании даты смерти Ф. Я. Эванса – 1849 г.– письмо должно быть датировано не позднее этого года; некоторые соображения, в силу которых письмо следует датировать именно 1849 г., см. ниже в примеч. 1.

[1] Содержание письма позволяет построить следующую «схему» «секрета», о котором говорит Чаадаев. Ф. Ф. Вигель, по его словам, узнал якобы нечто, касающееся Чаадаева, от «З». Поскольку ниже в письме речь идет об «увечных московских властях», можно предположить, что за этим инициалом скрывается московский генерал-губернатор А. А. Закревский. Это «нечто» («чудовищную нелепость», по словам Чаадаева) Вигель, под «секретом» рассказал Р. (А. Н. Раевскому?) с тем, чтобы последний поставил в известность Чаадаева. «Секрет», по-видимому, содержал некоторую опасность для Чаадаева, так как он поставлен в необходимость «изъявлять благодарность» Вигелю, чего ему делать совсем не хочется, поэтому он избирает позицию неведения и просит, чтобы Р., в свою очередь, «сказал В., что, подумав, решил, что дело это слишком глупо, чтобы сообщать его мне». Вообще Чаадаев склонен предположить, что все это дело – продукт фантазии («одна из милых гадостей») Вигеля. В письме, к сожалению, нет ни малейшего намека на содержание этого «секрета», но на основании имеющихся документов можно сделать следующее предположение.

В 1849 г. по инициативе А. А. Закревского было заведено «Дело о славянофилах» и составлен «Список славянофилов», в который попал и Чаадаев. Несмотря на полицейскую секретность, которой было окружено «дело о славянофилах», сведения о нем просочились в публику, а «список московских славянофилов» попал даже в руки П. А. Вяземскому, вызвав у него иронический отзыв: «Смешно видеть в этом списке, между прочим, имя Чаадаева, который некогда был по величайшему повелению произведен в сумасшедшие как отчаяный оксиденталист и папист. Вот с каким толком, с каким знанием личностей и мнений наша высшая полиция доносит правительству на лица и мнения» (*Вяземский П. А.* Записные книжки (1813–1848). М., 1963. С. 306). Чаадаева взял под защиту и начальник III Отделения А. Ф. Орлов, который в письме к А. А. Закревскому, удивляясь тому, что Чаадаев, а также Армфельд и Свербеев отнесены к числу славянофилов, спрашивал: «Изволите ли Вы признать возможным осво-

бодить их от надзора?» (Revue des études Slaves. P., 1983. Т. 55, f. 2. P. 338). В ответном письме А. Ф. Орлову Закревский писал: «...нахожу необходимым продолжить секретный надзор за г. Армфельдом, Свербеевым и Чеодаевым» (ibid., p. 339).

По-видимому, слух о том, что за Чаадаевым установлен секретный надзор как за славянофилом, стал известен Вигелю, и он рассказал об этом Р⟨аевскому⟩ с просьбой передать Чаадаеву. Последний, однако, считая, что он давно и прочно занял свое «исконное место в глазах общественного мнения» (место «оксиденталиста и паписта», по словам П. А. Вяземского), счел этот слух «чудовищной нелепостью» и «одной из милых гадостей» Вигеля. Тем не менее, официальные документы, ставшие известными в наше время, показывают, что «секрет», рассказанный Вигелем, был гораздо ближе к истине, чем полагал Чаадаев.

[2] Ср.: *ОРМ*, № 139 и примеч. к нему.

162. М. Я. Чаадаеву. 5 января 1850

Публикуется по машинописной копии, хранящейся в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 412. Опубликовано в журнале «Наше наследие». 1988. № 1. С. 68.

[1] Из этих слов следует, что письмо Чаадаева написано в ответ на какое-то несохранившееся письмо Михаила Яковлевича.

[2] Т. е. имение Чаадаевых Меленковского уезда Владимирской губернии, состоящее из трех деревень: Фурсово, Дубцы, Кузнецы.

[3] Чаадаев имеет в виду свою болезнь 1846—1847 гг., о которой см. примеч. 5 к № 140.

[4] См. извлечения из книги Кюстина «Россия в 1839 году» в «Приложениях».

[5] Под «разрушением семейства Левашовых» Чаадаев имеет в виду смерть в 1839 г. Е. Г. Левашовой, после чего ее муж и дети, продав дом на Новой Басманной «почетному гражданину Москвы» Шульцу, разъехались по своим имениям. Чаадаев остался жить во флигеле на Новой Басманной при новом хозяине.

[6] См. примеч. 10 к № 154.

[7] Чаадаев, по всей видимости, оставил себе копию этого письма и фиксировал на нем даты ожидаемого ответа. Ответ М. Я. Чаадаева неизвестен.

163. В. Ф. Одоевскому ⟨?⟩. 5 января 1850

СП II. № 119. В «Списке произведений П. Я. Чаадаева», составленном Д. И. Шаховским, адресатом этого письма назван П А. Вяземский (*ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 198). Не известно, на чем основано это предположение Д. И. Шаховского, но во всяком случае справедливость его весьма вероятна. С В. Ф. Одоевским Чаадаев никогда не был в столь близких и доверительных отношениях, чтобы обращаться к нему с подобной просьбой. С П. А. Вяземским его, напротив, связывала довольно тесная дружба, о чем свидетельствует не только их переписка, но и сама ее тональность. Однако этих чисто «психологических» соображений, конечно, недостаточно для окончательного решения вопроса об адресате этого письма.

[1] Авторами письма и стихов, как установил Б. Н. Тарасов, были Ф. И. и Э. Ф. Тютчевы. В письме к П. А. Вяземскому Э. Ф. Тютчева «сообщала, что им (ей и Ф. И. Тютчеву) поручили распространить 10 экземпляров литографии Чаадаева. „... Кому их предложить? К счастью, я не знаю, кто из нас двоих вспомнил, что завтра день св. Филиппа. Знакомый нам Филипп жаждал поздравления. Тотчас же мы свернули одну из 10 литографий, сделали из нее красивый пакет и на внешней стороне мой муж написал: „Почтеннейшему имениннику Филиппу Филипповичу Вигелю:

Прими как дар любви мое изображенье,
Конечно, ты его оценишь и поймешь,—
Припомни лишь при сем, простое изреченье:
Не по хорошу мил, а по милу хорош" "»

(*Тарасов I.* С. 300).

164. Ф. Ф. Вигелю. Начало января 1850

СП I. № 120. Написано в ответ на письмо Ф. Ф. Вигеля из Петербурга (где он был в то время наездом) от 30 ноября 1849 г. (см. «Приложения», № LX).

[1] См. примеч. 1 к № LX.

165. А. Е. Венцелю. 25 января 1850

СП I. № 121. В *СП* публиковалось по копии, снятой М. И. Жихаревым, в которой имена упоминаемых лиц были опущены. В настоящем издании эти имена восстановлены по письмам А. Е. Венцеля, хранящимся в *ГБЛ,* ф. 103, п. 1032, ед. хр. 10. Написано в ответ на письмо А. Е. Венцеля из Курска от 22 декабря 1849 г.

[1] В своем письме к Чаадаеву Венцель писал: «Курск по характеру и условиям жизни своей отличается от других губернских городов. Все невыгодные исключения сосредоточены здесь. С отсутствием всякой нравственной и умственной жизни, при совершенной отрицательности во всех отношениях, Курск составляет для меня место самой печальной ссылки. ‹...› Не надеясь на свои силы, я не берусь описывать Вам здешние нравы и обычаи, которые бы Вас поразили и представили бы картину общества, отставшего на два столетия от современного просвещения» (*ГБЛ,* ф. 103, п. 1032, ед. хр. 10, л. 1 об.).

В ответном письме к Чаадаеву от 27 февраля 1850 г. Венцель продолжил свою характеристику провинциальной жизни Курска: «Трудно и даже жутко поверить, чтобы в XIX столетии ‹...› наши провинциальные города могли оставаться в таком ужасном невежестве. Невольно рождается вопрос: в чем же заключается просвещение? Где эти следы цивилизации, где эти порывы стремления к всеобщему образованию? Неужели образование заключается в безграмотной грамотности, в отсутствии всякого движения или размена мыслей, в совершенном незнании всякого современного движения или направления жизни? Для потехи скажу Вам пример, что в Курской губернии я встретил многих людей с весьма хорошим состоянием, которые совершенно не знали о

восстании венгров. При таких условиях окружающего меня общества, вы поймете, как тяжело и безотрадно мое положение» (*ГБЛ,* ф. 103, п. 1032, ед. хр. 10, л. 4).

[2] Имеется в виду Юрий Никитич Бартенев, с которым Чаадаев познакомился в Москве в 1833–1835 гг. Ал-р Н. Карамзин в письме к Андр. Н. Карамзину от 5–6/17–18 ноября 1836 г. рассказывает следующий «анекдот» о Чаадаеве и Бартеневе: «Чедаев, очень довольный, что нашел нового слушателя, пустился толковать ему свои теории и мудрости и говорил с жаром и самодовольствием: привыкший к слушателям внимательным и почтительным, он очень далеко распространился о своем любимом сюжете, не сумневаясь в восторге Бартенева, как вдруг Бартенев его остановил следующими словами: „Позвольте, есть два рода галиматьи: галиматья простая, когда слушатель не понимает речи, но оратор сам себя понимает, и галиматья сугубая, когда ни слушатель, ни оратор сам речи не понимает, а так как вы, кажется, сами не понимаете, что говорите, то это выходит галиматья сугубая". Чедаев окаменел, и предание гласит, что с тех пор когда он куда-нибудь приезжает, то спрашивает сперва, здесь ли Бартенев, и когда отвечают: здесь, то он не сымает шинели, а уходит обратно» (Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 гг. Изд-во АН СССР. М.; Л., 1960. С. 131). Судя по намерению Чаадаева послать свой портрет Бартеневу, отношения их впоследствии нормализовались.

[3] В своем ответном письме Венцель писал: «Насчет портрета я спешу Вам сказать, что торопясь с отъездом и будучи в расстроенном состоянии духа, я увез с собою оба портрета, из коих один я должен был отдать Бартеневу» (*ГБЛ,* ф. 103, п. 1032, ед. хр. 10, л. 4 об.).

[4] Ефимович И. А.– сотрудник журнала «Московский наблюдатель», автор опубликованной в нем статьи «Взгляд на системы философии XIX века во Франции» (1835, ноябрь, кн. 1; 1837, май, кн. 2). О нем Венцель писал в письме к Чаадаеву от 22 декабря 1849 г.: «Представьте себе мое удивление и радость, я встретился в Курске с одним человеком, который был здесь проездом. Это г-н Ефимович, принимавший некогда участие в издании Наблюдателя, с которым мы целые ночи, сидя за самоваром, с восторгом говорим о Вас. Как это отрадно, что во всех концах России можно встретить человека, который с радостью спешит разделить воспоминание о Вас, и ваше имя всюду раздается радостным отголоском» (*ГБЛ,* ф. 103, п. 1032, ед. хр. 10, л. 2).

166. С. Д. Полторацкому. Февраль 1850

Перевод выполнен по рукописи, хранящейся в *ГБЛ,* ф. 41, к. 3, ед. хр. 68, л. 9. На рукописи в правом верхнем углу имеется надпись, сделанная рукой С. Д. Полторацкого по-французски: «Получено в Москве, в четверг 23 февраля/7 марта 1850 г.»

[1] Письмо Чаадаева к П. А. Вяземскому от 29 апреля – 10 мая 1847 г. (№ 139).

[2] Возможно, речь идет о письме А. де Сиркура к Чаадаеву от 21 апреля 1845 г. Писарская копия с этого письма имеется в архиве С. Д. Полторацкого в *ГБЛ* (ф. 233, к. 52, ед. хр. 17, лл. 10–14) и снабжена примечанием последнего: «Копия снята с ориги-

нала в Москве, в субботу 11/23 марта 1850 г. Оригинал возвращен Чаадаеву в понедельник 13/25 марта 1850 г.»

167. С. Д. Полторацкому. 16 августа 1850

Перевод выполнен Л. З. Каменской с оригинала, хранящегося в *ГПБ*, ф. 603, ед. хр. 213, лл. 15–15 об. (В пер. Б. Н. Тарасова опубликовано в журнале «Наше наследие». 1988. № 1. С. 69). На подлиннике рукою С. Д. Полторацкого сделана надпись по-французски: «Получено в Авчурине, в субботу вечером, 26 августа 1850», чем и определяется год написания письма.

[1] О какой «услуге» говорит здесь Чаадаев, понятно из двух его писем к брату: в письме от 21 октября 1850 г. он писал ему: «Дружеская помощь приятеля, два раза меня избавившего от беды, прекратилась» (*ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 413, л. 1). В другом письме, от 20 октября 1852 г., Чаадаев называет имя этого «приятеля» — Полторацкий.

[2] Вероятнее всего, Чаадаев имеет в виду второе письмо к Долгоруковой (№ 172) или письмо к С. Д. Полторацкому (№ 177), в котором вкратце изложены основные идеи первого письма к Долгоруковой (№ 171). Это позволяет предположить, что «неизвестным» автором письма, написанного по поводу «Второго письма к кн. Д.», является С. Д. Полторацкий (см. № LXIII).

[3] Ближайшее известное нам письмо М. Я. Чаадаева датировано 4 декабря 1850 г. В нем он уведомляет П. Я. о том, что «3 декабря получил ‹...› от какого-то портного Женева письмо, которым он, Женев, объясняет, что ты ему должен 500 рублей серебром и обещал ему заплатить их, когда получишь следующие тебе от меня деньги, и что он, Женев, приостановил судебное против тебя преследование до получения от меня уведомления, действительно ли я намерен выслать к тебе денег». В связи с этим М. Я. высылал брату билет Московской сохранной казны на сумму в 542 руб. серебром. О «нашем деле» М. Я. сообщал, что «сделаю то, чего ты от меня ожидаешь и что я обещал сделать,— разве тяжелая болезнь или что-нибудь подобное задержит» (*ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 74, лл. 30–30 об.).

168. Н. В. Сушкову. 1850

СП I. № 124.

[1] Речь идет, вероятно, о пьесе Сушкова «Комедия без свадьбы», изданной в Москве в начале 1850 г.

169. Н. В. Сушкову. 1850

СП I. № 125.

[1] См. письмо к А. М. Гедеонову от 22 сентября 1850 г. (№ 170).

170. А. М. Гедеонову. 22 сентября 1850

Публикуется по копии, хранящейся в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 323. Год написания определен по связи с содержанием двух предыдущих писем к Н. В. Сушкову (№№ 168, 169).

171. Е. А. Долгоруковой. 22 января (2 марта) 1850

Вопр. философии, 1983. № 12. С. 133–135. Пер. Р. Темпеста. Сверено с оригиналом и внесены поправки Л. З. Каменской. Письмо сохранилось в нескольких копиях, хранящихся в *ИРЛИ:* 1) ф. 3 (архив Аксаковых), оп. 2, ед. хр. 117; 2) ф. 250 (архив А. Н. Пыпина), оп. 1, ед. хр. 522 (здесь письмо входит в состав «Двух писем к княгине Д. Письмо первое»); 3) ф. 334 (архив Д. И. Шаховского), ед. хр. 325 (копия с предыдущей). Французский текст опубликован в журнале Studies in Soviet Thoughts 1986. V. 23. N 4. P. 392–395. В пер. М. И. Жихарева опубликовано в журнале «Символ» (Париж, 1988. № 20). В архиве Аксаковых письмо имеет неполную дату «2 марта», надпись «насчет Тютчева» и подпись «Michel Chripounofsky» (Михаил Хрипуновский), что свидетельствует о намерении Чаадаева дать письму широкое распространение. Выбранный им псевдоним вполне определенно указывал на его брата М. Я. Чаадаева, постоянно живущего в селе Хрипуново Нижегородской губ. В архиве А. Н. Пыпина письмо датировано: «Басманная, 22 января 1848», что неверно, так как статья Ф. И. Тютчева «Папство и римский вопрос», «насчет» которой написано письмо Чаадаева, датирована 1/13 октября 1849 г. и напечатана в январском номере журнала «Revue des deux Mondes» (1850. T. 5. P. 115–123). Следовательно, и письмо Чаадаева не могло быть написано ранее 1850 г. Ошибка в датировке возникла, вероятно, по вине копииста (М. И. Жихарева?), который, как видно из подстрочного примечания, ошибочно считал, что статья Ф. И. Тютчева написана в 1848 г. (см. примеч. 5). Что касается чисел: 22 января, 2 марта, то они, вероятно, являются не датами начала или окончания работы над письмом, а датами изготовления копий с них. В силу изложенных обстоятельств в настоящем издании сохранена двойная датировка письма; первоначальное указание года снято. В фонде Пыпина и Шаховского адресатом названа Александра Михайловна Долгорукова. Однако в 1935 г. Д. И. Шаховской писал, что оба письма к княгине Д. «обращены к кн. Долгоруковой, жене известного по делу о декабристах И. А. Долгорукова» (*ЛН.* С. 9). Женой И. А. Долгорукова была Екатерина Александровна, урожд. Салтыкова.

Статья Ф. И. Тютчева привлекла к себе большое внимание и в России и на Западе. «Статья Тютчева наделала много шуму в Париже, а теперь все ее здесь читают»,– писала А. О. Смирнова-Россет (*РА.* 1896. Кн. III. С. 371). Статья «составляет модный разговор общества»,– сообщал П. А. Плетнев П. А. Вяземскому в письме от 14/26 февраля 1850 г. (*Плетнев П. А.* Соч. СПб., 1885. Т. III С. 404). «Статья его (Тютчева.– *В. С.*) в Revue des d. M. вещь превосходная,– писал в январе 1850 г. А. Н. Попову А. С. Хомяков,– хотя я и не думаю, чтобы ее поняли и у вас в Питере, и в чужих краях. Она заграничной публике не по плечу. ⟨...⟩ статья Ф. И. Т. есть не только лучшее, но единственное дельное сказанное об европейском деле, где бы то ни было. Скажите ему благодарность весьма многих» (*Хомяков А. С.* ПСС. М., 1900. Т. 8. С. 200–201). О намерении Чаадаева высказаться по поводу статьи Тютчева сообщал А. И. Кошелев в письме к А. Н. Попову от 1 февраля 1850 г.: «Чаадаев хлопочет о статье Тютчева, помещенной в Revue des deux Mondes об Римском вопросе и готовится писать

возражение». Далее А. И. Кошелев изложил свое мнение о статье: «Хомяков ею доволен и хотя не апробует все мнения, но вообще видит в ней явление замечательное. По-моему, статья эта и написана неотлично, и содержит в себе более ложных, чем истинных мыслей. Его определение слова революция, его понятие о народной войне – просто нелепости. Вообще фраз много, а последовательности очень мало. В критическом смысле статья еще сносная, но живой мысли нет ни одной; а те мысли, которые Хомяков принимает за живые, по ошибке зашли в его статью» (*РА*. 1886. № 3. С. 353). Этот отзыв представляет определенный интерес, так как, возможно, в какой-то степени отражает и мнение Чаадаева, тем более, что сам Чаадаев в своем письме старательно обходит все политические аспекты статьи Тютчева. Тем не менее, письмо Чаадаева оспаривает основной тезис этой статьи, без которого и все практические выводы и рекомендации автора повисают в воздухе. «Тезис» этот заключается в следующем: различие между католической и православной церковью обусловлено не известными догматическими разногласиями между ними, а тем, что католическая церковь «перестала быть 〈...〉 обществом верующих, свободно соединенных в духе и истине под Христовым законом: она сделалась политическим учреждением, политическою силою, государством в государстве. По правде сказать, во все продолжение средних веков церковь на Западе была не чем иным, как римскою колонией, водворенной в завоеванной стране» (*Тютчев Ф. И.* ПСС. СПб., 1912. С. 311).

[1] Слова Иисуса Христа, обращенные к Понтию Пилату: «Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан Иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда» (Иоан. 18, 36).

[2] Заключительная часть любимого евангельского изречения Чаадаева: «Да приидет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе» (Матф. 6, 10).

[3] Флорентийский собор (1438–1445) был созван папой Евгением IV с целью преодолеть догматические разногласия между западной и восточной церквами. Православную церковь на соборе представлял византийский император Иоанн VIII Палеолог, патриарх Константинополя Иосиф II, русский митрополит Исидор и др. В 1439 г. Евгений IV, Иоанн VIII и Исидор заключили унию, согласно которой православная церковь признавала верховенство папы и принимала католические догматы, сохраняя лишь обряды. Уния не была утверждена ни в Византии, ни в России.

[4] Согласно католическому догмату filioque, о котором упоминает Чаадаев, «святой дух» исходит не только от бога-отца (как в православном символе веры), но «и от сына» (букв. перевод filioque). См. примеч. 15 к *ФП I* в т. 1 наст. изд.

[5] Цитата из статьи Ф. И. Тютчева: «...Рим, отделившись от единства, счел, что он имеет право 〈...〉 устроить это Царство Христово, как царство мира сего» (указ. изд. С. 310).

К этому месту письма копиист сделал подстрочное примечание: «Статья Тютчева, „Revue des deux Mondes“ 1848». Год указан неверно: статья Тютчева напечатана в 1850 г.

[6] Карл Великий получил титул императора от папы Льва III в Риме в 800 г. Оценка этого события Чаадаевым не вполне соответствует исторической действительности. Вот как описывает это событие современник и биограф Карла Великого: «Но не одно лишь благочестие заставило его (Карла Великого.– *В. С.*) предпринять свой последний поход в Вечный город. Дело в том, что римляне нанесли тяжкие оскорбления первосвященнику Льву, лишили его зрения и вырвали язык. Вот почему, прибыв в Рим для восстановления попранного порядка, король провел там целую зиму. Тогда-то он и получил звание императора и августа (25 января 800). Этим на первых порах Карл был столь недоволен, что утверждал даже, будто, знай он заранее о намерениях папы, он бы в тот день не пошел в церковь, невзирая на торжественность праздника» (*Эйнгард.* Жизнь Карла Великого/Пер. А. И. Левандовского // Прометей. М., 1977. Т. 11. С. 165).

[7] Чаадаев имеет в виду стремление Патриарха Никона освободить церковь из-под опеки светской власти. Никон выдвинул тезис «священство выше царства» и пытался противопоставить власть патриарха власти царя, за что царем Алексеем Михайловичем был выслан, а на церковном соборе в 1667 г. лишен патриаршего сана.

[8] При Петре I патриаршество было заменено Синодом. Если патриарх был лицом выборным, то глава Святейшего Синода назначался царем. Правда, выборы патриарха с самого начала носили формальный, если не сказать фарсовый характер, что, вероятно, и имеет в виду Чаадаев, говоря о «престоле, исчезнувшем уже на следующий день». (См. также примеч. 2 к № 117.)

[9] Имеется в виду Петр II Петрович Негош, владыка Черногории, соединявший в своем лице светскую и духовную власть. В 1833 г. он был посвящен в сан епископа Св. Синодом в С.-Петербурге. См. примеч. 1 к № 177. Подробнее см.: *Ровинский П. А.* Петр II (Рада) Петрович Негош владыка Черногорский. СПб., 1889. С. 60–61, 200–201.

[10] В переводе Р. Темпеста за этим абзацем следовали два последних абзаца наст. изд. Абзацем «Наконец, очевидно ... никогда не станем» письмо заканчивалось. В результате возникала смысловая неясность: не понятно было, к чему относятся слова: «ошибка того же рода». Смещение абзацев возникло, вероятно, по причине неправильного расположения листов рукописи в папке архивного дела или в архиве Аксаковых, с которой сделан перевод Р. Темпеста. В наст. изд. восстановлен правильный порядок абзацев согласно рукописи, хранящейся в архиве Д. И. Шаховского (*ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 325).

172. Е. А. Долгоруковой. 6 октября 1850

Перевод выполнен по машинописной копии, хранящейся в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 326. Письмо входит в состав «Двух писем к княгине Д. Письмо второе». Ответом на это письмо является письмо «неизвестного», опубликованное впервые М. О. Гершензоном; см. «Приложения», № LXIII. В пер. М. И. Жихарева письмо к Долгоруковой опубликовано в журнале «Символ» (Париж, 1988. № 20).

[1] «Возражение Ларошжаклена» – по-видимому, на статью Ф. И. Тютчева «Папство и римский вопрос». Во Франции в 1850 г.

было опубликовано несколько критических отзывов на статью Тютчева в журналах: Le Constitutionnel, L'Univers, L'Ami de la Religion (см.: Ф. И. Тютчев. Библиографический указатель произведений и литературы о жизни и деятельности. 1818–1973. М., 1978. С. 44). В каком из этих журналов было напечатано «возражение Ларошжаклена», не установлено. В 1852 г. отдельно был издан «ответ» Тютчеву, написанный П. С. Лоранси (который был автором предисловия к статье Тютчева, опубликованной в Revue des deux Mondes): *Laurentie P. S.* La Papauté. Réponse à M. de Tutchef. Paris. 1852. В полемику с ним вступил А. С. Хомяков, написавший по-французски статью: Quelques mots par un chrétien orthodoxe sur les communion occidentales à l'occasion d'une brochure de m-er Laurentie. Paris, 1853 (*Хомяков А. С.* ПСС. М., 1900. Т. II.). На эту статью Хомякова Чаадаев написал возражение в форме «Замечаний на два места из брошюры А. С. Хомякова», которые публикуются в т. 1 наст. изд.

[2] Не совсем точная цитата из проповеди Ж. Б. Массильона Sermon pour le dimanche des Rameaux sur les écueils de la piété des grandes, напечатаная в книге Petit carême de Massillion, Paris, 1803, pp. 137–138. На экземпляре этой книги, имеющейся в библиотеке Чаадаева (*Каталог.* № 459), приведенная в письме цитата отчеркнута на полях красным карандашом, угол страницы загнут, а вся стр. 137–138 перегнута по вертикали пополам.

[3] См. примеч. 4 к № 171.

[4] Чаадаев опирается здесь на евангельские тексты: «Утешитель же, Дух Святый, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что́ Я говорил вам» (Иоан. 14, 26); «Я и Отец одно» (Иоан. 10, 30). Оба этих места отмечены карандашом на экземпляре Библии, принадлежавшей Чаадаеву (*Каталог.* № 137).

[5] Здесь Чаадаев допускает фактическую неточность, которую, по-видимому, стремится замаскировать при помощи весьма расплывчатого понятия «римская церковь». До так называемого разделения церквей в 1054 г. (или по крайней мере до 2-го Никейского собора, состоявшегося в 787 г.– последнего Вселенского собора, который одинаково признают и католическая и православная церковь) говорить о католичестве и православии, конечно, не приходится: христианская церковь в то время сохраняла единство, несмотря на целый ряд противоречий, обнаружившихся к тому времени между западной и восточной ее частями. Говоря «римская церковь», вместо общеупотребительного «католичество», Чаадаев, во-первых, маскирует прекрасно осознаваемую им хронологическую неточность (добавление filioque к символу веры впервые было принято на Толедском соборе 589 г. и затем повторено в решениях ряда западно-христианских соборов VII–IX вв., т. е. по крайней мере на два столетия раньше, чем утверждает Чаадаев), о чем свидетельствует излагаемая им ниже в письме «история» filioque; во-вторых, расширяя сверх допустимого отождествление «римской» церкви и католичества, он лишний раз подчеркивает, что «не папство создало историю Рима ⟨...⟩, но что напротив, именно история создала папство» (см. № 171), и вместе с тем незаметным для читателя образом усиливает свою мысль о том, что не догматические различия являются основой противопоставления двух

церквей, а та социальная роль, которую выполняет каждая из них в своем «полушарии» христианского мира.

[6] Согласно Никейскому символу веры, принятому на первом Вселенском соборе в 325 г., святой дух исходит от бога-отца.

[7] Александрийский священник Арий ок. 318 г. разработал богословское учение, согласно которому бог-сын (Иисус Христос) не «единосущен» богу-отцу; тем самым отвергалась божественная природа Христа, хотя он и признавался Арием и его последователями за «совершенное творение». Арианство, осужденное как ересь на первом (325 г.) и втором (381) Вселенских соборах. получило значительное распространение в «варварских» государствах Западной Европы. В Испании арианство господствовало до конца VI в., пока по решению 3-го Толедского собора (589 г.) испанские вестготы не приняли ортодоксальное христианство.

[8] Здесь, как и в первом письме к Долгоруковой, Чаадаев несколько идеализирует историю взаимоотношений католической церкви и светской власти на Западе.

[9] Ср. со словами православного философа XX века: Filioque — «наивное порождение излишнего благочестия и недоношенного богословия» (*Флоренский П.* Столп и утверждение Истины. М., 1914. С. 122).

173. М. А. Дмитриеву. 29 октября 1850

Публикуется по копии, хранящейся в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 324.

[1] Письмо М. А. Дмитриева к Чаадаеву от 25 апреля 1850 г. см. в «Приложениях», № LXII.

[2] И. И. Дмитриев, дядя М. А. Дмитриева.

[3] Вся эта печально-ироническая тирада «про нашу любимую Москву» пронизана намеками на славянофилов.

174. А. Я. Булгакову. 1850

Перевод выполнен по рукописи, хранящейся в *ГБЛ*, ф. 41, к. 143, ед. хр. 51, л. 1. Датировано Д. И. Шаховским.

[1] Имеется в виду «Окружное послание единой святой, соборной и апостольской Церкви ко всем Православным Христианам». Послание было ответом на окружное послание папы Пия IX от 6 января 1848 г. и содержало в себе предостережение против притязаний римского папства.

[2] К этому месту письма рукой О. А. Долгоруковой (дочери А. Я. Булгакова) по-французски сделано примечание: «Он хотел сказать для тебя».

[3] У А. Я. Булгакова было два зятя: П. Д. Соломирский, женатый на его старшей дочери Екатерине, и А. С. Долгоруков, женатый на Ольге. О ком из них говорит Чаадаев, неизвестно.

[4] Дмитрий Николаевич Блудов был в это время главноуправляющим 2-м отделением (кодификационным) собственной его императорского величества канцелярии.

175. А. А. Закревскому. Не ранее 1850

Публикуется по машинописной копии, хранящейся в *ИРЛИ*, ф. 334. ед. хр. 339, л. 1. Письмо написано не ранее 1850 г., что следует из его содержания. В имеющемся в библиотеке Чаадаева «Уставе Московского Художественного общества с историческим обозрением и списками членов оного» (М., 1850; *Каталог*. № 73) сказано, что Чаадаев принят в действительные члены общества «По баллотированию 13 апреля 1847 г.» (с. 40), а не в 1846 г. Первые два года (т. е. 1847 и 1848), по словам Чаадаева, он платил «членские взносы», а в конце письма говорится о «первой недоимке» (т. е. за 1849 г.), из чего можно заключить, что была, по крайней мере, еще одна «недоимка»– за 1850 год. 1850 год и следует считать наиболее вероятной датой письма. См. также ниже примеч. 1.

[1] Каждый из членов общества платил по 30 руб. серебром в год. Официальным председателем Общества являлся московский генерал-губернатор, соответственно чему 13 марта 1849 г. им был избран граф А. А. Закревский (см. «Устав...», с. 31), чем и объясняется обращение к нему Чаадаева.

О Московском художественном обществе подробнее см.: *Дмитриева Н.* Московское училище живописи, ваяния и зодчества. М., «Искусство», 1951.

176. М. П. Погодину. 1850

СП I. № 122. Датировано по упоминаемой диссертации П. В. Павлова (см. ниже примеч. 3).

Вероятно, имеется в виду одно из писем А. С. Пушкина к Чаадаеву, которое последний давал Погодину для ознакомления.

[2] Т. е. для публицистической деятельности М. П. Погодина, которой он активно занимался в эти годы.

[3] Речь идет о диссертации профессора П. В. Павлова «Об историческом значении царствования Бориса Годунова» (СПб., 1850), в которой исторические проблемы освещались с точки зрения так называемой родовой теории, согласно которой основное содержание истории России состояло в перерастании родовых отношений в государственные. Основная мысль относительно «царствования Бориса Годунова» сводилась к тому, что главные события этого времени являлись продолжением начинаний, возникших в предшествующем периоде истории. В № 8 «Москвитянина» (С. 117–135) М. П. Погодин напечатал разгромную статью по поводу диссертации П. В. Павлова (подробнее см.: *Цамутали А. Н.* Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977. С. 87–97).

177. С. Д. Полторацкому. 1850

Перевод выполнен Л. З. Каменской с оригинала, хранящегося в *ГПБ*, ф. 603, ед. хр. 213, л. 28–29. (В пер. Б. Н. Тарасова опубликовано в журнале «Наше наследие». 1988. № I. С. 69.) Письмо входит в состав коллекции из 18 писем Чаадаева, адресованных С. Д. Полторацкому. В отличие от остальных писем этой коллек-

ции настоящее письмо не датировано и не содержит никакого обращения. Нет на письме и обычной отметки С. Д. Полторацкого о времени его получения. Из содержания письма следует, что оно представляет собой черновой или краткий вариант первого письма Чаадаева к княгине Долгоруковой (№ 171), и поэтому его также следует датировать 1850 г.

Хотя в письме и не упоминается имя Ф. И. Тютчева, оно, несомненно, написано по поводу статьи последнего «Папство и римский вопрос». Подробнее см. № 171. Примечания, отмеченные в публикуемом письме звездочкой, соответствуют примечаниям 1–3 к № 171.

[1] Намек на Петра II Петровича Негоша, который в это время был правителем Черногории (франц. название: Монтенегро). Представители династии Негошей, правившие страной с начала XIII в. до начала 50-х гг. XIX в., носили официальный титул «владыки» (митрополита). «Разбойничьим гнездовищем» Черногория названа Чаадаевым, вероятно, по той причине, что в 1766–1773 гг. страной под именем русского царя Петра III правил Степан Малый. Сведения о нем и вообще о Черногории Чаадаев мог почерпнуть из книг: *Панов В. А.* Путешествие по землям западных и южных славян; М., 1844; *Попов А.* Путешествие в Черногорию. СПб., 1847. Первая из названных книг имеется в библиотеке Чаадаева (*Каталог.* № 54); с автором второй, хотя его книги и нет в библиотеке Чаадаева, он был лично знаком.

[2] Этими словами, никак не связанными с содержанием письма, начинается первое письмо Чаадаева к княгине Долгоруковой (№ 171).

178. М. Я. Чаадаеву. 9 марта 1851

Публикуется по машинописной копии, хранящейся в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 414.

[1] Выписка из письма М. Я. Чаадаева от 4 декабря 1850 г. (*ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 74, л. 30–30об.).

179. В. А. Жуковскому. 27 мая 1851

СП II. С. 323–325. Другая редакция этого письма напечатана там же, I. № 126. Копию этого письма Чаадаев распространял среди своих друзей и знакомых. В марте 1852 г. восторженный отзыв о письме прислал Ф. Н. Глинка (см. «Приложения», № LXVI).

[1] Последняя личная встреча Чаадаева и Жуковского состоялась в 1839 г. (см. № 97). Слова В. А. Жуковского о доме Чаадаева (что он «давным-давно уже держится не на столбах, а одним только духом») приводит в своих воспоминаниях М. И. Жихарев (*ВЕ.* 1871, сентябрь. С. 21), не называя Жуковского по имени.

[2] Жуковский жил в это время в Баден-Бадене и строил планы возвращения в Россию; но планам этим не суждено было осуществиться: он умер в Баден-Бадене 12 апреля 1852 г.

[3] Так называет Чаадаев представителей славянофильства.

[4] Речь идет о драме К. С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 г.», поставленной на сцене в Москве 14 декабря 1850 г. В тот же день в «Московских ведомостях» появилась анонимная статья с разбором пьесы, о которой писалось следующее: «историческая русская драма без прикрас, без фраз, без иностранных героев и интриг, во всей своей простой истине и исторической верности». Чаадаев, по-видимому, узнал, что автор пьесы и автор хвалебной статьи – одно и то же лицо.

[5] Статья и стихотворение Е. П. Ростопчиной, посвященные отъезду Фанни Эльслер из России. Статья начиналась словами: «Фанни!!.. Фанни Эльслер!!.. Очаровательная, восхитительная, невероятная, почти невозможная Фанни Эльслер!!!..– вот что звучит, что отдается в каждом сердце, чем полны еще теперь умы, глаза, мечты, воспоминанья всей Москвы... Фанни!... И неужто в самом деле мы с нею простились? Неужто мы не увидим ее больше», и заканчивалась стихотворением:

Не улетай, прелестное созданье,
Не покидай тобой плененный край!
Останься нам, сердец очарованье,
Не улетай!»

(Цит. по: *СП I*. С. 419).

180. А. Ф. Орлову. Июнь—июль 1851

СП I. № 127. О датировке см. ниже примеч. 1.

[1] Речь идет о книге А. И. Герцена «О развитии революционных идей в России», которая впервые была опубликована в 1851 г. по-немецки в журнале «Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leden» (Januar-Mai) и в том же году, отдельным изданием, по-французски в Ницце.

В главе «Литературное и общественное мнение после 14 декабря 1825 года» несколько страниц посвящено Чаадаеву. По воспоминаниям М. И. Жихарева, отзыв Герцена о Чаадаеве привел последнего в восхищение (*BE*. 1871, сентябрь. С. 49). Историю написания этого письма М. И. Жихарев излагает следующим образом: «Про существование книги ему (Чаадаеву.– *В. С.*) первый сказал граф А. Ф. Орлов, в самой середке лета случившийся в Москве проездом ⟨...⟩ Кажется, в тот же день и никак не позднее другого, Чаадаев написал и отослал к графу Орлову ⟨...⟩ письмо, про которое я не берусь говорить ни слова, потому что оно само себя достаточно резко, неумолимо и беспощадно характеризует. Письмо ⟨...⟩ осталось и без всякого ответа, и без всякого внимания ⟨...⟩ Очень скоро после написания и отправления письма к графу Орлову копию с него Чаадаев прислал ко мне, в то же время назначая на другой день с ним где-то вместе обедать. Когда мы перед обедом сошлись, Чаадаев стоял спиной к печке, заложив руки за спину. Я подал ему письмо и сказал, что не ему же растолковывать значение его поступка, что он сам лучше всякого другого его понимает, но что только не могу постигнуть, для чего он сделал такую ненужную низость? Чаадаев взял письмо, бережно его сложил в маленький портфельчик, который всегда

носил при себе и, помолчав с полминуты, сказал: „Mon cher, on tient à sa peau" (надо, мой милый, беречь свою шкуру). Больше об этом предмете между нами никогда не было сказано ни слова.

Думаю, что это самая крупная и единственная низость этого рода, сделанная им в продолжение всей жизни, без сомнения неизвинительная, но надобно признаться, много изъясняемая возрастом в то время уже преклонным, неудовлетворительным состоянием здоровья, а главным образом общим нравственным расстройством и упадком от стесненного материального положения» (*ВЕ*. 1871, сентябрь. С. 50–51).

[2] Вся эта ультра-патриотическая тирада носит явно иронический характер. Письмо, несомненно, написано из «тактических» соображений – может быть, с целью приобрести книгу Герцена в личное пользование, или хотя бы ознакомиться с ней, чего без помощи шефа жандармов осуществить было невозможно. Книга, вероятно, была получена (см. № 181, 191 А и примеч. 1 к нему). Почти одновременно с этим письмом Чаадаев написал письмо к А. И. Герцену (№ 181).

181. А. И. Герцену. 26 июля 1851

СП I. № 128. Это единственное письмо, написанное Чаадаевым к А. И. Герцену за границу. Подробнее о взаимоотношениях Чаадаева и Герцена см.: *Степанов Н. Н.* Герцен и Чаадаев // Общественная мысль в России XIX в. Л., 1986. С. 91–107; *Чемерисская М. И.* П. Я. Чаадаев и А. И. Герцен // Общественное движение в России XIX века. М., 1986. С. 83–108.

[1] Строки, посвященные Чаадаеву в книге А. И. Герцена «О развитии революционных идей в России» (см. примеч. 1 к № 180).

181А. М. И. Жихареву (отрывок) (1851)

СП II. С. 288. Чаадаев имеет в виду *ФП I*, опубликованное в 1836 г., чем и определяется датировка письма. Излагая чью-то оценку *ФП I*, Чаадаев скорее всего имеет в виду А. И. Герцена, который как раз в этом году издал книгу «О развитии революционных идей в России», где писал: «Публикация этого письма была одним из значительнейших событий».

182. С. Д. Полторацкому. Октябрь 1851

Перевод выполнен с оригинала, хранящегося в *ГПБ*, ф. 603, ед. хр. 213, лл. 23–24. На подлиннике рукой С. Д. Полторацкого сделана надпись по-французски: «‹Получено› в Москве, во вторник вечером, 23 октября/4 ноября 1851».

«Глупая брошюра», «глупое письмо» – так иногда называл Чаадаев свое первое «Философическое письмо» (см. № 203). Возможно, что и в этом случае он имеет в виду его же.

[2] Задержка, вероятно, вызвана тем обстоятельством, что Чаадаев давал «глупую брошюру» на прочтение Е. А. Свербеевой, а та – Хомякову (см. № 185).

183. А. Я. Булгакову. 1851

Публикуется с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 41, к. 143, ед. хр. 51, л. 36. Написано по-русски.

[1] Письмо В. А. Жуковского, о котором говорит здесь Чаадаев, вероятно, то самое, о котором он писал Жуковскому 27 мая 1851 г. (№ 179): «На днях показывал мне Булгаков письмецо ваше о наших проделках...» Этим и определяется дата публикуемого письма.

184. А. Я. Булгакову. Не ранее 1851

Перевод выполнен с оригинала, хранящегося в *ГБЛ,* ф. 41, к. 143, ед. хр. 51, л. 2. Письмо написано на бумаге с водяным знаком «J. Whatman 1851», чем и определяется дата написания.

[1] В иностранных журналах и газетах, поступавших в Россию (в том числе и в Journal des Débats, о которой идет речь в письме), русская цензура часто вырезала или замазывала краской отдельные места, а иногда и целые статьи, которые с ее точки зрения были предосудительны. А. Я. Булгаков, будучи московским почт-директором, имел возможность снабжать своих друзей «нератинированными» номерами иностранной прессы.

184А. М. И. Жихареву

Публикуется с рукописи перевода, хранящейся в *ИРЛИ,* ф. 334, ед хр. 336. Датируется на основании упоминания письма В. А. Жуковского, о котором см. №№ 179, 183.

[1] Возможно, речь идет о письме Чаадаева к А. Ф. Орлову (см. № 180 и примеч. 1 к нему). В пользу этого предположения говорит и тот факт, что ниже в письме сам Чаадаев квалифицирует некий свой поступок как «грех» и «секрет».

185. Е. А. Свербеевой. 1851 (?)

Перевод выполнен по копии, хранящейся в *ИРЛИ,* ф. 334, ед. хр. 379–388, л. 27. Датируется приблизительно, по содержанию.

[1] Вероятно, та самая «глупая брошюра», о которой Чаадаев писал С. Д. Полторацкому в октябре 1851 г. (см. примеч. 1 к № 182 и № 203).

186. Кузине. Март 1852

СП II. № 166. Адресат письма – кузина Чаадаева, т. е. либо Н. Д. Шаховская либо Е. Д. Щербатова, к которым он часто обращался за денежной помощью. Датируется на основании упоминания свидетельства на предоставление в залог в Опекунский совет части имения М. Я. Чаадаева. 30 апреля 1851 г. М. Я. Чаадаев сообщал в письме к брату, что прошение о выдаче свидетельства послано им в Нижегородскую гражданскую Палату 2 апреля. Свидетельство на этот раз не было выдано, так как М. Я. замедлил с его получением, о чем Чаадаеву сообщил А. Е. Венцель (см. *ГБЛ,* ф. 103, п. 1032, ед. хр. 10, л. 11–11 об.). 18 февраля 1852 г.

М. Я. Чаадаев направил в Нижегородскую гражданскую Палату новое прошение о выдаче свидетельства. По-видимому, это свидетельство и ожидал П. Я. Чаадаев. В таком случае, праздники, о которых упоминается в письме — это Пасха, первый день которой в 1852 г. приходился на 30 марта. Вместе с тем, письмо не могло быть написано после 1852 г., так как в конце этого года между братьями Чаадаевыми, по-видимому, наступил разрыв отношений (см. №№ 189, 190), и ждать «свидетельство» от брата после этого П. Я. Чаадаев уже не мог. Поэтому письмо следует датировать мартом 1852 г.

187. М. Я. Чаадаеву. 29 апреля 1852

Публикуется по машинописной копии, хранящейся в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 416.

[1] См. письмо М. Я. Чаадаева от 5 апреля 1852 г. в «Приложениях», № LXVIII.

[2] Чаадаев намекает на то, что в случае его смерти его долги перейдут на брата. В действительности так и получилось.

По свидетельству П. Л. Бетлинга, соседа М. Я. Чаадаева по нижегородскому имению, тот читал ему «переписку его с графом Закревским об уплате им, Михаилом Яковлевичем за Петра Яковлевича тысяч около десяти долгу графу» (*ГАГО*, ф. 765, оп. 597. ед. хр. 290, л. 16–16 об.). Далее П. Л. Бетлинг сообщает интересные подробности об имущественных делах, и вообще об отношениях братьев Чаадаевых: «П. Я. свое имение прожил ⟨...⟩ М. Я. определил раз навсегда давать из своих доходов на содержание П. Я-чу ⟨...⟩ 7000 руб. ассигнациями ⟨...⟩ М. Я. осуждал брата за статью, за которую он был сочтен сумасшедшим» (там же, л. 16об.–17).

О денежном долге П. Я. Чаадаева А. А. Закревскому см. в «Приложениях» две записки последнего 1856 г. №№ LXXIV, LXXV.

188. С. Д. Полторацкому. 5 августа 1852

Перевод выполнен с оригинала, хранящегося в *ГПБ*, ф. 603, ед. хр. 213, л. 25–25 об. На письме имеется надпись по-французски рукою С. Д. Полторацкого: «Получено в Петербурге, в четверг 17 августа 1852 г.».

[1] О каком стихотворении идет речь, неизвестно. Автором его, как следует из письма, является обладатель инициалов «Ѳ. Ш.», Полторацкий, видимо, полагал, что автором является митрополит Филарет, известный тем, что в свое время написал поэтический ответ на стихотворение А. С. Пушкина «Дар случайный, дар напрасный». Чаадаев усмотрел несоответствие инициалов Филарета инициалам автора неизвестного стихотворения, о чем и сообщает Полторацкому.

[2] Вероятно, имеется в виду библиограф и библиофил, московский острослов С. А. Соболевский.

[3] Среди бумаг Чаадаева, хранящихся в *ГБЛ*, имеется «Отрывок из письма княгини Ливен к великой княгине Марии Николаев-

не» (ф. 103, а. 1032, ед. хр. 27). Это письмо и имеет в виду Чаадаев. «Президент», о котором идет речь,– Луи Бонапарт.

[4] С художником П. А. Федотовым Чаадаев познакомился через посредничество Ф. И. Прянишникова, письмо которого от 4 февраля 1850 г. см. в «Приложениях», № LXI. Говоря о «бедняге Федотове», Чаадаев намекает на тяжелое психическое расстройство, которым тот страдал, и вместе с тем дает ироническую оценку намерениям Луи Бонапарта «восстановить пошатнувшуюся власть в Англии».

189. М. Я. Чаадаеву, 15 октября 1852

Публикуется по машинописной копии, хранящейся в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 416. Опубликовано в журнале «Наше наследие», 1988. № 1. С. 68.

[1] Чаадаев имеет в виду свое письмо от 29 апреля 1852 г. (№ 187). Ответ на него М. Я. Чаадаева неизвестен.

[2] См. примеч. 14 к № 154.

[3] О смерти тетушки княжны А. М. Щербатовой Чаадаев писал брату в письме от 12 марта 1852 г. (*ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 416, л. 20). Слова Чаадаева противоречат утверждению М. И. Жихарева о том, что М. Я. Чаадаев отказался в пользу брата от двух полученных ими наследств; см. примеч. 1 к № 154.

190. М. Я. Чаадаеву. 20 октября 1852

Публикуется по машинописной копии, хранящейся в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 416, л. 23–24.

[1] Чаадаев имеет в виду свое письмо от 15 октября 1852 г. (№ 189).

[2] Это последнее письмо Чаадаева к брату, по-видимому, осталось без ответа.

191. А. Я. Булгакову. 1852

Перевод выполнен по рукописи, хранящейся в *ГБЛ*, ф. 41, к. 143, ед. хр. 51, л. 32. Датируется по содержанию.

[1] Наместником на Кавказе был с 1844 по 1854 г. князь М. С. Воронцов.

[2] В конце 1851 г. Хаджи-Мурат, поссорившись с Шамилем, перешел на сторону русских, которые предполагали воспользоваться популярностью Хаджи-Мурата среди горцев для привлечения их на свою сторону. Однако ввиду того, что русские власти не оказали ему помощи в освобождении семьи, Хаджи-Мурат в апреле 1852 г. бежал от русских в горы и во время перестрелки был убит. Последнему периоду его жизни и смерти посвящена повесть Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат».

[3] Речь идет о вдове поэта Е. А. Жуковской (урожд. Рейтерн) и его сыне Павле (1845–1912).

191А. М. И. Жихареву

Публикуется с рукописи перевода, хранящейся в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 336. О датировке см. ниже прим. 1, 2, 4.

[1] А. Ф. Орлов или А. П. Ермолов; «немецкая брошюра, написанная американцем», это, по-видимому, брошюра А. И. Герцена «О развитии революционных идей в России», впервые опубликованная по-немецки в 1851 г. «Американцем» Чаадаев назвал здесь А. И. Герцена, видимо, из соображений конспирации. Подробнее о брошюре А. И. Герцена см. № 180 и примеч. 1 к нему.

[2] В рукописи перевода в этом месте сноска на полях: «А. де Сиркур в 1848 г. непродолжительное время был французским послом в Берлине». Выражение «Великая Басманная» не встречается ни в одном из сохранившихся писем Сиркура. По-видимому, это выражение употреблено им в несохранившемся письме 1852 г. (см. примеч. 2 к № 197).

[3] От фр. boutada – остроумная шутка, каламбур.

[4] Здесь такая же сноска Д. И. Шаховского: «Гоголь». Ср. эти слова Чаадаева с характеристикой Гоголя в письме к П. А. Вяземскому от 29 апреля 1847 г.: «писатель даровитый, закуренный ладаном с ног до головы» (см. № 139). «Произведение» М. И. Жихарева, о котором шла речь выше, было, по-видимому, посвящено Н. В. Гоголю.

192. М. П. Погодину. 1852

СП I. № 130. Датировано М. О. Гершензоном по содержанию.

[1] Повесть И. Т. Кокорева «Саввушка» была напечатана в двух августовских книжках журнала «Москвитянин» за 1852 г.

[2] Неточная цитата из XXVIII-й строфы третьей главы «Евгения Онегина» А. С. Пушкина.

[3] Приобретение «древлехранилища» (см. примеч. 1 к № 148) М. П. Погодина казной состоялось в начале августа 1852 г.

193. Ф. И. Прянишникову. 10 января 1853

Публикуется по копии, хранящейся в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 375. В рукописи дата «1853» исправлена на «1850», что не соответствует действительности, так как Я. П. Полонский, о котором говорится в письме, до 1851 г. находился в Тифлисе. Письмо снабжено примечанием Д. И. Шаховского, из которого следует, что письмо Чаадаева к Ф. И. Прянишникову 1850 г. действительно существовало («у меня в желтой тетради»,– сообщает Д. И. Шаховской), но оно не может быть датировано ранее февраля 1850 г., так как написано в ответ на письмо последнего от 4 февраля (см. «Приложения», № LXI). Местонахождение письма Чаадаева к Ф. И. Прянишникову 1850 г., а также «желтой тетради» Д. И. Шаховского в настоящее время неизвестно.

[1] С поэтом Я. П. Полонским Чаадаев познакомился в начале 40-х гг. в доме М. Ф. Орлова, с сыном которого Полонский учился в Московском университете. «В этом доме,– вспоминал впоследствии Я. П. Полонский,– впервые встретил я и Хомякова, и про-

фессора Грановского ‹...›, и Чаадаева, и даже молодого Ивана Сергеевича Тургенева» (Звенья. М., 1950. Кн. VIII. С. 156).

По свидетельству некоторых современников, «развитием своего поэтического таланта Полонский ‹...› главным образом обязан знакомству с П. Я. Чаадаевым, М. Ф. Орловым и другими крупными представителями тогдашнего московского общества» (*Барсуков*. Кн. 11. С. 416).

Среди бумаг Чаадаева имеется посвященное ему стихотворение Я. П. Полонского:

«Я признаюсь тебе, любимец давний муз,
Недавно заключил я с музою союз
‹...›
.... Кто в дальнюю дорогу
Сбирается идти, взяв в руки посох свой,
Тот говорит друзьям: «Друзья! Молитесь Богу!»
‹...›
Я ж только дверь мою в раздумьи отворил.
Идти ль, не испытав вполне мне данных сил?...
И посох крепок ли?... Молись, Чадаев, Богу!
За путника молись...»

(*ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 45).

194. А. Я. Булгакову. 25 июня 1853

Перевод выполнен с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 41, к. 143, ед. хр. 51, л. 14. Датируется на следующих основаниях: письмо написано на той же почтовой бумаге, что и № 195: на бумаге голубого цвета с водяным знаком «Lacroix frеres»; день рождения «славного императора» – Николая I – 25 июня ст. стиля.

[1] Чаадаев имеет в виду свой литографированный портрет, о котором см. № 142 и примеч. 2 к нему, № 150 и примеч. 1 к нему.

Чаадаев, охотно даривший свой портрет друзьям и знакомым, видимо, до самой смерти не смог раздарить все имеющиеся у него экземпляры (всего их было 200). М. И. Жихарев рассказывает, что уже после смерти Чаадаева Московскому Английскому клубу «был подарен портрет Чаадаева. Меньшинство этот портрет приняло с удовольствием и даже повесило его на стену; большинство же подняло такой гвалт, что его дня через два должны были снять. Очевидцы мне пересказывали, что волнения, подобного тому, которое произошло по случаю портрета в клубе, никто не запомнит (в смысле: не упомнит.– *В. С.*). В этот раз было с большою основательностью сказано: „Нужно быть действительно человеком необыкновенным, чтобы возбуждать такие страсти и такую непависть к себе восемь лет спустя после смерти“» (*ВЕ*. 1871. сентябрь. С. 40).

[2] См. примеч. 1 к № 184.

195 А. Я. Булгакову (1853)

Перевод выполнен с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 41, к. 143, ед. хр. 51, л. 38.

[1] С Н. Ф. Павловым Чаадаев, по-видимому, был знаком с первой половины 30-х годов. Он восторженно отзывался о «Трех повестях» Н. Ф. Павлова (см. письмо к А. И. Тургеневу 1835 г. № 70), ему же он подарил один из оттисков «Философического письма», напечатанного в «Телескопе». Среди бумаг Чаадаева, хранящихся в *ГБЛ*, имеются рукописные копии некоторых стихотворений Павлова: «В тебе, столица скучная...», «Не говори, что сердцу больно...», «Он вытерпел всю горечь срама...» (ф. 103, п. 1034, ед. хр. 48; в описи *ГБЛ* авторство Н. Ф. Павлова не указано). По воспоминаниям Н. А. Арсеньева, «единственным достойным оппонентом Чаадаеву являлся Н. Ф. Павлов ‹...›, который постоянно разбивал все доводы Чаадаева и заставлял присутствующих соглашаться с своим мнением» (*ИВ*. 1887, январь. С. 81). Тем не менее в сознании большинства современников Чаадаев и Н. Ф. Павлов в равной степени являлись представителями западничества. «Главными самыми исключительными защитниками западной цивилизации, – пишет А. И. Кошелев, – были Грановский, Герцен, Н. Ф. Павлов и Чаадаев» (Записки А. И. Кошелева. Берлин, 1884. С. 55). «Дом Павловых, – вспоминал 40-е гг. Б. Н. Чичерин, – на Сретенском бульваре был в то время одним из главных литературных центров в Москве. Николай Филиппович находился в коротких сношениях с обеими партиями ‹...›, с славянофилами и западниками. Из славянофилов Хомяков и Шевырев были его близкими приятелями ‹...› С другой стороны, в таких же приятельских отношениях он состоял с Грановским и Чаадаевым» (Воспоминания Б. Н. Чичерина. Москва сороковых годов. М., 1929. С. 5).

Арест Н. Ф. Павлова в 1853 г. (и последовавшая затем ссылка в Пермь) был вызван жалобой его жены поэтессы К. К. Павловой московскому генерал-губернатору А. А. Закревскому, в которой она обвиняла мужа в разорении ее имения картежной игрой. В доме Павлова был произведен обыск, при котором были обнаружены запретные книги и письмо Белинского к Гоголю. Семейная ссора была превращена в политическое дело. Граф Закревский, на которого Н. Ф. Павлов еще в 1849 г. написал одну из самых хлестких своих эпиграмм, давно ждал случая расправиться с ним. Эпиграмма Павлова начиналась словами:

«Не молод ты, не глуп, не вовсе без души,
Зачем же в городе все толки и волненья?
Зачем же роль играть российского паши
И объявлять Москву в осадном положенье?».

(*Павлов Н. Ф.* Сочинения. М., 1985. С. 240).

196. Ф. Ф. Вигелю. 1853

СП 1. № 156. В *СП* отнесено к письмам «неизвестных лет». Здесь датируется приблизительно (см. ниже примеч. 1).

[1] Ф. Ф. Вигель окончательно поселился в Москве в самом начале 50-х гг. Однако знакомство с ним Чаадаева произошло гораздо раньше, о чем Вигель писал А. Д. Блудовой в своем письме от 15 августа 1838 г.: «Неужели Вы думаете, что я колеблюсь стать другом г. Чаадаева: более двух месяцев тому назад я был приглашен обедать с ним в небольшой компании у г-жи Ховриной ‹...›

Я не ожидал этой встречи и его появление было мне очень неприятно ⟨...⟩ Я был очень молчалив, он также принимал мало участия в разговоре, несмотря на усилия хозяйки заставить нас говорить. Все же за обедом я не удержался и несколько раз задирал его, но он намеренно не отвечал; можете себе представить мое смущение, когда хозяйка дома вздумала после обеда представить нас друг другу. Он принял очень скромный вид, я же молча смотрел то на одного, то на другую, затем взял шляпу и удалился. Вскоре после этого случая я был весьма удивлен, узнав, что он высказывал некоторым из моих знакомых желание сблизиться со мною. Еще больше меня удивила встреча с ним в Английском клубе, он был так мил и любезен со мной, я отвечал ему очень вежливо, но холодно, особенно стараясь избегать острых вопросов. Я привык встречать его в этом клубе, куда я довольно часто хожу читать газеты. ⟨...⟩ Иногда я вижу в глубине галереи человека, погруженного в чтение; при виде меня он дружелюбно улыбается и подходит ко мне. У него задумчивый вид, скромный, но опрятный костюм, мягкие, но полные достоинства манеры, благородная осанка, приятный голос и очень интересный разговор.

Признаюсь, я чувствовал себя очень хорошо с этим человеком, особенно после глупых шуток и нелепых вопросов, которые так часто приходится слышать. Мало-помалу я примирился с ним, тем более, что его личность совсем не похожа на его произведения.

Мы говорим о Западе и о католицизме, редко спорим: он как-то осторожно высказывается, скорее старается узнать ваши взгляды и нередко соглашается с вами. С своей стороны я тоже стараюсь быть сдержанным и терпимым. Он массу читал (собственно говоря, он только это и делал всю жизнь), очень самолюбив и одарен богатой фантазией, неудивительно поэтому, что иногда он бывает так близок к крайностям. Кроме того никто ему раньше не противоречил: его слушатели или совсем ничего не слыхали, или молчали, или же аплодировали. Не знаю, удастся ли мне сделать его более благоразумным, я знаю только одно: меня ему не удастся свести с ума. Я возмущался раньше, воображая, что он пользуется слишком большим влиянием среди москвичей; как я ошибался! Этот бедный Чаадаев, так охотно принимающий приглашения на обед, вместо того, чтобы самому давать их, просто нуль в этом городе амфитрионов: его считают одним из оригиналов (их довольно много в Москве), если это и так, то все же это оригинал совсем иного рода, чем остальные. Надо Вам сказать, что в этой огромной пустыне все же имеется несколько оазисов; здесь есть небольшие кружки, где собираются живые люди, некоторые ученые и писатели; каждый из них положительно царит в своем кружке. Так Чаадаев царит в доме неких Левашевых и еще в двух других, его власть не простирается дальше: как видите, опасность прозелитизма не так уж велика. Я уверен, что ему более льстило возмущение некоторых петербуржцев, чем полное безразличие, которым его здесь угощают. Чтобы покончить с этим, я должен покаяться, что был слишком нетерпим к произведениям Чаадаева, необходимо спокойнее относиться к его преступным крайностям, вроде того как я относился к подобным же выходкам Одоевского» («Сегодня». Альманах первый. М., 1926. С. 136–137).

В сентябре 1853 г., уже переселившись в Москву, Ф. Ф. Вигель написал и распространил в рукописях злобный памфлет «Москва

и Петербург (Письмо к приятелю в Симбирск)», в котором, в частности, о Чаадаеве говорилось, как о «сочинителе без сочинений и ученом без познаний», а «отель-Левашев. (...) который в шутку называли отель-Рамбулье», квалифицировался как общество «руссофобов, а еще гораздо более... руссофобок» (далее Вигель сочувственно цитировал строчки из «Современной песни» Д. Давыдова о «старой девке-стрекозе» и «маленьком аббатике») (*РА*. 1893. № 8. С. 578, 579).

По-видимому, этот памфлет и стал кульминацией их и без того натянутых отношений, результатом чего и явилось публикуемое письмо Чаадаева.

Памфлет Вигеля не остался без ответа; кто-то из московских писателей отвечал ему стихами, где следующие строки:

«Ты, с виду кающийся мытник,
России самозванный сын,
Ее непрошенный защитник,
На все озлобленный мордвин»
(*РА. 1893. № 8. С. 584*)

Хлесткую эпиграмму на Вигеля сочинил и С. А. Соболевский:

«Ах, Филипп Филиппыч Вигель,
Как жалка судьба твоя!
По-немецки ты Швейнигель *,
А по-русски ты свинья».

(цит. по: *Смирнова А. О.* Записки, дневник, воспоминания, письма. М., 1929. С. 175).

² Говоря о «прекрасных свойствах» Вигеля и о том «уважении», которым он пользуется в обществе, Чаадаев, вполне возможно, имеет в виду известное стихотворение А. С. Пушкина «Из письма к Вигелю» (1823), в котором недвусмысленно намекалось на противоестественные наклонности Вигеля (В своем дневнике А. С. Пушкин записал 7 января 1834 г.: «Я люблю его (Вигеля.– *В. С.*) разговор – он занимателен и делен, но всегда кончается толками о мужеложестве»).

³ Чаадаев, по-видимому, не исполнил свою угрозу и даже не отправил своего письма адресату. Никто из мемуаристов, писавших о Чаадаеве, об этом его послании к Вигелю не упоминает. Личные же контакты Чаадаева с Вигелем продолжались до самой смерти их обоих (оба умерли в один год: Вигель 20 марта, Чаадаев – 14 апреля 1856 г.).

Их довольно частые встречи зафиксированы в неопубликованных воспоминаниях М. А. Дмитриева. «Всего любопытнее было видеть его (Вигеля.– *В. С.*) вместе с Чаадаевым,– пишет М. А. Дмитриев, на чьих «пятницах» они часто встречались.– Чаадаев, человек благородных слов и высокого духа, был порядочно самолюбив и понимал свое достоинство; но его ценили не за один ум, а также и за его чистый, безукоризненный характер. Вигель чувствовал к нему зависть, видя в нем единственную помеху к своему первенству в московском обществе. Одним словом, признавая в Москве только две патентованные умственные силы, себя и Чаадаева, он

* Schweinigel (*нем.*) – свинья, похабник.

никак не мог победить в себе этого чувства соперничества; они двое в Москве делили между собою область ума, и никак не могли согласиться в этом разделе! Оба они хотели первенства. Но Чаадаев не показывал явно своего притязания на главенство, а Вигель дулся и томился, боясь беспрестанно второго места в мнении общества: он страдал и не мог скрыть своего страдания. Иногда, правда, и Чаадаев изменял свему аристократическому, величавому хладнокровию: сколько раз случалось, что Вигель приедет ко мне ранее всех, часов в семь, и садится на диване, как на первом месте, а Чаадаев приедет всех позже, часов в одиннадцать. Видя Вигеля на почетном месте, он с досады сядет на последнем стуле, да и страдает целый вечер! Впрочем, они и разговаривали друг с другом, только все как-то с некоторою осторожностью и как будто с принуждением ⟨...⟩

В последний приезд свой в Москву (это было без меня; я жил в деревне) Вигель, после долгого размышления, объявил, что хочет быть у Чаадаева. Чаадаев, услышав об этом, сказал, что готов сам сделать ему первый визит. Но ни тот, ни другой не ехали. Наконец, Вигель занемог и вскоре умер; Чаадаев действительно сделал визит ему первый, но приезжал уже поклониться его телу. Нынче обоих нет на свете; смерть примирила соперников. О, самолюбие человеческое!» (*ГБЛ,* ф. 178, к. 8184, № 2, л. 148–149 об.)

197. А. де Сиркуру. 15 января 1854

Публикуется по копии перевода, хранящейся в *ИРЛИ,* ф. 334, ед. хр. 400. Опубликовано в журнале «Наше наследие». 1988. № 1. С. 70–71.

[1] Незаконченное (и, по-видимому, неотправленное) письмо к Сиркуру датировано тем же числом, что и статья Чаадаева «L'Univers». Видимо, оставив письмо незаконченным, Чаадаев взялся за написание статьи (см. ее в т. 1 наст. изд.). Однако по содержанию письмо и статья существенно различаются: письмо посвящено в основном критике русской социально-политической действительности, статья – рассмотрению истории России и значению крепостного права, хотя ее окончание содержит одну из наиболее острых оценок русской действительности. Письмо Чаадаева, как и статья, написано в условиях надвигающейся войны России с коалицией европейских держав, объявленной 14 марта.

О намерении Чаадаева отослать письмо адресату см. № 198.

[2] Письмо Сиркура неизвестно.

[3] Имеется в виду государственный переворот 2 декабря 1851 г., совершенный Луи Бонапартом. Оценке этого события и личности Луи Бонапарта посвящена статья Чаадаева «1851» (см. т. 1 наст. изд.).

[4] 2 апреля 1848 г. по указу Николая I был учрежден негласный комитет, председателем которого до 1849 г. был Д. П. Бутурлин, который рассматривал уже вышедшие в свет издания и докладывал царю обо всем «противоречащем видам правительства». По докладам «Бутурлинского комитета» в 1848 г. был выслан М. Е. Салтыков, в 1852 г.– И. С. Тургенев. Таким образом, слова Чаадаева о «роковой распущенности прессы», которой, наконец, положен предел, выглядят явной иронией.

[5] Число обучающихся в университетах было доведено до 300 человек.

[6] Имеется в виду Благородный пансион при Московском университете, преобразованный в 1833 г. в дворянский институт. Благородный пансион в разное время закончили: А. П. Ермолов, А. С. Грибоедов, М. Ю. Лермонтов, В. Ф. Одоевский, многие декабристы. В 1797–1800 гг. в нем учился будущий воспитатель Александра II В. А. Жуковский, который умер в 1852 г.

[7] По указу 1851 г. была установлена за полгода пребывания за границей пошлина в размере 250 руб. с каждого лица, внесенного в заграничный паспорт.

[8] Об административной политике Николая I см. примеч. 2 к № 61.

[9] В начале 50-х гг. В. А. Перовского на посту министра внутренних дел сменил Д. Г. Бибиков, бывший до этого киевским генерал-губернатором.

[10] В 1850 г. министром народного просвещения вместо подавшего в отставку С. С. Уварова был назначен кн. П. А. Ширинский-Шихматов, о котором один из современников писал: «Его научное знание ничтожно, образование чрезвычайно поверхностное, а взгляды рутинера» (*РС*. № 2. С. 132).

[11] Имеется в виду III Отделение, начальником которого с 1844 г. был А. Ф. Орлов.

[12] В 1848 г. генерал-губернатором Москвы был назначен граф А. А. Закревский, который, по словам Б. Н. Чичерина, был «настоящим типом николаевского генерала, олицетворением всей наглости грубой, невежественной и ничем не сдержанной власти» (Воспоминания Б. Н. Чичерина. Москва сороковых годов. М., 1829. С. 78). С этим николаевским деспотом, «чурбан-пашой», как звал его весь Петербург (см. *Смирнова А. О.* Записки, дневник, воспоминания, письма. М., 1929. С. 257), у Чаадаева сложились весьма своеобразные отношения. По словам Д. Н. Свербеева, Закревский «всегда принимал в нем (Чаадаеве.– *В. С.*) участие» (*Свербеев.* Т. 2. С. 394) и помог выйти Чаадаеву «из затруднительного положения перед самой его кончиной» (там же. С. 408) (см. записки Закревского к Чаадаеву в «Приложениях», №№ LXXIV, LXXV). Вообще в глазах людей, близко знавших Чаадаева, его отношения с Закревским вызывали некоторые подозрения. Так, Д. Н. Свербеев в письме к жене от 29 сент.–1 окт. 1855 г. писал: «Мне сдается, что Закревский недаром сблизился с Чаадаевым; он сделает из него славного шпиона, особливо за славянами (т. е. славянофилами.– *В. С.*), и так, что сам Чаадаев этого никогда не заметит» (Звенья. М.; Л., 1934. Кн. III–IV. С. 385). Но, как видно из публикуемого письма, отношение Чаадаева к Закревскому было не вполне искренним; то же самое следует сказать и об отношении Закревского к Чаадаеву; как сказано в примеч. 1 к № 161, первый настоял, чтобы над Чаадаевым продолжался «секретный надзор».

[13] О жене А. А. Закревского Аграфене Федоровне и их дочери Лидии Арсеньевне Нессельроде см.: Воспоминания Б. Н. Чичерина. Москва сороковых годов. М., 1929. С. 92.

198. Н. Д. Шаховской. 1854

СП II. № 133, где датируется 1852–1854 г.; в наст. изд. принята дата 1854 г. на основании упоминания письма к Сиркуру (см. примеч. 1).

[1] Речь идет, вероятно, о письме к А. де Сиркуру от 15 января 1854 г. (№ 197).
[2] Е. Д. Щербатова.

199. Н. Д. Шаховской. 1854

СП II. № 134, где датируется 1852–1854 г.; в наст. изд. принята дата 1854 г. по связи с содержанием предыдущего письма.

[1] См. № 198 и примеч. 1 к нему.
[2] Историка М. М. Щербатова.

200. А. Я. Булгакову. Июнь 1854

Перевод выполнен с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 41, к. 143, ед. хр. 51, л. 12. Датируется по содержанию.

[1] А. Я. Булгаков жил в Сокольниках.
[2] Имеются в виду победы, одержанные над турками кн. Андрониковым и генералом Бебутовым в мае–июне 1854 г. (подробнее см.: *Тарле Е. В.* Крымская война. М.; Л., 1950. Т. II. С. 520–521).
[3] Ср. с мнением современного историка: «...Решающего значения эти победы, как и вся кампания в Закавказье и Малоазиатской Турции, не имели» (*Тарле Е. В.* Крымская война. С. 521).
[4] Вероятно, речь идет о «Записках охотника» И. С. Тургенева. Отзыв Чаадаева об этой книге известен со слов П. В. Анненкова: «В 1852 г. графиня Ростопчина,... получив книгу, заметила перед Чаадаевым: „Voilà un livre incendiaire“.– „Потрудитесь перевести фразу по-русски, – ответил Чаадаев, – так как мы говорим о русской книге“. Оказалось, что в переводе фразы – зажигающая книга – получится нестерпимое преувеличение» (*Анненков П. В.* Литературные воспоминания. М., 1960. С. 393).

Факт личного знакомства Чаадаева с И. С. Тургеневым зафиксирован, например, свидетельством Е. М. Феоктистова. «Я не знал Чаадаева лично, – писал он, – ибо был еще очень молод, когда он пользовался своею славою, но мне приходилось встречать его раза два или три у И. С. Тургенева» (Воспоминания Е. М. Феоктистова. За кулисами политики и литературы. 1848–1896. Л., 1929. С. 78).

О знакомстве И. С. Тургенева и Чаадаева свидетельствует надпись И. С. Тургенева на шмуцтитуле рукописи «Нахлебник. Комедия в 2-х действиях. И. С. Тургенев. Писана в 1849 г.»: «Петру Яковлевичу Чаадаеву в знак искренней дружбы от автора» (Бюллетени Гос. Лит. Музея. № 5: Герцен, Огарев и их окружение. Рукописи, переписка и документы. М., 1940. С. 401).

201. С. П. Шевыреву. Октябрь 1854

СП I. № 138. Датируется по содержанию.

[1] В газете «Московские Ведомости» в №№ 71, 117, 118 и 119 (от 15 июня, 30 сентября, 2 и 5 октября соответственно) за 1854 г.

были опубликованы первые две главы исследования П. Бартенева «А. С. Пушкин. Материалы для его биографии».

[2] В № 118 П. Бартенев писал, что Карамзин «любовался молодым поэтом, предостерегал, удерживал, берег его; и после спас в одну из решительных минут его жизни». Эти слова и имеет в виду Чаадаев в своем письме (см. коммент. к № 12).

[3] Выделенные курсивом слова – прозаический пересказ стихотворного послания А. С. Пушкина «Чаадаеву» (1821).

[4] С просьбой написать воспоминания о Пушкине к Чаадаеву обращался М. П. Погодин в 1847 г. (см. его письма к Чаадаеву от 22 октября и 3 ноября 1847 г.– «Приложения», №№ LIV и LV, см. также № 141).

[5] О Чаадаеве П. Бартенев писал в 3-й главе своего исследования, опубликованной в «Московских Ведомостях» в №№ 142 и 145 (от 26 ноября и 3 декабря) за 1855 г.

[6] Ответ С. П. Шевырева от 17 октября 1854 г. см. в «Приложениях», № LXXI. По этому делу Чаадаев, по-видимому, обращался также и к И. В. Киреевскому, письмо которого к Чаадаеву также см. в «Приложениях», № LXXII.

202. М. П. Погодину. ‹Не позднее 1854›

СП 1. № 152, где не датировано. Датируется на основании упоминания имени А. С. Стурдзы, умершего 13 июня 1854 г.

203. С. Д. Полторацкому. 1854

Перевод выполнен с оригинала, хранящегося в *ГБЛ,* ф. 103, п. 1032, ед. хр. 89. Адресат указан предположительно архивариусом *ГБЛ.* Датируется приблизительно на основании реалий, упоминаемых в письме.

[1] Так Чаадаев часто называл свое *ФП 1,* опубликованное в 1836 г. в «Телескопе» (ср. № 182).

[2] Имеется в виду «Политическое письмо» М. П. Погодина, написанное в 1853 г. и хранящееся среди бумаг Чаадаева в *ГБЛ,* ф. 103, п. 1034, ед. хр. 27. Цит. в кн.: *Тарасов, II.* С. 422.

[3] Ср. письмо к М. П. Погодину (№ 202).

204. А. Я. Булгакову. ‹15 мая 1855›

Перевод выполнен с оригинала, хранящегося в *ГБЛ,* ф. 41, к. 143, ед. хр. 51, л. 10. О датировке см. ниже примеч. 2.

[1] «Письма русского ветерана 1812 г. о восточном вопросе». См. примеч. 2 к № 206.

[2] Троицын день в 1855 г. приходился на 15 мая, чем и определяется дата написания письма.

205. А. Я. Булгакову. ‹Сентябрь 1855›

Перевод выполнен с оригинала, хранящегося в *ГБЛ,* ф. 41, к. 143, ед. хр. 51, л. 6. Из содержания письма следует, что оно написано в сентябре 1855 г.

[1] А. А. Закревского.

[2] Одним из таких «предметов», несомненно, было трагическое событие 27 августа/8 сентября 1855 г., когда Севастополь после героической 349-дневной обороны был сдан неприятелю. Поражение России должно было, по мнению Чаадаева, привести к тому, что она «останется надолго второстепенною державою» (Звенья. М.; Л., 1934. Кн. III–IV. С. 385).

Несомненно, одной из тем разговора должна была также послужить смерть Николая I (18 февраля 1855 г.) и надежды, которые русское общество возлагало на наступившее новое царствование. В этом отношении Чаадаев оставался пессимистом. «Как-то я зашел к Хомякову,– вспоминает С. М. Соловьев.– Тот надеялся по-своему. „Будет лучше, говорил он, – заметьте, как идет род царей с Петра,– за хорошим царствованием идет дурное, а за дурным непременно хорошее ⟨...⟩. А вот Чаадаев никогда со мною не соглашается, говорит об Александре II: – разве может быть какой-нибудь толк от человека, у которого такие глаза!“» (Записки С. М. Соловьева. Пг., б/г. С. 153). В разговоре с А. И. Дельвигом Чаадаев выразился еще резче: «Взгляните на него, – говорил он, ⟨...⟩ указывая на государя, – просто страшно за Россию. Это тупое выражение, эти оловянные глаза!» (Звенья. М.; Л., 1934. Кн. III–IV. С. 390). В другой редакции: «Указывая ему (А. И. Дельвигу.– *В. С.*) на государя, Чаадаев сказал: „Разве Россия может ждать какого добра от этих глаз?“» (*ГМ*. 1918. № 7–9. С. 228).

События 1855 г. привели к последней вспышке творческой энергии Чаадаева. В связи с этим сенатор К. Н. Лебедев приписал авторство «тетради» под названием «Мои замечания „О политической жизни России“» Чаадаеву (*РС*. 1893. № 3. С. 285–286). М. О. Гершензон высказал предположение, что «Выписка из письма неизвестного к неизвестной» (см. т. 1 наст. изд.) может быть отрывком из указанного К. Н. Лебедевым сочинения (*СП I*. С. 424). Позднее Ш. М. Левин справедливо отверг это предположение М. О. Гершензона и на основании обнаруженного им авторства записки «О современной политической и внутренней жизни России» (ее автором оказался Н. А. Жеребцов; записка опубликована в РС. 1986. Кн. IV. С. 633–642, рукопись хранится в *ГПБ*) отверг не только авторство Чаадаева, но и вообще наличие у него статьи под названием, указанным К. Н. Лебедевым (см. *Левин Ш. М.* Очерки по истории русской общественной мысли. Л., 1974. С. 312–313). Однако Ш. М. Левин совсем не обратил внимания на то, что, согласно К. Н. Лебедеву, Чаадаеву приписывалось авторство не брошюры «О современной политической и внутренней жизни России», а «тетради» «Мои замечания» об этой брошюре, а автором такой статьи (хотя и не обнаруженной до сих пор) Чаадаев вполне мог быть.

Писарская копия статьи «О политической жизни России» сохранилась среди бумаг Чаадаева (*ГБЛ*, ф. 103, п. 1034, ед. хр. 22, л. 1).

Ниже приводятся наиболее интересные из отмеченных Чаадаевым мест статьи «О политической жизни России»:

«⟨...⟩ каждый из них (имеются в виду русские министры и сановники.– *В. С.*) заботился об ограждении своей части от общего надзора и контроля, уединяя ее от других частей правления

и стараясь скрыть свое самоуправство от глаз Государя, не мешая другому делать то же; от этого мало-помалу в высшем правлении водворился дух совершенного пренебрежения к закону, и каждый министр мог смело отступать от существующих постановлений. Злоупотребление власти дошло до того, что некоторые министры оскорблялись почтительными ссылками на закон, если ссылки сии указывали на незаконность их намерений ⟨...⟩ (л. 5 – 5 об.). ⟨...⟩ ныне каждый уверен в мертвенности буквы закона и в действительности только воли и покровительства сильных. ⟨...⟩ при дальнейшем ее («сей страшной язвы».– *В. С.*) распространении Россия на бумаге будет государством благоустроенным, а в сущности наполнится *визирями, пашами*, кадиями; следовательно, необходимо исправление, исправление хоть постепенное, некоренное. Единственный к тому путь... но дерзко вымолвить истину: заключается в выражении уважения к Закону самим Государем и в строгом наблюдении за исполнением его со стороны ближайших к Царю и высших правителей ⟨...⟩ (л. 6 – 6 об). ⟨...⟩ всякий служащий всемерно заботился о приобретении себе сначала сильного покровителя, и для этого *служил лицу, а не делу*, ⟨...⟩ забывая все понятия о чистой любви к отечеству и делу, ему вверенному, поэтому все делалось неоткровенно, с двоякою целью: удовлетворения личным потребностям и придания благовидности бумажной ⟨...⟩ (л. 7 –7 об.; слова, выделенные курсивом, подчеркнуты Чаадаевым).

[3] Имеется в виду статья Taillandier S.-R. «La Siberie au dixneuvieme siècle» («Сибирь в девятнадцатом веке»), первая часть которой была напечатана в августовском выпуске XI-го тома (1855) журнала «Revue des deux Mondes» (p. 602–642), а вторая – в сентябрьском (p. 943–986). В статье упоминались имена декабристов А. Бестужева, К. Ф. Рылеева, В. К. Кюхельбекера, А. Одоевского.

[4] Рассказ Л. Н. Толстого «Севастополь в мае» был впервые опубликован в журнале «Современник», 1855, № 9 под названием «Ночь весною 1855 г. в Севастополе», без подписи автора. Толстой был троюродным племянником Чаадаева, но не был знаком с ним и даже не знал об этом. С его идеями он познакомился лишь в конце жизни через В. В. Стасова.

206. А. Я. Булгакову. 1855

Перевод выполнен с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 41, к. 143, ед. хр. 51, л. 8.

[1] О каком Долгорукове идет речь, не установлено.

[2] Речь идет о книге П. А. Вяземского «Письма русского ветерана 1812 года о восточном вопросе», изданной на французском языке в Лозанне в начале 1855 г. Некоторые статьи этой книги печатались ранее в западной прессе. В 1812 г. П. А. Вяземский в составе Московского ополчения принял участие в Бородинском сражении (под ним убило двух лошадей). Этим ограничилось его участие в войне 1812 г., чем и вызван ироничный отзыв о нем Чаадаева как о «лжеветеране».

[3] Имеются в виду намерения Пруссии завоевать гегемонию в Германии, используя войну России с западными державами и обострение ее отношений с Австрией.

207. А. Я. Булгакову. 1855

Перевод выполнен с оригинала, хранящегося в *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 3004, л. 9.

[1] Неточная цитата на церковнославянском из Евангелия от Матфея (26, 34). В русском переводе: «истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня».

[2] См. примеч. 2 к № 206.

[3] Эпиграфом к своей книге П. А. Вяземский выбрал слова А. С. Хомякова: «Нечего и говорить, что в изложении моей мысли я постараюсь избегать всякой враждебности. Нет, я постараюсь быть лишь справедливым и в обвинениях не дозволю себе не только клеветы, но даже и сомнительной истины. Впрочем, я отнюдь не полагаю своего честолюбия в том, чтобы принимать на себя вид безразличного добродушия относительно того, что я считаю заблуждением» (*Вяземский П. А.* ПСС. Т. 6. С. 263).

208. А. Я. Булгакову. 1855

Перевод выполнен с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 41, к. 143, ед. хр. 51, л. 18. Датировано Д. И. Шаховским.

[1] См. примеч. 1 к № 184.

208А. М. И. Жихареву. (1855)

Публикуется с рукописи перевода, хранящегося в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 336. Датировано Д. И. Шаховским.

208Б. М. И. Жихареву (отрывок). (1855)

СП I. № 158. Датируется на основании упоминания повести И. С. Тургенева «Постоялый двор», впервые опубликованной в № 11 журнала «Современник» за 1855 г.

209. Е. Н. Орловой. 1856

Перевод выполнен с оригинала, хранящегося в *ЦГАЛИ*, ф. 546, оп. 1, ед. хр. 5, л. 5. К письму была приложена «Выписка из письма неизвестного к неизвестной» (см. т. 1 наст. изд.) (Бюллетени гос. лит. музея, № 5: Герцен, Огарев и их окружение. Рукописи, переписка и документы. М., 1940. С. 396). Возможно, Чаадаев предполагал опубликовать это свое сочинение в журнале «Русская беседа» (см. ниже примеч. 1).

[1] Имеется в виду славянофильский журнал «Русская беседа», издававшийся в 1856–1861 гг. Журнал существовал на средства А. И. Кошелева, который был и его редактором. Программа журнала была написана А. С. Хомяковым. (Подробнее см.: Литературные взгляды и творчество славянофилов. М., 1978. С. 143–161).

[2] Речь идет о трех статьях А. С. Хомякова под общим названием «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях», но с разными подзаголовками, написанных им

в 1853–1855 гг. К 1856 г. две из них были изданы: одна в Париже в 1853 г., другая – в Лейпциге в 1855 г. (см.: *Хомяков А. С.* ПСС. М., 1900. Т. 2).

210. А. А. Закревскому. 1856

Публикуется по машинописной копии, хранящейся в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 339, л. 1–2. Дата написания письма установлена на основании воспоминаний Д. Н. Свербеева. Рассказывая о последнем дне жизни Чаадаева, он пишет: «Чаадаев (после посещения его священником.– *В. С.*) собирался даже выехать, стал пить чай, разговаривал с хозяином своей квартиры (Шульцем.– *В. С.*) о его процессе, по которому хлопотал за него у высшего начальства, и, намереваясь выехать, приказал заложить пролетку. Разговор между ними шел. Вдруг голос Чаадаева стал слабеть, слова сделались и непонятны и неразборчивы. Потом последовало молчание. „Что вы, Петр Яковлевич, что с вами?“ – спросил хозяин. Ответа не было. Чаадаев умер» (*Свербеев.* Т. 2. С. 411). Содержание «процесса», о котором сообщает Свербеев, понятно из письма Чаадаева. Таким образом, публикуемое письмо – одно из последних (может быть, последнее), написанных Чаадаевым.

О последних днях Чаадаева сообщает М. Н. Лонгинов в письме к С. Д. Полторацкому от 15 апреля 1856 г.: «Вчера мы лишились Чаадаева! 〈...〉 В пятницу мы обедали с Соболевским у Шевалье. Вдруг является согбенный, чуть двигающийся старец, лицо изрыто морщинами, глаза мутны, ввалились и окружены черными кругами, голос чуть слышный, похожий на предсмертное хрипенье. Это был Чаадаев 〈...〉 Это была его последняя беседа и последнее прощание с кем-либо из друзей». (*ГБЛ*, ф. 233, к. 1, ед. хр. 84, л. 3–4). По сообщению того же М. Н. Лонгинова, «Кублицкий написал некролог (Чаадаева), и он был уже набран для „Московских ведомостей“, но Флеров его запретил и остались только начальные строки в № 17 апреля и известие о времени его похорон» (Собиратели книг в России. М., 1988. С. 262). Вот эти «начальные строки», помещенные в № 46 «Московских ведомостей» от 17 апреля 1856 г.: «14 апреля, в 5 часов пополудни, скончался после непродолжительной болезни, один из московских старожилов, Петр Яковлевич Чаадаев, известный почти во всех кружках нашего столичного общества. Отпевание тела его назначено в среду, в 10 часов, в церкви Петра и Павла, на Басманной» (цит. по: *Барсуков.* Кн. 14. С. 564). Похоронен Чаадаев, согласно его завещанию (см. т. 1 наст. изд.), на кладбище Донского монастыря рядом с могилой А. С. Норовой.

ПИСЬМА НЕИЗВЕСТНЫХ ЛЕТ

211. А. П. Плещееву

СП I. № 157, где адресат не указан; определен Д. И. Шаховским. Каких-либо оснований для датировки не имеется. Письмо представляет собой блестящий образец чаадаевской иронии.

212. М. И. Жихареву

Публикуется по машинописной копии перевода, хранящейся в *ИРЛИ,* ф. 334, ед. хр. 336. Написано в конце 40–начале 50-х гг.

[1] Свою библиотеку Чаадаев, действительно, завещал М. И. Жихареву. Подробнее о ее судьбе см. комментарий к «Заметкам на книгах» (т. 1 наст. изд.).

[2] Здесь и далее в письме имена собственные М. И. Жихарев, как всегда, заменил звездочками. О ком идет речь в данном письме, не установлено.

213. М. И. Жихареву

СП II. № 158. О каком сочинении Аксакова идет речь, не установлено.

214. М. И. Жихареву

СП II. № 158.

Фрагмент

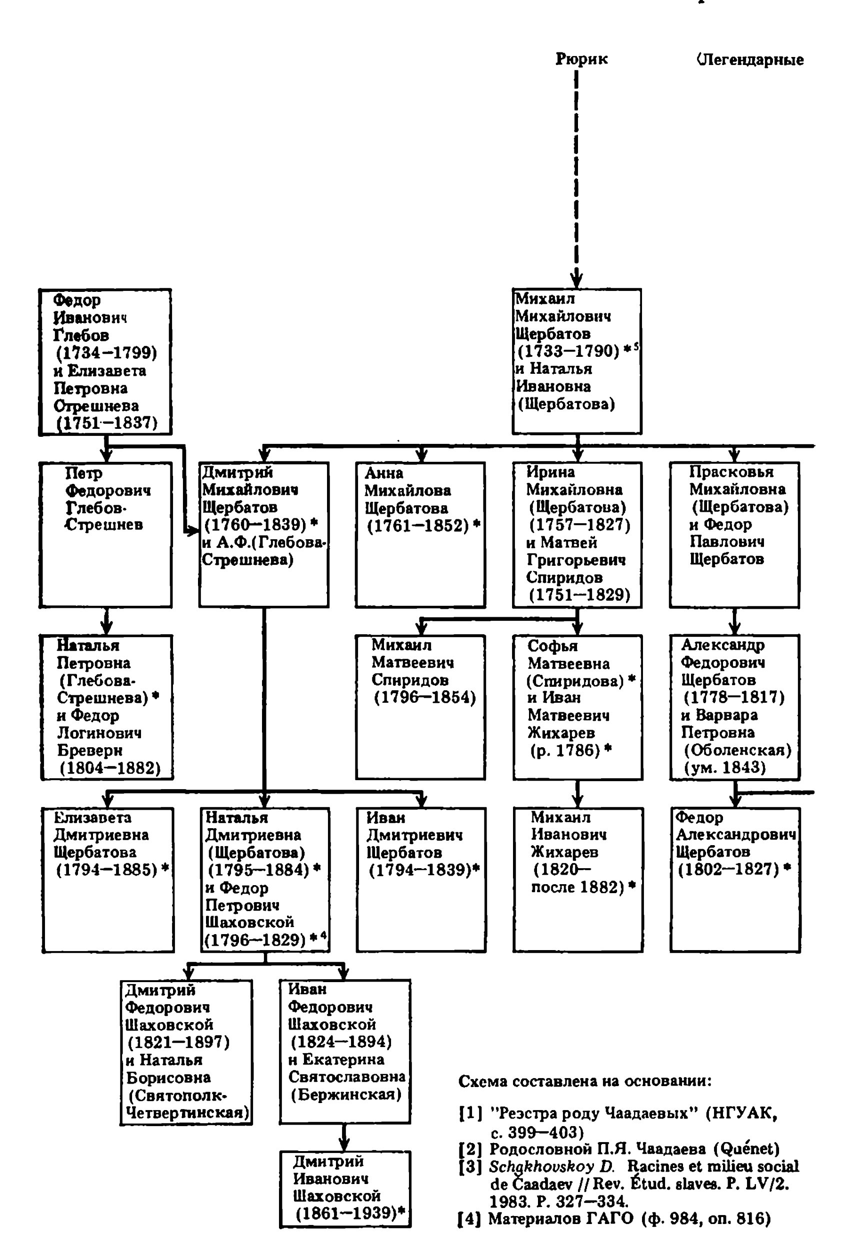
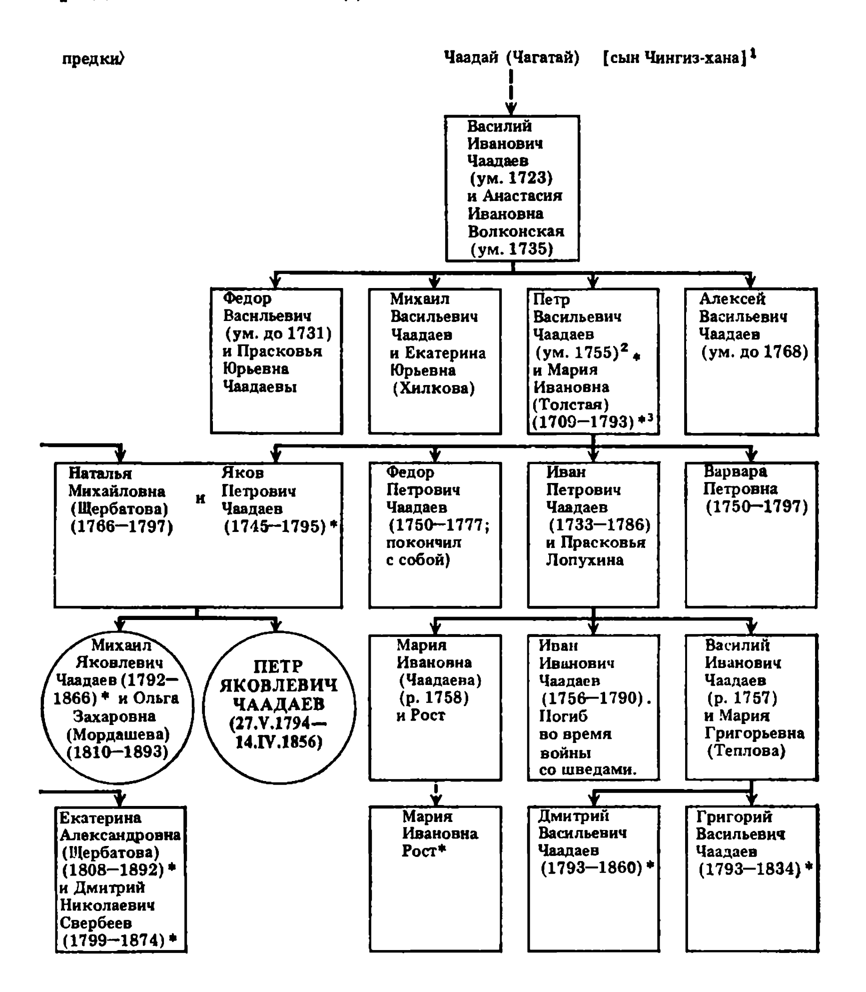

Схема составлена на основании:

[1] "Резстра роду Чаадаевых" (НГУАК, с. 399–403)
[2] Родословной П.Я. Чаадаева (Quénet)
[3] *Schgkhovskoy D.* Racines et milieu social de Caadaev // Rev. Étud. slaves. P. LV/2. 1983. P. 327–334.
[4] Материалов ГАГО (ф. 984, оп. 816)

родословной П.Я.Чаадаева

Примечания:

[1] Со ссылкой на В. Чивилихина — В.В. Лазарев. Чаадаев. М., 1986. С. 9.
[2] "Сумасшедший" — см.: Записки Екатерины Второй. Спб., 1907. С. 343–344.
[3] Сестра А.И. Толстого, прадеда Л.Н. Толстого, который, таким образом, приходится Чаадаеву троюродным племянником (см.: *Гусев Н.Н.* Л.Н. Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 г. М., 1954. С. 619).
[4] Сестры Ф.П. Шаховского — Прасковья, замужем за И. Войнокуренским; Екатерина, за поручиком л.-гв. гусарского полка Н. Слепцовым.
[5] Лицам, отмеченным звездочкой (*), посвящены отдельные статьи в Указателе имен.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

ПИСЬМА РАЗНЫХ ЛИЦ К ЧААДАЕВУ

Здесь помещено 76 писем, адресованных Чаадаеву. Из них впервые публикуются 39: №№ XVIII, XXXIV и XXXV – публикация З. А. Каменского; №№ XV, XLIII, XLV и XLVI – публикация Л. З. Каменской; №№ III, IV, XI, XIII, XIV, XVI–XVIII, XXII–XXV, XXXI, XXXII, XXXVII, XL–XLII, XLVII, XLVIII, LIII, LVII–LIX, LXI, LXII, LXVIII–LXX, LXXIII–LXXVI – публикация В. В. Сапова.

Перевод с французского писем №№ XV, XLIII, XLV, XLVI выполнен Л. З. Каменской; №№ XVIII, XXXIV, XXXV – Д. И. Шаховским, №№ XIII, XXX, XLVII, XLVIII, LVI, LXXVI – В. В. Саповым, им же переведены с английского письма №№ III, IV.

Ранее публиковавшиеся письма, написанные по-французски (№№ II, XII, XIX, XX, XXVI, XXVII, XXIX, XXXVI, XXXVI A, XXXVIII, XXXIX, L, LII, LXIV), даны в старых переводах.

В ранее публиковавшихся письмах, написанных по-русски (№№ I, V–X, XXI, XXVIII, XXXVIII, XLIV, XLIX, LI, LIV, LV, LXIII, LXV–LXVII, LXXI, LXXII), переводы встречающихся в них «вкраплений» на французском языке заключены в прямые скобки и специально не оговариваются.

Примечания написаны В. В. Саповым.

I. *Н. И. Тургенев*

27 марта 1820.

Подумав о вчерашнем нашем разговоре и о прочтенном из Гено эдикте касательно освобождения крестьян, мне кажется, что сей акт может служить одним из убедительных доводов в пользу нашу и доброго дела. Вы сделали при сем два замечания, весьма важные справедливостию и основательностию своею.

1-е. Что во Франции король, освобождая крестьян и поставляя подражание сему примеру в обязанность дворянству, сделал гораздо более, нежели бы сколько сделало наше правительство, возвратив свободу помещичьим крестьянам; и сие потому, что во Франции крестьяне были закрепощены или порабощены дворянством, у нас же самим правительством. Таким образом французское правительство уничтожало сделанное сильным дворянством; у нас же правительство просвещенное и справедливое уничтожило бы постановление правительства же, и притом правительства слабого и даже незаконного. Какая разница! Какая истина! Если бы правительство в каком-либо случае имело полное право отменять сделанное прежним правительством, то, конечно, право сие нигде не может быть употреблено с такою пользою и справедливостию, как при уничтожении ненавистного узаконения Шуйского, оковавшего несколько миллионов людей с их потомством цепями самого несправедливого и бесполезного рабства.

2-е. Что эдикт Лудовика Толстого не произвел тех беспорядков, той суматохи, тех беспокойств, которых опасаются у нас невежды и эгоисты; между тем во Франции скорее можно было бы ожидать и сих беспокойств и сих беспорядков, нежели у нас, ‹...› потому, что дворянство французское пользовалось в то время, в отношении к правительству, большею важностию, нежели наше когда-либо.

Единственная мысль одушевляет меня, единую цель предполагаю себе в жизни, одна надежда еще не умерла в моем сердце: освобождение крестьян. По сему вы можете судить, могу ли я быть равнодушным к каждому умному слову, к каждой справедливой идее, до сего предмета относящимся. Вчерашний разговор утвердил еще более во мне то мнение, что вы много можете спосо-

шествовать распространению здравых идей об освобождении крестьян. Сделайте, почтеннейший, из сего святого дела главный предмет ваших занятий. Вспомните, что ничто справедливое не умирает: зло, чтоб не погибнуть, должно, так сказать, быть осуществлено, в одной мысли оно жить не может; добро же, напротив того, живет не умирая, даже и в одной свободной идее, независимо от власти человеческой. Бесплодные занятия по службе отвлекли меня от тех занятий, которых мне не должно было бы оставлять никогда. Но предмет моих мыслей, моих желаний не переменился: всегда гнусное рабство будет предметом моей ненависти, освобождение — целью моей жизни! Но есть и у нас люди, чувствующие все несчастие, и даже всю непристойность крепостного состояния. Обратите их к первой цели всего в России! Доказав возможность освобождения, доказав первенство оного между всеми благими начинаниями, мы будем богаты. Итак, действуйте, обогащайте нас сокровищами гражданственности! Вам душевно преданный

Н. Тургенев.

РА. 1872. № 6. С. 1205–1207. В примечании к первой публикации письма в *РА* сказано, что оно получено редакцией журнала от Чаадаева в 1855 г.

II. *М. П. Бестужев-Рюмин*

Кременчуг. 19 февраля 1821.

Почитая вас столь же хорошо расположенным ко мне, как это было во время моего пребывания в Петербурге, чему вы мне дали столько доказательств, я пишу вам, любезный Чедаев, с тем, чтобы дать вам понятие о моем теперешнем положении и спросить вашего мнения о том, что мне делать. В Ромнах застаем мы командира корпуса; он принимает нас довольно хорошо, обещает помочь нам забыть свое несчастие [1]. Но что же выходит? Он сунул нас в учебный батальон, где муштруют по 7 часов в день, правда, обнадежив нас, что через три месяца мы будем произведены. Всем вертит здесь князь Горчаков, начальник корпусного штаба; если бы вы могли доставить мне письмо к нему, то этим оказали бы мне изрядную услугу. Несмотря на уверения генерала Рота, несчастная участь все более и более меня тяготит. За иск-

лючением Рота и Горчакова, здесь нет никого, достойного упоминания. Командир корпуса направил меня в Кременчуг вместо Полтавы, не желая, по его словам, разлучать с товарищами по несчастью. А между тем я здесь не слишком-то хорошо себя чувствую, потому что превыше всякой силы человеческой выносить вытягивание поджилок по 7 часов в день.

Вот все, что я в настоящую минуту могу вам сообщить о своем положении. Не знаю, что мне предпринять. Я приложу все силы, чтобы вырваться отсюда, и умоляю всех, кто принимает во мне участие, оказать мне в этом содействие. Ради бога напишите, могу ли я питать надежду на обратный переход в гвардию, ибо

Нас настоящее страшит,
Коль не окрашено оно грядущим.

Прощайте, любезный Чедаев; извините за разброд в письме: клянусь вам, я еще не пришел в себя; я так ошеломлен всем приключившимся со мной, так много событий стремглав сменяют друг друга, что у меня голова еще идет кругом. С ближайшей почтой я вам, впрочем, опишу наше путешествие. Если я испытал много огорчений и скуки, зато зародились новые мысли: я повидал много таких вещей, от которых волосы становились дыбом; отрадного было очень мало. Пока прощайте. Предаю себя вашему дружескому расположению и остаюсь с чувством искреннейшей привязанности

преданный вам М. Бестужев-Рюмин.

Поцелуйте за меня ручки у княгини Наталии Дмитриевны Шаховской и передайте мои лучшие пожелания ее мужу.

Прощайте еще раз, любезный мой Чаадаев.

Я состою в 3 корпусе, которым сейчас командует генерал-лейтенант Рот. Письма адресуйте в Кременчуг, в канцелярию генерала Рота, для передачи мне.

Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1952. Т. II. С. 233–234. Подлинник на французском языке.

[1] После расформирования Семеновского полка Бестужев-Рюмин был отправлен в армию на юг.

III. *У. Александер*

Ярмут. 22 августа 1823.

Уважаемый сэр,

из той части вашего разговора, которая происходила в моем присутствии, я склонен согласиться с большинством ваших утверждений. Если обстоятельства будут способствовать более тесному нашему знакомству, я буду очень рад этому. Сегодня утром за завтраком я имел смелость вести беседу на одну очень важную тему; думаю, что и вы не отказались бы присоединиться ко мне для ее обсуждения,— я имею в виду религию.

Я говорил о единстве христианской религии, но поскольку вы, вероятно, слышали, как сторонники ⟨этого единства⟩ отстаивают свои простые, но возвышенные доктрины, *я не жду* вашего одобрения, а прошу внимательно прочесть три небольших памфлета, которые посылаю вам с этой запиской[1]. В них ясно и добросовестно изложена точка зрения на некоторые действительно важные истины, которые подвергаются яростному отрицанию (может быть, и с благими намерениями) со стороны многих фанатиков.

Остаюсь, уважаемый сэр, вашим искренним и почтительным слугою. У. Александер.

Жизнеописание женщины, которое я вам настоятельно рекомендовал и которое вы хотели отослать своим родственникам, называется: «Memoirs of the Life of the late Mrs. Catherine Cappe written by herself» (Printed for Longman, Paternoster. London).

Прощайте.

Перевод выполнен с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 1.

[1] В числе этих памфлетов могли быть две брошюры, сохранившиеся в библиотеке Чаадаева: *L. Carpenter.* On the Beneficial Tendency of Unitarianism. Bristol, 1822 (*Каталог.* № 174) и *A. Norton.* Thoughts on true and false Religion. Liverpool, 1822 (*Каталог.* № 520). Обе книги с условными знаками и надписями Чаадаева переплетены в один конволют с десятком других брошюр и журнальных статей, приобретенных Чаадаевым за границей.

IV. *У. Александер*

Ярмут. 13 сент. 1823

Уважаемый сэр,

сегодня утром г-жа Стендфорд принесла мне книги (The Books) и сопроводительное письмо, в котором меня просили запаковать их и отослать к вам. Через несколько дней после вашего отъезда из Ярмута я получил письмо от мистера Бауринга[1], помеченное 25 августа, и поскольку о вас в нем не упоминалось, я решил, что вы, не останавливаясь в Лондоне[2], без промедления отбыли в Суссекс, чтобы повидаться с ним, и предполагаете вручить ему мое письмо по возвращении в город.

С тех пор я еще дважды писал к нему, и разумеется, каждый раз упоминал о моем почтенном русском друге и о том, что вы, возможно, посетите Брайтон, прежде чем он будет иметь удовольствие видеть вас.

От него ответа не было, хотя мое последнее письмо, отправленное только вчера, он еще не получил, но я уверен, что он горит желанием сердечно принять вас. Я убежден, что вы будете также сердечно приняты в самом респектабельном доме Лондона, принадлежащем корпорации Longman & Co., 39 Paternoster Row.

Опасаясь, что ваши книги, без должной заботы со стороны служащих гостиницы, могут задержать, я обратился к корпорации Longman & Co. с просьбой при первой же возможности переслать их в Сомптинг.

Желаю вам получить большое интеллектуальное наслаждение от ваших экскурсий. В ожидании вашего письма и в предвкушении того удовольствия, которое в недалеком будущем доставит мне вторая встреча с вами, остаюсь, уважаемый сэр, вашим искренним и почтительным слугою.

У. Александер.

Перевод выполнен с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 103. п. 1032, ед. хр. 1.

[1] Визитная карточка Д. Бауринга (J. Bowring), помеченная 1823 г., сохранилась среди бумаг Чаадаева (*ГБЛ*, ф. 103, п. 1034, ед. хр. 2). Возможно, это тот самый Джон Бауринг, который известен как переводчик и знаток русской поэзии. В пользу этого предположения свидетельствует наличие среди бумаг Чаадаева адресованного ему письма некоего Вильгельма Таппе, датированного 18 июня 1826 г. (на письме имеется карандашная пометка рукой Чаадаева: «sans reponse» – не ответил) (*ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 62). Известно, что Д. Бауринг состоял в переписке

с учителем Выборгской гимназии Августом Вильгельмом Таппе (см. *ЛН*. Т. 91. С. 202), и не является ли этот Таппе и корреспондент Чаадаева одним и тем же лицом? И не Бауринг ли способствовал их заочному знакомству? Для подтверждения этих предположений, к сожалению, не хватает документальных свидетельств, но они не лишены оснований.

[2] Из письма Чаадаева к брату (см. № 21) известно, что он провел в Лондоне после отъезда из Ярмута четыре дня.

V. *Н. И. Тургенев. Неаполь 14/26 февр. 1825.*

Какое удовольствие для меня, любезнейший Петр Яковлевич, найти, по возвращении моем из Сицилии, здесь письмо ваше! Я никак не полагал быть так близко от вас. Будучи в Карлсбаде, расспрашивал о вас у русских, приехавших из Парижа. Но ничего не узнал обстоятельного. Наконец молодой Корсаков (или Чертков, не помню), которого я видел на минуту во Флоренции, сказал мне, что видел вас в Швейцарии. Как бы то ни было, вы теперь в Италии и будете к страстной неделе в Риме, следственно, я вас увижу. Вот уже 10 месяцев как я странствую. Был в Карлсбаде и Мариенбаде. Потом поехал сюда. Прошедший месяц провел в Сицилии. Теперь с неделю живу здесь и к страстной неделе или setimana santa буду в Риме. Здоровье мое начало порядочно поправляться только с Рима. Во Флоренции я не мог жить без лекарской помощи. Теперь здоров и приписываю это отчасти К⟨арлс⟩баду и М⟨ариен⟩баду и отчасти роду жизни, праздной, впрочем, и совсем не забавной. Будучи в Италии, смотрю на картины и т. п. Что же здесь иначе делать? Но не могу сказать, чтобы это меня очень занимало. Ал. Дм. Чертков может засвидетельствовать вам рвение и усердие, с которыми я таскался по церквам и монастырям Флоренции, чтобы видеть картины, фрески и пр. Самое лучшее в этих походах было для меня общество Черткова и он более остался в моей памяти, нежели Вазари, St. Giovanno и даже великий Микель Анж, которого он так не жалует. Если Ч⟨ертков⟩ еще во Фл⟨оренции⟩, то скажите ему от меня усерднейший поклон.

Письмо ваше от 6 февраля, вероятно, нового стиля. Вы пробудете во Фл⟨оренции⟩ 6 недель. Следовательно, в половине марта оттуда отправитесь в Рим. Я также еду отсюда между 15 и 20 марта в Рим. Там увидимся. Я,

вероятно, остановлюсь в трактире Домона; ибо Франц непременно хочет, чтобы живущие у него в доме у него же и обедали.

Что вы намерены делать летом? Если вы подвержены той же болезни, как я, то, кажется, всего лучше ехать вам на лето в Карлсбад или в Мариенбад. Мы об этом потолкуем на досуге.

Вы пишете, что не имеете известий из П⟨етер⟩бурга. Это можно в некотором отношении почитать выгодою для путешествующего русского. Каждое письмо из П⟨етер⟩бурга, как бы оно бедно ни было в известиях о том, что там делается, наводит на меня тяжелую грусть. Живя там, мы ко всему присмотрелись; но здесь неистовство глупости сильно поражает [1].

Не зная вашего адреса, я посылаю это письмо через банкира Bori. Он и мои письма из России ко мне сюда пересылает. Прощайте, любезнейший! С нетерпением ожидаю минуты, когда увижу вас в Риме.

Весь ваш Н. Тургенев.

СП I. С. 351–352. Написано в ответ на письмо Чаадаева от 6 февраля 1825 г. (см. № 35).

[1] См.: Показания Чаадаева 1826 г. в т. 1 наст. изд.

VI. *И. Д. Якушкин (1825)*

Марта 4-го. Жуково.

Письмо твое, любезный друг, от 8 генваря, вчера я получил; очень тебе за него благодарен; по отъезде твоем из России брат твой извещал меня о тебе очень подробно; почти всякое письмо твое к нему сообщал мне в подлиннике или в переводе. С некоторого времени он пишет ко мне реже и о тебе почти ничего не говорит, жалуясь на тебя, что к нему сам редко пишешь. Сначала я не имел никакого желания к тебе писать, ибо имел часто очень подробные о тебе извещения, а после так получал твои адресы, что по моим расчетам мои письма никогда не застали бы тебя там, куда бы я мог по этим адресам их надписывать; впрочем, я думаю, что я сказал вздор; вероятно, все-таки мои письма до тебя доходили бы, если бы я писал их; во всяком случае, прошу тебя верить, что молчание мое более произошло от глупости моей, нежели от лени писать к тебе.

Очень рад, что почти на все твои вопросы могу тебе отвечать с точностью. От брата твоего получил я последнее письмо от 14 января из Хрипунова, пишет, что он здоров, сбирается в Москву, откуда в Витебск, и заедет за мной в Жуково. Кажется, он и сам всему этому не очень верит; в конце письма пишет, «что я теперь говорю, очень мне хочется сделать,— есть ли не какие-нибудь непредвиденные помехи будут, то сделаю». Осенью я получил от него очень мрачное письмо, в котором он извещает меня, что он очень поглупел; я этому не удивился, он несколько месяцев возился с чиновниками гражданской палаты, нарочно ездил в Нижний хлопотать о свидетельстве на Хрипуново; с него за это просили кажется 2000 асс., а во всей России свидетельство стоит обыкновенно рублей 200 или 300. Не могу тебе наверно сказать, здоров ли твой брат, хотя он во всяком письме ко мне пишет: «о себе доношу, что здоров», и ни разу не писал, что был болен; но что вы не разорены, я в этом уверен, и долго разорены быть не можете, как бы об этом ни хлопотали, ибо я не думаю, чтобы можно назвать людей разоренными, у которых долгу тысяч сто, а имения почти на мильон.

Брат твой, может, эти годы не получает доходов, но это общая участь почти всех российских помещиков. Все так дешево, как, я думаю, никогда в России (по сравнению времен) не бывало, нигде почти мужики оброков не выплачивают, но кажется, не быв отгадчиком, можно отгадать, что это продолжиться долго не может. Конечно, нынешние годы долги платить довольно трудно и, может, многие были бы весьма в затруднении, если бы Опекунский совет не вздумал выдать по 50 асс. прибавочных на заложенные души и если бы не рассрочил долги свои на 24 года, так что должники в Воспитательный дом, платив ежегодно только по осьми процентов с занятого капитала, в 24 года весь долг выплачивают.

Вот тебе очень длинная и, может, совершенно излишняя статья о денежных обстоятельствах российских помещиков вообще. Мне очень желалось бы, чтобы ты убедился, что вы нисколько не можете быть разорены, и что если твой брат что-нибудь писал к тебе на это похожее, то, вероятно, это было в минуты нравственного расстройства, которому, как ты знаешь, как он ни силен, а бывает иногда подвержен. На этой почте буду к нему писать,

сообщу ему твой адрес и извещу его, что ты о нем беспокоишься; он, верно, к тебе тотчас напишет.

Нынешней весной я был у Щербатовых или, лучше сказать, у княжны Лизаветы; она истинно премилая женщина, я с ней встретился, как будто мы никогда не расставались, и я провел с ней несколько часов прелестно. Летом она ездила одна к князь Ивану; об нем очень давно ничего не знаю, но, как слышно, он очень терпеливо переносит неприятное положение свое[1]. О тетушке твоей ничего верного сказать тебе не умею.

После тебя у Ивана Александровича[2] умерло двое детей; остался один мальчик и тот хворает; он, говорят, очень огорчен. К тому же его выбрали в уездные судьи, что, как ты можешь представить, нисколько не развеселит его; но я уверен, что все это вместе нисколько ему не мешает наичестнейше стараться быть добрым человеком.

Михаил Александрович недавно ушибся и был почти месяц в постеле; у него также есть сынок; оба брата живут всякий в своей подмосковной и только иногда приезжают в Москву.

Граббе скоро после твоего отъезда принят в службу в Северский конно-егерский полк; на днях он женился на Скоропадской, дочери богатой помещицы в Хохландии; свадьба, как говорят, стала 50 тысяч; по последнему его письму, он, кажется, очень счастлив.

Пушкин живет у отца в деревне; недавно я читал его новую поэму «Гаврилиаду», мне кажется, она самое порядочное произведение изо всех его эпических творений, и очень жаль, что в святотатственно-похабном роде.

Вяземский также, кажется, жив; мне также удалось читать недавно им написанную очень недурно пиеску — сравнение Петербурга и Москвы.

Тургенев Николай за границей; братья его, кажется, в живых.

Никита Муравьев также.

С. Трубецкой назначен дежурным штаб-офицером, кажется, в 3-й корпус, которым командует к. Щербатов, на место Раевского.

Матвей Муравьев, как я слышал, сослан своим отцом (который принят в службу сенатором) жить в деревню; живет в совершенном уединении; я иногда получаю от него письма.

Облеухов здоров по-прежнему, то есть почти беспрерывно болен. Жена его купила деревню, живет одна с сыном; он у нее не был, и они, расставшись, еще не видались, а впрочем, часто друг к другу пишут и, как кажется, друг друга любят.

Вот, любезный друг, подробная тебе газета о всех общих наших знакомых.

Теперь скажу тебе о себе, что я девять месяцев как поселился в своей деревне Жукове, Смоленской губернии, Вяземского уезда, и с женой и с сыном; Надежда Николаевна [3] также почти все это время жила с нами; соседей знакомых у нас почти нет; ближайший — Пассек — от меня шестьдесят верст, и мы живем так уединенно и безвестно, что я недавно узнал о смерти Людовика XVIII-го. Впрочем, нам кажется не скучно и очень покойно. В Москве я не бываю.

Занимаюсь немного хозяйством, ибо немного еще и толку в этом знаю. Собираюсь завести много цветов; понемногу строюсь — дом у нас небольшой, каменный и очень теплый; в Флоренции последнее может быть излишним, а здесь оно почти первое условие для существования. Мы все действительно живы и здоровы; матушка моя также; за память о ней много тебя благодарю.

Жена моя похудела, иные говорят, будто похорошела — думаю, она не столько сильфидообразна, как прежде; она родила и выкормила прездорового до сих пор мальчика, а это всегда женщинам чего-нибудь да стоит. Мальчика зовут Вечеславом; он так же, как и все мальчики его возраста, плачет, лопочет, бегает, но еще не говорит.

Если тебе не достаточно всех сих о нас подробностей, то по возвращении в Россию и пообжившись с своими, приезжай пожить сколько-нибудь с нами — ты на нас посмотришь, а мы тебя послушаем. Мне кажется, ты дело сделал, что не ускакал от Рима в Россию — твой брат, верно бы, взбесился, если бы узнал, что он причиной неистовой твоей поспешности.

Сделай одолжение, запасись здоровьем физическим и нравственным и, если можно, не будь никогда таков, как ты был в последнее пребывание твое в Москве [4].

Прости, любезный друг, душевно тебя обнимаю и еще раз благодарю за письмо твое; оно мне доставило истинное удовольствие; я не смею просить тебя написать ко

мне; вероятно, тебе и кроме этого есть что делать, а если это как-нибудь случится, то для меня это будет неожиданная радость.

Надежда Николаевна и жена моя премного тебе кланяются; они обе тебя очень помнят и любят; часы непременно привези с репетицией [5] и которые бы сколько-нибудь порядочно шли; это для жены моей — никакой надобности нет платить 400 р., если можно за 200 иметь порядочные.

Если Иван Яковлевич [6] с тобой, то поклонись ему от меня — ты про него ни слова не пишешь.

СП I. С. 360–364. На первой странице письма рукой Чаадаева написано: «Получено в Риме 1825 года 9 мая». Написано в ответ на письмо Чаадаева от 8 января 1825 г. (см. № 34).

[1] Речь идет об И. Д. Щербатове, который в это время находился в Витебске под следствием по делу о восстании Семеновского полка.

[2] Иван Александрович и упоминаемый ниже Михаил Александрович – Фонвизины.

[3] Шереметева.

[4] Ср. со словами М. Я. Чаадаева из его неотправленного письма к брату от 25 сентября 1823 г.: «Если ты из чужих краев сюда приедешь такой же больной и горький, как был, то тебя надо будет послать уже не в Англию, а в Сибирь. Кинь все (заботы), кидайся без всякой совести, без (оглядки), в объятия радости, и будешь радость иметь. А то ты как-то все боишься вдруг исцелиться от моральной и физической болезни,– как-то тебе совестно...» (*Гершензон М.* П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление. СПб., 1908. С. 36).

[5] Т. е. с боем.

[6] Камердинер Чаадаева.

VII. *Н. И. Тургенев*

Флоренция 12/24 апреля 1825.

Первым чувством моим, оставив Рим, было раскаяние. Я сожалел, что расстался с Вами, почтенный друг; что не прибавил к незабвенным дням с Вами проведенным, еще нескольких. Они прошли. Но все благое хорошо не только в настоящем, но и в будущем. Рим, единственный Рим, сделался для меня еще дороже с тех пор, как я посмотрел на него вместе с Вами. От души благодарю Вас за эту встречу. Я согласился бы еще долго таскаться по свету, если бы от времени до времени можно было иметь такое утешительное отдохновение. Пожалуйста, не думайте, что я говорю вздор. Право, я Вас очень, очень люблю

и уважаю. Чем более кто любит человечество вообще, тот тем менее необходимо должен любить людей в отдельности,— ибо люди в отдельности редко являются нам в достоинстве человека. Но зато, если уж из сих людей полюбишь кого-нибудь, то это сильно и навсегда!

Вскарабкавшись, как Вы видели, на кабриолет, я поехал с дилижансом *. Путешествие ни мало меня не утомило. День сидел я в кабриолете, смотрел на горы, на поля — и вправду есть на что посмотреть! — Ночью садился в карету, и так как большая часть пассажиров остались по дороге, то я мог довольно спокойно спать. В Lorett смотрел церковь. В Анконе обедал и осмотрел все главное. Оттуда выехали мы по вечеру. Море было такой тихой прелести, какой я, кажется, никогда не видывал. Солнце заходило. Наступила прекрасная ночь. Вечер всегда имеет что-то торжественное. Голова и душа как-то раскрываются. Говорят, что у слепых недостаток зрения вознаграждается усилением других чувств. Не от того ли и мысли зрячего делаются сильнее ночью, когда он не видит обыкновенными и должен смотреть душевными глазами? Многие предприятия обдумываются ночью. Это, может быть, не только для тайны, но и для того, что человек, в темноте, лучше размышлять может.

Ночью в понедельник мы были в Болоньи. Мой желудок, так же как и я сам, только путешествовал, не делая впрочем ничего. Римский завтрак я благополучно привез в Болонью. В Болоньи провел два дня с половиною. Тамошняя галерея доставила мне огромное наслаждение. Картин немного и смотреть на них можно так покойно, как у себя дома. Если Вы там будете, не забудьте взглянуть на картину Доменикина, мучение св. Агнесы. Тут вправо есть одна фигура, женщина в синей мантии с fichu ** на голове, подле старухи. Если это не совершенство, то нет совершенства в мире.— Сюда я приехал четвертого дня к обеду. Живу у M-me Humbert. Обедаю дома за table d'Hôte ***, и желудок мой опомнился и делает свое дело хорошо. Черткова нашел еще здесь. Сегодня он поехал. Погенполь сказывал мне, что отправил Вам вчера два письма в Римскую миссию.

* Вероятно, кабриолет, в котором ехал Н. И. Тургенев, сопровождал в пути почтовый дилижанс (*В. С.*).

** косынка.

*** общий стол.

Писем из России здесь не нашел. Но нашел у Vieusseux С.-П⟨етер⟩б⟨ургск⟩ие ведомости. Читал их, и это чтение оставило во мне неприятное впечатление. В четверг, т. е. через 4 дня, еду отсюда в Геную. А потом в Милан. Поездку в Венгрию я отложил. Не достанет времени. Из Милана поеду в Вену; оттуда в Прагу, и 15 июня буду в К⟨арлс⟩баде. Но как бы мне узнать, что Вы намерены делать? Когда Вы решитесь ехать из Рима, то нельзя ли написать ко мне, например, в Милан, poste restante? * Я полагаю выехать из Милана 20 мая. Я не смею думать, чтобы видеть Вас в К⟨арлс⟩баде. Это было бы слишком много. Но кто знает? Может быть, хотя в конце июля Вы туда будете? А, право, для здоровья Вам хорошо бы там побывать. Если братец Ваш так захлопочется, что не пришлет к сроку денег, то Вы можете располагать 5000 рублями у здешнего банкира Борп. На эту сумму я имею у него кредитив и на всякий случай скажу ему, чтобы он по Вашему требованию заплатил их Вам. Боюсь только, что Вам этой суммы будет недостаточно. Но до К⟨арлс⟩бада ею доехать можно.— Иванова я здесь не нашел. Чертков сказывал мне, что он поехал провести лето в Швейцарию, так как здесь лето ему вредно.— Теперь я ходил по саду Pitti. Вы в эту минуту, вероятно, на Monte Pincio. Виды здесь хороши. Но один Рим единственный и его виды! — Прощайте! В Милане найду ли письмо Ваше? — Преданный Вам

Н. Тургенев.

СП I. С. 353–355. Ответное письмо Чаадаева неизвестно.

VIII. *Н. И. Тургенев*

Флоренция, 15/27 апреля ⟨1825⟩

Я писал Вам, почтеннейший Петр Яковлевич, о моем кредитиве. Но банкир Бори не соглашается сделать это так, как я думал, и так, как делал для меня дрезденский банкир Басанж, кот. без затруднения согласился платить по моему кредитиву сестре Батюшкова, если бы она сего потребовала. Бори говорит, что если я хочу составить кредитив в чье-либо распоряжение, то должен получить у него по оному деньги и, оставив их у него, взять от него расписку. Кроме этого есть и другое средство предоста-

* до востребования.

вить Вам получить от него деньги по моему кредитиву, а именно: если Вы уведомите меня, что намерены взять сии деньги, то я пришлю к Вам и мой кредитив и надлежащие расписки в получении мною по оному денег. Тогда Вы без затруднения можете взять от Бори деньги. Я предпочел это средство как легчайшее и менее хлопотливое. По сему я и сказал Бори, что, может быть, пришлю ему мои расписки из Милана, где надеюсь узнать Ваш ответ. Письмо Ваше лучше адресовать сюда мне на имя Бори (Bori, banquier á Florence). Он будет посылать ко мне туда (в Милан) все мои письма. Письмо мое и расписки я адресую к Бори для доставления Вам.— Завтра я еду отсюда с курьером в Геную, 6-го или 7-го мая буду в Милане и пробуду там до 15. Уверен, что там получу письмо Ваше. С другим мне бы было совестно, что делаю хлопоты из пустяков. Но с Вами все делаю попросту; надеюсь впрочем, что и Вы нимало не затруднитесь принять мое предложение, если только оно на что-нибудь Вам годиться может. Я имею довольно денег, чтобы доехать до Карлсбада и жить там.— Здесь я был в обеих галереях, т. е. в публичной и P. Pitti. В первой картины Рафаеля мне нравятся до досады. В самых простых композициях его блистает гений и поэзия. В другом отношении чрезвычайно понравилась мне речь [Руайе-Коллара] о [законе против святотатства]. Вы, вероятно, ее уже читали. Если нет, то прочтите. Она дышет любовию ко всему высокому, нравственному. Такие речи и такие люди утешают несколько, когда видишь везде глупость в словах и в действиях. Простите! Где Вы теперь? На всякий случай адресую письмо в миссию. Простите!

Весь Ваш Н. Тургенев.

СП. I. С. 355–356. Ответное письмо Чаадаева неизвестно.

IX. *Н. И. Тургенев*

Париж 15/27 окт. 1825

Вот уже третья неделя как я в Париже, и еще не писал к Вам, любезнейший и почтенный Петр Яковлевич; а что еще хуже — можете Вы подумать — не исполнил Вашей комиссии. Что сказать о молчании? — Всего лучше молчать. В Париже всякий приезжий может оправдываться развлечением. Мое развлечение особого рода и

весьма единообразно. Почти каждый день ходим что-нибудь смотреть. Иное точно заслуживет внимания и именно богоугодные заведения. Мы не могли надивиться порядку и чистоте, кот‹орые› нашли в некоторых домах, где содержатся больные. Но пора о комиссии. Она вполовину исполнена. Хозяйка одной из лавок между Th‹éâtre› Français и Banvilliers отыскала мне точно таких платков, какой Вы мне дали. Я купил для Вас 4 по 15 фр. Но как их послать? С почтою нельзя. Нет другого средства, как ожидать *оказии*, т. е. курьера, на что я теперь и решился. Надеюсь, что добрые наши соотечественники при миссии помогут мне в этом деле.

Сколь ни мало основательно может быть мое суждение о Париже, но я скоро здесь заметил, что вообще французы или парижане стали сериознее. Я думаю, что несчастия последних войн сделали им пользу. Несчастия так же поучительны для народов, как и для индивидуов. Если бы прав[ительст]во, благоразумное и добросовестное, употребило теперешнее направление умов в пользу, то нет сомнения, что французы сделали бы важные успехи в гражданственности. Но правительство, кажется, только думает о бюджете, а министры в особенности — о сохранении своих мест. А здесь, несмотря на конституцию, все должно исходить от пра[вительст]ва. Народ не имеет еще навыков конституционных, и особенно мало простора для свободного действия.

Меня изумило также увеличение Парижа, которое ежедневно усиливается. Это также беда для Франции. И без того вся Франция всегда была в Париже. Увеличивать это зло значит: не делая пользы столице, вредить и в политическом, и в нравственном, и в финансовом отношении департаментам.

Как Вы находите Дрезден? Покойно ли живете, что здоровье? Ес[ть] ли улучшение в сравнении с временем до К‹арлс›бада? Я здесь еще не советовался ни с каким доктором. Галя видел за обедом у посла. Думаю, что буду говорить с Корефом. Он, говорят, хороший человек и занимается магнетизмом. Я сохранил привычку ходить до завтрака. Обыкновенно бываю тогда в Тюл. саду. Славная прогулка и близко от нашего Hotel в R. Franessée. В одну из сих прогулок я заходил в H‹otel› Sully узнать, кто послал наши вещи, но M-me Raimond еще спала. Зайду опять.— Диэту держу порядочно. Обедаю часто за

2 фр. par tete *. Поутру и ввечеру ем виноград. Много хожу. Погода, для Парижа, вообще хороша. Но грязь начинает мне надоедать. Впрочем, мне кажется, что здесь можно жить весьма покойно, устроившись надолго. Но, признаюсь, часто вспоминаю с удовольствием об Италии. Солнца италианского ничто заменить не может. Умный Ваш Велгурский[1] также здесь. Смешон, а, право, не умен.

Имеете ли известия из России? У нас еще беда. В другой раз сгорело несколько дворов в одной деревне нашей.

В начале генваря думаю ехать в Лондон. Страшаюсь дороговизною. Но как быть. Здесь пропасть англичан. Они есть даже и в тюрьмах. В Laforce мы видели двух, один полковник, а — Cafés d'escroquerie <?>

Сергей в Лозанне берет ванны виноградные. Здоровьем не очень доволен. Италия, надеюсь, всему поможет. Простите, любезнейший! Напишите, порадуйте, о себе. Отдав письмо Басанжу, скажите, чтобы он адресовал его к Лафиту.— Долго ли Вы пробудете в Дрездене? Не поедете ли в Англию? Не будете ли на будущее лето опять в К<арлс>баде? Время, там с Вами проведенное, составляет эпоху в моей жизни. Я никогда его не забуду. Простите!

Весь Ваш и навсегда Н. Тургенев.

СП I. С. 356–358. Ответное письмо Чаадаева неизвестно.
[1] Правильно: Виельгорский.

X. *Н. И. Тургенев*

Париж, 20 нояб./2 дек. 1825.

Очень кстати пошел я сегодня искать комиссионера, отправлявшего Ваши вещи, любезнейший Петр Яковлевич, и которого адрес хозяйка de l'hôtel du Sully почти забыла. Этот комиссионер (Rozet-Simonnet et C°) представил мне письмо от его корреспондента в Франкфурте (Gebhard und Hauck) кот<орый> сообщает ему письмо своего комиссионера в Лейпциге (имени не означено). Этот лейпц<игск>ий ком<иссионе>р пишет, что вещи Ваши пришли в Москву к купцу Бурхардту, но что этот шут не может отыскать княгини Щербатовой. Итак, если он еще не отыскал по сию пору, то Вы можете в этом пособить ему. Но вот другое обстоятельство:

* за все (*итал.*).

Лейпцигский комиссионер пишет, что цензура объявила запрещенными семь книг (Прадта, Вилсона и пр.) и что книги эти возвращены к комиссионеру варшавскому, варшавский пошлет их к лейпцигскому; этот к франкфуртскому; а фр‹анкфуртски›й хотел их прислать к здешнему, но здешний ему отвечал, чтобы оставил книги там, где они находятся.

Я теперь же пишу к фр‹анкфуртско›му комиссионеру, прося его сообщить лейпцигскому, чтоб он эти книги послал к Вам в Дрезден, адресуя на Басанжа. Он это, вероятно, исполнит. Но не худо бы и Вам справиться о сем лейпцигском комиссионере.

От Вас нет ни строчки! Да получили ли хоть платки, кот‹орые› я послал к Вам с Миклашевским, и прежнее письмо мое? Что Вы делаете и что собираетесь делать?

Я продолжаю жить здесь по-прежнему. Теперь довольно часто бываю в Palais du Justice *. Слышал речи в процессе журналов. Фопенева была очень хороша. В суде, говорят, мнения очень сильно произнесены, одни в пользу, другие против.— Третьего дня я смотрел похороны ген‹ерала› Фуа [1]. Тысячи народу толпились на улицах, несмотря на грязь и дождь. Участие было заметно. Фраза [детей генерала Фуа усыновит Франция] начинает сбываться. Открылась подписка. Некоторые банкиры подписали 10, 20 и Лафит 50 т. франков. Это хоть куда! Я рад за французов. Все это делает им честь.— Maisonfort, написавший книжку после Лейпцигского сражения [2], справедливо сравнивает скаредность тогдашних пожертвований французов с роскошию русских пожертвований. Теперешние не скаредны и делаются в пользу детей честного человека, отличного талантом и честностию. Невольно подумаешь, что это есть действие представит‹ельного› правления.— Здесь теперь Оленин. В восхищении от англичан. И прав, хотя уже и потому, что он там совершенно выздоровел.— Простите любезнейший! Нет ли чего из России? Здесь мы ничего не слышим. Да о себе-то скажите что-нибудь. Вы бы уже и сказали, если б знали, как для меня это нужно,— Пушкину позволено приехать в Псков для здоровья [3]. Он просился в П‹етер›бург. Говорят, у него аневризм. Боюсь верить, хотя и не знаю, очень ли это опасно.

---

* Дворец Правосудия.

Hune, Darstellung aller Veränderungen des Negersklavenhandels. 1820, Göttingen *. Я читал сегодня в сей книге в Bibl. Universelle. Любопытно, как квакеры и Clarkson[4] действовали для уничтожения торга неграми. Девиз печати комитета тронул меня до глубины души. На печати представлен негр на коленях, с поднятыми руками, в цепях, к небу. Am I not a man and a brother! ** — у тех, кот‹орые› *могут* и *не хотят*, можно спросить: люди ли, братья ли вы? Право, невольно хочешь отказаться от этих собратий!

СП I. С. 358—359. Ответное письмо Чаадаева неизвестно.

[1] Похороны известного во Франции либерального деятеля генерала Фуа состоялись 30 ноября 1825 г. и вылились в стотысячную манифестацию оппозиционных сил. Это была одна из первых после Реставрации демонстраций недовольства режимом Карла X, с этого времени оппозиция постепенно, но неуклонно набирала силы, пока через пять лет не разразилась июльская революция.

[2] Книга генерала Майсонфорта: «Tableau politique de l'Europe depuis la bataille de Leipzig». 1814.

[3] А. С. Пушкин, находясь в это время в ссылке в Михайловском, рассчитывал, что усиленно жалуясь на аневризм (расширение кровеносных сосудов ноги), сможет добиться от правительства разрешения выехать за границу для лечения. Николай I предложил ему лечиться в Пскове. «‹...› Милость царская,— писал Пушкин в письме к П. А. Вяземскому в середине сентября 1825 г.,— огорчила меня, ибо новой милости не смею надеяться,— а Псков для меня хуже деревни, где по крайней мере я не под присмотром полиции» (*Пушкин.* Т. XIII. № 214). Сведения о Пушкине Н. И. Тургенев мог получить от кого-нибудь из общих знакомых — П. А. Вяземского или В. А. Жуковского, хорошо осведомленных в это время об обстоятельствах жизни поэта.

[4] Две книги Томаса Кларксона: «История квакеров» (Париж, 1821) и «Мысли о необходимости улучшения условий для негров в Британских колониях» (Лондон, 1823), приобретенные Чаадаевым во время его поездки за границу, имеются в его библиотеке (см.: *Каталог.* №№ 194, 195). Кроме того, в библиотеке Чаадаева имеется книга У. Вильберфорса «Употребление религии, справедливости и человечности жителей Британской империи в защиту чернокожих рабов в Вест-Индии» (Лондон, 1823) (*Каталог.* № 679). Все эти книги интересовали Чаадаева и Н. И. Тургенева, по-видимому, в связи с размышлениями о перспективах отмены крепостного права в России.

---

* Рассуждение о всеобщей отмене работорговли неграми (*нем.*).

** Разве я не человек и не брат! (*англ.*).

XI. *С. И. Тургенев*

Дрезден. 7 авг. 1826.

Как мне совестно, что я по сие время к вам не писал, и как мне больно, что и от вас ни с дороги, ни из Москвы ни строчки не получил, так что я не знаю, ни где вы, ни что вы делаете. Мы как будто забыли друг друга, и я начинаю беспокоиться за вас: извините мне это, утешьте длинным и скорым письмом. Мы будем его ожидать с нетерпением. Получили ли вы мою записку в две страницы чрез Жихарева 25 июня из Мариенбада?

Мое здоровье идет хорошо. Воды мариенбадские мне помогли, но после поездки во Францбрук, во время шторма, жар расстроил меня; я ослабел и эта слабость осталась и до сих пор. Но мало-помалу проходит, хотя я никакого лекарства не принимаю, кроме ванн, едва теплых. Главное же лекарство: брат [1] и Пушкин [2]. Жуковский также на днях будет сюда и у нас жить. Не достает вас, но как быть! Всякую минуту чувствую разлуку; но утешаюсь, беспрестанно думая и говоря о вас.— Мы здесь остаемся на зиму. Квартира удалась прекрасная, спокойная, просторная и зимою будет теплая, имея двойные окошки.

Простите, любезный друг; оставляю место Елене Григорьевне и брату [3]. Не знаю, дошла ли до вас моя благодарность, почтеннейший Петр Яковлевич. Здесь только узнал я все, что было, от брата и чем мы все вам обязаны. Нет дня, когда бы не призывал я на вас благословений Божиих за вашу благословенную дружбу к брату. Об одном жалею: не могу дать знать о том, что вы для нас сделали [4], брату Н<иколаю>.

Публикуется с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 66.

[1] А. И. Тургенев.

[2] Так в оригинале. Вероятно, следует читать «Пушкины», т. е. Елена Григорьевна Пушкина и ее дочь Ольга, на квартире которых в Дрездене жил С. И. Тургенев и одно время Чаадаев. См. примеч. 1 к № 46.

[3] Далее рукой А. И. Тургенева.

[4] См. примеч. 1 к № 46. С. И. Тургенев имеет в виду уход за ним Чаадаева во время болезни, постигшей его в Дрездене в 1825 г. Братья С. И. Тургенева действительно очень высоко ценили участие к нему Чаадаева. 4 ноября 1836 г., в самый разгар обрушившихся на Чаадаева репрессий, А. И. Тургенев в письме к П. А. Вяземскому писал: «Я никогда не забуду, что когда брат мой

Сережа приехал в Дрезден в ужасно расстроенном здоровье, то один он (Чаадаев.– *В. С.*) ухаживал за ним в болезни его до той поры, пока другой ангел-хранитель, в лице Пушкиной, не принял участия в его положении и в болезни брата. ‹...› Я не забуду никогда, чем обязан Чаадаеву в это время. Вот что изъясняет мою о нем заботливость. Теперь он для меня только страдалец, и его несчастие сливается в сердце моем с благодарностью за брата, уже вознагражденного за бедствия этой жизни» (*ОА*. Т. III. СПб., 1899. С. 351).

XII. *А. В. Якушкина.* ‹*Не ранее 1826 г.*›

Взяв на себя заботу о вашем поведении (за свои грехи должно быть), я не могу, мой дорогой ученик, не обратить вашего внимания на то, что обещание невыполненное – поступок нечестный. Мне надо было видеть вас вчера, но для чего именно – я вам не скажу, чтобы вас наказать.

О, боже мой, вы позволяете себе судить слишком поспешно о человеке, которого не знаете. Осудить меня, не выслушав, назвать мое сердце – нелюбящим, а душу очерствевшей! Но даже если бы так и было, знаете ли вы, что меня сделало такой? Несчастье – никогда не встретить дружеского сердца, никогда не услышать дружеского слова. Правда, моя душа несколько утратила свою энергию и разбилась утомленная горестями; она не желала смириться с жизнью в страдании и ослабела в борьбе. Я была одинока, неся тяжесть существования; время от времени я встречала душу, в которой, может быть, моя душа могла бы найти сочувствие, но судьба, обстоятельства (не знаю, что еще) старались нас разлучить, и тогда я оказывалась одинокой, более одинокой, чем когда-либо. Годы уныния проходили над моей жизнью, горькие слезы жгли мои щеки, молитва меня не утешала, и я оставалась одинокой,– так не судите же меня по тому только, что вы видите, будьте достаточно проницательны, чтобы понять, кто я в действительности. Мне тяжело, что вы судите обо мне подобно толпе, которая считает, что душа, развившаяся в мире, стоящем над людской пошлостью, не заслуживает ничего иного, как одиночества.

Я слишком длинно пишу вам. В этой полуисповеди вы должны увидеть только лишь один из редких моментов откровенности, какие бывают у людей, всегда сосредоточенных и погруженных в себя.

Чтобы вновь войти в милость, пишите мне в деревню, мне это будет приятно.

Как ученик — не рассуждайте и повинуйтесь. Таким путем вы заслужите благосклонность и, может быть, даже дружбу

преданной вам А. Якушкиной.

РЛ. 1959. № 3. С. 189. Д. И. Шаховской ошибочно приписал письмо И. Д. Якушкину (Декабристы и их время. М., 1932. Т. II); ошибка была обнаружена М. Султан-Шах (*РЛ.* 1959. № 3. С. 188–189). Об отношениях Чаадаева с А. В. Якушкиной см. коммент. к № 51.

XIII. *Д. А. Облеухов*

12 февраля 1827 г. Фелисово.

Прошло уже много времени, как я отправил ответ на ваше декабрьское письмо 1826[1]. Не знаю, получили ли вы его. Вскоре после этого жена моя[2] опасно заболела, и несмотря на то, что ей сейчас лучше, она еще не встает с постели. Мать моя пишет, что чувствует себя очень плохо, что врач находит у нее водянку, так что я собираюсь на некоторое время переселиться в Москву, чтобы быть подле матери, где-нибудь весной или даже в конце зимы. Надеюсь, что за то время, когда я буду в Москве, мне выпадет счастье с радостью обнять вас, любезнейший друг!

Перевод выполнен с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 37, л. 4.

[1] Письмо Чаадаева неизвестно.

[2] Екатерина Ивановна Облеухова, рожд. Черкасова. Среди бумаг Чаадаева сохранилось письмо к ней от ее сестры (7 сентября 1826 г.) с рассказом об отправлении в Сибирь декабристов Черкасова, Фонвизина и А. Н. Муравьева (*ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 79).

XIV. *Д. А. Облеухов*

18 марта 1827. Фелисово.

Вчера получил письмо ваше[1], любезнейший друг. Оно меня чрезвычайно обрадовало. Я хотел ехать в марте к матушке, но занемог больше обыкновенного и потому должен был отложить до летнего пути. Жена от болезни оправилась, но очень нездорова от беременности. Ей

приходится родить в мае. Итак, я думаю быть в Москву в начале июня. Как скоро приеду, то вас уведомлю. У нас в доме в мезонине три комнаты, которые я обыкновенно занимаю с женою. Я в июне приеду один и буду занимать только одну комнату, остальные две к вашим услугам. Я надеюсь, что вам тут будет хорошо и покойно, а мне величайшая радость провести несколько времени вместе с вами, любезнейший друг, после четырехлетней разлуки. Я утешаюсь сею мыслию. Если же паче чаяния, болезнь или что другое помешает мне быть летом в Москву, то я также уведомлю вас в июне. В таком случае вы доставите мне радость увидеть вас в нашей деревне. Мы сделали некоторые переделки и перемены в нашем доме, так что вам не будет слишком беспокойно у нас, особливо летом. Состояние здоровья матушки по последнему ее письму все такое же, то есть очень дурно. Прощайте, любезнейший друг, с величайшею радостию представляю себе ту минуту, когда обниму вас.

Публикуется с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 37, л. 5.

[1] Письмо Чаадаева неизвестно.

XV. *Д. А. Облеухов*

15 июня 1827. Москва.

Я приехал в Москву 10 июня и пишу к вам по первой почте, любезнейший друг, чтобы вы приехали повидаться со мною и в наш дом, если не переменили желания обнять старинного вашего друга после столь долговременной разлуки. Я приехал один и нынешним летом не поеду уже в деревню. Жена приедет в сентябре. Она после родов была очень больна, теперь здоровье ее хорошо, поправилось. Матушка очень и очень тяжело занемогла за неделю до моего приезда, и только в тот день, как я приехал, начала вставать с постели. Теперь ей гораздо лучше. Она свидетельствует свое почтение княжне Анне Михайловне[1], и очень рада, что вы проведете с нами несколько времени. Прощайте, любезнейший, ожидаю вас с нетерпением.

Публикуется с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 37, л. 7.

[1] Щербатовой – тетке Чаадаева.

XVI. *Д. А. Облеухов*

8 августа 1827. Москва.

Мой добрый старый друг. Ваше письмо, которое я получил сегодня, принесло мне много радости [1]. Мне очень приятно узнать, что осенью вы обоснуетесь в Москве, и я надеюсь на возобновление нашей старинной дружбы, в связи с которой у меня возникло одно забавное воспоминание. Еще до нашего расставания в 1812 г. вы мне дали листок из своего альбома для того, чтобы я написал на нем самое краткое и ясное изложение принципов дифференциального исчисления. Я взял его и храню до сих пор. Пока на нем ничего не написано. Теперь я не смог бы хорошо выполнить ваше желание, поскольку давно уже не занимаюсь математикой. Но мне все-таки нужно что-нибудь написать на этом листке, ибо именно для этой цели он был мне дан. Скажите же, дорогой друг, что бы вы хотели, чтобы я написал? Ибо я сам хочу этого, и если у вас нет никаких особенных пожеланий, я напишу то, что недавно пришло мне в голову, а именно одну тему высокой матафизики, которая станет для философии тем, чем дифференциальное исчисление является для математики [2].

Прощайте, дорогой друг, будьте здоровы и приезжайте как обещали. Матушка благодарит вас за память. Она хоть и оправилась после своей недавней болезни, силы ее явно уменьшились. Поэтому я и не хочу более покидать ее.

Перевод выполнен с оргинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 103. п. 1032, ед. хр. 37, л. 6.

[1] Письмо Чаадаева неизвестно.

[2] Неизвестно, осуществил ли Облеухов свое намерение, но из всего, что мы знаем о нем, можно сделать следующее предположение относительно упоминаемой «темы высокой метафизики». По словам И. В. Киреевского, Облеухов «почти до самого конца своей жизни ‹...› занимался исключительно и постоянно науками умозрительными. Математика, метафизика и теория языков разделяли почти все его время» (*Киреевский И. В.* Избр. статьи. М., 1984. С. 40). Проанализировав «мистический дневник» Облеухова, М. О. Гершензон заключил, что итогом его должно было явиться решение «задачи, превышающей человеческие силы,– должна была быть искоренена из души та „самость", которая, по учению мистиков, явилась следствием грехопадения» (*Гершензон.* С. 43). Эту мысль – о максимальном устранении собственного Я из процесса познания,– возможно, и имел в виду Облеухов в письме к Чаадаеву. Эту же мысль, освободив ее от мистической оболочки, разде-

лял и Чаадаев (см. его рассуждения о «математическом исчислении» в *ФП III*; ср. также *ОРМ*, № 60); он, поэтому, вполне мог «позаимствовать» ее у Облеухова, тем более что существует свидетельство (М. П. Погодина — *ГБЛ*, ф. 103, п. 1033, ед. хр. 30, л. 4) о глубоком увлечении Чаадаева идеями и самой личностью своего старшего друга.

XVII. *Д. А. Облеухов*

Любезный друг!

Я уже четвертый день слег в постелю, и очень бы желал вас видеть; если можно, посетите меня. Сегодня был у меня Маркус на консилиуме, и прописал мне разные пластыри и лекарства.

Ожидаю вас, любезнейший друг.

Публикуется с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 37, л. 8. Письмо не датировано, но написано не позднее 1827 г., так как в конце этого года Д. А. Облеухов умер.

XVIII. *Е. Д. Панова (1828)*

Я не могу уехать, не простившись с вами еще раз хотя бы письменно. Вот уже ровно год, как я имела счастье познакомиться с вами, и все бывшее раньше кажется мне смутным и неясным. Мое понимание вещей и суждение о них изменились коренным образом. Все представлявшееся раньше моему воображению в поэтической форме мне неизменно нравилось. Теперь же, читая произведение, над которым стоит поразмышлять, и обдумывая вопросы, вызванные чтением, я невольно спрашиваю себя, каково было бы ваше мнение по этому поводу. И когда я не нахожу удовлетворительного ответа, я погружаюсь в тягостную неуверенность. Может быть, вы находите, что я слишком самонадеянна, воображая себя способной угадывать ваши суждения; в свое оправдание я должна сказать вам, что все на мой взгляд безупречно верное и совершенное кажется мне облеченным авторитетом вашего мнения. Притом память моя в данных случаях оказывает мне хорошую услугу, я, кажется, могла бы записать без больших ошибок большую часть того, что вы мне говорили.

Я так и буду поступать, так и буду чувствовать, если обстоятельства, увы, слишком вероятные, не лишат меня безвозвратно тех разговоров, которым я придаю такое

значение. Я в этом не уверена и не останавливаю на этом своей мысли, а живу сегодняшним днем, закрывая глаза на будущее, но льщу себя надеждой, что чувство восхищения и признательности, которое должно вызываться снисходительностью высшего существа, повлияет на всю предстоящую мне судьбу. Прощайте. Нужно кончать, я бы хотела, чтобы мое письмо имело судьбу, схожую с запиской Ротчева [1], то есть чтобы оно заняло вас хотя бы на мгновение.

Е. Панова.

Перевод Д. И. Шаховского (*ИРЛИ*, ф. 334, № 182) сверен с оригиналом, хранящимся в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 41, л. 1–2 Л. З. Каменской.

О знакомстве Чаадаева с Е. Д. Пановой сохранилось свидетельство М. Н. Лонгинова: «Они встретились нечаянно. Чаадаев увидел существо, томившееся пустотой окружавшей среды, бессознательно понимавшее, что жизнь его чем-то извращена, инстинктивно искавшее выхода из заколдованного круга душившей его среды. Чаадаев не мог не принять участия в этой женщине; он был увлечен непреодолимым желанием подать ей руку помощи, объяснить ей, чего именно ей не доставало, к чему она стремилась невольно, не определяя себе точно цели. Дом этой женщины был почти единственным привлекательным местом, и откровенные беседы с ней проливали в сердце Чаадаева ту отраду, которая неразлучна с обществом милой женщины, искренно предающейся чувству дружбы. Между ними завязалась переписка, к которой принадлежит известное письмо Чаадаева, напечатанное через семь лет и доставившее ему столько хлопот» (*РВ*. 1862. № 11. С. 141–142). Лонгинов познакомился с Чаадаевым незадолго до его смерти, и, вероятно, эпизод знакомства с Пановой написан со слов самого Чаадаева.

Знакомство произошло в 1827 г. (см. № 88), когда Е. Д. Панова с мужем приехала в свое имение в с. Орево, находившееся в нескольких верстах от с. Алексеевского, где Чаадаев жил у своей тетки А. М. Щербатовой. Поскольку в письме Пановой говорится, что они знакомы «вот уже ровно год», его следует датировать 1828 годом.

[1] Записка А. Г. Ротчева неизвестна.

XIX. *Е. Д. Панова (Не позднее 1829 г.)*

Уже давно, милостивый государь, я хотела написать вам; боязнь быть навязчивой, мысль, что вы уже не проявляете более никакого интереса к тому, что касается меня, удерживала меня, но наконец я решилась послать вам еще это письмо; оно, вероятно, будет последним, которое вы получите от меня.

Я вижу, к несчастью, что потеряла то благораспело-

жение, которое вы мне оказывали некогда; я знаю: вы думаете, что в том желании поучаться в деле религии, которое я выказывала, была фальшь: эта мысль для меня невыносима; без сомнения — у меня много недостатков, но никогда, уверяю вас, притворство ни на миг не находило места в моем сердце; я видела, как всецело вы поглощены религиозными идеями, и мое восхищение, мое глубокое уважение к вашему характеру внушили мне потребность заняться теми же мыслями, как и вы; я со всем жаром, со всем энтузиазмом, свойственным моему характеру, отдалась этим столь новым для меня чувствам. Слыша ваши речи, я веровала; мне казалось в эти минуты, что убеждение мое было совершенным и полным, но затем, когда я оставалась одна, я вновь начинала сомневаться, совесть укоряла меня в склонности к католичеству, я говорила себе, что у меня нет личного убеждения, и что я только повторяю себе, что вы не можете заблуждаться; действительно, это производило наибольшее впечатление на мою веру, и мотив этот был чисто человеческим. Поверьте, милостивый государь, моим уверениям, что все эти столь различные волнения, которые я не в силах умерить, *значительно* повлияли на мое здоровье; я была в постоянном волнении и всегда недовольна собою, я должна была казаться вам весьма часто сумасбродной и экзальтированной... вашему характеру свойственна большая строгость... я замечала за последнее время, что вы стали удаляться от нашего общества, но я не угадывала причины этого. *Слова, сказанные вами моему мужу,* просветили меня на этот счет. Не стану говорить вам, как я страдала, думая о том мнении, которое вы могли составить обо мне; это было жестоким, но справедливым наказанием за то презрение, которое я всегда питала к мнению света... Но пора кончить это письмо; я желала бы, чтоб оно достигло своей цели, а именно убедило бы вас, что я ни в чем не притворялась, что я не думала разыгрывать роли, чтобы заслужить вашу дружбу, что если я потеряла ваше уважение, то ничто на свете не может вознаградить меня за эту потерю, даже сознание, что я ничего не сделала, что могло бы навлечь на меня это несчастье. Прощайте, милостивый государь, если вы мне напишете несколько слов в ответ, я буду очень счастлива, но решительно не смею ласкать себя этой надеждой.

Е. Панова.

СП II. С. 311–312. Письмо не датировано. Ответом на него является *ФП I*, и поскольку последнее датировано декабрем 1829 г., постольку письмо Пановой не могло быть написано позднее этого года. Содержание его довольно существенно для правильного понимания начальных строк *ФП I.* (Ср. мнение А. С. Пушкина на этот счет, высказанное им в письме к Чаадаеву в 1831 г. (№ XXVII)).

Что *ФП I* действительно является ответом на это письмо Пановой, легко убедиться по их сопоставлению: Чаадаев в первых двух абзацах *ФП I* прямо отвечает Пановой, в том числе и на ее сетования относительно того, что беседы с ним отразились на ее здоровье. Несколько иначе выглядит связь писем в письме к Цынскому (№ 88), в котором Чаадаев говорит, что *ФП I* является ответом на предыдущее письмо Пановой (№ XVIII).

XX. *А. С. Норова (1828–1832)* *

1

Если после моей смерти молитвы мои будут услышаны Предвечным, я буду умолять его сделать вашу настоящую жизнь спокойной и счастливой, а будущую еще более блаженной. Умру довольной и радостной, если буду знать, что находятся вне опасности все дорогие мне люди.

Я боюсь испугать вас, открыв все то, что происходит в моей душе.

Увидя ваш почерк, перед тем как распечатать ваше письмо, я благодарила, пав на колени, Предвечного за ниспосланную мне милость. Не могу выразить, как дорога мне ваша дружба.

Когда я думаю о вас, о дистанции, существующей между нами, о почтении, смешанным со страхом, которое вы мне внушаете, об уважительной сдержанности, которую я строго соблюдала по отношению к вам в течение многих лет, у меня путаются мысли и кружится голова.

Мое сердце подсказало бы мне все необходимое для удовлетворения ваших малейших желаний ‹..› Я мечтала бы служить вам так всю жизнь. Если бы вы позволили мне надеяться, что рано или поздно эти мечты сбудутся ‹...›

---

* Здесь публикуются выдержки из ее писем.

Кто знает, не встретимся ли мы тогда (в старости.— *В. С.*), и не даруете ли вы мне больше дружбы, нежели сейчас. Мои чувства, мои размышления тогда станут, может быть, более соответствовать вашим. Вы будете звать меня своим давним другом, и мы будем часто видеться... Я стану такой старой дамой, что вы разрешите мне иногда наносить вам визиты. Я буду приходить к вам с очками на носу, с моим любимым вязанием, шерстяными чулками, и мы будем вместе читать. Ах, как бы весело я ждала это время! Но если бы смерть отняла вас у меня, то я, возможно, нашла бы средство присоединиться к вам. *Уж в своем ли я уме*? * Я действительно сумасшедшая.

Вы, может быть, не подозреваете, как ваше молчание заставляет меня страдать? Лишиться вашего расположения ужасно для меня. Что станется с моей жизнью без него? Конечно, я должна буду переносить ее, но переносить с нетерпением. Господь еще милостив ко мне, и иногда я слышу его голос, который может облегчить самые тяжкие страдания. Однако я чувствую необходимость помощи — не откажите мне в ней. Даже если вы лишите меня вашего дружеского расположения, не откажите мне к милосердии, даруйте мне ваше милосердие — вот все, что я прошу у вас. Я буду ждать, надеяться, я умоляю вас: будьте милосердны, напишите мне несколько строк!

Не откажите, не откажите мне в нескольких строчках, умоляю вас на коленях. Вы не можете представить себе, как я страдаю. Только Господь видит это, мое сердце открыто ему. Он видит мою скорбь и, надеюсь, простит меня за то, что я прошу вашей помощи. Верните мне ваше расположение, я не могу без него обойтись. Какие слова надо найти, чтобы вы прервали свое молчание?

Все мое счастье в вас, у меня нет ничего в этом мире... Моя жизнь в ваших руках, вы ее владыка перед лицом Господа.

Мы будем вместе страдать, мы будем вместе молиться... Мне кажется, что наши души должны составлять одну и сообща обожать их общего Отца... О, мой друг, если бы вы могли постичь мои чувства!

---

* В оригинале по-русски.

Я ничего так не боюсь, как жить вдали от вас, умереть вдали от вас. Но я буду надеяться, буду надеяться...

2

Зная вас, я научилась рассуждать, поняла одновременно все ваши добродетели и все свое ничтожество. Судите сами, могла ли я считать себя вправе рассчитывать на привязанность с вашей стороны. Вы не можете ее иметь ко мне, и это правильно, так и должно быть. Но вы лучший из людей, вы можете пожалеть даже тех, кого мало или совсем не любите [1]. Что касается меня, то сожалейте лишь о ничтожестве моей души. Нет, я боюсь причинить вам хотя бы минуту печали. Я боялась бы умереть, если бы могла предположить, что моя смерть может вызвать ваше сожаление. Разве я достойна ваших сожалений? Нет, я не хотела бы их пробудить в вас, я этого боюсь. Глубокое уважение, которое я к вам испытываю, не позволило бы мне этого сделать...

Иногда я устаю от самой себя. Иногда мне кажется, что мои тело и душа не подходят друг другу... Не знаю, душа ли разрушает мое тело, или, напротив, тело душу...

3

Уже поздно, я долго просидела за этим длинным письмом, а теперь, перед его отправкою, мне кажется, что его лучше было бы разорвать. Но я не хочу совсем не писать к вам сегодня, не хочу отказать себе в удовольствии поздравить вас с Рождеством нашего Спасителя Иисуса Христа и с наступающим Новым годом.

Покажется ли вам странным и необычным, что я хочу просить вашего благословения? У меня часто бывает это желание, и, кажется, решись я на это, мне было бы так отрадно принять его от вас, коленопреклоненной, со всем благоговением, какое питаю к вам. Не удивляйтесь и не отрекайтесь от моего глубокого благоговения — вы не властны уменьшить его во мне. Благословите же меня на наступающий год, все равно, будет ли он последним в моей жизни, или за ним последует еще много других. Для себя я призываю на вас все благословения Всевышнего. Да, благословите меня — я мысленно становлюсь пред вами на колени — и просите за меня Бога, чтобы Он сделал меня такою, какою мне следует быть.

49 писем А. С. Норовой к Чаадаеву на франц. яз. хранятся в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 33, лл. 1–63. Первое письмо написано в 1828 или 1829 г., письма №№ 2–14 – в 1830; №№ 15–47 – в 1831 и №№ 48–49 – в 1832 г. Отрывки из писем Норовой публикуются по изданиям: 1) *Тарасов I*. С. 269, 271–274; 2) *Тарасов II*. С. 190–191, 234; 3) *Гершензон*. С. 122–123; это окончание письма № 14 по списку *ГБЛ* (от 28 декабря 1830 г.)

С семейством Норовых (их имение в с. Надеждино Дмитровского уезда Московской губернии находилось по соседству с с. Алексеевским) Чаадаев познакомился во второй половине 20-х гг. по возвращении из-за границы. «В те короткие мгновения, которые он (Чаадаев.– *В. С.*) провел в деревне, его полюбила молодая девушка из одного соседнего семейства,– пишет М. И. Жихарев.– Болезненная и слабая, она не могла помышлять о замужестве, нисколько не думала скрывать своего чувства, откровенно и безотчетно отдалась этому чувству вполне, и им была сведена в могилу (в 1835 г.– *В. С.*). Любовь умирающей девушки была, может быть, самым трогательным и самым прекрасным из всех эпизодов его жизни. Я имел счастливый случай читать письма, ею тогда к нему писанные. Не знаю, как он отвечал на эту привязанность, исполненную высокой чистоты, святого самоотвержения, безусловной преданности, полного бескорыстия: но перед концом он вспомнил про нее как про самое драгоценное свое достояние и пожелал быть похороненным возле того нежного существа, для которого был всем. Последнюю волю в точности выполнили» (*ВЕ*. 1871, сентябрь. С. 15). Ни одного письма Чаадаева к Норовой не сохранилось. Было ли это следствием его «чудовищного эгоизма», о котором пишет М. И. Жихарев, или дело здесь обстояло сложнее,– неизвестно. Возможно, чувство Чаадаева раздваивалось между Норовой и Пановой, возможно, и вообще не было никакого чувства (см. примеч. 2 к № 70. Подробнее см.: *Тарасов Б. Н*. П. Я. Чаадаев и А. С. Норова: История неразделенной любви // Тарасов I. С. 264–275). Однако после смерти А. С. Норовой Чаадаев еще долгое время поддерживал дружеские отношения с ее сестрой Е. С. Поливановой. Письмо Е. С. Поливановой Чаадаеву от 1 января 1847 г. хранится в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 44.

[1] Ср. *ОРМ*, № 127 в 1 т. наст. изд.

XXI. *М. Я. Мудров*

Милостивый Государь Петр Яковлевич,

С большим прискорбием расстаюсь я с Вашим сочинением[1]. Хотел было выписочки сделать, но опасаюсь Вас, моего почтеннейшего благодетеля, оскорбить долгим непослушанием. Но я не виноват. Да и не Вы. Виновато сочинение. Ибо хорошо, ново, справедливо, поучительно, учено, благочестиво, а благочестие ко всему полезно; так говорит Божие Слово, кое люблю всем сердцем. И Вы помазание имате от Святого! Блюдите его. Христос с

Вами! Dominus Vobiscum, atque nobisqum *. И так христиански простите моей медленности. Мои больные и уроки не терпят отлагательства! Совестно деньги взять. Возвращаю при сем же. Сам возьму из Ваших ручек, надеюсь, что или сам занемогу духом и приеду к Вам лечиться или Вы за мною пришлете. Тотчас явлюсь.

Vale, bene Vale **

Препокорнейший слуга
Матфий Мудров.

1830. Jan. 24.
Mosquae.

РС. 1896, март. С. 611.

[1] Речь идет, вероятно, о *ФП VI* и/или *ФП VII*.

XXII. *М. Я. Чаадаев*

1830-го г. Октября 12-го.

Любезнейший брат, письмо твое от 9-го октября [1] получил, вложенное письмо к тетке ей доставил, капли от почталиона получил. Благодарю тебя искренно, хотя письмо твое очень далеко быть утешительным.

Тетка здорова и покойна. О холере в окружности не слышно по сие время. Я теперь в Дмитрове дни три. Поручения твои насчет раздачи денег разным лицам из билета, который хранится у ‹юриста?›, и насчет напечатания из твоих бумаг, будет исполнено в случае нужды.— Но не забудь также, прошу тебя, в случае если будешь жив, а я умру, о том, о чем я просил тебя. Из фурсовского имения мою долю продать и дать женщине, с которою я жил около семи лет, 25000 руб, а так как это, т. е. продать мою фурсовскую долю, не скоро можно, то между тем дать ей от себя крепостное заемное письмо в эту сумму, а мое заемное письмо от нее взять, Петру Синицыну (слуге моему) на выкуп себя 2000,— а если можно, то выкупить крестьянина Калгина (я думаю, рублей в 800): про него знают Петрушка и бывший бурмистр хрипуновской Иван Васильевич Шарыгин.

Я тебе сделаю три замечания, которые, может быть, тебе не встретились:

---

* Бог с вами и с нами! (*лат.*).

** Прощайте, будьте здоровы (*лат.*).

1-ое. Кто долго был в городе, где заразительная заносная болезнь, и не заразился, тот вне опасности, т. е. или не заразится уже, или, если и заразится, то болезнь совсем не развернется.

2-ое. Холера нигде от Калькуты до Москвы ни в каком городе более 34-х дней не свирепствовала. Когда ты это письмо получишь, она будет в Москве около 3-х недель (не считая первые дни появления), следовательно, она сильнее не будет, а постепенно ослабевать будет, а если число занемогающих все еще велико, то признаки, кажется, должны быть слабы и неопасны.

3-е. В тот город, где холера была, она уже не возвращается, это также замечено лет 6 назад и подтверждается в России,— следовательно, для невыезжавших из Москвы самое безопасное место: Москва в конце сего месяца, а для выезжавших — в будущ. ноябре.

Это все мне кажется очень достоверным и отчасти утешительным.

Я имею надежду тебя недели через две увидеть.

Я имею надежду тебя увидеть, потому что ты живешь уединенно, знаешь, какие меры надо брать, выдержан и покоен духом.

Ты пишешь, что всегда меня любил, что мы могли доставить друг другу более утешения в жизни, но любить более друг друга не могли. За эти мне неоцененные от тебя слова наградит тебя собственное твое чувство,— я не берусь тебе сказать, какое они на меня делают и всегда будут делать действие. Ты уверен, что я тебя люблю, потому ты сам можешь понять. Могу тебе только сказать, что это правда и что я это знаю, и что мне это величайшее утешение.

По первой будущей почте письмо от тебя более меня сделает счастливым, нежели ты можешь полагать.

Публикуется с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 74, лл. 1–2.

[1] Письмо П. Я. Чаадаева от 9 октября 1830 г. неизвестно.

XXIII. *М. Я. Чаадаев*

1830-го г. Октября 14-го. С. Алексеевское

Письмецо твое[1] и уксус для 4 vol. ⟨?⟩[2] получил. Очень, очень благодарю за утешительные (хотя несколько) известия.

Ты пишешь, что сила болезни укрощается, но по газетам по 8-е октября число умирающих, не говорю занемогающих, увеличивается ежедневно в страшной пропорции.

Человек, подавший мне твое письмо (родственник моего комиссионера), говорит, что из Москвы выпускают в известные дни. Не лучше ли б тебе выехать из Москвы теперь, потому что вперед нельзя знать, что здесь будет. Теперь здесь все благополучно, но как ручаться, чтоб скоро не занесли. Меры берут здесь, и много, но какие? — некоторые были б смешны, если б не были чрезвычайно жалости достойны. Тетушка здорова и очень покойна. Письмо мое от 12-го октября ты, вероятно, получил, оно дано было для вручения тебе дмитровскому почталиону.

Если ты и не выедешь, то я надеюсь тебя скоро видеть, в конце этого месяца полагаю ехать в Москву. Уведомь, если выедешь, чтобы не разъехаться. Прощай, мой любезнейший брат,— одна теперь надежда, одно желание у меня, увидеть тебя — здоровым.

Публикуется с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 74, л. 3.

[1] Письмо П. Я. Чаадаева неизвестно.

[2] Написано неразборчиво; вероятно, «уксус четырех разбойников» – хлористая известь, которая, как полагали в то время, помогает уберечься от заболевания холерой.

XXIV. *М. Я. Чаадаев*

1830-го г. Октября 19-го.
С. Алексеевское.

Любезный брат, я получил от тебя два письма: 1-ое от 9-го, а другое от 12-го октября [1], еще получил скляночку одну с каплями, другую с уксусом; а тебе я писал одно письмо от 12-го октября, которое было послано с дмитровским почталионом; а другое от 14 октября послано с родственником моего комиссионера. Имею причину полагать, что ты первое, а может быть и второе, не получил.

В первом я тебе писал, что великое мне утешение сделаешь, если по первой почте напишешь, но я по первой почте не получил от тебя письма, следовательно, или ты моего письма не получил, или не мог мне писать по каким-нибудь причинам. Я тебя усильно прошу обратить внимание на то, как в теперешних обстоятельствах не-

сколько слов от тебя могут осчастливить, и всякий раз, когда получаем их от тебя, осчастливливают, меня и тетку, уже потому, что знак, что ты здоров, т. е. здоров как обыкновенно. Ты понимаешь, что теперь одна только мысль занимает меня и тетку. В природе, мне кажется, человека в общем бедствии не во всех равное участие брать. Комиссионер мой об тебе уведомляет меня, но это все не то, что от тебя письмо. Газеты даже неисправно получаю, но и в газетах утешительного по сие время нет,— а слухи приводят в уныние.

В письме моем от 12-го октября я тебе писал, какие имел надежды, но и те, кажется, не сбываются. Одни те надежды, которые лично от тебя происходят, сохраняю. То есть, что ты покоен духом, выдержан, знаешь, что надобно делать в уединении,— но если б я, например, знал, что ты со двора совсем не выходишь и даже дома бережешься простуды, не отвергаешь для очищения воздуха хлору, не отвергаешь в нужном случае кровопускания и средств, производящих испарину, то это б послужило еще более к моему ободрению, хотя, может быть, я и ошибаюсь. Напоминаю тебе, что ты нам обещал выехать из Москвы как скоро будет возможность. А эта возможность, кажется есть, потому что Панов на днях из Москвы приехал, также принесший мне уксус и твое письмо, хотя он, правда, пешком был,— пропустили.

Здесь все благополучно.

Доставь величайшее утешение письмом.

Публикуется с оргинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 74, лл. 5–5об.

[1] Письма П. Я. Чаадаева неизвестны.

XXV. *М. Я. Чаадаев*

1830-го г. Октября 25-го.
С. Алексеевское.

Письмо твое от 23-го октября[1] получили, любезный брат,— в нем очень много для нас утешительного, а особливо то, что ты имеешь основательную причину думать, что не подвержен теперешнего времени болезни. За это сообщение благодарим тебя от всей души.

Здесь все благополучно,— о появлении заразы не слышно в окружности нигде, почему и можно тебе на наш

счет быть совершенно спокойным. Что впереди будет, предвидеть нельзя, но кажется, что если пойдут морозы, то нечего уже опасаться.

Ты пишешь, что надеются на наступившую перемену погоды, но теперь погода опять переменилась, можно ожидать вредных следствий, почему и просим тебя очень не оставить нас без уведомления по первой почте. По газетам до 18-го октября уменьшения силы болезни едва приметно или лучше — не приметно прибавляются.

Публикуется с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 74, л. 6.

[1] Письмо П. Я. Чаадаева неизвестно.

XXVI. *А. С. Пушкин (1831)*

Вот, друг мой, мое любимое сочинение [1]. Вы прочтете его, так как оно написано мною — и скажете свое мнение о нем. Покамест обнимаю вас и поздравляю с Новым годом.

2 января.

Пушкин. Т. XIV. № 556.

[1] Имеется в виду «Борис Годунов. Сочинение Александра Пушкина. Санкт-Петербург, 1831». Письмо написано на авантитуле этой книги. Чаадаев был в числе слушателей первого чтения «Бориса Годунова»; см. коммент. к № 51.

XXVII. *А. С. Пушкин (1831)*

Друг мой, я буду говорить с вами на языке Европы, он мне привычнее нашего, и мы продолжим беседы, начатые в свое время в Царском Селе и так часто с тех пор прерывавшиеся.

Вам известно, что́ у нас происходит: в Петербурге народ вообразил, что его отравляют. Газеты изощряются в увещаниях и торжественных заверениях, но, к сожалению, народ неграмотен, и кровавые сцены готовы возобновиться [1]. Мы оцеплены в Царском Селе и в Павловске и не имеем никакого сообщения с Петербургом. Вот почему я не видел ни Блудова, ни Беллизара [2]. Ваша рукопись все еще у меня [3]; вы хотите, чтобы я вам ее вернул? Но что будете вы с ней делать в Некрополе? [4] Оставьте ее мне еще на некоторое время. Я только что перечел ее. Мне кажется, что начало слишком связано с

предшествовавшими беседами, с мыслями, ранее развитыми, очень ясными и несомненными для вас, но о которых читатель не осведомлен. Вследствие этого мало понятны первые страницы, и я думаю, что вы бы хорошо сделали, заменив их простым вступлением или же сделав из них извлечение. Я хотел было также обратить ваше внимание на отсутствие плана и системы во всем сочинении, однако рассудил, что это — письмо и что норма эта дает право на такую небрежность и непринужденность. Все, что вы говорите о Моисее, Риме, Аристотеле, об идее истинного бога, о древнем искусстве, о протестантизме,— изумительно по силе, истинности или красноречию. Все, что является портретом или картиной, сделано широко, блестяще, величественно. Ваше понимание истории для меня совершенно ново, и я не всегда могу согласиться с вами: например, для меня непостижимы ваша неприязнь к Марку Аврелию и пристрастие к Давиду (псалмами которого, если только они действительно принадлежат ему, я восхищаюсь). Не понимаю, почему яркое и наивное изображение политеизма возмущает вас в Гомере. Помимо его поэтических достоинств, это, по вашему собственному признанию, великий исторический памятник. Разве то, что есть кровавого в Илиаде, не встречается также и в Библии? Вы видите единство христианства в католицизме, то есть в папе. Не заключается ли оно в идее Христа, которую мы находим также и в протестантизме? Первоначально эта идея была монархической, потом она стала республиканской. Я плохо излагаю свои мысли, но вы поймете меня. Пишите мне, друг мой, даже если бы вам пришлось бранить меня. Лучше, говорит Экклезиаст, внимать наставлениям мудрого, чем песням безумца [5].

6 июля.

Царское Село.

Пушкин Т. XIV. № 626. Это письмо хранилось у Чаадаева и в 1854 или 1855 г. было передано им П. И. Бартеневу. «По словам Чадаева,— сообщает Бартенев,— граф Сен-При, пэр и знаменитый писатель Франции, прочитав это письмо, сказал, что оно по своему слогу сделало бы честь лучшему писателю — знатоку французского языка. 〈...〉 Чадаев говорит, что у него было много писем Пушкина, но что он сжег их с другими своими бумагами в то время, когда вследствие одного душевного переворота решился совершенно переменить свой образ жизни, 〈...〉 уничтожить все воспоминания прошедшего» (Летописи Гос. лит. музея. Кн. 1. Пушкин. М., 1936. С. 502).

Написано в ответ на письмо Чаадаева от 17 июня 1831 г. (№ 52).

[1] Народные волнения в Петербурге были вызваны эпидемией холеры, начавшейся там в середине июня 1831 г.

[2] С помощью Д. Н. Блудова А. С. Пушкин рассчитывал получить разрешение на публикацию сочинения Чаадаева и предложить его петербургскому книготорговцу и издателю Ф. М. Беллизару; однако намерение это осуществлено не было.

[3] О «рукописи», находившейся у Пушкина, см. примеч. 1 к № 52.

[4] Так Чаадаев называет Москву в конце первого и седьмого писем; Некрополис – город мертвых.

[5] Неточная цитата из книги Екклесиаста: «Лучше слушать обличения от мудрого, нежели слушать песни глупых» (7, 5).

XXVIII. *А. Х. Бенкендорф (1833, июль)*

Милостивый Государь Петр Яковлевич!

Получив письмо Ваше от 15 минувшего июля и усматривая из оного, что Вы, в приложенном при сем письме Вашем на Высочайшее имя [1], упоминаете о несовершенстве образования нашего, я, имея в виду пользу Вашу, не решился всеподданнейшего письма Вашего представить Государю Императору, ибо Его Величество, конечно бы, изволил удивиться, найдя диссертацию о недостатках нашего образования там, где, вероятно, ожидал одного лишь изъявления благодарности и скромной готовности самому образоваться в делах, Вам вовсе незнакомых. Одна лишь служба, и служба долговременная, дает нам право и возможность судить о делах государственных, и потому я боялся, чтобы Его Величество, прочитав Ваше письмо, не получил о Вас мнение, что Вы, по примеру легкомысленных французов, принимаете на себя судить о предметах Вам неизвестных. В сем уважении я счел лучшим препроводить к Вам обратно всеподданнейшее Ваше письмо, которое при сем прилагаю, имея честь быть с совершенным почтением и преданностью Ваш покорнейший слуга

граф Бенкендорф.

Лемке. С. 380. Написано в ответ на письмо Чаадаева от 15 июля 1833 г. (№ 63); Чаадаев, в свою очередь, ответил А. Х. Бенкендорфу письмом от 16 августа 1833 г. (№ 64).

[1] Имеется в виду письмо Чаадаева к Николаю I (№ 62).

XXIX. *Ф. В. Й. Шеллинг*

Милостивый Государь,

В то самое время, когда мы оканчиваем уже давно начатую нами в тиши работу, результатом которой является новый интеллектуальный мир, до сих пор недоступный философии, нам отрадно узнать, что другие лица находятся на одном пути с нами, что они понимают нас заранее, и что не скудный и жалкий дух индивида, а общий дух времени вдохновил нас и пожелал выявиться в нас и через нас.

Я только что усмотрел из письма моего друга, господина Тургенева, дружбу которого я причисляю к величайшим из тех преимуществ, которыми я обязан моим усилиям, что вы, милостивый государь, желали бы от меня немецкого письма. Но так как я уже выразил выше мою радость по поводу вашей солидарности со мною, то, чтобы дать вам некоторое понятие о моей теперешней точке зрения, я замечу только, что я, собственно, не покинул прежнего пути, но только продолжил его, равным образом не отказался и от прежних средств, но лишь пытался применить их в более высокой мере, вообще говоря. не отбросил приобретенного прежде, но стремился повысить и превзойти его.

Философия откровения, о которой писал вам наш почтеннейший друг, не есть наименование всей моей философии, но лишь последняя часть ее.

Сама система отличается от всех предыдущих только тем, что содержит философию, которая действительно может проникнуть в эту область, не насилуя философии и христианства.

Вот каким делом будет этот труд.

Я держался, таким образом, возможно ближе к прежнему пути и изыскивал простейшие средства; и, стремясь преодолеть господствовавший до сих пор рационализм (не богословия, а самой философии), в той же мере остерегался, с другой стороны, впасть в сентиментальность, мечтательность или род мистики, отвергаемый разумом.

Кроме того, я остерегался оглашать результаты или положения, которые как бы непосредственно хватают за сердце человека и поэтому скоро и легко привлекают его внимание и участие; я отвергал материальное воздействие, пока не достиг уверенности в совершенном формаль-

ном обосновании, ибо я забочусь не о субъективном, индивидуальном и мгновенном, но о всеобщем и пребывающем убеждении, о прибытке *навек*, который изменившееся всеобщее настроение не исторгнет у мира с той же легкостью, с какой теперешнее настроение делает его желательным миру.

Будьте здоровы, милостивый государь, не оставляйте меня и впредь вашим участием, как и я прошу вас верить в неизменность моего расположения к вам.

Шеллинг.

Мюнхен. 21 сент. 1833.

СП II. С. 312–313. Первый абзац подлинника написан по-французски, остальное – по-немецки. Написано в ответ на письмо Чаадаева № 59.

Письмо было послано Шеллингом А. И. Тургеневу в Женеву, о чем последний писал 16/28 сентября 1833 г. П. А. Вяземскому: «Вчера получил письма от Шеллинга, а накануне о нем; переписываю их особо для Моск⟨овского⟩ философа и посылаю оригинальное к нему. Прочти все три Жук⟨овскому⟩ и два M-lle Sylverste, которая теперь уже должна быть в П⟨етер⟩бурге. ⟨...⟩

Так как Ч⟨аадаев⟩ знает и жену Шеллинга, о которой много говорит M-lle Sylverste, то переписываю для него почти все ее письмо ко мне. Надеюсь, что заслужу трудами ответ его ⟨...⟩» (*АТ.* Вып. 6. Пг., 1921. С. 374). Далее в письме Тургенева следуют тексты писем M-lle Sylverste (2 сентября 1833 г.) и Шеллинга (21 сентября 1833 г.) к Тургеневу. Ответ Чаадаева А. И. Тургенев, тем не менее, не «заслужил».

Чаадаев, по-видимому, давал читать копии с этого письма; так, О. И. Сенковский в «Библиотеке для чтения» (1834. Т. 3. VII. С. 114–115) привел в переводе несколько выдержек из этого письма Шеллинга, высмеивая самомнение последнего (подробнее см.: *Бобров Е.* Философия в России. Казань, 1901. Вып. IV. С. 7–9).

XXX. *П. А. Вяземский*

С.-Петербург. 2 декабря 1833

Вот, дорогой Чаадаев, книга, которую Тургенев только что прислал мне для вас [1]. Что касается выписок из его писем, касающихся вас [2], то запаситесь немного терпением. Письма находятся сейчас у его племянника Татаринова, которому я поручил этот нелегкий, как вам хорошо известно, труд. Вам знакомы почерк нашего друга и аляповатость его писем. Разбирать его каракули — сущее наказание, так же как и улавливать заключающийся в них смысл: так часто он перебрасывается с одного предмета на другой, запутываясь при этом в цитатах.

Но как бы то ни было, трудности эти будут преодолены, и вы получите выписки, которые просили.

Мне было очень приятно получить от вас несколько строк, и я поспешил исполнить ваше приказание, поговорив с кем следует насчет г. Лахтина. Но с некоторых пор я потерял его из виду и не знаю, удалось ли ему устроиться на службу, как он намеревался. Если попытки его не увенчались успехом, и он все еще здесь, напишите ему, чтобы зашел ко мне. Посмотрим, что можно будет сделать. А вы,— когда вы к нам приедете? Не знаю, что вам рассказать о себе. По утрам тяну свою лямку в департаменте, середину дня, т. е. послеобеденное время, обычно провожу с семьей, а вечерами, продолжающимися далеко за полночь, бываю, как на барщине, в салонах,— и после этого едва остается время, чтобы полистать новинки литературы и уследить за журналами. У меня совсем нет ни времени, ни свободы духа, необходимой, чтобы поразмышлять на свежую голову и со спокойной душой,— вот, дорогой Чаадаев, такова моя жизнь, если ее можно так назвать:

Таков, Фелица, я развратен,
Но на меня весь свет похож [3].

Надеюсь приехать к вам летом, чтобы немного расслабиться, освежиться и собраться с новыми силами среди вас. А пока вспоминаю с нежностью наших общих друзей. Прошу вас, передайте г-же Бравуре, что я на днях напишу ей. Моя жена и г-жа Карамзина благодарят вас за то, что помните о них, и до отказа нагружают меня всякими поручениями для вас. Прощайте. Всецело преданный вам Вяземский.

В переводе публикуется впервые; французский текст опубликован: *СН*. СПб., 1897. Кн. 1. С. 210–211. Написано в ответ на письмо Чаадаева от 30 октября 1833 (№ 66).

[1] Книга, о которой идет речь, вероятнее всего «Essay sur l'Histoire littéraire du moyen age, par Charpentier», которую А. И. Тургенев, как он писал в письме П. А. Вяземскому 1 сентября 1833 г., «желал бы отправить к Московскому философу» (*АТ*. вып. 6. С. 310).

[2] См. № 66 и примеч. 2 к нему.

[3] Цитата из стихотворения Г. Р. Державина «Фелица» (1782).

XXXI. *М. Я. Чаадаев*

1834 г. Февраля 7.— Москва

Любезный брат Петр Яковлевич.

Посылаю при сем письмо к тебе из Алексеевского[1]. Получено вчера чрез почту.

Еще посылаю три книги:

Процесс Сен-симонистов, Горе от ума и сказки Политико-Экономические, за которые чувствительно обязан.— А о Госуд. Кредите Орлова оставил на время у себя. Если нужна тебе эта книга, то уведомь чрез подателя,— я пришлю.

Старый мой вексель от Михайлы Александровича Салтыкова 3-го числа сего месяца, т. е. в прошедшую субботу, получил

Михайло Чаадаев.

Публикуется с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 74, л. 13.

[1] Т. е. от А. М. Щербатовой.

XXXII. *М. Я. Чаадаев*

1835 г. Ноября 12. С. Хрипуново.

Любезный брат.

Сегодня 12 ноября 1835 г. отправился из Хрипунова в Москву крестьянин Силантий Иванов Турусов, которому поручено доставить тебе тысячу семьсот рублей ассигнациями. Покорнейшая моя к тебе просьба отдать эти деньги Надежде Николаевне[1] (я их у нее занял), изъявить ей мою признательность и сказать, что не умею выразить, как мне стыдно, что просрочил уплатить почти целый год — обещал заплатить к 1-му генваря 1835 года, но никакой не было возможности,— что от этого стыда не писал к ней, как ни хотелось иметь известий об самой Надежде Николаевне, об Иване Дмитриевиче[2], об Настасье Васильевне, об Вечеславе и Евгении.

Полагаю, что ты часто видаешься с Надеждою Николаевною, почему и беру смелость тебя беспокоить этим поручением и надеясь на твою снисходительность.

Если (как мне человек мой сказал) Надежда Николаевна этими 1700+ предположила ссудить тебя, то уведомь ее, что ты от меня деньги получил и уж сам состоишь ей должен.

За 5 книг, которые ты мне прислал, чувствительно обязан. Читаю их с большим удовольствием,— через несколько дней дочитав, перешлю к тебе обратно с моею благодарностию.

Михайло Чаадаев.

Публикуется с оргинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 74, л. 16.

[1] Шереметева.

[2] Якушкин; далее речь идет о его жене Анастасии Васильевне и их детях – Вячеславе и Евгении.

XXXIII. *Е. Г. Левашова (1834–1835)*

Искусный врач, сняв катаракту, надевает повязку на глаза больного; если же он не сделает этого, больной ослепнет навеки. В нравственном мире — то же, что в физическом; человеческое сознание также требует постепенности. Если Провидение вручило вам свет слишком яркий, слишком ослепительный для наших потемок, не лучше ли вводить его понемногу, нежели ослеплять людей как бы Фаворским сиянием и заставлять их падать лицом на землю? Я вижу ваше назначение в ином; мне кажется, что вы призваны протягивать руку тем, кто жаждет подняться, и приучать их к истине, не вызывая в них того бурного потрясения, которое не всякий может вынести. Я твердо убеждена, что именно таково ваше призвание на земле; иначе зачем ваша наружность производила бы такое необыкновенное впечатление даже на детей? Зачем были бы даны вам такая сила внушения, такое красноречие, такая страстная убежденность, такой возвышенный и глубокий ум? Зачем так пылала бы в вас любовь к человечеству? Зачем ваша жизнь была бы полна стольких треволнений? Зачем столько тайных страданий, столько разочарований?.. И можно ли думать, что все это случилось без предустановленной цели, которой вам суждено достигнуть, никогда не падая духом и не теряя терпения, ибо с вашей стороны это значило бы усомниться в Провидении? Между тем, уныние и нетерпение — две слабости, которым вы часто поддаетесь, тогда как вам стоит только вспомнить эти слова Евангелия, как бы нарочно обращенные к вам: будьте мудры, как змий, и чисты, как голубь. До свидания. Что ждет вас сегодня в клубе? Очень возможно, что вы встретите там людей,

которые поднимут целое облако пыли, чтобы защититься от слишком яркого света. Что вам до этого? Пыль неприятна, но она не преграждает пути.

Любовь в письмах выдающихся людей XVIII и XIX в. С. 473—474. Датируется приблизительно, так как Чаадаев познакомился с Е. Г. Левашевой в 1833 г., и судя по содержанию письма, оно написано до «катастрофы» 1836 г., наиболее вероятной датой его является 1834 или 1835 г.

XXXIV. *Е. Д. Панова*

8 марта 1836 г.

Милостивый государь,

Я все эти дни была занята перепиской вашего письма: мне казалось, что при выполнении этой работы мысли в более ясном виде проникали в мой ум и глубже в нем запечатлевались. Высказать по этому поводу свое суждение было бы с моей стороны смешной самонадеянностью, поэтому воздерживаюсь от всяких высказываний, но мне невозможно воздержаться от выражения в немногих словах того впечатления, какое произвела на меня страничка, направленная главным образом в область чувства: прекрасная и по мысли и по форме изложения, она заставила меня проливать слезы; их вызвали восхищение и убежденность в высокой истине, скорее прочувствованная, чем понятая... Я не осмеливаюсь продолжать, ваше время слишком дорого, а я чувствую, что я поддалась бы соблазну говорить слишком много. Приходите повидать нас еще раз до нашего отъезда и скажите, могу ли я надеяться получить это второе письмо, которое должно быть давным-давно написано [1].

Е. П.

Публикуется по рукописи перевода, хранящейся в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 152. Оригинал был отобран у Чаадаева при обыске в 1836 г., но впоследствии был ему возвращен и ныне хранится среди бумаг в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 41.

[1] См. примеч. 1 к № 88.

XXXV. *Е. Д. Панова (1836)*

Прежде всего я должна извиниться перед вами, сударь, в том, что хочу, так сказать, заставить вас заниматься моей особой. Правда, писать вам это письмо за-

ставляет меня эгоистическое чувство, но проявите ко мне снисходительность — это верный признак превосходства. Я так много страдала и моя жизнь продолжает быть такой беспокойной, что я ищу сколько-нибудь покоя и отдыха там, где надеюсь их найти. Я так хорошо помню время, когда несколько строк от вас, несколько слов, таких, какие вы умеете сказать, приносили мир и покорность в сердце, уже тогда отказавшееся от всякой надежды обрести когда-либо счастье на этой земле!

Я не могла говорить с вами вчера, я испытывала одно только чрезвычайное смущение в вашем присутствии, у меня было желание без слов раскрыть вам мои чувства и то, как я страдаю в настоящем моем положении. Простите, ради бога, мою неуместную откровенность — мне показалось, что вы предубеждены против меня; и эта мысль, может быть ложная, сковала меня, а присутствие посторонних лиц помешало мне говорить с вами так, как я уже давно к этому стремилась, я решила поэтому написать вам; прочтите это письмо и поверьте мне, если вы не думаете, что я опустившаяся и презренная женщина, как, может быть, это старался внушить вам Панов, но после чтения сожгите это письмо, то, что в нем сказано, было известно только моей матери, жизнь которой, быть может, была сокращена этим ужасным признанием. Мои братья и сестра не знают ничего, по причинам, вам, конечно, понятным. Если вы удивляетесь, сударь, почему я сообщаю вам эти ужасные детали, то я вам чистосердечно признаюсь, что нет человека, к которому я бы испытывала большее уважение; у меня была самонадеянная мысль, слишком, может быть, преувеличивая свою силу, я не хотела считаться с суждением общества, но представить себе, что вспоминая случайно обо мне и вы будете считать меня недостойной какого-либо участия, — право, слишком для меня невыносимо! Раньше, когда вы меня знали, у меня были еще кое-какие средства, жалкий человек, с которым меня связала судьба, еще выказывал мне тогда знаки внимания и привязанность, и хотя я и не считала его нравственно подобным себе, я все же питала к нему уважение и благодарность за его отношение. Мало-помалу, вследствие его безумного хозяйничания, дела совершенно расстроились, долги поглотили почти все мое состояние, братья и маменька упрекали меня за уступчивость и слабость; но

как отказать ему в подписи, когда он то грозит самоубийством, то сообщает, что его посадят в тюрьму! Прибавьте к этому сцены раскаяния и отчаяния, разыгранные достаточно искусно, чтобы обмануть меня; и вот я продала свою землю в Московской губернии и последовала за ним в Нижегородскую. Там я сделала грустное открытие, что связала свою судьбу с негодяем. Его меры выколачивания денег из моих несчастных крестьян, эта смесь лицемерия, жестокости и низости, которые он даже не считал нужным скрывать от меня, выставляя напоказ высокие принципы и содержа в моем доме любовницу, которую я сама подобрала из нищеты и с которой я обходилась первое время как с сестрой,— все эти бесчестные поступки, происходившие на моих глазах, до того возмутили меня, что я не захотела скрывать моего презрения и объявила ему, что мы не можем более жить вместе и что если он будет препятствовать этому, я сообщу о его поведении моим братьям. Этого он боялся больше всего на свете. И что же он сделал, как вы думаете? Каждый день я с удивлением замечала странные признаки болезни. Я не могла ступить шага, не обливаясь потом, руки мои дрожали так, что скоро я не смогла больше писать, я совершенно перестала спать; каждый раз, когда мне случалось задремать на несколько мгновений, меня внезапно будил какой-нибудь неожиданный шум, происходивший от тарелок, падавших на пол, или от хлопнувшей двери, даже среди ночи. Тогда Панов объявил мне, что я так плоха, что моя жизнь, по-видимому, в опасности, и попросил меня подписать письмо, в котором, после самых трогательных похвал его добродетелей я умоляла моих братьев передать ему после моей смерти имение, где мы жили. Я отказалась, я попробовала написать брату Александру, но все мои письма были перехвачены. Презренный слуга и его жена, сообщница его преступлений, скрылись, как только я поправилась, и до сих пор неизвестно, где они. Видя, что я не уступаю его просьбам и угрозам, он запер меня в комнату, у которой заколотили окна и дверь, и давал мне пищу, которой не стали бы есть даже собаки, в маленькое отверстие, проделанное в стене. Часто я сидела целыми днями на полу без еды и питья, погруженная в полную тьму, всю мебель вынесли, при холоде в 10—12 градусов. Эту комнату никогда не топили. Поверите ли, сударь, он приходил смотреть на

меня в это отверстие и глядел с насмешливой улыбкой; каждый раз он говорил мне такие вещи, которые могли меня все более потрясти: то он сообщал мне о смерти маменьки, то об отъезде моего брата за границу. Я верила этим ужасным известиям и испускала крики ужаса и отчаяния, которым он и его любовница подражали, насмехаясь надо мной!

Скажите, считаете ли вы меня способной выдумать все это! Наконец, я почувствовала, что схожу с ума; холод, голод, отчаяние, болезнь — у меня не было больше сил бороться со столькими несчастиями. Моей навязчивой мыслью сделалось желание умереть; когда приходили любоваться моим несчастьем, я умоляла на коленях о смерти, мне только ее и хотелось, я повторяла только: «Дайте мне умереть». Тогда, надеясь, что я действительно сошла с ума, он сказал своей любовнице: «Слава Богу», да, он сказал: «Слава Богу!» *. «Теперь нам нечего бояться, поправится она или нет,— она теперь сумасшедшая и никто ей не поверит, ее нужно свезти в Москву и поместить в сумасшедший дом [1]. Я буду управлять ее состоянием и все будет кончено!» Несчастная женщина, вспомнив, быть может, мою дружбу к ней и заботы, которыми я ее окружала, почувствовала без сомнения угрызения совести и принесла мне потихоньку небольшой пузырек, запечатанный желтым воском и содержащий царскую водку [2]. Я не имела мужества проглотить этот страшный яд, но я долго сохраняла его спрятанным в своем платье!..

Я изнемогаю от описания всех этих ужасов! Как я страдала и каким чудом бог вернул мне жизнь и рассудок! Доктор, которому меня поручили, человек образованный и почтенный, сказал мне, что не отвечает за меня, если я буду продолжать жить с моим палачом. Вот, сударь, настоящие причины моего отъезда за границу и разъезда с мужем. До тех пор, пока он не будет искать сближения со мной, он может быть уверен в моем молчании; но если бы мне угрожало ужасное несчастье снова подпасть под его власть, я разоблачу его поведение, а сообщники его могут быть обнаружены! Пожалейте меня и простите, что я огорчила вас своим письмом.—

---

* В оригинале по-русски.

Если я умру, вы, по крайней мере, будете знать, как я страдала.

Вчера я написала второпях эти два листа, а сегодня утром мне расхотелось их вам посылать,— мне казалось, что я мщу... а я не хочу иметь ничего общего с этим человеком, забыть его, совершенно, совсем, если это возможно — вот все, чего я желаю... Вы сказали мне вчера, что он бывает у вас!.. Он знает мое отношение к вам, может быть, он думает, что вы уже осведомлены о подробностях... Но достаточно об этих грустных вещах, я снова прошу вас, сударь, уничтожить это письмо и пусть его содержание останется для всех тайной. Я не желаю ничьего участия. В конце концов, не все ли равно, осуждают или одобряют меня, я настолько одинока, что мнение обо мне не может повредить никому. Еще два слова о моем теперешнем положении: вы видите, что г-на Глинку охватил энтузиазм при виде «Бутошника» *. Почему не сознаться, что «Царевич» ** внушил мне большой интерес и возбудил участие своими несчастьями, ему нужны были деньги и не думая, сможет ли он когда-нибудь их вернуть, я отдала ему те, которые у меня были. Детский страх скомпрометировать свою репутацию мне даже не пришел в голову. Нужно быть глупцом, чтобы воображать, что в мои годы, после стольких страданий я сделала это из любви... Мне было бы стыдно оправдываться в подобной глупости.

Если мне удастся еще раз увидеть вас, я скажу вам откровенно, что при желании вы можете помочь мне выйти из непонятного и неопределенного положения. Я не жду никакого ответа на мое письмо, но надеюсь на днях вас увидеть.

Е. Панова.

Публикуется по тексту перевода Д. И. Шаховского, сверенного Л. З. Каменской с оригиналом, хранящимся в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 41. В пер. А. А. Штейнберг опубликовано в *ВрПК-4*. Л., 1968.

Письмо не датировано и не поддается точной датировке. По предположению А. А. Штейнберг его следует датировать последними месяцами 1836 г., так как в нем Панова рассказывает «о событиях, предшествовавших ее освидетельствованию Московским губернским правлением» (*ВрПК-4*. С. 50), что имело место 17 декабря 1836 г.

---

* В оригинале по-русски: «Бутошникъ».

** В оригинале по-русски: «Царевичъ».

По мнению С. Кайдаш, письмо написано «уже после пребывания Пановой в лечебнице Саблера и разрыва ее с мужем» (Наука и жизнь. 1979. № 7. С. 64), т. е. в 1837 г.

Дальнейшая судьба Е. Д. Пановой сложилась трагично. В 1843 г. о ней упоминает в своем дневнике ее брат А. Д. Улыбышев: «Теперь живет у него (у брата Владимира.– *В. С.*) с каким-то побродягой старшая сестра моя Катерина Панова, оставившая мужа и совершенно потерянная» (Звезда. 1935. № 3. С. 189). См. также коммент. к № 88.

[1] Свою угрозу он выполнил; см. коммент. к № 88.

[2] Смесь соляной и азотной кислот, растворяющая все металлы, в том числе и золото; сильнодействующий яд.

XXXVI. *А. С. Пушкин* (*1836*)

19 окт.

Благодарю за брошюру, которую вы мне прислали [1]. Я с удовольствием перечел ее, хотя очень удивился, что она переведена и напечатана. Я доволен переводом: в нем сохранена энергия и непринужденность подлинника. Что касается мыслей, то вы знаете, что я далеко не во всем согласен с вами. Нет сомнения, что схизма отъединила нас от остальной Европы и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясали, но у нас было свое особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена [2]. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех. Вы говорите, что источник, откуда мы черпали христианство, был нечист, что Византия была достойна презрения и презираема и т. п. Ах, мой друг, разве сам Иисус Христос не родился евреем и разве Иерусалим не был притчею во языцех? Евангелие от этого разве менее изумительно? У греков мы взяли евангелие и предание, но не дух ребяческой мелочности и словопрений. Нравы Византии никогда не были нравами Киева. Наше духовенство, до Феофана, было достойно уважения, оно никогда не пятнало себя низостями папизма и, конечно, никогда не вызвало бы реформации в тот

момент, когда человечество больше всего нуждалось в единстве. Согласен, что нынешнее наше духовенство отстало. Хотите знать причину? Оно носит бороду, вот и все. Оно не принадлежит к хорошему обществу. Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы — разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов? Татарское нашествие — печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана [3], величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре [4],— как, неужели все это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел нас в Париж? и (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка? Думаете ли вы, что он поставит нас вне Европы? Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора — меня раздражают, как человек с предрассудками — я оскорблен,— но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал.

Вышло предлинное письмо. Поспорив с вами, я должен вам сказать, что многое в вашем послании глубоко верно. Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь — грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству — поистине могут привести в отчаяние. Вы хорошо сделали, что сказали это громко. Но боюсь, как бы ваши исторические воззрения вам не повредили... Наконец, мне досадно, что я не был подле вас, когда вы передавали вашу рукопись журналистам [5]. Я нигде не бываю и не могу вам сказать, производит ли статья впечатление. Надеюсь, что ее не будут раздувать. Читали ли вы 3-й № «Современни-

ка»? Статья «Вольтер» и Джон Теннер — мои, Козловский стал бы моим провидением, если бы захотел навсегда сделаться литератором. Прощайте, мой друг. Если увидите Орлова <?> и Раевского <?>[6], передайте им поклон. Что говорят они о вашем письме, они, столь посредственные христиане?

Пушкин. Т. XVI. № 1267.

Письмо не было послано адресату; на последней его странице А. С. Пушкин написал: «Ворон ворону глаза не выклюнет — Шотландская пословица, приведенная В[альтером] Ск[оттом] в Woodstock». По сообщению П. И. Бартенева письмо «найдено в бумагах В. А. Жуковского... возникает сомнение, было ли оно послано по назначению. Разве сам Чаадаев отдал его впоследствии Жуковскому?» (*РА*. 1884. № 4. С. 453). Последнее предположение П. И. Бартенева неверно; Чаадаев еще в 1839 г. обращался к В. А. Жуковскому дать ему для чтения письмо Пушкина (см. № 97), но ни тогда, ни, по-видимому, позже Жуковский так и не исполнил его желания. Это, конечно, не означает, что содержание этого последнего адресованного ему письма поэта осталось совершенно неизвестно Чаадаеву: и А. И. Тургенев и тот же Жуковский могли устно пересказать ему основные его идеи. Тем не менее сам Чаадаев, вероятнее всего, так и не читал это письмо.

[1] Имеется в виду отдельный оттиск *ФП I*, напечатанного в журнале «Телескоп», переданный Пушкину через И. С. Гагарина (см. Показания Чаадаева 1836 г. в т. 1 наст. изд.). Наиболее вероятной датой первого чтения Пушкиным *ФП I* следует считать 1830 г. «Как Вам кажется „Письмо" Чаадаева?» — спрашивал он в письме к Погодину в июне этого года (*Пушкин*. Т. XIV. № 500). По воспоминаниям Д. Н. Свербеева это письмо, распространяемое в то время Чаадаевым среди «людей ему коротких», «еще в рукописи и на французском языке произвело величайший эффект» (*Свербеев*. Т. 2. С. 334). В 1831 г. Пушкин увез в Петербург «рукопись» Чаадаева, в состав которой входили *ФП I, VI* и *VII* (см. примеч. 1 к № 52). Однако в 1830 и в 1831 гг. реакция читателей *ФП I* разительно отличалась от реакции 1836 г. В 1830 г. Чаадаев отразил в своем письме *действительное* сознание русского общества, жившего еще воспоминаниями казни декабристов и довольно скептически (если не враждебно) относившихся к тогдашней российской действительности. Например, в письмах А. С. Пушкина тех лет довольно часто встречаются нигилистические высказывания в адрес России: «Святая Русь мне становится невтерпеж. Ubi bene ibi patria *» (*Пушкин*. Т. XIII. № 76); «Какова Русь, да она в самом деле в Европе — а я думал, что это ошибка географов» (там же. № 81); «Давно девиз всякого русского есть *чем хуже, тем лучше*» (там же. № 89). Но наиболее резкие слова произнесены — и совсем не случайно — в мае 1826 г.: «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног — но мне досадно, если иностранец (Пушкин имеет в виду Ж. де Сталь.— *В. С.*) разделяет со мною это чувство. Ты, который не на привязи, как можешь ты

* Где хорошо, там и отечество (*лат.*).

оставаться в России? если царь даст мне *слободу*, то я месяца не останусь» (там же. № 266).

А П. А. Вяземский в письме к А. И. Тургеневу выразился так: «Неужели можно честному русскому быть русским в России? Разумеется, нельзя; так о чем же жалеть? Русский патриотизм может заключаться в одной ненависти к России – такой, как она нам представляется. Этот патриотизм весьма переносчив. Другой любви к отечеству у нас не понимаю... Любовь к России, заключающаяся в желании жить в России, есть химера, недостойная возвышенного человека. Россию можно любить как б..., которую любишь со всеми ее недостатками, проказами, но нельзя любить как жену, потому что в любви к жене должна быть примесь уважения, а настоящую Россию уважать нельзя» (*Вяземский П. А.* Старая записная книжка. Л., 1929. С. 337).

В 1836 г. подобные настроения у людей были изжиты; одни смирились с николаевским режимом, другие были им сломлены. Носителями общественного духа, выраженного Чаадаевым в *ФП I*, оставалась одна молодежь, которой, как по эстафете, досталось от старшего поколения неприятие существующего в России режима. К их числу отчасти принадлежал А. И. Герцен и всецело – В. С. Печорин, который в мае 1836 г. навсегда покинул «шпионствующую Россию», выехав на Запад из «ненавистной» ему Москвы (см.: *Печерин В. С.* Замогильные записки. Б/м., 1932. С. 37, 134).

Всеми этими обстоятельствами, по-видимому, и объясняется тот факт, что в полемику с Чаадаевым Пушкин вступил в 1836 г., а не в 1830 г., хотя судя по словам его письма («вы знаете, что я далеко не во всем согласен с вами»), какие-то споры между ними происходили и раньше. Следует также отметить, что большинство исследователей, занимающихся темой «Пушкин и Чаадаев», неправомерно преувеличивают разногласия между поэтом и мыслителем. Не имея возможности вступить здесь в полемику по этому поводу, отметим, однако, что оба они, и Пушкин и Чаадаев, посвоему были правы. Эпиграфом к истории их взаимоотношений можно было бы избрать слова Новалиса: «Разобщение поэта и мыслителя – только видимость, и оно в ущерб обоим. Это знак болезни и болезненных обстоятельств».

[2] Эту же мысль, но в контексте очень близком идеям Чаадаева Пушкин высказывал в 1834 г. в статье «О ничтожестве литературы русской» (опубликована посмертно): «Долго Россия оставалась чуждою Европе. Приняв свет христианства от Византии, она не участвовала ни в политических переворотах, ни в умственной деятельности римско-кафолического мира. Великая эпоха возрождения не имела на нее никакого влияния; рыцарство не одушевило предков наших чистыми восторгами, и благодетельное потрясение, произведенное крестовыми походами, не отозвалось в краях оцепеневшего севера ⟨...⟩ России определено было высокое предназначение ⟨...⟩ Ее необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь и возвратились на степи своего востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией ⟨...⟩» (*Пушкин.* Т. XI. С. 268–272).

[3] Иван III Васильевич и Иван IV Грозный.

[4] Пушкин имеет в виду «смутное время», начавшееся убийством царевича Дмитрия в Угличе в 1591 г. и закончившееся коронованием Михаила Романова в Ипатьевском монастыре в 1613 г.

[5] Вполне закономерен вопрос: что посоветовал бы Пушкин Чаадаеву, если бы в тот момент, когда последний «передавал свою рукопись журналистам», поэт оказался бы «подле» него? В исследовательской и критической литературе высказывалось предположение, что Пушкин скорее всего отговорил бы Чаадаева от публикации *ФП I*. Это предположение, однако, снижает гражданский и нравственный образ поэта. Наиболее вероятными представляются три предположения: 1) Пушкин, хорошо осведомленный в литературной жизни страны, знал, что еще в 1832 г. А. Х. Бенкендорф, усмотревший «расположение издателей (журналов «Телескоп» и «Телеграф».– *В. С.*) к идеям самого вредного либерализма», призывал тогдашнего министра просвещения кн. Ливена обратить на эти журналы особое внимание (см.: *РС*. 1903. Кн. II. С. 312–313). Зная это, Пушкин, скорее всего, посоветовал бы Чаадаеву опубликовать *ФП I* в другом издании; 2) зная «взрывную силу» идей Чаадаева, изложенных в *ФП*, Пушкин вполне мог посоветовать Чаадаеву публиковать их не по одному, а все сразу. Раздельная публикация писем была, конечно, тактической ошибкой Чаадаева, и Пушкин, к тому времени уже вполне искушенный в литературной политике, разумеется, не мог этого не увидеть; 3) наконец, Пушкин мог посоветовать Чаадаеву издать письма в другой последовательности и смягчить (или убрать) наиболее резкие в них места с точки зрения цензуры (известно, что Чаадаев не был глух к такого рода советам; см. примеч. к *ФП*). В «Записках А. О. Смирновой» рассказывается о беседе Пушкина с С. А. Соболевским по поводу *ФП I*, в ходе которой «Пушкин сожалел, что Чаадаев напечатал их (имеются в виду «статьи» Чаадаева, как называет *ФП I* А. О. Смирнова.– *В. С.*) по-русски и не посоветовавшись с ним» (СПб., 1897. Ч. 2. С. 16).

[6] Имена Орлова и Раевского тщательно вычеркнуты и восстановлены предположительно.

XXXVIA. *А. С. Пушкин* (*черновик*)

19 октября 1836 г. Петербург.

Петр Великий [уничтожил] укротил дворянство [указом], опубликовав Табель о рангах, духовенство – [положив свою шпагу] отменив патриаршество [(NB Наполеон говорил Александру: вы сами у себя поп, это совсем не так глупо)]. Но одно дело произвести революцию, другое дело это [ее сохранить] закрепить ее результаты. [До Екатерины II продолжали у нас революцию Петра, вместо того, чтобы ее упрочить. Екатерина II еще боялась аристократии; [и не поставила границ тем] Александр сам был [революционером якобинцем]; Вот уже 140 лет как *Табель о рангах* сметает дворянство; и ны-

нешний император первый воздвиг плотину (очень слабую еще) против наводнения демократией, худшей, чем в Америке (читали ли вы Токвиля? [он напугал меня] я еще весь разгорячен его книгой и совсем напуган ею).

Что касается духовенства, оно вне общества [потому что борода-то — вот и все] оно еще бородато. [Его нигде не видно, ни в наших гостиных, ни в литературе, ни в] Оно не принадлежит к хорошему обществу. Оно [не выше народа] не хочет быть народом. Наши государи сочли удобным оставить его там, где они его нашли. Точно у евнухов — у него одна только страсть — к власти. Потому его боятся. И [я знаю] кого-то [кто] несмотря на всю свою твердость, согнулся перед ним в одном важном вопросе — [что в свое время меня взбесило] [1].

[Вы из этого заключаете, что мы не] Религия чужда нашим мыслям и нашим привычкам

ну и прекрасно, но не следовало этого говорить.

Ваша брошюра произвела, кажется, большое впечатление. Я не говорю о ней в обществе, в котором [нахожусь].

Что надо было сказать и что вы сказали — это то, что наше современное общество столь же презренно, сколь глупо; [что оно не заслуживает даже], что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всему, что есть справедливость, право и истина; [это циничное презрение] [ко всему], что не является [материальным, полезным] необходимостью. Это циничное презрение к мысли, [красоте] и к достоинству человека. Надо было прибавить (не в качестве уступки [цензуре], но как правду), что правительство все-таки единственный Европеец в России [и что несмотря на все то, что в нем есть тяжкого, грубого, циничного] И сколь бы грубо [и цинично] оно ни было, только от него зависело бы стать во сто крат хуже. Никто не обратил бы на это ни малейшего внимания.

[Завоевания [Игоря] Рюрика [и Олега] стоят завоеваний Нормандского Бастарда]. Юность России [развилась] весело прошла в набеги Олега и Святослава и даже [в том порядке вещей] в усобицах, которые были только непрерывными поединками — следствием того брожения и той активности, свойственных юности народов, о которых вы говорите в вашем письме.

Нашествие — печальное и великое зрелище — да, нашествие татар, разве это не воспоминание ⟨...⟩

Пушкин А. С. Письма последних лет. 1834–1837. Л., 1969. С. 156.

[1] Ср. в т. 1 «Заметки на книгах», № 58 и примеч. 24.

XXXVII. *Неизвестная.* *Замечания на письмо Чаадаева (1836)*

Вы меня любите за откровенность,— позвольте же воспользоваться силою вас пленившею и сказать чистосердечно все, что думаю о вашем письме.

Я совершенно с вами согласна: размышления о вере должны порождать высокие помыслы; или, говоря вашим языком, из чистого источника не могут рождаться помыслы нечистые. Но и в этом случае вы не вполне правы: размышления о вере не могут, не должны быть дозволены всем; ум ограниченный потеряется и породит заблуждения несравненно злейшие равнодушия. Пример не далек: в моей, в вашей деревне,— посмотрите на страшную разновидность раскола в одной и той же семье! *

Отчего же это происходит? — невежество вмешалось не в свое дело; высокие истины веры остались недоступными, а буйный разврат и своеволие заменили строгое единство церкви. Но вот что замечательно: вы с ними имеете одно общее заблуждение, ибо они тоже говорят: «отче, да будут едино якоже и мы».

Высокое чувство любви к отечеству, столь часто воспламеняющее и наше женское сердце, есть преимущественно ваше достояние, а вы, да простит вас Господь, отнимаете это родное чувство у русских! Я не припомню всех имен, освященных преданиями, но и тот, кому теперь 25 лет, уже богат родною славою. Лишь уверенность, что это одна экзальтация вашей любви к отечеству, желающая нам еще более славы, побудила вас сказать такое хуление, извиняет вас в глазах моих. Я надеюсь далее показать вам прямое назначение России, теперь ⟨же⟩ приступив к разбору.

---

* У некоторых раскольников все члены семейства разделены разномыслием (здесь и далее все подстрочные примечания, кроме специально оговоренных, принадлежат автору письма.— *В. С.*).

Вы говорите: «Мы не принадлежим ни к одному из великих семейств человечества, ни к Западу, ни к Востоку; не имеем преданий ни того, ни другого».

Слава Богу, мы самобытны! Как же вы сами вслед за вашим рассуждением не были поражены этою мыслию?

«Всемирное образование нас не коснулось».

Неправда, мы в нем крещены! Но мы еще в пеленах, а европейцы идут уже на костылях. Если наши женщины ищут, чем наполнить день, если им начинает быть тесно в рамках, в которых они стоят лишь картинами,— опять слава Богу, они начинают одушевляться! Скажу без гордости: мы, женщины, вообще образованнее вас, мужчин; вот почему мундир уж не имеет прежней силы. Теперь, чтоб нравиться, необходим вам ум, образование. По этой именно причине и вам все кажется как будто на ходу.

Все, что говорите вы о массах, кажется мне просто вашею недальновидностию, происходящею, как вы <сами> же говорите, от ложного о себе понятия; по дружбе к вам скажу вашими же словами: научитесь жить благоразумно в нашей данной существенности!..

По-вашему, мы как народ не имели юности; если вы хотите сказать в прошедшем, я согласна, ибо мы юны теперь. А вы, живши в чужих краях, преждевременно состарились и думаете, что вместе с вами жила там и Россия! Хотите ли ее постичь, забудьте себя, ваш век и все, чем вы отжили, тогда вы увидите ваше отечество полное цвета и юности, рожденное только со времен Петра; говоря свойственным мне, женщине, языком, я скажу, что до того обширная наша земля носила нас как мать во чреве.

«У нас нет памятников прошедшего».

И вы живете в Москве! Где же, где Спаситель, открывающий очи слепорожденным?

«Мы живем в каком-то равнодушии и проч».

Опять живой очерк самого себя; вы просили чистосердечия, и, воля ваша, мне кажется, вы — тот ребенок, которому не дали гремушки.

«Истинное общественное развитие [не начиналось еще для народа, если жизнь его не сделалась правильнее, легче, удобнее неопределенной жизни первых годов его существования. Как может процветать общество, которое,

даже в отношении к предметам ежедневности, колеблется еще без убеждений, без правил; общество, в котором жизнь еще не составилась? Мир нравственный находится здесь в хаотическом брожении, подобном переворотам, которые предшествовали настоящему состоянию планеты]. И мы находимся еще в этом положении».

Вот истина; Россия, точно, в брожении; кампания 1815 года, пребывание войска во Франции, слова и действия Александра в Польше, происшествия при воцарении Николая, а более всего быстрое развитие промышленности в наше время — суть источники брожения. Вы много жили во Франции; напротив, я никогда не покидала России; в 1825 г. жила я в деревне и, как (всякая) женщина спешила к коронации в Москву[1]. Около Владимира на дороге я случайно зашла в одну крестьянскую избу и удивилась, найдя там производство стекла и фарфора; любопытная я разговорилась с мужичком и узнала, что он весьма выгодно торгует; я порадовалась его житью-бытью; напротив, молодой фабрикант отвечал мне пасмурно: «Все хорошо, матушка, пока жив добрый барин, а там Господь ведает, какому-то достанемся; разорит да проиграет нас в карты,— нет на нас закона!» Я содрогнулась. Последние слова — «нет на нас закона»,— ясно доказывают сознание истины житейской, имеющей постоянное влияние на человека. Вы правы, Россия в брожении, да и вы сами, взятый как факт, не о том ли же свидетельствуете?

Все рассуждения ваши, заключающиеся вопросом — «в чем дело, что это за воспитание человеческого рода, и какое место занимаем мы в общем порядке мира?» — разрешаются не в вашем смысле. «Мы явились [в мир] как незаконнорожденные дети, без наследства и без связи с людьми [которые нам предшествовали]».— Да будет по вашему глаголу, этим самым сравнением вы нас ставите выше других народов. Вы знаете, что незаконнорожденные все-таки рождены по законам Творца, стоящих выше человеческих, и, что уж было, не помню, кем-то замечено, имеют то преимущество пред законными, что отличаются красотою и разумом. Оно понятно: последние обыкновенно родятся от связей, происходящих наиболее по условным прихотям общества, тогда как первые *

---

* В рукописи ошибочно написано «последние» (*В. С.*).

создаются любовию! А по законам природы, средние тела тем правильнее и чище, чем начала оных имели более между собой сродства, или любви. И так, русские, по-вашему, незаконнорожденные; по-моему, отменно счастливы тем, что созданные по любви Творческой, вопреки вашему Востоку и Западу, и пройдут своей дорогой, которую сами себе проложили на все четыре стороны; и тем славнее будет их поприще, что без законного наследия они все должны стяжать силою мышц и разума!

«Нам должно молотами вбивать [в голову] то, что у других стало привычкою, инстинктом».

Вы опять говорите о ком-то, но не о русских; нас можно укорять во многом, но исключая недостатка в переимчивости, воспринимаемости; вы сами — мое доказательство! А эта гибкость опять доказывает наш юный возраст, извольте что-нибудь привить Китаю. Впрочем, вы ‹сами› же говорите: «мы растем, но не зреем»,— дайте же нам вырасти, не требуя преждевременной зрелости, лучшие плоды не скороспелки.

«Мы народ исключительный».

Конечно, ибо мы во всем неизмеримо велики; детство наше — продолжительный ряд веков, в который другие народы успели родиться, возмужать и состариться. Вспомните старца, молившего продолжить страдания матери Петра, дабы ребенок был великим! Мы поистине существуем для преобразования человечества, которого отрасли давали и дают нам уроки.

Я было пропустила мысль, непростительную в человеке, дерзающем со столь высокой точки взирать на человечество, мысль, что «русские не составляют необходимой части человечества».— Как,— народ, которого Господь так попечительно бережет и лелеет, который в юности уже исполин, громящий вселенную,— не есть необходимость? Нет, ваши уста, кажется, созданы на возбуждение в нас, русских, негодования, в котором подавляя вас нашим величеством, заставим и под пятою гордиться имением русского.

Вы говорите, в 1829 году, что у нас нет идеи долга, закона, правды, порядка и составляете из этого атмосферу Запада. Признаюсь вам, этот воздух Запада для меня отзывается миазмом, особенно когда подумаю, в каком гниении находятся там все идеи долга, справедливости, порядка, закона! Нет, я люблю, люблю свежий воздух

России, в которой эти осеняющие благосостояние народов дерева пускают свежие корни и мечут во все стороны быстрые побеги молодых ветвей. Посмотрите внимательнее и вы увидите, по чего лучше, по какому поводу говорить об этом так громко, так вольно, во всеуслышание, если не потому, что вы отовсюду внемлите требование * разведения сего сада, о котором наш царственный хозяин так печется.

«От этого, вы найдете, что нам всем недостает основательности».

Опять, рассматривая самого себя, вы приемлете часть за целое; неужели это еще не следствие красноречия, ваш любимый троп, непрестанно повторяемый на стр. 289 и 290. Что же касается до мнимой немоты наших лиц, позвольте вам заметить, что вы весьма плохой наблюдатель. Один из моих знакомых, объехавший всю Россию именно как физиономист и последователь Галля, сказывал мне, что нет лица выразительнее прямо русского лица костромской, ярославской или другой великороссийской губернии.

Все, что вы утверждаете о нашем равнодушии к дурному и хорошему, я почти готова допустить, если вы заключите весь круг ваших наблюдений в гостиных. Этот отдел, вставленный иногда во власяную раму бакенбард средних веков, иногда в позолоту военного мундира, поистине таков, каким вы его изобразили,— но как же думать, что это Россия? Сперанский, Паскевич не тут образовались.

По вашим словам, «надо изучить общий дух, их животворящий». Отчего же вы не следуете этому прекрасному правилу, а запершись в ничтожный круг, судите по части необъемлемое целое?

«Мы находимся под влиянием [особого рода сил, развивающихся в избранных членах общества]. Массы, [сами] не думают...» — стр. 292.

Это общее место в застарелых суждениях Запада; напротив, у нас именно массы думают и нет частных мыслителей, которые были бы в силах совокупить в себе собирательное мнение народа. Народ без этих светильников сам идет вперед гордо, спокойно, торжественно. У нас один светильник — Царь, и этого света достанет озарить

* Так в оригинале (*В. С.*).

нас вполне. Вы, нас порицающий, вы не имеете понятия о России; я вам расскажу случай, вполне доказывающий справедливость моих слов. Один визитатор училищ проезжал Вятскую губернию и там в диких лесах был остановлен крестьянами. «Мы слышали, батюшко, что ты, сударь, ездишь для школ».— Да, отвечал он.— Ну, кормилец, посмотри-ка новы наши домы? — Прекрасны.— Хороша ли церковь? — Очень.— Ну, то-то, отец, все есть, да нет школы!» Это крестьянское народное сознание в потребности просвещения постигнуто нашим светильником, и вы, конечно, знаете, как заботятся о распространении законного, правильного, нужного образования. Тогда как во Франции, я слышала, правительство должно принуждать заводить школы. Заметьте эту спокойную, покорную и вместе красноречивую просьбу и вы постигнете вполне характер русского народа,— у нас думают и действуют массы; наши мудрецы идут тихо <и> верно к цели: Сперанский, уже в сединах, дает по воле Николая свод законов!

Я, признаюсь, не вижу, почему, опираясь одним локтем на Китай, сгибший во всех отношениях, а другим — на Германию, должны мы соединить воображение и рассудок, почему на том же основании должны в нашем образовании совмещать историю мира — нет, я этого не вижу. Но если вы ищете к тому повода, обратитесь к нашему медленному народному развитию, к свежести наших народных сил, мы только что зачинаем иметь доморощенных поэтов, а это первая степень образованности.

«Опыт веков для нас не существует».

Почему? Не мы ли ежедневно им пользуемся и, осторожные, конечно, избежим кровавые перевороты.

«Общий закон человечества не для нас».

Какой закон? Я, признаюсь, не ведаю, какому общему закону мы чужды.

«Отшельники в мире, мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него».

О том, что мы взяли у других, и говорить нечего, и дали мы другим — один из самых лучших уроков веротерпимости.

Стр. 294, 295: «[Мы составляем] истинный пробел в порядке разумения <...>. [Ведомые злою судьбою, мы заимствовали первые семена нравственного и умственного

просвещения у растленной, презираемой всеми народами Византии]».

Я не понимаю, что так оскорбляет в растленной Византии? Вспомните жен, окружавших Иисуса! Священный огонь, тлеющий в гнилом стволе дерева, легко поджигает целый лес, если ветер нанесет хоть одну ветвь, способную воспламениться. Не в том дело, откуда дар, а — что он?

«Ведомые злою судьбою»,— говорите вы, но где же ваши христианские мнения? Что такое судьба без воли Провидения? Как, народ, долженствующий быть чем мы суть, руководим не Христом, а какою-то злою судьбою? Последователь Христа, вы забыли его учение.

«Уединившись в наших пустынях, мы ничего не видели происходившего в Европе; мы не вмешивались в великое дело мира».

Что из того? Одно, конечно, тогда было: не наша очередь, мы были молоды. А за тем немудрено разрешить вопрос: можем ли мы усвоить европейское Просвещение? Не токмо можем, но уже усвоили и готовим ей новое. Тогда как ветхая Европа будет распадаться на части, мы — сильные и свежие — станем в отношении к ней тем, чем Рим был некогда в отношении к Греции, но в превосходной степени, ибо человечество в частной жизни не упадает, но усовершается.

Стр. 297, 298, 299: «Тот не понимает христианства, кто не видит его стороны исторической».

Развивая эту мысль, упрекаете Россию как бы в нечувствительности к действиям веры. Опять незнание отечества. Скажите, где более раскола, чем в России? Что означает раскол? Не думайте вместе с большинством незнающих, что все дело состоит в произношении некоторых слов так или иначе и в мнимой незаконности пострижения наших священнослужителей,— нет, это наружные предметы, все это для толпы. Вникая в тайны этих общин, вы увидите замечательное развитие русского здравого смысла, могучую наклонность действовать союзно, словом, все начала народного переворота. Подумайте только, что эта незамечаемая сеть раскинулась от границ Китая до берегов Черного моря и проходит сильными связями через Воронеж, Курск, Кострому, Владимир, Москву, то есть через самую деятельную, просвещенную

часть России *. Знаете ли, что грамотности у них во столько раз более, чем у православных, во сколько среднее наше сословие образованнее большей части дворянства. Вот предмет достойный зоркого внимания; в сем отношении человек, подобный вам, преданный ⟨в⟩ чистоте помыслов истинному учению Христа и любви к отечеству, мог бы, действуя с самоотвержением, принести несказанную пользу человечеству... Но нет, и в этом отношении я бы на вас не положилась, ибо ваша неосторожная ревность раздула бы дремлющий огонь и только ускорила бы пожар, который лишь мудрые действия правительства предупредить могут. В этом случае уместно повторить ваши слова: «наше ограниченное зрение не может обнять время, в которое должны осуществиться вечные предначертания Божественной мудрости». И потом: «каждый должен знать свое место». Позвольте мне думать, что если бы вы подолее остановились на этих истинах, вы бы, конечно, переменили и вашу действительную жизнь и ваши мнения о России.

Напрасно сожалеете вы на стр. 300 и 307 о том, что мы не на одном языке и не в один момент молимся с Европой; поверьте, Европа уже не молится! Там вера утратила свое владычество, дряхлеющие ее формы едва держутся на костылях, правительствами подготовленных. Оставьте нам наш Божественный славянский язык, он возвышает душу и в своем мраке блестящ и ясен для тех, кои по образованию и разуму более других достойны к восприятию высоких истин — правила веры для всех, мудрость ее для избранных!

«Не очевидно ли, что должно стараться оживить в нас веру?»

Вы все упрекали Россию в неподвижности, и вот новое доказательство, что вы принимаете часть за целое: не вы ли хотите нас отодвинуть в средние века, во времена варварства, когда народы бились за веру! Не нужны ли вам Варфоломеевская ночь? мученичество? Нет, христианство совершило свой великий подвиг, оно упре-

* Этого мало, я уверена, что и вы знаете о существовании в России особенного рода странствующего монашества; это люди, не принадлежащие к монастырям, но ходящие в одежде келейника, принимающие вид юродивых. Они, владея вполне церковным языком и духовною грамотностию, распространяют мнения... Правительству следует обратить на них внимание.

дило все народы, а по свежести сил и духа у нас, именно у нас, должно начаться перевоспитание человека. Я слышала, ‹как› однажды после пасхальной заутрени Государь сказал часовому во дворце. «Христос воскрес!» — «Нет,— отвечал часовой,— я еврей!» — Вы бы его убили,— кто же в среднем веке? неподвижен?

Все, что вы толкуете об Англии,— несправедливо, ошибочно; зачнем с физиономии, когда вы так ее любите. Во-первых, резкость ее не составляет превосходства: калмыки, эскимосцы, негры имеют черты отличительно резкие, отличающиеся от прочих,— где же их превосходство? Напротив, просвещение, именно религиозное, смешанные поколения уничтожают разности, вот почему мы, русские, иногда калмыковаты, пусть же чистая кровь говорит: да будут якоже и мы! В 1829 году Англию волновали выгоды религиозные не под действием фанатизма, но по требованиям гражданского быта, там проявлялось не смирение веры, но гордость гражданина вольности. И следственно опять ваше сравнение неудачно, вместо примера для нас нового, вы именно наткнулись на такое требование Англии, которое давным-давно удовлетворено в России. Позвольте же мне заключить мое письмо советом: возвратитесь душою в Россию, будьте по сердцу русским и в тишине изучив ваше отечество, возвысьте голос, он тогда будет сладок каждому, ибо раздастся гимном благодарственным!

Публикуется с писарской копии, хранящейся в *ИРЛИ*, ф. 50, ед. хр. 238. Датируется по содержанию.

В тексте письма указаны страницы журнала «Телескоп» (№ 15, 1836). В подлиннике некоторые цитаты из *ФП I* даны в сокращении; в настоящем издании такие цитаты дополнены по смыслу, пропущенные слова заключены в квадратные скобки.

[1] Ошибка автора письма: коронация Николая I состоялась в Москве 22 августа 1826 г.

XXXVIII. *М. Я. Чаадаев*

26 января 1837 г. С. Хрипуново.

Любезный брат Петр Яковлевич. Письмо твое от 11 Генваря [1], в котором уведомляешь о постигшем тебя несчастии, получил.

Кроме очень ненадежного здоровья и совершенного недостатка в деньгах, некоторые крайне неприятные об-

стоятельства лишают меня всякой возможности теперь ехать в Москву. Но употреблю старание сколь можно скорее освободиться и приеду, но до того времени обязал бы ты меня очень, уведомив, могу ли что для тебя сделать.

Если объявление тебя сумасшедшим сделано неправильно, то так как тебе самому нельзя просить,— мой долг от своего имени просить где следует, но для этого надобно знать: как, кем ты объявлен сумасшедшим,— каким присутств‹енным› местом или лицом, откуда последовал указ, как производилось следствие, и прочие все обстоятельства, о которых ты меня не уведомил. Разумеется, что если все происходило законным порядком, то и просить не о чем, и нельзя. Также очень бы меня обязал уведомлением: привыкши к обществу, не чрезвычайно ли трудно для тебя уединение? могут ли навещать и навещают ли тебя знакомые?

Накануне нового года получил письмо от Максима Ефимова, пишет, что тетушка в самом слабом состоянии здоровья. Не можешь ли ты получить позволение ехать в Алексеевское по этой причине?

Как выше сказал, употреблю всевозможное старание, чтоб в непродолжительном времени можно было ехать в Москву.

Михайло Чаадаев.

СП I. С. 396. Чаадаев ответил письмом № 89.

[1] Письмо П. Я. Чаадаева от 11 января 1837 г. неизвестно.

XXXIX. *Ф. д'Экштейн (1837)*

Милостивый Государь, прошло уже много месяцев, как я получил письмо, которым вы благоволили почтить меня; уже много месяцев также, как я собираюсь отвечать вам, но вы не сообщили мне вашего адреса; господин Тургенев, который мог бы мне дать его, был в отъезде; теперь, когда он вернулся, я пользуюсь случаем, чтобы выразить вам всю мою признательность и мое живое сочувствие вашим взглядам и доктринам. Восток — новый мир; он будет отныне для старой революционной Европы тем, чем Америка была для старой протестантизированной Европы; он обновит в ней источник творчества, он направит ее моральную деятельность, равно как и ее деятельность материальную, он помешает ей вра-

щаться исключительно вокруг самой себя с тем, чтоб пожирать себя. Мы не будем подражать тому, что не заслуживает подражания, но мы не будем также и полагать, что достигли геркулесовых столпов, как это воображали в прошлом веке. Таковы некоторые из взглядов, которые я стараюсь выставить в периодическом труде, который я здесь выпускаю в свет под заглавием Revue françaize et étrangère. Правда, промышленность нас захватывает и властвует над нами, но я не вижу в этом зла; лучше уж промышленность, чем леность. Невозможно, чтобы человеческая деятельность развивалась исключительно на какой-нибудь одной точке; рано или поздно она пробьется и в остальных дисциплинах; в этом направлении я и стараюсь бороться, не позоря однако при этом моего века. Всегда следует принимать то, что существует, с тем однако, чтобы видоизменять его и извлекать из него возможно большую пользу.

Благоволите принять, милостивый государь, выражение всей моей признательности, равно как высокого и совершенного почитания, с которыми имею честь быть

барон д'Экштейн.

Париж, улица Мондоре, 5
12 октября.

СП II. С. 314.
Написано в ответ на письмо Чаадаева от 15 апреля 1836 г. (см. № 74).

XL. *М. П. Погодин (1840)*

Смею напомнить Вам, Милостивый Государь Петр Яковлевич, об обещании Вашем попросить Катерину Николаевну[1] о передаче мне черновых бумаг Ломоносова, находящихся у г. Вельтмана[2]. Вы сделаете мне великое одолжение. Мне очень жаль, что я по причине своей болезни не могу лично засвидетельствовать ей своего почтения. Примите уверение в искреннем моем уважении.

Ваш покорный слуга М. Погодин.
20 Авг.

Публикуется с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 43. Датируется на основании упоминания «черновых бумаг Ломоносова», которые А. Ф. Вельтман использовал в своей книге «Портфель служебной деятельности М. В. Ломоносова», изданной в начале 1840 г.

[1] Екатерина Николаевна Орлова.

[2] Бумаги М. В. Ломоносова, по-видимому, хранились в «древлехранилище» М. П. Погодина (см. примеч. 1 к № 148), одолжившего их А. Ф. Вельтману на время его работы над книгой.

А. И. Тургенев находил некоторое сходство во взглядах Ломоносова и Чаадаева на Россию. 16 января 1837 г. он писал А. Я. Булгакову: «В этом письме Ломоносова многое сбылось в России, другое еще таится в будущем, но есть и чаадаевщина и кое-что пахнет ересью...» (Письма А. Тургенева Булгаковым. М., 1939. С. 207). О каком «письме Ломоносова» здесь говорится, неизвестно, но некоторые следы «чаадаевщины» (осуждения православного духовенства) и «ереси» встречаются в сочинении М. В. Ломоносова «О размножении и сохранении Российского народа» (1761), написанном в форме письма к И. И. Шувалову (*Ломоносов М. В.* Избр. философ. сочинения. М., 1940. С. 284–298).

XLI. *М. Я. Чаадаев*

22 декабря 1840 г. С. Хрипуново.

Любезный брат Петр Яковлевич.

Письмо твое от 10 ноября[1] получил 16 числа сего декабря месяца. Не знаю, отчего оно так поздно мне доставлено. На почту посылаю регулярно каждую неделю, и в почтовой конторе письма, на мой адрес приходящие, до сего время всегда выдавали без задержания. Подозреваю, не написал ли ты 10 ноября ошибкой вместо 10 декабря.

Может быть, ты с своего письма не оставил у себя копии или чернового. А так как мне нужно, чтоб ты, читая мой ответ, имел в виду свое письмо, то прилагаю при сем с него копию.

Ты спрашиваешь: могу ли я тебе дать у себя пристанище. Так как ты ниже пишешь, что знаешь, что у меня нет никакого строения, где бы ты мог поместиться, то полагаю, что ты под словом «пристанище» разумеешь землю для построения на ней жительства. Отвечаю: земли для построения я дать тебе могу.

Есть даже два помещения, в которых я живал прежде нежели стал жить в том домике, в котором теперь живу,— но годятся ли для тебя — сомневаюсь.

Потом построить что-нибудь можно ли будет? — разумеется можно — были бы деньги, материал, полагаю, здесь можно найти (не знаю, однако, найдется ли приготовленной сухой лес),— но трудно найти знающих свое дело и исправных мастеров. Есть много таких, которые

срубят какое угодно строение, но под руководством и надзором знающего. Но кто будет иметь этот надзор — не я, потому что я по этой части никакой опытности не имею.

Старый дом отделать в тот вид, в каком он некогда был, кажется, не будет расчетливо. Он слишком уже ветх — едва ли стоит хлопот и денег, которые надо на это употребить. А денег надо множество, потому что он кроме стен ничего не имеет. Притом же он слишком велик для небольшого хозяйства.

Перестроить из него другой, в меньшем размере, я сам уже имел проект, но нашел большие затруднения. Приступить к этой перестройке, кажется, иначе нельзя, как надобно хозяину сделать план и спросить плотника, подрядчика, можно ли по этому плану перестроить,— или подрядчику сделать план, по которому можно бы было перестроить, а хозяину рассмотреть, удобен ли для него этот план. Вероятно, что не только один, а несколько планов, составленных хозяином, будут подрядчиком признаны неудобоисполненными, и что, с другой стороны, хозяину не полюбятся планы подрядчика.— Не говоря уже о том, что старый дом все будет старый дом, а работа станет не менее или более постройки нового дома.

Спрашиваешь: нельзя ли найти квартиру в Ардатове,— справлялся я,— теперь есть квартиры. Одна из них (*для памяти*: дом казначея Яновского), кажется, хороша, не дорога. Долго ли она простоит незанятою, не знаю,— к какому времю тебе нужна квартира в Ардатове, ты не пишешь.

В письме твоем, как оно ни коротко, много есть для меня не понятного.

Во-первых, ты пишешь, что у тетушки дом очень худ, зимой почти необитаем, и потому принужден прибегнуть ко мне,— а ниже ты говоришь, что знаешь, что у меня нет строения, где бы ты мог поместиться теперь, но что в продолжении лета полагаешь можно будет что-нибудь построить. Итак, по собственным твоим словам, у тетушки есть для тебя помещение хотя какое-нибудь, а у меня никакого нет. Летом же построить можно что-нибудь так же в Алексеевском, как и в Хрипунове, но до Хрипунова от Москвы 400 верст, а до Алексеевского 80 верст. Несмотря на это, предпочитаешь Хрипуново Алексеевскому для устроения себе убежища.

Во-вторых: почему, если не в доме Левашова, то уже и ни в каком другом доме в Москве жить тебе не можно, и неужели нет в Москве отдающихся внаймы квартир?

Так как эти два темных места до меня лично не касаются, то я не имею права просить и не прошу на них объяснения.

Но вот статья или фраза, которая до меня касается и чтоб понять которую, я ломал себе голову целую неделю (со дня получения твоего письма до сей минуты, когда я это пишу) без всякого успеха: *«к тому же имея в руках мои деньги, ты можешь предложить мне какие тебе угодно условия».*

Какие твои деньги имею я в руках?

Разве считаешь на мне какую недоимку в ежегодном тебе платеже условленных семи тысяч рублей ассигнац.?

И почему мог бы я предложить тебе какие мне угодно условия, если б и были у меня в руках твои деньги?

И какого рода условия могу я тебе предложить за позволение жить на моей земле, а в этом позволении заключается все, что ты от меня требуешь?

Признаюсь тебе, что у меня голова ныне очень слаба становится, и что трудная очень для меня работа стараться отгадывать загадки, а потому очень благодарен буду, если сообщишь объяснение — я буду его ожидать.

Позволь мне тебе посоветовать: прежде нежели отправишься из Москвы в Хрипуново,— съездить к тетушке. Ей 78 лет, следовательно, очень не долго уже ей остается жить, и, вероятно, ты ее уже не увидишь, если перед отъездом с ней не повидаешься. Если бы здоровье и обстоятельства позволяли, то я давно б у нее побывал. Если бог даст, что она и я будем оба живы в будущем лете, то я не отчаяваюсь к ней съездить. Скажи ей это, сделай одолжение, если с ней увидишься.

Михайло Чаадаев.

Публикуется с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 74, лл. 20–21.

[1] Письмо П. Я. Чаадаева от 10 ноября 1840 г. неизвестно.

XLII. *А. П. Глинка (1840)*

Милостивый Государь, Петр Яковлевич!

Я сочла бы себя виноватою, если бы, прежде других, не препроводила к Вам изданной мной книги: «Жизнь

Пресвятой Девы Богородицы». В разговорах Ваших, когда мне случалось их слышать, я всегда замечала направление религиозное, которое гораздо утешительнее нынешнего модного философического. Религия имеет в себе столько обетов, столько теплоты и пищи для души, которая так часто зябнет и томится среди мудрований века, может быть и блистательных, но мало утешительных. Я уверена, что Вы уважаете пресвятую Деву за высокую теплоту и мирные добродетели, которых Она была совершенным образцом. Прочтите жизнь ее и да хранит Вас Она, всегда готовая молиться за нас, на путях жизни Вашей.

С отменным почтением и совершеннейшею преданностью имею честь быть, милостивый Государь. Вам покорною ко услугам

Авдотья Глинка.

P. S. Ф. Н.[1] совестится, что не был у Вас: этому причина избыток наших хлопот и недостаток здоровья.

Публикуется с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 103, п. 9835 (Авт. 2, 5). Датируется на основании упоминаемой книги А. П. Глинки «Жизнь Пресвятой Девы Богородицы» первое издание которой вышло в свет в 1840 г.

[1] Ф. Н. Глинка – муж А. П. Глинки.

XLIII. *С. И. Мещерская*

1 марта 1843

По правде говоря, добрейший и глубокоуважаемый г-н Чаадаев, нужна была только ваша безграничная доброта, чтобы столь предупредительно принять во внимание мои расспросы про конуру на Басманной: и знайте, что я отношусь к ней почти с симпатией, потому что благодаря ей я получила ваше милое письмецо[1], которое принесло мне несказанное удовольствие; да-да, один вид строчек, написанных вашей рукой, обрадовал меня, и это свидетельство ваших добрых чувств преисполнило меня живейшей благодарностью, ибо я очень дорожу местом в вашем сердце, закрытом для равнодушных и таком необыкновенном в своих дружеских привязанностях. Мои заслуги, конечно, не дают мне права причислять себя к вашим друзьям; но мне, по крайней мере, дано испытывать восхищение, внушаемое вашими добродетелями и вашим высоким умом. Так редко встречается великий ум

в сочетании с добрым и любящим сердцем, полным сострадания к слабостям и несовершенствам ближнего,— именно это качество столь выгодно и отличает вас. Не говорите мне, дорогой г-н Чаадаев, что когда я буду проезжать Москву между 12 и 15 мая, я не застану вас более здесь; это меня очень огорчит; я обещала своей золовке не покидать ее — она так рада, когда я с ней. Эту женщину, вне зависимости от моей к ней привязанности, я всегда буду считать несоразмеримо выше и умом, и душой, и чувствами. Вот еще одно существо, за которое нужно возблагодарить провидение,— какая терпимость, какая правдивость, какое возвышенное сердце — и никакой мелочной низости, скрытности, столь присущей нашему полу. Она и моя племянница Елена объединяют в себе все возможные для женщины совершенства. Любя их, я становлюсь лучше. Моя жизнь проходит так спокойно и настолько заполнена чтением и беседами в семейном кругу, что я думаю об окончании моего пребывания здесь с грустью, которая граничила бы с отчаянием, если бы я уезжала не к моей доброй матери. Я уже долго живу в разлуке с ней. А жизнь в ее возрасте и при ее здоровье не настолько неуязвима, чтобы я не боялась долгих разлук: я еще не уверена, что смогу принять предложение Аннет Голицыной, моей милой подруги детства, остановиться у нее, когда я буду проезжать через Москву,— быть может, она уедет в <нрзб.>, куда торопится навстречу весне. Я счастлива, что вы с ней в хороших отношениях. Эта женщина, способная вас оценить. Письмо это представляет собой, так сказать, географическую карту моего сердца. Я рассказала вам о приятных сторонах нашей жизни, но есть одна печальная и мрачная. Мой бедный брат Николай все слабеет и болеет. Его обожаемая жена помогает ему нести этот тяжелый крест безропотно и достойно. В самые лучшие часы я вспоминаю об этом, сердце мое болезненно сжимается, я обо всем забываю и оплакиваю дорогого брата. Князь Михаил Голицын рассказывает об этом в письме, адресованном матушке. Но он настолько поглощен своим счастьем, *подобно благополучным народам, не имеющим истории* [2],— что все, что он рассказывает о нашем больном, весьма расплывчато и неточно.

Прощайте, дражайший г-н Чаадаев, или, вернее, до свидания, не так ли?

Публикуется впервые с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032. ед. хр. 30, лл. 1–2 об.

[1] Письмо Чаадаева неизвестно.

[2] По-видимому, цитата из неизвестного письма Чаадаева к С. И. Мещерской.

XLIV. *С. П. Шевырев (1844)*

Милостивый Государь Петр Яковлевич,

Я виноват перед Вами, что не был давно у Вас: в прошедшую середу собирался, но Языков отвлек многих от Вашей середы [1]. Завтра надеюсь Вас видеть; но предварительно прошу Вас покорнейше принять от меня билет на мой публичный курс [2] в знак моего всегдашнего к Вам уважения и преданности. Позвольте мне надеяться, что Вы будете постоянным моим слушателем: я смею думать, что если не всему, то многому в моем курсе Вы будете сочувствовать.

Вам душевно преданный С. Шевырев

Ноября 21.

СП I. С. 404. Чаадаев ответил письмом № 122.

[1] Среда – «приемный день» Чаадаева в 40-х гг. Н. М. Языков, по-видимому, отвлек многих от «середы» Чаадаева своими стихами «К ненашим» и др., которые он читал среди знакомых в конце 1844 г. (см. примеч. 2 к № 125).

[2] Речь идет о первом публичном курсе С. П. Шевырева по истории русской словесности, который он читал зимою 1844–1845 гг.

XLV. *А. С. Сиркур* (*1844*)

Возвращая книгу [1], за которую, сударь, я еще раз сердечно вас благодарю, хочу сказать, что в ней нет ничего восхитительнее страницы 425, начиная со слова Русь [2]. ⟨...⟩ [3]. Но как грустна эта книга: поневоле задумаешься, чего здесь больше – сатиры или правды [4], стоит ли разоблачать этих жалких и смехотворных персонажей, позволительно ли принуждать высший талант к изображению подобных явлений? Невольно думаешь о картинах фламандских мастеров, считающихся шедеврами, несмотря на тривиальность некоторых сюжетов, и вспоминаешь, что идеал придает искусству возвышенность. Осмеливаюсь попросить у вас еще какие-нибудь произведения этого автора, нужно их все прочитать, ибо автор описы-

вает события, происходящие в определенных географических пределах.

Могу ли я надеяться, сударь, на честь еще не однажды вас увидеть? Это мне тем более приятно, что нас объединяют общие воспоминания. Я не могу принести вам никакой пользы, но я умею правильно оценить все ваши качества.

А. де Сиркур.

Я бы хотела получить «Тараса Бульбу» *.

Перевод выполнен с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 59, лл. 3–3 об. Датируется по времени пребывания супругов Сиркур в Москве.

[1] Речь идет о «Мертвых душах» Н. В. Гоголя; первое издание книги вышло в свет в 1842 г.

[2] А. С. Сиркур имеет в виду то место из 11-й главы, которое начинается словами: «...Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного прекрасного далека тебя вижу...». Этот отрывок по своему настроению весьма близок мнению Чаадаева о России, высказанному в *ФП I*. О «высоком лирическом пафосе» этих страниц Гоголя писал и В. Г. Белинский в своей рецензии на первое издание «Мертвых душ» (*Белинский В. Г.* Статьи и рецензии. М., 1948. Т. II. С. 291–292).

[3] В первой и второй фразах письма несколько слов написано неразборчиво, перевод первой фразы выполнен приблизительно, вторая – опущена.

[4] Ср. со словами В. Г. Белинского: «Нельзя ошибочнее смотреть на „Мертвые души" и грубее понимать их, как видя в них сатиру» (*Белинский В. Г.* Указ. соч. С. 291).

XLVI. *С. И. Мещерская (1845)*

Зная ваше безграничное доброжелательство ко всем Мещерским, я не сомневаюсь, что вы благосклонно воспримете просьбу, с которой я осмеливаюсь к вам обратиться. Вот о чем идет речь. Мой любимый племянник [1] — студент и добрый малый, как вы его называете,— изучает «Бориса Годунова» Пушкина ** и нуждается в верных суждениях о поэте, который был одним из ваших близких друзей. Просветите его — разрешите ему придти к вам — назначьте день и час, дорогой и глубокоуважаемый г-н Чаадаев. За эту милость я сохраню к вам сердечную благодарность. Вы и теперь мне дороги по мно-

---

* В оригинале по-русски: «Тарась Булба».

** В тексте по-русски.

гим причинам. Оказав мне эту услугу, вы докажете, что не чужды самопожертвованию.

Благосклонная к вам

Софья Мещерская
30 марта, пятница

Перевод выполнен с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 30, л. 3–4 об.

[1] Имеется в виду Александр Васильевич Мещерский, впоследствии автор «Воспоминаний» (М., 1901), где рассказывается, в частности, об отношениях Чаадаева с С. С. и С. И. Мещерскими. О личном знакомстве А. В. Мещерского с Чаадаевым свидетельствует описание внешности последнего в этих «Воспоминаниях»: «Он был небольшого роста, худой и довольно болезненного вида. Его наружность располагала к нему людей добротою, выражавшеюся в его глазах, необыкновенною изящностью его манер и симпатичным голосом; в его наружности было что-то среднее между элегантным католическим монсиньором и философом французского типа» (С. 14).

XLVII. *А. де Сиркур*

Париж, 21 апреля 1845.

Я получил, милостивый государь, ваше письмо от 15/26 января. Оно почему-то очень задержалось; я, по крайней мере, отвечаю гораздо скорее. Прежде всего заметьте, что комментарии к двум статьям в журнале «Semeur» написал в действительности не я, а г-н Люттерот. То, что вы в них нашли, выражает мнения (а равным образом и предрассудки) протестантской школы пресвитериан, или, скорее, независимой школы, но ни в малейшей степени не отражает мою собственную точку зрения. Я совсем не знаком с необходимыми деталями современной организации и деятельности русской Церкви, но зато я могу оценить ее *дух*, и никогда не упускал случая, чтобы исправить у окружающих меня людей неразумные предположения на сей предмет. Если какая-нибудь предвзятость в моих суждениях о России и снижает их ценность, то объяснить ее можно только моей постоянной симпатией к ней. Впрочем, было бы удивительно, если бы на Западе хорошо знали истинный характер — исторический и социальный — славянской нации и русской Церкви. Об этих великих явлениях нам неоткуда узнать, кроме как из клеветнических романов, большая часть которых основана на рассказах и свидетельствах ваших же сооте-

чественников. *Современная школа,* наряду со своими сильными преувеличениями, вызванными, как обычно, реакцией, оказывает услугу Европе, привлекая ее внимание, вызывая у нее интерес к одному из самых больших регионов этой выдающейся части света. Но показывая Россию Европе, не следует прятать Европу от России. Безусловно, ваше прошлое величественно; в нем были славные дни, в нем были поколения мучеников, в нем были эпохи упорной борьбы. Да, вы сохранили восточную форму религии Христа. Да, кровавой и израненной стеной вы заслонили Европу от потока, который до тех пор периодически устремлялся на нее из Азии. Да, вы восстановили и окончательно утвердили превосходство европейского начала над началом азиатским. В эпоху бесконечных политических и духовных осложнений вы сохранили простые начала и плодотворные идеи в их величественной простоте. Но несправедливо было бы отвергать всякую симпатию, всякую общность чувств и интересов с Западом. Это означало бы продолжение тех недобрых дел, которые ваши враги затеяли против вас. Отсюда же — недооценка вашего подлинного прошлого, неправильное представление о будущем, предначертанном вам свыше. Мир — это книга, написанная Богом. Каждый народ должен вписать в нее свою страницу, прочесть же он должен всю книгу. Чувство собственной исключительности, отгороженности от всего мира было бы для России таким же страшным испытанием, таким же Unheilschwanger *, каким в свое время были Орда, Литва, Швеция,— три суровых бедствия, которые вы пережили и отразили. Это чувство заключило бы вас в заколдованный круг, внутри которого вы вскоре погибли бы. Возвращаясь к истокам ваших учреждений, ваши ученые которые у вас одновременно и поэты, должны стремиться сохранить правильное направление. Ваше подлинное прошлое в высшей степени национально — это, без сомнения, так; и именно оно привело вас к чистой христианской вере, к простым, ясным и здоровым учреждениям. Когда Кирилл и Мефодий приобщили ваш народ к Божественным истинам, апостольская традиция существовала еще в первозданной чистоте; великая христианская семья народов уже не была едина, но не была еще и разъединена;

* Чреватое бедствиями, роковое событие (*нем.*).

мир шествовал между уничтоженным Арием и еще не родившимся Фотием. Император Анастасий издал эдикт, который современная Европа считает началом новой священной эры,— эдикт, объявивший вольноотпущенниками всех рабов Восточной Римской империи и объясняющий эту меру духом христианства и интересами человечества. Наконец, ваш народ узнал торговлю, приобщился к земледелию, почитал военное искусство и осуждал рабство. Узы искренней симпатии связывали собственников земли с теми, кто ее обрабатывал: отношения между господином и слугой, клиентом и патроном были патриархальными; а Запад в это время развивался, преодолевая более тяжкие преграды; у славян же фундамент общественного устройства больше подходил для строительства здания христианства.

Но началась эра великих политических революций, и в числе народов, которых они затопили, которым они на более или менее длительный срок навязали свой гнет, оказались и славяне, пропитавшиеся чуждыми, и в общем, дурными началами; слепо отступая к своему прошлому, мы рискуем возродить именно эти начала. Так, в характере *Великого князя* * Ивана IV Васильевича, наследного главы нации,— не находите ли вы в нем какие-то черты Византийского кесаря, развращенного наследника македонской династии? Или черты хана Золотой орды, верховную власть которого и, к сожалению, такие же жестокие методы управления, перенял покоритель Казани? И множество других подобных сравнений. Поверьте, мы устремляемся вперед, а не возвращаемся назад!

Прошлое было лишь приготовлением: великим и внушающим почтение во многих отношениях; мрачным и мучительным — во многих других, приготовлением к великому воздействию Провидения на род человеческий. *Adveniat regnum tuum!* ** Идя праведными путями, мы мимоходом открываем все то великое и доброе, что достойно жить и в настоящем. В мире существует только одна Истина, но эта Истина многолика; одна Справедливость, но разные способы ее практического осуществления; одна Цель, но к ней ведут различные пути. Не будем судить и ниспровергать; будем народом разума и

---

* В оригинале: *«Véliki Kniaz»*.

** Да приидет Царствие Твое (*лат.*) – Мат. 6, 10.

любви. Ненависть, отрицание, насилие не присущи славянам ни в мысли, ни в действии; а слабое развитие интеллекта у славян есть все же меньшее зло, чем негибкая организация готических народов, чем одностороннее, хотя и блестящее мышление народов, ведущих свое происхождение от пеласгов. Славянский дух — по-существу дух всепроникающий. Это — дерево, готовое к любым прививкам, способное увеличивать свое естественное плодородие. В Европе всегда была и будет лишь одна цивилизация. Она подобна божественной страннице: кто способен обеспечить ей особый климат, исключительный язык? Греция была первой страной, оказавшей ей гостеприимство, и греки утверждали, что Боги спустили ее с небес для того, чтобы она пришла к ним. Из Греции цивилизация перешла в Италию, которая, в свою очередь, раскрыла ей двери на запад; позднее она поднялась на север, и оттуда с каждым днем своего путешествия снова приближается к своей колыбели. Ни один народ не может назвать ее своей исключительной собственностью, ни один народ не может отвергнуть ее как совершенно ему чуждую. Она вдохновляла Владимира и Карла Великого, и точно так же — Кесаря Анастасия, как и норвежского Олафа или Этьена Венгерского.

Петр Великий неверно понял дух своей нации, когда пожелал надеть *западное платье* на эту, по сути, космополитическую и одинаково принадлежащую всем народам, цивилизацию. Но Петр, этот суровый наставник смышленого ребенка, открыл своему ученику его высокое предназначение, исполнить которое можно было лишь стремительно двигаясь на запад. Вам не следует отвергать преимуществ, которые принесло вам это движение; огромная цена, которую вам пришлось за него заплатить, отныне оправдана. Соблюдайте только те обязательства, которые теперь накладывает на вас это движение. Вы знавали тяжелые времена и не сгибались под жестоким игом; так пусть же теперь зависящим от вас народам ваша власть покажется легкой!

Стоя лицом к лицу с Западом, оставьте ваши взаимные упреки и ненависть к нему, «Venti contrari alla vita serena» *, и заслужите право называться великой державой, оставаясь разумными и милосердными. Дружески

* Бури не совместимы с безмятежной жизнью (*лат.*).

обменивайтесь с нами идеями,— теми идеями, которые выросли и утвердились на основе ваших первоначальных основных институтов, которые преодолели шаткие основы Запада, озабоченного междуусобной борьбой. Ищите согласия с нами в разумной симпатии к нам. Будьте европейцами, оставаясь русскими! Ничего нет более европейского, чем дух славян; ничего нет более *европеизированного*, чем дух христианства! Видите, каковы чаяния человека, не принадлежащего к вашей стране, но испытывающего к ней самый живой и глубокий интерес. Хотел бы иметь право добавить: и самый прозорливый.

Передайте привет г-ну Хомякову *. Мы давно не имеем известий об Александре Николаевиче Р.** и боимся, что он все еще болен; передайте ему от нас нежный привет и дружески попеняйте ему за то, что он так надолго оставил нас в неведении насчет того, как поживает он сам и Сашок [1]. Горячий привет Павлову ***, Васильчикову ***, Фоме Яковлевичу *** [2], князю Петру Д. Моя жена все еще под впечатлением ваших любезных и сердечных слов, она просит вам передать самые искренние и дружеские пожелания. Вы можете найти в Bibliotheque Unverselle de Genéve мои статьи о поэзии *Гебеля*, о *Карисбруке*, об истории Мексики Прескотта и о стихах графа Платена: последняя заметка была написана на Дмитровке [3]. Если будет случай, скажите почтенному митрополиту, что в двух статьях *Semeur'а* мне принадлежат лишь выражения уважения к духу и деятельности русской Церкви. Источник и окраска всего остального вам хорошо известны. Примите уверение в моей искренней преданности вам и в чувстве живого удовольствия, которое я испытываю, вспоминая время, проведенное в вашем обществе.

Адольф де Сиркур.

Перевод выполнен с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 60, лл. 11–16 об.; там же, ф. 233, к. 52, ед. хр. 17, лл. 10–14 хранится писарская копия письма, имеющая надпись рукой С. Д. Полторацкого: «Копия с оригинала сделана в Москве в субботу 11/23 марта 1850 г. Возвращен Чаадаеву в понедельник 13/25 марта 1850». В пер. Б. Н. Тарасова письмо (без последнего абзаца) было опубликовано в журнале «Литературная учеба». 1988. № 2. С. 97–99. Написано в ответ на письмо Чаадаева от 15 января 1845 г. (см. № 123, коммент. и примеч. к нему).

* В оригинале по-русски.
** Раевский – пометка С. Д. Полторацкого на полях рукописи.
*** В оригинале по-русски.

[1] Дочь А. Н. Раевского.
[2] Эванс.
[3] Т. е. в 1844 г., когда супруги Сиркур были в Москве.

XLVIII. *А. де Сиркур*

Париж, 5 февраля 1846

Милостивый государь,
печальная весть о смерти нашего друга Тургенева побудила меня написать несколько строк, которые осмеливаюсь адресовать вам. Для публикации я выбрал журнал Христианин, единственный, который ценил здесь Тургенев, и который согласился предоставить мне полную свободу для панегирика этому прекрасному человеку, хотя он и чужд нам всеми своими пристрастиями[1]. Граф Александр Толстой перевел этот отрывок на русский язык с намерением предложить его редакции «Москвитянина» *. Я просил графиню де Гиш, которая очень любила Тургенева, взять на себя немецкий перевод, который согласилась опубликовать «Всеобщая Аугсбургская газета». Я испытываю какое-то горестное, необычайно глубокое удовлетворение, отдавая должное прекрасному человеку, который несмотря на все свои недостатки, сохранил пылкую душу и веру. Наше время и страна, в которой я живу, редко даруют товарища, достойного такого сожаления. В Париже особенно число людей, с коими я могу еще общаться, уменьшается настолько быстро, что я уже вижу тот недалекий момент, когда останусь в полном одиночестве. *Половинчатый империализм* (imperializm bâtard) овладел у нас умами, ибо я не могу употребить здесь слово «сознание». Мне доводилось видеть нацию, раздираемую противоположными, зачастую безрассудными страстями, но чтобы так быстро деградировали мысли и так стремительно опошлялись чувства,— такого я еще никогда не видывал. O felix Carthago, probrohis altier, Italiae acris **. По мере того как слабеем мы, крепнет Англия. Но роптать нечего. По замыслу Провидения вполне достаточно, чтобы солнце сияло над одной частью света, и чтобы прогресс осуществлялся хотя бы в одном направлении. Окончательным результатом господства во Франции интересов демократии яви-

* В оригинале по-русски.
** Когда слабеет Карфаген, крепнет Италия (*лат.*).

лась потеря всего ее благородства. Те дворяне, что еще остались у нас, отреклись от духа своего сословия и отличаются от победившего класса разве что несколько заносчивыми манерами, которые не придают им ни популярности, ни благородства. Пусть наш пример послужит тем нациям, которые еще имеют крепкую аристократию, и которые в состоянии сделать так, чтобы она, это орудие всякого сколько-нибудь длительного благородства мыслей и действий, приносила пользу, стоя у власти.

Я давно уже ничего не знаю о духовной жизни Москвы. Я испытываю неподдельный интерес к ее усилиям и буду благодарен, получив любое известие о ее делах, о ее замыслах,— как осуществленных, так и тех, которые, по всей вероятности, будут осуществлены. Будьте добры передать мое почтение г-же Свербеевой, а также мое искреннее расположение нашему общему другу полковнику Раевскому. Не дайте меня забыть и Павловым.

Остаюсь с искренней и постоянной привязанностью
ваш покорный слуга

Адольф де Сиркур.

Здоровье моей жены немного улучшилось; она просит передать вам теплый привет.

Ул. Соссэ, 11.

Перевод выполнен с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 60, лл. 7–9; там же, ф. 233, к. 52, ед. хр. 17, лл. 16–17 имеется писарская копия этого письма, изготовленная для С. Д. Полторацкого. Большая выдержка из письма в пер. Б. Н. Тарасова была опубликована в журнале «Литературная учеба». 1988. № 2. с. 99 (с неправильной датой: 1845).

Чаадаев ответил письмом от 26 апреля 1846 (см. № 132 и примеч. к нему).

[1] Слова «хотя он и чужд нам всеми своими пристрастиями» относятся, конечно, не к А. И. Тургеневу, а к журналу «Христианин»; в переводе сохранена двусмысленность оригинала.

XLIX. *А. С. Хомяков (1846)*

Я очень рад, что вам лучше, и надеюсь на хорошую погоду, что она вас совершенно поправит [1], ибо имею твердое намерение с вами долго и долго вести дружеские споры, которые нисколько не мешают еще более дружескому согласию. Отсылаю вам перевод [2], в котором, впрочем, я ошибок не нахожу, и очень буду благодарен, если

доставите продолжение, разумеется не для проверки, совершенно ненужной, а для чтения.

Что касается до моего дьякона[3], то его поверенный говорил мне вчера: Protestantism is absolutely to an end *. Это мне было очень приятно слышать: очевидно, движение религиозное в Англии, несмотря на свои странные формы, имеет ясное сознание современной эпохи. Какая страшная реакция против XVIII-го века!

Жены моей дома нет, и поэтому я беру на себя благодарить вас за ваш любезный поклон. До свидания; не знаю, когда именно, но твердо верю, что на нынешнем свете: в нем еще так много любопытного, что не для чего с ним расставаться. Ваш А. Хомяков.

Хомяков А. С. ПСС. М., 1900. Т. 8. Приложения, с. 47.

[1] О состоянии здоровья Чаадаева летом 1846 г. см. примеч. 5 к № 140.

[2] Имеется в виду перевод статьи А. С. Хомякова «Мнения иностранцев о России», выполненный Чаадаевым (см. примеч. к № 133).

[3] Имеется в виду английский богослов, дьякон англиканской церкви Пальмер, с которым А. С. Хомяков состоял в переписке.

L. *Ю. Ф. Самарин (1846)*

Мне невозможно было, дорогой г. Чаадаев, несмотря на все мое желание, зайти еще раз проститься с вами в день моего отъезда. Я оставил вас страдающим и озабоченным, и хотя далеко не разделяю ваших опасений[1], я вынес весьма тягостное впечатление. Для того, чтобы разрушить его, я и умоляю вас написать мне несколько строк. Я знаю, что подобного рода вопросы, обращенные к больному, не всегда уместны; поэтому я позволил себе действовать таким образом лишь в силу того качества доброго малого, которое вы признали за мною, и искреннейшей моей дружбы к вам, в которой вы не можете сомневаться. Слова, сказанные мне вами при нашем последнем свиданьи о том мнении, которое вы имеете обо мне, доставили мне величайшую радость. Я всегда и превыше всего домогался таких слов и мне весьма редко доводилось их выслушивать. Ручаюсь вам, что не забуду их. Итак, если моя просьба пришлась некстати, считайте, словно ее не было[2]; душевно желаю, чтобы случилось

* Протестантизм приближается к абсолютному концу (*англ.*).

обратное и вместе с тем прошу вас принять выражение искреннейшего уважения и привязанности преданного вам

Ю. Самарина.

5 декабря 1846
Рига

СП II. С. 315. Написано в ответ на письмо Чаадаева от 15 ноября 1846 г. (№ 135).

[1] См. примеч. 5 к № 140.

[2] Чаадаев ответил Ю. Ф. Самарину в начале 1847 г. Письмо это (не публикуемое в настоящем издании) хранится в *ИРЛИ*, ф. 250, оп. 1, ед. хр. 320. В нем, в частности, содержится интересное замечание Чаадаева о Н. В. Гоголе: «Великий писатель, будучи выражением своего времени, всегда его немножко опережает...» (цит. по: *Кошелев В. А.* Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов (1840–1850-е годы). Л., 1984. С. 142; ошибочно указан ф. 25).

LI. *П. А. Вяземский*

С.-Петербург. 6-го января 1847.

Не стану оправдываться перед вами, любезнейший Петр Яковлевич, хотя имею много дельных и законных оправданий в свою пользу. Лучше прибегну просто к вашему великодушию со смирением и доверчивостью. Прошу одного: не приписывать долгого молчания моего невниманию или непризнательности за обязательную вашу обо мне память. Еще одно объяснение. Арфиста вашего я не видал и не слыхал о нем [1], а Кавелина не мог определить к себе по причинам, которые изложил я в письме к брату его. Написать о нем князю Щербатову я охотно готов, но ожидаю, чтобы мне положительно сказали: чего просить, то есть, какого места? Очень желал бы я приехать к вам и погостить у вас, посмотреть на умственное движение ваше, послушать ваших споров: здесь всего этого нет. Но зато у вас недостаток в практической жизни. Вы очень умны в Москве, но у вас мало наличных и ходячих мыслей в обращении. Вы капиталисты, но ваши миллионы все в кредитных бумагах на дальние сроки и в акциях, которых выручка отложена на неопределенное время, так что на свои нужды и на насущные нужды ближних нет у вас карманных денег. А у иного в Москве все богатство в древних медалях. Для охотников и знатоков они имеют большую и неизменную цену,

но подите с ними на рынок — вы не купите на них и осьмушки хлеба, а еще того смотри, что схватит вас полиция, как делателей фальшивой монеты. Здесь крайность другая. Все разменено на мелочь, и каждый гривенник должен тотчас окупиться. У нас возбудила общее внимание книга Гоголя [2]. То-то у вас будут толки о ней. Она очень замечательна по новому направлению, которое принято умом его. Замечательна и особенно хороша она и потому, что он ею разрывает с своим прошедшим, а еще более с прошедшим и ответственностью, которую наложили на него и неловкие подражатели, и безусловные поклонники. Мне очень хочется написать о ней. Но не знаю, удастся ли. Со вступления моего в новую должность, мои дни совершенно обезглавлены, то есть, без утра, которое мне не принадлежит. К тому же лень, какое-то охлаждение к умственной производительности, недостаток сочувствия и соревнования в окружающем меня мире, все это склоняет меня к бездействию. Со смертью Пушкина, с отсутствием Жуковского мои литературные отношения почти совершенно пресечены. С одним Тютчевым есть еще кое-что общее, но пример его вовсе не возбудительный. Он еще более моего пребывает в бездействии и любуется, и красуется в своей пассивной и отрицательной силе. Кстати, о нем скажу вам, что он ждет вашего портрета. Надеюсь, что и меня не забудете. Знаю, что вы часто видетесь с Е. Н. Орловою. Напомните ей об нас и о нашей к ней сердечной привязанности. Повторяя вам мои извинения и умоляя вас не считать меня неблагодарным, заключаю письмо мое уверением в моей старой и неизменной преданности, которой верьте на письме и без письма. Вяземский.

СН. СПб., 1897. Кн. 1. С. 208–209. Написано в ответ на письмо Чаадаева от 26 апреля 1846 г. (№ 131).

[1] См. примеч. 1 к № 131.

[2] Имеется в виду книга «Выбранные места из переписки с друзьями». СПб., 1847.

LII. *Ф. И. Тютчев*

С-Петербург, 13 апреля 1847 г.

Наконец-то, дорогой Петр Яковлевич, в моих руках прекрасный подарок, любезно вручаемый мне вашей дружбой. Я был польщен и тронут более, чем могу то

выразить. В самом деле, я мог ждать только скромной литографии, судите же, с каким признательным удивлением я получил от вас прекрасный портрет [1], столь удовлетворяющий всем желаниям и обращенный... столь обязательно именно ко мне... Говоря по-здешнему, я уподобился человеку, ожидавшему простого Станислава и вдруг увидевшему себя украшенным Анной на шее с бриллиантами... Еще раз примите выражения моей сердечнейшей благодарности. Портрет очень хорош, очень похож, и притом это сходство такого рода, что делает великую честь уму художника. Это поразительное сходство навело меня на мысль, что есть такие типы людей, которые словно медали среди человечества: настолько они кажутся делом рук и вдохновения Великого Художника и настолько отличаются от обычных образцов ходячей монеты...

Ваш портрет, любезнейший друг мой Петр Яковлевич, вполне удовлетворил бы всем моим желаниям, если бы вдобавок мог сообщить мне сведения, которые я желал бы иметь о вас,— о теперешнем состоянии вашего здоровья и вообще обо всем, что имеет отношение к вашему телесному и духовному существу. Почему бы вам в один из свободных часов не прийти к нему на помощь и не дать мне возможность узнать о вас все, что скрыто от меня его вынужденным безмолвием... несмотря на все его сходство?

Последние известия о вас, если не ошибаюсь, были нам доставлены *Поповым* [2] при его возвращении в Москву и оказались не так удовлетворительны, как я бы того желал, по крайней мере в отношении вашего здоровья... Не решитесь ли предпринять наступающим летом что-нибудь более существенное, нежели все, что делали до сих пор в этом направлении? Почему, например, серьезно не подумаете вы о том, чтобы с возвращением хорошей погоды испробовать немецкие воды, если только хорошая погода в этом году намерена возвратиться к нам?.. Я убежден, что при вашем состоянии здоровья путешествие, то есть просто перемена места и настроения, было бы добрым началом поправки и, может быть, само по себе послужило бы уже исцелением. Подумайте об этом, любезный Петр Яковлевич, и сделайте мужественное усилие во имя лучшего из благ — здоровья...

Теперь, сказавши все существенное, я охотно поболтал бы с вами вволю о литературных и других наших занятиях прошедшей зимы, каковы «Переписка» *Гоголя*[3], ваш огромный «Московский сборник»[4] и т. п., но увы! трудно беседовать на расстоянии шестисот верст, и что бы там ни говорили, а письменная беседа утомляет почти так же, как партия в шахматы по переписке... К тому же у меня есть надежда, что так или иначе мы свидимся в продолжение этого лета; вот почему прошу вас смотреть на это письмо более как на свидетельство о получении сделанного вами прекрасного подарка, чем как на выражение, хотя бы и не полное, дружественных чувств и неизменной любви преданного вам

Ф. Тютчева.

Тютчев Ф. И. Сочинения. М., 1980. Т. 2. С. 92—94. Чаадаев ответил письмом от 10 мая 1847 г. (№ 140).

[1] См. примеч. 3 к № 142; местонахождение портрета в настоящее время неизвестно.

[2] См. примеч. 5 к № 140.

[3] См. примеч. 2 к № LI.

[4] Имеется в виду «Московский литературный и ученый сборник на 1846 год», изданный славянофилами.

LIII. *М. А. Дмитриев*

30 августа, 1847. Суббота.

Благодарю вас, почтеннейший Петр Яковлевич, за ваше внимание к моему беглому замечанию. Я теперь перечитал письмо ваше не однажды. Вот фраза, которая вчера остановила и меня и Погодина: [что наше прошедшее не настолько лишено мысли, как это утверждают, и что наша история по праву займет свое место в общей истории цивилизованных народов][1]. Мне хотелось бы, чтобы русский казался даже и не подозревающим той мысли в иностранце, что будто наше прошедшее не имеет в себе мысли. Мне показалось это, во-первых, почти лишним, потому что иностранцы, мало занимающиеся нашей историей, едва ли делают нам подобный упрек, во-вторых, это было бы не вполне справедливо: во все свои эпохи наша история представляет какую-либо *одну* мысль, на которую нанизываются все происшествия, и именно *ту*, которая в эту эпоху нужнее. Вот эти мысли: сперва родового единства, потом освобождения, потом

целости государства, потом силы политической; и эта мысль, составляющая непрерывную нить в нашей истории, есть *одна* и *та же*, заключающаяся в слове: *Россия*, потому уже, что она для нее одной, для ее только истории прилична, а не для всякого другого государства. Были эпохи, в которые во многих государствах Европы господствовала одна общая мысль: это оттого только, что в те эпохи их интерес был общий, их история имела сходство; *но не наоборот*! — Таковы были, например, крестовые походы. Я думаю, что не они начались от мысли, а напротив, при первом воззвании, если мысль об них пробежала как электрическая искра, то потому, что пришлась кстати; а пришлась она вовремя потому, что народам худо было дома и что все нудило к переменам.— Наша история шла путем особым; и потому в ней мысль *своя*, но единая и целая. Даже и теперь, когда мы, стоя близко к происшествиям и ко всему, что творится на святой Руси, видим только части и не можем обнять целого. Мы не можем, однако, отрицать, чтобы во всем этом не было мысли, истекающей прямо из истории. Даже вчерашний разговор наш и те мысли, которые мы обнаруживали с такою скромностию, они *не наши*: они лежат в теперешней нашей истории, из которой непременно их выведет будущий историк, указав на факты.

Теперь два слова о другой части вашей фразы: [что наша история по праву займет свое место в общей истории цивилизованных народов]. Мне хотелось бы, чтобы русский представлялся стоящим твердою ногою между просвещенными народами; чтобы он показывал им, что стоит между ними на своем месте, чтобы он не добивался этого, как особой чести, чтобы он казался, наконец, и неподозревающим того, чтобы иностранцы могли оспаривать это место и у него и у его истории: этого требует и народное достоинство и справедливость.

Вот мои мысли, почтеннейший Петр Яковлевич! Я могу ошибаться, как и другой, но я думаю, что прекрасное письмо ваше не потеряло бы ничего, если бы вы несколько изменили это место. Извините мою откровенность; вы сами желали ее, и она порука за то уважение, с которым всегда буду искренне вам преданным.

Мих. Дмитриев.

P. S. По желанию вашему я посылаю письмо ваше к Погодину: он находит, что России рекомендоваться должно смелее.

Мне жаль расстаться с другим письмом вашим; но повинуюсь, и посылаю. Не можете ли сделать одолжение возвратить его через почту хотя ⟨бы⟩ во вторник. Мне очень хочется еще раз с вами увидеться, но боюсь, что не успею.— Понедельник весь будет у меня занят, во вторник надобно уложиться, а там и ехать. А ехать в такую сторону, где нет тех вопросов, где непонятны те бескорыстные интересы, которые здесь нас занимают, и где уже не с кем иметь такой переписки, которая теперь у меня с вами [2].

Публикуется с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 15, лл. 1–2. Чаадаев ответил М. А. Дмитриеву письмом от 29 октября 1850 г. (№ 173).

[1] Некоторые предположения об источнике этой цитаты, принадлежащей Чаадаеву, см. в примеч. 9 к № 133.

[2] М. А. Дмитриев уехал в Симбирск.

LIV *М. П. Погодин* (*1847*)

Милостивый Государь
Петр Яковлевич!

«Москвитянин» возобновляется, и смеет ласкать себя надеждою, что вы не лишите его своего участия. Вчера не успел я передать вам убедительную просьбу — приготовить для украшения первой книги ваши воспоминания о Пушкине. Также не позволите ли вы включить ваше имя в число сотрудников при объявлении?

Примите уверение в моем совершенном почтении

Преданный

М. Погодин.

22 октября.

СП. I. С. 413.

Дата письма определяется временем возобновления журнала «Москвитянин»: осень 1847 г. Чаадаев ответил письмом № 141.

LV. *М. П. Погодин (1847)*

Милостивый Государь
Петр Яковлевич!

Усерднейше благодарю вас за ваше благосклонное согласие. Мне очень жаль только, что я получил его после напечатанного объявления: я украсил бы это объявление вашими словами: «умеренность, терпимость, любовь ко всему доброму, умному, хорошему, в каком бы цвете оно ни явилось»,— вот правила, коими будет руководствоваться Москвитянин. Исключительным впрочем он, а редактор его еще более, никогда быть не желал, и допускал к себе мнения даже противные. В следующем году я постараюсь изложить свое мнение яснее, и ваше письмо, дельное и вместе изящное, послужит мне сильным подкреплением.

Касательно Воспомин. о Пушкине[1] я попросил бы вас ⟨положиться на?⟩ мою цензурную опытность, а писать, как скажет вам ваше чувство и память. После я подам вам совет, если будет то угодно, что и как изменить должно. Впрочем, уверен заранее, что изменений существенных никаких не понадобится.

Примите уверение в моем совершенном уважении.

М. Погодин.

3 ноября.

СП I. С. 414. Написано в ответ на письмо Чаадаева № 141.
[1] См. примеч. 2 к № 141 и № LIV.

LVI. *П. А. Вяземский*

С.-Петербург. 11 февраля 1848.

В один и тот же день я вручил, буквально через несколько часов одно за другим, два ваших письма[1] кому следует, так что моя миссия была прервана еще до того, как могли быть приняты во внимание предварительные действия. Стало быть, и *концы в воду*, как в палате депутатов, с той лишь разницей, что наша тайна выходит поглубже, поскольку кроме А. К.[2] и моей персоны никто о ней не знает.

Прошло совсем немного времени, как я получил с малой почтой письмо, которое поначалу приятно меня удивило. На конверте я узнал ваш почерк и естественно

было подумать, что вы пожаловали в Петербург. Заблуждение мое длилось недолго. Распечатав письмо, я увидел, что оно написано в Москве и еще прежде, чем письмо от 10 августа. Вы рекомендуете мне одного французского офицера, старого вояку, служившего у египетского паши. Я со дня на день ждал объяснения этой загадки, но отправитель вашего письма по сей день так и не появился, и я ничего о нем не слыхал. А пока, за неимением вашего экс-египтянина, траур по которому я так покорно соблюдаю, пришлите же, наконец, мне то самое ваше письмо, которое написано по поводу Гоголя [3]. Я сгораю от любопытства и очень интересуюсь его содержанием, и ни в коем случае не хочу, чтобы оно прошло незамеченным. Я очень советую вам написать Гоголю. Что бы вы ему ни сказали, ваше мнение о его последнем сочинении будет крайне ценно в его глазах, я в этом глубоко убежден. Ваш портрет был вручен Сергею Полторацкому в момент его отъезда в Париж. Он обещался сделать литографию, о чем вам и собирался написать. Он, должно быть, переписывается с Булгаковым. К нему и пишите, если захотите узнать, как обстоят дела.

Я в восторге от того, что имею случай напомнить вам о себе и писать к вам. Не сердитесь, что я делаю это редко. Нам здесь приходится столько писать, что от одного вида чернильницы у нас начинается морская болезнь. К тому же, я часто болею, одним только гриппом переболел три или четыре раза с начала зимы. Прошу вас, передайте княгине Натали Шаховской, что я сделал все что мог для ее протеже, которому было обещано место в Киеве. Засвидетельствуйте ей мое почтение, так же как и г-же Свербеевой.

Примите, прошу вас, уверение в моей глубоко преданной дружбе. Вяземский.

В переводе на рус. яз. публикуется впервые; французский текст письма опубликован в *СН*. СПб., 1897. Кн. 1. С. 210–211.

[1] См. примеч. 1 к № 149.

[2] Лицо неустановленное.

[3] П. А. Вяземский имеет в виду адресованное ему письмо Чаадаева о Гоголе (см. № 139 и примеч. 11 к нему).

LVII. *С. Д. Полторацкий (1848)*

Апреля 29
мая 11

Посреди бурь и смут, потрясших Лютецию [1], не забыл я, любезный друг Петр Яковлевич, обещанную литографию. Если заботливость моя неудачна, то не вини в том мое усердие. Еще в январе барыни мои поручили литографию такому художнику, который выполнил ее неудовлетворительно. Я обратился к другому и посылаю тебе его образчик на одной тонкой китайской бумаге. Я доволен исполнением; не знаю, удовлетворит ли тебя. 200 экземпляров пошлю морем; а подлинный портрет сохранно привезу с собою. Повторяю сожаление мое, что подлинник не съездил сам со мною. Не мало бы он набрался впечатлений и ощущений. Жаль, что ты не можешь сказать со мною: quaelque ipse miserrima vidi, et quorum pars magna *non* fui * — Тут набралось впечатлений на остальную жизнь.

Моих всех проводил я отсюда 11/23 апреля до Монтаржи, в соседстве которого мы ночевали двое суток у Мандилини, а 26/14 апреля они отправились через Дижон, к M-lle Генриетте в Вильнев, где теперь пребывают.

Сегодня вечером утекаю и я из Лютеции, в Аахен, где ждут меня мои фабриканты, с одной стороны,— и воды, с другой, для укрощения моего геморроя.— Порадуй меня строчкою,— и отдай моей конторе для пересылки ко мне. Сиркуры, на самой заре новой Республики, улетели в Берлин [2], и мы здесь много потеряли отрады и удовольствия отсутствием этих добрых, услужливых, гостеприимных людей! — Да не у вас ли они теперь в Москве? — Трудно попадать в Собрание [3]; надо томиться à la quena **, а зной палящий, нестерпимый. Однако я попал туда в день открытия, 4 мая, и высидел там 9 часов сряду, с 9 утра до 6 вечера!

Ты, верно, бываешь у Раевского; поклонись ему от меня много-много. Помню с благодарностью радушный его прием в последнее мое пребывание в Москве; скажи Сашок, что я ее целую. [Наилучшие пожелания от меня

---

* «Видел воочию я, но участником *не* был» (*лат.*) — перефразированный стих из «Энеиды» Вергилия (II, 5–6).

** В очереди, в хвосте.

г-же Миевр (M-me Mièvre) и г-ну Эвансу. Мои дамы выполнили почти все поручения г-на Эванса, исключая лишь то немногое, чего не смогли разыскать].— Обнимаю тебя искренно.

Полторацкий.

Публикуется с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 46.

[1] Лютеция – старинное название Парижа; под «бурями и смутами» С. Д. Полторацкий подразумевает февральскую революцию 1848 г. во Франции.

[2] См. примеч. 12 к № 150.

[3] Имеется в виду Учредительное собрание, открытие заседаний которого состоялось 4 мая 1848 г.

LVIII. *В. В. Львов*

Милостивый Государь Петр Яковлевич.

Без малого два месяца живем мы в деревне, не переезжая за черту границы Клинского уезда, и хоть не скучно проводим время в семейном кругу, а все-таки соскучился я по Вас, хотелось бы взглянуть, что делается в Москве,— да как-то жутко в нынешнюю пору покидать дом и домашних. Дайте весточку, что делаете Вы и что делается у Вас: кого Бог помиловал, а кто попался под косу? Судя по слухам, Господь сохранил всех общих знакомых наших, кроме Акинфьева и Антонского; но и те, кажется, не имеют права жаловаться на эпидемию, хоть последний и умер холерой. Федор Владимирович после прошлогодней болезни каким-то чудом дотянул до нынешнего лета, а Антон Антонович пожил столько, что дай Бог и всякому, Царство им Небесное! — Чтоб вызвать Вас на письмо, хочу возбудить в Вас чувство христианского мздовоздаяния — это со временем постараюсь заставить Вас: заплатить *добром* за *зло: надоем* Вам письмом моим так, что Вы, может быть, захотите *потешить* меня ответом. Поберегу, однако ж, Вас, не стану говорить о том, что яровые у нас хорошие, что рожь, оставшаяся от пированья прошлогодних червей,— чудо! Не стану говорить, почему и как это. Погода у нас такая же, как и в Москве, но Вы, может быть, не знаете, что июньский мороз в одно утро обжог яблони и вишни, которые накануне покрылись было цветом, как снеговым покровом. Я расскажу Вам про холеру в нашем краю, но

не пугайтесь, я буду говорить только про нравственное влияние болезни. Слухи из Москвы, доходя до нас, растут как старинные богатыри русские: не по годам, а по часам; не по верстам, а по вершкам — как тесто на опаре киснет, и являясь к нам такими страшными, что волосы становятся дыбом. Православные начали робеть. Об отраве в деревнях толков не было, а смотрели на болезнь как на гнев Божий. При первом известии о появлении больных в окрестностях подняли мы Святые Иконы и, отслужив молебен на дворе с коленопреклонением и водосвятием, обошли всю усадьбу, и с тех пор почти каждодневно раздается, по нескольку раз в день, радостный перезвон на сельской колокольне нашей: то проводы, то встречи образами! — Не осталось ни одной деревни, куда не было бы хода, где не служили бы молебна. Во многих селениях, по особенному усердию, сносились Святыни из трех церквей. Право сердце радуется! Петровский пост кончился, а причастникам нет конца — все говеют, и старые и малые. Слава Богу — и Господь минует нас. 10 июня был первый больной в нашей деревне — больной настоящей холерой — ‹2 сл. нрзбр.›, а потом ‹1 сл. нрзбр.› спасли его. Всего было у нас 13 больных и из них умер полуторагодовый ребенок и крестьянин, по какому-то странному соображению скрывавший болезнь целую неделю! «Головой-то был он здоров», говорят домашние, «так думал, что не для чего и сказывать!» — Где иностранцам понять русского мужика, когда и мы плохо знаем его. Расскажу Вам случай, который поставил было меня в неприятный тупик. Эпидемия подвигается, отцы и матери, у которых дети в учении в Москве, берут свидетельства из конторы на возвращение их хотя бы на лето, словно туча двигается и раздаются громовые раскаты слухов, как я говорил Вам. В одно утро узнаю я, что там, где явился первый больной, в помощь *опахали деревню*! Как это?! — запрягли семь простоволосых девок, в белых рубахах, в соху и помолившись перед иконами!! — обошли околицу бороздой! — Что за странная смесь набожности и идолослужения! Я задумал — больно было мне это — поговорить со старостой и с мужиками, и убедился, что тут вовсе нет и тени язычества. Пришел кто-то из Москвы и сказывал, что «очень помогает опахать деревню», что под Москвой в одном селении сделали это, так холера-то подошла к борозде, да всю ночь про-

вела, приговаривая: «Ох, опоздала, отцы родные, опоздала!» — Что же это такое? а вот что: тут замечательны два обстоятельства: 1) что народ наш, мало развитый духовно, любит все облекать в осязаемый образ — только в этом виде дело доступно ему, понятно; на такого врага и телесная сила годится, а он ставит ее высоко! у него и лихоманка или кумаха, как зовут у нас лихорадку, является в образе женщины, и чума была баба, теперь и холера ходит в белом платье; с нею ладить ему сручнее «и крестом и пестом», а 2) что русские крестьяне смотрят на опахивание, на окрестывание, на оплевывание и на многое другое, которое Бог знает почему и не с большим основанием, называется нами «симпатическим средством», как на врачебство. Да почему же магнетизм, электричество, химия действительнее водицы с угольюр? где же искать им и где найдется у них объяснение на это? И то, и другое помогает,— вот и все! Они и не подозревают, что *опахивание на девках* есть грех *исторический.* Суеверия тут нет, как в принимании лекарства нет суеверия.

Русский человек набожен и нравственен — я готов утверждать это перед целым светом! Что толкуют умники, будто этого быть не может, потому только, что народ наш не *изучает* религию. Да с которых пор необходимо для спасения души к Вере, Любви и Надежде придать еще знание истории? Учите крестьян грамоте по букварю — это осмыслит их набожность, но у них и без того веры так много, что нам, слушавшим Богословие, и не понять. Любят они просто, а Надеждой живут, и надеждой настоящей, не основанной на [теории вероятностей]. Пожалуйте-ка, господа, список добродетелей и пороков христианских, да сделаемте вместе перекличку; послушаемте, откуда, кто откликнулся.— Возьмем на выдержку: *смирение.* Где же его более, как не в крестьянах наших? *Покорность судьбе.* Стоит только посмотреть, как безропотно переносит русский человек всякое горе, всякую потерю, всякий недуг, как спокойно умирает, как больной и старик говорит о смерти: «Пора на покой» — и только. *Человеколюбие, помощь ближнему.* Да он и не считает ни за что пустить не только к себе в избу, но поделиться всем с первым пришлецом. Правда, иногда не введет он к себе больного, да тут причина особая: «Господь милостив! Хворому Бог поможет!» — а как неравно

хворый-то умрет в избе, там, гляди, позовут гостеприимного хозяина к ответу, продержат долго-долго, а ему время дорого, и дорого потому, что каждый день, каждый час дает ему *хлеб насущный.*— Обвиняют русских в том, что они не чисты на руку. Воров и разбойников у нас очень немного сравнительно с другими нациями, а плуты есть. Это игра, в которой простолюдин не видит греха: у всякого есть глаза, есть свой царь в голове! Говорят, охотники до лошадей не считают за грех обмануть при продаже коня, а охотники псовые прилгать при рассказах о ‹1 сл. нрзбр.› да разве мы не садимся играть в преферанс с А. Н. Бахметевым, с Талызиным, которые играют гораздо поплоше всякого,— и выигрываем. Повторяю: учите их, учите как должно, и они поймут оттенки добродетелей и пороков, а материала нравственного в них много. Ого! и второго листа вторая страница — я заговорился о крестьянах, это слабость моя! Я, и зимой, и летом люблю изучать русского мужика — Вы это знаете, а летом только их и вижу, о них и думаю. Показал бы я Вам грамотные избы мои, которые теперь уже закрыты по причине летних работ, а раз в неделю все-таки собираются ученики и ученицы *повторять зады.* Взглянули бы Вы, как весомо, как понятливо смотрят они; Вы увидели бы, как заметна в них восженная искра разумения. Я надеюсь, что второе поколение не будет опахивать деревню, а молебны служить будет; не знаю, будет ли молиться лучше нынешнего, но наверно будет молиться сознательнее.

На волнующуюся Европу смотрим мы сквозь франкфуртские газеты. Журнал этот обвиняют в бесцветности — для меня это не порок, а достоинство: не хочу я смотреть ни сквозь синее стекло, от которого и летом природа кажется глубокой зимой; не хочу глядеть ни сквозь красное, в которое сумрачное небо горит, как в лучах солнца. Парижская эпидемия потяжелее нашей холеры! Не скоро отмолятся они от нее! да они, кажется, и молитву-то употребляют, как *опахивание:* «им сказал кто-то, пришедший из Москвы, что это помогает!».

Полно, полно! надобно знать честь! Я сделал более, нежели обещал: не только надоел Вам, да, вероятно, отнял возможность дочитать до конца. Все-таки напишите несколько слов, скажите, что Вы делаете.

Прошу Вас верить искреннему и сердечному уважению и преданности Вашего покорного слуги кн. Влад. Львова.

Июля 12-го дня 1848.

С. Спасское.

Адрес мой: Е. С. Кн. Влад. Влад. Львову, на станцию Солнечную Гору — письма по почте пересылаются.

Публикуется с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 28. В письме речь идет об эпидемии холеры, охватившей Россию с весны 1848 г.; см. также письмо № 150 и примеч. 3 к нему.

LIX. *М. Я. Чаадаев*

1848 г. Июля 18 д. С. Хрипуново.

Любезный брат Петр Яковлевич.

Письмо твое, которым просишь исполнить в случае твоей смерти необходимые поручения, получил я вчера. Ты не пишешь, что побудило тебя сделать эти распоряжения. Можешь себе представить, какое на меня действие произвело это письмо. Может быть, ты болен, даже трудно, но не хочу думать, чтоб ты был без надежды. Так как у нас здесь, как и везде, холера, а я полагаю, что она для меня опаснее, нежели для других, потому что я всегда страдал неправильным пищеварением, а ныне расположен и к простудам, то за несколько дней пред сим составил духовное завещание касательно движимого моего имущества; однако я не могу назваться больным, хотя и сильно чувствую влияние холеры. Может быть, если не точно те же причины, то подобные им, побудили и тебя сделать распоряжения, изложенные в твоем письме. Если меня эта надежда не обманывает, то прошу тебя уведомь меня. Если же ты болен, но по получении этого моего письма в состоянии будешь писать, то уведомь: что и как себя чувствуешь, сделай милость, не откажись исполнить эту мою просьбу. Человек, в большей части случаев, может быть убежден только за несколько минут до своей смерти в близости ее. Письмо твое по почерку и по слогу не такое, какое может быть написано за несколько минут пред смертию, следовательно, ты не можешь быть уверен в близости смерти, можно ли знать, что долго проживешь или что скоро умрешь?

Это меня несколько на твой счет успокаивает, но что чрезвычайно прискорбно мне воображать, это то, что ты живешь один, и что если ты болен, то попечение о тебе некому иметь, кроме слуг. Есть ли у тебя добрые друзья? Навещают ли тебя? По крайней мере, слуга твой рачителен ли, усерден ли? Если б можно было, то разумеется я бы немедленно поехал в Москву. Но пока везде свирепствует холера, как от нее взять осторожность в дороге, как оставить жену в нынешнее время одну? И без холеры здоровье мое очень слабо, состояние не позволяет мне иметь дорогой какие-либо удобства, а потому если пуститься в дальний путь, то почти уверен, что не доеду.

Если ты умрешь, а я останусь жив, то из поручений твоих исполню непременно те, которые касаются до выдачи означенных в письме твоем сумм означенным в том же письме лицам, потому что это может быть произведено чрез переписку, если означенные лица дадут мне о себе знать. Другие твои поручения буду стараться исполнить, но не вижу, как это сделать, не находясь в Москве. Но почему не уповать на Всемогущего, почему не надеяться, что мы оба еще несколько времени проживем и еще когданибудь на этом свете увидимся?

Искренне любящий тебя брат твой Михаил Чаадаев.

Публикуется с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 74, лл. 25–25 об. Написано в ответ на несохранившееся письмо П. Я. Чаадаева; на публикуемое письмо он ответил 18 августа 1848 г. (см. № 153 и примечания к нему).

LX. *Ф. Ф. Вигель*

Милостивый Государь Петр Яковлевич.

Часу в девятом утра 14 ноября, когда еще был я в постеле, прислали мне, неизвестно от кого, свиток бумаги: это был первый подарок старому, многими уже забытому имяниннику. Развернув свиток, как в изображении, так и в деликатности поступка узнал я истинного христианина, кроткого сердцем, незлобивого и человека, высокою своею светскою образованностью, ныне уже столь редкою, украшающего Московское общество. Стихи, которые нашел я на обертке, весьма правильны и милы: но чьи они? вероятно, того же человека, которому стоило хорошенько заняться русским языком, чтобы и на нем показать совершенство слога.

Снисходительность часто возбуждает к нескромности, и оттого всепокорнейше просил бы я вас, если возможно, доставить мне другой экземпляр портрета Вашего. Сие делаю я вследствие желания, изъявленного одной Придворной Дамой, которая прошедшей весной имела удовольствие познакомиться с Вами [1].

С совершенным почтением и преданностью честь имею быть, Милостивый Государь, Ваш покорный слуга. Ф. Вигель.

С.П.бург
30 ноября 1849.

СП II. С. 120–121. Чаадаев ответил письмом № 164. Об обстоятельствах этой переписки см. №№ 163–165 и комментарии к ним.

[1] Графиня А. Д. Блудова, фрейлина, о знакомстве которой с Чаадаевым Ф. Ф. Вигель писал в мае 1850 г. М. Н. Загоскину: «Графиня Блудова от тебя, от Хомякова и от Алексея Петровича Ермолова воротилась без памяти, с последним даже переписывается; зато без зевоты и смеха не может слышать имени Чаадаева, то же самое и другие придворные дамы и девицы, прошлого года посетившие Москву» (*Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1928. Т. 2. С. 336).

LXI. *Ф. И. Прянишников*

Милостивый Государь Петр Яковлевич

Случайная встреча с вами в Москве возобновила знакомство наше, начавшееся в юности и прерванное разлукою ‹в› 40 лет. Пользуясь сим счастливым возобновлением, я позволил себе рекомендовать вам даровитого артиста нашего Г. Федотова [1]. Он будет иметь честь показать вам две замечательные картины его кисти. Он посвятил себя такому роду живописи, который более всех труден и опасен. Не имея в Москве знакомых, он просил меня рекомендовать его человеку известному и просвещенному. Я не мог избрать лучшего, как адресовать его вам. Примите его и как артиста, и как бывшего военного служаку, и будьте ему полезны чем сможете. Просьба его будет скромна.

В полной уверенности, что вы не посетуете на меня за настоящее письмо мое, прошу вас принять уверения в чувствах совершенного почтения и преданности.

Ф. Прянишников.

4 февраля 1850.

Публикуется с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 48. О несохранившемся ответе Чаадаева см. коммент. к № 193.

[1] Имеется в виду художник П. А. Федотов.

LXII. *М. А. Дмитриев*

Милостивый Государь
Петр Яковлевич!

Посылая вам мою статью, помещенную в «Москвитянине» [1], прошу вас принять ее, как говорится, на память, хотя я уверен, что вы не забыли меня. Недавно я имел этому доказательство, получив от вас портрет ваш, за который я еще вас не благодарил. Примите теперь мою искреннюю и душевную благодарность. Вы угадали этою присылкою, что я один из тех, которые желают иметь его, и что я неравнодушен к такому знаку вашей памяти и вашей приязни.

Когда я увижу и услышу вас и немногих общих друзей наших? — Это один Бог знает! Потешьте меня и напишите ко мне хоть несколько строк. Не живши, может быть, никогда в такой глуши, в какой я живу теперь, вы, вероятно, не знаете как особенно дорог в этой пустыне голос жизни, голос человека, которого мы любим.

Примите, между тем, уверение в душевном уважении и постоянной преданности, с которыми всегда имею честь быть

вашим
покорнейшим слугою
Мих. Дмитриев

25 апреля
1850

Публикуется с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 15, л. 3.

[1] В 1850 г. в «Москвитянине» были опубликованы два стихотворения М. А. Дмитриева: «Старик к юношам» (№ 2, с. 183) и «Золото» (№ 3, с. 265—266). По-видимому, под «статьей» здесь он подразумевает одно из этих стихотворений. Согласно «Указателю статей и материалов..., помещенных в Москвитянине за 1841—1855 г.» (б/м, б/г, сост. П. Бартеневым) его статьи печатались здесь в 1851, 1852 и 1853 гг.

LXIII. *Неизвестный (1850)*

Вы сообщили мне Ваше письмо к одной даме[1] с тем, чтобы я откровенно сказал свое мнение о взглядах, в нем изложенных, на два действительно существенные и важные вопроса христианской церкви: о свободе церковной и о догмате Filioque, послужившим одною из причин несчастного разделения церквей — Восточной и Западной.

На мнения, изложенные в письме, позвольте и отвечать письменно, хотя и не на том языке, на котором написано письмо. Но о вопросах христианства, проповеданного всем языкам, можно говорить и писать на всех языках.

Вы начинаете письмо отрывком из проповеди Массильона, произнесенной в Версале в присутствии короля французского, в которой оратор напоминает ему, что власть королю дается народом и потому его жизнь и действия должны быть посвящены благу народному. Если бы нужно было оценивать мнение Массильона, то, конечно, в нем нельзя бы не заметить галликанского прелата, позволяющего себе иногда противоречить Западной церкви, которая произвела и развила вполне и последовательно учение о происхождении верховной власти от Бога, о так называемом jure divino *. Но Вы оставляете в стороне оценку самого мнения проповедника и рассматриваете только его слова как смелый поступок, возможный единственно при свободе церковной, которая в свой черед возможна только тогда, как Вы полагаете, когда церковь имеет свое самостоятельное средоточие, являющееся в лице верховного первосвятителя или Папы.

Прежде, нежели скажу, справедливо ли кажется мне или несправедливо последнее мнение, позволю себе, подражая Вашему рассказу о случае из жизни французского проповедника, рассказать другой, несколько похожий на него, случай.

В эпоху бешенства власти одного из царей Московских митрополит Филипп в Успенском соборе в глазах народа, когда царь, предводя толпою опричников в странных костюмах, явился в храм и подошел к митрополиту, прося благословения, говорил Иоанну: «не узнаю царя русского, мы здесь приносим бескровную жертву, а за алтарем льется кровь христиан невинных. С тех пор, как

* Божеское право (*лат.*).

сияет солнце на небе, не видано и не слыхано, чтобы христианские цари так терзали собственную державу. В царствах языческих есть закон и правда, есть милосердие к людям — в России их нет. Достояние и жизнь граждан не имеют защиты, везде грабежи и убийства совершаются царским именем. Ты высок на троне, но есть судия Всевышний наш и твой. Как предстанешь на суд, обагренный кровию невинных, оглушаемый воплями их мучений, камни под твоими ногами вопиют о мести. Государь, я говорю как пастырь душ, который боится только одного Бога» [2]. Спустя несколько времени, как Вам известно, митрополита в темнице задушил опричник царский.

Не правда ли, поступок русского митрополита в том же роде, как и рассказанный Вами. И много можно бы напомнить подобных, начиная с первых времен церкви, времен мученических и до настоящего, но они Вам известны и Вы согласитесь, что в них недостатка нет и быть не может; а я с своей стороны не могу, вслед за Вами, не принять их свидетельствами церковной свободы. Но вместе с тем замечу между приведенными Вами и мною поступками некоторое различие, и притом довольно важное. Представители церкви латинской могли гораздо смелее обличать злоупотребления светской власти, напоминать ей об ее обязанностях, нежели представители восточной церкви, и по самой простой причине: иностранец гораздо смелее может говорить о государственной власти, чуждой в отношении к нему и следовательно такой, которая в большей части случаев преследовать его не может. Он находится как бы вне ее границ и потому безопасен. Таково положение латинского прелата, подчиненного папе, в отношении к какому-либо из королей европейских. Не таково положение епископа церкви восточной, он гражданин того же государства, в котором представителя верховной власти он вздумал бы обличать; он не может защититься от преследований, если они последуют, и неминуемо падет их жертвою. Ему нужно гораздо более смелости решиться на обличение, гораздо более самопожертвования. Но чем выше и смелее подвиг, тем может он служить большим свидетельством в пользу церковной свободы. Если же поступок, мною рассказанный, свидетельствует также о церковной свободе, то, кажется, нельзя согласиться с тем, что она возможна только в церкви,

имеющей видимое средоточие в лице папы: митрополит Филипп не принадлежал к ней. Свобода церкви, впрочем, и не определяется ни востоком, ни западом и не зависит ни от папы, ни от патриархов. Церковь не может и существовать без свободы, ибо не существует без Духа Божия. О ней, кажется по преимуществу, можно сказать словами писания: идеже дух Божий ту и свобода, и дух живущий в ней веет идеже хощет, и не имеет нужды постоянно выражаться в лице одного человека.

Итак, я не совсем согласен с изложенным Вами мнением, хотя и вполне соглашаюсь с желанием: да будет церковь свободна, или лучше сказать, да будет церковь церковью, а не государством, хотя бы даже и церковным, и тем паче не приказом духовных дел в каком-либо государстве, хотя бы и христианском.

Признаюсь, не разделяю и Вашего мнения о filioque, и об этом важном слове, разделившем церковь Христову, в ответ Вам, позволю себе сказать несколько слов.

Церковь приняла прибавление к символу, повинуясь власти папы, говорите Вы, не желая вводить раскола,— и делом повиновения оправдываете церковь. Так можно оправдать не церковь, но только тех членов церкви, которые и должны повиноваться. Но если есть повинующиеся, то должна же быть и власть повелевающая. Она и действительно была и действовала в лице пап, допустивших прибавление нового слова к символу. Ее, конечно, нельзя в этом случае оправдать повиновением, потому что пришлось бы тогда сказать, что повиновалась она политической власти императора, которая еще прежде папы допустила и утвердила прибавление. Положим, правы беспрекословно повинующиеся, но могут ли быть правы повелевающие неправо исповедовать веру?

Не признавая правильным одно из доказательств в пользу прибавления к символу, я не могу однако же не согласиться с Вашим вторым замечанием. Осуждать западную церковь только за то, что она допустила прибавление, не входя в рассмотрение самой его сущности, было бы странным забвением или незнанием истории нашей церкви. Символ со времен апостольских и до Никейского Собора добавлялся постоянно и, позволю себе сказать, развивался, разумея в этом случае не развитие самих догматов, но способа понимания сих догматов верующими и способа их выражения. Позволю себе прибавить даже:

он может еще развиться, если потребует нужда. Большею частию действительно внешние в отношении к церкви обстоятельства,— появление новых ересей, как Вы замечаете,— служили поводом к прибавлению к символу. Но какая же новая ересь подала повод западной церкви прибавить filioque? Конечно не старые ариане, против мнений которых уже достаточно защитили церковное исповедание Вселенские соборы. Обратив внимание на историю, нельзя не заметить, что поводом к прибавлению послужило новое прение, спор личных мнений, возбудивший вопрос, который неправильно разрешал один из местных соборов и принял под свою защиту император.

Оправдывать прибавление ревностью церкви к почитанию Спасителя, которая отчасти даже перешла предел, кажется, тоже нельзя; такое оправдание возможно еще для частных лиц, часто в делах веры ревнующих не по разуму; но можно ли так оправдать церковь? Отцы восточной церкви, произнося анафему некоторым из мнений Оригена, не позволяли однако же произнести самому писателю. Они пропели ему вечную память, зная искреннюю его веру и святость жизни, признавая всегда возможным заблуждение для слабого разума человеческого, греховного дела и ложного мнения при самом добром и правильном намерении. Но что возможно и простительно человеку, что терпит и прощает церковь, то невозможно для самой церкви, в ней же живет Дух Господень, не заблуждающийся, не ревнующий не по разуму.

Оправдывая таким образом западную церковь, самое оправдание обличает ее и лишает значения церкви — западных христиан так оправдывать можно, и всякий христианин искренне пожелает, чтобы они так оправдались. Но дабы оправдать церковь, необходимо доказать справедливость самого учения, заключенного в прибавлении filioque.

Вы не входите в рассмотрение сущности самого учения, и я не войду в толкование одного из самых глубоких вопросов христианского богословия; позволю себе сказать только одно замечание. Положим даже, что и частный спор может послужить поводом церкви сделать прибавление к символу и точнее выразить исповедываемый догмат, положим даже, и поместный собор может сделать такое прибавление; но согласие всей церкви признает его впоследствии вселенским, и новый Вселенский собор ут-

вердит его силу. Так бывало, но не знаю и сомневаюсь, бывало ли, чтобы новое прибавление к символу возбуждало раздоры в церкви и разделило бы ее на две половины. Плоды нового учения не свидетельствуют в его пользу.

В заключение позвольте принести Вам искреннюю благодарность за то удовольствие, которое Вы мне доставили, позволив прочесть прекрасное письмо Ваше и даже снисходительно потребовав непременно моего мнения о мыслях в нем изложенных.

СП 1. С. 373–377. Автором письма, возможно, является С. Д. Полторацкий (см. примеч. 2 к № 167).

[1] Имеется в виду письмо П. Я. Чаадаева к Е. А. Долгоруковой от 6 октября 1850 г. См. № 172 и примеч. к нему.

[2] Этот эпизод, имевший место в 1568 г., заимствован автором письма из второй главы девятого тома «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (СПб., 1892. С. 65–66).

LXIV. *Ф. И. Тютчев (1851)*

Я очень огорчен, любезнейший друг, что покидаю Москву, не улучив возможности попрощаться с вами и выразить вам свою благодарность за вашу любезную предупредительность. Но так как я очень надеюсь вернуться сюда к концу августа месяца, то и рассчитываю иметь случай исправить это упущение. Пока что благоволите сохранить ко мне дружеское расположение и примите уверение в моей искренней преданности.

Ф. Тютчев.

Суббота.
14 июля.

Тютчев Ф. И. Сочинения. М., 1980. Т. 2. С. 116. Датировано там же по содержанию: 14/26 июля 1851 г. Тютчев выехал из Москвы в Петербург.

LXV. *Н. Д. Свербеев*

Почтеннейший Петр Яковлевич, я полагаю, что письмо из Ялуторовска не может для вас быть неприятно вообще, а с припискою должно быть приятно в особенности.

Я провел здесь целую неделю, и, конечно, это время не забудется мною никогда. Увидать людей, о которых знал лишь понаслышке, о которых судил следовательно не так, как следовало, сблизиться с ними для молодого человека,

начинающего жить, есть, конечно, дело великой радости! Но еще более радует то, что все, этими людьми перенесенное, не убило в них той жизненности, которой нет в большей части людей, проводящих свое существование под благоприятными обстоятельствами.

Письмо ваше и портрет были отданы Ивану Дмитриевичу в самый день моего приезда; о том, как была принята эта посылка, говорить не буду, в этом письме пишет сам получивший.

Но не могу умолчать того, как мне было приятно познакомиться с этим живым и умным человеком, я, так сказать, прислушивался к биению горячего, благородного его сердца и с каждой минутой любил его все более и более, и теперь, когда необходимо расстаться, чувствуется какая-то тоскливая тягость!

То же впечатление, хотя и неравносильное, произвели на меня и все его товарищи: рассказать вам этого общего радушия, того доброго чувства, которое читается в глазах их, нельзя, есть вещи не передаваемые словом. Сегодня выезжаю в Иркутск, спешить велит служба, а то бы пробыл еще. Нечего говорить, что много было расспросов об вас и я радовался тому, что мог в этом отношении удовлетворить любопытству.

Прощайте, Петр Яковлевич, будьте здоровы и подчас вспоминайте любящего вас и уважающего

Николая Свербеева.

г. Ялуторовск
Суббота 1851, 4 августа.

Матвей Иванович Муравьев поручил мне передать вам дружеский его поклон.

<Приписка И. Д. Якушкина на фр. яз.>: [1]

Спасибо, любезный друг, за прекрасный подарок, который ты мне только что сделал присылкой портрета; моему воображению не пришлось слишком напрягаться, чтобы признать, что он очень похож. Настоящим наслаждением для меня было знакомство с твоим молодым другом. Мне кажется, я просто влюблен в него. Передай, пожалуйста, от меня тетушке твоей и кузинам самый дружеский привет.

Нежно обнимаю тебя и брата.

Декабристы и их время. М., 1932. Т. II. С. 199–200.

[1] Пер. приписки Д. И. Шаховского. Это последнее из известных писем И. Д. Якушкина к Чаадаеву; но, по-видимому, они еще долго получали известия друг о друге благодаря посредничеству Н. Д. Свербеева. О смерти Чаадаева И. Д. Якушкин узнал в Иркутске летом 1856 г. Н. Д. Свербеев писал 9 августа 1856 г. Н. Д. Шаховской: «Пожалели мы здесь о бедном Чаадаеве, жаль его, что бы ему еще пожить – и, быть может, свидеться со старыми товарищами, смерть его особенно опечалила Ив. Дмитриевича, кстати, он вчера уехал на старое пепелище в Тобольской губ.» (Там же. С. 200).

LXVI. *Ф. Н. Глинка (6-го марта 1852)*

Прекрасно, многоуважаемый Петр Яковлевич! прекрасно написано письмо Ваше. Я читал его с тройным удовольствием, как чистую русскую прозу, как поучение и, наконец, как очерк современных нравов и литературы. В этом очерке так много истины и самой животрепещущей истины! – Впрочем, письмо Ваше перенесло меня далеко в отдаленность времен. Мне показалось, что я слышу Гостомысла, *вызывающего* Рурика. Так и слышешь слова: «Земля наша пространна и богата, да нет в ней *порядка*»!

Будете ли Вы так счастливы, как Гостомысл, приедет ли Рурик из Баден-Бадена володати русскою землею, т. е. литературою? – А худо без Рурика! Что разговор, то спор, что спор, то ссора, а дело от этого не выигрывает. Петербургские нахалы бьют московскую усобицу по носам, и набегают как *половцы*, пользуясь семейными раздорами. Авторитет великое дело: он ставит все на свое место. Теперь у нас: «кто раньше встал, тот и капрал!»

Все колеса спрыгнули с осей и всякому колесу хочется *на чужой* оси повертеться. Вот наше положение. Вызывайте же, вызывайте Рурика из Баден-Бадена и напечатайте, непременно напечатайте Ваше мастерское письмо,– извините, гости приехали, писать больше некогда.

Ваш покорный Ф. Глинка.

Русское обозрение. 1897. Т. 45, июнь. С. 903. Написано по поводу письма Чаадаева к В. А. Жуковскому от 27 мая 1851 г. (№ 179).

LXVII. С. П. Шевырев (1852)

Марта 28-го, пятница

Милостивый Государь Петр Яковлевич!

В понедельник на второй день Пасхи, минет сороковой день по кончине Н. В. Гоголя. В Даниловом ‹монастыре›, в десять с половиной часов утра, начнется заупокойная обедня и потом панихида по душе усопшего, а потом предложена будет трапеза сорока бедным, монашествующей братии и нам, участникам поминовения, в келье архимандрита. Издержка каждого участника десять р. сер.

Вы, конечно, примете участие в этом поминовении; потому я счел долгом уведомить вас об этом. Отрадно будет услышать воскресную песню вместе с заупокойной на могиле того, кто так любил и так глубоко чувствовал праздник воскресения. Мне хочется за трапезой прочесть его «Светлое Воскресенье» [1].

Желаю вам встретить праздник в радости духовной и в полном здоровье, прошу вас принять заранее и сердечное поздравление мое и чувство полного к вам уважения и преданности.

С. Шевырев.

РС. 1902, март. С. 593–594.

[1] Заключительная статья «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя. в которой встречаются отрывки, весьма близкие умонастроению Чаадаева. например: «Лучше ли мы других народов? Ближе ли жизнью ко Христу, чем они? Никого мы не лучше, а жизнь еще неустроенней и беспорядочней всех их. „Хуже мы всех прочих“ – вот что мы должны всегда говорить о себе» (*Гоголь Н. В.* ПСС. Т. VIII. С. 417).

LXVIII. *М. Я. Чаадаев*

5 апреля 1852 г. С. Хрипуново.

Любезный брат Петр Яковлевич.

Ты пишешь мне от 12 марта: «...*Пишет мне Левашов, что 1-го Марта в Гражданской Палате прошение еще получено не было*». Отвечаю:

Прошение в Нижегородскую Гражданскую Палату о выдаче свидетельства для представления в залог свободных в имении моем от залога душ, послано было 18 февраля, как я тебе и писал. Нет сомнения, что оно получено было в Палате прежде 1-го марта — на страстной неделе

последовал уже в ардатовский Земский суд из Палаты указ о произведении моему имению описи.

Далее ты пишешь:

«*Еще приводит нас в недоумение и то: что ты не означил числа души, поэтому не знаем, намерен ли исполнить прежнее свое обещание или уплатить другую какую сумму*» — отвечаю:

Вам (кого ты разумеешь под словом *нас*, говоря: «приводит нас в недоумение», и много ли вас, не знаю) не может быть никакой надобности знать, на какое число душ я прошу свидетельства и даже сколько душ я намерен заложить. Из числа душ, на которые получу свидетельство, я могу представить в залог на всех. Также могу заложить душ на такую сумму, которая больше той, которая вам нужна. Но, разумеется, вы желаете знать, сколько вы должны ожидать от меня денег. Об этом вы и будете уведомлены, как скоро я с своей стороны получу от вас уведомления, о которых объяснено будет здесь ниже.

Что касается до незнания вашего, намерен ли я исполнить обещание свое, то вероятно из всех вас, ты один мог бы знать, случалось ли, чтобы я своих обещаний не исполнял, или не случалось. Следовательно, есть ли причина полагать, что я не исполню данного обещания, или нет причины. Во всяком случае, этот вопрос ваш из числа таких, на которые не отвечают. Делать же его могут только такие люди, которые не считают, чтоб очень нужно было исполнять свои обещания и не имеют сами привычки их исполнять.

Я знаю, в чем состоит то, что я обещал, но я мог дурно выразиться, давая это обещание, а вы могли ошибиться в смысле моих слов, а потому для избежания всякого недоразумения, я бы желал, чтобы вы объяснили то, что вы разумеете, упоминая о прежнем моем обещании.

Далее ты пишешь:

«*Позволь напомнить тебе, что с тех пор как в первый раз, то есть: тому без малого три года получил твое уверение, что согласен уплатить часть своего долга, мои долги уменьшиться не могли, а должны были увеличиться, несмотря на уплаты по временам мною учиненные*».

На это не отвечаю, но спрашиваю: отчего долги твои должны были увеличиться? Из получаемых тобою от меня ежегодно денег разве ты не мог употреблять часть на уп-

лату если не капитала долгов твоих, то по крайней мере процентов? Должен же ты будешь обходиться без части получаемого тобою ныне дохода, когда устроишь свои дела. Этот вычет из теперешних доходов своих, что тебе мешало ⟨сделать⟩ и три года тому назад? Долги твои если бы не уменьшились, то уже никак не должны бы были увеличиться, если б тебе не угодно было их увеличить. Это ясно как день.

Как бы то ни было, если уже долги твои увеличились,— то ты, надеюсь, понимаешь, что не зная, до какой суммы они увеличились, не могу знать и того, имею ли средства вывести тебя из затруднения и помочь устроить твои дела, и если имею, то какие должен для этого сделать распоряжения.

Итак, прошу тебя:

во-первых: изложить ясно и определительно, чего вы от меня ожидаете, и что вы именно разумеете, говоря о прежнем моем обещании. Если не встретится препятствий, то прошу сослаться на то мое письмо или на те мои письма, в котором или в которых находится это обещание, и означить год, месяц и число этого письма или этих писем,

во-вторых: уведомить меня, сколько прибавилось к сумме твоих долгов,— от 15-го апреля 1849 года ты писал мне, что для уплаты долгов твоих и *для прочего*![1] нужно тебе девять тысяч рублей серебром,— а ныне сколько тебе нужно для уплаты долгов твоих и *для прочего*?

По получении этих объяснений я постараюсь сообщить вам немедленно, что могу и что намерен сделать для исполнения ваших желаний.

Михайло Чаадаев.

Публикуется с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 74, лл. 35–36 об. Написано в ответ на письмо П. Я. Чаадаева от 12 марта 1852 г., хранящееся в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 416, л. 20. П. Я. Чаадаев ответил брату письмом от 29 апреля 1852 г. (№ 187).

[1] Восклицательный знак в рукописи написан красным карандашом рукой П. Я. Чаадаева.

LXIX. *С. П. Шевырев (1852)*

К крайнему сожалению моему я не могу исполнить Вашего желания, почтеннейший Петр Яковлевич, потому что рукопись: *Размышления о Божественной Литургии*

находится теперь у Митрополита. Иначе я с большим бы удовольствием Вам ее доверил.

Занятия мои поглощают у меня все время. Рад бы я был иногда оторваться от них к Вам, в Ваш приютный уголок, для мыслящей беседы, но что делать? — Вот, может быть, вечерние прогулки Ваши по Сокольникам доставят мне летом удовольствие чаще Вас видеть.

Вчера я не поспел к новорожденному на юбилей его. Приписываю охотно поздравление.

Вас всегда рад видеть, когда ни пожалуете.

С искренним уважением всегда Вам преданный С. Шевырев.

2 мая

Суббота.

Публикуется с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 103. (Авт. 7, 27). Датируется по вечному календарю в соответствии с упомянутыми в письме реалиями: 2 мая приходится на субботу 1842 и 1852 гг. 1852 год предпочтительнее, так как в письме упомянута рукопись сочинения Н. В. Гоголя «Размышления о Божественной Литургии», которую Шевырев едва ли стал бы распространять среди знакомых при жизни автора.

LXX. *Г. М. Безобразов*

Вчера только принесли мне № 4 журнала Сельского хозяйства, где помещена статья моего сочинения, и несколько экземпляров особо отпечатанной этой статьи. Один из них при сем препровождаю вам, почтеннейший Петр Яковлевич, прошу не взыскать, если что не так, истинно я писателем никогда не был, да и не ищу быть оным, а написал что в голову взошло, по убедительному желанию одного лица, и вся моя работа кончена была в несколько, можно сказать, часов и то в свободное время от моих занятий. Диплом мой печатается и скоро буду иметь удовольствие вам его доставить.

До свидания. Григорий Безобразов.

15 авг. 1853.

Публикуется с оргинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 2.

LXXI. *С. П. Шевырев (1854)*

Поверьте, почтеннейший Петр Яковлевич, что Бартенев неумышленно виноват перед Вами, и я ручаюсь Вам за него, что он искренно будет благодарить Вас, когда

Вы его вразумите и сообщите ему сведения касательно отношений Ваших к Пушкину. Непростительно б было биографу славного поэта не иметь понятия о послании, к Вам написанном; но оно не входит в период его Лицейских стихотворений. Об нем речь впереди. Я убежден, что Бартенев обрадуется случаю услышать от Вас все подробности общения Вашего с Пушкиным, и верно и точно передаст их в дальнейшем развитии своей темы.

Если бы Вы, по этому случаю, взяли перо, очинили бы его по-русски, и передали бы нам всю историю сношений Ваших с Пушкиным,— я поблагодарил бы Бартенева за его неловкость и оплошность, которая подала бы повод к такому любопытному рассказу. А Вы даже обязаны это сделать, и биограф Пушкина не виноват, что Вы этого не сделали, а виноваты Вы же сами.— Как таить такие сокровища в своей памяти и не дать об них отчета современникам? Вот чем хорош Запад: там прошедшее не погибает. Там нет ржавчины равнодушия.

Но виноват: думал только защитить Бартенева — и забывшись, позволил себе нападение на Вас. Дай Бог, чтоб и моя неловкость повела к добру и чтоб мы когда-нибудь прочли Ваши записки или по крайней мере записку о Вашей дружбе с Пушкиным.

Всегда Вам рад, и в среду, и когда угодно. Горло мое меня беспокоит. Сижу дома — и берегусь. Приходится думать безмолвно, или с пером в руках, а не живым словом. На все пора. Время безмолвной мысли, время говорливой. Но пора перестать.

Простите, если в чем описался, но, конечно, не встретится описки в моем уважении и преданности Вам.

С. Шевырев

Окт. 17.

СП I. С. 423. Написано в ответ на письмо П. Я. Чаадаева № 201; см. примеч. к нему.

LXXII. *И. В. Киреевский (конец 1854)*

С благодарностью возвращаю Вам книжку стихов Пушкина. Я перечел с большим удовольствием его послания к Вам и еще больше убедился, что Вы точно правы. Невозможно рассказывать жизнь Пушкина, не говоря о его отношениях к Вам.— Но позвольте Вам повторить то,

что я говорил Вам прежде: Вы правы только в отношении к Бартеньеву, а не в отношении к Пушкину и Вашей дружбе.— Если человек, совсем не знавший Пушкина, расскажет об нем неполно или даже не так, то друзья Пушкина обязаны дополнить и поправить.— Несмотря на его ошибки, мы все будем благодарны Бартеньеву за то, что он рассказал без ошибок. Он мог и совсем не говорить о нем; на нем не было той обязанности спасти жизнь Пушкина от забвения, какая лежит на его друзьях. И чем больше он любил их, тем припудительнее эта обязанность.

Потому я надеюсь, что статья Бартеньева будет введением к Вашей, которую ожидаю с большим нетерпением.

Преданный Вам И. К.

СП I. С. 424. Об обстоятельствах написания этого письма см. № 201 и примеч. к нему.

LXXIII. *А. Я. Булгаков (1854—1855)*

Не забыл я вашего препоручения, любезный Петр Яковлевич. Сейчас ездил прощаться с Фед. Ив. Прян‹ишниковым›, который едет, но увы, не в Петербург. Впрочем, нечего сказать, потому что нет подробностей о нашем деле. Во всяком случае, ежели будет жалоба на юнкера, то нельзя будет не исследовать оной. Иначе устроить нельзя. Надобно, чтобы виновный поладил как-нибудь с обиженным.

Сию минуту получаю письмо от Вяземского. Стихи его я наскоро пробежал. Зная, что сегодня у вас многие по привычке, кто прочитают это с удовольствием, посылаю вам стихи Вяземского [1], но (давать лучше денег) извольте мне их возвратить с моим посланным. Хочу прочесть их со вниманием и исполнить тотчас комиссию Вяземского — завтра ему отрапортовать. В сегодняшней пчеле [2] помещены прежние стихи Вяземского:

Нахимов, Бебутов, Победы близнецы! [3]

До свидания.

Публикуется с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 7, л. 3. О датировке см. ниже примеч. 1.

[1] Возможно, об этих же стихах П. А. Вяземского Чаадаев пишет в письме к А. Я. Булгакову (№ 207).

[2] Имеется в виду газета «Северная пчела», издававшаяся в Петербурге с 1825 г. Ф. В. Булгариным (с 1831 г.— совместно с Н. И. Гречем).

[3] Цитата из стихотворения П. А. Вяземского «Нахимов, Бебутов, победы близнецы! В вас ожили в сей день богатыри-отцы...» (ПСС. СПб., 1887. Т. XI. С. 98–99) Стихотворение написано 31 декабря 1853 г., впервые опубликовано в сборнике «К ружью!». СПб., 1854.

LXXIV. *А. А. Закревский*

Любезный Петр Яковлевич, я буду тебя ожидать сегодня ввечеру в 8-мь часов по делу, о котором ты мне говорил [1].

Душевно тебя любящий

Граф А. Закревский

Суббота
14-го марта
1856 г.

Публикуется с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 17, л. 1.

[1] Возможно, речь идет о деньгах, о которых Закревский хлопотал для Чаадаева (см. след. письмо, а также примеч. 12 к № 197).

LXXV. *А. А. Закревский*

Желание твое я исполнил, любезный Петр Яковлевич,— потомственный почетный гражданин временно ‹?› московский 1-й гильдии купец Евграф Владимиров Молчанов даст тебе взаймы пять тысяч руб. сереб. за указные проценты на год, заготовь таким манером на его имя заемное письмо и пришли ко мне, и деньги тотчас тебе доставят.

Душевно тебя любящий Граф А. Закревский.
29‹25?› марта
1856 г.

Был у Екатерины Николаевны Орловой, но не застал дома...

Публикуется с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 17, лл. 3–3 об.

LXXVI. *Неизвестная*

Один смутный *ум* охвачен *навязчивой* идеей; подчинив его *волю,* эта идея принуждает его к *действию*: в четверг отправиться в Собрание на бал-маскарад, чтобы узнать, удалось ли г-ну Ч. во вторник ночью разрешить проблему трех способностей, и поскольку этот вышеназванный ум отнюдь не желает, чтобы его спутали с одной из глупых масок, наводняющих карнавал, он считает нужным предупредить, что подлинным окажется лишь то домино, у которого на левой руке будет бант небесно-голубого цвета.

Перевод выполнен с оригинала, хранящегося в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 36. Письмо не датировано; автор не известен. Вероятно, это одна из многочисленных поклонниц Чаадаева. В другом письме, хранящемся среди бумаг Чаадаева, другая «неизвестная дама» объясняется ему в любви и назначает свидание на Тверском бульваре (*ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 35). Публикуемое письмо интересно тем, что, по-видимому, несет на себе отпечаток какого-то разговора с Чаадаевым (или Чаадаева с третьим лицом, случайно подслушанного «неизвестной») о проблеме «трех способностей», т. е. о соотношении *ума, воли* и *действия.*

II

ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВОВ III ОТДЕЛЕНИЯ И С. С. УВАРОВА, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ДЕЛУ О ПУБЛИКАЦИИ ФП I В «ТЕЛЕСКОПЕ»

Публикуются впервые З. А. Каменским по подборке Д. И. Шаховского. До 1951 г. она, как и весь архив Шаховского, хранилась в *ИМЛИ* (копии с русских и французских оригиналов — I, 6289, перевод на русский французских текстов — I, 6287), была в 1940 г. скопирована З. А. Каменским и в таком виде публикуется. При передаче в *ИРЛИ* в 1951 г. архива Шаховского (образовавшего фонд 334) копии на французском языке составили № 237, а документы на русском языке рассредоточены (часто повторяясь) в №№ 143, 164, 224, 237, 240, 245А. Копии отзыва Э. Мещерского на *ФП* — ф. 334, № 224 и некоторых документов — 245. Оригиналы документов находятся в *ИРЛИ*, ф. 93 (П. Я. Дашкова), оп. 3 №№ 881 и 1357—1370 (образующие одну папку): (письма Ф. Голубинского — № 1368, донесение Кашинцова — № 1370, оба документа — по-русски). На документах из Уваровского архива в материалах Шаховского в качестве источника его копий указан *ОПИ ГИМ* с шифром 41/158. Там находятся, по-видимому, копии, с которых, в свою очередь, копировал, а затем и переводил документы Д. И. Шаховской. Такое предположение подтверждается пометкой Шаховского на копии письма С. С. Уварова С. Г. Строганову, где значится: «перевод с копии». В публикуемую подборку вошли далеко не все документы, относящиеся к этим событиям и хранящиеся в делах III отделения, равно как и других правительственных учреждений. и привлекших внимание Д. И. Ша-

ховского. Значительные публикации подобных документов осуществил *Лемке* (с. 411—448); опубликованные им документы находятся также в *ИРЛИ*, ф. 93, оп. 3, № 881.

Комментарии к настоящей публикации принадлежат З. А. Каменскому. Последовательность в расположении документов несколько отличается от их последовательности в подборке Шаховского — мы придерживаемся хронологического принципа.

Ввиду несомненной важности для истории наследия Чаадаева пакета III отделения с документами по делу о *ФП* и дел из архива Уварова мы приводим ниже список этих документов, составленный Д. И. Шаховским: в пакете III отделения под названием «Перечень бумаг пакета III отделения с заглавием „Дело о Философических письмах Чаадаева"» (*ИРЛИ*, ф. 334, № 224 ср. № 240) и в архиве Уварова под названием «Дела из Уваровского архива, имеющего отношение к катастрофе 1836 года» (ф. 334, № 143) заключалось всего 28 документов, которые Шаховской разделил на три части:

I. Отдельные письма: 1) подлинное письмо Шеллинга Чаадаеву, Мюнхен, 25 сент. 1833 г.; 2) записка Бенкендорфа без адресата от 8 дек. 1836 с просьбой прислать все *ФП* и № 15 «Телескопа»; 3) письмо Уварова, вероятно, Бенкендорфу 5 мая (1836); 4) письмо Голубинского Елагиной о *ФП VI* и *VII*, от 1 февр. 1833; 5) донесение Кашинцова о впечатлениях от *ФП*; 6) письмо, несомненно, Левашевой Чаадаеву, по-французски; 7) подлинное письмо Балланша А. Тургеневу, 2 июля (1836); 8) записка (Левашовой к Чаадаеву); 9) перевод части письма Шеллинга Чаадаеву; 10) письмо на фр. яз. с подписью С. Р., несомненно, Е. Д. Пановой, от 8 марта 1836 о том, что она переписывала *ФП I* (№ XXXIV); 11) недописанное письмо Чаадаева по-французски; 12) неотправленное письмо Чаадаева к И. Д. Якушкину 2 мая (1836) (№ 75); 13) письмо Е. Г. Левашевой Чаадаеву; 14) письмо И. Д. Якушкина Чаадаеву, осень 1821.

II. Записка Чаадаева Бенкендорфу от имени И. В. Киреевского.

III. 1) Анализ *ФП*, без подписи; 2) оттиск *ФП1* из «Телескопа», № 15, 1836 (в документе описка — 1831) с правкой рукой Чаадаева; 3) тексты всех восьми *ФП* (которые и образуют остальные десять номеров этой подборки, см. подробнее в комментариях к «Философическим письмам»).

Ниже публикуются некоторые из этих документов. Записка от имени Киреевского помещена в 1 томе настоящего издания.

Что касается содержания «Дела из Уваровского архива», то опись его, сделанная Шаховским, такова:

1) письмо С. Г. Строганова к С. С. Уварову 5.X.36, *ОПИ ГИМ* 41/173; 2) проект официального опровержения статьи Чаадаева, 41/124, л. 147—148; 3) проект вопросов, которые следует предложить Надеждину, 41/126, лл. 74—75; 4) из писем Э. Мещерского Уварову, 41/167, лл. 229, 231, 240; 5) выдержки из писем Уварова Николаю I; 6) Уваров — Государю, 12.VII.1836 (не ошибся ли Шаховской в дате — «катастрофа 1836 года» началась в октябре); 7) Строганов — Уварову, 1.II.1837; записка (вероятно Ширинского-Шихматова) о допросе Болдырева, 5.XI.1836, 41/173, л. 103, 105, 106; л. 264.

* * *

Ф. Голубинский А. П. Елагиной

Милостивая Государыня
Достопочтеннейшая Авдотья Петровна!

Приношу Вам искреннейшую благодарность за обязательное письмо Ваше, Н. И. Надеждиным мне доставленное. Вы напоминаете в оном о 1830-м годе, и взявши в свои руки весы, на чужую чашку оных кладете золото, а на свою ничего. Прекрасная душа любит придавать цену и ничтожным услугам других, и не хочет видеть в

себе тех редких достоинств, коими приветливость и любовь к Истинному и Изящному украшает оную.

Жалею, что я не мог удовлетворить Вашим ожиданиям касательно отрывков из Писем г. Чаадаева. О них сделано уже было суждение в Цензурном Комитете [1], когда я имел честь получить письмо Ваше: первые страницы, где показывается неосновательность Протестантских возражений против католической церкви, признаны не содержащими в себе ничего сомнительного. Но те места, где сочинитель приписывает первенство Церкви Западной, где говорит, что Папство существенно происходило из истинного духа христианства; также где представляет Моисея как Законодателя, своею силою основавшего веру в единого Бога, и пользовавшегося необыкновенными средствами к достижению сей цели, как человека, говорившего к людям из среды метеора, здешний Цензурный Комитет не мог одобрить. И я не мог и не хотел защищать их; ибо поступая так, я пошел бы против истины и против присяги. Я уважаю г. Чаадаева как философа — особливо по его мыслям об обелисках Египетских [2]: но больше несравненно Откровение Божественное, из которого вижу, что не Моисей был виновником законодательства Синайского, но сам Бог; и что закон Иудейский есть не только Монотеизм, но и содержит еще другие важные истины, близкие к учению Христианства; и центр Евангелия и Ветхого Завета — один — Господь Иисус, Проявитель Божества, посредник между Богом непостижимым и миром.

С чувствованиями совершенного почтения и признательности имею честь быть

Милостивая государыня!

Ваш покорнейший слуга

Федор Голубинский

Февраля 1-го 1833 года

[1] Речь идет об отзыве цензурного комитета на *VI* и *VII ФП*, которые Чаадаев хотел напечатать отдельной брошюрой (см. коммент. «Судьба литературного наследства» в т. 1 наст. изд.). Упоминаемый отзыв см. ниже.

[2] Имеется в виду фрагмент Об архитектуре, к тому времени опубликованный в «Телескопе», 1832, № 11. В нашем издании см.: «Варианты» в т. 1 наст. изд.

А. Х. Бенкендорф С. С. Уварову *(19 или 20 окт. 1836)* [1]

Возвращаю Вам прилагаемые бумаги, которые были прочитаны Государем. Он был изумлен страхами Строганова! Ректор Болдырев не может быть на свободе, во время следствия он должен находиться под хорошим надзором где-нибудь в Вашем министерстве, так же как и Надеждин, который будет содержаться в канцелярии жандармского Управления; нельзя допустить их общения с публикой, оно дало бы повод к сплетням и пересудам; бумаги Белинского будут отобраны.

Ваши вопросы прекрасны [2], из них возникнут и другие; я задержал те, которые предназначены для Надеждина, для того чтобы согласовать свои с предначертанным Вами ходом дела.

А. Бенкендорф.

[1] Примечание Д. И. Шаховского: «Собственноручное письмо Бенкендорфа на л[исте] б[елом] почт[овой] бумаги. Отметка Уварова о получении 19 или 20 октября», разумеется, 1836 г.

[2] Речь идет о вопросах, которые на следствии по делу о публикации *ФП I* были заданы Надеждину. Вопросы эти и ответы на них опубликованы: *Лемке.* С. 425–441.

А. Х. Бенкендорф С. С. Уварову (*после 20 октября 1836 г.*)

Посылаю вам, любезный друг, ответы Надеждина [1], если бы он писал так же в своем журнале, он был бы командиром у нас в полку. Прочтите с Протасовым и приезжайте ко мне в 2 часа. Государь приедет сюда только к обеду и было бы хорошо продвинуть дело.

[1] Видимо, на вопросы, о которых идет речь в предыдущем письме, чем и определяется датировка письма. Ввиду связи этого письма с предыдущим мы несколько нарушаем хронологию в расположении писем.

С. С. Уваров Николаю I [1]

20 октября 1836 г.

С глубоким прискорбием (зачеркнуто)

Беру на себя смелость сопроводить два прилагаемые официальные рапорта почтительнейшим выражением В. И. В... глубокой скорби, испытываемой мною при до-

ведении до Вашего сведения статьи, напечатанной в № 15 «Телескопа». Неизменная строгость, с которой я уже более четырех лет наблюдаю за мельчайшими движениями в печати, предохранительные меры, постоянно принимаемые мною суровые кары, бывшие несколько раз справедливым их следствием, давали мне право надеяться, что мы обеспечили себя впредь от подобных нарушений установленного порядка; и я должен сознаться, Государь, что повергнут в отчаяние от того, что подобная статья могла быть напечатана во время моего управления. Статью эту я считаю настоящим преступлением против народной чести; так же как и преступлением против религиозной, политической и нравственной чести. Главное Цензурное Управление, внимательно рассмотрев ее направление, не сочло возможным сойти с законной почвы присвоенных ему прав; чем бесспорнее преступление, тем настоятельнее следует соблюсти по отношению к виновным в точности все формы справедливости. В. В., соблаговолите заметить, что на этих именно началах доклад и составлен; тот, который я к нему присоединил, в качестве министра, достаточно обоснован тем малым доверием, которое может внушать министерству человек, поддавшийся грубому обману и [который] покрывает своим именем статью, направление которого совершенно неожиданно обнаружило не бред безумца, а скорее систематическую ненависть человека, хладнокровно оскорбляющего святое святых и самое драгоценное своей страны.

Мне кажется, трудно найти где бы то ни было прямое обвинение прошлого, настоящего и будущего своей родины. В. В., оценивая в своей мудрости характер этой статьи, кажущейся с первого взгляда невероятной, благоволите оценить по справедливости ту борьбу, которую я веду, борьбу с людьми и с принципами, с ухищрениями и страстями; борьба эта была бы безнадежна, если бы твердая и бдительная поддержка В. В. не являлась постоянным утешением тех, кого Ваше доверие поставило на страже у прорыва, и которые пребудут там.

Я счел необходимым предупредить на всякий случай различные цензурные комитеты, зависящие от министерства, чтобы они не пропускали в журналах ни одной статьи, касающейся «Телескопа». Может быть, В. В., сочтете необходимым позднее напечатать опровержение, обра-

щенное не к нашей стране, где возмущение не может не стать всеобщим, а скорее для заграницы, жаждущей всякого рода клеветнических выходок. Но опровержение это требовало бы такта, настолько утонченного, что его нельзя было бы поручить журнальным писателям. Позволяю себе высказать мнение, что в настоящий момент обсуждение этой диатрибы «Телескопа» только усилило бы зло.

Остаюсь в ожидании особых повелений В. В. по всем этим предметам.

[1] Это письмо Р. Темпест опубликовал в переводе на английский язык в «Slavic Review» vol. 42, N 2, July 1984, p. 282–283 и затем в журнале «Символ» (Париж), 1986. Кн. 16. С. 122–123 на русском языке. Между текстом, опубликованным Р. Темпестом и публикуемым нами, есть разночтения. Публикуемый нами текст представляет, по-видимому, черновой вариант, а текст, опубликованный Р. Темпестом,– обработанный вариант. Думается, однако, что эта обработка сделана Д. И. Шаховским, поскольку оба варианта хранятся в его архиве. Однако существует еще один вариант. Под той же датой Уваров написал другое письмо, которое было отправлено царю и на котором Николай I написал свою знаменитую резолюцию о запрещении журнала, привлечении к ответственности его издателя и цензора и о том, что автор письма, должно быть, умалишенный. Этот вариант письма от 20 октября 1836 года опубликован в *РА*, 1884, кн. II, с. 457–458 (вместе с изложением содержания писем Бенкендорфа к Уварову по поводу тех же событий от 4 и 30 декабря того же года). Несомненно, что наш вариант является каким-то наброском. Р. Темпест же, не зная о существовании варианта из *РА*, по-видимому, полагал, что публикуемое им письмо было отправлено царю.

⟨А. И.⟩ Чернышев С. С. Уварову

Спешу возвратить вам, любезный коллега, № журнала [1], который вы были так добры мне прислать, и благодарю вас за это сообщение. Я был возмущен, если бы прочел такую позорную статью, написанную иностранцем, и не могу передать чувства, испытанного мною, когда я узнал, что ее осмелилась написать рука русского!!

Или я жестоко ошибаюсь, или эта наглая публикация доказывает, что в Москве существует школа, проникнутая адскими идеями, развитыми в статье. Правительство должно обратить на это большее внимание и не должно ничего оставить в стороне до полнейшего выяснения все-

го. Мое почтение вашим дамам. Я исполнил ваше поручение к вашей кузине.

Чернышев.

Царское Село.
24 окт. 1836 г.

[1] Речь идет, конечно, о № 15 «Телескопа» за 1836 г., где было напечатано *ФП I*.

С. С. Уваров С. Г. Строганову[1]

С. Петербург 27 октября 1836 г.

Пользуюсь отъездом кн. Голицына, чтобы ответить на Ваше официальное письмо от 13, пришедши сюда после 15 № Телескопа. Князь сумеет рассказать Вам о всеобщем взрыве возмущения, вызванном позорной диатрибой в нем заключенной. И не только духовные власти, как Вы, кажется, думаете, но все власти и особенно наивысшая были поражены этим происшествием. Мой посланный от 22 отвез Вам приказ Государя по этому делу. Главное Управление предположило закрыть журнал с будущего 1-го января. Его Величество приказал закрыть тотчас же. Автор статьи без сомнения безумен и очень виновен, но есть некто еще более безумный и более виновный — это цензор[2], подписавший свое имя под такой мерзостью, он, кроме цензорских функций, облеченный Вами еще званием ректора[3], даже не счел нужным обратиться к Вам с вопросом о Вашем мнении. Дерзость редактора[4] не меньше. Можно ли было ожидать от них такого пренебрежительного к нам отношения? Испытанное мною огорчение было и остается очень сильным, я чувствую себя глубоко униженным тем, что подобная статья могла быть напечатана при моем управлении[5]; я не думаю, чтобы где-нибудь в другом месте можно было найти более прямое обвинение нравственного строя нашей страны и если что-нибудь может смягчить для правительства подобную неудачу, то только то глубокое и всеобщее негодование, которое вызвала эта диатриба во всех классах и на всех ступенях общества. К счастью, ни в какой стране и ни в каком народе не встретить сочувствия втаптыванию в грязь родины и оскорблению ее в ее верованиях,— нравственных и политических понятиях в ее истории, в ее прошлом и будущем. Общее порицание будет сопровож-

дать это произведение больного и зараженного ума и если бы какие-либо неблагонадежные граждане и восхваляли его исподтишка, а создатели клеветнических вымыслов за границей за него ухватились и бросили бы нам его в лицо (что вполне возможно), благоразумное большинство как в стране, так и вне ее, рассудит его по достоинству. Здесь нет никого, кто бы не испытывал этих же чувств, и я убеждаюсь, что так же дело обстоит и в Москве; особенно же, что наша молодежь отринула с презрением это антинациональное кощунство. Тем не менее, ввиду обстоятельств момента, Ваше присутствие в Москве чрезвычайно необходимо и я предлагаю Вам на время отложить Ваш отъезд в Петербург.

Примите уверения в совершенной моей преданности

С. Уваров

P. S. Я велел тщательно обследовать содержание нумеров Журнала Министерства и поставил на ноги всю редакцию, выяснил, что о книге Павлова [6] там не упоминалось. Вы без сомнения были введены в заблуждение сходством заглавия или имени. Если бы появилось в каком-нибудь журнале восхваление статьи, помещенной в № 15 Телескопа, мне не оставалось бы другого выхода, как надеть власяницу и принести публичное покаяние.

[1] Перед текстом письма запись Д. И. Шаховского: «Письмо Уварова Строганову (перевод с копии). Копия. С. Петербург 27 октября 1836 г. Другим почерком: почерк № 4. Письма к гр. Г. С. Строганову».

[2] Болдырев А. В.

[3] Московского Университета, попечителем которого был в это время Г. С. Строганов.

[4] Н. И. Надеждин.

[5] В это время С. С. Уваров был Министром народного просвещения.

[6] Речь, по-видимому, идет о писателе Н. Ф. Павлове, три повести которого появились в 1835 г. и вызвали недовольство в правительственных кругах. Но о каких «сходствах» идет речь, установить пока не удается.

ДВА ДОНЕСЕНИЯ МОСКОВСКОГО ОСВЕДОМИТЕЛЯ КАШИНЦОВА

Секретно

№ 75
О слухах касательно Надеждина, Болдырева и Чеадаева[1]
кор. от Кашинцова

В Москве идет рассказ, что издатель Телескопа Надеждин и Цензор сего Журнала Ректор Университета Болдырев вытребованы в С. Петербург за переводную статью г. Чеадаева и что издание сие запрещено.

Вообще все рады сему, особенно отцы семейств, которым давно желалось, чтоб сей журнал был запрещен и даже всегда дивились, как сего давно не последовало.

О Чеадаеве, который у всех слывет чудаком, идет слух, будто повелено: что как статья его заставляет сомневаться в его добром здоровье, то чтоб к нему ездил наведываться по два раза в день доктор.

Этот рассказ сопровождается необыкновенным общим удовольствием, что ежели действительно эта молва справедлива, то что для Чеадаева невозможно найти Милосердие Великодушное и вместе с тем развительнее наказания во отвращение Юношества от влияния на оное сумазбродство.

[1] Таково написание фамилии в этом документе.

31 октября 1836
Москва

№ 83
Слухи о связях Авторов

По слухам за секрет рассказываемым напечатание статьи Чаадаева *Философические письма* много приписывают побуждению его к тому, будто бы кроме Надеждина особенно Алекс. Ив. Тургенева, который будто уже и струсил и от того под всегда носимою им маскою для скрытия фальшивых правил его ускакал в С. Петербург.

Некогда (очень давно) было Вашему Превосходительству доложено о замечательном литографированном портрете, на котором изображен или Александр Тургенев или постыдный брат его[1], с книгою: «О теории налогов» и с дерзкою надписью: *без боязни обличаху*.

Я слышал секретно, что в числе взятых и препровожденных к Вам бумаг Чаадаева и экземпляр сего литографированного одного из Тургеневых портрета находится.

Говорят, что Надеждин имел особенную дружбу (если таковой человек может ее к кому-либо иметь) с молодым Селивановским, недавно наследовавшим типографию от отца своего. Есть мрачный глухой гул, что будто бы типография сия подвергалася подозрению еще в 1826 году по доносу Барона Штенгеля [2], что там намеревались заговорщики печатать буйные прокламации. Но это эхо прошедшего весьма теперь невнятно, ибо если что и было, то без сомнения все давно истреблено и будто и тогда уже заблаговременно и самые литеры были перелиты. В сей же типографии печатался Convertions Lexikon по второй книге воспрещенный.

У сего Селивановского, говорят, бывали частые беседы по субботам. По наблюдению Собеседниками замечены в частых посещениях следующие: Доктора *Михаил Воскресенский, Пик и Кетчер*, как говорят, переведший на русский язык «Философические письма» [3] Чаадаева; служащий в Горном Правлении *Селиванов*, участвующий, как говорят, в издании *Московского Наблюдателя*, издатель сего журнала *Андросов*, издатель картин света *Вельтман*, книгопродавец *Свешников*, типографщик *Решетников* и профессора скверных правил: *Погодин и Давыдов* [4].

По секретным сведениям замечательно, что после происшедшего с Чаадаевым, Селивановский все бумаги свои собрал и снес в особую комнату, и сказывается больным.

Говорят, что он необыкновенно трусливого характера. Кажется, он в Москве много помогал в статьях *о театре* ругать Надеждину Дворянство, называя его чопорною аристократиею.

По гласности же странно для многих, что он, кажется, пользуется титлом *Комиссионера* II отделения собственной Его Императорского величества Канцелярии и будто так важно печатает это титло на всяком маловажном щете своем.

2 Декабря 1836
Москва [5]

[1] Н. И. Тургенев.
[2] По-видимому, декабриста Штейнгеля В. И.
[3] Это не так – см. коммент. к *ФП*.

[4] В оригинале все фамилии подчеркнуты карандашом, видимо, не автором, писавшим чернилами, а тем, кто читал донесение.

[5] Примечание Д. И. Шаховского: «Дата почему-то написана почерком, совсем отличным от текста остального».

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ[1]

Если попытаться определить дух этого сочинения путем обозрения обнаруживающихся в нем различных направлений, то придешь к следующим заключениям. Общее и господствующее направление — *римско-католическое*; цель, по-видимому, более религиозная, нежели политическая, и скорее умозрительная, нежели догматическая.

Революционные принципы нигде не получают открытого выражения. *Либерализм* вытекает из совокупности суждений о России и явно выступает в хорошо известных местах первого письма и в приведенных здесь также отрывках второго.

Философские и религиозные взгляды автора подходят ближе ко взглядам сен-симонистов, *обратившихся к христианству* и к идеям Ламенэ, Бюшэ, Балланша и Экштейна, чем к школе Де-Мэстра, Бональда, Ботэна или выдающихся немецких католических писателей. Так, одно место в письме[2] по поводу бессмертия души и превознесение автором Магомета — в письмах VI и VII[3] отзываются сенсимонизмом. Но основа философской системы автора все же христианская и мнения не правоверные прорываются в некоторых выражениях его мысли, в некоторых выводах и в некоторых приложениях; есть и такие, которые могли бы быть отвергнуты и римской догматикой. В конце концов, следов политического учения сен-симонистов в письмах этих не обнаруживается.

[1] Авторство кн. Э. Мещерского установил Д. И. Шаховской (*ИМЛИ*, I, 6250), ссылавшийся при этом на «Уваровский архив». Мы публикуем лишь заключительную, обобщающую часть этого отзыва, который (в машинописной копии) хранится в *ИРЛИ* ф. 334, № 224. Французский текст отзыва полностью напечатан у *Rouleau*, р. 191—196. Однако он ничего не говорит об авторстве этой рецензии. Следует сказать, что Мещерский стремился своим отзывом как-то смягчить удар по Чаадаеву. Мещерский был знакомым Чаадаева или даже его приятелем. Во всяком случае, рассылая экземпляры 15-й книги «Телескопа», Чаадаев послал его и Мещерскому (см. в т. 1 наст. изд. Показания Чаадаева 1836 г.).

Некоторые сведения об Э. Мещерском см. в *СП II*. С. 394, примеч. и в сообщении Н. В. Спытко «Парижский корреспондент» (об архиве Элима Мещерского см.: Встречи с прошлым. М., 1984. Вып. 5. С. 31–40). Дальнейшие примечания принадлежат Э. Мещерскому.

[2] Пусть я буду жить сто тысяч лет после того, что я называю смертью, и что есть лишь явление, не связанное с моим духовным существованием, отсюда еще далеко до вечности... Если вечная жизнь есть только награда за совершенную жизнь, как может сказаться заключением существования, протекшего в грехе? и т. д.

[3] Автор оценивает Магомета как одного из тех, кто более всего способствовал осуществлению плана, предначертанного «божественною мудростью для спасения рода человеческого» (п. VI). И в другом месте: в общем историческом развитии религии откровения религия Магомета непременно должна рассматриваться как одна из ее ветвей (п. VII).

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА О НЕДОПУЩЕНИИ К ПЕЧАТИ ДВУХ СТАТЕЙ ЧААДАЕВА

от 31 Генваря
1833 г.

Комитет находит следующее:

1) В первой статье, содержащей в себе опровержение выражений Протестантов против церкви Католической и защищений достоинства сей церкви при многих суждениях правильных есть такие мысли, кои не могут быть одобрены. Именно стран. 5 стр. 13: «В золотой век церкви, в век величайших ее страданий,— еще струилась кровь Спасителя». Кровь Спасителя, в собственном смысле, изливалась во время его страданий, и тогда, когда воин пронзил копьем ребро его. В смысле таинственном она не перестает изливаться и ныне и во все времена церкви Христианской в таинстве Евхаристии. Следовательно, пролияние крови Спасителя нельзя относить как отличительный признак к Церкви Апостольской I и II века по Р. Х., о которой говорит здесь сочинитель. Стран. 5 стр. 16: «Безрассудно мечтать о возвращении такого состояния вещей, которое происходило только от чрезвычайных бедствий, угнетавших первых христиан». Под сим состоянием разумеет сочинитель совершенство церкви Апостольской (стр. 3), но нельзя сказать, чтобы сие совершенство происходило единственно от бедствий

церкви. Бедствие было только содействующею причиною, а не главною.— Стран. 7 стр. 2—5: «Таинство причащения, сие чудное открытие разума Христиан, если позволено так выразиться, материализирует души». Оба сии выражения (открытие разума Христ. и материализирует души) — неправильны. Стран. 10 стр. 1—5: «Папство в свое время происходило существенно из источника духа христианства... почему же не предоставить ему первенства перед всеми христианскими обществами». Стран. 11 стр. 1—3: «Оно совершенно выполняет всегда свое предназначение, сосредоточивает мысли христиан». Стр. 13: «Пусть оно исчезнет с лица земли и вы увидите, в какое заблуждение впадут общества религиозные». Все сии мысли противные истинным понятиям о православии, чистоте и превосходстве церкви Восточной.

2) В статье о Моисее (стр. 12—21) основные понятия несправедливы. Главное недоразумение состоит в том, что сочинитель видит в Моисее не посланника Божия, а законодателя, который при всей странности характера, совмещающего в себе свойства противоположные, силою своего гения и употреблением средств необыкновенных достигает того, что утверждает на целые века в народе израильском *свою* систему — монотеизм. Эти превратные и противные смыслу Св. Писания понятия о Моисее выражены на стр. 15 — «не знаю, чему более удивляться и далее»... Сюда же относятся следующие выражения. Стр. 17: «Моисей мог найти у своего народа или у других идею о Боге национальном, мог воспользоваться сим обстоятельством, так, как воспользовался другими... для того, чтобы ввести в мысль человеческую *свой* высокий монотеизм». Стр. 18—19: «Читайте второзаконие с сей точки зрения, и вас удивит свет, разливающийся отселе не только на систему Моисея, но и на всю откровенную философию. Каждое слово сей особенной книги дает видеть идею *господствующую* (над строкой карандашом: l'idée surhumaine) * в духе ее писателя. Отселе также происходят и ужасные истребления, кои предписывал Моисей. Его предназначение не состояло в том, чтобы представить образец справедливости и совершенства нравственного, но в том, чтобы вложить в дух человеческий оную неизмеримую идею, которой не мог дух чело-

* Так в тексте «Русской мысли» (*ред.*).

веческий произвести из себя». Кроме сего главного заблуждения встречаются в сей статье и другие неправильные мысли, кои замечены *на самой рукописи.* Стр. 13, 19—25, 18, 16, 20, 19 et cetera.

Поелику же по исключении сих мыслей в статье о Моисее останется несколько отрывков, кои хотя не заключают в себе понятий ложных, но соединены с мыслями неправильными и без оных не будут иметь связи, то вся статья сия *не может быть также одобрена.*

Русская мысль. 1896. Кн. 4. С. 149–151. Постановление касается *ФП VI* и *VII*, которые Чаадаев представил для публикации отдельным изданием у Московского типографа Семена, и *ФП I.* А. Кирпичников, опубликовавший этот документ, установил, что «первая статья», которая рассматривается под индексом «1)», есть заключительная часть *ФП VI*, а «вторая» – «статья о Моисее» – часть *ФП VII* (там же, с. 151). Об этом Постановлении см. в «Приложениях» письмо Ф. Голубинского к А. П. Елагиной.

П. Я. ЧААДАЕВ И И. М. ЯСТРЕБЦОВ

П. Я. Чаадаев воспользовался книгой И. М. Ястребцова * «О системе наук, приличных в наше время детям, назначаемым к образованнейшему классу общества» (М., 1833) для выражения своих взглядов на Россию и в этой связи — на философию истории, изменившихся к этому времени по сравнению с теми, которые он обосновал в *ФП.* Эта книга Ястребцова представляет собой расширенное и радикально переработанное издание первой его книги «Об умственном воспитании детского возраста» (М., 1831), и эта переработка была произведена в значительной мере под воздействием идей Чаадаева, что было зафиксировано самим Ястребцовым: на странице 201 упо-

* В дореволюционной справочной литературе (см. напр.: *Змеев Л. Ф.* Русские писатели. СПб., 1886; словарь Брокгауза и Ефрона и др.), а также в некоторых советских работах (см. напр.: *Торопыгин П. Г.* П. Я. Чаадаев и И. И. Ястребцов // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1987. Вып. 748) биографию И. М. Ястребцова смешивают с биографией Ивана Ивановича Ястребцова (1776–1839), крупного чиновника министерства духовных дел и народного просвещения при Голицыне, члена Российской Академии наук. На ошибочность такого смешения указывали: *Сакулин П.* Из истории русского идеализма. М., 1913. Т. 1, ч. 1. С. 372; *Чулков Н. П.* Примечания... // Летописи Гос. лит. музея. Кн. 3. Декабристы. М., 1938. С. 79; *Каменский З. А.* П. Я. Чаадаев. М., 1941 (канд. дисс. хранится в биб-ке МГУ). С. 462.

минается «одна особа, которой мы обязаны основными мыслями теперь излагаемыми». В подстрочном примечании приводились инициалы «особы»: «П. Я. Ч.». Сам Чаадаев упоминал об этом в письме к С. Г. Строганову (№ 83), считая соответствующие места книги Ястребцова своим алиби — доказательством такого изменения своих взглядов по сравнению с идеями *ФП*, которые должны были, по его мнению, в значительной мере реабилитировать его в глазах правительства. На это же рассчитывал и А. И. Тургенев, сообщая П. А. Вяземскому об этом обращении Чаадаева к Строганову (*ОА*, т. III, с. 359–360). Уже после завершения трагической истории публикации *ФП I* в «Телескопе» Чаадаев писал о книге Ястребцова и своем участии в ней И. Д. Якушкину 19.X.1837: «Появилась... серьезная книга, вся исполненная моими мыслями, которые мне откровенно и приписывались» (см. № 91). Впоследствии М. О. Гершензон собирался включить выдержки из книги Ястребцова в подготовленное им собрание сочинений Чаадаева, но не завершил эту работу (см.: Герцен, Огарев и их окружение // Бюлл. Гос. лит. музея. М., 1940. № 5. С. 385–405). Книгу Ястребцова, как документ, отражающий эволюцию взглядов Чаадаева после написания *ФП* (с приведением обширных выдержек из нее), анализировал З. А. Каменский в упомянутой диссертации (с. 459–473). В «Антологию педагогической мысли России первой половины XIX в.» (М., 1987) П. А. Лебедев включил выдержки из второй книги Ястребцова с кратким биографическим комментарием, однако связи идей Ястребцова и Чаадаева он не отметил.

Ниже мы приводим тексты из книги И. М. Ястребцова «О системе наук...», к которым можно отнести утверждение Чаадаева, что Ястребцов выражал в своей книге его идеи, и по которым можно проследить, в каком направлении эволюционировали взгляды Чаадаева на Россию. Публикация П. Г. Торопыгина и З. А. Каменского.

* * *

(С. 83–84): «...Отечество состоит в идее, развиваемой жизнью какого-либо народа... Человечество развивается постепенно. Цель сего развития есть достижение до возможного совершенства. Совершенство человечества долж-

но состоять, как можно вывести философически, в том, чтобы уметь произвольно, т. е. по убеждению собственного его разума, сделаться тем, чем предопределено ему свыше».

(С. 86): «Если народ не может развивать особенной какой-нибудь идеи в пользу человечества, то он не может составлять и отечества. Есть поэтому народы вовсе без отечества, как большая часть диких племен».

«...Служа отечеству, мы служим самому человечеству. Отечество существует до тех пор, пока существует его идея, а существует она до тех пор, пока развивается. Как скоро разовьется вся, отечество прекращается, ибо источник его жизни, идея, иссяк. Для него останется тогда одна жизнь, и в своем роде бессмертная, в истории. Народ же или народы его, или, так сказать, изнывают в ничтожестве, или образуются в другие отечества.

Государство сильно, когда отвечает идее отечества, оно слабее, и идет даже к своей погибели, как скоро противится ей».

(С. 87): «Трудно и не всегда возможно постичь идею отечества; ее трудно определить и тогда, когда она много уже обнаруживала себя, а как предугадать ее, в самом начале ее развития? Между тем отечество подвигается вперед беспрерывно; оно не остановится для того, чтобы подождать, пока кто-нибудь откроет его идею и приспособит к сей идее воспитание».

(С. 95): «Человечество, развиваясь, изменяется, изменение сие обнаруживается духом времени».

(С. 191): «Какая идея нашего отечества? Она должна быть отлична от идей собственно европейских, ибо до сих пор Россия составляла как бы особенный мир в Европе. Россия не участвовала ни в одном из тех великих движений умов, которые приготовили нынешнюю Европу. Не было для нее ни крестовых походов, ни феодализма (в примечании И. М. Ястребцова: «Удельная система России, так же как и удельная система Испании, была отлична от феодализма»),.. ни влияния классицизма, ни реформации... Без преданий, без памятников минувшего, она как будто родилась только вчера, и опоздала войти в свет Европейский. В Европейском свете развились такие стихии, которые и не вошли еще в состав России. Оттого Европа не чувствует великого северного государства своим».

(С. 192): «И, однако, промысел, конечно, не без намерения отдал во владение русскому народу шестую часть земного шара, почти все климаты, основательный ум, силу терпения и богатый язык. Не без намерения промысел положил и отличные стихии образования сему народу пред прочими народами европейскими».

«Назовем новую европейскую цивилизацию, для краткости, скандинавскою, по той причине, что Скандинавы были первыми ее виновниками».

(С. 192–193): «Различные народы, принадлежащие к ней, трудятся каждый различным образом, в пользу человечества. Германия, например, служит сражением высших отвлеченностей. Англия превращает теорию в практику... Франция распространяет сию цивилизацию по всей Европе.

На границах сей, так сказать, скандинавской Европы, находится иберийский полуостров с африканской стороны, и Россия с азиатской».

«Иберийский полуостров и Россия назначены... как многие причины заставляют думать, для высоких ролей в драме человечества. Вероятно, сие назначение состоит в том, чтобы скандинавскую цивилизацию передать в надлежащем виде, с одной стороны, Азии, с другой — Африке».

(С. 193): «Полагаем, что идея нашего отечества состоит в таком превращении скандинавской цивилизации, какое необходимо для мира азиатского, и что идея Испании имеет подобное значение для мира Африканского.

Россия и Испания не отстали от Европы, а идут своим собственным путем, отличным от Европейского».

(С. 194): «Испания и Россия назначены, кажется, быть в свое время такими же центрами цивилизации для двух частей света, каким центром цивилизации служит теперь Англия для Европы».

(С. 195): «Рассматриваемая с этой точки зрения, вся история Русского народа должна представить четыре периода: в первом периоде преимущественно азиятские стихии составят основание народа; во втором, откроется широкий вход стихиям европейским *; в третьем, стихии азиятские и европейские переработаются в оригинальную

---

* В сем смысле, Петр Великий не Россию внес в Европу, а Европу в Россию (*примеч. И. М. Ястребцова*).

Русскую цивилизацию; в четвертом, наконец, цивилизация Русская сообщится приготовленной для этого Азии. Четвертый период будет уже для России, как нынешнее состояние для Англии, временем ея устарения».

(С. 196): «Россия способна к великой силе просвещения. Это можно утверждать не из патриотического только тщеславия или надежды, но из соображения обстоятельств, в которых Россия находилась и находится. Ее эпоха существования, прошедшая жизнь и характер народа так устроены Провидением, что она не только может, но готова достигнуть до высокой степени совершенства в деле развития человеческого».

(Далее Ястребцов рассматривает «Эпоху существования», «прошедшую жизнь» и «характер народа» России.)

(С. 198): «Эпоха существования». «Россия может усвоить себе великие богатства, собранные старанием веков прошедших у разных народов Европы. Россия молода сравнительно со старою Европою по многим отношениям. Но молодость есть именно тот счастливый возраст, в котором, при благоприятствующих обстоятельствах, происходит быстро развитие свойств самых важных».

(С. 199—200): «Самые заблуждения прошедших времен служат полезными уроками и тяжкие уроки заблуждений, и наставления истины окружают со всех сторон юную Россию. Ей остается выбирать и ими пользоваться, но для нее недостаточно усвоить себе их в таком виде, в каком они существуют у других народов. У других народов они соединены тесно с некоторыми... невыгодами. Сию примесь невыгод должно отделить от истинного добра и воспользоваться одним сим последним в чистоте его. И здесь то основание патриотической надежды нашей. Не в том только предвидим высокую участь России, что она может заимствовать много у других и обратить в пользу свою чужие труды, но в том особенно, что она по прошедшей своей жизни и характеру народа может сделать выбор с полной свободой, может принять и отбросить все то, что ей угодно, т. е. принять все полезное и отбросить все вредное».

(С. 201; именно здесь Ястребцов и ссылался на «П. Я. Ч.» — *З. К., П. Т.*): «Прошедшая жизнь»: «Россия свободна от предубеждений; живых преданий для нее

почти нет, а мертвые предания бессильны. Россию поэтому и называют юною, что прошедшее как бы не существует для нее».

(С. 202): «Характер народа»: «терпеливый», исполнительный, чуждый строптивости и т. п., словом — «белая бумага: пишите на ней».

(С. 203): «Россия не только может, но готова достигнуть до высокой степени совершенства в деле развития человеческого. Для этого нужно ей прежде всего искренне приступить к рассмотрению своего положения; и всякий благонамеренный Россиянин должен в сем случае отбросить в сторону тот ложный патриотизм, который ищет прикрывать недостатки, и выказывает одни блестящие стороны своего отечества. Кто хочет исправиться, тот признает сперва вину свою; или кто хочет усовершенствоваться, тот примечает сперва свои несовершенства. Какая польза и какая честь обольщать себя?»

* * *

Приведенные выдержки из книги Ястребцова показывают, что у Чаадаева были все основания утверждать, что если не его коренные философские идеи, то философско-историческая концепция эволюционировала весьма существенно. Если в центре *ФП* находилась критика истории и действительности России, и упования на ее возможности в будущем оставались лишь слабыми намеками, оговорками, антитезами критическому пафосу, то, как видно из книги Ястребцова, эти акценты разительно переменились. В центре концепции России теперь оказалась идея исторических преимуществ России перед Западом, хотя и покоящихся на утверждении, что Россия может оптимально использовать достижения Запада.

Таков был пафос идей Чаадаева о России с середины 30-х гг. и лишь к концу 40-х и в 50-х гг. обнаруживается тенденция обратного изменения этих акцентов.

Загоскин М. Н.

〈СТАТЬЯ БЕЗ ЗАГЛАВИЯ, НАПРАВЛЕННАЯ ПРОТИВ «ФИЛОСОФИЧЕСКИХ ПИСЕМ» ЧААДАЕВА (1836)〉

Человек необыкновенный, которому потомство не перестанет дивиться, Наполеон называл таковые статьи поджигательными пламенниками; я говорю *таковые* лишь по их содержанию, но писанных со вкусом и пылом убеждения *. Та, о которой хотим говорить, может назваться *отравленною льдиною*. Мы уже привыкли к подобным ей,— и я никому не советовал бы возражать на нее: автор не стоит чести страдальца, всегда интересного для толпы невежд, хотя бы он был прав, как Иуда. Известно, что все мутители народов говорят им: «Вы гнилушки; но подождите: мы вас одушевим, разогреем; *очистим атмосферу, в которой вы живете*. Вам скучно дома и в гостях; *вы везде кочующие, везде как на постое, как чужие:* мы вас развеселим. *Ваша жизнь еще не составилась, вы не составляете еще необходимой части человечества: вы живете лишь для того, чтобы* мы *преподали* вами *великий урок миру. Мы породним вас с семейством человечества, введя в атмосферу Запада. Вы глупы, у вас немота в лицах*; в ваших взглядах что-то холодное; у вас *в крови что-то противное просвещению*; вы взяли Париж *и тем отодвинулись на 50 лет от просвещения*. Отцы ваши были также глупы, *и не оставили ни памятников, ни преданий, которые говорили бы о доблестях народа. Мы дадим вам эпоху живую, безмерно деятельную*; мы введем вас в *эту поэтическую игру нравственных сил народа*. Безверие нам не удавалось; это старо: мы употребим христианство, *и осуществим на земле Царствие Божие*» **.

---

* Г-жа Сталь никогда не говорила с явным и неистовым озлоблением против сограждан своих и существовавшего порядка дел: она, в славном своем творении *О Германии*, лишь заметила в германцах более вольномыслия и более идеализма, чем во французах,— но Наполеон не простил ей и этого (*примеч. М. Н. Загоскина*).

** Подчеркнутые строки взяты из самого сочинения (*примеч. М. Н. Загоскина*).

А народы, наученные и ежедневно научаемые, говорят им: «Увольте нас от этих благ: ваша поэтическая форма бытия, в которую вы хотите ввести игру народных сил, шумна и кровава для нас, современников; развратительна и гибельна для детей и внуков наших. Пример в глазах: что осталось святого и нравственного для нового поколения там, где Марат и Робеспиер прошли по трупам отцов и матерей? Мы не просимся породниться с ними; избавьте нас от такого Царствия Божия на земле». Вот что говорят им *массы*, которые, по их мнению, *сами собою не думают,* но умно и благодетельно управляются.

И ужели русские без омерзения могли читать эту статью? (Это писано тот час по прочтении *Философического письма*). У нас нет памятников великих дел! Нет славных преданий! Нет и не было народных добродетелей! Нет поэзии в скрижалях нашей истории! — Не злой ли безумец один может сказать, что мы развратились от Византии? Нет, вместе с великим даром истинного православия, которое утвердило величие России, спасая ее не один раз от Римского ига, мы почерпнули там и первые выгоды образованности.— Но наша образованность и Православие никуда не годятся: они не Западные.

— Что отвечать на это?.. Статья, писанная Русским против России на французском языке, по одному этому заслуживает уже смех и презрение. Но добрый патриот не будет смеяться: он с сожалением укажет в ней отцам и матерям на бедственные следы французского воспитания. Оставя дух вредного вольномыслия, видно, что автор изучал историю отечества по Леклерку и Левеку, и наблюдал его быт по заключениям аббата Шапа и аббата Перреня. Родители! ужаснитесь мнимоневинного желания, чтобы дети ваши отличнее других лепетали на языке наших врагов-завистников, оставляя в небрежении свой, богатый и благозвучный. Пусть их сердца пленятся сперва родными его звуками; пусть на нем передадутся им события отечественного края, слава и высокие добродетели предков; пусть возгордятся они своим, а после отдадут справедливость и чужому, хваля достойное хвалы, отрицая достойное порицания, пусть будут они просвещенными, но просвещенными Россиянами,— дабы великая тень Петра не разбила, подобно Моисею на Синае,

скрижалей своих, где предначертал он нам твердое величие и беспримерную славу.

Публикуется с оригинала, хранящегося в *ГПБ*, ф. 291, ед. хр. 25, лл. 1–2. Публикация В. В. Сапова.

Статья не датирована, но как видно из слов: «Это писано тот час по прочтении Философического письма», написана в октябре 1836 г., так как объявление о выходе 15-й книжки «Телескопа» появилось в «Московских Ведомостях» 3 октября 1836 г. Годом ранее М. Н. Загоскин написал комедию «Недовольные», в которой в карикатурном виде выведены М. Ф. Орлов и П. Я. Чаадаев (см. № 75 и примеч. 3 к нему).

РОССИЯ В 1839 ГОДУ, СОЧИНЕНИЕ МАРКИЗА ДЕ КЮСТИНА. ПИСЬМО ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЕ г-ну М.*** ЭМСКИЕ ВОДЫ, 22 ОКТЯБРЯ 1839 г.

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

[...] Несколько лет тому назад один умный человек, любимый всею Москвой, благородный по происхождению и по характеру, но к несчастью для него самого снедаемый любовью к истине, страстью опасной где бы то ни было и смертоносной в этой стране, вздумал утверждать, что католическая религия более благоприятна для развития умов, для расцвета искусств, чем русская византийская религия; он думал по этому поводу то же, что и я, и осмелился это сказать — непростительное преступление для русского. Жизнь католического священника,— говорится в его книге,— есть или по меньшей мере должна быть жизнью совершенно необыкновенной и представляющей из себя добровольное каждодневное принесение в жертву простых естественных потребностей; это доказательство в действии, причем непрестанно возобновляемое в глазах недоверчивых окружающих, превосходства духа над материей; жертва, снова и снова приносимая на алтарь веры для того, чтобы доказать завзятым безбожникам, что человек не во всем покорен зову плоти и что он может получить от верховного владыки средство ускользнуть от законов мира материального; затем он

добавляет: «Благодаря совершившимся со временем преобразованиям католическая религия отныне может использовать свою способность к действию лишь во благо»; одним словом, он утверждал, что католицизм оказался несостоятельным с точки зрения великого предназначения славянских народов, ибо единственно в них заключается одновременно высокое вдохновение, совершенное милосердие и истинный рассудок; он подкрепляет свое мнение большим количеством доводов и старается показать превосходство религии независимой, то есть общей, над религиями местными, то есть ограниченными политическими рамками; короче, он придерживается мнения, которое и я всей душой разделяю.

Этот писатель обвиняет греческую религию в том, что в характере русских женщин имеются некоторые недостатки. Он утверждает, что если они легкомысленны, неспособны пользоваться в своей семье авторитетом, сохранение которого христианская супруга и мать вменяет себе в обязанность, то по причине того, что они никогда не получали настоящего религиозного воспитания.

Эта книга, избежавшая, благодаря уж не знаю какому чуду или уловкам, цензурного надзора, взбудоражила всю Россию: из Петербурга и престольной Москвы доносились крики ярости и смятения; наконец, сознание верующих настолько помутилось, что из конца в конец империи требовали наказания сего безрассудного защитника матери христианских Церквей. К тому же дерзкого писателя презирали, объявляя его сторонником нововведений, ибо...,— и это никак не назовешь непоследовательностью человеческого ума, почти всегда противоречащего самому себе в ходе разыгрываемой людьми комедии,— лозунг всех сектантов и раскольников состоит в том, что следует чтить религию, в которой родился,— такова давно забытая истина Лютера и Кальвина, которые в религии сделали то, что множество героев республики желали бы сделать в политике: получили власть для своей выгоды. Наконец, по всей Руси не хватало кнута, Сибири, каторги, рудников, крепостей, одиночных камер для того, чтобы обезопасить Москву с ее византийским православием от властолюбивого Рима, на службе которого был нечестивый догмат о человеке, предавшем Бога и свою страну!

С беспокойством ожидаем решения, которое определит судьбу столь опасного злодея; поскольку вынесение при-

говора все задерживалось, пропала всякая надежда на высшую справедливость. И тогда император в своем безграничном милосердии объявил, что наказания не будет, что есть не преступник, которого следует сразить, но сумасшедший, которого надо запереть; и добавил, что больной будет обеспечен врачебным уходом.

Без промедления последовала эта новая разновидность пытки, причем настолько суровой, что мнимый сумасшедший решил, что ему придется оправдать смехотворный приговор, вынесенный безраздельным властелином Церкви и Государства. Мученик за правду чуть было не потерял разум, в наличии которого ему было отказано решением сверху. Ныне, после трех лет строго соблюдаемого лечения, столь же унизительного, сколь и жестокого, несчастный великосветский богослов получил, наконец, относительную свободу; но — не чудо ли это! — теперь он сомневается в собственном рассудке и, вверяясь императорскому слову, сам себя признает безумным!.. О глубина человеческой слабости!.. Нынче на Руси слово царской хулы равносильно папскому отлучению от церкви в Средние века.

Говорят, что мнимый сумасшедший может теперь общаться с несколькими друзьями; когда я был в Москве, мне предлагали навестить его в его уединении, но меня удержало опасение и какая-то жалость, поскольку мое любопытство могло ему показаться оскорбительным. Мне не сказали, какое наказание было применено к цензорам опубликованной им книги.

Вот совсем свежий пример того, как сейчас на Руси обстоит дело со свободой совести. Спрашиваю вас без обиняков, имеет ли право путешественник, к счастью или к несчастью для себя узнавший подобные факты, не обнародовать их? В таких делах то, что вам известно наверняка, помогает вам понять то, о чем вы догадываетесь, и из всего этого создается убеждение, которое вы обязаны по возможности сообщить окружающим.

Я писал без личной ненависти, но также без страха или умолчаний; я не побоялся даже наскучить вам [...]

Custine (le marquis de). La Russie en 1839. P., 1843. P. 370–374. Перевод Л. З. Каменской.

Книга Кюстина была широко известна в Европе и привлекла большой интерес читателей: на французском языке она выдержала два издания в 1843 и затем еще два – в 1846 и 1855 г.; в 1843 г.

она была переведена на английский (Bruxeles) и затем дважды на немецкий (Lpz. 1844, 1847) языки. Об откликах на высказывание Кюстина о Чаадаеве см.: *Quenet*, p. 293–295. Из русских авторов на книгу Кюстина отозвались Н. И. Греч (Examen de l'ouvrage de le marquis de Custine intitulé la Russie en 1839. P., 1843), Я. Н. Толстой (La Russie en 1839 rêvée par m. Custine, P., 1844) и К. К. Лабенский (Un mot sur l'ouvrage de M. de Custine, intitulé: La Russie en 1839, P., 1843). Чаадаев знал, конечно, о книге Кюстина и даже пытался передать ему свои впечатления о ней и какие-то дополнительные соображения (см. № 98 и примеч. 2 к нему, № 116 и примеч. 3 к нему).

Ж. Мишле

ПОЛЬША И РОССИЯ. ЛЕГЕНДА О КОСТЮШКО

Все сказанное нами о нравственном небытии, в которое погружается Россия, слишком слабо по сравнению с тем, что сами русские сказали по этому поводу. Состояние, в котором они пребывают, настолько мучительно, что ни кляп во рту, ни намордник не помешали этим немым горемыкам выразить из глубины своего in pace * свое возмущение. Многие, как блестящий адмирал Чичагов, глубоко отчаявшись, покинули родину. Иные остались и на какой-нибудь час откупили у жизни счастье вольности, восклицая: «Россия мертва!».

Сию печальную тайну можно было разгадать, читая полные отчаяния стихи их лучших поэтов, проникнутые скорбью и скептической иронией. Но этих косвенных признаний было недостаточно для русской души; она была слишком угнетена.

В один прекрасный день в московском журнале «Телескоп», обычно осторожном и невыразительном, появилась ускользнувшая от внимания цензора статья, которая потрясла всю Россию. Статья эта, подписанная именем Чаадаева [1], была эпитафией империи, но в то же время и самого автора; он знал, что написав эти строки, обрекает себя на смерть, более того, на неведомые муки и заключение. По крайней мере, душу свою он облегчил,

* Спокойствия, безмятежности (*лат.*).

Со зловещим красноречием, с убийственным спокойствием он как бы обращает к своей стране свое предсмертное завещание. Он предъявляет ей счет за все те горести, которые сопутствуют любому мыслящему человеку, анализирует с приводящей в отчаяние неумолимой глубиной терзание русской души; затем, в ужасе отвернувшись, проклинает Россию. Он говорит ей, что в человеческом смысле она никогда не существовала, что она представляет из себя лишь пробел в человеческом разуме, заявляет, что ее прошлое бесполезно, настоящее никчемно и что у нее нет никакого будущего.

Император приказал запереть этого человека в сумасшедший дом [2]. Истерзанная Россия думала, что он прав, но промолчала. Начиная с 1842 года не появилось никакого нового русского издания, ни плохого, ни хорошего [3]. По сути дела, ужасная эта статья была последней. После нее наступила могильная тишина. Но в глубине могилы зародилась искра. Мы ни в коей мере не присоединяемся к анафеме, которой был предан Чаадаев.

Michelet J. Pologne et Russie. Légende de Kosciusko. P., 1852. P. 128–130. Перевод Л. З. Каменской.

Книга эта имелась в библиотеке Чаадаева (см. *Каталог.* № 477), как и несколько других работ этого автора (см. там же. №№ 476, 478, 479). С идеями Чаадаева Мишле познакомил Герцен, послав позднее ему портрет Чаадаева, вызвавший восторг Мишле (см. Письма: Герцен – Мишле 24.XI.1858 // Герцен. Т. XXVI. С. 227; Мишле – Герцену 25.1.1859 // La Revue. 1907. XX. P. 318–319). Сперва М. И. Жихарев (Жихарев – Пыпину 2.X.1871, ИРЛИ, ф. 334, № 166), а затем М. О. Гершензон (см.: Образы прошлого. М., 1912. С. 229) показали, что мнение Мишле о России сложилось под влиянием Чаадаева.

[1] Автор ошибается: статья не была подписана.

[2] Это, как известно, не соответствует действительности.

[3] Непонятно, что имеет в виду автор и что означает дата «1842».

Н. Сазонов

МЕСТО РОССИИ НА ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКЕ

〈...〉 Я отвечал на вопрос, почему в России мало личностей замечательных, прямо и отчетливо; теперь должен прибавить, что, по моему убеждению, личностей сильных и оригинальных в России найдется довольно. Чья же вина, если иностранцы о них не имеют понятия? Здесь

я стою на почве не твердой. О лицах, живущих в России, говорить мудрено, однако же попытаюсь исполнить этот долг, не слишком опасаясь следствий.

Какая страна, например, может представить личность более самобытную, благородную, смелую и всегда себе самой верную, как П. Я. Чаадаев? <...>

Петр Яковлевич по воспитанию принадлежит к второй эпохе царствования Александра. Молодое поколение развивалось тогда в Петербурге под влиянием Жозефа де Местра, Шатобриана и немецких романтиков. Содержание в этом направлении было не совсем действительное, но пока оно не превращалось в мистицизм, давало опору независимости характерам. Чаадаев от природы слишком был здравомыслящ для того, чтобы предаться мистицизму; мнения его юности обозначаются тем, что он был одним из ближайших друзей Пушкина. Преданный светской жизни, как прилично было его положению и той деятельности ума и характера, которая всегда его отличала, он с молоду пользовался уважением сверстников и целого общества за ум, за таланты, за любезность, но особенно за достоинство характера. Это качество готовило ему вскоре испытания. Царствование Александра омрачалось более и более, свирепый Аракчеев забрал всю власть в свои руки; трудно становилось человеку с нежным чувством чести и с высоким понятием о правах личности дышать в этом воздухе; несмотря на молодость и неважный чин, он был на примете как один из беспокойных, и скоро принужденным нашелся оставить службу, отказаться от официальной будущности и уехать за границу.

Что он в продолжение нескольких лет делал в Европе, мне известно только отчасти, всего более я слыхал об нем от покойного Ламенне, который питал к нему высокое уважение и называл его русским де Местром. После этих годов странствия Чаадаев, возвратясь в Россию, поселился в Москве и жил там постоянно без выезда.

Вот человек, одаренный, конечно, способностями необыкновенными, умом гениальным, речью свободной и увлекательной, но не проявивший своих великих и блестящих качеств нигде кроме светской жизни; и этот человек, лишенный богатства, не имеющий чина, не принадлежащий даже к знатному семейству, делается одним из важнейших лиц в Москве и потом мало-помалу в целой России.

Скромный домик его посещаем постоянно сенаторами, членами государственного совета, генерал-адъютантами, обер-церемонимейстерами и даже министрами. Всех он принимает с равной любезностью, но и с равным достоинством, перед всеми неизменно он остается самим собой и в этом-то тайна его всеми признанного превосходства.

Обладающий обширными сведениями, следивший за нравственным и политическим развитием Европы и России, в продолжение четверти столетия, Чаадаев знаком и с идеями и людьми. Сам он не участвующий и не желающий участвовать в непосредственной деятельности, сохраняет полное беспристрастие; а по достоинству и прямоте характера говорит всегда правду или то, что правдой считает, о системах, о происшествиях, о лицах.

В России, в царствование Николая, когда правду нельзя было ни печатать, ни говорить, ни даже думать, когда за правду ссылали в Сибирь, отправляли на Кавказ, сажали в Шлиссельбург, Чаадаев говорил всегда и о всем правду. Можно прибавить безнаказанно, потому что медвежья шутка Николая, объявившего его сумасшедшим, не имела и не могла иметь никаких для него последствий. После, как и прежде, русское общество равно его уважало, а сам он равно говорил правду после, как и прежде.

Явление это и самое существование такой личности оправдывает Россию во многих обвинениях. Чаадаев принадлежит к породе героев: в Риме, при Диоклециане он был бы мучеником, при Иване Грозном он назывался бы Адашевым, при Петре Великом Яковом Долгоруким, теперь он Чаадаев.

Придет время, Россия напишет действительно имя его на тех обломках, о которых пророчил Пушкин ‹...›

Полярная Звезда на 1856 г. Лондон, 1856. Кн. 2. С. 239–241. В другой своей статье – «Литература и писатели в России» – Н. И. Сазонов писал о Чаадаеве: «Чаадаев, известный широкой публике лишь как автор письма в несколько страниц,.. останется тем не менее в истории умственного развития России как человек, поставивший новые вехи на пути прогресса. Из всех русских он был наиболее непримиримым отрицателем и имел редкостное мужество жить сообразно своему образу мыслей» (*ЛН*. Т. 41–42. С. 197).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

Абеляр Пьер (1079—1142) — франц. философ, богослов, поэт — **Т. 1:** 485, 590.

Абрамович Стелла Лазаревна — автор книги «Пушкин в 1836 году (предыстория последней дуэли)». М., 1984.— **Т. 2:** *372*.

Аввакум Петрович (1620/1621—1682) — протопоп, один из деятелей старообрядчества, противник церковной реформы патриарха Никона — **Т. 1:** *736*.

Августин (ум. 604) — христ. святой, который был послан в Англию папой Григорием I Великим; считается «крестителем Англии» (при англосаксонских королях) и основателем епископства в Лондоне и Рочестере и Кентерберийского аббатства (см. *Гальфрид Монмутский*. История Бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984. С. 126—127) — **Т. 1:** 590.

Августин Аврелий (354—430) — христ. теолог, крупнейший представитель западной патристики — **Т. 1:** 590.

Аврелий Марк (121—180) — римский император с 161, философ-стоик — **Т. 1:** 396, 401, 425, 426; 595; *709*, *762*; Т. 2: 235, 448.

Агламов Сергей Петрович (ок. 1880—1965) — историк, бывший офицер л.-гв. Семен. полка, автор книги «Отечественная война 1812 г. Исторические материалы л.-гв. Семеновского полка» (Полтава, 1912), содержащей сведения о военной службе Ч.— **Т. 2:** *289*.

Адам (библ.) — **Т. 1:** 613, 614, 623.

Адамо Теофания ди (1659—1709) — известная корсиканская отравительница — **Т. 2:** *298*.

Адашев Алексей Федорович (ум. 1561) — гос. деятель, один из руководителей правительства Избранной рады, с 1560 — воевода в Ливонии, в том же году попал в опалу, был заключен под стражу в Юрьеве (Тарту), где и умер — **Т. 2:** 552.

Аделаида — **Т. 2:** 195.

Аким — слуга в доме Д. М. Щербатова — **Т. 2:** 32.

Акинфьев Федор Владимирович (1789—1848) — сенатор, почетный опекун Моск. воспит. дома — **Т. 2:** *373*, 501.

Аксаков Иван Сергеевич (1823—1886) — публицист, поэт, общественный деятель, славянофил, сын *С. Т Аксакова*, зять *Ф. И. Тютчева*. В биограф. очерке «Ф. И. Тютчев» сообщает интересные подробности о взаимоотношениях поэта и Ч. Среди бумаг Ч. сохранилось переписанное его рукой стихотворение А. «Не в блеске пышного мечтанья...» (февраль, 1845) (*ГБЛ*, ф. 103, п. 1034, ед. хр. 46), включенное *Б. Н. Тарасовым* в раздел «Dubia» во 2-м изд. книги «Чаадаев П. Я. Статьи и письма», М., 1989. С. 530—531 — **Т. 2:** *360*, *361*, *384*, *386*.

Аксаков Константин Сергеевич (1817—1860) — публицист, историк, филолог, поэт, один из идеологов славяновильства, сын

* Составлен В. В. Саповым. Номера страниц вступ. статьи и комментариев даны курсивом; непрямое упоминание имени дано в скобках.

С. Т Аксакова. Дружеское общение с Ч. относится к началу 40-х гг. Сведения о Ч. содержатся в его письмах к *Ю. Ф. Самарину* (*ЛН*. Т. 58. С. 622—626) и *И. С. Аксакову* (*ЛН*. Т. 56. С. 179) → Т. 1: *731*, *756*; 792; Т. 2: (182), 198, 207, (254), 282; *353*, *357*, *359—361*, *364*, *365*, *384*, *386*, *391*, *409*.

Аксаков Сергей Тимофеевич (1791—1859) — писатель. К Ч. относился, по-видимому, скептически; в одном из писем 1839 одобрительно процитировал «гениальное» высказывание своего сына Григория о «комической важности» Ч. (ЦГАЛИ, ф. 10, оп. 3, ед. хр. 9, л. 169). Вместе с Ч. присутствовал в Моск. ун-те на защите диссертации *Ю. Ф. Самарина* — Т. 1: 768; Т. 2: *350*, *361*, *384*, *386*.

Александер У. — англичанин, с которым Ч. познакомился во время своего пребывания в Англии в 1823 — Т. 2: 416, 417.

Александр Македонский (356—323 до н. э) — царь Македонии с 336, полководец и завоеватель — Т. 1: 401, 404, 467, 638; *727*.

Александр I (1777—1825) — российский император с 1801. Историческое значение его Ч. неизменно оценивал положительно, относя к числу его заслуг победу в войне с Наполеоном и либеральные устремления в начальный период правления. Т. 1: *11*; 330, 510, 513, 571, 590, 591, 596; *694*, *732*, (*758*), *759*, (*766*); 787. Т. 2: (14), 96; *291—294*, *297*, *303*, *307*, *324*; 461, 464, 468, 551.

Александр II (1818—1881) — российский император с 1855 — Т. 1: *77* *78*; 796; Т. 2: (269), *337*, *402*, *405*.

Алексеев Анатолий Дмитриевич — сотрудник РО ИРЛИ АН СССР, составитель уникальной (неопубликованной) библиографии русской периодики XIX — нач. XX в.— Т. 1: *688*.

Алексей Михайлович (1629—1676) — рус. царь с 1645, при к-ром было принято Соборное уложение 1649 — Т. 2: *386*.

Алкуин Флакк Альбин (ок. 735—804) — англо-саксонский ученый и философ, деятель «Каролингского возрождения» — Т. 1: 485.

Алмазова Е. Н. — сотрудница Биб-ки имп. Академии наук — Т. 1: *680*.

Альварец — музыкант — Т. 2: 183.

Альфонский Аркадий Алексеевич (1796—1869) — проф. медицины (с 1820), ректор Моск. ун-та в 1842—48 и 1850—63, сослуживец М. А. Достоевского (отца писателя), был женат на сестре декабриста П. А. Муханова. В 1845 А., Ф. П. Гааз и Ч. принимали участие в реализации проекта А. П. Глинки по созданию в Москве благотворительного «Общества доброхотной копейки», но общество создано не было (см.: О жизни и кончине А. П. Глинки. СПб., 1864; ЦГАЛИ, ф. 141, оп. 1, ед. хр. 141, л. 2) — Т. 2: *307*.

Альфред Великий (ок. 849 — ок. 900) — король Уэссекса с 886, при к-ром был составлен первый общеанглийский сборник законов — Т. 1: 479; *731*.

Амвросий Медиоланский (ок. 340—397) — епископ Милана, богослов, один из отцов католической церкви; в конфликтах с императорской властью отстаивал интересы христианской церкви — Т. 1: 590; Т. 2: 189.

Анастасий (ок. 430—518) — византийский император с 491— Т. 2: 486, 487.

Андроников Иван Малхазович (1798—1869) — князь, генерал от кавалерии; во время Крымской войны войска под его командова-

нием одержали победы над турками при Ахалцихе (1853) и на р. Чорох (1854) — Т. 2: *403*.

Андросов Василий Петрович (1803—1841) — экономист-статистик, литературный и общественный деятель. В 1835—38 — редактор и издатель журнала «Московский Наблюдатель», в к-ром Ч. пытался опубликовать *ФП*. В сентябре 1840 г. А. и Ч. присутствовали в доме *Н. Ф. Павлова* на встрече с *Могеном* (*Барсуков*. Кн. 5. С. 479).— Т. 1: *691*; Т. 2: *325*, *331*; 534.

Анна (Ярославна) (1024 — ок. 1075) — дочь *Ярослава Мудрого*, жена фр. короля (1031—1060) *Генриха I* — Т. 2: 151; *343*.

Анненков Иван Александрович (1802—1878) — поручик л.-гв. Кавалергардского полка. В 1820 на дуэли по случайному поводу убил *В. Я. Ланского* (*РА*. 1900. № 11. С. 350); Ч. был очевидцем этой дуэли. С 1824 — член Северного Общества, по делу декабристов осужден на 15 лет каторжных работ — Т. 2: *291*.

Анненков Павел Васильевич (1812/1813—1887) — литературный критик и мемуарист. Его «Литературные воспоминания» (М., 1960) содержат ряд ценных сведений о Ч. По мнению А., заслугой Ч. перед русской культурой является предельно острая постановка вопроса о «византиизме» как «источнике умственного и политического растления всей России». А. собирал сведения о знакомстве и отношениях *А. С. Пушкина* и Ч. (см.: *Модзалевский Б. Л.* Пушкин. Л., 1929: С. 337); его личные воспоминания о Ч. относятся к 1852 — Т. 2. *322*, *403*.

Ансельм Кентерберийский (1033—1109) — схоласт, архиепископ Кентерберийский — Т. 1: 381, Т. 2: 128.

Ансильон Жан Пьер Фредерик (1767—1837) — историк, философ и публицист, прусский министр, француз по происхождению, живший в Германии — Т. 1: 589; *766*; Т. 2: *306*.

Антоний (ок. 250—356) — христиан. святой, основатель восточного монашества в Фиваиде (Египет), провел около 15 лет аскетической жизни, в течение к-рых боролся с многочисленными «искушениями» — Т. 1: 348; *697*.

Антоний, архимандрит — Т. 2: *326*.

Антоний Римлянин — основатель новгородского Богородицкого монастыря (1117) — Т. 2: 151; *343*.

Антонский А. А. — см. Прокопович-Антонский А. А.

Анфант и Бартелеми Проспер (1796—1864) — фр. социалист-утопист, ученик и последователь Сен-Симона. *Ф. Ф. Вигель* в 1841 назвал Ч. «московским Анфантенем» (*Барсуков*. Кн. 6. С. 77—78)— Т. 2: *310*.

Аракчеев Алексей Андреевич (1769—1834) — генерал от артиллерии, с 1815 сосредоточивший в своих руках почти всю гос. власть в России (руководил Гос. советом, комитетом министров и собственной ЕИВ канцелярией); с 1817 начальник организованных им в 1810 военных поселений. В 1820 вместе с вел. кн. Михаилом Павловичем добился замены командира л.-гв. Семен. полка А. Я. Потемкина полковником *Шварцем*, спровоцировавшим солдатские волнения в полку — Т. 2: 551.

Арий (ум. 336) — александрийский священник, согласно учению к-рого Сын Божий (Логос, Христос) не единосущен Богу-Отцу, т. е. по сравнению с Ним является существом низшего порядка — Т. 2: *388*; 486.

Ариман — греч. название др.-иран. божества Анхра-Майнью

главы злых божеств и олицетворения злого начала, антагониста Ахурамазды (бога добра) — Т. 1: 431; *710*.

Аристотель (384—322 до н. э.) — древнегреч. философ — Т. 1: *32*; 347, 396, 428: *696*, *707*, *709*; Т. 2: 128, 448.

Армфельд Александр Осипович (1806—1868) — статский советник, проф. судеб. медицины Моск. ун-та (с 1837), инспектор сиротского ин-та Моск. воспит. дома, близкий друг *С. Т Аксакова*, сторонник славянофилов. 21 октября 1852 А. и Ч. были участниками обеда, устроенного в Москве в честь приехавшего из-за границы *П. А. Вяземского* (*Барсуков*. Кн. 11. С. 166), в мае 1853 их имена рукой *М. П. Погодина* занесены в список лиц, приглашенных на прощальный обед в честь отъезжающего за границу *М. С. Щепкина* (Там же. Кн. 12. С. 465). А., как и Ч., был регулярным посетителем «воскресных вечеров» *А. П. Елагиной* (*РА*. 1877. № 8. С. 493)— Т. 2: *379—380*.

Арсеньев Илья Александрович (1820—1887) — сын сенатора А. А. Арсеньева, моск. знакомого *А. С. Пушкина* и Ч., переводчик, автор воспоминаний «Слово живое о неживых». 1 мая 1830 в доме его отца в Сокольниках состоялся обед с «рубцами», па к-ром присутствовали *А. С. Пушкин*, *М. А. Салтыков*, *М. М. Солнцев*, Ч. и др. (*ИВ*. 1887. № 1. С. 79—81). В 1833 или 34 Ч. привез в их дом *Н. И. Надеждина*, а позднее — *Н. Ф. Павлова* (Там же. № 3. С. 555—556). «Ч.,— по словам А.,— постоянно и очень громко критиковал все административные распоряжения в России» (Там же. № 1. С. 81) — Т. 1: 790; Т. 2: *339*, *398*.

Асмус Валентин Фердинандович (1894—1975) — сов. философ, автор статьи «О новых „Философических письмах“ Чаадаева» (*ЛН*. Т. 22—24. С. 1—6), в к-рой анализируются две концепции философско-исторического мировоззрения Ч.— Т. 1: *680*.

Афанасий Великий (ок. 295—373) — один из отцов церкви, епископ Александрии (с 328), решительный противник арианства. Отстаивал независимость церкви от императ. власти, за что 5 раз низлагался и подвергался ссылке. С его сочинениями Ч. был знаком по след. изданиям, сохранившимся в его биб-ке: Guillon M. N. S. Bibliothèque choisie des pères de l'église greque et latine. Paris, 1824—1826. T. 1—16; Les Pères de l'église. Paris, 1837—1843. T. 1—8 (*Каталог*. № 309, 535).— Т. 2: 189.

Базар Сент-Аман (1791—1832) — фр. утопич. социалист— Т. 2: *310*.

Байрон Джордж Ноэл Гордон (1788—1824) — англ. поэт — Т. 1: 457; *723*, *724*; Т. 2: 70.

Бакунин Михаил Александрович (1814—1876) — теоретик анархизма и народничества. В письме *Белинскому* от 2 апр. 1836 Б. рассказывает о «длительной беседе с г. Ч. о прогрессе человеческого рода, коего он вообразил себя руководителем и знаменосцем» (*Бакунин М. А*. Собр. соч. и писем. Т. 1. М., 1936. С. 463). *А. И Герцен* в «Былом и думах» вспоминает о «знаменитых всенощных бдениях Б. с Хомяковым у Ч. [...] о Гегеле» (*Герцен*. Т. X. С. 190); свидетелем этих «бдений» Герцен мог быть только в первой половине 1840. По воспоминаниям *М. И Жихарева*, Ч., вероятно, летом 1851 в разговоре с *А. Ф. Орловым* назвал Б. (заключенного в то время в Петропавловскую крепость) своим «воспитанником» (*BE*. 1871, сент. С. 19). В трактате Б. «Государственность и анархия» некот.

идеи носят следы влияния Ч., там же — полемика с ним по поводу *ФП1* (см.: Рев. народничество 70-х гг. XIX в. М., 1964. Т. 1. С. 45—46 и сл.) — Т. 1: *55*, *70*; *744*; Т. 2: *331*, *340*.

Балланш Пьер-Симон (1776—1847) — фр. философ и поэт, учение к-рого о социальном «палингенезисе» оказало влияние на Ч. в период написания *ФП* — Т. 1: 596; *762*, *768*; Т. 2: 99; *314*, *318*, *330*, *353*; *525*; 535.

Бальзак Оноре де (1799—1850) — фр. писатель. Судя по отметкам Ч. на книгах Б., сохранившихся в его биб-ке, фр. писатель был в числе его любимых авторов. Ч-ву должны быть близки идеи Б. о монархии и религии как средствах морального прогресса, о всеобщей взаимозависимости в мире, о тождестве худ. и филос. творчества. Своеобразное слияние материализма XVIII в. с элементами мистических учений в мировоззрении Б. весьма напоминает «одну идею» Ч., в к-рой сливаются воедино наука, философия, теология — Т. 1: 596; *720*, *727*, *762*.

Барсуков Николай Платонович (1838—1906) — археограф, историк и библиограф, автор документальной биографии «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. 1—22, СПб., 1888—1910, содержащей многочисленные сведения о Ч.— Т. 2: *350*, *351*, *355*, *365*, *366*, *368*, *377*, *378*, *397*, *408*.

Бартенев Петр Иванович (1829—1912) — археограф, библиограф, основатель журнала «Русский архив» — Т. 1: *723*; 794; Т. 2: 272—274: *307*, *334*; *404*; *448*, *462*; *508*, 519—521.

Бартенев Юрий Никитич (1792—1866) — литератор, до 1819 состоял на воен. службе, в 1819—33 — директор училищ Костромской губ., в 1836—44 служил в почтовом департаменте под началом кн. *А. Н. Голицына*, большой поклонник философско-мистической литературы. Знакомство с Ч. относится к первой половине 30-х гг.— Т. 2: 233; *382*.

Барятинский Александр Петрович (1798—1844) — князь, декабрист, штаб-ротмистр л.-гв. гусарского полка. Приговорен к вечной каторге, сокращенной впоследствии до 20 лет. Автор атеистического стихотворения «О боге» (1824) — Т. 1: *43*.

Батюшков Константин Николаевич (1787—1855) — поэт, член лит. об-ва «Арзамас». В 1818 уехал в Италию на дипломатич. службу, в 1822 вернулся в Россию с признаками душевного расстройства, от к-рого не оправился до конца жизни — Т. 1: *695*; Т. 2: 425.

Батюшков Помпей Николаевич (1811—1892) — сводный брат *К. Н. Батюшкова*, воспитанник Благородного пансиона при Моск. ун-те. Попечитель Виленского учебного округа. Выйдя в отставку в 1840 от военной службы, в 1841 отправился за границу. Был вице-губернатором в Ковно (где и умер) — Т. 2: 140; *339*.

Басанж — дрезденский банкир — Т. 2: 60; 428, 429.

Баузе Федор Григорьевич (1752—1812) — проф. римского права, истории и педагогики Моск. ун-та. По словам *М. П. Лонгинова*, «Ч. [...] особенно почитал память Баузе и Шлецера-сына» (*РВ*. 1862, № 11, с 121), лекции к-рых он слушал, будучи студентом ун-та. Б. принадлежал к числу тех профессоров, к-рые «из кожи лезли, чтоб все то, что сами приобрели неутомимым трудом, передать нам с логической ясностью, в систематическом порядке, с обдуманным суждением» (Моск. ун-т в восп. современников. М., 1989. С. 45) — Т. 1: *10*.

Бауринг Джон (1792—1872) — англ. политэконом, публицист,

писатель и переводчик. В 1821—22 издал 2 т. своих переводов «Русская антология или образчики русской поэзии» — Т. 2: 20, 22, 25; *297*; 417, *418*.

Бауэр Бруно (1809—1882) — нем. философ, младогегельянец — Т. 1: *729*.

Бахметев Алексей Николаевич (1798—1861) — управляющий моск. дворцовой конторы, в 1858-59 — попечитель моск. учебн. округа — Т. 2: 208, 504.

Бебутов Василий Иосифович (1791—1858) — князь, ген.-лейтенант, победитель турок при Курюк-Дара 24 июня 1854 — Т. 2: *403*, 521.

Безобразов Григорий Михайлович (ум. 11 мар. 1854) — моск. гражданский губернатор — Т. 2: 519.

Бейль Пьер (1647—1706) — фр. публицист и философ-скептик — Т. 1: *719*.

Беккерель Антуан Сезар (1788—1878) — франц. физик, член Парижской АН (1829), автор трудов по вопросам магнетизма и электричества— Т. 1: *52*; Т. 2: 97, 105, 123; *323*.

Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) — литературный критик и публицист. В 1836 был ближайшим сотрудником *Н. И. Надеждина* по изданию журнала «Телескоп», в 15-м номере к-рого было опубликовано *ФП I*. Личное знакомство Б. с Ч. состоялось в 1838, о чем Б. писал *М. А. Бакунину* 10 сент. 1838 (*Белинский В. Г* Избр. письма. М., 1955. Т. 1. С. 176). Ему же в письме от 12 окт. 1838 Б. рассказал о том, что его «выходку» в статье «Петровский театр» «против людей, к-рые во французском языке не уступают французам, а русской орфографии не знают», Ч. «принял... на свой счет и взбесился. Теперь самому стыдно стало» (Там же. С. 213).

Ч. заметил Б. с первых шагов его литературно-критического поприща и обратил на него внимание *А. С. Пушкина*, показав ему статью Б. о нем (вероятно, 8-й вып. «Литературных мечтаний», напечатанный в нояб. 1834 в 50-м номере газеты «Молва»). «Пушкин, по словам А. В. Кольцова,— прочел с большой охотой и после прислал ему (Чаадаеву.— *В. С.*) номер „Современника“, просил передать вам (т. е. Белинскому.— *В. С.*), не сказывая, что он его прислал нарочно для вас» (*Кольцов А. В.* Соч. М., 1961. Т. 2. С. 160). Почти одновременно с переводом *ФП I* в «Телескопе» (1836. Ч. XXX, № 24) была напечатана статья Б. (тоже последняя для него в этом журнале) «Опыт системы нравственной философии», обнаруживающая нек-рое сходство идей обоих мыслителей, что позволяет предположить, что Б. был основательно знаком с содержанием *ФП* (не только первого, но и третьего и четвертого, переводы которых уже находились в «редакторском портфеле» «Телескопа»). Последняя встреча Б. с Ч. состоялась, вероятно, в 1846, когда критик проездом остановился в Москве (с 1 по 16 мая), отправляясь на лечение в Одессу и Крым (*ЛН*. М., 1950. Т. 56. С. 179) — Т. 1: *47*, *48*, *55*; *679*, *691*, *732*; Т. 2: *320*, *321*, *326*, *331*, *360*, *361*; *483*, 528.

Беллизар Фердинанд Михайлович (1798—1863) — петербургский книготорговец и издатель «Revue Étrangère» и «Journal de St. Pétersbourg» — Т. 1: *690*; Т. 2: 447, *449*.

Бенкендорф Александр Христофорович (1783—1844) — граф (с 1832), ген.-адъютант, шеф корпуса жандармов и начальник III отделения Собственной ЕИВ канцелярии. В 1816 г. состоял, как и

Ч., действит. членом масонской ложи «Соединенных друзей» («Les Amis Réunis) (*Пыпин А. Н.* Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. Пг., 1916. С. 426). В 1819—1821 — нач. штаба гвард. корпуса. Осуществляя правительственные репрессивные меры к виновникам публикации *ФП I*, Б., возможно, отчасти оказывал Ч. как собрату-масону посильную помощь,— не случайно Ч. не был вызван в Петербург в качестве подследственного, как были вызваны *Н. И. Надеждин* и *В. Н. Болдырев*. *П. И. Бартенев* утверждает, что Ч. «сам сознавал, что с ним поступили еще снисходительно, вероятно, благодаря заступничеству старинного его приятеля и товарища по гвардейской службе, гр. Б.» (*РА*. 1884. № 3. С. 460). Надежду на Б. как «покровителя журналиста и автора» выражал и *П. Б. Козловский* в своем письме к *П. А. Вяземскому* в конце 1836 (*ВрПК*: 1967—1968. Л., 1970. С. 28). В беседе с Б. *М. Ф. Орлов* пытался заступиться за Ч., доказывая, что «он (Ч.— *В. С.*) суров к прошлому России, но чрезвычайно много ждет от ее будущности». В ответ на это Б. произнес свое легендарное изречение: «Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение; вот, мой друг, точка зрения, с которой русская история должна быть рассматриваема и писана» (*ВЕ*. 1871, сент. С. 37) — Т. 1: *24*, *70*, *71*; 516, 581; *678*, *688*, *740—742*, *746*, *759*, *760*; Т. 2: 80, 84—86, 112, 256; *284*, *311*, *314—316*, *318*, *326*, *327*, *329*, *333*, *337*, *361*; 449; *464*, *525*, *526*, 528.

Бентам Иеремия (1748—1832) — англ. социолог и философ, родоначальник утилитаризма — Т. 2: *314*.

Берг — сотрудник русского посольства в Швейцарии, с к-рым Ч. встречался в Берне осенью 1824 (*Свербеев*. Т. 2. С. 235, 237, 238) — Т. 2: *44*, *46*, *47*.

Берелевич Ф. И. — советская исследовательница творчества Ч.— Т. 1: *739*, *740*; Т. 2: *310*.

Беркли Джордж (1685—1753) — англ. философ, представитель субъективного идеализма, с 1734 — епископ в Клойне (Ирландия) — Т. 1: *727*.

Бернарден де Сен-Пьер Жак Анри (1737—1814) — франц. писатель. В биб-ке Ч. имеется его Oeuvres complètes. T. 1—8. Bruxelles, 1820 (*Каталог*. № 592;) в т. 1—4, 6 усл. знаки, в т. 2, 3 и 6 — сохранились надписи рукой Ч.— Т. 2: *318*.

Беррье Пьер Антуан (1790—1868) — франц. адвокат, публицист, редактор «Gazette de France», легитимист— Т. 2: 117.

Бестужев-Марлинский Александр Александрович (1797—1837)— декабрист, писатель и поэт — Т. 2: *406*.

Бестужев-Рюмин Михаил Павлович (1801—1826) — декабрист, член Юж. об-ва; осужден вне разрядов и приговорен к повешению. В марте 1820 переведен в л.-гв. Семен. полк, после восстания и раскассирования к-рого переведен в Полтав. пехотный полк. Подробности его отношений с Ч. неизвестны, но, судя по его письму к Ч., питал к нему большое уважение. Позднейший и довольно пренебрежительный отзыв Ч. о декабристах, в т. ч. и о Б., известен по дневнику *М. П. Погодина* (*Барсуков*, кн. 5, с. 479) — Т. 2: 414.

Бетлинг Павел Логинович — помещик Ардатовского уезда, сосед *М. Я. Ч.*, с к-рым близко общался в 50-х гг. Автор воспоминаний о нем (*НГУАК*. С. 27—28) и неопубликованной переписки (*ГАГО*, ф. 765, оп. 597, ед. хр. 290) — Т. 2: *394*.

Бибиков Дмитрий Гаврилович (1792—1870) — участн. Отеч. войны 1812, в 1852—55 — министр внутр. дел — **Т. 2:** (269); *402.*

Бибиков Михаил Илларионович (1818—1881) — майор, племянник декабристов Муравьевых-Апостолов. Был женат на дочери декабриста *Н. М. Муравьева Софье Никитичне* («Нонушке») — **Т. 2:** 211; *367.*

Био Жан Батист (1774—1863) — фр. физик, геодезист, и астроном, чл. Парижской АН (1803) — **Т. 1:** *762.*

Бирон Эрнст Иоганн (1690—1772) — граф, фаворит имп. Анны Иоанновны, установивший в России в 30-е гг. XVIII в. режим жестокого насилия, шпионажа и доносов «(бироновщина»). В 1740 арестован и приговорен к смертной казни, замененной ссылкой — **Т. 2:** 187.

Блудов Дмитрий Николаевич (1785—1864) — граф, дипломат, министр внутр. дел (1832—1838), один из учредит. лит. об-ва «Арзамас»; в 1826 — делопроизводитель Верховной следств. комиссии по делу декабристов. По возвращении из-за границы в 1826 Ч. имел с ним беседу о работе следств. комиссии (*ВЕ.* 1871, сент. С. 14) — **Т. 2:** 248; *305*, *317*, *388*; 447, *449.*

Блудова Антонина Дмитриевна (1813—1891) — графиня, фрейлина, дочь *Д. Н. Блудова* — **Т. 2:** (232); *377*, *398*; *507*

Бобров Евгений Александрович (1867—1933) — проф. философии Казан. ун-та, сторонник персонализма, автор книги «Философия в России. Материалы, исследования и заметки». Вып. 1—6. Казань, 1899—1906 — **Т. 2:** *286*; *451.*

Богучарский В. (псевдоним Яковлева Василия Яковлевича (1861—1915)) — историк рев. движения в России. Автор книги «Три западника 40-х гг. П Я Чаадаев, В. Г. Белинский и А. И. Герцен» (СПб., 1902), запрещенной цензурой, и статьи о Ч. в «Энциклопед. словаре Брокгауза и Ефрона» (СПб., 1903. Т. XXXVIII. С. 351—357).— **Т. 1:** *679.*

Боде — **Т. 1:** 591.

Бодри Карл-Фридрих (Карл Петрович) (1812—1894) — живописец, в 1833—39 учился в Худ. классе. Автор картины «Кабинет П. Я. Чаадаева»— **Т. 2:** 152.

Болдырев Алексей Васильевич (1780—1842) — востоковед, проф. араб. и персид. яз. Моск. ун-та, ректор (1832—1837). В 1836, будучи цензором, разрешил публикацию *ФП1*, за что был привлечен к следствию. По воспоминаниям *Ф. И. Буслаева*, *Н. И. Надеждин* принес Б. для чтения *ФП* в то время, когда тот «с большим увлечением играл [в карты] по маленькой с дамами... Б., увлекшись игрою, ему отказывал и прогонял его от себя. Наконец, согласились на том, что Б. будет продолжать играть с дамами и вместе прослушает статью,— и тут же, во время карточной игры, на ломберном столике подписал одобрение к печати. Когда статья вышла в свет, оказалось, что все резкое в ней [...], недозволяемое цензурой, при чтении Надеждин намеренно пропускал» (*Буслаев Ф. И.* Мои воспоминания. М., 1897. С. 20). Эту же версию со слов Буслаева излагает и *П. И Бартенев* (*РА*. 1884. № 4. С. 461). О том, что Б. разрешил печатать *ФП1*, не читая его, сообщает и *С. В. Энгельгардт*, хотя, по ее словам, вся эта история произошла во время «цензорского обеда» (*РВ*. 1887 № 10. С 699). *М. Лемке* называет рассказ *Буслаева* «лживой легендой» по той якобы причине, что на следствии «сам Б. не обвиняет Надеждина в каких бы то ни было недобросовестных

поступках». Следств. комиссия пришла к выводу, что Б. «действительно мог сделаться жертвою своей беспечности и неограниченной доверчивости к Надеждину» и сочла его «не умышленно виноватым». 30 ноября *Николай I* написал резолюцию: «Б. отставить за нерадение от службы», что лишало его права на пенсию. Тем не менее 7 февр. 1837 ему по ходатайству *С. Г Строганова* была пожалована 1000 руб., а в марте 1838 он был прощен и награжден пенсией — **Т. 1:** (580); Т. 2: (118), (119), (121); (*330*); *526*, 528, (531), *532*, 533.

Болотов Василий Васильевич (1854—1900) — церк. историк, проф. Петербургской Духовной Академии.— **Т. 2:** *358*.

Бональд Луи Габриэль Амбруаз (1754—1840) — фр. политич. деятель, философ-традиционалист, публицист. Согласно Б., основой духовной и соц. жизни человечества являются незыблемые традиции, главная из к-рых — христианство. *А. И. Тургенев* в письме *А. С. Пушкину* 15 июля 1831 называет Б. в числе «предтеч» Ч. (Переписка А. С. Пушкина. М., 1982. Т. 1. С. 74—75) — **Т. 1:** *705*, **Т. 2:** *309*, *312*; 535.

Бонапарты — братья Наполеона, поставленные им во главе завоеванных или вновь образованных государств:

Жозеф (1768—1844) — в 1806—1808 — неаполитанский король, в 1808—1813 — король Испании — **Т. 1:** *750*;

Луи (1778—1846) — в 1806—1810 король Голландии — **Т. 1:** *750*;

Жером (1784—1860) — в 1807—1813 — король Вестфалии — **Т. 1:** *750*.

Бонифаций Св. (Винифред) (ок. 680—755) — первый проповедник христианства в центр. частях Германии. В 744 близ Франкфурта-на-Майне основал бенедиктинское аббатство, к-рое до наст. времени остается католическим центром Германии — **Т. 1:** *590*.

Бонне Шарль (1720—1793) — швейц. естествоиспытатель и философ, один из авторов учения о «лестнице существ». Сочинение Б. «Созерцание природы» (1782) сохранилось в биб-ке Ч. (*Каталог.* № 145). С сочинениями Б. Ч., вероятно, был знаком со студенческих лет, о чем имеется косвенное свидетельство *А. И. Тургенева* (Письма А. Тургенева Булгаковым. М., 1938. С. 248) — **Т. 1:** *723—725*.

Боги — флорентийский банкир — **Т. 2:** 419, 425, 426.

Боссюэ Жак Бенинь (1627—1704) — фр. писатель, церк. деятель, проповедник. В биб-ке Ч. сохранились две его книги (*Каталог.* № 147, 148), обе с усл. знаками и надписями Ч.— **Т. 1:** *10*; **Т. 2:** *295*.

Ботен Август — фр. аббат, богослов и католич. проповедник, бывший проф. Страсбург. ун-та — **Т. 2:** 535.

Боярдо Маттео Мария (1441—1494) — итал. поэт, автор шутливой рыцарской поэмы «Влюбленный Роланд». Был прозван современниками «рыцарем без страха и упрека» — **Т. 1:** 592, 595.

Бравура Мария — моск. знакомая Ч., *А. И. Тургенева*, *П А. Вяземского*, М. И. Глинки. Среди бумаг Ч. сохранились 9 писем Б., написанных по-фр. в 1832—36 (ГБЛ, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 5) — **Т. 1:** *718*, **Т. 2:** 74, 78, 87, (90), 91, 109; *311—313*, *317—319*, *327*; 452.

Бреверн Наталья Петровна (урожд. Глебова-Стрешнева) — дальняя родственница Ч. («кузина»). Ее отец и жена *Д М. Щербатова* были детьми Ф. И. Глебова (1734—1799) и Елизаветы Петровны Стрешневой (1751—1837). Жена Федора Логиновича Бреверн. Два письма Ч. к ней на фр. яз. от 2 нояб. 1847 и 5 мая 1849 хранятся

в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 301, 302; три ее письма к Ч. (1846—48) в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 6 — Т. 2: *377*; 410.

Брут Марк Юний (85—42 до н. э.) — рим. полит. деятель, республиканец, убийца Юлия Цезаря. В борьбе с триумвиратом (Октавиан, Антоний, Лепид) потерпел поражение и покончил с собой — Т. 1: *11*.

Брюллов Карл Павлович (1799—1832) — художник. Портрет *А. И. Тургенева* его работы был изъят у Ч. во время обыска в 1836— Т. 2: *328*, *347*.

Брянцев Андрей Михайлович (1749—1821) — философ-идеалист, проф. кафедры логики и метафизики Моск. ун-та (с 1795)—Т. 1: *10*.

Брянчанинов Никита Петрович — полковник, в 30-х гг. моск. полицеймейстер, руководивший обыском у Ч. в 1836. О его методах допроса упоминает *А. И. Герцен* в Х-ой главе «Былого и дум». Летом 1834 руководил арестом *Н. П. Огарева* (*ЛН*. Т. 61. С. 700) — Т. 1: (787); Т. 2: 111, *328*, *371*.

Бузескул Владислав Петрович (1858—1931) — историк античности, акад. АН СССР (1922) и АН УССР (1925) — Т. 1: *711*.

Булгаков Александр Яковлевич (1781—1863) — чиновник по особым поручениям при моск. ген.-губ. в 1809—1832, моск. почт. директор (1831—1856), сенатор. Знакомство Ч. с Б. относится к началу 20-х гг. В 30—40-е гг. практически вся его переписка с *А. И. Тургеневым* велась через Б. Начиная с 40-х гг. и до самой смерти Ч. вел с Б. переписку по поводу получения от него «нератинированных» иностранных изданий. В архиве Б. сохранилось 20 писем к нему Ч. (*ГБЛ*, ф. 41, к. 143, ед. хр. 51), а среди бумаг Ч. хранятся два письма к нему Б., написанные, вероятно, в середине 50-х гг. (*ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 7) — Т. 2: 154—156, 209, 247, 252, 254, 257, 264, 266, 272, 275, 276; *291*, *322*, *345*, *351*, *366*, *388*, *393*, *395*, *397*, *403*, *404*, *406*, *407*; *477*, 499, 521.

Булгаков Константин Яковлевич (1782—1835) — брат *А. Я. Булгакова*, петербург. почт-директор, управляющий почтовым ведомством — Т. 2: *291*, *322*.

Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1859) — журналист и писатель. *Ф. Ф. Вигель* в своем сочинении «Москва и Петербург: Письмо к приятелю в Симбирск», к-рое он в 1853 распространял в Москве среди знакомых, противопоставляя *Греча*, Б. и *Сенковского*, с одной стороны, *Бакунина*, *Герцена и* Ч. — с другой, писал, что «Россия не имеет сынов преданнее обрусевших немцев и врагов злее онемеченных русских» (*РА*. 1893. № 8. С. 579) — Т. 1: *744*; Т. 2: 66; *306*, *361*, *373*; *521*.

Буле Иоганн Теофил (1763—1821) — проф. естест. истории и теории изящных искусств в Моск. ун-те (1804—10). В 1808 М. Я. и П. Я. Ч. вместе с *А. С. Грибоедовым* слушали еще до поступления в ун-т на дому лекции Б. Запись «Курса философии» Б., сделанная *М. Я. Ч.* в 1808, хранится в архиве Н. К.Пиксанова в *ИРЛИ*. По словам *М. Н. Лонгинова*, «Ч. всегда с глубоким уважением и признательностью вспоминал о лекциях *Мерзлякова*, Буле [...]» (*РВ*. 1863. № 11. С. 121) — Т. 1: *10*; *705*; Т. 2: *288*.

Буленвилье Анри (1658—1722)—граф, франц. историк—Т. 1: *732*.

Бурбоны — королевская династия во Франции в 1589—1792, 1814—1815, 1815—1830. Современниками Ч. из Бурбонов были: Людовик XVIII (1814—1915, 1815—1824), *Карл X* (1824—1830), *Луи Филипп* (1830—1848) — Т. 1: *750*.

Бурхардт — моск. купец — Т. 2: 428.

Бурцов Иван Григорьевич (1795—1829) — участн. Отеч. войны 1812, декабрист, приятель *А. С. Пушкина* — Т. 1: *758.*

Буслаев Федор Иванович (1818—1897) — филолог, историк литературы, акад. Петербург. АН (1860). В 1838 окончил Моск. ун-т. В книге «Мои воспоминания» (М., 1897. С. 19—20) подробно рассказал о реакции части московской читающей публики на публикацию *ФП1*. В 1842 присутствовал на вечере в доме *Е. А. Свербеевой* (впрочем, не названной по имени), где «на диване сидят рядышком Ч. с *Хомяковым* и горячо о чем-то между собою рассуждают», и где присутствовали также *А. И. Герцен, А. И. Тургенев* и *К. С. Аксаков* (Там же. С. 295—296). Б. встречался с Ч. и в 50-х гг. (*Барсуков.* Кн. 11. С. 166; Кн. 12. С. 464—465) — Т. 2: *326*.

Бутурлин Дмитрий Петрович (1790—1849) — военный историк, сенатор, член Гос. Совета (1840), с 1848 — председатель Особого комитета для надзора за печатью («бутурлинский комитет»)—Т. 2: *401.*

Бэкон Роджер (ок. 1214 — ок. 1292) — англ. философ и естествоисп.— Т. 1: *704.*

Бэкон Френсис (1561—1636) — англ. философ и гос. деятель. В биб-ке Ч. имеется книга Le christianisme de Fr.Bacon. P., 1798—1799. Т. 1—2. (*Каталог.* № 106) с многочисленными усл. знаками Ч.— Т. 1: *31, 46*; 358, 370, 427; *698, 700, 704, 709*; Т. 2: 100, 112.

Бюффон Жорж Луи Леклерк (1707—1788) — фр. естествоисп., с сочинениями к-рого Ч. был основательно знаком. В биб-ке Ч. имеется его Oeuvres complètes, Т. 1—6, 8—12. P., 1817—1818. В т. 1, 4, 6 — усл. знаки (*Каталог.* № 159) — Т. 1: 457, 463; *723, 726, 728, 762.*

Бюшс Филипп Жозеф (1794—1865) — фр. полит. деятель, историк. В 1825 примкнул к последователям *Сен-Симона*, но в 1830 порвал с ними и стал одним из идеологов христианского социализма. В мае—июне 1848 — председатель Учредительного собрания — Т. 2: 535.

Вазари Джорджо (1511—1574) — итал. архитектор, живописец, историк искусства. Автор «Жизнеописаний наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» — Т. 2: 418.

Валленштейн Альбрехт Венцель Евгений (1583—1634) — полководец, с 1625 главноком. войсками Св. Римской империи в Тридцатилетней войне 1618—1648 — Т. 1: 509, *737.*

Валуев Дмитрий Александрович (1820—1845) — историк и обществ. деятель, славянофил. В 1843 основал и редактировал журн. «Библиотека для воспитания» — Т. 2: 171.

Вальмики — др.-инд. поэт, к-рому традиция приписывает авторство «Рамаяны» — Т. 2: 70.

Василий Великий (ок. 330—379) — христ. церковн. деятель, один из отцов церкви — Т. 1: 341.

Василиса — служанка Ч. — Т. 1: 573.

Васильчиков Иларион Васильевич (1777—1847) — генерал от кавалерии, с 1803 командир Ахтырского гус. полка, а с 1817 командир отдельного гвард. корпуса, впоследствии председатель Гос. Совета, граф, а потом князь — Т. 1: *758*; 786; *798*; Т. 2: 11, 13, 14, 80, (81); *291, 293, 315, 350*; 488.

Васильчиковы — Т. 2: 17.

Вацуро Вадим Эразмович, Гиллельсон Максим Исаакович — авторы книги «Сквозь „умственные плотины"». М., 1986 — **Т. 1:** *21.*

Велланский (Кавунник) Данило Михайлович (1774—1847) — ученый медик и философ-идеалист, сторонник натурфилософии *Ф. В. Шеллинга*, акад. (с 1819) — **Т. 1:** *701.*

Вельтман Александр Фомич (1800—1870) — писатель, член-корр. Петербург. АН (1854). С Ч. общался в Москве в 50-х гг. (Дневник И. М. Снегирева. М., 1904. Т. 1. С. 460; *Барсуков.* Кн. 11. С. 166; Кн. 12. С. 464). В биб-ке Ч. имеются книги В. «Кощей бессмертный». М., 1833 (*Каталог.* № 5) и «Портфель служебной деятельности М. В. Ломоносова». М., 1840, с дарственной надписью (*Каталог.* № 57) — **Т. 2:** 476, *477*; 534.

Веневитинов Алексей Владимирович (1806—1872) — сотрудник мин-ва внутр. дел, впоследствии сенатор, брат поэта *Д. В. Веневитинова*, женатый на А. М. Виельгорской. 13 июня 1852 Ч. и В. были на обеде у *И. В. Киреевского* (*Киреевский И. В.* Избр. статьи. М., 1984. С. 283)— **Т. 2:** 183.

Веневитинов Дмитрий Владимирович (1805—1827) — поэт и критик, четвероюродный брат *А. С. Пушкина.* 10 сент. 1826 В. и Ч. присутствовали в доме *С. А. Соболевского* на первом чтении А. С. Пушкиным трагедии «Борис Годунов» (Пушкин в восп. современников. М., 1974. Т. 2. С. 373) — **Т. 1:** *21*; *711.*

Венцель Антон Егорович — юрист, восторженный почитатель Ч. Сохранилось семь его писем к Ч. (*ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 7) — **Т. 1:** 573; *756*; **Т. 2:** 232, *381*, *382*, *393.*

Вергилий Марон Публий (70—19 до н. э.) — римский поэт — **Т. 1:** 606, 622.

Вернадский Владимир Иванович (1863—1945) — сов. ученый естествоисп., акад. АН СССР, близкий друг *Д. И. Шаховского* — **Т. 1:** *726*, *727.*

Веселовский Алексей — автор статьи «Гоголь и Чаадаев (Из этюда о Гоголе)» (*ВЕ.* 1895. № 9) — **Т. 2:** *362.*

Вигель Филипп Филиппович (1786—1856) — чиновник, в 1829—1840 вице-директор и директор Департамента иностранных вероисповеданий, член литературного об-ва «Арзамас», автор «Записок», в к-рых в искаженном виде дан образ Ч. 21 окт. 1836 В. направил митрополиту *Серафиму* письмо-донос о *ФП*, в к-ром писал о Ч.: «Сей изверг — неистребимый хулитель наш, родился в России от православных родителей, и... имя его...есть *Чаадаев.* Среди ужасов французской революции, когда попираемо было величие Бога и царей, подобного не было видано. Никогда, нигде, ни в какой стране, никто толикой дерзости себе не позволил» (*РС.* 1870. Т. 1. С. 575). В письме к *А. С. Хомякову* в 1841 В. назвал Ч. «плешивым лжепророком» (*Барсуков.* Кн. 6. С. 78), и до сих пор считается, что эта кличка, получившая в свое время широкое распространение среди моск. публики, обязана своим появлением именно В. Это неверно. В. лишь видоизменил кличку, возникшую сразу после публикации *ФПІ*, автор к-рой неизвестен. В дневнике Н. И. Борхардта, преподавателя нем. яз. в Моск. воспитательном доме в записи от 30 окт. 1836 Ч. с чьих-то слов назван «плешивым доктринером» (*ГПБ*, ф. 723, ед. хр. 916, л. 39) — **Т. 1:** (491), *730*, 732; **Т. 2:** 228, 231—233, 267; *290*, *291*, *321*, *326*, *361*, *373*, *376*, *377*, *379—381*, *398—401*; *506*, 507.

Виельгорский Михаил Юрьевич (1788—1856) — гос. деятель, композитор, музыкальный деятель и меценат. 10 сент. 1826 Ч. и В.

присутствовали в доме *С. А. Соболевского* на первом чтении трагедии *А. С. Пушкина* «Борис Годунов» — Т. 2: *182*; 428.

Вилков Александр Александрович (1872—?) — приват-доцент Варшав. ун-та. сын священника принадлежавшего Чаадаевым села Хрипунова Ардатовского уезда Нижегородской губ. В 1889 по просьбе О. З. Чаадаевой была учреждена при С.-Петербург. ун-те стипендия имени М. Я. и О. З. Чаадаевых (всего было четыре стипендии, одна из них предназначалась персонально «крестнику» О. З. Ч. — В). В 1912 В. впервые опубликовал доставшиеся ему от отца письма Ч. к брату из-за границы. В наст. вр. оригиналы этих писем хранятся в Чехословакии — Т. 2: *335*.

Вильберфорс Вильям (1759—1833) — англ. публицист, борец против колониального рабства. Под влиянием В. в 1833 англ. парламент принял закон об отмене рабства в заморских колониях. По словам *Д. И. Шаховского*, Ч. «в своей заграничной поездке запасался брошюрами о В., имея, вероятно, в виду использовать [его] высказывания [...] для пользы своих соотечественников» (*ЛН*. С. 63). В биб-ке Ч. имеется брошюра В. «An applied to the religion, justice and humanity of the inhabitants of the British empire, in behalf of the negro slaves in the West Indies». L., 1823 (*Каталог*. № 679) — Т. 1: *696*; Т. 2: *430*.

Вильде Н. Н. — двоюродный внук *Е. Д. Пановой* — Т. 2: *332*.

Вильм Жозеф — фр. философ, автор книги «Essai sur la philosophie de Hegel», Strassburg-Paris, 1836, имеющейся в биб-ке Ч. (*Каталог*. № 680) — Т. 1: *706*; Т. 2: *331*.

Вильмен Абель Фердинанд (1790—1870) — фр. критик и литературовед, проф. Сорбонны, с к-рым Ч. познакомился в Париже (*ВЕ*. 1871, сент. С. 12) — Т. 1: *765*.

Вильсон — Т. 2: 429.

Владимир Святославич (ум. 1015) — князь киевский, к-рый в 988 крестил Русь — Т. 1: 541, 549; *747*; Т. 2: *347*; 487.

Вовенарг Люк Клапье де (1715—1747) — фр. философ-моралист. В биб-ке Ч. имеется книга «Pensées et maximes» (La Rochefoucauld et Vauvenargue. P., 1824) (*Каталог*. № 415) с его многочисленными усл. знаками — Т. 1: 713.

Волков — см. Сазонов Н. И.

Волконская Зинаида Александровна (1789—1862) — княгиня, писательница и поэтесса, хозяйка литературного салона в Москве. О знакомстве Ч. с В. существуют только косвенные свидетельства: в 1836 в Москве ходили слухи, что именно ей посвящено *ФПI* (*РА*. 1910. № 7 С. 361). В середине февраля 1829 В. уехала из России. У В. и Ч. было много общих знакомых: *А. С. Пушкин*, *С. П. Шевырев*, *Н. В. Гоголь*, *А. В. Веневитинов* и др. За границей встречалась с В. и двоюродная сестра Ч. *Е. Д. Щербатова* — Т. 1: *691*; Т. 2: *348*.

Волконская Софья Григорьевна (1786—1869) — княгиня, жена *П. М. Волконского*, сестра *С. Г Волконского* — Т. 2: 193, *357*, *359*, *360*.

Волконский Петр Михайлович (1776—1852) — ген.-адъютант, князь, нач. Ген. штаба, министр императорского двора (1826—1852), фельдмаршал с 1850. В 1821 в Троппау представил Ч. *Александру I* и по окончании их разговора передал Ч. слова императора, чтобы он «ни слова не говорил» про этот разговор кн. Меншикову, на

квартире к-рого остановился Ч. («Полярная звезда на 1857 г.». Кн. 3. Лондон. С. 279). В переписке В. с *И. В. Васильчиковым* Ч. упомянут несколько раз (*РА*. 1875. № 5. С. 77—79) — Т. 2: *293*.

Волконский Сергей Григорьевич (1788—1865) — князь, ген.-майор, участн. Отеч. войны 1812, декабрист (член Южн. об-ва), осужденный к 20 годам каторги. В 1812—14 член масонской ложи «Соединенных друзей», членом к-рой был и Ч. — Т. 1: *759*.

Вольтер (Мари Франсуа Аруэ) (1694—1778) — франц. писатель и философ. В биб-ке Ч. имеется Oeuvres complète de Voltaire. P., 1827. T. 1—3. (*Каталог*. № 673), с усл. знаками и надписями рукой Ч.— Т. 1: 390; *701*, *707*; Т. 2: 49.

Вордсворт Уильям (1770—1850) — англ. поэт, представитель «озерной школы» — Т. 1: *723*.

Ворожейкина Анна Николаевна — моск. купчиха, гражданская жена *В. Л. Пушкина* — Т. 2: 259.

Воронцов Михаил Семенович (1782—1856) — граф, гос. деятель, ген.-фельдмаршал (с 1856). В 1815—1818 — командующий рус. оккупационным корпусом во Франции, с 1823 — новороссийский ген.-губернатор и наместник в Бессарабской области, в 1828—1844 — новороссийский и бессарабский ген.-губернатор, в 1844—1854 — наместник на Кавказе и главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом — Т. 2: (264), 272; *395*.

Воскресенский Михаил — моск. врач — Т. 2: 534.

Вронченко Михаил Павлович (1801/1802—1855) — ген.-майор, геодезист, переводчик произведений Байрона, Гете, Шекспира и др. на рус. яз.— Т. 2: *315*.

Вяземская Вера Федоровна (1790—1886) — княгиня, жена *П. А. Вяземского*. Встречалась с Ч. весной и осенью 1832 (*Звенья*. Т. IX. М., 1951. С. 353, 362; *Пушкин*. Собр. соч.: В 10 т. М., 1981. Т. X. С. 75). — Т. 2: (87), (90), (204); *317*; (452).

Вяземский Павел Петрович (1820—1888) — сын *П. А.* и *В. Ф. Вяземских* — Т. 2: (204).

Вяземский Петр Андреевич (1792—1878) — поэт и литературный критик. Знакомство Ч. с В. относится, вероятно, к 1816—1817 гг., когда оба находились в Петербурге. Встречались они и в Москве после отставки Ч. (*РА*. 1901. № 3. М. 413—414). Несмотря на идейные разногласия, сохраняли дружеские отношения и переписку до самой смерти Ч. Много сведений о Ч. содержится в переписке В. с *А. С. Пушкиным* (см.: Переписка А. С. Пушкина. М., 1982. Т. 1—2, по указ.) — Т. 1: *23*, *75*, *690*, *691*, *704*, *738*, *760*; 791; Т. 2: 65, 66, 87, 88, 107, 133, 134, 152, 179, 182, 198, 204, 209, (224), 234, 266, 276; *291*, *307—314*, *316*, *317*, *325—328*, *330*, *331*, *336*, *339*, *344*, *346*, *349*, *357*, *360*, *361*, *363*, *365*, *366*, *375*, *379—382*, *384*, *396*, *406*, *407*; 421, *430*, *431*, *451*, *452*, *463*, 492, 498, 499, 521, *522*, *539*.

Гагарин Григорий Иванович (1782—1837) — князь, дипломат, рус. посланник в Мюнхене в 1833—1837, почетный член литературного об-ва «Арзамас», двоюродный брат *В. Ф. Вяземской* — Т. 2: 42(?), 311.

Гагарин Иван Сергеевич (1814—1882) — князь, в 1833—35 — сотрудник рус. миссии в Мюнхене. Познакомился с Ч. в Москве в 1835 по совету *Шеллинга*. К 1843 покинул Россию и вступил в орден иезуитов. В 1862 издал в Париже книгу Oeuvres choisies de Pierre Tchadaief, в предисловии к к-рой посвятил неск. страниц своим

воспоминаниям о Ч. (рус. пер. этого предисловия см. в кн.: *Чаадаев П.* Философические письма. Казань, 1906). См. также: *Шур Л.* И. С. Гагарин — издатель «Философических писем» П. Я. Чаадаева // Символ. № 9. Париж, 1983 — Т. 1: *8*, *63*; 538; 581; *678*, *681*, *684*, *685*, *691*, *692*, *694*, *708*, *709*, *717*, *731*, *741*; Т. 2: 99, 138, 140, 151; *302*, *321*, *338*, *340*, *342*; *462*.

Газлит (Хэзлитт) Уильям (1778—1830) — англ. критик и эссеист. В биб-ке Ч. имеется его книга Table-talk, or original essays. P., 1825 (*Каталог*. № 323) (рус. пер. в кн.: Корабли мысли. М., 1986. С. 90—97) — Т. 1: *723*.

Галахов Иван Павлович (1809—1849) — приятель *Герцена* и *Огарева*, в разное время увлекавшийся католицизмом и фурьеризмом. В начале 40-х гг., по-видимому, на почве интереса к католицизму, на короткое время сблизился с Ч.— Т. 2: 138, 140; *338*.

Галилей Галилео (1564—1642) — итал. мыслитель, физик, астроном и математик — Т. 1: *27*; 371, 587; Т. 2: 97.

Галл — католический святой, сподвижник св. Колумбана, миссионер. В 7 в. основал в Швейцарии монастырь (в Санкт-Галлене), к-рый в дальнейшем превратился в крупный центр средневековой культуры — Т. 1: 590.

Галль Франц Иосиф (1758—1828) — австр. врач и анатом, основатель френологии — Т. 2: 36, 43; 470.

Гарсен де Тасси Жозеф Элиодор — франц. индолог, автор соч. Histoire de la littérature Hindou et Hindustani. P., 1839, имеющегося в биб-ке Ч. (*Каталог*. № 286). Между 2-й и 3-й страницами этой книги Ч. вклеил написанную им прокламацию 1848 года — Т. 1: *747*.

Гаюи (Аюи) Рене Жюст (1743—1822) — фр. минералог и кристаллограф. В биб-ке Ч. имеется книга Г Traité élémentaire de physique. T. 1—2. P., 1803 с усл. знаками и надписями рукой Ч. (*Каталог*. № 322) — Т. 1: *726*.

Геббель Фридрих (1813—1863) — нем. поэт и драматург.— Т. 2: 488.

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — нем. философ, представитель нем. классич. философии. К систематическому изучению взглядов Г. Ч. обратился ко второй половине 40-х гг., хотя интерес к ним возник в середине 30-х гг. В биб-ке Ч. имеется 3-й т. «Энциклопедии философских наук» Г. (Heidelberg, 1830) (*Каталог*. № 327) и книга *Ж. Вильма* о Г (*Каталог*. № 680), к-рую перевел на рус. яз. *Н. В. Станкевич* (Телескоп. 1835. № 13—15) — Т. 1: *33*, *35*, *37*, *55—57*, *59—61*, *72*; 481, 497, 498, 507; *687*, *701*, *706*, *707*, *722*, *734*; Т. 2: 115, *331*, *339—341*.

Гедеонов Александр Михайлович (1790—1867) — в 1833—1858 директор императорских театров — Т. 2: 235, 236; *383*.

Геерен Арнольд Герман Людвиг (1760—1842) — нем. историк, проф. в Геттингене. В биб-ке Ч. имеются его книги: Ideen über Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt. T. 1—3. Göttingen, 1815—1821; Zusätze und Umarbeitungen aus der vierten Ausgabe der Ideen über Politik und den Handel der vornehmsten Völker des Alterthums. T. 1—2. Göttingen, 1827 (*Каталог*. № 325, 326) с усл. знаками Ч.— Т. 1: 431; *710*, *711*, *718*.

Гейлинкс Арнольд (1624—1669) — голланд. философ-идеалист, один из представителей окказионализма.— Т. 1: *701*.

Гейне Генрих (1797—1856) — нем. поэт и публицист — **Т. 1:** 606; *731*, *763*; Т. 2: 94; *320*, *321*.

Гено — **Т. 2:** 413.

Гемстергейс Франс (1721—1790) — голланд. философ, представитель «философии чувства», домашний учитель в семье рус. посла кн. Голицына. В биб-ке Ч. имеются его Oeurves philosophiques. T. 1—2. P., 1792 (*Каталог.* № 332). Судя по отметкам Ч., он внимательно изучил «Письмо о скульптуре» и диалог «Аристей, или о божестве», опубликованные соответственно в 1 и 2 тт. указ. издания. Возможно, что самохарактеристика Ч. как «философа женщин» (см. наст. изд., т. 2, с. 90) восходит к Г., называвшему себя «философом детей» — **Т. 1:** *729*.

Генрих I (ум. 1060) — франц. король с 1031, женат на дочери *Ярослава Мудрого Анне* — **Т. 2:** 343.

Генрих VIII (1491—1547) — англ. король (с 1509) из династии Тюдоров, один из ярких представителей англ. абсолютизма — **Т. 1:** 336, 413.

Гердер Иоганн Готфрид (1744—1803) — нем. философ и писатель-просветитель. В биб-ке Ч. имеются практически все сочинения Гердера (см. *Каталог.* № 333—335), причем на всех книгах — усл. знаки и надписи Ч. — **Т. 1:** (585), 586, 607; *720—722*, *724*, *725*, *761*, *763*, *765*, *766*.

Геродот (490/480 — ок. 425 до н. э.) — древнегреч. историк, «отец истории». В биб-ке Ч. имеется «История» Г. на франц. яз. (*Каталог.* № 336) с усл. знаками и нерасшифрованной надписью Ч.— **Т. 1:** 394, 408, 418; *761*.

Геррес Иозеф фон (1778—1848) — нем. историк, философ и публицист, последователь философии *Шеллинга*, перешедший, как и учитель, от философии к вере. В биб-ке Ч. имеется книга Г. Emmanuel Swedenborg, seine Visionen und sein Verhältniss zur Kirche. Strassbourg, 1827 (*Каталог.* № 295) с усл. знаками и надписью рукой Ч.— **Т. 1:** *724*.

Герцен Александр Иванович (1812—1870) — революционер, писатель, философ и публицист. Первая встреча Г. с Ч. состоялась 10 июля 1834 в доме *М. Ф. Орлова* накануне ареста Г. После возвращения в Москву в 1840 и до отъезда за границу в 1847 Г. часто встречался с Ч. Несмотря на различие взглядов, доходящее порой до противоположности, Г. и Ч. сохранили уважение и дружескую привязанность друг к другу. Со слов Г. (не подтвержденных другими источниками) известно, что Ч. незадолго до смерти собирался уехать за границу (*Герцен.* Т. XXV С. 346). Подробно история взаимоотношений Г и Ч. проанализирована в статьях М. И. Чемерисской «П. Я. Чаадаев и А. И. Герцен» (Общественное движение в России XIX века. М., 1986. М. 83—108) и Н. В. Степанова «Герцен и Чаадаев» (Общественная мысль в России XIX в. Л., 1986. С. 91—107) — **Т. 1:** *7*, *13*, *19*, *20*, *47—49*, *74*; *678*, *679*, *691*, *694*, *727*, *729*, *730*, *733*, *741*; 788, 789, 790, 792; *797*; Т. 2: 198, 255, (264); *326*, *335*, *354*, *357*, *358*, *360*, *391*, *392*, *396*, *398*, *407*; *463*; *550*.

Гершензон Михаил Осипович (1869—1925) — историк литературы и общественной мысли. Осуществил издание Сочинений и писем Ч. и написал монографию «П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление» (СПб., 1908; переизд. 1989) и несколько статей о Ч. Несмотря на ряд фактических неточностей и спорность некоторых положений концепции Г. о Ч., его заслуги в деле собирания рукописного наследия

Ч ., издания его сочинений и пропаганды его взглядов неоспоримы — Т. 1: *7*, *11—13*; *679*, *680*, *684*, *686*, *689*, *691*, *692*, *694*, *708*, *711*, *713*, *715*, *717*, *736*, *738*, *741*, *743*, *755*, *757*; Т. 2: *286*, *291*, *292*, *303*, *304*, *312—315*, *317*, *320*, *330*, *331*, *335*, *336*, *339*, *359*, *360*, *364*, *374*, *386*, *396*, *405*; *423*, *435*, *442*; *539*, *550*.

Гете Иоганн Вольфганг (1749—1832) — нем. поэт и мыслитель. В биб-ке Ч. имеются следующие книги Г Festegedichte Weimar 18-er December 1818. Stuttgart, 1819 (*Каталог*. № 296), Des hommes Célébres de France au dix-huitieme siècle... P., 1823 (*Каталог*. № 297; с усл. знаками); Theater von Goethe. Wien, 1813. T. 1—12. (*Каталог*. № 298; в т. 1 («Фауст») и 12 — усл. знаки) — Т. 1: 498, *724*, *734*; Т. 2: 17, 18, *283*, *295*, *296*.

Гиббон Эдуард (1737—1793) — англ. историк, автор «Истории упадка и разрушения Римской империи»— Т. 1: (418—420); *709*.

Гизо Франсуа Пьер Гийом (1787—1874) — франц. гос. деятель, историк. В августе — ноябре 1830 — министр внутр. дел Франции. В биб-ке Ч. имеются книги Г.: Histoire générale de la civilisation en Europe. P. 1828; Histoire de la civilisation en France. P., 1829; De la démocratie en France. Bruxelles, 1849; Essais sur l'histoire de France. P., 1823 (*Каталог*. № 311—314). Во всех книгах — усл. знаки и надписи рукой Ч. Исторические и социологические взгляды Г. оказали существенное влияние на Ч. в период создания *ФП* — Т. 1: *33*, *35*, 410, 456, 541; 606; *708*, *719*, *721*, *722*, *731*, *745*, *763*; Т. 2: 73; *330*.

Гиллельсон М. И. — Т. 1: 738.

Гильдебранд — монашеское имя рим. папы Григория VII (1073—1085), при к-ром католическая церковь максимально приблизилась к воплощению идеала теократии. Наиболее известный и драматический эпизод его правления — победа в борьбе за инвеституру с императором Священной Римской империи Генрихом IV. Отлученный от церкви и низложенный Генрих IV вынужден был пойти на покаяние к папе в Каноссу (1077) — Т. 1: 591; Т. 2: 151; *343*.

Гиппарх (ок. 180/190—125 до н. э.) — древнегреч. астроном, создатель геоцентрической системы — Т. 1: *34*; 394.

Гиш де — графиня — Т. 2: 489.

Глинка Авдотья Павловна (1795—1863) — поэтесса, жена *Ф. Н Глинки*, известная также своей благотворительной деятельностью. Ч. «мастерски перевел» на фр. язык ее проект по созданию общества «Доброхотная копейка для бедных» (1845) (См.: О жизни и кончине А. П. Глинки. СПб., 1864. С. 11—12) — Т. 2: 479, 480.

Глинка Федор Николаевич (1786—1880) — поэт, обществ. деятель, декабрист, член масонской ложи «Избранного Михаила». С Ч. познакомился не позже 1816—1817 г. и навсегда сохранил высокое мнение о нем. В 1835—1853 жил в Москве, где часто встречался с Ч.— Т. 2: 13; *291*, *292*, *338*; 459(?), *480*, 515.

Гоббс Томас (1588—1679)—англ. философ-материалист—Т. 1: *719*.

Гогенштауфены — династия королей и императоров Священной Римской империи в 1138—1254 — Т. 2: 115.

Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) — писатель. Личные контакты Ч. и Г «носили болезненный для обоих отпечаток духовного недоразумения» (*Тарасов I*. С. 306). Ч. откликался почти на все крупные произведения Г. Последний, в свою очередь, хотя и не называя Ч., довольно внимательно следил за выступлениями мыслителя. Подробнее о Г. и Ч. см.: *Веселовский А*.; *Мильдон В. И*. Чаадаев и Гоголь (Опыт понимания образной логики) // Вопр. философии,

1989. № 11 — Т. 1: *15*; (537), 679; *718*, *745*; Т. 2: 172, 199—201, 203, 204, (264), *320*, *349—351*, *353*, *355*, *361—363*, *366*, *396*, (482), *483*, *492*; 493, 495, 499, 516, *519*.

Годунов Борис (ок. 1552—1605) — рус. царь, при к-ром, по мнению некоторых историков, произошло окончательное закрепощение крестьянства. Это мнение разделял и Ч.— Т. 1: *63*; 347; Т. 2: 165, 167; *348*.

Голиков Иван Иванович (1735—1801) — рус. историк, автор «Деяний Петра Великого» в 15 т. (1788—1789; 2-е изд. 1837—1843) и «Дополнений к деяниям Петра Великого» в 18 т. (1790—1797). С трудами Г. Ч. познакомился в конце 1836, что, по-видимому, оказало влияние на пересмотр и уточнение им концепции исторического развития России. Книга Г. имелась в биб-ке Ч., но в настоящее время утеряна * — Т. 1: *63*; Т. 2: 116; *332*.

Голицын Александр Николаевич (1773—1844) — князь, обер-прокурор Синода, министр просвещения при *Александре I*, с 1813 — руководитель Российского библейского об-ва, в последние годы жизни главноуправляющий почтовым департаментом — Т. 2: (150), (157); *342*, *346*.

Голицын Андрей Михайлович (1792—1863) — князь, ген.-майор, тульский ген.-губернатор — Т. 2: 171.

Голицын Дмитрий Владимирович (1771—1844) — князь, моск. военный ген.-губернатор, в 1820—1843 владелец имения Вяземы. По свидетельству *С. В. Энгельгардт*, медицинский надзор за Ч., возложенный на него по приказу *Николая I*, Г. осуществлял «со свойственными ему деликатностью и благородством» (*РВ*. 1887. № 10. С. 699). Г. был членом моск. Английского клуба, где встречался с Ч.— Т. 2: 13; *326*, *329*, *330*; 531.

Голицын Михаил Александрович — князь, зять кн. *И. А. Долгорукова*, женатый на его дочери Марии — Т. 2: 151; *342*; 481(?).

Голицын Михаил Петрович, князь, владелец картинной галереи, живший, как и Ч., на Новой Басманной ул.— Т. 1: 581; Т. 2: 110(?), 140; *339*.

Голицын Н. В. — князь, автор статьи «П. Я. Чаадаев и Е. А. Свербеева», публикатор нескольких писем и статей Ч. (*ВЕ*. 1918. Кн. 1—4. С. 233—254) — Т. 2: *286*, *335*, *342*, *343*, *349*, *350*, *357*, *379*.

Голицына Аннет, подруга *С. И. Мещерской*.— Т. 2: 481.

Головин Иван Гаврилович (1816—1890) — рус. полит. эмигрант, автор книг: «Дух политической экономии» (1843), «Рассуждение о Петре Великом. Опровержение книги г-на де Кюстина „Россия в 1839 году“» (1843), «Россия под Николаем I» (1845), изданных в Париже на фр. языке — Т. 2: 219, *372*.

Головнин Василий Михайлович (1776—1831) — мореплаватель, вице-адмирал, член-корр. Петербургской АН (1818). В 1811 при описи о-ва Кунашир был захвачен японцами и провел в плену около трех лет. Описал свое пребывание в плену в книге «Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812, 1813 годах. С приобщением замечаний его о японском государстве и народе» (Ч. 1—3, 1816). Ч. был знаком с этой книгой — Т. 1: *695*.

Голубинский Федор Александрович (1797—1854) — философ-идеалист, преподаватель Моск. духовной академии. Его идеями

* Сообщено В. С. Гречаниновой.

интересовался *Шеллинг*. По свидетельству М. В. Толстого «Шеллинг встречал русских путешественников вопросом: „Знаете ли вы философа Голубинского?“ — и удивлялся, если получал отрицательный ответ» (*РА*, 1880, кн. III. С. 406). Ч. и Г. были знакомы с начала 30-х гг., у них было много общих знакомых: *Ю. П. Бартенев*, *Елагины*, *А. И. Тургенев* и др., но подробности их взаимоотношений неизвестны. 7 окт. 1845 Ч. и Г. были на обедне в церкви на Воробьевых горах (*ОА*. Т. IV. С. 324) — Т. 1: *46*; *691*; Т. 2: *524*, *525*, 526, 527, *538*.

Гомер — легендарный эпический поэт Древней Греции, к-рому приписывают авторство «Илиады» и «Одиссеи». Обе книги имеются в биб-ке Ч. (*Каталог*. № 342, 343) и хранят его многочисленные усл. знаки, знакомство с к-рыми убеждает в том, что в период чтения отношение Ч. к Г. было вполне положительным, или, по кр. мере, нейтральным. Большинство знаков носит характер «автобиографический» (т. е. могут быть увязаны с теми или иными фактами биографии самого Ч.) или просто познавательный. Резко отрицательная оценка Г., свойственная *ФП*, возникла у Ч., вероятно, позднее, скорее всего под влиянием *Платона* и *Максима Тирского* — Т. 1: *59*, 397, 430—433, 582, 591; *685*, *710*, *766*; Т. 2: 200; *361*, 448.

Гончаров Дмитрий Николаевич (1808—1860) — старший брат *Н. Н. Пушкиной* — Т. 2: *320*.

Гончарова Александра Николаевна (1811—1891) — сестра *Н. Н. Пушкиной* — Т. 2: *320*.

Гораций Флакк Квинт (65—8 до н. э.) — римский поэт. В биб-ке Ч. имеется полное собр. соч. Г. в 4 т. на франц. яз. (во всех томах — усл. знаки) (*Каталог*. № 346) и соч. на нем. яз. (*Каталог*. № 347) — Т. 1: 606.

Горчаков Александр Михайлович (1798—1883) — князь, дипломат, министр иностранных дел и гос. канцлер России. Соученик *А. С. Пушкина* по Царскосельскому лицею — Т. 2: 275 (?).

Горчаков Михаил Дмитриевич (1793—1861) — князь, генерал от артиллерии, участн. Отеч. войны 1812 и Крымской войны, во время к-рой командовал войсками на Дунае (до 1854), а затем войсками в Крыму. 4 авг. 1855 проиграл сражение на Черной речке, 8 сент. того же года дал приказ об оставлении юж. стороны Севастополя — Т. 2: 414—415.

Гостомысл (1-я пол. IX в.) — новгородский старейшина, по совету к-рого, как гласит предание, славяне призвали на Русь варягов — Т. 2: 515.

Граббе Павел Христофорович (1789—1875) — полковник Северского конно-егерского полка, участн. Отеч. войны 1812, декабрист, член Союза благоденствия, участник Московского съезда 1821. Осужден на 4-месячное заключение в крепости. С Ч. познакомился не позднее 1814 (показания *И. Д. Щербатова*: ЦГВИА, ф. 36, оп. 3, св. 2, д. 14, л. 219). Встречался с Ч. и в 1823 (Восстание декабристов. Материалы. Т. IX. М., 1950. С. 267) — Т. 2: 51; 421.

Грановский Тимофей Николаевич (1813—1855) — историк, проф. Моск. ун-та. Познакомился с Ч. в январе 1840 (Грановский и его переписка. М., 1897. Т. 2. С. 416). Отношения их вначале не совсем ладились, но позднее переросли в тесную дружбу. У Г. имелось адресованное ему письмо Ч. (там же. С. 461), местонахождение к-рого в настоящее время неизвестно. Их частые встречи на вечерах у *Елагиных*, *Киреевских*, *Свербеевых* зафиксированы в воспоми-

наниях и дневниках многих современников (*А. С. Хомякова*, *А. И. Кошелева*, *П. В. Анненкова* и др.) — Т. 1: *33*, *47*, *48*, *70*; 792; Т. 2: 205; *322*, *351*, *352*, *354*, *363*, *397*, *398*.

Грейг Алексей Самуилович (1775—1845) — адмирал, командующий Черноморским флотом (1816—1830) — Т. 1: *697*.

Греф Вильгельм — петербургский книготорговец — Т. 2: 115.

Греч Николай Иванович (1787—1867) — писатель и журналист. В своих «Воспоминаниях старика» рассказывает, что *Александр I* спрашивал о нем в Троппау у Ч. и заподозрил его в участии в «семеновском бунте» (*Греч Н. И.* Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. С. 408) — Т. 2: 218; *371*, *372*; *549*.

Гречаниннова Вера Семеновна — науч. сотр. ГБЛ, исследовательница биб-ки Ч.— Т. 1: *710*, *760*; *785*; Т. 2: *298*.

Грибовский М. К.— библиотекарь гвардейского штаба. После восстания Семен. полка завербован в октябре 1820 *П. М. Волконским* для руководства тайной слежкой в гвардии — Т. 2: *294*.

Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829) — поэт, писатель и дипломат, товарищ Ч. по Моск. ун-ту. Вместе с братьями Ч. Г. в 1808 слушал на дому лекции *Буле*. Сохранились два письма Г. с упоминанием имени Ч.: *И. Д. Щербатову* (1808), С. Н. Бегичеву (9 дек. 1826). Предполагают, что Ч. послужил прообразом Чацкого, однако подробности взаимоотношений Г. и Ч. носят большей частью легендарный характер (см.: Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980, по указ.). Курьезным, хотя и небезынтересным кажется мнение одного из современников Ч. и Г.— Н. А. Шатилова (послужившего прообразом Репетилова): «...Остряк этот,— рассказывает о нем С. Н. Бегичев,— был в Москве, когда Г. привез сюда оконченную комедию. Автор сам прочел ему Репетилова. Тот расхохотался, говоря: „Я знаю, на кого ты метишь. На Чаадаева...“» (*Амфитеатров Н.* Грибоедовская Москва // А. С. Грибоедов. Сб. статей. М., 1946. С. 174) — Т. 1: *11*, *21*; *697*, *759*, *767*; *784*; 788; Т. 2: *288*, *402*; (453).

Григорий VII — римский папа; см. *Гильдебранд*.

Григорий Назианзин (Богослов) (ок. 330— ок. 390) — греч. поэт и мыслитель, один из виднейших представителей патристики — Т. 1: 341.

Григорий Турский (ок. 549— ок. 594) — средневек. историк, автор «Истории франков» — Т. 1: 418.

Григорьев Аполлон Александрович (1822—1864) — поэт и критик. В 40-е гг. увлекался идеями утопического социализма и масонства, в 50-е гг.— ведущий критик журнала «Москвитянин». В своих «Воспоминаниях» Г. писал, что с «именами Ч., Белинского, Грановского [...] связываются невольно в памяти и возвышенные убеждения, и смелая борьба за эти убеждения» (М.; Л., 1930. С. 364) — Т. 2: *339*.

Григорьян М. М.— сов. философ, автор статьи: Чаадаев и его философская система // Из истории философии. М. 1958. Вып. 2. С. 126—188 — Т. 1: *714*.

Гулыга Арсений Владимирович — сов. философ и публицист — Т. 2: *313*.

Гульковский Михаил — врач, к-рый в 1837 по просьбе самого Ч. осуществлял над ним медицинский надзор. По словам *М. И. Жихарева*, Г., «занимавший по полиции важную медицинскую должность», был «старинным приятелем» Ч., «не раз и подолгу его ле-

чившим» (*ВЕ*. 1871, сент. С. 36). Оба были приглашены на обед 21 окт. 1850 в честь приезда в Москву из-за границы кн. *П. А. Вяземского* (*Барсуков*. Кн. 11. С. 166)— **Т. 2:** *333*.

Гульянов Иван Александрович (1789—1842) — египтолог, академик. Знакомый *А. С. Пушкина* и Ч. Подолгу жил за границей, печатал свои труды в Лейпциге и Париже. Общение с Ч. продолжалось у Г. до июня 1832, когда Г навсегда покинул Россию — **Т. 1:** 626; *718*; **Т. 2:** 66, 74; *311*, *313*.

Гюго Виктор Мари (1802—1885) — франц. поэт и писатель. В биб-ке Ч. имеются многие сочинения Г., изданные до 1836. В большинстве из них усл. знаки Ч. (см. *Каталог*. № 348—356) — **Т. 1:** *749*; **Т. 2:** 91, 180.

Давид (библ.) — царь Иудеи (кон. XI в.— ок. 950 до н. э.), зять царя Саула, победитель великана Голиафа и по библейской традиции автор псалмов — **Т. 1:** 396, 425, 426, 603; **Т. 2:** 448.

Давыдов Денис Васильевич (1784—1886) — партизан Отеч. войны 1812, ген.-лейтенант, поэт и писатель. В «Современной песне» Д. несколько строк в жанре «стихотворной карикатуры» посвящены Ч. Первая встреча Ч. и Д. зафиксирована 23 мая 1823 на вечере у кн. *Вяземского* (*РА*. 1901. № 3. С. 413—414), хотя знакомы они были, несомненно, и ранее. Встречались они и позднее в доме *М. Ф. Орлова* (см.: *Тургенев А. И.* Хроника русского. М.; Л., 1964. С. 475). *ФИ* воспринял как «пасквиль» и пренебрежительно отозвался о Ч. в письме к *А. С. Пушкину* (см.: *ПСС*. Т. XVI. С. 194). «Современная песнь», особенно в части, посвященной Ч., не имела широкого общественного резонанса, однако и много лет спустя *Ф. Ф. Вигель* отзывался о ней с полным одобрением (*РА*. 1893. № 8. С. 578) — **Т. 2:** *327*, *329*, *400*.

Давыдов Иван Иванович (1794—1863) — проф. Моск. ун-та (1820—1847), математик, физик, историк и философ. С конца 30-х гг. представитель «официальной народности» — Т. 2: 534.

Дазер, банкир — **Т. 2:** 56.

Дама‹с› Максим Иванович (1785—1862) — барон, во время Французской революции был увезен родителями в Россию, где окончил кадетское артиллерийское училище. В 1801—1812 — офицер Семен. полка, затем полковник, командир батальона. С союзной армией вернулся во Францию, с октября 1823 — воен. министр, позднее министр иностр. дел Франции — **Т. 2:** 37.

Дамирон Жан Филибер, франц. философ — **Т. 1:** 60; *705*, *762*.

Данте Алигьери (1265—1321) — итал. поэт — **Т. 1:** 591; *726*; **Т. 2:** 73, 200.

Даша, горничная *Е. М. Щербатовой* — **Т. 2:** 150.

Дашков П. Я.— **Т. 1:** *682*, *694*; **Т. 2:** *524*.

Дегай Павел Иванович (1793—1854) — сенатор, статс-секретарь, с 1831 директор департамента мин-ва юстиции — **Т. 2:** 87.

Декарт Ренс (1596—1650) — франц. философ — **Т. 1:** *31*; 370, 381, 387, 389, 467, (501), 587, 605, 607—609, 614, 624; *701*, *705*, *724*, *725*, *727*, *734*; *768*.

Деликати — **Т. 2:** *311*.

Дельвиг Андрей Иванович (1813—1887) — барон, двоюр. брат поэта А. А. Дельвига, женатый на дочери *Н. В.* и *Е. Г. Левашовых* Эмилии (1820—1878). Ч. присутствовал на их свадьбе 24 апр. 1838 в качестве посаженого отца невесты. Д. посвятил ему несколь.

ко теплых страниц в книге «Мои воспоминания» (М., б/г. Т. 1)— **Т. 1**: *77*; 793, 795, 796; **Т. 2**: *348*, *370*, *405*.

Демидова Аврора Карловна (урожд. баронесса Шернваль фон Виллен) (1808—1902) — вдова уральского заводчика П. Н. Демидова, с 1846 замужем за *Андреем Н. Карамзиным* — **Т. 2**: *357*.

Демокрит (ок. 460—ок. 370) — др.-греч. философ-материалист — Т. 1: *27*; 427; *709*.

Денике Б. П.— переводчик *ФП* и *АС* (*АС* — совместно с С. М. Юрьевым), изданных в Казани в 1906 — **Т. 1**: *679*.

Державин Гавриил Романович (1743—1816) — рус. поэт и гос. деятель. «Сабуров рассказывает, что Пушкин лицеист, восхищавшийся Д-м, встретил у Ч. опровержение, а именно за неточность изображений. Пример был „Путник" Д.: „Луна светит, сквозь мрак ужасный едет в челноке"» (*Модзалевский Б. Л.* Пушкин. Л., 1929. С. 337) — Т. 2: *452*.

Дестют де Траси Антуан Луи Клод (1754—1836) — франц. философ, экономист и полит. деятель В биб-ке Ч. имеется книга Д. Traité d'économie politique. P., 1823 (*Каталог.* № 225) с усл. знаками и надписями на форзаце и авантитуле рукой Ч.— **Т. 1**: *737*, *762*.

Джефферсон Томас (1743—1826) — амер. гос. и обществ. деятель, в 1801—1809 президент США. В биб-ке Ч. имеется книга Д. Mélanges politiques et philosophiques... P., 1833 (*Каталог.* № 368). Во 2-м т.— усл. знаки рукой Ч.— **Т. 1**: *719*.

Дибич Иван Иванович (1785—1831) — барон, с 1827 граф, ген.-фельдмаршал (с 1829), с 1823 — нач. Гл. штаба. В начале 1825 на основе доноса Шервуда сообщил *Николаю I* о готовящемся восстании декабристов. Летом 1826 по его непосредственному приказу Ч. был задержан и допрошен в Брест-Литовске. С декабря 1830 — главнокомандующий рус. войсками, направленными на подавление Польского восстания — **Т. 1**: *757*.

Дидро Дени (1713—1784) — франц. писатель и философ-просветитель. В биб-ке Ч. имеется 6 томов его «Oeuvres philosophiques». Bruxelles, 1829 (*Каталог.* № 228). В 1, 2 и 6 томах — усл. знаки Ч.— **Т. 1**: *719*.

Диоген Лаэртский (1-я пол. III в.) — античный историк греч. философии — **Т. 1**: *727*.

Диоген Синопский (404—323 до н. э.) — древнегреч. философ-киник — **Т. 1**: 638; *727*(?).

Диодор Сицилийский (ок. 80—29 до н. э.) — древнегреч. историк. Его книга «Histoire universelle». P., 1758 имеется в биб-ке Ч. (*Каталог.* № 231) — **Т. 1**: *762*.

Диоклетиан Гай Аврелий Валерий (243 — между 313 и 316) — рим. император в 284—305. В 303—304 предпринял жестокие гонения на христиан, в 305 добровольно отрекся от власти.— **Т. 2**: 189; 552.

Дмитриев Иван Иванович (1760—1837)—рус. поэт и гос. деятель. Самое раннее упоминание о его знакомстве с Ч. относится к 1822 (*РА*. 1901. № 3. С. 413—414). Д. часто встречался с Ч. в салоне *Е. Г. Левашовой.* В 1836 агентами моск. полиции Д. был отмечен в числе лиц, наиболее часто посещающих Ч. (*Лемке.* С. 424). «Первым посетителем Ч. в самый первый день опалы был И. И. Дмитриев...» (*Свербеев Д. Н.* Т. II. С. 398) — **Т. 1**: 581; *760*; **Т. 2**: 116, 246; *307*, *310*, *332*, *388*.

Дмитриев Михаил Александрович (1796—1866) — рус. поэт, племянник *И. И. Дмитриева*, прозванный *П. А. Вяземским* «Лжедмитриевым». В неопубликованной книге «Главы из моих воспоминаний» рассказал о своем знакомстве с Ч. в период подготовки *ФПI* к печати (*ГБЛ*, ф. 178, к. 8184, № 2, лл. 67—71). В биб-ке Ч. имеются две книги Д.: «Князь И. М. Долгорукой и его сочинения. М., 1851» (*Каталог*, № 20), «О натуральной школе и народности» (оттиск из журнала «Москвитянин» 1848, № 9 с дарственной надписью Ч-у) (*Каталог*. № 21), а также выполненный Д. перевод «Науки поэзии» Горация. М., 1853 (*Каталог*. № 15). Среди бумаг Ч. в ГБЛ хранится рукописная копия стихотворения Д. «Когда наш Новгород Великий» (*ГБЛ*, ф. 103, п. 1034, ед. хр. 13), впервые опубликованного в IV вып. сборника «Голоса из России», издававшегося *А. И. Герценом* (С. 298). См. также: *Дмитриев М. А.* Московские элегии. М., 1985. С. 126 — **Т. 2:** 246; ***327***, ***328***, ***359***, ***388***, ***400***; 495—***497***, 508.

Дмитриева Н.— Т. 2: 389.

Дмитрий Иванович (царевич) (1583—1591) — сын царя *Ивана IV Грозного* и его седьмой жены Марии Нагой. После смерти отца в 1584 был отправлен *Борисом Годуновым* в Углич, где погиб при загадочных обстоятельствах — **Т. 2:** (161); ***347***; ***464***.

Добровольский Л. М.— Т. 1: 679.

Добьечевский Януш — совр. польский историк русской философской и общественно-политической мысли — **Т. 1:** ***33***.

Доддридж Филипп—англ. писатель и религ. деятель, автор книги «The rise and progress of religion in the soul». L., 1822 (*Каталог*. № 233), к-рую Ч. приобрел во время поездки в Англию. В книге имеются усл. знаки, надпись на переплете.— **Т. 1:** ***763***.

Додолев М. А.— Т. 2: ***292***.

Долгорукий Алексей Григорьевич (ум. 1734) — князь, воспитатель Петра II, женатого на его дочери Екатерине — **Т. 2:** 187; ***358***.

Долгорукий Иван Алексеевич — сын *А. Г Долгорукого*, фаворит *Петра II*. О распутном поведении Д. с гневом писал кн. *М. М. Щербатов* в своей книге «О повреждении нравов в России» (СПб., 1906. С. 36—37) — **Т. 2:** 187.

Долгорукий (Долгоруков) Яков Федорович (1639—1720) — сподвижник *Петра I*, участник Азовских походов. В 1700 под Нарвой попал в плен к шведам, где пробыл 10 лет. По возвращении в Россию возглавлял военный комиссариат, в 1717 назначен президентом Ревизионной коллегии — **Т. 2:** 552.

Долгоруков Александр Сергеевич (1809—1873) — чиновник особых поручений при московском ген.-губернаторе, зять *А. Я. Булгакова* — **Т. 2:** (248 ?); ***388***.

Долгоруков Илья Андреевич (1798—1848) — князь, адъютант вел. князя Михаила Павловича, член Союза спасения и Союза благоденствия, член масонской ложи «Соединенных друзей» (1814) и «Трех добродетелей» — **Т. 2:** 151; ***384***.

Долгоруков Петр Владимирович (1816—1868) — воспитанник Пажеск. корпуса, затем чиновник Мин-ва нар. просв., генеалог, впоследствии эмигрант — **Т. 2:** 275 (?); ***372***, ***373***; ***406*** (?), 488 (?).

Долгорукова Екатерина Александровна (урожд. Салтыкова) (1803—2 03. 1852) — жена *И. А. Долгорукова* — **Т. 1:** ***54***; ***695***, ***729***; **Т. 2:** 236, 241; ***383***, ***384***, ***386***, ***388***, ***390***; ***513***.

Долгорукова Мария Ильинична — дочь *И. А. Долгорукова*, замужем за кн. *М. А. Голицыным* — Т. 2: *342*.

Долгорукова Ольга Александровна (1814—1865) — мл. дочь *А. Я. Булгакова*, с 1831 жена *А. С. Долгорукова* — Т. 2: *388*.

Доменикино (Доменико Цампьери) (1581—1641) — итал. живописец-академист, представитель болонской школы — Т. 2: 227; 424.

Дон Жуан — герой средневековой европейской легенды, рыцарь-сластолюбец, нарушитель моральных и религиозных норм. Существуют многочисленные литературные обработки этого образа — пьесы Тирсо де Молины, Мольера, А. С. Пушкина, поэмы А. де Мюссе, Байрона — Т. 1: 555, 620.

Достоевский Федор Михайлович (1821—1881) — рус. писатель. Имя Ч. упомянуто в его произведениях: «Зимние заметки о летних впечатлениях» (*ПСС*. Т. V. С. 50), «Житие великого грешника» (Т. IX. С. 138), «Бесы» (Т. X. С. 8), «Записная тетрадь 1864—1865» (Т. XX. С. 190), письмо к А. Н. Майкову от 25 марта/6 апреля 1870 (Т. XXIX. С 118) Отношение Д. к Ч. негативное; *ФП1* характеризуется и как «гадкая статья» (Т. XX. С. 190), а сам Ч., выражаясь совр. языком, как «русофоб» («презирал все русское» — Т. V С. 50). Ч. послужил прообразом Версилова в романе Д. «Подросток» (см.: *Долинин А. С.* В творческой лаборатории Достоевского. М., 1947. С. 77—87). Не исключено, что Д., будучи воспитанником пансиона Чермака, в 1836 мог видеть Ч. или получить о нем какую-либо информацию от общих знакомых: *А. А. Альфонского* или священника Симеона Лебедева (пансион Чермака находился на Новой Басманной неподалеку от «усадьбы» Левашовых, где жил Ч.) (Подробнее см.: *Федоров Г. А.* Пансион Л. И. Чермака в 1834—1837 гг. // Достоевский. Материалы и исследования. Вып. 1. Л., 1974. С. 241—254). Несмотря на резкое неприятие большинства оценочных суждений Ч., касающихся настоящего и прошлого России, оба мыслителя странным образом сходятся в оценке ее будущего, можно даже подумать, что некоторые пророчества Д. о грядущей миссии России буквально списаны у Ч.— Т. 1: *70*, *82*; Т. 2: *283*.

Дроз Жозеф — франц. философ, две книги к-рого имеются в биб-ке Ч.: De la philosophie morale, ou des différens systemes sur la science de la vie. P., 1824; Essays sur l'art d'être heureux. P., 1825 (*Каталог*. № 237, 238). В обеих книгах — усл. знаки Ч., во второй на с. 85 — надпись — Т. 1: 603; *763*.

Дружинин Николай Михайлович (1886—1986) — сов. историк, академик АН СССР (1953) — Т. 1: *732*, *759*.

Дубенский Дмитрий Николаевич (ум. 1863) — историк рус права и лит-ры, магистр Моск. ун-та (с 1825) — Т. 2: 154.

Дурново Павел Дмитриевич (1804—1864) — камергер, тайный советник, женатый на *А. П. Волконской*, дочери министра императорского двора *П М. Волконского*. В дневниках Д. имеются записи о Ч. (См.: Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1978. Т. VIII. С. 261) — Т. 2: *326*.

Дюпор Людовик — франц. танцор, в 1808—1816 выступал в России. О встрече Ч. с *Шеллингом* и Д. в Дрездене сохранилась запись в дневнике *А. И. Тургенева* от 2 сент./29 авг. 1825: «Сегодня видел я у Шируца Шеллинга и Д., дружно разговаривающих; заметил Ч-ву расстояние между головою одного и ногами другого; но приятель мой отвечал мне: Есть, однако, между ними нечто

общее: оба витали в пространстве» (*Тургенев А. И.* Хроника Русского. М.; Л., 1964. С. 296—297) — **Т. 2:** 37.

Евгений IV (1383—1447) — папа римский с 1431 — **Т. 2:** 237; *385*.

Евдокимов Н. Т.— Т. 1: 688.

Егор — см.: **Родионов Егор.**

Екатерина I (1684—1727) — российская императрица с 1725, жена *Петра I* — **Т. 2:** 187.

Екатерина II Алексеевна (1729—1796) — российская императрица с 1762 — **Т. 1:** 570—571; **Т. 2:** 188; *358*; 461, 464.

Елагина Авдотья Петровна (1789—1877) — по первому мужу Киреевская, жена (с 1817) А. А. Елагина, мать *И. В.* и *П. В. Киреевских*, племянница *В. А. Жуковского.* Дом ее у Красных ворот, по словам *П. Бартенева*, был «средоточием московской умственной и художественной жизни... П. Я. Ч. являлся на воскресные Елагинские вечера» (*РА*. 1877. № 8. С. 493. См. также: *Кавелин К. Д.* А. П. Елагина // Русское общество 30-х годов XIX в. М., 1989. С. 135—147) — **Т. 1:** *46*; 581; *691*, *713*; **Т. 2:** 91; *338*, *346*; *525*, 526, *538*.

Елагина Елизавета Алексеевна (1825—1848) — дочь *А. П. Елагиной* и А. А. Елагина — **Т. 2:** *355*.

Елачич Йосип (1801—1859) — граф, хорватский гос. деятель. В 1848 был назначен австрийским правительством баном (наместником) Хорватии — **Т. 2:** (225); (*376*), *377*.

Елизавета Петровна (1709—1761) — российская императрица с 1741, дочь *Петра I* и *Екатерины I* — **Т. 2:** 187.

Ермолов Алексей Петрович (1777—1861) — генерал, участн. Отеч. войны 1812, с 1816 — главнокоманд. отдельного Кавказского корпуса, отозван с Кавказа *Николаем I* в 1827 за связь с декабристами и уволен в отставку. О ссоре Е. и Ч. по поводу оценки личности *А. С. Грибоедова* рассказывает *М. И. Жихарев* (Русское общество 30-х годов XIX в. М., 1989. С. 59). Среди бумаг Ч. сохранились два письма Е., адресованные *А. А. Закревскому* (1855) и *Н. Г. Устрялову* (1847). На последнем имеются пометки и надпись Ч. (*ГБЛ*, ф. 103, п. 1034, ед. хр. 9, 10) — **Т. 1:** 788: **Т. 2:** *359*, *374*, *396*, *402*; *507*.

Ефимов Максим (ум. 1848) — управляющий имением *А. М. Щербатовой*— **Т. 2:** 16, 217; *334*, *370*; 475.

Ефимович И. А.— знакомый Ч., автор статьи «Взгляд на системы философии XIX века во Франции» (Московский наблюдатель. 1835, ноябрь. Кн. 1; 1837, май. Кн. 2) — **Т. 2:** 233, 234; *325*, *382*.

Женев, моск. портной — **Т. 2:** *383*.

Женуд Антуан Эжен (1792—1849) — аббат, франц. публицист, сторонник Бурбонов, редактор «Французской газеты», автор монархической «Истории Франции». Его книга Consideration sur les grecs et les turcs. P., 1821 имеется в б-ке. Ч. (*Каталог.* № 288), на книге сохранились усл. знаки — **Т. 2:** 100.

Жеребцов А. А.— рус. масон, наместный мастер ложи «Соединенных друзей» — **Т. 1:** *759*.

Жеребцов Николай Арсеньевич (1807—1868) — чиновник, публицист, автор двухтомного «Опыта истории цивилизации в России», изданного на франц. яз. в Париже в 1858, и записки «О совре-

менном состоянии России», копия к-рой имеется среди бумаг Ч. (*ГБЛ*, ф. 103, п. 1034, ед. хр. 22) — **Т. 2:** *405*.

Жильблаз — герой плутовского романа А. Р. Лесажа «Приключения Жиль Блаза» — **Т. 2:** 21.

Жирарден Сен-Марк (1801—1873) — франц. писатель, критик, проф. Сорбонны, автор популярных статей о литературе — **Т. 2:** 97.

Жихарев Иван Матвеевич (1786—?) — отст. кап.-лейтенант, тамбов. помещик, отец *М. И. Жихарева*; письмо к нему Ч. хранится в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 328 — **Т. 2:** (154), (258), (281); *374*; 410.

Жихарев Матвей Иванович — сын *И. М. Жихарева*, брат *Мих. И. Жихарева* — **Т. 2:** *369*, *374*.

Жихарев Михаил Иванович (1820 — после 1882) — «племянник» Ч. (на самом деле двоюродный племянник: он был внуком И. М. Щербатовой (1757—1827), старшей сестры матери Ч.). В 1838—1843 учился на юр. фак-те Моск. ун-та, но не кончил его. Товарищами Ж. по ун-ту были поэты *А. А. Фет* и *Я. П. Полонский*, историк *С. М. Соловьев*, В. А. Черкасский, *К. Д. Кавелин*, поэт-любитель С. Костарев (поэмы и стихи последнего сохранились среди бумаг Ч.: *ГБЛ*, ф. 103, п. 1034, ед. хр. 15—17). Среди его друзей был и сын *М. Ф. Орлова* — Николай, через к-рого Ж., по-видимому, и познакомился с Ч. Самое раннее письмо Ч. к Ж. датировано 6 июля 1839. Приблизительно с этого времени Ж. становится постоянным посетителем понедельников, а потом сред Ч. и одним из самых близких к Ч. людей. Идеи «учителя» он пропагандирует и сам (им написана статья «Отрывок из записок современника» // Моск. гор. листок № 17 от 21 янв. 1847) и распространяет рукописи Ч. среди своих товарищей (какие-то писания Ч. получил от Ж. Кавелин, пришедший от них в восторг и требовавший от Ж. других сочинений Ч., которые он желал бы увидеть напечатанными (Письма Кавелина к Ж. 1841—44 гг. // *ГБЛ*, ф. 103, п. 1033а, ед. хр. 16)). В 1859 Ж. сделал первую попытку опубликовать некоторые сочинения Ч. в «Современнике» *И. И. Панаева*, но попытка не увенчалась успехом. В 1864—1865 Ж. написал свои «Воспоминания о П. Я. Чаадаеве» (опубликованы неполностью в *ВЕ*. 1871, июль, сент.). В наст. время имеются три авторские копии этих воспоминаний (в *ГАГО*, *ГПБ* и *ГБЛ*, из них только последняя имеет название «Докладная записка потомству о П. Я. Ч.»; под этим названием рукопись опубликована в сб. «Русское общество 30-х годов XIX в.»).

Частная жизнь Ж. мало известна. В 1845 он имел чин губернского секретаря и состоял «при делах моск. гражданского губернатора». Последние годы жизни Ж. провел в своем имении в Борисоглеб. уезде Тамбов. губ., и здесь обрывается его след на земле. Наиболее полно биография Ж. изложена в статье *О. Г. Шереметевой* «Письма А. И. Герцена М. И. Жихареву» (*ЛН*. 1941. Т. 39—40) и Н. И. Цымбаевым в комментарии к «Докладной записке...» (Русское общество 30-х годов XIX в. М., 1989).— **Т. 1:** 342, 573; *679*, *680*, *684*, *686*, *688*, *692*, *693*, *696*, *712—717*, *723*, *728*, *730*, *735*, *736*, *738*, *745*, *746*, *748*, *751*, *756*, *757*, *767*; 786, 787, 788, 789, 790, 793; *797*; **Т. 2:** 153, (179), 208, 215, 218, 222, 256, 257, 264, 274, 277, 279, 282; *285*, *288—291*, *293*, *294*, *297*, *303*, *305*, *307*, *318*, *319*, *325*, *326*, *329*, *333*, *334*, *344*, *353*, *354*, *362*, *365*, *369*, *370*, *372—374*, *381*, *384*, *386*, *390—393*, *396*, *397*, *407*, *409*; 410; *442*, *550*.

Жихарев Степан Петрович (1788—1860) — автор «Записок современника», чиновник Коллегии иностр. дел, моск. губернский прокурор (1823—1827), член об-ва «Арзамас», троюродный дядя *М. И. Жихарева* — **Т. 2:** 64, 65, 73; ***304—306***, ***311***; 431.

Жихарева Софья Матвеевна (урожд. Спиридова) — мать *М. И. Жихарева*, сестра декабриста М. М. Спиридова, двоюродная сестра Ч. Письмо Ч. к ней от 12 окт. 1843 хранится в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 338 — **Т. 2:** (154), (281); ***374***; 410.

Жихарева Феодосия Дмитриевна (1795—1850) — жена *С. П. Жихарева* — **Т. 2:** 66; ***305***.

Жуи Виктор Жозеф де (1764—1846) — франц. писатель, автор популярных романов «Отшельник с улицы Dантен» (1812), «Отшельник в тюрьме» (1823) — **Т. 2:** 66.

Жуковская Елизавета Алексеевна (урожд. Рейтерн) (1821—1856) — жена поэта *В. А. Жуковского* — **Т. 2:** 156, 264; ***395***.

Жуковский Василий Андреевич (1783—1852) — поэт. Знакомство его с Ч. по косв. данным восходит к 1810 (Письма А. Тургенева Булгаковым. М., 1939. С. 248). В дневнике Ж. зафиксированы его встречи с Ч. 30 авг. 1818 в Царском Селе и в Москве 7 и 9 нояб. 1831 (Дневник Жуковского. СПб., 1901. С. 69, 216—217). По поводу *ФП1* Ж. сказал: «Порицать Россию за то, что она с христианством не приняла католичества,..— все равно, что жалеть о черноволосом красавце, зачем он красавец не белокурый... Россия, изначально католическая, была бы совсем не та, какова теперь; допустим, что католическая была бы она и лучше, но не была бы Россией» (*Свербеев.* Т. 2. С. 396) — **Т. 1:** 679; ***755***; **Т. 2:** 65, (69), 90, 91, 120, 121, 137, 138, 252, 257, (269); ***309—311***, ***320***, ***334***, ***337***, ***341***, ***353***, ***361***, ***390***, ***393***, ***402***; ***430***, 431, ***451***, ***462***, 493, ***515***.

Жуковский Павел Васильевич (1845—1912) — сын поэта *В. А. Жуковского* — **Т. 2:** ***395***.

Журден — персонаж пьесы Мольера «Мещанин во дворянстве» — **Т. 2:** 210.

Журден А. Ж. Л. — **Т. 1:** ***751***.

Жуффруа Теодор Симон (1796—1842) — франц. философ, ученик *В. Кузена*, проф. философии в Коллеж де Франс — **Т. 1:** 502; **Т. 2:** 98.

Загоскин Михаил Николаевич (1789—1852) — писатель, автор ист. романов, драматург, директор московских театров (1831—1842) и Оружейной палаты — **Т. 1:** ***25***; ***744***; **Т. 2:** 95, 96; ***321***, ***326***; ***507***, 544, ***546***.

Закревская Аграфена Федоровна (1799—1879) — жена *А. А. Закревского* (с 1818), двоюродная сестра *Ф. П. Толстого* («Американца»), предмет увлечения *Е. А. Баратынского*, *П. А. Вяземского*, *А. С. Пушкина* — Т. 2: (226), (271); ***378***, ***402***.

Закревский Арсений Андреевич (1786—1865) — участн. Отеч. войны 1812, ген-лейтенант, министр внутр. дел (1828—1831), в 1848—1859 — моск. ген.-губернатор. В 1817—1818, будучи дежурным генералом Гл. штаба, помогал Ч. в «Деле об отобрании от поручика Березникова 5 т. руб., принадлежащих подпоручикам Чаодаевым» («Дело» хранится в *ЦГВИА*, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 218) — **Т. 1:** ***730***; 796; **Т. 2:** 13, 210, 217, 228, 248, 266, (270), 272, 278; ***378—380***, ***389***, ***394***, ***398***, ***402***, ***405***, ***408***; 522.

Занд (Зант) Карл Людвиг (1795—1820) — нем. студент, убивший писателя *А. Ф. Ф. Коцебу* как агента русского правительства — Т. 1: 576.

Зенгер-Цявловская Т. Г. — Т. 1: *761*.

Зенон из Китиона (ок. 336—264 до н. э.) — древнегреч. философ, основатель школы стоицизма — Т. 1: 452; *710*.

Золотусский Игорь Петрович — писатель, критик-эссеист — Т. 2: *361*.

Зороастр (Заратустра) — пророк и реформатор др.-иранской религии, получившей название зороастризма — Т. 1: 354.

Зубова Екатерина Александровна (урожд. Оболенская) (ум. 17 авг. 1843) — графиня, жена В. Н. Зубова, близкий друг *Е. А. Свербеевой* — Т. 2: 166, *347*, *348*.

Иван III Васильевич (1440—1505) — вел. князь московский с 1462 — Т. 1: 540; *745*; Т. 2: 161; 461, *463*.

Иван IV Васильевич (Грозный) (1530—1584) — вел. князь с 1533, первый русский царь (с 1547) — Т. 1: *19*, *63*, *65*; 540; *733*, *745*; Т. 2: 161, 165; *347*, *463*.

Иван Яковлевич — камердинер Ч., сопровождавший его во время поездки в Троппау и в путешествии по Европе. По словам *М. И. Жихарева*, «он был гораздо более друг нежели слуга своего господина». «Пушкин подавал ему руку» (Русское общество 30-х годов XIX в. М., 1989. С. 74). Последнее утверждение Жихарева оспорил, правда, *С. А. Соболевский*: «Никак невозможно, чтоб Пушкин жал руку И. Я.; если бы он это сделал, то П. Я. не дал бы ему своей» (*ГБЛ*, ф. 103, п. 1033а, ед. хр. 37, л. 1 об.). *Д. Н. Свербеев* вспоминал: «Возил он (Ч.) повсюду своего камердинера, И. Я.; он был создан по образу и подобию своего барина, настоящим его двойником, одевался еще изысканнее, хотя всегда изящно, как и сам П. Я., все им надеваемое стоило дороже. П. Я., показывая свои часы, купленные им в Женеве, приказывал И. Я. принести свои, и действительно выходило, что часы Ивана были лучше вдвое часов Петра» (*Свербеев*. Т. 2. С. 240) — Т. 2: (16), 22, (26), 28, 45, 60; *297*; 423.

Иванов Петр — слуга в доме *Н. Д. Шаховской* — Т. 2: *360*.

Иванов Степан — управляющий имением *Д. М. Щербатова* — Т. 2: 31, 43.

Иванцов Н. А. — переводчик «Этики» Спинозы. М., 1892 — Т. 1: *699*, *700*.

Игнатий — см.: Панов Игнатий.

Игорь (ум. 945) — вел. князь киевский с 912 — Т. 2: 465.

Иероним Стридонский (Блаженный) (340—419 или 420) — церк. писатель, создатель канонического перевода Библии на лат. язык («Вульгата»), автор соч. «О великих мужах...» и многочисл. писем — Т. 1: 584, 590.

Изяслав Ярославич (1024—1078) — вел. князь киевский, старший сын *Ярослава Мудрого*. В ходе междоусобной борьбы с братьями неоднократно обращался за помощью к герм. императору, польскому королю и папе римскому — Т. 2: 151; *343*.

Иисус Христос — Т. 1: 356, 387, 411, 422, 436, 461, 471, 473, 501, 506, 541, 544, 551, 552; 584, 587, 588, 598, 600, 601, 603, 613, 621, 672, *696*, *702*, *712*, *722*, *726*, *733*; Т. 2: 48, 100, 135, 142, 143,

168, 170, 237, 238, 242, 244, 245, 249, 250; *314*, *336*, *350*, *385*, *388*; 441, 448, 472, 473, 485, *516*, 527.

Иннокентий (Борисов Иван Алексеевич) (1800—1857) — архиепископ Херсонский (с. 1845), церковный оратор, богослов — **Т. 1**: 482; Т. 2: 227.

Иоанн — автор 4-го Евангелия и «Откровения Иоанна» («Апокалипсиса») — **Т. 1**: 431; *718*; **Т. 2**: *100*; *336*, *385*, *387*.

Иоанн VIII — римский папа в 872—882. В эти годы папство переживало тяжелый кризис (сам папа находился в плену у одного феодального владыки), в результате чего И. вынужден был обратиться за помощью к Византии, «злейшему врагу Рима». Был отравлен своими приближенными — **Т. 1**: 590.

Иоанн VIII Палеолог (1391—1448) — византийский император — **Т. 2**: *385*.

Иоанн II — митрополит киевский в 1080—1089, церк. писатель — **Т. 2**: 151; *343*.

Иоанн Златоуст (между 344 и 354—407) — константинопольский патриарх (с 398, в 403 и 404 был низложен), богослов — **Т. 1**: 341; *701*, *708*, *720*; **Т. 2**: 97, *352*.

Иов (библ.) — **Т. 1**: 375, *702*.

Иов (ум. 1607) — первый русский патриарх (с 1589), ставленник *Бориса Годунова* — **Т. 2**: *349*, *358*.

Иосиф II — патриарх константинопольский, участник Флорентийской унии 1439 — **Т. 2**: *385*.

Иосиф Флавий (37 — после 100) — древнеевр. историк — **Т. 1**: 584; *763*.

Исидор (ум. 1462) — митрополит всея Руси, по происхождению грек. Настойчиво защищал Флорентийскую унию 1439, за что по возвращении в Россию был заточен в темницу. В 1441 бежал в Италию, был кардиналом католич. церкви — **Т. 2**: *385*.

К...— эту фамилию *Б. Н. Тарасов* прочитал как Крестури (Чаадаев П. Я. Статьи и письма. 2-е изд. М., 1989. С. 390). Лицо неустановленное — **Т. 2**: 9.

Кавелин — брат Кавелина Константина Дмитриевича (1818—1885), философа, историка, правоведа и публициста, в 1842 окончившего юр. фак. Моск. ун-та, где учился вместе с *М. И. Жихаревым*, через к-рого познакомился с Ч.— **Т. 2**: 198, 492.

Кавур Камилло Бенсо (1810—1861) — итал. гос. деятель, первый премьер-министр объединенной Италии (март 1861), в 1852—1861 (с перерывом в 1859) — премьер-министр Пьемонта — **Т. 2**: *351*.

Кайдаш Светлана — автор статьи «Адресат „Философических писем“» (Наука и жизнь. 1979. № 7).— **Т. 2**: *333*, *460*.

Калгин — крепостной крестьянин *М. Я. Чаадаева* — **Т. 2**: 443.

Кальвин Жан (1509—1564) — деятель Реформации, основатель кальвинизма — **Т. 1**: 413, 562; *708*; **Т. 2**: 547.

Кант Иммануил (1724—1804) — нем. философ, родоначальник нем. классической философии. Отношение Ч. к философии К. исследуется в статье M.-B. Zeldin. Chaadaev's quarrel with Kant: an attempt at a cease fire // Rev. Etud. slaves. P. T. 55, fasc. 2 — **Т. 1**: *11*, *31*, *35*; 389, 475, 497; 585, 607, 612; *701*, *703*, *705*, *706*, *719*, *761*, *763*, *768*; **Т. 2**: 7, 94; *321*.

Карамзин Александр Николаевич (1815—1888) — сын *Н. М.*

и *Е. А. Карамзиных*, воспитанник юр. фак-та Дерптского ун-та, прапорщик л.-гв. конной артиллерии, автор неск. лит. произведений — Т. 2: *326*, *382*.

Карамзин Андрей Николаевич (1814—1854) — сын. *Н. М.* и и *Е. А. Карамзиных*, воспитанник юр. фак-та Дерптского ун-та, прапорщик л.-гв. конной артиллерии, с мая 1836 по окт. 1837 был за границей, в 1846 женился на *А. К. Демидовой*. Погиб в Малой Валахии в бою с турецким отрядом. Ч. считал причиной его гибели его собственные ошибки в бою (*Барсуков*. Кн. 13. С. 76)— Т. 2: 179, 183; *326*, *357*, *382*.

Карамзин Николай Михайлович (1766—1826) — писатель, историк, автор «Истории государства Российского». Знакомство К. с Ч. началось не позднее 1817. 26 мая этого года К., *Вяземский*, Ч. и *Сабуров* посетили *А. С. Пушкина* в Лицее по случаю его дня рождения (*Цявловский М. Л.* Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 112). О близких отношениях Ч. и К. сообщает *М. И. Жихарев* (Русское общество 30-х годов XIX в. М., 1989. С. 62) — Т. 1: *20*, *63*; 456, 532, (540); Т. 2: 63, 133, 160, (273); *292*, *303*, *304*, *336*, *404*; *513*.

Карамзина Екатерина Андреевна (1780—1851) — сестра *П. А. Вяземского*, с 1807 — жена *Н. М. Карамзина* — Т. 2: 87, 183; (*292*); 452.

Карамзина Софья Николаевна (1802—1856) — дочь *Н. М. Карамзина* от первого брака — Т. 2: *326*.

Карисбрук — Т. 2: 488.

Карл Великий (742—814) — король франков с 768, император с 800 — Т. 1: 590; *761*; Т. 2: 238, *386*; 487.

Карл I (1600—1649) — англ. король с 1625 из династии Стюартов. Свергнут с престола Англ. бурж. революцией и казнен по приговору Верховного суда трибунала, созданного Долгим парламентом — Т. 1: *695*.

Карл V (1500—1558) — император Священной Римской империи в 1519—1556 — Т. 1: *768*.

Карл X (1757—1836) — франц. король в 1824—1830, мл. брат казненного короля *Людовика XVI* — Т. 1: 590; *750*, *766*; Т. 2: (70), 94; *310*.

Карлье Пьер (1799—1858) — префект парижской полиции в период Второй республики — Т. 1: 555.

Картезий — см. **Декарт.**

Катон Марк Порций (Катон Младший или Утический) (95—46 до н. э.) — древнерим. полит. деятель — Т. 1: 396, 618.

Кашинцев — моск. полицейский осведомитель — Т. 2: *524*—*525*, 533.

Кенэ Шарль — франц. ученый, автор фундаментального исследования. «Tchaadaev et les Lettres philosophiques». P., 1931 — Т. 1: *8*; *680*; *685*, *691*, *704*, *708*, *754*; Т. 2: *549*.

Кеплер Иоганн (1571—1630)— нем. астроном, открывший законы движения планет — Т. 1: *27*; 371, 394.

Кетчер Николай Христофорович (ок. 1806—1886) — врач и поэт-переводчик, друг молодости *А. И. Герцена* и *Н. П. Огарева*. Некоторое время К., как и Ч., жил во флигеле усадьбы Левашовых, где, по-видимому, и познакомился с Ч. (Русское общество 30-х годов XIX в. М., 1989. С. 90). Большинство современников считало К. переводчиком *ФП1*, опубликованного в 1836 — Т. 1: *691*; 792; Т. 2: *328*; 534.

Киндяковы — московское семейство, знакомые Ч.— **Т. 2**: 80; *314*.

Киреевская Наталья Петровна (урожд. Арбенева) (1809—1900)— жена *И. В. Киреевского* — **Т. 2**: 171, 226; *344*, *377*, *378*.

Киреевский Иван Васильевич (1806—1856) — сын *А. П. Елагиной*, чиновник Моск. архива иностр. дел («архивный юноша»), критик, публицист, славянофил. В 1826 К. и Ч. присутствовали на первом чтении «Бориса Годунова» *Пушкина* (Пушкин в восп. современников. М., 1974. Т. 2. С. 373). В 1832 они встречались у *Свербеевых*, где *М. П. Погодин* читал свою трагедию «Петр I» (*Барсуков*. Кн. 4. С. 38), а в последующие годы часто встречались в салоне *Елагиных* (*РА*. 1877. № 8. С. 493). До конца жизни (оба умерли в один и тот же год) Ч. и К. сохранили симпатию друг к другу — **Т. 1**: *70*, *71*, *75*; 546, 559; *732*, *733*, *741*, *742*, *746*, *751—753*, *761*; **Т. 2**: 74, 180; *310*, *311*, *325*, *342*, *347*, *356*, *378*, *404*; *435*; 520, 521; *526*.

Киреевский Петр Васильевич (1808—1856) — брат *И. В. Киреевского*, литератор, переводчик, собиратель русских народных песен, славянофил. К взглядам Ч., выраженным в *ФП1*, отнесся резко отрицательно (еще до публикации). Ему, по-видимому, принадлежит термин «чаадаевщина» — **Т. 2**: 326.

Кирилл (ок. 827—869) и **Мефодий** (ок. 815—885) — славянские просветители, создатели славянской азбуки, проповедники христианства — **Т. 2**: 485.

Кирпичников А. И.— проф., автор ряда статей о Ч., публикатор его сочинений — **Т. 1**: *12*; *691*; *757*; **Т. 2**: *538*.

Кириченко Евгения Ивановна — историк русской архитектуры — **Т. 1**: *718*; **Т. 2**: *362*.

Клапрот Генрих Юлиус фон (1783—1835) — нем. востоковед— **Т. 2**: 67.

Кларк Самюэль (1675—1729) — англ. теолог и философ, последователь *И. Ньютона*. В биб-ке Ч. имеется его книга Traités de l'existence de Dieu, et de ses attributs... T. 1—3. Blois, 1825 (*Каталог*. № 193). В т. 1—2 усл. знаки — **Т. 1**: *701*.

Кларксон Томас — англ. борец против колониального рабства — **Т. 2**: 430.

Климент, Тит Флавий, Александрийский (ок. 150— ок. 215)— один из христ. отцов церкви, руководитель церк. школы оглашенных (т. е. готовящихся принять крещение) в Александрии — **Т. 1**: 590.

Климент III (в миру Паоло Сколари) — римский папа в 1187—1191 — **Т. 2**: (151); *343*.

Кобден Ричард (1804—1865) — англ. полит. деятель, лидер фритредеров, один из руководителей Лиги против хлебных законов — **Т. 1**: 554.

Кобылина — кредитор Чаадаева — **Т. 2**: 31.

Коган Л. А.— **Т. 1**: *760*.

Коган-Бернштейн Фаина Абрамовна (1899—1976)—сов. историк — **Т. 1**: *697*.

Козлов Марк Федорович — доверенное лицо *М. Я. Чаадаева* в Москве — **Т. 2**: 33, 38, 40; *299*.

Козловский Петр Борисович (1783—1840) — князь, дипломат и литератор — **Т. 1**: *736*, *760*; **Т. 2**: *326*; 462.

Койре Александр (1892—1964) — франц. ученый русского про-

исхождения, много занимавшийся историей рус. философии, в частности Чаадаевым. На рус. яз. издана его книга «Очерки истории философской мысли». М., 1985 — Т. 1: *682*.

Кокорев Иван Тимофеевич (1825—1853) — писатель — Т. 2: 265; *396*.

Колардо Луи — псевдоним, к-рым было подписано оскорбительное для Ч. письмо, полученное им в 1848. Кто скрывался под псевдонимом неизвестно; в кн. «Русское общество 30-х годов XIX в.» (с. 371, примеч. 121) автором письма назван *П. В. Долгоруков*, что маловероятно — Т. 2: (219); *369*, *372—373*.

Колзаков Павел Андреевич (1799—1864) — с 1811 флигель-адъютант вел. князя и цесаревича *Константина Павловича*, в 1811—1830 служил в его свите в Варшаве в чине капитана первого ранга. В 1826 К. присутствовал при допросе Ч. в Брест-Литовске — Т. 1: 574, 579.

Колиньи Гаспар де Шатийон (1519—1572) — один из вождей гугенотов во Франции; убит в Варфоломеевскую ночь — Т. 1: 508.

Коль (Call, Cole) — капитан англ. судна «Китти», на к-ром Ч. отправился в 1823 из Кронштадта в Англию — Т. 2: 20, 21.

Кольбрук Генри Томас (1765—1837) — англ. исследователь древнеиндийской философии и религии, переводчик «Вед» на англ. яз., один из основателей индологии — Т. 2: 115.

Кольридж Самюэль Тейлор (1772—1834) — англ. поэт, представитель «озерной школы», критик и философ. Стихотворения К. имеются в 1-м т. книги The living poets of England. P., 1827, сохранившейся в биб-ке Ч. (*Каталог*. № 433) — Т. 1: 523.

Комаровский Василий Дмитриевич (1803—1851) — правитель дел Гл. цензурного упр-я, директор канцелярии Мин-ва нар. просвещения, археограф и переводчик — Т. 2: *356*.

Коммод Луций Элий Аврелий (161—192) — рим. император, сын *Марка Аврелия*. Провозгласил себя сыном Юпитера и требовал божественного почитания; убит заговорщиками — Т. 1: *709*.

Кондорсе Марк Жан Антуан Никола (1743—1794) — маркиз, франц. философ и социолог, математик, полит. деятель. Арестован правительством Робеспьера, в тюрьме покончил жизнь самоубийством. В биб-ке Ч. имеется его книга «Tableau historique des progrès de l'esprit humain». P., 1823 (*Каталог*. № 200) с усл. знаками Ч. — Т. 1: *733*.

Константин Великий (Флавий Валерий) (ок. 285—337) — древнерим. император (306—337), к-рого церк. традиция называет равноапостольным и связывает с ним коренной поворот от преследования христ-ва к покровительству новой религии. В 330 перенес столицу империи из Рима в Византий, получивший название Константинополя — Т. 2: 188, 189.

Константин Павлович (1779—1831) — вел. князь, в 1805—1807 и 1812—1814 — командующий гвардией, с 1814 наместник Царства Польского. В 1823 отрекся от престола, но поскольку акт отречения держался в тайне, его продолжали считать «цесаревичем», т. е. престолонаследником. По словам *М. И. Жихарева*, Ч. считал К. П. «своим благодетелем и чрезвычайно чтил его память до конца жизни» (Русское общество 30-х годов XIX в. М., 1989. С. 63) — Т. 1: (574); *757*, *758*.

Констанций II Флавий Юлий (317—361) — рим. император, сын *Константина Великого*, наследовавший после его смерти Азию и Египет, но в 353 восстановивший единство империи и

ставший ее единовластным правителем. Поддерживал арианство, подвергая изгнанию сторонников никейского символа веры, в частности *Афанасия Александрийского* — Т. 2: 189.

Коперник Николай (1473—1543) — польский астроном — Т. 1: *755*.

Кореф — парижский врач — Т. 2: 427.

Корсаков (Римский-Корсаков) Григорий Александрович (1792—1852)— отст. полковник л.-гв. Московского полка. Уволен со службы в феврале 1821. Знакомый *А. С. Пушкина* и *Д. Н. Свербеева*. Член Союза благоденствия, по высочайшему повелению оставленный без внимания — Т. 2: 418.

Корш Евгений Федорович (1810—1897) — редактор газеты «Московские ведомости», в 40-х гг. участник кружка *А. И. Герцена* — Т. 2: *360*.

Костенецкий Яков Иванович (1811—1885) — студент Моск. ун-та, за участие в «сунгуровском деле» в 1831 сослан рядовым на Кавказ; в 1839 произведен в офицеры, в 1842 вышел в отставку и поселился в деревне — Т. 1: *20*.

Костюшко Тадеуш (1746—1817) — один из главных руководителей Польского восстания 1794 — Т. 2: 549.

Котошихин (Кошихин) Григорий Карпович (ок. 1630—1667)— подъячий Посольского приказа, перебежавший в 1664 в Литву, а затем в Швецию. Был казнен в Стокгольме за убийство хозяина дома, в к-ром жил. Автор тенденциозного сочинения «О России в царствование Алексея Михайловича» (в России издана в 1840)— Т. 2: 256.

Коцебу Август Фридрих Фердинанд (1761—1819) — нем. писатель и полит. деятель, много лет состоявший на рус. гос. службе. После разгрома *Наполеона* находился в Германии в кач-ве агента Священного союза. Убит в Мангейме студентом *К. Ф. Зандом*. Этому событию *А. С. Пушкин* посвятил стихотв. «Кинжал» — Т. 1: (576), (*759*, прим. 3).

Коцебу Отто Евстафьевич (Августович) (1780—1846) — сын *А. Коцебу*, рус. мореплаватель, капитан 1-го ранга — Т. 2: *297*.

Кочубей Василий Викторович (1811—1850) — граф, сын *В. П. Кочубея*, чиновник Мин-ва ин. дел, впоследствии камергер, археолог и нумизмат — Т. 2: 313.

Кочубей Виктор Павлович (1768—1834) — граф (с 1831), дипломат и гос. деятель, в 1819—1823 министр иностр. дел, с 1827 председатель Гос. совета и комитета министров. О «близких отношениях» Ч. с К. сообщает *М. И. Жихарев* (Русское общество 30-х годов XIX в. М., 1989. С. 62) — Т. 1: *759*.

Кошелев Александр Иванович (1806—1883) — обществ. деятель и публицист, славянофил. О знакомстве с Ч. (вероятно, через Киреевских) рассказывает в своих «Записках» (Берлин, 1864) — Т. 2: *310*, *325*, *384*, *385*, *398*, *407*.

Кошелев Вячеслав Анатольевич — сов. литературовед — Т. 2: *492*.

Кранмер Томас (1489—1556) — деятель англ. Реформации, доктор богословия в Кембридже, архиепископ Кентерберийский (с 1533). При его содействии король *Генрих VIII* в 1534 был провозглашен парламентом главой англиканской церкви. При восстановлении католицизма при Марии Тюдор К. был сожжен на костре как еретик — Т. 1: 413.

Крейсиг Фридрих Людвиг (1770—1839) — дрезденский врач — **Т. 2:** 62, 63.

Крейцер Георг Фридрих (1771—1858) — нем. историк — **Т. 1:** 431, *710*.

Кромвель Оливер (1599—1658) — деятель англ. бурж. революции, вождь индепендентов, с 1653 — лорд-протектор Англии — **Т. 1:** *695*.

Крюднер (Криднер) Карл Антонович — в 1809—1812 командир л.-гв. Семен. полка — **Т. 2:** 37.

Крюков Николай Александрович (1800—1854) — декабрист, поручик, чл. Южного об-ва. Приговорен к 20 годам каторги и вечному поселению в Сибири — **Т. 1:** *43*.

Ксенофонт (ок. 430—355 или 354 до н. э.) — древнегреч. писатель и историк, ученик Сократа. Сочинения К. на франц. яз. имеются в биб-ке Ч. с надписями и усл. знаками (*Каталог.* № 682—684) — **Т. 1:** 425; *709*.

Кублицкий, моск. журналист — **Т. 2:** 408.

Кузен Виктор (1792—1867) — франц. философ и полит. деятель. В биб-ке Ч. имеются две книги К.: Manuel de l'histoire de la philosophie. P., 1829; Nouveaux fragments philosophiques. P., 1828 (*Каталог.* № 208, 209) — **Т. 1:** 399, 502; **Т. 2:** 75.

Кук Чарльз — англ. миссионер, с к-рым Ч. познакомился во Флоренции в конце января 1825 — **Т. 1:** *12*; (462); 576; *686*, *687*, *726*, *759*.

Кукольник Нестор Васильевич (1809—1868) — писатель и поэт— **Т. 2:** 89, 91; *315*, *317*, *320*.

Куницын Александр Петрович (1783—1840) — адъюнкт-проф. нравственных и политических наук в Царскосельском лицее (1811—1820). В записке, поданной в 1821 *Александру I* тайным агентом *Грибовским*, сказано, что *Николай Тургенев* и проф. К. брались издавать для народа дешевые журналы и сочинения и что им взялся содействовать для распространения вредных мыслей Ч. (*РС.* 1875. № 5. С. 81) — **Т. 2:** *294*.

Купфер Адольф Николаевич (1799—1865) — физик, с 1828 член Петербург. АН, автор книги «Руководство к деланию магнетических и метеорологических наблюдений», СПб., 1835 — **Т. 2:** 97.

Кьеркегор Сёрен (1813—1855) — датский теолог, философ и писатель — **Т. 2:** *340*.

Кювье Жорж (1769—1832) — франц. зоолог, один из реформаторов сравнит. анатомии, палеонтологии, систематик животного мира. О личном знакомстве Ч. с К. в Париже упоминает *М. И. Жихарев* (*ВЕ.* 1871, сентябрь. С. 12). В биб-ке Ч. имеется книга К. Histoire des progrès des sciences naturelles, depuis 1789 jusqu'a ce jour. P., 1826—1828 с надписью и усл. знаками (*Каталог.* № 211) — **Т. 1:** *52*; 596, 617; *694*; **Т. 2:** 97, 105, 123.

Кюстин Адольф де (1790—1857) — маркиз, франц. писатель и публицист. В 1839 путешествовал по России (посетил Петербург, Нижний Новгород и Москву) с целью доказать преимущества абсолютистской формы правления (поэтому пользовался личным покровительством *Николая I*). Однако в книге «Россия в 1839 году» (Париж, 1843) дал резкую критику политики самодержавия. Резко отрицательно отнеслись к ней *В. А. Жуковский* и *Николай I*. *А. И. Герцен* оценил ее как «страшную правду» и считал, что она написана с любовью к рус. народу (см. *Герцен.* Т. IX. С. 124—

126). Реакция различных слоев рус. об-ва подробно исследуется в статье *Е. Тарле* «Самодержавие Николая I-го и французское общественное мнение // Былое. 1906. № 9—10 — **Т. 1:** *735*; **Т. 2:** 138, 218, 229; *337*, *353*, *380*; 546, *549*.

Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1799—1846) — поэт и критик, декабрист, лицейский друг *А. С. Пушкина* — **Т. 2:** *406*.

Лабенский Ксаверий Ксаверьевич (1800—1855) — рус. дипломат и поэт (писал по-французски). Его письмо к Ч. хранится в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 20 — **Т. 2:** 166; *348*; *549*.

Лаво Ж. де, граф, издатель журн. «Bulletin du Nord» в Москве в 1828—1829 — **Т. 2:** *306*.

Лагиды — см. **Птолемеи.**

Лазарев В. В., сов. правовед, профессор, д. ю. н. — **Т. 1:** *9*.

Лакордер Анри Доменик (1802—1861) — франц. проповедник, пытавшийся соединить требования ортодоксального католицизма с учением о политических правах и свободе рабочих. Издатель журн. «La Dominicale» («Молитва Господня»). В биб-ке Ч. имеется книга Л. Lettres sur le Saint-Siège. P., 1838 с усл. знаками (*Каталог*. № 396) — **Т. 2:** 93, 94, 107, 108; *310*.

Ламарк Жан Максимильен (1770—1832) — граф, франц. полит. деятель, наполеоновский генерал. С 1828 — член палаты депутатов, один из руководителей республиканской оппозиции *Бурбонам*, а после революции 1830 — правительству *Луи Филиппа* — **Т. 2:** 72.

Ламартин Альфонс Мари Луи де (1790—1869) — франц. поэт-романтик, историк и полит. деятель. В биб-ке Ч. имеются следующие книги Л.: Harmonies poétiques et religieuses. T. 1—2. St.-Pétersbourg, 1830; Histoire de la restauration. T. 1—8. P., 1851—1852; Histoire des Girondin. T. 1—2. Bruxelles, 1847; La mort de Socrate: Poëme. Bruxelles, 1823; Oeuvres. T. 1—12. P., 1825—1826; Sur la politique rationnelle. P., 1831 (*Каталог* № 403—408). В № 403—407 — усл. знаки и надписи — **Т. 1:** 590; *763*; **Т. 2:** *351*, *367*.

Ламенне Фелисите Робер де (1782—1854) — франц. философ и публицист, аббат, один из родоначальников христианского социализма. Идеи Л. были очень близки Ч. и не случайно некоторые современники считали, что *ФПI* написано «в духе Л.» (*ЖМНП*. 1913, март. С. 20). *А. И. Тургенев* на книге *Балланша*, подаренной Ч., сделал надпись: «Любезному другу Московскому Ламенне П. Я. Чаадаеву. СПбург. 1832» (*Каталог*. С. 32). В биб-ке Ч. имеются книги Л. с усл. знаками и надписями: Affaires de Rome. Bruxelles, 1837; Défense de l'essai sur l'indifférence en matière de religion. Paris—Lion, 1821; Essai sur l'indifférence en matière de religion. T. 1—2. Gand, 1819—1820; Réflexion sur l'état de l'église en France pendant le dix-huitième siècle... P., 1819. (*Каталог*. № 409—412) — **Т. 1:** *55*; (524), 616; *703*, *705*, *730*, *743*, *764*; **Т. 2:** 131, 132, *307*, *309*, *310*, *317*, *330*, *336*; 535, 551.

Ламп Жан Фридерик — франц. историк — **Т. 1:** *764*.

Ланской Владимир Яковлевич (1800—1820) — корнет л.-гв. Гусарского полка. Убит 19 марта 1820 на дуэли по совершенно случайному поводу *И. А. Анненковым* (будущим декабристом) — **Т. 2:** 11; *291*.

Лаплас Пьер Симон (1749—1827) — франц. астроном, математик и физик — Т. 1: *27*; 616; *722*, *725*, *726*, *764*.

Ларошжаклен Анри Огюст Дюверже (1805—1867) — маркиз, франц. публицист, член палаты депутатов, сенатор. В 1828 сражался в Турции в рядах русских войск, отказался от звания пэра — Т. 2: 241; *386*, *387*.

Ларошфуко Франсуа де (1613—1680) — герцог, франц. писатель-моралист. В биб-ке Ч. имеется книга Vauvenargue, La Rochefoucauld. Pensée et maximes. P. 1824 с мн. усл. знаками (*Каталог.* № 415) — Т. 1: *713*.

Лафайет Мари Жозеф де (1757—1834) — маркиз, франц. полит. деятель. Участник борьбы американских колоний за освобождение. В 1789 — командующий Нац. гвардией. В годы Реставрации — один из лидеров либеральной оппозиции — Т. 1: *739*.

Лафатер Иоган Каспар (1741—1801) — швейц. писатель и философ, пастор в Цюрихе, один из основателей физиогномики. В биб-ке Ч. имеются книги Л. с усл. знаками и надписями: L'art connaitre les hommes par la physionomie. T. 1—10. P., 1820; Aussichten in die Ewigkeit. Zürich, 1781 (*Каталог.* № 419—420) — Т. 1: 617; *764*.

Лафит — франц. банкир — Т. 2: 428, 429.

Лахтин — московский купец (иногда путают с приятелем *А. И. Герцена* А. К. Лахтиным) — Т. 2: 87(?), 117; 452.

Лачинов Петр Петрович — ротмистр л.-гв. Гусарского полка, как и Ч.,— один из четырех адъютантов *И. В. Васильчикова.* Будучи старшим адъютантом, болезненно переживал, что с донесением в Троппау о волнениях в Семен. полку был послан не он, а Ч. (*РА*. 1868, № 8. С. 1326) — Т. 2: 11.

Лебедев Кастор Николаевич (1812—1876) — московский сенатор, мемуарист; в молодости выступал как представитель русской философии истории — Т. 1: *691*; Т. 2: *326*, *405*.

Лев III (750—816) — римский папа с 795, находившийся в полной зависимости от Карла Великого — Т. 2: 245.

Лев X (в миру Джованни де Медичи) (1475—1521) — римский папа с 1513, сын Лоренцо Великолепного (Медичи). Циничная торговля индульгенциями, процветавшая при Л., послужила толчком к началу Реформации. В 1520 отлучил от церкви *М. Лютера* — Т. 1: 411.

Левашовы, моск. семейство — Т. 1: 581; *767*; 795, Т. 2: 229; *333*, *399*, *400*:

Екатерина Гавриловна (ум. 1839) — урожд. Решетова, двоюр. сестра *И. Д. Якушкина*, жена (с 1809) *Н. В. Левашова.* В доме Левашовых на Нов. Басманной жил (с 1833) и умер Ч. В «салоне» Л. бывали *Герцен*, *Огарев*, *Бакунин*, *Белинский*, *Кетчер*, *Станкевич* и мн. др. По словам А. И. Герцена, «женщина эта принадлежала к тем удивительным явлениям рус. жизни, к-рые мирят с нею, к-рых все существование подвиг никому неведомый, кроме небольшого круга друзей» (Соч. М., 1909. Т. 2. С. 282). 8 писем Л. к Ч. сохранились среди бумаг последнего в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 24 — Т. 1: 573, *696*; 788; *798*; Т. 2: 105, (122); *318*, *327*, *334*, *339*; 454, *455*; *525*;

Николай Васильевич (1790— не ранее 1842) — муж *Е. Г Левашовой*, отставной гвардии поручик. Сохранилось 5 его писем к Ч., написанных в 1839—41 гг. (*ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 25). Н. В. Левашова часто путают с генералом В. В. Левашовым (Т. 1:

767), к-рый в 1826 был членом Следств. комиссии по делу декабристов. Эту ошибку повторяет, в частности, И. Волгин в своем исследовании «Родиться в России. Достоевский и современники: жизнь в документах» // Октябрь. № 3. 1989. С. 34 — Т. 2: 479;

Их дети: **Василий** (р. в 1814) состоял в переписке с Ч. В 1853 г. Ч. послал ему свой литографированный портрет и сопроводительное письмо (опубликовано в кн.: *Чаадаев П. Я.* Статьи и письма. 2-е изд., М., 1989. С. 470). Ответное письмо Л. от 23 мая 1853 — *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 23 — **Т. 1:** *726*;

Валерий (р. в 1822), особо почитавший Ч. и тоже состоявший с ним в переписке. 2 письма его к Ч. хранятся в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 22. В письме от 14 авг. 1847 он писал Ч.: «Я хотел бы иметь все ваши сочинения, чтобы провести жизнь в их чтении и изучении» — **Т. 2:** 250, 259, 516;

Николай (1825—1887), с к-рым, как и с Валерием, Ч. встречался в Москве в 50-х гг.;

Анатолий (р. в 1824) и дочери **Лидия** и **Эмилия** (1820—1878), последняя замужем за *А. И. Дельвигом.*

Левек Пьер Шарль (1737—1812) — франц. историк, в течение 12 лет живший в России, автор книги Histoire de Russie... (1782)— **Т. 2:** *545.*

Леверье Урбен Жан Жозеф (1811—1877) — франц. астроном, в 1845 теоретически предсказавший наличие в солнечной системе неизвестной планеты (в 1846 эта планета, названная Нептуном, была обнаружена И. Г. Галле в месте, указанном Л.) — **Т. 2:** 210; *367.*

Левин Ш. М.— сов. историк, автор монографии «Очерки по истории русской общественной мысли (вторая половина XIX — начало XX в.)». Л., 1974 — **Т. 2:** *405.*

Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646—1716) — нем. философ, математик, физик, юрист, языковед, историк. В биб-ке Ч. имеется его книга Essais de theodicee. Т. 1—2. Lausanne, 1740 с усл. знаками и надписями на первом томе (*Каталог.* № 423) — **Т. 1:** *46*; *719*, *727*, *761*; **Т. 2:** 100.

Леклерк Н. Г. (1726—1798) — франц. медик и историк, автор книги Histoire de la Russie ancienne et moderne (1783). По словам А. Л. Шлецера «сей историк не разумел русского языка, а и того менее мог читать летописи, это ему доказал *Левек*, у которого выкрал он все исторические происшествия». С резкой критикой сочинения Л. выступил рус. историк И. Н. Болтин (*Болтин И.* Примечания на Леклерка. Т. I—II. СПб., 1788) — **Т. 2:** *545.*

Лелевель Иоахим (1786—1861) — польский историк и обществ. деятель. Во время Польского восстания 1830—31 гг.— чл. Временного пр-ва, председатель Патриотического об-ва. После поражения восстания — в эмиграции (сначала во Франции, потом в Бельгии), где возглавил Нац. польский комитет — **Т. 1:** *739.*

Лемке Михаил Константинович (1872—1923) — историк, публикатор многих документов из истории рус. освободит. движения — **Т. 1:** *7*, *24*, *46*; *692*, *742*, *743*, *760*; **Т. 2:** *315*, *318*, *326*, *329—331*; *449*; *525*, *528.*

Ленин Владимир Ильич (1870—1924) — **Т. 1:** *77*, *83.*

Лерминье Жан Луи Эжен (1803—1859) — франц. профессор, юрист, публицист, в 30-х гг. либерал, позже — консерватор. Книга Л. Philosophie du droit. Т. 1—2. P., 1831 сохранилась в биб-ке Ч.

В обоих томах — усл. знаки (*Каталог*. № 424) — Т. 1: 618; *764*; Т. 2: 94.

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) — поэт. Сведения о Ч. Л. мог получить от ветеранов л.-гв. Гусарского полка, в к-ром оба в разное время служили (Ч.— в 1816—21, Л.— в 1834), в «Кружке Шестнадцати» (1838—1840), куда вместе с Л. входил и *И. С. Гагарин*. О личном знакомстве Ч. и Л. сведений не имеется, однако 9 мая 1840 они оба присутствовали на обеде в честь *Н. В. Гоголя* в саду погодинского дома на Девичьем поле (*ЛН*. Т. 45—46. М., 1948. С. 419—420). Очевидное сходство с идеями Ч. обнаруживает стихотворение Л. «Дума» (1838). Существовало предположение (ныне отвергаемое), что стих. Л. «Великий муж! здесь нет награды» (1836?) посвящено Ч. Подробнее см.: «Лермонтовская энциклопедия» М., 1981. С. 611. Общие моск. знакомые Ч. и Л.— *Елагины*, *Свербеевы*, *Ю. Ф. Самарин*, *А. И. Тургенев* — Т. 1: *82*; Т. 2: *402*.

Ливен Дарья Христофоровна (урожд. Бенкендорф)(1785—1857)— княгиня, сестра *А. Х. Бенкендорфа*, жена рус. посланника в Лондоне Х. А. Ливена (1774—1838), хозяйка политического салона в Лондоне и Париже. В 1835 навсегда уехала из России — Т. 2: 262; *394*.

Ливен Карл Андреевич (1767—1844) — министр нар. просв. в 1828—1833, по характеристике *Н. В. Гоголя* «человек ума недальнего» (Переписка Н. В. Гоголя. М., 1988. Т. 1. С. 141) — Т. 1: *742*; Т. 2: *464*.

Ливий Тит (59 до н. э.— 17 н. э.)— древнерим. историк, автор «Римской истории от основания города», по своим философским воззрениям близкий к стоицизму. В биб-ке Ч. имеется 17 томов «Римской истории» на франц. яз., изданной в Париже в 1824. В большинстве томов усл. знаки и надписи Ч. (*Каталог*. № 434) — Т. 1: 418; 618; *721*, *764*; Т. 2: 7.

Лойола Игнатий (1491(?)—1556) — основатель ордена иезуитов (1534) — Т. 2: *362*.

Локк Джон (1632—1704) — англ. философ и полит. мыслитель. В философии Л., вероятно, был «первой любовью» Ч. Материализм Л., к-рый, по характеристике В. С. Соловьева, «уже перегибается в свое противоположное — в субъективный идеализм» (Соч. М., 1988. Т. 2. С. 21), подготовил Ч. к восприятию идей нем. классич. философии, в частности, *И. Канта* и *Шеллинга* — Т. 1: *11*; *719*, *727*, *728*.

Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765) — рус. ученый-естествоиспытатель, поэт и историк, основатель Моск. ун-та (1755)— Т. 1: 537; Т. 2: 476, *477*.

Лонгинов Михаил Николаевич (1823—1875) — библиограф, историк литературы, нач. Гл. упр. по делам печати (с 1871). Л. познакомился с Ч. незадолго до смерти последнего (не ранее 1855). Л. достал и дал прочитать Ч. комедию «Дон Педро Прокодуранте», написанную отцом Ч.— *Яковом Петровичем*. Ч., по словам Л., «с большим любопытством прочел эту комедию, к-рая так редка, что он и его родные не могли ее никогда отыскать, несмотря на все свои старания, так что о ней существовало только семейное предание» (Современник. 1856. Т. LVIII. Отд. V. С. 2). Л. одним из первых откликнулся на смерть Ч., опубликовав его Некролог (Там же. С. 5—8). Перу Л. принадлежат «Воспоминание о П. Я. Ч.» (*РВ*. 1862. Т. 42. № 11. С. 119—156) и «Эпизод из жизни П. Я. Ч.

(1820 года)» (*РА*. 1868. № 8. С. 1317—1328). Записка Ч. к Л. хранится в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 342 — Т. 1: *679*, *743*; 797, 798; Т. 2: *289*, *294*, *378*, *408*; *437*.

Лоранси Пьер Себастьен (1793—1871) — франц. публицист, редактор легитимистского органа «Union» — Т. 1: 561; *691*, *753*; Т. 2: *387*.

Лотман Юрий Михайлович — проф. Тартуского ун-та, культуролог и литературовед — Т. 2: *323*, *324*.

Лувуа Франсуа Мишель (1641—1691) — франц. гос. деятель — Т. 1: 509; *737*.

Луи Бонапарт — см. Наполеон III.

Луи-Филипп (1773—1850) — Шартрский герцог, король Франции (1830—1848) — Т. 1: 590; *766*; Т. 2: 101; *318*, *321*, *322*, *357*.

Луиза, княгиня — Т. 2: 156.

Лука (библ.) — автор 3-го Евангелия — Т. 1: 600.

Лукреций Кар Тит (I в. до н. э.) — римский поэт и философ-материалист, автор философской поэмы «О природе вещей». На принадлежавшем Ч. экз. поэмы имеется много усл. знаков и надпись (*Каталог*. № 438) — Т. 1: 618; *764*.

Лунин Михаил Сергеевич (1787—1845) — участн. Отеч. войны 1812, ротмистр л.-гв. Гродненского гусарского полка, адъютант вел. кн. *Константина Павловича* в Варшаве, позднее подполковник, декабрист, осужденный на 20 лет каторги. Сведений о личном знакомстве Ч. и Л. нет, но они могли встречаться в Петербурге в 1821 (см. *АТ*. Вып. 5. С. 265) 31 мар. 1841 Ч. и *А. И. Тургенев*, обедая у *Е. Ф. Муравьевой*, вели «большой разговор» о Л. Ч. и Л. испытывали, по-видимому большой интерес к идеям друг друга. Сходные черты их мировоззрения исследуются в статье *Н. Я. Эйдельмана* «М. С. Лунин и его сибирские сочинения» // *Лунин М. С.* Письма из Сибири. М., 1988. С. 342—345 — Т. 1: *724*, *739*; Т. 2: *294*.

Луций Т. Квинктий — плебейский трибун в 74 г. — Т. 1: 618.

Лыкошин Владимир Иванович — дальний родственник *А. С. Грибоедова*, учившийся вместе с ним и братьями Чаадаевыми в Моск. ун-те, участн. Отеч. войны 1812, член масонской ложи «Соединенных друзей», мемуарист — Т. 1: *11*.

Людовик VI Толстый (ок. 1081—1137) — король Франции с 1108 из династии Капетингов. Положил начало укреплению королевской власти. Среди его советников наиболее видным был аббат Сугерий, к-рому спец. исследование посвятил *Т. Н. Грановский* (книга с дарственной надписью от автора имеется в биб-ке Ч.) — Т. 2: 413.

Людовик XIV (1638—1715) — франц. король с 1643 из династии *Бурбонов*. Период его самостоятельного правления (с 1661) является апогеем в развитии франц. абсолютизма. Легенда приписывает Л. известное изречение «Государство — это я» — Т. 2: 241.

Людовик XVI (1754—1793) — франц. король в 1774—1792 из династии *Бурбонов*. В результате нар. восстания 10 авг. 1792 свергнут с престола, по приговору Конвента гильотинирован — Т. 1: 596.

Люнау — капитан любекского судна «Hoffnung», на к-ром Ч. собирался отплыть из Кронштадта летом 1823 за границу — Т. 2: 18.

Лютер Мартин (1483—1546) — глава Реформации в Германии,

основатель немецкого протестантизма. В биб-ке Ч. имеется книга Л. Der kleine Katehismus. Leipzig, 1821 (*Каталог.* № 439) с усл. знаками — Т. 1: 411, 562; *708*; Т. 2: 547.

Люттерот Анри (р. 1802) — франц. журналист, гл. редактор журнала Le Semeur, издававшегося в 1831—1850 — Т. 2: *352*; 484.

Львов Владимир Владимирович (1804—1856) — князь, детский писатель, цензор, уволенный в 1852 со службы без права на пенсию по распоряжению *Николая I* за разрешение печатать «Записки охотника» *И. С. Тургенева.* Состоял в переписке с Ч. (в Москве жил, как и Ч., на Новой Басманной) — Т. 1: *739* (?); Т. 2: 200; *361*, *367*, *373*; 501, 505.

Львов Ф. П. — Т. 1: 594; *728*, *762*.

Ляпунов Прокопий Петрович (ум. в 1611) — полит. деятель, возглавивший организацию так наз. первого ополчения 1611 г. Летом 1611, став фактическим главой земского правительства, принял «приговор 30 июня», восстанавливающий крепостные порядки. Убит возмутившимися казаками — Т. 2: 91.

Ляцкий Е. В., зять А. Н. Пыпина — Т. 1: *680*.

Мабли Габриель Бонно де (1709—1785) — франц. полит. мыслитель, утопист, историк. В биб-ке Ч. имеется его книга Observations sur l'histoire de la Grèce... Genève. 1789 (*Каталог.* № 440) с усл. знаками — Т. 1: 732.

Магницкий Михаил Леонтьевич (1778—1844) — рус. гос. деятель. В 1810—11 сотрудник *М. М. Сперанского* при подготовке проектов гос. реформ. Был сослан в Вологду. С 1819 служил в мин-ве духовных дел. При ревизии Казанского ун-та предложил его закрыть и даже «торжественно разрушить». В 1825 за растрату казенных денег и превышение власти уволен в отставку — Т. 1: *48*.

Магомет (571—632) — основатель ислама — Т. 1: *30*, 396, 429, 585, 616; Т. 2: 535, *536*.

Майсонфорт де ла (1763—1827) — франц. генерал и военный писатель — Т. 2: 429, *430*.

Макаровская Г. В. — Т. 1: *708*.

Мак-Налли Раймонд Т. — амер. исследователь истории рус. философии и обществ. мысли, особенно П. Я. Ч.; издатель его сочинений, автор книги Chaadayev and his Friends. Tallahassee, 1971, а также ряда статей о Ч.— Т. 1: *8*; *681—684*, *686*, *698*, *707—709*, *714—716*, *742*; Т. 2. *318*.

Максим — см. **Ефимов М.**

Максим Тирский (2-я пол. II в. н. э.) — философствующий ритор, оставивший беседы на философские темы (сохранились из них 41) — Т. 1: 431; *710*.

Максимович Михаил Александрович (1804—1873) — рус. и укр. ученый, фольклорист и историк, ботаник, чл.-корр. Петербург. АН (с 1871), изучал также рус. историю, историю рус. литературы. Сведений о личном знакомстве с Ч. нет; их общие знакомые *А. С. Пушкин*, *А. И. Тургенев*, *И. М. Снегирев* — Т. 1: *713*.

Малинин Виктор Арсеньевич — сов. историк философии, автор книги «Левое гегельянство. Критический анализ». Киев, 1983. (В соавт. с Шинкаруком) — Т. 1: *735*.

Мальбранш Никола (1638—1715) — франц. философ-идеалист, один из гл. представителей окказионализма. Стремился сочетать

картезианство с августиновской традицией христ. философии — Т. 1: *701.*

Мамонов (Дмитриев-Мамонов) Матвей Александрович (1790—1863) — граф, ген.-майор, участн. Отеч. войны 1812, вместе с *М. Ф. Орловым* был основателем Ордена русских рыцарей, в 1817 неизлечимо заболел психическим расстройством—Т. 2: *372.*

Манн Юрий Владимирович — сов. писатель, литературовед — Т. 1: *751.*

Марат Жан Поль (1743—1793) — франц. революционер, ученый, публицист, вместе с *М. Робеспьером* вождь якобинцев — Т. 2: 545.

Маргайнеке (Мархейнеке) Филипп Конрад (1780—1846) — нем. протестант. теолог, историк христианства, правый гегельянец. В биб-ке Ч. имеется его книга «Введение в публичные лекции о значении гегелевской философии для христианской теологии» (Берлин, 1842) с усл. знаками (*Каталог.* № 449) — Т. 1: *729, 730*; Т. 2: *331.*

Мария Николаевна (1819—1876) — вел. кн., дочь *Николая I* — Т. 2: *394.*

Мария Федоровна (1759—1828) — вдовствующая императрица, жена *Павла I* — Т. 2: *292.*

Марк — см. **Козлов М. Ф.**

Марк Аврелий — Т. 1: 595; *709, 762.*

Маркс Карл (1818—1883) — Т. 1: 37, 47; 749.

Маркус, моск. врач — Т. 2: 436.

Мармье Ксавье (1809—1892) — франц. писатель и переводчик. В 1842 г. посетил Москву, где познакомился с Ч.— Т. 2: 149, 150, 172; *342, 351.*

Марриот Томас — англ. священник — Т. 1: 576; *759.*

Мартенс Карл фон — автор книги Guide diplomatique... Т. 1—2. Paris; Leipzig, 1832, имеющейся в биб-ке Ч. В т. 1 — надпись на форзаце (*Каталог.* № 455) — Т. 1: *764.*

Масанов Иван Филиппович (1874—1945) — сов. библиограф, автор «Словаря псевдонимов русских писателей» (Т. 1—4, М., 1956—60) — Т. 1: *70.*

Массильон Жан Батист (1663—1743) — франц. проповедник. В биб-ке Ч. имеются книги М.: Morceaux choisis. P., 1823; Petit carême. P., 1803. В обеих книгах усл. знаки, на форзацах второй — следы надписей (*Каталог.* № 458, 459) — Т. 1: 54; Т. 2: 241; *387*; 509.

Матвеев — по предположению *М. О. Гершензона*, моск. комиссионер (*СП.* Т. I. С. 386) — Т. 2: 87, 88; *316.*

Матфей (библ.) — автор 1-го Евангелия — Т. 1: 601; Т. 2: *93*; *300, 385.*

Махмуд (Мехмет) II Фатих (Завоеватель) (1432—1481) — тур. султан в 1444 и 1451—1481. В 1453 завоевал Константинополь и сделал его столицей Османской империи — Т. 1: 499, *734.*

Маша — Т. 2: 18.

Мейендорф Александр Казимирович (1798—1865) — барон, штабс-капитан Гвард. ген. штаба, после отставки в 1824—чиновник департамента мануфактур и внутр. торговли, экономист, в 1830-х рус. агент (от департамента) во Франции. Его жена Елизавета Васильевна, урожд. д'Оггер (1802—1873), дочь нидерландского посланника в России, была одной из «русских католичек» — Т. 1: *692*; Т. 2: 30, 93, 115, 116; *331, 351.*

Мейнерс Кристоф (1747—1810) — нем. историк философии и религии. В биб-ке Ч. имеются три его книги: Allgemeine kritische Geschichte der Religionen. T. 1—2. Hannover, 1806—1807; Geschichte der Lehre vom wahren Got dem Urheber und Regierer aller Dinge. Duisburg, 1791; Recherches Historiques sur le luxe chez les Athéneus... P., 1823 (*Каталог*. № 462—464). В № 462, 463 усл. знаки и надписи рукой Ч. — Т. 1: *764*.

Мельгунов Николай Александрович (1804—1867) — писатель. В юности примыкал к «любомудрам», в 40-х гг. пытался примирить западников и славянофилов, часто выезжал за границу, где был связан с *А. И. Герценом*, участвовал в его изданиях. С Ч. познакомился в середине 30-х (см. *Барсуков*. Кн. 3. С. 195—196; Кн. 8. С. 237; Кн. 9. С. 41; Дневник И. М. Снегирева. М., 1904. Т. 1. С. 458). В 50-е М., как и Ч., постоянный посетитель салона *Свербеевых* (см.: *Свербеев А. Д.* Мои воспоминания // ЦГАЛИ, ф. 472, оп. 1, ед. хр. 103. Л. 6) — Т. 1: *730*; Т. 2; 186; *358*.

Менд, генерал — Т. 1: *737*.

Меншиков Александр Данилович (1673—1729) — гос. и военный деятель, сподвижник *Петра I*, светлейший князь (с 1707), генералиссимус (с 1727) — Т. 2: 187.

Меншиков Александр Сергеевич (1787—1869) — генерал и адмирал, дипломат, в 1827—1828 — морской министр, завсегдатай Англ. клуба, где встречался с Ч. — Т. 1: 787, 788; *798*; Т. 2: 153.

Мерзляков Алексей Федорович (1778—1830) — поэт, проф. поэзии и красноречия Моск. ун-та. По словам *М. Н. Лонгинова*, Ч. «всегда с глубоким уважением и признательностью вспоминал о лекциях М.» (*РВ*. 1862. Т. 42. № 11. С. 121) — Т. 1: *10*.

Местр Жозеф Мари де (1753—1821) — граф, франц. публицист, полит. деятель, философ. В 1802—1817 — посланник сардинского короля в Петербурге. Некоторые идеи М., особенно о средневековой Европе как идеально упорядоченном об-ве оказали влияние на Ч., но это влияние часто преувеличивают — Т. 1: 469, 602, 619; *729*, *764*, *768*; Т. 2: 112; *307—309*, *312*, *317*; 535, 551.

Меттерних Клеменс Венцель Лотар (1773—1859) — граф, австр. гос. деятель и дипломат. Один из организаторов Священного Союза. В 1821—1848 австр. канцлер — Т. 1: *760*; Т. 2: *326*.

Мещерская Елена, княжна, племянница *С. И. Мещерской* — Т. 2: 166; *348*; 481.

Мещерская Софья Ивановна (1801(?)—1881) — княжна, старшая дочь *С. С. Мещерской*. Ч., по словам ее племянника А. В. Мещерского, был «из первых почитателей блестящих качеств ее ума и начитанности» (*Мещерский А. В.* Воспоминания. М., 1901. С. 14). Пять ее писем к Ч. хранятся в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 30 — Т. 2: 480, *482*, 483, 484.

Мещерская Софья Сергеевна (урожд. Всеволожская) (1775—1848) — княгиня, состоявшая в переписке с Ч. на религиозные темы. Она также переписывалась в свое время с *Александром I*. Направляясь в Таганрог, Александр I заехал в имение М., село Лотошино (между прочим, образцовый по тем временам центр с/х произв-ва: здесь выделывались лучшие сорта швейц. сыра, процветало скотоводство и винокурение, был большой свекольно-сахарный завод) для личных бесед на рел. темы. С сер. 30-х М. и Ч. находились в тесном дружеском общении. Сохранилось пять писем М.

к Ч. (*ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 29). По предположению *П. И. Бартенева*, подлинным адресатом писем Ч., адресованных С. С., является не она, а ее дочь, С. И. (*РА*. 1886. Кн. III. С. 404). Предположение это не доказано, хотя и не лишено оснований — Т. 1: *52*, *55*; Т. 2: 91, 93, 101, 108, 134, 140; *325*, *336*, *339*, *350*; *484*.

Мещерский А. В., племянник *С. И. Мещерской* — Т. 1: *798*; Т. 2: (483), *484*.

Мещерский Николай — брат *С. И. Мещерской* — Т. 2: 481.

Мещерский Элим Петрович (1808—1844) — князь, франкоязычный поэт и переводчик соч. *А. С. Пушкина* и др. рус. поэтов на франц. яз., атташе рус. посольства в Париже (1833—1840), корреспондент Мин-ва нар. просвещения. Женат на дочери *С. П. Жихарева* Варваре — Т. 1: 580, 581; *760*; Т. 2: *524*, *526*, *535*, *536*.

Миевр — Т. 2: 207, 501.

Микеланджело Буонаротти (1457—1564) — итал. скульптор, живописец, архитектор и поэт — Т. 2: 418.

Миклашевский Александр Михайлович (1798 или 1799—1831) — подполковник 22 егер. полка, принятый в тайное об-во *Н. И. Тургеневым*. Вскоре от движения декабристов отошел. После месячного содержания в крепости отправлен в Грузию под надзор по месту службы — Т. 2: 429.

Миллер, петербургский врач — Т. 2: 19.

Миллер Герард Фридрих (1705—1783) — историк и археограф, член Петербургской АН (1730). По происхождению немец, в 1725 приехал в Россию и изучил рус. язык. Наиболее значит. труд — «История Сибири» (1750, переизд. М.; Л., 1937—1940. Т. 1—2) — Т. 1: *743*, *744*.

Мильтон Джон (1608—1674) — англ. поэт, публицист и полит. деятель, секретарь *Кромвеля*. В биб-ке Ч. имеется книга M. The poetical works. S. l., s. a. с надписью и усл. знаками (*Каталог*. № 482) — Т. 1: 377; *702*, *761*.

Минье Франсуа Мари Огюст (1796—1884) — франц. историк, публицист и обществ. деятель. Один из создателей нового направления в историографии, согласно к-рому главным двигателем истории является классовая борьба. В биб-ке Ч. имеется книга М.: Histoire de la révolution française, depuis 1789 jusqu'en 1814. P., 1824, с усл. знаками и надписью на форзаце (*Каталог*. № 480) — Т. 1: *708*.

Михаил Кируларий (ок. 1000—1058) — константинопольский патриарх, не признававший верховенства римского папы. Его конфликт с папой в 1054 явился одним из важнейших этапов разделения христианства на восточную и западную церкви — Т. 1: *694*.

Михаил Федорович (1596—1645) — первый рус. царь из династии Романовых, избранный на престол Земским Собором 21 февр. 1613 — Т. 1: *733*, *744*; Т. 2: *464*.

Михаэлис Иоганн Давид (1717—1791) — нем. ориенталист и философ, проф. ун-тов в Галле и Геттингене, автор книг: Deutsche Übersetzung des Alten Testaments... T. 1—13. Göttingen, Gotha, 1773—1787; Einleitung in die göttlichen Schriften des Neuen Bundes. T. 1—2. Göttingen, 1788; Erklärung der Begräbnis und Auferstehungsgeschichte Christi nach dem vier Evangelisten. Halle, 1783; Zerstreute kleine Schriften gesammelt — Iena, 1793, имеющихся в биб-ке Ч. (*Каталог*. № 471—474). На многих из них усл. знаки и надписи рукой Ч. — Т. 1: *761*, *766*.

Михелет Карл Людвиг (1801—1893) — нем. философ, правый гегельянец, проф. Берлинского ун-та — **Т. 1:** *60*; 503; *734*, *735*.

Мишле Жюль (1798—1874) — франц. историк романтич. направления. В годы Июльской монархии стал кумиром радикального студенчества как страстный борец против католической церкви. В биб-ке Ч. имеются четыре книги М.: Histoire de France. T. 1—3. Bruxelles, 1834—1835; Pologne et Russie: Legende de Kosciusko. P., 1852; Précis de l'histoire moderne. Bruxelles, 1834; Des jésuites. P., 1843 (в соавторстве с Э. Кинэ) (*Каталог*. № 476—479) с усл. знаками и надписями Ч. — **Т. 1:** *764*; **Т. 2:** 94; 549, *550*.

Моген Франсуа (1785—1854) — франц. полит. деятель, член Палаты Депутатов с 1827, находившийся в оппозиции к *Луи-Филиппу*. В 1840 М. посетил Москву, где встречался с Ч.— **Т. 1:** *739*.

Модзалевский Борис Львович (1874—1928) — сов. литературовед, пушкинист — **Т. 1:** *680*, *727*; **Т. 2:** *306*.

Моисей (библ.) — **Т. 1:** 394, 396, 421, 424—426, **Т. 2:** 97; *352*; 448, 527, 537, 538, 545.

Моле Луи Матье де (1781—1855) — граф. франц. гос. деятель, сменивший 6 сентября 1836 *А. Тьера* на посту премьер-министра — **Т. 2:** 277.

Молчанов Евграф — моск. купец 1-й гильдии — **Т. 2:** 522.

Мольер (Жан Батист Поклен) (1622—1673) — франц. драматург и театральный деятель — **Т. 2:** *306*, *367*.

Монтень Мишель де (1533—1592) — франц. писатель, философ-скептик. Ч. очень увлекался его «Опытами» в конце 20-х гг. после возвращения в Россию. «Essais» М. в 2 т. (Paris, 1818) имеются в биб-ке Ч. (*Каталог*. № 486). Во всех томах — усл. знаки — **Т. 1:** 356; *697*, *720*; **Т. 2:** *305*.

Монтескье Шарль Луи де Секонда (1689—1755) — франц. просветитель, философ и писатель. В биб-ке Ч. имеется его книга De l'esprit des lois, T. 1—5. P., 1827 (*Каталог*. № 489). В тт. 1—2, 4—5 усл. знаки — **Т. 1:** *732*.

Мудров Матвей Яковлевич (1772—1831) — проф. патологии моск. отделения Медико-хирургич. академии и Моск. ун-та. Великий мастер масонской ложи (см.: *Дмитриев М. А.* Главы из моих воспоминаний, *ГБЛ*, ф. 178, к. 8184, № 2, л. 37—39). Один из первых читателей *ФПI*, погиб во время эпидемии холеры в 1831 — **Т. 2:** *306*, *307*; 442, 443.

Муравьев — **Т. 1:** *735*, *737*.

Муравьев Александр Николаевич (1792—1863) — участн. Отеч. войны 1812, полковник гвард. Генштаба, основатель Союза спасения и один из основателей Союза благоденствия. В 1818 от деятельности тайного об-ва отошел, в 1826 приговорен к ссылке в Сибирь. С 1828 занимал различ. административные посты, с 1861 — ген.-лейтенант и сенатор — **Т. 2:** *433*.

Муравьев Михаил Николаевич (1796—1866) — граф, гос. деятель, ген. от инфантерии, участн. Отеч. войны 1812, член Союза спасения и Союза благоденствия — **Т. 2:** *288*.

Муравьев Никита Михайлович (1796—1843) — участн. Отеч. войны 1812, поручик л.-гв. Ген. штаба, позднее капитан, декабрист, один из руководителей Сев. об-ва, осужден к 20 годам каторги — **Т. 1:** 574, 575, *758*; **Т. 2:** *324*, *367*.

Муравьев-Апостол Матвей Иванович (1793—1886) — участн. Отеч. войны 1812 (в составе л.-гв. Семен. полка, где начинал свою

службу и Ч.), позднее майор Полтавского пехотного полка. В 1823 вместе с *Н. Н. Раевским* провожал Ч. за границу. На следствии по делу декабристов показал, что «Петр Чаадаев обществу никогда не принадлежал» (Восстание декабристов. Материалы. М., 1950. Т. IX. С. 267). О взглядах Ч. на Россию, изложенных в *ФП1*, М. отозвался резко отрицательно (*ГМ*, 1904, № 1. С. 139—141) — **Т. 1:** *23*; 574, 575; *758*; 787; **Т. 2:** 19—21, 49; *289*, *297*, *300*; 421, 514.

Муравьев-Апостол Сергей Иванович (1795—1826) — брат *М. И. Муравьева-Апостола*, участн. Отеч. войны 1812 (в составе л.-гв. Семен. полка), член Сев. об-ва, казнен 13 июля 1826 — **Т. 1:** 574; **Т. 2:** *297*.

Муравьева Екатерина Федоровна (1771—1848) — жена *М. Н. Муравьева*, мать декабриста *Н. М. Муравьева*, тетка *К. Н. Батюшкова* и *М. С. Лунина*. Ее дом часто посещал Ч. (*Лемке*. С. 423—424; *Звезда*. 1940. № 8—9. С. 263) — **Т. 2:** 154, 155, 180, 211; *318*, *345*, *356*, *367*.

Муравьева Софья Никитична (1826—1892) — дочь декабриста *Н. М. Муравьева*, замужем за *И. М. Бибиковым* — **Т. 2:** 211; *367*.

Мюссе Альфред де (1810—1857) — франц. поэт и писатель. В биб-ке Ч. имеются две его книги: Poésies complète... P., 1844; Un spectacle dans un fauteuil P., 1833 (*Каталог*. № 500, 501). В обеих книгах усл. знаки, в первой имеются также и надписи рукой Ч.— **Т. 1:** 619; *764*.

Надеждин Николай Иванович (1804—1856) — проф. Моск. ун-та, журналист, критик, редактор журнала «Телескоп» (1831—1836) с еженед. приложением «Молва». Познакомился с Ч. в нач. 30-х гг. в доме сенатора А. А. Арсеньева (см.: *ИВ*, 1887. № 1. С. 80). За публикацию в своем журнале *ФП* был сослан в Усть-Сысольск (совр. назв. Сыктывкар). В ожидании правительственных репрессий за публикацию *ФП1* написал две «превентивные» статьи, направленные против основных идей Ч. (Опубликованы у *Лемке* и в кн.: *Чаадаев П. Я.* Сочинения. М., 1989. С. 533—554) — **Т. 1:** *21*, *33*, *57*, *60*; 580, 581, 629, (630), (641); *684*, *691*, *693*, *697*, *701*, *711*, *760*; **Т. 2:** (118), (119), (121); *320*, *326*, *329—331*; *526*, *528*, (531), *532*, 533, 534.

Назаров, князь — **Т. 2:** 266.

Назимов Владимир Иванович (1802—1874) — генерал, в 1849—1855 попечитель Моск. учебного округа — **Т. 2:** *315*.

Наполеон I Бонапарт (1769—1821) — франц. император — **Т. 1:** 404, 513, 533, 590, 617; *713*, *755*, *766*; **Т. 2:** 94; *320*, *321*; 464, 544.

Наполеон III (Луи Бонапарт) (1808—1873) — племянник *Наполеона I*, с 1848 — президент Французской республики, 2 дек. 1851 совершил гос. переворот и провозгласил себя императором — **Т. 1:** *78*; (553), 554, 555; *749*, *750*; **Т. 2:** (262); *395*, *401*.

Нарышкина (урожд. Строганова) **Екатерина Александровна** (1769—1844) — моск. знакомая Ч., в доме к-рой на Пречистенке Ч. часто бывал. Одна из ее дочерей, Елена, перешла в католичество и постриглась в монахини — **Т. 2:** 318.

Наталья Дмитриевна — см. **Шаховская Н. Д.**

Наталья Николаевна — см. **Шереметева Н. Н.**

Наумов Николай Степанович — майор, до 1805 владелец села Большие Лихачи — **Т. 2:** *298*.

Нахимов Павел Степанович (1802—1855) — адмирал, герой севастопольской обороны. Погиб на Малаховом кургане 28 июня (10 июля) — Т. 2: 521.

Нащокин Павел Воинович (1801—1854) — один из близких друзей *А. С. Пушкина* — Т. 2: 72; *309*.

Нейдгарт Александр Иванович (1784—1845) — ген.-майор, в 1825 нач. гл. штаба Гвард. корпуса — Т. 2: 8, 9.

Нессельроде Карл Васильевич (1780—1862) — граф, канцлер (с 1845), мин. иностр. дел (1816—1856) — Т. 1: *767*.

Нессельроде Лидия Арсеньевна (1826—1884) — графиня, дочь *А. А. Закревского*, жена Д. К. Нессельроде, сына министра иностр. дел — Т. 2: (271); *402*.

Нестор — древнерус. историк и публицист XI в., автор «Жития Бориса и Глеба», «Жития преподобного Феодосия», один из составителей «Повести временных лет» — Т. 1: 515.

Нефедьева Александра Ильинична (1782—1857) — двоюр. сестра братьев *А. И.*, *Н. И.* и *С. И. Тургеневых* — Т. 2: 64, (78); *313*.

Нибур Бартольд Георг (1776—1831) — нем. историк античности, автор «Римской истории», основатель критического метода в изучении истории — Т. 1: *35*; 456.

Никитенко Александр Васильевич (1804—1877) — лит. критик, историк литературы — Т. 2: *326*.

Никитин Степан Никитич — Т. 2: 10, 29, 39, 43, 73; *291*, *299*, *374*.

Николай I (1796—1855) — рос. император (1825—1855). По свидетельству *М. И. Жихарева*, Ч. был знаком с Н. еще в Петербурге, когда тот был вел. князем, причем Н. «оказывал Ч. особенное расположение». Последняя их встреча произошла незадолго до смерти обоих на рауте у *А. А. Закревского* (Русское общество 30-х годов XIX в. С. 63) — Т. 1: *77*, *78*; 511, (516), (519—522); *716*, *731*, *740*, *743*, *741*, *756—758*; Т. 2: 56, (81), 82, (84—86), (99), (213), (266); *284*, (*314*), *315*, *320*, *324*, *368*, *377*, *397*, *401*, *402*, *405*; *430*, *449*, 468, 471, *474*; *526*, 528, *530*, 552.

Никон (1605—1681) — патриарх. рус. церкви (1652—1667). В 1653 начал проведение церк. реформ, против к-рых выступила значит. часть рус. духовенства, что привело к расколу церкви — Т. 2: 238; *386*.

Новоселов Петр — управляющий имением *Е. Д. Щербатовой* — Т. 2: 360.

Новосильцева Екатерина Владимировна (урожд. графиня Орлова) (1770—1849) — мать флигель-адъютанта В. Д. Новосильцева, к-рый 10 сент. 1825 дрался на дуэли с подпоручиком л.-гв. Семен. полка К. П. Черновым. Причиной дуэли послужило то, что Новосильцев, жених сестры К. П. Чернова, уклонился от брака. Оба противника погибли. Похороны Чернова, двоюр. брата *К. Ф. Рылеева*, и близкого к Сев. об-ву, вылились в полит. манифестацию — Т. 2: 179.

Норов Александр Сергеевич (1797 или 1798—1870) — литератор, поэт и переводчик, брат мин. нар. просвещения Аб. С. Норова. Переводил *ФП* Ч. После 1836 вместе со своей женой, крепостной (с к-рой был невенчан и от к-рой имел двоих детей), переехал в свое имение в с. Ключи Саратовской губ., где и умер — Т. 1: 581; *691*; Т. 2: 73.

Норова Авдотья (Евдокия) Сергеевна (1799—1835) — сестра

Аб. С. и *Ал. С. Норовых* — Т. 1: 573; *785*; Т. 2: *304*, *318*, *408*; 439, *442*.

Ньютон Исаак (1643—1727) — англ. физик и математик — Т. 1: 27, *31*, *32*; 369—371, 616; *703*.

Облеухов Дмитрий Александрович (1790—1827) — один из ближайших друзей Ч., писатель-переводчик, человек блестящих способностей и разностороннего образования, увлекался мистической литературой — Т. 1: *11*, *12*; *707*, *724*; Т. 2: 7—9, 31; 50; *288*, *291*, *301*; 422, 433—436.

Облеухова, «генеральша» — мать *Д. А. Облеухова* — Т. 2: (433), (434—435).

Облеухова Екатерина Ивановна (рожд. баронесса Черкасова) — жена *Д. А. Облеухова* — Т. 2; (422), *433*, (434).

Ободовская И. — автор книги «Вокруг Пушкина». М., 1975 (в соавт. с М. Дементьевым) — Т. 2: *320*.

Оболенский Евгений Петрович (1796—1865) — князь, декабрист, поручик, член Союза спасения и Союза благоденствия, приговорен к вечной каторге — Т. 1: *758*.

Овер Александр Иванович (1804—1866) — врач-терапевт, имевший солидную практику в Москве, проф. Моск. ун-та — Т. 2: 198; *360*.

Огарев Николай Платонович (1813—1877) — поэт и публицист, ближайший друг *А. И. Герцена*. В 1835 предполагал издать литературный альманах с участием Ч. Издание не состоялось (см. *Огарев Н. П.* Избр. социально-политические и философские произведения. М., 1956) — Т. 1: *47*; Т. 2: *407*.

Одоевская Ольга Степановна (1797—1872) — жена *В. Ф. Одоевского* с 1826, дочь С. С. Ланского, известного масона, члена Союза благоденствия, впоследствии министра иностр. дел — Т. 2: (231).

Одоевский Александр Иванович (1802—1839) — поэт, декабрист, чл. Сев. об-ва, После каторги и ссылки в Сибирь (1827—1837) переведен рядовым на Кавказ, где погиб — Т. 2: *406*.

Одоевский Владимир Федорович (1803—1869) — писатель, философ, муз. критик. Идеи *ФПI* О. оценил резко отрицательно. Однако его мысль «о том, что Россия должна такое же действие производить на ученый мир, как некогда открытие новой части света, и спасти издыхающую в европейском рубище науку» (*РА*. 1878. № 5. С. 57—58), весьма близка некоторым идеям Ч. в *АС*. О взглядах Ч. и О. см.: *Розанов В. В.* «Чаадаев и кн. Одоевский» (*Новое Время*. 10 апреля 1913) — Т. 1: *23*; Т. 2: 183, 231; *321*, *326*, *380*, *399*, *402*.

Олаф II Харальдсон Св. (ок. 995—1030) — норвежский король в 1015—1028, завершивший введение христианства в стране — Т. 2: 487.

Олег Вещий (ум. 912) — древнерус. князь — Т. 1: *22*; Т. 2: 461, 465.

Оленин Алексей Алексеевич (1798—1854) — сын А. Н. Оленина (1763—1843), президента Академии художеств (с 1817), член Союза Благоденствия, приятель Ч. и *П. А. Вяземского*, в 1831 — чиновник Мин-ва юстиции. По мнению *Д. И. Шаховского*, именно о нем, а не о его отце, идет речь в письме Ч. к *И. Д. Якушкину* от 8 янв. 1825 (см. № 34). Отметим здесь и ошибку комментатора «Докладной записки...» *М. И. Жихарева*, считающего, что в эпизоде, связанном с президентом Академии художеств, о котором расска-

зывает Жихарев, речь идет об А. Н. Оленине (Русское общество 30-х годов XIX в. С. 62, прим. 39). На самом деле в этом эпизоде речь идет о Петре Андреевиче Кикине (1775—1834), как это следует из собственноручной пометки Жихарева, сделанной на экз. его воспоминаний, который он послал *М. Я. Чаадаеву* (*ГАГО*, ф. 984, оп. 816, ед. хр. 15, л. 21 об.)— **Т. 2:** 49, 87; *300*; 429.

Олсуфьев Василий Дмитриевич (1796—1858) — моск. губернатор (1838—1840), обер-гофмейстер, граф (с 1856). В молодости служил с Ч. в л.-гв. Гусарском полку. О своем знакомстве с *А. С. Пушкиным* и Ч. рассказывает в дневнике за 1818—1819 (Красный архив. 1928. Т. 4/29. С. 222—223) — **Т. 2:** 271.

Оммон, комиссионер — **Т. 2:** 88; 316.

Ориген (ок. 185—253 или 254) — христ. теолог, философ, представитель ранней патристики — **Т. 1:** 584.

Орлеанский герцог — см. **Луи Филипп.**

Орлов Алексей Федорович (1786—1861) — воен. и гос. деятель, брат *М. Ф. Орлова*. За участие в подавлении восстания декабристов удостоен титула графа. В 1844—1856 шеф жандармов и начальник Третьего отделения— **Т. 1:** *730*; 790; **Т. 2:** 255, (264); *299*, *379*, *380*, *391*, *393*, *396*, *402*.

Орлов Михаил Федорович (1788—1842) — декабрист, участн. Отеч. войны 1812, в 1814 принял капитуляцию Парижа. Ближайший друг Ч. Благодаря заступничеству брата, *А. Ф. Орлова*, избежал серьезных репрессий по делу декабристов, но был сослан под надзор полиции в родовое имение. С 1831 жил в Москве. В 1833 О. анонимно опубликовал трактат «О государственном кредите». В 1832 избран почетным членом Моск. об-ва испытателей природы, на заседании к-рого в ноябре 1836 сделал доклад «Некоторые философские мысли о природе». Среди бумаг Ч. сохранилось два письма к нему О. (*ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 39) — **Т. 1:** *52*; 546, 581, 618; *690*, *721*, *722*, *746*; **Т. 2:** 89, 95, 110, 114, 120, 124, 150, 152, 217; *317*, *321*, *325*, *327*, *330*, *335*, *344*, *361*, *396*, *397*; 453, 462, *464*, *546*.

Орлова Екатерина Николаевна (1797—1885) — жена *М. Ф. Орлова*, дочь ген. Н. Н. Раевского. Ч. знала еще по Петербургу (*ВЕ*. 1871, июль. С. 190—191), но личное их знакомство состоялось в 1831 (*ВЕ*. 1872, февраль. С. 867). Опровергая слухи о том, что *ФПI* адресовано ей, О. писала, что «они написаны гораздо прежде ее знакомства с Ч. Она читала их в первый раз случайно, еще в рукописи, не прежде 1834-го года, и то не сполна» (там же). Три письма Ч. к О. хранятся в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 350—352, ее три письма к Ч.— в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 38 — **Т. 1:** *691*; **Т. 2:** 91, 150, 277; *407*; 476, *477*, 493, 522.

Орфей — мифич. фракийский певец, участник похода аргонавтов, изобретатель музыки и стихосложения — **Т. 2:** 70.

Остерман-Толстой Александр Иванович (1770—1857) — граф, генерал, участн. Отеч. войны 1812. После войны жил в основном за границей. В 20-х гг. его жена открыла в Париже литературно-политический салон, к-рый посещали многие знаменитости и, возможно, Ч. во время своего пребывания в Париже — **Т. 1:** *759*.

Островский Александр Николаевич (1823—1886) — драматург, в 1852 сотрудничал в журнале «Москвитянин». 10 мая 1853 О. и Ч. присутствовали в доме *Погодина* на обеде, устроенном в честь отъезжающего за границу М. С. Щепкина (*Барсуков*. Кн. 12. С. 464—465) — **Т. 2:** *339*.

Оуэн Роберт (1771—1858) — англ. социалист-утопист. В биб-ке Ч. имеется его книга Le livre du nouveau monde morale contenant les système social rationnel basé sur les lois de la nature humaine. P., 1847 (*Каталог.* № 527) — **Т. 1:** *737.*

П. Д., княгиня — Т. 2: 34.

Павел, апостол — Т. 1: 599, 618; *722*, *727*, *733.* **Т. 2:** *350.*

Павлов Михаил Григорьевич (1793—1840) — философ-шеллингианец, физик и агробиолог, проф. Моск. ун-та (с 1820), издатель журналов «Атеней» (1828—30) и «Рус. земледелец» (1838—39), директор Земледельческой школы —**Т. 1:** *701.*

Павлов Николай Филиппович (1803—1864) — писатель, поэт, критик и публицист, сын крепостного, в 1811 отпущенный на волю. Ч. и П. были знакомы, по-видимому, с 1-й пол. 30-х гг. Среди бумаг Ч., хранящихся в *ГБЛ*, имеются рукописные копии стихотворений. П.: «В тебе, столица скучная...», «Не говори, что сердцу больно...», «Он вытерпел всю горечь срама...» (ф. 103, п. 1034, ед. хр. 48). Сохранилось письмо П. к Ч. от 15 ноя. 1846 (там же, п. 1032, ед. хр. 40). По воспоминаниям *И. А. Арсеньева*, «единственным достойным оппонентом Ч. являлся Н. Ф. П.» (*ИВ.* 1887, январь. С. 81). Тем не менее, в сознании большинства современников Ч. и П. в равной степени являлись представителями западничества (см.: Записки А. И. Кошелева. Берлин, 1884. С. 55; ср. с мнением другого современника: Воспоминания Б. Н. Чичерина. Москва сороковых годов. М., 1929. С. 5) — **Т. 1:** 581; 789, 791, 793; **Т. 2:** 91, (201), 266; *320*, *342*, *346*, *351*, *362*, *398*; 488, 490; 532.

Павлов Платон Васильевич (1823—1895) — историк и обществ. деятель, проф. русской истории Киевского ун-та (1847—1859) — **Т. 2:** (249); *389.*

Павлова Каролина Карловна (урожд. Яниш) (1807—1893) — поэтесса, жена *Н. Ф. Павлова.* Среди бумаг Ч. сохранились рукописные копии двух ее стихотворений: «Разговор в Трианоне» (1848), «Нет! не могла я дать ответа... (Н. М. Языкову)» (1846) (*ГБЛ*, ф. 103, п. 1034, ед. хр. 24, 25) — **Т. 1:** 793, 794; **Т. 2:** *398.*

Палей Уильям (1743—1805) — англ. философ и богослов. В биб-ке Ч. имеются следующие сочинения П.: Horae Paulinae... L., 1822; Natural theology... L., 1822; The principles of moral and political philosophy. L., 1822; The works of W. Paley: Complete in 5 vol. L., 1823 (*Каталог.* №№ 530—533). Во всех книгах, кроме № 530, усл. знаки — **Т. 1:** 461; *725.*

Паллас Петр Симон (1741—1811) — естествоиспытатель, географ и путешественник, член Петербург. АН (1767). Автор фундаментальных трудов «Путешествие по разным провинциям Российского государства» (Ч. 1—3, 1773—1788) и «Флора России» (Ч. 1—2, 1784—1788) — **Т. 2:** 98.

Пальмер Уильям (ум. 1879) — англ. богослов, архидиакон англиканской церкви, состоявший в переписке с *А. С. Хомяковым* и склонявшийся под его влиянием к переходу в православие (см.: *Бердяев Н. А.* А. С. Хомяков. М., 1912. С. 102—104) — **Т. 2:** *491.*

Панаев Иван Иванович (1812—1862) — писатель и журналист. В своих воспоминаниях П. несколько раз упомянул Ч. (*Панаев И. И.* Литературные воспоминания. М., 1950. С. 113—114, 164, 206, 207). В 1859 *М. И. Жихарев* обратился к П. (в то время совместно с Н. А. Некрасовым издававшему «Современник») с предло-

жением опубликовать некоторые сочинения Ч. В ответном письме П. писал, что Ч. он «знал лично и очень уважал» (*ГБЛ*, ф. 103, п. 1033а, ед. хр. 29) и просил Жихарева прислать в редакцию «бумаги» Ч. Среди этих «бумаг» находилась и *АС*, к-рую подготовил к печати *Н. Г. Чернышевский*, но опубликовать ее в то время не удалось — **Т. 1**: 678; 792; *797*, *798*; Т. 2: *354*.

Панов Василий Алексеевич (1819—1849) — писатель, славянофил. Его книга «Путешествие по землям западных и южных славян» (М., 1844) имеется в биб-ке Ч. с усл. знаками (*Каталог*. № 54) — **Т. 2**: *390*.

Панов Василий Максимович — агроном, муж *Е. Д Пановой*. По предположению *А. А. Штейнберг*, основанному на неопубликованных воспоминаниях *М. А. Дмитриева*, П. был агентом («шпионом») моск. тайной полиции (*ВрПК*, Вып. 4. Л., 1968. С. 50) — **Т. 2**: 117, (118); (*332*); (*437*), 446, 456—457.

Панов Игнатий — камердинер *И. Д. Щербатова* — **Т. 2**: 18; *296*.

Панова Екатерина Дмитриевна (урожд. Улыбышева) (1804 — после 1858) — жена *В. М. Панова* (с 1821), сестра *А. Д. Улыбышева*, члена об-ва «Зеленая лампа», автора повести «Сон». П. — адресат *ФП1*, знакомая Ч. с 1827 г. После опубликования *ФП1* была помещена по настоянию мужа в психиатрическую лечебницу *Саблера*: В дневнике *А. Д. Улыбышева* в 1843 г. имеется запись: «Теперь живет у него (у брата Владимира) с каким-то побродягой старшая сестра моя Катерина Панова, оставившая мужа и совершенно потерянная» (Звезда. 1935, № 3. С. 189) — **Т. 1**: *15*; *690—693*; **Т. 2**: 117—118; *318*, *332*, *333*; 436, 437, *439*, *442*, 455, *460*; *525*.

Паскаль Блез (1623—1662) — франц. философ, писатель, математик и физик — **Т. 1**: *46*; 380, 416; *695*, *704*, *705*, *713*, *720*; **Т. 2**: 100.

Паскевич Иван Федорович (1782—1856) — генерал, участн. Отеч. войны 1812, с 1827 наместник в Закавказье (и непосредственный начальник *А. С. Грибоедова*), в 1830—1831 руководил подавлением Польского восстания, в 1849 руководил войсками при подавлении Венгерской революции — **Т. 1**: *697*; **Т. 2**: *374*; 470.

Пассек Петр Петрович (ум. в апр. 1825) — отставной ген.-майор, принятый в тайное общество *И. Д. Якушкиным* в 1821 — **Т. 1**; *758*; **Т. 2**: 422.

Пашкова Евдокия Николаевна (1770—1838) — моск. знакомая Ч., в доме которой он часто бывал в середине 30-х гг. С ее сыновьями Андреем и Егором Ч. был знаком по службе в л.-гв. Гусарском полку — **Т. 2**: 80; *314*, *318*.

Пелагий (ок. 360 — после 418) — христианский монах, разработавший еретическое учение, названное его именем, согласно к-рому человек наделен свободной волей и обладает внутренними возможностями в достижении нравственного совершенства и «спасения». Учение. П. осуждено на III Вселенском соборе в Эфесе (431) — **Т. 1**: 590.

Пеллико Сильвио (1789—1854) — итал. карбонарий, осужденный в 1820 на смертную казнь, замененную 15 годами тюрьмы. В 1832 издал книгу «Мои темницы», высоко оцененную *А. С. Пушкиным*. Книга П. с усл. знаками и надписями имеется в биб-ке Ч. (*Каталог*, № 534) — **Т. 1**: 620; *764*.

Перикл (ок. 490 — 429 до н. э.) — древнегреч. политич. деятель,

с 443 стоявший во главе афинского государства, достигшего при нем своего расцвета — Т. 1: *11*; 404.

Перовский Василий Алексеевич (1795—1857) — побочный сын графа А. К. Разумовского, с ним Ч. учился в Моск. ун-те. По окончании ун-та поступил в школу колонновожатых, участн. Отеч. войны 1812, с 1819 — адъютант вел. кн. Николая Павловича, с 14 дек. 1825 — флигель-адъютант *Николая I*, впоследствии оренбургский и самарский ген.-губернатор, министр внутр. дел (до 1852). С 1818 — член Союза благоденствия, что было «высочайше повелено оставить без внимания». Среди бумаг Ч. сохранилось три письма П. к нему, написанные по-франц. (*ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 42) — Т. 2: 56, 60; *302*, *402*.

Перрен (Перрин), аббат, давал частные уроки в Москве — Т. 2: 545.

Перфильев Степан Васильевич (1796—1878) — генерал, нач. моск. корп. жандармов — Т. 2: 31 (?); *318*, *329*.

Пестель Павел Иванович (1793—1826) — полковник, участн. Отеч. войны 1812, глава Южн. об-ва декабристов. Арестован 13 дек. 1825 в Тульчине, по приговору следственной комиссии повешен. На основании записи в дневнике *М. П. Погодина* можно предположить личное знакомство Ч. с П. (*Барсуков*. Кн. 5. С. 479) — Т. 1: *19*; *759*.

Петр, апостол — Т. 2: 239, 250.

Петр I Великий (1672—1725) — русский царь с 1682, первый российский император с 1721 — Т. 1: *63*, *67*, *68*, *72*; 330, 494, 495, 501, 510, 516, 525—527, 530, 533, 537, 539, 565—567, 570, 571; *694*, *732*, *737*, *743*, *744*, *747*, *750*, *755*; Т. 2: 72, 73, 99, 107, 116, 158—161, 166, 187, 188, (213); *347*, *358*, *367*, *368*, *386*; 461, 464, 487; *541*, 552.

Петр II (1715—1730) — Российский император с 1727, сын царевича Алексея Петровича, внук *Петра I*. Объявил себя противником петровских преобразований, перенес царский двор в Москву и приступил к ликвидации созданных Петром I учреждений. Во время подготовки к коронации умер от оспы — Т. 2: 187; *358*.

Петр II Петрович Негош (1813—1851) — правитель Черногории (с 1830), поэт и просветитель — Т. 2: *386*, *390*.

Петрарка Франческо (1304—1374) — итал. поэт и философ, создатель итал. литературного языка — Т. 1: 591.

Петровский, художник — Т. 2: *364*.

Печерин Владимир Сергеевич (1807—1885) — поэт и мыслитель, проф. греч. филологии Моск. ун-та (1835—1836). В 1836 покинул Россию, в 1840 принял католичество. С конца 40-х гг. жил в Англии и Ирландии, переписывался с *А. И. Герценом* и *Н. П. Огаревым*. Написал мемуары «Замогильные записки» (см. Русское общество первой половины XIX века. М., 1989) — Т. 1: *741*; Т. 2: *463*.

Пий VII (1740—1823) — папа римский с 1800, проводивший политику уступок *Наполеону*. В 1801 заключил конкордат с Францией, в 1804 участвовал в коронации Наполеона. После ликвидации папского государства был вывезен Наполеоном во Францию — Т. 1: 590; *768*.

Пий IX (1792—1878) — папа римский с 1846. После вступления на папский престол провел ряд либеральных реформ, в ноябре 1848 бежал из восставшего Рима и обратился к главам католических государств с призывом к интервенции против республики, провозглашенной в Риме. В 1850 вернулся в Рим, в 1864 издал энцик-

лику «Силлабус» против демократического движения, в 1870 по его инициативе был принят догмат о непогрешимости папы — Т. 2: *378*, *388*.

Пик — московский врач — Т. 2: 534.

Пиль Роберт (1788—1850) — англ. полит. деятель, член парламента от партии тори. В 1834—1835 и 1841—1846 — премьер-министр. В 1846 провел отмену хлебных законов. В ж. «Отечественные записки» (1844, № 2) была опубликована статья Леона Фоше «Сэр Роберт Пиль» — Т. 2: 180; *356*.

Пипин Короткий (714 или 715—768) — франкский король (с 751), первый из династии Каролингов, отец *Карла Великого*. В 754 и 756 совершил походы в Италию и часть земель, отнятых у лангобардов, отдал римскому папе, что положило начало образованию Папской области — Т. 1: 590.

Пирлинг Павел Осипович (1840 — ?) — рус. иезуит, историк, биограф *И. С. Гагарина*, корреспондент *В. С. Соловьева* — Т. 2: 340.

Пифагор (ок. 570 — ок. 500 до н. э.) — древнегреч. философ и полит. деятель, математик — Т. 1: *30*; 354, 420, 428; *699*, *751*.

Платен Август фон (1796—1858) — граф, нем. поэт, сторонник «чистого искусства», враждовавший с *Г. Гейне* и «Молодой Германией» — Т. 2: 488.

Платер — Т. 1: *739*.

Платон (428—348 до н. э.) — древнегреч. философ. В биб-ке Ч. имеются следующие издания П.: Lois de Platon. T. 1—5. P., 1796; Les oeuvres de Platon. T. 1—2. P., 1699; Pensées de Platon sur la religion, la morale, la politique. P., 1824; Platon's Timäos. Hadomar, 1804; Platons Werke / Von F. Schleiermacher. T. 1. Bd. 1—2; T. 2. Bd. 1—3. Berlin, 1826; Platons Werke / Von. F. Schleiermacher. T. 3. Bd. 1. Berlin, 1828 (*Каталог*. №№ 545—550). Во всех книгах, кроме № 546, усл. знаки и надписи рукой Ч. — Т. 1: *30*; 341, 354, (361), 389, 397, 420, 426, 605, 609, 613, 616, 620; *696*, *698*, *702*, *709*, *710*, *727*, *764*.

Платон (Петр Левшин) (1737—1812) — моск. митрополит — Т. 1: 542; Т. 2: *190*.

Плетнев Петр Александрович (1792—1865) — поэт и критик, академик Петербург. АН, друг *А. С. Пушкина* — Т. 2: *384*.

Плеханов Георгий Валентинович (1856—1918) — теоретик и пропагандист марксизма в России — Т. 1: *9*, *19*, *83*.

Плещеев Александр Павлович — Т. 2: 278; *408*.

Плиний Старший (Гай Плиний Цецилий Секунд) (23 или 24—79)— римск. писатель, ученый, автор «Естественной истории»; погиб при извержении Везувия — Т. 2: 37.

Плутарх (ок. 46 — ок. 127) — древнегреч. писатель, историк и философ-моралист, автор «Моралий» и «Сравнительных жизнеописаний» — Т. 1: 431, *710*.

Поггенполь Петр Васильевич (1790—1853) — дипломат, в 20-е гг. рус. консул в Ливорно. Возможно также, что речь идет о его брате, Николае Васильевиче, канцелярском служителе при российской миссии в Неаполе — Т. 2: 424.

Погодин Михаил Петрович (1800—1875) — историк, писатель и журналист, сын крепостного, отпущенного на волю в 1806 г. В 1826—1844 — проф. Моск. ун-та, с 1841 — академик Петербург. АН. В 1827—1830 издавал жур. «Московский вестник», в 1841—1856 совместно с *С. П. Шевыревым* — «Москвитянин». С Ч. позна-

комился в 1827 в книжной лавке Ширяева. В дневнике П. большое количество записей о Ч. (См.: *Барсуков*). Среди бумаг *М. И. Жихарева* сохранились три письма к нему П., в которых сообщаются некоторые сведения о Ч. (*ГБЛ*, ф. 103, п. 1033а, ед. хр. 30) — Т. 1: *690*, *711*, *739*, *744*, *745*, *755*; Т. 2: 139, 206, 208, 209, 226, 247, 249, 265, 274; *306*, *325*, *338*, *339*, *351*, *355*, *361*, *363*, *365*, *366*, *368*, *374*, *378*, *389*, *396*, *404*; *436*; *462*; 476, *477*, 495, 497, 498; 534.

Поджио Александр Викторович (1798—1873) — итальянец по происхождению, католик, отст. майор л.-гв. Преображенского полка, член Южного об-ва, приговорен к пожизненной каторге, сокращенной впоследствии до 13 лет. С Ч. познакомился в 1820 (см.: Восстание декабристов. Документы. Т. XI. М., 1954. С. 81) — Т. 1: *758*.

Полевой Николай Алексеевич (1796—1846) — писатель, критик, журналист и историк, издатель журнала «Московский телеграф» (1825—1834). Автор «Истории русского народа» (Т. 1—6. 1829—1833), в к-рой пытался обнаружить и проследить органическое развитие народного начала в русской истории — Т. 1: *744*.

Полей — франц. индолог, переводчик «Упанишад» на франц. яз.— Т. 2: 103.

Поливанова Екатерина Сергеевна — сестра *А. С. Норовой*, жена П. Н. Поливанова (с 1829). Ее письмо к Ч. от 1 янв. 1847 хранится в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 44 — Т. 2: *442*.

Полиньяк Огюстен Жюль Арман Мари (1780—1847) — граф, затем князь, с 1829 премьер-министр Франции. В июле 1830 издал ордонансы, нарушавшие конституционную хартию 1814, что дало толчок к Июльской революции 1830. После свержения монархии *Бурбонов* был приговорен к пожизненному заключению, в 1836 амнистирован — Т. 2: *351*.

Полонский Яков Петрович (1819—1898) — поэт. В нач. 40-х гг. учился в Моск. ун-те, где подружился с сыном декабриста *М. Ф. Орлова*. В доме Орлова П. познакомился с Ч. и в последующие годы часто бывал у него в «салоне». Упоминает Ч. в своих «Студенческих воспоминаниях» (см.: Звенья. М., 1950. Т. VIII. С. 156; *ЛН* Т. 86. С. 402; *Барсуков*. Кн. II. С. 416) — Т. 2: 266; *396*, *397*

Полторацкий Сергей Дмитриевич (1803—1884) — библиограф и библиофил, друг *А. С. Пушкина*. С Ч. сблизился в 40-х гг. П. часто бывал за границей (был свидетелем и участником революций 1830 и 1848) и после смерти *А. И. Тургенева* выполнял для Ч. роль «трансметтера» (посредника по его связям с иностранными корреспондентами). В архиве П. сохранилось 18 писем Ч. (*ГПБ*, ф. 603, ед. хр. 213). В рукописной книге П. «Мой сборник биографический о Русских достопримечательных людях. Кн. 8» о Ч. написано: «Добрым, неизменным другом был мне Ч. до самой своей кончины в Москве, 1856; я был тогда в Петербурге» (там же, ед. хр. 294, л. 106 об.) — Т. 1: *51*, *75*; Т. 2: 207, 209, 234, 249, 256, 261, 263, 274; *315*, *358*, *363*, *364*, *366*, *367*, *373*, *382*, *383*, *389*, *390*, *392—394*, *404*, *408*; *488*; *490*, 499—501, *513*.

Пономарев С. И. — Т. 1: *713*.

Понтий Пилат — римский прокуратор Иудеи в 26—36, к-рый, согласно *Иосифу Флавию* и новозаветной традиции, приговорил к распятию *Иисуса Христа* — Т. 2: *314*.

Попов Александр Николаевич (1820—1877) — писатель, историк и законовед, славянофил «младшего поколения», чиновник Мин-

ва юстиции. О Ч. имеются упоминания в его переписке с *А. С. Хомяковым* (*Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. М., 1900, Т. 8. С. 171—172), *Ю. Ф. Самариным* (*Самарин Ю. Ф.* Соч. М., 1911. Т. 12. С. 291—293), *А. И. Кошелевым* (*РА*. 1886, № 3. С. 353). В конце 40-х гг. Ч. и П. встречались на вечерах у *Свербеевых*, *Елагиных* и *Киреевских* (см.: *Барсуков*. Кн. 9. С. 41; *Хомяков А. С.* Указ. соч. С. 126) — Т. 2: *363*, *384*, *390*; 494.

Похвиснев Михаил Николаевич (1811—1882) — в конце 30-х гг. участн. литературных кружков в Москве, был близок с *А. И. Герценом*, в 1840 назначен помощником управляющего удельной конторой во Владимире, впоследствии — директор департамента полиции, нач. Гл. управления по делам печати. В дневнике П. имеются записи о встречах с Ч. в начале апреля 1853 г. (*РА*. 1911. № 2. С. 206—207) — Т 1: *737*.

Прадт Доменик Дюфур де (1759—1837) — франц. публицист, дипломат — Т. 2: 429.

Прескотт Уильям Хиклинг (1796—1859) — амер. историк и литературовед, автор «Истории завоевания Мексики» (1843; сокр. рус. пер.: Т. 1 — 2, 1885), «Истории завоевания Перу» (1847; сокр. рус. пер. 1886) и мн. др. — Т. 2: 488.

Прийма Ф. Я. — Т. 2: *312*.

Прокопович-Антонский Антон Антонович (1762—1848) — проф. естеств. истории, инспектор университетского Благородного пансиона, в 1818—1826 — ректор Моск. ун-та. В 1826 «добродушный хитрец Антон Антонович», как называет его *С. П. Жихарев* (Моск. ун-т в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 56), был уволен *Николаем I* в отставку — Т. 2: 501.

Протасов Николай Александрович (1799—1855) — граф, генерал от кавалерии, в 1814—1834 служил в л.-гв. Гусарском полку, с 1836 обер-прокурор Св. Синода. В 1820, как и Ч., был адъютантом ген. *И. В. Васильчикова*. Сохранилось письмо П. к Ч. на фр. языке (*ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 47), в к-ром П. приглашает Ч. к себе на вечер и просит «чего-нибудь почитать» — Т. 2: 171, 220, 230; *315*, *350*, *373*, *375*; 528.

Прудон Пьер Жозеф (1809—1865) — франц. философ и публицист, основоположник анархизма. В биб-ке Ч. имеется книга П. De la création de l'ordre dans l'humanité... P., 1843 (*Каталог*. № 554) с условными знаками и надписями — Т. 1: 555; *749*, *750*.

Прянишников Федор Иванович (1793—1867) — университетский товарищ Ч., чиновник почтового департамента, с 1831 Петербург. почт-директор, член Императорского человеколюбивого (так переводили слово «гуманный» в XIX в.) об-ва. П. больше известен как коллекционер картин (437 собранных им картин впоследствии вошли в состав Третьяковской галереи) и меценат (покупал, в частности, картины и эскизы *П. Федотова*). В 1850 П. и Ч. случайно встретились в Москве, после чего обменялись дружественными посланиями — Т. 2: 265; *395*, *396*; 507, 521.

Птолемеи (Лагиды) — царская династия, правившая в эллинистическом Египте в 305—30 до н. э. — Т. 1: 401, 404, *707*.

Пуффендорф Самуэль (1632—1694) — нем. историк и правовед, последователь естественно-правовой концепции Т. Гоббса и Г. Гроция. В биб-ке Ч. имеется его книга Les devoirs de l'homme et du citoyen... T. 1—2. P., 1822 (*Каталог*. № 555; рус. пер. — О долж-

ности человека и гражданина. СПб., 1726). В т. 1 — усл. знаки — Т. 1: *719*.

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — познакомился с Ч. летом 1816 в Царском Селе в доме *Карамзиных* и близко общался с ним до высылки на юг в 1820. В Петербурге часто бывал на квартире у Ч. в трактире Демута на Мойке (ныне д. 40, сильно перестроен). Ч. принимал участие в хлопотах о смягчении участи П. в 1820, в результате чего П. был выслан не на Соловки или в Сибирь, а в Кишинев. П. посвятил Ч. стихотворения: «Любви, надежды, тихой славы...» (1818), «В стране, где я забыл тревоги прежних лет» (1821), «К чему холодные сомненья» (1824), «К портрету Чаадаева» (1820). Позднее Ч. послужил П. одним из прообразов Евгения Онегина. После долгой разлуки П. и Ч. встретились в Москве 10 сент. 1826 на квартире у *С. А. Соболевского*, где происходило первое чтение П. трагедии «Борис Годунов». Следующий период общения начался в 1829, когда Ч. закончил (частично) работу над *ФП*. Среди бумаг Ч. сохранилась вырезка из «Московского вестника» (1828) со стихотворением П. «Коварность» (1824) с пометками Ч., рукописная копия послания «К Чаадаеву». Текст этого послания имеет разночтения по сравнению с каноническим текстом: перед словами «Товарищ, верь!...» имеются две строки: «Питай, мой друг, священный жар,— И искра делает пожар!» (*ГБЛ*, ф. 103, п. 1034, ед. хр. 29, 30) — Т. 1: *7*, *11*, *14*, *15*, *21—25*, *42*, *50*, *82*; 537, 576, 581, 594; *679*, *682*, *690*, *697*, *704*, *708*, *720*, *723*, *738*, *744*, *750*, *758*, *759*, *766*, *767*, *784*, *785*; 790, 794; *798*; Т. 2: 49, 51, 66—69, 107, 116, 120, 133, 137, 207, (249), (265), 273, 274; *284*, *290—292*, *300*, *305—310*, *323—327*, *329*, *330*, *332*, *334*, *337*, *363*, *372*, *374*, *389*, *394*, *396*, *400*, *404*; 421, 429, *430*, 431, *439*, 447, *449*, 460, *462—463*, 464, 483, 493, 497, 498, 520, 521, 551, 552.

Пушкин Василий Львович (1766—1830) — дядя поэта, автор поэмы «Опасный сосед» (1811) и сб. «Стихотворения» (СПб., 1822). 23 мар. 1822 П. и Ч. присутствовали на вечере у *П. А. Вяземского*, на к-ром П. читал свою поэму (*РА*. 1901. № 3. С. 413—414) — Т. 1: *759*.

Пушкин Сергей Львович (1770—1840) — отец поэта. О дружеских отношениях П. и Ч. свидетельствует записка С. Л. к сыну 1831 г.: «Я обедал вчера у него (*И. И. Дмитриева.— В. С.*) с Ч., к-рый со своей стороны также просил меня передать тебе горячий привет. Он мне сказал, что всегда с удовольствием встречается со мной, потому что я — отец человека, которого он любит всем сердцем» (*ЛН*. Т. 16—18. М., 1934. С. 614) — Т. 2: 66, 120; *334*.

Пушкина Елена Григорьевна (урожд. Воейкова) (1778—1833) — мать *О. А. Пушкиной*, друг *Батюшкова*, *Жуковского* и др. рус. писателей — Т. 2: 63, 65; *304—306*; 431, *432*.

Пушкина Ольга Алексеевна (1801—1862), позднее в замужестве Орфано — дочь Е. Г. и Алексея Михайловича Пушкина (1771—1825), писателя, переводчика Мольера, актера-любителя, дальнего родственника *А. С. Пушкина* — Т. 2: 63; *304*; *431*.

Пыпин Александр Николаевич (1833—1904) — литературовед и этнограф, академик Петербург. АН (1898), двоюр. брат *Н. Г. Чернышевского*. Автор многочисленных трудов и статей по истории русской литературы, в к-рых значительное место отводится Ч.: Очерки общественного движения при Александре I // *ВЕ*. 1871. № 12. С. 760; Исторические очерки. Общественное движение в России при

Александре I. СПб., 1900; Характеристика литературных мнений, Чаадаев // *ВЕ*. 1871. № 12; Характеристики литературных мнений от 20-х до 50-х годов. СПб., 1890; Материалы для истории масонских лож // *ВЕ*. 1872. № 2. С. 600; Белинский, его жизнь и переписка. СПб., 1908; Пушкин. Историческое его значение и его сверстники // *ВЕ*. 1895. № 10; Письма Карамзина, вновь изданные // *ВЕ*. 1897. № 5; История русской литературы. СПб., 1913; Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX в. П., 1916; Очерки литературы и общественности при Александре I. П., 1917 — Т. 1: *679*, *680*, *713*, *714*, *728*, *756*, *757*, *759*; Т. 2: *358*, *374*, *384*; *550*.

Пятов Яков Иванович — приятель барона *А. И. Дельвига*, к-рый в 1851 хлопотал в Нижнем Новгороде по поводу свидетельства о закладе совместного имения братьями Чаадаевыми. Письмо к нему Ч. 1851 хранится в *ИРЛИ*, ф. 334, ед. хр. 431 — Т. 2: 263.

Радищев Александр Николаевич (1749—1802) — писатель, философ, революционер, автор «Путешествия из Петербурга в Москву» (1790).— Т. 1: 19.

Раевская Екатерина Петровна (урожд. Киндякова) (1812—1839) — жена *А. Н. Раевского* (с 1834), знакомая Ч., в доме к-рой он часто бывал в 30-е гг.— Т. 2: *318*.

Раевский Александр Николаевич (1795—1868) — сын ген. Н. Н. Раевского, участн. Отеч. войны 1812 г. Оказал сильное влияние на молодого *А. С. Пушкина* (был его «демоном»). За подозрение в принадлежности к тайному обществу был арестован, но вскоре освобожден с оправдательным аттестатом. В 1826 вышел в отставку и поселился в Москве. В 1834 женился на Е. П. Киндяковой (1812—1839), после смерти к-рой воспитывал дочь Александру. Сестра его Екатерина была замужем за *М. Ф. Орловым*. Через Орлова и *Н. Н. Раевского* Ч., по-видимому, и познакомился с Р., имя к-рого часто встречается в письмах Ч. к кузинам (см. *СП*, по указ.) — Т. 1: *736*; Т. 2: 228; *325*, *379*, *380*; 462, *464*, 488, *489*, 490, 500.

Раевский Владимир Федосеевич (1795—1872) — поэт, «первый декабрист» (арестован в 1822), друг *М. Ф. Орлова* и *А. С. Пушкина* — Т. 1: *43*.

Раевский Николай Николаевич (1801—1843) — сын ген. Н. Н. Раевского, участн. Отеч. войны 1812, с 1819 — ротмистр л.-гв. Гусарского полка, где подружился с Ч. — Т. 2: 20; *297*; 421.

Раймонд — хозяйка парижского отеля, в котором в 1824 останавливался Ч. — Т. 2: 33, 38; 427.

Рассел Джон (1792—1878) — англ. гос. деятель, лидер вигов. в 1846—1852 — премьер-министр — Т. 2: 180; *356*.

Рау Готлиб Людвиг — нем. врач, книга к-рого Ueber die Erkenntniss und Heilung der gesammten Hämorrhoidalkrankheit. Giessen, 1821 имеется в биб-ке Ч. (*Каталог*. № 566) с его усл. знаками — Т. 2: *296*.

Раумер Фридрих фон (1781—1873) — нем. историк, проф. Берлинского ун-та, автор книги Geschichte Europas seit dem Ende des fünfzehnten Jahrhunderts. Bd. 1—8. Leipzig, 1832—1850, имеющейся в биб-ке Ч. (*Каталог*. № 567). В т. 5 — усл. знаки — Т. 2: 115; *331*.

Рафаэль Санти (1483—1520) — итал. живописец и архитектор — Т. 2: 227; 426.

Рачинский Григорий Алексеевич (1859—1939) — философ, пе-

реводчик, литератор, близкий к символистам; переводчик писем и сочинений Ч., опубликованных в *СП* — Т. 1: *679*; Т. 2: *286*.

Резанов Николай Петрович (1764—1807) — один из учредителей Российско-американской компании, в 1803 послан в Японию для установления с ней торговых отношений. Составил «Словарь японского языка» и «Руководство к познанию японского языка». В издании *Rouleau* ему ошибочно приписан отзыв о японской цивилизации, на к-рый ссылается Ч. в *ФП I*. На самом деле отзыв принадлежит *В. М. Головнину* — Т. 1: *99*; *695*.

Рейнгардт Христиан Егорович (ок. 1765—1812) — проф. философии Моск. ун-та — Т. 1: *10*.

Рекамье Жюли (1777—1849) — хозяйка литературного салона в Париже, в котором собирались оппозиционно настроенные к *Наполеону* деятели литературы и искусства. По распоряжению Наполеона в 1811 была выслана из Парижа, куда вернулась в 1814. В 1819 переселилась в монастырь Аббе-о-Буа, где в ее салоне собирались видные полит. деятели, литераторы и ученые — Т. 2: (155); *345*.

Ремер Юлиус Август — нем. историк, автор книги Abriss des gesellschaftlichen Lebens in Europa bis zum Anfange des sechszehnten Jahrhunderts. Braunschweig, 1792, имеющейся в биб-ке Ч. с его усл. знаками и надписями (*Каталог*. № 574)—Т. 1: *765*.

Решетников — владелец типографии, в к-рой печатался журнал «Телескоп»; возможно, то же самое лицо, что и бывший домовладелец Ч., в доме к-рого он жил до 1833 (Столешников пер., 13/15; дом не сохранился)— Т. 2: 534.

Ржевусская Розалия Александровна (1791—1865) — рожд. княжна Любомирская, ревностная католичка, которая в 1835 читала *ФП* и вносила в них некоторые поправки, которые Ч. принял весьма благосклонно — Т. 2: 90.

Рид Томас (1710—1793) — англ. философ, основатель шотландской школы «здравого смысла». В биб-ке Ч. имеется его Oeuvres complètes. Т. 1—6. P., 1828—1836 (*Каталог*. № 571)—Т. 1: *702*.

Риего-и-Нуньес Рафаэль дель (1785—1823) — деятель испанской революции 1820—1823. Казнен по приговору королевского суда — Т. 2: *291*.

Рио Алексис Франсуа — франц. философ, автор книги Essai sur l'histoire de l'esprit humain dans l'antiquité. P., *1829* (*Каталог*. № 579), 1-й том к-рой имеется в биб-ке Ч. с его усл. знаками — Т. 1: *702*.

Робеспьер Максимильен (1758—1794) — деятель Великой франц. революции, вождь якобинцев. Отстранен от власти в результате термидорианского переворота, арестован и без суда гильотинирован — Т. 2: 94; 545.

Роде Иоганн Готлиб — нем. историк-индолог. В биб-ке Ч. имеется его книга Ueber religiöse Bildung, Mythologie und Philosophie der Hindus. Bd. 1—2. Leipzig, 1827 (*Каталог*. № 575). В обоих томах усл. знаки и надписи — Т. 1: *725*, *765*.

Роджерс Самюэль (1763—1855) — англ. поэт. В имеющейся у него книге The living poets of England. P., 1827. V. 1 (*Каталог*. № 433). Ч. отметил два стихотворения Р.: «On a tear» (p. 90), «Human Life» (p. 93) — Т. 1: *725*.

Родионов Егор — слуга Ч., отпущенный в 1856 на волю по завещанию П. Я. Поселился в с. Алексеевском, работал полотером.

Его дети получили фамилию Чаадаевых, Чедаевых, Чадаевых (см.: Декабристы Дмитровского уезда. Дмитров, 1925. С. 78—79) — Т. 1: 573; *757*.

Рожалин Николай Матвеевич (1805—1834) — литератор, член моск. кружка «любомудров», знаток античной литературы, переводчик *Гете*, друг *Д. В. Веневитинова*, знакомый *А. С. Пушкина*, *М. П. Погодина*, *С. А. Соболевского* — Т. 1: *711*.

Розан де, герцогиня — Т. 2: *351*.

Розе-Симонне — фр. банкир — Т. 2: 428.

Россет Климентий Осипович (1811—1866) — брат *А. О. Смирновой*, майор, титулярный советник. Ему сообщил *А. С. Пушкин* содержание своего ответа Ч. по поводу опубликованного *ФП*, а Р. в свою очередь предупредил Пушкина о начавшихся репрессиях по отношению к публикации *ФП* в «Телескопе» и предостерег поэта от отсылки письма Ч. по почте — Т. 2: *326*.

Рост Мария Ивановна — племянница М. Я. и П. Я. Чаадаевых, жившая в Москве. Сохранилось ее письмо к М. Я. Ч. от 22 авг. 1837 (*ГАГО*, ф. 984, оп. 816, ед. хр. 9) и письмо к П. Я. Ч. от 15 июня 1849, написанное по-франц. (*ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 52). В «Реестре роду Чаадаевых» (*НГУАК*, с. 399) упомянута «Мария Ивановна, что ныне Рост», родившаяся в «Питербурге» 24 февраля 1758 г., но эта М. И., по возрасту годится М. Я. и П. Я. в матери, а фактически доводится им двоюродной сестрой (ее отец, Иван Петрович — старший брат Я. П. Чаадаева). «Племянница» М. И., вероятнее всего, ее внучка и, т. о., троюродная племянница М. Я. и П. Я.— Т. 2: 259; *373*; 411.

Ростопчина Евдокия Петровна (урожд. Сушкова) (1811—1858) — графиня, поэтесса, племянница *Н. В. Сушкова*, на вечере у к-рого 15 нояб. 1851 присутствовала вместе с Ч. (Дневник И. М. Снегирева. М., 1904. Т. 1. С. 488). Сохранилось 6 ее писем к Ч. на франц. яз. (*ГБЛ*, ф. 103 п. 1032, ед. хр. 51). Ч. послужил прообразом главного героя поэмы Р. «Возвращение Чацкого в Москву». О Ч. и Р. см.: *Ростопчина Е. П.* Талисман. М., 1987. С. 282, 284, 286, 298 — Т. 2: 139, 179, 207, 254; *338*, *353*, *364*, *365*, *391*, *403*.

Рот Л. О.— ген.-лейтенант, командир Полтавского пехотного полка, под началом к-рого служил *М. П. Бестужев-Рюмин* после расформирования Семен. полка. В нояб. 1825 отправил на имя *Дибича* в Таганрог (где тот находился при теле умершего *Александра I*) донос на декабристов, полученный от капитана А. И. Майбороды. В янв. 1826 Р. принимал активное участие в подавлении восстания Черниговского полка — Т. 2: 414—415.

Ротчев Александр Гаврилович (1806—1873) — поэт и публицист, в 1835—1842 правитель колонии Росс в Калифорнии. В 1828 издал сб. стихов «Подражание Корану», написанный, быть может, не без влияния Ч. Во время Крымской войны издал памфлет «Правда об Англии» (1854), за к-рый был награжден бриллиантовым перстнем. С Ч. Р. познакомился, возможно, в 1828, в типогр. *А. Семена* — Т. 2: 437.

Ротшильд, банкир — Т. 2: 25, 30, 38, 43, 44.

Руайе-Коллар Пьер Поль (1763—1845) — фр. полит. деятель, философ. В 1828—1830 председатель палаты депутатов. В марте 1830 организовал адрес палаты депутатов с требованием отставки Полиньяка — Т. 2: 73; 426.

Руло Франсуа — фр. исследователь творчества Ч., издатель его сочинений — Т. 1: *8*; *681*, *682*, *684*, *686—689*, *695*, *698*, *708*, *709*, *712*, *742*, *754*; Т. 2: *535*.

Румковский — Моск. почт-директор — Т. 2: *293*.

Руссо Жан-Жак (1712—1778) — фр. философ, писатель и композитор. В биб-ке Ч. имеется книга Р. Profession de foi du vicaire savoyard. P., 1822 (*Каталог*. № 587) с усл. знаками — Т. 1: 457; *723*, *725*; Т. 2: 25, 49; *283*, *346*.

Рылеев Кондратий Федорович (1795—1826) — поэт-декабрист, сыгравший ведущую роль в подготовке восстания 14 дек. 1825. Повешен по приговору следственной комиссии. На вопрос следственной комиссии о принадлежности Ч. к тайным обществам ответил: «Вовсе не знаю» (*ЛН*. Т. 59. М., 1954. С. 200), хотя по утверждению Штейнгеля, прокомментированному Т. Г. Снытко, «ему не могло не быть известно „политическое прошлое" таких людей, как Катенин, А. А. Оленин, Чаадаев и другие: он часто встречался с ними» (там же. С. 170) — Т. 2: *291*, *406*.

Рюрик — скандинавский конунг, призванный новгородцами в 862 править славянами — Т. 2: 465, 515.

Саблер Василий Федорович — моск. врач-психиатр, владелец «Частного заведения для пользования ума лишенных» (на Красносельской ул.)— Т. 2: *460*.

Сабуров Яков Иванович (1798—1858) — офицер л.-гв. Гусарского полка, близкий друг *А. С. Пушкина* в его лицейские годы. С. был свидетелем крепнувшей дружбы юного поэта с Ч. 26 мая 1817 Ч. и С. посетили А. С. Пушкина в лицее по случаю его дня рождения (см.: *Цявловский М. А.* Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 112) — Т. 1: *727*.

Савонарола Джироламо (1452—1498) — итал. религ.-полит. деятель, поэт. С 1491 приор монастыря Сан-Марко во Флоренции, в 1494 способствовал установлению во Флоренции республиканского строя, одновременно с этим выступив с резкой критикой папской политики. В 1497 отлучен от церкви, в ответ выступил с призывом созвать церковный собор и низложить папу. Был арестован флорентийской синьорией и по ее приговору повешен, а труп его сожжен — Т. 2: 131.

Сазонов Николай Иванович (1815—1862) — публицист и обществ. деятель, член кружка *А. И. Герцена*, с конца 30-х гг. жил в Париже, автор памфлета «Правда об императоре Николае», изданного в 1854 на франц. яз. Испытал сильное влияние идей Ч. «Простого труда,— пишет А. И. Герцен в 5-й ч. «Былого и дум»,— ему было мало, сведенный на перо, он всякий раз, когда брал его, хотел сделать что-нибудь необыкновенное, громовое,— „Письмо" Чаадаева постоянно носилось в его уме» — Т. 2: 140, (172?); *310*, *351*; 550; *552*.

Саитов Владимир Иванович (1849—1938) — историк рус. лит-ры, пушкинист, библиограф — Т. 2: *286*.

Саллюстий Гай Крисп (86 — ок. 35 до н. э.) — римск. историк, автор «Истории» (сохранились фрагменты), «О заговоре Катилины», «Югуртинской войны» — Т. 1: 541; *745*.

Салтыков Михаил Александрович (1767—1851) — попечитель Казанского учебного округа (1812—1818), с дек. 1828 сенатор 6-го (московского) департамента Сената, с февр. 1830 по 1849 по-

четный опекун Моск. опекунского совета. С Ч. познакомился в конце 20-х гг. через *Н. Н. Шереметеву*. 11 писем С. к Ч., написанных по-франц., с 1830 по 1845 г., сохранилось среди бумаг Ч. (*ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 54). История взаимоотношений Ч. и С. подробно изложена в кн.: *Тарасов II*. С. 222—224; там же в переводе даны выдержки из писем С. к Ч.— Т. 2: 226; *307*; 453.

Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826—1889) — писатель-сатирик — Т. 2: *401*.

Самарин Юрий Федорович (1819—1876) — обществ. деятель и публицист, славянофил. С Ч. познакомился не позже 1840 г. (Документально зафиксирована дата его знакомства с *А. С. Хомяковым* на квартире у Ч.— см.: *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 8. С. 236; *СП I*. С. 403). Ч. упоминается в письмах С. к *К. С. Аксакову* (*Самарин Ю. Ф.* Соч. М., 1911. Т. 12. С. 43 — 44). В конце апреля этого года С. вместе с *А. И. Герценом* был распорядителем на торжественном обеде, устроенном в доме Аксакова по случаю окончания публичных лекций *Т. Н. Грановского*, на к-ром присутствовал и Ч. После защиты диссертации С. поступил на государственную службу и в августе уехал в Петербург, где около года прослужил в Сенате, а затем перешел в мин-во внутр. дел и был направлен в Ригу в качестве делопроизводителя комитета по устройству Лифляндских крестьян. В 1847 в Москве встречался с Ч. В 1848 С. написал знаменитую записку об «антирусской» (по его мнению) деятельности генерал-губернатора Остзейского края А. А. Суворова (внука полководца), к-рый противодействовал стремлениям С. обратить население Лифляндии в православие. Записка эта широко обсуждалась в салонах Москвы и Петербурга. Знаком с ней был, по-видимому, и Ч. (*Барсуков*. Кн. 10. С. 39). Православный пыл С. вызвал «высочайшее» недовольство, он был заключен на 12 дней в Петропавловскую крепость, а 17 мар. 1849 отвезен на допрос к царю в Зимний дворец, после чего был отправлен сначала в Москву, а затем выслан в Симбирск, а оттуда — в Киев. Одна из последних встреч Ч. с С. зафиксирована 16 января 1855 (Дневник В. С. Аксаковой. СПб., 1913, с. 40) — Т. 1: *63*; *756*; Т. 2: (168), 171, 179, 195; *349*, *350*, *359*; 491, 492.

Сатурн (миф) — бог посевов у древних римлян, отождествлявшийся с древнегреч. богом Кроносом — Т. 1: *711*.

Саути Элен-Сарра — вторая жена С. Д. Полторацкого — Т. 2: *367*.

Сведенборг Эмануэль (1688—1772) — швед. ученый и теософмистик. Не известно, читал ли Ч. оригинальные сочинения С., но был знаком с книгой *И. Гёрреса* о нем, сохранившейся в его биб-ке (*Каталог*. № 295) — Т. 1: 458; *723*, *724*.

Свербеев Александр Дмитриевич (1835—1917) — сын *Д. Н.* и *Е. А. Свербеевых*, сенатор, автор неопубликованных записок «Мои воспоминания», в к-рых рассказывает о Ч. как об «особенно частом посетителе нашей семьи» (*ЦГАЛИ*, ф. 472, оп. 1, ед. хр. 103, л. 12) — Т. 2: *362*.

Свербеев Дмитрий Николаевич (1799—1874) — моск. литератор, муж *Е. А. Свербеевой*. Летом 1824 С., будучи сотрудником Российской миссии в Швейцарии, встречался с Ч. в Берне. Дальнейшее их знакомство продолжалось в Москве до самой смерти Ч.— Т. 1: *8*; *713*, *759*; *785*; 794, 795; *798*; Т. 2: (165), 226; *289*, *300*, *305*, *325*, *337*, *355*, *361*, *363*, *370*, *373*, *378—380*, *402*, *408*; 411; *462*.

Свербеев Николай Дмитриевич (1829—1860) — сын *Д. Н.* и *Е. А. Свербеевых*. После окончания Моск. ун-та (со степенью кандидата права) служил в Вост. Сибири под началом ген.-губернатора Н. Н. Муравьева-Амурского. Был знаком со многими ссыльными декабристами: И. И. Пущиным, *И. Д. Якушкиным*, *С. П. Трубецким* (на дочери к-рого, Зинаиде, женился 29 апреля 1856) — Т. 2: 513, 514, *515*.

Свербеева Екатерина Александровна (урожд. княжна Щербатова) (1808—1892) — жена *Д. Н. Свербеева* (с 1827), двоюродная сестра Ч. В ее литературном салоне, к-рый находился сначала на Страстном, а затем на Тверском бул. (где в доме «химика» родился *А. И. Герцен*, а ныне там Лит. ин-т), а с конца 40-х гг. в Большом Николопесковском пер. (ныне ул. Вахтангова), бывала вся литературная и окололитературная Москва. Завсегдатаем салона был и Ч. Подробно о семье Свербеевых см.: *Краевский Б.* Д. Н. Свербеев / Куранты. Истор.-краевед. альманах. М., 1987. Вып. II. С. 211—217 — Т. 1: *75*; *745*; Т. 2: 114, 124, 131, 140, 149, 155, (156), 165, 166, 171, 172, 180, 181, (194), 258; *318*, *334—336*, *340—342*, *344—346*, *348—351*, *356*, *357*, *359*, *362*, *379*, *392*, *393*; 411; 490, 499.

Сверчков — сотрудник Российского посольства в Италии — Т. 2: 51.

Свечина Софья Петровна (рожд. Соймонова) (1782—1857) — жена петербург. воен. губернатора Н. В. Свечина (1759—1850), обратившаяся под влиянием *Ж. де Местра* в католичество. В 1815 уехала вместе с мужем в Париж, где открыла салон, к-рый посещала высшая аристократия и литературные знаменитости — Т. 2: 93, 101; *309*, *322*, *351*.

Свешников — книготорговец — Т. 2: 534.

Святослав Игоревич (ум. 972 или 973) — вел. князь киевский (с 945) — Т. 1: *22*; Т. 2: 461, 465.

Селевкиды — династия, правившая в 312—64 до н. э. в одном из эллинистических государств, образовавшихся после распада империи *Александра Македонского* — Т. 1: 401; *707*.

Селиванов — один из издателей журнала «Московский Наблюдатель» — Т. 2: 534.

Селивановский Николай Семенович (1806—1852) — моск. типограф и издатель — Т. 2: 534.

Семевский Владимир Иванович (1848—1916) — историк и журналист. Автор статей и книг по истории XIX в., в к-рых часто упоминается Ч.: «Восстание в Семеновском полку» (Былое. 1907. № 2), «Политические и общественные идеи декабристов» (СПб., 1909), «Декабристы-масоны» (Минувшие годы. 1928) — Т. 1: *759*.

Семен Август Иванович (1788—1862) — француз, в 1809 переехавший в Россию. С 1820 по 1846 арендовал типографию при Моск. отделении Медикохирургической академии, книгоиздатель и книгопродавец. В начале 30-х гг. Ч. собирался напечатать в типографии С. «Письма о философии истории» (*ФП VI* и *VII*), но намерение это не было осуществлено. В 1828 Ч. опубликовал у С. свою (предположительно) поэму «Рыбаки» — Т. 1: *690*, *707*; 770; *784*; Т. 2: 114, 115; *538*.

Сенека Луций Анней (ок. 4 до н. э.—65 н. э.) — римск. полит. деятель, писатель и философ. В биб-ке Ч. имеется издание Oeuvres de Séneque de la philosophie T. 1—6. P., 1795 (*Каталог.* № 616).

В тт. 2—6 — усл. знаки и надписи Ч.— Т. 1: 621, 623; *698*, *765*, *768*.

Сенковский Осип Иванович (1800—1858) — писатель, журналист, востоковед, член.-корр. Петербург. АН, редактор журн. «Библиотека для чтения», в к-ром печатался под псевдонимом «Барон Брамбеус» — Т. 2: *321*; *451*.

Сен-При Карл Францевич (1782—1863) — граф, франц. эмигрант, до 1821 херсонский и подольский губернатор, после возвращения во Францию член палаты пэров; в 1848 вернулся в Россию и поселился в Москве, где встречался с *Ф. И. Тютчевым* и Ч.— Т. 2: *448*.

Сен-Симон Клод Анри де Рувруа (1760—1825) — франц. мыслитель, социолог, социалист-утопист. В библиотеке Ч. имеется книга Religion Saint-simonniene. Bruxelle, 1831 (*Каталог*. № 572) с многочисленными усл. знаками — Т. 1: *42*; *734*; Т. 2: *71*; *310*.

Серафим (1763—1843) — митрополит Петербургский— Т. 1: *46*; Т. 2: *326*.

Сервантес де Сааведра Мигель (1547—1616) — исп. писатель — Т. 1: *761*.

Сервет Мигель (1509 или 1511—1553) — исп. мыслитель, врач, ученый. Вступил в острую полемику по богословским вопросам с *Ж. Кальвином*, был арестован инквизицией, но сумел убежать. В Женеве был схвачен кальвинистами, обвинен в ереси и за отказ отречься от своих убеждений был сожжен. В 1903 кальвинисты воздвигли в честь С. памятник в Женеве — Т. 1: 413.

Силлем-Бенеке — гамбургский банкир — Т. 2: 19.

Сильвестр Эсперанс (1790 — после 1855) — швейцарка, воспитательница герцогских детей в Веймаре, детей вел. княгини Марии Павловны и детей *С. С. Уварова* в Петербурге. Была большой поклонницей русской литературы и одной из первых сообщила в Веймар о гибели *А. С. Пушкина*. Была знакома с *Гёте*, Эккерманом, *Жуковским*, *А. И. Тургеневым* (к-рый неправильно называет ее Сильверст) (см. о ней: *Данилевский Р. Ю.* „Россика" Веймарского архива // Взаимосвязи русской и зарубежных литератур. Л., 1983. С. 145—183; *Он же*. Э. Сильвестр и ее письмо о Пушкине (*ВрПК*-1975. Л., 1979. С. 5—14) — Т. 2: *312*; *451*.

Симон Луи — франц. писатель. В биб-ке Ч. имеется его книга Voyage en Italie et en Sicile. T. 1—2. P., 1829 (*Каталог*. № 622) с усл. знаками и надписью во 2-м томе — Т. 2: 24.

Симонов Иван Михайлович (1794—1855) — астроном, член-корр. Петербург. АН, проф. и ректор (с 1846) Казанского ун-та, участник кругосветного путешествия Беллинсгаузена и Лазарева. В 1823—1824 С. вместе с *А. Н. Купфером* жил в Париже, куда они были командированы для закупки физических инструментов — Т. 2: 97.

Синицын Петр — камердинер *М. Я. Чаадаева*, бурмистр с. Хрипуново — Т. 2: 218; *370*; 443.

Сиркур Адольф Мария Пьер де (1801—1879) — граф., франц. дипломат и публицист. После Реставрации вернулся во Францию и с 1822 служил сначала в мин-ве внутр. дел, а затем в мин-ве иностр. дел под началом *Полиньяка* (до Июльской революции, после к-рой С. остался «без работы»). С 1830 путешествовал по странам Европы, в Швейцарии женился на А. С. Хлюстиной. В 1835—1836 супруги С. побывали в России, где познакомились с *А. С. Пушкиным*, *П. А. Вяземским*, *В. А. Жуковским*, Чаадаевым,

По возвращении из первой поездки в Россию С. в 1836 опубликовал две статьи — «Троица» (1836) о посещении Троице-Сергиевой Лавры и «Эрмитаж» (1837) (экземпляр последней с автографом С. хранится в *ГБЛ*). В 1836 написал два письма Ч.: 3 фев. из Дрездена и 29 апр. из Мюнхена (*ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 60). Ответные письма Ч. неизвестны. В 1837 Сиркуры поселились в Париже, где открыли литературный салон, к-рый посещали знаменитости Европы и даже Америки. В 1844 Сиркуры вновь посетили Россию. Незадолго перед тем в Берлине С. виделся с *Шеллингом* и говорил с ним о Ч. В Москве Сиркуры пробыли, по крайней мере, весь февраль, а, может быть, и март, т. к. 28 марта в Кенигсберге умер брат *А. С. Сиркур С. С. Хлюстин*, тело к-рого привезли в Москву и похоронили в женском Алексеевском монастыре. Трудно предположить, что Сиркуры уехали из Москвы, уклонившись от этого печального обряда. В *ГБЛ* хранятся писарские копии на 20 листах двух писем Ч. к С. (15 янв. 1845 и 25 апр. 1846) и двух писем С. к Ч. (21 апр. 1845 и 6 фев. 1846), изготовленные для *С. Д. Полторацкого*, причем, как следует из надписей на письмах, изготовлялись они в марте 1850 (ф. 233, к. 52, ед. хр. 17). С содержанием переписки Ч. и С. был знаком *А. И. Тургенев*, к-рый в свою очередь знакомил с ней *В. А. Жуковского* и *Н. В. Гоголя* (*ЛН*. Т. 58. С. 670). Для Ч. С. был тем «окном в Европу», через к-рое осуществлялась его связь с мыслящим миром. Последнее письмо от С. Ч. получил в 1852 (письмо не сохранилось), затянул с ответом, а начавшаяся вскоре Крымская война положила естественный конец их общению — Т. 1: *54*, *75*, *78*; 581; *687*, *734*, *754*, *755*; Т. 2: 93, 140, 172, 173, 178, 179, 183, 186, 211, (264), 267, 271; *320*, *322*, *340*, *341*, *351*, *352*, *353*, *357*, *358*, *364*, *367*, *382*, *396*, *401*, *403*; 484, 489, 500.

Сиркур Анастасия Семеновна (урожд. Хлюстина) (1808—1863) — сестра *С. С. Хлюстина*, племянница *Ф. И. Толстого* («Американца»), жена графа *А. де Сиркура*, автор ряда статей о рус. лит-ре. В 1829 в Риме познакомилась с «польским Байроном» — А. Мицкевичем, к-рый питал по отношению к ней серьезные намерения. Пока «польский Байрон» сомневался А. С. вышла замуж за графа Сиркура. С. была знакома и вела переписку с *В. А. Жуковским* (*ЛН*. Т. 58. С. 152), *А. И. Тургеневым*, *С. Д. Полторацким* (*ГПБ*, ф. 603, ед. хр. 185, 394, 395) и в Париже — с Е. Н. Дантес-Геккерн (*Звенья*. Т. IX. М., 1951. С. 181). См. также статью С. Леонидова «Найден портрет А. С. Сиркур» (Нева. 1980. № 6. С. 220) — Т. 2: (88), 93, 138, 156, 166, 172, 174, 178, 211; *317*, *320*, *322*, *342*, *351*; 482, 483, (488), 500.

Сисмонди Жан Шарль Леонар Симонд де (1773—1842)— швейц. экономист и историк. В биб-ке Ч. имеется его исследование Histoire des français. Т. 1—31. Р., 1821—1844 (*Каталог*. № 623); в т. 3, 4, 6 и 8 имеются усл. знаки, в т. 5 между с. 112 и 113 была вклеена статья Ч. «Несколько слов о польском вопросе» — Т. 1: *738*.

Скопин-Шуйский Михаил Васильевич (1586—1610) — гос. и воен. деятель, воевода. В марте 1610, разбив войска Лжедмитрия II, снял блокаду с Москвы — Т. 2: 91.

Скорина Франциск (до 1490 — до 1541) — белорусский просветитель и первопечатник — Т. 2: *298*.

Скотт Вальтер (1771—1832) — англ. писатель и поэт, историч. романист — Т. 2: *462*.

Слепцов Николай Сергеевич (1798—1831) — штаб-ротмистр

л.-гв. Гусарского полка, масон, муж сестры *Ф. П. Шаховского Екатерины*. Умер от ран, полученных в боях под Варшавой во время Польского восстания — Т. 2: *305*.

Смирнова Александра Осиповна (урожд. Россет) (1809—1882) — дочь франц. эмигранта, коменданта одесского порта. Была знакома с *А. С. Пушкиным*, *Н. В. Гоголем*, *В. А. Жуковским* и др. В ее «Записках» имеется несколько упоминаний о Ч. (см.: Записки А. О. Смирновой. СПб., 1895. Ч. 1. СПб., 1898. Ч. 2) — Т. 1: *11*; *727*; Т. 2: *349*, *384*, *400*, *402*; *464*.

Снегирев Иван Михайлович (1793—1868) — университетский товарищ Ч., ординарный проф. латинской словесности Моск. ун-та (1826—1836), цензор моск. цензурного комитета (1826—1850). В его «Дневнике» содержится ряд упоминаний о Ч. (М., 1904. Т. 1; 1905. Т. 2). — Т. 2: *320*.

Соболевский Сергей Александрович (1803—1870) — библиограф и библиофил, поэт-эпиграммист, однокашник Льва Сергеевича Пушкина, через к-рого познакомился и с поэтом. С Ч. познакомился в 1826 и в дальнейшем довольно часто встречался в московских салонах — Т. 1: *758*; 796; Т. 2: (262); *293*, *305*, *394*, *400*; *464*.

Сократ (470/469—399 до н. э.) — древнегреч. философ.— Т. 1: *30*; 354, 396, 425, 426; *702*, *709*; Т. 2: 235.

Сократ Схоластик — церковный историк V в.— Т. 2: 189.

Солиман — см. **Сулейман I.**

Соллогуб Владимир Александрович (1818—1882) — граф, писатель. О совместном посещении С. и Ч. *А. И. Герцена* рассказывает Т. П. Пассек («Из дальних лет». М., 1963. Т. 2. С. 323). По ее же мнению, «Ч., Свербеев (Д. Н.), Н. Н. Боборыкин, Соллогуб (В. А.), А. А. Тучков» принадлежали к числу западников (там же. С. 302) — Т. 2: 183.

Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900) — философ, поэт и публицист. С. несомненно испытал на себе влияние идей Ч., хотя в своих сочинениях ни разу не упомянул его — Т. 1: *82*.

Соловьев Сергей Михайлович (1820—1879) — историк, чл. Петербург. АН (1872). С Ч. познакомился, по-видимому, в самом начале 50-х гг. 21 окт. 1851 Ч. и С. присутствовали на торжественном обеде, устроенном в залах Училища Живописи и Ваяния в честь «благополучного возвращения из чужих краев» *П. А. Вяземского* (*Барсуков*. Кн. 11. С. 165—166). О посещении свербеевских «пятниц» Ч. и С. в 1852 рассказывает *А. Д. Свербеев* «(Мои воспоминания» — *ЦГАЛИ*; ф. 472, оп. 1, ед. хр. 103, л. 6), несколько слов о Ч. сказано в «Записках С. М. Соловьева» (Пг., б/г. С. 152—153) — Т. 1: *77*; Т. 2: *405*.

Соломирский Павел Дмитриевич (1801—1861) — зять *А. Я. Булгакова* (в 1835 женился на его дочери Екатерине). Свою службу в л.-гв. Гусарском полку начал в 1816 корнетом, с апреля 1833— полковник, впоследствии ген.-майор. Был знаком с Ч., *А. С. Пушкиным*, *М. Ю. Лермонтовым* (к-рому мог сообщить некоторые сведения о Ч.) и др.— Т. 2: (248) (?); *388*.

Соломон (библ.) — третий израильский царь, сын царя *Давида*. «Книга Притчей Соломоновых» и «Книга Премудростей Соломона», судя по отметкам Ч. на экземпляре принадлежавшей ему Библии (*Каталог*. № 137), были наиболее любимыми и наиболее читаемыми им произведениями Ветхого Завета — Т. 1: (599).

Сонцов Матвей Михайлович (1779—1847) — чиновник особых

поручений при Мин-ве юстиции, камергер, женатый на тетке *А. С. Пушкина* Елизавете Львовне. С Ч. познакомился не позднее 1822 (*РА*. 1901. № 3. С. 413—414) — Т. 2: 137, 138; *337*.

Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839) — гос. деятель, граф (с 1839). В 1809 по поручению *Александра I* разработал проект гос. преобразований России, но по обвинению в измене был сослан сначала в Ниж. Новгород, затем в Пермь (где, впрочем, занимал важные административные посты). В 1821 возвращен в Петербург. При *Николае I* был членом Верховного уголовного суда над декабристами (к-рые готовили ему пост главы правительства в случае победы восстания); позднее под рук. С. были составлены «Полное собрание законов Российской империи» (45 т.) и «Свод законов Российской империи» (15 т.) — Т. 2: 470, 471.

Спиноза Бенедикт (1632—1677) — нидерланд. философ. В биб-ке Ч. имеются издания соч. С. на франц. и нем. языках: Oeuvres de Spinoza. Scr. 1—2. P., 1824; Spinoza's philosophische Schriften. Bd. 1. Gera, 1787; Spinoza's philosophische Schriften. Bd. 2. T. 1. Bd. 3. T. 2. (Ethik). Leipzig, 1796. (*Каталог*. №№ 625—627) с многочисленными усл. знаками и надписями— Т. 1: *37*; 366, 368, 460, 482, 599, 624; *699*, (*700*), *704*, *725*, *765*, *767—769*.

Спурцгейм Иоганн Каспар (1776—1832) — нем. френолог, ученик Галля, создавший собственную френологическую систему. Его книга Observations sur la folie. P., 1818 (*Каталог*. № 628) с усл. знаками и надписями имеется в биб-ке Ч.— Т. 1: 624, 626; *765*; Т. 2: 98.

Стагирит — см.: **Аристотель.**

Сталь Анна Луиза Жермена де (1766—1817) — франц. писательница, теоретик литературы, публицист. 14 июля (одновременно с вторгшимися в Россию войсками *Наполеона*) пересекла в Бродах русскую границу, посетила Москву и Петербург. После Реставрации поселилась в Париже, где открыла литературный салон, к-рый посещали кн. *П. Б. Козловский*, *А. И. Тургенев* и др. Сочинения С. в России пользовались большой популярностью, а сама она была «властительницей дум» целого поколения русских людей. Заметно ее влияние и на Ч., в биб-ке к-рого имеются ее книги De l'Allemagne. T. 1—4. P., 1818; De l'Allemagne: T. 1—3. Bruxelles, 1832; Lettres sur l'Angleterre. P., 1825 (*Каталог*. №№ 629—631). Во всех книгах — усл. знаки и надписи — Т. 1: 444, 625, 626; *718*, *765*; Т. 2: *347*; *462*; *544*.

Станкевич Николай Владимирович (1813—1840) — обществ. деятель, философ и поэт. Был знаком со многими, кто знал Ч.: *Н. И. Надеждиным*, *В. Г. Белинским*, *А. В. Кольцовым*, *Т. Н. Грановским* и др.,— но не с самим Ч.— Т. 1: *60*; *706*, *707*.

Стасов Владимир Васильевич (1824—1906) — художеств. и музыкальный критик, историк искусства, археолог, почетный член АН (1900). В 1905—1906 С. работал над книгой о Ч. «Им была написана большая статья о Ч., заключавшая кроме его собственного текста целый ряд неизданных литературных материалов, относящихся до знаменитого мыслителя, в том числе были переведены французские письма (письма эти были переведены А. Н. Шульговской — крестницей Н. В. Стасовой и известной переводчицей), *до сих пор еще никем не обнародованные или даже не упоминавшиеся* (книга С. была закончена и сдана в печать задолго до книги г. Гершензона). Эта работа была уже сдана в типографию, частью

набрана, подвергнута автором вновь пересмотру и наконец окончательно сдана в печать. Но случилось нечто странное. Сначала типографию постигла какая-то административная кара: она была временно закрыта. Затем, когда ее открыли, владелец типографии нигде не мог найти оригинала и пробовал уверять, что он-де забран был в охранное отделение. Но по справкам, наведенным там (а вторично уже после смерти В. В.), совершенно определенно оказалось, что ни этой, ни других рукописей, принадлежащих ни в чем политическом не замеченным авторам, из типографии не брали, чему имелись письменные доказательства. Рукопись С. «*Чаадаев*» «бесследно» пропала! После его смерти, братом его Д. В. и мною были найдены лишь написанные его рукой: план работы, часть переводов, все выписки и заметки, да готовая черновая вступительная глава и часть заключительной, которые и были мною напечатаны в РС 1908 г. (№ 1, с. 33—54; № 2, с. 271—297.— *В. С.*). Очень интересно бы узнать, в чьих руках находится вся эта работа В. В. ?» (*Каренин В.* Владимир Стасов. Очерк его жизни и деятельности. Л., 1922. Ч. 2. С. 633—634). Оставшиеся от нее материалы хранятся в *ИРЛИ*, ф. РС, оп. 1, ед. хр. 408. В декабре 1906 С. ознакомил с частью своей работы *Л. Н. Толстого*, к-рый нашел, что его и Ч. взгляды на искусство очень близки друг другу (см. его письмо к С. от 24 дек. 1906). Знакомство с опубликованной сохранившейся частью труда С. о Ч. убеждает, что потеря его — одна из горестных потерь, понесенных отечественной наукой— **Т. 2:** *406*.

Стасюлевич Михаил Матвеевич (1826—1911) — историк, журналист и обществ. деятель. В 1866—1908 — гл. редактор журнала *ВЕ*. Переписка С. с *М. И. Жихаревым* по поводу «портрета, подсвечника и кресла», принадлежавших Ч. и к-рые его племянник в 1872 пожелал передать редакции *ВЕ*, хранится в *ГПБ*, ф. 621, ед. хр. 824, лл. 80, 82—83 — **Т. 1:** *678*, *679*, *713*, *716*, *756*, *757*.

Стенфорд — английская знакомая Ч.— **Т. 2:** 417.

Степан — см.: **Иванов.**

Степан — см.: **Никитин.**

Степан Малый — самозванец, к-рый под именем Российского императора Петра III правил Черногорией в 1766—1773 (см.: *Мыльников А. С.* Легенда о русском принце. Л., 1987. С. 34—61) — **Т. 2:** *390*.

Степанов Н. Н.— **Т. 2:** *392*.

Стефан Яворский — см.: **Яворский Стефан.**

Страхов Николай Николаевич (1828—1896) — литературный критик, публицист и философ, близкий друг *Ф. М. Достоевского* и *Л. Н. Толстого*. В своей книге «Бедность нашей литературы» (1868) выдвинул формулу: «Ч. был то же в отношении к Пушкину, что Радищев в отношении к Державину» (*Страхов Н. Н.* Литературная критика. М., 1984. С. 72) — **Т. 1;** *70*.

Строганов Сергей Григорьевич (1794—1882) — граф, участн. Отеч. войны 1812, с 1816 — штаб-ротмистр л.-гв. Гусарского полка, с 1828 — ген.-майор, 1835—1847 — попечитель Моск. учебного округа, председатель моск. цензурного комитета — **Т. 1:** 580; *743*; **Т. 2:** 112; *329*, *330*; *524*, *526*, 528, 531, *539*.

Струве Глеб — америк. исследователь русской истории, литературы и культуры, сын П. Б. Струве — **Т. 1:** *735*, *760*.

Стурдза Александр Скарлатович (1791—1854) — чиновник

МИДа, автор работы по религ. и полит. вопросам — Т. 2: 226, 274; *378*, *404*.

Стюарт Дюгальт (1753—1808) — англ. философ, представитель шотландской школы «здравого смысла». В биб-ке Ч. имеются соч. С.: Eléments de la philosophie de l'esprit humain. T. 1—3, Genève, 1808—1825; Histoire abrégée des sciences métaphysiques, morales et politiques... Pt. 1—3. P., 1820—1823. (*Каталог*. №№ 634, 635). В т. 3 (№ 634) — усл. знаки и надписи. Первые два тома утеряны и заменены другими — Т. 1: 626; *702*, *765*.

Сулейман I Великий (1495—1566) — турец. султан в 1520—1566, к-рый вел бесконечные завоевательные войны и при к-ром Османская империя достигла наибольшего территориального расширения и наивысшего могущества — Т. 1: 562.

Султан-Шах М. П. — автор статьи «А. Якушкина — автор письма к Чаадаеву» / *РЛ*. 1959. № 3. С. 188—189 — Т. 2: *433*.

Сунгуров Николай Петрович (1805—?) — возглавлял тайное общество в Москве, выдавая себя за члена общества декабристов, уцелевшего после разгрома 1825. Вел переговоры со студенческим кружком *Я. И. Костенецкого*, участников к-рого объединяла общая ненависть к режиму *Николая I*. В июле 1831 по доносу студента Моск. ун-та И. Н. Полоника С. и 25 его знакомых были арестованы, С. был приговорен к каторжным работам и умер в Сибири — Т. 1: *20*.

Сушков Николай Васильевич (1796—1871) — писатель и драматург, дядя *Е. П. Ростопчиной*, издатель сборников «Раут» (1851, 1852, 1854), автор воспоминаний «Обоз к потомству» (Раут, 1854). С Ч. знаком с университетских лет (С. учился вместе с *А. С. Грибоедовым* в Моск. Благородном пансионе), но близкое их общение документально зафиксировано лишь с конца 40-х гг. (*Барсуков*. Кн. 9. С. 273; Дневник И. М. Снегирева. М., 1904. Т. 1. С. 458, 488; 1905. Т. 2. С. 8, 54; *Кочубинский А*. О. М. Бодянский в его дневниках // *ИВ*. 1887. № 12. С. 515). С. одним из первых узнал о смерти Ч., о чем на следующий день сообщил *И. М. Снегиреву* (см.: *Снегирев И. М*. Указ. соч. Т. 2. С. 54) — Т. 2: 235, 236; *360*, *368*, *383*.

Тайлландье С.-Р. — франц. журналист — Т. 2: *406*.

Талызин — моск. домовладелец, его дом на Никитском бул. (где умер *Н. В. Гоголь*) был приобретен у него *А. П. Толстым* — Т. 2: 504.

Таппе Август Вильгельм — учитель Выборгской гимназии. Его письмо к Ч. от 18 июня 1826 хранится в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 62 — Т. 2: *417*, *418*.

Тарасов Борис Николаевич — писатель и литературовед, докт. филол. наук. Автор книг и статей о жизни и творчестве Ч. (См. Список сокращений в т. 1) — Т. 1: *8*, *79*; *681*, *684*, *690*, *702*, *708*, *709*, *711*, *712*, *714*, *718*, *743*, *745*, *747*, *748*, *751*, *760*, *761*; Т. 2: *285*, *294*, *301*, *304*, *311*, *314*, *317*, *318*, (*319*), *321*, *357*, *362*, *366*, *381*, *383*, *389*, *404*, *442*, *488*, *490*.

Тарле Евгений Викторович (1875—1955) — историк — Т. 2: *315*, *403*.

Тассо Торквато (1544—1595) — итал. поэт, автор поэмы «Освобожденный Иерусалим» (1580; рус. пер. т. 1—3, 1900) — Т. 1: 334, 667; *695*, *721*.

Татаринов — племянник *Н. И.* и *А. И. Тургеневых*, к-рому А. И. Тургенев направлял свои письма из-за границы для перепи-

ски (почерк у Тургенева был чудовищный) и распространения среди знакомых — Т. 2: 451.

Тацит Публий Корнелий (ок. 58 — после 117) — римск. историк, автор «Истории», «Анналов» и др. соч.— Т. 1: 432.

Теодор, «мадам» — франц. танцовщица — Т. 2: 37.

Темпест Ричард — совр. англ. исследователь жизни и творчества Ч.— Т. 1: *681*; Т. 2: *384*, *386*, *530*.

Теплова Надежда Сергеевна (1814—1848) — поэтесса — Т. 2: 89; *317*.

Тепляков Виктор Григорьевич (1804—1842) — поэт и путешественник. За уклонение от присяги *Николаю I* Т. был сначала заключен в Петропавловскую крепость, а в ноябре 1826 выслан в Херсон под надзор полиции. Был знаком с *А. С. Пушкиным*, *П. П. Кавериным*, *А. С. Грибоедовым* — Т. 2: 140.

Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс (ок. 160 — после 220) — христиан. богослов и писатель — Т. 1: 544, 590.

Тилли Иоганн Церклас (1559—1632) — граф, полководец времен Тридцатилетней войны, с 1610 главнокоманд. войсками Католической лиги, после отставки А. Валленштейна (1630) — главнокомандующий имперской армии. Умер от раны, полученной в бою — Т. 1: 509; *737*.

Тит Лаврентьевич — камердинер Ч. (с конца 20-х или начала 30-х гг.)— Т. 1: 573.

Тит Ливий — см.: Ливий Тит

Тифон (миф.) — сын троянского царя Лаомедонта, возлюбленный богини Авроры (Эос) — Т. 1: 431; *710*.

Тогава Цугуо — япон. славист, проф. Хоккайдоского ун-та, первый публикатор *ОРМ* (см. Список сокращений в т. 1), автор очерка «Посещение могилы Чаадаева» (Тяадаэфу-но хака-о тадзунэтэ) // Мадо (Окно). Токио, 1978. № 6.— Т. 1: *8*; *686*, *714* — *716*, *728*, *738*.

Токвиль Алексис де (1805—1859) — франц. социолог, историк и полит. деятель. Не исключено, что Ч. познакомился с ним лично в Париже в 1824. Книга Т. «О демократии в Америке» имеется в биб-ке Ч. (*Каталог*. № 654) и, судя по отметкам на ее страницах, тщательно им проштудирована — Т. 1: 626; *733*, *737*, *765*; Т. 2: 108; *325*; 465.

Толстой Александр Петрович (1801—1873) — граф, тверской воен. губернатор (1834—1837), впоследствии обер-прокурор Св. Синода. Знакомый *А. С. Пушкина*, *П. А. Вяземского*, *А. И. Тургенева*. В 1840—1855, оставив всякую общественную деятельность, поселился в Москве. Один из ближайших друзей *Н. В. Гоголя* в последние годы его жизни — Т. 2: 489.

Толстой Лев Николаевич (1828—1910) — писатель и мыслитель, троюродный племянник Ч.— Т. 2: (275); *395*, *406*.

Толстой Федор Иванович (1782—1846) — граф, участн. Отеч. войны 1812, известный как авантюрист, бретер и карточный игрок, послуживший прототипом героев *А. С. Грибоедова* («Горе от ума»), *Л. Н. Толстого* («Два гусара»). Друг *П. А. Вяземского*, *Д. В. Давыдова*, *К. Н. Батюшкова*. Путешествовал с И. Ф. Крузенштерном и был высажен на Алеутских о-вах («вернулся Алеутом»), откуда и получил свое прозвище «Американец». Т. страстный библиофил; на этой почве он, по-видимому, и сблизился с Ч., к-рый, уезжая

за границу в 1823, продал или подарил Т. принадлежавшего ему «Апостола» 1525 г.— Т. 2: (88); *298*, *317*, *324*.

Толстой Яков Николаевич (1791—1867) — граф, участн. Отеч. войны 1812, ст. адъютант Главн. штаба, знакомый *А. С. Пушкина*, поэт и переводчик, член Союза благоденствия. Будучи привлечен к следствию, отказался вернуться из Франции в Россию. С 1837 корреспондент мин-ва нар. просв. в Париже, тайный агент III отделения — Т. 2: 9; *549*.

Трубецкой, князь — председатель Нижегородской гражданской палаты — Т. 2: 250.

Трубецкой Сергей Петрович (1790—1860) — участн. Отеч. войны 1812, с января 1821 полковник, один из руководителей Сев. об-ва, избранный «диктатором». В день восстания 14 дек. на Сенатскую площадь не явился, скрывшись в доме австрийского посла Лебцельтерна (доводившегося ему родственником). Осужден на 20 лет каторги — Т. 1: 574, 575; *758*; Т. 2: *324*; 421.

Тургенев Александр Иванович (1784—1845) — брат *Н. И.* и *С. И. Тургеневых*, воспитанник Моск. Благородного пансиона и Геттингенского ун-та, археограф и литератор, директор Деп-та духовных дел иностранных исповеданий (1810—1824), с февраля 1819 — камергер. Самое раннее упоминание о знакомстве Ч. и Т. относится к 1810 (Письма А. Тургенева Булгаковым. М., 1939. С. 248). Их дружеские отношения (иногда, впрочем, сопровождавшиеся размолвками) продолжались до самой смерти Т.— Т. 1: *46*, *49*, *52*, *55*, *63*, *64*; 580, 581; *690*, *692*, *693*, *703—705*, *728*, *735*, *738*, *741*, *743*, *745*, *758*; Т. 2: (11), 13, 14, 49, 61—65, 77, 78, 87, 90, 93, 94, 107, (110), 112, 114, 115 , (124), 131. 138, 140, 150, 153—156, 165, 168, 171, 178, 180. 182, (183, 184), (194); *291*, *292*, *300*, *302—307*, *309—314*, *316—318*, *320*, *322*, *325—328*, *330*, *331*, *334—336*, *338 — 340*, *342*, *344—353*, *356—359*, *362*, *398*; (421), *431*, 450, 451; *452*, *462*, *463*, 475, *477*, 489, *490*, *525*; 533, 534, *539*.

Тургенев Николай Иванович (1789—1871) — брат *А. И.* и *С. И. Тургеневых*, воспитанник Моск. и Геттингенского ун-тов, гос. и обществ. деятель, один из руководителей Сев. об-ва, автор книги «Опыт теории налогов» (СПб., 1818) и др. сочинений. С 1824 находился за границей (где встречался с Ч.), заочно был приговорен к смертной казни и стал политическим эмигрантом — Т. 1: *11*, 574, 575; *680*, *694*, *738*, *739*, *741*, *758*, *759*; Т. 2: (14), 52, 54, 55, 62, 64, 65, (94), (140), (166); *291*, *292*, *294*, *295*, *301—307*, *310*, *320*, *339*, *348*; 413, 418, 421, 423, 425, 426, 428, *430*, (431), (533), *534*.

Тургенев Сергей Иванович (1792—1827) — мл. брат *А. И.* и *Н. И. Тургеневых*, воспитанник Геттингенского ун-та, чиновник дипломатической миссии при командире русского оккупационного корпуса во Франции *М. С. Воронцове*, второй советник при русской миссии в Константинополе (1820—1821). В 1826 Т. и Ч. жили в Дрездене вместе с семейством *Е. Г. Пушкиной* — Т. 1: *680*, *741*, *758*; Т. 2: 62—64; *301—305*, *307*; (421), 428, 431, *432*.

Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) — писатель. Т. и Ч. были знакомы, по крайней мере, с начала 40-х гг., но подробности их взаимоотношений не известны. *Я. П. Полонский* вспоминал, что он встречал обоих в конце 1841 в доме *М. Ф. Орлова* (*Звенья*. М., 1950. Т. VIII. С. 156). О своих встречах с Ч. «раза два или три» у Т. вспоминал и *Е. М. Феоктистов* (Воспоминания Е. М. Феоктистова. За кулисами политики и литературы. 1848—1896. Л.,

1929. С. 78). В 1871 Т. читал воспоминания о Ч., опубликованные *М. И. Жихаревым* в *ВЕ*. (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. Письма. М.; Л., 1965. С. 129). «Статью» он нашел «любопытной», но об авторе отозвался крайне неодобрительно: «...какое претенциозное изложение, и как гнусна личность автора, Жихарева, сквозящая между строками!» И в письме к *П. В. Анненкову*: «Статьи Жихарева о Ч. в ВЕ интересны — но что за вонючий урыльник сам г-н Жихарев!» (там же. С. 141) — Т. 2: 272, 277; *397*, *401*, *403*, *407*.

Тургеневы — Т. 1: *7*; *304*, *305*.

Турусов Силантий Иванович — крепостной крестьянин *М. Я. Чаадаева* из с. Хрипуново — Т. 2: 453.

Тьер Адольф (1797—1877) — франц. историк и гос. деятель, чл. франц. АН (1833). В биб-ке Ч. имеется 10 томов его «Истории французской революции» (Брюссель, 1830 — *Каталог*. № 651). В тт. 1—4, 7 — усл. знаки, в т. 1 надпись рукой Ч.— Т. 1: *708*.

Тьерри Огюстен (1795—1856)—франц. историк, один из основателей романтического направления во франц. историографии. В 1814—1817 был секретарем *Сен-Симона*. В биб-ке Ч. имеются следующие соч. Т.: Histoire de la conquête de l'Angleterre... Т. 1—4. P., 1830; Lettres sur l'histoire de France... P., 1829 (*Каталог*. №№ 649—650). В обоих книгах усл. знаки и надписи рукой Ч.— Т. 1: *708*, *732*.

Тынянов Юрий Николаевич (1894—1943) — сов. писатель, литературовед. В его романе «Смерть Вазир-Мухтара» (1927—1928) дан искаженный образ Ч.— Т. 1: *767*.

Тютчев Федор Иванович (1803 — 1873) — поэт и публицист. Будучи чиновником Коллегии иностр. дел, состоял при русской дипломатической миссии в Мюнхене (1822—1837), затем в Турине (1837—1839). Знакомство Ч. с Т., возможно, произошло в Карлсбаде в сентябре 1825, где оба тогда находились, имея довольно обширный круг общих знакомых (см.: *Тургенев А. И.* Хроника русского ... С. 300), а по возвращении последнего в Россию в 1844 между Ч. и Т. установились тесные дружеские отношения. По словам *М. И. Жихарева*, «решительный его ‹Чаадаева› противник Ф. И. Т. часто говаривал: „Человек, с которым я согласен менее, чем с кем бы то ни было, и которого, однако, люблю больше всех“». «Ч.,— по словам И. С. Аксакова,— не мог не ценить ума и дарований Т., не мог не любить его, не мог не признавать в Т. человека вполне европейского, более европейского, чем он сам, Ч.; перед ним был уже не последователь, не поклонник западной цивилизации, а сама эта цивилизация, сам Запад в лице Т. ... Ч. глубоко огорчался и даже раздражался таким неприличным, непостижимым именно в Т. заблуждением, *аберрациею*, русоманиею ума, просветившегося знанием и наукою у самого источника света, непосредственно от самой Европы. Ч. утверждал, что русские в Европе как бы незаконнорожденные; Т. доказывал, что Россия особый мир, с высшим политическим и духовным призванием, пред которым со временем преклонится Запад. Ч. настаивал на том историческом вреде, который нанесло будто бы России принятие ею христианства от Византии и отделение от церковного единства с Римом; Т., напротив, именно в православии видел высшее просветительное начало, залог будущности для России и всего славянского мира и полагал, что духовное обновление возможно для Запада только

в возвращении к древнему вселенскому преданию и древнему церковному единству» (*Аксаков К. С., Аксаков И. С.* Литературная критика. М., 1981. С. 315—316). О Ч. как о «замечательной, благородной личности», «одном из лучших умов нашего времени» писал Т. М. И. Жихареву в письме от 30 нояб. 1863 (*Тютчев Ф. И.* Соч. М., 1980. Т. 2. С. 196) — Т. 1: *54*, *64*; *757*; Т. 2: 183, 204, 212, 214; *302*, *320*, *346*, *362—364*, *367—369*, *381*, *384—387*, *390*; 493, 495, 513.

Тютчева Эрнестина Федоровна (1810—1894) — урожд. баронесса Пфеффель, вторая жена *Ф. И. Тютчева* — Т. 2: (*363*), *381*.

Уваров Сергей Семенович (1786—1855) — граф (1846), с 1818 президент Российск. АН, автор ряда работ по древнегреч. литературе и археологии, в 1834—1849 министр нар. просвещения. В основу его деятельности легла выдвинутая им формула «православие, самодержавие, народность» — Т. 1: *21*, *25*; (580); *743*, *744*; Т. 2: 97, 198, (269); *326*, *327*, *402*; *524—526*, 530—532.

Уваров Федор Петрович (1773—1824) — герой Отеч. войны 1812, генерал от кавалерии, с 1813 — ген.-адъютант при *Александре I*, с 1821 командир гвардейского корпуса — Т. 1: 576.

Улыбышев Александр Дмитриевич (1794—1858) — брат *Е. Д. Пановой*, переводчик Коллегии иностр. дел (служил вместе с *А. С. Пушкиным* в 1817—1820), музыкальный критик, автор монографии «Новая биография Моцарта...» (М., 1843, на франц. яз.), нескольких работ о Бетховене и обличительных пьес «Раскольники», «Воздыхатель без денег». Будучи членом литературного кружка «Зеленая лампа» (одна из «управ» декабристского «Союза благоденствия»), У. написал (на франц. яз.) утопическую повесть «Сон» (см.: Русская литературная утопия. Изд-во Моск. ун-та, 1986. С. 87—91) — Т. 2: *332*; 457, *460*.

Усакина Т. И. — автор статьи «Памфлет Загоскина на П. Я. Чаадаева и М. Ф. Орлова» // Декабристы в Москве. М., 1963 — Т. 2: *321*.

Устрялов Николай Герасимович (1805—1870) — историк, член Петербург. АН (1837), проф. русской истории Петербург. ун-та, автор «Русской истории» (1836) — Т. 1: 539.

Ухтомский — князь, моск. знакомый *А. Я. Булгакова* — Т. 2: 155.

Ушакова Софья Андреевна (ум. не ранее 1845) — жена Н. Ф. Ушакова, знакомая Ч., посещавшего в 1830-х гг. ее дом на Ср. Пресне (ныне ул. Заморенова), где часто собирались известные музыканты, певцы и литераторы, в т. ч. бывал и *А. С. Пушкин* — Т. 2: *318*.

Фальк Генрих — нем. историк и публицист, член ордена иезуитов. Автор монографии Das Weltbild P. I. Tschaadajews nach seinen acht «Philosophischen Briefen». München, 1954. Рец. на эту книгу см.: *Шкуринов П. С.* Генрих Фальк в роли историка русской философии // Вопр. философии. 1958. № 6. С. 146—150 — Т. 1: *681*, *685*.

Федор Иоаннович (1557—1598) — сын *Ивана Грозного*, русский царь с 1584. В годы его правления произошло резкое усиление крепостничества в России — Т. 1: *63*; Т. 2: 167; *348*.

Федотов Павел Андреевич (1815—1852) — живописец и график. Ф. и Ч. познакомились в Москве в 1850 г., при посредстве их об-

щего знакомого *Ф. И. Пряничникова*. Подробности их взаимоотношений не известны— Т. 2: 262; *395*; 507, *508*.

Фейербах Людвиг Андреас (1804—1872) — нем. философ. С его взглядами Ч. был знаком по брошюре *Ф. К. Маргайнеке* (*Каталог*. № 449).— Т. 1: *730*.

Фенелон Франсуа де Салиньяк де Ла Мот (1651—1715) — франц. писатель и религ. деятель, архиепископ Камбре (с 1695). В биб-ке Ч. имеются его философско-утопический роман «Приключения Телемака» (Р., 1824 — *Каталог*. № 260) с усл. знаками и Oeuvres spirituelles, в 4 т. (Р., 1822 — *Каталог*. № 261), во всех томах усл. знаки и надписи; на шмуцтитуле 1-го т.— следы надписи — Т. 1: *46*; 399, 457; *723*; Т. 2: 100.

Феодосий I Великий (ок. 346—395) — римск. император с 379. Первоначально получил власть над восточной частью империи, но в 394 ему удалось объединить восточную и западную части Римской империи. Окончательно утвердил господство ортодоксального христианства. При нем были закрыты языческие храмы, сожжена Александрийская библиотека, отменены Олимпийские игры Т. 2: 189, *358*.

Феоктистов Евгений Михайлович (1829—1898) — литератор, друг *И. С. Тургенева*, пом. министра внутр. дел Д. А. Толстого по надзору за печатью (в романе Н. С. Лескова «Некуда» выведен под фамилией «некоего Сахарова»). Автор воспоминаний «За кулисами политики и литературы. 1848—1896». Л., 1929, содержащих интересные сведения о Ч. (с. 63—64, 77—78) — Т. 2: *346*, *364*, *403*.

Феофан Прокопович (1681—1736) — рус. и укр. церк. и обществ. деятель, писатель, архиепископ (1724), сподвижник *Петра I* глава «ученой дружины» — Т. 2: 168; 460.

Фергюсон Адам (1723—1816) — шотл. философ, историк и политич. мыслитель, проф. моральной философии Эдинбургского ун-та. В биб-ке Ч. сохранилась его книга Essai sur l'histoire de la société civile. Т. 1—2. Р., 1783 (*Каталог*. № 262). В обоих томах усл. знаки и надписи — Т. 1: 603, 604; *725*, *726*, *763*.

Фердинанд VII (1784—1833) — король Испании в 1808 и 1814—1833. В 1808 *Наполеон* добился отречения Ф. от престола, на к-рый посадил своего брата Жозефа Бонапарта. После падения франц. господства Ф. вернулся в Испанию, в условиях начавшейся революции 1820 признал радикальную конституцию 1812 г., но в то же время возглавил лагерь контрреволюции. После подавления революции в 1823 восстановил абсолютистский режим в Испании — Т. 2: *291*.

Фетх-Али-Шах (1766 или 1771—1834) — шах Ирана с 1797 — Т. 1: *598*.

Фиески Джузеппе (1790—1836) — организатор заговора против короля *Луи Филиппа* в 1835.— Т. 2: 94.

Фикельмон Шарль-Луи (1777—1857) — граф, австр. посланник в Петербурге (1829—1839). В ноябре 1836 направил *Меттерниху* письмо с сообщением об опубликованном в «Телескопе» *ФП1* (*ВрПК*. 1967—1968. Л., 1970. С. 25—26) — Т. 1: *760*; Т. 2: *326*.

Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов) (1783 — 1867) — митрополит Московский, проф. богословск. наук, ректор Моск. Духовной акад. «Он был человек умный и ученый, владел мастерски русским языком, удачно вводя в него церковнославянский...

Ф. умел хитро и ловко унижать временную власть; в его проповедях просвечивал тот христианский, неопределенный социализм, которым блистал Лакордер и другие дальновидные католики. Ф. с высоты своего первосвятительного амвона говорил о том, что человек никогда не может быть *законно* орудием другого, что между людьми может только быть обмен услуг, и это говорил он в государстве, где полнаселения — рабы» (*Герцен А. И.* Былое и думы. Ч. 1. Гл. 6).

Ф. не был чужд поэзии и философии. Известен его поэтический ответ *А. С. Пушкину* на стихотворение «Дар напрасный, дар случайный...» (1830):

Не напрасно, не случайно
Жизнь судьбою мне дана,
Не без правды ею тайно
На печаль осуждена.

Сам я своенравной властью
Зло из темных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.

Вспомнись мне, забвенный мною!
Просияй сквозь сумрак дум —
И созиждется тобою
Сердце чисто, светлый ум.

(*Сушков Н. В.* Записки о жизни и времени святителя Филарета, Митрополита Московского. М., 1868. С. 126—127; стихотворное послание Ф. называется «Пушкин, от мечтаний перешедший к размышлению».) Пушкин ответил Ф. стансами «В часы забав иль праздной скуки...» (1830). *Н. В. Сушков* рассказывает о Ф.: «Желая ознакомиться с Кантом и добыв его „Критику чистого разума" во франц. переводе, он выучился французскому языку, чтоб прочитать это сочинение Канта» (там же. С. 128). По поводу опубликованного в «Телескопе» *ФП* Ф. писал 6 нояб. 1836 архимандриту Антонию: «Статью Телескопа, оскорбительную для церкви и для России, мне показали, ибо сего журнала я не имел и не читал. Правительство обратило внимание на сие безумие. Странно, что пропустил к напечатанию ректор университета. Мне казалось возможным сие не иначе, как разве пропустил не читав; но некоторые говорят, что даже поправлял» (*РА*. 1877. № 11. С. 317).

Личное знакомство Ч. с Ф. состоялось, вероятно, в начале 40-х гг. «Их первое свидание,— по словам *М. И. Жихарева*, — в очень морозный день в шесть часов вечера было эффектно-театрально. Любезностями друг другу они не скупились и друг другу объявили, будто день, в который они встретились, для обоих на веки вечные останется памятным. Разговор про римскую церковь совсем был устранен, а больше вращался вокруг протестантизма, над которым оба собеседника с тонкою и лукавою мудростью посмеивались. Ч. воротился от митрополита в восхищении, а вскоре затем начал переводить его французскую проповедь, сказанную при освящении церкви при московском остроге. Этим митрополит опять был очень доволен и про такое его занятие с удовольствием благодушно сообщал различным лицам, которые до того Ч. терпеть не

могли, но теперь, видя его на таком душеспасительном пути, ему многое прощали и даже пожелали с ним войти в общение» (цит. по: *Тарасов Н.* С. 345—343) — Т. 1: *48*; 590; *766* (?); Т. 2: (173), (177), (179), 227, (262); *326*, *352*, *353*, *375*, *377*, *394*; (488), (519).

Филипп (до пострижения в монахи Федор Степанович Колычев) (1507—1569). — митрополит Московский (с 1566). За выступление против *Ивана Грозного* и осуждение опричнины в ноябре 1568 низложен и заточен в тверской Отроч-Успенский монастырь, где по приказу царя задушен Малютой Скуратовым. По словам *Н. М. Карамзина*, «умереть за добродетель есть верх человеческой добродетели, и ни новая, ни древняя история не представляют нам героя знаменитейшего» (История государства Российского. СПб., 1892. Т. IX. С. 93). В 1652 был канонизирован рус. церковью — Т. 2: 509.

Филипп Пуниец — персонаж «Римской истории» Тита Ливия — Т. 1: 618.

Филиппов Л. А.— автор статей: Религиозная утопия П. Я. Ч. и современные теологи // Вопр. истории. 1961. № 6; Религиозная система П. Я. Ч. и опыт ее истолкования (История и современность) — Автореф. канд. дисс. М., 1969; Чаадаев подлинный и мнимый // Вопр. литературы. 1974. № 10 (опубликована посмертно) — Т. 1: *44*.

Филон Александрийский (21 или 28 до н. э. — 41 или 49) — иудейско-эллинистический философ, высказывавший идеи, весьма близкие к христианству, что обеспечило им позднейшую популярность в патристике — Т. 1: 584.

Фих Б. М.— Т. 1: 757.

Фихте Иоганн Готлиб (1762—1814) — нем. философ, представитель немецкой классической философии. В биб-ке Ч. имеются его соч.: Die Grundzüge des gegenwärtigen Zeitalters. Berlin, 1806. Die Thatsachen des Bewusstseins. Stuttgart—Tübingen, 1817. Ueber den Begriff der Wissenschaftslehre oder der sogenannten Philosophie. Jena—Leipzig, 1798; Versuch einer Kritik aller Offenbarung. Königsberg. 1793. Die Wissenschaftslehre in ihrem allgemeinen Umrisse dargestellt. Berlin, 1810 (*Каталог.* №№ 266—270). Во всех книгах, кроме № 268, сохранились усл. знаки и надписи рукой Ч.— Т. 1: *11*; 475, 481, 483, 497, 605; *687*, *706*, *719*, *720*, *722*, *725*, *731* — *734*, *763*; Т. 2: 94; *320*, *321*.

Фишер Иоанн Эберхард (1697—1771) — проф. академической гимназии в Петербурге, член Петербург. АН , историк и филолог — Т. 2: 98.

Флеров, моск. цензор — Т. 2: *408*.

Флоренский Павел Александрович (1882—1937?) — ученый-энциклопедист, богослов, философ — Т. 2: *388*.

Флориан Жан Пьер Кларис (1755—1794) — франц. писатель и поэт (несколько его басен переведены на рус. яз. *В. А. Жуковским*). Как сторонник аристократии, был арестован в начале Французской революции и освобожден лишь после падения Робеспьера — Т. 2: *289*.

Фома Аквинский (1225 или 1226—1274) — средневековый философ и теолог, систематизатор ортодоксальной схоластики, приспособивший учение Аристотеля к нуждам католической церкви, за что причислен к лику святых и в 1567 признан ею пятым «учителем церкви» — Т. 1: 591.

Фонвизин Денис Иванович (1744 или 1745—1793) — писатель и переводчик. В биб-ке Ч. имеется его Полное собр. соч. (М., 1830. Ч. 1—4). В 1-й ч.— экслибрис Ч., во 2-й ч. сохранились две надписи, сделанные рукой Ч. (в чем составители Каталога сомневаются), ч. 3—4 утеряны и заменены другими экземплярами (*Каталог*. № 75) — Т. 1: 594; *766*, *767*.

Фонвизин Иван Александрович (1789—1853) — брат *М. А. Фонвизина*, полковник в отставке, член Союза благоденствия. Арестован в январе 1825, в марте 1826 освобожден из Петропавловской крепости и отдан под надзор полиции Т. 2: 50; *301*; 421, *423*.

Фонвизин Михаил Александрович (1787—1854) — брат *И. А. Фонвизина*, племянник *Д. И. Фонвизина*, декабрист, ген.-майор. После 1822 от активной деят-ти в тайном обществе отошел, но был осужден на 8 лет каторги. Автор ряда статей на политич. и философ. темы и воспоминаний. Состоял в дружеских отношениях с *И. Д. Якушкиным*, *И. Д. Щербатовым*, *М. Я. Чаадаевым*, через к-рых был знаком и с Ч. В его письмах начала 20-х гг. имя Ч. упоминается несколько раз (*Фонвизин М. А.* Соч. и письма. Иркутск, 1979. Т. 1). В статье «Обозрение проявлений политической жизни России» рассказал о «волнениях» в Семен. полку (хотя Ч. здесь не назван по имени) (там же. Иркутск. 1982. Т. 2. С. 187)— Т. 2: 31, 50; *301*, *302*; 421, *423*, *433*.

Фонвизина Наталья Дмитриевна (урожд. Апухтина) (1803 или 1805—1869) — жена *М. А. Фонвизина* (с 1822), последовавшая за мужем в Сибирь, с 1857 во втором браке за *И. И. Пущиным* — Т. 2: 50; *301*.

Формозов А. А., сов. литературовед, пушкинист — Т. 1: *718*; Т. 2: *286*.

Фотий (между 810 и 827 — между 891 и 897) — визант. церковно-полит. деятель и писатель, патриарх Константинополя в 858 — 867 и 877—886. Стремился распространить христианство на восточнославянские земли, что привело его к конфликту с папой римским и заложило основы будущего разделения церквей. Выступал против императорского деспотизма. В 886 был низложен императором Львом VI и отправлен в ссылку, где и умер — Т. 1: 331, 590; *694*; Т. 2: 486.

Францев В. А.— Т. 1: *739*.

Фридрих II Великий (1712—1786) — прусский король с 1740. При нем Пруссия выдвинулась в число великих держав, значительно расширив свою территорию — Т. 1: 404.

Фридрих Вильгельм IV (1795—1861) — прусский король с 1840. После подавления революции 1848—1849 предоставил Пруссии конституцию. В 1857 в связи с психическим заболеванием отошел от гос. дел — Т. 2: (144), (147), *340*, *363*.

Фридрихс (прав.: Фредерикс) П. А.— барон, сослуживец Ч. по Ахтырскому гус. полку, впоследствии ген.-майор, командир л.-гв. Московского полка. 14 дек. 1825 был ранен декабристом Д. А. Щепиным-Ростовским ударом саблей по голове — Т. 2: *289*.

Фуа Максимильен-Себастьен (1775—1825) — наполеоновский генерал, в период Реставрации один из руководителей либеральной оппозиции — Т. 2: 429, *430*.

Хаджи-Мурат (90-е гг. XVIII в.— 1852) — один из главных предводителей наряду с *Шамилем* горцев Дагестана и Чечни в борь-

бе за освобождение от России. В 1851 порвал с Шамилем и перешел на сторону русских, но в апреле 1852 бежал и от русских и во время перестрелки был убит — Т. 2: 264; *395*.

Хитрово Елизавета Михайловна (1783—1839) — дочь М. И. Кутузова, жена (вторым браком) русского поверенного в делах во Флоренции Н. Ф. Хитрово, близкий друг *А. С. Пушкина*. В письме к поэту осенью 1836 писала: «Бедный Ч.! Он верно очень несчастлив, питая такую ненависть к своей стране и к своим соотечественникам» (Письма женщин к Пушкину. М., 1928. С. 105) — Т. 2: *326*.

Хлюстин Семен Семенович (1810—1844) — брат *А. С. Сиркур*, племянник *Ф. И. Толстого* («Американца»), офицер л.-гв. Уланского полка, с 1830 в отставке, в 1834 чиновник особых поручений при МИДе. Друг *М. Ф. Орлова*, через к-рого, по-видимому, и познакомился с Ч. В 1833 Х. перевел на франц. яз. сочинение М. Ф. Орлова «О государственном кредите», но «вследствие возникших между ними неудовольствий» перевод был сожжен в рукописи (*РС*. 1892, май. С. 223—224). В 1835 Х. намеревался издать *ФП* в Петербурге (*ОА*. Т. 1. С. 162), но намерение не было осуществлено. Письмо Х. к Ч. от 29 нояб. 1835 хранится в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 72 — Т. 2: 88; *317*.

Ховрина Мария Дмитриевна (1801—1877) — московская знакомая Ч., близкая к литературным кругам; ее дочь Александра Николаевна (1823—1901) (в замужестве Бахметева) — писательница — Т. 2: *398*.

Хомяков Алексей Степанович (1804—1860) — философ, поэт и драматург, один из идеологов славянофильства. С Ч. знаком, вероятно, с 1826, когда оба присутствовали на чтении «Бориса Годунова» *А. С. Пушкина* на квартире у *Веневитиновых* (*РА*. 1865. С. 1249—1251), но дружеское их общение началось не ранее середины 30-х гг. (*Барсуков*. Кн. 3. С. 195—196; см. также: Записки А. И. Кошелева. Берлин, 1884. С. 55; *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. М., 1900. С. 92—93; *Герцен А. И.* Собр. соч. М., 1958. Т. 9. С. 297—298; *Полонский Я. П.* Студенческие воспоминания // Прил. к «Ниве» 1898. Кн. XII; *Аксаков К. С.* Письмо к Ю. Ф. Самарину. Май 1842 // *ЛН*. Т. 58. С. 622—626; Письма Е. А. Елагина А. А. Елагину. 1842 // *ЛН*. Т. 79. С. 59; *Буслаев Ф. И.* Мои воспоминания. М., 1897. С. 295—296; *Самарин Ю. Ф.* Соч. М., 1911. Т. 12. С. 43; *ОА*, т. IV. С. 330; Воспоминания Б. Н. Чичерина. Москва сороковых годов. М., 1929. С. 5—6 и мн. др.). В 1836 Х. написал статью «Несколько слов о философическом письме», к-рая была вырезана цензурой из уже отпечатанных томов журнала «Московский наблюдатель» (1836. Ч. 11. С. 526—540). Эта статья найдена *Р. Темпестом* в одной из книг библиотеки *А. И. Тургенева* в *ИРЛИ* и опубликована в журнале «Символ» (1986. Т. 16). В речи, произнесенной на заседании Общества любителей Российской словесности 28 апр. 1860, Х. сказал о Ч.: «В такое время, когда, по-видимому, мысль погружалась в тяжкий и невольный сон, он особенно был дорог тем, что он и сам бодрствовал, и других пробуждал...» (*Хомяков А. С.* О старом и новом. Статьи и очерки. М., 1988. С. 340) — Т. 1: *63*, *70*, *71*, *73—75*; 539, 547, 561; *679*, *689*, *728*, *733*, *737*, *741*, *744*, *745*, *747*, *753*, *755*, *756*, *766*; 789; Т. 2: 149, 150, 152, 153, (162), (164), 167, 186, 204, 205, 214, 224, 258, 276, 277; *284*, *325*, *326*, *338*,

341, *342*, *344*, *346*, *347*, *384*, *385*, *387*, *392*, *396*, *405*, *407*, *408*; 488, 490, 491, *507*.

Хомякова Екатерина Михайловна (1817—1852) — жена *А. С. Хомякова* (с 1836), сестра поэта *Н. М. Языкова* — Т. 2; *338*.

Хоуп Томас — англ. писатель и искусствовед, автор книги Histoire de l'architecture. T. 1—2. Bruxelles, 1839, имевшейся в биб-ке Ч. (*Каталог*. № 345). В обоих томах усл. знаки — Т. 2: *298* (?).

Храповицкий М. Е. (ум. 1847) — знакомый Ч. по армейской службе, ген.-адъютант — Т. 2: 9.

Цаматули А. Н., сов. историк — Т. 2: *389*.

Цвингли Ульрих (1484—1531) — швейц. церк. реформатор и полит. деятель, создатель одного из направлений протестантизма, названного его именем («цвинглианство»). Погиб в битве при Каппеле в столкновении с католическими кантонами Швейцарии — Т. 1: 413.

Цезарь Гай Юлий (102 или 100 — 44 до н. э.) — древнерим. полит. и гос. деятель, полководец и писатель — Т. 1: 432.

Цешковский Август (1814—1894) — философ-младогегельянец, экономист и полит. деятель, проповедник «польского мессианизма». Автор «Пролегомен к историософии» (Берлин, 1838), популярных среди русских мыслителей (*Герцен*, *Станкевич*, *Бакунин* и др.), «Отче наш» (Париж, 1848) и др. соч.— Т. 1: *60*; 503; *687*, *734*, *735*.

Цицерон Марк Туллий (106—43 до н. э.) — римск. гос. деятель, оратор и философ. В биб-ке Ч. сохранилось соч. Ц. «О государстве» (Рим, 1822) с усл. знаками и надписью (*Каталог*. № 190) — Т. 1: 326, 382, 427, 487; 652; *694*, *732*.

Цынский Лев Михайлович—моск. обер-полицеймейстер, к к-рому в октябре 1836 был вызван Ч. для допроса и объявления приговора за публикацию *ФП1*. «Для нас, современников,— вспоминал позднее *М. А. Дмитриев*,— не может казаться невозмутительным еще то обстоятельство, что следствие об оценке мнений философа, о споре Европейства с Русью, хотя бы отчасти и ошибочных, производил — невежда, взяточник, солдат и лошадиный охотник, не только не слыхавший о науке, но не знающий даже ни одного иностранного языка, одним словом: обер-полицеймейстер Цынский, вышедший в люди тем, что управлял конным заводом графа А. Ф. Орлова! Только у нас наука и философия попадают в такие лапы! О Русь!» (*Дмитриев М. А*. Главы из моих воспоминаний // *ГБЛ*, ф. 178, к. 8184, № 2, л. 71). Ц., по воспоминаниям *М. И. Жихарева*, «требовал у него (Ч.) подписки „ничего не писать", которой он не дал, говоря, что для этого „надо отнять бумагу, чернила и перья"» (*ВЕ*. 1871, сент. С. 35) — Т. 1: *691*, *695*; Т. 2: 117, (218); (*329*), *332*.

Цявловский Мстислав Александрович (1883—1947) — литературовед, пушкинист — Т. 1: *723*.

Чаадаев Григорий Васильевич (1793—1834) — двоюр. племянник *М. Я.* и *П. Я. Чаадаевых*, участн. рус.-турец. войны 1829, их совладелец деревнями Фурсово, Дубцы и Кузнецы Меленковского уезда Владимирской губ. Умер в Чернигове от непонятной болезни. Его письма к М. Я. Чаадаеву хранятся в *ГАГО* (ф. 984, оп. 816, ед. хр. 9) — Т. 2: *371*; 411.

Чаадаев Дмитрий Васильевич (1793—1860) — брат-близнец *Г. В. Чаадаева.* После смерти брата опеку над «слабоумным» Д. В. Ч. взяли на себя *М. Я. Чаадаев* и *М. И. Рост* (его двоюр. сестра). После его смерти М. Я. Ч. оказался единственным наследником имений Г. В. и Д. В. Чаадаевых в Черниговской и Владимирской губ. Правда, после смерти Д. В. Ч. с претензией на право наследования его имением выступила некая В. А. Зандрок, не то племянница, не то сводная дочь, не то воспитанница вдовы В. И. Чаадаева. Нашлись и другие претенденты. Документы по этому спорному вопросу хранятся в *ГАГО*, ф. 984, оп. 816, ед. хр. 6.— **Т. 2:** *371*; 411.

Чаадаев Егор — см.: **Родионов Егор.**

Чаадаев Михаил Яковлевич (1792—1866) — старший брат Ч., окончивший вместе с ним Моск. ун-т и одновременно с ним начавший службу в л.-гв. Семен. полку. Участн. Отеч. войны 1812 и заграничных походов русской армии. В 1819 перешел в Бородинский пехотный полк, откуда в чине майора в 1820 уволен в отставку. В 1831 женился на дочери своего камердинера Ольге Захаровне Мардашевой и в середине 1834 переехал на постоянное жительство в родовое поместье Чаадаевых с. Хрипуново Ардатовского уезда Нижегородской губ. Здесь он безвыездно прожил до самой смерти (за более чем 30 лет жизни в Хрипунове он несколько раз побывал в Ардатове, один раз — в Арзамасе и ни разу в Нижнем Новгороде, не говоря уже о Москве или Петербурге). Вел обширную переписку со своими бывшими друзьями (многие из них стали декабристами), вел «записки», занимался «учеными трудами» в области экономики, но почти все это пропало: многое было сожжено по его распоряжению сразу после его смерти, остальное довершило время. Фонд Ч. в *ГАГО* (ф. 984, ед. хр. 1—17) состоит главным образом из деловых бумаг. Литература о М. Я. Ч. довольно значительна: *Звенигородский А. В.* Материалы для биографии М. Я. Чаадаева // *ИГУАК*. С. 366—408; *Ветринский Ч.* Одна из «умных ненужностей» XIX в. // Там же. С. 22—34; *Тарасов Б. Н.* Брат философа (Судьба М. Я. Чаадаева) // *Тарасов I*. С. 238—263 — **Т. 1:** *10*; (573); (579), (603); *705*, *720*, (*742*), *746*, *757*; *784*; **Т. 2:** 8—10, 12, 15, 18—20, 23, 27, 29, 31, 33, 39—41, 44—47, 49, (50), 52—54, 56, 57, 59—61, 64, 73, 87, 88, 118, (216), 217, 218, 223, 228, 250, 259, 262, 263; *288—292*, *294—304*, *311*, *316*, *319*, *333*, *339*, *369—371*, *373—375*, (*378*), *379*, *380*, *383*, *390*, *393—395*; 411; (419, 420), *423*, 443—445, 453, 474, 475, 477, 479, 505, 506, 516, 518.

Чаадаев Петр Васильевич (ум. 1755) — «прославился» своим сумасшествием. Премьер-майор л.-гв. Семен. полка (ген.-майор армии) П. В. Чаадаев «сошел с ума» в конце 1752 или в начале 1753. «Сумасшествие Чаадаева заключалось в том, что он считал Господом Богом шаха Надира, иначе Тахмаса-Кулы-хана, узурпатора Персии и ее тирана. Когда врачи не смогли излечить его от его мании, его поручили попам; эти последние убедили императрицу (Елизавету Петровну.— *В. С.*), чтобы она велела изгнать из него беса. Она сама присутствовала при этом обряде; но Чаадаев остался таким же безумным, каким, казалось, он был; однако были люди, которые сомневались в его сумасшествии, потому что он здраво судил обо всем прочем, кроме шаха Надира; его прежние друзья приходили даже с ним советоваться о своих делах и он давал им очень здравые советы; те, кто не считал его сумасшедшим, приво-

дили как причину этой притворной мании, которую он имел, грязное дело у него на руках, от которого он отделался только этой хитростью; с начала царствования императрицы он был назначен в податную ревизию; его обвиняли во взятках и он подлежал суду; из боязни суда он и забрал себе эту фантазию, которая его и выручила» (Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 343—344). Возможно, что его внук, оказавшись в «затруднении» (хотя и совсем другого свойства) воспользовался приемом своего предка, чтобы таким образом избегнуть наказания — Т. 2: 411.

Чаадаев Яков Петрович (1745—1795) — отец *М. Я.* и *П. Я Чаадаевых*. Зачислен в л.-гв. Семен. полк в 1756, в 1768 произведен в прапорщики, в 1775, будучи поручиком того же полка, вышел в отставку с чином подполковника армии. Служил советником Нижегородской уголовной палаты. В 1794 издал книгу «Дон Педро Прокодуранте, или наказанной бездельник, Кальдерона де ла Барка, с гишпанского переведена в Нижнем Новгороде. С указного дозволения. Москва. В университетской типографии у Ридигера и Клаудия. 1794». Книга эта на самом деле не перевод «с гишпанского», а оригинальное произведение Я. П. Ч., направленное против нижегородского «директора экономии» П. Н. Прокудина, «взяточника и плута». По поводу этой книги написана целая литература: *Лонгинов М.* О комедии Я. П. Чаадаева // Современник, 1856. Т. 58. Отд. V. С. 1—5; *Смирнов-Сокольский Н. П.* Дон Педро Прокодуранте // Смирнов-Сокольский Н. П. Рассказы о книгах. М., 1977. С. 130—134; *Тарасов Б. Н.* Молодой Чаадаев: книги и учителя // Альманах библиофила. М., 1985. Вып. 18. С. 168—188. (О Прокудине см.: Записки кн. И. М. Долгорукова // Русский библиофил. 1914. № 2. С. 73—74.) Я. П. Ч. был женат на дочери историка *М. М. Щербатова* Наталье Михайловне (1766—1797), с братом которой *Д. М. Щербатовым* служил в л.-гв. Семен. полку. П. Я. Ч. не помнил отца. Его единственный отзыв о нем известен со слов *Д. Н. Свербеева*: «Однажды... я напомнил ему славу нашей отечественной войны и победы над Наполеоном и просил пощады русскому дворянству и нашему войску во имя его собственных в этих подвигах участия. „Что вы мне рассказываете! Все это зависело от случая, а наши герои тогда, как и гораздо прежде, прославлялись и награждались по прихоти, по протекции". Говоря это, Чаадаев вышел из своей тарелки и раздражился донельзя. Таким иногда высказывался он до самой смерти и изредка случалось даже и ему выходить из пределов приличия; так было и в этот вечер. „Вот, господа, прославляющие свою храбрость и свой патриотизм, я приведу вам в пример..." — на этих словах он призадумался: „Ну, да, пример моего отца. В шведскую войну, при Екатерине, оба они с Чертковым были гвардейскими штаб-офицерами и за то, что во время жаркого боя спрятались за скалой, получили георгиевские кресты. Им какой-то фаворит покровительствовал, да и надобно почему-то было, чтобы гвардейские полковники воротились в Петербург с явными знаками отличия за храбрость"» (*Свербеев*. Т. 2. С. 237—238). Я. П. Ч. умер и был похоронен в своем поместье в с. Хрипуново Ардатовского уезда Нижегородской губ. Там же менее чем через два года умерла и похоронена его жена Н. М. Чаадаева. Надписи на их памятниках (а также надписи на памятниках похороненных здесь *М. Я.* и О. З. Чаадаевых) см.: *НГУАК*, с. 406—407. В наст. время родовое гнездо Чаадаевых

полностью разорено, дом не сохранился, могилы разорены и варварски раскопаны, церковь «Во имя знамения пресвятых Богородицы» превращена в продовольственный склад — Т. 2: 411.

Чаадаева Мария Ивановна (урожд. Толстая) (1720—1793) — жена *П. В. Чаадаева*, бабка П. Я. Ч., через к-рую он приходился троюр. дядей *Л. Н. Толстому* (см.: *Гусев Н. Н.* Л. Н. Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855. М., 1954. С. 619) — Т. 2: 411.

Чарторыйский Адам (1770—1861) — польск. и рус. полит. и гос. деятель. Один из ближайших друзей *Александра I*, в 1804—1806 министр иностр. дел. С 1815 сенатор Королевства Польского. Во время Польского восстания в 1830 глава Нац. правительства после подавления восстания эмигрировал в Париж, где его резиденция «Отель Ламбер» стала центром польской эмиграции. В 1834 был провозглашен своими сторонниками польским «королем де факто» — Т. 1: *739*.

Черкасов П. П., сов. историк — Т. 1: *739*.

Черкасова — баронесса, сестра Е. И. Облеуховой и декабриста А. И. Черкасова — Т. 2: (*433*).

Черкасский Владимир Александрович (1824—1878) — князь, обществ. деятель, близкий к славянофилам. Сотрудник жур. «Русская беседа». 6 апр. 1853 был на «утреннике» у П. Я. Ч. (*РА*. 1911. № 2. С. 207). Два его письма к *М. И. Жихареву*, в к-рых упоминается о Ч., хранятся в *ГБЛ*, ф. 103, п. 1033а, ед. хр. 46 — Т. 1: *737*.

Чернышев, моск. домовладелец — Т. 2: *343*.

Чернышев Александр Иванович (1786—1857) — участн. Отеч. войны 1812, граф (с 1826), воен. министр (1827—1852), князь (с 1841), председатель Гос. совета, ген.-адъютант — Т. 2: 530, 531.

Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889) — Т. 1: *44*, *45*, *47*, *49*, *69*, *77*; *678*, *703*, *743*, *751*.

Черняк Яков Захарович (1898—1955) — историк рус. обществ. мысли и революц. движения второй половины XIX в., автор неопубл. статьи об отношениях *А. С. Пушкина* и Ч. «Потаенная бездна» (*ЦГАЛИ*, ф. 2208, оп. 2, ед. хр. 19) — Т. 2: *323*.

Чертков Александр Дмитриевич (1789—1858) — археолог и историк, книжное и рукописное собрание к-рого послужило основой создания известной Чертковской библиотеки в Москве, в 1873 вошедшей в состав Исторической библиотеки. Осенью 1824 и зимой 1825 Ч. и П. Я. Ч. встречались во Флоренции, о чем, помимо свидетельства самого П. Я. Ч., сохранилась запись в дневнике *П. Д. Дурново* (см.: Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1978. Т. VIII. С. 251). В мае 1853 Ч. и П. Я. Ч. были в числе лиц, приглашенных на прощальный обед, устроенный в честь отъезда за границу *М. С. Щепкина* (*Барсуков*. Кн. 12. С. 465, 474) — Т. 2: 152, 418, 424.

Чечановский М. О.— Т. 1: *681*, *714*, *715*.

Чимабуэ (наст. имя **Ченни ди Пепо**) (ок. 1240 — ок. 1302) — итал. живописец, представитель флорентийской школы периода дученто, начавшегося в Италии под влиянием греческих мастеров после взятия Константинополя крестоносцами в 1204 и относящегося к искусству Проторенессанса — Т. 1: 591.

Чичагов Павел Васильевич (1767—1849) — адмирал, в 1802—1811 морской министр, в 1814 уехал за границу — Т. 2: 549.

Чичерин Александр Васильевич (1793—1813) — сын генерала В. Н. Чичерина, поручик л.-гв. Семен. полка. В сражении под Кульмом получил смертельное ранение. Умер в госпитале в Праге, где и похоронен на русском кладбище. Его дневник, написанный на франц. яз., содержит интересные сведения о П. Я. и *М. Я. Чаадаевых* (Дневник А. В. Чичерина. 1812—1813 гг. М., 1966. С. 106—107) — Т. 2: *289*, *290*.

Чичерин Борис Николаевич (1828—1908) — философ, историк, публицист и обществ. деятель, ученик *Т. Н. Грановского*, автор «Воспоминаний», в к-рых содержатся сведения о П. Я. Ч. П. Я. Ч. был знаком с отцом Ч. Николаем Александровичем (*Лемке*. С. 424); см. также: Воспоминания Б. Н. Чичерина. Москва сороковых годов. М., 1929. С. 5—6, 22, 116—118 — Т. 1: 794; Т. 2: *354*, *398*, *402*.

Чулков Н. П. — историк рус. лит-ры — Т. 1: *680*.

Чумаков Федор Иванович (1782—1837) — с 1807 учитель арифметики в академической гимназии при Моск. ун-те, впоследствии доктор физ.-мат. наук, ординарный профессор прикладной математики. Преподавал математику братьям Чаадаевым. О характере его преподавания дает представление название его речи, произнесенной в 1815: «О пользе математических и физических наук для людей всех состояний, особливо для военных». См. о нем: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. 1755—1855. М., 1855. Ч. II. С. 557 — Т. 2: 6.

Чумиков Александр Александрович (1819—1902) — педагог, литератор, издатель «Журнала для воспитания», корреспондент *А. И. Герцена*, знакомый *Н. Г. Чернышевского* — Т. 2: *326*.

Шалгин — штабс-капитан Владимирского пехотного полка, сослуживец *И. Д. Щербатова* — Т. 2: *296*.

Шаликов Петр Иванович (1767—1852) — князь, поэт и журналист, приверженец сентиментализма карамзинского типа, редактор «Московских ведомостей», в 1823—1833 издатель «Дамского журнала». Ш. и Ч. встречались в Москве в 1822 (*РА*. 1901. № 3. С. 413—414) и в Париже в 1824 — Т. 2: 34, 38.

Шаль Виктор Эфемион Филарет (1798—1873) — франц. писатель и филолог, с 1841 проф. Коллеж де Франс. Из русских знакомых Ч. лекции Ш. слушали *Н. П. Бреверн* и *П. В. Анненков*, давший отрицательную оценку его лекциям и сочинениям (см.: *Анненков П. В.* Парижские письма. М., 1984. С. 98—99) — Т. 2: 93.

Шамиль (1797—1871) — глава мусульманского государства в Дагестане, предводитель горцев Чечни и Дагестана в борьбе против России — Т. 2: 248; *395*.

Шан, аббат — Т. 2: 545.

Шарпантье — франц. историк литературы, автор книги «Очерк истории литературы средних веков», к-рую в сентябре 1833 *А. И. Тургенев* через *П. А. Вяземского* послал из Женевы Ч. (*АТ*, вып. 6, с. 310). Глава из этой книги «Абеляр и Элоиза» была опубликована в рус. пер. в том же номере «Телескопа», что и *ФП1* (и непосредственно вслед за ним) — Т. 1: *704*, *705*; Т. 2: (451), *452*.

Шарыгин Иван Васильевич — бурмистр с Хрипуново — Т. 2: 443.

Шатобриан Франсуа Рене (1762—1848) — франц. писатель и полит. деятель. По свидетельству *А. И. Тургенева*, Ч. просил его

ознакомить Ш. с одним из его писем (*ОА*. Т. III. С. 346). Положение Ч. в России под конец его жизни *М. И. Жихарев* сравнивает с положением Ш. во Франции (Русское общество 30-х годов XIX в. С. 108). В биб-ке Ч. сохранились книги Ш.: Congrès de Vérone. Bruxelles, 1838; De la restauration et de la monarchie élective... Paris, 1831; Itinéraire de Paris a Jérusalem et de Jérusalem a Paris. T. 1—3. Bruxelles, 1821; Le Martyrs... T. 1—3. Bruxelles, 1821; Mélanges et poésies. Paris, 1828 (*Каталог*. №№ 183—187). Во всех книгах усл. знаки, в № 184 две надписи — Т. 1: 590; *721*; Т. 2: *314*; 551.

Шаховская Екатерина Петровна— сестра Ф. П. Шаховского, жена *Н. С. Слепцова* — Т. 2: (66); *305*.

Шаховская Наталья Дмитриевна (урожд. Щербатова) (1795—1884) — дочь *Д. М. Щербатова*, двоюр. сестра Ч., жена декабриста *Ф. П. Шаховского* — Т. 1: 573, 581; *756*; Т. 2: 18, 27, 31, (38), 106, 138, 150, 153, (224), 271, 272; *296*, *298*, *299*, *304*, *324*, *337*, *341*, *342*, *344*, *348*, *357—359*, *364*, *373*, *375*, *393*, *403*; 410; 415, 499, *515*.

Шаховская Прасковья Петровна — сестра *Ф. П. Шаховского* — Т. 2: *305*.

Шаховской Дмитрий Иванович (1861—1939) — князь, гос. и обществ. деятель, внук *Н. Д.* и *Ф. П. Шаховских*. Один из основателей и сотрудников жур. «Освобождение», чл. совета «Союза Освобождения», с 1905 — чл. партии кадетов, в 1906 деп. Гос. Думы. После Февральской революции министр гос. призрения Временного правительства. В 1918 один из организаторов «Союза возрождения России», в последующие годы от полит. деятельности отошел и занимался в основном историей двух своих знаменитых предков — *М. М. Щербатова* и П. Я. Ч. К середине 30-х гг. подготовил два издания сочинений Ч., ни одно из которых не увидело света. В брошюре «Издательство Academia к XVII съезду ВКП(б). Задачи. Перечень изданий. План. М.-Л.: Academia. Январь 1934» на с. 90 записано: «Выходят в 1934—36 гг.: П. Я. Чаадаев. Сочинения в 2-х тт. под общей ред. и со статьей И. Т. Смилги. Подготовка текста, статья и комментарии Д. И. Шаховского. Т. 1—2» *. Выход этого издания, несомненно, явился бы выдающимся событием в отечественном и мировом чаадаеведении. В конце 30-х гг. Ш. был незаконно репрессирован, и законченный его труд погиб вместе с ним. Сохранившиеся рукописные и машинописные материалы Ш., положенные в основу настоящего издания, хранятся ныне в *ИРЛИ* — Т. 1: *6*; *13*; *680*, *681*, *683*, *684*, *686*, *689—691*, *696*, *697*, *700*, *701*, *703*, *707—759*, *713—718*, *735*, *736*, *741—743*, *747—749*, *751—756*, *759*; Т. 2: *8*; *285—288*, *292*, *295*, *300*, *304*, *306*, *311*, *312*, *317*, *324*, *327*, *334—336*, *338*, *340*, *341*, *343—345*, *347*, *348*, *357—359*, *362*, *365*, *369—370*, *380*, *384*, *386*, *388*, *396*, *407*, *408*; 410; *412*, *433*, *437*, *459*, *515*, *524—526*, *528*, *530*, *532*, *535*.

Шаховской Дмитрий Федорович (1821—1897) — сын *Ф. П.* и *Н. Д. Шаховских*, дядя *Д. И. Шаховского*, гв. капитан-лейтенант, серпуховской уездный предводитель дворянства, женат на княжне Н. Б. Святополк-Четвертинской, племянник Ч.— Т. 2: *299*; 410.

Шаховской Федор Петрович (1796—1829) — князь, декабрист, отставной майор л.-гв. Семен. полка, один из учредителей Союза спасения и Союза благоденствия, поддерживавший планы царе-

* Сообщено В. С. Гречаниновой.

убийства. Масон, член ложи «Соединенных друзей», «Трех добродетелей» и «Сфинкс». После женитьбы на *Н. Д. Щербатовой* в 1822 жил в ее имении — с. Ореховце Ардатовского уезда Нижегородской губ. От политической деятельности отошел с 1822, но в феврале 1826 был арестован, осужден к лишению дворянства и вечному поселению в Сибири. В Туруханске заболел психически и в 1829 был переведен в суздальский Спасо-Евфимьевский монастырь, где объявил голодовку и в том же году умер. Был связан тесной дружбой с *И. Д. Щербатовым* и Ч., к-рый перед отъездом за границу в 1823 продал ему свою библиотеку. Книги были перевезены в с. Ореховец и впоследствии погибли там при пожаре.— Т. 1: *11*; Т. 2: 18; *296*, *298*, *299*, *305*, *324*; (415).

Шварц Григорий Ефимович (ум. после 1867) — в 1820 в чине полковника был назначен командиром л.-гв. Семен. полка. Его жестокое обращение с солдатами привело к тому, что 17 окт. 1820 произошло возмущение в роте Его Величества, повлекшее за собой волнение и в конечном итоге раскассирование всего полка. Военным судом Ш. был приговорен к смертной казни, замененной — во имя уважения к его прошлым воинским заслугам — отставкой с запретом впредь поступать на военную службу. Тем не менее в 1823 он снова поступил на службу, в 1828 получил чин ген.-майора, в 1848 назначен командиром 19 пехотной дивизии. В 1850 он опять был уволен со службы по приговору военного суда за истязание нижних чинов с запрещением въезда в обе столицы. В 1857 ему разрешили въезд в С.-Петербург, в 1867 — назначили пенсию. В *СП* ошибочно указаны его инициалы Ф. П.— Т. 2: 12; *292—294*.

Шевалье Мишель (1798—1874) — франц. экономист, в молодости сен-симонист, впоследствии сторонник умеренной конституционной монархии, сотрудник «Journal des débats» — Т. 2: *351*.

Шевич Егор Иванович — ротмистр л.-гв. Гусарского полка, сослуживец *М. Ю. Лермонтова*, знакомый Ч.— Т. 2: 179.

Шевич Лидия Дмитриевна (1815—1882) — жена *Е. И. Шевича*, дочь *Д. Н. Блудова*, фрейлина — Т. 2: 179.

Шевырев Степан Петрович (1806—1864) — писатель, критик и историк литературы, проф. Моск. ун-та, академик. В молодости — поклонник немецк. романтизма и философии Шеллинга, высказывался за европеизацию России. В 1829 Ш. в качестве воспитателя сына кн. *З. Волконской* уехал в Италию, где пробыл до 1832. С Ч. Ш. познакомился в 1826 на первом чтении «Бориса Годунова» *А. С. Пушкина* (Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 2. С. 372—373), но регулярное их общение началось с середины 30-х гг. (*Тургенев А. И.* Хроника русского. М.; Л., 1964. С. 476). С конца 30 — нач. 40-х гг. Ш. становится одним из столпов теории официальной народности, активно проповедующим идеи «гниения Запада» и «незыблемой святости России». Но почти полная противоположность взглядов не помешала Ч. и Ш. поддерживать до самой смерти Ч. дружеские и даже теплые отношения. В 1844 Ч. посещал публичные лекции Ш. по истории русской словесности. В биб-ке Ч. имеется «История русской словесности» Ш. (М., 1846. Ч. 1—2), с дарственными надписями на обложках обеих частей от автора. В ч. 1 — усл. знаки и надписи рукой Ч. Научная карьера Ш. закончилась вскоре после смерти Ч. и весьма необычным образом: в 1857 Ш. на заседании совета моск. художеств. об-ва затеял ссору с гр. Бобринским (какое-то его замечание Ш.

принял за попытку оскорбить и унизить Россию). Противники сошлись врукопашную, и Ш. вышел из схватки со сломанным ребром. Тем не менее, по высочайшему повелению наказан (как «зачинщик») был именно Ш.: его уволили с должности профессора, и только из-за болезни оставили в Москве. В 1860 он уехал за границу, читал лекции по русской литературе во Флоренции, а потом в Париже, где и умер—Т. 1: *74*; 594; *728*, *747*, *748*, *762*; *791*; Т. 2: 139, 152—154, (169), 173, (174, 175), 180, (192), 214, 227, 272; *292*, *320*, *325*, *326*, *338*, *342—344*, *350—352*, *354—356*, *359*, *361*, *368*, *378*, *379*, *403*, *404*; 482, 516, 518, 519.

Шекспир Уильям (1564—1616) — англ. поэт и драматург. Известен всего лишь один отзыв Ч. о Ш. (см. письмо № 139). Во второй биб-ке Ч. нет книг Ш., но в «Обзоре библиотеки П. Я. Ч.», составленном *О. Г. Шереметевой*, сказано, что в «библиотеке Ореховца» (куда *Ф. П. Шаховской* перевез приобретенную у Ч. его «первую библиотеку») имелись Collected Works Ш. (см.: *McNally R. T.* Chaadayev and His Friends. Tallahassee. 1971. P. 167). Кстати, соседом Ч. по флигелю во дворе Левашовых некот. время был переводчик Шекспира (и *ФПІ*) па рус. яз. *Н. Х. Кетчер* (см.: Русское общество 30-х годов XIX в. С. 90) — Т. 2: 200, *253*; *361*.

Шеллинг Фридрих Вильгельм Йозеф (1775—1854) — нем. философ, представит. немец. классич. философии. Ч. и Ш. познакомились летом 1825 в Карлсбаде. Посредниками между Ч и Ш. были *А. И. Тургенев*, *И. С. Гагарин* и *А. де Сиркур*. «В 1833 г., в Мюнхене,— вспоминал И. С. Гагарин,— знаменитый Ш. говорил мне о нем (о Ч.), как об одном из замечательнейших людей, каких он встречал» (*Чаадаев П.* Философические письма. Казань. 1906. С. 1). Восторженный отзыв Ш. о Ч. известен также со слов А. С. Цурикова. Подробнее см. в статье Е. Боброва «Шеллинг и Чаадаев» (*Бобров Е.* Философия в России. Вып. V. Казань. 1901) — Т. 1: *11*, *12*, *14*, *33*, *56*, *57*, *59*, *72*; 399, 475, 481, 482, 497, 498, 618; *681*, *687*, *788*, *701*, *703*, *704*, *720*, *734*, *755*; Т. 2: 75, 78, 87, 94, 99, 144, 146, 171, 211; *284*, *302*, *311—314*, *316*, *321*, *340*, *341*, *350*; 450, 451; *525*.

Шереметева Надежда Николаевна (1775—1850) — теща *И. Д. Якушкина*, тетка *Ф. И. Тютчева*, приятельница *В. А. Жуковского* и *Н. В. Гоголя*. В своих письмах к И. Д. Якушкину регулярно извещала его о Ч. (*Якушкин*. С. 342). Подробно история взаимоотношений Ч. и Ш. рассказана в кн.: *Тарасов II* — Т. 2: 31, 39, 50, 51, (121—122); *299*, *301*, (*306*), *334*; 422, 423, 453, *454*.

Шереметева Ольга Геннадиевна (ум. 1941) — ближайшая помощница *Д. И. Шаховского* по исслед. рукопис. наследия Ч. Автор работ: Надписи и отметки на книгах библиотеки Чаадаева // *Каталог*. С. 121—138; Обзор библиотеки П. Я. Чаадаева // *ГБЛ*, ф. 103, М2234В, № 3; Письма А. И. Герцена М. И. Жихареву // *ЛН*. Т. 39—40. С. 244—246. Погибла осенью 1941 во время бомбежки немецкой авиацией Москвы — Т. 1: *680*, *737*, *738*, *747*, *751*, *760*, *765—768*.

Шильдер Николай Карлович (1842—1902) — историк, ген.-лейтенант, чл.-корр. Петербург. АН (1900), с 1899 — директор Публичной библиотеки в Петербурге — Т. 2: *293*.

Шипов Сергей Павлович (1789—1876) — участн. Отеч. войны 1812, с апреля 1821 в чине полковника — командир л.-гв. Семен. полка (нового состава, после *Г. Е. Шварца*), член Союза спасения

и Союза благоденствия (член Коренного совета), отошедший после 1821 от деят-ти тайного общества. С 1825 — ген.-майор, с 15 дек. 1825 — ген.-адъютант. 14 декабря Семен. полк под командованием Ш. был на стороне войск, сохранивших верность правительству (см.: Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи М.; Л., 1926. С. 26). В 1831 Ш. принимал участие в подавлении Польского восстания, в 1837 назначен гл. директором комиссии внутр. и дух. дел и нар. просвещения Царства Польского, в 1846 — присутствующим в московских департаментах Сената. Умер в Москве и похоронен в Донском монастыре. Согласно показаниям декабриста А. В. Поджио, он познакомился в 1820 с Ч. у Ш. и его брата Ивана Павловича (Восстание декабристов. М., 1954. Т. XI. С. 81). О встрече Ш. на «утреннике» у Ч. 6 апр. 1853 сообщает М. П. Похвиснев в своем дневнике (*РА*. 1911. № 2. С. 206—207). Знакомство с биографией Ш., особенно ее ранним, «декабристским» периодом, позволяет ответить на недоуменный вопрос *А. И. Герцена*, к-рый он задает себе и читателям, рассказывая в гл. XXX-й 4-й части «Былого и дум» о Ч.: «Зачем я встречал у него (у Ч.) дикого *Американца* Толстого и дикого генерал-адъютанта Шипова, уничтожавшего просвещение в Польше?» — Т. 1: *737*; Т. 2: 234.

Ширинский-Шихматов Платон Александрович (1790—1853) — директор Департамента нар. просвещения, член. Рос. Академии, министр нар. просвещения, академик — Т. 2: (269); *402*, *526*.

Широкий Яков — слепой отставной солдат — Т. 2: 223, 224; *375*.

Шлейермахер Фридрих (1768—1834) — нем. протестант. теолог и философ. В биб-ке Ч. имеются книги Ш.: Der christliche Glaube nach den Grundsätzen der evangelischen Kirche im Zusammenhange dargestellt. Bd. 1—2. Berlin, 1821—1822; Ueber der Religion: Reden an die Gebildeten unter ihren Verächtern. Berlin, 1821 (*Каталог*. №№ 607, 608) с усл. знаками и надписями. Кроме того, в его биб-ке есть Platons Werke в пер. Ш. (*Каталог*. №№ 549—550) — Т. 1: 399.

Шлецер Август Людвиг (1735—1809) — нем. историк и филолог, иностранный почетный член Петербург. АН (1769), сторонник «норманской теории» — Т. 1: *743*, *744*.

Шлецер Христиан фон (1774—1831) — сын историка *Августа Людвига Шлецера*, проф. полит. экономии и дипломатии Моск. ун-та, к-рый жил в доме *Д. М. Щербатова* (*Свербеев*. Т. 2. С. 126). Ч. слушал его лекции, будучи студентом ун-та — Т. 1: *10*.

Штейнберг А. А.— Т. 2: *332*; *459*.

Штейнгель Владимир Иванович (1783—1862) — отст. полковник, участн. Отеч. войны 1812, член Сев. об-ва, активный участн. подготовки и восстания 14 декабря. Осужден на 20 лет каторги — Т. 2: 534.

Штиглиц Александр Людвигович — петербургский банкир — Т. 2: 18, 31, 38, 39, 45, 54, 55.

Штраус Давид Фридрих (1808—1874) — нем. философ и теолог. *М. И. Жихарев* вспоминает, что «во время появления и громкой знаменитости всем известной книги Страусса (имеется в виду его двухтомная «Жизнь Иисуса Христа», изд. в Тюбингене в 1835—1836.— *В. С.*) весьма образованные и очень неглупые люди различных верований и убеждений говорили, что в России только один

Ч. в состоянии написать на нее опровержение» (Русское общество 30-х годов XIX в. С. 87), чего Ч. не сделал, хотя именно в это время проявлял интерес к сочинению Ш. «Опровергнуть учение Штрауса» попытался *Ф. д'Экштейн*, о чем и сообщал в письме к *А. И. Тургеневу* от 15 окт. 1837 (с тем же письмом он передал свое письмо к Ч.— см. «Приложения» № XXXIX). Ч., по-видимому, был осведомлен о «попытке» д'Экштейна (см.: Ежегодник РО Пушкинского Дома на 1976 г. Л., 1978. С. 261, 274). В биб-ке Ч. имеется книга Ш. Zwei friedliche Blätter. Altona, 1839 (*Каталог*, № 637) с усл. знаками рукой Ч.— **Т. 1:** *60*; *729*, *730*; **Т. 2:** 112; *328*.

Шуйский Василий Иванович (1552—1612)—русск. царь в 1606—1610. В 1610 свергнут с престола и насильственно пострижен в монахи, вскоре затем выдан польскому гетману С. Жолкевскому, к-рый вывез его в Польшу и заключил в Гостынском замке, где Ш. и умер — **Т. 1:** 347.

Шульц Яков — хозяин дома на Новой Басманной ул., где жил Ч. О Ш. практически нет никаких сведений. Известно, что он был «почетным гражданином» Москвы (*Свербеев*. Т. 2. С. 404) и имел брата Бориса, долговая расписка к-рого от 28 мар. 1856 сохранилась среди бумаг Ч. (*ГБЛ*, ф. 103, п. 1032, ед. хр. 83) — **Т. 2:** 218, 264, 278; *339*, *380*, *408*.

Шульц Софья Яковлевна — дочь домовладельца *Я. Шульца*. Предположение *М. О. Гершензона*, что С. Я. Ш.— «жена владельца дома на Новой Басманной, где жил Ч.» (*СП*. Т. 1. С. 425) неверно: жену Якова Шульца звали Дарьей Михайловной (Историко-архитектурный архив, Басманная часть, д. 326). В 1858, по-видимому, после смерти мужа Д. М. Шульц стала владелицей дома. Не позднее 1884 дом еще раз сменил владельца: им стал некий Прохоров (*РА*. 1884. № 4. С. 460), к-рый владел им по крайней мере до 1900 (*Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 8. Приложения. С. 46). Окончательно городская усадьба Левашовых, бывшая некогда одним из центров культурной жизни Москвы да и всей России, была разрушена после революции (по рассказам старожилов какие-то дореволюционные постройки сохранялись здесь до 30-х гг.). В настоящее время от всей усадьбы остался только грот. Ныне на этом месте Сад им. Н. Э. Баумана — **Т. 1:** 573.

Щебальский П. К. (1810 или 1815—1886) — **Т. 1:** *13*.

Щербатов Алексей Григорьевич (1777—1848) — князь, участн. Отеч. войны 1812, генерал от инфантерии, член Гос. совета, в 1844—1848 — моск. воен. ген.-губернатор. Первым браком был женат на сестре *П. А. Вяземского* Екатерине Андреевне (ум. 1809). О присутствии Ч. на балу в доме Щ. в 1844 или 1845 сообщает *И. И. Панаев* (см. его «Литературные воспоминания». М., 1950. С. 164) — **Т. 1:** 792—793; **Т. 2:** 210, 217, 220; *367*; 421, 492.

Щербатов Дмитрий Михайлович (1760—1839) — дядя и опекун *М. Я*. и П. Я. Ч., отец *И. Д.* и *Е. Д. Щербатовых* и *Н. Д. Шаховской*, сын историка *М. М. Щербатова*, брат матери Ч. Образование получил в Кенигсберге, служил в л.-гв. Семен. полку (по предположению *М. Н. Жихарева*, в чине полковника). «Он был умен, богат, мало честолюбив, очень самостоятелен, донельзя своенравен и своеобычен, очень самолюбив, чрезвычайно капризен, барски великолепен в замашках и приемах, отчасти склонен к по-

хвальбе и превозношению, и имел неограниченное уважение... к своему состоянию, и к своему происхождению»,— так характеризует его М. И. Жихарев (*ВЕ*. 1871, июль. С. 178). Рано начавший вести самостоятельную жизнь Ч. имел частые столкновения с Щ., «в которых острый, смелый и бойкий мальчик почти всегда брал верх над важным, строгим опекуном и дядей кн. Щ. ...Раз примирение между дядей и племянником после одной из таких ссор исполнилось каким-то хорошим обедом вдвоем в Бацовом трактире» (там же. С. 182). По словам другого мемуариста, *Д. Н. Свербеева*, «князь Щ. был человек преимущественно во всем сдержанный, опрятный, щеголеватый, чуждый ухваток и наших русских бар и разных помещиков средней руки. Да, кажется, он с ними и не якшался, а жил более в тесном своем семейном кружке... Он никогда ничего из своей жизни не рассказывал, никогда не упоминал о своих современниках, о прежней своей службе... Иногда, и то очень редко, случалось мне заметить из его разговора несочувствие к правлению императора Александра и резкое, хотя и сдержанное, в немногих словах выражаемое осуждение царствования Николая I». (*Свербеев*. Т. 2. С. 127—128). Умер кн. Щ. и похоронен в своем имении в с. Михайловском Ярославской губ. (*РА*. 1868. С. 248) — **Т. 2:** (6), 18, 31—33, 42, 56; *287*, *296*, *298*, *299*, *302*, *348*, *366*; 410.

Щербатов Иван Дмитриевич (1794—1829) — князь, сын *Д. М. Щербатова*, двоюр. брат *М. Я.* и П. Я. Ч., с к-рыми вместе учился в Моск. ун-те (куда они приходили с «гувернером-англичанином» — см. «Записки» В. И. Лыкошина // А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980. С. 34; это, вероятно, тот самый «дядька англичанин», «про которого,— пишет *М. И. Жихарев*,— мне ничего неизвестно, исключая того, что по этому случаю оба брата хорошо знали по-английски... Сверх того, Петра Ч. ... дядька-англичанин научил пить грог» — *ВЕ*. 1871, июль. С. 177). По окончании ун-та Щ. в 1811 отправился в Петербург, где был зачислен в л.-гв. Семен. полк. («семейный» полк Щербатовых и Чаадаевых), в который чуть позже были зачислены и оба брата Ч. Весь начальный период войны Щ., братья Ч. и их общий друг *И. Д. Якушкин* практически были неразлучны. Подпрапорщики кн. Щ, «Чеодаев 1-й и Чеодаев 2-й» «отличились мужеством и храбростью в сражении 26-го августа при Бородине» и в один день 21 нояб. 1812 произведены в прапорщики (*Аглаимов С. П*. Отечественная война 1812 г. Исторические материалы л.-гв. Семеновского полка. Полтава, 1912. С. 311—312, 314). В сентябре неразлучные братья были разведены по разным ротам: Щ.— в 4-ю, М. Я. Ч.— 7-ю, и П. Я. Ч.— в 9-ю (там же. С. 333). Тесное общение Ч. с Щ. продолжалось до конца 1820 (об этом свидет. тот факт, что в 1816—1820 И. Д. Якушкин в своих письмах к Щ. почти всегда упоминает братьев Ч. См.: *Якушкин*. С. 203, 207, 227, 229, 231, 233). 11 сент. 1820 Щ., братья Ч. и их общий друг Ермолаев провожали в отпуск майора Семен. полка и «в Царском Селе обедали... вместе в ресторации» (Декабристы. Сб. материалов. Л., 1926. С. 187). Меньше чем через месяц произошли известные события в Семен. полку. Щ. был арестован и привлечен к следствию как один из зачинщиков «волнений». Обед в церскосельской «ресторации» привлек пристальное внимание следственной комиссии (возглавлял ее *А. Ф. Орлов*), с унизительными объяснениями по этому поводу вынужден был обратиться к Орлову кн. Д. М. Щербатов (там же. С. 187),

Следствие над Щ., Ермолаевым и др. проходило в Витебске и длилось пять лет. Можно предположить, что арест любимого кузена и лучшего друга с детских лет не прошел бесследно и для Ч. В 1826 Щ. был разжалован в рядовые и сослан на Кавказ. Для ближайших родственников Щ. эта история была страшным ударом. 12 дек. 1826 он писал из Тифлиса: «Грибоедов здесь, я возобновил с ним знакомство, и он снабдил меня книгами. У меня есть новые вести о П. Чаадаеве: здесь некий Суворов (внук полководца, декабрист, освобожденный от суда и на время сосланный на Кавказ.— *В. С.*), который сообщил о нем Грибоедову» (*Шаховской Д. И.* Грибоедов и Чаадаев // *ЦГТМ*, ф. 78, ед. хр. 58, л. 7). В 1829 он погиб на Кавказе при невыясненных обстоятельствах — Т. 2: 6, 8, 9, 17, 18, 31, 51; *287*, *288*, *291*, *295*, *296*, *299*, *301*; 410; 421.

Щербатов Михаил Михайлович (1733—1790) — князь, обществ. и гос. деятель, историк и публицист, дед П. Я. Ч. Получил глубокое и разностороннее домашнее образование. В раннем детстве был записан в л.-гв. Семен. полк, из к-рого в 1762 вышел в отставку в чине капитана. С конца 60-х гг. работал в комиссии по составлению нового Уложения, возглавляя в ней оппозицию Екатерине II. По семейному преданию, «однажды он до того разгневался на Екатерину II, что возвратясь домой из общего собрания сената, в котором председательствовала сама государыня, разбил в куски бюст Екатерины в своей гостиной» (*Свербеев*. Т. 2. С. 124). В 1788 вышел в отставку в чине действит. тайного советника. Автор. соч.: «О повреждении нравов в России», «Путешествие в землю Офирскую», «История Российская от древнейших времен» (доведена до 1610). Щ. был женат на княжне Наталье Ивановне Щербатовой, дочери Ивана Андреевича Щербатова, «птенце Петровом», бывшим посланником в Испании, Турции и Англии, где родилась и воспитывалась Н. И. Щ. и Н. И. имели детей: Дмитрия, Анну, Наталью, Ирину (замужем за Мат. Грит. Спиридовым), Прасковью (замужем за Фед. Павловичем Щербатовым). Политическое кредо Щ. лучше всего выражено в словах: «Вольность бесполезна нашему государству. Ибо от нее хлебопашцы, расточивши свои имения, не будучи связаны помещичьей властью, разбредутся, и тогда те земли останутся совсем пустынными, и вместо размножения хлебопашества последует совершенное оного истребление» — Т. 1: *659*; Т. 2: (272); *358*, *366*, *403*; 410.

Щербатов Федор Александрович (1802—1827) — князь, сын А. Ф. и В. П. Щербатовых, брат *Е. А. Свербеевой*, адъютант *Ф. П. Уварова*. В конце 1824 уехал для лечения за границу, где встречался с Ч. (*Свербеев*. Т. 2. С. 234—235). Был членом тайного общества, но «оставлен без внимания». В Россию вернулся весной 1827 и вскоре умер — Т. 1: 576; *759*; Т. 2: 410.

Щербатова Анна Михайловна (1761—1852) — дочь *М. М. Щербатова*, сестра матери Чаадаевых, взявшая их на воспитание. «Оба ребенка-сироты остались в деревне (Хрипуново.— *В. С.*) ни на чьих руках,— рассказывает *М. И. Жихарев*.— Родная их тетка с материнской стороны, княжна Анна, девица в летах,.. разума чрезвычайно простого и довольно смешная, но как видно из ее жизни, исполненная благости и самоотвержения, обрекла себя на трудное и священное дело воспитания сирот-племянников. Мне известно, что получив уведомление о сиротстве, их постигшем

(Н. М. Чаадаева умерла 8 марта 1797 г.— *В. С.*), она в самое неблагоприятное время года, весною, в половодье, не теряя ни минуты, отправилась за ними, с опасностью жизни переправлялась через две разлившиеся реки — Волгу и какую-то другую, находившуюся на дороге, добралась до места, взяла малюток, привезла в Москву, где и поместила вместе с собой, в небольшом своем домике, бывшем где-то около Арбата» (*ВЕ*. 1871, июль. С. 176). В детские годы Щ. заменила братьям Ч. мать. О силе ее любви к ним свидетельствует следующий эпизод, рассказанный (со слов Ч.) *М. Н. Лонгиновым*: «Однажды, когда княжна была с питомцами своими в церкви, дом, где она жила, загорелся, и к ней прибежал слуга, весь расстроенный, говоря: „У нас несчастие!“ Княжна инстинктивно бросила взгляд на своих племянников и с удивлением спросила“: Какое же может быть несчастие? Ведь дети здесь, и здоровы!“» (*РВ*. 1862. № 11. С. 121). А в 1834 она писала в одном из писем к *М. Я. Ч.*: «Благодарю Всевышнего, что избрал меня служить вам матерью в вашем детстве, и в вас нахожу не племянников, но любезных сыновей; ваше благорасположение доказывает мне вашу дружбу, но и я, будьте уверены, что я вас люблю паче всего; нет для меня ничего любезнее вас, и тогда только себя счастливою нахожу, когда могу делить время с вами» (цит. по: *Гершензон М. О.* П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление. СПб., 1908. С. 5). Приблизительно в 1820 Щ. приобрела имение в с. Алексеевском Дмитровского уезда Моск. губ., где Ч. жил некоторое время по возвращении из-за границы и часто бывал в конце 20-х гг. С середины 30-х гг. связи между теткой и племянниками слабеют: М. Я. Ч. в 1834 уехал из Москвы в Хрипуново на «безвылазное» жительство, П. Я. прославился тем, что во вторую половину жизни ни разу не покидал Москвы (см. *Гершензон М. О.* Указ. соч. С. 105—111). Последние годы своей жизни, лет 15, по крайней мере, Щ. так ни разу и не увидела своих «любезных племянников». Умерла она «от престарелости» и похоронена в церковной ограде с. Говейново (недалеко от Алексеевского). Историк местного края летом 1925 посетил эти подмосковные чаадаевские места. «Рядом с деревней Алексеевской,— пишет он,— выросла группа высоких деревьев. Никаких построек в ней нет. Только у края ее видны новые крестьянские постройки. Внутри рощи густая тень, полумрак! Громадные липы перемешались с другими деревьями более молодыми — совсем юная поросль обступила рощу со всех сторон! — Вот все, что осталось от усадьбы, где живал Чаадаев. [...] Нам указали и могилу Щербатовой: рябина и тополь выросли по краям могильной насыпи, креста нет. По местной легенде либерализм Чаадаева пошел от его тетки, которая будто бы была даже сослана в Алексеевское» (*Смирнов И. А.* Декабрист Василий Норов // Декабристы Дмитровского уезда. Изд. Музея Дмитров. края. 1925. С. 66, 78) — Т. 1: 573, 574; *758*; Т. 2: 14, (17), (19—20), (23—24), (26—28), (30—33), (37), (39—45), (47), (50), (52), (54), (56—60), (149), (217); (*288*), *292*, *293*, *299*, *304*, (*334*), *341*, *371*, *395*; 410; (421), 428, 434, *437*, (443), (445), *453*, (475).

Щербатова Варвара Петровна (урожд. Оболенская) (ум. 1843) — княгиня, жена А. Ф. Щербатова, мать *Е. А. Свербеевой* — **Т. 2:** *347*.

Щербатова Елизавета Дмитриевна (1794—1885) — дочь *Д. М. Щербатова*, двоюр. сестра Ч., мнения к-рой он очень ценил и дорожил ими. Нельзя сказать, что Щ. отвечала ему «взаимностью»,

хотя по отзывам современников, очень любила своего брата, с к-рым вместе росла и воспитывалась. Со слов *П. Бартенева* известен ее резкий отзыв об уже умершем Ч.: «Это вы с Лонгиновым произвели его в гении, а был он вовсе не умный человек» (*Звенья*. М.; Л., 1934. Кн. III—IV. С. 390). В 1843 Щ. отправилась в путешествие по Европе (Ч. искал ей компаньонку, нашел, но не совсем удачно: в Италии граф Карниани, к-рый, как все считали, намерен был посвататься к Щ., женился на этой самой компаньонке — А. Н. Тютчевой. См.: *Дельвиг А. Е.* Мои воспоминания. М., б/г. Т. 1. С. 351), во время к-рого встречалась с *З. А. Волконской* — Т. 1: 573; Т. 2: 24, 31, 33, 44, (106), 138, (150), (166), (195); *298—300*, *337*, *341*, *342*, *348*, *359*, *360*, *393*, *403*; 410; 421.

Щербатова Наталья Дмитриевна — см.: **Шаховская Н. Д.**

Щербатова Софья Степановна (1798—1886) — вторая жена *А. Г. Щербатова*, дочь С. С. Апраксина, чей дом в Москве на Знаменке (ныне дом 19) был известен литературными чтениями, спектаклями, концертами — Т. 2: 210; *367*.

Эванс Фома (Томас) Яковлевич (1785—1849) — преподаватель англ. яз. в Моск. ун-те, англичанин по происхождению, знакомый *А. С. Грибоедова*, *Д. Веневитинова* и Ч., виолончелист-любитель. По свидетельству *С. В. Энгельгардт*, Э. «знал всех действующих лиц» комедии «Горе от ума» (*РВ*. 1887. № 10. С. 699) — Т. 2: 228; *379*; 488, *489*, 501.

Эверс Иоанн Филипп Густав (1781—1830) — историк, почетный член Петербург. АН (1826), с 1818 — ректор Дерптского ун-та, автор работ: «История руссов» (на нем. яз., 1816), «Древнейшее русское право в историческом его раскрытии» (на нем. яз., 1826; рус. пер. 1835), в к-рой впервые сформулировал теорию родового быта — Т. 1: *743*.

Эйдельман Натан Яковлевич (1930—1990) — историк и писатель; Ч. посвящена статья: Пушкин и Чаадаев (последнее письмо) // Россия / Russia. 1988. № 6 — Т. 1: *739*.

Эйнгард — средневек. историк, биограф *Карла Великого* — Т. 2: *386*.

Экштейн Фердинанд де (1790—1861) — барон, франц. философ, публицист, роялист, последователь *Ж. де Местра*, датский еврей, протестант, перешедший в католичество. В 1813—14 служил в войсках, сражавшихся против *Наполеона*. С Ч. познакомился, вероятнее всего, в 1824 в Париже, в дальнейшем поддерживал отношения при посредстве *А. И. Тургенева*. Предположение С. Адрианова о том, что Ч. и Э. могли познакомиться еще в 1813, когда оба принимали участие в некоторых сражениях (*Адрианов С.* Примечание к переписке П. Я. Ч. // С. Ф. Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911. С. 472), не подтверждается и вообще маловероятно — Т. 1: *57*; *711*; Т. 2: 101, 102, 107, 124, 140, 153; *321*, *322*, *325*, *334*, *335*, *344*, *345*, *351*; 475, 476; 535.

Эльслер Фанни (Франциска) (1810—1884) — австр. балерина, на сцене с 1822. В 1848—1850 гастролировала в Москве и Петербурге — Т. 2: 252, (254); *391*.

Энгельгардт Софья Владимировна (1828—1894) — писательница, автор «Воспоминаний», содержащих интересные сведения о Ч. (*РВ*. 1887. № 10; частично перепечатаны в альманахе «Куранты», Вып. III. М., 1989) — Т. 1: 791, *797*, *798*; Т. 2: *284*.

Энгельс Фридрих (1820—1895) — Т. 1: *37*, *47*; Т. 2: *340*.

Эпикур (342/341—271/270 до н. э.) — древнегреч. философ-атомист, последователь Демокрита — Т. 1: 396, 426—428, 452; *722*.

Эрскин Томас — англ. религ. писатель. В биб-ке Ч. имеются его книги: Bemerkungen über die innern Gründe die Wahrheit der geoffenbarten Religion. Leipzig, 1825; Remarks on the internal evidance for the truth of revealed religion. Edinburgh, 1821 (*Каталог*. №№ 254, 255). В № 255 — усл. знаки и надписи рукой Ч.— Т. 1: *763*.

Эсфирь (библ.) — Т. 1: 598.

Этьен Венгерский — Иштван I (Святой) — князь из династии Арпадов, правивший Венгрией в 997—1038, с 1000 — король. При нем Венгрия окончательно консолидировалась в единое государство — Т. 2: 487.

Юлиан Отступник Флавий Клавдий (331—363) — римск. император с 361, племянник *Константина Великого*. На короткое время восстановил языческие храмы, издал два эдикта против христиан, к-рых подверг гонениям — Т. 1: 401.

Юм Давид (1711—1776) — англ. философ, историк и экономист. В первой биб-ке Ч. имелись его «Трактаты» и «Опыты» (см.: *McNally*. P. 167) — Т. 1: *727*.

Юнг-Штиллинг Иоганн Генрих (1740—1817) — нем. мистик, произведения к-рого пользовались большой популярностью в России в начале XIX в. Увлекался его сочинениями друг Ч. *Д. А. Облеухов*, автор так наз. «мистического дневника» — «Заметок о духоведении», ошибочно приписанных *Кирпичниковым* Ч-ву и включенных *М. О. Гершензоном* в состав *СП*. Ошибка обнаружена *Д. И. Шаховским* (см. его ст.: «Чаадаев и Якушкин» // Декабристы и их время. М., 1932, а также Каталог. С. 136—138). В биб-ке Ч. имеются две книги Ю.: Apologie der Theorie der Geisterkunde... Nürnberg, 1808; Theorie der Geister—Kunde... Nürnberg, 1808 (*Каталог*. №№ 375, 376) — Т. 1: *724*.

Юрьев С. М., переводчик *АС* (в соавт. с Б. П. Денике) — Т. 1: 743.

Яворский Стефан (в миру Симеон Иванович) (1658—1722) — рус. и укр. церковн. деятель и публицист, президент Славяно-греко-латинской академии (1701), президент Синода (1721). Я. противник преобразований *Петра I*, выступал против подчинения церкви светским властям — Т. 2: 168.

Языков Николай Михайлович (1803—1846) — поэт, учился на филос. фак-те Дерптского ун-та. В 1838—1843 находился за границей. В 1844 написал неск. стихотворений, направленных против *А. И. Герцена*, *Т. Н. Грановского* и Ч. — Т. 1: *746*; Т. 2: 179; *338*, *352—356*, *362*, *363*; 482.

Якоби Фридрих Генрих (1743—1819) — нем. писатель и философ, представитель философии «чувства и веры». В биб-ке Ч. имеются следующие его соч.: Ueber die Lehre des Spinoza in Briefen an den Herr Moses Mendelssohn. Breslau, 1789; Von den göttlichen Dingen und ihrer Offenbarung. Leipzig, 1822; Woldemar. T. 1—2. Königsberg, 1796. (*Каталог*. №№ 359—361). Во всех книгах — усл. знаки и надписи рукой Ч.— Т. 1: 483; *763*.

Яковлев Василий — чиновник почт. ведомства — Т. 2: 265.

Якушкин Вячеслав Иванович (1823—1861) — старший сын *И. Д. Якушкина* — Т. 2: (50), (106); *300*; 422, 453, *454*.

Якушкин Евгений Иванович (1826—1905) — младший сын *И. Д. Якушкина*, в 1847 окончил юридич. фак-т Моск. ун-та, служил в Межевом ин-те. Известен как собиратель и публикатор литературного и мемуарного наследия декабристов — Т. 2: (106), 211; *367*; 453, *454*.

Якушкин Иван Дмитриевич (1793—1857) — декабрист, близкий друг Ч. В 1808 поступил в Моск. ун-т, где учился вместе с братьями Ч. и *И. Д. Щербатовым* и вместе с ними служил в л.-гв. Семен. полку, куда поступил в 1811 и в к-ром оставался до 1816, когда перешел в 37 егер. полк. Я. был влюблен в кузину Ч. *Н. Д. Щербатову*, к-рая предпочла ему кн. *Ф. П. Шаховского*. Будучи в то время членом тайного об-ва Я. на московском съезде 1817 вызвался на цареубийство. В 1818 уволился в отставку и поселился в своем имении Жуково Смоленской губ., в 1822 женился на *А. В. Шереметевой*. В 1821 принял в тайное общество Ч., но сам вскоре от его деятельности отошел. В конце 1825 активно участвовал в подготовке восстания в Москве. В начале января был арестован в своем доме на Малой Бронной и приговорен к 20 годам каторги. Срок каторги был сокращен до 10 лет, в 1835 Я. был отправлен на поселение в Ялуторовск. Освобожден по амнистии в 1856, вернулся в Москву (через 4 месяца после смерти Ч.). О взаимоотношениях Ч. и Я. см.: *Шаховской Д. И.* Чаадаев и Якушкин (По новым материалам) // Декабристы и их время. М., 1932 — Т. 1: 574, 575; *694*, *742*, *758*; Т. 2: 18, 20, 22, 26, 28, 31, 39, 44, 50, 53, 105, 121, 126; *288*, *291*, *297*, *300—302*, (*305*), *323*, *324*, *334—336*, *367*; 419, *433*, 453, *454*, 514, *515*; *525*, *539*.

Якушкина Анастасия Васильевна (урожд. Шереметева) (1807—1846) — дочь В. П. Шереметева и Н. Н. Тютчевой, жена *И. Д. Якушкина*. Из-за сложных отношений с мужем не смогла последовать за ним в Сибирь, как это сделали жены других декабристов. В 1827 часто виделась и общалась с Ч., о чем оставила интересные письма-записки (Новый мир. 1964. № 12. С. 138—152; там же статья Н. В. Якушкина «Несостоявшаяся поездка А. В. Якушкиной в Сибирь». С. 152—159) — Т. 1: *721*; *784*; Т. 2: (31), (39), (50); *301*, *305*; (422, 423), 432, *433*, 453, *454*.

Яниш Карл — проф. математики Моск. ун-та, отец поэтессы *К. Павловой*, знакомый Ч., к-рому он в 1836 послал отдельный оттиск опубликованного в «Телескопе» *ФПI* — Т. 1: 581; Т. 2: *345*.

Яновский — ардатовский домовладелец — Т. 2: 478.

Ярослав Мудрый (ок. 978—1054) — вел. князь киевский, сын Владимира Святославича. При нем Киевская Русь достигла значительного расцвета и международного авторитета. По инициативе Я. был поставлен первый русский (не византиец) митрополит Иларион — Т. 1: 512; Т. 2: 151; *343*.

Ястребцов Иван Максимович — доктор и педагог, знакомый Ч., находившийся в сер. 30-х гг. под сильным влиянием его идей. Автор соч.: «Об умственном воспитании детского возраста» (1831), «О воспитании» // Московский телеграф. 1832. № 12; «О системе наук, приличных в наше время детям, назначаемым к образованнейшему классу общества» (1834; за эту книгу, в к-рой имеется прямая ссылка на Ч., Я. была присуждена в 1834 половинная Демидовская премия Петербург. АН); «Исповедь, или собрание рассуж-

дений доктора Я.» (1841). Ч. познакомился с ним, по-видимому, через брата, знавшего Я. еще по Ардатову. В письме к *Ф. П. Шаховскому* от 13 мар. 1824 *М. Я. Ч.* писал: «Есть ли нужен лекарь и лучшего не знаешь, то рекомендую тебе здешнего Ардатовского Ястребцова, кажется сколько и по себе могу судить человек искусной по своей части...» (*НГУАК*. С. 370). По-видимому, вначале отношения Ч. и Я. не выходили за пределы медицины, т. к. сочинения последнего, опубликованные до 1834, не содержат следов влияния Ч. Позднее, в «Исповеди» Я. отрекся от идей своей молодости. Даты его рождения и смерти не известны. В большинстве изданий и публикаций Я. смешивается со своим однофамильцем и тезкой *И. И. Ястребцовым* (1776—1839; дата смерти установлена П. Г. Торопыгиным), служащим канцелярии Синода, переводчиком Массильона, преподавателем франц. языка в моск. духовной академии, сподвижником *А. Н. Голицына* и т. д. Ошибка эта, хотя давно уже обнаружена и неоднократно указывалась, все-таки продолжает воспроизводиться от издания к изданию. Из книг и статей, в к-рых допущено смешение двух Ястребцовых, укажем следующие, изданные в самое последнее время: статья П. Г. Торопыгина «Чаадаев и Ястребцов» // Уч. зап. Тартуского ун-та. Вып. 748; *Мезенин Н. А.* Лауреаты Демидовских премий. Л., 1987; *Шпет Г. Г.* Сочинения. М., 1989 (см. по указ. имен; ошибку допускает и сам Шпет, и совр. комментатор); *Чаадаев П. Я.* Сочинения. М., 1989 (Приложение к журн. «Вопр. философии») — Т. 1: *68*, *71*; *722*; Т. 2: *325*, *330*, *334*; *538—543*.

К ТЕКСТАМ НА ФРАНЦ. ЯЗ. В 1 Т. НАСТ. ИЗД.

Abailard — 247
Adam — 115
Ahrimane — 196
Alcuin — 247
Alexandre le Grand — 166, 170, 227
Alexandre Ier — 97, 279, 318
Alfred — 240
Anselme (saint) — 147
Antoine (saint) — 113
Aristote — 112, 162, 193, 201

Bacon — 123, 135, 191
Basile (saint) — 108
Benkendorf — 282
Bonaparte — 169
Bonnet — 221
Buffon — 218, 224
Byron — 217

Calvin — 179, 311
Carlier — 307
Catherine — 318
Caton — 162
César — 196
Charles Ier d'Angleterre — 102
Chouiskoy — 112
Christ, Jesus Christ — 103, 104, 112, 121, 152, 176, 187, 194, 195, 201, 219, 222, 234, 264, 269
Ciceron — 92, 147, 192, 249
Cieszkowsky — 266
Cobden — 306
Coleridge — 289
Coligny — 272
Cousin — 145, 164, 264
Cranmer — 179
Cromwell — 102

David — 162, 190, 191
Démocrite — 191
Descartes — 135, 147, 153, 154, 228
Diogène — 227

Epicure — 162, 191, 192, 213

Fénelon — 164, 218
Fichte — 153, 235, 242, 243, 245, 260
Frédéric le Grand — 169

Galilée — 136
Gibbon — 184 (?)
Godounoff — 112
Goethe — 261
Grégoire de Nazianze — 108
Grégoire de Tours — 183
Guizot — 176, 217

Heeren — 195
Hegel — 242, 261, 270
Henri VIII — 102, 179
Hérodote — 159, 173, 183
Hipparque — 159
Homère — 162, 195—198

Innocent (Mgr.) — 243

Jacobi — 245
Jaroslaw — 278
Jean Chrysostome — 108
Job — 140
Jouffroy — 265
Julien — 166

Kant — 153, 154, 235, 260
Karamsine — 217, 298
Kepler — 136, 159
Kreutzer (Creuzer) — 195

Lagides — 166, 170
Léon X — 176
Lomonossof — 302
Louis Napoléon — 306, 307
Luther — 176, 311

Mahomet — 162, 193, 194
Mahmoud — 262
Maistre de — 230
Marc-Aurèle — 162, 166, 190
Maxime de Tyr — 195
Michelet — 266
Milton — 142
Moïse — 159, 162, 186, 187, 189, 191

Montaigne — 121

Napoléon — 279, 305
Newton — 134 — 137, 159
Nestor — 281
Niebur — 217

Paley — 221
Pascal — 146, 182
Périclès — 170
Photius — 97
Pierre le Grand — 96, 256, 257, 282, 291—293, 296, 299, 302, 313, 315, 318, 319
Platon — 107, 119, 126, 154, 162, 164, 185
Plutarque — 195
Poushkine — 302
Proudhon — 307
Pythagore — 119, 139, 185

Rezanov — 99
Rousseau — 218

Schelling — 145, 164, 235, 242, 243, 260
Schleiermacher — 164
Séleucides — 166
Servet — 179
Socrate — 119, 162, 190, 191
Soliman le Grand — 310
Spinoza — 131, 133, 221
Staël de — 277
Swedenborg — 219

Tacite — 196
Tasse (le) — 100
Tilly — 272
Tite-Live — 183
Typhon — 196

Voltaire — 155, 167

Wallenstein — 272

Xénophon — 190

Zenon — 213
Zoroastre — 119
Zwingli — 179

ЛИТЕРАТУРА О П. Я. ЧААДАЕВЕ

(Избранная библиография) *

Аверьянов Г П. П. Я. Чаадаев // Что читать? 1941. № 6.

Аглаимов С. П. Отечественная война 1812 г. Исторические материалы лейб-гвардии Семеновского полка. Полтава, 1912.

Адамович Г. Литературные беседы // Звено. 1926. 6 июня.

Адрианов С. Примечание к переписке П. Я. Чаадаева // С. Ф. Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911.

Азадовский К. М., Осповат А. Л. А. И. Тургенев и Шеллинг (по неизданным материалам) // Вопр. философии. 1988. № 7.

Аксаков И. С. Федор Иванович Тютчев // РА. 1874. Т. II.

Аксакова В. С. Дневник. 1854–1855. СПб., 1913.

Алексеев Н. Русское западничество // Путь. 1929. № 15.

Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.). М., 1985.

Английский клуб // Новое время. 1914. № 13770. 14(27) июля.

Андреевич. Опыт философии русской литературы. СПб., 1905.

Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960.

Анциферов Н. Грибоедовская Москва // А. С. Грибоедов. 1795–1829. М., 1946.

Арсеньев И. Слово живое о неживых (Из моих воспоминаний) // ИВ. 1887. № 1.

Асмус В. Ф. О новых «Философических письмах» П. Я. Чаадаева // ЛН. М., 1935. Т. 22–24.

Афанасьев М. К. Общественно-политические взгляды П. Я. Чаадаева // Труды Воронежского гос. ун-та. 1946. Т. XIV. Вып. 1–2.

Бакунин М. А. Собрание сочинений и писем. М., 1934–1935. Т. 1–2.

Бартенев П. Пушкин в южной России // РА. 1866.

Бартенев П. Примечание к письму А. С. Пушкина // РА. 1884. № 4.

Бартенев П. А. П. Елагина // РА. 1877. № 7.

Бартенев П. И. Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей. М., 1925.

[Бартенев П. И.] Рассказы о Романовых в записи П. И. Бартенева // Голос Минувшего. 1918. № 7–9.

---

* Составил В. В. Сапов.

Белинский В. Г. Избранные письма. М., 1955. Т. 1.
Берелевич Ф. И. П. Я. Чаадаев и революция 1848 года // Уч. зап. МГУ. Вып. 61. История. М., 1940.
Берелевич Ф. И. П. Я. Чаадаев и польское восстание // Доклады и сообщения ист. фак-та МГУ. 1948. Вып. 8.
Берелевич Ф. И. П. Я. Чаадаев и декабристы // Уч. зап. Тюменского гос. пед. ин-та. 1958. Т. V. Вып. 2.
Берелевич Ф. И. Чаадаев–Чацкий // Науч. труды Тюменского гос. ун-та. 1975. Сб. 14.
Берелевич Ф. И. Чаадаев и Сен-Симон // Там же. 1977. Сб. 8.
Берелевич Ф. И. К историографии идеологии П. Я. Чаадаева // Уч. зап. Свердловского гос. пед. ин-та. Тюмень, 1969. Т. 91. Вып. 2 (7).
Бобров Е. Философия и литература. Казань, 1898.
Бобров Е. Шеллинг и Чаадаев // Философия в России. Казань, 1901. Вып. IV.
Богучалов В. Чаадаев // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1903. Т. XXXVIII.
Богучарский В. Я. Три западника сороковых годов (Чаадаев, Белинский, Герцен). СПб., 1901.
Божерянов И. Н. Памяти П. Я. Чаадаева // Всемирный Вестник. 1906.
Боратынский Е. А. Полн. собр. соч. СПб., 1914. Т. I.
Боричевский И. Пушкин и «нераскаянные» декабристы // Звезда. 1940. № 8–9.
[*Булгаков А. Я.*] Из писем А. Я. Булгакова к его брату (1820) // РА. 1900. № 11; 1901. № 3.
Бумаги покойного председателя Государственного Совета князя И. В. Васильчикова // РА. 1875. Т. 1. № 3, 5–8, 12.
Буслаев Ф. И. Мои воспоминания. М., 1897.
Бюллетени Гос. Лит. музея. № 5: Герцен, Огарев и их окружение. Рукописи, переписка и документы. М., 1940.

В. С. Книга о П. Я. Чаадаеве // Весы. 1907. № 12.
Веселовский А. Этюды и характеристики. М., 1903.
Веселовский А. Гоголь и Чаадаев (Из этюда о Гоголе) // ВЕ. 1895. № 9.
Ветринский Ч. Мелочи о П. Я. Чаадаеве. Из рукописи М. И. Жихарева // ВЕ. 1916. № 2.
Ветринский Ч. Одна из «умных ненужностей» XIX века (М. Я. Чаадаев) // НГУАК.
Вигель Ф. Ф. Москва и Петербург // РА. 1893. № 8.
Вигель Ф. Ф. Письмо к А. Д. Блудовой (1838) // Сегодня. Альманах первый. М., 1926.

Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1928. Т. 1–2.
Вилков А. А. Предисловие // Письма П. Я. Чаадаева из-за границы к брату (1823–1826). Варшава, 1912.
Виноградов А. К. Мериме в письмах к С. А. Соболевскому. М., 1928.
Волков Г. Н. Три лика культуры. М., 1986.
Выдержки из старых бумаг Остафьевского архива // РА. 1866.
Вяземский П. А. Старая записная книжка. Л., 1928.
Вяземский П. А. Письма к жене за 1831–1832 гг. // Звенья. 1951. Кн. IX.
Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М., 1984.

Гаав Ф. П. Завещание // РА. 1912. № 6.
Гагарин И. С. Предисловие к изданию сочинений П. Я. Чаадаева // Чаадаев П. Я. Философические письма. Казань, 1906.
Гацисский А. А. Д. Улыбышев // РА. 1886. № 2.
Герб рода Чаадаевых // Общий гербовник Дворянский родов Всероссийской империи... 4.9.1-ое отд.
Герцен А. И. О развитии революционных идей в России // Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. VII.
Герцен А. И. Былое и думы // Там же. Т. IX.
Гершензон М. О. Молодость Чаадаева // Научные слово. 1905. № 6.
Гершензон М. О. П. Я. Чаадаев // Вопросы жизни. 1905. № 11.
Гершензон М. О. П. Я. Чаадаев 30-х и 40-х годов // ВЕ. 1906. № 4.
Гершензон М. О. К характеристике Чаадаева // Былое. 1906. № 4.
Гершензон М. О. История молодой России. М., 1908.
Гершензон М. О. Образы прошлого. М., 1912.
Гершензон М. О. Статьи о Пушкине // Чаадаев и Пушкин. М., 1926.
Гершензон М. О. Грибоедовская Москва. П. Я. Чаадаев. Очерки прошлого. М., 1989.
Гершензон М. О. Чаадаев и Пушкин // Библиотеки великих писателей. Изд. Брокгауз–Ефрон. Т. VI. Б/г, Б/м.
Гиллельсон М. И. Н. В. Гоголь в дневниках А. И. Тургенева // Русская литература. 1963. № 2.
Гиллельсон М. И. Пушкин в итальянском издании дневника Д. Ф. Фикельмон // Временник Пушкинской комиссии. 1967–1968. Л., 1970.
Гиллельсон М. И. Проблема «Россия и Запад» в отзывах писателей пушкинского круга // Русская литература. 1974. № 2.
Голицын Н. В. Чаадаев и Е. А. Свербеева (из неизданных бумаг Чаадаева) // ВЕ. 1918. Кн. I–IV.
Гортман А. М., Марченко Н. А. Об атрибуции портрета молодого Чаадаева // А. С. Пушкин и русская литература. Сб. науч. трудов Калининградского гос. ун-та. 1983.

Грановский Т. Н. Сочинения. М., 1900.
Т. Н. Грановский и его переписка. М., 1897. Т. II.
Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1930.
Гречанинова В. С. Библиотека П. Я. Чаадаева // Федоровские чтения. 1976. М., 1978.
Грибоедов А. С. Сочинения. Л., 1940.
А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980.
Григорьев А. П. Воспоминания. М.; Л., 1930.
Григорьян М. М. Чаадаев и его философская система // Из истории философии. М., 1958. Вып. 2.
Гроссман Л. Вторник у Каролины Павловой. М., 1922.
Гроссман Л. Прообраз Чацкого // Комсомольская правда. 1945. 13 января.

Декабристы Дмитровского уезда. Дмитров, 1925.
Дельвиг А. И. Мои воспоминания. М., 1912. Т. I.
Дельвиг А. И. Полвека русской жизни. М.; Л., 1980. Т. 1.
Дирин. История л.-гв. Семеновского полка. СПб., 1883.
Долгополов Л. К., Лавров А. В. Грибоедов в литературе и литературной критике конца XIX – начала XX в. // А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. Л., 1977.
Дружинин А. В. Повести. Дневник. М., 1986.
Дружинин Н. П. Я. Чаадаев и проблема индивидуализма // Коммунист. 1966. № 12.
Дружинин Н. М. Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в. М., 1985.

Ермичев А. А., Кузнецов В. П. [Рец. на кн.]: В. В. Лазарев. Чаадаев // Научные доклады высшей школы. Философские науки. 1987. № 10.

Жихарев М. И. Докладная записка потомству о П. Я. Чаадаеве // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников. М., 1989.
Жихарев С. П. Записки современника. М.; Л., 1934. Т. II.
Жуковский В. А. Письма к А. И. Тургеневу. М., 1895.
Жуковский В. А. Дневники. СПб., 1901.

Заборов П. Р. Французские корреспонденты А. И. Тургенева (М.-А. Жульен, Э. Эро, П.-С. Балланш, Ф. Экштейн) // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1976 г. Л., 1978.
Загоскин С. М. Воспоминания // ИВ. 1900. Т. XXIX, № 3.
Зайцев К. Своеобразие русской философии. Доклад Н. А. Бердяева // Возрождение. 1927. 28 февраля.

Звенигородский А. Письмо И. Д. Якушкина к М. Я. Чаадаеву // РС. 1910. № 10.
Звенигородский А. Материалы к биографии М. Я. Чаадаева // НГУАК.
Звенигородский А. Пушкин или Виельгорский? // Литературная газета. 1929. 27 мая. № 6.
Зеньковский В. В. История русской философии. Париж, 1948. Т. 1.
Зеньковский В. В. Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей. Париж. Б/г.

Иванов-Разумник Р. В. История русской общественной мысли. СПб., 1907. Т. 1.
Из бумаг А. П. Попова // РА. 1886. № 3.
Из бумаг В. Г. Теплякова // РС. 1896. № 3.
Из бумаг П. Я. Чаадаева. Письма князя П. А. Вяземского // Старина и Новизна. СПб., 1897. Кн. 1.
Из бумаг С. П. Шевырева // РА. 1878. № 5.
Из воспоминаний М. А. Дмитриева // Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М., 1989.
Из писем К. Я. Булгакова к брату // РА. 1902. № 11.
Ильинский В. «Апология сумасшедшего» П. Я. Чаадаева в интерпретации Н. Г. Чернышевского // Неизданные тексты, материалы и статьи Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1928.
Иовчук М. Т. Философские и социально-политические взгляды П. Я. Чаадаева // Фронт науки и техники. 1938. № 4.
Истрин В. Из документов архива братьев Тургеневых // Журн. мин-ва нар. просвещения. 1913. № 3.

Кавелин К. Д. Письма к Д. А. Валуеву // РА. 1900. № 4.
Кайдаш С. Адресат «Философических писем» // Наука и жизнь. 1979. № 7.
Каменский З. А. П. Я. Чаадаев (Русская мысль на пути от дворянского просветительства к идеологии демократии). Стенограмма лекции. М., 1946.
Каменский З. А. Чаадаев // Философ. энциклопедия. М., 1970. Т. V.
Каменский З. А. Вторая библиотека П. Я. Чаадаева // Каталог библиотеки П. Я. Чаадаева. М., 1980.
Каменский З. А. Урок Чаадаева (П. Я. Чаадаев в 40–50-х годах XIX в.) // Вопр. философии. 1986. № 1.
Каменский З. А. Неопубликованные статьи П. Я. Чаадаева // Там же. 1988. № 6.
Киреевский И. В. Избр. статьи. М., 1984.
Кириченко Е. И. Архитектурные теории XIX века в России. М., 1986.

Кирпичников А. И. Новые материалы о П. Я. Чаадаеве // Изв. Отд. рус. яз. и словесности Имп. Академии наук. 1896. 1. Кн. 2.

Кирпичников А. П. Я. Чаадаев (По новым материалам) // Русская мысль. 1896. Кн. IV.

Кирпичников А. Материалы для характеристики русских писателей, художников и общественных деятелей // Русское обозрение. 1897. Т. 45, июнь.

Кирпичников А. П. Заметки о П. Я. Чаадаеве // РС. 1896. № 3.

Кобеко Дм. «Молитва лейб-гусарских офицеров» // Пушкин и его современники. Пг., 1914. Т. V. Вып. 17–18.

Ковалевский М. М. Ранние ревнители философии Шеллинга в России – Чаадаев и И. Киреевский // Русская мысль. 1916. Т. XII.

Коган Л. А. О чем рассказывает библиотека Чаадаева // Вопр. философии. 1982. № 2.

Кожинов В. В. Судьба России. Вчера, сегодня, завтра. М., 1990.

Козмин Н. К. [Рец. на кн.:] М. К. Лемке. Чаадаев и Надеждин // Журн. мин-ва нар. просвещения. 1906. Июль.

Козмин Н. К. Две статьи Н. И. Надеждина, написанные по поводу «Философического письма» П. Я. Чаадаева // РС. 1907. № 7–9.

Козмин Н. К. [Рец. на кн.:] М. Гершензон. П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление // Журн. мин-ва нар. просвещения. 1908. № 3, 4.

Козмин Н. Н. И. Надеждин. СПб., 1912.

Колубовский Я. Чаадаев П. Я. // Русский биографический словарь. [Т. 22]: «Чаадаев–Швитков». СПб., 1905.

Кольцов А. В. Сочинения. М., 1961. Т. 2.

Кому были написаны «Философические письма» Чаадаева? // ВЕ. 1872. № 2.

Кочубинский А. О. М. Бодянский в его дневнике // ИВ. 1887. № 12.

Кошелев А. Мои воспоминания об А. С. Хомякове // РА. 1879. Т. III.

Кошелев А. И. Записки (1812–1883). Берлин, 1884.

Крестова Л. П. Я. Чаадаев // Молодой большевик. 1941. № 1.

Кулешов В. И. Славянофилы и русская литература. М., 1976.

Куллэ Р. Ф. К 90-й годовщине «сумасшествия» П. Я. Чаадаева // Вестник знания. 1926. № 18.

Кунин В. В. Библиофилы пушкинской поры. М., 1979.

Кунин В. В. Друзья Пушкина. М., 1984. Т. 1.

Лебедев А. Чаадаев. М., 1965.

[*Лебедев К. Н.*] Из записок сенатора К. Н. Лебедева // РС. 1893. № 3; РА. 1888. № 3; 1910. № 7.

Левин Ш. М. Очерки по истории русской общественной мысли (вторая половина XIX – начало XX в.). Л., 1974.

Лемке М. К. Чаадаев и Надеждин (по неизданным материалам) // Мир Божий. 1905. № 9–12.
Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. Б/м, 1908.
Ленель В. Е. П. Глебова-Стрешнева // РА. 1895. № 2.
М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1964.
Лернер Н. О. Чаадаев // История русской литературы XIX в. М., 1909. Т. II.
Летописи Гос. лит. музея. Кн. I. Пушкин. М., 1936.
Литературная находка // Руль. 1929. 5 июня; Возрождение. 1929. 4 июня.
Литературные салоны и кружки. Первая половина XIX в. М.; Л., 1930.
Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1938. Т. 1.
Лонгинов М. Некролог П. Я. Чаадаева // Современник. 1856. Т. LVIII. Отд. V.
Лонгинов М. Н. Воспоминание о П. Я. Чаадаеве // РВ. 1862. № 11–12.
Лонгинов М. [Рец. на кн.:] Oeuvres choisies de P. Tchaadaïeff. P., 1862 // РА. 1863. № 3.
Лонгинов М. Эпизод из жизни Чаадаева (1820 года) // РА. 1868. № 8.
Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни // Литературное наследие декабристов. Л., 1975.

Макаровская Т. В. «Философические письма» П. Я. Чаадаева в оценке А. С. Пушкина // Освободительное движение в России. Межвузовский научн. сб. Вып. 11. Саратов, 1986.
Максимов М. По страницам дневников и писем А. И. Тургенева (Пушкин и А. И. Тургенев) // Прометей. 1974. Т. 10.
Малинин В. А. Социализм и философия истории П. Я. Чаадаева // Вестн. МГУ Философия. 1968. № 3.
Малинин В. А. Атеистические взгляды А. С. Пушкина. М., 1957.
Малинин В. А. Русская философия первой половины XIX века и ее буржуазная интерпретация // Науч. докл. высш. школы. Философские науки. 1958. № 3.
Малинин В. А. История русского утопического социализма. М., 1977.
Мандельштам О. Э. Слово и культура // Чаадаев. М., 1987.
Манзей А. История л.-гв. гусарского полка. СПб., 1859.
Маркевич Н. А. Воспоминания о встречах с Кюхельбекером в 1817–1820 гг. // ЛН. М., 1954. Т. 59.
Меликян В. А. П. Я. Чаадаев и А. С. Пушкин // Уч. зап. Ереванского гос. пед. ин-та. 1941. Т. 1.

Мережковский Д. С. Чаадаев // Невоенный дневник 1914–1916. ⟨На обл. загл.: «От войны к революции. Дневник 1914–1917»⟩. Пг., 1917.

Мещерский А. В. Из моей старины // РА. 1900. № 10.

Мильдон В. И. Чаадаев и Гоголь (Опыт понимания образной логики) // Вопр. философии. 1989. № 11.

Мильчина В. А., Осповат А. Л. О Чаадаеве и его философии истории // Чаадаев П. Я. Сочинения. М., 1989.

Милюков П. Н. О влиянии Ж. де Местра на Чаадаева // Русская мысль. 1895. № 12.

Милюков П. Главные течения русской исторической мысли. М., 1898. Т. 1.

Милюков П. Н. Пушкин и Чаадаев // День русской культуры. 1926. 8 июня.

Митрополит Филарет в его письмах к архимандриту Антонию // РА. 1877. № 11.

Модзалевский Б. Сто лет тому назад // Былое. 1924. № 26.

Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929.

Надеждин Н. И. Два ответа Чаадаеву // Чаадаев П. Я. Сочинения. М., 1989.

Находка писем Чаадаева // Возрождение. 1928. 30 октября.

Нелидов Ф. Ф. Западники 40-х годов. М., 1910. Вып. II.

Нечкина М. В. П. Я. Чаадаев и его «Философические письма» // История СССР. М., 1940. Т. 2.

Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы. М., 1951.

Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1–2.

Никитенко А. В. Дневник. М., 1955. Т. 1.

Николаев М. П. Видный русский философ и публицист: К 100-летию со дня смерти П. Я. Чаадаева // Известия АН Латв. ССР. 1956. № 4.

Новгородцев П. И. Православная церковь в ее отношении к духовной жизни России // Русская мысль. 1922. № 1–2.

Нович И. П. П. Я. Чаадаев: К 85-летию со дня смерти // Большевистская печать. 1941. № 6.

Нольде Б. Э. Из русского прошлого Парижа. Госпожа де Сиркур // Возрождение. 1928. 28 декабря.

О жизни и кончине А. П. Глинки. СПб., 1864.

О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990.

«Обратить в пользу для потомков...» // Новый мир. 1985. № 9.

Овсянников-Куликовский Д. Н. Чаадаев и русское национальное самосознание // История русской интеллигенции. СПб., 1914. Ч. II.

Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1956. Т. 2.

[*Олсуфьев В. Д.*] Воспоминания В. Д. Олсуфьева о Пушкине // Красный архив. 1928. Т. 4 (29).

Павлюченко Э. А. В добровольном изгнании. М., 1976.

Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., 1950.

Парилова Г. Н., Саймонов А. Д. П. В. Киреевский и собранные им песни // ЛН. М., 1968. Т. 79.

Пассек Т. П. Из дальних лет. Воспоминания. М., 1963. Т. 2.

Плеханов Г. В. Пессимизм как отражение экономической действительности (пессимизм П. Я. Чаадаева) // Соч. М.; Л., 1925. Т. X.

Плеханов Г. В. П. Я. Чаадаев (рец. на кн. М. Гершензона «П. Я. Чаадаев», 1908) // Соч. М.; Л., 1926. Т. XXIII.

Плехов В. П. Книга о П. Я. Чаадаеве // Науч. докл. высш. школы. Философские науки. 1963. № 1.

Познанский В. В. Очерк формирования русской национальной культуры. Первая половина XIX века. М., 1975.

Полонский Я. П. Студенческие воспоминания // Приложение к «Ниве». 1898. Кн. XII.

Полонский Я. Книгохранилище русских иезуитов // Временник общества друзей русской книги. Париж, 1928. Вып. 2.

Полонский Я. Архив кн. Гагарина в Париже // Последние новости. 1929. 14 ноября; 1931. 21 мая.

Попова Е. И. Из московской жизни сороковых годов. Дневник Е. И. Поповой (1847–1852). СПб., 1911.

Похвиснев М. Н. Дневник // РА. 1911. № 2.

Пугачев В. В. Пушкин и Чаадаев // Искусство слова. М., 1973.

Пузанов Н. П. Я. Чаадаев и его миросозерцание. Киев, 1906.

Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 гг. М.; Л., 1960.

А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. 1–2.

[*Пушкин А. С.*] Переписка А. С. Пушкина. М., 1982. Т. 1–2.

Пыпин А. Н. Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов. Исторические очерки // ВЕ. 1871. № 9–10.

Пыпин А. Н. Проявление скептицизма Чаадаева // Там же. № 12.

Раков Ю. У Демута // Белые ночи. Очерки, зарисовки, документы, воспоминания. Л., 1971.

Рачинский В. И. О беспорядках 1820 г. в л.-гв. Семеновском полку // Щукинский сборник. М., 1902. Сб. I.

Рашковский Е. Б. К публикации письма П. Я. Чаадаева // Народы Азии и Африки. 1986. № 5.

Рашковский Е. Б., Хорос В. Г. Проблема «Запад–Россия–Восток» в философском наследии П. Я. Чаадаева // Восток–Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. [Вып. 3].

Ремизова Н. Г. К вопросу о политических взглядах Чаадаева во второй четверти XIX века // Уч. зап. Саратовского юридического ин-та. Вып. 18. 1969.

Рожков П. А. Тридцатые годы // Мир. 1916. № 12.

Розанов В. В. Открытое письмо г. Алексею Веселовскому // Русское Обозрение. 1895. № 12.

Розанов В. В. Чаадаев и кн. Одоевский // Новое время. 1913. 10 апреля. № 13919.

Ростопчина Е. П. Талисман. М., 1987.

Рудаков В. К биографии П. Я. Чаадаева // ИВ. 1907. Ноябрь.

Рудаков Л. И. Проблема времени в философии истории Чаадаева // Философские аспекты проблемы времени. Л., 1980.

Русские мемуары. Избранные страницы. 1800–1825 гг. М., 1989.

Сазонович А. Из записок декабриста М. И. Муравьева-Апостола // Голос минувшего. 1914. № 1.

Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. М., 1913. Т. 1.

Сакулин П. Н. Русская литература и социализм. Ранний русский социализм. Госиздат, 1922.

Самарин Ю. Ф. Сочинения. М., 1911. Т. 12.

Сандомирская В. Б. Чаадаев // Лермонтовская энциклопедия. М., 1981.

Сапов В. В. Социология П. Я. Чаадаева и ее проблематика // Философская думка. 1987. № 2.

Свербеев Д. Н. Воспоминания о Герцене // РА. 1870. № 8.

Свербеев Д. Н. Воспоминания о П. Я. Чаадаеве // Записки Д. Н. Свербеева. М., 1899. Т. 2.

Свиясов Е. В. Письмо Дениса Давыдова к П. А. Вяземскому // Русская литература. 1980. № 2.

Селезнев Ю. Чаадаев // Краткая литературная энциклопедия. М., 1975. Т. 8.

Семевский В. И. Из истории общественных течений в России в конце XVIII и первой половине XIX века // Историческое обозрение. 1904. № 9.

Семеновская история (1821) // Полярная звезда на 1857 г. Кн. 3. Лондон; М., 1966.

Семеновское дело (Публикация А. Яковлева) // Декабристы. Сб. материалов. Л., 1926.

Скабичевский А. М. Очерки умственного развития нашего общества 1825–1860. СПб., 1898.

Скаковский И. Т. Пушкин и Чаадаев (К вопросу о датировке и

трактовке послания Пушкина к Чаадаеву) // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1978. Т. VIII.

Смирнова А. О. Записки. СПб., 1897. Ч. II.

Смирнова З. В. П. Я. Чаадаев и русская общественная мысль первой половины XIX века // Вопр. философии. 1968. № 1.

Снегирев И. М. Дневник. М., 1904–1905. Т. 1–2.

Собиратели книг в России. М., 1988.

Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом // Писатель-подпольщик. Paris, 1975.

Соловьев Е. А. В раздумьи. Очерки и рассказы из жизни русской интеллигенции. СПб., 1893.

Соловьев С. М. Записки. Пг., б/г.

Соловьева В. Чаадаев и его «Философические письма» // Под знаменем марксизма. 1938. № 1.

Спекторский Е. В. К характеристике Чаадаева // Сб. русского ин-та в Праге. Прага, 1929.

Станкевич Н. В. Переписка. М., 1914.

Стасов В. В. П. Я. Чаадаев (биографический очерк) // РС. 1908. № 1–2.

Степанов Н. Н. Герцен и Чаадаев // Общественная мысль в России XIX в. Труды Ин-та истории СССР. Вып. 16. М., 1986.

Страхов Н. Н. Литературная критика. М., 1984.

Струве П. Б. Размышления о русской революции. София, 1921.

Струве П. Константин Леонтьев // Возрождение. 1926. 30 мая.

Суворов Л. Н. Дворянские просветители 30-х гг. XIX в. (Чаадаев, Станкевич, Грановский) и их роль в развитии философской и общественно-политической мысли в России // Московский университет и развитие философской и общественно-политической мысли в России. М., 1957.

Султан-Шах М. А. Якушкина – автор письма к Чаадаеву // Русская литература. 1959. № 3.

Тарасов Б. Н. Молодой Чаадаев: книги и учителя // Альманах библиофила. М., 1985. Вып. 18.

Тарасов Б. Н. В мире человека. М., 1986.

Тарасов Б. «Преподаватель с подвижной кафедры». Новое и забытое о П. Я. Чаадаеве и его современниках // Литературная учеба. 1988. № 2.

Тарасов Б. Революционное оскопление, или В мире идеологических зеркал // Литературная газета. 1990. № 48. 28 ноября.

Темпест Р. Письма П. Я. Чаадаева // Вопр. философии. 1983. № 12.

Темпест Р. О сочинении П. Я. Чаадаева «Два письма к княгине Д.» // Символ. 1988. Т. 20.

Теребенина Р. Е. Записки о Пушкине, Гоголе, Глинке, Лермонтове и других писателях в дневнике П. Д. Дурново // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1978. Т. VIII.

Томашевский Б. Пушкин. М.; Л., б/г. Т. 7.

Торопыгин П. Г. П. Я. Чаадаев и И. И. Ястребцов // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 748. Тарту, 1987.

Трубецкой Е. Н. Миросозерцание Вл. С. Соловьева. М., б/г. Т. 1.

[*Тургенев А. И.*] Из парижских писем А. И. Тургенева // РА. 1896. № 1.

[*Тургенев А. И.*] Письма А. Тургенева Булгаковым. М., 1939.

Тургенев А. И. Хроника Русского. Дневники (1825–1826). М.; Л., 1964.

Тургенев А. Политическая проза. М., 1989.

Тургенев И. С. Переписка с Я. П. Полонским // Звенья. М., 1950. Т. VIII.

[*Тургенев Н. И.*] Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. Н. Тургеневу. М.; Л., 1936.

Тынянов Ю. Н. Сюжет «Горя от ума» // ЛН. М., 1946. Т. 47–48.

[*Тютчев Ф. И.*] Письма Ф. И. Тютчева к его второй жене, урожд. баронессе Пфеффель (1840–1853) // Старина и новизна. СПб., 1914. Кн. 18.

Тютчев Ф. И. Сочинения. М., 1980. Т. 2.

Ульянов Н. И. «Басманный философ» (мысли о Чаадаеве) // Вопр. философии. 1990. № 8.

Усакина Т. И. Памфлет М. Н. Загоскина на П. Я. Чаадаева и М. Ф. Орлова // Декабристы в Москве. М., 1963. Вып. VIII.

Федоров В. А. Материалы о волнении в л.-гв. Семеновском полку 1820 г. // Освободительное движение в России. Межвузовский научн. сб. Саратов, 1977. Вып. 16.

Феоктистов Е. М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы 1848–1896. Л., 1929.

Филиппов Л. А. Религиозная утопия П. Я. Чаадаева и современные теологи // Вопр. истории. 1961. № 6.

Филиппов Л. А. Религиозная система П. Я. Чаадаева и опыт ее истолкования (История. Современность). Автореф. канд. дисс. М., 1969.

Филиппов Л. Чаадаев подлинный и мнимый // Вопр. литературы. 1974. № 10.

Филиппов М. М. Неумирающие темы. (Одесса,) 1913.

Фих Б. М. П. Я. Чаадаев в Бресте // История СССР. 1958. № 1.

Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Иркутск, 1979–1982. Т. 1–2.

Формозов А. А. Пушкин, Чаадаев и Гульянов // Вопр. истории, 1966. № 8.

Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1900. Т. 8.

Хомяков А. С. Несколько слов о Философическом письме (напечатанном в 15-й книжке «Телескопа») (Письма к г-же Н.) (Публикация Р. Темпеста) // Символ. 1986. Т. 16.

Хомяков А. С. О старом и новом. М., 1988.

Хорос В. Г. Из неопубликованного наследия П. Я. Чаадаева // Вопр. философии. 1983. № 12.

Цимбаев Н. И. Славянофильство (Из истории русской общественно-политической мысли XIX в.). М., 1986.

Цуриков А. С. Заметка о П. Я. Чаадаеве // Весть. 1865. № 2.

Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962.

Частное письмо из Петербурга в Тульчин о Семеновском возмущении 1820 г. // РА. 1868. № 11.

Чачановский М. Поэт сурового негодования: К 100-летию со дня смерти П. Я. Чаадаева // Литературная газета. 1956. № 50. 26 апреля.

Чемерисская М. И. Письмо П. Я. Чаадаева об Индийской философии // Народы Азии и Африки. 1986. № 5.

Чемерисская М. И. П. Я. Чаадаев и А. И. Герцен // Общественное движение в России XIX века. Сб. статей. М., 1986.

Черепанов Л. Соотношение истины и нравственности в «Философических письмах» Чаадаева // Актуальные проблемы истории философии народов СССР. М., 1977. Вып. 4.

Чернов С. Н. Отчет о командировке в Москву летом 1924 г. Саратов, 1925.

Чернов С. Н. Четыре письма неизвестного к декабристу И. Д. Якушкину. Саратов, 1927.

Чернов С. Н. Из ранних писаний И. Д. Якушкина // Очерки из истории движения декабристов. Сб. статей. М., 1954.

Чернышевский Н. Г. Апология сумасшедшего // Полн. собр. соч. М., 1950. Т. VII.

Чистяков В. К биографии П. Я. Чаадаева (По неизданным материалам) // РС. 1907. № 8.

[*Чичерин А. В.*] Дневник А. Чичерина. (1812–1813). М., 1966.

Чичерин Б. Н. Воспоминания. Москва сороковых годов. М., 1927.

Шальнов Ю. П. Я. Чаадаев: К 100-летию со дня смерти // Советский воин. 1956. № 18.

Шаховской Д. И. Якушкин и Чаадаев (По новым материалам) // Декабристы и их время. [Т. 2]. М., 1932.

Шаховской Д. И. П. Я. Чаадаев на пути в Россию в 1826 г. // ЛН. 1935. Т. 19–21.

Шаховской Д. И. Чаадаев – автор «Философических писем» // Там же. Т. 22–24.

Шаховской Д. И. Неизданный проект прокламации П. Я. Чаадаева 1848 г. // Там же.

Шаховской Д. И. Чаадаев // Энциклопедический словарь Гранат. Т. 45. Ч. III.

Шенрок В. И. Из писем Н. М. Языкова к А. М. Языкову // РС. 1903. № 3.

Шереметева О. Г. Надписи и отметки на книгах библиотеки Чаадаева // Каталог библиотеки П. Я. Чаадаева. М., 1980.

Шитов А. Чаадаев и крепостное право // Сб. научных и студенческих кружков. М., 1938. Вып. III (История и экономическая география).

Шкуринов П. С. Генрих Фальк в роли историка русской философии // Вопр. философии. 1958. № 6.

Шкуринов П. С. Мировоззрение П. Я. Чаадаева. М., 1958.

Шкуринов П. С. П. Я. Чаадаев. Жизнь, деятельность, мировоззрение. М., 1960.

Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989.

Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854–1886). М.: Л., 1934.

Штейнберг А. Кому адресованы письма Чаадаева? // Литературная газета. 1965. 18 мая.

Штейнберг А. А. Пушкин и Е. Д. Панова // Временник Пушкинской комиссии 1965. Л., 1968. [Вып. 4].

Штрайх С. Я. Первый друг Пушкина. М., 1930.

Шур Л. И. С. Гагарин – издатель «Философических писем» П. Я. Чаадаева // Символ. 1983. Т. 9.

Щебальский П. К. Главы из истории нашей литературы // РВ. 1884. № 11–12; 1885. № 2.

Эйдельман Н. Я. Пушкин и Чаадаев (последнее письмо) // Россия / Russia. 1988. № 6.

Эльзон М. Д. Кем переведено «Философическое письмо» (К истории закрытия «Телескопа») // Русская литература. 1982. № 1.

Энгельгардт С. В. Из воспоминаний // РВ. 1887. № 10; Русское обозрение. 1890. Т. 6. Ноябрь.

Языков Н. М. Свободомыслящая лира. М., 1988.

Якобсон. Выдающийся мыслитель и публицист // Советская культура. 1956. № 50. 26 апреля.

Яковенко Б. В. Очерки русской философии. Берлин, 1922.

Яковенко Б. В. Мощь философии // Logos. 1925. № 1.

Якушкин В. Чаадаев // Русские ведомости. 1906. № 100.

Якушкин И. Д. Записки, статьи и письма. М., 1951.

Якушкина А. В. Дневник // Новый мир. 1964. № 12.

СОДЕРЖАНИЕ

ПИСЬМА

1807—1816

1. Щербатову И. Д. 1807 6
2. Щербатову И. Д. 7.XII.1811 6
3—8. Облеухову Д. А. 1812—1816 7

1820

9. Чаадаеву М. Я. 14.I 8
10. Чаадаеву М. Я. 9.II 9
11. Чаадаеву М. Я. 25.III 10
12. Чаадаеву М. Я. 7.VI 12
13. Тургеневу А. И. 13

1821

14. Щербатовой А. М. 2.I 14
15. Чаадаеву М. Я. 19.VI 15
16. Щербатову И. Д. 17
17. Щербатову И. Д. 18—19.IX 18

1823

18. Чаадаеву М. Я. 2.VII 18
19. Чаадаеву М. Я. 5.VII 19
20. Чаадаеву М. Я. 19/31.VII 20
21. Чаадаеву М. Я. 1/12.IX 23
22. Чаадаеву М. Я. 20.XI 27

1824

23. Чаадаеву М. Я. 1.I/22.XII 29
24. Чаадаеву М. Я. 15/3.II 31
25. Чаадаеву М. Я. 1.IV 33
26. Чаадаеву М. Я. 1/12.IV 39
27. Чаадаеву М. Я. 26/14.V 40
28. Чаадаеву М. Я. 22.VII 41
29. Чаадаеву М. Я. 1.VIII 44
30. Чаадаеву М. Я. 7.VIII 45
31. Чаадаеву М. Я. 8.XI 46
32. Чаадаеву М. Я. 30.XI 47
33. Чаадаеву М. Я. 30.XII 49

1825

34. Якушину И. Д. 8.I 50
35. Тургеневу Н. И. 6.II 52
36. Чаадаеву М. Я. 19/7.III 52
37. Чаадаеву М. Я. 25.V 53
38. Чаадаеву М. Я. 28/16.VIII 54
39. Чаадаеву М. Я. 6.IX 56
40. Чаадаеву М. Я. 26.IX 57

1826

41. Чаадаеву М. Я. 1.I 59
42. Чаадаеву М. Я. 25.IV 60
43. Чаадаеву М. Я. 15/3.V 61
44. Чаадаеву М. Я. 25.V 61
45. Тургеневу Н. И. 6.VI 62
46. Тургеневу Н. И. 15.VI 62
47. Тургеневу Н. И. 17.VI 63
48. Чаадаеву М. Я. 1.VIII 64

1827

49. Жихареву С. П. III 64
50. Жихареву С. П. 65

1829

51. Пушкину А. С. III—IV 66

1831

52. Пушкину А. С. 17.VI 67
53. Пушкину А. С. 17.VII 68
54. Пушкину А. С. 18.IX 69
55. Чаадаеву М. Я. X 73

1832

56. Гульянову И. А. 74
57. Гульянову И. А. III—VI 74
58. Киреевскому И. В. 74
59. Шеллингу Ф. В. Й. 75

1833

60. Тургеневу А. И. 20.IV 78
61. Бенкендорфу А. Х. 1.VI 80
62. Николаю I 15.VII 82
63. Бенкендорфу А. Х. 15.VII 84
64. Бенкендорфу А. Х. 16.VIII 85
65. Бенкендорфу А. Х. IX 86
66. Вяземскому П. А. 30.X 87
67. Чаадаеву М.Я. 30.XI 87
68. Чаадаеву М. Я. 2.XII 88

1834

69. Вяземскому П. А. 9.III 88

1835

70. Тургеневу А. И. 1.V 90
71. Тургеневу А. И. 93
72. Тургеневу А. И. X—XI 94
73. Луи Филиппу 101

1836

74. Экштейну Ф. д' 15.IV 102
75. Якушкину И. Д. 2.V 105
76. Пушкину А. С. V 107
77. Тургеневу А. И. 25.V 107
78. Мещерской С. С. 15.X 108

79. Бравуре М. X 109
80. К самому себе от имени М. Ф. Орлова X 110
81. Брянчанинову Н. П. 30.X 111
82. Тургеневу А. И. 112
83. Строганову С. Г. 8.XI 112
84. Тургеневу А. И. XI 114
85. Тургеневу А. И. XI 114
86. Тургеневу А. И. XI 115
87. Тургеневу А. И. XII—I 115

1837

88. Цынскому Л. М. 7.I 117
89. Чаадаеву М. Я. II 118
90. Пушкину С. Л. II 120
91. Якушкину И. Д. 19.X 121
92. Свербеевой Е. А. X—XI 124
93. Орлову М. Ф. 124

1838

94. Якушкину И. Д. (?) 30.X 126
95. Тургеневу А. И. 131

1839

96. Мещерской С. С. 27.V 134
97. Жуковскому В. А. 5.VI 137
98. Шаховской Н. Д. 138

1840

99. Гагарину И. С. 1.X 138

1841

100. Шевыреву С. П. 22.IX 139
101. Тургеневу А. И. 140
102. Мещерской С. С. XII 140

1842

103. Шеллингу Ф. В. Й. 20.V 144
103а. Шеллингу Ф. В. Й. 15.IV 146
104. Свербеевой Е. А. 10.VII 149

105. Гагарину И. С. VII 151
106. Шевыреву С. П. 20.VII 152
107. Вяземскому П. А. 2.X 152
108. Тургеневу А. И. 31.XII 153
108А. Жихареву М. И. 153

1843

109. Шевыреву С. П. 154
110. Тургеневу А. И. 154
111. Булгакову А. Я. 154
112. Булгакову А. Я. 155
113. Свербеевой Е. А. 29.X 155
114. Неизвестной 156
115. Тургеневу А. И. VIII—XI 156
116. Тургеневу А. И. 1.XI 165

1844

117. Хомякову А. С. 167
118. Тургеневу А. И. VI 168
119. Свербеевой Е. А. 171
120. Свербеевой Е. А. 171
121. Свербеевой Е. А. 172
121А. Сиркур А. С. 172
122. Шевыреву С. П. 173

1845

123. Сиркуру А. де 15.I 173
124. Тургеневу А. И. 15.II 178
125. Ростопчиной Е. П. 17.II 179
126. Свербеевой Е. А. III 180
127. Киреевскому И. В. V 180
128. Тургеневу А. И. 180
129. Свербеевой Е. А. XII 180

1846

130. Свербеевой Е. А. III 181
131. Вяземскому П. А. 25.IV 182
132. Сиркуру А. де 26.IV 183

133. Сиркуру А. де. 15.VI 186
134. Волконской С. Г. 1.XI 193
135. Самарину Ю. Ф. 15.XI 195
136. Аксакову К. С. 198
137. Аксакову К. С. 198
138. Герцену А. И. 1842—46 198

1847

139. Вяземскому П. А. 29.IV—10.V 198
140. Тютчеву Ф. И. 10.V 204
141. Погодину М. П. X 206
142. Полторацкому С. Д. 30.X 207
143. Аксакову К. С. 207
143А. Жихареву М. И. 208
144. Погодину М. П. 208
145. Погодину М. П. 208
146. Погодину М. П. 208
147. Погодину М. П. 209
148. Погодину М. П. 209

1848

149. Булгакову А. Я. 209
150. Полторацкому С. Д. 3.V 209
151. Тютчеву Ф. И. VII 212
152. Шевыреву С. П. VII 214
152А. Жихареву М. И. 7.VIII 215
153. Чаадаеву М. Я. 18.VIII 217

1849

154. Чаадаеву М. Я. 20.IV—1.VII 218
154А. Жихареву М. И. 222
155. Чаадаеву М. Я. 8.IX 223
156. Хомякову А. С. 26.IX 224
157. Киреевской Н. П. 226
158. Погодину М. П. 226
159. Свербееву Д. Н. 226
160. Шевыреву С. П. 227
161. Эвансу Ф. Я. 228

1850

162. Чаадаеву М. Я. 5.I 228
163. Одоевскому В. Ф. 5.I 231
164. Вигелю Ф. Ф. I 232
165. Венцелю А. Е. 25.I 232
166. Полторацкому С. Д. II 234
167. Полторацкому С. Д. 16.VIII 234
168. Сушкову Н. В. 235
169. Сушкову Н. В. 236
170. Гедеонову А. М. 22.IX 236
171. Долгоруковой Е. А. 22.I/2.III 236
172. Долгоруковой Е. А. 6.X 241
173. Дмитриеву М. А. 29.X 246
174. Булгакову А. Я. 247
175. Закревскому А. А. 248
176. Погодину М. П. 249
177. Полторацкому С. Д. 249

1851

178. Чаадаеву М. Я. 9.III 250
179. Жуковскому В. А. 27.V 252
180. Орлову А. Ф. VI—VII 255
181. Герцену А. И. 26.VII 255
181А. Жихареву М. И. 256
182. Полторацкому С. Д. X 256
183. Булгакову А. Я. 257
184. Булгакову А. Я. 257
184А. Жихареву М. И. 257
185. Свербеевой Е. А. 258

1852

186. Кузине III 258
187. Чаадаеву М. Я. 29.IV 259
188. Полторацкому С. Д. 5.VIII 261
189. Чаадаеву М. Я. 15.X 262
190. Чаадаеву М. Я. 20.X 263
191. Булгакову А. Я. 264

191А. Жихареву М. И. 264
192. Погодину М. П. 264

1853

193. Прянишникову Ф. И. 10.I 265
194. Булгакову А. Я. 25.VI 266
195. Булгакову А. Я. 266
196. Вигелю Ф. Ф. 267

1854

197. Сиркуру А. де. 15.I 267
198. Шаховской Н. Д. 271
199. Шаховской Н. Д. 272
200. Булгакову А. Я. VI 272
201. Шевыреву С. П. X 272
202. Погодину М. П. 274
203. Полторацкому С. Д. 274

1855

204. Булгакову А. Я. 15.V 275
205. Булгакову А. Я. IX 275
206. Булгакову А. Я. 275
207. Булгакову А. Я. 276
208. Булгакову А. Я. 276
208А. Жихареву М. И. 277
208Б. Жихареву М. И. 277

1856

209. Орловой Е. Н. 277
210. Закревскому А. А. 278

Неизвестных лет

211. Плещееву А. П. 278
212. Жихареву М. И. 3.XI 279
213. Жихареву М. И. 282
214. Жихареву М. И. 282
Комментарии и примечания 283

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

ПИСЬМА РАЗНЫХ ЛИЦ К ЧААДАЕВУ:

I. Тургенев Н. И. 27.III.1820 413
II. Бестужев-Рюмин М. П. 19.II.1821 . . 414
III. Александер У. 22.VIII.1823 416
IV. Александер У. 13.IX.1823 417
V. Тургенев Н. И. 14/26.II.1825 418
VI. Якушкин И. Д. 4.III.1825 419
VII. Тургенев Н. И. 12/24.IV.1825 423
VIII. Тургенев Н. И. 15/27.IV.1825 425
IX. Тургенев Н. И. 15/27.XI.1825 426
X. Тургенев Н. И. 20.XI/2.XII.1825 428
XI. Тургенев С. И. 7.VIII.1826 431
XII. Якушкина А. В. Не ранее 1826 432
XIII. Облеухов Д. А. 12.II.1827 433
XIV. Облеухов Д. А. 18.III.1827 433
XV. Облеухов Д. А. 15.VI.1827 434
XVI. Облеухов Д. А. 8.VIII.1827 435
XVII. Облеухов Д. А. Не позднее 1827 . . 436
XVIII. Панова Е. Д. 1828 436
XIX. Панова Е. Д. Не позднее 1829 437
XX. Норова А. С. 1828—1832 439
XXI. Мудров М. Я. 24.I.1830 442
XXII. Чаадаев М. Я. 12.X.1830 443
XXIII. Чаадаев М. Я. 14.X.1830 444
XXIV. Чаадаев М. Я. 19.X.1830 445
XXV. Чаадаев М. Я. 25.X.1830 446
XXVI. Пушкин А. С. 1831 447
XXVII. Пушкин А. С. 6.VII.1831 447
XXVIII. Бенкендорф А. X. VII.1833 449
XXIX. Шеллинг Ф. В. Й. 21.IX.1833 450
XXX. Вяземский П. А. 2.XII.1833 451
XXXI. Чаадаев М. Я. 7.II.1834 453
XXXII. Чаадаев М. Я. 12.XI.1835 453
XXXIII. Левашова Е. Г. 1835(?) 454
XXXIV. Панова Е. Д. 8.III.1836 455

XXXV. Панова Е. Д. 1836(?) 455
XXXVI. Пушкин А. С. 19.X.1836 460
XXXVIA. Пушкин А. С. 19.X.1836 (черновик) 464
XXXVII. Неизвестная. Замечания на письмо Чаадаева 1836 466
XXXVIII. Чаадаев М. Я. 26.I.1837 474
XXXIX. Экштейн Ф. д' 12.X.1837 475
XL. Погодин М. П. 20.VIII.1840 476
XLI. Чаадаев М. Я. 22.XII.1840 477
XLII. Глинка А. П. 1840 479
XLIII. Мещерская С. И. 1.III.1843 480
XLIV. Шевырев С. П. 21.XI.1844 482
XLV. Сиркур А. С. 1844 482
XLVI. Мещерская С. И. 30.III.1845 483
XLVII. Сиркур А. де. 21.IV.1845 484
XLVIII. Сиркур А. де. 5.II.1846 489
XLIX. Хомяков А. С. 1846 490
L. Самарин Ю. Ф. 5.XII. 1846 491
LI. Вяземский П. А. 6.I.1847 492
LII. Тютчев Ф. И. 13.IV.1847 493
LIII. Дмитриев М. А. 30.VIII.1847 495
LIV. Погодин М. П. 22.X.1847 497
LV. Погодин М. П. 3.XI.1847 493
LVI. Вяземский П. А. 11.II.1848 498
LVII. Полторацкий С. Д. 29.IV/11.V.1848 . . 500
LVIII. Львов В. В. 12.VII.1848 501
LIX. Чаадаев М. Я. 18.VII.1848 505
LX. Вигель Ф. Ф. 30.XI.1849 506
LXI. Прянишников Ф. И. 4.II.1850 507
LXII. Дмитриев М. А. 25.IV.1850 508
LXIII. Неизвестный 1850 509
LXIV. Тютчев Ф. И. 14.VII.1851 513
LXV. Свербеев Н. Д. 4.VIII.1851 513
LXVI. Глинка Ф. Н. 6.III.1852 515
LXVII. Шевырев С. П. 28.III.1852 516
LXVIII. Чаадаев М. Я. 5.IV.1852 516
LXIX. Шевырев С. П. 2.V.1852 518
LXX. Безобразов Г. М. 15.VIII.1853 519

LXXI. Шевырев С. П. 17.X.1854 519
LXXII. Киреевский И. В. 1854 520
LXXIII. Булгаков А. Я. 1854—1855 521
LXXIV. Закревский А. А. 14.III.1856 522
LXXV. Закревский А. А. 25.III.1856 522
LXXVI. Неизвестная. б/д 523

II.
ДОКУМЕНТЫ
ИЗ АРХИВОВ III ОТДЕЛЕНИЯ И С. С. УВАРОВА, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ДЕЛУ О ПУБЛИКАЦИИ ФПI В «ТЕЛЕСКОПЕ» 524

Ф. Голубинский А. П. Елагиной 1.II.1833 . . 526
А. Х. Бенкендорф С. С. Уварову 19 или 20.X.1836 528
А. Х. Бенкендорф С. С. Уварову после 20.X.1836 528
С. С. Уваров Николаю I 20.X.1836 528
А. И. Чернышев С. С. Уварову 24.X.1836 530
С. С. Уваров С. Г. Строганову 27.X.1836 531
Два донесения Московского осведомителя Кашинцова 533
Общие замечания 535

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНЗУРНОГО КОМИТЕТА О НЕДОПУЩЕНИИ К ПЕЧАТИ ДВУХ СТАТЕЙ ЧААДАЕВА 31.1.1833 536
П. Я. ЧААДАЕВ И И. М. ЯСТРЕБЦОВ 538
ЗАГОСКИН М. Н. СТАТЬЯ БЕЗ ЗАГЛАВИЯ, НАПРАВЛЕННАЯ ПРОТИВ «ФИЛОСОФИЧЕСКИХ ПИСЕМ» ЧААДАЕВА. 1836 544
МАРКИЗ де КЮСТИН. РОССИЯ В 1839 ГОДУ (ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА XXXVI) 546
МИШЛЕ Ж. ПОЛЬША И РОССИЯ. ЛЕГЕНДА О КОСТЮШКО 549
САЗОНОВ Н. МЕСТО РОССИИ НА ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКЕ 550
Указатель имен 553
ЛИТЕРАТУРА О П. Я. ЧААДАЕВЕ 647

П. Я. ЧААДАЕВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
И ИЗБРАННЫЕ ПИСЬМА

Том 2

Утверждено к печати
Институтом философии АН СССР

Редактор издательства Е. А. Жукова
Художественный редактор М. Л. Храмцов
Технический редактор З. Б. Павлюк
Корректоры Н. П. Гаврикова, Л. А. Лебедева,
Л. В. Щеголев

ИБ № 46127

Сдано в набор 13.02.90
Подписано к печати 19.09.90
Формат 84×108[1]/32
Бумага типографская № 2
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 35,7. Усл. кр. отт. 35,7. Уч.-изд. л. 42,1.
Тираж 58.000 экз. Тип. зак. 4403
Цена 10 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

ЧААДАЕВ
(с портрета маслом неизвестного художника)

Зак. № 4403

Е. А. СВЕРБЕЕВА

С. П. ШЕВЫРЕВ

И. Д. ЯКУШКИН

М. Ф. ОРЛОВ

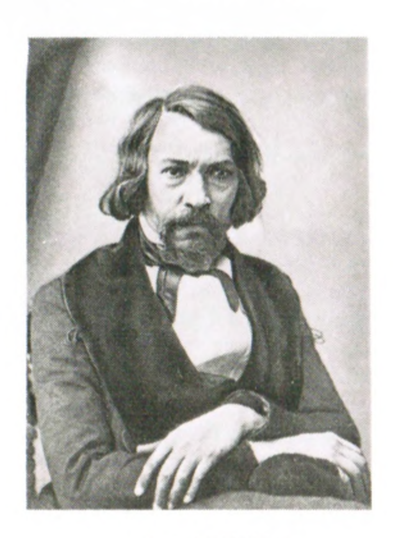
А. И. ТУРГЕНЕВ

Н. И. ТУРГЕНЕВ

С. И. ТУРГЕНЕВ

А. С. ХОМЯКОВ

Выписка изъ письма неизвѣстнаго къ неизвѣстной. 1854

Non, mille fois non, ce n'est point ainsi que nous aimions notre pays dans notre jeunesse. Nous voulions son bien-être, nous lui désirions de bonnes institutions, nous allions même parfois jusqu'à lui souhaiter un peu plus de liberté si faire se pouvoit; nous le savions grand et puissant, plein d'avenir; mais nous ne pensions pas, ni qu'il fut le pays du monde le plus puissant, ni le plus fortuné. Nous étions loin de nous imaginer que la Russie représentât je ne sais plus quel principe abstrait, renfermant la solution définitive du problème social, qu'elle constituât à elle seule tout un monde à part, héritier direct et légitime du glorieux Empire d'orient, ainsi que de ses titres et vertus; qu'elle eut pour mission spéciale d'absorber dans son sein tous les peuples slaves et d'opérer par ce moyen la régénération du genre-humain; nous ne pensions pas surtout que l'Europe fut sur le point de retomber dans la barbarie et que nous fussions chargés de sauver la civilisation avec les quelques lambeaux de cette même civilisation qui avoient servi naguère à nous tirer de notre antique torpeur. Nous traitions l'Europe avec civilité, voire même avec respect, car nous savions qu'elle nous avoit enseigné beaucoup de choses, et entre autres notre propre histoire. Lorsqu'il nous arrivoit par hasard d'en triompher, comme Pierre-le-grand, nous disions, c'est à vous Messieurs que nous le devons. Voilà comment un beau jour nous arrivâmes à Paris et qu'on nous y fit l'accueil que vous savez, oubliant pour un moment que nous n'étions au fond que de jeunes parvenus et que nous n'avions rien versé encore dans la caisse commune des nations, pas même un pauvre petit système solaire, comme les Polonois nos sujets, pas même quelque misérable algèbre, comme ces Arabes infidèles, dont nous combattons aujourd'hui la religion absurde et barbare. On nous

«Клинописный» почерк Чаадаева

ЧААДАЕВ
(рис. А. С. Пушкина)

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

Е. П. РОСТОПЧИНА

А. С. ПУШКИН

А. ДЕ СИРКУР

Ф. В. Й. ШЕЛЛИНГ

Ф. Д'ЭКШТЕЙН
(рис. А. Э. Фрагонара)

А. Х. БЕНКЕНДОРФ

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ

С. С. УВАРОВ

0 3 ар.

0 1 2 саж.

Чертеж фасада флигеля городской усадьбы Левашовых, в котором Чаадаев жил с 1833 г. (МГИНТА, Басманная часть, д. 326)

Могила Чаадаева в Донском монастыре

Мемориальная доска на ул. Чаадаева в г. Горьком